

Відлуння Великого Терору

Збірник документів у трьох томах

Том перший

Партійні збори та оперативні наради
співробітників управлінь НКВС УРСР
(листопад 1938 – листопад 1939 рр.)

Національна академія наук України
Інститут історії України
Торонтський університет
Галузевий державний архів Служби безпеки України

Відлуння Великого терору

Збірник документів у трьох томах

Том перший

**Партійні збори та оперативні наради
співробітників управлінь НКВС УРСР
(листопад 1938 – листопад 1939 рр.)**

Київ
Видавець Захаренко В. О.
2017

УДК 323.2(477)"1938/1939"
В42

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола,
Ольга Довбня, Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Сергій Кокін, Марія Панова,
Роман Подкур, Джеффри Россман, Андрій Савін, Олексій Тепляков, Марк Юнге

Автори-укладачі:

Валерій Васильєв, Лінн Віола, Роман Подкур

У першому томі збірника документів публікуються тексти протоколів і стенограм партійних зборів і оперативних нарад співробітників НКВС УРСР та його обласних управлінь, які відбулися після припинення Великого терору, протягом листопада 1938 — листопада 1939 рр. Оприлюднені матеріали свідчать про реакцію чекістів на постанову РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства», відносини між регіональними партійними комітетами та місцевими апаратами органів держбезпеки після Великого терору.

Відлуння Великого терору.

В42 Відлуння Великого терору. Збірник документів у трьох томах.
— Т. 1. Партійні збори та оперативні наради співробітників управлінь НКВС УРСР (листопад 1938 — листопад 1939 рр.) / Автори-укладачі: Валерій Васильєв, Лінн Віола, Роман Подкур. — К.: Видавець В. Захаренко, 2017. — 744 с.

ISBN 978-966-2258-11-0

УДК 323.2(477)"1938/1939"

© Автори-укладачі: Валерій Васильєв,
Лінн Віола, Роман Подкур, 2017

© Видавець Захаренко В. О., 2017

ISBN 978-966-2258-11-0

ЗМІСТ

Віола Л. Парти́йні збори та оперативні наради співробітників НКВС УРСР наприкінці Великого терору: короткий вступ	5
Васильєв В., Подкур Р. Особливості публікації документальної серії «Відлуння Великого терору»	11

УНКВС по Вінницькій області

№ 1. Із протоколу оперативної наради співробітників УНКВС по Вінницькій області про опрацювання постанови РНК СРСР та політбюро ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 25 листопада 1938 р.	18
№ 2. Із протоколу оперативної наради співробітників міліції УНКВС по Вінницькій області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 27 листопада 1938 р.	24
№ 3. Із стенограми закритих зборів партійної організації УДБ УНКВС по Вінницькій області про помилки в оперативній роботі. 26 грудня 1938 р.	30

УНКВС по Ворошиловградській області

№ 4. Із протоколу оперативної наради співробітників УНКВС по Ворошиловградській області про обговорення постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 23 листопада 1938 р.	70
№ 5. Із протоколу партійних зборів співробітників УДБ УНКВС по Ворошиловградській області про перебудову оперативної роботи. 6 січня 1939 р.	80
№ 6. Із протоколу засідання закритих партійних зборів співробітників УНКВС по Ворошиловградській області про діяльність Г. Коркунова. 17 січня 1939 р.	101
№ 7. Із протоколу № 2 закритих зборів парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області про діяльність Г. Коркунова. 8 лютого 1939 р.	108

УНКВС по Дніпропетровській області

№ 8. Із протоколу закритих партзборів співробітників УДБ УНКВС по Дніпропетровській області про обговорення постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 9–10 січня 1939 р.	118
№ 9. Із протоколу засідання закритих партзборів співробітників УДБ УНКВС по Дніпропетровській області про ліквідацію наслідків «успенівщини». 31 січня — 2 лютого 1939 р.	145
№ 10. Із протоколу закритих партзборів співробітників Дніпродзержинського райвідділу НКВС УНКВС по Дніпропетровській області. 3–4 лютого 1939 р.	203

УНКВС по Житомирській області

№ 11. Із стенограми загальних закритих зборів партійного осередку УДБ УНКВС по Житомирській області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 16–23 грудня 1938 р.	230

УНКВС по Кам'янець-Подільській області

№ 12. Із протоколу оперативної наради УНКВС по Кам'янець-Подільській області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 22 листопада 1938 р.	334
№ 13. Із протоколу закритих партійних зборів співробітників УНКВС по Кам'янець-Подільській області про викриття «фашистської змови» в органах НКВС СРСР. 27 листопада 1938 р.	352

УНКВС по Київській області

№ 14. Із стенограми партійних зборів УДБ УНКВС по Київській області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 14–16 грудня 1938 р.	368

НКВС УРСР

№ 15. Із стенограми виступів членів партійного комітету НКВС УРСР про діяльність наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського. 10 грудня 1938 р.	501

НКВС Молдавської АРСР

№ 16. Із протоколу наради оперативних співробітників НКВС Молдавської АРСР і його районних відділень щодо постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 23 листопада 1938 р.	543
№ 17. Із протоколу партійних зборів співробітників УДБ НКВС Молдавської АРСР про виконання постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 15 листопада 1939 р.	558

УНКВС по Одеській області

№ 18. Із протоколу оперативної наради співробітників УДБ УНКВС по Одеській області, особливого відділу Одеської армійської групи, ОДТВ ГУДБ НКВС СРСР про постанову РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. 23 листопада 1938 р.	571

УНКВС по Полтавській області

№ 19. Із протоколу закритих партійних зборів УДБ УНКВС по Полтавській області про викривлення в агентурно-оперативній роботі. 2–6 січня 1939 р.	582

УНКВС по Харківській області

№ 20. Супровідний лист начальника УНКВС по Харківській області Г. Кобизєва заступнику наркома внутрішніх справ УРСР А. Кобулову про протоколи оперативних нарад відділів УДБ обласного УНКВС. 9 січня 1939 р.	633
№ 21. Протокол оперативної наради співробітників 8-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області про проведення агентурної роботи і «порушення соціалістичної законності» під час проведення масових операцій. 1 січня 1939 р.	634
№ 21. Протокол оперативної наради співробітників 3-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області про «порушення соціалістичної законності» під час проведення масових операцій. 2 січня 1939 р.	638
№ 22. Протокол оперативної наради 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області про зміни в агентурно-оперативній роботі. 2 січня 1939 р.	650
Іменний та біографічний покажчик.	654

Партійні збори та оперативні наради співробітників НКВС УРСР наприкінці Великого терору: короткий вступ

Із часу розпаду Радянського Союзу дослідники на пострадянському просторі та за межами колишнього СРСР, вивчаючи передісторію, механізми, соціальні та територіальні виміри Великого терору, прагнули зрозуміти його динаміку і масштаби. Серед найбільш спірних — питання про те, наскільки Й. Сталін контролював проведення репресій. Якщо одні дослідники стверджували, що терор був ретельно контрольованою масовою операцією, інші підкреслювали його місцеві особливості, конфлікти між центром і периферією, а також внесок суспільства¹. Хоча це питання, можливо, ніколи не отримає остаточної відповіді, ясно, принаймні, те, що коли в листопаді 1938 р. Сталін закликав покінчити з тим, що він назвав «недоліками»/«порушеннями» та «збоченнями» соціалістичної законності, машина терору зі скреготом зупинилася².

Відтоді Сталін різко змінив курс, спрямувавши терор проти самого НКВС, що за сенсом стало «чисткою чистильників» (*purge of the purgers*). Вищі чини НКВС були звинувачені в державній зраді, а вибіркові кадри нижчого рівня здебільшого в «порушенні соціалістичної законності». «Чистка чистильників» не була першою репресивною акцією проти НКВС у період Великого терору. І раніше хвилі арештів проходили в цьому відомстві, що призвело до усунення таких вищих керівників, як Г. Ягода, а в Україні — В. Балицький і І. Леплевський. Однак репресії в НКВС, запроваджені наприкінці Великого терору, вирізнялися тим, що співробітників нижчої ланки звинуватили не в контрреволюційних змовах і троцькізмі, а в порушенні реалізації політичного курсу, що нібито і стало причиною масових перегинів — звірств Великого терору.

Сталін володів справжньою майстерністю в пошуку цапів-відбувайлів у періоди радикальних поворотів політики. У березні 1930 р. він драматично, проте лише на короткий час, закликав зупинити кампанію суцільної колективізації, звинувативши низові партійні кадри і радянських сільських керівників у «запамороченні від успіхів», і в тих, за його словами, «перегинах», що допустили в ході запеклої кампанії насильства проти селян. У листопаді 1938 р. генеральний секретар ЦК ВКП(б) зробив щось дуже схоже, закликавши зупинити масові операції Великого терору та зваливши провину на цапів-відбувайлів у НКВС і низку інших офіційних

¹ Наприклад, див.: J. Arch Getty. "Excesses are not Permitted": Mass Terror and Stalinist Governance in the late 1930s // *Russian Review*. — 2002. — № 1. Vol. 61. — P. 113–138; Oleg Khlevniuk. Top Down vs. Bottom-up: Regarding the Potential of Contemporary "Revisionism" // *Cahiers du monde Russe*. — 2015. — № 4. Vol. 56. — P. 837–857; Хлевнюк Олег. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. — М.: РОССПЭН, 1996. — С. 207–208. Деталізоване обговорення цих дебатів див.: Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф. Вертикаль большого террора. — М.: Новый Хронограф, 2008.

² Див. постанову ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і ведення слідства» від 17 листопада 1938 р. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. — М.: МФД, 2004. — С. 607–611.

представників, які брали участь у проведенні репресивних кампаній³. Якщо у випадку з колективізацією головною об'єктом аудиторією, для якої й розігрувався пошук жертвних цапів, були переважно селяни, то події, що відбувалися наприкінці 1938 р. і надалі, не дуже зрозумілі. Хоча обережне висвітлення в радянській пресі кампанії подолання «по-рушень» містило звернення до суспільства, проте організовані суди над оперативниками НКВС трималися в секреті й були «закриті» для суспільства. Але вони були важливим посланням як для самого НКВС, так і для функціонерів Компартії⁴.

Ці суди дозволили Сталіну «приструнити» НКВС і оголосити партії, особливо щойно відновленим в її лавах членам та тим, хто постраждав від арешту і тюремного ув'язнення, що покладено край порушенням законності, в яких був винен не він, Сталін, а нарком внутрішніх справ М. Єжов та його люди в НКВС.

Мішенню для Сталіна в основному були начальники обласних управлінь НКВС та іноді керівники адміністративно-територіальних підрозділів НКВС з їх заступниками й начальниками відділів, відділків. В Україні багато хто з таких кадрів (проте далеко не всі) був частиною патрон-клієнтської мережі, якою опікувався О. Успенський. Це може свідчити про те, що Сталін вирішив підірвати впливові клієнтурні групи, сформовані всередині НКВС. Репресії, спрямовані проти співробітників НКВС обласного й районного рівнів, були лише горезвісною верхівкою «айсберга винних». Можна не сумніватися в тому, що заарештовані співробітники НКВС дійсно були винні, проте не лише вони були винні у скоєних злочинах. Як зізнався начальник УНКВС по Київській області О. Долгушев, коли йому були висунуті звинувачення: «Ми всі були винні»⁵.

А от що сталося з реальними жертвами, людьми, які постраждали від масових операцій? Деякі, особливо комуністи, були звільнені, але більшість — ні. Для багатьох було вже занадто пізно, тому що навіть Сталін не

³ Девід Шерер наводить конкретний приклад висловлювання начальника Пензенського обласного УНКВС, який спитав, чи не на часі для Сталіна написати ще одну статтю «Запаморочення від успіхів»? Утім, питання пролунало занадто рано, у вересні 1937 р. Див.: David R. Shearer. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953*.— New Haven and London: Yale University Press, 2009.— P. 320.

⁴ Під час колективізації, як і в період Великого терору, були попередження (у директивах чи постановках), що вказували на порушення ще до того, як в березні 1930-го та листопаді 1938 рр. оприлюднили радикальні рішення. Щодо передісторії сталінської статті «Запаморочення від успіхів» див.: Lynne Viola. *The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class, Winter 1929–1930: A Reevaluation of the Legislation* // *Slavic Review*.— Autumn 1986.— Vol. 45.— № 3.— P. 503–524. Унікальний прес-звіт про судові процеси над співробітниками НКВС див.: *Коммунист*.— 1938.— 30, 31 грудня, а також звіти про суди над співробітниками НКВС у Молдавії.— *Коммунист*.— 1939.— 1 січня.

⁵ «Через трупні врага на благо народа»: Кулацкая операция в Украинской ССР, 1937–1941 гг. В 2 тт. / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер.— М.: РОССПЭН, 2010.— Т. 2.— С. 458.

міг змінити результати розстрілів. Утім, на короткий час піднялася завіса секретності, що приховувала світ сталінських репресій, коли співробітникам НКВС дозволили доволі відверто вести дискусії на партійних зборах і оперативних нарадах в управліннях НКВС. Після того як була видалена навіть можливість натяку на провину Сталіна, стало припустимо обговорювати ключові аспекти терору й життя всередині НКВС, зрозуміло, за умови визнання, що це були «порушення соціалістичної законності», в яких були винні окремі співробітники цього відомства.

Ця публікація документів репрезентує стенографічні звіти партійних зборів та оперативних нарад республіканського НКВС і його обласних управлінь, що відбулися наприкінці 1938-го — на початку 1939 р., а в окремих випадках — і більш пізнього часу. Радикальні зміни політичного курсу на кшталт тих, що відбувалися в той час, важливі для істориків, які вивчають сталінські репресії. Лише на мить наприкінці Великого терору завісу підняли, що дозволило дослідникам зазирнути за лаштунки сталінських репресій. Партійні збори та оперативні наради в НКВС висвітлюють важливі моменти масових операцій, дозволяють побачити внутрішні розшарування в лавах його співробітників (за віком, національністю тощо), а також повсякденне життя виконавців терору. Ці документи свідчать про роботу НКВС після Великого терору, зокрема, допомагають з'ясувати, у чому полягало завдання відомства — таємної політичної поліції — після того, як масові операції закінчилися.

Наради співробітників НКВС в Україні надали можливість звинувачувати Успенського й декількох інших керівників у зраді, критикувати оперативників нижчої ланки за «порушення соціалістичної законності». Як пише Марк Юнге: «Центр санкціонував критику на адресу керівництва НКВС, у результаті підлеглі отримали право відкрито критикувати своїх керівників»⁶. До того часу в НКВС, згідно зі словами співробітника з Дніпродзержинська, діяло правило: «Те, що робиться в стінах НКВС, ніхто, навіть Обком партії, не повинен знати»⁷. Так, коли в НКВС Дніпропетровської області комуністи оскаржили арешт колеги, їм було заявлено, що «це секретна справа»⁸. Згідно зі свідченнями іншого співробітника, у НКВС діяв режим надзвичайної «конспірації», що не дозволяв хоч би кому писати скарги в ЦК або пресу⁹.

⁶ «Через трупи врага...». — Т. 2. — С. 406. Аналіз цих нарад М. Юнгем див.: С. 405–411.

⁷ Галузевий державний архів СБУ (ГДА СБУ), ф. 16, оп. 32, спр. 31, арк. 200 (протокол закритих партійних зборів УДБ УНКВС по Дніпропетровській області. 31 січня — 1 лютого 1939 р.).

⁸ Там само, арк. 18 (протокол закритих партійних зборів УДБ УНКВС по Дніпропетровській області. 9–10 січня 1939 р.).

⁹ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України), ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 52 (стенограма виступів по звітній доповіді партійного комітету НКВС України на звітно-виборних зборах 10 грудня 1938 р.). Насправді, окремі співробітники НКВС, не дивлячись на атмосферу надзвичайної «конспірації», надсилали скарги до керівництва наркомату та Компартії.

Ці свідчення в цілому чітко передають стан справ, тож на суді обвинувачені використовували їх для того, щоб зняти відповідальність з НКВС як відомства. У випадках, коли на нарадах в НКВС окремі співробітники, і в першу чергу ті, кого раніше було піддано арешту, питали, чому абсолютна більшість замовчувала «порушення соціалістичної законності», інші, наприклад, оперативник на партзборах у республіканському НКВС, пояснювали: «Треба сказати, що в нас була створена така обстановка роботи, що якщо ви не хочете робити, так вас змусять, а якщо не зробите — посадять»¹⁰.

Повторюся, що така логіка в загальному контексті правильно характеризувала атмосферу страху в НКВС, але водночас слугувала виправданням для багатьох, імовірно, навіть, для більшості співробітників НКВС, які з готовністю «виконували накази» завдяки своїй переконаності або через військову дисципліну. Подібні аргументи дозволили обмежити публічну критику лише керівництвом республіканського НКВС або обласних управлінь наркомату. Саме цього й домагався Сталін.

На думку таких, як Долгушев (його критикували в управлінні НКВС по Київській області), і тих співробітників, які раніше були заарештовані, «усі були винні»¹¹. На партзборах в НКВС Київської області один з оперативників заявив: «Ми домагалися від заарештованих свідчень, і в більшості випадків палицею, кулаком»¹². Інший співробітник розповів, як отримували свідчення: «Писали не те, що говорив заарештований, а то, що хотілося слідчому»¹³. Інші говорили про застосування тортур, про необхідність обходитися «з ворогами» «міцніше» в спеціально призначених для цього кімнатах допиту, подібно «кімнаті сміху» в Києві¹⁴. Для істориків усі ці відомості становлять цінну інформацію незалежно від питання особистої провини, так як співробітники НКВС, з тією чи іншою метою, докладно обговорювали реальну практику і процедури, що існували в наркоматі під час масових операцій.

Нижчі чини НКВС звинувачували багатьох своїх безпосередніх начальників, утім, були твердження й натяки, що такі вожді партії, як М. Хрущов і М. Бурмістенко, як висловився один співробітник, були «рідкісними гостями» на партзборах у НКВС¹⁵. Хтось говорив про «китайську стіну», що розділяє НКВС і партію¹⁶. Долгушев, наприклад, заявив, що головною причиною порушень законності було те, що НКВС

¹⁰ Там само, арк. 23.

¹¹ Висловлювання Долгушева процитовано в: «Через трупы врага...».— Т. 2.— С. 458. Також див.: ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 177–238 (стенограма закритих партзборів колективу УНКВС по Київській області. 14–16 грудня 1938 р.).

¹² ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 26.

¹³ Там само, арк. 48.

¹⁴ Там само, арк. 50, 124.

¹⁵ ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 52.

¹⁶ ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 27, 82.

працював без партійного контролю¹⁷. Інші стверджували, що партійні органи в НКВС під час масових операцій перестали нормально працювати, вказували, що партзбори скликали наприкінці робочого дня о 4–5 годині ранку, коли співробітники були виснажені¹⁸. Інші робили наголос на те, що ані Успенський, ані інші керівники взагалі не приходили на партзбори¹⁹. Треті указували на часту змінюваність складу партторгів у НКВС, нерегулярність скликання партзборів²⁰.

У річці такої критики деякі співробітники, здебільшого для самозахисту, говорили, що під час масових операцій відомча дисципліна переважила партійну; зі схожих позицій НКВС критикували й деякі партійні керівники в Києві²¹. Однак нам відомо, що партійні очільники теж брали участь у репресіях. Партія була не лише жертвою, а й співучасником Великого терору.

Стенографічні записи партійних зборів і оперативних нарад у НКВС також свідчать про те, що ця організація на республіканському й обласному рівнях не була монолітною. Поділ на «старі» й «нові» кадри був очевидним; ветерани звинувачували молодь у нестачі підготовки, тоді як молоді винувалили старших у невмінні навчити або показати правильний приклад²². В середині українського НКВС були також поділи на «старожилів» і «новачків», тобто тих, хто давно працював у цьому регіоні, і тих, хто був мобілізований на роботу в український НКВС з інших місць²³. Але, можливо, більш значущими для нашого аналізу є звинувачення в антисемітизмі, викликані переважно арештами євреїв серед співробітників НКВС, що лунали слідом за зміщенням І. Леплевського. Одні стверджували, що це був «біологічний підхід» до кадрів, заснований на етнічній приналежності предків, або, можливо, це було виконанням наказів Єжова й Успенського «прибрати» євреїв з НКВС. Інші сперечалися, що ці арешти були проявом «класового підходу», зумовленого тим, що серед євреїв — співробітників НКВС було чимало дітей торговців, а також тих, у кого родичі жили за кордоном — це природно, якщо взяти до уваги традиційні професійні заняття євреїв у межах осілості й високий рівень їх еміграції через погроми та утиски в царській Росії. Треті обговорювали домінуючу

¹⁷ ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 11; ГДА СБУ, ф. 5, спр. 38237 (архівно-кримінальна справа О. Долгушева), т. 2, арк. 299.

¹⁸ ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 17.

¹⁹ Там само, арк. 19–20, 53.

²⁰ Там само, арк. 53, 57.

²¹ ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, спр. 31, арк. 40.

²² ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 25, 178, 183; ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 9, 13, 45, 55, 60–63, 126–128.

²³ ЦДАГО, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 34–35, 161–166; ГДА СБУ, ф. 5, спр. 38237, арк. 299.

роль євреїв в українському НКВС і нечисленність українців в органах²⁴. Насправді ці реально наявні розмежування «чекістів» могли викликати ослаблення НКВС, відкривши його для репресій.

Матеріали нарад у НКВС, між іншим, проливають світло на побут оперативників під час Великого терору. Співробітники НКВС скаржилися на часті переміщення по службі²⁵. У результаті постійних переїздів в умовах житлової кризи в СРСР співробітникам НКВС доводилося жити в готелях, ділити квартири з колегами або спати в робочих кабінетах, якщо їм не вдалося отримати квартири своїх жертв, як то робили багато їхніх колег у Москві²⁶. Оперативники в один голос скаржилися на тривалий робочий день. Один оперативник з Київської області стверджував, що працював без вихідних із серпня 1937-го до червня 1938 р., а робочий день закінчувався лише о 6–7 годині ранку. «Хто, скажіть, будь ласка, створив такий стиль роботи?», — запитував він і цікавився, чому нікого не турбує здоров'я чекістів(!)²⁷. Інші нарікали на даремно витрачені години в чергах у буфеті і дорогою на роботу, а всі хором скаржилися на грубість начальства²⁸.

Усі ці приклади, звичайно, лише невелика частина інформації, що міститься в стенографічних звітах зборів і нарад у НКВС. Історики тільки почали розробляти ці багаті поклади джерел. Зрозуміло, ці матеріали через їх походження слід використовувати з обережністю й підходити до них критично. Тим не менш вони є надзвичайно важливими джерелами інформації про Великий терор і про те, що відбувалося відразу після нього. Завдяки Революції гідності на Майдані та новій адміністрації архіву СБУ ці матеріали нині доступні громадськості.

Лінн Віола
(Університет Торонто, Канада)

²⁴ ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 16–17, 20, 54, 103, 111, 116–122, 130, 137, 162, 174–175, 198; оп. 32, спр. 31, арк. 25, 31, 42, 137, 142–144, 152, 154–157, 159–160; ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 1, 2, 4, 88, 106–107, 182, 199–204, 216–224.

²⁵ Наприклад, див.: ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 195.

²⁶ ЦДАГО, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 59, 96–7, 99–100. Також див.: Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. — М.: РОССПЭН, 2004.

²⁷ ГДА СБУ, ф. 16, спр. 95, арк. 28–29.

²⁸ Там само, арк. 242; ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, спр. 31, арк. 35.

Особливості публікації документальної серії «Відлуння Великого терору»

Підбірка документів, що пропонується увазі читачів, є результатом роботи міжнародного колективу істориків України, Канади, Німеччини, США, Молдови та Росії в Галузевому державному архіві Служби безпеки України. Протягом останніх років в Україні була законодавчо забезпечена унікальна для так званого пострадянського простору (за винятком прибалтійських країн) можливість опрацювання документів ВУНК — НКВС — НКДБ — МДБ — КДБ, що зберігаються в архівних підрозділах СБУ. Вона дозволяє здійснювати наукові дослідження радянського комуністичного режиму, діяльності його таємної політичної поліції та оприлюднювати здобуту інформацію, відповідні наукові висновки для ознайомлення широкої громадськості.

Оприлюднення науково-документальної серії є наслідком комплексного джерелознавчого, текстологічного, археографічного аналізу документів НКВС УРСР, віднайдених у ГДА СБУ. Основна мета істориків, архівних працівників полягає в поширенні набутих знань щодо злочинів, скоєних комуністичним режимом, висвітленні «широкої піраміди» злочинців — виконавців антилюдяної політики керівництва Компартії, наданні можливості широкому колу читачів самостійно вивчати архівні документи НКВС та використовувати їх у процесі навчання в системі масової освіти.

Роботі авторів-укладачів трьох томів документальної серії в архівах України передувало вивчення історіографії проблеми масових політичних репресій у науковій літературі різних країн світу. На відміну від досліджень нацистських злочинців Третього Райху, історіографія злочинців в СРСР обмежена В. Леніним, Й. Сталіним та їх найближчими поплічниками, котрі ініціювали державний терор. Тому фокус дослідницької уваги було перенесено на виконавців Великого терору — співробітників НКВС, які знищували сотні тисяч людей як слідчі — «експерти за письмовим столом» (термін з історіографії нацистських злочинців), а також особисто брали участь у катуваннях та розстрілах арештованих.

Під час службового та кримінального розслідувань діяльності окремих співробітників НКВС у 1939–1941, 1954–1964 рр. щодо «порушень соціалістичної законності» були підготовлені тисячі сторінок документів, що збереглися в ГДА СБУ. Крім цього, збереглися інші види документів, якими супроводжувалася діяльність органів НКВС у другій половині 1930-х — першій половині 1960-х рр. На наш погляд, вони суттєво розширили знання та уявлення щодо механізму здійснення масових репресивних акцій, діяльності окремих осіб (як катів-карателів, так і співучасників) в умовах масштабного державного терору, взаємодії держави та суспільства в ході масових вбивств. Природно, що за наслідками копіткого вивчення виявлених документів готуються до видання чотири монографії учасників проекту.

Проведений аналіз друкованих документальних видань засвідчив, що в науковому обігу та громадському просторі майже відсутня інформація з цієї проблематики. Окремі витяги партійних зборів в УНКВС по Донецькій області були опубліковані в науково-документальному збірнику про проведення «куркульської операції» в УРСР¹. У спільному україно-польському виданні «Великий терор: польська операція 1937–1938» укладачі оприлюднили витяги з протоколу оперативної наради співробітників УНКВС по Вінницькій області від 25 листопада 1938 р. і партійних зборів УНКВС по Київській області 14 грудня 1938 р.²

Протоколи оперативних нарад і партійних зборів стали джерелом для започаткування наукового аналізу реакції співробітників НКВС УРСР на постанову РНК та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд та ведення слідства», вивчення їх взаємовідносин з прокуратурою під час проведення перевірки справ засуджених чи підготовлених до засудження у позасудовому порядку, стосунків між регіональними партійними комітетами та місцевими апаратами органів держбезпеки³.

Дослідження монографічної літератури та документальних публікацій надало змогу зробити висновок щодо новизни віднайдених історичних джерел, тому міжнародний колектив вчених вирішив їх оприлюднити. Принагідно зауважимо, що науковий пошук та виявлення документів у ГДА СБУ передбачали вивчення довідкового апарату: аналізувалися списки й описи справ фондів, інформаційно-довідкові картотеки, бази даних. У процесі опрацювання описів враховувався ступінь розкриття змісту справ у заголовках, відбиралися на ознайомлення не лише справи, що безпосередньо стосувалися теми публікації, а й ті, котрі містили близькі за тематикою документи.

¹ Див.: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упоряд. С. Кокін, М. Юнге. — Ч. 2. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. — С. 376–383. Російський переклад цього видання: Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2 т. — Т. 2: 1938–1941 гг. / Составит.: М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, О. А. Довбня, Б. Бонвеч, И. Е. Смирнова, Г. А. Бордюгов; Под общ. ред. О. А. Довбни, Л. С. Макаровой. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 467–475.

² Великий терор: польська операція 1937–1938 / Галузевий держ. архів СБ України; Ін-т національної пам'яті — Комісія з розслідування злочинів проти польського народу; НАН України. Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень; редкол.: Є. Беднарек, В. В'ятрович, С. Кокін та ін. — Т. 8. — Ч. 2. — Варшава; К., 2010. — С. 1634–1698. (Серія: Польща та Україна у тридцятих–сорокових роках ХХ століття: Невідомі документи з архівів спеціальних служб).

³ Подкур Р. Реакція співробітників органів держбезпеки на припинення Великого терору (листопад 1938–1939 рр.) // З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. — 2009. — № 2 (33). — С. 136–167; його ж. Взаємодія органів державної безпеки та прокуратури УРСР в період припинення Великого терору (кінець 1938–1939 рр.) // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: Зб. статей / Ін-т історії України НАН України та ін.; Редкол. випуску: О. П. Реєнт (відп. ред.) та ін. — К., 2010. — Вип. 36. — С. 266–283; Тепляков А. Г. Машина терора. ОГПУ — НКВД Сибіри в 1929–1941 гг. — М.: Новый хронограф, 2008. — С. 454–464 та ін.

Відбір інформації з документів для публікування здійснювався на основі принципів: науковості (враховувалася необхідність розкриття причинно-наслідкових зв'язків процесів, подій Великого терору та судових переслідувань окремих його виконавців); історизму (з'ясовувалися особливості моменту та місця створення документів, загальноісторичний, політичний, ситуативний контексти виникнення цих історичних джерел); комплексності (документи вивчалися з урахуванням їх місця в комплексі інших документів).

Під час виявлення документів встановлювалися їх автентичність, час, місце, умови створення та зовнішні особливості документа, авторство, обставини походження тексту. Принцип поєднання логічного аналізу та синтезу дозволив визначати достовірність, повноту, репрезентативність, наукову значущість, новизну інформації, що містилася в документах, ступінь збереженості та спосіб відтворення текстів документів. Застосовані принципи, на наш погляд, сприяли розв'язанню проблеми використання інформації кожного документа в публікації (повністю або у витягах), а також підготовки довідкового апарату. Відбір інформації з документів для публікування здійснювався двічі: попередньо в ході виявлення і остаточно — після виявлення всього комплексу документів і визначення структури кожного тому документальної серії.

Підготовка тритомного науково-документального видання потребувала дотримання як єдиної тематичної спрямованості (розкриття механізмів Великого терору та його впливу на функціонування комуністичного режиму крізь долі карателів — виконавців злочинних наказів), так і виявлення архівних джерел з різних фондів ГДА СБУ, аналізу їх достовірності шляхом порівняння інформації в документах партійних, радянських, судових органів.

До переліку оприлюднених документів увійшли протоколи і стенограми партійних зборів та оперативних нарад співробітників УНКВС наприкінці 1938–1939 рр. (т. 1); обвинувальні висновки слідчої частини УДБ НКВС УРСР щодо колишніх співробітників органів держбезпеки, протоколи судових засідань військових трибуналів військ НКВС та їх вироки у справах співробітників НКВС, визначення Військової колегії Верховного суду СРСР, постанови пленумів Верховного суду СРСР щодо затвердження вироків колишнім «чекістам» (т. 2); автобіографії співробітників НКВС, яких переслідували за «порушення соціалістичної законності», листи «чекістів» до керівників НКВС — КДБ УРСР та СРСР, вождів ВКП(б) зі скаргами на слідство та засудження, листи, заяви, скарги осіб, яких піддали необґрунтованим репресіям та катуванню, зведення інформаторів та агентів щодо ситуації в 1939–1940 рр. (т. 3).

Автори-укладачі намагалися здійснити якомога повніший підбір документів з тематики, які послідовно й об'єктивно висвітлювали її та були внутрішньо пов'язані між собою. Тому в першому та другому томах відбиралися й опрацьовувалися для публікації майже всі віднайдені документи зазначених вище видів. У третьому томі після ретельного відбору до публікації готувалися ті «его-документи» (персонального характеру), що мають особливу пізнавальну цінність для розкриття особистості учасників

подій та містять інформацію, що викликає в читачів емоційне ставлення. Тексти оригіналів документів відтворювалися набірним (шрифтовим) способом мовою оригіналу з точним дотриманням стилістичних і фонетичних особливостей того часу, збереженням діалектизмів, архаїзмів правопису. Слова, написані в тексті з помилками, подавалися у виправленому вигляді без застереження. Усі правки та редакційні зміни, що вносилися в документи, обумовлювалися в текстуальних примітках.

У цьому (першому) томі публікуються виявлені укладачами протоколи і стенограми оперативних нарад, партійних зборів співробітників НКВС і УДБ УНКВС областей УРСР. Більшість із них виявлені у фонді 16 (Секретаріат НКВС УРСР) ГДА СБУ. Окремі копії протоколів, зокрема партійних зборів співробітників УНКВС по Ворошиловградській області від 17 січня і 8 лютого 1939 р., були виявлені в архівно-кримінальній справі на колишнього начальника УНКВС по Ворошиловградській області Г. Коркунова⁴. Протокол закритих партійних зборів співробітників Дніпродзержинського районного відділу УНКВС по Дніпропетровській області 3–4 лютого 1939 р. був віднайдений у фонді 12 (фонд особових справ) ГДА СБУ в документах Особливої інспекції відділу кадрів НКВС УРСР⁵; стенограма партійних зборів УНКВС по Житомирській області від 16–23 грудня 1938 р. — у фонді «Первинної партійної організації УДБ УНКВС по Житомирській області» державного архіву Житомирської області⁶; стенограма звітно-виборних зборів партійного комітету НКВС УРСР від 10 грудня 1938 р. — у фонді «Партійного комітету КП(б)У НКВС УРСР» Центрального державного архіву громадських об'єднань України⁷.

Протоколи зборів та нарад у всіх випадках завірені секретарями, членами президії партійних зборів. Супровідні листи до цих документів підписані начальниками або заступниками начальників УНКВС областей УРСР. Таке оформлення передбачало попередню корекцію текстів як секретарем партійної організації, так і керівництвом УНКВС.

Наявність завірених копій протоколів і стенограм засідань обласних УНКВС у фондах секретаріатів НКВС УРСР, партійних органів доводить, що партійно-радянські керівники республіканського та обласного рівнів ретельно вивчали пануючі настрої серед співробітників місцевих апаратів держбезпеки й міліції, їх реакцію на несподіване припинення масових репресивних операцій, арешти вищих посадовців наркоматів внутрішніх справ СРСР та УРСР, їх ставлеників в обласних УНКВС. Це був один із засобів контролю за політичною лояльністю кадрового складу співробітників органів внутрішніх справ і державної безпеки, що були опорою комуністичного режиму.

В архівно-кримінальних справах на колишніх «чекістів» стенограми оперативних нарад і партійних зборів чи витяги з них використовувалися як додаткові докази «порушень соціалістичної законності».

⁴ ГДА СБУ, ф. 5, спр. 67462, арк. 1–66.

⁵ ГДА СБУ, ф. 12, спр. 111, арк. 49–114.

⁶ Держархів Житомирської обл., ф. 559, оп. 1, спр. 1, арк. 1–195.

⁷ ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 1–240.

Для вчених протоколи та стенограми — надзвичайно цікавий вид історичного джерела. По-перше, дослідник може відчувати емоційну напругу самого заходу і психологічний стан його учасників. Стенографістки текстually передавали емоції залу («оплески», «бурхливі оплески», «сміх», «шум/гомін у залі» тощо). Репліки із залу, уточнення з місця, реакції на них доповідача й учасників дійства теж фіксувалися й надавали інформацію про емоції, що панували серед співробітників НКВС. Формат раптової дискусії, неформальна побудова фраз, їх незавершеність, постійні репліки, їх зміст, використання побутової лексики свідчать про перехід від формально спланованого заходу із заздалегідь визначеним сценарієм до відвертої розмови членів «робочого колективу». Однак окремі протоколи порівняно зі стенограмами менш емоційні, оскільки їх формат передбачав чітке формулювання змісту виступу доповідача.

По-друге, постанова РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. «Про арешти, прокурорський нагляд та ведення слідства» поклала на співробітників НКВС всю відповідальність за «недоліки» у проведенні масових репресивних акцій. Саме ця ситуація і спровокувала неформальну дискусію в середовищі співробітників державної безпеки. Варто зазначити, що більшість зборів тривали декілька днів, що було незвичним для схожих формально-ритуальних дій того часу. Окремі збори переривали свою роботу через відсутність начальника обласного управління чи інших необхідних учасників для обговорення нагальних проблем.

Пікантність моменту полягала в тому, що перші збори чи оперативну нараду проводив ще той начальник УНКВС, який керував проведенням масових репресивних операцій. Співробітники та й сам очільник управління не сповна розумілися на потрібній для захисту попередніх дій інтерпретації постанови від 17 листопада 1938 р. та діях щодо «втління її в життя». Наступні зібрання проводив уже новий начальник УНКВС, якого призначили нові керівники НКВС СРСР. За невеликий проміжок часу співробітники держбезпеки зорієнтувалися у змінюваній політичній ситуації і могли вже посилатися на «ворожі настанови» колишнього керівництва обласного управління й республіканського наркомату. Як наслідок, дослідники отримали можливість аналізувати чимало нюансів проведення масових репресивних операцій в областях УРСР, що не висвітлювалися в доповідних записках, спецповідомленнях, шифротелеграмах, звітних документах карального відомства.

По-третє, неформальна атмосфера партійних зборів й оперативних нарад дозволила виявляти окремі групи співробітників держбезпеки, пов'язаних товариськими стосунками, спільною роботою у слідчих справах, інтересами, минулим, а також належністю до кола «друзів» чинного чи колишнього керівництва УНКВС. Це одразу надало дослідникам фактичний матеріал для визначення наявних чи вже колишніх патрон-клієнтських стосунків у середовищі «чекістів».

По-четверте, однаковий формат протоколів і стенограм дозволяє досліднику провести певні узагальнення щодо тем виступів співробітників держбезпеки: форми й методи «порушень соціалістичної законності», відновлення агентурно-оперативної роботи, реконструкція агентурної

мережі, дотримання вимог Кримінально-процесуального кодексу, взаємодія обласного апарату з міськими, районними відділами і відділеннями під час проведення репресивних акцій, характеристика міжособистісних стосунків окремих співробітників з керівництвом УНКВС, здатність до виконання оперативних завдань, зв'язок політичної лояльності з особою відданістю керівництву управління, начальникам з НКВС УРСР — НКВС СРСР, акценти виступів секретарів міських та обласних партійних комітетів тощо. Окрім тематики виступів, є можливість визначити їх спрямованість (негативна, засудження, позитивна, конструктивна, констатуюча).

Опубліковані документи цікаві для комплексного аналізу змісту виступів учасників зборів і нарад. Переважна більшість співробітників відзначали, що вперше присутні на партійних зборах, де активно обговорювалися поточні проблеми агентурно-оперативної і слідчої роботи. До того часу вони вважалися «таємними» і не підлягали обговоренню у «партійному порядку». Показово, що практично всі співробітники держбезпеки й учасники міжрайонних оперативно-слідчих груп не лише знали про катування арештованих, а й усвідомлювали, що це «порушення соціалістичної законності». Проте вони виправдовувалися необхідністю виконання встановлених «термінів слідства», «ворожими настановами» або прямими наказами керівництва.

Усі протоколи і стенограми завершувалися практично однаково — рішеннями про необхідність термінової перебудови відповідно з постановою РНК СРСР і ЦК ВКП(б) та наказами нового керівництва НКВС СРСР. На жаль, наступні протоколи партійних зборів чи оперативних нарад співробітників НКВС складені формально і містять мінімальну кількість інформації про ситуацію, настрої та звичаї, що побутували в «чекістському середовищі». Існує імовірність, що частина протоколів, незважаючи на зусилля архівістів та вчених, поки не виявлені. Цілком можливо, що необхідності в їх стенографуванні не було, оскільки комуністичні очільники вже не потребували інформації про реакцію співробітників держбезпеки на обвинувачення в масовому «порушенні соціалістичної законності»... до наступного випадку — процесу над колишнім наркомом (міністром) внутрішніх справ СРСР Л. Берією⁸.

При публікації документів з текстів вилучалися окремі моменти, що не стосувалися теми дослідження (діяльності місцевих відділень товариства «Динамо», міжособистісні конфлікти на побутовому ґрунті, організація партійного навчання, побуту, проблеми матеріального забезпечення співробітників, а також повторювані сюжети). У разі скорочень у тексті в квадратних дужках проставлялася трикрапка. Оскільки причини скороченого цитування тексту наведені вище, укладачі не зазначали їх у текстуальних примітках до кожного документа.

⁸ Див.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. — М.: МФД, 1999. — 512 с.; Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Под общей ред. О. Б. Мозохина. — М.: Кучково поле, 2012. — 1088 с. та ін.

Збережені всі питання, репліки, зауваження, що пропонувалися до текстів документів. Скорочені назви установ, організацій, військових з'єднань, посад та загальновживані скорочення подані згідно з оригіналами документів. Різні скорочення та найменування одних і тих самих установ у публікації не уніфікувалися. Підписи подані наприкінці текстів документів, збережено форму розміщення підписів, вони розшифровані. Пропущені в оригіналі та відновлені за змістом слова, частини слів наведені у квадратних дужках. Незрозумілі місця, незакінчені фрази вказані в текстуальних примітках.

Текст кожного документа супроводжений заголовком. У ньому вміщено порядковий номер документа в публікації, вид документа, його датування. Порядковий номер документа розміщено окремим рядком по центру рядка перед заголовком. Вид документа встановлено, виходячи з його форми та змісту. У випадках, коли документи публікувалися частково, посилання на витяг подані з прийменником «із». Кожний документ у публікації супроводжений легендою, що містить пошукові дані (шифр), оригінальність. У шифрі наведена офіційно скорочена назва архівної установи та номери фондів, описів, справ, нумерація аркушів.

Автори-укладачі висловлюють щиру вдячність співробітникам ГДА СБУ: С. Ляковській, С. Кокіну, І. Кулику, В. Бірчаку, Д. Бойко, А. Когуту, Л. Лавренчук, М. Пановій, Г. Смірнову за допомогу у проведенні досліджень та підготовці до публікації першого тому науково-документальної серії «Відлуння Великого терору».

Валерій Васильєв, Роман Подкур
(Інститут історії України НАН України)

УНКВС ПО ВІННИЦЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 1

**Із протоколу оперативної наради співробітників УНКВС по
Вінницькій області про опрацювання постанови РНК СРСР
та політбюро ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.**

25 листопада 1938 р.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Начальник УНКВД УССР по Вінницькой області майор государственной безопасности тов. КОРАБЛЕВ.

Секретарь Вінницького обкома КП(б)У тов. МИЩЕНКО.

Зам[еститель] Нач[альника] УНКВД УССР по Вінницькой області ст[арший] лейтенант государственной безопасности тов. ПРИШИВЦЫН.

Областной прокурор тов. ТЕРНИВСКИЙ.

Пом[ощник] Нач[альника] УНКВД УССР по Вінницькой області ст[арший] лейтенант государственной безопасности тов. БУТЕНКО.

Зам[еститель] Нач[альника] УНКВД по Вінницькой області по УРКМ капитан милиции тов. ВЕРЕВКА.

Зам[еститель] Нач[альника] УРКМ по Вінницькой області капитан милиции тов. КОМАРОВ.

Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] IV отдела УГБ УНКВД мл[адший] лейтенант государственной безопасности тов. МАЙСТРУК.

Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] IX отдела УГБ УНКВД сержант государственной безопасности тов. РЕДЕР.

Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] XI отдела УГБ УНКВД мл. лейтенант государственной безопасности тов. ФЕДОРОВ.

Нач[альник] 1 спецотделения УГБ УНКВД сержант государственной безопасности тов. ПЕРЕПЕЛЯК.

Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] VI отдела УГБ УНКВД лейтенант государственной безопасности тов. НАЗАРЕНКО.

И оперативного состава УНКВД по Вінницькой області — 149 чел.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Проработка постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года № П-4387 «О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ, АРЕСТАХ И ВЕДЕНИИ СЛЕДСТВИЯ». (Зачитывает тов. ВЕРЕВКА).

Оперативное совещание проводит начальник управления НКВД УССР по Вінницькой області майор государственной безопасности тов. КОРАБЛЕВ.

Тов. КОРАБЛЕВ. Прежде чем перейти к обсуждению важнейшего постановления Партии и Правительства, хочу заострить внимание присутствующих на всех недочетах, имеющихся в работе органов НКВД по Вінницькой області.

На совещании, состоявшемся 19.11. с.г. в ЦК КП(б)У, было вскрыто очень много грубейших извращений и ошибок, допущенных органами НКВД в агентурно-оперативной и следственной работе.

Отдельные начальники Управлений НКВД и их заместители несколько не поняли существа постановления и говорили несуслаицу.

На совещании были также неверные выступления начальников УНКВД, зам[естителя] нач[альника] УНКВД по Николаевской области, [который] заявил, что арестованные в количестве до 2000 чел. подвергались избиению. Такое же положение и по Одесской области (до 1500 чел. якобы подвергались избиению).

Секретарь ЦК КП(б)У тов. ХРУЩЕВ очень резко выступал по этому вопросу, заявил, что за такую неправильную линию надо виновных предавать суду.

Отдельные случаи избиения арестованных были и в Винницкой области. Далее тов. КОРАБЛЕВ останавливается на тех извращениях, которые имели место у нас.

По вопросу агентурной работы было вскрыто ряд серьезных недочетов. Так, например, в Днепропетровском УНКВД имел место случай, что по одному агентурному донесению агента подлежала аресту целая группа участников к[онтр]р[еволюционной] организации, впоследствии, как установлено при проверке, оказалось, что это была дезинформация. [...]

У нас имеются случаи необоснованных арестов, как, например, по Жмеринскому РО НКВД (нач[альник] РО тов. ЧАЛКОВ) был арестован ПРОЦЕНКО, просидевший под стражей более 3-х месяцев, и ему даже не было предъявлено обвинение. Впоследствии ПРОЦЕНКО освобожден.

По линии 3-го отдела УГБ УНКВД был арестован КОВАЛЬЧУК, прошедший по показанию одного только арестованного САМУТИНА. Впоследствии КОВАЛЬЧУК был освобожден из-за отсутствия состава преступления. Этот факт свидетельствует о безответственном отношении к арестам со стороны некоторых работников УГБ УНКВД.

Подобные факты имели место в Могилев-Подольском гор[одском] отделе НКВД, Станиславчикском райотделении НКВД и др[угих] районах области. Характерно отметить, что в Станиславчикском райотделении практиковали допросы «штатных» свидетелей по делам арестованных, а впоследствии эти свидетели отказывались от своих показаний и обвиняемые из-под стражи освобождались.

Кроме того, в Липовецком райотделении НКВД (б[ывший] нач[альник] РО тов. ЗЛОБИН) допускались побои арестованных (избили обвиняемого КРАСНОСЕЛЬСКОГО)¹, в Копайгородском районе (работниками милиции)² и т.д.

¹ 9 січня 1939 р. І. Кораблев передав справу на співробітників Липовецького райвідділу НКВС Г. Злобіна і І. Колбидюка до Військового трибуналу за фактами побиття заарештованих (на той час уже розстріляних) громадян. Очевидно, він намагався «захистити» себе, підставляючи під судовий розгляд підлеглих. Але виконуючий обов'язки наркома внутрішніх справ УРСР А. Кобулов призначив Г. Злобіну і І. Колбидюку лише 20 діб арешту. Див.: ГДА СБУ, ф. 5, спр. 66937, т. 9, арк. 170–171.

² Так у тексті.

Перехожу к вопросу об агентурной работе. [...] Весьма слабо занимаемся вербовкой новой агентуры. Надо принять все необходимые меры к немедленному изжитию этих недочетов. Мы иногда делаем очень много перегибов в части вербовки новой агентурной сети, производим вербовку без предварительной подготовки. В результате завербованная агентура оказывается малоценной и неработоспособной.

Мы практиковали секретные съемки людей, проходящих по показаниям участников к[онтр]р[еволюционной] организации. Впоследствии вербовки их не дали нужного эффекта, т.к. эта агентура ничего конкретного, кроме информации, не дала. Надо прекратить в дальнейшем практику секретных съемок, допуская таковые в исключительных случаях. С имеющейся уже такой агентурой по линии IV и VI отделов надо приступить к конкретной работе.

Теперь несколько слов о перестройке в нашей агентурной работе. По линии 3-го отдела имеется агентурная разработка «ТРИЗУБ». Часть лиц, проходящих по разработке, уже репрессировано, часть находится на свободе. Сама разработка хранится в архиве, и форсирование ее прекратили. Между тем по разработке проходит румынский агент ЛЕЩЕНКО, который для наших органов представляет большой интерес, но благодаря тому, что своевременно не были приняты меры, румынский шпион ЛЕЩЕНКО скрылся (по Ободовке). Это очень характерный пример, как не надо работать. Пример нашей расхлябанности и недисциплинированности.

Аналогичный факт имеется и в Могилев-Подольском районе, где в результате халатности начальника горотдела НКВД тов. АРТЕМЧУКА с территории района скрылся шпион.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязывает всех нас удесятерить нашу работу, и в первую очередь агентурную, не допускать ранее имевшихся у нас перегибов. Повторяю, что все указания, отмеченные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) по агентурно-оперативной и следственной работе, должны быть нами выполнены точно и безоговорочно.

Тов. ТЕРНИВСКИЙ. Областной прокурор Вин[ницкой] обл[асти].

Центральный Комитет нашей Коммунистической партии и Совнарком Союза в постановлении от 17.11.1938 г. записали об огромной работе, проведенной органами НКВД по разгрому врагов народа, которые проводили контрреволюционную работу на подрыв нашего социалистического строительства, на подрыв мощи нашей социалистической родины.

[...] ЦК ВКП(б) и Совнарком Союза, товарищ СТАЛИН и товарищ МОЛОТОВ на допущенные грубейшие извращения в этой огромной работе указывают, что враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, в органы прокуратуры, проводили свою враждебную работу, как это отмечено в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза. Пробравшиеся враги народа в органы НКВД и органы прокуратуры, [как] в центральных аппаратах, так и на местах, создавали дела на преданных людей советской власти, отводя удар от своих враждебных бандитских к[онтр]р[еволюционных] элементов.

Товарищи. [...] В органах НКВД, органах прокуратуры нашей области были выявлены и разоблачены враги народа, они натворили немало вреда.

Упрощенное ведение следствия приводило к грубейшим нарушениям наших социалистических законов. У нас были случаи необоснованных арестов. В Липовецком районе производили аресты на партсобрании. В этом же районе были случаи избияния арестованных. В этом деле принимал участие нач[альник] РО НКВД ЗЛОБИН. И когда прокурор хотел проверить этот случай, его не допустили в камеру. Были незаконные аресты в Бершадском и Погребищенском районах со стороны начальников раймилиции БЕЗВЕРХИЙ и КИРИЧЕНКО. Эти нач[альники] раймилиции грубо нарушали нашу Сталинскую Конституцию, наш основной закон.

В Бершадском районе было возбуждено уголовное дело против нескольких граждан. Члены партии МИЦЕЛЬ и МУРАХОВСКИЙ, [которых] обвиняли в к[онтр]р[еволюционном] преступлении и по [их] делу расследование проводилось преступно. Несмотря ни на что, обвиняемые отрицали предъявленное им обвинение и к тому же допрошенные свидетели ничего конкретного по делу не давали. Однако уполномоченный РО НКВД ГОЛЬШТЕЙН старался доказать виновность обвиняемого. Дело было представлено с обвинительным заключением, обвиняемые сидели несколько месяцев в тюрьме. В результате дело было прекращено, а люди из-под стражи освобождены.

В Шаргородском районе райотделением НКВД был представлен материал на санкцию об аресте гр-н ПИСЬМЕННОГО, БАЙДАЦКОГО и ВЕРГЕЛЕСА, обвинявшихся в террористическом акте. Материал был совершенно не обоснован. Однако райпрокурор ЛЕСНИЧЕВСКИЙ материала не проверил, а, по сути, проштамповал арест. В результате было проверено и установлено, что никакого террористического акта в действиях обвиняемых не было. В лучшем случае было хулиганство, люди из-под стражи были освобождены.

24 июня 1938 г. была арестована гр-ка КОБЗИНА Вера, 17 лет. Обвинялась в том, что она собирала подписи якобы под клеветническим заявлением на имя руководителей Партии и Правительства об освобождении и пересмотре дела ее отца, осужденного за контрреволюционную деятельность. Ее действия квалифицировали как антисоветская контрреволюционная агитация. Основания для ареста не было.

По гор. Винница был задержан гр-н ТЕРЕЩЕНКО Василий Платонович, член КП(б)У. Были составлены материалы, избличавшие его в антисоветских разговорах. Арест был санкционирован мной, однако через несколько дней было установлено, что никаких антисоветских разговоров ТЕРЕЩЕНКО не проводил. Это было исправлено через несколько дней, а член партии, который утверждал об антисоветских разговорах со стороны ТЕРЕЩЕНКО, привлечен к строгой партийной ответственности. Этот случай является возмутительным случаем.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза указано о том, что допрос обвиняемых по делам проводился на протяжении долгого времени

месяцами. Протоколы не составлялись, и только лишь после нескольких допросов и разговоров составлялись общие протоколы. В протоколы допроса не все записывалось то, о чем говорил обвиняемый, не проводилась документация дела. Извращение следствия имело место и в нашей работе. Это грубейшее нарушение наших социалистических законов, процессуальных норм использовали враги народа.

Безответственное отношение к ведению следствия, нарушение процессуальных норм при ведении следствия, необоснованные аресты враги народа, [— всем этим] пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры, использовали в своих целях.

Указанные нарушения законов, безусловно, есть следствием того, что в практической работе зачастую существовала семейственность, не было большевистской принципиальности, т.е. тогда, когда практический работник нарушает законы, его нужно потянуть в партийную организацию и спросить, почему он нарушает наши советские законы и политику нашей партии. При такой постановке работы мы, безусловно, избежали бы тех нарушений, которые имели место в нашей работе, и об этом говорится в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза.

Нужно со всей прямотой сказать, что органы прокуратуры недостаточно осуществляли надзор за следствием, не принимали решительных мер к устранению недостатков. Выступая сегодня на этом совещании по обсуждению этого величайшего документа, я, как прокурорский работник, в указанных недочетах также виновен потому, что невыявление нарушения в деле, т.е. проглядевший нарушение прокурор, по сути, проштамповал дело.

[...] Расследование дел должно проходить в соответствии с требованиями ст. ст. процессуального кодекса. Нужно также сказать, что наши практические работники недостаточно знают, а зачастую совсем не знают уголовного и процессуального права. Это обязывает нас в кратчайший срок освоить Уголовный и Процессуальный кодексы.

Центральный Комитет нашей Партии и наше Правительство в своем постановлении очень крепко предупреждают работников НКВД, работников прокуратуры, что за малейшее нарушение наших социалистических законов виновные будут привлечены к строжайшей судебной ответственности. [...]

Тов. МИЩЕНКО. Секретарь обкома КП(б)У.

Проводимое нами совещание вызвано в результате получения политического документа — постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), который для нас — коммунистов и чекистов — обязателен. Постановление с полной ясностью указывает о всех недочетах, вскрытых в работе органов НКВД и Прокуратуры. Нужно всем не только прочесть постановление, но и изучить абсолютно подробно.

Мы имеем ряд постановлений и решений ЦК ВКП(б). Но эти постановления зачитываются, а после, через некоторое время, их забываем, и в связи с этим делаем политические ошибки в нашей практической работе. Правда, в настоящее время органы НКВД комплектуются новыми кадрами, которые, не зная установок в чекистской работе, допускают

ряд ошибок и извращений. Всем Вам должно быть ясно, что допускать ошибки в агентурно-оперативной работе органов НКВД исключительно опасно, т.к. органы НКВД решают судьбу людей и допущенная ошибка иногда является непоправимой. Все это делается потому, что мы с Вами забыли, что являемся членами партии и решения высших партийных органов [для] нас всех являются обязательными. У Вас, видимо, ведомственная дисциплина стоит выше партийной дисциплины, а это очень плохо. Если это поймут все наши работники, то не будут ожидать приказа об отведении специального дня для парт[ийной] учебы, как это было сказано одним из работников района.

На местах имеют место факты, когда секретари райпарткомов извращают положение о взаимоотношениях с начальниками РО НКВД и обратно, есть случаи, когда начальники органов НКВД, являющиеся членами районных партийных комитетов, не всегда являются на заседания РПК. Эти явления надо изжить и работу строго контрактировать. Ознакомлять секретарей РПК с агентурной работой нельзя. Нужно строить работу в полном контакте, однако никто не дал права секретарям РПК лично распоряжаться работниками НКВД и давать им поручения в ущерб основной чекистской работе. И в такой же мере нач[альнику] РО НКВД [нельзя] распоряжаться кадрами РПК.

Здесь отдельные товарищи неправильно указывали на то, что якобы органы НКВД проводили заготовку овощей. Это неверно, т.к. органы НКВД не являются заготовительным аппаратом. Органы НКВД, безусловно, оказали соответствующую помощь в проведении этого исключительно важного политического мероприятия Правительства.

В решении ясно указано, что все допущенные ошибки в части ведения следствия надо немедленно изжить и начать оформлять дела в соответствии с имеющимися указаниями в приказах по ведомственной линии.

Высказались — 18 чел[овек].

Тов. КОРАБЛЕВ.

В своих выступлениях многие из товарищей повторяются, и поэтому продолжать прения считаю нецелесообразным.

По возвращении к месту работы нужно всем начальникам РО НКВД и оперсоставу провести инструктаж агентуры с тем, чтобы вся агентура была направлена на поимку шпиона ЛЕЩЕНКО, представляющего из себя серьезного румынского разведчика. Особо подчеркиваю необходимость проведения этих мероприятий в районах пограничной зоны.

Отдельные товарищи высказывались в свете постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) правильно.

В части отсутствия кадров. Должен сказать, что положение тяжелое не только у нас, но и в центре. Этот вопрос разрешается за счет мобилизации лучших членов ВКП(б) и комсомольцев по линии партийных и комсомольских организаций. Сейчас положение с набором людей для работы в органах НКВД обстоит совершенно иначе, чем раньше. Прием, увольнение и перемещение чекистских кадров производятся только по согласованию с обкомом КП(б)У.

Еще раз заостряю внимание всех начальников райотделений НКВД и оперативного состава области, что первостепенной нашей задачей на сегодняшний день является поднять и оформить все агентурные материалы. Нужно понять, что без достаточных материалов арестовывать нельзя.

[...] Тов. ЖЕЖЕРУН (нач[альник] Чечельникского РО НКВД) указал на то, что якобы секретарь РПК требует информацию на РПК об агентурной работе. Это, безусловно, неверное требование секретаря РПК, и делать это ни в коей мере нельзя.

Секретаря РПК можно только информировать о состоянии проведенной политкампании, для того чтобы он мог ориентироваться во всех имеющихся недочетах в районе.

В отношении отсева в агентурной сети балласта. Необходимо ранее тщательно изучить, а затем решать. Больше уделять внимания поднятию из числа архивных дел и лучших [людей] отбирать для агентурной работы и продолжать вербовку новой работоспособной агентуры, которая могла бы вскрывать глубоко засевшее к[онтр]р[еволюционное] подполье.

СЕКРЕТАРЬ УНКВД УССР ПО ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ [підпис]

РАССИЙ

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 39, арк. 93–108.

Засвідчена копія. Машинопис.

№ 2

**Із протоколу оперативної наради співробітників міліції
УНКВС по Вінницькій області про обговорення постанови
РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.**

27 листопада 1938 р.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Секретарь Винницкого обкома КП(б)У тов. МИЩЕНКО.

Нач[альник] упр[авления] — майор гос[ударственной] безопасности тов. КОРАБЛЕВ.

Областной прокурор тов. ТЕРНИВСКИЙ.

Зам[еститель] нач[альника] упр[авления] НКВД старший лейтенант гос[ударственной] безопасности тов. ПРИШИВЦЫН.

Зам[еститель] нач[альника] упр[авления] НКВД по милиции начальник УРКМ Винницкой обл[асти] капитан милиции тов. ВЕРЕВКА.

Зам[еститель] нач[альника] УРКМ по Винницкой области капитан милиции тов. КОМАРОВ.

Нач[альник] политотдела УРКМ УНКВД сержант милиции тов. МЕЛЬНИЧУК

Командно-оперативный состав областного управ[ления] РКМ, начальники и оперативный состав РОМ и начальники паспортн[ых] отделений РОМ в колич[естве] — 200 чел[овек].

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Проработка постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

Открывая совещание оперативного состава УРКМ Винницкой области, начальник Управления НКВД УССР по Винницкой области майор государственной безопасности тов. КОРАБЛЕВ в своем вступительном слове отметил политическое значение, которое имеет постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об аресте, следствии и прокурорском надзоре».

Тов. КОРАБЛЕВ отметил, что этот вопрос обсуждался на совещании начальников областных управлений НКВД при политбюро ЦК КП(б)У, а также обсуждался на совещании работников УГБ УНКВД.

Одновременно с этим обратил внимание присутствовавших, что обсуждаемый вопрос является строго секретным, и поэтому никакие разговоры на эту тему с посторонними людьми не должны иметь место.

Затем слово предоставляется тов. ВЕРЕВКЕ.

СЛУШАЛИ: тов. ВЕРЕВКА (зам[еститель] нач[альника] упр[авления] НКВД по милиции — начальник УРКМ Винницкой области), предварительно доподлинно зачитав постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., сделал доклад о всех фактах грубых нарушений, отмеченных в постановлении партии и правительства.

Далее отметил, что, в частности, органы РК милиции Винницкой области под руководством партии и правительства провели большую работу в борьбе с врагами народа и уголовщиной.

Одновременно с этим подчеркнул недостаточную работу в борьбе с уголовными проявлениями, и что на сегодняшний день это является нетерпимым, когда должна быть обеспечена неприкосновенность гражданина Советской страны.

В кратких чертах дал характеристику уголовным проявлениям в 1936 году, сопоставляя их с 1937 годом, и отметил резкое повышение раскрываемости уголовных проявлений за счет проведенной работы органами РК милиции области.

Однако тов. ВЕРЕВКА подчеркнул, что, несмотря на проделанную работу, все же у нас не все благополучно с уголовными проявлениями, в то время как основная цель — окончательно ликвидировать уголовщину.

Средства борьбы, [такие] как агентура, была заброшена и к ней относились пренебрежительно, к тому же брали людей «на глазок» и частично фабриковали документы.

В ряде районов с осведомлением не работали и не работают. Начальники РОМ, как правило, с агентурой не работают (формально считается прикреплена), перепоручают работу с ней малоквалифицированным работникам. Одновременно указал, кто с какой агентурой должен работать, и в то же время заострил внимание на приобретении более

квалифицированной агентуры, поскольку работа с приобретением этой агентуры обстоит слабо.

Мало было обращено внимания на работу с агентурой, а главным образом проводили борьбу с уголовщиной репрессией через высылку, и здесь сказалась работа врагов. Приводит факты по целому ряду районов и ряд фактов нарушений, допущенных при арестах, обысках и т.д.

По паспортной работе, в особенности в штрафной политике, привел ряд примеров, когда наложенный штраф не взыскивался.

В заключение отметил роль парторганизации и указал, что начальники РОМ не чувствуют контроля партийной организации и совершенно не отчитываются на колхозных собраниях, а тем более перед парторганизацией, и указал, что, очевидно, будет разрешен вопрос о созыве областного совещания парторгов первичной организации РКМ.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ тов. ВЕРЕВКИ.

1. Тов. КАМИНСКИЙ. Нач[альник] Шпиковского РОМ.

В своем выступлении отметил, что решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР имеет большое значение в свете Сталинской Конституции и придется крепко его выполнять. Далее отметил, что мы все допускали нарушения, о которых говорится в постановлении ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. В то же время коснулся прокуратуры, в частности прокуратуры Шпиковского района, которая находилась не на своем месте, в результате чего допускались нарушения при арестах и т.п.

В порядке предложения считает необходимым созыв совещания парторгов первичной организации.

2. Тов. ДМИТРИЕВСКИЙ. Нач[альник] отдела уголовного розыска УРКМ.

Останавливаясь на фактах, отмеченных в постановлении ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., указал, что часто мы задержанных определяем по наружному виду, а потом собираем материалы.

В порядке предложения отметил, что должен быть учтен весь подозрительный элемент.

Коснулся недочетов работы с агентурой и привел факты, когда на связи у одного работника находится 50 осведомителей и когда агентура неправильно использовалась, и в то же время отметил отсутствие работы с доверенными людьми.

Многие начальники РОМ не работают с агентурой, ссылаются на работу другого порядка, перепоручая ее другим работникам, совершенно не помогая им. Наряду с этим подчеркнул, что все это взятое в целом усложняет работу по вскрытию преступности. Напомнил начальникам РОМ, что они ответственны в первую очередь за состояние района, а отсюда, следовательно, ответственны за все совершенные преступления в районе.

Обратил внимание начальников РОМ на недисциплинированность, когда запросы, связанные с личностью задержанного, не выполняются.

[...] 4. Тов. КУЧЕРЯВЫЙ. Нач[альник] Жмеринского РОМ.

Выступая, сказал, что наше сегодняшнее совещание связано с проработкой постановления ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., и признал, что мы не знаем, а если знали, то забыли исторический документ

1933 года — как постановление ЦК и СНК СССР³. А потому допускали нарушения. Называет нарушения, сделанные в Жмеринском районе. Признал свои ошибки, что плохо работал с агентурой и не работал над воспитанием молодого состава и недостаточно проводил политическую работу среди состава.

В заключение отметил, что со стороны областного управления не была оказана помощь в работе с агентурой.

5. Тов. *БУРАЧЕНКО. Нач[альник] Тепликского РОМ.*

Отметил, что будет правильно, если будем открыто говорить о всех своих недочетах в работе. В кратких чертах коснулся в части плохих взаимоотношений с прокуратурой, а также остановился на штрафах и заявил, что со штрафами у него и в других районах целая неразбериха.

[...] 7. Тов. *КОЗИЦЫН. Нач[альник] Калиновского РОМ.*

В своем выступлении отметил, что прежняя практика работы с агентурой была направлена на то, чтобы мешать и вредить нашей работе. Признал свои недочеты в работе с агентурой и признался в допущении нарушений при арестах. Отметил, что нарушения следует в первую очередь отнести за счет прокурора.

8. Тов. *СЕРГЕЕВ. Нач[альник] паспортно-регистрационного отдела УРКМ.*

В своем выступлении остановился на том, что в процессе очистки запретной зоны были допущены ряд ошибок и одновременно обратил внимание, что все еще допускаются ошибки в отказе в прописке, а также в практике штрафной политики, и привел факт по Станиславчикскому району. Далее отметил, что в большинстве случаев мы основные законы не знаем, а подшиваем к наряду и забываем их, тем самым делаем вредное дело. Одновременно обратил внимание, что все законы должны прорабатываться с составом и состав должен знать законы, учтя, что состав молодой и он их не знает.

Председательствующий объявляет перерыв до 19 часов 27 ноября 1938 г.

После перерыва возобновляются выступления по докладу капитана милиции тов. *ВЕРЕВКИ.*

9. Тов. *ТЕРНИВСКИЙ. Областной прокурор.*

В своем выступлении отметил, что под руководством нашей партии и правительства органы НКВД провели большую работу по борьбе с врагами народа — троцкистско-бухаринской бандой, диверсантами, шпионами и т.д.

Наряду с этим, отметил недочеты и считает, чтобы на основе самокритики и критики развернуть работу как следует. Касаясь незаконных арестов, заявил, что все нарушения, которые имели место, должны быть отнесены не только к милиции, но и за счет прокуратуры. Указал, что этим

³ Імовірно, йдеться про інструкцію ЦК ВКП(б) і РНК СРСР «Про припинення масових виселень селян, впорядкування арештів і розвантаження місць ув'язнення» від 8 травня 1933 р. Див.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. В 5 тт. (Т. 3. Конец 1930—1933) (Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.— М.: РОССПЭН, 2001.— С. 746—750.

самым мы нарушали 127 ст. Сталинской Конституции. Наряду с этим, отметил, что органы милиции заводят дела по таким видам [преступлений], по которым не следовало бы заводить. И заводя такие дела, часто отрываем колхозников от их работы.

Кроме того, отметил, что в органы милиции влилось 10% молодого состава, которые совершенно не знакомы с УПК, и что состав загружен ненужной следственной работой.

[...] 12. Тов. **МАКАРЕНКО**. Нач[альник] Ситковецкого РОМ.

В своем выступлении заявил, что он выдвиженец и сам недавно работает в органах РКМ. На первых порах казалось трудно, но дальше вошел в курс работы милиции, а также отметил слабую работу по очистке района от паразитирующего элемента, так как при усиленной работе можно было бы больше сделать.

13. Тов. **КОМАРОВ**. Зам[еститель] нач[альника] УРКМ.

Отмечает, что постановление ЦК и СНК СССР — документ большой политической важности, и что в постановлении отмечено, что органы НКВД работали упрощенно. Далее коснулся обслуживания трудящихся и привел ряд фактов, которые свидетельствуют о бездушном отношении к обслуживанию трудящихся. Если взять изъятие оружия, то нужно указать, что эта работа приняла характер конфискации оружия, охотничьего оружия, вопреки существующему положению. Все эти недочеты являются результатом того, что не работаем над собой.

Начальники РОМ должны провести работу среди основного костяка РК милиции с тем, чтобы не допускать нарушения постановления ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г.

14. Тов. **МЕЛЬНИЧУК**. Нач[альник] политотдела УРКМ.

Выступая, сделал замечание, что постановление ЦК и СНК СССР не следует прорабатывать, как это высказался один из выступающих, а, скорее, будет то, что следует изучить постановление ЦК и СНК СССР, в особенности учесть, что в наши ряды прибыло большое пополнение из РККА.

И последнее — это вопрос очистки наших рядов от ненужного элемента, мешающего работать.

Наши парторганизации слабо изучают наш состав, а его необходимо изучать и увольнять политически неблагонадежных лиц и соц[иально] чуждый элемент.

Коснулся отдела уголовного розыска и сделал замечание, что розыску необходимо будет перестроиться.

15. Тов. **БАЗЫЛЮК**. Нач[альник] отделения отдела БХСС УРКМ.

Отметил, что все выступающие в своих выступлениях имели уклон борьбы с уголовщиной и забыли борьбу с расхищением социалистической собственности и борьбу со спекуляцией.

[...] 18. Тов. **МИЩЕНКО**. Секретарь обкома КП(б)У.

В своем выступлении отметил, что даром тов. КОРАБЛЕВ во вступительном слове сделал замечание, что постановление ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 года является строго секретным.

Постановление ЦК и СНК СССР является большим политическим документом, который поможет нам искоренить все недочеты, имеющиеся в работе РК милиции.

Заострил внимание по вопросу партийной работы и отметил, что коммунисты, работающие в милиции, разрешение того или другого вопроса ставили по ведомственной линии, а не ставили на разрешение партийных масс, партийного комитета.

Отметил низкий политический уровень милицейского состава, что объясняется тем, что не занимались над собой, а отсюда и вывод — допускали ошибки в работе.

Одновременно с этим тов. МИЩЕНКО указал, как необходимо организовать учебу. Обратил внимание на то, что в работе органов РКМ есть много формализма, и привел факт по Гайсинскому району.

В заключение тов. МИЩЕНКО сказал, что задачи, вытекающие из постановления ЦК и СНК СССР, для нас должны быть ясны и конкретны.

- 1). Немедленно, как указано в постановлении ЦК и СНК СССР, перестроить нашу работу.
- 2). Повысить дисциплину в РК милиции.
- 3). Повысить бдительность и партийную дисциплину и повысить роль политотдела в органах РКМ.
- 4). Работать так, чтобы не повторять тех ошибок, которые наделали.

Нужно, чтобы все здесь присутствующие на совещании совместно с начальниками РО НКВД еще раз прочитали и усвоили постановление ЦК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., и предупредил еще раз присутствующих, что постановление является [документом] строго секретного характера.

В заключительном слове тов. КОРАБЛЕВ еще раз указал всем присутствующим, что работа должна быть построена так, чтобы впредь не делать перегибов и извращений, имевших у нас место. Одновременно напомнил начальникам РОМ о том, что они должны сами заниматься с агентурой, не перепоручая ее малоквалифицированным работникам.

С квалифицированной агентурой следует работать квалифицированному составу.

Если сделать анализ следственной работы, проведенной милицией, то увидим, что все дела — одиночки, а групповые дела отсутствуют, мало-мальски значительных групп не вскрывали.

Привел ряд фактов по районам о плохой работе и злоупотреблениях милицейских работников.

СЕКРЕТАРЬ [підпис нерозбірливий]

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 39, арк. 109–124.
Засвідчена копія. Машинопис.

**Із стенограми закритих зборів партійної організації
УДБ УНКВС по Вінницькій області про помилки
в оперативній роботі**

26 грудня 1938 р.

ПРИСУТСТВОВАЛО: членов партії — 42 чолов[ека]. Кандидат[ов] партії — 18 чолов[ек]. Секретарь обкома КП(б)У т. БУРЧЕНКО.

Тов. СТЕПАНУХА. Секретарь парткомитета.

Товарищи, разрешите закрытое партийное собрание парторганизации УГБ Упр[авления] НКВД считать открытым.

Для ведения собрания прошу избрать президиум. Какие будут предложения?

С места: есть предложение избрать президиум из 3-х человек.

Тов. СТЕПАНУХА. Какие будут кандидатуры в состав президиума? [...]

Тов. СТЕПАНУХА. Итак, товарищи, голосованием в состав президиума прошли 3 человека: т.т. ДАНИЛЕЙКО, БУРЧЕНКО и СТЕПАНУХА. Прошу занять места в президиуме.

Тов. СТЕПАНУХА. На повестке дня закрытого партийного собрания стоит один вопрос: об ошибках и извращениях в работе Управления НКВД. Доклад тов. КОРАБЛЕВА.

[...] *С места.* Есть предложение дать докладчику для доклада один час. Предложенный регламент утверждается.

Слово для доклада предоставляется тов. КОРАБЛЕВУ.

Тов. КОРАБЛЕВ.

Товарищи, сегодняшний мой доклад об ошибках и извращениях в работе управления НКВД, по существу, не является новостью для большинства присутствующих здесь товарищей, потому что на прошедших оперативных совещаниях мы с Вами прорабатывали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года и до этого, на проводимых в последнее время совещаниях, мы подробно и обстоятельно подвергали разбору всю нашу работу — как следственную, так и агентурную, и выносили те или иные суждения.

Имея в виду то обстоятельство, что этот вопрос мы разбирали на оперативных совещаниях, а парторганизация осталась фактически в стороне, что по служебной линии мы этот вопрос разбирали, наметили ряд мероприятий для исправления имеющихся ошибок и извращений в нашей работе, а по партийной линии ничего не было сделано. Посоветовавшись с секретарем обкома КП(б)У тов. МИЩЕНКО и тов. СТЕПАНУХОЙ, мы пришли к мнению провести партийное собрание, на котором обсудить те ошибки и извращения, которые были допущены в нашей работе, заострив на таковых внимание всей парторганизации с тем, чтобы еще больше мобилизовать членов партии — чекистов на выполнение исторического решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года и с тем, чтобы изжить все то плохое, что было в нашей работе. [...]

ЦК ВКП(б) и СНК СССР в этом постановлении отмечают ряд фактов извращения и перегибов, допущенных органами НКВД, выразившихся в необоснованных арестах, без наличия достаточных материалов на это, в умышленном запутывании следствия со стороны пролезших в органы НКВД врагов народа с целью сохранить от репрессий контрреволюционные кадры и т.д.

Кроме этого, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем постановлении прямо говорят, что работники НКВД за последние 2 года — 1937–1938 гг., за период массовых операций потеряли всякий вкус к агентурной работе, т.е. к основному нашему оружию, при помощи которого мы вскрываем и должны вскрывать к[онтр]р[еволюционные] формирования.

Вот, примерно, коротко, что констатировали в своем постановлении от 17 ноября с.г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР о тех ошибках и извращениях, которые были допущены органами НКВД и прокуратурой, поскольку НКВД работал совместно с прокуратурой.

Что проделано Управлением НКВД, какая проведена нами работа по разгрому к[онтр]р[еволюционного] подполья в Винницкой области?

Оговариваюсь, что я делаю доклад за время моей работы в управлении, а именно — с 19 марта с.г. и по сегодняшний день.

Коллектив чекистов УНКВД за это время под руководством партии провел большую работу по разгрому к[онтр]р[еволюционного] подполья всех мастей. Нами вскрыта крупная организация украинских буржуазных националистов, повстанческие организации и формирования, вскрыта и ликвидирована организация правотроцкистского толка, сионистские организации. Вскрыта и ликвидирована очень крупная агентура польской разведки, т.н. «ПОВ»⁴, вскрыта большая агентура румынской разведки и, кроме этого, нами проделана значительная работа по очистке наших органов от пробравшихся в них врагов народа.

Таким образом, в целом коллектив чекистов управления НКВД провел под руководством партии большую, положительную, серьезную работу, направленную на дальнейшее успешное строительство социализма.

Какие же ошибки были допущены нами в этой большой работе, проделанной нами, и какие извращения? УНКВД по Винницкой области не является исключением из общего числа управлений НКВД. Наше управление также допустило ряд крупнейших ошибок и извращений советского законодательства.

В чем основные ошибки и извращения?

⁴ Див.: Великий терор: польська операція 1937–1938 / Редкол.: Є. Беднарек, В. В'ятрович, С. Кокін та ін. — Варшава; К., 2010. — Ч. 1. — 1037 с.; Ч. 2. — С. 1038–1983; Справа «Польської Організації Військової» в Україні. 1920–1938 рр. / Упоряд.: С. А. Кокін, Р. Ю. Подкур, О. С. Рубльов. — К.: Головна редколегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», 2011. — 472 с.

Нужно признать, что ряд партийцев-чекистов совершенно забыли имеющиеся решения партии от 8 мая 1933 года, от 1935 года — об арестах⁵: кого можно и как арестовывать. Забыли постановление партии 1937 г., данное в развитие двух предыдущих постановлений⁶, и, увлекшись упрощенным видом следствия и разбора дел, отдельные лица допустили ряд ошибок.

Надо признать, что этим ошибкам и извращениям в работе нашего управления способствовало то положение, что в нашем аппарате сидели пробравшиеся вредители, шпионы и заговорщики. Достаточно указать, что на таких ответственных участках, как 4 и 5 отделы, как отдел кадров, сидели враги народа и, как это видно из следствия, эти враги и изменники старались всячески запутывать дела и совершать нарушения советского законоположения — директив партии и правительства.

Прежде чем перейти к изложению фактов извращений, хочу остановиться (в нескольких словах) на той работе, которую мы провели по очистке кадров.

Работа по очистке кадров является, по существу, одной из основных наших работ в деле успешной борьбы с врагами. Достаточно сказать, что за этот сравнительно небольшой отрезок времени — половина марта и конец декабря месяца — всего по управлению НКВД по оперативным и неоперативным отделам уволено, арестовано и откомандировано по компрометирующим материалам 284 человека. Сюда входят и отдел связи, и АХО, и пожарная охрана и проч.

Эта цифра говорит за то, что отделом кадров совместно с руководством и коллективом сотрудников проведена была большая работа по очистке наших органов от врагов и соц[иально] чуждого элемента.

По линии милиции за этот период уволено, арестовано и откомандировано по компрометирующим материалам всего 281 человек.

Таким образом, всего по органам НКВД Винницкой области за это время уволено, арестовано и откомандировано более 500 человек.

Остановлюсь коротко на том, кого мы арестовывали или увольняли из органов. Мы вскрыли и репрессировали ряд шпионов и заговорщиков, пробравшихся в наши органы и проводивших свою предательскую, подрывную работу.

Всего по УНКВД арестовано 72 человек, из них: по УГБ — 10, по милиции — 41, по ОМЗ — 6, по ОПО — 6 и т.д. Эти изменники и предатели, находясь в аппарате УНКВД, как это выяснилось на следствии, вели большую шпионскую и вредительскую работу.

⁵ Постанову РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про порядок проведення арештів» від 17 червня 1935 р. див.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 4. 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.— М.: РОССПЭН, 2002.— С. 537–538.

⁶ У 1937 р. політбюро ЦК ВКП(б) ухвалювало чимало постанов про боротьбу із «ворогами народу», зокрема про «Затвердження положення Особливої наради при НКВС СРСР» (8 квітня 1937 р.), «Про антирадянські елементи» (2 липня 1937 р.), санкціонувало оперативні накази НКВС СРСР про проведення масових операцій тощо.

По каким признакам мы увольняли из аппарата людей?

Мы очищали свой аппарат от пробравшихся в него лиц социально чуждого происхождения, от политически сомнительных людей (находились в плену у белогвардейцев, имели связи с антисов[етским] элементом и т.д.), от лиц, имеющих родственников за границей, от людей, ближайшие родственники которых репрессированы как враги народа, и т.д.

Одновременно мы пополняли свои ряды за счет мобилизации через обком партии — честных, проверенных коммунистов и комсомольцев.

Кроме того, по предложению отдела кадров наркомата, дополнительно к тем цифрам, о которых я говорил, нам было предложено уволить еще 18 человек работников управления по компрометирующим материалам. Из этих 18 челов[ек], предложенных Киевом, к увольнению мы уволили 16 человек.

Должен сказать, что по этому списку были уволены нами 2 сотрудника без компрометирующих материалов. Почему это произошло?

Произошло это потому, что отдел кадров наркомата, получая от нас альбомы, предлагал нам тех или иных сотрудников уволить. В числе таких лиц и были эти 2 сотрудника. Фамилий их я сейчас не помню. Мы были против увольнения этих двух сотрудников, но так как из Киева поступило еще раз распоряжение об их увольнении, мы вынуждены были их уволить. Правда, мы это дело исправили, восстановили их на работе. Но факт остается фактом, что мы уволили двух сотрудников без компрометирующих материалов, по настоянию отдела кадров наркомата.

К чему я это говорю?

На сегодня является установленным, что бывший нарком Украины УСПЕНСКИЙ, оказавшийся врагом народа, помимо того, что он предатель-изменник, являлся еще и антисемитом, и в своей практической работе отдел кадров наркомата, видимо, подпадая под влияние врага народа УСПЕНСКОГО, и проводил гонение на евреев. Иначе нельзя объяснить увольнение этих двух человек без наличия на них компрометирующих материалов, но с припиской отдела кадров наркомата — подлежат увольнению по компрометирующим материалам.

Второе. Отделом кадров наркомата был представлен список на ряд лиц, подлежащих увольнению и откомандированию. Этот список мы задержали на свой страх и риск и людей не уволили, несмотря на двукратное предупреждение.

В ноябре месяце мы поставили вопрос перед Киевом о пересмотре этого решения, и из этого списка Киев разрешил оставить 8 сотрудников, а остальных предложил пересмотреть. Мы еще раз пересмотрели этот описок. Я, признаться, не склонен отнести эти материалы (материалы на этих лиц) к серьезным. По-моему, эти материалы недостаточны для того, чтобы этих сотрудников уволить. Я считаю, что мы поступили правильно, не уволив этих сотрудников. Мы еще раз поставим вопрос об оставлении этих сотрудников в органах. Я лично считаю, что отдел кадров наркомата под воздействием врага народа УСПЕНСКОГО пытался проводить политику по увольнению из наших органов евреев, т.е. проводили антисемитскую политику.

Попутно хочу отметить, что среди чекистов нашей области, подлежащих увольнению, и которые, видимо, будут уволены, вопрос этот будет стоять на бюро обкома КП(б)У, за последнее время появились такие разговоры: «Нас, квалифицированных работников, зажимали, устраивали гонение» и т.д. Хочу прямо заявить, что эти разговоры имеют место среди тех сотрудников, которые подлежат увольнению из органов НКВД, и, следовательно, здесь партийной организации и в целом коллективу чекистов надо разграничивать здоровое от больного.

Это по линии УГБ.

Я не буду касаться вопроса по неоперативным отделам, ибо это займет много времени. Скажу только, что по таким отделам, как отдел связи, коммандатура, санотделение, АХО и проч[ее], уволено и арестовано 67 человек по различным компрометирующим материалам. По линии пожарной охраны уволено и арестовано 38 человек и т.д.

Приведенные мною цифры говорят за то, что отделом кадров управления проведена большая работа по очистке кадров от антисоветских, контрреволюционных и соц[иально] чуждых элементов, но при этом, подчеркиваю еще раз, допущена ошибка по части увольнения двух сотрудников, которые на сегодня восстановлены на работе, есть и другие дефекты в работе отдела кадров.

Какие нарушения были допущены нами в оперативной работе?

Те материалы, которыми мы на сегодня располагаем, свидетельствуют о том, что не всегда производились правильно аресты, несмотря на основательные материалы, отдельные работники и органы НКВД нашей области иногда допускали освобождение арестованных без детальной проверки материалов. У нас крайне безобразно относятся к вопросу оформления дел, к вопросу чистоты допроса свидетелей, и даже имеют место случаи грубейшего нарушения советского законодательства — физические методы, применяемые отдельными работниками в отношении арестованных, т.е. я хочу сказать, что наше областное управление больно теми же болезнями, что и другие управления, о чем указано в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Приведу несколько фактов.

Так, например, Жмеринским РО НКВД в бытность там НАЗАРЕНКО 10 марта 1938 года был арестован некий ПРОЦЕНКО, по материалам якобы он из торговцев, служил у гетмана (в варте), проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию и т.д. Первый протокол допроса был снят 18 марта (через 10 дней), а всего был допрошен 7 раз. Причем следствием не подтвердилась его служба у гетмана, к[онтр]р[еволюционная] агитация и проч. Просидел этот ПРОЦЕНКО под стражей три месяца и 25 дней, почти четыре месяца, и был выпущен на свободу. Обвинение предъявлено не было.

Что еще характерно. До ареста этот ПРОЦЕНКО работал возчиком, по существу, человек социально близкий нам, не кулак, не антисоветчик, у гетмана не служил.

Могилев-Подольским горотделом НКВД 12 марта с.г. был арестован некий КРУШЕЛЬНИЦКИЙ по обвинению в тесной связи

с участником к[онтр]р[еволюционной] организации КУШНИРОМ, в проведении к[онтр]р[еволюционной] агитации. Во всяком случае, так гласит постановление на арест. Следствием ничего не подтвердилось. Сам КРУШЕЛЬНИЦКИЙ не сознался, свидетели характеризуют его с положительной стороны. Дело было прекращено. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ был освобожден. Сидел он около 2-х с лишним месяцев. Причем КРУШЕЛЬНИЦКОМУ не было предъявлено обвинение в течение месяца и 10 дней. Сам он колхозник, никакой к[онтр]р[еволюционной] агитации не проводил, ни в каких бандах не участвовал.

3-м отделом управления в апреле м-це 1937 года был арестован некий КОВАЛЬЧУК как участник к[онтр]р[еволюционной] троцкистской террористической организации по показанию САМУТИНА (участника к[онтр]р[еволюционной] организации). КОВАЛЬЧУК этот — учитель Винницкой средней школы, причем точно не было установлено имя и отчество КОВАЛЬЧУКА, подлежащего аресту. Схватили этого КОВАЛЬЧУКА и посадили. КОВАЛЬЧУК доказывает, что он никакого отношения не имеет к тому КОВАЛЬЧУКУ, которого обвиняют в указанных преступлениях. Держали его до 17 июня 1937 года и освободили. Человека посадили без всяких оснований. Следствие по делу КОВАЛЬЧУКА вел ТАТАРЧУК.

Еще один факт. 11 июля 1938 года 3 отделом управления была арестована некая ГОЛУБИНЕЦ, до ареста служившая в книгокультторге (г. Казатин). Арестована по справке бывшего работника РО НКВД СИКОРСКОГО, что якобы она является агентом японской разведки. Впоследствии оказалось, что материал был СИКОРСКИМ составлен на основании личных счетов. Позже СИКОРСКИЙ сам был репрессирован, а материалы на ГОЛУБИНЕЦ не соответствовали действительности. Человек ни в чем не повинный сидел под стражей до 22 июля.

Приведу еще более разительный факт по нарушению советских законоположений.

Могилев-Подольской оперследгруппой 19 июня 1938 г. с санкции 3 отдела управления был арестован некий КОЖУХАРЬ. Из справок видно, что КОЖУХАРЬ изобличается в шпионской деятельности. До 1917 года был монахом, был в Румынии, кулак, активный участник кулацко-петлюровского восстания и т.п.

Что оказалось? Этого самого КОЖУХАРЯ продержали под стражей до 10 июля и оовободили, причем непонятно, почему освободили. В деле нет ни одного протокола допроса обвиняемого, ни одного протокола допроса свидетелей. Как будто бы дело имели с заядлым шпионом, диверсантом, контрреволюционером, который по каким-то причинам оказался выпущенным на свободу. Видимо, это относится к периоду работы там ТИМОФЕЕВА.

Это дело сейчас находится в стадии выяснения у особоуполномоченного.

Жмеринским РО НКВД 9 марта 1938 г. арестован некий ПОЛИЩУК. По данным РО, ПОЛИЩУК — бывший белый офицер, антисоветчик. Следствие проводил помоперуполномоченного ИВАНОВ. В деле имеется один протокол допроса обвиняемого и один протокол допроса свидетеля. ПОЛИЩУКУ не было предъявлено обвинение. В общем расследование

как следует не было проведено, и 3 июня дело было прекращено. Казалось бы, что если в РО НКВД был материал о том, что ПОЛИЩУК — белогвардейский офицер и т.п., значит, нужно было расследовать этот вопрос как следует, но этого не было сделано. Дело это сейчас находится у особоуполномоченного в стадии выяснения причин, послуживших к прекращению.

Не менее безобразный факт имел место в Станиславчикском РО НКВД.

В Станиславчикском РО НКВД велось следствие по делу арестованного СЛАТЮКА, на которого имелось одно не прямое показание участника украинской националистической к[онтр]р[еволюционной] организации о том, якобы ему известно, что СЛАТЮК также состоит в этой организации. СЛАТЮК сам не сознался. Бывший секретарь РО НКВД тов. РЕПЕЙ допросил нескольких свидетелей, от имени которых записал показания, совершенно не соответствующие тем показаниям, которые дали свидетели, и не зачитав эти показания, дал свидетелям подписать.

Это дело пришло в УНКВД. Здесь работники 4 отдела усомнились в правдоподобности показаний, и свидетели были допрошены вновь, которые показали, что они таких показаний о СЛАТЮКЕ не давали. Наоборот, характеризовали последнего с положительной стороны. Были еще допрошены два свидетеля, которые также дали положительный отзыв о СЛАТЮКЕ. СЛАТЮК был освобожден. Дело прекращено. Материал в отношении РЕПЕЯ передан особоуполномоченному для расследования.

Не могу обойти молчанием следующий очень характерный факт извращения методов следствия.

В Липовецком РО НКВД в бытность там начальником РО ЗЛОБИНА районный прокурор решил зайти в КПЗ и проверить арестованных. Дежурный его не пустил в камеру. Прокурор спрашивает: «Почему не пускаете?». «Не могу», — говорит. Прокурор звонит нач[альнику] РО, которого в ту минуту не оказалось на месте. Звонит он областному прокурору ТЕРНИВСКОМУ, который послал туда ДРУГОБИЦКОГО. Естественно, ДРУГОБИЦКИЙ зашел в камеру. Что выяснилось? Работники милиции с ведома ЗЛОБИНА в работе по выкачке оружия у населения допускали ряд извращений — допускали физические методы воздействия, т.е. попросту избивали арестованных. Прокурор взял врача, составил акт, допросил арестованных — факт налицо. Тогда ЗЛОБИН пишет рапорт: «По существу изложенного доношу, что КРАСНОСЕЛЬСКИЙ — бывший гайдамак, по нашим данным, имеет пулемет. Мы в течение 3-х суток его допрашивали, но все же он отрицал наличие у него пулемета. Впоследствии к нему был применен более строгий режим и энергичный допрос. Однако на допросе он вел себя вызывающе и просто не хотел сидеть на стуле, а все время падал на пол. На предложение встать и сесть на стул он отказывался, и, дабы заставить его встать, были применены некоторые меры физического воздействия, в результате которых оказались изменения на кожной поверхности».

Следует указать, что этот материал в свое время был направлен в отдел кадров и был замаринован ЛИНОМ, оказавшимся врагом народа (в то

время особоуполномоченного не было и его функции выполнял отдел кадров).

В данное время материал находится у особоуполномоченного, который производит расследование.

Я хочу ознакомить партсобрание с весьма возмутительным фактом, который имел место в Калиновском РО НКВД. Бывший работник РО НКВД КУРАС, который на сегодня уволен из наших органов, решил, что ему одному не хватит времени производить допросы свидетелей, вследствие чего мобилизовал на эту работу учителей, председателей сельсоветов, секретарей с/с, зав[едующего] спецчастью райисполкома и дал им установку: если вы вызываете свидетелей и они отказываются давать показания, значит, они врут, они скрывают. Не обращайтесь внимания, если он говорит даже, что не знает этого обвиняемого, пишите показания и давайте подписывать. И так делали. Допрашивали колхозников, которые заявляли, что они ничего не знают, зачитывали им показания и заставляли подписываться. И так фабриковали дела. Это возмутительный факт, который не лезет ни в какие ворота. Это прямая контрреволюционная линия. Причем делалось это вполне сознательно. Ибо что значит давать установку брать липовые записи, то, чего не говорит обвиняемый или свидетель, и строить липовые дела? Это делалось специально, с расчетом на вызов извращений советских законов, советской действительности. Эти дела мы сейчас пересматриваем. Материал на КУРАСА направлен особоуполномоченному, который производит расследование.

Подобные факты мы имеем и по милиции, на которых я подробно останавливаться не буду. Продемонстрирую пару фактов, свидетельствующих о том, что милиция в своей работе также допустила ряд ошибок и извращений.

Начальник паспортного стола Копайгородского РОМ ПАВЛЮК, проводник служебно-разыскной собаки ТЕНДЕРУК и милиционер ГРИЦЮК во время проведения работы по изъятию у населения незаконно хранящегося огнестрельного оружия, будучи в с. Лунчики, вызвали гр. МОРОЗЮКА и потребовали сдать оружие. Получив отрицательный ответ, ПАВЛЮК стал наносить побои МОРОЗЮКУ, затем вывел его в коридор и поставил к стене. Продержал в таком положении более полусуток. ТЕНДЕРУК при допросе МОРОЗЮКА также принимал меры физического воздействия, нанося побои. Такие же методы допроса ПАВЛЮК, ТЕНДЕРУК и ГРИЦЮК применяли по отношению к задержанным, а впоследствии освобожденным КОЛЕСНИКУ, МОЧАРНОМУ, ОЛЕЙНИЧЕНКО и КРИВКО.

ПАВЛЮК, ТЕНДЕРУК и ГРИЦЮК преданы суду и приговорены: первый на 6 лет, второй на 5 лет и третий на 1,5 года лишения свободы.

Ряд подобных фактов имели место и в других РОМ. Так, например, милиционер Брацлавского РОМ БАХОВСКИЙ самовольно обыскал арестованного ТАРНОПОЛЬСКОГО, изъяс у него блокнот с записями, имевшими отношение к следствию, и др[угие] вещи и передал их жене арестованного. Встретив его дочь, рассказал ей о ходе следствия и сообщил,

когда ее отец будет этапироваться, с тем, чтобы предоставить свидание. БАХОВСКИЙ осужден.

Мы имеем ряд фактов, когда работники милиции осуществляли письменную связь между арестованными и их семьями.

Имеет место также ряд нарушений в паспортном режиме. Людям неправильно отказывали в прописке.

Как-то дело разбиралось на тройке. Рабочий из Донбасса, всю свою жизнь рабочий, уроженец одного из районов нашей области, кажется, Гайсинского, приехал домой — на свою родину — и захотел пожить дома. Милиция ему отказала в прописке и предложила выехать из района. Он не подчинился. Тогда его арестовали и дали 2 года. Мы отменили это постановление и только тогда этот рабочий был прописан.

Я должен сказать, что милиция наделала массу нарушений по линии паспортизации, чему способствовало то обстоятельство, что в органах милиции, в первую очередь — в областном управлении, долгое время орудовали пробравшиеся туда враги народа, ныне разоблаченные. Вот, примерно, основные характерные факты тех ошибок и извращений, которые мы имели в своей работе в прошлом и которые надо немедленно и решительно изживать и не допускать в дальнейшем.

Несколько слов о нарушениях, допущенных на сегодня.

Вам известно, что имеющиеся у нас старые следственные дела в связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября с.г. и приказом НКВД СССР № 00762 собраны и переданы в созданную следственную группу.

Следственная группа укомплектована за счет лучших оперативных работников управления, лучших и по квалификации, и по объективности людей, что очень важно. С этим составом мы провели несколько оперативных совещаний, этот же состав участвовал в проработке приказов НКВД СССР и постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, и, кроме этого, было проведено еще два совещания с участием прокуроров. Казалось бы, что все разобрано, положено, как говорят, в рот. И странным кажется то, что на сегодня следственная группа в своей работе допустила ряд серьезных ошибок.

Мне кажется, что для всех членов партии — чекистов должны были быть понятыми задачи, поставленные партией и правительством перед органами НКВД на сегодня. Понятно, что работники следственной группы должны были повысить бдительность, внимательней относиться к порученной им весьма ответственной работе. Однако не всеми это делалось.

За первую декаду своей работы следственная группа освободила 52% из всех рассмотренных ею дел на это время. Процент, как видите, большой. В порядке перепроверки я решил взять на выдержку 4 дела⁷. Что это за дела? Из трех дел два дела были неправильно прекращены. Одно дело — человек пытался перейти нелегально границу в Румынию, сознался, дал показания, даже при допросе в присутствии прокурора подтвердил свои показания (допрашивал его БАРДАДЫМ). Причем допрос, который

⁷ Так у текстi. Ймовірно, «на перегляд».

производился с участием прокурора, так был построен, чтобы арестованный отказался от своих показаний. Но все-таки арестованный подтвердил свое намерение перейти границу. В конце концов следственная группа постановила: «Из-за отсутствия состава преступления обвиняемого ЛЮДВИК освободить».

ЛЯШКО также освободили с такой же мотивировкой. Оказалось, что все свидетели, допрошенные по его делу, дают отрицательные материалы, характеризуют его как антисоветчика. Правда, показания общие, не конкретные, но тем не менее писать «из-за отсутствия состава преступления — освободить» не имели права. Нужно было взять справки из колхоза, сельсовета, установить, кто такой ЛЯШКО — антисоветчик или советский гражданин. Ничего этого сделано не было, а человека освободили.

Точно так же был освобожден МЕТЕЛЕВ. Здесь НАЗАРЕНКО допустил грубое нарушение имеющегося законоположения. В чем это нарушение? В том, что на МЕТЕЛЕВА были показания некоего САБАЛЯ и СУХОВЕЕНКО, ранее репрессированных. Прокурор написал разыскать эти показания, приобщить к делу, и если окажется, что они на МЕТЕЛЕВА не показывают, то последнего освободить и привлечь к ответственности по должностным преступлениям. НАЗАРЕНКО этих показаний не добыл, и МЕТЕЛЕВ был освобожден. Хуже того, МЕТЕЛЕВ сам признался в своем участии в фашистском заговоре, о чем он написал в заявлении, и после отказа от этого заявления не был допрошен. И сейчас выходит, что в деле имеется заявление МЕТЕЛЕВА, а его освобождают «из-за отсутствия состава преступления».

Правда, сейчас разыскивали показания САБАЛЯ и СУХОВЕЕНКО, оказалось, что они действительно МЕТЕЛЕВА не называют участником контр[еволюционной] организации. И допрошен сам МЕТЕЛЕВ, отказавшийся от своего заявления, но в момент его освобождения этого сделано не было.

Вот три факта характерных извращений в работе нашей следственной группы.

Вчера этот вопрос разбирался на партийном комитете. Думаю, что это, бесспорно, окажет положительное влияние на работников следственной группы в части их дальнейшей работы. Виновным в этом работникам следственной группы дали определенные партийные наказания, по линии служебной проведены соответствующие мероприятия.

Я думаю, что эти факты в работе следственной группы больше не повторяются. Об этом говорил и НАЗАРЕНКО и другие работники следгруппы.

Вот коротко о тех извращениях и ошибках, которые имеют место в работе управления НКВД сегодня.

Несколько слов о других, крайне ненормальных явлениях в работе УНКВД.

Видимо, каждый из Вас чувствует, что за последнее время мы прекратили аресты, как будто у нас не стало больше врагов, диверсантов, шпионов, вредителей. Здесь надо прямо сказать, что, видимо, часть работников УГБ шархнула в сторону, и, надо сказать, в очень опасную сторону,

боязни: «Как бы не нажить себе беды». Я должен сказать, что такое явление грозит плохими последствиями. С этим явлением парторганизация и в целом коллектив работников УГБ должны вести решительную борьбу, ибо ЦК ВКП(б) и СНК СССР говорят, что работу по разгрому к[онтр]р[еволюционных] кадров надо вести еще напористей, но более организованными, совершенными методами. Надо решительно ликвидировать боязнь новых арестов, но арестовывать по проверенным материалам.

Несколько слов об агентуре. Надо сказать, что положение с агентурной работой у нас далеко не завидное. На сегодня мало-мальски прилично работают с агентурой и имеют результаты в своей работе 4 отдел, который имеет серьезные дела у себя; 3 отдел имеет кое-что в перспективе (имеет перспективные дела), но пока что недостаточно над ними работает. Неплохо начал работать с агентурой 2 отдел — тов. СКОРОХОД, у которого появилось очень интересное дело, и в целом он начал работать неплохо с агентурой. Кое-что делается в 9 отделе. А такие отделы, как 11, 6, начальник которого тов. ФИЛОНЕЦ, правда, недавно приступил к работе, 12 отдел, ничего по агентуре не делают. Мы не имеем по этим отделам на сегодня сколько-нибудь интересных зацепок, серьезных вербовок агентуры. Вообще надо сказать, что в этих отделах работа с агентурой идет самотеком. Считаю, что члены партии, работающие в этих отделах, должны немедленно учесть это ненормальное положение в своей работе и исправить его, ибо вечно плестись в хвосте нельзя.

Какие задачи стоят перед нашей парторганизацией в целом и перед коллективом чекистов?

Необходимо мобилизовать нашу парторганизацию чекистов на решительное, правильное, партийное выполнение решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября, чтобы мы изжили из своей практики неправильные методы ведения следствия, о которых я говорил, те ошибки и извращения, о которых я указывал выше.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывает нас — чекистов — разобраться с теми следственными делами, которые остались от массовых операций, тщательно разобраться в них, проверить, возможно, сидят невинные люди — их нужно освободить и, наоборот, не допустить, чтобы враги оказались на свободе. В деле выполнения этих задач партийная организация должна сыграть решающую роль, парторганизация должна включиться в это дело. Нам необходимо переломить нездоровое явление боязни новых арестов, необходимо начать производить аресты тех лиц, на которых имеется вполне достаточно проверенного материала. Нам необходимо решительно активизировать работу с агентурой, заняться вербовками новой агентуры, найти подход к состоящим у нас на учете людям, подозреваемым в к[онтр]р[еволюционной] деятельности, для того чтобы вскрыть к[онтр]р[еволюционные] формирования и подрывную деятельность врагов.

Перед парторганизацией в целом и всем коллективом чекистов стоит большая задача по дальнейшему очищению наших органов от пролезших, примазавшихся врагов народа, людей с компрометирующими

материалами и т.д. Потому что только чистота наших рядов обеспечит нам успех в работе.

[...] Вот здесь в практике работы нашего управления не было ни одного случая, когда бы член или кандидат партии, будучи неудовлетворен разрешением того или иного вопроса руководством управления, пошел в обком партии и сказал свою точку зрения: здесь — не так, здесь — извращение и т.п., — таких фактов не было даже в вопросе личного характера. Мы не имеем фактов, чтобы товарищи ходили за разрешением непонятных им вопросов и в свой партийный комитет. И все это потому, что у нас ведомственная дисциплина имеется, а партийной дисциплины в этой части нет.

В этой части надо самих себя перестроить самым решительным образом и со всеми недоуменными вопросами, касающимися перегибов, извращений и т.п., смело идти в обком партии, в парткомитет за разрешением, если руководство не реагирует на ваши сигналы. Надо не забывать, что мы члены партии.

Нам необходимо также совместно с парткомитетом заняться повышением своей чекистской квалификации, повышением политической грамотности, ибо на сегодня играет большую роль квалификация чекиста, имеет решающее значение знание политики партии и правительства.

Есть еще у нас один участок работы, который наша парторганизация не учла. Это разбор заявлений граждан. По совести говоря, кто из вас серьезно относится к этому делу? Правда, есть заявления разные: от семей репрессированных, разного рода заявления от совграждан, касающиеся компетенции органов НКВД, над этими заявлениями не работают. Если, например, з/к указывает в заявлении, что он невиновен, оклеветан, надо рассмотреть его дело и, если он неверно осужден или арестован, освободить. Этому делу парторганизация должна уделить особое внимание.

И последнее — нам надо повысить роль парторганизации в целом. Надо, чтобы парткомитет больше интересовался вопросами производственной работы, работой следственной группы. [...]

С места. В своем докладе тов. КОРАБЛЕВ отметил, что парторганизация УНКВД стояла в стороне от оперативной работы. Пусть ответит тов. СТЕПАНУХА, почему парторганизация УНКВД была не в курсе дел оперативной работы?

Тов. СТЕПАНУХА. Партийный комитет УНКВД действительно не занимался вопросами производственной работы управления. Занимался больше вопросами бытового характера. Попытка со стороны парткомитета была заняться производственными вопросами, но, по-видимому, ввиду непонимания последние не стояли в центре внимания работы такового. После решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР стала ясна та ответственность, которую несет парторганизация за состояние оперативно-следственной работы. Хочу отметить, что постановка этого вопроса на сегодняшнем собрании является результатом того, что, посоветовавшись с секретарем обкома КП(б)У, тов. КОРАБЛЕВ и я решили провести, как выразился тов. КОРАБЛЕВ, такого характера закрытое партсоборание, а [это] не [было] результатом прямого указания свыше.

Сейчас, конечно, парткомитет учел имеющиеся ошибки в своей работе и начал заниматься вопросами производственного характера.

Тов. ДАНИЛЕЙКО. По поводу случая с липовыми протоколами допроса свидетелей в Калиновском РО хочу отметить, что была дана директива за подписью МОРОЗОВА (в бытность его начальником управления) о том, чтобы РО НКВД мобилизовали для ведения следствия коммунистов и комсомольцев, вследствие чего мы можем столкнуться с таким фактом и по другим райотделениям.

Тов. КОРАБЛЕВ. То, что было до меня, мне неизвестно. Такой директивы я не давал. И если бы такая директива была, она была бы неверной, ибо она противоречила бы всем законоположениям. С любой точки зрения недопустимо, чтобы учитель допрашивал от имени следователя свидетелей. Таких установок я не давал и давать не мог. И если они имели место до меня, то они являются, безусловно, неверными.

Выступление тов. ЯЦУНСКОГО. В своем выступлении хочу остановиться на вопросах, затронутых тов. КОРАБЛЕВЫМ в его докладе. Первое — по части разбора заявлений, направляемых в отделы. В частности, в 3 отдел, по моим грубым подсчетам, заявлений посылают больше, чем в какой-либо другой отдел. Причем посылаются заявления различного характера, попадают даже такие заявления, которые не являются компетенцией работы 3 отдела.

Насколько мне известно, создано бюро по разбору заявлений из 3-х человек, работа которого должна заключаться не только в рассылке заявлений по отделам, а и в разборе таковых, в вызове граждан и т.п. Но если учесть то обстоятельство, что это бюро только организовалось, то будем надеяться, что вопрос с разбором заявлений будет налажен.

В своем докладе тов. КОРАБЛЕВ остановился на работе отделов. В своем выступлении я хочу остановиться на положении 3 отдела. Всем вам известно, что 3 отдел является самым большим отделом, отсюда понятно, что и по количеству работников и по выполняемой работе он должен быть большим. Может быть, товарищи подумают, что оправдываюсь, так как я имел недавно крепкую неприязнь, о себе я говорить не буду.

Первое отделение имеет одного человека, причем этот человек является секретарем по переписи⁸. Этот человек по обследованию 1 спецотделения и должен хотя бы элементарно работать по своей прямой работе, хотя [бы] принимать агентуру. Агентуры там имеется немало — до 20 человек. Человек нервничает, чуть не плачет. Я неоднократно ставил вопрос перед руководством. Буквально цеплялся к тов. ПРИШИВЦЫНУ об освобождении тов. ЗОЛОТУХИНА от работы по переписи и получил ответ, что этого сделать никак нельзя. Во всяком случае, о какой положительной работе может идти речь при таком положении?

Если возьмем общее количество работников по 3 отделу, то оно равняется всего 6 человекам вместо положенных 24. Спрашивается, можно работать при такой обстановке в дальнейшем, можно ли говорить о новых вербовках и т.п.? Конечно нет. Мы даже не всегда в состоянии

⁸ Идётся про перепис населення СРСР у 1939 р.

выполнить, вернее, вовремя выполнить запросы Киева. О положении 3 отдела я считаю необходимым поставить вопрос здесь на партсобрании. Правда, говорят, что это временное положение, но это временное явление продолжается вот уже три месяца. А за эти три месяца, пожалуй, кое-кому не поздоровится.

В своем выступлении тов. КОРАБЛЕВ говорил, что надо смелее решать вопрос в части новых арестов. Я понимаю, если у нас есть достаточно материала на то или иное лицо, значит, надо реализовывать таковой. Но все-таки интересно знать, какое количество должно быть материалов и какие именно для того, чтобы арестовать то или иное лицо? В свое время мы вам докладывали, тов. майор, причем в подтверждение своих слов взяли одного свидетеля, потому что 2 человека — это не один человек. В Могилев-Подольском горотделе НКВД было одно небезынтересное дело под названием «ТЕНЕТА», по которому проходит несколько лиц как румынские шпионы и имеется 2 показания, правда, агентурные материалы слабые.

С места. Где находятся лица, проходящие по разработке?

Тов. ЯЦУНСКИЙ. Лица, проходящие по разработке, находятся в различных городах Советского Союза.

С места. А какие вам даны были указания?

Тов. ЯЦУНСКИЙ. Были даны указания — все материалы разослать в те органы, где проживают проходящие по делу лица, что и было выполнено 3 отделом.

Выступление тов. МАРТЫНЮКА. Тов. КОРАБЛЕВ в своем выступлении говорил о тех ошибках и извращениях, которые имели и имеют место в работе управления НКВД. Конечно, эти факты далеко не являются исчерпывающими, есть еще много фактов об ошибках и недочетах в нашей работе, которые не сразу можно выявить.

В данном случае я хочу сказать несколько слов в отношении Калиновского РО НКВД. Здесь на собрании некоторые товарищи говорят, что была директива, предусматривающая мобилизацию работников, не имеющих ничего общего с органами НКВД, для следственной работы. Я хочу сказать обратное. Я помню тот период времени, когда тов. КОРАБЛЕВ на одном совещании дал установку такого характера, которой запрещалось допускать для следственной работы даже работников милиции, не говоря уже о работниках пожарной охраны и т.п. Вот к этому периоду относится этот случай в Калиновском РО НКВД. Спрашиваю обвиняемого: «Кто вас допрашивал?». «Учитель», — отвечает. Допрашивал учитель, которого знают все колхозники. Я даже не могу себе представить такого положения. Вызвал я этих колхозников-свидетелей и спрашиваю: «Знаете вы этого гражданина?». «Нет, — говорят, — не знаем». Я им зачитал протокол допроса их как свидетелей, они отказываются, говорят, что они ничего не знают и ничего не говорили. Вызываю учителя, спрашиваю: «Вы были следователем по этому делу?». «Я, — отвечает. — Я допрашивал в день по 5–6 человек. Фамилии мне называли, и я всех допрашивал». Спрашиваю: «Как же вы допрашивали?». «Очень просто, — отвечает. — Я знал одно, раз арестовали — значит, враг. Дали мне вопросник, и по

этому вопроснику я допрашивал». Конечно, часть арестованных действительно являлись врагами народа и их действительно нужно было судить, но в числе арестованных были и честнейшие люди.

Вполне понятно, товарищи, что сейчас, ознакомившись с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября с.г., нам стали виднее допущенные нами ошибки и извращения в работе, которые послужат нам хорошим уроком в дальнейшей работе.

Вчера этот вопрос стоял на партийном комитете. Сейчас можно сказать одно — допущенные ошибки в работе последних дней (я имею в виду работу товарищей в следственной группе) явились результатом недопонимания, а может быть, и нежелания понимать те задачи, которые были поставлены перед органами НКВД, в частности перед нашим управлением, в деле поправления допущенных недочетов. Но факт остается фактом. Не исключена возможность, что на свободу выпустили врагов, которых нужно было судить. Прокурор при рассмотрении дел говорит: «Ну что ж, ему все равно больше года не дадут, если даже и будут судить». Дело не в том, сколько ему дадут, год или два, а дело в том, раз он враг — значит, его надо судить по заслугам. Выпущенный на волю враг будет клеветать на органы НКВД, кроме того, возвратившись в учреждение, будет требовать уплаты денег за время нахождения в тюрьме и т.п.

Надо сказать, что в работе следственной группы имели место некоторые ненормальности в работе. Дела раздавали неправильно, по 22 дела на одного человека. Например, собираюсь я ехать в район, имея в виду взять с собой дела, с которыми я как следует ознакомился. Перед самым отъездом направляют в другой район, тут же сбрасывают целую кучу дел, с которыми я не знаком. А мои отдают другому товарищу. И получается, что приходится на месте «плавать» в полном смысле этого слова, так как дел не знаешь.

Вчера на партийном комитете правильно отметили некоторые товарищи, что у нас имеется ряд моментов, когда при передопросах арестованные, отказываясь от своих показаний, заявляют, что тот или иной следователь избивал их, а присутствующий прокурор на таких передопросах не считает нужным изобличить в клевете таких обвиняемых. Так было с тов. РЕШЕТИЛО, когда обвиняемый заявил, что только в результате физического воздействия он был вынужден дать показания, не соответствующие действительности. Но когда выяснилось, что допрашивал-то его не РЕШЕТИЛО, а другой следователь, и что обвиняемый впервые видит РЕШЕТИЛО, он стал извиняться и т.п. Прокурор ограничился только тем, что вычеркнул фамилию РЕШЕТИЛО из протокола допроса — и только.

Враг чувствует, что к нему изменено отношение, если так можно выразиться, и начинает клеветничать. На эту сторону надо обратить особое внимание. Врага мы должны разоблачать с еще большей решительностью и стирать с лица земли.

В отношении кадров. Я работаю в 9 отделе уже около года, который все время находится в стадии организации. Отдел имеет серьезное значение, работа которого должна обеспечить успешную работу социалистической промышленности нашей области. Но ввиду того, что наш отдел

находится все время в стадии организации, мы не имеем возможности работать как следует. Кадры в нашем отделе за счет 3, 4 отделов, и их недостаточно. Взять такой район, как Винницкий, который заслуживает серьезного внимания, ряд вскрытых к[онтр]р[еволюционных] организаций говорят за то, что враги народа большею частью ютились в учреждениях и предприятиях Винницкого района, а, признаться, мы этот район совершенно не обслуживаем. У нас нет специально выделенного товарища, который специально обслуживал бы Винницкий район и ряд других объектов. Наше руководство совместно с парторганизацией должны поставить вопрос о быстрейшем укомплектовании нашего отдела для разворота работы.

Элементы антисемитизма, исходящие из отдела кадров наркомата, мною замечались (но теперь понятно, кто являлся инициатором этого — враг УСПЕНСКИЙ, под руководством которого работал отдел кадров наркомата). По-моему, это замечали и другие товарищи. Но если у нас будут развиты критика и самокритика — у нас не повторится таких моментов, какие имеют место на сегодня. [...]

В части того, как реагировал парткомитет на отдельные ошибки и недочеты в работе управления и вообще занимался ли производственной работой, надо сказать, что была такова постановка, что мы не могли говорить ни другим товарищам по работе, ни парткомитету о показаниях того или иного арестованного. Парткомитет не мог непосредственно вмешиваться в нашу оперативную работу. Вследствие таких обстоятельств партийный комитет не мог оказывать помощь там, где это нужно было, не мог подтягивать некоторых товарищей по работе.

Если будет такая постановка в дальнейшем, когда парткомитет будет знать производственную работу управления, тогда, безусловно, не будет тех неприятных явлений, которые имели место в нашей работе.

Выступление тов. БЛИНКИНА. Тов. КОРАБЛЕВ в своем докладе вполне ясно указал на те ошибки и извращения, которые имели место и имеют место еще и сейчас (я имею в виду работу следственной группы) в работе управления. Я не могу сказать, что работники следственной группы не знали, как работать с арестованными, как вести проверку следственных дел, кого из арестованных освобождать, как проявлять большевистскую бдительность в этом вопросе и т.п.

Хочу покритиковать себя. Вчера я был именинником в числе тех товарищей, которые допустили ошибки в своей работе, которых, кстати сказать, можно было избежать. Конечно, правильно сделал партийный комитет, указав мне на эти ошибки. Думаю, что таких ошибок с моей стороны больше не повторится.

С момента организации следственной группы проскальзывала неповоротливость в работе не только со стороны следователей, но и со стороны командного состава. Что получилось? Выносим постановление о продлении срока содержания под стражей арестованного, здесь его нужно реализовывать. А как оказалось, эти постановления пролежали без движения, а сейчас получается, приходится писать второе постановление, и такое, как первое. Если писать постановления — значит, их нужно

и выполнять. Конечно, результаты в работе следственной группы есть. Часть дел отправили, часть людей освободили. Но имеют место недостатки в части работы прокурора (я имею в виду его поведение по отношению к арестованным). Приведу вам пример: передопрос происходил в комнате тов. **ВАСИЛЕВСКОГО** (арестованный не его) с участием прокурора. Прокурор спрашивает: «Вы подтверждаете свои показания?». «Да», — отвечает обвиняемый. Рассказал обвиняемый, кем он был завербован. «Вы подробно рассказали о своей к[онтр]р[еволюционной] деятельности?» — спрашивает прокурор. «А вы кто такой?» — «Я военный прокурор». — «А, вы военный прокурор. Я отказываюсь от своих показаний, они были неверно записаны» и т.п.

По-моему, прокурор должен записывать протокол в такой последовательности, в какой идет передопрос, а он просто записал, что обвиняемый отказывается в предъявленном ему обвинении.

В отношении очистки кадров. Конечно, кадры нужно очищать от разного рода соц[иально] чуждого элемента, и наш отдел кадров провел большую работу по очищению рядов чекистов. Наряду с этим, я хотел бы остановиться на факте безобразного отношения, которое ранее существовало в практике работы отдела кадров Киевского УНКВД. Так, например, работая сотрудником Киевского УНКВД, я был вызван в отдел кадров **ГРИГОРЬЕВЫМ**.

Инспектор отдела кадров задал мне вопрос, что как-будто бы ему известно, что происхождение моей жены идет из семьи торговцев и что братья ее исключены из партии. И когда я ответил, что это неправдоподобно и что до сих пор братья моей жены находятся в партии. Когда они исключались, у меня потребовали объяснение, после чего я уехал домой.

В одном из разговоров с секретарем УНКВД тов. **РАССИЕМ**, касаясь вопроса, чем вызвано командирование меня из Винницкой области, **РАССИЙ** мне ответил, что ты сам парень рабочий, из рабочей семьи, однако у тебя с родственниками жены не в порядке. Тогда я сделал вывод, что в личном деле моем по сей день находится неправдоподобный компрометирующий меня материал, и вместо того чтобы проверить, установить правдоподобность, отдел кадров Винницкой области этим не занимается и, как видно, сообщает в наркомат об этом, в результате меня компрометируют. И так можно пострадать ни за что.

Я думаю, что такие случаи имели место не только со мною. Враги, пролезшие в наши органы, в частности в отдел кадров, не занимались вопросом детализации и выяснения наличия имеющегося в личном деле материала.

Думаю, что в дальнейшем отдел кадров нашего управления подобного рода явления изживет из практики своей работы.

Выступление тов. ТАТАРЧУКА. Заслушанный нами доклад по своему характеру ни в коей мере нельзя сравнить с теми докладами, которые нам приходилось слушать до сего времени. Это совершенно новая струя.

Я уже «старичок» в органах НКВД и сегодня я впервые слышу такую постановку вопроса.

Тов. КОРАБЛЕВ правильно поставил вопрос: кто из нас хотя бы один раз был в обкоме партии по вопросам, касающимся производственной работы? Никто не был. Этого не было, ибо нас так воспитывали. В наших органах существовала какая-то кастовость: говорили, что работа каждого в отдельности чекиста — это святая святых. А сейчас возьмите — какие документы, какие директивы идут в партийные органы по части нашей работы, где, конечно, прямо говорится и об агентурной работе.

Сейчас для всех понятно, что и здесь была приложена рука врага, которому было на руку такое положение в работе наших органов.

Несмотря на то что мы не раз прорабатывали постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.11. с.г., однако еще и на сегодня мы допускаем ошибки и недочеты в работе, о чем говорил в своем докладе тов. КОРАБЛЕВ.

Ошибки в работе следственной группы допущены были не потому, что т.т. НАЗАРЕНКО, БЛИНКИН, БАРДАДЫМ и др. потеряли большевистскую бдительность, а в результате допущенной халатности, которая в условиях сегодняшнего дня, если бы вовремя не взяли себя в руки, могла привести к очень плохому. Думаю, что товарищи это учтут.

Считаю необходимым провести совещание следователей, но более обширное, с участием прокуроров, на котором проработать устав УПК⁹, а то у нас за последнее время очень часто товарищи, читая устав, открывают «Америку».

Тов. СТЕПАНУХА говорит, что ему не совсем ясно, как увязать партийную работу с производственной. А как это делается на производстве? На производстве парторганизация о всех недостатках и ненормальностях знает в первую очередь. Еще не знает начальник цеха, а секретарь парткомитета уже знает и принимает меры.

Вполне понятно, что в силу того что у нас долгое время существовала оторванность партийной работы от производственной, то в данное время этот разрыв особенно ощущается.

Обязанность партийного комитета заключается в том, чтобы привить коммунистам-чекистам ту ответственность, те знания, которые нам необходимы для того, чтобы работать так, как этого от нас требует партия. Партийный комитет должен быть в курсе всей производственной работы и там, где это надо, должен помогать в работе.

В отношении приведенного тов. КОРАБЛЕВЫМ факта с делом КОВАЛЬЧУКА я хочу дать маленькую справку. Работая на следствии в 3 отделе, я в числе прочих следственных дел принял к своему производству дело КОВАЛЬЧУКА (арестованного по показаниям врага народа САМУТИНА, как участника украинской националистической к[онтр]р[еволюционной] организации, арест был оформлен бывш[им] нач[альником] отделения 3 отдела т. БОТЕМ).

В процессе следствия мною было установлено, что КОВАЛЬЧУК, арестованный по данному делу, является не тем КОВАЛЬЧУКОМ, который был завербован САМУТИНЫМ в к[онтр]р[еволюционную] организацию (в показаниях которого имя и отчество КОВАЛЬЧУКА отсутствовало).

⁹ Так у тексті.

Таким образом, я стал перед фактом освобождения КОВАЛЬЧУКА из-под стражи как ошибочно арестованного. Установив это, я возбудил ходатайство об освобождении КОВАЛЬЧУКА из-под стражи, и он вскоре был освобожден. Возможно, моя вина в том, что КОВАЛЬЧУК все же известный промежуток времени, 2–3 м-ца (точно не помню), просидел под стражей, но при той загруженности, которая была у каждого следователя, это было неизбежно.

Выступление тов. ДАНИЛЕЙКО. [...] Сейчас стали ясны те ошибки и извращения, которые мы допускали в своей работе. Директивы издавались врагом ЛЕПЛЕВСКИМ, который, если сейчас проанализировать данные директивы, действовал чуть ли не в открытую. УСПЕНСКИЙ, по-видимому, в своей вражеской работе действовал более осторожно, ибо его можно было бы разоблачить гораздо раньше. В бытность ЛЕПЛЕВСКОГО, ныне разоблаченного врага народа, если вскрывались к[онтр]р[еволюционные] организации, то не давали возможности эти дела разворачивать, а направляли их как можно скорее на тройку (а это, как видно, делалось по указанию свыше), ибо боялись, как бы этим самым не добрались до ЛЮБЧЕНКО и КОССИОРА и пр[очей] сволочи.

Но, несмотря на такую установку, работникам нашего управления удалось вскрыть правотроцкистские организации: в обкоме, облизполкоме, горкоме партии, облемуправлении и во всех других организациях, где только они сумели организовать.

Но мы имели б гораздо больше успехов, если бы не дело вражеских рук. Мы и имели б больше успехов в нашей работе, если бы в нашей работе было больше партийности, больше большевизма, больше критического отношения к самим себе.

Сегодняшнее собрание даст толчок к исправлению допущенных ошибок и недочетов в работе, даст толчок к развороту критики и самокритики, которая в нашей работе так особенно необходима.

При разборе на оперативном совещании приказов НКВД СССР № 701 и 702¹⁰ я сказал, что пора положить конец той кустарщине, которая имеет место в нашей работе. Выступил ВИХИРЕВ и говорит, что Вы хотите ополчить это дело и т.п., нужно работать.

Полагаю, что работники следственной группы не повторяют тех ошибок, которые ими были допущены в своей работе, учтут возложенную на них ответственность.

Несколько слов об агентурной работе.

Наверное, товарищи помнят, когда был в управлении УСПЕНСКИЙ, он говорил, что особое внимание надо уделить агентурной работе с выходом за кордон. Такую агентуру вербовать исключительно из лиц, имеющих связи за кордоном. Я считаю, что вербовкой такой агентуры мы вербуем уже готового двойника, т.к. за кордон можно бросать агента, не имеющего там связей.

¹⁰ Так у тексті. Ймовірно, йдеться про накази НКВС СРСР № 00701 і № 00702 від 23 жовтня 1938 р. про впорядкування слідства, секретних вилучень і вербування агентури.

Давая такую установку, УСПЕНСКИЙ ничего не говорил о внутренней агентуре. Если мы будем искать агентуру только с выходом за кордон, то это будет только 50% работы. Сейчас, конечно, понятно, почему УСПЕНСКИЙ так говорил. Это, по-видимому, было в его интересах, чтобы советская разведка выпустила из поля зрения агентуру внутри страны и тем самым способствовала вражеским действиям.

Мы знаем, что тов. СТАЛИН находит возможность включаться во всю деятельность хозяйственно-политической жизни нашей страны, он говорит с летчиками, металлургами, с колхозниками, с каждым рабочим. Товарищ СТАЛИН находит возможность говорить, давать указания, советы. Он учит нас, и мы знаем, что плох тот начальник цеха, который пройдет по цеху мимо агрегатов и не знает, кто на нем работает и как работает, нуждается ли этот рабочий в помощи, в совете и т.п.

У нас много молодых работников, которые нуждаются в повседневной помощи. Спросите, кто из них докладывал начальнику Управления о делах, которые они ведут? Нет, этого не было. Я считаю, что если работника вызовет начальник управления хотя бы на пять минут и даст ему тот или иной совет по работе, даст ему указание, для него это даст очень много, для него это будет свежей струей энтузиазма в работе. [...]

А что сейчас делается в тюрьме, о чем мы с Вами не знаем? Приходит арестованный в камеру после передопроса и сговаривается с другими арестованными дать показания на следователя, в частности на ГЛУССКОГО, который, по их словам, разорется и, скажем, что он участник организации. Надо так поставить работу, чтобы мы знали, что делается в тюрьме.

Возьмите прокурора ВАСИЛЬЕВА, он просто безголовый. Обращаясь к арестованному, он говорит: вы не знаете постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР? Тут арестованный начинает ориентироваться в части своего дальнейшего поведения.

Кроме этого, в нашем аппарате имеет место разболтанность дисциплины среди некоторой части сотрудников. Проходишь по коридору и видишь подряд 5—6 комнат заперты, несмотря на урочное время. Товарищи считают, что делать нечего, пусть себе работает следственная группа, а мы подождем. Разве нечего делать? А работа с агентурой? Еще успеет.

Нужно будет подтянуть дисциплину некоторых работников в части того, чтобы они меньше ездили в командировки к семье. Разве у нас нет квартир? Почему эти товарищи не забирают семью, а разрешают себе часто отлучаться в поездки к таковой? Надо принять меры парткомитету в отношении дисциплины.

Выступление тов. БЕРКУТЫ. Недавно я получил дисциплинарное взыскание, которое является первым за время работы в органах НКВД. Правда, до получения взыскания со мною о работе никто не говорил, правда, после взыскания со мною разговаривал тов. КОРАБЛЕВ.

За период 4-месячной работы никто не поинтересовался вопросом, как записаны мои протоколы. Когда я написал четыре или пять протоколов допроса обвиняемых и принес их ЗАПУТЯЕВУ, то он сказал, что они никуда не годятся. Эти протоколы нельзя послать в Киев или Москву, ибо в них нет фраз, которые охарактеризовали б политический смысл

этих протоколов. Я настаивал на том, чтобы не вносить некоторых вопросов, которые по существу не были признаны обвиняемым, но они были внесены ЗАПУТРЯЕВЫМ. Пришлось писать протоколы наново, и я, как следователь, остался перед арестованными на заниженном положении. Получается сейчас, что я извиняюсь перед ними. В протоколе одного арестованного было записано с его слов, что он, будучи в Америке, в беседе с польскими эмигрантами касался вопросов о положении в Советском Союзе. Тов. ЗАПУТРЯЕВ дал указание написать в протоколе, что этот арестованный вел разговор, касающийся японской ориентации...¹¹, т.е. то, чего этот арестованный не показывал. Безусловно, моя вина в том, что я оказался мягкотелым и не смог отстоять того, чтобы было мною записано со слов обвиняемого. И вообще была такая практика, когда нач[альник] отдела т. ЗАПУТРЯЕВ сам корректировал все протоколы допросов как обвиняемых, так и свидетелей.

Конечно, начальник отдела должен быть ознакомлен с состоянием протокольной части следствия, но не в смысле того, чтобы корректировать их таким образом, что не является в действительности правдоподобным.

Здесь на партсобрании я хочу поставить вопрос о себе. Тот вопрос, который меня тревожит уже давно. Я кандидат партии с 1934 г. и для того, чтобы перевестись в члены партии, я должен иметь поручителей. В 1935 и 1936 г. я не мог перевестись по причине того, что проходил обмен документов, в 1936—[193]7 гг. я находился на оперативных курсах в Харькове, с 1937 г. я нахожусь в Виннице. В 1937 г. здесь были члены партии, которые меня знали, и сейчас есть такие товарищи, которые меня знают вот уже два года. Я обращался к ним за получением рекомендации, каждый сомневается. Почему? Дело в том, что какой-то дальний родственник брата жены — брат — репрессирован. Спрашивается, какой это родственник, и, кроме того, я его не знаю совершенно, ни разу не видел, затем еще какой-то «родственник» репрессирован. Спрашивается — могу ли я отвечать за таких родственников, которых я совершенно не знаю и родственниками ли они являются?

Кроме этого, если я вследствие такого положения не могу быть членом партии, то я не могу быть и кандидатом партии. Если так, значит, моя категория должна подойти к категории людей, которых следует изъять из органов НКВД.

Какова моя просьба? Я прошу партийный комитет и отдел кадров управления рассмотреть мое дело и дать мне возможность работать, так как вследствие вот такого дергания нервов я зачастую не в состоянии работать так, как это нужно.

Бывают и такие явления, когда ко мне подходит тот, кто знает какого-то БЕРКУТУ репрессированного и спрашивает, не Ваш ли это родственник. Надо сказать, что БЕРКУТОВ очень много (я имею в виду однофамильцев). На ст. Винница, вот, есть тоже какой-то БЕРКУТА. Но какое отношение я к ним имею? [...]

¹¹ Так у тексті.

Я часто беседовал с т.т. ШИГОРИНЫМ и ОСТРОВСКИМ по поводу моего положения, говорил, что другие товарищи продвигаются, переходят в члены партии, я ведь еще молод, могу также выдвинуться, работать я могу. Прошу Парткомитет обратить на это дело внимание.

Выступление тов. МАЙСТРУКА. Главным из всех тех недочетов, которые были иллюстрированы здесь на собрании, которые имели место в работе Управления, является то обстоятельство, что в нашей партийной организации был какой-то своеобразный в партийном смысле этого слова образ жизни. В этом корень всех допущенных нами ошибок и извращений.

Понятие о начальствующем и младшем составе имело такую форму, за которой терялось лицо коммуниста. Член партии, зная, что есть нач[альник] отдела, его помощник, есть нач[альник] отделения, они решают дело, а он должен сидеть на своем участке и «переваривать» лишь то, что ему подадут.

В результате такого положения, а это главная наша ошибка, и имели возможность процветать те извращения в работе управления, о которых говорят на сегодняшнем собрании.

Многие наши товарищи, из этого числа я не исключаю в определенной степени и себя, работая на таком важнейшем, на таком острейшем участке классовой борьбы, заделывались делягами, работая зачастую с точки зрения формы.

Допущенные ошибки явились результатом того, что у многих товарищей не хватало глубокого политического понимания и анализа того, что делается. А когда проанализируешь, разберешь по косточкам, где, что и как, тогда видим, что враг проводит весьма тонко и завуалированно отпределенную вражескую работу, пускаясь нередко на гнусную клевету и оговаривая честного человека. Для нас не секрет такое явление, когда в районах в ходе массовых операций как-то сами по себе создавались, я бы сказал, целые институты штатных свидетелей, которые допрашивались по 20–30 делам в сутки. В составе этих свидетелей, бесспорно, была немалая часть петлюровцев, кулаков, и их допрашивали только потому, что они имели что-то сказать. Это, бесспорно, давало возможность этим врагам—«свидетелям» клеветать и сводить, конечно, не личные, а классовые счета с тем или иным арестованным. [...]

Для того чтобы мы могли устранить указанные безобразия, мы должны до мозга костей прочувствовать, осмыслить постановление ЦК нашей партии и СНК СССР «О допущенных ошибках и извращениях в работе органов НКВД». Здесь мало разъяснить, освоить это решение, а именно надо прочувствовать это важнейшее решение, быть политически прозрачными, а это неперемненное условие успешности в нашей работе. Надо так сделать, чтобы каждый член партии знал, что он несет полную ответственность за свою работу перед партией, независимо от того, какой пост он занимает. [...]

У нас была иная практика: «Он начальник отдела, а я подчиненный, на себя я ответственности не хочу брать, пусть отвечает начальник и берет на себя ответственность, а иначе на кой черт он сидит». Товарищи

забывают, что они оба члены партии и несут перед партией одинаковую ответственность за работу.

Вчера на партийном комитете разбирался вопрос об ошибках, допущенных в работе следственной группы. Что вскрылось? Следователь доложил дело тов. НАЗАРЕНКО. Тов. НАЗАРЕНКО в свою очередь получил такую информацию и, не перепроверив лично материалы следствия, подвел тов. ПРИШИВЦЫНА, а в результате выпустили на свободу врага. Вот вам один из примеров безответственности.

Большим недочетом в нашей работе является еще и то, что мы не всегда по-большевистски глубоко критически осмысливаем все наши действия то ли в следственной работе, то ли в работе с агентурой. Не всегда думаем над тем, даст ли то или иное мероприятие желательный нам эффект. Очень часто мы действуем и не думаем по-настоящему, по-партийному над тем, какова целесообразность в этом действии. [...]

В коллективе УГБ критика и самокритика должна быть острее, потому что у нас работа острая, а критиковать у вас есть что. Надо признать, что насчет критики и самокритики мы народ не привыкший. Если и есть что, значит, по корридору «шу-шу». Нет того, чтобы пойти в парткомитет или в обком партии и рассказать о тех или иных недостатках в нашей работе. Если сказал начальник — значит, так должно быть, независимо от того, является ли это распоряжение правильным или неправильным с партийной точки зрения. А раз неправильно с партийной точки зрения, значит, неправильно и с точки зрения государственной. Наша партия является государственной партией, партия, руководящая государством.

В результате слабой критики и самокритики мы часто натыкаемся носом на подобные безобразные факты извращения, а то и прямую вражескую работу.

Есть у нас такие работники, как ШАЛАМОВ и КУХАРЕНКО. Я считаю, что если человек не может работать в УГБ — значит, он для партии не годен. Тов. ЛЕНИН говорил, что каждый коммунист должен быть чекистом. Чекистская работа — это небольшая мудрость. Что я уже ни применял к этому ШАЛАМОВУ в смысле методов работы, дабы помочь и заставить его работать. И так его поставлю, и этак его переставлю, и такое дам задание, и другое — ничего не выходит. Не делает человек, и не потому, что не может, а не хочет. Причем есть у некоторых молодых работников редкая черта, выражающаяся в том, что когда им помогаешь, направляешь в работе, они для того, чтобы прикрыть свою бездеятельность, начинают говорить о неправильном отношении к ним со стороны «стариков». Причем обычно не называют конкретных фактов, в чем именно неправильное отношение. ШАЛАМОВ на парткомитете получил хорошую трепку за такое отношение к работе.

Такое положение и с КУХАРЕНКО. Начал было я изучать человека. Дал ему задание, выполнить которое обязал к вечеру, часов в 10. Смотрю, вечером его нет, на другой день спрашиваю, где вы были, почему не выполнено задание? Не выходит, говорит. Сидел человек над этим заданием 4 дня. В чем дело? Человек он грамотный, имеет достаточное образование.

А дело в том, что человек не хочет работать. С этими людьми нужно говорить крепко: или пусть в работе покажут, что они коммунисты, или пусть не сидят ради того, чтобы получать зарплату. Или туда, или сюда. Такое отношение к работе вытекает из непонимания тех обязанностей, которые возложены на этих товарищей партией.

Последнее время мы запустили агентурную работу, о чем говорил в своем докладе тов. КОРАБЛЕВ, а агентурная работа, как вы знаете, является основным нашим оружием, мы сейчас должны заняться этой работой как следует, наверстать потерянное, организовать работу советской разведки. [...]

В отношении следственной работы. Тов. КОРАБЛЕВ в своем докладе указал, что некоторые товарищи неправильно поняли решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР в смысле дальнейшей борьбы с врагами. В постановлении говорится, [что] борьбу с врагами надо вести с еще большей решительностью, но более действенными, совершенными и надежными методами. Вот эта часть решения партии и правительства нами не усвоена. И мы действительно за последнее время прекратили совершенно аресты врагов, на которых имеем достаточно материала.

Многое в этом решении ЦК ВКП(б) и СНК не поняли работники прокуратуры. Некоторые работники прокуратуры так поняли, что они не являются представителями государственного надзора и обвинения, а чуть ли не представители частной защиты. Прокурор является представителем защиты государственных интересов прежде всего, и это он должен усвоить. Будет ли он выступать в порядке осуществления прокурорского надзора за следствием или выступать в порядке гос[ударственного] обвинения на суде, и на следствии, и в судебном процессе, прокурор должен ограждать интересы государства от всех и всяческих посягательств врагов. В этом его роль и назначение. Прокурор должен проверить все материалы против обвиняемого в порядке осуществления надзора за следствием. Но когда мы имеем факты, что прокурор сообщает обвиняемому строго секретное решение ЦК Партии и Совнаркома, когда прокурор то ли по неумению, то ли по другим непонятным соображениям дает обвиняемому возможность отказываться от своих показаний, с тем чтобы уклониться от ответственности за совершенные им преступления, при таких обстоятельствах ясно, что эти работники прокуратуры не стоят на высоте задач, поставленных перед ними Партией, а следовательно, и не всегда помогают следствию.

Есть и такие факты, когда в присутствии прокурора разоблачается враг, который становится на путь клеветы на следователя. Прокурор не считает нужным потрудиться занести этот факт в протокол. Обвиняемый наносит оскорбление следователю и тут же извиняется, но это проходит мимо внимания прокурора.

Тов. БУРЧЕНКО, неплохо будет, если в обком партии соберут работников прокуратуры и помогут им разобраться в этом важнейшем решении партии и правительства.

Неплохо было бы также, чтобы периодически вызывали в обком партии того или иного начальника отдела или другого оперативного работника,

и пусть этот начальник отдела или другой оперативный работник расскажет бюро обкома, как он, как коммунист, обеспечивает свой участок работы. И если у него в работе было плохо, то в следующий раз он будет знать, что его еще раз позовут и спросят. Значит, скажет, надо принимать меры к тому, чтобы было хорошо. Это помогает нам, коммунистам — работникам НКВД, улучшить свою работу и поднимет ответственность у каждого из нас перед партией.

Выступление тов. ПОРТНОГО. [...] Работа первичной парторганизации была, безусловно, оторвана от производственной работы УНКВД, что я могу подтвердить фактами. Так, например, начальником Могилев-Подольского окротдела¹² НКВД был некий КАЙЗЕР, который на протяжении ряда месяцев не разрешал проводить партийные собрания по причине того, что нет времени. Говорил, что коммунисты в своей работе занимаются партийной работой. Неудивительно после этого, что критика и самокритика в окротделе НКВД была на очень низком уровне.

Об этом свидетельствуют такие моменты. Секретарем первичной парторганизации Могилев-Подольского окротдела НКВД был некий ВУЛЬФ, брат которого был арестован в Одессе как участник троцкистской террористической организации. Когда о нем разбирался вопрос, то выяснилось, что ВУЛЬФ дал своему брату-террористу 2–3 года тому назад свой револьвер, вполне возможно, что это оружие было применено им для террористических целей. КАЙЗЕР брал под защиту ВУЛЬФА. Коммунисты несколько раз пытались на собрании поднять вопрос о том, что ВУЛЬФУ не место в органах НКВД. Причем говорили тогда, когда отсутствовал ВУЛЬФ, а когда он приходил, все молчали.

Первичная партийная организация все-таки направила материал на ВУЛЬФА в отдел кадров г. Винница. И, несмотря на то, что отдел кадров имел в своем распоряжении такой материал, через неделю примерно этого ВУЛЬФА назначили начальником отделения 4 отдела Каменец-Подольского УНКВД. По существу, он пошел на выдвижение. И лишь только после того, когда первичная парторганизация снова поставила вопрос перед НКВД УССР о ВУЛЬФЕ, его сняли с оперативной работы. Аналогичных фактов в окротделе было немало.

Неплохо было бы в таких крупных районах, как Жмеринский, Могилев-Подольский и др., иметь отдельные первичные партийные организации, тем более, что там членов партии в органах немало. Кроме этого, можно было бы на партсобраниях разбирать вопросы производственной работы. Пользуясь присутствием на собрании тов. БУРЧЕНКО, считаю необходимым подчеркнуть эту необходимость в части создания в крупных районах отдельных первичных партийных организаций.

В сентябре м-це 1938 г. в течение нескольких дней группа начальников РО и работников УНКВД, по национальности главным образом евреи, получила распоряжение из Киева об откомандировании, в том числе должен был быть откомандирован и я. Получилось в этом вопросе

¹² У 1935–1937 рр. у прикордонних із Польшею районах УРСР було утворено 6 округів.

дергание. Мне было предложено сдать дела и выехать. Не успел я сдать дела, как поступило распоряжение прекратить сдачу дел. Когда я обратился к работнику отдела кадров тов. СИДОРКО: «Надолго?». Он ответил: «Неизвестно».

Получалось такое положение, когда не знал, работаешь или нет. Дело доходило до анекдотов. Я помню случай, когда в Винницу приезжал УСПЕНСКИЙ и проводил оперативное совещание. На этом оперативном совещании УСПЕНСКИЙ придрался к начальнику РО Жмеринского района ЧАЛКОВУ только потому, что он является уроженцем гор. Одессы. И когда он стал с ним говорить уже по деловым вопросам, ЧАЛКОВ настолько растерялся, что первое время не мог говорить. Такое же положение было и с другим работником, которого он спросил, почему он до сих пор не зам[еститель] нач[альника] управления.

Выступление тов. ВЯТКИНА. [...] Если мы возьмем случай с допросами арестованных в Калиновском РО, надо сказать, что такое распоряжение имело место со стороны не только МОРОЗОВА, а и б[ывший] нач[альник] 3-го отдела ТОЛЧИНСКИЙ давал указание мобилизовывать для ведения допросов лиц, не работавших в УГБ — лишь бы были показания.

Отдел кадров Управления, безусловно, проделал большую работу по очистке кадров, но наряду с этим надо сказать, что кое-кому удалось уйти из органов довольно легко. Были такие люди, которых мало было уволить. Возьмите б[ывшего] нач[альника] отдела кадров ФРИДМАНА, который проходил мимо троцкистских взглядов некоторых работников, а только фиксировал их, и вообще, знакомясь сейчас с некоторыми вопросами, приходится констатировать, что его работа была далеко не партийной.

Сейчас выявляется такое положение, когда по Тульчинской следгруппе потеряны дела. ФРИДМАН чувствовал себя там полным хозяином, забрал законченные дела в мешок, и где они сейчас — неизвестно.

Было и такое. По Казатинскому райотделению в бытность там ШАКАЛОВА арестовывали одного перебежчика. И когда пришли на квартиру его арестовать, то в его квартире оказался какой-то чужой человек, впоследствии оказавшийся его братом. Этого человека также арестовали за компанию. На него немедленно было выписано постановление, подписано одним пом[ощником] оперуполномоченного, и так он сидел дней 15, никто ему не предъявил никаких обвинений, за исключением одного допроса, в котором он сам признался, что в 1933 г. ходил за границу. Этот протокол подшили к делу, и об этом человеке забыли. Это говорит за то, что мы невнимательно относимся к разбору дел.

Дело ведь не в том только, что нужно арестовать человека, надо еще доказать его виновность, посмотреть, нет ли здесь элементов клеветы и т.п.

Несколько слов о разборе заявлений. Надо сказать, что работники Управления не любят заниматься разбором заявлений. Особенно их корбит, когда мне приходится говорить с некоторыми из них по разбору таковых или когда приходится сделать очную ставку с обвиняемым. При этом такие товарищи говорят: «Что, ты меня будешь допрашивать?». Это

неверно и т.п. Такому отношению к разбору заявлений надо положить конец.

Относительно штата. По штату аппарат особоуполномоченного должен состоять из 2-х человек. Правда, дали такого человека, а потом забрали обратно, это никуда не годится. Особенно если учесть, что за последнее время у меня большой наплыв материалов для расследования, и работать мне очень трудно самому. [...]

Выступление секретаря обкома КП(б)У тов. БУРЧЕНКО.

Присутствующие здесь товарищи не впервые принимают участие в обсуждении этого вопроса, я имею в виду постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «Об ошибках и извращениях, допущенных в работе органами НКВД». [...]

Указанное решение, как и каждое решение ЦК нашей Партии, вовремя и до конца вскрывает имеющиеся недостатки в работе органов НКВД, и если каждый коммунист-чекист проанализирует свою работу, то придет к заключению, что действительно недочетов в ней было немало. [...]

Безусловно, славный путь, пройденный органами НКВД в борьбе с врагами народа, но мы имели б еще большие успехи, если бы вовремя вскрыли происки врагов, пробравшихся и долгое время орудовавших в органах НКВД.

Когда мы говорим об успехах любого участка нашей работы, то всегда отмечаем, что если бы не действие вражеской руки, мы имели бы гораздо больше успехов.

Выступавшие товарищи правильно подмечали свои недочеты в работе, недочеты в работе других товарищей, вскрывали причины, порождающие эти недочеты.

Но главной причиной всех недочетов и извращений в работе органов НКВД является отсутствие партийности, больше господствовало чиновничество, ведомственные взаимоотношения. Не подходили к разрешению вопроса с точки зрения партийности. Такой вывод мы должны сделать. А раз это так, значит, это явление мы должны исправить.

Ни один из выступавших товарищей не сказал конкретно, что вот тов. КОРАБЛЕВ или кто другой из командного состава или оперативного состава культивировал взаимоотношения между работниками Управления как по служебной линии, так и в личных взаимоотношениях, идущие вразрез с директивами партии и правительства. Я этого не слышал. Просто были укоренены ведомственные взаимоотношения, к этому привыкли. Такой порядок был и есть не только в Управлениях НКВД, но и на периферии. С таким положением надо покончить. Каждый член партии должен не забывать того, что партия спросит за все. Но как-то в практике нашей работы этот факт ускользает из виду, забывается. Даже забывается иногда товарищами, что они являются членами партии, что является несовместимым. Такие факты, как видите, имеют место, и это является существенным недостатком в работе, особенно такого органа, каким является НКВД.

[...] Каждый из нас знает указание Вождя Партии товарища СТАЛИНА о том, что «кадры решают все». И когда идет речь о кадрах в органах НКВД, тогда вопрос стоит наиболее остро.

Для нас не секрет, что в органах НКВД долгое время пребывали люди, на которых имелись компрометирующие материалы. [Это] люди, которые не могли пользоваться политическим доверием и, несмотря на это, они продолжали оставаться на работе в органах.

Проверяя кадры органов НКВД, мы столкнулись с таким фактом, когда нач[альник] райотделения НКВД не считает нужным сообщить в райком партии или обком партии о себе, он считает достаточным сообщить о себе в наркомат Союза.

Если, к примеру, зав[едующий] райземотделом имеет репрессированного брата, мы ставим о нем вопрос на бюро парторганизации районной или областной о невозможности пребывания такого зав[едующего] райземотделом на руководящей работе. Почему такой же вопрос не может стоять на повестке дня о нач[альнике] райотделения НКВД? Почему нач[альник] РО считает достаточным сообщить о себе только наркомату Союза? А такие факты мы имеем. Такому положению будет положен конец. Особенно если учесть, что в органах НКВД иногда имеют место случайные люди.

Я не пойду далеко. Возьмем, к примеру, КУРОСА, о котором говорил в своем докладе тов. КОРАБЛЕВ. По адресу КУРОСА он сделал правильный вывод, охарактеризовав его работу, как вражеские деяния. КУРОС в органы НКВД попал абсолютно случайно, человек он недалеких качеств, не говоря уже о том, что он политически неграмотен, мне пришлось встретиться с ним 2 раза (насколько я помню). Один раз...¹³, второй раз в Калиновке в райпарткоме, где я имел возможность слышать его выступление и некоторые разъяснения по касающимся его компетенции (по работе) вопросам. Я вам должен прямо сказать, что своими объяснениями и вообще поведением он дискредитировал не только себя, но и в целом органы НКВД. Исполнял он в то время обязанности нач[альника] райотделения. В своем выступлении он охарактеризовал некоторых членов партии как людей, которым нельзя доверять. А раз это говорит работник НКВД, значит, присутствующие ориентируются на то, что на того или иного, о ком идет речь, имеется компрометирующий материал. Причем это сопровождалось громогласными заявлениями. Спустя несколько времени (через 5 минут) на этом же заседании он снимает свое обвинение по адресу товарища. Такие люди, как КУРОС, конечно, способны на такие вещи. И вот те работники, которые допустили подписание заведомо ложных показаний, не существующих в действительности, их действия ни в коей мере нельзя расценивать как ошибку, а просто вражеским действием, вражеской вылазкой.

Та огромная работа, которая проведена органами НКВД по разгрому врагов народа, безусловно, проведена при непосредственной помощи

¹³ Так у текстi.

трудящихся масс, в целом партии и отдельных членов партии, которые оказывали конкретную помощь в их работе.

Сейчас при разборе тех или иных дел, при разборе отдельных партийных вопросов мы встречаемся с невероятнейшими фактами. Так, например, один член партии заявляет, что его неправильно ориентировал работник НКВД. Этот член партии заявляет, что он продолжительное время писал о вражеских действиях одного лица (писал в течение года). Впоследствии вызывают этого товарища и спрашивают: «Вы писали об этом лице?». — «Да, — говорит, — я». «Вы писали, но этого мало, дайте материал о его вражеской работе за последнее время, т.е. более свежий материал». Что остается делать этому коммунисту, как не идти и собирать людей, восстанавливать материал и по возможности заполучить более свежий материал. Собрал он группу тех людей, которые ранее подтверждали вражеские действия этого лица, и говорит: «Что же вы говорите, что этот человек — враг, в то время как он не враг». Это он сделал с целью, чтобы эта группа людей еще раз доказала правильность своих материалов. Эти люди усмотрели в действиях члена партии поддержку врага (раз он отвергает его виновность) и обвинили его в этом. Вполне понятно, что по заявлению группы людей этот товарищ был исключен из партии.

У этого товарища имеются все документы, которые говорят о том, что он на протяжении года сигнализировал о вражеских действиях одного лица, ссылается на даты (которые соответствуют действительности), оббивает пороги партийных организаций, доказывает свою правоту. Он говорит, что мне было бы легче себя реабилитировать, если бы в НКВД был сейчас тот работник, благодаря которому я сейчас нахожусь в таком положении.

Вот какие иногда бывают плачевные результаты вследствие того, что вовремя не разоблачали таких разоблачителей, о которых так ясно сказано в решении январского пленума ЦК ВКП(б)¹⁴. Таких разоблачителей надо держать на далеком расстоянии от органов НКВД.

Здесь выступал тов. БЕРКУТА, в голосе которого слышался и смех и слезы. И вместе с тем получается у него как-то безобидно. Я не хочу сказать о нем чего-либо порочащего, но он сам, когда начинает перечислять своих родственников, то получается, что у него целая серия репрессированных родственников в действительности, о состоянии которых он сам не знает: репрессированы они или нет? А кто тогда должен знать и чему тут удивляться, если отдел кадров взysкателен к такому явлению, какое у Вас сейчас имеется? Ведь отдел кадров должен бороться за чистоту своих кадров, своих рядов. Другое дело, если репрессированы люди, которые ничего общего с Вами не имеют и только являются однофамильцами. В таком случае вам никто не может предъявить каких-либо обвинений.

¹⁴ Йдеться про постанову січневого 1938 р. пленуму ЦК ВКП(б) «Про помилки парторганізацій при виключенні комуністів з партії, про формально-бюрократичне ставлення до апеляцій виключених з ВКП(б) і про заходи щодо усунення цих недоліків».

Смеяться тут нечему. И если стоит вопрос о вступлении в партию, здесь нужен серьезный подход. Нет ничего удивительного, если тот или иной товарищ, прежде чем поручиться за товарища, хочет узнать, кто этот товарищ, откуда и что из себя представляют его родственники. Точно так же будет подходить к этому вопросу и парторганизация. Вообще принято считать, что работники НКВД являются наиболее проверенными людьми, и особенно заниматься вопросом проверки этих людей при вступлении в партию не следует. И с вашей стороны, тов. БЕРКУТА, неправильно было то, что вы свели свое выступление в части нашей партизации к шуточке, тем более, что этот вопрос не является праздным для работника НКВД.

Первый вопрос, который был задан после доклада тов. КОРАБЛЕВА, относился к секретарю партийного комитета тов. СТЕПАНУХЕ: почему партийная организация стояла в стороне от оперативной работы управления? И надо сказать, что тов. СТЕПАНУХА дал нечленораздельный ответ на этот вопрос. Надо было ответить в порядке самокритики, что вследствие своего недомыслия партийная организация стояла в стороне от оперативной работы. Это было бы совершенно правильно.

Совершенно правильны выступления некоторых товарищей, в частности выступление тов. МАЙСТРУКА, в котором он говорит, что партийная организация УГБ должна заниматься не только политпросветработой и разбором конфликтов, а, невзирая на чины, контролировать работу и требовать четкого выполнения директив нашей партии и правительства. И только так надо понимать задачи парторганизации.

Надо не забывать, что парторганизация УГБ — это не только тов. СТЕПАНУХА, а парторганизация — это мы с вами, и когда мы приходим сюда, то не должны забывать, что являемся прежде всего членами партии. Надо не забывать того, что парторганизация одинаково будет спрашивать и с начальника, и с рядового работника (как здесь выжились).

Партийная организация УНКВД небольшая организация по количеству членов партии, в составе которой есть один член бюро обкома партии, член пленума обкома партии, 2 члена горкома партии. Эти товарищи избраны не потому, что являются начальниками, а, по-видимому, эти товарищи в партийном отношении более выдержанны. Партийная организация должна это учитывать и в лице этих товарищей видеть крепкую помощь в своей работе и разрешении ряда вопросов, касающихся как партийных вопросов, так и вопросов оперативной работы.

Вполне ясно, что в тов. КОРАБЛЕВЕ не заложены элементы нежелания разрешать те или иные вопросы, касающиеся парторганизации управления, точно так же, как и в других товарищах. Безусловно, эти товарищи будут разрешать вопросы так, как этого требует ЦК нашей партии. Будут разрешать вопросы так, как это должны делать коммунисты.

Заканчивая, должен сказать, что парторганизация управления НКВД имеет все возможности для того, чтобы выправить ошибки и недочеты в работе Управления, которые имеют место еще и на сегодня, имеет все

возможности работать так, как указано в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Выступление тов. ЛЕХТЕРА. Товарищи, я хочу остановиться на одном вопросе — это на разборе заявлений, поступающих к нам в НКВД. Надо прямо сказать, что в этом отношении у нас дело обстоит не очень хорошо. Если в нашем секретариате учет заявлений более или менее поставлен неплохо, то нельзя сказать, что отделы и райотделения НКВД занимаются этим вопросом так, как это надо.

Мы имеем ряд районов, как, например, Хмельник, Могилев-Подольск, Казатин, которые не считают своим долгом своевременно отвечать на посланные им для разбора заявления секретариатом УНКВД.

Сейчас, как никогда, перед органами НКВД, как ни перед одной другой организацией, стоит так остро вопрос о своевременном и внимательном разборе заявлений, которые поступают от советских граждан, заключенных, семей репрессированных и др.

Нарком НКВД СССР т. БЕРИЯ прямо поставил вопрос перед нами о том, чтобы ни одно заявление, поступающее к нам, не должно быть без ответа заявителю, независимо от содержания заявления. Исходя из этого, каждый работник НКВД должен почувствовать ответственность за разрешение того или иного заявления.

В выступлении тов. ЯЦУНСКОГО было сказано, что секретариат УНКВД направляет в отделы заявления, не имеющие ничего общего с работой данного отдела. Я знаю, о каком заявлении идет речь. И должен вам сказать, что именно это заявление относится к объекту работы 3-го отдела 2 отделения.

По распоряжению тов. КОРАБЛЕВА создана группа по разбору заявлений при секретариате. Задача этой группы будет заключаться в том, что все жалобы и заявления, поступающие в УНКВД, будут разрабатываться этой группой. Но это не говорит за то, что заявления не будут поступать в отделы и в райотделения НКВД. Ряд заявлений, требующих глубокой оперативной разработки, бесспорно, будут разрабатываться отделами и райотделениями НКВД.

Хочу сделать замечание по выступлению т. ДАНИЛЕЙКО. Часто в выступлениях т. ДАНИЛЕЙКО проскальзывает нехорошая черта в части того, что он расхваливает отдельных работников. В сегодняшнем своем выступлении говорит, данное руководство работало очень хорошо, а прошлое руководство работало плохо. Я не хочу сказать, что тов. ДАНИЛЕЙКО подхалим — этих черт у него нет, но отдельные коммунисты знают, что за ним эта болезнь есть. Мне лично кажется, что эта черта нехорошая для коммуниста.

Тов. ДАНИЛЕЙКО. Разрешите дать справку. Выступление тов. ЛЕХТЕРА считаю детским, которое является результатом политической безграмотности и непонимания вопроса.

Я говорил и говорю, что с момента прихода тов. КОРАБЛЕВА на работу в наше управление проделана большая работа как по разгрому контр[е]волюционных организаций, так и по очистке наших органов от

социально чуждого элемента. Об этом говорят документы. И элементов подхалимства в сказанном мною нет.

С приходом на работу в управление тов. КОРАБЛЕВА в состав работников управления влились новые силы, которые, несмотря на то что некоторые имели малый опыт в работе, но они по-партийному разрешали вопросы производственной работы.

Неправильно понял сказанное мною тов. ЛЕХТЕР и в части того, когда я сказал, что если сейчас проанализировать действия ЛЕПЛЕВСКОГО (а они видны по тем директивам, которые он издавал), то он себя вел более открыто как враг, чего мы не смогли разглядеть вовремя. А УСПЕНСКИЙ, ныне разоблаченный враг народа, действовал, по-видимому, более осторожно, ибо в противном случае его можно было бы гораздо раньше разоблачить.

Выступление тов. РЕДЕРА. Мне кажется, что тов. СТЕПАНУХА (секретарь парткомитета) и сейчас еще не понимает сути того, какую роль должна играть партийная организация в работе Управления НКВД.

Если партийная организация УГБ будет так приближать партийную работу к производственной работе, то ничего из этого не получится. Речь идет о том, чтобы наша парторганизация вместе с командованием, вместе с членами партии жила производственными вопросами. А жить производственными вопросами — это не значит, что партийный комитет, получив тот или иной материал о работнике, например о том, что этот работник не справляется со своей работой вследствие нежелания работать так, как это подобает коммунисту, — задаст такому работнику трепку на парткомитете. Вопрос заключается не в этом.

Тов. СТЕПАНУХА. Ты же член партии?

Тов. РЕДЕР. А ты что, наблюдатель? Ты и сейчас неправильно ставишь вопрос. Именно перестройка партийной работы заключается в том, чтобы партийный комитет знал, что делается в оперативных отделах.

Есть у нас в каждом отделе партгруппа, хотя бы один раз спросил у меня т. СТЕПАНУХА: «Как ты руководишь партгруппой?». И наоборот — как руководит партгруппами управления тов. СТЕПАНУХА?

Было 59-летие тов. СТАЛИНА. Звонит т. СТЕПАНУХА: «Проведите там у себя собрание партгруппы». А повседневного руководства нет. Следующего указания секретаря парткомитета по отношению партгруппы надо, по-видимому, ожидать к какому-либо революционному празднику.

Здесь присутствует секретарь комсомольской организации тов. ГОРОДНИЙ. Скажите, тов. ГОРОДНИЙ, партийный комитет руководит комсомолом? Нет.

Хорошо было бы заслушать отчет секретаря комсомольской организации, из которого можно было бы видеть, как руководил партийный комитет комсомолом. Заранее известно, что не было никакого руководства. [...]

Выступление тов. СТЕПАНУХИ. Задача партийной организации заключается в том, чтобы мобилизовать членов партии-чекистов на выполнение постановления партии и правительства от 17.11 с.г. Но будет неверным думать, что парторганизация будет подменять командование, будет подменять ЯЦУНСКОГО — у которого агентурная работа плоха,

НАЗАРЕНКО — у которого допущены недочеты в работе следственной группы, ФИЛОНЦА и др., которые еще не развернули агентурную работу как следует. И если командование будет разбирать вопрос о ЯЦУНСКОМ или НАЗАРЕНКО как о работниках управления, то парторганизация будет разбирать о них вопрос как о членах партии. Только такая может быть постановка вопроса, эта задача партийной организацией будет выполнена.

Я должен сказать одно, что если бы не постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, то на сегодня не было понятно, как должна работать партийная организация. Мы бы это поняли, но значительно позже. И на сегодня еще не все коммунисты достаточно понимают это решение, как это надо.

Тов. БУРЧЕНКО сказал, что я дал на вопрос нечленораздельный ответ. Пожалуй, что вряд ли можно дать исчерпывающий ответ в двух словах.

Тот же НАЗАРЕНКО, который вел следственную работу, видел свои недостатки в работе, вследствие чего НАЗАРЕНКО подвел командование. Почему? Потому что в его работе не было достаточно партийного отношения к делу. Каждый из нас забыл о том, что он является членом партии прежде всего.

Тов. НАЗАРЕНКО. Неудачный пример, тов. СТЕПАНУХА.

Тов. СТЕПАНУХА. Недочет в работе партийной организации в том, что на сегодня еще недостаточно она перестроила свою работу, тем самым не повысила ответственности коммунистов за порученное им дело.

Конечно, если бы на парткомитете чаще ставились вопросы производственного порядка, ясно повысилась тогда ответственность за свою работу у коммунистов.

Одновременно должен сказать, что парткомитет не раз ставил вопрос о некоторых товарищах у себя на парткомитете, после чего товарищи крепко исправили свое отношение к работе.

Всем известно, что на протяжении всего периода времени была такая постановка, когда не положено было знать партийному комитету ход следствия по тому или иному делу. И не только парткомитету, но и между собою работники не все знали ход следствия у рядом работающего товарища.

Безусловно, парткомитет должен знать, когда идет речь о том или ином работнике — члене партии, не обходя ни в коем случае командование. Так, например, у тов. ВЯТКИНА лежит одно заявление 8 [меся]цев неразобранным, а парторганизация об этом не знает. Но ВЯТКИН — член партии, он знает, что разбор заявления нужно форсировать. Или он ожидает вмешательства парткомитета?

Тов. ВЯТКИН. Работаю я всего 3 месяца.

Тов. СТЕПАНУХА. Говоря об исправлении тех ошибок и недочетов в работе, которые имели место в нашем Управлении, надо сказать, что еще и на сегодня некоторые товарищи хорошо не уяснили себе, еще как следует не осознали решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.11. с.г., которое должно явиться в работе каждого члена партии — чекиста настольным календарем работы.

Я лично не знал, можно ли ставить вопросы производственного порядка на обсуждение парткомитета и в целом парторганизации. Но партгруппа, члены которой сейчас выступают и обвиняют парткомитет, что делали? Почему этого вопроса партгруппа отделов не продумала раньше, не проявила своей инициативы в этой части? Сейчас всем видно, что этого вопроса мы с вами недопонимали.

Ряд товарищей не работают с агентурой, а разве парткомитет об этом знает?

Выполняя решение партии и правительства об исправлении ошибок и недочетов в работе органов НКВД, нельзя так понимать, что отныне по всем вопросам надо обращаться в партийный комитет. Это будет неправильно. Есть командование, которое руководит работой, к нему нужно и обращаться за всеми вопросами. Партийный комитет со своей стороны должен вовремя сигнализировать командованию об имеющихся недочетах в работе и помогать выправлять их.

Со стороны обкома партии также было допущено некоторое недопонимание вопроса в части руководства первичной партийной организацией Управления НКВД.

Возможно, если бы я обратился за помощью в этой части, мне была бы дана некоторая ориентация. Но поскольку, как вы уже слышали, само проведение нашего партсобрания явилось результатом нашей инициативы — парторганизации и командования, в самом обкоме партии, по-видимому, имело место недопонимание этого вопроса.

Тов. БЕРКУТА, вам нечего обижаться. Вы хотите перейти в члены партии — потрудитесь представить справки, противоречащие тем материалам, которые на Вас в отделе кадров имеются. Тогда лишь будет решен ваш вопрос.

Надо сказать, что отдел кадров Управления к вопросу в части очистки наших органов от социально чуждых элементов подходит вполне правильно. Правда, были отдельные моменты, когда на протяжении долгого времени на человека нет материалов компрометирующего характера, а вот сейчас такого рода материалы всплывают наружу. Я имею в виду СОКИРКО. Партийная организация не знала, что на СОКИРКО имеется материал о том, что он сын кулака, брат его был дьяк и т.п. Кроме того, как это выяснилось сейчас, он допустил по своей работе ряд ошибок. В части дальнейшей работы — необходимо повысить роль партийных групп и партгрупп в разрешении вопросов повседневной производственной работы. [...]

Тов. РЕПЕЙ. Не знаю, почему меня обвиняют в составлении ложных протоколов показаний свидетелей. Я уже говорил, как это было и при каких обстоятельствах. И сейчас говорю, что являлся секретарем райотделения НКВД и мне поручили переписать протокол допроса свидетелей, а не допрашивать кого-то. Что и было мною сделано. Я прошу партийную организацию разобраться в этом как следует.

Наконец, есть люди, которые работали в райотделении, можно спросить их — допрашивал я этих свидетелей или нет.

Заключительное слово тов. КОРАБЛЕВА.

По существу, никто из выступающих товарищей не оспаривал тех ошибок и извращений в работе управления, о которых я указал в своем докладе.

Я хочу остановиться на выступлении тов. РЕПЕЯ. По-видимому, тов. РЕПЕЙ не понял постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года, если он еще и сейчас (прослушав ряд выступлений товарищей) утверждает свою невиновность. Спрашивает, за что его обвиняют. Свидетели отказались от своих показаний, говорят, что они их не давали, составлял заведомо липовые протоколы допросов свидетелей. А сейчас спрашивает — в чем его обвиняют?

В тех ошибках и извращениях, которые были допущены в работе нашего управления, которые мы сегодня констатировали, виновны мы все. Виновны и рядовые члены партии, и нерядовые члены партии (как тут выразились некоторые). Виноваты в том, что мы недопоняли своей роли члена партии — чекиста.

Допускали ошибки, допускали извращения советского законодательства. Думаю, что товарищи осознали свои ошибки, а это главное. Главное — осознать решение партии и правительства и не допускать впредь ошибок.

Если все мы вместе с парторганизацией и руководством как следует возьмемся за работу, мы выполним постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года.

Дам пояснения по некоторым выступлениям.

В своем выступлении тов. ЯЦУНСКИЙ спрашивает — какие и сколько нужно материалов для производства ареста? Спрашивает — кого же арестовывать?

Должен сказать, что вопрос этот слишком неуместен, мягко выражаясь. Есть у вас проверенные агентурные или следственные материалы, которые изобличают его в преступлении, значит, надо арестовать.

По выступлению тов. МАРТЫНЮКА, 9 отдел не такой уж бедный. В нем имеется 11 человек работников. Имея в виду еще и то обстоятельство, что 9 отдел создан здесь нами для того, чтобы правильно и лучше поставить работу по обслуживанию тех объектов, которые нужно обслуживать, для работы в этом отделе мы взяли работников из других отделов, дали начальника. Возьмите любой отдел: где есть больше работников? Вы ставите вопрос об обслуживании Винницкого района, выделить для этого специальных людей и т.п. Видите ли, ни я, ни тов. ПРИШИВЦЫН, ни обком партии, ни облисполком, ни даже Киев не могут разрешить вопрос о создании Винницкого РО НКВД. Этот вопрос нами поставлен, и он должен быть разрешен в Москве. Материалы об этом есть в ОК, можно убедиться.

В 1939 году, видимо, мы получим необходимый нам штат, которого, к сожалению, на сегодня нет.

По выступлению тов. ПОРТНОГО, насчет дергания отдельных категорий работников. В своем докладе я останавливался на том, что является установленным, что УСПЕНСКИЙ, помимо того что он изменник, предатель, враг, он был ярым антисемитом и пытался проводить эту

политику. В результате чего по категорическому предписанию ОК наркомата мы уволили двух сотрудников, не имея на них компрометирующих материалов. Сейчас этих сотрудников мы восстановили на работе.

Вопреки распоряжению отдела кадров наркомата мы задержали увольнение и откомандирование ряда работников, исходя из того, что эти работники нам нужны.

Дергание работников имело место со стороны наркомата. Не раз отдел кадров управления получал распоряжение наркомата направить в Киев таких-то людей. Поедут туда, возвращаются обратно. Вдруг опять получается распоряжение из отдела кадров, таких-то товарищей готовы на откомандирование. Что делаем мы? Готовим дела, одновременно протестуем. Сколько раз мы писали о том, что эти люди нам нужны, что откомандирование таковых нарушит нашу оперативную работу. За отдельных лиц буквально дрались. В свою очередь, от нас требовали объяснений о неоткомандировании и т.п. Такое дергание, бесспорно, имело место.

В отношении двух сотрудников (о которых я выше говорил) мы с ПОЗНЯКОВЫМ (нач[альник] отдела кадров управления) ослабили сопротивление, в результате чего они были уволены, но сейчас, повторяю — они восстановлены на работе.

Отдел кадров провел большую работу по очищению рядов чекистов, но это не значит, что не было допущено ошибок. Ошибок и извращений в работе отдела кадров немало, их нужно исправлять.

В части выступления тов. БЕРКУТЫ.

Тов. БЕРКУТА прав в той части, где он говорит, что отдел кадров медлит в разрешении этого вопроса и не всегда делает то, что нужно. Есть на сотрудника компрометирующий материал, вызовите этого сотрудника, скажите: «На тебя есть такой-то материал, если вы считаете его неверным — опровергните его». В этом, бесспорно, ошибка отдела кадров.

Об агентурной работе. Нам нужно работать и закордоном, но это не значит, что мы должны ослабить работу внутри нашей области. Ни я, ни тов. ПРИШИВЦЫН не давали установок, чтобы гнались на закордон, а внутри ничего не делать, ибо это было бы явно неправильным, было бы явно вредительской установкой. Свою агентуру мы должны ставить и против иноразведок, и против врагов, находящихся на территории области.

Тов. ПРИШИВЦЫН. Это аксиома.

Тов. КОРАБЛЕВ. Это такой вопрос, который ясен для всех. Но, товарищи, нужно быть самокритичными. Возьмите сейчас отделы (правда, штат в них полностью не укомплектован), они целиком освобождены от следственной работы. Казалось бы, сейчас оперативные отделы должны заняться агентурной работой. А что получается? Получается, что по-настоящему, по-серьезному очень немногие отделы работают с агентурой. Ряд отделов плетутся в хвосте и непонятно, почему они плетутся в хвосте, что им мешает в работе? Есть люди, есть условия — видимо, мешает лень или халатность. И то и другое надо немедленно изжить и взяться за наше основное оружие, за агентуру.

Насчет того, что руководство не бывает у агрегата (как это выразился в своем выступлении тов. ДАНИЛЕЙКО). Это не совсем верно, так как мы бываем в аппарате. Но ведь кто-то должен заниматься вопросами руководства, и если мы с тов. ПРИШИВЦЫНЫМ будем все время расхаживать, заложив руки в брюки, по комнатам, вряд ли это даст эффект в исправлении ошибок и недочетов в работе. Однако нам придется больше бывать вместе с работниками как при допросах, так и при приеме агентуры, чтобы помогать работать.

Тов. ПРИШИВЦЫН. Так близко подойти, как мы подошли к 11 отделу, подойти нельзя в деле оказания помощи и руководства. Я по целым дням сидел в отделе и выправлял его работу.

Тов. КОРАБЛЕВ. Насколько я понял из выступления тов. БЕРКУТЫ, речь идет о деле КАЛИНЫ. Неправы вы, тов. БЕРКУТА. Дело КАЛИНЫ я лично прекрасно знаю, начиная от самого его возникновения. И если БЕРКУТА писал глупости, то естественно, что ЗАПУТРЕЯВ обязан был выправить его. Если ЗАПУТРЕЯВ сочинял протоколы, значит, это уголовное преступление, о чем нужно было своевременно сигнализировать как коммунисту, как чекисту. Такого заявления с Вашей стороны не поступало.

Второе. Вы говорите, что начальник отдела корректировал протоколы, требуя более точные выражения. Правильно. В этом заслуга следствия.

Дело КАЛИНЫ — прекрасное дело, лучшее из имеющихся в управлении дел. Обвиняемые прокурором передпрошены. Дело в ближайшие дни поступит в трибунал.

Совершенно неправ в своем выступлении тов. ЛЕХТЕР по адресу ДАНИЛЕЙКО. Тов. ДАНИЛЕЙКО — человек прямой, немного вспыльчивый, немного грубоват. Он говорит то, что думает. Во всяком случае, тов. ДАНИЛЕЙКО в подхалимстве обвинить нельзя.

Заканчивая, должен сказать, что в тех ошибках и извращениях, допущенных нами, в работе, о которых я говорил в своем докладе, о которых говорили выступавшие здесь товарищи, виноваты мы с Вами все, мы должны по-большевистски немедленно исправить эти ошибки и извращения. Должны мобилизовать все свои силы на то, чтобы выполнить решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Заслушав доклад о допущенных ошибках и извращениях в агентурно-следственной работе и задачах парторганизации УНКВД по осуществлению решения ЦК ВКП(б) и СНК от 17.11.1938 года, общее собрание парторганизации УГБ отмечает, что:

1. Коллективом УГБ УНКВД за последнее время проведена большая работа по разгрому антисоветского правотроцкистского буржуазно-националистического подполья и ликвидации шпионско-диверсионных групп и ячеек иностранных разведок, действовавших на территории области.

2. Наряду с разгромом всех этих антисоветских формирований, была проведена также большая работа по очистке органов НКВД и милиции

от пробравшихся в наши органы шпионов, вредителей и диверсантов и проч[его] враждебного и социально чуждого элемента.

3. Вместе с тем, партсобрание отмечает, что в ходе этой большой работы по выкорчевыванию вражеского подполья были допущены ряд серьезных ошибок и извращений в агентурно-следственной работе.

В процессе массовых операций и упрощенного разбора дел коммунисты-оперативники увлеклись следствием, забросили важнейший участок — агентурную работу.

Более того, некоторые коммунисты-чекисты и вовсе потеряли вкус к агентурной работе.

В результате запущенности и слабой работы с агентурой следствие по делам арестованных врагов народа, как правило, не пополнялось данными агентуры. В результате чего врагам нередко удавалось скрыть свои преступные связи и к[онтр]р[еволюционную] деятельность.

Наряду с недооценкой агентурной работы, имели место ряд серьезных ошибок и извращений в следственной работе, как: нарушались нормы УПК в части сроков содержания под стражей, предъявления обвинений, своевременных допросов арестованных, записей их показаний, а также оформления следственных документов. Для ведения следственной работы привлекались лица, никакого отношения к следствию не имеющие (Калиновка — КУРОС), имели место факты, когда враги, пробравшись в наши органы, использовали это обстоятельство, фабрикуя ложные показания свидетелей (КРОТКОВСКИЙ) и создавая таким образом фиктивные дела на ни в чем не повинных людей, а также имели место факты грубейших физических мер воздействия (ЗЛОБИН — Липовец) и т.п.

Все эти извращения нередко являлись прямым результатом подрывной деятельности пробравшихся в наши органы и к руководству парторганизации врагов народа.

Уже после решения ЦК ВКП(б) и СНК от 17 ноября с.г., требовавших немедленного устранения отмеченных безобразных фактов, в работе следственной группы УНКВД были допущены ряд грубых ошибок — несвоевременно продлевались сроки содержания под стражей, необоснованно прекращались дела (ЛЮДВИК, МЕТЕЛЕВ и др.), следствия по ряду дел были проведены поверхностно, следдела передавались от одного следователя к другому, что нарушало следственную работу и затягивало ход следствия по этим делам.

Эти извращения и ошибки явились также результатом того, что парткомитет УНКВД недостаточно занимался вопросами производственной работы оперативных отделов, тем самым не были своевременно вскрыты допущенные ошибки.

Эти факты были допущены также и вследствие того, что ряд членов партии недостаточно усвоили решение ЦК ВКП(б) и СНК от 17.11. с.г. о перестройке по-новому агентурно-следственной работы.

Партсобрание указывает также, что одним из серьезных политических недочетов в работе отдельных коммунистов является отмечаемая за последнее время некоторая боязнь производства новых арестов врагов,

на которых имеется достаточно материалов обвинения, что объясняется недопониманием решения ЦК ВКП(б) и СНК.

Исходя из изложенного, партсобрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать партийный комитет УГБ УНКВД перестроить свою работу в плоскости обеспечения действенного партийного руководства, контроля и помощи в оперативно-производственной деятельности отделов и каждого коммуниста в отдельности.

2. Партсобрание обязывает каждого коммуниста глубоко усвоить решение ЦК ВКП(б) и СНК о перестройке агентурно-следственной работы и призывает всех коммунистов мобилизовать все свои силы, партийно-чекистское умение к неуклонному выполнению этого важнейшего решения в своей повседневной практической работе.

3. Необходимо решительно изжить и положить конец всем имевшим место ошибкам и искривлениям в агентурно-следственной работе, следствие по незаконченным делам провести качественно, произведя всестороннее и глубокое расследование всех обстоятельств дела с таким расчетом, чтобы в ближайшее время закончить эти дела.

4. Указывая на недопустимость недооценки агентурных мероприятий как важнейшего участка чекистской работы, собрание требует от всех коммунистов-оперативников поставить работу с агентурой во главу угла своей практической деятельности, так как только через агентуру возможна дальнейшая успешная работа по вскрытию остатков к[онтр]р[еволюционных] шпионско-диверсионных, террористических и иных антисоветских формирований.

5. Партсобрание, призывая членов партколлектива к еще большему повышению партийной большевистской бдительности, напоминает указания Вождя Партии товарища И.В. СТАЛИНА о том, что мы живем в капиталистическом окружении и к нам в СССР иностранные разведки будут засылать вдвое и втрое больше шпионов, диверсантов, террористов, чем в любую другую страну.

Каждый коммунист-чекист должен помнить, что враги и впредь будут пытаться засылать свою агентуру и в органы УГБ НКВД для подрыва их изнутри, а поэтому повышение большевистской бдительности, выявление и разоблачение вражеского элемента в наших рядах является главнейшей задачей парторганизации и каждого коммуниста.

6. Собрание призывает всех коммунистов путем подлинной большевистской критики и самокритики, невзирая на лица, изживать все недочеты в нашей работе.

Вместе с тем, собрание указывает, что успешное изживание этих недочетов возможно лишь при условии более тесной связи каждого коммуниста в отдельности с руководством парторганизации, Парткомом, Горкомом и Обкомом. Нужно, чтобы каждый из нас понял, что мы прежде всего коммунисты, что обязывает каждого из членов партии подлинно железной партийной дисциплине.

7. Партсобрание обязует каждого члена парторганизации строго, помня устав партии, неустанно работать над повышением своего идейно-политического уровня и поднятием своей чекистской оперативной

квалификации, что является одним из условий успешной борьбы с врагами партии и социалистического государства.

Провести комсомольское собрание, разъяснить постановление ЦК ВКП(б) и СНК и решение партсобрания парторганизации УГБ УНКВД.

Тов. СТЕПАНУХА. Товарищи, у кого будут дополнения или изменения к предложенному постановлению?

С места. Есть предложение утвердить постановление в целом.

Тов. СТЕПАНУХА. Какие еще будут предложения?

Предложений и изменений с мест больше не поступило.

Тогда разрешите голосовать в целом за постановление партийного собрания.

Кто за принятие постановления партийного собрания в целом, прошу поднять руки (голосуют члены партии)?

Голосуют за принятие в целом постановления закрытого партийного собрания единогласно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [підпис] СТЕПАНУХА

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр 39, арк. 229–234.

Оригінал. Машинопис.

УНКВС ПО ВОРОШИЛОВГРАДСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 4

**Із протоколу оперативної наради співробітників УНКВС по
Ворошиловградській області про обговорення постанови
РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.**

23 листопада 1938 р.

Совершенно секретно

На совещании присутствовал первый секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У тов. КВАСОВ.

ПОВЕСТКА ДНЯ: постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года — об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия¹.

Начальник управления НКВД тов. КОРКУНОВ, открыв совещание, указал, что оно специально созвано и посвящено тщательному изучению и проработке постановления СНК СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 17.11.1938 г.

После этого тов. КОРКУНОВЫМ было зачитано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия.

Дальше он подробно остановился на историческом, исключительно важном значении для органов НКВД постановления Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома СССР, указывающем на правильную организацию следственной и агентурно-оперативной работы органов НКВД.

Перейдя к вопросу практической работы областного аппарата и горрайаппаратов, тов. КОРКУНОВ кратко подвел итоги агентурно-оперативной работы за 5 месяцев существования областного управления, где указал о вскрытом и ликвидированном правотроцкистском и националистическом подполье, значительном разгроме агентуры иностранных разведок в области промышленности и сельском хозяйстве.

Останавливаясь на отмеченных в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) фактах извращений и недостатков в следственной и агентурно-оперативной работе органов НКВД, тов. КОРКУНОВ подчеркнул, что это в такой же степени относится к нашему областному управлению НКВД.

Тут же им были приведены конкретные факты извращений, недостатков и явной нечистоплотности в следственной и агентурной работе,

¹ У нараді брали участь начальники й оперативний склад районних і міських відділень УНКВС по Ворошиловградській області.

допущенных отдельными работниками — БОТНАРЕВЫМ, КАРЦЕВЫМ, ГРЕЧАНИКОМ, ГУРЕНКО, ЯРОШЕВИЧЕМ.

Давая анализ фактам извращения и нечистоплотности, тов. КОРКУНОВ говорит о необходимости решительной борьбы за их устранение в дальнейшей работе.

Ликвидация последствий вредительства, имевшихся искривлений, недостатков и фактов нечистоплотности в работе в аппаратах может быть обеспечена только неуклонным выполнением указаний партии и правительства, которые четко и ясно отражены в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

В заключение своего доклада тов. КОРКУНОВ призывает присутствующих коммунистов, комсомольцев-чекистов на основе развернутой большевистской критики и самокритики вскрыть имеющиеся извращения и недостатки в нашей чекистской работе с тем, чтобы выжечь их из нашей практики.

Одновременно с этим — наметить конкретные мероприятия по ликвидации всех недостатков и повышению качества оперативно-чекистской работы как в области следствия, так и в области агентуры.

Тов. КОРКУНОВ выражает уверенность в том, что работники НКВД Ворошиловградской области, глубоко усвоив постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, со всей большевистской настойчивостью и непримиримостью, повышением революционной бдительности, еще более развернут работу по выкорчевыванию и ликвидации всех врагов нашей родины.

ВЫСТУПЛЕНИЯ:

1. Тов. БАРАНОВ, младший лейтенант Госбезопасности, начальник Серговского горотделения НКВД.

В своем выступлении говорит о том, что за последнее время основное внимание уделялось следствию и агентурная работа была совершенно заброшена. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР совершенно правильно указывает на это.

Тов. БАРАНОВ приводит факт, когда на шахте № 3/3-бис был один осведомитель, и тот ушел в отпуск, и на шахте никакого осведомления не осталось.

В ходе следствия, говорит т. БАРАНОВ, оперативные работники не занимались ознакомлением с теми людьми, которых сами вербовали, и они таким образом оставались в тени.

Далее он отмечает, что в Кагановическом районе составлялись справки на аресты без соответствующих материалов, подкрепляющих те мотивы обвинения, которые были положены в основу составления справки. Он говорит, что об этих фактах он неоднократно заявлял тов. БАЛЫЧЕВУ, требуя проверки этих фактов. Однако таковые остались непроверенными.

В Серговском районе имел место такой факт, когда инспектор милиции, придя на обыск и увидев родных подлежащего аресту [гражданина], отложил этот обыск на другой день.

Заканчивая свое выступление, тов. БАРАНОВ заостряет внимание присутствующих на том, что вывод может быть один — упорно работать с агентурой, и что настоящее оперативное совещание даст еще больший толчок в улучшении агентурно-оперативной работы. Одновременно отметил, что партийная организация района должна больше прислушиваться к сигналам наших органов.

2. Тов. КИТЧЕНКО, мл[адший] лейтенант Госбезопасности, начальник отделения УГБ УНКВД.

Недостатки, отмеченные постановлением Центрального Комитета ВКП(б) и СНК СССР, целиком относятся к отделению, которое я возглавляю.

Враги в системе государственной торговли нанесли очень много вреда. Торговые организации засорены антисоветским и социально чуждым элементом. Я должен сказать, что начальники горрайотделений не уделяли достаточного внимания такой работе, как работа по очистке предприятий и учреждений госторговли. Особенно плохо работа в этой части поставлена в Ворошиловске и Красном Луче, в противоположность Серговскому горотделу НКВД, где работники крепко взялись за агентурно-оперативное обслуживание торговых организаций. Нужно принять все меры к тому, чтобы в системе госторговли насадить квалифицированную агентуру и очистить советский торгующий аппарат от классово враждебного и социально чуждого элемента.

3. Тов. ВРУБЛЕВСКИЙ, сержант Госбезопасности, начальник 3 отдела УГБ УНКВД.

Вопросами агентурной работы занимался Пленум Центрального Комитета ВКП(б). Раскрытие врагов обязывало нас усилить агентурную работу, а мы ослабили.

Мы нанесли крепкий удар по различным вражеским резидентурам, орудовавшим в нашей области. Однако допустили много ошибок в агентурной работе.

В Красном Доне арестовали одного агента. Этого, конечно, делать не нужно было. Сейчас этот агент прекрасно работает и разрабатывает интересные дела. (Приводит цитату из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР).

Вчера в Свердловке мы принимали исключительно ценного человека, он буквально гонялся за оперативным составом, а его никто не принимал, ограничиваясь обещаниями, что его примут.

В практике нашей работы наблюдались такие моменты, когда мы требовали от агента, чтобы он только лишь писал [донесения]. Тем не менее, есть такие агенты, которых такая постановка вопроса не удовлетворяет. Он хочет не только написать, но и поговорить, посоветоваться, обсудить подробно все моменты, которые связаны с его работой по вскрытию врага.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР нас обязывает к серьезной агентурной работе. Нужно учесть, что противодиверсионное осведомление работает плохо и поэтому не имеет результатов по предотвращению аварий.

Районный партийный комитет в Свердловке не помогает и не интересуется работой райаппарата НКВД.

В Рубежанском районе была нездоровая группа в лице ХРАПКО, находящегося ныне в Сталинской области, БОТНАРЕВА и других, которая занималась в процессе следственной работы фиксацией вымышленных фактов. Когда тов. БОТНАРЕВ пошел на самостоятельную работу, он не прекратил это.

4. Тов. БОТНАРЕВ, сержант Госбезопасности, начальник отделения УГБ УНКВД.

Затрагивая вопрос о качестве справок, которые составлялись на арест, тов. БОТНАРЕВ обвиняет тов. БАРАНОВА в том, что последний давал ему установку составлять справки, несмотря на отсутствие материалов.

Приводит факт, когда был арестован как раскулаченный и участник баптистской секты один рабочий, в результате того, что он слепо доверился аппарату и не проверил материалов в отношении этого рабочего, который ложно характеризовался как кулак и член баптистской секты.

Касаясь проводившейся документации вражеской деятельности по делам арестованных милицейскими работниками, т. БОТНАРЕВ заявляет, что он категорически возражал против допуска милицейских работников к этой работе. Одновременно указав, что показания свидетелей в отношении врагов полностью не использовали, что, естественно, определяло качество самого следствия.

Тов. БОТНАРЕВ подчеркнул, что, будучи в Рубежанском районе, у него были неплохие результаты по работе. Доказательством чему является тот факт, что при отъезде из района он передал другому оперативному работнику 126 чел[овек] агентуры, и что в результате активной агентурной работы, которую он проводил, было заведено и реализовано агентурное дело, и что, помимо этого, имел дела по серьезным вражеским группировкам.

Тов. БОТНАРЕВ признает, что, не имея достаточно навыков, допустил такую ошибку, как арест рабочего, не причастного к делу.

Далее он отмечает, что постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР еще раз призывает чекистов к четкой работе по разгрому врага и что слабость агентурной работы за счет загруженности в следствии относить нельзя.

5. Тов. ГЕЛЛЕР, начальник отделения отдела УГБ УНКВД.

Останавливаясь на агентурной работе, тов. ГЕЛЛЕР указал, что в процессе очистки агентурной сети допущены ошибки, заключающиеся в том, что в числе отсеянных были ценные, перспективные агенты.

Будучи в районе, он сталкивался с таким явлением, что работники периферии не ставили остро перед собой вопрос о развороте агентурной работы.

В Ново-Светловском районе в результате правильной работы с агентурой получены материалы, подтверждающие наличие контрреволюционного фашистского формирования. Это говорит том, что враг продолжает активно орудовать.

Тов. ГЕЛЛЕР считает, что при вербовке агентуры надо придерживаться принципа — лучше завербовать одного ценного, чем девять бесполезных. Между тем, многие боятся вербовать агентуру.

Для обеспечения качества агентурной сети требуется серьезная, глубокая подготовительная работа, обеспечивающая успешную вербовку. Надо создать агентурную сеть, способную давать дела. В Серго, например, есть база врага, и мы об этом информировали тов. БАРАНОВА. Необходимо также отметить, что вербовки среди жен репрессированных не проводятся совершенно.

[...] 7. Тов. КЛИМЕНКО, младший лейтенант Госбезопасности, начальник отделения УГБ УНКВД.

Решение СНК и ЦК ВКП(б), безусловно, правильно. Все это относится к нам.

Из опыта моей работы в Марковском, Меловском и Беловодском районах я пришел к заключению, что все возможности для разворота агентурно-оперативной работы в этих районах есть, что надо только правильно строить работу, чтобы обеспечить разгром врага.

КОНДРАТЕЦ и КОЛЕСНИК — способные люди, но квалифицированно работать еще не умеют. Мы же помогаем им слабо. Нашей задачей является учить кадры, помогать им перестраивать агентурную работу, являющуюся основой в борьбе с врагами. Надо не забывать, что село является серьезным объектом, где наблюдаются новые кулацкие проявления, и поэтому основной работой там является только работа с агентурой.

Тов. КЛИМОВ — серьезный человек, но часто забывает, что ему надо делать, ему требуется помощь. Тов. ТАРНАКИН — деловой работник, сам работает и воспитывает других.

Наша задача — организовать агентурную работу на районах путем выездов на места с целью оказания там конкретной помощи, надо учесть, что молодые работники, пришедшие к нам в органы недавно, не знают еще правил ведения следствия. Из этого следует сделать вывод, что вопросу воспитания кадров надо уделить больше внимания, до сих пор мы воспитывали их слабо, относимся к ним плохо. Необходимо организовать вызовы работников в Обком, усилить политическую учебу среди них, укрепляя таким образом партийное воспитание. Только при этом условии может быть обеспечен успех в борьбе с врагом.

8. Тов. МАРЧЕНКО, мл[адший] лейтенант Госбезопасности, начальник Верхне-Теплянского² ГО НКВД.

Решение партии и правительства обязывает нас, чекистов, очень многому, и нам необходимо прежде всего правильно построить агентурную работу, обеспечивающую вскрытие и разгром контрреволюционного подполья.

Лично я чекист молодой, мобилизованный в органы НКВД ЦК партии. За период моей работы в органах я осуществлял вербовку агентуры по линии 3-го отдела, в частности завербовал резидента и 3-х осведомителей. Это, конечно, является недостаточным.

В нашей работе большую роль играет помощь аппарата областного управления НКВД. Что же получается на деле? За время моего пребывания

² Так у текстi. Правильно — «Верхне-Тепловского района».

в районе я всего лишь два раза видел представителей УНКВД. Мы требуем помощи, которая оказывалась нам до сих пор слабо.

Для того, чтобы мы могли приобрести ценную агентуру и произвести правильную очистку агентурной сети от двурушников и предателей, нам нужно больше оказывать практической помощи со стороны областных работников.

Далее тов. МАРЧЕНКО обращает внимание, что работа райаппарата затруднена отсутствием средств передвижения.

8. Тов. ГУЩИН, опер[ативный] уполномоченный Боково-Антрацитовского Райотделения НКВД.

Центральный Комитет Партии и Совнарком в своем постановлении правильно отметили недостатки в нашей агентурно-следственной работе.

Следственная работа, проводившаяся в следственной группе, которую возглавлял т. ГИНЗБУРГ и в которой я работал, была неправильна. Тов. ГИНЗБУРГ давал мне неправильную установку в части нормы по допросам обвиняемых.

С агентурной работой мне не приходилось сталкиваться до выезда в Боково-Антрацит. Теперь же я с достаточной глубиной понял, что агентура решает все.

С учетами в райотделении было плохо, теперь наладили и приступили к вербовке сети, которая на шахте отсутствовала.

Проведенная работа по насаждению противодиверсионного осведомления всего лишь на двух шахтах и результаты агентурной работы, определившиеся заведением одной агентурной разработки, являются явно недостаточными. Хотя на шахтах аварии уменьшились, тем не менее наличная противодиверсионная сеть не обеспечивает еще количественно и качественно безаварийной работы шахт.

В практике следственной работы имели место такие факты, когда арестовывали не тех, кого нужно, и затем освобождали по несколько десятков невинных. Правильно решать судьбу людей мы сможем лишь тогда, когда мы будем иметь хорошую агентуру, объективно и честно помогающую нам вскрывать вражеское подполье.

Конкретная помощь со стороны начальника райотделения тов. АБРАМОВИЧА есть. Решение СНК и ЦК ВКП(б) указывает нам правильный путь, и на основе этого постановления мы должны выправить все те серьезные недостатки в нашей работе, которые имели место в прошлом.

9. Тов. ГЛУЩЕНКО, опер[ативный] работник Краснодонского райотделения НКВД.

Я хочу говорить о внимании к кадрам. Мне приходилось беседовать с некоторыми вновь прибывшими в органы товарищами, и они заявляют, что хотя и работают оперуполномоченными, но как работать — не знают.

Необходимо отметить, что конкретная помощь молодым кадрам, несмотря на указания в этой части капитана Госбезопасности т. КОРКУНОВА, до сих пор все еще не обеспечена. Нужно молодым товарищам показать конкретно, как писать сводку, как принимать агента и дать направление в работе.

[...] 11. Тов. ЛЯЛИН, опер[ативный] работник Краснодонского райотделения НКВД.

В 1937 году мы занимались массовыми операциями. У меня, как и в нашем райотделении, никаких казусов не было, аресты у нас производил оперсостав, и никому это дело не передоверяли.

Исчерпав учеты в результате проведенных операций, мы стали перед фактом того, что начальник райотделения дает указания арестовать человека, а потом же он дает указания его освободить.

Реплика тов. ПОЛОНЕЦКОГО: Вы не знаете, что делается в вашем шкафу.

Продолжая свое выступление, т. ЛЯЛИН отметил такой факт, когда арестовали человека, имея в виду наличие на него материалов в Серго. Как выяснилось потом, этот человек оказался незапятнанным и его затем освободили. Мне, говорит тов. ЛЯЛИН, приходится очень часто менять линии работы.

Реплика тов. КОРКУНОВА: Тов. ЛЯЛИН, Краснодонский трест работает хуже всех трестов. Почему?

На этот вопрос т. ЛЯЛИН отвечает, что у них по этому тресту была плохая агентура.

Следует подобная реплика тов. КОРКУНОВА, краткое содержание которой сводится к тому, что насаждать агентуру необходимо не ради того, чтобы вообще была агентура, а чтобы наша агентурная работа вскрывала действия врагов в угольной промышленности и способствовала бы поднятю угледобычи.

12. Тов. РАУДЕ, опер[ативный] уполномоченный Серговского горотдела НКВД.

Серговский район — своеобразный район, я беседовал со старыми рабочими, которые говорят, что в Серго было много акционерных обществ, в которых участвовали поляки.

Реплика тов. КОРКУНОВА: Теперь т. БАРАНОВУ понятно, почему перебежчики из Польши тянутся в Серго.

Продолжая, тов. РАУДЕ говорит: мы в своей агентурной работе не докопались до корней, чтобы сказать, где база, вокруг которой группируется антисоветский элемент из польских перебежчиков. Мы приняли много учетов и не знаем, в частности по 4 отделению, за что раньше взяться. Аварий в Серго очень много и происходят часто они потому, что враг свою агентуру насадил на шахтах гораздо раньше, чем мы.

На моем объекте в 4 отделении я должен проводить работу по вскрытию троцкистов.

Я считаю, что Серго является именно тем районом, которому, прежде всего, требуется большая помощь со стороны 4 отдела УНКВД. Нам нужно оказать большую помощь, во что бы то ни стало.

13. Тов. УДОВЕНКО, начальник отделения 4 отдела УГБ УНКВД.

Наш выезд в район нам очень много дал. Я считаю, что о работе района здесь нужно говорить гораздо больше. По врагу нужно бить и в УГБ, и в милиции.

В Новом Пскове начальник милиции — разложившийся человек, в отношении которого необходимо принять меры.

Белокуракинский район является очень серьезным. Уезжая из района, я передал т. ГРЕЧАНИКУ ряд установок по агентурно-оперативной работе. ГРЕЧАНИК следствием тогда не был занят, и все же, несмотря на это, он за полгода завербовал всего четыре осведомителя. Из этого необходимо сделать вывод, что тов. ГРЕЧАНИК не хочет работать.

В Белокуракинском районе были вскрыты эсеровские формирования и были большие возможности завербовать агентуру. Этого однако никто не делает. Плана агентуры нет. С агентурой связываются без соблюдения всяких правил конспирации, идя на явку в военной форме.

Пусть тов. ГРЕЧАНИК подробно расскажет обо всем.

14. Тов. ГРЕЧАНИК, сержант Госбезопасности, начальник Белокуракинского райотделения НКВД.

Я поделился с тов. УДОВЕНКО, что, может быть, я свылся с теми учетами, которые имеются в райотделении. Учеты нами заведены. Из имеющихся у нас на учете 3-х человек эсеров я завел агентурную разработку на два человека. Эти лица проходят как участники контрреволюционной организации по показаниям ВОРОНЫ. 7.11.[1938 г.] я должен был поехать на совещание, и поэтому поручил встретиться с агентом другому работнику. За полгода мною завербовано 4 человека.

Реплика тов. КОРКУНОВА: Вы просто обманываете, за полгода вы завербовали четыре человека, вы три года сидите в районе, а работы нет.

15. Тов. СЫРОМЯТНИКОВ, сержант Госбезопасности, начальник [Лово]-Псковского РО НКВД.

Со стороны некоторых начальников отделений и отделов управления НКВД имели место нарушения революционной законности.

Тов. ГЕЛЛЕР распорядился по телефону об аресте группы людей — СТРЕЛЬЦОВА Николая и других. Затем мы в течение месяца ожидали санкции прокурора на их арест и этой санкции не дождались.

У нас в районе есть один б[ывший] офицер, на которого еще в бытность т. КАЛГАНОВА я посылал в область дело-формуляр. С тех пор не только результата в отношении этого офицера, но и формуляра мы не получили, так как его нам не вернули.

Считаю необходимым отметить, что районный партийный комитет не прислушивается к нашим сигналам. Это подтверждается тем фактом, что по вопросу животноводства я информировал секретаря партийного комитета. Сигнализировал о серьезных ненормальностях в этой части и требовал поставить вопрос на бюро. Между тем, никаких результатов в этом направлении я не получил.

Начальник милиции в нашем районе засиделся и поэтому с каждым человеком отношения на «ты». Был такой факт, когда он пришел на колхозный ток и одну колхозницу посадил в бочку с водой. Это говорит о несерьезности и является элементом дискредитации органов милиции. На это необходимо обратить серьезное внимание.

16. Тов. ГУРЕНКО, сержант Госбезопасности, начальник Белолуцкого РО НКВД.

Я хочу остановиться на факте ареста учительницы. Мне сообщили, что ее сняли с работы за антисоветскую агитацию. Моя ошибка в данном

случае заключается в том, что я, не проверив правильность материалов на эту учительницу, подвергнул ее аресту.

Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) обязывает меня, как и всех нас, усилить агентурно-оперативную работу, устранив все те недостатки, которые имели место раньше.

В настоящее время рост оперативного учета в райотделении определяется заведением новых дел-формуляров. С агентурой работа налаживается.

Учитывая, что пока конс[пиративные] квартиры еще отсутствуют, необходимо в ближайшее время эти конс[пиративные] квартиры приобрести, создав таким образом необходимые условия для агентурной работы.

17. Тов. КВАСОВ, секретарь обкома КП(б)У.

Сегодняшнее оперативное совещание характерно именно тем, что на нем стоят довольно интересные вопросы и затрагиваются такие моменты, о которых на партийных собраниях никогда не говорят.

Я внимательно слушал выступавших здесь товарищей и не ожидал, что такие недостатки, о которых они говорили, могут быть у работников органов НКВД.

Советская разведка разгромила немало врагов народа, агентуру иностранных разведок, троцкистско-бухаринских агентов фашизма. Проведенная работа органами НКВД сыграла положительную роль в деле успешного социалистического строительства.

Товарищ, которому я задавал вопрос о конечной цели, вытекающей из практической работы органов НКВД, не ответил мне на этот вопрос.

Враги будут продолжать пакостить. Об этом говорят последние события, поджог хлебов, вредительство в колхозах, совхозах, промышленности. Надо помнить всегда указания товарища СТАЛИНА, который учит, что при капиталистическом окружении иностранные разведки будут засылать к нам шпионов, диверсантов, террористов и иных агентов капиталистических государств.

Отдельные руководители органов НКВД ослабили свою работу, и поэтому враги в ряде мест распоясались. В результате ослабления бдительности и имеет место невыполнение хозяйственных планов и, как следствие, — неудовлетворительная работа шахт треста «Ворошиловградуголь».

Для обеспечения успеха на фронте борьбы с контрреволюцией нам нужно больше работать с массой, что также целиком относится и к работникам НКВД.

Не следует думать, что борьба закончена, надо организовать более искусно методы и формы борьбы с врагом на основе указаний, отраженных в письме Совнаркома и ЦК ВКП(б). Надо глубоко продумать решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Некоторым работникам это решение не нравится. Многие проводили вражескую работу, спекулируя на упрощенных методах работы. Враги народа, орудовавшие в органах НКВД, использовали упрощенный метод, спасая свою шкуру, и это сыграло свою роль в практической деятельности органов НКВД. Нужна теперь кропотливая работа для того, чтобы ликвидировать последствия вредительства, нанесенного врагами.

Необходимо перестроить чекистскую работу. Партия и лично товарищ СТАЛИН уделяют большое внимание вопросу укрепления чекистских органов.

Прокуратуре поручается серьезный участок — надзор, и поэтому проверка и утверждение прокурорских работников приобретают большое значение. Не меньшее значение имеет решение партии в отношении проверки работников органов НКВД. Это обеспечит устранение всяких недоразумений и укрепление органов НКВД.

Нужно сказать, что наблюдается отрыв партийных организаций от органов НКВД, несмотря на то что они работают для одной цели.

Красный Дон и другие районы отстают, все заводы в глубоком прорыве. По заводам «О[ктябрьская] Р[еволюция]» №№ 60 и 59 план не выполняется, а уровень их работы низкий.

Пропуск работников [НКВД] через партийные органы даст возможность приблизить отдельных работников к партийным организациям. Мы должны знать, кто у нас работает в органах, весь состав будет на учете. Партийные организации не привлекали к партийной работе работников органов НКВД. Учеба слабая. Необходимо будет создать условия для политического воспитания.

Для искоренения всех недостатков, имевших место в работе органов НКВД, надо наладить работу с массами (осведомлением), организовать учебу с народом, совещания, лекции, систематический инструктаж новым товарищам. Каждый работник НКВД должен работать над собой.

Некоторые товарищи, выступавшие в прениях, говорили о неправильных взаимоотношениях между начальниками горрайотделений и секретарями РПК. Нужно в этих случаях ставить вопрос перед обкомом и этот вопрос будет решен.

В связи с решением ЦК ВКП(б), нам нужно поставить на высокий уровень политико-воспитательную работу, развернуть глубоко работу так, чтобы решение ЦК и Совнаркома СССР выполнить с честью.

После выступления тов. КВАСОВА заключительное слово берет тов. КОРКУНОВ.

Тов. КОРКУНОВ говорит о том, что выступавшие на совещании товарищи правильно развернули критику в самокритику по фактам имевшихся извращений и недостатков в практике оперативной работы как областного аппарата, так и горрайотделений. Однако, подчеркивает он, все же активность на совещании была недостаточна, особенно оперативного состава с периферии.

Дальше тов. КОРКУНОВ остановился на вопросах учебы и воспитания, поднятия идейно-политического роста основного оперативного костяка и чекистской квалификации вновь прибывшего пополнения коммунистов и комсомольцев, мобилизованных в органы НКВД ЦК КП(б)У и ЦК ЛКСМУ. Эта учеба и воспитание будут служить условием, обеспечивающим дальнейший разворот всей следственной и агентурно-оперативной работы, правильности и эффективности в нанесении удара по контрреволюционному подполью.

После этого тов. КОРКУНОВ особо остановился на организации агентурно-следственной работы 8 отдела, которая должна в ближайшее время обеспечить выполнение плана по угледобыче и производственных программ других промышленных объектов.

Главной задачей всего областного аппарата и периферийных органов, говорит тов. КОРКУНОВ, является решительное искоренение имевшихся фактов извращений и нечистоплотности в практической чекистской работе, изжитие в кратчайшие сроки допущенных ошибок в следственной и агентурной работе.

Вся наша оперативная работа в дальнейшем должна быть проникнута высокопринципиальной партийной объективностью, неуклонным выполнением решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 17 ноября 1938 года.

Заканчивая свое выступление, тов. КОРКУНОВ выражает твердую уверенность в том, что большевики-чекисты УНКВД по Ворошиловградской области с честью и до конца выполняют решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

После своего выступления тов. КОРКУНОВ объявляет совещание закрытым.

СЕКРЕТАРИ:

НАЧ[АЛЬНИК] 4 ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТД[ЕЛА] УГБ

СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ВОСКОБОЙНИКОВ

СЕКРЕТАРЬ УНКВД по В[орошиловградской] о[бласти]

СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

БРУК

В Е Р Н О: [підпис]

ГДА СБУ, Ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 1–29.

Засвідчена копія. Машинопис.

№ 5

Из протоколу партійних зборів співробітників УДБ УНКВС по Ворошиловградській області про перебудову оперативної роботи

6 січня 1939 р.

Присутствовало — 96 чел[овек], из них: областного аппарата — 56, периферии — 40.

На совещании присутствовали: первый секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У тов. КВАСОВ, облпрокурор тов. НОЩЕНКО и зам[еститель] облпрокурора тов. БЕРЕГУЛЬКО.

ПОВЕСТКА ДНЯ: как практически перестроена работа УГБ в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17-го ноября 1938 года.

Совещание открывает начальник Управления НКВД, капитан Государственной Безопасности тов. КОРКУНОВ, который объявляет

порядок совещания и призывает коммунистов путем критики и самокритики вскрыть все недостатки, какие имели место в работе УГБ, как устраняются эти недостатки и какие из них еще не изжиты.

О перестройке работы УГБ в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Старобельскому району докладывает начальник Старобельского РО НКВД тов. СТАРКОВ.

Тов. СТАРКОВ. О созываемом совещании мне стало известно 4 января. И так как времени было мало, то подготовиться достаточно не мог. Старобельское райотделение я принял в августе месяце 1938 года. Была большая текучесть оперативного состава и это в значительной степени отразилось на работе.

Арестованных и следственных дел сейчас в райотделении нет. Приняв райотделение, я обнаружил в тюрьме 14 арестованных, на которых дел не было и о которых никто не знал. Об этом я своевременно сообщил в областное управление НКВД и только лишь через два месяца начали разбираться. Оказалось, что часть арестованных содержалась под стражей свыше года без основания и их пришлось из-под стражи освободить. За это получили взыскания тов. ЮРКОВ и работник Мостовского РО НКВД, хотя они в этом были меньше виноваты, так как это относится к работникам бывшего Старобельского окротдела.

Агентуры по списку я принял до 20 чел[овек]. Сразу же принял меры к установлению связи с нею. По линии 3-го отдела агентуры совершенно не было. За этот период по объектам 3 отдела выявлено и взято на учет 56 человек по линии польской, немецкой, белой к[онтр]р[еволюции] и разному шпионажу, на которых заведены дела-формуляры.

В райотделении есть интересные учеты, которые не разрабатывались, ценные материалы на перебежчиков находились в архиве, были мною из архива изъяты, и для разработки их я завербовал одного агента.

По немецкой линии сейчас разрабатываются две группы, заслуживающие большого внимания. По линии белой к[онтр]р[еволюции] также разрабатывается ряд лиц — бывшие эмигранты.

Приводит цифры учетов по кулакам, троцкистам, меньшевикам и т.д.

Тов. КОРОБЧАНСКИЙ с места. Это только цифры.

Тов. СТАРКОВ. Резидентов в райотделении не было, теперь есть пять. Конс[пиративных] квартир также не было, [сейчас] приобретено 4. Сейчас агентуры в райотделении 60 человек.

Тов. КВАСОВ. Нас интересует — как Вы перестроили работу в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР?

Тов. СТАРКОВ. Сейчас я об этом буду говорить. После постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР аппаратом райотделения завербовано 3 человека, а за 4 месяца всего завербовано до 30 человек агентуры.

Тов. КВАСОВ. Вы новый приказ о вербовках³ читали и есть ли у вас такая агентура?

Тов. СТАРКОВ. Приказ я читал, агентуры у меня такой нет, потому, что я этим не занимаюсь. Следствия мы не ведем. После совещания (23 ноября 1938 года) не арестовали ни одного человека.

Остановлюсь на недочетах. Есть формуляры, которые в течение длительного периода времени не разрабатываются. Плохо обстоит работа с агентурой, не подготавливаются к приему агента и поэтому получаемые от агентуры материалы зачастую малоценны, агентура недостаточно проверена.

Хочу указать также о ненормальностях в части руководства областного управления и отдельных работников областного аппарата. Тов. АФАНАСЬЕВ приезжал в командировку в Старобельск, пробыл 7 дней и никакой помощи райотделению не оказал. Даже ни разу не поговорил с работником по линии 9 отдела, вновь принятым на работу, который еще слабо ориентируется и нуждается в помощи.

За период моей работы в Старобельске меня ни разу не вызвали в область и не спросили, как я работаю. Я пытался несколько раз зайти к начальнику управления тов. КОРКУНОВУ, но никак к нему попасть не мог. Это обстоятельство тов. КОРКУНОВУ нужно будет учесть как коммунисту и начальнику управления.

Когда меня выдвигали на должность начальника райотделения, то обещали помочь мне, а на деле оказалось другое. Отделы области также плохо руководят работниками периферии по своей линии. У меня есть работник 4-го отделения тов. ЮРКОВ. Его ни разу не вызвали в область и с ним не говорили, а он ко всему относится безразлично и мои разговоры с ним не помогают.

Приехал из области для оказания помощи району тов. ВОСКОБОЙНИКОВ. Свою работу он не согласовывал с начальником органа. Вызвал для вербовки одного человека, а он пришел в райотделение вместе с женой. У него же был и второй случай, когда он вызвал для вербовки одного человека, который изложил ряд интересных данных, а потом заявил, что пойдет и повесится. Так работать нельзя. Из этого нужно извлечь урок и сделать соответствующие выводы.

Тов. ГЕТМАН приезжал несколько раз в Старобельск, и когда я обращался к нему за помощью по линии 9-го отдела, то он заявлял, что это его не интересует, он занимается хозяйством.

Тщательного обследования работы Старобельского райотделения НКВД в части перестройки ее в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР тов. ГЕТМАН не произвел. Проверка длилась всего около часа, а отсюда можете себе представить качество проверки.

³ Імовірно, йдеться про наказ НКВС СРСР № 00827 від 26 грудня 1938 р. «Про заборону вербування деяких категорій працівників партійних, радянських, господарських, професійних і громадських організацій». Див.: Лубянка. Органи ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917–1991. Справочник.— М.: МФД, 2003.— С. 600–601.

Вопрос ГЕЛЛЕРА. Все ли приезжавшие в Старобельск работники областного аппарата не оказывали помощи району?

Тов. СТАРКОВ. Нет. Были и такие, что оказывали надлежащую помощь как в части вербовок, так и в работе с агентурой.

Вопрос ГИНЗБУРГА. Как освоена вновь завербованная агентура?

Тов. СТАРКОВ. Были частые срывы явок в связи с вызовами в область, а потом долго восстанавливалась связь.

Вопрос ШУБИНА. Ставил ли СТАРКОВ в известность начальника управления о плохом руководстве отделов, и в частности о случае с АФАНАСЬЕВЫМ?

Тов. СТАРКОВ. Пытался, но этого не сделал.

Вопрос УДОВЕНКО. За четыре месяца завербовано 30 чел[овек]. Какая целеустремленность вербовок была и что конкретно дала вновь завербованная агентура?

Тов. СТАРКОВ. 30 процентов вновь завербованной агентуры нужно отсеять, а с остальными можно будет работать.

Тов. НОЩЕНКО с места. Не нужно спешить с отсевом, нужно воспитывать агентуру.

Вопрос ПЕКАРЕВА. Есть ли такие арестованные, на которых в свое время были закончены дела и направлены в область, а райотделение об этом не знает?

Тов. СТАРКОВ. Таких арестованных нет.

С содокладом выступил тов. ГЕТМАН, производивший обследование Старобельского райотделения НКВД по вопросу перестройки работы в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Тов. ГЕТМАН. [...] Как перестроил свою работу в соответствии с этим решением Старобельский аппарат НКВД?

Всего проведено 3 вербовки, из которых только одна хорошая. Заведено одно агентурное дело только лишь для отчетности, чтобы показать, что что-то делается. Дело заведено без наличия материалов.

После постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома и приказа наркома⁴ всем аппаратом райотделения заведено всего три дела-формуляра на основе официальных материалов. В делах имеется только выписка из протоколов допроса — и ни одной агентурной сводки. По линии 4-го отдела есть 41 дело-формуляр, из них 37 [дел] в течение 4-х месяцев совершенно не освещаются. По линии 3-го отдела: из 32 дел-формуляров не освещаются совершенно 12. Указания области по делам не выполнены.

4-м отделением руководит тов. ЮРКОВ, у которого на связи всего 6 чел[овек]. Даже эта агентура регулярно не принимается. Есть случаи, что по 2 месяца не было приемов агента («МИХАЙЛОВ»). От остальной агентуры никаких материалов не поступало. Есть и такая агентура, от которой с момента вербовки не поступило ни одной сводки.

⁴ Імовірно, йдеться про наказ НКВС СРСР № 00762 від 26 листопада 1938 р. «Про порядок здійснення постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.». Див.: Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД.— М.: МФД, 2004.— С. 612–617.

У тов. СТАРКОВА на личной связи агентуры 14 человек и 5 резидентов, но ни одного дела-формуляра за это время он не завел.

Агентурные дела не разрабатываются. Аг[ентурное] дело «ОСТАВШИЕСЯ» не разрабатывается с октября месяца, а аг[ентурное] дело «ОБИЖЕННЫЕ» — с июля месяца.

Тов. ЮРКОВ работает в Старобельске около года, но СТАРКОВ им совершенно не руководит.

Когда расформировали Старобельский окротдел, то все работники остались на месте. Там же оставался архив следственной группы. Арестованные, о которых говорит СТАРКОВ, числились за Сталинской областью. Окротдел о них не знал и дела на них за окротделом не числились. Были дела следственной группы.

Был случай в Старобельске, когда один работник БИРа посадил в тюрьму осужденного к принудительным работам, который уклонялся от явки на принудительные работы, забыл о нем, и он просидел 15 месяцев.

Тов. СТАРКОВ не уяснил себе достаточно решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР и работы своей в соответствии с этим решением не перестроил.

О перестройке работы в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР аппаратом Ворошиловского горотдела НКВД докладывает начальник горотдела тов. ЗАЧЕПА.

Тов. ЗАЧЕПА. Агентурная работа, начиная с сентября 1937 года по времени, когда начались массовые операции, проходила непланомерно — от случая к случаю. Агентура, которая была завербована, частично оказалась дезинформирующей, а другая часть — просто балластом, которую мы отсеиваем.

Район Ворошиловска — промышленный район, есть и сельское хозяйство. Я решил взяться за то, где наиболее прорывное положение, — там обеспечить участки своей агентурой.

С выполнением плана угледобычи у нас до сих пор плохо. Мы и решили приобрести агентуру среди контрреволюционного элемента, осевшего в угольной промышленности.

Имеются люди, прошедшие по показаниям, но не репрессированные и продолжающие свою вредительскую работу. В особенности это видно на шахтах «Никанор» и имени товарища СТАЛИНА.

Мы несколько раз информировали райпартком по имеющимся у нас материалам, и райпартком правильно реагировал на эти материалы. Как факт могут служить такие данные — шахта подняла свою добычу с 60 до 100 с лишним процентов. Дело [не] в количестве имеющейся агентуры, а в ее освоении.

Я считаю, что мысль тов. БОБРОВА о том, что на отдельных шахтах следует иметь по 3–4 конс[пиративные] квартиры — эта мысль неправильна. Я считаю, что нам нужно иметь резидентуру на каждой шахте, иметь на связи 6 чел[овек] осведомления и противодиверсионное осведомление. Это даст лучшие результаты, чем предлагает тов. БОБРОВ. Здесь мы повернули слабо и еще не перестроились.

Металлургический завод (*тов. ЗАЧЕПА приводит цифры агентуры*) — обеспеченность на таком большом заводе агентурой совершенно недостаточна. Этот завод обслуживался нами слабо, часто менялись работники. На этом же заводе имеются люди, прошедшие по показаниям, и, по имеющимся агентурным данным, проводят организованную подпольную деятельность. Хотя мы от «ДИМЫ» имеем материалы по этому заводу, но я ему не совсем еще верю, он что-то недоговаривает.

Химический завод — этот завод остался у нас в стороне. Не было работника, кто бы его обслуживал. Прибыл новый работник, хотя он и три недели работает, но работает он хорошо и обслуживание этого завода обеспечит.

Плохо у нас с конспиративными квартирами. Из агентуры мы кое-что отсеяли. От одного человека, который нас дезинформировал по заводу им. Ворошилова, мы отказались.

Село. Годами мы среди сельской контрреволюции не имели хорошей агентуры. Недавно мы создали резидентуру, мы разрабатываем группу поповского и кулацкого контрреволюционного элемента, прибывшего из Городища.

В течение года в 4 отделе работа почти была под замком, несколько человек мы подвербовали, но тут у нас явный прорыв.

Работники 8 отдела знают, что делается в Ворошиловском районе, остальные отделы ничего не знают. Взять 4-й отдел — не дерется⁵ он за то, чтобы даже сохранять работников для работы 4 отдела. Человек, который к нам приехал из облуправления для руководства 4 отделением, работал всего два месяца в области. И то сидел больше всего на сводках по сбору овощей. 3-й отдел хочет поставить хорошего работника на 3-е отделение, но конкретно ничего для этого он не делает.

Следственная работа. Как шла следственная работа — все знают. Приезжал БЕЛЬСКИЙ из Москвы и давал установки избивать арестованных.

Тов. КВАСОВ с места. Вы не стесняйтесь, лично у Вас были случаи избияния, говорите прямо, по-честному?

Тов. ЗАЧЕПА. Было такое положение, что все били. Я — бил, начальник отделения тов. ГНУТОВ — бил, тов. КОЛЕСНИЧЕНКО — бил, КУПРИЯНОВ — бил.

Тов. КВАСОВ с места. И все они сейчас работают?

Тов. ЗАЧЕПА. Да. Тов. НОЩЕНКО интересуется, как мы будем вести следственную работу? Здесь мы должны в точности придерживаться решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

Тов. КВАСОВ с места. Были ли такие арестованные, которые впоследствии оправдывались?

Тов. ЗАЧЕПА. Я знаю, что такие случаи были в Серго, но начальник управления приехал с бригадой, много людей тогда освободили. Были ли среди освобожденных битые — мне неизвестно.

⁵ Так у тексті.

Тов. КВАСОВ с места. Вы говорите, что на шахте есть вредитель, враг, а он у Вас сидит на шахте.

Тов. ЗАЧЕПА. По одному показанию мы не можем его арестовать. Мы его агентурно подработаем, доложим УНКВД с тем, чтобы с ним разделаться.

Мы завалены агентурными материалами, их надо оформлять в дела-формуляры и агентурные дела. Но у вас нет машинистки, и лежат агентурные материалы без разбора. Директивы УНКВД часто поступают дублированные, что только отнимает время. Много времени занимает документация старых следственных дел.

Тов. КВАСОВ. Были ли случаи составления фиктивных следственных документов?

Тов. ЗАЧЕПА. По линии документации следственных дел милицескими работниками такие случаи были. Я выезжал с тов. КОЛЕСНИКОВЫМ, проверили эту документацию и эти милицеские работники арестованы.

Тов. СТАРКОВ говорил, что он за все время не был принят начальником управления. Должен сказать, что сколько я в аппарат приезжал, меня всегда принимают и случаев, чтобы я не мог быть принятым начальником управления, не было.

Тов. ПЕКАРЕВ. Были ли случаи, когда Вы из числа арестованных массово освобождали?

Тов. ЗАЧЕПА. Да, были. Мы освободили 30 человек, остальные арестованные — большинство из кулацкого элемента.

Тов. КВАСОВ с места. Почему же Вы их освободили?

Тов. ЗАЧЕПА. Ясно, что они были арестованы без достаточных материалов и поэтому были освобождены.

С докладом выступил тов. БОБРОВ, производивший обследование перестройки работы Ворошиловского горотдела НКВД в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Тов. БОБРОВ. Я по поручению начальника УНКВД ознакомился с работой Ворошиловского горотдела.

Положение в горотделе не так спокойно, как это здесь нарисовал тов. ЗАЧЕПА. До 50 человек агентуры, по данным оперативных работников, с которыми я разговаривал, не связаны с работниками горотдела. Горотдел совершенно не обеспечен конспиративными квартирами, имеются только две конспиративные квартиры, из которых одна известна окружающим как квартира, которой пользуются работники НКВД.

Тов. ЗАЧЕПА и его работники меня уверяли, что нельзя в условиях Ворошиловска приобрести конспиративные квартиры. Вместо конспиративных квартир оперативный состав пользуется теми комнатами, какие на шахтах используются для гласной работы.

На 42 человека агентуры по линии 4-го отдела совершенно нет конспиративных квартир. Агентура принимается в ЗАГСе.

За последние полтора месяца, уже после решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, не заведено ни одного агентурного дела. У меня сложилось такое мнение, что аппарат нужно освежить. Тов. ЛЕБЕДЕВ и тов. КЛУБОК, по моему мнению, не настроены на работу с агентурой.

Тов. НОЩЕНКО с места. А как следственная работа?

Тов. БОБРОВ. Сейчас следственных дел в горотделе нет, а старые методы следственной работы известны.

О перестройке работы в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Серговским горотделом НКВД излагает в своем выступлении начальник горотдела тов. БАРАНОВ.

Тов. БАРАНОВ. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР мы обязаны были сделать коренной перелом в агентурной работе, чего еще полностью не добились. В результате недостаточно еще ведем борьбу с врагами. Показателем этого служит плохая работа промышленности Серговского района. До сего времени еще не установлена полнейшая связь со всей агентурой.

Отсутствие агентурной работы в прошлом приводило к тому, что были случаи незаконного ареста отдельных лиц, которые затем из-под стражи освобождались.

Были случаи составления подложных протоколов по вине КИРИЛЮКА и КОЛОБОВА. Протоколы составлялись без участия допрашиваемых свидетелей и кем подписывались — неизвестно. Больше всего случаев составления подложных протоколов имело место со стороны работников милиции БАТИЩЕВА и других.

После решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома нами произведен ряд целевых вербовок, приобретены конспиративные квартиры и резиденты.

По нашей информации городской партийный комитет принимал решительные меры к устранению недочетов в работе промышленности. В частности благодаря своевременно принятым мерам был предотвращен пожар на химическом заводе № 1.

По линии 3 отдела есть ряд интересных и ценных вербовок, в результате которых мы получили заслуживающие внимания материалы об антисоветских группировках.

Если раньше по сектантам абсолютно не было никаких материалов, то сейчас агентурным путем вскрывается сектантская группа, проводящая антисоветскую деятельность.

С агентурой пока работаем плохо, срываем явки. Квалификация оперативных работников недостаточная. В районе еще происходит много аварий, которые у нас отнимают много времени.

Аппарат горотдела не укомплектован на 50%. Есть и такие, которые совершенно не хотят работать (ОСТРОВЕРХОВ). Работники горотдела, в основном недавно поступившие в ваши органы, но работают хорошо и имеют положительные результаты.

Много времени у нас отнимают допросы свидетелей по предложению областного управления по старым, еще не законченным делам.

Местная прокуратура несвоевременно направляет по подсудности дела. Одно дело по нарушению техники безопасности, законченное нами и направленное прокурору, находится в прокуратуре без движения 3 недели вместо того, чтобы сразу же направить его в суд и организовать показательный процесс.

С содокладом выступает тов. ХОРОШИЛОВ, проводивший обследование Серговского горотдела НКВД по вопросу перестройки работы УГБ в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

Тов. ХОРОШИЛОВ. Ознакомившись с работой Серговского горотдела НКВД, я убедился, что в районе нагрузка на каждого работника очень большая. Работники перегружены выполнением целого ряда директив и заданий. Работа вновь принятых в НКВД не контролируется, что дает повод некоторым из них не выполнять поручения, а также нет достаточного руководства их работой.

От большого количества заданий и неумения определить наиболее срочные из них работники распяляются в своей работе, а отсюда отсутствие эффективности в их работе.

Техника работы с агентурой плохая. Конс[пиративных] квартир недостаточно.

По целому ряду вопросов есть положительные результаты, но наряду с этим есть еще много недостатков.

В прениях по докладам т.т. СТАРКОВА, ЗАЧЕПЫ, БАРАНОВА и содокладчиков ГЕТМАНА, БОБРОВА и ХОРОШИЛОВА выступили:

Тов. ТАШКОВ, начальник Кагановичского Райотделения НКВД. В результате перестройки работы в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР мы имеем некоторые успехи в работе. Произведены новые вербовки — завербовано 132 человека по углю, по Донбассводтресту, по селу, по стеклозаводу и другим объектам.

В результате работы с вновь завербованной агентурой нами в декабре месяце 1938 года заведено агентурное дело, вскрывающее организованное контрреволюционное подполье и новые интересные учеты.

По углю заведены две агентурные разработки (одна в декабре 1938 года и одна в январе 1939 г.), которые сейчас обеспечиваются агентурой и документацией.

Как мы связаны с партийным комитетом? Я инициативно представил доклад в райпартком о работе треста «Первомайскуголь» и после проверки фактов, изложенных в записке, заслушали на бюро райпарткома управляющего трестом ЧИХАЧЕВА и вынесли конкретное решение. Я информировал также райпартком по целому ряду других вопросов, по которым принимались необходимые меры.

Проделана также работа по воспитанию и молодых кадров. Имеющиеся в районе два молодых работника имеют уже некоторые успехи в работе.

К числу недочетов следует отнести то, что не осваиваем агентурную сеть, еще много срывов явок, не перерабатываются поступающие от агентуры материалы, и в этом нужна помощь областного управления, в частности по объектам 4 отдела.

Областное управление должно также помочь с транспортом, так как это лимитирует связь с агентурой. Шахты далеко расположены от районного центра, а отсутствие машины мешает возможности наладить и поддерживать регулярную связь.

Тов. КИРИЛЮК, нач[альник] отделения 4 отдела УГБ УНКВД. Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР положило конец тем антипартийным явлениям, которые имели место в нашем чекистском аппарате.

Прежде чем говорить, как мы перестраиваемся в работе, нужно рассказать о том, что было раньше, и на этой основе исправить свои ошибки.

Меня обвинили в том, что я занимался составлением фиктивных документов и что чуть ли не я один только в этом виноват. Моя вина в этом есть, но эту практику мне привили враги, работавшие в наших органах.

В 1937 году мы получили указание от Донецкого областного управления НКВД — оформлять всех кулаков на Тройку. В соответствии с этими указаниями, мы брали справки сельсоветов, записывали показания свидетелей и дела докладывали на Тройку. Тогда еще было все в порядке. Составление фиктивных документов началось уже после того, как была организована новая область.

Следственная группа из работников милиции, БИРа и других подразделений была создана не по моей или КОЛОБОВА инициативе, а по распоряжению бывшего начальника горотдела НКВД ХОЛИНА.

В числе арестованных было много кулаков и другого социально чуждого элемента. Но в процессе документации не всегда удавалось подтвердить свидетельскими показаниями их преступную деятельность, и тогда стали на путь составления фиктивных протоколов.

Заявляю ответственно, что лично я этим не занимался, но мы плохо руководили работниками милиции и БИРа, которые составляли фиктивные протоколы.

После приезда бригады начальника управления НКВД тов. КОРКУНОВА я начал исправлять свои ошибки, и многих ранее допрошенных я передопросил.

Указанные выше обстоятельства являются единственной роковой и неисправимой ошибкой в моей жизни.

Тов. БАРАНОВ в своем выступлении не сказал, что когда он руководил следственной группой, были также случаи составления фиктивных протоколов некоторыми работниками.

Прибыв в областное управление НКВД, я начал работать по-новому. Но здесь снова случилось несчастье. Когда нужно было оформить следственные дела в соответствии с приказом наркома, я пошел на подлог, совершив его бессознательно. Желая сдать дело для доклада, и так как ПОПОВ был занят и не мог у меня получить переписку по делам, я от его имени написал расписку в получении документов, подписал ее и приобщил к делу.

Я работать умею и стараюсь все делать так, чтобы у меня были хорошие показатели. Имею вербовки, конс[пиративные] квартиры, завел агентурное дело и дела-формуляры. Делаю все, чтобы решение партии и правительства выполнить, и думаю, что с этой задачей справлюсь.

Тов. ПОПОВ, начальник 1 спецотдела УНКВД. Работа в райотделах и горотделах, конечно, имеется, но она нигде не отражается. Не заботятся

об учете всей работы. Капитан⁶ отчетность за декабрь не подписал, ибо наши учеты в аппарате УНКВД отстают от действительности.

Меня обвиняют, что я не присылаю учетных материалов. В этом, конечно, я виноват.

О тов. СТАРКОВЕ. Он неправ, когда говорит, что окротдел свалил на его плечи всю работу. Тех 11 человек, о которых говорил тов. СТАРКОВ как о найденных, совершенно не нужно приписывать себе. Известно ли тов. СТАРКОВУ, что работники облуправления знали не только об этих 11, а немного больше, и не об этом должен был СТАРКОВ говорить.

Тов. ГЕЛЛЕР, начальник отдела 3 отдела УГБ. Хочу посвятить свое выступление состоянию партийной работы в 3-м отделе и в управлении. Наши парторги не являются застрельщиками в работе по выполнению указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В частности в 3 отделе отсутствует стенная газета, не проверяется, как выполняется партийное поручение.

Тов. НОЩЕНКО правильно говорит, что нужно, в конце концов, реализовать следственную работу. Есть случаи, когда отдельные товарищи перестраховываются. Мне говорил тов. СУД, что факт перестраховки был у тов. ПЕТРЕНКО. У нас есть люди, которые работают хорошо, и нужно их показывать, но это не делается. Конечно, такие факты, о которых здесь говорили, что люди едут в район, чтобы отбыть номер, следует осудить. Мы в Старобельске завербовали неплохих людей. Но очень плохо, когда работники Старобельского райотделения с 17 декабря не встречаются с агентурой, не работают с ней. В своем отделении мы за последнее время подобрали две конспиративные квартиры, явки не срываются. Однако должен заявить, что эффективность агентурных материалов еще далеко не достаточна.

Польская разведка у нас в области, видно, чувствует себя неплохо. Мы еще очень слабо разрабатываем кадры из польской контрреволюции, а у нас районные отделения НКВД, несмотря на неоднократные директивы, не присылают даже списков учетов по этой линии.

Тов. ГУДКОВ, секретарь партийного комитета УНКВД. [...] Доклады выступавших здесь начальников райотделов НКВД носили характер оперативного отчета. Мало в них было критики и самокритики.

Как у нас обстоит дело, можно заключить из прошедших собраний партийных групп. У нас две крайности. Одна из них — работать по-старому, учиняя подлоги (КИРИЛЮК, ПЕКАРЕВ и МОРОЗОВ, которые проделанную другими работу приписывают себе). По этой крайности нужно крепко ударять.

Вторая крайность заключается в том, что процесс над бывшими работниками НКВД Молдавии⁷ и предупреждения создали у некоторых ра-

⁶ Імовірно, йдеться про капітана держбезпеки, начальника УНКВС по Ворошиловградській області Г. Коркунова.

⁷ Йдеться про процес над співробітниками НКВС МАРСР Г. Юфою, І. Волковим, І. Шпіцем, С. Кузьменком. Див.: Кашу І. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после «Большого террора» 1937–1938 гг.: дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского // 3 архівів ВУЧК– ГПУ– НКВД– КГБ.— № 2.— 2015.— С. 142–179.

ботников боязнь, растерянность, и поэтому у них в следствии нет напо-
ристости в работе с арестованными.

С этой крайностью я хочу увязать то обстоятельство, что со стороны пом[ощника] областного прокурора т. БЕРЕГУЛЬКО имеют место факты, ведущие к этой крайности. Допрашивая сознавшихся арестованных, он расспрашивает их о том, как их допрашивали, не били их, не ругали и т.д.

КИТЧЕНКО поступил плохо. Я за это получил наказание, но тов. БЕРЕГУЛЬКО также поступил неправильно, когда в присутствии следователя начал расспрашивать арестованного — кто его так посадил, почему и т.д. А это в конце ведет к отказу арестованных от своих показаний.

Слабая работа партийной организации является одной из причин такого положения у нас. Неслучайно заявление тов. ПЕКАРЕВА, что постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР относится к нашей работе в будущем, а те дела, которые у вас есть, должны заканчиваться по-старому.

Последние собрания партийных групп вскрыли имеющиеся место факты разложения и расхлябанности со стороны некоторых работников. Как, например, ГНУТОВА, явившегося пьяным на дежурство, а до этого не явился на партийно-комсомольское собрание.

БЕССОНОВ систематически пьянствует, превратился в болтуна, его болтовня граничит с предательством. Имея данные о том, что в школе вскрывается военный заговор, он поделился об этом с одним из лиц, близко связанных с заговорщиками.

Он же, БЕССОНОВ, в разговоре о КОККИНАКИ и БРЯНДИНСКОМ после перелета⁸ заявил, что он им не доверяет, они шпионы, потому что первый по национальности грек, а второй поляк.

Горпартком плохо руководит парторганизацией УНКВД, представители горпарткома бывают у нас редко и только по приглашению.

Тов. КУНИЦА. Хочу остановиться на трех вопросах, мешающих перестроиться в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома.

Мы не имеем возможности отрабатывать агентурные материалы из-за машинистки. У нас в отделе всего одна машинистка, которая всегда загружена, и материалы, поступающие от агентуры, не печатаются, а районы совсем не имеют машинисток.

Работа с молодыми чекистами, вновь принятыми на работу, проводится недостаточно. У нас большинство молодых и нужно было сразу научить их, а потом с них требовать. Для занятий с молодыми чекистами выделили тов. ФЕДОРЕНКО — неудачную кандидатуру, и это, по-моему, была большая ошибка. Так как ФЕДОРЕНКО не обеспечивал воспитания и учебы вновь принятых на работу.

У нас еще слабо заботятся о работниках, не интересуются их бытовыми условиями.

⁸ Йдеться про переліт літака ЦКБ-30 «Москва» під керуванням пілота В. Коккінакі і штурмана О. Бряндинського за маршрутом Москва — Далекий Схід (м. Спаськ-Дальній Приморського краю) 27–28 червня 1938 р.

Я хочу остановиться на вопросах партийной объективности в ведении следствия. Все чекисты знают, что партия и правительство требуют от нас этого, но мы не всегда соблюдаем эти требования. У вас есть арестованные КАБАК, ЕРОХИН и ДЕГТЯРЕНКО, которые сидят свыше года. И если бы мы серьезно подошли к этому вопросу, то за такой период времени можно было давно решить вопрос, враги они или нет. Документы этого дела не соответствуют действительности, в частности акт экспертизы. Проходят эти лица по косвенным показаниям, и, по-моему, нет основания их судить. Дело пора довести до конца.

Скажу лично о себе. Я перебрасывался с работы на работу, определенного объекта за мной не закрепляли и я не мог дать работе то, что должен был дать как коммунист. Работать я умею, я при правильном руководстве мною и помощи буду гораздо полезнее, чем сейчас.

Тов. УДОВЕНКО. Хочу рассказать о партийной работе в 4 отделе. Наш аппарат как будто бы жил на острове. Прокурор совершенно не наблюдал за делами. Нам нужно старые методы работы осудить и забыть.

Тов. КВАСОВ. Если Вы забудете, то будете повторять ошибки.

Тов. УДОВЕНКО. Это правильно. Я не знаю, почему тов. ПЕКАРЕВ до сих пор не выступает.

Тов. ПЕКАРЕВ. Ты говори о своей работе, расскажи о подлогах по Константиновке.

Тов. УДОВЕНКО. У меня в Константиновке подлогов не было, об этом я ответственно заявляю. В отделении, которым я руковожу, еще очень много недостатков. Мы не занимаемся, как следует, районами, не помогаем им, а там есть много интересного.

Хочу сказать в отношении следствия. В тюрьме неправильно рассадил арестованных и поэтому начались отказы от показаний.

Несамокритично выступил тов. СТАРКОВ. У него есть какой-то связист, который объезжает чуть ли не всю агентуру. Тов. СТАРКОВ привез 17 дел. Не разобравшись, ставит вопрос — почему они освобождены?

Я не знаю, о каком подлоге говорит тов. ПЕКАРЕВ, может быть, речь идет о некоторой натянутости в протоколах, которая действительно имела место. Был один факт, когда арестовали одного комсомольца и по моей инициативе немедленно разобрались и его освободили. Об этом знает тов. ВОРОНОВ.

В моем отделении имеется агентуры 16 человек, есть интересная разработка по сионистам, связи которых идут на Харьков, Тбилиси и другие города. Это дело верное.

Молодые чекисты вами воспитываются недостаточно, они, по-видимому, сами выступят и скажут об этом.

Тов. ВОЛКОВ, начальник Свердловского райотделения НКВД. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, у нас есть перелом в работе. Заведено несколько дел-формуляров и два агентурных дела.

Было закончено несколько следственных дел на аварийщиков, но прокуратура затягивает рассмотрение их. От чего теряется всякая эффективность этих дел и шахты продолжают работать плохо.

Проведено также ряд новых вербовок. С агентурой работаем еще плохо и с работой не справляемся. Основной причиной такого положения является то, что штат райотделения НКВД приравнен к сельскому району и состоит из двух работников. По-моему, [это] неверно. Причем один из этих работников в течение двух с половиной месяцев находился в командировке в области. Меня часто вызывают также, и [это] естественно, один работник не может справиться с работой.

Машинистки у нас в райотделении нет и все документы приходится писать от руки, это отнимает много времени.

Тов. КИТЧЕНКО, нач[альник] отделения 9 отдела УНКВД. [...] У меня была большая ошибка, которую я признаю и был за нее наказан. Считаю неправильным поведение в этой части прокурора т. БЕРЕГУЛЬКО, который скомпрометировал меня в присутствии арестованного, и это отрицательно сказалось на следственной работе с другими арестованными.

В искривлениях, которые были в следственной работе, большая вина прокуратуры, которая не контролировала.

Искривления в нашей работе берут свое начало сверху. Приезжавший в Сталино бывш[ий] зам[еститель] наркома Союза ССР БЕЛЬСКИЙ давал явно вредительские установки и требовал избивать арестованных.

Тов. КИРИЛЮК неискренне признался в своих ошибках. Хочу указать на факт с арестованным РОСИНСКИМ, которому он дал подписать протокол, не читая, изложив в нем то, чего арестованный не говорил, и, угрожая, заставил подписать протокол.

Считаю также неправильным поведение тов. СУДА, который ведет себя не так, как следует. После разговора с арестованным врагом подает ему руку на прощание.

Тов. ПЕКАРЕВ, нач[альник] отделения 4 отдела УНКВД. Я здесь бросил реплику тов. УДОВЕНКО потому, что он выступал несамокритично. Я знаю, что у него в Константиновке были натяжки в следствии и он о них не говорил.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о перестройке работы исключительно правильное и своевременное. Процесс над бывшими работниками НКВД Молдавии является ярким примером тех безобразий, какие имели место в нашей работе. И если хорошенько покопаться в архивах и пересмотреть дела, то можно было найти ряд фактов явно преступных.

Я также слышал выступление БЕЛЬСКОГО, который заявил, что «лес рубят — щепки летят», т.е. этим самым прямо говорил, что будут арестовываться невинные.

Правотроцкистская организация в Ворошиловграде вскрыта правильно, но имеются отдельные факты, когда в протоколах основных участников организации есть и наносные вещи. После того как мною был записан второй протокол, где ряд показаний СТЕЦЕНКО были уточнены, он некоторых лиц, ранее прошедших по показаниям как участники организаций, отсеял, хотя часть из отсеянных им людей арестована.

Были случаи, когда справки на арест писались механически. Я помню, как тов. КАЛГАНОВ — бывш[ий] нач[альник] 3-го отдела УНКВД — написал справку на ЛАТЫШЕВА и указал, что последний является участником

к[онтр]р[еволюционной] троцкистской вредительской эсеровской организации. Это совсем не означает, что ЛАТЫШЕВ не враг, но такие факты имели место.

Получилось так, что я стал виновником. Ошибок было допущено много и поэтому нельзя останавливаться только на некоторых лицах.

Парторг ко мне как-то относится пристрастно. В прениях я, тов. УДОВЕНКО, записался не потому, что Вы меня вызвали на это, а потому, что Вы меня опередили в записи.

Я помню, что установки, какие давались мне, означали, что я чуть ли не должен убить человека. Однако я этого не делал, хотя и не хочу я это объяснить своей дальновидностью. Меня даже обвиняли в том, что я излишне кормлю арестованных. Должен заявить, что в вопросах избияния арестованных и я небезгрешен.

После решения Центрального Комитета Партии я был назначен заместителем начальника следственной части 4 отдела, и установки, какие давал по делам, были правильны.

Моя ошибка сводилась к тому, что я по многим делам давал установку, чтобы следователи вкладывали справки о сданных якобы документах 1 Спецотделу, когда в действительности эти документы не были сданы. На этих справках я расписался за тов. ПОПОВА, чем совершил подлог. Но ведь подлог подлогу рознь, об этих справках мне никто ничего не говорил, а вопрос только всплыл на партийном собрании.

Я имел беседу с т. ВОСКОБОЙНИКОВЫМ о том, что эти дела, над какими мы работаем сейчас, закончены, и сказал ему, что уже новые дела нужно оформлять в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а старые деда следует закончить, ибо они готовы.

Тов. КВАСОВ с места. Т.е. хотел продолжать старые ошибки?

Тов. ПЕКАРЕВ. В делах ошибок у меня нет и дела, которые у меня, — это арестованные враги.

Тов. КОЛОБОВ, начальник Краснодонского РО НКВД. Когда я приехал в район, то с агентурой там совершенно не работали, а по линии 8-го отдела даже агентуры не было.

Вначале мы занимались следствием, а затем я сам перестроился и перестроил свой аппарат на вербовку агентуры. Нами завербовано 85 [человек] противодиверсионного осведомления, 10 резидентов и приобретено 4 конс[пиративных] квартиры. В части агентуры мне помогло также областное управление УНКВД.

Считаю необходимым рассказать о факте плохого руководства со стороны областного управления. Тов. ВРУБЛЕВСКИЙ меня подвел и я мог расшифровать ценного агента. По указаниям тов. ВРУБЛЕВСКОГО я послал этого агента в рейд в ряд соседних районов, а для оправдания его отсутствия на работе в течение нескольких дней мне тов. ВРУБЛЕВСКИЙ обещал выслать справку о болезни этого агента.

Я звонил несколько раз по телефону, но справки до сих пор не выслали. Агента снимают с работы за прогул. Был и такой случай, что я вместе с тов. ВРУБЛЕВСКИМ принял агента, работающего по агентурному

делу. Эти материалы тов. ВРУБЛЕВСКИЙ забрал с собой в область и там отчитался, как за работу, проведенную якобы только лично им.

Аппарат у меня весь новый, работников всех нужно учить, и меня тоже нужно учить.

По линии 8-го отдела ко мне ни разу никто не приезжал. Был один случай, когда в Краснодон приехал тов. ОБЫДЕННО. Мы с ним вместе завербовали агента, а он потом сам отчитался за эту вербовку.

По 8 отделу было у меня всего два работника, а сейчас прислали еще одного.

Тов. АФАНАСЬЕВ, пом[ощник] нач[альника] отделения 9 отдела.

Когда я прибыл в отделение, у нас не было ни учетов, ни агентуры. И [я] поставил перед собой задачу перестроить работу отделения. Я не могу сказать, что добился успехов, так как качественных кадров агентуры еще не создал.

По моей вине, по моей халатности до сих пор не закончено дело арестованного КОМАШКО.

По выступлению тов. СТАРКОВА хочу сказать следующее. Выехал я в командировку в Старобельск для допроса свидетелей по следственным делам. Свободное время у меня получилось потому, что была метель, свидетели не могли приехать из сел для допроса и я в течение пяти дней ничего не делал.

Я пытался хотя бы ознакомиться с учетами райотделения и пересмотреть архивы. Но тов. СТАРКОВ заявил, что у него нет ключа от шкафа и, по сути, не разрешил мне этого делать.

Своим работникам тов. СТАРКОВ дал распоряжение — никаких материалов мне не показывать, мотивируя это тем, что я приехал в Старобельск специально по следствию и к остальным вопросам никакого отношения не имею.

Я глубоко убежден, что в шкафах у тов. СТАРКОВА лежат дела на ряд лиц, работающих сейчас в Ворошиловграде, в областных организациях, но он не хочет просмотреть архивы, а заявляет, что ничего там нет.

Тов. НОЩЕНКО, облпрокурор. Мне впервые приходится присутствовать на таком расширенном совещании работников НКВД и столкнуться с большим коллективом.

Выступавшие с отчетными докладами начальники органов несколько узко и отвлеченно рассказывали о своей работе и не выпячивают вопросы, связанные с перестройкой оперативной работы, как это требует решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года.

Все же из выступлений можно судить, что сделано очень мало, и мы не можем сказать, что сколько-нибудь выполнили решение партии и правительства.

Многие еще не поняли значения этого решения и продолжают работать по-старому. Например, тов. ГНУТОВ совершенно не понимает решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР, и его поведение говорит о том, что не видит дальнейших перспектив для работы в органах НКВД.

Тов. КОРКУНОВ. В отношении своей дальнейшей работы в органах [он] не ошибся.

Тов. НОЩЕНКО. Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома следует понимать не как ослабление нажима на врага, как это понимают некоторые товарищи, у которых появляется боязнь в работе с арестованными.

Я зашел к тов. ГЕЛЛЕРУ, когда он допрашивал арестованного — итальянского шпиона. Этот враг решил использовать мой приход с тем, чтобы оклеветать тов. ГЕЛЛЕРА, а после моего ухода пытался клеветать и на меня.

Нужно, чтобы взаимоотношения между следователями и арестованными были официальные, и чтобы арестованный чувствовал, что его разоблачают и призывают к ответу. Об этом правильно подчеркнул в своем выступлении тов. ГУДКОВ.

Я особенно хочу подчеркнуть вопрос сохранения государственной тайны. Был случай, когда один работник Кагановичского Райотделения НКВД рассказал проходимцу БАБИЧУ о методах работы, о работе Тройки и о лицах, осужденных по 1-й категории, и есть факты, когда родственники репрессированных даже знают состав Тройки.

Я был свидетелем, когда один болтун в присутствии ряда лиц назвал себя осведомителем НКВД. Это свидетельствует о слабой воспитательной работе с осведомлением.

Докладчики не указали о том, что они думают делать дальше, как думают перестроить свою работу.

Нужно взяться за науку, за кодекс и этот закон сделать своей настольной книгой, а у нас многие только и занимаются тем, что дискусируют по таким вопросам, которые четко определены кодексом. Как правило, ни одно дело у нас не оформлено постановлениями о принятии дела к ответственному производству.

Многие товарищи еще не поняли, что такое экспертиза. Берут обыкновенных свидетелей, оформляют их заключение актом, затем допрашивают их по делу. В то время как эксперты не допрашиваются в качестве свидетелей. Эксперт должен быть объективным, и поэтому в состав экспертных комиссий нужно вводить лиц, работающих на других предприятиях или из других районов.

Должен сказать и об агентурной работе. Возьмем случай с пожаром на шахте № 6—6 Брянка, которым нанесен государству большой ущерб. Из-за отсутствия там агентуры мы никакими материалами о лицах, виновных в этом, не располагали и не могли принять меры для предотвращения пожара.

Фальсификация в следствии является большим преступлением, и лиц, которые занимаются подлогом, нужно судить. Искривлений в работе было много. Я помню, что здесь, в этой же комнате тов. ЧИСТОВ повторял те же слова, что и БЕЛЬСКИЙ, о том, что «лес рубят — щепки летят». Я вообще не знаю, почему он здесь был представителем Тройки.

Тов. Кирилюк в своем выступлении ссылался на то, что я знаю его работу. Могу подтвердить, что он провел одно дело хорошо. Я помню, что это дело было хорошо задокументировано, но это ни в какой мере не умаляет его вины в тех подлогах, которые он совершал.

Дела, которые докладывались на Тройку, предварительно проверялись, но были и отдельные ненормальности. Я помню, как тов. ГЕТМАН хотел протащить одно дело на Тройку. Так ли это было — не знаю, но, по крайней мере, у меня и тов. БАЛЫЧЕВА создалось такое мнение

Тов. КИТЧЕНКО, хотя я и признал сам, что поступил неправильно, но я думаю, что он обижается на тов. БЕРЕГУЛЬКО. Тов. КИТЧЕНКО культурный, серьезный работник, и я думаю, что он свою ошибку понял и исправит ее.

Очень хорошо сделал тов. КОРКУНОВ, организовал бюро жалоб. Это мероприятие правильное, но мое мнение, что там должен быть постоянный человек и это улучшит работу бюро.

Тов. СОКОЛОВ. Я, как руководитель следственной части, должен рассказать о том, как у нас обстоит дело по следственной работе в аппарате.

[...] Провели мы большую работу. Извращения, имевшие место в работе органов НКВД, были также и у нас. Допускал их я и другие товарищи.

Как мы начали перестройку работы в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР? У нас в производстве около 500 следственных дел. Первые дни мы еще плохо понимали решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР и робко подходили к вопросу перестройки следственной работы. Но после посещения нас зам[естителем] наркома внутренних дел тов. ГОРЛИНСКИМ, который объяснил нам, что и как нужно делать, и лишь после этого мы приступили к оформлению дел в полном соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Мы еще медленно заканчиваем дела, и объясняется это тем, что строго подходим к оформлению следственных дел.

Тов. КВАСОВ. Но ведь партия не говорит, что нужно медленно вести следствие.

Тов. СОКОЛОВ. Работники следственной части еще сдают дела с отдельными недоделками. Поэтому приходится дело несколько раз просматривать и возвращать для доследования или дополнительного оформления.

Отдельные работники еще боятся самостоятельно решать вопрос по тому или иному делу и зачастую даже по мелочным вопросам приходят советоваться.

Еще и сейчас есть трудности в следственной работе, которые мы должны перебороть всем чекистским аппаратом. Из-за преступного отношения к работе ряда работников тюрьмы в тюрьму проникли различные провокационные слухи, и это отразилось на работе с арестованными.

Связь с прокуратурой у нас была недостаточной, и это также не в меньшей мере способствовало тем недочетам в работе, которые у нас имели место.

Тов. ДРИБИНСКИЙ. Из заслушанных докладов можно заключить, что работу в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР еще не перестроили.

Ни один из выступавших начальников горрайотделов, ни районов, ни т. БАРАНОВ, ни т. ЗАЧЕПА не сказали о том, есть ли у них вербовки для разработки правотроцкистских к[онтр]р[еволюционных] кадров. Деятельность сектантов и церковников не пресекается. В Ворошиловске

находится крупный руководитель антисоветского сектантского подполья, имеющий связь с заграницей.

Т.т. БАРАНОВ и ЗАЧЕПА не выполняют директив по активизации разработки троцкистов и меньшевиков.

В Старобельске завербован крупный церковник — поп, явный двойник, за которым нужно смотреть и его самого разрабатывать.

Прокуратура должна своевременно контролировать и помогать нам в работе.

Тов. СУД. Искривления, имевшие место в вашей работе, являлись результатом враждебной деятельности бывш[его] наркома УСПЕНСКОГО, так как установки антипартийного характера исходили от него. Мы не можем сейчас сказать, что по Ворошиловграду мы полностью разгромили контрреволюционное подполье и в этом направлении еще предстоит много работы.

У вас до сих пор существовала штурмовщина в работе, что, по-моему, отразилось на работе по отдельным участкам. Работники перебрасывались из одного отдела в другой, а по своей основной работе у них были пробелы. Особенно это отразилось на работе с агентурой. Нужно этому положить конец.

Районы Ворошиловградской области засорены немецким фашистским подпольем, созданным на военный период. Но ни Краснолучский, ни Серговский горотделы в этом направлении ничего не делают.

Тов. СКВИРСКИЙ. Донбасс насыщен всевозможными видами промышленности союзного значения, всегда представлял и представляет большой интерес для иностранных разведок, которые проводили и проводят большую диверсионно-вредительскую работу, направленную к ослаблению оборонной мощи нашей страны. Здесь же гнездились всевозможные контрреволюционные формирования, блокировавшиеся в своей работе с иностранными разведками.

Поэтому партия и правительство всегда предъявляли к чекистам Донбасса большие требования. Так как наряду с разгромом контрреволюционного подполья на нас возлагается еще ответственность за сохранность предприятий. Многим присутствующим здесь памятно выступление тов. КАГАНОВИЧА на совещании чекистов Донбасса в июне месяце 1938 года, когда он прямо поставил перед нами задачу обеспечения в первую очередь противодиверсионным осведомлением всех уязвимых точек в промышленности.

В работе в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР мы еще не перестроились, и вернее будет, что эту работу только начали.

Я хочу возразить некоторым выступавшим здесь, пытавшимся доказать, что якобы совершенно ничего не сделано в части перестройки работы.

Чекистский аппарат правильно понял решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ряд районов многое сделал и в части перестройки, но далеко не достаточно.

Промышленные районы совершенно не имели агентурного аппарата и требовались колоссальные усилия восстановить связь с имевшейся

агентурой и создать новый агентурный аппарат. В этой части имеют некоторые достижения такие районы, как Кагановичский, Серговский, Ворошиловский и Боковский.

К числу серьезных недочетов в агентурной работе относятся: плохая техника работы с агентурой, отсутствие вербовок агентов для глубокой разработки контрреволюционных кадров, отсутствие в ряде районов конспиративных квартир и незакрытие всех уязвимых точек противодиверсионным осведомлением.

В результате работы с агентурой несколько оживилась разработка агентурных дел и появились новые агентурные дела. Я говорю в основном в работе по углю.

Плохо у нас обстоит с профилактикой. За исключением Кагановичского, Краснодонского и Серговского районов, профилактикой никто не занимается. Плохо также налажена информация обкому со стороны областного управления по ряду серьезных вопросов.

Не поставлена на должную высоту борьба с авариями в угольной промышленности. Расследование аварий не доводится до конца. Не поднят на принципиальную высоту вопрос борьбы с нарушителями правил техники безопасности.

Работой районов мы еще руководим плохо, практической помощи в создании крепкого агентурного аппарата и постановке агентурной работы им не оказали. Это в основном объясняется отсутствием квалифицированных чекистских кадров, а воспитание молодых чекистов у вас явно недостаточно. [...]

Тов. КВАСОВ, первый секретарь обкома КП(б)У. Больше месяца прошло с момента нашего совещания, на котором были вскрыты и осуждены недостатки, имевшие место в работе.

Сейчас можно сделать вывод, что мы еще не учли ошибок и не перестроились в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, допускаем старые методы работы, думая этим ускорить ход дела.

Некоторые неправильно поняли решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома о перестройке работы, и поэтому у нас имеют место нездоровые явления, что это якобы относится только к арестованным после решения, поэтому так медленно идет перестройка работы.

Результаты работы после решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома плачевные потому, что состояние партийно-массовой работы в НКВД недостаточное, далеко хуже, чем на заводах и в других организациях.

Не могли мы быстро перестроиться еще и потому, что аппарат НКВД был крепко засорен, не прививались критика и самокритика, что усугубило обстановку работы в органах НКВД. Такого положения дальше быть не может.

Очень плохо, что среди работников УНКВД не проработали достаточно процесс над бывшими работниками НКВД Молдавии.

Я учту заявление, что горком КП(б)У не занимается Вашей парторганизацией и это положение выправим. Не может быть и не должно иметь место такое положение, когда коммунист, зная, что то или иное лицо из

руководящего состава проявляет явно враждебные тенденции, мирится с этим и не принимает никаких мер.

Я не слышу здесь на совещании критики по адресу руководства. Почему не хватает смелости прямо говорить о недостатках? С этим также нужно бороться и изжить эту практику.

Очень плохо у нас идет перестройка работы, потому что мы недостаточно усвоили решение партии по этому вопросу. Нам не нужна компанийщина, а должна быть повседневная кропотливая работа.

Плохо также обстоит с противодиверсионной работой, еще не закрыты осведомлением уязвимые точки. На что обращал внимание, как говорили здесь выступавшие, в своем выступлении тов. КАГАНОВИЧ Л.М.

Страховка в наших рядах не должна иметь место. Недостатки нужно учесть и ликвидировать их в процессе работы. Нужно также практиковать инструктивно-оперативные совещания, это принесет много пользы в работе.

Тов. СТАРКОВ заявил, что он никак не может добиться приема его начальником управления НКВД. Это ненормальное явление, нужно принимать и выслушивать даже рядовых работников.

Я не знаю, насколько оказывается помощь молодым чекистам, но полагаю, что недочеты, какие имеют место в этой области, будут устранены. Нужно практиковать инструктивные совещания с участием прокурора, который мог бы дать конкретные указания по следственной работе.

Выступавшие здесь заявляют, что прокурор проверяет дело, когда оно закончено, а не в процессе следствия. Это большой недостаток.

Отказаться от старых методов работы мы должны, но забывать их нельзя, так как иначе мы не сможем изжить их и будем допускать в дальнейшем. Выступавшие говорили, что существовала практика избияния арестованных — это очень плохо. Такие методы вам прививались, но Вы как коммунисты, зная, что это враждебная практика, не должны механически соглашаться, а путем критики и самокритики бороться и не допускать извращений в работе.

Нужно воспитывать кадры на старых методах работы и в дальнейшем таких явлений не допускать.

Уверен, что коммунисты-чекисты с задачей, которую ставит перед ними партия и правительство, справятся и полностью перестроят свою работу в полном соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

Верно: [підпис нерозбірливий]

ГДА СБУ, ф. 5, спр. 67462, арк. 32–66.
Засвідчена копія. Машинопис.

**Із протоколу засідання закритих партійних зборів
співробітників УНКВС по Ворошиловградській області
про діяльність Г. Коркунова.**

17 січня 1939 р.

[...]⁹

ЗАКРЫТАЯ ЧАСТЬ ПАРТСОБРАНИЯ

СЛУШАЛИ: о постановке вопроса о ставленниках врага народа — УСПЕНСКОГО (заявление т. СУДА).

ПОСТАНОВИЛИ: этот вопрос разобрать в присутствии тов. КОРКУНОВА.

[...]¹⁰

СЛУШАЛИ: Заявление тов. СУДА о ставленниках врага народа УСПЕНСКОГО.

[СУД.] Я работаю в Ворошиловградской области с самой ее организации. Присматриваясь к деятельности КОРКУНОВА, я пришел к убеждению, что КОРКУНОВ нечистоплотен как чекист и коммунист.

УСПЕНСКИЙ разоблачен как враг народа, а КОРКУНОВ является его ставленником.

6 января с.г. КОРКУНОВУ необходимо было в порядке самокритики вскрыть все недостатки в агентурно-оперативной работе по его же вине. Он этого не сделал, а наоборот — прикинулся тем, что он молодой начальник УНКВД, что он был закинут УСПЕНСКИМ, а в действительности он имел с ним связь не только по телефону, но и часто по его вызовам ездил в г. Киев.

На совещании 6 января с.г. я начал говорить о недостатках в оперативно-следственной работе и думал критиковать Коркунова, но мне не дали, ограничили регламентом.

В оперативно-следственной работе была штурмовщина, налеты на районы, массовые, необоснованные аресты. КОРКУНОВ давал задания каждому следователю заканчивать по 7 следственных дел в один день.

Были указания УСПЕНСКОГО 1000 чел[овек] арестовать, и мы это делали. Мы выполняли даваемые нам лимиты.

По указанию КОРКУНОВА мы арестовывали пачками без всякого основания. Впоследствии в следственных группах в Серго, Старобельске и Красном Луче начали пачками их освобождать

В результате вредительской работы КОРКУНОВА мы имели провал в агентурно-оперативной работе.

Если мы поинтересуемся, то найдем во многих районах пустые папки с санкцией КОРКУНОВА «арестовать и размотать» [арестованных], которых впоследствии освобождали.

⁹ Вилучений текст про прийом у члени ВКП(б).

¹⁰ Вилучений текст про розгляд заяви співробітника УНКВС Хорошилова стосовно родичів-троцькістів співробітника Гінзбурга.

Что собой представляет как коммунист КОРКУНОВ?

Взять первый месяц его работы. КОРКУНОВ зажимал критику, не давал возможности вскрывать недостатки и развернуть партийно-массовую работу. Также КОРКУНОВ давал вредительские установки по агентурной работе, задание КОРКУНОВА было вербовать по 20 чел[овек] в день без целеустремленности, с расчетом, что если останется один хороший агент — что хорошо. Это неправильно. Это палочки для отчетности Киеву, они нам не нужны, нам нужна работа.

На документацию были привлечены инспектора милиции, а теперь их арестовали за извращение в следствии. Правильно арестовали. А кто дал установку привлекать работников милиции для документации по следственным делам? Отвечаю — КОРКУНОВ.

Существует вредительство по кадрам. Вы не найдете такого работника, который бы спокойно работал, постоянно дергание и перемещение. Например, назначили в Ровеньки ИВАНОВА, он еще не доехал до Ровеньков, а ему дают телеграмму возвратиться и он получает новое назначение.

Выступление т. СУДА прерывается.

ОБЩЕЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ ПОСТАНОВИЛО:

в виду важности заявления т. СУДА просить секретаря обкома КП(б)У тов. КВАСОВА придти на собрание и одновременно подождать приезда тов. КОРКУНОВА.

Собрание прерывается.

Собрание продолжается в присутствии т. КОРКУНОВА.

Трижды от имени партийного собрания по телефону просили секретаря обкома КП(б)У т. КВАСОВА придти на собрание, но он категорически отказался, заявив, что его присутствие необязательно, что он дал указание через секретаря горкома КП(б)У прекратить собрание.

ПОСТАНОВИЛИ: учитывая, что тов. СУД вводную часть своего заявления доложил собранию, общее партийное собрание считает необходимым заслушать заявление т. СУДА до конца, после чего решить вопрос о дальнейшем ходе собрания.

Голосовало: за — 56 чел., против — 6 чел.

Тов. СУД продолжает свое заявление в присутствии т. КОРКУНОВА и секретарей горкома КП(б)У т.т. ТУЛЬНОВА и КОСТЕНКО.

Тов. СУД. КОРКУНОВ является ставленником врага народа УСПЕНСКОГО. Многие из нас работали честно, несмотря на их вражеские директивы.

В чем сущность штурмовщины? Это дергание людей из районов, выполнение лимитов УСПЕНСКОГО — это есть прямая вражеская директива, и она нами выполнялась.

В Кагановичском районе были массовые аресты по санкции КОРКУНОВА, но потом, когда он узнал, что дело далеко зашло и его могут разоблачить, он начал пачками освобождать невинно арестованных людей.

6.01. с.г. на совещании все валили на зам[естителя] наркома НКВД СССР т. БЕЛЬСКОГО, а в действительности в Донбассе большую вражескую работу провел УСПЕНСКИЙ и его ставленники.

Пусть кто-либо из работников скажет, была ли возможность работать с агентурой и вести правильно агентурные разработки? Нет, этой возможности не было. КОРКУНОВ не давал этой возможности.

Арестованный МАКСИМЕНКО — враг, провокатор. Я в этом не сомневаюсь, наша задача разоблачать врагов, но никто не давал права убивать на следствии людей. МАКСИМЕНКО убит КОРКУНОВЫМ, СОКОЛОВЫМ и ВОСКОБОЙНИКОВЫМ.

В Ворошиловграде много старых большевиков, которые участвовали в гражданской войне вместе с т. ВОРОШИЛОВЫМ, часть из них арестованы. Я не верю, чтобы они были все враги.

Я имел возможность разговаривать со старыми большевиками, один с 1905 года, а другой с 1917 г. Я интересовался у одного из них о его жизни. Он мне рассказывал, что жил плохо, что он обращался за помощью к ТЕРЕХОВУ, чтобы он помог достать квартиру, но последний [ни]каких мер для улучшения быта старого большевика не принял. Спрашивается — если бы ТЕРЕХОВ его завербовал в организацию, то достал бы он ему квартиру? Безусловно, достал, но он этого не сделал.

ЭПШТЕЙН убит УДОВЕНКО.

КИРЮХИН, старый большевик, участник отряда тов. ВОРОШИЛОВА. Прошел по нескольким косвенным показаниям как участник «правотроцкистской организации». При допросе ВОСКОБОЙНИКОВ уличал КИРЮХИНА во вражеской работе, говорил ему: «Ведь у вас найдена книжка на право входа в клуб старых большевиков?». Выходит, что клуб старых большевиков — клуб врагов.

Розыск УСПЕНСКОГО — это серьезный розыск врага, а как организован розыск у нас в области? Отвечаю — по-вражески. УСПЕНСКОГО ищет один СТРЕМОВСКИЙ. УСПЕНСКИЙ действовал как фашист, он ненавидел евреев, уничтожал евреев — работников НКВД. Им и его ставленниками уничтожено и изъято в одной только Сталинской области до 70% работающих там евреев. Например, ГОЛЬДМАНА и ПРИЦКЕРА взяли в центральный аппарат как выдвиненцев, а впоследствии их сослали в лагерь.

Партийная работа была в загоне. КОРКУНОВ не давал возможности проводить партийную работу. На первом партийном собрании записали об этом, но КОРКУНОВ вместе со своими приближенными, нарушая решения ЦК ВКП(б), созвал партийный комитет с активом и отменил решение партсобрания. Спрашивается, кто дал право отменять решение партсобрания без партийного собрания?

6.01. с.г. было совещание, но на нем говорить не давали. КОРКУНОВ говорил, что он будет самокритичен, но он им не был и не рассказал о своей связи с врагом народа УСПЕНСКИМ.

Секретарь парткома ГУДКОВ не имеет своего мнения, делает то, что ему диктует КОРКУНОВ. Я имею факты, когда ГУДКОВ переделывал протоколы партийного собрания по предложению КОРКУНОВА, т.е. корректировал решение.

Я требую, чтобы сегодня КОРКУНОВ рассказал о своей связи с УСПЕНСКИМ, а также о своем социальном прошлом.

КОРКУНОВ создал вокруг себя группу лиц — подхалимов, которые ходят по кабинетам и выведывают настроения сотрудников. Это ВОСКОБОЙНИКОВ, СОКОЛОВ, ГЕТМАН, БРУК, ЧЕРНОУСОВ.

Я сам видел сводку ВОСКОБОЙНИКОВА на столе у КОРКУНОВА под заголовком «О характерных реакциях сотрудников».

Наряду с этим собрание должно знать, что КОРКУНОВ незаконно расходовал на себя до 30 тыс. государственных средств. На это есть документы. КОРКУНОВ случайный человек в партии и дальнейшее его пребывание в партии невозможно.

Тов. ТУЛЬНОВ. Заявление т. СУДА серьезное и ответственное заявление. Он предъявил обвинение т. КОРКУНОВУ не только уголовного, но и политического характера. Поэтому мы должны проверить это заявление, исходя не из сердца, а из рассудка. Я думаю, что СУД сумеет изложить свое заявление в письменной форме, а пока на этом партийное собрание закроем. Я также думаю, что парторганизация НКВД доверяет обкому и горкому партии, которые займутся тщательно этим вопросом и проверят факты, изложенные в заявлении СУДА.

Каждый член партии также имеет право, если у него есть какие-либо факты о КОРКУНОВЕ, сообщить обкому и горкому партии. Поэтому предлагаю заявление т. СУДА поручить проверить обкому и горкому КП(б)У, а сейчас собрание закончить.

ПОСТАНОВИЛИ: собрание закончить. Заявление т. СУДА принять к сведению. Просить обком и горком КП(б)У тщательно проверить заявление СУДА. Очередное партсобрание созвать на 19.01.1939 г.

Поступило заявление т. КОРКУНОВА, что он хочет дать объяснение по некоторым моментам заявления т. СУДА.

ПОСТАНОВИЛИ: Предоставить слово тов. КОРКУНОВУ для заявления.

Тов. КОРКУНОВ. Прежде всего я должен со всей ответственностью заявить партийному собранию, что выступление т. СУДА по целому ряду фактов является тенденциозным и непартийным. Этим я объясняю его горячность и поэтому было много крика там, где факты слабоватые.

Выводы сделал СУД для меня, как для человека, чудовищные и серьезные. СУД говорил без фактов, на голом месте строил измышления.

Ставленником УСПЕНСКОГО я не был и оснований для этого нет. Я был назначен начальником Управления НКВД тов. ЕЖОВЫМ. Я со всей партийной решительностью откидываю обвинение о моей связи с УСПЕНСКИМ. УСПЕНСКОГО я не знал до приезда в г. Киев.

О штурмовщине. Задним умом все мы умные, я сейчас тоже умный. Штурмовщина — это вражеский метод, я согласен, но таковы были установки сверху. Если говорить о шумихе, то вы, тов. СУД, делали больше всех. Вы кричите о вредительстве в Донбассе и там вредили сами. Я в Старобельском просмотрел 250 дел, полученных со Сталино, и многих буду освобождать. Так как враги насадили 250 калек без глаз, ног и т.д.

СУД строил свой конспект на голых фактах, обвиняя меня в огульных санкциях на аресты. А ведь раньше при руководстве Донецкой области

аресты санкционировались по спискам, а мы эти списки поломали и ввели прокурорскую санкцию.

Я категорически заявляю, что не давал санкции арестовывать подряд, поэтому заявление СУДА клеветническое и ложное.

Когда организовывалась область, мы начали свою работу с пересмотра всех имеющихся учетов врагов. Правильно мы взяли линию? Правильно. Ведь мы брались за учеты для того, чтобы искать основание для этого, чтобы брать действительных врагов.

СУД предъявил мне обвинение о лимитах, что это вражеская директива. Я этой директивы не давал, что мне приказывали, я то и исполнял. Я говорил на совещании, что имели аппарат по штату 100 чел[овек], а на лицо было 40, проводили большую работу на месте и выезжали на районы.

Я могу признать вину в том, что я был горяч, что мы суеились, бежали, но ведь я был всего месяц начальником управления, не имея опыта. Может быть, и не влез в колею, как это должно быть. Но заявить, что была специальная вражеская линия в работе — это клевета, это ложь.

Как мы говорили по вопросу агентурной работы, как мы строили ее? Разве я давал вам установки не вербовать? Я с первых дней своей работы делал все, что подсказывала мне партийная совесть.

О ЦИФРАХ АРЕСТОВАННЫХ

СУД обвинял меня в том, что я нажимал, и говорил: «Мало арестовываем». Это верно, так было. Я выполнял указания, которые давались сверху, у меня требовали сведения за каждую пятидневку НКВД УССР об арестах, и я, как большевик, требовал арестовывать людей, но не без оснований.

СУД говорил о состязаниях в этой части. Привожу цифры.

3-й [отдел] УГБ при аппарате 21 чел. арестовали 95 чел.

4-й [отдел] УГБ [при аппарате] 22 чел. [арестовали] 156 чел.

9-й [отдел] УГБ [при аппарате] 22 чел. [арестовали] 36 чел.

7-й [отдел] УГБ арестовали 13 чел.

6-й [отдел] УГБ арестовали 16 чел.

Особый Отдел арестовали 16 чел.

Вот вам результаты состязания. Никакого состязания не было.

Надо сказать откровенно, в порядке самокритики, что по отдельным показаниям мы брали огульно. Опять-таки такая установка была сверху и мы ее осуществляли, но это я не считаю вредительством.

Были факты, когда отдельные враги оговаривали честных людей, но мы сами проверяем и сейчас на ходу исправляем свои ошибки.

Пусть скажут следователи — начальники отделений, как я утверждал справки на арест. Я подписывал справки только те, в которых излагались достаточные основания для этого. Я много справок возвращал, не давая санкции, а справки на членов партии я особенно внимательно просматривал, а также имеющиеся компрометирующие материалы, после чего подписывал вместе с секретарем обкома партии.

МАКСИМЕНКО я не допрашивал, его допрашивали в 3-м отделе сперва, а затем киевская бригада. Последняя допрашивала, надо сказать, безобразно, но я как начальник управления был в стороне.

До приезда киевской бригады мы работали спокойно, тихо, и если применяли к отдельным врагам физическое воздействие, то с партийной совестью, что бьем настоящего врага.

Заявление СУДА, что МАКСИМЕНКО был убит на следствии, — это ложь.

О СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКАХ

СУД заявляет, что в Ворошиловграде было 50 старых большевиков и они почти все арестованы, это ложь. СУД не в курсе дела. Есть у нас арестованные бывш[ие] старые большевики, их можно на пальцах пересчитать, 3 или 4 человека. Один из них член партии с 1904 г., а с 1908 г. — провокатор царской охранки. Другой БОГДАНОВ, член партии с 1910 г., махровский троцкист.

СУД не разобрался и не в курсе дела, выступая с клеветническим заявлением.

Насчет ЭПШТЕЙНА — прошу расследовать.

РОЗЫСК

СУД заявил, что никто не занимается розыском врага УСПЕНСКОГО, кроме СТРЕМОВСКОГО. Это ложь. Вся партийная организация мобилизована на розыск. Даны директивы районам. Я никогда не кривил душой перед партией и если бы были у меня ошибки, я бы о них сказал.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В КАДРАХ

8 начальников райотделов НКВД я снял и правильно снял. Нельзя было оставлять их на руководящей работе. Одновременно во многих районах мы освежили руководство.

Справку по этому вопросу может дать отдел кадров.

В отношении дергания я могу согласиться, что были отдельные факты.

По милости бандита УСПЕНСКОГО я 4 мес[яца] руковожу аппаратом без помощника. Нагрузка такая, что иногда кое-кого дергал, и может быть, и грубил.

ПРИЦКЕР и ГОЛЬДМАН поехали на выдвижение. Какое отношение я имею к этим выдвижениям, я не знаю. Я дрался за людей. По возможности отстаивая их, не хотел отпускать, но ведь это от меня не зависело.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА

СУД заявляет: «КОРКУНОВ приказывал переделывать протоколы партсобраний». Это ложь. У нас были собрания партгрупп, где обсуждались вопросы агентурно-оперативной работы. Я просил т. ГУДКОВА, чтобы для Наркома т. КОБУЛОВА некоторые протоколы перепечатать и послать для ознакомления. Их перепечатали с корректировкой т. СОКОЛОВА, но я не думаю, что он их искажал.

О СВЯЗИ С УСПЕНСКИМ

Я говорил на прошлом совещании, что отношение УСПЕНСКОГО ко мне и к области было хамское. УСПЕНСКИЙ звонил ко мне очень редко и я ему тоже звонил редко. Почти все указания из Наркомата я получал через тов. ЧИСТОВА из Сталино.

Был случай, когда мне позвонил УСПЕНСКИЙ и в течение нескольких минут я выслушивал похабщину, он облил грязью меня с головы до ног. Будучи оскорбленным как человек, я не мог работать и поехал домой. Там я подумал и решил позвонить тов. ЕЖОВУ. Для этого приехал обратно, но затем передумал, как говорят, пороку не хватило.

Все же я позвонил т. ЧИСТОВУ как соседу по области и рассказал о разговоре со мной УСПЕНСКОГО и его хамском отношении. ЧИСТОВ знает этот случай и может подтвердить. После этого я не звонил УСПЕНСКОМУ и в Киеве бывал только по вызову.

В отношении агентуры в аппарате я прошу расследовать. Это клевета.

О ДЕНЬГАХ

У нас есть такие средства, которыми я, как начальник управления, распоряжаюсь и расходую. Больше, чем требует мой желудок, я не брал. Прошу проверить.

В ЧАСТИ СОЦПРОШЛОГО

Родился я в 1904 г., хозяйство отца до революции и после революции середняцкое. Семья состояла из 13 чел[овек]. Старший брат был коммунист, в 1918 г. расстрелян белыми. Когда белые пришли, хозяйство было разгромлено. Отец и другой брат скрывались, а затем были арестованы белыми.

Впоследствии отца освободили, а брата мобилизовали белые и послали на фронт.

Через некоторое время брат вернулся от белых и работал в волисполкоме. До 1919 г. я жил в селе при семье, я стремился учиться, в 1920 г. учился, а в 1921 г. учебу оставил и работал в Свердловске в политпросвете, а затем по найму до 1923 г. В 1923 г. поступил в Свердловский институт, но, проучившись два года, заболел и больше не учился. В 1927 г. ушел в армию, там был принят в партию. Из армии перешел работать в органы ГПУ. Третий мой брат был кандидатом ВКП(б), работал председателем сельсовета, но за какие-то дела служебного порядка был снят. Он приехал ко мне по месту моей работы в Житомир. Узнав, что он не снялся с партийного учета, я его направил обратно с письмом к секретарю РПК и нач[альнику] РО НКВД. Но, как позже мне стало известно, он обратно не поехал, а через год я узнал, что он арестован и осужден на 3 года. Затем он был освобожден досрочно.

На этом общее закрытое партийное собрание было окончено.

ПРЕД[СЕДАТЕЛЬ] СОБРАНИЯ (ВОРОНОВ)

СЕКРЕТАРЬ (КИТЧЕНКО)

Верно:

ГДА СБ України ф. 5, спр. 67462, арк. 1–13.

Копія. Машинопис.

**Із протоколу № 2 закритих зборів парторганізації УНКВС по
Ворошиловградській області про діяльність Г. Коркунова
8 лютого 1939 р.**

Присутствовало: чл[енов] ВКП(б) — 75 ч[еловек],
канд[идатов] — 28 ч[еловек].

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Інформація о рішенні Бюро Обкома КП(б)У по заявленню т. СУДА, сделанному на партсобранії 17 января 1939 г. о т. КОРКУНОВЕ. [...]

1. СЛУШАЛИ: інформацію секретаря обкома КП(б)У тов. КВАСОВА.

Тов. КВАСОВ довел до сведения общего собрания, что факты, брошенные т. СУДОМ, и обвинение т. КОРКУНОВА и других членов партии — не подтвердились.

Комиссией обкома установлено, что т. КОРКУНОВЫМ была допущена бесконтрольность в расходовании денежных средств из особого фонда и отдельные ошибки в оперативной работе.

Заявление т. НЕРОЗИНА является тенденциозным, так как т. НЕРОЗИН сам нес ответственность за эти средства, знал о безобразиях и мер не принимал.

Бюро обкома постановило: члена КП(б)У СУДА из партии исключить, т.т. КОРКУНОВУ — объявить выговор, НЕРОЗИНУ — объявить выговор и предложить т. ЧЕРЕВАТЕНКО (нач[альник] УНКВД) с должности нач[альника] АХО [его] снять.

В ПРЕНИЯХ ВЫСТУПИЛИ:

Тов. НЕРОЗИН. Я считаю, что комиссия подошла неверно, она не проверила глубоко [факт] о расходовании денег т. КОРКУНОВЫМ. Тов. КОРКУНОВ разбазарил 22 тыс. рублей не по назначению. КОРКУНОВ окружил себя своими людьми, которые ему жужжат на уши — это СОКОЛОВ, ХОРОШИЛОВ, которые и мутят партийную организацию.

КОРКУНОВ доводил людей до отчаяния, в частности меня, я даже однажды дошел до того, что хотел один раз застрелиться. КОРКУНОВ терроризировал аппарат. КОРКУНОВА нужно судить за это.

Тов. ПАТРАТЬЕВ. Почему это ничего не подтвердилось, это что-то не то. О том, что СУД заявил, я этого не знаю, но в части заявления т. НЕРОЗИНА — это факт верный, место растраты имеется. Тов. НЕРОЗИН своевременно заявил о растрате, комиссия обкома подошла к разрешению вопроса неверно.

Там, где зажимают критику в самокритику, там не будет работы, так получилось и у нас, зажимали критику СОКОЛОВ и др., которых можно назвать партийными начальниками, мы ошиблись, что не выгнали тогда из партийного комитета ХОРОШИЛОВА и СОКОЛОВА.

Тов. КОРКУНОВ все-таки большой бюрократ, 11 раз ремонтировали кабинет. Что это такое, как это можно закрепить 5 автомашин?

Мое предложение — членов парткомитета ХОРОШИЛОВА и СОКОЛОВА из ПК вывести и вынести им строгий выговор.

Тов. КОРКУНОВ. Нужно не кричать, а разбираться, не запутывать вопросы, а распутывать. Это обида отдельных товарищей.

В отношении моей растраты НЕРОЗИН говорил, кричал, а вот отдельных фактов он не дал. Ревизору я доказал, что деньги расходованы по назначению. Ведь спецторг приписывал лишние счета, т.е. приписывал лишние деньги.

Банкетов никаких не было, был устроен ужин для приехавшей из Киева бригады, поужинали всего на сумму 300 рублей.

В отношении мебели — верно, мебель у меня на квартире есть и она числится за АХО.

Реплика НОСОВСКОГО. Плохо, что вы, как член парткомитета, не знали, какой партработой занимался ПАТРАТЬЕВ.

[КОРКУНОВ.] Неверно вы бросаете реплики, неуместные, я не мог охватить все и знать, какую партийную работу несет каждый коммунист. [...]

Тов. АФАНАСЬЕВ. Я хочу сказать, как я переживал хамское отношение со стороны т. КОРКУНОВА.

В горячие дни, когда враг пытался жечь хлеб, КОРКУНОВ вызвал меня к 12 часам дня, а принял он меня в 5 часов утра, где он меня выругал, заявил мне, что я у него под подозрением и он меня сам проверит и т.д. И сказал мне, что я еду на следственную работу.

В отношении денег я скажу, что я ни единственного раза не получал никаких денег.

Мне написали аттестацию, что я развалил всю агентурную и оперативную работу и ряд других обвинений. Тов. ТОЛМАЧЕВ неверно подходит к решению вопроса аттестования.

Тов. ПИСАРЕНКО. В отношении АХО НКВД УССР по особому фонду написано: «Препровождается Вам 41 тысяча рублей денег для руководящего состава, на улучшение культурно-бытовых условий». Значит, НЕРОЗИН за эти деньги нес ответственность. «Спецторг» занимался большой припиской — жульничеством. В ресторане израсходовано 350 рублей для следгруппы, и тут вины КОРКУНОВА нет.

Кто виновен в растратывании, кто составлял счета? КОРКУНОВ говорил, что он не составлял, НЕРОЗИН так же ответил. Комиссия спросила у зав[едающего] «Спецторгом», кто писал, он ответил, что все расписки я сдал НЕРОЗИНУ, а кто составлял счета — мне неизвестно.

ГОЛОФАЕВА арестовали как разоблаченного, примазавшегося к партии человека. Факт его ареста верный и обвинять т. КОРКУНОВА нельзя.

Почему ПАТРАТЬЕВ не подымал вопроса о 5-ти прикрепленных себе машинах т. КОРКУНОВЫМ?

После собрания вели разговор о якобы намеченном к переводу в районный ряд товарищей. Это неверно.

Бюро обкома подошло верно, исключив СУДА из партии. В отношении НЕРОЗИНА я считаю — НЕРОЗИНА с занимаемой должности снять.

Тов. СЕДЫХ. Я считаю, что решение о т. НЕРОЗИНЕ слишком тяжелое. Кабинет переделывали 7 раз. Жена КОРКУНОВА несколько раз брала меня ездить за мебелью. Тов. НЕРОЗИНА с работы снять — это будет неверно.

Тов. СУД. Если обком счел правильным исключить меня из партии без моего присутствия, то прошу собрание выслушать меня. Так партия не учит, о чем и говорят тезисы тов. ЖДАНОВА, тов. СТАЛИН[А] — надо учить массу и учиться у массы. Обком решил меня исключить, как клеветника. Это неправильно, я для партии не чужд и много принес для партии. Знает ли меня обком и в частности т. КВАСОВ?

После моего выступления 17.01.[1939 г.] идут на собрание КОРКУНОВ, ХОРОШИЛОВ, СОКОЛОВ, где ХОРОШИЛОВ говорил, что СУД — польский шпион.

18.01.[1939 г.] срочно вызвали машинистку, которая написала заявление на меня. Суть заявления, что я польский шпион. Когда я говорил с ХОРОШИЛОВЫМ, который допрашивал БОВКУНА, который на меня показаний не давал, а говорил, что я был в близких отношениях с ОРЛОВЫМ, ЛЕВИТАНОМ и ОРЛОВСКИМ.

Я говорил с ПРИЦКЕРОМ, то он мне сказал, что ничего не знает.

17.01.[1939 г.] КОРКУНОВ выступает на собрании, что он меня не отпускал в Киев на работу, а 18.01.[1939 г.] он пишет заявление, что я шпион. Как это понять — я не знаю.

Когда я начал справляться в отделе кадров, у парторга и в партийном комитете, то никто не стал разбирать вопроса обо мне.

В свете вынесенного решения обкомом партии, как клеветника, то я заявляю, что мое заявление не клеветническое, а правдивое, и за него я отвечаю.

Комиссия пыталась сугубо формально, искали мотивы, чтобы меня исключить из партии.

Я в своем заявлении указал о незаконных арестах, этот факт не проверен.

На обкоме я не мог говорить, потому что обстоятельства не позволяли. Тов. ТУЛЬНОВ на обкоме правильно заявил, что заявление мое правильное.

Вредительство с кадрами — вопрос не проверен. Когда после собрания КОРКУНОВ написал ВИННИКОВА — уволить, ГИНЗБУРГА — уволить и других. КОРКУНОВ заявил, что их надо уволить.

Хочу рассказать следующий факт. При организации области взят ПОЛОНЕЦКИЙ, которого гоняли из района в район. Это дерганье. В общем, надо было съесть ПОЛОНЕЦКОГО.

Я приводил факты антисемитизма, гонение на евреев, что КОРКУНОВ выполнял директивы УСПЕНСКОГО. Это факт. Травяля против ГЕЛЛЕРА, но ГЕЛЛЕР хорошо работает.

[...] На обкоме пытались заявить, что я злоумышленно сделал подрыв работы и дезорганизацию.

В процессе работы комиссия пыталась доказать, что я как будто бы создал группу и подготовить ее к выступлениям. Вызывали моего работника

и спрашивали, кто ходит ко мне в кабинет. Это некрасиво, не так нужно было разобрать мое заявление. [...]

На обкоме, кроме факта зажима критики и самокритики, установили застой в оперработе.

Когда т. ЧЕРЕВАТЕНКО со мной обстоятельно говорил, что я клеветник, член комиссии ЛОКОТКОВ неправильно вел себя. Меня комиссия не вызывала и не спросила по сути заявления.

Вот выступали коммунисты и говорили о нечистоплотности КОРКУНОВА.

Как комиссия, если вы помните, на активе тов. КВАСОВ заявил, что ряд фактов подтверждено.

Некоторые члены комиссии завели в заблуждение обком партии.

Решение обкома об исключении меня из партии без моего присутствия — это неправильно, этому нас не учил партия.

Я был членом партии и буду, добьюсь правильного решения.

[...] Тов. ЧЕРНОУСОВ. [...] Как аппарат при таком положении может выполнять поставленные перед ним задачи?

Подано заявление, обвиняющее члена партии, как ставленника врага народа. Вместе с этим заявитель бросил клевету и на ряд других членов партии. Вопрос неправильно доработан в части политической оценки. Я считаю, что здесь дело не в одном клеветнике СУДЕ. Почему он не привел и сегодня конкретных фактов, а говорил вообще? Мы рассматривали дела в Старобельске, где есть дела, [где] занимались фиктивным составлением документов, люди арестованы. Комиссия не привела конкретных фактов, чтобы они уличали КОРКУНОВА.

Я работал в следственной группе, сталкивался по работе с СУДОМ и предупреждал его о работе, [что] я буду бороться за труддисциплину. Поэтому СУДОМ и считаюся я подхалимом КОРКУНОВА.

Пусть собрание скажет, что [я] не способен выполнять решения партии. Приведите факты, и я за них буду отвечать.

Вы забыли, что за клевету будете отвечать, и вы своим заявлением дезорганизовали работу аппарата.

Я считаю, что если враг УСПЕНСКИЙ недоделал раскол в наших аппаратах, то это доделал СУД.

Заявление СУДА посеяло месть национального порядка. Надо это отместить, это вражеская вылазка. Здесь есть какая-то подоплека. Здесь разоблачайте эту подоплеку. Почему здесь [надо] молчать? Мы должны вскрыть, что ведет к групповщине. Это ведет к тому, что мы будем и дальше хромать.

Партийный комитет завален заявлениями. Куда мы идем? Разве мы не чувствуем, как враг усиливает свою деятельность против нас? Надо положить конец с врагом.

[...] Тов. КУНИЦА.

Я считаю, что те товарищи, которые выступали и говорили о КОРКУНОВЕ, то это имеет место в заявлении СУДА. Я считаю, что КОРКУНОВ не хотел, чтобы его дело обсуждали по-большевистски на собрании, поэтому его вопрос решил обком, который вынес свое решение.

Реплика. Разве в обкоме не большевики?

[КУНИЦА.] Но на собрании вопрос решался бы, возможно, иначе. В бытность мою секретарем Управления я купил мыло и полотенце, КОРКУНОВ, увидя это, сказал: «Что за мыло ты купил? Что это [за] деревня?».

СКВИРСКИЙ должен сказать, почему его отливали водой, когда он ушел от КОРКУНОВА. КОРКУНОВ меня неоднократно ругал нецензурными словами.

Мне нужно было лечь на операцию, КОРКУНОВ не отпускал меня до тех пор, пока я ему не представил справку от врача.

Тов. ТОЛМАЧЕВ. Ответственность за расходование государственных средств несут в равной степени и КОРКУНОВ, и НЕРОЗИН. Решение бюро обкома и КОРКУНОВА, и НЕРОЗИНА верное.

Верно то, что обком вел правильную линию, расследуя факты, которые были изложены в заявлении, которые в конце концов не подтвердились.

Неверно говорит т. СУД в отношении кадров. Никто не вымогал от т. СУДА, чтобы он подал заявление на ВИННИКОВА.

Заявление т. СУДА об антисоветской деятельности считаю, что это заявление явно клеветническое. Тов. АФАНАСЬЕВ бросает обвинение, что отдел кадров относится бездушно. Это неверно, материалы об АФАНАСЬЕВЕ уже подтверждены.

ЗАХАРОВ заявляет, что виноват КОРКУНОВ в развале фельдсвязи, а где НЕРОЗИН, который непосредственно отвечает за фельдсвязь?

Я считаю, что решение бюро обкома вынесено верно.

Тов. ВОРОНОВ. Я несколько фактов о члене ВКП(б) КОРКУНОВЕ по сути заявления т. СУДА рассказал ТУЛЬНОВУ. Почему же сейчас говорят, что нет ни одного факта?

Я не доверял части комиссии — КОРОБЧАНСКОМУ, ПИСАРЕНКО и ЛОКОТКОВУ.

Я помню, что КОРКУНОВ о партизанах отзывался, как все равно о каких-либо кулаках или белых, которые якобы грабили.

Лично УСПЕНСКИМ была написана ясно ложная докладная записка в НКВД СССР о повстанческом центре, в которую были внесены красные партизаны, а впоследствии заставляли по этой записке допрашивать людей. Затем дальше. Тов. КОРКУНОВ заставлял писать по 200 справок на арест. Но сколько было арестовано — я не знаю.

О партсобрании 31.10.[19]38 г., где был факт зажима самокритики. КОРКУНОВ окружил себя приближенными людьми, к ним относится СОКОЛОВ. Он любит командовать.

ГЕТМАН до того, как он был рядовым работником, был хорош, а когда стал пом[ощником] нач[альника] облуправления — испортился. Что значит — пом[ощник] нач[альника] облуправления выдает талоны в рас-пред? Никуда не годится.

ВОСКОБОЙНИКОВ — это марафетчик. Поэтому он выдвинулся по службе. Есть такой арестованный, от которого КОРКУНОВ и СОКОЛОВ требовали показаний на сотрудников НКВД.

[...] Горком и обком не подошли вплотную к нашей партийной организации. Я не вижу никакой группировки, о которой записано в решении бюро обкома.

О ПК я считаю, что ПК односторонне смотрит на те факты, которые творятся в нашей организации.

Не пользуются в партийной организации доверием члены ПК ХОРОШИЛОВ, СОКОЛОВ, ГУДКОВ, ПИСКУНОВ, ПИСАРЕНКО.

Я считаю, что по вопросу Ворошиловска я скажу сейчас. В горотдел Ворошиловска я поехал, где создал группу и пошел на предприятие документировать, где мы задокументировали 120 дел и написали справки. Что дальше было, сколько арестовано по этим справкам — я не знаю.

Просить горком партии о досрочном роспуске парткомитета и переизбрать новый.

[...] *Тов. СОКОЛОВ.* Я, как член партии и член парткомитета, лично не удовлетворен выступлением тов. КВАСОВА. [...] Все присутствующие слышали заявление т. СУДА и я полагаю, что в своем сообщении тов. КВАСОВ должен был сказать, что такие факты подтвердились, а такие-то не подтвердились. А тов. КВАСОВ сказал, что факты не подтвердились.

Собрание не может прийти к выводу, что же подтвердилось, а что не подтвердилось.

Теперь лично мое мнение, как члена партии, о заявлении т. СУДА. Лично я считаю, что заявление СУДА клеветническое. Чем я обосновываю, что заявление СУДА клеветническое? Начну с таких фактов, что меня оправдывает.

Тов. СУД обвинил меня, как агента т. КОРКУНОВА. Я, как начальник отдела, согласовывал все вопросы оперативные с КОРКУНОВЫМ. В отношении [решений], что я якобы принимал в отношении МАКСИМЕНКО.

В отношении ВОСКОБОЙНИКОВА — у т. СУДА старые счета с ним. Был отчет комсомола, где записано, что СУД развалил комсомольское собрание.

О том, что ВОСКОБОЙНИКОВ агент КОРКУНОВА и что СУД видел сводку — это наглая ложь.

Вы помните, что в своем заявлении т. СУД сказал, что лимиты есть вражеская директива? Лимиты были установлены решением партии.

Мне тов. ЛОКОТКОВ предложил дать объяснение, почему ГЕЛЛЕР был переведен во 2 отдел? Якобы я тоже занимался антисемитизмом.

Я знаю УСПЕНСКОГО столько, сколько СУД, ГЕЛЛЕР и другие. Я прислан сюда т. ХРУЩЕВЫМ и БУРМИСТЕНКО.

Установка о красных партизанах. В связи с чем и в какой мере был поставлен этот вопрос? В Киеве была вскрыта организация среди красных партизан. У нас тов. ВОРОНОВ завалил дело на два месяца¹¹ и им был арестован напрасно один гражданин. Я очень сожалею, что т. ТУЛЬНОВ не свел нас вместе. Мы бы разобрали этот вопрос.

¹¹ Так у тексті.

Насчет справок прав ВОРОНОВ, что писали справки. Такой факт был, мы действительно написали справки, я это подтверждаю. А сколько из двухсот справок арестовали, это другое дело. Так как из этих справок утверждается 10–15 справок.

Таким образом, я считаю, что т. ВОРОНОВ неправ. Я не знаю, почему он выступил, когда он также работал вместе со мной. Почему мне бросил обвинение ВОРОНОВ, что я любил командовать — я не знаю.

Я категорически отрицаю заявление т. ВОРОНОВА в отношении ВОСКОВОЙНИКОВА. Он честный коммунист. Сам т. ВОРОНОВ допускал нечистоплотность в работе, он арестовал по справке не того, кого нужно, а потом подчистил и исправил имя и отчество.

О показаниях на сотрудников. Такой факт имел место в 7 отд[еле]. Был арестован сотрудник НКВД, известный нам. [...]

Тов. ЛОКОТКОВ. Я считаю, что сегодняшнее партийное собрание много толчется на одном месте по заявлению СУДА. Это произошло потому, что обком, сообщив о своем решении, не сказал подробно, почему не подтвердилось заявление СУДА.

Разбирая заявление СУДА, комиссия подходила чрезвычайно объективно, проверила, вопрос — ставленник ли КОРКУНОВ врага УСПЕНСКОГО — не подтвердился. КОРКУНОВ назначен т. ЕЖОВЫМ, других данных нет.

Вопрос вражеской работы КОРКУНОВА, антисемитизм — дело БЕРКОВИЧА, КРАКОВИЧА и др. — не подтвердился. БЕРКОВИЧ был снят по распоряжению НЕРОЗИНА, КРАКОВИЧ не утвержден ОК НКВД СССР.

О показаниях на старых большевиков, которые якобы требовались от арестованных, — не подтвердилось. Не подтвердились и необоснованные аресты по распоряжению т. КОРКУНОВА.

О травле т. ГЕЛЛЕРА не подтвердилось, ГЕЛЛЕР заявлял голословно, никаких данных и фактов по этому вопросу ГЕЛЛЕР не мог привести.

Недоверие некоторым членам комиссии не обосновано.

О групповщине. Групповщина имеется и она особенно усилилась в период работы комиссии. Многие скрывают, что им известно о групповщине и они должны сказать — это т.т. КИТЧЕНКО, СКВИРСКИЙ, БРУК, ГИНЗБУРГ.

Я работал на заводе, такого кавардака не было. Если кто вылезал — ему обрубают крылышки и дело идет хорошо. Нам нужно решать вопрос серьезно.

[...] *Тов. ВИННИКОВ.*

Фактов, чтобы утверждать, что КОРКУНОВ ставленник УСПЕНСКОГО, — я не могу. Возникает мнение, какую мог проводить враг УСПЕНСКИЙ у нас вражескую работу? Тут нужно сказать и КОРКУНОВУ, какие допущены ошибки.

Я думаю, что правильно ли было вынесено решение, что у нас не проводилась вражеская деятельность.

У меня имеется факт зажима самокритики со стороны КОРКУНОВА. Я на бюро выступил против ГЕЛЛЕРА. В своем выступлении я не сказал

«товарищ КОРКУНОВ», а просто «КОРКУНОВ» и он за это на меня накричал.

На втором собрании тоже были элементы зажима. И когда я об этом выступил на собрании, КОРКУНОВ выступил и говорил, что нужно к ВИННИКОВУ присмотреться.

Когда меня вызвал нач[альник] кадров и начал допрашивать о моих связях с ФУРЕРОМ и ВЕЙСОМ, тут же сказал, что не имею ли я желания уволиться из органов?

Насчет группирования — я таких фактов не слышал, утверждать не могу, но в части комиссии у меня создается такое впечатление, что вопросы, связанные с деятельностью врага УСПЕНСКОГО, нужно бы проверить.

Очень ценно выслушать массу, и только тогда выносить решение обкому. Обком должен положить конец тому, что творится в нашей организации.

Партийный комитет нужно переизбрать.

Тов. ГЕЛЛЕР. В настоящее время перед нами стоят такие решения, как постановление ЦК партии и СНК, но мы не проанализировали свою работу. Там, где партийная работа в загоне, там нет чекистской работы, виноваты здесь члены парткомитета, три человека. [...]

Во-первых, у нас большая стеснительность. Если кто выступил, то к нему ненависть. Кто виноват в этом — это СОКОЛОВ, ХОРОШИЛОВ и т. КОРКУНОВ. [...]

Я, работая в 4 отделе, принял объект, наладил работу, но меня обвинил СОКОЛОВ в недисциплинированности. Критику не любят отдельные товарищи, о них я говорил. Нужно переизбрать парткомитет.

Постановление обкома партии нужно пересмотреть. СУД — это отличный работник.

Тов. УДОВЕНКО. За что взыскание СУДУ? Я на СУДА личных счетов не имею, но узнал его не с хорошей стороны. Произошло это от того, что т. КВАСОВ на совещании 6.01.[1939 г.] выступил и сказал, что это выступление двурушника, оппортуниста, и СУД на следующий день заявил в обком партии.

Мы должны рассматривать [это] как дезорганизацию. СУДА нужно ударить, и крепко. Я заявляю, что СУД меня оклеветал, сделал меня убийцей, и пошел слух между жен. На второй день узнала жена и обидно стало. Я узнал, что изжит напрасно человек, арестовали некоторых неправильно, но ошибки исправили.

Пущена определенная клевета, я брал показания, и все брали показания, но мы не арестовывали без основания.

Брошено обвинение ВОСКОБОЙНИКОВУ, он честный коммунист, у него требовали объяснение, за что его выгнали из центрального аппарата, и он написал объяснение. Я, выступая на собрании, требовал разрешения вопроса.

В отношении антисемитизма — тут фактов нет и это подтвердить нельзя.

Партийная работа была в загоне. Я считаю, что необходимо оживить парторботу.

Тов. КИТЧЕНКО. Товарищи! На партийных собраниях разрешают критиковать любого коммуниста, независимо от занимаемой должности.

Я хочу заявить партийному собранию, что заявление т. ВОРОНОВА о шпионских письмах моих — явная ложь, таких писем нет и не будет.

Если говорить о липе, то ВОРОНОВ по липе имеет большой стаж. Из комсомола исключили за липу — добавил КСМ стаж. При докладе на Тройке с ФЛЕЙШМАНОМ поймали с липой. По справкам ВОРОНОВА в Ворошиловске 35 чел[овек] освободили. Арестовал вместо одного другого, чтобы скрыть — стирал фамилию.

То, что сейчас происходит в коллективе, безусловно, отразилось на работе. Происходит это потому, что не была хорошо поставлена парторбота, зажим самокритики со стороны СОКОЛОВА и КОРКУНОВА был, которые учиняли допросы.

Я подхалимом не был, работал плохо потому, что ко мне относились с недоверием. Стал работать лучше — все это сгладилось. Тоже было и с ГЕЛЛЕРОМ. Здесь не вижу антисемитизма.

СУД выступил с клеветническим заявлением, желая стать «героем»-разоблачителем. СУДА я знаю с 1933 г. До приезда из Киева у нас близких отношений не было, когда СУД приехал из Киева, мы с ним сошлись ближе. СУД мне рассказывал о вражеских действиях УСПЕНСКОГО к евреям, я делился с СУДОМ своими мнениями по ряду вопросов.

После того как СУД выступил, я увидел, что он клеветает. Я об этом заявил СУДУ, что он неправ. С тех пор взаимоотношения изменились, меня стали называть «капельщиком» и т.д.

СУД в Сталино считался хорошим работником, и были разговоры, чтобы представить [его] к награде.

Тов. КВАСОВ. После решения обкома мы решили довести [его] до сведения парторганизации. Не обосновывал я подробно потому, что все факты парторганизации известны. Кроме того, присутствует вся комиссия, которая выступала и дала те или иные подробности.

Наша задача была — вскрыть недостатки, исправить и начать работать лучше. Провели два оперативных совещания, но так, как говорят сейчас о недостатках, не говорили.

СУД заявил о том, что он изложил сейчас, я предложил написать, но СУД умышленно не написал и внес дезорганизацию своим клеветническим заявлением.

Данных, что КОРКУНОВ является ставленником врага народа УСПЕНСКОГО, — нет.

Данных, что имеется наличие антисемитизма со стороны КОРКУНОВА, выражавшегося в гонении на евреев, — нет.

У КОРКУНОВА ошибок много, и за это он несет соответствующее наказание.

Заявление СУДА сделано умышленно с целью внести дезорганизацию в работу.

Парторганизацию оздоровим, коллектив будет работать, как следует. Тем безобразиям, которые имеют место, положим конец, оставим в аппарате НКВД тех, которые отвечают ответственным задачам, преданно и честно работают.

[...] Нам надо обеспечить, чтобы враг не сумел сорвать наши мероприятия. Если бы мы хорошо организовали дело, мы давно вскрыли бы распространителей к[онтр]р[еволюционных] листовок.

Надо посмотреть на завод «О[ктябрьской] Р[еволюции]», где действует враг.

Городскому партийному комитету надо принять все меры к тому, чтобы парторганизация Управления работала хорошо.

ПОСТАНОВИЛИ:

1). Одобрить решение обкома КП(б)У об исключении СУДА из членов партии, как клеветника, о наложении партийных взысканий на т.т. КОРКУНОВА и НЕРОЗИНА — объявление выговоров. Первому — за отсутствие контроля, за расходование денежных средств из особого фонда. Второму — за отсутствие контроля и непринятие мер к своевременному вскрытию безобразий с расходованием этих средств, хотя и был осведомлен об этом т. НЕРОЗИН.

2). Переизбрать партийный комитет, как необеспечивший надлежащей постановки партийно-массовой и воспитательной работы.

3). Освободить т. ПИСКУНОВА от обязанностей секретаря парткомитета УНКВД, как необеспечившего работу партийного комитета.

4). Утвердить решение партийного комитета УНКВД от 14 января 1939 г. о разукрупнении партийной организации УНКВД в целях лучшей постановки партийной работы и обеспечения стоящих оперативных задач перед отделами УГБ.

Организовать две партийные организации, одну из коммунистов УГБ и вторую из коммунистов неоперативных отделов. [...]

Президиум: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГУДКОВ

ЧЛЕНЫ: КВАСОВ

ЧЕРНОУСОВ

ЧЕРЕВАТЕНКО

ВОРОНОВ

Верно:

ГДА СБУ, ф. 5, спр. 67462, арк. 14–32.

Копія. Машинопис.

УНКВС ПО ДНІПРОПЕТРОВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 8

**Із протоколу закритих партзборів співробітників УДБ
УНКВС по Дніпропетровській області про обговорення
постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.
9–10 січня 1939 р.**

В ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ ИЗБРАНЫ: партийный комитет УГБ НКВД (т.т. САПОЖНИКОВ, ПАЩЕНКО, КОРКИН, ЧЕРЕПЕНИН, ПУЛКИН, СТРАХОВ) и секретарь обкома КП(б)У тов. ЗАДИОНЧЕНКО.

СЕКРЕТАРИАТ СОБРАНИЯ: т.т. ЧУЛКОВ и ЗВАРКОВСКИЙ.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Отчет Партийного Комитета УГБ УНКВД (тов. САПОЖНИКОВ).

[...] СЛУШАЛИ: отчет партийного комитета УГБ УНКВД (тов. САПОЖНИКОВ). Тезисы прилагаются¹.

ПО ДОКЛАДУ ВЫСКАЗАЛИСЬ: [...]

Тов. КУТОВОЙ. Ошибки, отмеченные постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17.11.1938 года, имели место и в нашей области. Значительную роль в этом сыграл приезд УСПЕНСКОГО сюда. Я помню совещание у УМАНСКОГО, когда он давал установку арестовывать по несколько сот человек.

Шла погоня за подысканием материалов — кого арестовать. Отсюда не различали где враг, где честный человек.

[...] Плана работы парткомитета не было. Вопросы, обсуждаемые на партийном комитете и на собраниях, были случайные. На это указывали тов. САПОЖНИКОВУ. Вот сегодня не знали, о чем будет собрание, а это очень ненормально. Об этом говорили и в 1937 году, а парткомитет не реагирует.

Взять исключение из партии ЯНКОВИЧА, БОРИСОВА. Почему тянули столько времени, а надо было исключить их после ареста. О вызвании РЕЗНИКОВА узнали тоже недавно, а можно было знать раньше.

Мне помнится, что недавно между т.т. САПОЖНИКОВЫМ, УМАНСКИМ и РЕЗНИКОВЫМ вышла ссора на почве автомашины. И после этого между ними якобы создались нездоровые взаимоотношения. Почему не был обсужден вопрос о РЕЗНИКОВЕ раньше? [...]

Тов. НУСИМОВИЧ. [...] Надо больше заострить внимание на извращениях, допущенных в нашей работе. Мы работаем сейчас очень

¹ Не виявлені.

медленно. Районные работники, приезжающие для следственной работы в Днепропетровск, не оправдывают тех командировочных денег, которые получают. Примерами могут служить тов. ГРИЦАЙ из Покровки, тов. БОГОМОЛОВ из Гуляй-Поля. Надо добиться, чтобы и мы, и районы скорее заканчивали следственные дела.

Скоро год, как начали расти наши кадры за счет нового молодого поколения. Наряду с хорошими растущими товарищами есть безграмотные и нежелающие работать, как ГРИЦАЙ в Покровском районе, КУПРИЙ — в Люксембургском, КРИШТАЛЬ — в Коларовском [районах]. Необходимо О[тделу] К[адров] тщательнее подходить к подбору принимаемых на работу в НКВД товарищей.

В вопросе с РЕЗНИКОВЫМ парткомитет не должен был ожидать, сегодняшнего собрания. Пока вопрос не совсем ясен, но если подтвердится сказанное здесь тов. САПОЖНИКОВЫМ, если заслуживают, то надо ударить по виновным.

Мое мнение, что т.т. УМАНСКИЙ и РЕЗНИКОВ далеко не друзья, мне известны факты серьезных пререканий между ними.

Я был свидетелем раздора из-за машины между т.т. САПОЖНИКОВЫМ, УМАНСКИМ и РЕЗНИКОВЫМ. Тов. САПОЖНИКОВ вышел в тот момент, как дежурная машина 4-го отдела с УМАНСКИМ, РЕЗНИКОВЫМ и др. собиралась отъехать. Тов. САПОЖНИКОВ поступил не тактично, предложив освободить машину. РЕЗНИКОВ тоже был неправ тем, что нецензурными словами в присутствии ряда работников обругал тов. САПОЖНИКОВА.

Но, по-моему, этот факт не имеет отношения к тем моментам в деле РЕЗНИКОВА, о которых говорил САПОЖНИКОВ. [...]

Тов. КЛЕБАНОВ. Для меня является полной неожиданностью вопрос обо мне, затронутый тов. САПОЖНИКОВЫМ в своем докладе. По существу вопрос освещен неправильно. Почему тов. САПОЖНИКОВ считает, что у КЛЕБАНОВА шатания туда и сюда? Совершенно верно, что у меня с УМАНСКИМ и РЕЗНИКОВЫМ неплохие взаимоотношения. Но ведь в этом нет ничего плохого. С тов. САПОЖНИКОВЫМ часто ежедневно беседую по различным вопросам. Последний мой разговор с ним был о том, как долго может продолжаться собрание, в каком направлении будут идти прения на собрании и т.д. Почему я не мог интересоваться этими вопросами?

Я возмущен выступлением тов. САПОЖНИКОВА по моему адресу. Откуда у него данные, что «и в Запорожье я был таким же»? Работая там, я имел награды (получил часы), был дважды до дня отъезда членом партийного комитета. Мне непонятна постановка вопроса обо мне. Я считаю, что, критикуя меня, САПОЖНИКОВ хотел отвести критику от себя.

Тов. САПОЖНИКОВ обвинил меня в двурушничестве. Я с ним беседовал буквально каждый день и отношения между нами были неплохие. Почему же он мне ни разу до настоящего собрания не сказал, что я двурушничал, что я вел неверную политику в Запорожье?

Я не видел со стороны товарищей УМАНСКОГО и РЕЗНИКОВА антипартийной линии. Я знал, что РЕЗНИКОВ обижен, куда-то об этом

писал, но не в таком свете, как говорил тов. САПОЖНИКОВ. О том, что УМАНСКИЙ ведет антипартийную политику, я слышу впервые. Об антисемитизме у нас в управлении я от РЕЗНИКОВА ничего не слышал. САПОЖНИКОВ осветил положение неверно. Отделы работают не хуже других, обстановка в них здоровая. Какой может быть смысл в том, что три начальника отдела противопоставили себя руководству?

Необходимо вынести решение — разобрать это дело с начала, с низовой партийной организации. САПОЖНИКОВ крепко перегнул в этом вопросе.

[...] *Тов. УМАНСКИЙ.* Я считаю, что тов. САПОЖНИКОВ и как секретарь парткомитета и как работник, с которым не так давно и продолжительное время мы работали в одном отделе бок о бок, оскорбил меня на ответственном собрании.

Кто, на каком основании дал право называть меня подхалимом, интриганом, перестраховщиком и т.д.?

О РЕЗНИКОВЕ стоит вопрос, что он обижен. Это его частное дело. Но какое основание у меня быть обиженным? Откуда взялась у меня перестраховка?

Мы все выполняли вражескую установку УСПЕНСКОГО. Теперь стремимся исправить ошибки. Если надо освобождать — освобождаем, надо судить — предаем суду. Если были ошибки, то теперь мы их должны исправить общими усилиями и не допускать впредь.

Я не знаю, что ответить в той части, что будто бы я инспирировал настраивание РЕЗНИКОВА. У меня с ним дружеские отношения, но иногда бывали и стычки на деловой почве. Если я неискренен, то пусть проверяют это, и тогда строго осудит меня наш партийный коллектив. Но я считаю, что не было совершенно оснований бросать мне такое обвинение, как это сделал САПОЖНИКОВ.

Касаясь взаимоотношений с САПОЖНИКОВЫМ, должен сказать, что с некоторых пор он почему-то со мной не здоровается. Затем этот выпад с автомашиной. Во время дежурства по управлению тов. РЕПИНСКОГО я, РЕЗНИКОВ и еще некоторые сотрудники, в том числе и тов. НУСИМОВИЧ, сели в дежурную машину с тем, чтобы ехать домой. Машина только отъехала, как из подъезда показался тов. САПОЖНИКОВ. Шофер (дежурила машина IV отдела) увидел САПОЖНИКОВА и остановился. САПОЖНИКОВ грубо обратился к нам с претензией, почему мы заняли машину. Я сдержался, чтобы не наругать, а РЕЗНИКОВ не выдержал и обругал САПОЖНИКОВА. Мы вышли из машины, а САПОЖНИКОВ сел и уехал. Во время разговора с САПОЖНИКОВЫМ РЕЗНИКОВ бросил реплику, что переполнилась чаша. Что за переполненная чаша, я не знаю, меня этот вопрос не интересовал. Но зачем САПОЖНИКОВ искривляет факты, приписывая мне эту фразу?

После инцидента с машиной произошло столкновение в приемной, когда САПОЖНИКОВ при моем приходе отвернулся от меня. Я хочу, чтобы обвинение в интриганстве, в подхалимстве было разяснено.

С ЯНКОВИЧЕМ я давно работал вместе и был с ним в хороших отношениях. Знал его в прошлом как босяка-кутилу. Мы всегда были с ним на

«ты». Когда же ЯНКОВИЧ стал зам[естителем] нач[альника] управления, то на работе, если надо было, предъявлял требования, как и к остальным начальникам отделов. Я не понимаю, как я еще должен был держать себя с ЯНКОВИЧЕМ? Наша общая вина, что мы его несвоевременно разоблачили, как квалифицированного шпиона.

К числу недостатков работы парткомитета надо отнести, что на собраниях партгрупп никогда не присутствовали члены партийного комитета.

Сейчас перед нами задача — напряженно работать над следствием, скорее закончить дела, ликвидируя допущенные ошибки и промахи в работе. Но почему толковые люди, понимающие момент, недопустимо относятся к работе? Вот тов. БОРИСОВ из Н[ово]-Николаевки может получить несколько заданий, а над выполнением их просто издевается. Прямо какие-то клочки бумажки вместо протоколов. За целый месяц он ничего толкового не сделал.

Тов. СТРЕЛЬЦОВ. [...] Как мне, так, наверное, всем нам мучительно больно, как мы проглядели «успеновщину», как мы своевременно не разоблачили вражескую тактику предателя УСПЕНСКОГО. В любой момент, всегда перед нами открыты двери ЦК, и между тем никто, по видимому, из нас не написал в ЦК о тех вражеских установках, которые давал тут же в этом зале УСПЕНСКИЙ.

Мучительно вспомнить тот постыдный торг, который на наших глазах происходил здесь 11 июля прошлого года, когда шла речь о том, кто подаст больше — 1000 или 1500 человек.

Стыдно теперь, что после этого возмутительного аукциона я давал руку ДАРАГАНУ, проявившему особую прыть в деле приема установок от УСПЕНСКОГО в этом зале.

Каждому из нас, думаю, особенно больно, что мы допустили ошибки, о которых совершенно правильно и точно говорит постановление ЦК и Совнаркома. Все теперь силы, все понимание надо сосредоточить на том, чтобы выправить наши ошибки и ликвидировать результаты вражеской деятельности УСПЕНСКОГО.

Теперь об ошибках отдельных наших товарищей и своих.

Я на протяжении последних лет непосредственно варюсь в оперативно-следственном котле. И у меня были ошибки, и мне попадало за ошибки. Надо свои ошибки признавать и выправлять их.

В частности так УМАНСКИЙ и сказал: «Ошибки надо исправлять». Между тем, в этом вопросе я не вижу достаточной самокритичности со стороны тов. УМАНСКОГО. Вот в частности по вопросу инцидента с автомашиной, когда его высадил САПОЖНИКОВ. Сам по себе такой акт, что если бы где-нибудь узнали, что мы так много говорим о нем, нас бы засмеяли, застыдили.

УМАНСКИЙ здесь выступил с заявлением, что факт с машиной — пустяк, чепуха, не стоящий внимания, что он ничего не значит в его взаимоотношениях с САПОЖНИКОВЫМ. А, между тем, это не так. УМАНСКИЙ этому пустяковому факту придал большое значение. Конкретно я с тов. ПУЛКИНЫМ сидел в буфете, это было дней через 5 после истории с машиной, подошел УМАНСКИЙ и заявил нам: «Я до сих пор не

могу успокоиться, я вне себя от этого факта со стороны САПОЖНИКОВА с машиной».

Теперь по вопросу об отдельных эпизодах этого инцидента. Наутро после истории с машиной ко мне пришел УМАНСКИЙ и рассказал, как его и РЕЗНИКОВА САПОЖНИКОВ высадил из машины. Причем якобы РЕЗНИКОВ обругал САПОЖНИКОВА, выразился: «Чаша переполнилась».

Если это так, то я делаю вывод, что в том, что «чаша» РЕЗНИКОВА переполнилась в отношении САПОЖНИКОВА, не обошлось без влияния УМАНСКОГО. Почему? Потому что он и меня пытался как обиженного использовать против САПОЖНИКОВА. Был целый ряд фактов, подчас мелочных со стороны УМАНСКОГО. [Они] дают мне основание это утверждать. Я, как «обиженный» (что значит «обиженный», я скажу ниже), и сам приходил к УМАНСКОМУ, в отдельных случаях разделяя его возмущение «зазнайским» поведением САПОЖНИКОВА. Так было в частности и по поводу факта с машиной. Но почему нельзя было иначе реагировать на этот факт? Почему нельзя было прямо прийти к САПОЖНИКОВУ, указать его ошибку, одернуть его? Кто, как не коммунисты, должны это сделать, если видим, что товарищ зарывается, зазнается? САПОЖНИКОВ же — наш выдвиженец, он вырос в нашем коллективе, он такой же быв[ший] начальник отделения, как я — быв[ший] оперуполномоченный. И я пришел к САПОЖНИКОВУ и прямо указал на недопустимость его поведения в инциденте с машиной. И тогда он мне дал слово коммуниста, что дело не так, как его рисует УМАНСКИЙ.

Я разделял возмущение УМАНСКОГО, когда дело касалось отдельных фактов бестактного, зазнайского поведения САПОЖНИКОВА. Но когда я почувствовал, что обработка меня УМАНСКИМ против САПОЖНИКОВА принимает другой характер, то есть попытку восстановить меня против САПОЖНИКОВА, как секретаря парткомитета, я сразу реагировал.

Дело в том, что УМАНСКИЙ мне однажды заявил: «На этом собрании, которое будет, я выступлю против САПОЖНИКОВА с фактом насчет машины, а ты выступишь... С чем ты выступишь?». Усмотрев в этом «распределении» расчет, специальную, нездоровую сторону подготовки к собранию, как результат предыдущей «обработки», я заявил об этом САПОЖНИКОВУ.

Теперь по поводу того, что я был «обиженным». Я был обижен САПОЖНИКОВЫМ и КОРКИНЫМ. Я носился с болезненным настроением, был в угнетенном состоянии духа потому, что на оперативном совещании руководящего состава УГБ я был незаслуженно оскорблен и изруган тов. КОРКИНЫМ последними словами. Я считал также, что арест 5 суток был мною получен не по заслугам.

Лично я считаю, что КОРКИН был спровоцирован в этом деле УМАНСКИМ. САПОЖНИКОВЫМ я был обижен, почему он не реагирует, когда отдельных коммунистов смешивают с грязью. Я теперь все же полагаю, что товарищи САПОЖНИКОВ и КОРКИН поняли ошибку в отношении меня. [...]

О ГЕРШОВИЧЕ два слова. Этого председателя, с позволения сказать, ТОПО² надо из нашей системы убрать. Ряд коммунистов, оперативных работников скажут, что в самый разгар оперативной работы ГЕРШОВИЧ в тюрьме говорил работникам в отношении арестованных: «До каких пор будут аресты, сколько можно?» — и т. д. в этом духе. [...]

Тов. КОГАН М. Основная задача нашей парторганизации — скорее исправить ошибки, которые мы допустили в процессе работы. Как мы их допустили? Вот пример, тов. ДАРАГАН, будучи начальником горотделения в Никополе, завел агентурное дело и затем посадил парня 1915 года рождения, который якобы имел личное задание от Троцкого создать террористическую группу. На этого парня только посмотреть — и сразу можно сказать, что иметь дело с таким мальчишкой ТРОЦКИЙ не будет.

Затем ДАРАГАН арестовал члена ВКП(б) БОНДЕ, от которого «получили показания», что он имел задание взорвать электростанцию. Проверкой путем передопроса оказалось, что все это натянуто. БОНДЕ даже никогда не видел электростанцию. Эти факты уже говорили о искривлениях в следствии, но мало уделили внимания, чтобы их сразу ликвидировать.

Такие же «показания» были получены в Никополе от одного парня, бывш[его] комсомольца, что он знает 39 троцкистов, а проверкой установлено, что знает только 4 человека.

Тов. ДАРАГАН здесь, в этом зале, дал слово УСПЕНСКОМУ арестовать 2000 человек, в результате в Днепродзержинске были допущены искривления.

Мы все в этом виноваты. Я сам арестовал людей, в отношении которых мы располагали данными об их прошлой преступной деятельности, под нажимом УСПЕНСКОГО. А теперь некоторых приходится освобождать. Большие перекручивания были также в Кривом Роге.

Наш партийный комитет вопросами быта не занимается. Есть много жалоб, что наш магазин возглавляет человек не наш, который не заботится о сотрудниках, обманывает наших жен, над ними издевается. В бюро заказов вечный базар.

Решением ЦК отмечено, что мы забросили агентурную работу, а мы до сегодня еще не наладили этот участок работы.

Я был в Широковском районе и в Кривом Роге, обнаружил ряд фактов, говорящих об отсутствии работы с агентурой. И у нас в областном аппарате недостаточно работают с агентурой.

Вся парторганизация знает, что мой брат репрессирован. С братом я около 12 лет почти связи не имею. В связи с этим, я был освобожден от руководства I отделением. Четыре месяца я «болтался» не определившись, только лишь в начале декабря я был назначен начальником отделения IX отдела. Я обратился к тов. САПОЖНИКОВУ и спросил его: «Если я могу быть начальником отделения в IX отделе, почему я не могу работать в IV отделе?». Тов. САПОЖНИКОВ мне ответил, что поскольку мой

² ТОПО (рос.) — торгово-виробничий відділ.

брат репрессирован, я не могу работать в I отделении IV отдела, что это слишком ответственный участок работы.

В связи с тем, что я четыре месяца был неопределившимся, все на меня смотрели, как на «штрафного». Даже партгруппа считала, что я уже не работаю, и меня почти изолировали от выполнения партобязанностей, даже партпоручения не давали. После измены УСПЕНСКОГО тов. РЕЗНИКОВ в беседе со мной, интересуясь моим положением, заявил, что меня, вероятно, убрали из I отделения потому, что я еврей. Партийный комитет допустил ошибку, что до сего времени не ориентировал парторганизацию об УСПЕНСКОМ.

Тов. ГРИЦАЙ. Коснусь вопроса о руководстве молодняком. Я работал в IV отделе, не успел освоить работу, послали в район. В районе с первых же дней работы стал допрашивать арестованных. Я писал неграмотные, точнее, стилистически неверные протоколы. Мне не было помощи в районе.

Раз поступает новый молодняк, то надо с ним серьезно работать. Я до сего времени не имел и не имею правильного направления в работе, нуждаюсь в повседневной помощи. [...]

Тов. РЕЗНИКОВ. Решение ЦК о перегибах НКВД, которые были в работе НКВД, имеет полное отражение и в Днепропетровской области. Вражеская деятельность УСПЕНСКОГО также сильно отразилась на работе и областного аппарата и периферийных органов. Допущенные нами искривления вылились в искусственное создание несуществовавших организаций, придание преступлениям шпионского характера, что происходило от того, куда направлялось дело, дела по несколько раз перешивали, перекраивали, изменяли. Все происходило от того, что относились к делу не по-большевистски.

Я лично, будучи в Кривом Роге, там, по сути, выполнял вражеские установки. Меня УСПЕНСКИЙ заставил обещать арестовать за несколько дней еще 1000 человек. Я должен был бы заявить, что это невозможно, но, как и все остальные, этого не сделал.

У меня много недостатков по прежней работе. Я получил за это ряд взысканий, порой совершенно правильно, порой неверно. Считаю неправильным, что на каждом оперативном совещании меня обязательно долбят. Во-первых, я не обижен. Я член партии и партия меня в обиду не даст. В августе месяце меня вновь перевели на работу в Днепропетровск, сняв с начальника горотдела. Почему я был снят, мне совсем неясно. Меня вызывал к себе УСПЕНСКИЙ, но меня не принял и со мной не говорил. Я интересовался у тов. КОРКИНА причиной снятия. Моё мнение, что я снят только потому, что я еврей.

Приехал из Кривого Рога в Днепропетровск и стал работать. Через две-три недели тов. КОРКИН, просматривая следственное дело СИДОРОВА, обнаружил, что он в течение двух недель после ареста не допрашивался. Была система не фиксировать показаний, пока не сознавался арестованный, поэтому и не было протоколов за первые две недели. За это я получил взыскание.

Еще через две недели машинистка в одном документе напутала фамилию, а я не проверил — получил выговор с предупреждением.

Работая в Кривом Роге, [я] задержал отправку одной телеграммы. Уже недавно, спустя 7 месяцев, опять получил взыскание за это. А дело обстояло так. Я, ГУРЕВИЧ, МАМЯС в Кривом Роге пошли в кино. У дверей к нам придрался какой-то пьяный гражданин. Я предложил милиционеру отвести его и предложить на следующий день явиться в гормилицию. Это был зам[еститель] директора кино. Он дал телеграмму в Москву на имя тов. ЕЖОВА. Зная директивы по линии связи, я задержал телеграмму, но потом телеграмма была отправлена, а я сообщил об этом в Днепропетровск. Через 7 месяцев я получил за это выговор с предупреждением.

Если я скверно работаю — снимите меня, но зачем постоянные взыскания, систематическая ругань и личные оскорбления?

Я ходил как затравленный, я боялся заходить в кабинет к тов. КОРКИНУ, чтобы не выслушивать личных оскорблений. Я объяснялся по этому вопросу с тов. КОРКИНЫМ. Утихло. Потом опять я стал фигурировать на каждом совещании. Я обижен на тов. КОРКИНА.

Не так обстоит вопрос, выдвинутый САПОЖНИКОВЫМ. С УМАНСКИМ, КЛЕБАНОВЫМ, ШУМКОВЫМ я в хороших отношениях. Но никаких нездоровых настроений, никаких действий с моей стороны к сбору материалов против САПОЖНИКОВА и КОРКИНА не было.

Дело из-за машины. Нас выгнали из машины, я не выдержал, выругался, поступил неверно. Но САПОЖНИКОВ тоже поступил неправильно, не по-человечески. Мы были с САПОЖНИКОВЫМ на «ты». Но когда я вышел от тов. КОРКИНА после получения строгого выговора с предупреждением от обкома партии, я обратился к САПОЖНИКОВУ: «Яша, я хочу к тебе зайти». САПОЖНИКОВ ответил: «Хорошо, зайдите ко мне». Я считаю, что САПОЖНИКОВ зазнался. Был хорошим парнем, а теперь зазнался.

Об антисемитизме. Я заявлял тов. ПУЛКИНУ, заявляю и сейчас о таком факте. Еще до бегства УСПЕНСКОГО я должен был подобрать себе работника на должность секретного пом[ощника] оперуполномоченного. Подобрал БОЯРСКОГО, из рабочих, кандидат [в члены] ВКП(б). Пошел в О[тдел] К[адров] согласовывать вопрос, говорил о нем с тов. ЧЕРЕПЕНИНЫМ. БОЯРСКИЙ по национальности еврей и ЧЕРЕПЕНИН мне сказал, что евреев принимать в аппарат не будем. На мой вопрос «Почему?» ответил, что такая установка тов. КОРКИНА. Я сразу же пошел к своему парторгу, члену парткомитета тов. ПУЛКИНУ и заявил ему об этом. Такой факт был. Что же касается о сборе материалов об антисемитизме, это неверно.

Однажды я зашел к тов. ЗАЙЦЕВУ по служебному вопросу. Это было в то время, когда в Киеве шло партийное собрание, когда уже было известно об антисемитских действиях УСПЕНСКОГО. Я ЗАЙЦЕВУ рассказал об известном факте с ЧЕРЕПЕНИНЫМ, просил совета, как мне быть. Мне ЗАЙЦЕВ рассказал о таком факте, когда в Киеве утверждали КЛЕБАНОВА, пом[ощника] нач[альника] отдела, то один из работников О[тдела] К[адров] заявил, что все евреи — спекулянты и торговцы.

Присутствовавший при этом тов. КОРКИН остановил его. ЗАЙЦЕВ заявил, что прямой установки из Киева не принимать на работу евреев не шло, но была установка принимать русских и украинцев.

Никаких обиженных я не собирал. Никаким организатором против САПОЖНИКОВА и КОРКИНА я не был. Моя ошибка в том, что я не пошел в обком. [...]

Тов. ЛОГИНОВА. Положение вещей в нашем коллективе на сегодняшний день свидетельствует о том, что в оперативно-следственной работе в свете решения ЦК ВКП(б) от 17.X.1938³ года мы еще не перестроились.

Мы практически еще не перестроились, как это следует в деле ликвидации допущенных ошибок и как этого сейчас требует от нас партийный комитет нашей партии. А ведь мы, товарищи, допустили ошибки на живом, как говорят, теле человека, и это еще больше возлагает сейчас на нас ответственности за исправление этих ошибок.

В этом вопросе мы с вами виноваты все, так как все в большей или меньшей степени вносили лепту в общую сумму этих ошибок.

Мне кажется, в таком разрезе в основном и должна быть направлена критика и самокритика по сегодняшнему отчетному докладу, так должен был быть и поставлен сам отчетный доклад.

У нас есть, товарищи, сейчас и другая опасность — это попытки со стороны некоторых работников шарахаться и перехлестывать в другую сторону. Недалекий пример этой попытки — Днепродзержинск. На днях я проверяла состояние следственной работы в Днепродзержинске. Ряд работников горотдела не верит в то, что делать сейчас, [в следственных делах] фигурирует большой % рабочих из состава арестованных⁴.

Это обстоятельство следовало бы тщательно проверить, так как, возможно, здесь мы имеем на лицо явное искажение учета социального лица прослойки обвиняемых вследствие ненормального подхода к определению социального происхождения и положения.

Это обстоятельство нужно перепроверить как можно скорее, так как создавшееся положение снижает, понижает сам тон настроения и работы среди работников аппарата горотдела.

И как факт подтверждения этому мы имеем случай, когда тов. ХРЕНОВ — начальник Днепродзержинского горотдела НКВД, представил на освобождение дело ГРАБОВСКОГО — участника правотроцкистской контрреволюционной организации, в котором имеется 6 человек — крепких свидетелей, уличающих обвиняемого в антисоветской и вредительской деятельности.

С таким шараханьем нам нужно покончить как можно скорее, ибо это может привести к ослаблению удара по врагу.

Очень нехорошо, что за весь отчетный период партторги ни разу не отчитались за свою работу на парткомитете.

Это возымело свою отрицательную сторону. Не случайно некоторые товарищи начали поэтому проявлять явно нездоровые настроения.

³ Так у тексті. Імовірно, «листопада 1938 р.».

⁴ Так у тексті.

Появились охотники пошущукаться по углам. А это хуже всего. Мы, коммунисты, должны вопрос разрешать принципиально, а не путём шушуканья по углам.

Я подтверждаю все сказанное тов. САПОЖНИКОВЫМ в отношении РЕЗНИКОВА. Тов. РЕЗНИКОВ необъективен и несамокритичен. Вместо исправления своих ошибок, которых за ним очень много и по работе и в быту, он начал шушукаться по углам, распространять слухи о том, что его затравили, в Управлении — антисемитизм и успеновщина.

Если у тебя такие факты были и есть, тов. РЕЗНИКОВ, так разве по углам следовало бы об этом говорить? А ты по углам говорил об этом, и, помнишь, мне тоже говорил. А здесь вот на собрании твое выступление носило характер несерьезного мальчика. Так большевики не поступают. Я так думаю, что это не твоего ума дело. Чувствуется, что тебя на это кто-то подстрекает. Очень жаль, если это так, это товарищи должны понять, как нечестно они поступают.

Тов. САПОЖНИКОВ виноват в том, что сразу не поставил на разрешение этот вопрос. Создавшееся положение вещей разлагающе действует на обстановку коллектива в этот ответственный момент, когда нам все наши силы и внимание надо направить на ликвидацию ошибок в нашей оперативно-следственной работе в свете решения ЦК ВКП(б) от 17.11.[19]38 года. [...]

Тов. ЗАЙЦЕВ. Тов. РЕЗНИКОВ, затронув разговор со мной, его несколько исказил. После бегства УСПЕНСКОГО ко мне зашел ЛЕЙБОВИЧ и заявил, что РЕЗНИКОВ его шупает по поводу антисемитизма, политики О[тдела] К[адров] и т.д. Спустя некоторое время ко мне зашел РЕЗНИКОВ поговорить по-партийному. Он заявил о плохом отношении к нему руководства, об обидах, о взысканиях, говорил, что он считает, что все это потому, что он еврей.

Я ему ответил, что ты меня не можешь заподозрить в антисемитизме. Привел ему пример с КЛЕБАНОВЫМ для того, чтобы опровергнуть его мнение об антисемитизме. Рассказал, как тов. КОРКИН со всей большевистской напористостью возразил КРЕТОВУ. Я это говорил для того, чтобы подчеркнуть, что со стороны КОРКИНА не могло быть антисемитизма.

Со стороны нашего отдела кадров на почве антисемитизма увольнений, переводов не было.

Мы с РЕЗНИКОВЫМ разобрали вопрос об админвзысканиях. РЕЗНИКОВ согласился, что он получал наказания правильно. Но наш разговор его не удовлетворил. Я предложил обратиться к САПОЖНИКОВУ. РЕЗНИКОВ заявил, что имеет свое мнение о САПОЖНИКОВЕ, что он ему не поможет. Мне казалось странным, почему он не пошел к САПОЖНИКОВУ. РЕЗНИКОВ не пошел ни в райком, ни в обком. Я все рассказал САПОЖНИКОВУ, было это месяц тому назад.

РЕЗНИКОВ здесь приводил пример о подборе кандидатуры еврея на должность секретного пом[ощника] оперуполномоченного. В моей практике никогда не случалось подобного рода фактов.

Когда мы проводили набор в межкраевую школу, то установки о евреях не было. ЖУРАБОВИЧ заявлял, что мы не можем оформить ни одного

еврея, что Киев не удовлетворяют эти кандидатуры. Но я не представлял себе, чтобы могли быть антисемитские установки.

После бегства УСПЕНСКОГО мы направляли в школу и евреев.

О партгруппе О[тдела] К[адров]. В этой группе 6 подразделений — до 60 человек. Одному парторгу трудно объединить всех. Разнообразная работа не дает возможности наладить планомерную работу, надо продумать вопрос о разукрупнении этой партийной группы.

Хочу дать справку о взаимоотношениях КОРКИНА с РЕЗНИКОВЫМ. В Киеве стоял вопрос об откомандировании РЕЗНИКОВА из Днепропетровска. Тов. КОРКИН принял все меры к тому, чтобы оставить его в пределах Днепропетровской области. [...]

Тов. ИОФФЕ. [...] Сделанная тов. САПОЖНИКОВЫМ информация о нездоровых явлениях со стороны отдельных наших коммунистов для меня является исключительно новой, чудовищной. Необходимо наряду с принятием мер в отношении провинившихся товарищей указать партийному комитету, что накапливать такие вопросы не следовало, надо было на них немедленно реагировать.

Сейчас надо создать парткомиссию для разбора всего дела. Неправильно сделано определение одним из выступавших товарищей, что между коллективом и руководством существуют нездоровые отношения. Это неверно. Два-три товарища — не коллектив.

Вопрос об антисемитизме непонятен. Я не представляю себе, чтобы такие проявления могли быть со стороны тов. КОРКИНА. Он ругает, берет в работу, но правильно, раз это требуется.

Сейчас мы все заняты следствием, но все же надо больше уделять внимания агентурной работе. Районные работники часто бывают у себя не на месте. Можно и нужно, чтобы они всерьез занялись агентурой. Ряд вопросов требует освещения. Если тяжело технически оформить — давайте сырые материалы.

О быте. На завтраки и обеды в буфете приходится затрачивать по 1–1,5 часа на стоянку в очереди. Надо организовать так работу буфета, чтобы тратить нужно было по 15–20 минут.

Когда посещаешь наше ТОПО, то всегда расстраиваешься. Там постоянные очереди из неработающих жен. [...]

Тов. ГЕНИН. Коммунист-чекист должен уметь распознавать врага. Однако вражеские указанные данные в этом зале УСПЕНСКИМ явились программой наших действий. Он был в нашем лице наркомом, и мы слепому верили.

Меня поражает выступление представителя О[тдела] К[адров] тов. ЗАЙЦЕВА. В отдел кадров поступают прямые контрреволюционные распоряжения. Вопрос якобы о национальных пропорциях при приеме в органы НКВД — абсурд.

Я склонен думать, что тов. ЧЕРЕПЕНИН сказал РЕЗНИКОВУ о том, что есть установка не брать евреев на работу.

Надо было своевременно сигнализировать в ЦК партии об этих вражеских установках. Если нам, рядовому составу, не было об этом известно, то руководство наше знало о таких установках. Работники О[тдела]

К[адров] должны взять большую вину на себя, так как выполняли явно вражеские указания.

Я ожидал от приезда наркома большего — демагогия о быте, установки об арестах были непонятны. После того совещания шло много разговоров в нашей среде. Но все это оставалось в наших стенах до того, пока не узнали что УСПЕНСКИЙ — враг. Мы проморгали.

Сегодня вскрылись трения между САПОЖНИКОВЫМ и некоторыми начальниками отделов. Это явление вовсе нежелательное, оно отражается на успешности нашей работы явно отрицательно.

Я в лице САПОЖНИКОВА видел примерного коммуниста, примерного старшего товарища. Непонятно, почему он, видя явно антипартийные проявления, не довел об этом своевременно до сведения коллектива? Потому ли, что не хотел выносить ссору начальников наружу, или потому, что не хватило партийности?

Сегодня вопрос поставлен туманно. Можно только пожелать, чтобы была выделена комиссия, которая разобралась бы в этом вопросе. Парткомитет должен учесть, что постановка вопроса в таком виде, как сегодня, — непростительный ляпсус. [...]

Тов. ПУЛКИН. [...] Основным недостатком всей нашей парторганизации является недостаточный разворот критики и самокритики, это, безусловно, имеет свои корни. Я в органах работаю 7-й год и за попытку критиковать начальство неоднократно имел неприятности.

Мы в органах НКВД не привыкли к настоящей большевистской партийной критике и самокритике, которая развита в гражданских партийных организациях и очень помогает в партийной работе. Нас всегда воспитывали в духе непротивления начальству, поэтому начальство мы критикуем тогда, когда ему уже не подчинены, в связи с откомандированием того или другого начальника.

Вот сейчас много говорят о тов. ДАРАГАНЕ потому, что его уже нет в нашей области, а когда он был, ему пели дифирамбы. Это происходит потому, что работники НКВД зачастую отрываются от общей жизни партии, прикрываясь специальными особенностями чекистской работы, иногда даже игнорируя центральные органы партии, считая неправильно себя в первую очередь чекистами, а затем коммунистами.

Почему сейчас некоторые из выступавших товарищей — ОСТРОВСКИЙ, СТРЕЛЬЦОВ, ПОЛОНОВ, КЛЕБАНОВ, НУСИМОВИЧ и др. — не говорят все то, о чем часто говорят не на собраниях?

Перехожу к сигналам, о которых я говорил выше, о чем неоднократно ставил в известность тов. САПОЖНИКОВА, требуя постановки этих вопросов на парткомитете.

Тов. ОСТРОВСКИЙ не сказал здесь о том, что тов. КОРКИН накладывал на него взыскание по служебным делам, ругал его и оскорблял в чрезвычайно грубой форме, разбив при этом в куски настольное стекло, что тов. ОСТРОВСКИЙ после этого неделю не мог опомниться, что, безусловно, отразилось на его оперативной работе.

Тов. СТРЕЛЬЦОВ также испытывал на оперативном совещании полное унижение, когда его тов. КОРКИН ругал, как мальчика, всякими выражениями.

Тов. НУСИМОВИЧ на оперативном совещании здесь в зале, попав под обстрел тов. КОРКИНА, упал в обморок, а когда после совещания тов. КОРКИН, безусловно, поняв свою ошибку, спросил НУСИМОВИЧА: «Что с Вами было?», то у тов. НУСИМОВИЧА не хватило партийного мужества сказать правду. Он заявил, что у него болен желудок, поэтому он упал в обморок.

Тов. КОРКИН — старый коммунист, он сам должен признать свои ошибки, и, безусловно, их признает.

Ведь где еще, как не на закрытом партийном собрании, можно говорить то, что думаешь. А я уверен, что коммунисты, о которых я говорил, то, что не досказали здесь на собрании, об этом будут говорить после собрания. Это, безусловно, принесет вред, а не пользу, так как к неофициальным беседам такого рода приплетается много лишнего вредного и не всегда правдивого.

О фактах, мною указанных, я немедленно ставил в известность тов. САПОЖНИКОВА, так как некоторые коммунисты, как ОСТРОВСКИЙ, СТРЕЛЬЦОВ, обращались ко мне, как к члену партийного комитета. Это было задолго до разоблачения предателя УСПЕНСКОГО. Я говорил САПОЖНИКОВУ, что тем, что парткомитет не реагирует на эти факты, мы сами создаем почву для всяких нездоровых и вредных разговоров, что, безусловно, отражается на нашей оперативной деятельности.

После разоблачения отъявленного предателя УСПЕНСКОГО ко мне обратился тов. РЕЗНИКОВ и напомнил факт, что тов. ЧЕРЕПЕНИН отвел предложенную РЕЗНИКОВЫМ кандидатуру, примерно в октябре месяце, одного работника завода Ворошилова для оформления к нам на работу по мотивам того, что он еврей, а у нас есть установка набирать украинцев. Об этом случае РЕЗНИКОВ впервые мне говорил в тот же день, когда он имел беседу с тов. ЧЕРЕПЕНИНЫМ. Я сделал грубую политическую ошибку, не предал этому факту значения, но когда тов. РЕЗНИКОВ об этом мне сказал вторично, примерно в середине ноября, и спросил меня, не является ли это фактом антисемитизма со стороны тов. ЧЕРЕПЕНИНА, я с ним согласился, добавив, что если действительно такой факт был, так как он мне рассказал, то почему он сам не заявит об этом секретарю парткомитета тов. САПОЖНИКОВУ? РЕЗНИКОВ ответил, что к САПОЖНИКОВУ он не пойдет, тогда я сам об этом рассказывал САПОЖНИКОВУ.

Спустя несколько времени ко мне в кабинет зашел тов. ЛЕЙБОВИЧ и спросил, почему парткомитет не реагирует на факты антисемитизма со стороны тов. ЧЕРЕПЕНИНА. Я тут же добавил, что такие факты известны и тов. ЗАЙЦЕВУ. Я не расспрашивал его о самих фактах. Сейчас же зашел к тов. САПОЖНИКОВУ и рассказал ему, предложив сейчас же при мне вызвать тов. ЛЕЙБОВИЧА и заставить его рассказать об известных ему фактах антисемитизма. Тов. САПОЖНИКОВ сказал: «Я поговорю с ЛЕЙБОВИЧЕМ в твоём присутствии», но когда через несколько дней

я спросил у САПОЖНИКОВА, почему он не говорит с ЛЕЙБОВИЧЕМ, он мне ответил, что уже говорил, факты не подтвердились.

Партийный комитет провел большую подготовительную работу в соответствии с решением ЦК ВКП(б) о перестройке партийной пропаганды в связи с выпуском краткого курса истории ВКП(б), однако почти никакой возможности работать над собой мы не имеем, а повышение идейно-политического уровня, овладение большевизмом для нас, чекистов, играет решающую роль. Факты извращения в оперативной работе являются часто следствием нашей недостаточной политической подготовки.

Мы же прикрываемся решением ЦК ВКП(б), почти все изъявили желание заниматься [политической подготовкой] индивидуально, а я уверен, что подавляющее большинство над собой не работает.

Хорошо проработали решение ЦК и провели большую подготовительную работу, но почти ничего не сделали для создания коммунистам условий для работы над собой.

Рабочий день у нас используется нерационально, каждый сотрудник тратит не меньше двух часов на буфет и столько же времени на поездку в тюрьму и из тюрьмы, потому что этим никто из руководства не занимается. В буфете работает один человек, для поездки в тюрьму долго ожидаешь машину, а их в гараже у нас вполне достаточно, чтобы из-за этого терять дорогое время.

При рациональном распределении рабочего времени мы могли бы работать с большим эффектом и сэкономить несколько часов для партийной учебы, выходные дни почти не соблюдаются.

Несколько слов о тов. РЕЗНИКОВЕ. Тов. РЕЗНИКОВ систематически получал несколько взысканий от нач[альника] управления, строгий выговор с предупреждением от обкома КП(б)У, разошелся с женой, с которой прожил 15 лет, связался с женщиной сомнительного поведения, имеет много недостатков в работе, а мы ему не помогаем, а ждем, когда он докатится до того, что нужно будет исключать из партии, нужно серьезно помочь товарищу, пока не поздно.

Тов. РЕЗНИКОВУ следует учесть, что к такому положению он себя привел отрывом от партийной жизни, несмотря на то, что я его предупреждал об этом, что отрыв от партии ведет к разложению.

Тов. КЛЕБАНОВ выступал здесь неискренне. В кабинете у тов. САПОЖНИКОВА за несколько дней до настоящего собрания в моем присутствии он заявлял: «Почему во всех извращениях в оперативной работе должны отвечать стрелочники, которые выполняли вражеские распоряжения УСПЕНСКОГО, а начальник управления, тов. КОРКИН, как будто бы был в стороне?». Здесь же тов. КЛЕБАНОВ об этом почему-то молчит.

Тов. КЛЕБАНОВ в Запорожье также вел себя неискренне. Это не по-партийному. Я в Запорожье выступал против ЯНКОВИЧА, обвиняя его в зажиме самокритики. ЯНКОВИЧ обо мне поставил за это вопрос на парткомитете и предложил дать мне за клевету партийное взыскание. Присутствовавшие там коммунисты высказались, что я прав,

а КЛЕБАНОВ молчал, не желая портить с ЯНКОВИЧЕМ хороших отношений.

Тов. УМАНСКИЙ на меня сильно рассердился, когда я на заседании парткомитета потребовал, чтобы он рассказал о своих близких отношениях с ЯНКОВИЧЕМ, разоблаченным врагом народа. Потому, что мы не привыкли к самокритике, а когда потом я поговорил с УМАНСКИМ, он со мной согласился. И его отношение ко мне стало хорошим, но предупредительным.

Тов. УМАНСКИЙ мне говорил, что САПОЖНИКОВ зазнался. Я ему порекомендовал об этом сказать САПОЖНИКОВУ прямо, но он заявил, что с САПОЖНИКОВЫМ говорить не будет, это и ведет к распространению нездоровых разговоров.

Некоторые коммунисты мне говорили, что САПОЖНИКОВ дружит с КОРКИНЫМ, который его во всем покрывает и никогда не делает ему замечаний. Разве мы не знаем, что САПОЖНИКОВ допускал много ошибок в оперативной работе, так же, как и другие начальники отделов? Однако ни на одном оперативном совещании КОРКИН его не ругал, так как делал с другими начальниками отделов. Это также отталкивало коммунистов от секретаря парткомитета, это САПОЖНИКОВ должен признать.

У нас много безобразий в обслуживающих сотрудников предприятий — буфете, столовой, ТОПО, мастерских, бюро заказов. Тов. КЛИМОВ бюрократически относится к сотрудникам, сигнализирующим об этом, сам создавая антагонизм среди сотрудников своими неправильными распоряжениями: сапоги могут шить только начальники отделов, дамскую обувь — в первую очередь жены начальников, в буфете начальникам — все без очереди, официантки должны обслуживать только начальников отделов. Необходимо поставить отчет тов. КЛИМОВА на партийном комитете и там протереть его с песочком. [...]

Тов. КОРКИН. ОСТРОВСКИЙ затронул вопрос о машине, которую надо было отправить в Киев. Причем не только в определенный день, но даже к назначенному часу. Отправка задержалась без всяких оснований, поэтому я и ругал ГОХЛЕРНЕРА, ругал совершенно правильно. Сейчас эту машину обещают вернуть нам. Вопрос стоял только так.

С замечанием тов. СТРЕЛЬЦОВА, что руководство осознало ошибочность, я не согласен и докажу, что взыскания мною налагались правильно. Правильно было наложено взыскание на тов. СТРЕЛЬЦОВА за такое безобразие, как подшивку в дело 30 листов собственноручно написанных, никем не подписанных показаний.

Я уверен, что меня парторганизация поддержит там, где я требую порядка.

«Если нечего делать, пусть гуляют», — якобы так я заявил, разрешая не работать в выходные дни. Пару раз я говорил начальникам отделов, что если у кого есть срочная работа, то пусть поработает. Мы не укладываемся даже в наш удлинненный рабочий день, бывает необходимость в выходной день выполнить ряд заданий.

Об антисемитских делах. Подробно на этом вопросе нет надобности останавливаться. Это абсурд, чепуха, наклеп, непартийный подход со стороны некоторых товарищей.

Среди молодых работников есть замечательные товарищи (ГОМБЕРГ, ГУСЯТИНСКИЙ). Ряд товарищей-евреев мною приняты на работу. Жажда не было, а наоборот, можно говорить о выдвижении (НУСИМОВИЧ, ОЗЕРОВ, КЛЕБАНОВ, САПОЖНИКОВ и т.д.).

По отношению к людям я старался подходить, исходя из деловых, партийных отношений.

ПУЛКИН заявил, что масса говорит, что к КОРКИНУ боятся ходить. Это после случая с ОСТРОВСКИМ. Я извиняюсь перед ОСТРОВСКИМ, перед всем собранием.

ОСТРОВСКИЙ и ПОЛОНОВ на «вилке»⁵ оставили серьезные документы, вплоть до дел-формуляров, за это ругал ОСТРОВСКОГО. Я виноват перед ОСТРОВСКИМ, что нагрубил, не выдержал, а взыскание на него наложил правильно.

Нами проведена большая оперативная работа, но много допущено ошибок и извращений, не надо все сваливать в кучу, под один гребешок. Если сказать, что все виноваты, то это никого не научит.

Извращения имелись в различных наших аппаратах. Наиболее пораженное место — Кривой Рог. На днях я натолкнулся на дело СГИБНЕВА — управляющего рудником до июня 1938 года. В газете появилась статья о его связях с вредителями. Криворожский горотдел представляет справку на арест. УМАНСКИЙ передает ее на заключение ШУМКОВУ, который устанавливает, что нет оснований для ареста. СГИБНЕВА рудком исключает из партии. Криворожский горотдел после этого арестовывает его без санкции области. Ведь это же не массовка? Сейчас СГИБНЕВА мы освободили.

В работе Криворожского горотдела имели место и такие извращения. Работник горотдела КОЛЕСНИКОВ дошел до того, что очные ставки проводил массовым порядком. Заготовил заранее протоколы очных ставок между обвиняемыми, вышел во двор горотдела, куда вывели из камер несколько десятков арестованных. Арестованные по очереди подходили к КОЛЕСНИКОВУ и подписывали протоколы. Если кто интересовался, что он должен подписать, то ему зачитывали протокол, и большинство подписали, даже не зная, что зафиксировано в протоколах.

В Криворожском горотделе было два крупных дела на 268 и 260 человек — повстанческие организации. Когда по-настоящему взялись за проверку этих дел и за работу с арестованными, так даже группировок не нашли в этих делах. Сейчас эти дела разбиты на одиночки. Документы в делах сплошь и рядом с подлогами. Такого рода извращения являются прямым преступлением.

Многу допущены различного рода ошибки. И наибольшее количество ошибок и извращений выявлено в Кривом Роге, Днепропетровске,

⁵ Так у текстi.

Никополе, Запорожье, имеются [они] и в отдельных районах. Вот ЛОПАТКО, где он был, там осталась грязь, БАЛЕЦКИЙ, ДАНИЛЕЦКИЙ⁶.

Но не надо все валить в одну кучу, говорить, что все сплошной перегиб. Это линия наименьшего сопротивления. По отделам Управления дела тоже обстоят неодинаково. В III отделе наиболее тяжелое положение и по количеству, и по качеству дел. Лучше, благополучнее в IV отделе. Здесь лучше дела и работа идет организованней. Но и IV отдел освободил целый ряд людей по различным мотивам.

Если я делаю меньше замечаний САПОЖНИКОВУ, то не следует делать вывод о каком-то моем особом отношении к нему.

С УМАНСКИМ у меня отношения тоже неплохие, он бывал у меня дома, а САПОЖНИКОВ не бывал. Это сплетня. Это не на пользу дела. Отношения должны определяться партийностью, деловыми отношениями.

Если РЕЗНИКОВ, УМАНСКИЙ и КЛЕБАНОВ — друзья на партийной основе, то я рад этому. А если на той основе, что здесь говорилось, то это перегиб.

Были ли у нас сигналы и предупреждения всему оперативному составу о недопустимых явлениях в нашей работе? Дело НАТАЛИНА, ГОРБАЧЕВА, неоднократно говорили о КУЗЬМИЧЕВЕ. Был издан ряд приказов. Вспомните о ПАЩЕНКО — молодой работник, а пришлось дать ему 3 суток ареста. Он не допросил арестованного, а протокол подписать заставил.

26 мая было проведено совещание по следствию, а особенно много говорилось о перегибах на совещании 3 июля.

Говорили-говорили, а пришли все-таки к такому положению, что извращения и перегибы являются массовым явлением.

Оперсостав предупреждался, конечно, не для того, чтобы сложить с себя ответственность.

Я виноват в первую очередь. С моей стороны большая ошибка в том, что я слишком много доверил своим заместителям и начальникам отделов. ЯНКОВИЧ обычно говорил работникам, что если надо кого арестовать, то идите ко мне, у меня рука легкая. А я, прежде чем дать санкцию на арест, требовал тщательного ознакомления с материалами. По Днепродзержинску был факт, что представили 250 справок, а санкцию на арест дали на 15 человек. Раз ГУРЕВИЧ из Кривого Рога привез материал, его как следует не просмотрели. А там справки писались с потолка.

Мои заместители вели работу самостоятельно. Не было того контроля, который должен быть за начальниками отделов.

Одной из основных ошибок с моей стороны является, что я не поставил как следует в партийной организации вопрос о борьбе с извращениями в работе, чтобы весь партийный коллектив мобилизовать на борьбу с этими проявлениями.

Не согласен я с тов. ГЕНИНЫМ, что у нас было достаточно данных, чтобы поставить вопрос о том, что УСПЕНСКИЙ — враг еще в бытность

⁶ Так у тексті.

его наркомом. Тов. ХРУЩЕВ сказал, что беда чекистов в том, что часто ведомственная дисциплина довлеет над партийной.

ОСТРОВСКИЙ привел мой разговор с начальниками отделов, что якобы я давал установку не выполнять некоторые указания УСПЕНСКОГО. Так я вопроса не ставил. Я говорил, что при этой массовке надо быть осторожнее, чтобы не было необоснованных арестов. Этого я требовал каждый день от начальников отделов. Считаю это правильным.

САПОЖНИКОВУ правильно предъявляют обвинение в том, что не были вовремя пресечены нездоровые разговоры, не были призваны к порядку виновники этих разговоров. К этому делу подошли не политически, а по-делачески. Правильно, если на это дело укажут партийному комитету.

Прав тов. ПУЛКИН, говоря, что здесь, на собрании, надо говорить открыто.

КЛЕБАНОВ говорил, что у нас творилась сплошная липа и что я об этом знал. Почему он не скажет об этом на собрании? Это вопрос принципиальный. Но, по существу, вопрос поставлен неправильно. Если заявлять, что все сплошная липа, то это непартийный разговор, вредный. Надо с такими разговорами бороться.

Неправильно и то, что я знал о Криворожском и Днепродзержинском гнуйнике. Когда до меня доходили такие слухи, то я немедленно вмешивался.

Как-то на совещании молодых работников кем-то был поднят вопрос, что неправильно КУЗМИЧЕВ поступает, учит не тому, что надо. С этого возникло дело КУЗМИЧЕВА. Кое-кто откровенно рассказал и помог делу.

В мае месяце САПОЖНИКОВ поставил передо мною вопрос, что вызывает большое сомнение виновность арестованного, б[ывшего] командира конвойной роты СОКОЛОВА. Перепроверили все обстоятельства. СОКОЛОВ представил тезисы, сохранившиеся у него, из которых видно, что он давно давал Особому отделу материалы компрометирующего характера на лиц, дающих о нем показания. Был установлен явный сговор, и СОКОЛОВ был освобожден.

Дело КОРШУНОВА. Дает показания на одного секретаря райпарткома. Это вызвало сомнение, чувствовалась ложь в этих показаниях. А сейчас он уже сознался, что пытался оговорить. А ведь вопрос об этом секретаре РПК стоял в ЦК.

Когда начали заниматься агентурной работой, были попытки проташить вредную практику в следствии на аг[ентурную] работу — РЕДЬКО, ЛЫГАН представили в УНКВД донесение агента, предварительно переработав и исказив его.

Некоторые начальники горотделов меня сильно подвели, но того, что говорил КЛЕБАНОВ, во всем этом не было.

Обстановка сейчас крайне сложная. Когда стоят большие трудности, то обязательно найдется слабое звено. А кое у кого не хватает партийности и создают мутную воду.

Считаю, что РЕЗНИКОВ (об УМАНСКОМ и КЛЕБАНОВЕ ничего не могу сказать) занял именно эту позицию. Трудности большие, напакостил он лично много. В некоторой части он причастен к делу НАТАЛИНА, к делам б[ывшего] XI отдела, к Кривому Рогу.

ПУЛКИН бросил упрек, что одной политикой бить РЕЗНИКОВА — не исправить. Я с ним говорил сотни раз. Заявлял ему, что тебя, мол, перехвалили, испортили, давай вместе выправлять ошибки. Обидно, что пошел мордобой.

Сегодня приносит РЕЗНИКОВ мне следственное дело. Вел его БЕЛКИН, подписал РЕЗНИКОВ. Фамилия одного свидетеля вычеркнута. Оказывается, этот свидетель являлся одновременно и экспертом по этому делу. Поэтому был изъят его протокол как свидетеля. Но протокол обвиняемого ОМЕЛЬЧЕНКО, в котором упоминаются изъятые из дела свидетельские показания, [остался]. Спрашиваю: «В чем дело?». — «Виноват...». И так каждый день.

Постановление ЦК и СНК довели до каждого. Механически каждый знает, а поняли ли по существу — в этом нет уверенности, это показывает практика.

Работать по-новому — значит работать с агентурой, а чтобы взяться за это дело как следует, надо сбросить груз, который тянет назад: следственные дела. Этого мы еще не добились.

ЛОГИНОВА правильно поставила вопрос, что в ряде звеньев есть шараханья.

На днях получаю анонимку такого содержания, что ошибок наделали много, надо же их исправлять, а вы, оперативный состав, ориентируете неправильно, поэтому сидят невинные люди и их боятся освобождать. Подпись «Сотрудник».

Неверно, конечно, пишет этот «сотрудник». По этому вопросу есть ясность, если не виноват — освободить.

Агентура сейчас не должна забрасываться, но центральный вопрос — закончить следствие. Со следствием очень плохо. Устанавливаются совершенно возмутительные дела. Посадили человека, в тот же день он дал показания, а этого протокола в деле нет. А дальше обобщают показания.

С арестованным АЛЕКСАНДРОВЫМ работали квалифицированные следователи. Он написал возмутительное заявление в ЦК. По этому вопросу приехал прокурор. Прокурору дали целый чемодан с документами АЛЕКСАНДРОВА, а там оказалась куча документов от КАМЕНЕВА, ВАРЕЙКИСА и др., которые совершенно не были использованы следствием. Это непартийное отношение к делу.

Еще факт — КАГДИН, молодой работник, закончил 12 дел, а ФАЙНШТЕЙН — только 4.

Еще 24 декабря было ясно ФАЙНШТЕЙНУ, что арестованный подлежит освобождению, но не освобожден до сегодняшнего дня только потому, что нет в деле справки на арест. Не мог заглянуть в прокуратуру и взять копию справки.

[...] Тов. ЧЕРЕПЕНИН. [...] Я не снимаю вины лично с себя. Здесь говорили об отрыве парткомитета от массы. Правильно. Пример — я сам.

Как член парткомитета, я ни разу не спустился в низовую партийную организацию. Так и все члены ПК.

Об антисемитизме. Я оказался антисемитом. Как же было на самом деле? РЕЗНИКОВ якобы не собирал никаких фактов — это неискренне. Он не сказал основного. Кто уполномачивал РЕЗНИКОВА, кто позволял ему лезть в Отдел кадров и требовать факты? Это не по-партийному.

За исключением РЕЗНИКОВА, никто не может меня назвать антисемитом. Приходилось крепко заниматься кадрами с тов. ОЗЕРНЫМ. У него большинство евреев, и никаких разговоров об этом не было.

Откуда же РЕЗНИКОВ взял антисемитизм в Отделе кадров? Со всей большевистской совестью ответственно заявляю, что такого разговора, как приводил РЕЗНИКОВ, не было. Это явная клевета.

У нас с РЕЗНИКОВЫМ происходил разговор один на один. РЕЗНИКОВ заявил, что есть указание подобрать к нему в отдел секретного уполномоченного. Я интересуюсь, кто этот кандидат, интересуюсь его объективными данными. Я дословно заявил так, что если подойдет — примем, если не подойдет — не примем. Я не провоцировал и не провоцирую. Установки от КОРКИНА по вопросу о евреях не было.

Скажите, кто из евреев безосновательно выгнан от нас? Нет таких фактов, за исключением случаев, когда были прямые указания Киева.

Уволен РОМАНЕНКО. Почему? Не знаем. Киев заявляет, что надо освежить аппарат. ИОФФЕ, работавшего в О[тделе] К[адров], уволили правильно. Когда я познакомился с его личным делом, то убедился, что грязное дело.

Заявление РЕЗНИКОВА нахальное, ничем не оправдываемо. С моей стороны элементов антисемитизма не было, нет и не будет. [...]

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Отчет партийного комитета неудовлетворительный, он не вскрыл всех недочетов.

Задачи, поставленные перед НКВД последним решением ЦК нашей партии, огромны, и партийная организация, как никогда, должна быть спаяна для искоренения ошибок.

Неправильно охаивать всю работу. ЦК так и указывает. Там же в постановлении сказано, что в проведенной большой работе не могло быть без ошибок, без извращений. Днепропетровск — не исключение в этом вопросе.

Партийный комитет мог бы и обязан был не допускать в коллективе проявлений нездоровых явлений. Есть нездоровое явление — вскрыть и пресечь. Почему же так получалось? Потому, что заброшена работа парткомитета, не было должной партийной работы. Не отрывать партийную работу от оперативной. Надо уметь сочетать партийную и оперативную работу. Так надо ставить вопрос.

За все недостатки и безобразия после партийного комитета полностью отвечает КОРКИН, как руководитель и как член бюро обкома. Надо было давно поставить вопрос о нездоровых явлениях. Это его ошибка. Ряд вопросов надо выносить за стены коллектива. Надо решать вопросы в райкоме, горкоме, обкоме и ЦК.

Трагедия в том, говорил тов. ХРУЩЕВ, что в работе НКВД довела ведомственность и мало было партийности. Мы критикуем хозяйственные, профессиональные, партийные организации. А вас не критиковали.

Сегодня на собрании, как только в выступлении затронут кого, так реплики с места. Уважать надо критику, уважать выступающих. Надо самому выступать и слушать, не мешая другим выступающим.

Мало, слабо поставлена политическая массовая работа.

Надо как можно быстрее перестраивать партрabотy. КОРКИНА [нужно] критиковать. На партийном собрании — он член партии. Не согласен по какому-либо вопросу в работе, выноси по партийной линии, а не говори за углами. Надо перестраивать работу.

Отдельные вопросы надо разрешать по партийной линии, их можно разрешать. Тем более такие вопросы, как буфет, доставка в тюрьму и т.д., надо решать партийному комитету, помогать в работе.

Вопрос об учебе. Нельзя заниматься как-нибудь. Если сегодня большевик, которого партия поставила на ответственный участок, не будет овладевать учением Энгельса-Маркса-Ленина-Сталина, то грош цена такому большевику.

Вы же имеете нередко дело с партийными работниками, перед вами задача разоблачить, разоружить, ведь кулаками дело не выйдет. Почему сейчас вы не можете взять показания? Отстали политически. Виновен в первую очередь партийный комитет. Надо дать возможность учиться и не срывать учебу. Надо научиться урывать время для учебы.

Мы у себя в обкоме запрещаем работать в выходные дни. Бывают же случаи, что можно уйти раньше с работы, но обязательно считают необходимым высиживать до 4-х часов утра. Утомление отражается на качестве работы. Вопрос организации труда имеет большое значение, надо уметь находить время для учебы, но вместе с тем неправильно будет и не работать напряжено ночами, надо сочетать одно с другим.

Надо бороться за поднятие качества работы. Сколько мы сами себе создали работы, неоднократно переделывали свою же работу.

Если бы партийная организация следила за дисциплиной, если бы партийный комитет лучше работал, было бы значительно меньше в работе тех искривлений, о которых сегодня здесь говорят.

Если плохо работает цех, колхоз, МТС — это является предметом партийного обсуждения. А в вашей организации подобного рода вопросы обсуждались очень мало, а такие вопросы надо ставить на парткомитете, на собраниях. Коммунист должен играть всегда авангардную роль. Если же он получает выговор за выговором, то необходимо заинтересоваться этим, оказать помощь.

Взыскания тоже бывают нужны, но на одних взысканиях далеко не пойдешь.

Если бы была настоящая партийная работа, то и в этом направлении обстояло бы дело по-другому.

Считаю большим недостатком, что в Кривом Роге и Днепропетровске очень плохо со следственной работой. В первую очередь несет

ответственность за это КОРКИН, с его стороны не было настоящего контроля. Есть факты, когда рабочих делают врагами. Это преступление перед партией.

УСПЕНСКИЙ, конечно, приложил руку. Но неправильно все приписывать ему. Кто арестовывал, кто подбирал материалы? Надо теперь ответить перед партией за каждый случай искривлений.

Могли быть, конечно, в работе ошибки, но когда сажают рабочих без основания — это преступление.

Нельзя все допущенные в работе безобразия сваливать на установки УСПЕНСКОГО.

За Кривой Рог, за Днепродзержинск в первую очередь несет ответственность КОРКИН.

Партийная организация обязана вскрывать все эти недочеты. Ты коммунист, почему не поставил вопрос в парторганизации? Это ваша болезнь — ведомственность выше, чем партийность.

Возьмем процесс в Молдавии. Для партии это неприятно, это не желательно, но партия вынуждена была пойти на это.

Есть ошибки — надо их исправлять. Когда зачитывали письмо ЦК ВКП(б), то говорили, что необходимо перестроиться. А настоящей перестройки до сегодняшнего дня еще нет.

Надо заниматься людьми, а не вообще. Жил человек с семьей, с женой 15 лет, а теперь бросает жену и взрослого ребенка. Партийный комитет должен был заняться этим вопросом. Мы занимаемся такими вопросами, вмешиваемся в нехорошие семейные дела.

У вас мало партийности. Вы не знаете хорошо своих кадров, не знаете, кто у вас работает. Вопрос о КУЗНЕЦЕ. Человек работающий, скромный. Работал и молчал о том, что его семья сильно нуждается. Ученица 6-го класса пишет в обком письмо о том, что дети раздеты, разуты, не в чем выйти на улицу, а бросать школу ей не хочется. А начальник АХО тов. ЛЕОНОВ знал об этом? Нет у вас заботы о человеке. Надо вызвать к себе работника, поговорить с ним по душам. Выяснить, почему настроение плохое, как обстоят дела дома.

В вопросе об освобождении арестованных есть опасность. Если кого вынуждены выпустить, так не должно быть никаких норм. Но есть опасность, что могут освободить врагов, вместо того чтобы тщательнее поработать, доказать выдвинутые обвинения. Каждый выпущенный на свободу враг нам принесет много вреда. Решение ЦК и предупреждение тов. ХРУЩЕВА — не выпускать людей, которые должны сидеть. Но и не держать честных граждан. Надо признавать свои ошибки и не шарахаться.

Поучителен пример с арестованным АЛЕКСАНДРОВЫМ. Он написал письмо, в котором оклеветал НКВД. Пишет жуткие вещи. Не верилось, чтобы так издевались. Проверили. АЛЕКСАНДРОВ оказался исключительной сволочью.

Если бы по-настоящему, по-партийному были использованы все имевшиеся в распоряжении следствия материалы, то он давно был бы разоблачен. В чемодане лежали разоблачающие документы. Разоблачил

уже АЛЕКСАНДРОВА прокурор. Если сейчас с АЛЕКСАНДРОВЫМ хорошо поработать, то можно размотать и дальше. Таких дел много.

Много арестованных в отказе. Многие пишут заявления. Мы должны проверять все, что указывается в заявлениях, но в то же время нельзя верить каждому слову.

О фактах разложения среди отдельных коммунистов. Как может быть поставлена работа, когда начальник райотделения пьянствует, разлагается, но об этом здесь в области не знают. Пьют, пьет начальник милиции, учиняет драку, [у него] забирают оружие, а об этом никто не знает. Потому, что оторваны от партийной организации.

Дело о РЕЗНИКОВЕ надо решать скорее, но не загонять его вглубь.

Необходимо немедленно крепить парторботу. Учеба, дисциплина, оказание помощи руководству — такие задачи надо поставить перед собой.

В работе Управления НКВД ряд участков прямо опасных. Может быть, что на воле гуляют неразоблаченные враги. Есть сигналы об этом в сельском хозяйстве, в торговле. Надо, как никогда, работать и вскрывать вражескую деятельность.

Сейчас начальники райорганов сидят на следствии, а надо уделить колоссальное внимание агентурной работе.

Парткомитет УНКВД должен сделать для себя крепкий урок. Охаивать все неправильно. Надо говорить о конкретных ошибках, конкретных людях.

С методом грубости надо покончить. Критиковать надо по-партийному. Это пойдет только на пользу. Если мы не будем подвергать острой критике свои ошибки, то расти не будем. Критика здоровая идет только на пользу.

Надо перестроить работу, изжить недостатки. Наделали глупостей — давайте их исправлять. [...]

Тов. ОСТРОВСКИЙ. Я должен дать собранию справку по тем вопросам, которые затрагивали лично меня в выступлениях некоторых товарищей.

Меня обвинили в несамокритичности. Я не нашел нужды говорить о том случае, о котором знают все вплоть до уборщицы.

Почему никто не затронул здесь вопроса о моем назначении в Новомосковск?

По этому поводу я говорил и с секретарем парткомитета, и с тов. ГОРЛИНСКИМ.

В мае месяце я был назначен начальником Новомосковского РО НКВД. Я не хотел идти [на] эту должность. Пробыл в Новомосковске полтора месяца. Сделал ли я за это время какие-либо ошибки, мне об этом никто ничего не говорил, но меня отозвали обратно в Днепропетровск. ЧЕРЕПЕНИН сказал, что отзывают совсем. В чем же дело — я не добился от него.

Затем на собрании партгруппы выдвигается моя кандидатура в зам[естители] парторга. ШУМКО задает вопрос, кто из родственников у меня репрессирован. Таких родственников у меня нет. Меня избрали тайным голосованием зам[естителем] парторга. Но вопрос ШУМКО меня озадачил. Пошел слух, что арестован мой брат. Хотели этот момент выяснить. Брат не арестован, работает по сей день в наших органах.

На мой вопрос КОРКИНУ о причинах моего отозвания из Новомосковска он тоже заявил, что ему ничего не известно. ЗАЙЦЕВ высказал мнение, что причина в том, что в Америке у меня два брата. Но твердо мотивов снятия я не добился по сей день. Моим состоянием никто не интересовался. А я ходил совершенно прибитый. Почему же меня обвиняют в том, что я несамокритичен?

Заключительное слово тов. САПОЖНИКОВА. [...] Реагирование на сигналы отдельных коммунистов. Для меня неожиданно и непонятно выступление в этой части тов. ПУЛКИНА.

Когда тов. ПУЛКИН заявил мне, что некоторые товарищи выражают сожаление по поводу грубости со стороны КОРКИНА, то я сейчас же пошел к КОРКИНУ и беседовал с ним на эту тему. Об этой беседе я сказал тов. ПУЛКИНУ. А здесь ПУЛКИН заявляет, что он якобы не знает, дошло ли это до КОРКИНА.

Здесь было упомянуто, что КОРКИН одних начальников ругает, других нет, и что я отношусь к последним. Это неверно. И мне сильно достается иногда от КОРКИНА. Но должен заявить, что вопиющих безобразий в работе у меня в отделе нет. Дел отделом закончено больше всех, дела лучше других.

Я якобы зазнался — это чепуха. Не было таких фактов, чтобы я с кем-либо не здоровался. Правда, мое положение начальника отдела несколько изменило мое отношение к подчиненным сотрудникам, заставило подходить строже, требовательнее. Но зазнайства в этом нет. Какие у меня были взаимоотношения с другими начальниками, такие и остались.

Должной критики и самокритики в нашей партийной организации не было. Будь хорошо поставлена критика, мы бы давно вскрыли те язвы, которые всплывают сейчас.

Вопрос о случае с автомашиной непринципиальный, но я несколько затрону его еще. Я даю слово, что не было того, что говорил здесь тов. КУТОВОЙ, я не выгонял из машины, не говорил «вон».

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Разве в машине дело? Это вопрос непринципиальный и об этой машине сейчас говорят. Надо быть выше этого. Вы заявляете, что вы за критику, а сами сейчас же демобилизуете массу, надо ставить вопрос о перестройке партийной работы, а не о машине говорить.

[Тов. САПОЖНИКОВ.] Ни о каких группировках со стороны РЕЗНИКОВА и других я не говорил. Я говорил о непартийном поведении отдельных лиц.

Ошибка партийного комитета, что не реагировал своевременно на нездоровые явления, но неверно было бы не говорить об этом и сегодня.

Здесь на собрании меня дополнили выступавшие товарищи по вопросу о РЕЗНИКОВЕ. Он должен признать свои ошибки.

УМАНСКИЙ заявил, что о переполненной чаше не он говорил. Но зачем он обрабатывал мнение против руководства?

Нехорошо выступил КЛЕБАНОВ. У меня в кабинете он говорил о сплошной липе. Вчера приходил ко мне и выяснял, в какой плоскости сегодня на собрании будет стоять вопрос.

Перед всем нашим коллективом сейчас первоочередной задачей является выйти из того тяжелого положения, в котором мы оказались, чтобы перейти на новые рельсы, чтобы усилить агентурную работу, которая за последнее время опять пала.

Все выступления на собрании должны будут лечь в основу дальнейшей работы партийного комитета. [...]

ПОСТАНОВИЛИ:

Выделенная собранием комиссия в составе товарищей ПУЛКИНА, СТРЕЛЬЦОВА, ИОФФЕ, НУСИМОВИЧА и ГУЗЕНКО предлагает резолюцию, которая единогласно принимается за основу. [...]

Принимается единогласно резолюция, предложенная комиссией, с внесенными добавлениями и изменениями.

«Заслушав отчетный доклад секретаря партийного комитета парторганизации УГД УНКВД по Днепропетровской области тов. САПОЖНИКОВА о работе партийного комитета с апреля 1938 года по январь 1939 года, закрытое партийное собрание считает работу партийного комитета удовлетворительной.

Партийная организация УГБ УНКВД идейно сплочена, боеспособна и подготовлена к дальнейшему разгрому врагов партии и Советской власти.

За отчетный период партийный комитет на основе решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)⁷ и постановления 14-го съезда КП(б)У мобилизовывал парторганизацию на разгром контрреволюционного правотроцкистского и буржуазно-националистического подполья, а также агентуры иностранных разведывательных органов.

На основе постановления ЦК парткомитет мобилизовал всю парторганизацию на изучение «Краткого курса истории ВКП(б)», на повышение идейно-политического уровня всех коммунистов, комсомольцев и беспартийных.

Партийное собрание констатирует, что за отчетный период парторганизация добилась значительного сдвига в деле своего роста, принято в кандидаты партии 7 человек, переведено из кандидатов в действительные члены партии 4 человека.

Наряду с этим партийное собрание отмечает, что в работе партийного комитета имели место следующие основные недочеты.

1. Партийный комитет не поднял на должную высоту вопросы разворота большевистской критики и самокритики, в результате этого имела место со стороны парткомитета грубая ошибка, выразившаяся в непринятии своевременно мер по разбору заявлений-сигналов отдельных коммунистов, в частности по разбору вредных настроений члена партии тов. РЕЗНИКОВА.

2. Партийный комитет не поднял на принципиальную высоту вопрос и не реагировал на отдельные факты извращений в оперативной работе, имевшие место в нашем коллективе (дела НАТАЛИНА, ГОРБАЧЕВА, КУЗЬМИЧЕВА).

⁷ Імовірно, йдеться про лютнево-березневий пленум ЦК ВКП(б), що відбувся 23 лютого — 5 березня 1937 р. Вище політичне керівництво СРСР на пленумі обґрунтувало необхідність здійснення масового терору.

3. Партийный комитет не уделял внимания вопросу бытового обслуживания коммунистов (ТОПО, буфет, мастерские, автотранспорт).

4. Партийный комитет работал без плана.

5. Отчеты парторгов на заседаниях парткомитета не заслушивались.

6. Партийный комитет недостаточно руководил работой комсомольской организации.

7. Отсутствовала подготовка к заседаниям партийного комитета и партийным собраниям; партийный комитет недостаточно привлекал актив к участию в своих заседаниях.

8. Партийный комитет не развернул агитационно-массовую работу и работу общественных организаций (клуб, динамо, Мопр, депутатская группа, газета).

9. Несмотря на то, что партийный комитет мобилизовал всю партийную организацию на выполнение решения ЦК партии о перестройке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», парткомитет, однако, не занялся вопросом создания условий коммунистам в части времени для посещений лекций для индивидуального изучения истории нашей партии.

10. Партийный комитет недостаточно проводил работу среди кандидатов партии и совершенно не занимался сочувствующими. Парткомитет не ставил специально вопроса о работе с новым пополнением.

Партийное собрание постановляет:

1) Партийному комитету на основе настоящих предложений и решений предыдущих партийных собраний составить план и календарь своей работы, утвердив его на ближайшем партийном собрании.

2) Проводить подготовку партийных собраний и заседаний партийного комитета в соответствии с имеющимися на сей счет решениями ЦК партии. Привлекать на заседания партийного комитета широкий партийный актив.

3) Партийному комитету периодически ставить отчеты парторгов.

4) Поручить партийному комитету в течение 10-ти дней проработать вопрос об условиях организации лекций и консультаций по партийному просвещению (выработать правильную регламентацию работы).

5) Заслушать в феврале месяце доклад секретаря комитета комсомола.

6) Партийному комитету впредь немедленно реагировать на сигналы, поступающие от коммунистов по вопросам нездоровых проявлений.

7) На основе решений ЦК и Совнаркома об имевших место фактах искривлений в работе органов НКВД и мерах по искоренению последствий этих фактов партийному комитету мобилизовать всю парторганизацию на выполнение задач, поставленных этим постановлением ЦК и СНК перед нашими органами.

Партийному комитету выносить на обсуждение партийной организации вопросы о серьезных недочетах в оперативной работе, допускаемых отдельными коммунистами, мобилизовывая всю парторганизацию на устранение подобных фактов.

8) В течение января месяца партийному комитету подобрать подходящую кандидатуру на должность начальника клуба.

Создать совет клуба, утвердив план его работы на ближайшем заседании партийного Комитета.

Совет клуба избрать на общем открытом партсобрании с коллективом АХО, женами и комсомольцами.

9) Партийному комитету заняться вопросом упорядочения бытового обслуживания сотрудников (спецторг, буфет, мастерские).

Заслушать информацию тов. КЛИМОВА на ближайшем заседании партийного комитета о постановке дела бытового обслуживания сотрудников системой спецторга.

10) Партийному комитету активизировать работу по идейно-политическому воспитанию сочувствующих и кандидатов партии, уделив особое внимание товарищам с большим кандидатским стажем.

11) Возобновить работу агитколлектива с целью наладить планомерную агитационно-массовую работу в партийных группах.

12) Партийному комитету следить за регулярным выпуском стенной газеты коллектива (не реже одного раза в месяц).

13) Поручить партийному комитету в 3-дневный срок разобраться с делом тов. РЕЗНИКОВА. При расследовании данного факта учесть имевшие место здесь выступления в отношении товарищей КЛЕБАНОВА и УМАНСКОГО.

14) Партийному комитету периодически на своих заседаниях ставить вопросы о работе с молодым поколением.

В целях повышения агентурно-оперативного, производственного уровня товарищей, недавно пришедших в наши органы, практиковать для них в управлении (УГБ) периодически «учебный разбор дел» совместно со всем оперсоставом.

15) Практиковать заслушивание на общих партийных собраниях отчетов парторгов.

16) Предложить партийному комитету отчитываться не реже раза в 3 месяца.

17) Разделить партгруппу 2-го отдела и Отдела Кадров на две самостоятельные партгруппы.

18) Практиковать отчеты бюро с[портивного]к[оллектива] «Динамо» на заседаниях партийного комитета.

Проверять выполнение предыдущих решений парткомитета и общих партсобраний в отношении работы «Динамо»; немедленно реализовать невыполненные решения предыдущих партийных собраний.

19) Просить обком КП(б)У о присылке для работы в парторганизации УГБ УНКВД освобожденного секретаря парткомитета.

ПРЕЗИДИУМ: [підпис]

СЕКРЕТРИАТ (ЗВАРКОВСКИЙ)

(ЧУЛКОВ)

Верно: [підпис] Литвиненко.

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 30, спр. 31, арк. 12–55.

Засвідчена копія. Машинопис.

**Із протоколу засідання закритих партзборів співробітників
УДБ УНКВС по Дніпропетровській області про ліквідацію
наслідків «успенівщини»⁸**

31 січня — 2 лютого 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛО: членів ВКП(б) — 61, кандидатів — 20, членів ВКП(б) других парторганізацій УНКВД — 16.

ПРЕЗИДИУМ: т.т. ПУЛКИН, САПОЖНИКОВ, ЛЕВИТАН, УЛАСЕВИЧ, ЗАДИОНЧЕНКО, СИДЕЛЬКОВСКАЯ.

СЕКРЕТАРИАТ: т.т. ЗВАРКОВСКИЙ, ЧУЛКОВ, ОСТРОВСКИЙ.

ПОВЕСТКА ДНЯ: Утверждение протоколов партийного комитета УГБ УНКВД от 26 и 28 января 1939 года⁹ и о ликвидации последствий вражеского руководства КОРКИНА.

СЛУШАЛИ: утверждение протоколов партийного комитета УГБ УНКВД от 26 и 28 января 1939 года.

Устанавливается следующий порядок выступлений:

1). Тов. ПАЩЕНКО докладывает результаты расследования вопроса об антипартийном поведении тов. РЕЗНИКОВА.

2). Тов. ЧЕРЕПЕНИН.

3). Справки приглашенных на собрание членов ЛКСМ т.т. ПЕЧЕНОВА и ЛЕЙБОВИЧА.

4). Тов. САПОЖНИКОВ.

5). Выступления остальных товарищей в порядке записи.

Тов. ПАЩЕНКО, 4 отдел. На прошлом партийном собрании было принято решение разобрать вопрос о РЕЗНИКОВЕ, УМАНСКОМ и КЛЕБАНОВЕ.

Для этого партийным комитетом были выделены я и тов. СТРАХОВ. Мы опросили ряд коммунистов и установили: УМАНСКИЙ обвинялся САПОЖНИКОВЫМ в том, что он влиял на РЕЗНИКОВА и подстрекал СТРЕЛЬЦОВА к выступлению на собрании против САПОЖНИКОВА и КОРКИНА. Говорилось, что существует группировка из УМАНСКОГО, РЕЗНИКОВА, КЛЕБАНОВА. Будто РЕЗНИКОВ специально подбирал факты, направленные против КОРКИНА и САПОЖНИКОВА. В какой-то мере якобы ко всему этому был причастен КЛЕБАНОВ.

При разборе установлено, что РЕЗНИКОВ не занимался сбором материалов ни против КОРКИНА, ни против САПОЖНИКОВА с целью дискредитации их. В отношении УМАНСКОГО также нами не установлено, чтобы он влиял в какой-либо мере на РЕЗНИКОВА. Не установлено,

⁸ Термін, який використовувався серед співробітників держбезпеки.

⁹ Не публікується. Див.: ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, спр. 31, арк. 132–163.

чтобы он подрабатывал СТРЕЛЬЦОВА и вообще знал бы о его предполагаемом выступлении на собрании. Об этом мы беседовали одновременно с УМАНСКИМ и СТРЕЛЬЦОВЫМ.

СТРЕЛЬЦОВ нехорошо повел себя тем, что сперва готовил громовую речь против КОРКИНА и САПОЖНИКОВА, а на собрании переориентировался и выступил в другом духе. Ему, т.е. СТРЕЛЬЦОВУ, показалось, что УМАНСКИЙ его обрабатывал, и на основании этого он сделал указанный вывод. Но этот факт не подтвердился.

О КЛЕБАНОВЕ. Непонятно, как он вообще попал в это дело. На основании чего САПОЖНИКОВ обвинил его. Ведь не было для этого веских данных. КЛЕБАНОВ тут не при чем.

О РЕЗНИКОВЕ. В одной из бесед с ЧЕРЕПЕНИНЫМ он поставил вопрос о приеме в его отдел нового работника. Говорил о подобранной кандидатуре (была только беседа об оформлении, но анкеты и др[угих] документов не было). Как нами установлено, это рабочий, выдвиженец, кандидат ВКП(б), связей с границей не имел и не имеет. Одним словом — чистый человек, по национальности еврей. ЧЕРЕПЕНИН тогда заявил, что евреев на работу мы не принимаем, ибо такова установка КОРКИНА. ЧЕРЕПЕНИН, правда, отрицает, что он дал такой ответ РЕЗНИКОВУ, но последний на этом настаивал¹⁰.

РЕЗНИКОВ весь разговор с ЧЕРЕПЕНИНЫМ передал ПУЛКИНУ, и тогда они вместе пришли к заключению, что надо подбирать на работу украинца или русского.

Лишь после побега врага УСПЕНСКОГО ПУЛКИН и РЕЗНИКОВ вспомнили об этом разговоре и уже квалифицировали [его] как элемент антисемитизма в работе Отдела кадров. ПУЛКИН передал об этом САПОЖНИКОВУ. РЕЗНИКОВ потом интересовался у ПУЛКИНА, когда же будет разбираться этот вопрос на Парткоме. САПОЖНИКОВ со дня на день откладывал, тянул — и так дотянули до собрания.

РЕЗНИКОВ поступил правильно, что поднял вопрос, но неверно сделал, что до конца его не довел.

Ряд коммунистов и комсомольцев нам начали подтверждать, что факты антисемитизма были: ЖУРАБОВИЧ, ЛЕЙБОВИЧ, КУКЛИН, РЫСКИН.

Быв[ший] работник Управления, вернувшийся из армии, из погранчастей, — ЛАПИДУС — подал заявление о приеме его на работу. ЧЕРЕПЕНИН перед тем, как идти и докладывать КОРКИНУ, собственноручно на этом заявлении пишет о таких компрометирующих данных: «Родственники за границей, шурин репрессирован, еврей».

Разве это случайно? На наш вопрос, зачем он это написал, ЧЕРЕПЕНИН ответил, что фамилия ЛАПИДУС ему казалась латышской, а поэтому и написал еврей. А раз ЧЕРЕПЕНИН установил, что он не латыш, а еврей, то почему он написал? Все эти материалы и некоторые признания ЧЕРЕПЕНИНА свидетельствовали о том, что были прямые установки КОРКИНА

¹⁰ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

и работников ОК НКВД УССР о проведении в жизнь антисемитско-фашистской политики¹¹.

Это подтвердил ЧЕРЕПЕНИН уже, когда на парткомитете был поставлен вопрос о его исключении из партии.

Данный вопрос поднимался в отделе кадров еще до побега УСПЕНСКОГО, но он дальше ОК не шел. ЖУРАБОВИЧ спрашивал ЧЕРЕПЕНИНА: «Почему не принимают евреев?». ЧЕРЕПЕНИН приводил доводы, что у всех евреев за границей родственники. ЖУРАБОВИЧ разъяснил ЧЕРЕПЕНИНУ, что в связи с преследованием царского правительства евреи эмигрировали за границу, особенно в Америку. ЧЕРЕПЕНИН на это заявил, что, мол, у нас в России им нечего было делать. ЛЕЙБОВИЧ и ЖУРАБОВИЧ ходили к ЗАЙЦЕВУ. ЗАЙЦЕВ при вторичном обращении к нему объяснил, что, по его мнению, евреев не принимают на работу в НКВД, возможно, потому, что регулируют национальный состав. Этот ответ был политически неверный. ЗАЙЦЕВ признал свою ошибку. Работники ОК не удовлетворились таким ответом, но в парткомитет не пошли. Лишь только тогда, когда мы занялись разбором этого вопроса, он вновь всплыл среди работников ОК.

Характерно заявление ЖУРАБОВИЧА. Он вначале пишет, что подтвердит то, что ЧЕРЕПЕНИН проводить антисемитскую линию не может, а что же касается разговора ЧЕРЕПЕНИНА с РЕЗНИКОВЫМ, пишет: «Полагаю, что такой случай мог иметь место, и подтверждаю это фактами». Дальше он говорит о тех установках, которые давались ЧЕРЕПЕНИНЫМ при наборе в школу НКВД относительно приема только русских и украинцев.

Странное заявление ЛЕЙБОВИЧА, который говорил, если кто скажет, что ЧЕРЕПЕНИН антисемит, то я тому перегрызу горло. Но тут же пишет, что он лично получил установки от ЧЕРЕПЕНИНА, чтобы в школу принимать только русских и украинцев, другими словами — евреев не принимать.

Комиссия из парткомитета внесла предложение — ЧЕРЕПЕНИНА исключить из партии. Потом изменила мнение, приняв во внимание, что он рассказал об установках КОРКИНА и что он старый член партии — голосовала за строгий выговор с предупреждением.

Мы пришли к тов. ЧЕРЕПЕНИНУ. Поставили перед ним вопрос: «Расскажи, имела ли отражение на работе Отдела кадров Управления НКВД вражеская деятельность УСПЕНСКОГО». Затем задали вопрос: «Получил ли он установки принимать на работу только украинцев и русских от КОРКИНА или от ОК НКВД УССР?». ЧЕРЕПЕНИН заявил, что нет, и категорически отрицал приведенные нами ему факты.

После этого мы поговорили с КОРКИНЫМ, привели ему известные нам факты и спросили: «Почему ЧЕРЕПЕНИН отказывается признать вражеское влияние в работе ОК?». КОРКИН ответил: «По-видимому, не дошло до сознания ЧЕРЕПЕНИНА». Мы просили КОРКИНА побеседовать с ЧЕРЕПЕНИНЫМ.

¹¹ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Затем 19 января, когда мы потребовали от ЧЕРЕПЕНИНА дать письменное объяснение, он изъявил желание побеседовать с нами. Мы к нему пришли. Он извинился, говоря, что вспомнил факты и пришел к выводу, что элементы антисемитизма были. На наш вопрос, кто же дал ему установку не принимать на работу евреев, а только русских и украинцев, ответил: «Никто». Значит, сами дошли до этого? Такая, говорит, была установка. Он рассказал, как при утверждении начальников райотделений были выделены в списке 8 начальников РО евреев УСПЕНСКИМ. Было это перед самым его побегом. Когда посылали в Киев на утверждение кандидатуры, отобранные в школу, то евреев не утверждали. Эти, мол, обстоятельства заставили его дать установку принимать только украинцев и русских, т.е. сам дал антисемитскую установку. Только на парткомитете ЧЕРЕПЕНИН с большим трудом признался, кто дал ему такую установку. У ЧЕРЕПЕНИНА в ряде случаев сквозит неискренность.

Вчера или позавчера он по телефону беседовал с Москвой с работником МЕДВЕДЕВЫМ, который интересовался КОРКИНЫМ и БОЛДИНЫМ. Когда мы спросили его об этом разговоре, то он признался, что МЕДВЕДЕВ справлялся только о КОРКИНЕ и о нем, а по поводу разговора о Запорожье отрицал. Лишь когда мы пригласили товарища, присутствовавшего при этом телефонном разговоре, то ЧЕРЕПЕНИН тогда признался, что разговор был, но не о БОЛДИНЕ, а об отделении Запорожской области¹².

Дополнительные материалы, поступившие к нам уже после заседания парткомитета, говорят о том, что ЧЕРЕПЕНИН еще много недоговаривает. Он нам не рассказал о разговоре с КОРКИНЫМ в машине при поездке в Днепродзержинск «о той национальности». У нас есть документ, говорящий о том, что ЧЕРЕПЕНИНЫМ была принята установка — не принимать на работу евреев.

Но последующие факты, подтверждающие неискренность, говорят о том, что комиссия ошибалась. Надо требовать исключения ЧЕРЕПЕНИНА из партии. У него больше двурушнической политики, чем преступления.

Все эти факты говорят о том, что надо серьезно обсудить этот вопрос.

Надо, чтобы здесь привели дополнительные факты антисемитизма и вражеской деятельности КОРКИНА для того, чтобы вскрыть все до основания, понять и исправить.

Собрание принимает предложение дать высказаться тов. ЧЕРЕПЕНИНУ, затем тов. САПОЖНИКОВУ, а после этого приступить к выступлениям в порядке записи.

Для выступающих в прениях устанавливается регламент — 10 минут.

Тов. ЧЕРЕПЕНИН. Меня некоторые товарищи почему-то считают, что я был близким человеком КОРКИНА. Так ли это на самом деле? По моему, нет. С этого я и начну свое выступление. Впервые с КОРКИНЫМ я встретился в конце июля месяца 1937 года в Управлении. Я в то время работал начальником отделения УНКВД. До приезда КОРКИНА в Воронеж я его совершенно не знал. После его приезда в Воронеж я через несколько

¹² Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

дней, примерно числа 2 августа 1937 года, Управлением НКВД был послан в командировку в одну из оперативных групп, в которой проработал до последних чисел октября месяца 1937 года. Из командировки я приехал в последних числах октября месяца 1937 года. В ноябре месяца этого же года я сильно заболел и вплоть до мая месяца 1938 года находился на излечении в Сочи, Москве и Воронеже. Будучи больным, в ноябре месяца 1937 года я от товарищей по службе узнал, что, согласно приказу НКВД СССР, я откомандировываюсь на постоянную работу на Украину, но вследствие своей болезни на Украину я приехал только 7 мая 1938 года.

Таким образом, с КОРКИНЫМ я совершенно не виделся до моего приезда в Днепропетровск, т.е. второй половины июля месяца 1938 года. КОРКИН же на Украину из Воронежа уехал в марте месяца 1938 года, на постоянную работу в НКВД УССР я приехал 7 мая 1938 года, где проработал до 16 июля 1938 года.

Работая в Киеве, из Днепропетровска по телефону мне позвонил в то время работник УНКВД БОЛДИН, который сказал, что Днепропетровское руководство УНКВД ставит вопрос перед НКВД УССР об откомандировании меня для работы в Днепропетровск. На это я ему ответил, что у меня особенной охоты ехать в Днепропетровск нет, но если будет приказ, я выполню его. Через несколько дней после этого меня вызвали в Отдел кадров НКВД УССР, где объявили, что я откомандировываюсь на работу в Днепропетровск. Я выполнил приказ, и, таким образом, в Днепропетровск я приехал на работу 17.VII.1938 года. До этого числа я с КОРКИНЫМ не виделся и, естественно, никаких разговоров с ним иметь не мог.

Прибыв в Днепропетровск, я явился к КОРКИНУ, который предложил мне принять дела и должность начальника отдела кадров УНКВД от бывшего нач[альника] ОК БОРИСОВА. Вот все то, что я могу сказать о своем знакомстве с КОРКИНЫМ до 17.VII.1938 года. Здесь в Днепропетровске до дня ареста КОРКИНА взаимоотношения у меня с ним были исключительно служебные, каких-либо личных связей у меня с ним не было¹³.

Теперь по существу предъявленного мне обвинения. Мне предъявляется обвинение в том, что в практической работе отдела кадров были выявлены элементы антисемитизма, за что, конечно, я должен ответить в первую очередь, но как все это получилось. Обстановка работы на Украине для меня совершенно новое дело, работа отдела кадров тоже для меня новая, так как с этой работой я столкнулся впервые. При наличии большого объема работы по набору новых кадров в школу или работу мне пришлось столкнуться с весьма большими трудностями. Плюс к этому во многих вопросах работы отдела кадров я недопонимал, и мне пришлось во многом буквально путаться. Однажды, докладывая дела КОРКИНУ по кадрам, он мне сказал, что меньше берите в школу и на работу евреев. Я не подозревал его во вражеской деятельности и не понял, что это вредная линия, поэтому и не реагировал на нее.

¹³ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Кроме того, обстановка, которая существовала в Киеве, вот это все вместе взятое окончательно сбilo меня с правильного пути. В Киеве кадры губили, расправлялись с ними, я не понимал, что делается, почему кадрами швыряются. Приехав однажды из Киева, я обратился к КОРКИНУ с вопросом, почему в Киеве разбрасывают кадры, на это он мне ничего убедительного не ответил. Будучи в Киеве, мне приходилось неоднократно обращаться к работнику отдела кадров РИВИНУ, который очень во многом тормозил работу Отдела кадров по нашей области, он безосновательно придирался к каждому делу, маринвал у себя долгое время и своевременно не пропускал на утверждение ту или иную кандидатуру. Я не понимал, почему задерживают наши дела. Наконец, будучи в Киеве у КРУТОВА (Начальника ОК) по вопросу кадров, спросил, почему разгоняют кадры, он мне буквально ответил так: «Что я могу сделать, если Нарком дает такое распоряжение, а не выполнять их я не могу».

Кроме того, он мне сказал, что надо очищаться от сионистских гнезд, и вот, товарищи, как теперь для меня становится ясным, что я по своей политической близорукости допустил ряд ошибок в своей работе. Вот эта обстановка, о которой я указал выше, в практической работе поставила меня в такое положение, что я растерялся. Заявляю откровенно, что я поплелся по неправильному пути. Я своим работникам по своей слепоте и, не придав политического значения этому вопросу, указал, что школу нужно комплектовать из украинцев и русских. Я признаю в этом себя виноватым, но сделал это несознательно. Я прошу учесть это, взвесить всю обстановку, в которую я попал. КОРКИН, как теперь выяснилось, будучи врагом народа, давал вредные указания, а я ему поверил и не сделал в то время для себя никаких выводов, и не расшифровал со всей политической остротой эти вредные указания, значит, я совершил преступление перед партией.

Я все же, товарищи, должен вам заявить, что в приеме на работу евреев я не отмежевывался. В подтверждение чего я хочу привести одну цифру, что за время моего пребывания на этой работе в наши органы принято на работу евреев по линии всех ведомств нашего управления более сорока человек. Однако я не снимаю с себя ответственности, в этом я виноват.

Уволили мы инспектора отдела кадров ИОФФЕ за то, что заявил сотрудникам ОК, что дайте я распишу сотрудника так, что его больше двух часов на работе держать не будут.

Было ли с моей стороны неправильное отношение к евреям? Нет, этого не было, я сохранял эти кадры, если они достойны работать в наших органах, и не изживал их. По части выдвижения кадров работников из евреев я тоже сделал немало за мое пребывание здесь. По моей инициативе было выдвинуто 15 товарищей на ответственную руководящую работу, и этих товарищей я защищал, и они все работают у нас.

Теперь почему я не дал сразу правдивых объяснений по этому вопросу. Я должен сказать, что я растерялся, поэтому я не смог дать исчерпывающих ответов на поставленные мне вопросы. Я не по-партийному поступил, мне надо было рассказать все сразу, а у меня не хватило партийного мужества. Вина моя большая.

Теперь в отношении разговора по телефону с Москвой. Мне вчера из Москвы позвонил МЕДВЕДЕВ, он спросил, как живет Петр Андреевич и где он сейчас. Я ответил, что, вероятно, дома, спросил о моей жизни. Затем он мне сказал, что он звонил в Воронеж, что руководство там заменено. Кроме того, спросил за БОЛДИНА, я ответил, что он в Запорожье и что Запорожье отходит в самостоятельную область. С какой целью он мне звонил, я не знаю. МЕДВЕДЕВА я не видел с 1937 года. БОЛДИН — подхалим, он бывал на квартире у КОРКИНА, у последнего он пользовался авторитетом. КОРКИН либерально к нему относился в части дачи ему наказаний, хотя он этого вполне заслуживал. Однажды был написан приказ о вынесении БОЛДИНУ выговора, а потом КОРКИН изменил [решение]¹⁴. [...]

Заканчивая свое выступление, я еще раз прошу вас, товарищи, учесть, что я происхожу из близкой нам прослойки — крестьянин-бедняк, я член партии с 1920 года, никогда не имел никаких партвызисаний, долголетнюю мою работу в органах НКВД честно и добросовестно выполнял, взвесить по справедливости все допущенные мною ошибки в работе, которые я допустил по своей политической слепоте, и вынести мне справедливое партийное взыскание. Я осознал все и прошу оставить меня в рядах партии.

Тов. ЛЕЙБОВИЧ. Я не знаю, будет ли это справка или слово по вопросу моего объяснения относительно моей беседы с ПУЛКИНЫМ и последний вопрос о работе ОК.

После приезда ЧЕРЕПЕНИНА в Днепропетровск была директива из Киева о наборе в школу НКВД. По этому поводу ЧЕРЕПЕНИН собрал некоторых работников ОК, в том числе и меня, и рассказал о том, что нужно подбирать лучших людей. При этом ЧЕРЕПЕНИН отметил, что брать необходимо русских и украинцев, о евреях речь не шла.

Я работал по городу в институтах, и когда подбирал людей, то я подбирал русских и украинцев, а когда попадались карточки евреев, я их откладывал в сторону. В это время приезжал и БЕЛЯЕВ из ОК УССР, он как-то пришел ко мне и увидел, что я карточки евреев откладываю в сторону. БЕЛЯЕВ спросил у меня: «Почему вы откладываете в сторону карточки евреев?». Я ответил, что мне дал такую установку ЧЕРЕПЕНИН. БЕЛЯЕВ заявил, что установка неправильная, но вместе с тем на завтра БЕЛЯЕВ согласился с установками.

Был один случай с приемом на работу одного человека по Запорожью. Все материалы были проверены и никаких компрометирующих материалов установлено не было. Когда представили это дело в О[тдел] К[адров] НКВД УССР, то на деле наложили резолюцию «Кустарь» и поэтому его в школу не приняли.

Как-то меня встретил т. ПУЛКИН, разговорился со мной и в конце разговора задал вопрос: «Как там у вас насчет приема евреев на работу? Имеют место нехорошие разговоры о вашей работе». Я тогда тов. ПУЛКИНУ рассказал случай с ЛАПИДУСОМ, который подавал

¹⁴ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

материал на оформление его на работу. ЧЕРЕПЕНИН на этом материале написал: «Дядя в Америке, шурин репрессирован, еврей».

После этого ПУЛКИН на парткомитете говорил об этом факте и мне известно, что после этого выступления ЧЕРЕПЕНИН и САПОЖНИКОВ доложили КОРКИНУ о выступлении ПУЛКИНА на парткомитете.

О моем разговоре с ПУЛКИНЫМ я потом по вызову САПОЖНИКОВА рассказал ему. Но у меня тогда не было никаких фактов, что ЧЕРЕПЕНИН проявляет антисемитизм по отношению к работникам Отдела кадров.

В отношении КОРКИНА и фактов антисемитизма. Как-то мне ТУРЬЯНСКИЙ рассказал о том, что КОРКИН задал ему вопрос: «У вас есть помощник?» ТУРЬЯНСКИЙ ответил, что помощник есть у него. КОРКИН ему задал еще один вопрос: «Кто он по национальности?». ТУРЬЯНСКИЙ ответил, что он еврей. Кроме этого, мне известно, что быв[ший] нач[альник] АХО МАТВЕЕВ говорил о том, что КОРКИН его изгоняет из органов потому, что он еврей.

Вопрос: Почему не рассказал о фактах антисемитизма?

Ответ: Я боялся.

Вопрос: А КОРКИН вызывал тебя?

Ответ: Нет.

Вопрос: С кем был разговор о том, что евреев не надо принимать?

Ответ: Прямой установки от ЧЕРЕПЕНИНА, чтобы евреев не брать, не было. Но я и др[угие] работники О[тдела] К[адров] имели установку ЧЕРЕПЕНИНА брать на работу и в школу только русских и украинцев.

Тов. ПЕЧЕНОВ. Остановлюсь на фактах о КОРКИНЕ и ЧЕРЕПЕНИНЕ. Недавно приезжал в Днепродзержинск из Москвы работник центрального аппарата КОНДРАТЮК. Узнав, что КОРКИН арестован, он говорил, что ему известно, что КОРКИН служил по мобилизации в армии Колчака¹⁵.

О ЧЕРЕПЕНИНЕ. В декабре месяце КОРКИН и ЧЕРЕПЕНИН ехали в Днепродзержинск, взяли и меня. В то время ЧЕРЕПЕНИН только что вернулся из Киева. Дорогой в машине зашел разговор об утверждении кадров. ЧЕРЕПЕНИН сказал, что «вопрос о той нации остается по-прежнему». Дальше разговор шел в том понимании, что гнали и будем гнать.

О фактах антисемитизма. В финотделе работал АРЕНКОВ. Он был уволен Киевом. Подал заявление КОРКИНУ о восстановлении. Я этот рапорт докладывал КОРКИНУ. КОРКИН задал вопрос: «А может быть, его сняли, как еврея?». Я этим был поражен. АРЕНКОВ впоследствии, когда был освобожден его ранее репрессированный родственник, был восстановлен.

Еще факт. Поступил список работников санчасти с компрометирующими материалами. КОРКИН дал распоряжение передать его тов. КЛИМОВУ. Когда я пришел к тов. КЛИМОВУ, то последний посмотрел список, заявил: «У нас в санчасти такое положение, что нет ни одного украинца и русско-го». Последний факт свидетельствует о том, что антисемитские установки имели отражение и в деятельности тов. КЛИМОВА¹⁶.

¹⁵ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

¹⁶ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

ЧЕРЕПЕНИН. Я вспомнил, о чем шла речь при поездке с КОРКИНЫМ в Днепродзержинск. Хочу дать справку.

Тов. ЖУРАБОВИЧ. Я в заявлении, поданном в парткомитет, указывал о фактах антисемитизма. В июле месяце происходил отбор кадров. Производил отбор ПЕНКИН. Рассматривая дела сотрудников, он заявил с упреком, что «вы принимаете евреев». Это уже меня смутило, но я не реагировал тогда.

Когда же приехал ЧЕРЕПЕНИН, то он спросил меня: «Кого вы набирали на работу?». Я ответил, что русских, евреев и украинцев. Он мне заявил, что теперь будем принимать только русских и украинцев, а за евреев ничего не сказал.

В процессе отбора кадров я заметил ненормальность в отборе. Среди 49 человек я пропустил 4 евреев и мандатная комиссия их утвердила.

ЧЕРЕПЕНИН недружелюбно относится к евреям, которые имеют родственников за границей. Я тогда решил с ним поговорить на эту тему. Он мне сказал, что у нас там евреев не было и им там нечего было делать. Об этом я поделился с сотрудниками О[тдела] К[адров].

Из 4-х дел евреев нам ни одного не утвердили. Я возмутился и пошел к ЗАЙЦЕВУ как к зам[естителю] парторга. Он мне сказал, что, наверное, такая установка, регулируют национальность, и я к ЧЕРЕПЕНИНУ не пошел. ЧЕРЕПЕНИН ко мне относился плохо, угрожал преданием суду. Я пошел опять к ЗАЙЦЕВУ, как зам[естителю] парторга, но он мне говорил, что я преувеличиваю факты.

САПОЖНИКОВ знал о моих взаимоотношениях с ЧЕРЕПЕНИНЫМ. Он меня вызывал к себе и по этому вопросу беседовал.

РЫСКИН мне рассказал, что ЧЕРЕПЕНИН наложил резолюцию на заявлении ЛАПИДУСА, в которой как компрометирующий материал записано «еврей».

Я заявление написал нерешительно, ибо я считал, что речь идет об антисемитизме по отношению к сотрудникам отдела кадров.

Идя домой с ГОХЛЕРНЕРОМ, последний мне сказал, что КУКЛИН заявил: «Евреев на работу не надо брать». Такую установку он получил от ЧЕРЕПЕНИНА.

КЛИМОВ должен рассказать, что ему давались установки выживать сионистские гнезда. Это исходило от УСПЕНСКОГО.

Теперь по сути моего обвинения. Меня обвиняют в нереагировании на факты антисемитских проявлений. Я докладывал о них ЗАЙЦЕВУ, а САПОЖНИКОВУ были известны все эти факты, но на собрании о них он не сказал. САПОЖНИКОВ обещал мне поговорить с ЧЕРЕПЕНИНЫМ и затем вызвать меня. Но не вызвал меня, и говорил ли он с ЧЕРЕПЕНИНЫМ — не знаю.

Тов. САПОЖНИКОВ. Мне, как секретарю парторганизации, который избран вами, чрезвычайно тяжело слушать все это, что здесь вскрывается. Весь партийный комитет, и в первую очередь я, виноваты в том, что не были на высоте своего положения и проморгали вражеское руководство.

Мы гораздо раньше могли бы вскрыть те преступления, которые совершали впоследствии разоблаченные враги.

Конкретная моя вина заключается в следующем. Моя ошибка, что я, погрузившись в оперативную работу, как начальник отдела недостаточно занимался партийной работой. Я не реагировал своевременно на поступившие сигналы о наличии антисемитизма в отделе кадров. Вместо того, чтобы вместе с вами разобрать эти вопросы, ограничился тем, что я сам их решал. Меня КОРКИН подводил, доказывая и убеждая, что у нас антисемитизма нет.

Тов. ХРУЩЕВ правильно говорил, что ведомственная работа довела над партийной работой, абсолютно так было у нас.

Какие сигналы я имел? Я действительно заявляю, что мне Зайцев ничего не заявлял о наборе в школу. Я у него добивался, но ничего не мог добиться. У кого я должен был проверить, как не у ЗАЙЦЕВА — зам[естителя] нач[альника] отдела кадров. Он ничего не сказал.

В начале декабря тов. ПУЛКИН мне дал первый сигнал о хулиганском отношении КОРКИНА к отдельным работникам (ОСТРОВСКОМУ, СТРЕЛЬЦОВУ). В тот же день, когда я был у КОРКИНА на докладе и говорил с ним об этом, он мне заявил, что он перегнул палку и учтет мои замечания.

В середине декабря месяца тов. ПУЛКИН рассказал мне о том, что РЕЗНИКОВ установил факт антисемитизма в О[тделе] К[адров], оформляя на работу одного человека, по национальности еврея.

Я по вопросу антисемитизма в О[тделе] К[адров] еще раз говорил с т. ЗАЙЦЕВЫМ — О[тдел] К[адров] — и с т. ЛЕЙБОВИЧЕМ. ЗАЙЦЕВ мне ничего не мог ответить, но на этот раз вынул бумажку, в которой было перечислено 7 человек руководящих работников, по национальности евреи, дела в отношении которых требуют в Киев. Об этом звонил ЧЕРЕПЕНИН из Киева. В числе этих семи был и я. После этого дела вернулись без каких-либо указаний. Я уверен, что тогда УСПЕНСКИЙ готовил расправу. Лично я в то время писал по требованию ЗАЙЦЕВА три объяснения по различным вопросам моего лич[ного] дела.

После этого я имел разговор с ЛЕЙБОВИЧЕМ и ЖУРАБОВИЧЕМ. Последний мне заявил, что ЧЕРЕПЕНИН его гоняет и терроризирует. По этому поводу я имел специальную беседу с ЧЕРЕПЕНИНЫМ, он объяснил это тем, что ЖУРАБОВИЧ якобы лодырь, и он впредь будет требовать работу.

Когда я вызвал ЛЕЙБОВИЧА, он мне рассказал случай с ЛАПИДУСОМ, что на его документах написано «имеет родственников за границей, и кто-то из его родичей репрессирован», кроме того, было написано «по национальности еврей». Однако после этого, несмотря на мое требование, я этих документов не получил.

Несмотря на это, я с КОРКИНЫМ по этому вопросу еще говорил и заявил ему, что у нас имеются факты антисемитизма. Он после этого положил на стол какие-то списки и начал демонстрировать, доказывать, что антисемитизма в Управлении нет, говоря: «Вы — САПОЖНИКОВ, УМАНСКИЙ, СИНЯКОВ, НУСИМОВИЧ, ГОМБЕРГ и др. — по национальности евреи, мною выдвинуты на соответственную работу».

У меня действительно сложилось такое впечатление, что фактов антисемитизма нет. Товарищи, по отношению к кадровому составу мы и сейчас не установили проявлений антисемитизма. Я не прав, что ждал собрания и не поставил этих вопросов на заседании парткома.

Я целиком и полностью признаю, что последнее собрание было проведено не так, как оно должно было быть. Я советовался с секретарем обкома тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Он порекомендовал поставить отчет о работе парткомитета. Я так и сделал, но доклад мой был сухим отчетом.

Я вины с себя не снимаю, но мне одному было трудно, не все члены парткомитета как следует работали.

Все сигналы, о которых мне было известно, поступили ко мне в конце ноября и декабря 1938 года.

Я считаю, что прения пока развиваются в ненужном нам направлении.

Сегодня надо здесь говорить о наших ошибках в оперативной работе. Ведь нами были допущены колоссальные ошибки, о которых следует говорить и все это немедленно выправить, как требует от нас партия.

Теперь о РЕЗНИКОВЕ, КЛЕБАНОВЕ и УМАНСКОМ. На предыдущем собрании я был, может, слишком резок по отношению к УМАНСКОМУ и КЛЕБАНОВУ. Но в отношении РЕЗНИКОВА, я считаю, будет правильно. РЕЗНИКОВ хочет доказать, что он все вскрыл, но, по-моему, это не так. РЕЗНИКОВ, прикрываясь тем, что КОРКИН проявлял антисемитизм, хочет теперь прикрыть свои преступные дела. РЕЗНИКОВА за его грязные, преступные дела по Кривому Рогу и другим районам били правильно, и он должен еще нести ответственность. Национальность тут ни при чем, надо честно работать на пользу нашей партии. Кто, как не РЕЗНИКОВ, создал тяжелое положение в Кривом Роге, бывшем II отделе и ряде районов области? Об этом я говорил и буду говорить.

Тов. ХРУЩЕВ сказал, что не удастся нам — работникам, по национальности евреям, которые творили грязные вредные дела для партии, прикрыться наличием антисемитизма, который вскрыт в органах НКВД Украины.

РЕЗНИКОВ правильно поднял вопрос об антисемитизме в Отделе кадров. Но я повторяюсь, что он, во-первых, дело не довел до конца и делал он это не в интересах парторганизации, а в первую очередь в своих шкурных интересах, чтобы скрыть свои преступные дела и этим самым отвести от себя удар за преступления перед партией.

Теперь о РЕПИНСКОМ. Он выступал и говорил, что нехорошо мы работали, искривляли линию партии, он это раньше понимал и знал, но сказать об этом он не нашел нужным, якобы боялся. Это разве партийность?

Тов. СИНЯКОВ тоже критикует, но то, что ему известно, он и сегодня не сказал нам.

Тов. ЗВАРКОВСКИЙ — хороший товарищ, но ничего еще не сказал, а он, как инспектор при начальнике, знал много кое-чего и должен об этом говорить.

Тов. ПЕЧЕНОВ. Я уверен, что если партийный комитет с ним поговорит, так он еще многое расскажет.

Нехорошо выступал ОЗЕРНОВ, он подхалимничал, но почему-то об этом не говорит.

Очень слабую помощь мы имели со стороны Октябрьского РПК. К нам из райпарткома не заглядывали. [...]

Тов. ПАНЬКОВ. Считаю, что САПОЖНИКОВ, как секретарь парт-организации, в своем выступлении ничего не сказал о той вражеской работе, которую проводил КОРКИН. Он должен был иначе построить выступление, не оправдываться, не смягчать свои ошибки. Он должен был нацелить партийную организацию на вскрытие вражеской работы, вскрытие тех вражеских нитей, которые охватывали парторганизацию. САПОЖНИКОВ должен был дать политическую оценку всему произошедшему. Этого он не сделал, в этом его большая ошибка.

Факты, вскрытые в О[тделе] К[адров], я не расцениваю как антисемитизм — это фашистская линия, которая вела к разгрому в наших органах тех кадров, которые по национальности евреи.

По какой линии КОРКИН проводил вражескую работу? Во-первых, в оперативной работе. Проводил антипартийные, антигосударственные указания в вопросах арестов, ведения следствия. В настоящий момент надо не указывать на ошибки других, а заниматься самокритикой. САПОЖНИКОВ — секретарь парткомитета, он был нами избран, он руководил нашей парторганизацией и не оправдываться ему надо было.

Во-вторых, КОРКИН особую серьезную вражескую работу проводил в вопросах партийной работы. У нас не было партрabоты. Кроме проведения некачественных политзанятий, другой партийной работы не было. Партийные документы глубоко не прорабатывались. Это все умело использовалось КОРКИНЫМ. Для секретаря нашей партийной организации советы с КОРКИНЫМ имели больший вес, чем проведение заседаний комитета и собраний¹⁷.

Неправильно преподнес САПОЖНИКОВ КОРКИНА. КОРКИН — враг, сволочь, двурушник, он пролез в партию. САПОЖНИКОВ допускает ошибки потому, что он забыл установки партии, забыл указания о критике и самокритике.

Мы были зажаты, КОРКИН умело превращал партийные документы в административные. Приведу пример, как прорабатывалось постановление ЦК. КОРКИН пользуется тем, что секретарь обкома тов. ЗАДИОНЧЕНКО допустил близорукость, решение Центрального Комитета партии искажил в такой степени, что никто не посмел сказать об искажениях в нашей работе. Боясь разоблачения, он сделал искусный маневр. Этот исторический документ надо было проработать на партсобрании, а не на совещании. Этого должен был добиться тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Близорукость САПОЖНИКОВА давно уже использовалась КОРКИНЫМ.

КОРКИН вместо того, чтобы вскрыть недостатки, запугивал, ругал сотрудников, направлял в Собез и не давал фактически выступать в разрезе решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

¹⁷ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Тов. НУСИМОВИЧА довел КОРКИН до обморока — вот какая шла партийная проработка решения ЦК. Вот методы, как КОРКИН использовал парткомитет в вопросах зажима критики, не давая возможности вскрыть его вражескую деятельность¹⁸.

Затем вражеская работа КОРКИНА была в отделе кадров. ЧЕРЕПЕНИН — член парткомитета, сегодня набрался нахальства заявить, что я, мол, не понял, я не знал. Сослался на орден КОРКИНА, а двурушничество забыл.

На прошлом собрании РЕЗНИКОВ ясно поставил вопрос. Почему тогда ЧЕРЕПЕНИН не помог разоблачить КОРКИНА? Объявить ЧЕРЕПЕНИНУ строгий выговор с предупреждением очень мало. Надо исключить его из партии. Не верится, чтобы ЧЕРЕПЕНИН был искренним.

На заседании партийного комитета на меня очень действовало двурушничество ЧЕРЕПЕНИНА. И до сегодняшнего дня он еще не все говорит. Он якобы не знал, зачем требовались личные дела начальников отделов в Киеве. К счастью, КОРКИН арестован, и УСПЕНСКИЙ оказался врагом, а то не поздоровилось бы этим товарищам.

Не верю, что парторганизация не разбирала факты ареста и высылки в лагеря сотрудников. Особоуполномоченный должен был информировать о материалах расследования парторганизацию, что не всегда было для членов партии. А у нас они почти все ясно за что высланы в лагеря, ряд сотрудников евреев, хотя они и члены ВКП(б).

Я вношу предложение — за двурушничество, за прямое выполнение фашистских установок, сознательное проведение антипартийной линии — ЧЕРЕПЕНИНА из партии исключить.

РЕЗНИКОВ был обвинен в антипартийном поведении вместо того, чтобы по его сигналам вскрыть антисемитизм. И на заседании парткомитета ставился вопрос о разборе антипартийных действий РЕЗНИКОВА. Сама постановка вопроса неправильна, так как она не наталкивает парторганизацию на вскрытие последствий вредительства в УНКВД, а отвлекает от политической сущности тех вопросов, которые должны вскрываться.

Повестка дня должна быть записана так: о вражеской деятельности КОРКИНА и ликвидации последствий вредительства.

Продолжаю свое предложение. САПОЖНИКОВА за притупление партийной бдительности вывести из партийного комитета и объявить ему строгий выговор.

Тов. ПИВАК. Основное преступление ЧЕРЕПЕНИНА в том, что он помог КОРКИНУ укрыться от разоблачения на последнем партийном собрании, когда тов. РЕЗНИКОВ ставил вопрос о фашистских установках КОРКИНА. ЧЕРЕПЕНИН открывает правду постепенно, по мере того, как партийной организации она становится известной. Он сказал еще далеко не все.

ЧЕРЕПЕНИН — человек КОРКИНА и помогал ему вредительски расставлять кадры. Второй коркинский человек — ЗАЙЦЕВ. Я верю

¹⁸ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

ШЕЙМАНУ, когда он говорит о некрасивой роли ЗАЙЦЕВА в части доносов КОРКИНУ на сотрудников. Я на себе испытал это. По представлению ЗАЙЦЕВА я заведомо незаслуженно получил строгий выговор, и когда я попросил ЗАЙЦЕВА объяснить причину взыскания, он не пожелал объяснить и форменным образом выгнал меня из кабинета. Только после настойчивых моих требований КОРКИН отменил приказ.

В Никополе, Днепродзержинске и Запорожье особенно очевидна вредительская деятельность КОРКИНА и его людей — БОЛДИНА, ДАРАГАНА. Чтобы после отъезда ДАРАГАНА из Днепродзержинска не вскрывалась его вредительская практика, КОРКИН туда подобрал приятеля ДАРАГАНА. Надо было послушать тов. ХОЛОДНОГО, какие ему дал установки КОРКИН в части укрывательства незаконных арестов, произведенных ДАРАГАНом в Днепродзержинске¹⁹.

Тов. ГОМБЕРГ. Мы сейчас слушали выступление тов. САПОЖНИКОВА, который жаловался, что ему не помогали в работе парткомитета. Не прав САПОЖНИКОВ, что критику зажимал[и], КОРКИН это еще не все, сам САПОЖНИКОВ не мобилизовал коммунистов на самокритику.

Ведь когда тов. ПОНЯКИН выступал на партсобрании во время выборов парткомитета, то его зажали так, что он заявил — больше выступать не будет.

Случай с тов. ЛОПАНЦЕВЫМ, которого ШУМКОВ все гонял и травил. Неизвестно, почему к коммунисту так отнесся начальник отдела ШУМКОВ.

Вопрос с избиением кадров в наших органах из числа евреев ЧЕРЕПЕНИН еще недостаточно рассказал нам о своей работе, он двурушничает до последней минуты.

На предыдущем партсобрании ЧЕРЕПЕНИН категорически отрицал факты антисемитизма с его стороны. На первом заседании парткомитета ЧЕРЕПЕНИН кое-что начал говорить, и на втором заседании парткомитета ЧЕРЕПЕНИН под давлением фактов вынужден был признать, что, будучи в Киеве, он в разговоре по вопросу набора новых кадров получил от КРУТОВА и КРЕТОВА установку «освободиться от сионистского гнезда». Органы НКВД освобождались, освобождаются и будут освобождаться не только от сионистских, но и от вражеских гнезд всех мастей.

Однако вполне стало ясным, что из себя представляет освобождение от сионистских гнезд. После того как ЧЕРЕПЕНИН, прибыв из Киева, доложил о полученной установке КОРКИНУ, каковой ему сказал: «Если так, набирайте евреев в органы чем поменьше». ЧЕРЕПЕНИН знает много и здесь неискренен. Он должен рассказать о прямой фашистской установке, которую он получил по вопросу набора в органы НКВД евреев.

ЧЕРЕПЕНИН говорит уже, что он слепо выполнял вражеские установки КОРКИНА о кадрах. Это неправда. Член партии с 19-летним партийным стажем должен знать, что такое национальная политика партии. ЧЕРЕПЕНИН продолжает обманывать и партсобрание. Считаю, что ЧЕРЕПЕНИНУ не место в рядах партии.

¹⁹ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Тов. ПАЩЕНКО (ОО). Я останавлиюсь на особом отделении 30 дивизии. Мною было подано заявление в партийный комитет о ряде антипартийных случаев со стороны руководства ОО и в делах ОО-30²⁰.

Всегда, насколько я помню, какой бы вопрос ни стоял на партсобрании, особорганы остаются в тени. Мне не удалось присутствовать на двух заседаниях парткомитета и на предыдущем собрании, но знаю, что и БОЙКО и ПАНЬКОВ выступали, били себя в грудь, но о себе и словом не обмолвились. Это не потому, что все благополучно. Не хотят выносить за стены особоотделения безобразий. Еще при ФЛЕЙШМАНЕ была зажата самокритика, это наследие осталось и на сегодня. Почему я подал заявление в парткомитет, а не поставил вопрос на партгруппе? Я был убежден, что тогда не были бы вскрыты те вопросы, которые я затрагиваю, работники не смогли бы откровенно говорить.

Останавлиюсь на БОЙКО, он руководит ОО, он задает тон. Я убежден, что у тов. БОЙКО с партийностью не все хорошо, в ряде случаев он выглядит, как антипартийный человек.

С начала своей работы в ОО основной линией работы тов. БОЙКО было очковитительство. Первый факт. В октябре месяце составлялся доклад о состоянии агентурно-оперативной работы ОО 30 дивизии. Надо было дать полную и четкую картину того, что имелось в части наличия и приобретения агентуры и учетов. Доклад был состряпан в течение нескольких часов и на 50% являлся фиктивным. Доклад шел не на имя наркома Украины, а последний, конечно, информировал о положении вещей ЦК партии.

БОЙКО вызывал работников и требовал дать данные по обслуживаемой части о количестве агентуры, об учетах, как обеспечивается подучетный элемент. Эти данные были не везде удовлетворительны, так как с агентурой не занимались. БОЙКО решил приукрасить картину.

К имеющимся данным он произвольно прибавлял количество. И записывал выдуманные клички несуществующих агентов, но одновременно давал указания к такому-то числу завербовать это добавленное количество, присвоив указанные клички. Так было сделано [по] танковой роте, по 86 полку и, кажется, по 90 [полку]. Подтвердить это могут СОРОКИН и другие.

На то время у нас не было агентурных дел, так они в тот же день были сделаны по 88 и 90 полкам. При этом подбирались люди, не связанные между собой по антисоветской работе, а лишь находящиеся в одной [воинской] части. Тут же выносились постановления и оформлялись агентурные дела. А сейчас эти дела на глубокой консервации.

Заведение таких дел вытекало из прямых установок тов. БОЙКО. У меня не было агентурных дел. БОЙКО требовал завести на лиц, правда, с компрометирующими данными, но между собой не связанных.

Обеспеченность по объектам была показана фиктивная. Писали в докладе, что агентурой не обеспечены одна или две батареи, а в действительности не были обеспечены два дивизиона и школа младшего начсостава.

²⁰ Йдеться про особливе відділення 30 стрілецької дивізії.

Об этом докладе не только я знаю, знает ПАНЬКОВ, СОРОКИН, ЛОЗА. Может быть, не все и не все знают. ПАНЬКОВ полностью в курсе этого вопроса. Когда он зашел к БОЙКО и услышал, как собираются материалы, то сказал, что этого нельзя делать, а затем БОЙКО что-то ему сказал, и ПАНЬКОВ замолчал.

Еще факт. Тов. БОЙКО дал установку писать побольше спецсообщений в Харьков, независимо от их содержания, чтобы создать видимость в работе.

Перед Октябрьскими праздниками БОЙКО нажимал на аресты. Врагов-то, конечно, надо арестовывать, но намечались к аресту такие люди, об аресте которых пока и не следовало думать. Такие кандидаты на арест были у тов. ЛОЗЫ, у меня был один человек. Тогда был арестован помкомполка 90 КОМПАНИЕЕЦ. Через полтора месяца его освободили, а эти мотивы, которые послужили поводом к освобождению, можно было выяснить раньше, он разоблачил тех самых врагов, которые давали на него показания.

Дело ВЕРЕЩАКА. Красноармеец-переменник на маневрах проколол штыком в спину младшего лейтенанта. Вел дело БОЙКО. Обвиняемый был сделан членом контрреволюционной повстанческой организации. Подписывая протокол, ВЕРЕЩАК заявил, что это неправда, так как он даже хорошо не знает, что такое организация. Трибунал осудил его к высшей мере наказания, в Киеве приговор отменили²¹. Однако ВЕРЕЩАК продолжает оставаться в камере смертников.

Был случай, когда в Харьков потребовали учетно-проверочное дело, в котором не было сводок. БОЙКО предложил задержать на два дня дело и за это время вложить какие-нибудь сводки, чтобы видно было, что он ошестлся.

Уже после проработки постановления ЦК ВКП(б) и СНК 23 или 25 декабря при тов. СОРОКИНЕ БОЙКО сказал, что «надо сделать свидетельские показания, он шпион и надо [это] сделать». Это[го] я не сделал.

Агентурной работой БОЙКО и ПАНЬКОВ не занимаются. Когда был поставлен основной вопрос о создании массовой сети, то вербовки пошли самотеком. Вербовали по два-три человека. Рапорта о предоставлении санкции на вербовку писали задним числом. Навербовали много, но неосмотрительно. Было бы плохо, если бы Особый Отдел округа не предложил прекратить.

ПАНЬКОВ не то, что не завербовал ни одного человека по своим объектам, а буквально один раз только за все время побывал на одном объекте. Забюрократился, особенно бюрократически обращается с вновь принятыми работниками. Желая показать свой «начальницкий» тон, ПАНЬКОВ зачастую может не принимать пришедшего к нему с докладом работника подряд несколько раз. Это главным образом относится к тов. ТУЛЬЯНОВУ.

Несмотря на свою служебную бездеятельность, ПАНЬКОВ представлен БОЙКО в аттестационном порядке в наилучшем свете.

²¹ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Руководство старой агентурой. Не знаю ни одного случая, чтобы БОЙКО и ПАНЬКОВ пошли на контрольную явку. Были лишь случаи, когда кое-кого из агентуры вызывали в Управление. Вызывали двух моих агентов. Когда же были назначены контрольные явки, то БОЙКО сам же мне их и срывал. Однажды, когда я с явки позвонил тов. Бойко и спросил: «Будет ли он?», Бойко ответил: «Бросьте с ним сидеть, он все равно ничего не даст». Затем говорилось, что лучше сорвать несколько явок, но давать законченные следственные дела. В результате резидентов нет, агентурный аппарат такой, как надо, не создан.

О фактах антисемитизма. Из моих личных наблюдений я сделал вывод, что у БОЙКО есть антисемитизм. В августе 1938 года в лагерях в Павлограде, куда мы с БОЙКО вдвоем выезжали, зашла речь о том, что из Особого отдела перевели в другие отделы старых особистов КАЗИМИРСКОГО, ЗАКРЕВСКОГО, ЦУРИЛИНА. БОЙКО при этом сказал, что из Особорганов увольняют всех евреев потому, что они все большие трусы. Должно быть поняв, что сказал не то, что нужно, Бойко спохватился и добавил, что об этом говорил МОКРОУС — молодой, уже уволенный работник. Когда я поделился с ЛОЗОЙ, то последний сказал, что все это не МОКРОУС говорил, а это мнение самого БОЙКО.

Был арестован красноармеец ТАМАРОВ, по национальности еврей. Тов. БОЙКО особенно смаковал при допросах. Когда вывели из кабинета после одного из допросов этого арестованного, то БОЙКО сказал: «Разве ему можно верить, ведь евреи такой народ, что родного отца продадут».

При допросе арестованного СМЕЛЯНСКОГО БОЙКО говорил: «Ты еврей поганый, разве при царской власти ты был бы офицером, а смотри, кем ты [стал] при Советской власти». Я считаю, что эти факты заслуживают внимания.

В обращении с аппаратом БОЙКО применяет осужденные коркинские методы. БОЙКО очень груб, ругает незаслуженно. Был случай с секретарем тов. ЩЕРБАКОВЫМ, когда БОЙКО вызвал ЩЕРБАКОВА и совершенно незаслуженно начал его ругать: «Ты, сволочь (неценз[урная] ругань), почему не вызвал такого-то человека?». ЩЕРБАКОВ по этому случаю обращался в комсомольскую организацию.

Были случаи недопустимо грубых отношений с СОРОКИНЫМ, ШАРАПОВЫМ.

Лично ко мне БОЙКО относился не по-людски. Я заболел и сообщил об этом через т. ПАНЬКОВА. Через полтора часа ко мне приезжает карета скорой помощи. Выясняется, что БОЙКО, узнав, что я заболел и не вышел на работу, решил подтрусить надо мной и вызвал карету, как к отравленному.

Как-то вечером БОЙКО хватился, что меня нет на работе, я в это время находился на плановой явке. У БОЙКО есть календарь и он должен был знать об этом. Однако посылает ЩЕРБАКОВА к моей жене домой. Может быть, ему доставляет удовольствие поиздеваться над моей женой и, возможно, потому, что она еврейка.

Был я болен. Несмотря на это, БОЙКО потребовал немедленно явиться по неотложному делу. Я с перевязанной головой пришел, а потом

убедился, что мое присутствие вовсе не было таким обязательным. Такие случаи были очень часто, в результате их даже получаются семейные сцены.

Такое руководство я расцениваю, как отголосок руководства КОРКИНА. БОЙКО — выдвиженец КОРКИНА.

После последнего партсобрания и в особенности после ареста КОРКИНА поведение БОЙКО значительно изменилось и появилось новое шарахание на освобождение арестованных. По поводу арестованного ЛОБАЧЕВА БОЙКО говорил ЛОЗЕ, что ведь легче найти положительные показания, нежели отрицательные. Найдите такие показания и освобождайте.

Поведение БОЙКО антипартийное и заслуживает обсуждения.

Необходимо также отметить, что БОЙКО в то время, когда ДАРАГАН был заместителем начальника УНКВД по Днепропетровской области, неоднократно говорил в присутствии оперативных работников, что он с ДАРАГАНОМ давние приятели. В разговоре по телефону БОЙКО называл ДАРАГАНА по имени и отчеству.

Тов. МАМЯС. Прежде чем обвинять других товарищей, надо быть самому самокритичным, сказать о себе, признать свои ошибки.

Я хочу, чтобы коллектив понял меня, что, честно признавая свою вину перед партией, я способен исправлять свои ошибки и быть полезным партии.

Я виноват перед партией в том, что по указке врагов так же, как и другие товарищи, выполнял ненужное для партии дело.

Я виноват перед партией в том, что, не располагая конкретными материалами, написал справку на арест старого члена партии СГИБНЕВА, причем первый образец справки был написан, как выражались тогда, «для сочности», и без всякого основания указал, что СГИБНЕВ — участник троцкистской организации, в то время, когда этих материалов не имел.

Справку написал я, а подписывал тов. РЕЗНИКОВ, который знал, что материалов на СГИБНЕВА, как на участника организации, нет. Об этом я говорил ему.

Я предупреждал РЕЗНИКОВА, что нет санкции на арест, однако он приказал арестовать СГИБНЕВА. У меня не хватило мужества возражать против этого.

Сейчас СГИБНЕВ освобожден²². Такая работа для партии не нужна. Моя вина перед партией усугубляется еще и тем, что я проявил трусость. Это наиболее опасное, ибо трусость граничит с предательством.

На последнем партсобрании, когда был враг КОРКИН, я ничего не сказал, побоялся говорить о том, что чувствовало мое нутро. Понимая дворушнические заявления некоторых, смолчал и не хотел выступать.

Заявляя об этом, это не значит, т. САПОЖНИКОВ, что Вам дано право свои грехи распределять между коллективом. Вы обвиняете коллектив, что он Вам не помог. Получается, что не вы от массы, а масса

22 Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

от вас оторвалась. Правильно на прошлом партсобрании вас назвали не секретарем, а начальником партийного комитета.

Вы себя так поставили перед массой, что к Вам никто не хотел заходить и делиться о ряде безобразий, о которых знали.

Больше того, Вы в целях своих карьеристических устремлений глушили все, что было Вам известно, зажимали критику, в результате чего не вскрывались безобразные факты, граничащие с преступностью.

Вы двурушничали, тов. САПОЖНИКОВ, заявляя на первом собрании, что факт антисемитизма, о котором Вам рассказал тов. ПУЛКИН, оперировавший данными ЛЕЙБОВИЧА, не подтвердился потому, что ЛЕЙБОВИЧ, когда Вы его вызвали, не подтвердил якобы того, о чем он говорил с тов. ПУЛКИНЫМ.

Правильно обрушился на Вас тов. ЗАДИОНЧЕНКО на первом партсобрании. Вы тогда своих грехов не признали.

Никто, товарищи, не охаивает той большой работы, которую проводил коллектив. Врагов били и били верно, сделали много хорошего, но натворили много и ненужного.

РЕЗНИКОВ не один виноват в грязной работе. В разной мере и мы все виноваты, однако называть РЕЗНИКОВА предателем нельзя. Какие у Вас к этому основания?

Правильно, что никто не спрячется за антисемитизм и себя не выгородит из плохих дел, в которых он лично повинен. Однако РЕЗНИКОВ правильно поднял вопрос об антисемитизме, а вы его обвиняете, что он не довел это до конца, в то время, когда вы скрывали и зажимали это. Хотя бы сигнал ЛЕЙБОВИЧА.

КОРКИН приехал сюда проводить фашистскую линию. Он окружал себя своими людьми. В крупнейшие горотделы КОРКИН посадил бездарных людей, подхалимов, способных делать все так, как только он хотел.

Возьмите БОЛДИНА. Чувствуя опору КОРКИНА, этот подхалим и бездарность делал, как только он хотел. Управление НКВД было для него нипочем.

Когда я с тов. КОГАНМ М. ездили расследовать трамвайную катастрофу, я настаивал на создании правительственной комиссии. БОЛДИН протестовал против этого потому, что понимал, что вскроются безобразия в коммунальном хозяйстве, в чем повинен и БОЛДИН, так как оно не обслуживалось.

РЕДЬКО (Кривой Рог) — подхалим КОРКИНА, охаивал молодые кадры. Это бездарный человек, сводки оперативной работы переписывал на свое имя и занимался лично фальсификацией.

Руденко (НИКОПОЛЬ) во всех отношениях не отстает от первых двух. Когда КОРКИН кричал, что враги по улице ходят, РУДЕНКО представил справку на арест одного горного мастера (фамилию не помню). Я заявил, что оснований к аресту еще недостаточно. РУДЕНКО пошел к КОРКИНУ и заявил, что ему не дают арестовывать врагов.

Я не знаю, как тов. КЛЕМАН закончил дело на него, но, кажется, с трудом натаскали 54–10, а арестовали как диверсанта, вредителя и участника организации.

Переходя к ЧЕРЕПЕНИНУ, следует сказать, что парткомитет вынес примиренческое решение. ЧЕРЕПЕНИН — не просто антисемит, он проводил фашистскую линию, он получил от КОРКИНА прямую установку не принимать евреев, а своим работникам, как заявляет здесь, сказал: «Принимать только украинцев и русских». Он топорно и грубо вуалировал установку КОРКИНА, а чиновники из Отдела кадров не находили антисемитизма.

ЗАЙЦЕВУ (ОК) надо было, чтобы ЧЕРЕПЕНИН назвал его, извините за выражение, жидом, тогда бы он почувствовал, что ЧЕРЕПЕНИН антисемит... ЗАЙЦЕВ подхалимничал перед ЧЕРЕПЕНИНЫМ и для последнего был ширмой. Посмотрите, дескать, у меня работают евреи — и я их не трогаю.

О сигнале т. ЖУРАБОВИЧА ЗАЙЦЕВ пошел и рассказал тов. ЧЕРЕПЕНИНУ, а что ЗАЙЦЕВ говорил на предыдущем партсобрании? ЗАЙЦЕВ — двурушник и должен здесь об этом сказать партсобранию.

Тов. ЧЕРЕПЕНИНА надо исключить из партии, а тов. САПОЖНИКОВУ вынести строгий выговор и вывести из состава бюро.

Я считаю, что и тов. ЗАДИОНЧЕНКО допустил ошибки. Участвуя на заседаниях тройки, тов. ЗАДИОНЧЕНКО не поинтересовался, откуда берется столько шпионов. Тов. ЗАДИОНЧЕНКО не задавался вопросом подумать о реальности преподносимых фактов.

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО допустил вторую ошибку. Партийный документ — решение ЦК и Совнаркома — в присутствии тов. ЗАДИОНЧЕНКО разбирался на оперативном совещании вместо того, чтобы этот документ раньше проработать на партсобрании, где была бы возможность вскрыть безобразия значительно раньше. [...]

Тов. КЛИМОВ. Я считаю, что прения, которые развернулись на собрании, касаются только одного вопроса — антисемитизма. Такое направление прений не способствует вскрытию и ликвидации последствий вредительства в агентурной, оперативной и следственной работе.

Я начну с того, что вражеская работа началась с того момента, когда Областное управление в конце лета 1937 года начало получать лимиты на аресты и стало [совершать] при их выполнении извращения. Сроки окончания дел были даны настолько сжатые, что сотрудникам не было дано времени качественно проводить следствие. Это толкало часть аппарата на всевозможные извращения.

Я помню, как меня в январе 1938 года вызвал б[ывший] нач[альник] III отдела БЕРЕЗОВСКИЙ и командировал в Коларовский район с заданием очистить Коларовский район от врагов и арестовать 500 человек. Я приехал и в районе старался прежде, чем арестовать, разобраться, кого именно нужно арестовать. Я объехал каждый населенный пункт, говорил с агентурой и активом села, когда мне было ясно, что это враг, я его арестовывал. Всего арестовал примерно 150 человек.

В результате такой проверки я установил, что ряд лиц, прошедших по показаниям как участники болгарской контрреволюционной организации оговорены арестованными, и я их не арестовал. Когда же я уехал из района, то [Березовский] приказал нач[альнику] РО НКВД их арестовать.

Дело доходило до того, что б[ывший] нач[альник] УНКВД КРИВЕЦ и КОРКИН неоднократно требовали от центра увеличения лимитов и их получали, давая жесткие сроки, опять толкали своих подчиненных на извращения, на необоснованные аресты и извращения в следствии.

В Днепропетровской и Запорожской внутренних тюрьмах горрайотделений НКВД создавали такие условия содержания арестованных, при которых давали показания и враги и люди, невинно попавшие.

Партийный комитет не ставил этих вопросов и не воспитывал молодых коммунистов. Коммунисты чуяли, что творили нехорошие дела, но руководство УНКВД в лице КРИВЦА и КОРКИНА, прикрываясь именем партии, отводили нас от правильного пути, а у нас не хватало сил разобратся глубже, что происходит, и мужества громко заявить о творящихся безобразиях²³.

Помню, когда приезжал сюда в июле 1938 г. враг УСПЕНСКИЙ, я сидел здесь в зале вместе с Вами и слушал его демагогическую речь. После совещания меня наряду с другими товарищами вызвали в кабинет нач[альника] УНКВД, где был УСПЕНСКИЙ, КОРКИН и секретарь обкома т. ЗАДИОНЧЕНКО. После беседы со мной все эти три лица решили меня назначить пом[ощником] нач[альника] НКВД по неоперативным отделам, о чем мне заявил УСПЕНСКИЙ и дал мне установку, что всю свою работу я должен вести в тесной увязке с парторганизацией и прислушиваться к голосу масс. Затем он заявил, что я должен крепко проверить работу б[ывшего] пом[ощника] нач[альника] УНКВД БОРИСОВА и выявить созданные им сионистские гнезда, который через 18 суток был арестован. После отъезда я вернулся в Мелитополь в опергруппу и в своей практической работе не принял к исполнению указания УСПЕНСКОГО о массовых арестах. Новых арестов не произвел, вследствие чего теперь южные районы легко заканчивают следственные дела.

Возвратившись к концу июля 1938 года из опергруппы и став работать пом[ощником] нач[альника] УНКВД, я старался улучшить материально-бытовые условия сотрудников, держа связь с парторганизацией и слушая голоса масс.

Работая уже пом[ощником] нач[альника] УНКВД, я как-то зашел к КОРКИНУ на доклад и задал ему вопрос: «Какие именно сионистские гнезда имел в виду УСПЕНСКИЙ, говоря у вас в кабинете?». КОРКИН мне ответил: «Если бы я знал, где эти сионистские гнезда, то я бы сам их разгромил бы».

Теперь относительно заявления т. ПЕЧЕНОВА в отношении списков работников санчасти. 2 декабря 1938 г. мне КОРКИН через ПЕЧЕНОВА направил списки работников санчасти и др. подразделений, имеющих компрометирующие данные, чтобы я их проверил и дал свои соображения. Посмотрев списки, я убедился, что в санчасти, аптеке, клубе и спецторге сидят люди с социальным и политическим прошлым, которым нет места у нас в органах. Из числа всех работников санчасти всего был один коммунист, а все остальные имеют родственников за границей,

²³ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

выходцы из торговцев и др. компрометирующие данные. Когда я это увидел, я действительно возмущался, что у нас этот участок засорен. Эту засоренность санчасти я увязывал с тем, что во главе ее находился долгое время враг ЗЕЛИКМАН. При этом я ПЕЧЕНОВУ говорил не просто, что там сидят одни евреи, а такие евреи, которым не место в наших органах.

Я считаю, что нельзя говорить о евреях вообще. Если у нас в аппарате имели место факты не приема в школу евреев, не имеющих компрометирующих данных, — это антисемитизм. Если речь идет о евреях, имеющих компрометирующие данные, коим не место в наших органах — это правильная постановка вопроса. Я так вопрос и ставил. Партия очищала аппарат НКВД и будет очищать впредь.

Относительно работы отдела кадров. ЧЕРЕПИНИН проводил в вопросе набора в школу антисемитскую линию. С другой стороны, в отношении кадрового состава в практике Отдела кадров антисемитизма не было, так как на основные руководящие должности были выдвинуты евреи, которые работают и по сие время. [...]

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Я хочу сделать несколько замечаний. Прения и выступления должны сегодня быть направлены на вскрытие всех ненормальностей. Второе замечание — сейчас относить все за счет КОРКИНА я считаю неправильным, КОРКИН сидит и получит соответствующее наказание, а нам надо вскрыть безобразия в нашей работе. Здесь товарищи должны выступать самокритично и с критикой, невзирая на лица, как учит нас партия.

Мне кажется, что мы ослабили оперативную работу. У нас не должно быть шарахания в другую крайность. Мы должны тщательно подходить к вопросу освобождения арестованных, чтобы враги не вышли на свободу.

Затем к Вам скоро придет начальник УНКВД, надо к нему по-партийному отнестись, помочь ему, и вокруг этого не должно быть кривотолков.

Тов. ЛЕВИТАН. [...] *Тов. САПОЖНИКОВ* в своем выступлении бросил необоснованные обвинения т.т. РЕЗНИКОВУ, СИНЯКОВУ, ОЗЕРНОВУ и другим, считаю неправильным это выступление, так как фактов у него нет, такой метод критики не выявит наши недостатки, если САПОЖНИКОВ что-либо преступное знал об этих товарищах, нужно было бы своевременно ставить вопрос на партгруппах.

Работая два месяца в Никопольском РО НКВД, мне пришлось столкнуться с целым рядом дел, из которых видно, что б[ывшие] работники и др[угие] творили преступления, арестовали большое количество людей, на которых отсутствовал какой-либо компрометирующий материал, создавались ложные показания, привлекались ложные свидетели, а тем свидетелям, которые отказывались давать ложные показания, угрожали арестом (МАЛЫЙ, СОРОКИН, САЕНКО, ДОБРОВОЛЬСКИЙ и др.).

БЕРЕСТОВСКИЙ, добываясь показаний у обвиняемого ГЛАДКОВА, явно дискредитировал органы НКВД и партийный аппарат, говоря, что сейчас происходят аресты благодаря тому, что нужны работники в отдаленные края. Добровольно из коммунистов ехать туда никто не хочет, поэтому применяется такой метод. Сейчас этих работников, которые немало наделали безобразий, выдвинули на более ответственную работу

(ПИЛИПЕНКО — нач[альник] водного отделения, БЕРЕСТОВСКИЙ нач[альник] Павлоградского РО НКВД и т.д.).

В Никопольском горотделении НКВД также бесосновательно арестовано много ценной агентуры благодаря тому, что они отказались давать вымышленные сведения, какие требовались работниками НКВД (ЯЩУК, ФРУМ и др.)²⁴.

Указанные факты я привел не для того, чтобы открыть сенсацию. Многие товарищи до сих пор не уяснили себе необходимости перестройки работы на основе постановления ЦК и СНК СССР, необходимости быстрой ликвидации последствий вредительства в оперативно-следственной работе и к этому делу прилагать больше партийности. [...]

Тов. КЛЕМАН. [...] Когда ставится вопрос, почему не вскрывали раньше всех безобразий, то надо сказать, что ни один коммунист не мог открыть рот, его ждала справка или подвал, или Соловки. Потому и не могла партийная организация своевременно вскрыть [преступления].

САПОЖНИКОВУ было лучше жить в мире с КОРКИНЫМ, чем вместе со всей партийной организацией воевать против него. Здесь на собраниях мы должны выработать программу партийной и оперативной работы.

Никогда я еще не слышал, чтобы на наших собраниях так высказывались, как сегодня. Не согласен с мнением закончить собрание сегодня к 2—3 часам. Надо все выжать, надо дать возможность всем высказаться.

Безусловно, определенные вражеские установки мы выполняли. В душе болели, понимали, что за две недели невозможно посадить 1000 человек без материалов. Но никто не мог поднять голову. На завтра же грозила справка. А об этих справках ни КЛИМОВ, ни ЧЕРЕПЕНИН ничего не рассказали. Поэтому молчала наша партийная совесть.

Вместо того, чтобы САПОЖНИКОВ обрушился на РЕЗНИКОВА, УМАНСКОГО и КЛЕБАНОВА за то, что они создают какую-то группировку против бывшего руководства, надо было предъявить счет — почему не поставили вопрос об извращении линии партии? Это же начальники отделов.

Такой счет надо было представить, а не говорить, что ищут материалы против КОРКИНА. Свели выступления к тому, что 50% времени затратили на разговоры о машине. Это зазнайство, а не партийность.

РЕЗНИКОВ ставил вопрос об элементах антисемитизма, а постановление было вынесено проверить непартийное поведение РЕЗНИКОВА. Разве это постановление? Вот тут-то со всей ясностью видно, как САПОЖНИКОВ не годится в партийные руководители, проявил политическую близорукость, примиренчество. Вы, тов. САПОЖНИКОВ, не были биты КОРКИНЫМ, а в 4 отделе тоже допускали промахи, как и в других отделах. Вы были примером и это за те 80 дел, которые передали в 8 отдел. А как Вы отыгрывались на ПОЛОНОВЕ, который проводил операцию по аресту 200 чел[овек]? Разве Вы признали вину за санкционирование справок [на арест]? Это недостойно коммуниста. [...]

²⁴ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Я верю ЛЕЙБОВИЧУ и ЖУРАБОВИЧУ, что они сигнализировали об антисемитизме, а Вы ничего не предпринимали. Вы определенно двурушничали. Если бы вы подошли по-партийному, то надо было бы вступить в борьбу против КОРКИНА. Вы не верили в силу партийной организации. Не по партийному Вы выступили, нельзя сваливать вину на каждого, чтобы отвести от себя критику.

Я, мне думается, выражу единое мнение, что САПОЖНИКОВ исправим. Ему не место в парткомитете, он должен получить строгое взыскание, он должен повариться в партийной чекистской массе и опять стать прежним Яшей САПОЖНИКОВЫМ.

О ЧЕРЕПЕНИНЕ вопрос очень серьезный. Когда его припирают фактами, то он постепенно вспоминает и признает свою провинность. Это просто глумление над партийным собранием. Он 20 лет в партии, разве он не изучил национальной политики партии? Разве линия КОРКИНА, носителя ордена на груди, могла закрыть ему глаза на то, что поступает вразрез с политикой партии? «Четырех евреев направили в школу» — это неискренне, неправда. Он не все рассказывает, ни в чем по существу не признался.

За этим столом ДАРАГАН создавал марку ЧЕРЕПЕНИНУ. Говорил, что ЧЕРЕПЕНИНА вытащили за ноги из кабинета, он так усиленно работал, несмотря на болезнь, что его заставили оставить работу и ехать лечиться. Если бы он не был крепко связан с КОРКИНЫМ, кто бы его рекомендовал на начальника Отдела кадров?

Мне кажется, он слишком много знает. Знает и ЗАЙЦЕВ из 12 отдела. Почему он молчит? Почему ЧЕРЕПЕНИН скрывал, что ему звонил из Москвы МЕДВЕДЕВ? Когда мы спрашивали — был ли с МЕДВЕДЕВЫМ разговор о Запорожье — он отрицал, а здесь на собрании решил вылезти на БОЛДИНЕ, характеризуя его как подхалима, человека КОРКИНА. Не уйти, тов. ЧЕРЕПЕНИН, от партийного взыскания.

Это изолгавшийся человек. Я поражаюсь ЛЕВИТАНУ, говорившему о партийной бороде ЧЕРЕПЕНИНА. Этой бороды он не имел. Он был удобным «хорошим» человеком. Он вел антисоветскую, антипартийную линию, избивал евреев-чекистов, годных для органов.

Ни о каких процентных нормах никто не говорил, процентная норма была при царизме. А ЗАЙЦЕВ допустил такую антипартийную трактовку. Неужели Вы, т. ЗАЙЦЕВ, ждали, когда Вас ударят по физиономии, обругают, чтобы тогда признать антисемитизм?

Об этих людях надо крепко говорить. Боялись начальства. У ЖУРАБОВИЧА были элементы столкновений, не боялся начальства, так же и ЛЕЙБОВИЧ, который прямо об этом говорил.

Моменты антисемитизма, которые приводил здесь т. ПАЩЕНКО о БОЙКО, — это крепкий сигнал. Это то, чем должна сейчас заняться партийная организация.

От выпуска постановления ЦК партии ушло много времени, а вместо проведения в жизнь указаний ЦК мы имели многочисленные факты, идущие вразрез с требованиями партии. [...]

ЧЕРЕПЕНИНА надо из партии немедленно исключить, перед НКВД СССР поставить вопрос о снятии его с работы.

САПОЖНИКОВА надо вывести из партийного комитета и дать ему строгий выговор.

Тов. тов. ПЕЧЕНОВ и ЖУРАБОВИЧ привели два примера о тов. КЛИМОВЕ. Выступая здесь, КЛИМОВ никак не хотел расшифровать, что такое «сионистские гнезда». Вы осмотнительно стали искать сионистов в мастерских. Вы хоть одного сиониста выявили? А ведь имели установку. И почему-то по поводу списка санчасти заметили, что там только одни евреи. В своем выступлении Вы обошли то, что говорил т. ПЕЧЕНОВ. Вы увильнули от прямого ответа.

Неискренне выступил КЛИМОВ. Почему он не говорил о справках, которые посылались в Киев, о судьбе 7 дел оперработников-евреев, которые должны были пойти или в подвал, или на Соловки?

В отделе кадров проводилась фашистская работа и в ней повинен ЧЕРЕПЕНИН. Не место ему в партии и в чекистской семье.

При ознакомлении и разборе постановления ЦК присутствовал тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Разве он не видел, что не дали развернуться критике? Тогда бы еще могло вскрыться то, о чем мы сейчас говорим.

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО, Вы не заглядывали к нам, а наша организация такова, что не имела возможности широко общаться с рабочими массами. Если бы Вы и секретарь райпарткома тов. СИДЕЛЬКОВСКАЯ больше общалась с нами, то это тоже могло бы привести к тому, что мы раньше вскрыли бы наши болячки и вражеское руководство.

Вопрос о тройке. Тов. ЗАДИОНЧЕНКО, имели же Вы право на поддержку вызвать кого-либо из арестованных, свидетелей и проверить правдоподобность представленных дел? Имели такое право. Вы этого не делали. И по тройке прошел такой контингент, который не должен был быть осужден. Об этом свидетельствуют те дела по 2-й категории, над которыми сейчас мы работаем и из числа которых есть уже освобожденные.

[...] Если бы мы были политически подготовлены, то давно нашлись бы из нас такие, кто сообщил бы в ЦК о безобразиях, извращениях, имевших место у нас. Такие нашлись. Тов. ФРИШКО, который писал в Москву, но писал и боялся, что его за это арестуют. Он оставил своей жене еще одно заявление на имя т. СТАЛИНА, которое она должна была отправить в случае его ареста.

Сейчас в нашей работе основным руководством должно являться решение ЦК. Не выдумывать штатных свидетелей. В Никополе есть такие, которые знают всех, в различных концах города. Их вызывали и заявляли, что если не дашь необходимых показаний, то не будешь работать.

Эти свидетели пестрят в никопольских делах. От них пришлось отказаться. Мы сделали ненужное [дело] ни для партии, ни для Советского народа. [...]

Вторая задача — серьезная агентурная работа. Мы должны заняться серьезным воспитанием агентуры, чтобы они проникли в глубокое подполье. Сегодня перед нами задача выявить то, что скрыто на 3 метра под землей. [...]

Тов. КУТОВОЙ. Вопрос об исключении из партии КОРКИНА наша парторганизация обсуждает с большим опозданием и после того, как он уже исключен и горкомом, и обкомом ВКП(б). Характерно то, что при наличии весьма веских материалов парткомитет тянул и как-то нерешительно подходил к этому.

Я помню, что на парткомитете ставили вопрос так, что, мол, говорите только о КОРКИНЕ, а в действительности, если говорить о нем, то никак нельзя обойти молчанием вопрос о его сподвижниках, таких как ДАРАГАН.

Я уже говорил на парткомитете о фальсификации дел ДАРАГАНОМ в Днепродзержинске и приводил примеры, когда ДАРАГАН при допросе очень серьезных преступников допускал злоупотребления тем, что давал им для внесения в заявление списки участников организации на 80 и больше человек, если можно так выразиться, с выходом на Москву и др[угие] города Союза.

Сейчас необходимо хорошо, по-партийному, разобраться не только с теми, кто уже арестован, а и с теми, кто проходит по показаниям. Для примера хочу остановиться на таких фактах.

По показаниям ГИМПЕЛЬСОНА, ЖЕЛИХОВСКОГО и др[угих] лиц в Москве был арестован инженер КОПЬЕВ, которого Москва направила сюда. Сейчас все отказались от своих показаний и заявили, что КОПЬЕВА и др[угих] лиц, названных ими как участников организации, они оговорили, вернее, записали из списка, предложенного ДАРАГАНОМ, и КОПЬЕВА необходимо освободить²⁵.

По этим же показаниям проходил начальник Главазота ИНГБЕРМАН. Я вчера был на АТК и слышал разговор о том, что какая причина, что ИНГБЕРМАНА отстранили от руководства химпромышленностью. Я подумал, что здесь, вероятно, сыграли роль материалы «Дарагановских» протоколов и человек может страдать из-за этого. Я считаю, в такие вопросы мы должны внести ясность сейчас, чтобы не было поздно.

Я работаю в НКВД несколько лет и с первого дня мне сказали, что то, что делается в стенах НКВД, никто, даже обком партии, не должен знать. Больше того, прямо предупреждали, чтобы ни в коем случае не думал жаловаться в партийные органы на те или другие неправильные действия, в противном случае можно поплатиться свободой и жизнью. Это факт, об этом говорили прямо такие «традиции» и в таком духе воспитывали на протяжении ряда лет. Поэтому, естественно, скрывались не только неправильные действия, но и прямые преступления. Ясно, что это враги использовали для своей вражеской работы.

Характерным примером является дело МАДЖАРА. За то, что он отказался от ведения следствия неправильными методами, его обвинили в том, что он не хочет вести борьбу с врагами, посадили и осудили.

Теперь о ПЕВЗНЕРЕ, быв[шем] сотруднике Запорожского горотдела НКВД. На парткомитете мне дали справку, что он старый троцкист. Случайно я присутствовал при его допросе и он отрицал выступление

²⁵ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

троцкистского характера на партсобрании в 1925 или 1926 г.г., заявляя, что на заводе в то время работало около 5 человек ПЕВЗНЕРОВ, что такого заявления, которое имеется в архивных документах, он не делал. Как доказательство ему предъявляют обвинение, что он способствовал троцкисту в принятии его на работу на обслуживаемый [им] завод тем, что директору завода и секретарю З[аводского]П[артийного]К[омитета] заявил, что НКВД известно об исключении этого человека из партии. Мне кажется, что ошибки надо исправлять решительно.

В части ошибок при освобождении мне кажется, неправильно освобожден РУБИН, он использовал ошибки следствия, скомпрометировал его, дело о нем надо пересмотреть.

Несколько слов о ЧЕРЕПЕНИНЕ. Вина его перед партией большая. Однако считаю, что ему следует вынести строгий выговор с предупреждением. Если ЧЕРЕПЕНИНА исключить из партии за выполнение вражеских установок врага партии КОРКИНА, тогда надо ставить вопрос и в части других начальников отделов — членов партии УМАНСКОГО, САПОЖНИКОВА и др. Я поддерживаю решение партийного комитета в части взысканий ЧЕРЕПЕНИНУ.

Тов. КОГАН С. За 7 лет моей работы в органах ГПУ-НКВД я впервые слышу, чтобы у нас в органах обсуждался вопрос об антисемитизме. Ведь это неслыханное дело, особенно у нас, ЧЕРЕПЕНИН с этого места, на прошлом собрании, чуть ли не клялся, что у нас антисемитизма нет, а теперь доказано, что ЧЕРЕПЕНИН лично проводил фашистские установки КОРКИНА.

Считаю необходимым отметить роль т. ЗАЙЦЕВА из Отдела кадров в этом вопросе. На прошлом собрании, где затрагивался вопрос о фактах антисемитизма, тов. ЗАЙЦЕВ выступил с заявлением, опровергающим эти факты, по сути, стушевал вопрос.

КОРКИН своими вражескими установками опутал и еще кое-кого, об этом свидетельствует и случай, имевший место с КЛИМОВЫМ, о котором рассказывал т. ПЕЧЕНОВ, и случай, о котором я расскажу.

Я, понятно, не имею никакого основания обвинить тов. САПОЖНИКОВА в антисемитизме. Но буквально днями я вспомнил один эпизод, по которому и сужу, что эта затхлая атмосфера, дух антисемитизма коснулся и секретаря парткомитета.

К XX годовщине комсомола было распоряжение представить несколько комсомольцев к награждению значком «Почетного чекиста». Я, как секретарь комитета комсомола в то время, обсуждал кандидатуры вместе с тов. САПОЖНИКОВЫМ и после того, как мы наметили, т. САПОЖНИКОВ как-то вскользь бросил: «Немножко неудобно получается, почти все евреи».

Разве мы не видели тех вредительских установок? Почему мы не критиковали КОРКИНА? Дело в том, что нам, чекистам, все время прививали, что, прежде всего, вы чекисты и потом коммунисты. Отсюда и нетерпимое отношение существовало в наших органах к критике и самокритике. [...]

Я помню, когда ставили мне в пример КРУГЛЯКА, что он ведущий работник и имеет 8 показаний за день. Можно себе представить цену этим показаниям.

Вот практика авралов, когда нам велели искать «шапки», т.е. находились разные люди подозрительные по шпионажу, становились вербовщиками повстанцев и т.д. Эта практика внесла очень много ошибок. [...]

Тов. ХРЕНОВ. [...] Были искривления по Днепродзержинску и др[угим] горотделам. После приезда к нам УСПЕНСКОГО начался политический разгром. Я сидел в Запорожье. ВОЛЬСКИЙ никого не арестовывал без материалов, проводил правильно работу. УСПЕНСКИЙ его сразу ударил по голове. После этого в Запорожье арестовали за 3 дня 800 человек. Брали по национальному признаку и только, а потом уже формировались организации. Примерно такое же положение было в Днепродзержинске и в Кривом Роге, и в др[угих] местах.

Когда я приехал в Днепродзержинск, там уже были проведены аресты ДАРАГАНом и ШНЕЙДЕРМАНОм. Но когда я ехал, то получил установку догнать количество арестованных до 1000. Работавший уже там тов. ЛЕНОВ практиковал так: раз поляк, немец — значит, подлежит аресту. В справке писали об антисоветской деятельности. По этим справкам давали санкцию, я точно так[же] сделал, но УМАНСКИЙ мне вернул необоснованные справки.

Как вечер, так ДАРАГАН звонит и спрашивается, сколько арестовано. Постоянно ругал, что мало арестованных. Обещал ставить вопрос на обком, что я не способен бороться с врагом.

По части искривления в следствии. Сегодня вскрываются жуткие вещи — фальсификация. Сидят арестованные по году и более, а допрошены только один раз. Сидят больше специалисты, инженеры.

Когда работали на «вилке», то требовали, чтобы арестованные уязвлялись между собой. С этой целью арестованных большими партиями держали в коридоре, где арестованные и связывались²⁶. В 1937 году мне пришлось быть в Кривом Роге. Захожу к ГНИДЕНКО, в кабинете 6 арестованных, тут же проводятся очные ставки, тут же говорят о вербовках.

Также делалось и в Днепродзержинске: камеры были переполнены, давались любые показания. Об этом в области знали, но ничего не говорили.

До ноября месяца я был убежден, что Карнауховский повстанком был действительно вскрыт. Дело на 140 человек было отправлено на Особсовещание. В делах Горотдела есть документ — схема построения организации, и вот среди таких лиц, как ЛЮБЧЕНКО, ЗАТОНСКИЙ, — вдруг ЗАБОРА, старик, малограмотный и т.д. Когда посмотришь на этого вербовщика, то жутко становится. Говорят, что эту схему составляли ЛЫГАН и КРУГЛЯК под руководством ДАРАГАНА²⁷.

Когда стали проверять проведенную следственную работу, то обнаружили, что ударили по социально близким прослойкам. Выявились такие

²⁶ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

²⁷ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

случаи, что бедняк, быв[ший] председатель комнезама, а вербовал кулаков, быв[ших] чекистов, бедняк в кулацкой среде и т.д.

О КРУГЛЯКЕ. Он вел следствие на 70-летнего старика, который ему дал показания, что в первый день восстания взорвет 3 водокачки и будет бить коммунистов. Так этот старик молил следователя дать ему меньшее задание: «Разве я один все это могу сделать?»²⁸. Виноват в Днепродзержинских делах ДАРАГАН. Он много сделал неправильного и за это должен ответить, и в частности за последние операции.

Сейчас в Днепродзержинском горотделе осталось 376 арестованных. Закончено и направлено в суд дел на 56 человек, освобождено из-под стражи 88.

По части расстановки кадров КОРКИНЫМ. Этот вопрос надо поднимать со всей чуткостью. Говорят о ставленниках КОРКИНА, упоминают меня, я его не знал, не был его ставленником.

В июне 1938 года я был прикомандирован к ВОЛЬСКОМУ. После совещания, проведенного УСПЕНСКИМ, я был вызван к нему. Перед этим у меня такой случай был. В Запорожье я вел дело БОЛЬШАКОВА и др[угих]. БОЛЬШАКОВ дал показания, что он завербовал всех прокуроров и всех юристов по Запорожью. Когда меня вызвали в кабинет к КОРКИНУ, то думаю, что мне будет встряска за БОЛЬШАКОВА.

УСПЕНСКИЙ поздоровался, предложил сесть и рассказать о себе. Задал несколько вопросов по моей автобиографии. Спросил о положении в Павлоградском районе. Я отвечал, что Управление НКВД не оказывает конкретной помощи. Вдруг сразу задает вопрос: «Поедешь в Днепродзержинск?». Я отказался. УСПЕНСКИЙ сослался на тов. ЕЖОВА, поставил вопрос так, что я, мол, отказываюсь от борьбы с врагами. Также были посланы и РЕДЬКО и РУДЕНКО. Наша беда в том, что мы работники малоопытные и нам не помогают.

Я составил неудачный план проведения Октябрьских торжеств. Меня КОРКИН спрашивал, почему я не сажаю людей? Отвечал, что нет материалов. Опять был брошен упрек, что я не хочу бороться с врагами.

[...] Надо, чтобы нам на местах больше доверяли с рассмотрением следственных дел, особенно в вопросах освобождения арестованных.

О ЛЕНОВЕ. Когда я приехал в Днепродзержинск, то ЛЕНОВ был там начальником 3 отделения. Вскрыты искривления в его отделении. Он сам следствием обычно не занимался, не разговаривал, не помогал молодым кадрам. Не допросил ни одного человека. Я об этом докладывал руководству. КОРКИН взял под личный контроль работу ЛЕНОВА.

Когда надо было начать разбираться с делами, то ЛЕНОВ дела распределил между сотрудниками, а себе ничего не взял. По моему настоянию он взял дела и себе, но с ними ничего не сделал. Я докладывал т. УМАНСКОМУ, говорил, что ЛЕНОВ срывает работу.

16 декабря приезжал КОРКИН и на оперативном совещании спросил ЛЕНОВА, сколько им лично закончено дел. Получив отрицательный ответ и обвинив, кроме того, его в барахольстве, КОРКИН ему заявил, что

²⁸ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

я Вам не доверяю, отстраняю от работы в качестве нач[альника] 3 отделения. Тут же назначил врид Нач[альника] отделения тов. ФРИШМАНА, а ЛЕНОВУ сказал, что он будет работать под руководством ХРЕНОВА. Чтобы поднять авторитет вновь назначенного ФРИШМАНА, я посадил его в кабинет ЛЕНОВА. Получилось, что будто бы ХРЕНОВ взялся на ЛЕНОВА. Ударили тогда ЛЕНОВА правильно.

Тов. КОГАН М. [...] Неверно, если товарищи подходят ко всем делам с одинаковой меркой и считают, что раз арестованный отказывается от своих показаний и говорит: «Я дал неверные показания», то ему легко надо верить. В Днепропетровске нами выявлен целый ряд фактов сговора арестованных, которые изобличены с головы до ног, все время сознавались, подтверждали свои показания, а теперь отказываются, ничем не обосновывая свой отказ. Конечно, в большой работе, которую мы провели, мы задели и невинных людей.

Основная задача нашей партийной организации поскорее разобраться и освободить людей, которые неверно арестованы. Однако к вопросу освобождения из-под стражи нужно подойти весьма осторожно, по-партийному, чтобы не шарахаться в другую сторону, чтобы врагов не освободить из-под стражи.

Я на протяжении двух с лишним лет работаю по линии I отделения IV Отдела, в течение последнего года работаю начальником I отделения. По приезду в Днепропетровск тов. ЗАДИОНЧЕНКО я докладывал ему о состоянии работы по борьбе с правотроцкистским подпольем. Тов. ЗАДИОНЧЕНКО дал ряд практических указаний по дальнейшему разгрому участников правотроцкистского подполья, пробравшихся на руководящие должности в областные организации — ОБЛЗО, торговой системы, МТС. В соответствии с этими указаниями мы нанесли удар по троцкистско-бухаринскому охвосту, засевшему в этих организациях. С приездом КОРКИНА на первом же оперативном совещании он поставил вопрос, что недостаточно арестовываем. Несмотря на доводы, что нет достаточных данных для арестов, он настоял на арестах. Теперь кое-кого из этих арестованных приходится освобождать.

В порядке самокритики я должен здесь заявить на партийном собрании, что я, как начальник отделения, не принял мер к тому, чтобы быстрее закончить дела, которые находились в производстве I отделения, и некоторые поднятые вопросы об освобождении из-под стражи, арестованных без достаточных данных не довел до конца.

Тов. СТАЛИН в своей речи на выпуске академиков Красной Армии 5 мая 1935 года сказал, что старый лозунг «техника решает все» должен быть заменен новым лозунгом «кадры решают все». И это обязывает руководителей проявить самое заботливое отношение к кадрам, помогать им, когда они нуждаются в поддержке.

Большую вредительскую работу провели враги УСПЕНСКИЙ и КОРКИН в деле разгрома и расправы с чекистскими кадрами. Под видом борьбы с врагами народа расправлялись с честными работниками, которые противились их вражеским установкам.

Тов. ВОЛЬСКИЙ был снят УСПЕНСКИМ с должности нач[альника] Запорожского горотдела НКВД потому, что он количество арестованных не исчислял тысячами, как это хотел УСПЕНСКИЙ.

Вот был арестован по распоряжению УСПЕНСКОГО САПОЖНИКОВ Е.Б. Нас ориентировали, что САПОЖНИКОВ проходит как участник антисоветской сионистской организации, а фактически материалов таких нет и его освободили.

На должности нач[альников] райотделений выдвинут ряд товарищей, которые не имеют достаточного опыта в оперативной работе, а помогать им не помогаем. Задача нашей парторганизации — помочь выдвинутым товарищам. [...]

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО. Центральный основной вопрос для Вашего коллектива на сегодня — это заострить внимание на постановлении ЦК.

Партийное собрание должно было это взять в центр обсуждения. Никаких других директив не надо. Здесь ясно сказано, что требуется для того, чтобы исправить недочеты и усилить борьбу с врагами.

Решение вынесено 17 ноября. Пора уже не ссылаться на различные причины и не бить себя в грудь, а сказать конкретно, что Вы как коммунисты в свете этого решения сделали.

Касаясь выступлений, следует указать на оторванность от производства. Не говорят, как обеспечивают свой участок работы.

[...] ²⁹ ЦК говорит, что органы НКВД провели большую работу, но ошибочно думать, что сделали все. Перед Вами еще колоссальная упорная борьба с врагом.

[...] ³⁰ Это касается в полной мере и нашей организации. Когда ссылаются только на бывшее руководство, говорят, что неверные установки давал УСПЕНСКИЙ, КОРКИН, то только так неправильно ставить вопрос.

ЦК дает документ, где указывает, что надо делать, на чем сосредоточить внимание. [...] ³¹

Как обстоит дело с агентурой? Скверно. Я был у Вас на нескольких совещаниях и всегда слышу только одно «скверно». Когда, наконец, будет выполняться директива партии и правительства? Нужно об этом говорить.

Вы являетесь политическим органом партии, но как на предыдущем собрании, так и сегодня никто не говорит, как поставлена агентурная работа, значит, нет борьбы с врагами.

Пропуская, в соответствии с решением ЦК, через обком сотрудников НКВД, я у вас спрашивал: «Скажите, товарищи, какие недостатки, какие извращения имеются в вашей работе в свете решения ЦК? Как у Вас идет работа? Как Вам помогают?» Ответ — ничего (например, ЛОПАНЦЕВ).

Спрашивал у товарищей из района, в чем недостатки? Как поставлена партийно-массовая работа? Как преломляется в жизнь поднятие партийности в деле борьбы с врагами? Неправильно помогают, товарищи отстают.

²⁹ Вилучена цитата із постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17.11.1938 р.

³⁰ Вилучена цитата із постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17.11.1938 р.

³¹ Вилучена цитата із постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17.11.1938 р.

Неверно у Вас стоял вопрос, что сначала чекист, а потом большевик. Не партийная это установка. Чем больше Вы будете овладевать большевизмом, тем лучшими чекистами Вы будете. Мне пришлось читать целую лекцию.

Задача в том, чтобы этот документ лег в основу работы.

Вы не пересмотрели, а работаете по старинке: «Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых лимитов для производства массовых арестов»³².

Считаю, что КЛИМОВ выступил неправильно политически. Вредно так заявлять, что с момента предоставления «лимитов» началось вредительство. Необходимо было провести такое мероприятие.

Другой вопрос, что и в НКВД оказались враги. Тов. СТАЛИН говорил, что пока мы в капиталистическом окружении, так враги будут проникать в нашу среду, будут засылать к нам шпионов.

Нам необходимо проявлять бдительность, чтобы разоблачать врагов. Разве не видели Вы, что и в НКВД проникли враги? Неверно говорят, что не было раньше указаний, предупреждающих об этом. Вот и здесь сидели враги. Вы хотели бы, чтобы КОРКИН давал вредительские установки? Нет, он опытный враг, он замаскировал себя.

Когда были введены лимиты, то их требовали органы НКВД в соответствии с наличием материалов, с масштабом работы.

Считаю неправильным, когда, выступая здесь, оперативные работники, коммунисты, говорят отвлеченно. О КОРКИНЕ и ДАРАГАНЕ надо говорить. О ДАРАГАНЕ надо немедленно сообщить в Киев и по месту его работы. Нужно разобраться с каждым товарищем, о котором упоминают здесь в выступлениях. [...] ³³

Еще в 1933 году резко ставился вопрос о следствии. Предыдущее партийное собрание проходило неправильно. В первую очередь в этом виноват партийный комитет. Виноват не только САПОЖНИКОВ, но и все члены парткомитета, которые предварительно обсуждали доклад.

Секретаря партийного комитета все критикуете правильно. Но настоящей, большевистской критики еще у многих здесь не хватает.

На прошлом собрании тов. ПУЛКИН по-партийному поставил вопрос, невзирая на лица. Но дальше тов. ПУЛКИН мог бы ставить вопрос более резко и не только говорить, а, как член партийного комитета, и действовать.

Выявилось, что в Вашей партийной организации нет заместителей секретаря парткомитета, в то время как обычно бывает два зама. Почему это, какое оправдание? Члены партийного комитета должны были резко ставить вопросы.

Согласен, что САПОЖНИКОВ крепко виноват. Об этом говорилось и на прошлом собрании, но тогда нашли отдушину — машину (я не

³² Цитата із постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17.11.1938 р.

³³ Вилучена цитата із постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17.11.1938 р.

выдержал тогда и вспылil). Это говорит о партийном уровне и ответственности. Выходит фальшиво, непартийно.

Правильно, что существовал такой порядок, беда была в том, что в НКВД коммунисты считали себя в первую очередь чекистами, а потом коммунистами. Надо быть сначала коммунистом, а потом чекистом. Основной вопрос, над которым Вам надо работать — это партийность.

О кадрах. Неправильно поступаете в вопросе оказания помощи новым товарищам. Надо исключать из своего лексикона термины «молодые» и «старые». Дело не в этом, не в возрасте, а надо судить по работе. По партийному отношению. Работники, пришедшие недавно в НКВД, работают не хуже многих старых работников. А здесь дошло до того, что один из товарищей обращается к президиуму нашего собрания: «Прошу слово от молодых работников НКВД». Неправильно это.

В апреле или мае месяце на одном Вашем собрании я просил, чтобы была оказана практическая помощь пришедшим к Вам товарищам, чтобы они могли оправдать доверие партии. Сделано в этой части очень мало.

Что партийно-массовая работа в загоне — это факт. Надо и в решении это сказать, что слабая партийная работа немало принесла вреда и в оперативной работе. Оторвались.

Опять об освобождении из-под стражи людей, оклеветанных, прошедших по ложным показаниям или посаженных вследствие применения неправильного подхода к этому вопросу, надо решать и немедленно с такими людьми.

Но здесь некоторые товарищи говорили, что на воле ходят те, кому пора быть за решеткой. Немедленно надо сделать вывод. Собрать материалы и посадить таких. Почему ослабили работу? Надо было давно организовать агентурную и следственную работу так, чтобы почувствовался сдвиг в этой работе, а у Вас это слабые участки. Почему не выполняются указания ЦК?

У Вас сейчас отговорка — партийное собрание, все происшедшие события оторвали от работы. А должно быть наоборот? Все это должно еще больше мобилизовать весь коллектив.

Мне ставили в упрек, почему я допустил проработку указаний ЦК партии на оперативном совещании, а не на партийном собрании. Конечно, ничего, кроме пользы, не было бы от того, чтобы постановление прорабатывалось на партийном собрании. Но оперативное совещание было вполне законно, оно было создано по указаниям Киева, исходившим от тов. ХРУЩЕВА. Нам предложено было принять в нем участие.

Парторганизация должна была бы собрать собрание по этому поводу. Это принесло бы только пользу. Это моя ошибка, что я не поставил так вопрос. Передо мною в то время так вопрос не стоял. К партийной организации я мало приглядывался. Встречался с отдельными партийными работниками, а надо было больше интересоваться Вашим коллективом. Работников НКВД я не знаю. Стал знакомиться ближе с Вами только после решения ЦК об утверждении кадров через обком. Раньше эти вопросы проходили мимо меня.

О тройке. Я никогда не ставил перед собой вопрос вызывать арестованных, дела которых слушаются тройкой. Раньше при КРИВЦЕ и моем предшественнике КОРОТЧЕНКО было несколько либеральных отношений в этом вопросе, слушание дел тянулось. Мы договорились организовать предварительный контроль. Были случаи, что и после этого контроля дела [с рассмотрения тройкой] снимали.

Нельзя охаивать всю работу. Неправильно. Это не на пользу дела. Были ошибки, были в Вашей среде и вредители, но это отдельные люди. В общем же — Вы коллектив, беспредельно преданный партии.

Я с ХРЕНОВЫМ согласен на 100% в том, что нельзя огульно обвинять всех работников в допущенных извращениях в работе и подвергать их наказанию. Мы должны к каждому подходить с особой меркой. Будет неправильно. Мы так избежим кадры. А кто вредил, того наказать.

Некоторые работники сейчас отбились от работы, нет уверенности в работе. Надо покончить с такими настроениями.

Сейчас задача — скорее вскрыть все недостатки и немедленно их исправить. В отношении каждого виновного надо ставить вопрос, в какой мере он виновен в той или иной ошибке, надо исправлять, помогать, но не обобщать [обвиняя всех чекистов].

Сегодня ко мне подходит ОЗЕРНОВ. Без страховки, тов. ОЗЕРНОВ³⁴. Во время приезда в Днепропетровск т. ХРУЩЕВА ОЗЕРНОВ явился в обком. КОРКИН заявил ему, что Вам, мол, здесь делать нечего. Где Вы были тогда? Раз приехал член Политбюро, то Вы, тов. ОЗЕРНОВ, должны были быть в обкоме. Вы это прекрасно знали. Почему только сейчас Вы ставите вопрос о том, что КОРКИН прогнал Вас? Вы же на работе были не у КОРКИНА. Это не в пользу ОЗЕРНОВА.

С каких пор это стало, что боитесь за себя и не вскрываете имевшихся безобразий? Это неверно. Это говорит о недостаточной партийности.

Это передастся на большую группу товарищей, вновь пришедших в НКВД. Если вскрывается вредительство, то надо скинуть мундир и поставить вопрос перед ЦК.

О ЧЕРЕПЕНИНЕ много было разговоров. Если вопрос ясен — надо его решать. В Киеве была установка снимать работников-евреев — это ясно.

В обкоме стоял вопрос о двух начальниках райотделений (фамилий не помню). Они были представлены как люди, подлежащие утверждению, и мы их немедленно утвердили. На каждого мы просматривали дела, чтобы видеть лицо работника, и если стоит вопрос о его освобождении из органов, то причины. До сих пор не решен вопрос о ЖУРАВЛЕВЕ. Ему не место в органах НКВД, поставлен вопрос о его освобождении.

К кадрам надо подходить очень внимательно. Нам важно укрепить проверенными хорошими товарищами органы НКВД.

Тов. ХОЛОДНЫЙ. [...] Что же получается сейчас? Будем говорить прямо, что если теперь не применяются физические методы воздействия,

³⁴ Так у тексті.

то факты фальсификации имеют место. Например, допрос свидетелей в Красноармейском и Томаковском районах.

Хочу рассказать об указаниях, какие мне давал КОРКИН, когда меня командировали в Запорожье. КОРКИН мне приказал не жалеть работников, все, что я о них знаю, обязательно докладывать ему. А БОЛДИНА надо поддерживать потому, что он немного зашился.

Я уехал и на месте установил, что БОЛДИН занимается грубым очко-втирательством. БОЛДИН и ЛИНЕЦКИЙ объявили в Запорожском аппарате террор, за критику и самокритику сажали. В Запорожье творились весьма преступные дела БОЛДИНЫМ и ЛИНЕЦКИМ. Там, например, имеется такой комендант ДОРОВ. Так вот этому ДОРОВУ приносились показания, и он путем физического воздействия заставлял подписывать эти протоколы.

В Запорожье быв[ший] пом[ощник] нач[альника] горотдела НАСОНОВ чертил схемы на 200 человек, которых еще не арестовали, и заранее расписал, кто из этих лиц кого должен вербовать. Это только лишь пара фактов.

БОЛДИН — ставленник КОРКИНА, и это неслучайная вещь.

Аналогичные дела творятся в Днепродзержинске.

Я с ответственностью заявляю, что 70% арестованных по Днепро-дзержинску неправильно арестованы. Там сидел такой работник ЛЫГАН, который вместе с ДАРАГАНОМ, чтобы заслужить авторитет в парт-организации, они создали террористическую группу, которая якобы должна была совершить теракт в отношении секретаря горкома партии ГРУШЕВОГО.

Когда были добыты показания, тогда ГРУШЕВОЙ вызван был в горот-дел и ему рассказали об этой мнимой тергруппе. И показали ему аресто-ванного, который под угрозой ЛЫГАНА подтвердил, что должен был убить ГРУШЕВОГО, таким образом заслужили ЛЫГАН и ДАРАГАН авторитет у парторганизации.

Теперь о связи КОРКИНА, БОЛДИНА и ЧЕРЕПЕНИНА. Товарищи, это не обывденная связь, они еще по Воронежу были крепко связаны. БОЛДИН добывался у КОРКИНА разрешения любых вопросов без всяких трудов, в то время как другие начальники этого добиться не сумели. БОЛДИН мне неоднократно рассказывал о своей близости с КОРКИНЫМ и ЧЕРЕПЕНИНЫМ.

Я должен заявить, что БОЛДИН крепко накуролесил в Запорожье при проведении [в исполнение смертных] приговоров, там не сходятся фами-лии, имена, отчества и т.д.³⁵

Я возмущен, почему БОЛДИНА не вызвали сюда, чтобы он держал здесь ответ перед парторганизацией.

Тов. БОЙКО. Мне придется говорить прямо о себе.

Об антисемитизме. При допросе врага народа, который дал разверну-тые показания о своей антисоветской деятельности, я его спросил, на что он рассчитывал, что вел борьбу против Советской власти. Ведь только Советская власть обеспечила свободную жизнь для всех наций, он сам

³⁵ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

по национальности еврей, тут же сказал, что в старое время он бы не служил в армии, а при Советской власти имеет звание капитана, и это тов. ПАЩЕНКО считает антисемитизмом.

О липогонстве. 2 октября 1938 года, в момент чехословацких событий³⁶, по требованию наркомата мы должны были представить в Киев доклад по дивизии в суточный срок о состоянии агентурно-осведомительного аппарата. Я собрал с каждого работника сведения по частям и суммировал по дивизии, и послали в Киев. Никакого липогонства там не было.

Был намечен план проведения вербовок, т.к. имевшийся агентурно-осведомительный аппарат был абсолютно недостаточен и требовалась вербовка.

Остальные пункты обвинения, предъявленные мне, ничем не доказаны. Я прошу собрание назначить комиссию для расследования заявления тов. ПАЩЕНКО, или пусть сам парткомитет расследует.

В Особом отделе³⁷ 30 [дивизии] недостатков в работе очень и очень много. В первую очередь плохо дело обстоит с работой агентуры, [ее] ослабили в связи с заканчиванием следдел.

Сейчас осталось шесть следдел, из них половину [фигурантов] придется освободить как неверно арестованных. Одно характерное дело находится на подписи у т. КЛИМОВА. Оно характерно с точки зрения того, как следователи совершали подлоги. Ведет это дело ПАЩЕНКО, человек около года сидит в тюрьме.

Липогонство в ОО было еще до моего прихода. В справках на арест написано — изобличается оперативными материалами, а их нет. В ОО я работаю с августа 1938 года, до этого там работали враги народа ФЛЕЙШМАН и ФАМИЛИАНТ, которые много навредили.

В части ликвидации последствий вредительства. Нам необходимо перестроить работу по-новому, так, как требует ЦК партии и СНК СССР в своем постановлении от 17 ноября 1938 года — не допускать искривлений.

Мне пришлось быть в Днепродзержинске в феврале-марте месяце. Приезжала комиссия ревизировать мою работу. Первое, что КОРКИН сказал, это то, что я неаккуратный и предложил своему секретарю ЮРОВСКОМУ перекинуть шкаф, выбросить все дела, разыскать все материалы. Я им дал 12 агентурных дел, сказав, сколько по ним арестованных. Кроме этого, указал на следдела около 45 возвращенных на следствие, лица по ним арестовывались до моего туда приезда.

КОРКИН посмотрел и началось избиение. Он грозил [мне] судом, называл бездельником, требовал, чтобы арестованных на каждого оперработника было по 50–60 человек.

Начал разбираться и обнаружил, что среди сотрудников 4 отделения есть секретарь парткомитета горотдела НКВД тов. ДУНАЕНКО. Ну и приказал его снять, а на следующий день — приказ на всю область обо мне со строгим выговором. Это все было неверно, незаслуженно.

³⁶ Ідеться про окупацію нацистською Німеччиною Судетської області Чехословачії у вересні-жовтні 1938 р.

³⁷ Так у тексті.

Я пошел к тов. ФРОЛКОВУ — 2 секретарь горпарткома — жаловаться. Однако ФРОЛКОВ мне ничего не сказал. Я тогда послал письмо в Москву, где изложил все факты.

По Межевой я должен сказать следующее. Здесь больше принимал участие УМАНСКИЙ. Я с уверенностью заявляю, что арестовано было 30 человек, и арестованы правильно. УМАНСКИЙ говорил: «Не спешите с арестами». Просматривал дела и после санкции проводились аресты.

О ДАРАГАНЕ я должен сказать, что знаю его с 1934 года. Он был в Васильковке, а потом в Токмаке, Никополе. Мне не понравилось то, что ДАРАГАН из блокнота давал шапки об [антисоветских] организациях, толкал на фальсификацию следователей. Тов. КАТРЕНКО был в Пологах и его арестованные изменяли название организации по несколько раз. ДАРАГАН определял названия организации. Он доводил людей до такого состояния в камерах, что прямо безобразие. Он если находил невиновного, то все равно держал, не освобождал.

О КЛИМОВЕ. Он работает давно. Мне не нравится его выступление. Он сваливал вину на того и другого, говорил о РЕЗНИКОВЕ, а о себе не хочет сказать, что выполнял установки врага народа КОРКИНА. Он, КЛИМОВ, спросил у меня 4.XI.1938 г., сколько арестованных перед Октябрьскими праздниками, я сказал. Он тогда говорит: «Ну, хорошо, доложу майору». А к КОРКИНУ пошел и наговорил неправду, что диверсанты не арестованы. Я от КОРКИНА имел бледный вид. Я считаю, что это вражеская работа, что в особом отделе не продвигают людей. Есть ряд людей, которые работают ряд лет и не имеют звания — ЛОЗА, ПАЩЕНКО, а тов. ЛУКАШКИН — лейтенант, не допущен совершенно к оперативной работе.

Отдел кадров в этом виновен. Должен сказать, что О[тдел] К[адров] старался писать характеристики на работников плохие, этим только объясняется зааттестование лиц.

Помню, в конце сентября месяца 1938 года, когда я работал в ОО, с меня потребовали в Отдел кадров аттестацию на одного товарища. Я написал его положительные и отрицательные стороны, но в выводах указал, что занимаемой должности помоперуполномоченного соответствует. А [сотрудники] О[тдела] К[адров] ЧЕРЕПЕНИН и ЗАЙЦЕВ в выводах указали так неуверенно: «Может быть оставлен в занимаемой должности». Слово «может» — растяжимое понятие.

О[тдел] К[адров] вел неправильную линию в переброске работников, очень часто делал переброски работников за полгода по три раза, что отражалось на работе.

Тов. РЕЗНИКОВ. [...] Я в Днепропетровской области работаю 6-й год, был во многих районах, бил врагов и делал ошибки. Куда ни ткнешься сейчас — обо мне можно говорить. Плюс к этому КОРКИН, которому я стал поперек горла с тех пор, как сообщил ФРОЛКОВУ, что он меня не пустил на съезд партии.

САПОЖНИКОВ на этом партийном собрании назвал меня предателем. Я не предатель. Если говорить о тех фактах, что здесь вскрывают, то

обо мне можно говорить так же, как и о всяком другом. Пусть Парткомитет проверит и разберется в этом.

Почему САПОЖНИКОВ так обо мне отзывается? Это продолжение линии КОРКИНА, чтобы замазать свою собственную роль. КОРКИН говорил: «Предатель, провокатор». Стремился опорочить. Так сейчас поступает и САПОЖНИКОВ.

О себе. Ошибки я делал. Делал потому, что был слеп, было мало партийности. Должен был обращаться в партийный комитет, в обком, в ЦК. Делал много ошибок в работе в Кривом Роге. Мало там поработал, а много натворил ошибок.

При самой большой массовке я в Кривом Роге сидел 2,5 дня, представил на арест 250 справок. Об этом в течение 6 месяцев идет речь, за это я переживаю. Кто мне помог в этих ошибках?

Вражеская установка УСПЕНСКОГО.

Я вызвал ГУРЕВИЧА, беседовал с остальным оперсоставом, предложил писать справки не так, как МАМЯС говорил, что я знал, что материалов на СГИБНЕВА нет. Я незаконно поступил в той части, что арестовал СГИБНЕВА, не имея письменного разрешения на арест. На меня давила общественность. Ко мне дошли данные, что СГИБНЕВ собирается сорваться. Узнав об этом, сообщил в УНКВД тов. ШУМКОВУ и получил устную санкцию — посадил его. За это я несу ответственность. А Вы, тов. МАМЯС, отвечаете за подлог.

Со справками на арест выезжал в Днепропетровск тов. ГУСЯТИНСКИЙ и вез с собою все дела, являвшиеся основанием к аресту. В Днепропетровске дела отложили в сторону, вопрос об аресте решали по справкам. Первая справка была составлена обоснованно. Но когда ГУСЯТИНСКИЙ заявил, что в области не интересуются материалами, то стали ездить в Днепропетровск без дел. Так говорили сотрудники горотдела, так как я уже не работал. А это способствовало внесению подлогов.

Я отвечаю за все, что делалось в горотделе, когда я там работал. В последующей моей работе таких искривлений не было. Сгустили краски вокруг меня.

Если взять возмутительные факты, имевшие место в Запорожье, Днепродзержинске, в Павлограде, то в Кривом Роге таких безобразий окажется меньше. Почему же КОРКИН взялся за Кривой Рог? Надо было ему завуалировать безобразия по всей области. Взял под обстрел Кривой Рог — РЕЗНИКОВА. Избил там кадры, пострадал ГУРЕВИЧ и ряд других товарищей.

Мои ошибки в Кривом Роге исправляет ШУМКОВ. КОРКИН дал прямую директиву ШУМКОВУ или еще кому-то угробить РЕЗНИКОВА. Демагогично было выступление КОРКИНА по поводу ареста стахановцев. Когда с арестованными разобрались, то выяснили, что один из них (СУХИНА) быв[ший] руководитель банды, на него нашли д[ело]-ф[ормуляр] как на руководителя банды.

КОРКИНУ доносят, что РЕЗНИКОВ производил неправильные аресты, надо проверить. В кабинет к КОРКИНУ вызывается арестованный ПЯТА, который и освобождается. А в это же время тот же ШУМКОВ

посылает работника на рудник, который привозит показания свидетелей, по которым ПЯТУ надо судить.

Я считаю, что КОРКИН последовательно собирал на меня материалы. УСПЕНСКИЙ дал установку меня посадить, а сажать не за что было, поэтому и подбирались на меня материалы.

Я выступал здесь на собрании, говорил об антисемитизме, а решение вышло расследовать антипартийную деятельность РЕЗНИКОВА. Это делалось с целью меня уговорить.

Я поступил неправильно, что не пошел в обком, в ЦК. К САПОЖНИКОВУ не шел потому, что не верил ему, но я ставил этот вопрос перед партторгом т. ПУЛКИНЫМ.

Я не ставлю себе в заслугу вскрытие антисемитизма. Я сделал прямое партийное дело.

Знал ли САПОЖНИКОВ обо всех безобразиях? Считаю, что знал вплоть до антисемитской политики. У нас проводилась вражеская политика. САПОЖНИКОВ был слепым орудием, заслонкой в руках КОРКИНА.

Тов. ЗАДИОНЧЕНКО еще тогда выступал и говорил, что надо проверить выдвинутые мною факты.

ПАЩЕНКО и СТРАХОВ, проводившие расследование по этим вопросам, подошли по-партийному и дело вскрылось правильно.

О МАДЖАРЕ. Он работал полтора месяца в ОО 41 дивизии. Написал рапорт на имя КОРКИНА, что он не может переносить слезы жен арестованных, не может работать с арестованными. Я с ним говорил по поводу этого рапорта. МАДЖАР ссылался на болезнь и говорил, что не может быть на оперативной работе. Я предложил ему обратиться к врачу, а потом выехать в санчасть. Он это сделал. Приехал КОРКИН. На МАДЖАРА было сильное гонение и со стороны ВЕРЗАКОВА. Тогда МАДЖАР опять ставит вопрос, ссылаясь на отношение к нему ВЕРЗАКОВА, говоря, что он не может работать, не может переносить слез жен арестованных. Он тогда не вскрывал фактов вредительской деятельности, но его дело надо сейчас пересмотреть.

Я не верю, что МАДЖАР враг, к нему подошли неправильно, судить его не следовало.

Тов. ШУМКОВ. [...] Лично я, как и ряд других товарищей, в первую очередь из числа руководящих работников отдела Управления, был не согласен по ряду вопросов и положений, осуществляемых [бывшим] вражеским руководством наркомата — УСПЕНСКИМ и УНКВД — КОРКИНЫМ. Однако свои сомнения не поднимал на принципиальную высоту, не ставил эти вопросы перед партией. Хотя эти несогласия по отдельным вопросам ставил перед оказавшимся врагом КОРКИНЫМ, которому я в тот период верил, получая от него «взбучку». Но дальше не шел и до конца свое несогласие я не доводил.

Когда в июле УСПЕНСКИЙ, будучи здесь, после избияния ВОЛЬСКОГО и других, дал установки, якобы диктуемые нашей партией, о тысячных арестах и окончании дел на них в считанные дни, я, как, думаю, и 90% присутствующих на совещании, сомневался в правильности этих установок. Однако об этом открыто, как и другие, не выступал,

ограничиваясь лишь беседой с отдельными товарищами, в частности УМАНСКИМ.

Я, проводя определенную работу, сомневался в виновности целого ряда арестованных и, хотя реагировал на это, т.е. ставил эти вопросы перед КОРКИНЫМ, добиваясь освобождения отдельных из них из-под стражи, а также задержания вопроса о группах других арестованных, однако дальше этого не шел, т.е. не шел дальше по пути вскрытия имевшихся извращений.

В начале августа 1938 года, когда мне был поручен просмотр больших групповых дел, представленных Криворожским горотделом НКВД на альбом, я не пропустил эти дела ни на одного из арестованных потому, что столкнулся с фактом, когда ранее арестованные, как участники троцкистской организации, были представлены как руководители контрреволюционной повстанческой организации, созданной польской разведкой, а также усомнился в правильности показаний по шпионажу арестованных по другому делу. Вскоре звонит КОРКИН: «Почему зажимаете дела по Кривому Рогу?». Я поднялся наверх, привел все доводы и он, хотел или не хотел, но согласился.

Мне КОРКИН одно время навязал дела 11 Отдела. Там действительно были грубые нарушения методов следствия — извращения. И КУЗЬМИЧЕВ арестован правильно, но должен сказать, что тогда КОРКИНЫМ был поставлен также вопрос перед УСПЕНСКИМ об аресте т.т. СТРЕЛЬЦОВА и ГУЗЕНКО. Однако за недостаточностью времени я не могу подробно остановиться на этих вопросах.

Я повинен в том, что, собравшись на предыдущем собрании выступить по ряду фактов антипартийных действий оказавшегося врага КОРКИНА и других, однако выступление тов. САПОЖНИКОВА о наличии группировки против руководства ошеломило меня. Я, право, не понимал, в чем дело, о чем по ходу собрания делился с рядом членов партии ОСТРОВСКИМ, РЕЗНИКОВЫМ, УМАНСКИМ и др., и поэтому не высказал своевременно и в полной мере того, что думал сказать.

Я сталкивался с рядом других фактов, по которым должен был бы, как член партии, своевременно реагировать, однако, как и многие другие, этого не сделал по той же причине, как говорили здесь другие члены партии — боялся. Не будучи твердо уверен в правильности своих сомнений, к тому же репрессии, применяемые к сотрудникам — аресты, ссылка в лагеря и т.д., которые не всегда были понятны, сдерживали от выступлений против быв[шего] нашего непосредственного руководства, оказавшихся врагами народа. [...]

Я хочу совершенно откровенно сказать перед парторганизацией, что моя боязнь открыто выступить еще объяснялась тем, что надо мною довели два момента — это то, что хотя мой отец с детства коренной рабочий-литейщик, однако черт его подал в 1907 г. быть в обществе трезвости при черносотенном союзе. И хотя он вскоре ушел оттуда, но этот всем давно известный факт на протяжении долгого времени преследует меня. И второе — это совершенная мною ошибка, когда я, не будучи подготовлен к партзанятиям и не желая сорвать таковое в конце 1937 года,

упомянув лозунг Троцкого «молодежь — барометр революции», не дал по нему достаточной развернутой полной критики, на что совершенно правильно указала мне тогда парторганизация.

Я, говоря об этом, понимаю, что указанное является неправильной постановкой и говорит не в мою пользу, но это было, и я об этом делюсь с Вами. Впредь же этого не должно быть и не будет.

Не все присутствующие, наверное, знают, что еще в начале 1938 года один из сотрудников УНКВД написал анонимку в адрес ЦК ВКП(б), Прокурора Союза и НКВД СССР, в которой указывал на отдельные ошибки и извращения, имеющиеся в работе Днепропетровского УНКВД. Эти анонимки из Москвы не знаю, кем были присланы в УНКВД, и здесь искали «предателя» среди сотрудников. Такие же заявления были по Никополю и по ним также искали авторы-«предатели». Но факт тот, что первая анонимка попала в Прокуратуру Союза, но переслали ее по инстанциям, также переслали в УНКВД.

Конечно, неплохо, что писались эти факты в письмах-анонимках, но все же их как сигналы нужно было тогда проверять и допускаемые извращения своевременно пресекать.

Хочу также сообщить, что после проведенного УСПЕНСКИМ здесь совещания я среди других членов партии вызывался к нему. Когда я пришел, он спросил, кто я по национальности, что было с моим отцом, а когда я рассказал, предложил мне ехать работать в Запорожский горотдел. Я отказался, выставив три причины. Мне ничего сказано на это не было, а на утро я узнал, что УСПЕНСКИЙ в Запорожье послал БОЛДИНА.

Здесь тов. КЛИМОВ не совсем внятно рассказывал о беседе с ним УСПЕНСКОГО по вопросу о каких-то «сионистских гнездах» в УНКВД. А почему тов. КЛИМОВ не рассказал здесь откровенно о проявленной им близорукости, выразившейся хотя бы в том, что он после беседы с ним врага УСПЕНСКОГО среди нас говорил, что он, КЛИМОВ, за прошедшие двадцать лет впервые видел, чтобы с ним говорили так по «партийному»?

Последний факт, на котором я хочу остановиться. Это, когда я в сентябре 1938 года вместе с т. ФАЙНШТЕЙНОМ, будучи в Москве, в буфете НКВД СССР случайно столкнулся со знакомым быв[шим] работником НКВД УССР — КАРАГАНОВ[ЫМ], с которым был неизвестный нам работник НКВД СССР в звании старшего лейтенанта.

Когда КАРАГАНОВ, узнав, что я до сих пор работаю в Днепропетровске, спросил, а кто у Вас нач[альник] УНКВД, после моего ответа — КОРКИН незнакомый нам спросил: «КОРКИН ничего не рассказывал о себе?». Я ответил, что нет. И тут же стал спрашивать, в чем дело? На что он охотно и достаточно определенно ответил: «Пусть он расскажет, как его в Ленинграде на партсобрании протерли, не то за службу у белых, не то за проживание на территории белых». Больше ничего этот старший лейтенант не сообщил.

После этого мы с ФАЙНШТЕЙНОМ узнали через КАРАГАНОВА фамилию этого работника — ЛЕОШОВ или ЕВГЕНЬЕВ (точно не помню), ФАЙНШТЕЙН записал ее у себя в книжку, условившись по приезду в Днепропетровск сообщить об этом.

Сложилось дело так, что я уехал, а ФАЙНШТЕЙН остался в Москве, однако я, приехав в Днепропетровск, указанный выше факт рассказал секретарю парткомитета тов. САПОЖНИКОВУ³⁸.

Правда, я тогда же сказал, что я этот вопрос поставлю перед КОРКИНЫМ, дабы узнать правдоподобность сказанного, но этого не сделал.

Что сделал тов. САПОЖНИКОВ, мне неизвестно, ибо к этому вопросу я больше не возвращался, теперь, как выявляется здесь на собрании, в личном деле КОРКИНА якобы прямо написано, что он служил у Колчака.

Тов. ЗВАРКОВСКИЙ. Вам всем прекрасно известно, что я работал инспектором при начальнике управления, т.е. при КОРКИНЕ. Хотя моя фамилия в какой бы то ни было увязке с КОРКИНЫМ никем не упоминалась. Но я считаю необходимым коротко сказать, как я работал под его руководством и какого характера указания проводил в жизнь.

Сколько я ни перебирал в своей памяти, я не мог вспомнить случая, когда приходилось бы получать от КОРКИНА установки явно вредительского характера.

Правда, я сам непосредственно арестов не проводил, следствием не занимался и даже не контролировал по существу следствия.

Но на моей обязанности лежал контроль за работой отделов, райорганов и отдельных следователей. Я требовал рапорта от начальников, по указанию ДАРАГАНА выезжал на «вилку» и там собирал рапорта от каждого следователя. При этом твердил, что мало арестовываете, мало допрашиваете, мало записано протоколов и т.д., т.е. неволью, сам в это время не подозревая и думая, что делаю хорошее, необходимое дело, принимал участие в проведении вражеской установки в гонке за количеством арестов, числом допросов и т.д. Я верил руководству и был слеп, не видя в этих действиях плохой стороны.

Я являлся секретарем тройки. По форме работа тройки была обставлена хорошо. Существовали специальные контролеры, на обязанности которых лежало тщательно проверить дело перед докладом его на тройке. Но и здесь, как и во всей остальной работе с арестованными, была гонка, спешка. Считался хорошим работником тот, кто за сутки проверял 50–60 человек и подвергался ругательствам проверивший 12–15.

При спешке, конечно, весьма тщательно дела проверяться не могли, а ведь виза контролера являлась основанием для серьезнейшего осуждения. Впоследствии оказалось, что отдельные арестованные из числа осужденных по 1-й категории были освобождены вовсе из-под стражи. Могу назвать несколько фамилий, запечатлевшихся в памяти: АНТОНЮК, ДУБРОВСКИЙ, ПЕТРОВСКИЙ и др. А если еще вспомнить, что из числа осужденных по 2-й категории при доработке дел также некоторая часть пошла на свободу, то можно сделать вывод, что какой-то процент осужденных тройкой не заслуживал того наказания, которое понес.

³⁸ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

Приведу несколько фактов вредительской деятельности КОРКИНА, здесь еще не упоминавшихся.

КОРКИН не только выполнял вражескую установку УСПЕНСКОГО в части проведения массовых необоснованных арестов, но и сам являлся инициатором, сам по собственному убеждению применял такую практику. С таким настроением он приехал к нам из Воронежа. Это я заключаю из того, что КОРКИН неоднократно, сравнивая работу в Воронеже с работой тройки в Днепропетровске до него, упрекал, что в Днепропетровске очень мало осудили, мало арестовали. При этом приводил очень большую цифру осужденных тройкой в Воронеже, примерно вдвое большую, чем у нас. Думаю, что если в Воронеже была такая практика, то там, безусловно, наделали ошибки, подобные тем, что вскрыты сейчас у нас.

С декабря месяца каждую декаду в Москву и Киев посылались докладные записки о проведенной следственной работе. Наряду с цифровыми показателями в докладных записках приводились и факты вскрытых извращений в следствии. Обычно ту часть записки, где приводились цифры, составлял я, а о фактах безобразий собственноручно дописывал КОРКИН. Сейчас, после выступления ряда товарищей, приводивших факты явно преступных действий при проведении следствия, мне ясно, что самое существенное, самые серьезные факты, известные КОРКИНУ, в которых был повинен и он, и ДАРАГАН, КОРКИН не указывал в докладных записках. Он скрывал это от руководства, от Москвы и Киева, неправильно информировал, замазывал целый ряд серьезных моментов.

Несколько фактов из области отношений между КОРКИНЫМ — с одной стороны, БОЛДИНЫМ и ЗАЙЦЕВЫМ — с другой.

При освобождении арестованных установлен порядок представления рапортов. Зачастую, когда при аресте или ведении следствия были допущены извращения, на рапортах появлялись резолюции КОРКИНА: «Расследовать». Был введен порядок, что такие рапорта по Кривому Рогу поступали к ЧЕРЕПЕНИНУ, и он должен был заниматься расследованием, по Днепродзержинску — КЛИМОВУ, по ряду районов — к КАТРЕНКО. А вот по Запорожью рапорта ни к кому не шли, да и не было случаев, чтобы КОРКИН предлагал вести расследование по Запорожским делам. Не было ни одного такого факта, кроме единственного случая по Запорожскому речному отделению. А разве в Запорожье дела обстояли лучше, чем в Кривом Роге, Днепродзержинске? Разве там обошлось без извращений? Налицо явное покрывательство БОЛДИНА КОРКИНЫМ.

Другой факт. В начале января я выезжал в Запорожье, имея задание выяснить, почему Запорожский горотдел в течение продолжительного времени не отвечает ни на один, даже самый срочный и серьезный запрос. Я должен был узнать причины, помочь исправить это положение, найти персональных виновников. При этом КОРКИН говорил, что если БОЛДИН окажется виновным, то и ему объявить выговор. В Запорожье я установил безобразнейшее отношение к выполнению разнообразных запросов. Первым и основным виновником был БОЛДИН, который совершенно не контролировал это дело, не обращал внимания на поступавшие напоминания.

Вернувшись в Днепропетровск, я так и доложил КОРКИНУ, который дал распоряжение написать приказ по этому поводу. Первым пунктом приказа я указал — БОЛДИНУ объявить выговор. Когда же КОРКИН корректировал приказ, то этот пункт он вычеркнул и заменил его следующим: предупредить БОЛДИНА, что если он в ближайшее время не примет мер к исполнению запросов, то на него будет наложено взыскание. Это было попустительство со стороны КОРКИНА.

Случай с ЗАЙЦЕВЫМ. Числа 25 или 26 января, точно не помню, в комнату, где работает т. ЗАК, зашел ЗАЙЦЕВ. Я там был, он взял меня за руку и отвел в кабинет тов. ПЕЧЕНОВА, где в то время никого не было, и стал расспрашивать, не помню ли я, мол, случая, когда бы КОРКИН сигнализировал в Москву о безобразиях с арестами. Я ответил, что начиная с первых чисел декабря ежедекадно посылались докладные записки, в которых отмечались отдельные моменты. «Нет, это не то», — заявил ЗАЙЦЕВ, — «Не писал ли КОРКИН тов. БЕРИЯ, еще в то время, когда Наркомом был УСПЕНСКИЙ». Я ответил, что о таких случаях мне ничего не известно. В ответ ЗАЙЦЕВ заметил: «Жаль, жаль, а то это очень бы помогло сейчас КОРКИНУ». Вот штрих из отношений ЗАЙЦЕВА к КОРКИНУ³⁹.

Тов. ЛОПАТКО. О тех ошибках, которые были мною допущены в Акимовском районе в начале 1938 года. Я арестовал группу людей и не успел их отработать, как мне звонят из области [и требуют] арестовать дополнительно людей. Несмотря на то что я был не согласен с такой установкой, я арестовал еще 30 человек. Следствие я вел некачественно и, несомненно, допустил ряд ошибок.

Вскороги я был вызван на совещание и зашел к ВИНОКУРОВУ, который спросил, сколько у меня арестованных. Я ответил, что 60 человек. ВИНОКУРОВ предложил арестовать еще 150 человек.

После моей работы в Акимовке меня перевели в Котовку. С приездом туда я просмотрел учеты, арестованных там было мало, но учеты хорошие. Меня вызвал КОРКИН на доклад и, узнав, что я только подобрал 50 человек для ареста, предложил арестовать 250 человек. После чего у меня КОРКИН отобрал рапорт на арест 250 человек. О незаконных арестах и подлогах — были и такие случаи. Я проводил очные ставки между обвиняемыми и свидетелями заочно. Это был случай в январе месяце 1938 года с одним арестованным ТУТЕР, в прошлом [бывший] помещик и офицер колчаковской армии. За него я получил административное взыскание.

На преступление меня толкали те лимиты и твердые задания, которые давались оперативной группой и руководством УНКВД. Я считаю, что это делалось по-вредительски, но мы его не замечали, а выполняли вражеские установки.

Ошибку, которую я совершил в Акимовке, это для меня останется уроком на всю жизнь.

Тов. КУКЛИН. Признание тов. ЧЕРЕПЕНИНА, что он получал антисемитскую установку от КРУТОВА, для работников О[тдела] К[адров]

³⁹ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

явилось новостью. Мы не представляли себе всей той картины, которая вскрылась. Стало ясно только здесь на собрании.

Прошу обратить внимание, что весьма характерно, что ЖУРАБОВИЧ вдруг уехал в Запорожье, когда имел полную возможность задержаться на собрании. Это его желание увильнуть, не сказать больше ничего, хотя он еще что-то знает. Когда в работе на него жал ЧЕРЕПЕНИН, то ЖУРАБОВИЧ говорил, что я, мол, ничего не могу сделать, что препятствует во многом обком и т.д. Чувствовалось, что в работе у ЖУРАБОВИЧА есть недостатки. ЖУРАБОВИЧ занимался подбором в школу, и он должен был сказать больше.

Когда вызывал нас ПАЩЕНКО по вопросу об антисемитизме, то ЖУРАБОВИЧ отказался от всего им ранее написанного и сказал, что изменит редакцию своих объяснений.

Вчера после собрания ЖУРАБОВИЧ заявил мне, чтобы я выступил на собрании и сказал бы, почему ЗАЙЦЕВА, мол, не спрашивают, он тоже должен знать об антисемитизме. Почему об этом ты не говоришь? Опять налицо неискренность ЖУРАБОВИЧА, чувствуется, что не все сказал на собрании.

О 7-ми человеках, на которых требовали дела в Киев. Я был в Киеве вместе с ЧЕРЕПЕНИНЫМ с делами нач[альников] райорганов, представленных на утверждение наркому и затем ЦК. В моем присутствии ЧЕРЕПЕНИН звонил ЗАЙЦЕВУ, чтобы срочно высылал дела на нач[альников] отделов: ШТЕЙМАНА, ЗАЙЦЕВА, УМАНСКОГО, РЕЗНИКОВА, САПОЖНИКОВА, КЛЕБАНОВА, КЛЕМАНА. Все они евреи. Дела требовались, должно быть, для того, чтобы или посадить, или отправить на работу в лагеря. Вечером эти дела должны были докладывать, но УСПЕНСКИЙ в тот день бежал.

Какая атмосфера была в О[тделе] К[адров]? При наборе в школы принимали украинцев и русских, евреев не принимали. Я проводил отбор в сельхозшколы в Бердянском районе и там с евреями мне не пришлось сталкиваться. Но заявляю откровенно, если бы встретились евреи, то не взял бы их. Создалась в О[тделе] К[адров] такая атмосфера, что между сотрудниками шли разговоры об уходе из отдела кадров, многие собирались уходить. В этой атмосфере не могло быть плодотворной работы.

Я заявил о нездоровых настроениях ЧЕРЕПЕНИНУ. ЧЕРЕПЕНИН собрал всех работников в ОК, поговорил с ними и призвал к работе.

Об антисемитизме. В октябре или конце сентября в АХО на работу оформлялся бухгалтер. Я представил на оформление одного человека ЛАЗЕБНОГО. К спецпроверке его не приступал. Его трудовая деятельность началась с 1913 года, побывал он во многих местах Советского Союза. На практике я знал, что такая спецпроверка потребует минимум 1–1,5 месяца. С материалом на ЛАЗЕБНОГО я пришел к ЧЕРЕПЕНИНУ, рассказал ему о его прохождении службы и др[угих] моментах. ЧЕРЕПЕНИН задал вопрос: «А кто он по национальности?».— «Еврей».— «В таком случае давайте, мол, откажемся от его приема».

Я зашел к тов. ЛЕОНОВУ и рассказал ему об этом. Я не разобрался в существовании этого факта и заявил о нем в парткомитет. Мы не разбирались в установках, которые были в работе Отдела Кадров.

Тов. РЕПИНСКИЙ. Я указывал два раза на Парткомитете о вражеской работе КОРКИНА и о безобразной работе парткомитета. Тов. САПОЖНИКОВ знал еще в ноябре месяце о фактах, которые здесь приводят. Устанавливается, что отдельные члены парткомитета не знали обо всех безобразиях.

Здесь говорили, что почему ЗАДИОНЧЕНКО, участвуя в тройке, не взял на выдержку некоторых арестованных. Но, товарищи, КОРКИН бы дал распоряжение подготовить этих арестованных и обманули бы ЗАДИОНЧЕНКО. Как были факты на Военной коллегии с арестованным ВАСИЛЬЕВЫМ. Когда ОРЛОВ потребовал, дайте такого-то арестованного, его доставили, заперли в кабинет РЕЗНИКОВА и начали готовить. И уговорили изобличить арестованного и осудили.

ДАРАГАН давал распоряжения записывать по 10 протоколов в день, а если меньше, то всегда ругал, обвиняя в оперативной бездеятельности.

ШУМКОВ любит подхалимничать, будучи комиссаром над делами б[ывшего] 11 отделения, как только проходит хорошо арестованный на ВК, он идет наверх, как арестованный отказывается [от показаний], то он тянет к КОРКИНУ меня и говорит, что это вина РЕПИНСКОГО.

ДАРАГАН для партии и Соввласти напакостил очень много, и за ним надо посмотреть. Выкорчевать его хвосты, как хвосты КОРКИНА. Это надо довести до конца.

Тов. НЕПОМНЯЩИЙ. Тов. ХОЛОДНЫЙ в своем выступлении бросил мне упрек, что я в Днепропетровске проводил неправильные очные ставки. Это верно, но я ведь прибыл только в органы и не знал еще чекистской работы. Как-то ко мне зашел ДАРАГАН и спросил, кто я такой. Я ответил, что прислан О[тделом] К[адров] УНКВД на стажировку. ДАРАГАН задал мне вопрос, как я намерен бороться с врагами. Я ответил ему, что буду вести борьбу с врагами так, как партия нас учит.

После этой встречи я задал вопрос т. ДОЦЕНКО, что тут делается в горотделе. ДОЦЕНКО мне рассказал, что в горотделе творятся антипартийные дела. Писали справки на арест людей без оперативных материалов. У ДАРАГАНА был любимец СОБОЛЕВСКИЙ, который в основном проводил прямую вражескую работу. Я был прикреплен на стажировку к СОБОЛЕВСКОМУ и вот у меня был случай, когда я проводил очные ставки между обвиняемыми, которые совершенно не знали друг друга. Я обратился к СОБОЛЕВСКОМУ с вопросом, как же проводить очную ставку, когда обвиняемые не знают друг друга. СОБОЛЕВСКИЙ велел мне познакомить их и проводить очные ставки. Таким образом я провел несколько очных ставок. После чего я рассказал об этом т. ХРЕНОВУ и он мне категорически запретил так делать и больше этого не повторять.

Были случаи, когда я обращался к ЛЕНОВУ за помощью, в ответ на что ЛЕНОВ с криком требовал от меня работы.

Хочу еще напомнить общему партсобранию, что в Днепропетровском горотделе НКВД работал ЛЫГАН, который буквально проводил расправу

с живыми людьми из числа арестованных, которых потом освобождали. Было приличное количество арестованных совсем невинных людей, но при таких допросах, как допрашивали ЛЫГАН и КРУГЛЯК, люди, взятые из воли, стали в камерах врагами, их оформляли как участников П[ольской] О[рганизации] В[ойсковой], а потом шпионов. Наконец, сейчас, когда разобрались по-партийному, эти люди подлежат освобождению.

Зная о тех безобразиях, которые имели место в Днепродзержинске, я, работник горотдела ДОЦЕНКО и работник особой инспекции обмилции т. ЗНАЙКО подумали, что КОРКИН не знает о тех безобразиях, которые там творятся. И по этому вопросу написали на 5-ти листах заявление КОРКИНУ, как члену правительства. Но тот, как теперь установлено, чтобы скрыть свои вражеские действия, направил это заявление ДАРАГАНУ, который сам творил эти преступления. ДАРАГАН вызвал только т. ДОЦЕНКО и довел его до потери сознания. После этого, конечно, мне, как новому человеку, было весьма трудно что-либо предпринять, зная, что и со мной так поступят.

Есть еще ряд фактов о преступной деятельности ДАРАГАНА и его любимцев, мы еще все не вскрыли.

А вот у нас в IV отделе есть такой тов. КОГАН М., который выступал здесь с громовой речью о помощи товарищам, которые присланы партией к нам на работу в органы. Это верная постановка вопроса. А как он сам помогает? Пусть вспомнит, как он обрушился на недавно пришедшего в органы тов. БРАТИШКО. И вообще, когда к нему обращались т.т. ИЗРАИЛЕВСКИЙ, ЛИТВИНЕНКО с непонятными вопросами, так тов. КОГАН не хотел объяснять и отвечал: «Я не начальник отделения, идите к ЧУЛКОВУ». Это не по-партийному.

Пару слов хочу сказать о тов. ЗАЙЦЕВЕ из 12-го отдела. Он обиделся на тов. ШЕЙМАНА, что назвал его подхалимом КОРКИНА. Так я подтверждаю, что ЗАЙЦЕВ был явным подхалимом КОРКИНА, ибо где, кто, что сказал, ЗАЙЦЕВ сейчас бежит к КОРКИНУ и докладывает. После чего КОРКИН вызывал сотрудника и с грязью его смешивал. [...]

Тов. ОСТРОВСКИЙ. 10 января было закрытое партсобрание. Я перед этим был в Кривом Роге. Меня очень волновал и интересовал вопрос об этом собрании. Я знал, как готовилось и как родилось собрание, что должно обсуждаться на нем. Я готовился к нему и виноват, что не развернул на нем должной критики.

Я из Кривого Рога звонил тов. САПОЖНИКОВУ и просил договориться с нач[альником] Управления о приезде на это собрание. КОРКИН не возражал против моего приезда, хотя заявил, что это приведет к тому, что десяток дел не будет своевременно закончен. Я приехал, перед собранием было одно настроение, предполагал говорить о многих безобразиях, но я переориентировался и выступил иначе. Меня сделали штрафным потому, что у меня два брата за границей, в Америке с давних времен, третий брат, как ходили слухи, арестован (это опровергнуто), я ходил убитым. На собрании я проявил себя таким же «коммунистом», как и все остальные. Я видел целый ряд безобразий в работе, своими же руками

делал неправильно, но об этом ничего не сказал в связи с тем, что была создана в Управлении вражеская атмосфера.

Я неоднократно говорил с ПУЛКИНЫМ о ряде тех моментов, которые сейчас вскрылись.

В нашей партийной группе мы заострили внимание на ошибках и искривлениях, стремились к разоблачению безобразий, но все же этого было еще мало, о многом боялись говорить.

На протяжении всего прошлого собрания САПОЖНИКОВ не признал ни одной своей ошибки. Если бы КОРКИН не был арестован, то я уверен, и сегодня САПОЖНИКОВ не признался бы во многих своих ошибках. Но он и сегодня еще ничего конкретного не сказал, не говорил о работе своего отдела, о том, как и какие дела на 80 арестованных были переданы в 8-й отдел, из которых многие освобождены. А где вся агентура, все оперативные учеты по отделению, переданному в 8-й отдел? А в каком хаотическом состоянии все было передано. Недаром мы называли ПОЦЕЛУЙКО, приводившего в порядок все дела по этому отделению, архивариусом. Разве это честно?

Тов. ШУМКОВ сегодня говорил, что были слабенькие сигналы о неправильных действиях КОРКИНА. Но ты с кем-нибудь об этом поделился, принял меры к вскрытию?

В отношении тов. КЛИМОВА. Почему он вдруг стал обращать внимание на евреев, знакомясь со списком санчасти? Это неспроста. Вразумительного объяснения тов. КЛИМОВ собранию не дал.

Мне вообще не понравилось его выступление. Подумаешь, какое благое дело сделали, организовав столовую. Это прямая обязанность была. Он рассыпался о своей скромности. Но я приведу факты, которые говорят об обратном. Как-то во время моего дежурства по Управлению звонит ко мне дочь КЛИМОВА и говорит, что у нее в школе украли пальто и она просит принять какие-либо меры. Я предложил ей обратиться к папе — КЛИМОВУ. Через несколько минут звонит КЛИМОВ с квартиры (он был болен) и говорит мне, ответственному дежурному по Управлению, чтобы я принял меры к розыску украденного пальто его дочери. Я ему заявил, что если бы пальто было украдено у ребенка рабочего, то он не стал бы по этому поводу беспокоить НКВД, и предложил КЛИМОВУ самому обратиться непосредственно в розыск. На что мне КЛИМОВ ответил: «Вот ты какой чудак». Я ответил, что я не чудак, а ответственный дежурный. Вот вам пример скромности. Нехорошо, это отдаст гнилью.

На прошлом собрании я выступил с требованием, чтобы о ДАРАГАНЕ был поднят вопрос, чтобы о его безобразных действиях было сообщено по месту его работы и в НКВД УССР. САПОЖНИКОВ выступил и заявил, что ДАРАГАН наш выдвиженец, что это хороший товарищ, поэтому, мол, не надо ставить о нем вопрос. Разве САПОЖНИКОВ тогда не видел, какое безобразие он натворил?

Тов. КЛИМОВ говорил, что он был близок к массе, а связь с парткомитетом осуществлял через шофера, присылая его сказать, что болен и не может быть на заседании. КЛИМОВУ надо было ясно сказать, о каких

сионистских гнездах он получил установку, о том, что он думал, говоря в отношении списков санчасти, что там одни евреи.

Об Отделе кадров. О[тдел] К[адров] долго терроризировал т. ШОЙХЕТА. Стоял вопрос о его увольнении из наших органов. Отец ШОЙХЕТА — сапожник, в 1920 году умер. Вдруг откуда-то появились данные, что его отец в Харбине. Доводом ШОЙХЕТА не верили. Наконец ШОЙХЕТ сам поехал в Кривой Рог и в Загсе в книге записи смертей нашел точную справку о смерти отца. Кроме того, некто КАПЛАН подтвердил, что он принимал участие в похоронах отца ШОЙХЕТА, сам зарывал его в могилу. Как это может так получиться?

Возьмите тов. ГОЛЬБРАЙХТА. Все мы его знаем как честного, усердного, усидчивого товарища. Почему до сих пор он остается оперуполномоченным? Почему его не могут продвинуть? Отвечают, что он вялый, не быстро поворачивается. Нет, в этом надо разобраться.

Основной гнойник был вскрыт в Отделе кадров. Считаю, что парткомитет должен заглянуть в расстановку штатов.

А у нас там сидел такой ИОФФЕ и писал на сотрудников справки. Или взять тов. КУКЛИНА. Он больше работник Отдела кадров, чем коммунист.

Парткомитет должен интересоваться работой Отдела кадров, конечно, не становясь на путь подмены руководства.

О ликвидации последствий вредительства. Об окончании следственных дел. Надо с этим делом кончать как можно быстрее. Работая сейчас в Кривом Роге, я воочию убеждаюсь, что вся остальная работа заброшена. Добыча руды идет к низу. Мы не помогаем, не информируем по всем этим вопросам. Там имеется ценная агентура, которая сейчас, как следует, не работает.

Я удивляюсь тов. УМАНСКОМУ, что он мог допустить, чтобы два ценных агента прошли по делу как свидетели. Необходимо в горотделах выделить по два человека, не меньше, специально для агентурной работы. А сейчас агентурная работа в загоне.

О тов. ХОЛОДНОМ и тех делах, которые из 4 отдела были переданы в 8-й отдел. Накуралесил ХОЛОДНЫЙ немало. Дело по обвинению ПЛЫШЕВСКОГО. Разрабатывал «ЮРОВ» — это первый свидетель по делу, осведомитель «ИВАНОВ» — второй свидетель. Резидент «УДАРНИК» тоже допрошен в качестве свидетеля и такое дело собирались передать в суд. Если бы я по почеркам случайно не обратил на это внимание, не установил бы таких фактов, то дело было бы уже в суде.

Почему об этом и других подобных делах тов. ХОЛОДНЫЙ не говорил в своем выступлении? [...]

Необходимо поставить вопрос, чтобы обком дал нам освобожденного секретаря, чтобы он нас подталкивал в целом ряде партийных вопросов. Это бы нам много помогло. По крайней мере, не будет разговоров, что я и начальник отдела, я и секретарь, и не знаю, чем я в первую очередь должен заниматься.

[...] Надо учесть, что в ряде районов имеются новые, неопытные работники и там им ждать помощи не от кого. В Кривом Роге есть два молодых

работника РЫЖЕНКО и КОЛЕСНИКОВ. Мы нечутко к ним подходим. Это перспективные товарищи, но мы их сами сбили с верного пути. Они явились исполнителями ряда безобразных действий. Они наиболее поворотливые, мобильные и скорее пошли на проступки, на которые их наталкивали. Их надо спасать. Легче всего уничтожить. Ведь за спиной этих работников стоят другие работники.

Особоуполномоченному в разбор этих дел надо вложить душу. Надо разобраться, где исполнители, а где действительные виновники.

Тов. УВАРОВ. Я не полностью прослушал выступление ШУМКОВА, но он неверно излагает факты безобразий в Криворожском горотделе. Я там был в июле месяце, арестовывали по 200 чел[овек] за ночь, арестованных не допрашивали, а писали протоколы кому только вздумается. Так, у оперуполномоченного КОЛЕСНИКОВА писала протокол машинистка, фельдшер и секретарь Ежовского РО НКВД НОВОХАТЬКО, а потом этим арестованным давали подписывать.

Оперуполномоченный ГУСЯТИНСКИЙ печатал протоколы на машинке, диктовал трем машинисткам сразу, потом давал подписывать. Это же было и у ЛЫСОВА.

Эти дела составляли несколько контрреволюционных повстанческих групп, потом ДАРАГАН предложил переделать по окраске вроде шпионской, когда дела сдали в УНКВД ШУМКОВ с группой оперативников: КАЧАЛОВСКИМ и др[угими], на «вилке» все эти группы связал в одну — составил контрреволюционную организацию в 242 человека. ГЕРШГОРИН сказал КОРКИНУ на оперативном совещании, [что] в Кривом Роге вскрыта липовая дивизия⁴⁰.

Ведь это так, когда КОРКИН 4.I.1939 года был в Кривом Роге, он прямо ШУМКОВУ дал установку — [если] работник не дает дела в суд, его — на парткомитет и обсуждать вопрос как об оперативном бездельнике. ШУМКОВ эти указания принял как директиву, начал избивать [сотрудников] и первым начал с меня.

Дело ПЕТРОВА всесторонне проверено и не добыто компрометирующих материалов через свидетелей. Целую ночь с КАЧАЛОВСКИМ искали материал, на основании чего он арестован. И что же — нашли маленькую записку агентурную, непроверенную. Когда вызвали агента, он подтвердил, что он просто написал, а в лицо ПЕТРОВА никогда не видел.

Только тогда ШУМКОВ принял решение освободить. Попы, как и ПЕТРОВ, все бывшие провокаторы царской охраны. Но нельзя же после решения ЦК ВКП(б) и СНК продолжать практику [массовых арестов]. А ведь КАЧАЛОВСКИЙ пытался таким образом оформить дело, о чем ШУМКОВ знал.

Здесь почему-то мало говорили о РЕДЬКО, а ведь он много натворил безобразий. Виноват РЕЗНИКОВ, но не столько, сколько РЕДЬКО. И о нем нужно было говорить больше. РЕДЬКО и ШУМКОВ творили безобразия по прямому указанию КОРКИНА и ДАРАГАНА. У ШУМКОВА

⁴⁰ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

и РЕДЬКО вербовщики получались от потребности, т.е. появился такой, какой необходим для дела.

Вторичное выступление тов. ОСТРОВСКОГО. Здесь зашла речь о МАДЖАРЕ. Я был одним из членов судебного заседания, судившего его. Я затрудняюсь восстановить все в памяти.

В Военном трибунале дело рассматривалось, как неверие в борьбе с врагами. Упоминались конкретные лица, дела на которых отказывался вести МАДЖАР и которые потом были осуждены. Были ли это чистокровные дела или нет — сейчас трудно сказать. Полагаю, что в них могли быть допущены ошибки.

МАДЖАРЕ инкриминировалась кулацкая психология. Он, конечно, был виноват. Но, возможно, было достаточно его изгнать из партии, наложить строгое взыскание.

Считаю, что надо вернуть дело и пересмотреть. Правда, в суде я даже просил больше, чем 7 лет. Следствие по делу МАДЖАРА вел РОМАНЕНКО.

Об УВАРОВЕ. Впервые его я встретил в Кривом Роге. УВАРОВ там бездельничал, целыми днями ничего не делал. Сами криворожские работники, в частности КОРОВИН, ставили вопрос о том, чтобы призвать его к порядку.

Тов. ЧУЛКОВ. Я тоже был членом суда, судившего МАДЖАРА. Источником возникновения дела МАДЖАРА явился его рапорт, в котором он просил уволить его, ссылаясь при этом на свою болезнь, и что он не может вести двух следственных дел. Обвинялся он по ст.ст. 54–14 и 54–10. Вел дело РОМАНЕНКО. МАДЖАРА ни в чем не признал себя виновным.

В условиях сегодняшнего дня его проступок подлежал бы партийному разбирательству. Он заслуживал того, чтобы его выгнать из партии. Мое мнение — следует дело вернуть и пересмотреть.

МАДЖАРА я знал еще с 1930 года, работал вместе с ним на заводе [им.] Ленина. Знал я его как примерного товарища.

Вторичное выступление тов. САПОЖНИКОВА.

Свою вину, как секретарь парткомитета, я здесь признал. Я, конечно, многое проглядел. Будучи погружен в оперативную работу, я, по сути, был оторван от партийной массы, это моя вина. Я не могу согласиться с выступлениями отдельных товарищей, которые неправильно, несамостоятельно говорят о фактах.

ОСТРОВСКИЙ здесь говорил, что ему не разрешалось выехать на партсобрание. Неверно, не так было. Я добился, чтобы все коммунисты вернулись из командировки и присутствовали на собрании.

Относительно заявления ШУМКОВА о службе КОРКИНА у белых. ШУМКОВ действительно, приехав из Москвы, рассказал мне, что он там где-то в очереди за завтраком слышал о КОРКИНЕ, что будто бы он служил у белых, о чем расскажет подробно ФАЙНШТЕЙН, находящийся еще в Москве.

Ни ШУМКОВ, ни ФАЙНШТЕЙН мне ничего конкретного не сказали, однако я говорил с ЗАЙЦЕВЫМ из О[тдела] К[адров] и смотрел

материалы, какие у нас имелись. Из этих материалов явствовало, что он имел партийное взыскание за сокрытие соц[иального] прошлого. Однако там же, в той же парторганизации, это партвзыскание — выговор был снят. Больше я ничего не установил.

Теперь о поведении ШУМКОВА и по существу его сегодняшнего выступления.

Нечестно, непартийно, тов. ШУМКОВ, так себя вести, как ты себя ведешь. Ты начальник отдела, ты давал неверные указания работникам, толкая этим их на извращение Советских законов. Почему ни словом об этом не обмолвился здесь? Дальше ты буквально заявил: «Видите ли, я знал, что делается беззаконие, понимал, что это не в пользу партии, но не реагировал лишь потому, что в личном деле имеются какие-то пятна и, кроме того, имел выговор по партийной линии за протаскивание троцкистского лозунга на партзанятиях». Мол, боялся. Разве это партийно? Что это имеет общего с партийностью?

Значит ты, боясь за свое благополучие, не считался с интересами партии? Непартийно, тов. ШУМКОВ.

Тов. КОГАН неправильно информировал собрание о списке комсомольцев, представленных к награждению. Я тогда обрушился на него, почему он не внес себя в список лиц, представленных к награде, а теперь он говорит, будто бы я велел дифференцировать комсомольцев по национальности. Неверно. Во-вторых, не я представлял, а начальник Управления и со мной по таким вопросам не советовались. [...]

Вторичное выступление тов. ЧЕРЕПЕНИНА.

[...] О разговоре в машине. ПЕЧЕНОВ, здесь рассказывая, весь разговор перековеркал. Я только приехал из Киева, а там уже прошло собрание по вопросу об искривлениях. Из разговора с сотрудниками в Киеве я узнал, что некоторые работники выступали на собрании и приводили ряд вопиющих фактов безобразий, в частности об антисемитизме. Разговор при поездке в Днепродзержинск затеял не КОРКИН, а я рассказал, какие были вскрыты безобразия. Привел факты, когда выступил один работник и сказал, что по поручению УСПЕНСКОГО он представлял в ЦК липовые справки. Тов. ХРУЩЕВ в ответ заявил, что этому сотруднику не место в партии, почему он не сообщил об этом в то время, когда УСПЕНСКИЙ был наркомом?

Некоторые из выступающих на собрании сотрудников, имевшие за собой большие хвосты, используя вскрытые моменты антисемитизма, пытались прикрыться этим. Заявляя, что против них были гонения только потому, что они евреи, хотя в их работе был ряд серьезных погрешностей. Тов. ХРУЩЕВ сказал, что, независимо от национального происхождения, органы НКВД очищались и будут очищаться от людей, которым не место в наших органах.

Такой разговор был в машине при поездке в Днепродзержинск, но не так, как говорил тов. ПЕЧЕНОВ.

В отношении «издевательства» над ЖУРАБОВИЧЕМ — это неверно. Я не издевался, не было никаких оснований обвинять меня в этом. Два или три раза были у меня с ЖУРАБОВИЧЕМ беседы о наборе в школу.

Дела шли неважно, я прямо поставил вопрос, когда же будет видна работа. А ЖУРАБОВИЧ, как обычно, складывает с себя ответственность, заявляя, что тормозит обком и т.д. Я сказал, что такая неверная постановка вопроса недостойна кандидата партии, но не издевался над ЖУРАБОВИЧЕМ. Да и вообще, я ни над кем не издевался.

О 7-ми делах. Я две недели просидел в Киеве, когда возил туда дела начальников райорганов на утверждение. Дела у нас просматривали от корки до корки. За неделю до бегства УСПЕНСКОГО встал вопрос и об утверждении начальников отделов. КРЕТОВ потребовал дела для проверки. Какая другая была у него цель, я не знаю.

Говорили здесь, что я близкий КОРКИНУ человек. Я уже сказал о взаимоотношениях с ним. У меня были с ним такие же взаимоотношения, как и у всех начальников отделов. Может быть, в некоторых случаях и менее близкие. Я, кроме служебного кабинета, нигде у КОРКИНА не был. Кроме служебных разговоров, других с ним не вел.

Я уже говорил, как встретился с ним в Воронеже. До октября месяца я был в оперативной группе, до мая 1938 года — болел. Какая же у меня связь с КОРКИНЫМ? О том, что КОРКИН враг, я узнал только сейчас, вместе со всеми Вами.

О БОЛДИНЕ. В Воронеже он был у меня в подчинении и в то время был прекрасным товарищем, а как только назначили его начальником отделения, стал вести себя иначе. Здесь, в Днепропетровске, ни одного вопроса со мной, как полагается, он не согласовывал. Звонил к КОРКИНУ и вопрос был исчерпан, а со мной он меньше всего согласовывал вопросы о кадрах. Близких связей у меня с БОЛДИНЫМ никогда не было.

Мне также приписывают выдвижение ХРЕНОВА, РЕДЬКО и др. Их выдвинули еще до моего приезда в Днепропетровск. Я тут ни при чем и не могу за это отвечать.

КЛЕМАН задавал вопрос относительно справок. Справки писались на всех до единого сотрудника по данным личного дела. С моей стороны не было случаев, чтобы допускалось неправильное составление справок. Еще раз могу привести пример с ИОФФЕ. Я немедленно выгнал его за то, что он стремился «расписать» сотрудника в справке. Если бы я этого своевременно не предотвратил, то было бы много сделано не на пользу нашему коллективу.

Функции Отдела кадров должны оставаться его функциями. Почему Отделу кадров запрещают интересоваться тем или иным сотрудником? Без этого в нашей работе не обойдешься.

Случай с ШОЙХЕТОМ. ОСТРОВСКИЙ неправ. Мы тов. ШОЙХЕТУ несколько раз говорили, что интересуемся его отцом, требовали официальную справку о смерти из Загса. Кривой Рог не высылал такой справки. Я написал, что справки нет и выслать не можем. Киев ответил, что если справки не будет, то будет поставлен вопрос о возможности дальнейшего пребывания в органах тов. ШОЙХЕТА. Я вызвал тов. ШОЙХЕТА и предложил ему самому поехать в Кривой Рог и привезти необходимую справку. Теперь все выяснено и вопрос о ШОЙХЕТЕ отпадает.

КЛЕМАН задал вопрос, какую я лично имел аттестацию. На протяжении 19 лет своей работы в органах я не видел своего личного дела и об аттестации не знаю. Особенно похвалиться нечем. Только 5 месяцев я работал начальником отдела, до этого работал на низшей работе. Начинать работу с агента наружного наблюдения. К наградам не представлялся. Судите о моей аттестации сами.

ХРЕНОВ выступил и ничего не сказал о ЛЕНОВЕ. Неспроста ЛЕНОВ приезжал в Днепропетровск со слезами и прямо заявил, что ХРЕНОВ меня терроризирует и проявляет ко мне самое неприязненное отношение потому, что я еврей.

Кто давал право ХРЕНОВУ зачислять ЛЕНОВА оперуполномоченным? ХРЕНОВ объяснял, что он снят КОРКИНЫМ. А документ об этом послали? Нет. У меня таких документов нет. У меня в кабинете ХРЕНОВ сам признался, что с ЛЕНОВЫМ поступил неправильно. Надо по-человечески относиться к работникам.

О переброске из района в район. Совершенно правильно об этом ставит вопрос тов. КОГАН. Я всегда возмущался этим и говорил с начальниками отделов, спрашивал, почему оголена периферия, почему работники периферии сидят здесь, в Днепропетровске, и вы не беспокоитесь о районах. Такое положение было неправильным. Я несколько раз ставил перед КОРКИНЫМ вопрос об этом. Получал ответ: «Какое Ваше дело?».

ХОЛОДНЫЙ говорил, что якобы я знал, что людей зажимают. Помню случай с ДОЦЕНКО. Было это в августе месяце. Вызвал меня ДАРАГАН и потребовал вызвать в Днепропетровск ДОЦЕНКО. Почему, мол, у него демобилизационное настроение? ДОЦЕНКО явился в кабинет к ДАРАГАНУ. ДАРАГАН вызвал меня. ДОЦЕНКО ставит вопрос, что он хочет работать в Днепропетровске. Других разговоров при мне с ним не было.

Для меня очень больно и прискорбно находиться в таком положении, что вся партийная организация от меня отвернулась. Я это чувствую. Неужели я преступник? Нет, я не преступник. Я виноват — накажите меня. 3–4 дня мне в глаза никто не смотрит, со мной не здороваются. В чем дело? Я виноват перед всеми Вами, перед партией. Допустил грубейшее преступление. Но допустил я это не сознательно, а потому что верил руководству. Я не понимал преступной сущности некоторых установок. Разве я совсем пропащий человек? Думаю, что я человек еще не испорченный, для партии не пропал, а то, что мы все оказались в лапах замаскировавшегося врага — это факт. Мы пошли по неверному пути, потому что своевременно не расшифровали, и я в частности, вражескую деятельность КОРКИНА.

Я не придал политической остроты тем вопросам, которые проводились в жизнь, и в результате скатился до такого положения. Дайте мне возможность еще быть в партии, я приложу все усилия, отдам всю жизнь, чтобы еще продуктивнее работать и беспощадно бороться с врагами.

ПОСТАНОВИЛИ:

Выделенная собранием комиссия в составе т.т. КЛЕМАНА, СТРЕЛЬЦОВА, ПУЛКИНА, ПАНЬКОВА и ГУЗЕНКО предлагает собранию резолюцию, которая принимается единогласно за основу. [...]

По вопросу о наложении взыскания на ЧЕРЕПЕНИНА высказались:

Тов. КЛИМОВ. ЧЕРЕПЕНИН совершил большое преступление перед партией, он проводил в жизнь антисемитские установки. Но он осознал свои ошибки, которые допустил под нажимом вражеского руководства, слепо выполняя волю последнего. Считаю, что ЧЕРЕПЕНИН не потерянный для партии человек. Он за 20 лет пребывания в партии не имел ни одного взыскания. К тому же в наших органах работает 19 лет. Считаю, что ему надо объявить строгий выговор с предупреждением и вывести из состава партийного комитета, но в партии оставить.

Тов. БЕЛОВ. Я присоединяюсь к мнению тов. КЛИМОВА. ЧЕРЕПЕНИН — старый член партии, не имел взысканий. Здесь рассказал нам, почему он сделал такие серьезные ошибки. Большая вина в этом того вражеского руководства, которому мы все верили. Его можно оставить в партии.

Тов. ПАШЕНКО. ЧЕРЕПЕНИН проводил в жизнь антисемитские установки. Но он до последней минуты неискренен перед собранием, он не все рассказал. Его неискренность проявилась и в тех объяснениях, что он нам давал по вопросу телефонного разговора с Москвой. Учитывая все это, я считаю, что ему не место в партии.

Тов. КЛЕМАН. Неискренен ЧЕРЕПЕНИН, он проводил вражескую установку КОРКИНА и не здесь ее от него получил, а привез ее с КОРКИНЫМ из Воронежа. Здесь речь идет не об ошибках. Речь идет об антисоветских установках.

Он не рассказал нам все. Я ему не верю. Если он хочет исправиться, пусть исправляется вне партии. Я поддерживаю предложение комиссии об исключении ЧЕРЕПЕНИНА из ВКП(б).

Тов. СИНЯКОВ. Считаю, что ЧЕРЕПЕНИН проводил фашистскую линию, осуществлял на практике антисемитизм, искривляя национальную политику партии. За антипартийную, антисоветскую деятельность ЧЕРЕПЕНИНА надо исключить из партии.

Тов. ОСТРОВСКИЙ. ЧЕРЕПЕНИН не проявил должной искренности. Он скрыл еще что-то от партии. Он проводил сознательно антипартийную линию и за это его надо исключить из партии.

Тов. ТУЛЬЯНОВ. Я считаю, что руководство партийное, в частности САПОЖНИКОВ, был оторван от масс. Отделы были заняты и ЧЕРЕПЕНИН был занят. А поэтому я предлагаю ЧЕРЕПЕНИНА оставить в партии, т.е. утвердить решение парткомитета.

Тов. ГУЗЕНКО. Я за исключение ЧЕРЕПЕНИНА из партии потому, что он за все время разбора вопроса о нем неискренен перед партией, он признал ряд моментов только под большим нажимом, всего он не рассказал. Поэтому ему нельзя доверять, нельзя его оставлять в партии.

Тов. ЛЕВИТАН. У меня было мнение оставить ЧЕРЕПЕНИНА в партии, а сейчас я понял, что он проводил вражескую работу по заданию врагов, но он выполнял ее несознательно и для партии он не потерянный

человек. Я предлагаю его в партии оставить и вынести строгий выговор с предупреждением.

Тов. НОСЕНКО. Из партии исключить ЧЕРЕПЕНИНА мы всегда успеем. Мне думается, что он не потерянный человек и сможет еще принести пользу. ЧЕРЕПЕНИН 20 лет в партии и никаких взысканий не имел, поэтому мне кажется, что ЧЕРЕПЕНИНА надо в партии оставить, объявив ему строгий выговор с предупреждением и вывести его из состава партийного комитета.

Тов. СТРЕЛЬЦОВ. ЛЕВИТАН неправ. ЧЕРЕПЕНИН антисемитские установки в практику проводил вполне сознательно, зная, что это антисемитизм. Он еще не сказал всего. Как он изворачивался на партийном комитете, заявляя, что обо всем говорит откровенно, и тут же, под нажимом, рассказывая новое. Сколько раз он на партийном комитете пламенно заверял, что ничего больше не знает и тут же, под нажимом, сообщал новые факты. Я поддерживаю предложение комиссии об исключении ЧЕРЕПЕНИНА из партии, как антисемита.

Тов. ЧЕРЕПЕНИН. Товарищи, я еще раз прошу оставить меня в партии.

Путем голосования вынесено решение:

За объявление строгого выговора с предупреждением голосовало 37 ч.⁴¹

За исключение из партии 21 ч.

По вопросу о наложении взыскания на тов. САПОЖНИКОВА высказались:

Тов. КОГАН М. Учитывая, что САПОЖНИКОВ искренне признал свои ошибки, я предлагаю тов. САПОЖНИКОВУ объявить выговор без занесения в личное дело и вывести его из состава партийного комитета.

48 голосовали за при 11 против. Принято предложение объявить тов. САПОЖНИКОВУ выговор без занесения в личное дело. Вывести его из состава партийного комитета и снять с работы секретаря парткомитета.

После внесения добавлений и исправлений собранием единогласно принимается следующая резолюция.

Закрытое партийное собрание парторганизации УГБ УНКВД по Днепропетровской области, заслушав постановление партийного комитета от 26 и 28 января 1939 года по вопросам исключения КОРКИНА из партии, как врага народа, арестованного органами НКВД, и выводы комиссии по расследованию фактов, выдвинутых на партсобрании тов. САПОЖНИКОВЫМ о т.т. РЕЗНИКОВЕ, УМАНСКОМ, КЛЕБАНОВЕ,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Решение Партийного Комитета от 28 января об исключении КОРКИНА, как врага народа, репрессированного органами НКВД, — утвердить⁴².

2. Отметить, что секретарь партийного комитета тов. САПОЖНИКОВ, располагая фактами и сигналами отдельных коммунистов (ПУЛКИН, ЖУРАБОВИЧ, ЛЕЙБОВИЧ), неправильно ориентировал партийную

⁴¹ Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

⁴² Виділений фрагмент окреслений червоним олівцем.

организацию о наличии конкретных фактов антисемитизма и вредительской практики в работе Отдела кадров УНКВД.

Тов. САПОЖНИКОВ, находясь под влиянием КОРКИНА, не поднимал на принципиальную высоту и не реагировал на неоднократные сигналы не только о практике антисемитизма в Отделе кадров, но и на прямые сигналы антипартийного поведения КОРКИНА.

На партийном собрании 9–10 января САПОЖНИКОВ в отчетном докладе отвлек внимание партийной организации от вскрытия вражеской деятельности КОРКИНА и антипартийных действий ЧЕРЕПЕНИНА, ДАРАГАНА, БОЛДИНА; САПОЖНИКОВ ориентировал организацию о якобы существующей антипартийной группировке РЕЗНИКОВА — УМАНСКОГО — КЛЕБАНОВА, собирающей компрометирующие материалы против руководства УНКВД КОРКИНА.

Тов. САПОЖНИКОВ, оторвавшись от партийной организации, глушил критику и самокритику и, тем самым, способствовал несвоевременному разоблачению врага КОРКИНА и антипартийных действий ЧЕРЕПЕНИНА, ДАРАГАНА, БОЛДИНА.

За притупление большевистской бдительности, выразившейся в нереагировании на сигналы отдельных коммунистов о наличии практики антисемитизма в работе Отдела кадров УНКВД и антипартийного поведения КОРКИНА — врага народа, САПОЖНИКОВА вывести из состава партийного комитета, с работы секретаря партийного комитета снять и объявить выговор без занесения в личное дело.

Отметить, что весь состав партийного комитета наряду с САПОЖНИКОВЫМ проглядел, своевременно не вскрыл вражеские действия врага народа КОРКИНА.

3. Партийное собрание считает установленным наличие фактов антисемитизма в практике работы Отдела кадров, которые проводил ЧЕРЕПЕНИН, по прямой установке бывшего начальника УНКВД, разоблаченного врага народа КОРКИНА и отдела кадров НКВД УССР в лице КРУТОВА и КРЕТОВА.

За потерю большевистской бдительности, за скрытие вражеской деятельности КОРКИНА по вопросу работы Отдела кадров УНКВД и проведение на практике антисемитизма ЧЕРЕПЕНИНА вывести из состава партийного комитета, объявив ему строгий выговор с предупреждением с занесением в личное дело.

Просить бюро обкома КП(б)У пересмотреть свое решение об утверждении ЧЕРЕПЕНИНА в должности начальника Отдела кадров УНКВД.

Просить НКВД УССР об отстранении ЧЕРЕПЕНИНА от должности начальника Отдела кадров УНКВД.

Сообщить Народному Комиссару НКВД УССР об антисемитских установках О[тдела] К[адров] НКВД УССР в вопросе подбора кадров, конкретно со стороны КРУТОВА и КРЕТОВА.

4. Предложить партийному комитету все материалы о непартийных действиях БОЛДИНА и ДАРАГАНА, сообщить партийным организациям по месту работы.

5. Утвердить решение партийного комитета от 28 января с/г — п.п. 6 и 7 о т.т. РЕЗНИКОВЕ, УМАНСКОМ и КЛЕБАНОВЕ, добавив в п. 6 фамилию РЕЗНИКОВА.

6. Предложить партийному комитету в 5-дневный срок рассмотреть поступившие материалы на закрытом партсобрании на т.т. ЗАЙЦЕВА — О[тдел] К[адров], ЗАЙЦЕВА — 12 Отдел, БОЙКО и КЛИМОВА.

Результаты расследования и решения партийного комитета доложить на очередном закрытом партсобрании.

7. Возложить временное исполнение обязанностей секретаря партийного Комитета на тов. ПУЛКИНА.

8. Просить райком КП(б)У санкционировать доизбрание членов партийного комитета в течение ближайшей декады.

9. Партийное собрание считает, что развернувшиеся прения и выступления отдельных коммунистов вышли за пределы обсуждаемых вопросов.

Обсуждая в разрезе постановления Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома от 17 ноября 1938 года ошибки и извращения, допущенные парторганизацией УНКВД, партийное собрание поручает партийному комитету наметить мероприятия, которые бы обеспечили выполнение в полной мере постановления ЦК и Совнаркома.

10. Поручить партийному комитету протокол настоящего партийного собрания направить Народному Комиссару Внутренних Дел УССР.

11. Отметить, что райпартком не оказал достаточной помощи нашей парторганизации в деле разворота партийно-массовой работы.

12. В связи с тем, что в практике работы Отдела кадров УНКВД был установлен ряд фактов антисемитизма, просить командование укрепить Отдел кадров лучшими проверенными коммунистами. Парткомитету провести разъяснительную работу среди всего состава работников О[тдела] К[адров] в целях исправления имевшихся там искривлений.

Пункт протокола партийного Комитета от 28 января 1939 года о работе парткабинета утверждается единогласно.

ПРЕЗИДИУМ: ПУЛКИН

САПОЖНИКОВ

ЛЕВИТАН

ЗАДИОНЧЕНКО

УЛАСЕВИЧ

СИДЕЛЬКОВСКАЯ

СЕКРЕТАРИАТ: ЗВАРКОВСКИЙ

ЧУЛКОВ

ОСТРОВСКИЙ

С подлинным верно: [підпис] Пулкин.

ГДА СБУ, ф. 16. оп. 32. спр. 31, арк. 165–245.

Засвідчена копія. Машинопис.

**Із протоколу закритих партзборів співробітників
Дніпродзержинського райвідділу НКВС УНКВС
по Дніпропетровській області**

3–4 лютого 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: членов партии — 10 чел[овек], кандидатов — 5 человек, комсомольцев — оперраб[отников] — 4 чел[овека], секретарь горпарткома АЛФЕРОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — СЕРБИН, СЕКРЕТАРЬ — ДУНАЕНКО
ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О вражеской работе КОРКИНА и ликвидации последствий вредительства в органах НКВД.
2. Разное.

1. СЛУШАЛИ: О вражеской работе КОРКИНА и ликвидации последствий вредительства в органах НКВД (докл[адчик] т. ХРЕНОВ).

Всем известно, что 23.01.1939 г. арестован КОРКИН, бывш[ий] нач[альник] УНКВД.

Партийное собрание УНКВД установило, что КОРКИН — колчаковец и провел большую вредительскую работу в органах НКВД по заданию УСПЕНСКОГО.

КОРКИНЫМ проведена фашистская линия. Он давал установки, чтобы евреев в органы не принимать и их с органов УНКВД УГБ выживать. Эту линию КОРКИН проводил через ЧЕРЕПЕНИНА.

По его заданию честных коммунистов высылали на север и расправлялись с ними. На шесть коммунистов-чекистов евреев ЧЕРЕПЕНИН возил дела к УСПЕНСКОМУ для дачи санкции на арест (ШТЕЙМАН, УМАНСКИЙ и др.).

Наши органы провели большую работу по выкорчевыванию врагов, но в последнее время сделали большие перегибы [предприятий].

По приезде в г. Днепропетровск УСПЕНСКОГО по его распоряжению произвели массовые аресты — по спискам спецотделов.

После ареста была допущена вражеская работа в следствии. В камеру на 30 человек садили 200–300 человек.

Были поставлены сроки для окончания следствия, по польской операции для такого большого количества арестованных — 20 дней.

Это привело к тому, что работников заставляли тянуться и давать по 10 протоколов в сутки. Если какой работник давал мало протоколов, то говорили, что к этому работнику надо присмотреться — не враг ли он?

Карнауховский отряд⁴³ служит примером, много посадили честных людей, которые всю жизнь боролись за соввласть, и они были оговорены врагами.

Часто проводили и очные ставки втемную.

⁴³ Йдеться про фальсифіковану справу «червоних партизанів».

Вся эта работа являлась вражеской и ненужной для партии.

Мы решили собрать партсобрание, где поставить этот вопрос, чтоб со всей большевистской искренностью разобрать этот вопрос.

В порядке предложения т. ЛЕНОВ. Пусть товарищ докладчик остановится на том, какие именно перекручивания были в Днепродзержинске.

Тов. ХРЕНОВ. Я новый человек, здесь я всего не знаю, что здесь творилось. На этом вопросе я остановлюсь позже. Пусть каждый присутствующий выступит.

Тов. СЕРБИН поддерживает предложение т. ЛЕНОВА. Докладчик согласился с предложением.

Я хочу сделать анализ — почему мы проглядели вражескую работу? Это потому, что враги, осевшие в наших органах, перебили старые кадры и посадили новые малоопытные кадры, что дало возможность им проводить свою вражескую работу незамеченной.

Почему в чекистском коллективе не было таких людей, которые бы заявили обо всем этом? Это потому, что всех тех, кто сомневался в делах, садили под арест.

Сигналы были. Много сигналов направлено в наркомат, критика и самокритика была заглушена, и мы были оторваны от партии.

В Запорожье, Никополе, Днепродзержинске после приезда УСПЕНСКОГО провели массовые аресты. Справки писались с фальсификацией, по данным спецотдела, которую организовал ДАРАГАН⁴⁴. Если мало было арестованных, то КОРКИН говорил, что в вас партия ошиблась, вы не умеете бороться с врагами и проч[ее]. Прокурор штамповал справки на арест, не проверяя правильности арестов.

Вражеская работа поддерживалась в Днепродзержинске ее организаторами. Здесь были ДАРАГАН, которому помогал частично ЛЕНОВ.

Здесь была организована «школа» ДАРАГАНА. Арестованные содержались в жутких условиях. В камерах создали старостат, который влиял на арестованных в сторону дачи провокационных показаний, из-за чего сейчас имеем освобождения из-под стражи.

Всех тех, кто мало писал протоколов, того били и говорили, что то плохой работник, а кто писал много протоколов, того называли хорошим работником (ДОЦЕНКО, СОБОЛЕВСКИЙ).

В период массовых арестов под руководством ДАРАГАНА была составлена схема контрреволюционной организации с явной фальсификацией, где рядом с ЛЮБЧЕНКО посадили в руководство неграмотного кулака, дворника ЗАБОРУ (Киев). По этой схеме необоснованно много посадили людей, по ней должны были арестовать 400 человек.

Непосредственными исполнителями этой схемы являлись КРУГЛЯК и ЛЫГАН. Со стороны КРУГЛЯКА и ЛЫГАНА по указке ДАРАГАНА были уговоры арестованных для получения липовых громких показаний, которые сознательно провоцировали следствие, как теперь это установлено.

⁴⁴ Так у тексті.

В Днепродзержинске действительно была вскрыта «П[ольская] О[рганизция] В[ойскова]», но эта организация не могла быть в таком массовом порядке. Все сидящие здесь знали обо всем этом, но молчали. Я сам чувствовал неправильность операции по полякам, но струсил, т.к. боялся, что меня посадят за неверие в правильность арестов по полякам.

Были прямые злоупотребления со стороны отдельных работников. Были такие работники, которые умывали руки от работы и толкали молодые кадры на преступления. Это ДАРАГАН и ЛЕНОВ — создавшие провокации среди арестованных и давшие вредительские указания молодым кадрам: «Не идет на «ПОВ» — коли на шпионаж».

Молодые кадры, пришедшие в органы полноценными и преданными работниками, благодаря таким вредительским установкам, какие давал ДАРАГАН и ЛЕНОВ, они стали выполнять вражеские указания.

ЛЕНОВ был последним оружием у ДАРАГАНА, он выполнял все то, что последний ему прикажет. Сам ЛЕНОВ не работал и теперь стоит в стороне.

Мне бросили упрек, что я отношусь к ЛЕНОВУ с пренебрежением, как к еврею. Это неправда. В этом вопросе я большевик и антисемитскую линию не мог проводить. Я ФРИШМАНУ создал условия для работы и если бы я был антисемитом, то этого бы не сделал.

Я имею много ошибок. Я молодой руководящий работник. Я был на явке с т. СЕРБИНЫМ и агент сказала, что тов. ЛЕНОВ сожительство-вал с женщиной, которая связана с лицом, нами разрабатываемым по шпионажу.

Тов. ЛЕНОВ на туковом комбинате подменяет руководство и бара-хольник (взял кассу).

Большие искривления имеются по 4-му отделению. Виновные в этом ДАРАГАН, КРУГЛЯК, ЛЫГАН, ШИЛОБРИТ, которые искусственно создавали организации, делаи подлоги и «очные» ставки втемную. Все это является вражескими делами.

Моя вина заключается в том, что я молодой руководящий работник и, приехав сюда, не мог вскрыть этих вражеских дел, что стало ясным тогда, когда начали все дела разбирать заново. С моей стороны никаких фальсификаций и подлогов не было.

1. Тов. ДОЦЕНКО. Приехал я в Днепродзержинск после совещания, которое проводил УСПЕНСКИЙ, будучи в Днепропетровске. На этом же совещании я услышал, что ДАРАГАН дал обещание УСПЕНСКОМУ в короткое время арестовать 1500 человек врагов.

По приезду мне первоначально дали примерно 10 арестованных, но затем заменили, так как первая партия не сознавалась.

В процессе работы с арестованными я начал спрашивать у ЛЕНОВА — где же оперативный материал, на основе которого были произведены аресты? Однако этого материала мне не дали и ЛЕНОВ заявил: «Работайте».

Спустя немного времени для меня стало совершенно понятно, что материалов на арест не было, а справки на арест часть писались по спискам, присланным из заводов. На выписках справок на арест сидел ПОНОМАРЕНКО.

После того как я получил новых десять дел, я, работая с арестованными, не получал от них признаний. Меня на совещании корили, что плохо работаю, но вскоре моих арестованных попересадил в другие камеры, и они начали давать показания, придя на допрос сразу же. Это все являлось результатом камерной обработки, которая была создана руководством горотдела.

Как факты косвенного указания к созданию липовых дел приведу пару случаев. В моем производстве имелось дело ПЕТРСА (немец), арестованного по справке, изобличающего оперативными материалами. ПЕТРС сознавался, что он участник контрреволюционной украинской националистической организации. Я доложил об этом ЛЕНОВУ. ЛЕНОВ дал мне указания переделать его на германского шпиона. Я, поговорив с арестованным, не получил от него таких показаний и доложил об этом опять ЛЕНОВУ. Дело ПЕТРСА у меня было отобрано, и, кажется, ПОНОМАРЕНКО оформлял на германского шпиона.

Второй факт. У меня был один арестованный, по национальности поляк (фамилии не помню). Он два месяца как пришел из тюрьмы и ничего не давал. Я опять доложил ЛЕНОВУ, что вот, что мне с ним делать, высказав свое мнение, что нужно посмотреть его старое дело. На это ЛЕНОВ ответил, что «у Вас голова не в ту сторону», и забрал дело. И это дело затем было оформлено как «ПОВ», но кем, я сейчас не помню.

Видя явно необоснованные аресты, я в одно время пытался поднимать вопрос об этом, но мой сигнал был придушен. Это было при следующих обстоятельствах. После того как закончились дела на альбом по полякам, меня перебрали работать в 4-е отделение — оформлять дела на Спецколлегию. Здесь я также столкнулся с фактом неправильных, безосновательных арестов людей, которые сейчас освобождены (ТКАЧ и др.).

Собравшись со ЗНАЙКО в моей комнате, я сначала высказал мнение, что есть люди, которые без оснований арестованы. ЗНАЙКО подтвердил это. В этот момент зашел ко мне ЛОГВИНОВ.

Сейчас же ЗНАЙКО вызвал к себе ЛЕНОВ. Придя обратно, ЗНАЙКО заявил, что ЛОГВИНОВЫМ поднята шумиха о том, что якобы мы со ЗНАЙКО в присутствии арестованных говорили, что без основания арестованы люди. Я сейчас же побежал к ЛЕНОВУ, он мне подтвердил то же, что и ЗНАЙКО.

Я пошел к ЛОГВИНОВУ и здесь же доказал, что в присутствии арестованных мы не говорили.

Вскоре через т. ХРЕНОВА я был вызван в областное управление НКВД к ДАРАГАНУ и ЧЕРЕПЕНИНУ. Меня сначала расспросил ЧЕРЕПЕНИН в присутствии ДРАГАНА: «Как дела?». А затем начали говорить, что я в 3-м отделении занимаюсь нехорошими делами, требуя основания для ареста. И в 4-м говорил об этом, настраивая других работников.

Я хотел было доказать, но меня взяли хорошо в работу, заявили, чтобы я перестал заниматься этим. В противном случае я лишусь партбилета и меня будут судить, и, вдобавок, заявили, что «раз арестован — значит, враг». Приехав в Днепродзержинск, я рассказал об этом т. СОБОЛЕВСКОМУ.

Вот этот факт, каждодневные упреки, что я плохой работник, аресты сотрудников НКВД и, кроме этого, совет и проведение ЗАСОВЫМ заочных очных ставок, заставили меня провести в 3–4-х делах заочные очные ставки, в чем я признаю себя виновным.

Немалую липовую работу было проведено в 4-м отделении под руководством ЛОГВИНОВА и это можно подтвердить таким фактом. Контрреволюционная украинская организация липово была заблокирована с «ПОВ», а ЛОГВИНОВУ не следовало было бы в разговорах с сотрудниками это отрицать.

Должен сказать, что ЛОГВИНОВ очень хитер и это никак не вяжется с прямою большевика, своей хитростью он осмеивает работников.

Хочу сказать и о том, что дело ХИНЦИНСКОГО — террориста, по-моему, липовое и я сомневаюсь, чтобы у него при обыске изъяли 250 гр. мышьяку.

Я считаю, что ДАРАГАНОМ проведена немалая вредительская работа по созданию липовых дел, он непосредственно давал установки к выписыванию липовых справок на арест, в чем мы сейчас убеждаемся при детальном разборе дел.

ДАРАГАН этим создавал себе славу к такому быстрому получению званий с младшего лейтенанта до старшего [лейтенанта], получение значков и прочее.

Хочу остановиться о ЛЕНОВЕ. Его правильно отстранили от должности нач[альника] 3-го отделения, он ничего не делал, ведь нет ни одного протокола, написанного им, а вместо этого — он грубо обращался с подчиненными.

У меня с ним было несколько стычек: один раз мне заявил, что мне не в НКВД работать, а на обзном заводе, а второй раз, это было 5–6.XI.1938 г. на АТК, когда он в присутствии директора и других работников АТК (я обслуживаю АТК) скомпрометировал меня незаслуженно.

Немало виноват и т. ХРЕНОВ в продолжении проведения вредительской работы КОРКИНА и УСПЕНСКОГО, он ведь сам тоже подписывал липовые справки на арест, знал, что арестовывают по списку.

Я должен остановиться и указать ошибки, по-моему, и ЗАДИОНЧЕНКО. Ведь он, как руководитель областной партийной организации, должен был сделать анализ: а почему так много врагов? Ведь он же имел сигналы в обкоме, а к этому же тоже делал неправильно распоряжение об аресте. Приведу пример. В 4-м отделе по его распоряжению был арестован инструктор обкома КП(б)У ПОЛЯК (сейчас освобожден). Основания для ареста не было, а уже после его ареста КОГАНОМ выписана липовая справка на арест, что он изобличается оперативными материалами.

Во 2-м отделении 3-го отдела был арестован КАМЕНСКИЙ (инструктор горкома партии), он ни в чем не сознавался и дело его складывалось на Тройке. Судя по тем материалам, которые были, ему КОРКИН и ВОВК настаивали дать 10 лет. Однако ЗАДИОНЧЕНКО, не знаю, чем руководствовался, требовал 1-й категории.

Заканчивая, я должен заявить, что проведенная вредительская работа КОРКИНЫМ и его ставленником ДАРАГАНОМ в Днепродзержинском

РО НКВД сводилась к искривлению политики партии и правительства, к нарушению революционной законности.

Липовые дела в Днепродзержинском горотделе были созданы, в основном, благодаря камерной обработке старостами, созданной ДАРАГАНОМ. И немало повлияло на аппарат ГО НКВД запугивание, по сути, вредительские установки начальника ГО и отделений, боязнь быть арестованными и большие аресты сотрудников НКВД говорили об этом.

2. *Тов. ЛЕНОВ.* Доклад тов. ХРЕНОВА был несамокритичен, он оказался во всем происходившем в горотделе не виноват. Все делали, только не он. Я считаю это неправильным и буду говорить самокритично. Я расскажу, что делал, вину каждого, в том числе и свою.

В том положении, которое создалось в Днепродзержинском горотделе НКВД, виновато в первую очередь руководство не только настоящее, но и предыдущее, которое создало «славу» горотделу своей работой, как видно теперь, вражеской. В меньшей мере, однако, и на меня ложится ответственность за работу горотдела.

Я приехал в Днепродзержинск 27 мая 1938 года, и за этот период несу ответственность в своей работе. Массовые аресты начались с июля 1938 года⁴⁵.

Вначале арестовывали по показаниям и компрометирующим материалам. Но после того как ДАРАГАН на совещании, где присутствовал Успенский, взял на себя обязательство арестовать 1500 человек до 1 августа, то картина резко изменилась в том отношении, что аресты начались уже по списку.

Для характеристики я приведу цифры арестов: с 27.V по 16.VII.1938 года, это время, что я работал при ДАРАГАНЕ, было арестовано 274 человека. С 16.VII по 1.VIII.1938 года — это уже в бытность ХРЕНОВА — арестовано было 158 человек. Таким образом, становится ясно, что если за две недели арестовано 158 человек, то основанием для ареста могли служить только списки.

После приезда ХРЕНОВА я к нему захожу со списками национальностей по заводу им. Дзержинского и говорю: «Тов. ХРЕНОВ, в списках в основном инженеры, и если мы их начнем арестовывать, то завод останется без инженеров, кроме того, без санкции наркомата мы не имеем права их арестовывать». ХРЕНОВ, посмотрев список, дал установку арестовывать и даже сам поставил точки, что значило, кого арестовать.

Я хочу этим сказать, что при ХРЕНОВЕ так же, даже больше, было арестов по списку, а он сейчас заявляет, что он приехал к шапочному разбору и при нем арестов было мало.

Но нужно сказать, что основная вина во всем этом, конечно, ДАРАГАНА, он взял обязательство, а потом, став зам[естителем] нач[альника] УНКВД, часто звонил и нажимал.

ХРЕНОВ заявил, что я создал камерную обстановку. Это не соответствует действительности — камерную обработку арестованных, так называемый институт старост, был создан до меня и существовал при

⁴⁵ Так у текстi.

ХРЕНОВЕ. О чем последний знал прекрасно, но сейчас почему-то отрицает это.

Что касается качества работы, то оно особо плохо было при ХРЕНОВЕ. Конкретно можно привести такие цифры. Нам возвратили на доследование 243 дела, они в свою очередь распределяются так: дел, которые были закончены в конце 1937 г. и до апреля 1938 года — 70 шт[ук]. Законченных при ДАРАГАНЕ — 86 шт[ук] и отработанных, и законченных уже в бытность ХРЕНОВА — 97 шт[ук]. Это свидетельствует о том, что качество работы было низкое, особенно при ХРЕНОВЕ, о чем он знал и мирился с этим положением.

По вопросу очных ставок — я помню, что как-то в кабинете у ХРЕНОВА СОБОЛЕВСКИЙ в присутствии меня высказал мысль, что очная ставка между арестованными, которые друг друга не знают, не есть очная ставка. Какую установку по этому вопросу дал ХРЕНОВ — пусть скажет СОБОЛЕВСКИЙ.

Во всей проводимой работе по горотделу тон, конечно, задавал ДАРАГАН в бытность нач[альником] горотдела и зам[естителем] нач[альника] УНКВД.

Один характерный штрих — когда арестованный ДВОРЕЦКИЙ в своих показаниях назвал фамилию АНДРИЕНКО, то ДАРАГАН уже решил арестовать бывш[его] второго секретаря РК КП(б)У АНДРИЕНКО. Когда я начал ему говорить, что это не тот АНДРИЕНКО, то ДАРАГАН об этом очень пожалел. А ведь он мог арестовать АНДРИЕНКО только на основе своего заключения.

Конечно, камерная обработка арестованных сыграла большую роль в том отношении, что показания всеми давались быстро. А мы не вникали глубоко в те показания, которые нам давали, и заканчивали дела. Кроме того, у нас в отдельных камерах сидело по 35 человек и, конечно, люди не выдерживали жары. И это влияло на то, что давали показания.

«ПОВ» возникла же из ориентировки области, точно так же, как «Левобережная», «Правобережная» комендатуры и «боювки».

ДАРАГАН всегда первый узнавал об имеющихся ориентировках в области. Это объясняется тем, что АРУТЮНОВ до того, как был назначен нач[альником] отделения УНКВД, работал здесь, и ДАРАГАН с ним держал тесную связь, будучи в курсе всех новостей по следствию и делам⁴⁶.

Я, когда приехал в Днепропетровский, о «комендатурах» не имел понятия, т.к. в УНКВД я работал по промышленности. Буквально через несколько дней ДАРАГАН после разговора с арестованным СТУДЗИНСКИМ в комнате у КРЮЧКО говорит мне, чтобы я зашел и спросил у СТУДЗИНСКОГО, что он говорит о «Левобережной» и «Правобережной» командах. После этого ДАРАГАН позвонил КОРКИНУ и УМАНСКОМУ, и такие же показания были взяты еще у нескольких арестованных.

⁴⁶ У тексті позначено синіми чорнилами, що виділений фрагмент повинен бути після такого речення: «Во всей проводимой работе по горотделу тон, конечно, задавал ДАРАГАН в бытность нач[альником] горотдела и зам[естителем] нач[альника] УНКВД».

Я хочу сказать, [что] раньше всего с серьезными арестованными говорил ДАРАГАН, а потом уже остальной аппарат. Это тоже имело свое влияние на то, что арестованные давали показания.

В отношении КОРКИНА, то он низовым работникам в отдельности кому-либо установок не давал, а давал их нач[альнику] горотдела, который в свою очередь эти установки доводил до оперсостава.

При приезде ХРЕНОВА порядки, которые существовали при ДАРАГАНЕ, не изменились — та же камерная обстановка, те же старосты.

ХРЕНОВ в своей работе выполнял установки УСПЕНСКОГО об массовых арестах. По распоряжению ДАРАГАНА при ХРЕНОВЕ по 4-му отделению 120 арестованных, обвиняемых в участии в украинско-националистической повстанческой организации, были все передпрошены и сделаны также участниками «ПОВ», создан, как здесь его называют, «Татарбурнацкий процесс»⁴⁷. А ХРЕНОВ говорит, что при нем все хорошо.

ХРЕНОВ также выполнял установки КОРКИНА и ДАРАГАНА, которые, как теперь вскрыто, являлись вражескими. ХРЕНОВ также арестовывал людей по списку, намечая их вместе со мной. Причем для печатания справок на арест был выделен еще при ДАРАГАНЕ т. ПОНОМАРЕНКО, который продолжал это делать и при ХРЕНОВЕ.

Как при ДАРАГАНЕ, так и при ХРЕНОВЕ я выполнял даваемые мне поручения, не вдаваясь серьезно в их суть, выполняя эти директивы.

Выдвижение ХРЕНОВА начальником Днепродзержинского горотдела НКВД тоже не прошло без участия ДАРАГАНА. ХРЕНОВ — ученик ДАРАГАНА, и когда намечали ХРЕНОВА на выдвижение, то ДАРАГАН в этом принимал участие, дав положительные отзывы о ХРЕНОВЕ. И я считаю, что ХРЕНОВ во многом виноват и должен нести ответственность не только наравне со мною, а даже больше.

ХРЕНОВ говорил, что я не работаю — это неправда. До 12.XII.1938 г. между нами таких разговоров не было, никому об этом не говорил, а начал против меня выдвигать это обвинение, когда мы с ним переругались. Меня ХРЕНОВ обвиняет в том, что испортил молодые кадры. Пусть эти работники скажут — в чем именно я их испортил.

О моей грубости стоял вопрос на партсобрании, меня ударили [как партийца], я признал свои ошибки и исправился.

Я т. ХРЕНОВА обвиняю в подлости. Зачем ему искать пути для того, чтобы меня изжить, которые не к лицу коммунисту-чекисту? Я договорился с ХРЕНОВЫМ о том, чтобы взять кассу из тукового комбината. Тов. ХРЕНОВ проинформировал КОРКИНА в таком свете, что я якобы «барахлю».

ХРЕНОВ подбирает на меня материалы через агентуру, он собирает непроверенные материалы и, видя их неправдоподобность, все же не желает заниматься проверкой их, хотя я и просил его об этом. Там, где я виноват, я признаю свою вину, но зачем на меня клеветать?

Я хочу еще остановиться, как область «руководила» следствием. Посылаемые нами протоколы в область переделявались, как хотелось,

⁴⁷ Так у тексті.

и присылали их потом, чтобы арестованные подписывали. Требовали протоколы по количеству листов больше, чем мы их здесь писали.

В заключении я должен сказать, что всю нашу работу охаивать нельзя. Мы много врагов посадили и правильно осудили, но нельзя отрицать, что благодаря вражеской работе КОРКИНА и ДАРАГАНА арестовали также часть невинных людей.

Наша парторганизация не может с себя снять вины за допущенные искривления как при ДАРАГАНЕ, так и при ХРЕНОВЕ, т.к. не занималась производственными вопросами, а работала точно по их указке.

3. Тов. ЛОГВИНОВ. Я работаю здесь с 19 июля, на руководящей работе я с апреля месяца 1938 г. До этого был пом[ощником] оперуполномоченного УГБ.

По поводу всех преступлений, которые были во время следствия, скажу следующее. По Кривому Рогу б[ывший] нач[альник] горотдела НКВД РЕЗНИКОВ каждый день собирал совещания оперсостава, где задавал всем вопросы, сколько дал протоколов и всегда говорил, что мало, мол, учитесь работать у того-то. Требовал ежедневно брать от арестованных по 10–12 протоколов допросов.

За весь период моей работы здесь я арестовал 4 человека. Был такой случай, когда арестованный ЗУБАТЫЙ не допрашивался 8 месяцев, арестован был 3-м отделением, а потом его передали 4-му отделению.

Я принял арестованных, как участников украинской контрреволюционной организации, все протоколы записаны КРУГЛЯКОМ и ЛЫГАНОМ.

О том, что в Карнауховке была контрреволюционная организация, я верил до ноября месяца 1938 года. После того, когда была обнаружена «схема» этой организации, в каковой «схеме» было указано, что Украинским контрреволюционным центром руководили ЛЮБЧЕНКО, ХВИЛЯ и ЗАБОРА, кулак с. Кринички, 70-летний старик, я понял, что Карнауховская контрреволюционная организация является вымыслом ДАРАГАНА и КРУГЛЯКА.

(Далее выступающий ЛОГВИНОВ проанализировал несколько дел, проведенных КРУГЛЯКОМ и ЛЫГАНОМ, в которых записано, что арестованные — кулаки и укаписты, а на самом деле они не были ни кулаками, ни укапистами).

Был арестован инженер ЛЕБЕДИНСКИЙ, который дал показания о том, что он является участником правотроцкистской организации, в которую входило еще 28 человек. ЛЕБЕДИНСКИЙ заявил, что последних он назвал потому, что они были знакомы с МАНАЕНКОМ. При передопросе оказалось, что все это неправда, ЛЕБЕДИНСКИЙ освобожден.

Карнауховская организация сфабрикована ЛЫГАНОМ, КРУГЛЯКОМ и ДАРАГАНОМ. Пример: арестованному КОЛОДЕ подсунили протокол, переделанный уже в УНКВД, и выдвинули его как командира отряда.

От ДАРАГАНА ХРЕНОВЫМ получены указания передопросить на «ПОВ». Эту установку я получил от ХРЕНОВА. Арестованные передопрошены на «ПОВ», но дел этих в области не приняли.

Знал об этом и нач[альник] 4-го отдела УНКВД САПОЖНИКОВ, который в конце августа месяца 1938 г. дал установки ХРЕНОВУ и мне

подготовить одно групповое дело на 120 человек для направления в Особое совещание. Дело это на 120 человек было в Киеве, но его потом возвратили. Я слепо выполнял распоряжения о допросе арестованных на «ПОВ» и за это должен нести ответственность.

Тов[ариш] ЛЕНОВ не сказал в своих выступлениях о липе в 3-м отделении. Обвинение т. ЛЕНОВУ в части его связей с женщиной я считаю ложным. Агенту, даваемому этот материал⁴⁸, я лично не верю.

В отношении арестов. В мае-июне месяцах 1938 года ДАРАГАНОМ были арестованы жители с. Карнауховки: НАЙДА — рабочий, бывш[ий] председатель участковой избирательной комиссии и ЗИНЕНКО — бедняк, быв[ший] председатель колхоза. Люди эти сидели без допроса до 20 июля 1938 года. Я установил, что они невиновны, поставил о них вопрос перед ХРЕНОВЫМ и сразу же их, не спрашивая санкции УНКВД, освободили.

4. Тов. **ХОЛОДНЫЙ**. Выступление ЛОГВИНОВА и ХРЕНОВА неправильные. Надо говорить о своих ошибках, надо говорить о том, кто толкнул на преступления, которых в Днепродзержинском горотделе НКВД много.

ХРЕНОВ в первую очередь виноват. ЛОГВИНОВ и ЛЕНОВ во вторую очередь виноваты, они руководили работой и знали о подлогах, фальсификации со стороны отдельных работников.

Установок из области не было, чтобы делать подлог в следствии. Злоупотреблением в следствии занимались ПОНОМАРЕНКО, КРУГЛЯК, ЛЫГАН, но не все работники, охаивать всех нельзя, т.к. работа по выкорчевыванию всех мастей контрреволюции проведена большая.

В Днепродзержинском горотделе НКВД сидел в руководстве ставленник врага народа КОРКИНА — ДАРАГАН, который и натворил безобразий. КОРКИН давал мне указания, чтобы я громил следственный аппарат за подлог, когда я был в Запорожье.

При выезде в Днепродзержинск КОРКИН дал мне указания не придирайтесь к вопросу в следствии. ХРЕНОВ, надо полагать, понравился КОРКИНУ и ДАРАГАНУ также.

Парторганизация Днепродзержинска глушила то, что делалось с подлогом в следствии Днепродзержинского ГО НКВД.

В Днепродзержинском ГО арестовали примерно 400 человек. После постановления ЦК ВКП(б) и СНК никто из следователей не заявил, что есть сомнительные дела.

ЛЕНОВ высказался правильно. Он говорил о себе, а другие не хотят. Что надо делать? Надо скорее разделаться с делами. Второе — лучше надо работать следователям. Наладить связь с агентурой.

5. Тов. **СОБОЛЕВСКИЙ**. По распоряжению ДАРАГАНА я работал на следствии по полякам, он давал задания — протоколы писать не менее как на 20-ти листах.

ХРЕНОВ сказал, что справки на арест писала группа, т.е. я и ПОНОМАРЕНКО. Это неверно. Справки писал ПОНОМАРЕНКО, я в группу не входил и об этом знают все работники.

⁴⁸ Так у тексті.

Условия работы следователя были жуткие, из отдела не выходили по трое суток. Вызывая сознавшихся арестованных, я делал предварительно заметки с их слов, а потом писал протоколы, чтобы успеть закончить дела к сроку. Очные ставки делались следователем не прямые, а косвенные.

ДАРАГАН договорился с арестованным ДВОРЕЦКИМ, что он является участником повстанческой бригады, а не батальона, как это было в действительности.

АРУТЮНОВ давал из области указания в отношении дела «СТРЕЛЬЦА», т.к. платформу организации, о которой ни я, ни арестованные не знали.

Показания КАМИНСКОГО по указанию ДАРАГАНА должны были быть не менее как на 100 листах.

Корректировку делали вместе с КАМИНСКИМ. Протокол существенно изменился.

Почему я молчал об извращениях? В отделе кадров ИОФФЕ интересовался моей национальностью, АРУТЮНОВ интересовался мною и ЗВАРКОВСКИМ, не поляки ли мы.

Арестованные, попавшие в 14 камеру (жаркая и тесная), оттуда приходили к следователю и давали показания.

Заявление НЕПОМНЯЩЕГО о том, что я учил его делать неправильные очные ставки, неверное. По моему предложению он делал очные ставки косвенные, и ничего противозаконного здесь нет.

Установлено, что АРУТЮНОВ на почве личных счетов взял вымышленные показания на ГОЛЬДГУБЕРА о том, что последний — шпион.

ДАРАГАН, приехав [после] совещания у наркома, сообщил, что нач[альники] горотделов ВОЛЬСКИЙ и РЕЗНИКОВ сняты, что в Запорожье много несознавшихся и что нарком приказал в отношении их применять меры физического воздействия. Я не знал, чтобы такие методы допросов применялись в Днепропетровске.

6. Тов. ПАВЛИЩЕВ. [...] Я работал вместе с ДАРАГАНОМ в Никополе. Там содержалось в небольших камерах по 50 человек арестованных. ДАРАГАН почти никого не пускал из работников УГБ в тюрпод. Он лично сам инструктировал обслуживающий персонал. Старосты, назначенные ДАРАГАНОМ в тюрподе, по-моему, проводили провокационную работу по уговору отдельных арестованных.

Операцию в Никопольском районе он в отдельной части проводил вредительски. Кроме того, посылал машины в чужие районы и брал поляков там.

ДАРАГАН любил славу наживать, сам он хитер. ДАРАГАН выставял арестованных в коридоре, и их видели все граждане, посещающие милицию или УГБ (милиция и УГБ находились в одном здании).

ЛЫГАН когда приходил, то арестованным командовали, что[бы] они кричали «вра-ги-ги!».

Метод работы ДАРАГАНА дискредитировал органы УГБ и разглашал наши методы работы.

БОРИСЕНКО посадил ФРУМА за то, что он не дал два обеда жене БОРИСЕНКО, о чем велся разговор среди сотрудников УГБ.

ДАРАГАН в первую очередь получал указания от КОРКИНА и этим всегда хвастался.

В Никополе при ДАРАГАНЕ был запутан учет и хранение ценностей, отчего был ряд злоупотреблений.

7. Тов. ГОЛЬДГУБЕР. Виновником массовых и необоснованных операций является ДАРАГАН. Он считал, что чем больше он посадит, тем больше будет его «чекистский» багаж. Если бы не было постановления ЦК партии, то работа ДАРАГАНА принесла бы серьезнейший ущерб партии. Система, которую проводил ДАРАГАН, была вражеская.

АРУТЮНОВ — провокатор, взял на меня провокаторские показания.

КОРКИН покрывал ДАРАГАНА и его систему.

Камерная обработка была введена во время работы ДАРАГАНА.

АРУТЮНОВ старостам, которые занимались провокаторством, давал частые передачи и устраивал свидания с родными в своем кабинете. [...]

8. Тов. ДУНАЕНКО. В 1937 году операция по разгрому кулацкого контрреволюционного подполья проведена, считаю, правильно. На каждого имелся агентурный материал в их антисоветских действиях. Были одиночки и группы.

В 1938 году по указанию ШНЕЙДЕРМАНА, ДАРАГАНА — вскрывать контрреволюционные организации — одиночек не принимали, только контрреволюционные организации.

В 3-м отделении вскрыта была контрреволюционная националистическая повстанческая организация по селам, возглавляемая ЗАБОРОЙ Никитой, 75-летним стариком, проживающим в г. Киеве. Организатор ЗАБОРА ставился под сомнение. Некоторые работники, в том числе и я, высказывали неверие в это дело, т.к. оно создано [искусственно]. А когда по ориентировке Днепродзержинского ГО НКВД арестованный ЗАБОРА, старик, еле передвигающий ноги, был доставлен из Киева, лишний раз убедились, что лига.

О том, что ЗАБОРА — кулак, враг, в этом не было сомнения, но чтобы он был организатором повстанческих отрядов по селам и руководил ими из города Киева вместе с ЛЮБЧЕНКОМ, это выдумка.

В марте или апреле 1938 года начались новые массовые аресты. 4-е отделение имело арестованных намного меньше, чем 3-е отделение. В это время врид нач[альника] горотдела был ШНЕЙДЕРМАН, он же и нач[альник] 3-го отделения, которому я высказал сомнение по делу арестованного ОРЛА. На его предложение о развороте с его показаний контрреволюционной организации я заявил, что я выдумывать из головы не буду, липовать я не умею.

ШНЕЙДЕРМАН мне сказал, что от арестованного надо добиваться необходимых для нас показаний. О моих высказываниях ШНЕЙДЕРМАН донес КОРКИНУ, последний на оперсовещании в Днепродзержинске вымотал у меня много сил, упрекая меня в неверии в дела горотдела, и предложил обо мне разобраться на парторганизации.

Для арестованных были организованы ДАРАГАНОМ тяжелые камерные условия и к тому же камерная обработка. Когда вызовешь на допрос арестованного, так он без нажима дает показания, а правильность

которых сейчас можно часть их взять под сомнение и подвергнуть повторной проверке действительности⁴⁹.

У ПОНОМАРЕНКО был такой арестованный ЗУБАТОВ (учитель), который согласился давать показания о своей принадлежности к контрреволюционной организации. ПОНОМАРЕНКО пришел ко мне и говорит, что мы разворачиваем операцию по учителям, какие у тебя есть материалы на учителей? Я дал ему на нескольких человек материалы. Через несколько дней я узнаю, что они все прошли по показаниям ЗУБАТОВА, завербованные последним в контрреволюционную организацию.

Это также дало мне повод высказать мысль о самосоздании дела, о чем на оперсовещании ШНЕЙДЕРМАН и ПОНОМАРЕНКО нападали на 4-е Отделение о подсиживании и предлагали учиться у 3-го Отделения, как надо работать. В частности выдвигали как лучших следователей ПОНОМАРЕНКО и АРУТЮНОВА.

О «нездоровых» настроениях. Присмотреться, как заявил КОРКИН, кто у вас руководит парторганизацией (в это время я был секретарем парткомитета) и за такие проявления, неверие в дела я был снят с секретаря парткомитета. Об этом хорошо знает СЕРБИН — из старых работников.

В то время некоторые руководящие работники — ШНЕЙДЕРМАН, ДОБРОШИНСКИЙ — заявляли, что парторганизация является приводным ремнем руководителя органа. Правда, на этом собрании разбили такое вражеское толкование.

Ясно, что такое вражеское руководство в области и на местах зажимали инициативу у низовых работников высказывать свои сомнения по какому-либо делу. И указания, как ШНЕЙДЕРМАНА, так и ДАРАГАНА, были таковы: раз арестован — стало быть враг и освобождению не подлежит.

На оперсовещаниях только и было слышно: «плохо работаете с арестованными», «мало даете протоколов допросов», «вы потеряете партбилеты», «к отдельным работникам надо присмотреться».

ПОНОМАРЕНКО по указаниям ДАРАГАНА в день в большом количестве выпускал справок на арест без материалов, по спискам. И ПОНОМАРЕНКО за липогонство был на лучшем счету и выдвинут с пом[ощника] оперуполномоченного на оперуполномоченного, а АРУТЮНОВ премирован ценным подарком и выдвинут для работы в Киев. Последнее сделано после того, когда он взял ложные показания на ГОЛЬДГУБЕРА — сотрудника НКВД, сделав его «врагом».

КРУГЛЯК и ЛЫГАН были присланы в Днепродзержинский район для вскрытия большой контрреволюционной организации. Так они заявляли и в своей работе липогонили, ДАРАГАН их восхвалял и советовал нам учиться, как надо работать с арестованными и вскрывать контрреволюционные организации.

Что надо сейчас делать? Все дела пересмотреть, честных освободить, а действительных врагов осудить.

⁴⁹ Так у тексті.

9. Тов. *ТОРОП*. Когда приехал ДАРАГАН с УНКВД г. Днепропетровска, собрал совещание оперативное, где в своем выступлении говорил, что был нарком УСПЕНСКИЙ, проводил оперсовещание и спрашивал каждого в отдельности, кто сколько сможет арестовать, в том числе спросил и меня. Я ему дал обещание арестовать 1500 чел[овек]. Вот это обязательство, говорит ДАРАГАН, мы должны взять на себя и выполнить его. Все дали обещание. Вот из этого можно делать вывод, что значит арестовать 1500 человек, что это за цифра, что за обязательство?

Это обязательство было вражеское со стороны ДАРАГАНА — арестовать честных людей, преданных соввласти, с целью, дабы этим самым создать недовольство на соввласть. И вот как факт, что ДАРАГАН провел вражескую линию. [...]

10. Тов. *БАБАНЬКОВ*. Первая кулацкая операция в 1937 году прошла удачно, т.к. аресты производились согласно агентурным материалам, и операция по полякам вначале была также правильной, а затем стали арестовывать по анонимным заявлениям и спискам спецотделов.

ШНЕЙДЕРМАН давал мне указания назвать арестованных [по] контрреволюционной организации, что мною не было выполнено, и те арестованные, которые подлежали освобождению, были освобождены.

Здесь были квалифицированные следователи КРУГЛЯК, ГЕРУС и ЛЫГАН, которые «кололи» 15 арестованных за ночь.

О ДАРАГАНЕ я узнал в 1937 году. ДАРАГАНА всегда и везде ставили в пример по области, как наибольшее арестовывающего людей. Когда ДАРАГАН приехал из Киева, то он дал указания «прополоть все дочиста», т.е. арестовать 1500 человек.

Кроме того, ДАРАГАН предупреждал, что кто будет симулировать в следственной работе, будет рассматриваться как враг и отдаваться под суд. [...]

11. Тов. *ДОВГАЛЬ*. Работать в органы НКВД я пришел как раз в тот период, когда начались исправления тех допущенных ошибок в наших органах. Но и то в первые дни моей стажировки при областном управлении я застал возмутительные факты со стороны отдельных сотрудников областного аппарата в исправлении методов чекистской работы.

Для этого хочу привести один факт. На улице г. Днепропетровска одним милиционером (я бы назвал его просто клеветником) был задержан в выпившем состоянии один старый рабочий ПРЗ по фамилии БЕЖКО. На основании лживого заявления, написанного этим же милиционером, о том, что он (БЕЖКО) является польским шпионом, [рабочий] был доставлен в облуправление НКВД в 3-й отдел без какой-либо на это санкции. В результате этот арестованный пробыл 4 суток в кабинете б[ывшего] нач[альника] 2-го отделения АРУТЮНОВА, ввиду того, что в тюрподсать не было основания.

АРУТЮНОВ как начальник отделения давал установку КОСАРЕВИЧУ и мне о том, что Вы его, мол, «колите», как угодно, и что хотите, то и делайте с ним, вплоть до применения мер физического воздействия, лишь бы добиться, чтобы он был польским шпионом и что, мол, раз он арестован — значит, враг. Это мне приходилось слышать и от других

работников, будучи на стажировке при облуправлении в вопросе распознавания врагов.

Хочу отметить, что для меня как молодого работника данный период является очень поучительным, и в особенности в вопросе ведения следствия, что ярко отражает те крупные недостатки в большинстве следдел, которые впредь необходимо избегать. [...]

12. Тов. ТЮТЮННИК. ДАРАГАН направил меня работать по следствию под руководством ЛЫГАНА. ДАРАГАН толкал на преступления в аресте без оснований лиц, но я на это не шел.

Он организовал камерную обработку. В области предлагали показания от арестованных брать не менее как на 30 листах (ШНЕЙДЕРМАН).

ДАРАГАН давал задание, чтобы у меня было не менее 150 арестованных по пристани (план давал). [...] ДАРАГАН давал указания, чтобы учить арестованных уметь рапорта отдавать начальству.

Позаочные ставки я лично не проводил.

ШНЕЙДЕРМАН и ДАРАГАН прямо заявляли, что раз арестован, так, значит, враг и надо добиваться показаний.

В парторганизации с июня 1938 года в работе было затишье, но во всех извращениях в арестах и следствии все виноваты, виновата вся парторганизация, в том числе и я, как член партии.

В отношении «ПОВ» по пристани — это факт, они арестованы и осуждены, а на часть людей сейчас дела отправлены по подсудности.

13. Тов. ДОЦЕНКО. Я недоволен выступлением ТЮТЮННИКА о том, что ТЮТЮННИК не сказал диверсионных актов на воде, насколько это правильно. [...]

14. Тов. ГРЕБЕНЕЦ. Я принят в органы НКВД в 1938 году и 7 июля сего года отделом кадров УНКВД был направлен проходить стажировку в 11-м отделе у ПЕРЦОВА. Что я встретил, как новый работник, незнакомый вообще с работой органов НКВД? Мне казалось, что в этот момент можно было бы понять очень много, т.е. поучиться кое-чему многому, т.к. в этот момент происходил массовый разгром врагов, но меня, как нового работника, встретили не так, как это должно быть.

Приведу характерный момент. ПЕРЦОВ проводил очную ставку БЕККЕРА с ЛОТОВИКОВЫМ и другими. Я заинтересовался попристествовать и посмотреть, как проводится очная ставка. И когда я появился в дверях, ПЕРЦОВ сказал, что нельзя присутствовать, и я был вынужден выйти из кабинета, т.к., короче говоря, ПЕРЦОВ запретил мне присутствовать на очной ставке. Я подошел к СИНКЕВИЧУ и спросил, почему мне не разрешили присутствовать на очной ставке. Мне СИНКЕВИЧ ответил, что там очень много было «народа» и просто неудобно было присутствовать. Я СИНКЕВИЧУ сказал, что ведь я прислан до Вас учиться, как нужно громить врагов, а мне не разрешают присутствовать — это неверно. Мне СИНКЕВИЧ сказал, что ничего, еще посмотришь, но я за период своей стажировки в 11-м отделе так ни разу и не присутствовал.

Спустя несколько дней ПЕРЦОВ взял меня писать протокол обвиняемого БЕККЕРА под диктовку ПЕРЦОВА. Этот протокол был по своему содержанию написан на нескольких листах. Когда мы начали писать, т.е.

ПЕРЦОВ диктовал, а я писал, и этот протокол был написан примерно листов на 150—170. [...] В первом протоколе была незначительно [отражена вербовка] и при появлении зам[естителя] нач[альника] УНКВД ДАРАГАНА, который предложил ПЕРЦОВУ нажать на БЕККЕРА о вербовке участников контрреволюционной организации. После чего вербовка была увеличена примерно до 50—100 человек по водному транспорту.

По показаниям БЕККЕРА был арестован ТРУФАНОВ — капитан дальнего плавания, быв[ший] член ВКП(б). Последний долгое время не сознавался, к этому ТРУФАНОВУ применялись всевозможные меры за исключением рукоприкладывания, ставили его «на вилки» в отстойник, но ТРУФАНОВ не сознался. По словам работников Водного отделения, точно не помню фамилий, ТРУФАНОВ освобожден.

ПЕРЦОВ писал липовые показания арестованных, т.к. округливал эти показания и делал с одного листа на несколько листов. Были случаи, когда работник приносит протокол допроса, ПЕРЦОВ всегда брал его и корректировал. Этим самым создавал себе карьеру, что и был в почете ДАРАГАНА.

ПЕРЦОВ давал указания, как нужно липовать при допросе арестованных. Был случай, когда я допрашивал одного арестованного, не помню точно фамилии последнего. Я его допросил и у меня протокол получился немного корявый, т.е. не скорректирован. У меня [его] увидел ГУЗЕНКО, который сказал, что это не годится, нужно больше писать, и этот протокол ГУЗЕНКО забрал у меня. После чего этот протокол был скорректирован и был преподнесен мне подписать, но я посмотрел на этот протокол и от подписи последнего отказался, за что имел нагоняй от ПЕРЦОВА.

После моей аттестации я был направлен в г. Днепродзержинск. Сразу сидел и заводил дела-формуляры под непосредственным руководством нач[альника] 4-го отделения ЛОГВИНОВА, а потом получил следственные дела, которые вел тов. ШИЛОБРИТ, и начал над ними работать. При вызове на допрос арестованного ОРЛОВА, который в процессе допроса заявил, что я протокола не подписывал и показаний никаких не давал о своей контрреволюционной деятельности.

Второй случай. Арестованный КОПЫТЬКО — сын кулака, который по протоколу завербован в контрреволюционную организацию в 1936 году, в то время, когда он еще был в местах заключения.

15. Тов. СТРИЖАЧЕНКО. В своем коротком выступлении я хочу остановиться на том, как нас — молодые кадры — воспитывали старые сотрудники при областном Управлении НКВД. Я и т.т. ХАНИС и ОЗЕРНЫЙ стажировались при 2-м отделении 3-го отдела, оперуполномоченным, под руководством которого мы работали, был т. ЗЕЛИКМАН.

Когда я стажировался, то меня не допускали работать с арестованными, и когда проводились допросы или очные ставки с арестованными, то мне, а также и стажеру в то время т. ОЗЕРНОМУ, присутствовать на таковых не разрешали, под тем или же иным поводом старались куда-либо послать, лишь бы не присутствовали.

В процессе работы мне, а также т. ХАНИСУ, пришлось столкнуться с таким явлением: при оформлении дел на альбом в некоторых делах, точно

припомнить не могу, не хватало анкет арестованных. Оперуполномоченный т. ЗЕЛИКМАН дал несколько дел мне и т. ХАНИСУ, сказав, чтобы мы анкеты заполнили с первого листа протокола допроса и чтобы арестованные их подписали.

Когда я и ХАНИС заполнили анкеты и осталось лишь только подписать арестованным, я сказал т. ЗЕЛИКМАНУ, что необходимо ехать в тюрьму, подписать. На это он мне с ХАНИСОМ заявил: «Отдайте дела, арестованные все находятся у меня». Дел было приблизительно до 10 штук. Безусловно, их подписал сам т. ЗЕЛИКМАН, т.к. арестованных у него не было, а их он принес нам не более чем через 5 минут, где заявил нам, что «вот как нужно делать, [а вы] не понимаете». Когда же он вышел, ХАНИС стал мне говорить, что анкеты подписал он сам.

Работая в настоящее время на следственной работе, в моем производстве имеется несколько дел. В процессе работы пришлось сталкиваться с такими явлениями, когда арестованный признает свою виновность и когда коснешься участников контрреволюционной организации, которые записаны в первичном протоколе, их названо несколько человек, арестованный заявляет, я таких-то знаю как участников организации. А как попали до меня в протокол остальные — я их как участников не знаю и об их принадлежности к контрреволюционной организации мне ничего не известно. На имеющиеся в деле очные ставки арестованный заявляет, что он их не имел. Примерно такое дело арестованного МАНЬКОВСКОГО, где следователь нечисто оформил таковое.

16. Тов. ФРИШМАН. Я в Днепродзержинске работаю мало, всего около 2-х месяцев, и о ранних событиях не знаю. В связи с чем, как велось следствие в горотделе мне неизвестно, и я на этом останавливаться не буду.

Я останавлиюсь на тех делах, с которыми я познакомился в процессе работы в 3-м отделении.

Должен сказать, что до последних дней вопрос о вражеской работе областного руководства в лице КОРКИНА, ДАРАГАНА на повестке дня поставлен не был, и аппарат эту вражескую линию в свое время слепо выполнял.

В результате этого областное руководство в лице УМАНСКОГО, СТРЕЛЬЦОВА и других работников, приезжая сюда, констатировали только те факты, что плохо идет в горотделе с разгрузкой следственных дел. А конкретных установок хотя бы по принципиальным делам не давали, уезжали с тем, что нужно быстрее разгрузиться со следственными делами, заявляя при этом, что из числа арестованных в большинстве это враги. А разве практика не показала, что это не так? Разве факт освобождения из-под стражи чуть ли не 50% арестованных не говорит о той вражеской работе, которая была проведена КОРКИНЫМ, ДАРАГАНОМ после приезда врага УСПЕНСКОГО в Днепропетровскую область? Но вместе с тем, все готовы были до последних дней выполнять волю КОРКИНА и работники области приезжали с его установками искать виновных и слепых исполнителей.

Разве УМАНСКИЙ, САПОЖНИКОВ и другие работники области не знали, на основании каких материалов арестовывают людей, разве эти лица не бывали в Горотделе и не видели, как арестованные дают показания, не видели, что творится в камерах? Конечно, видели и знали, но пока КОРКИНА не посадили, все молчали и об этом боялись говорить.

Теперь я хочу сказать несколько слов о тов. ХОЛОДНОМ, который прибыл сюда к нам помочь разобраться со следственными делами и главным образом чтобы действительно врагам не удалось уйти на волю. Но вместе с тем, т. ХОЛОДНЫЙ занялся установлением сроков окончания дел на скорую руку. Например, ознакомливаясь с моими делами, дал мне задание в течение одних суток закончить семь дел. Таких нереальных сроков, конечно, если их придерживаться, можно допустить ошибки и не разобраться как следует с каждым делом в отдельности.

Тов[арищ] ХОЛОДНЫЙ! Ты выступал и говорил, что основой основ в нашей работе должно сейчас быть постановление ЦК партии и Совнаркома. Это совершенно правильно. И по-моему, каждый коммунист этим постановлением только и руководствуется, поскольку это является для нас, коммунистов-чекистов, прямая программа действий и отступать никто не имеет права, но те сроки, которые ты установил, чтобы в течение суток закончить семь дел, это неправильно.

Нужно сказать, что т. ХРЕНОВ до последних событий, зная все, что делалось в горотделе, не смог перед областным руководством вопрос поставить так, как должны ставить большевики, а слепо продолжал выполнять установки КОРКИНА.

[...] Перейду к вопросу о Запорожье. В прошлом году я был переброшен с Днепропетровска на работу в Запорожский горотдел НКВД. Проработав несколько месяцев, я в процессе своей работы сблизился с быв[шими] работниками горотдела МАРКИНЫМ и МИТРОХИНЫМ, которые в отдельных своих настроениях высказывались, что их плохо учат чекистскому делу и [они] сомневаются в правильности деятельности отдельных работников горотдела ГЕНДЕРМАНА, ШУЛЬЦА, НОВАКА и бывш[его] нач[альника] 3-го отделения ТАКСАРА по вопросу арестов и ведения следствия.

МАРКОВ мне говорил, что он свое настроение высказывает не только мне, но и КЛЕЙМАНУ, работавшему тогда оперуполномоченным горотдела, является одновременно парторгом УГБ. Но якобы КЛЕЙМАН ему говорил, чтобы он ему никогда не жаловался и никуда не писал, т.к. пока он вздумает что-то сделать, то на него ТАКСАР составит справку на арест и он будет арестован.

Я, как не имеющий конкретных фактов о липогонстве этих работников, предлагал МАРКОВУ и МИТРОХИНУ не бояться и все, что им известно, донести областному руководству КОРКИНУ, конечно, не зная, что КОРКИН окажется врагом.

Когда в начале июня 1938 года ТАКСАР был с работы снят и откомандирован на другую работу, вместо него прибыл ЛЕНЕЦКИЙ. Зная ЛЕНЕЦКОГО по работе в Днепропетровском областном управлении, я ему рассказал о настроениях отдельных работников МАРКОВА

и МИТРОХИНА и просил его с последними поговорить. Но ЛЕНЕЦКИЙ вместо этого, в порядке, как я считаю, подхалимства, будучи в областном отделе, с кем-то поделился о имевшем со мной разговоре, и в конечном итоге получилось, что в Запорожский горотдел приехал ЯНКЕВИЧ — бывш[ий] зам[еститель] нач[альника] облуправления — и в присутствии ЛЕНЕЦКОГО и ВОЛЬСКОГО мне накачивал, предупредив меня, чтобы я подобными разговорами не занимался, а занимался работой, а не болтовней, т.к. работа горотдела известна областному и центральному руководству.

Таким образом, если я только попытался косвенно о чем-то заговорить, меня отсеки и предложили не заниматься болтовней, т.е. считали, что мое заявление о проверке через тов. МАРКОВА и МИТРОХИНА, ряд фактов, говорящих о липогонстве отдельных работников горотдела, посчитали меня за болтуна, поддерживающего настроения МАРКОВА и МИТРОХИНА.

После приезда УСПЕНСКОГО по Днепропетровской области, по Запорожью начались массовые аресты БОЛДИНЫМ и ЛЕНЕЦКИМ, которые форменным образом издевались над работниками, которые мало арестовывали людей. В частности, когда у меня не было достаточных материалов для ареста, у меня ЛЕНЕЦКИЙ требовал расписку о том, что у меня на объектах нет врагов, т.к. это было тогда, когда я считал, что в отношении тех лиц, на которых я не располагал достаточными материалами для ареста и справки на арест не давал.

Был случай, когда я завел агентурную разработку «МУСУЛЬМАНЕ» и только успел в область донести об этом в спецсообщении, как обратной почтой последовала телеграмма — арестовать всех фигурантов разработки. И когда дело только стало разворачиваться, так ЛЕНЕЦКИЙ и руководитель оперативной бригады УСПЕНСКОГО требовали такого разворота дела, чтобы в Запорожье ни одного татарина по национальности не осталось на свободе. В то время когда на одном заводе, который я обслуживал, находилось несколько сот человек татар.

Конечно, эту установку я не выполнил, а по делу было арестовано человек 20, которые действительно подлежали аресту, в большинстве из бывших людей: мул⁵⁰ и кулаков, которые вели националистическую антисоветскую работу среди татар.

Когда ДАРАГАН стал зам[естителем] нач[альника] УНКВД, он как-то приехал в Запорожье, и по его заданию ночью были подняты все работники горотдела и разосланы по объектам, чтобы собрать характеристики на всех по национальности через партийные организации заводов. После того, как была проделана эта работа, ДАРАГАН тут же на эти характеристики санкционировал аресты, которые тогда были необоснованны.

Я лично от ЛЕНЕЦКОГО за эти характеристики получил «нахлобучку» за то, что по моим характеристикам, которые я представил, почти никого нельзя было арестовать. В общем предъявлялись всевозможные вредные

⁵⁰ Так у тексті. Ідеться про священнослужителя — муллу.

требования к работникам со стороны бывш[его] областного руководства и руководства Запорожского ГО в лице БОЛДИНА и ЛЕНЕЦКОГО.

Должен еще остановиться на таком факте. Когда в сентябре месяце каким-то образом стало известно КОРКИНУ об имевшемся у меня разговоре с ЛЕНЕЦКИМ, о котором я выше указал, я был вызван в областной отдел и в присутствии ДАРАГАНА в кабинете КОРКИНА обо всем мне известном рассказал КОРКИНУ, а затем в письменной форме я подал рапорт. Но вместо расследования по существу моего рапорта я в октябре месяце был изъят с Запорожского горотдела и откомандирован для работы в Бердичев.

В Запорожье доходило до того, что набирали сотрудников из спецотделов⁵¹, беспартийных ГАНУЛИНА, ПОТАШНИКОВА и др[угих], которые в следственной работе строили погоду, и эти следователи выпускали ежедневно большое количество протоколов допросов. Все это делалось с ведома областного руководства, как мне известно со слов ЛЕНЕЦКОГО, поскольку я обращал его внимание на это и считал такую постановку неправильной.

Больше этого, эти беспартийные работники спецотделов премировались за счет тех производств, где они работали, путем выдачи сверх получаемого жалования месячных окладов. Такие оклады получал быв[ший] нач[альник] спецотдела «Коксохиммонтажа» ПОТАШНИКОВ.

В общем о Запорожском горотделе можно было говорить еще много, но не знаю, насколько это интересует данное собрание, а поэтому я на этом заканчиваю. [...]

Возьмем вопрос о выдвижении чекистских кадров. Получилось, что кто мог давать по 8–10 протоколов в день, того выдвигали, того повышали в должности, а кто этого делать не мог, то к таким лицам, говорили, надо присмотреться, нет ли за ними чего-нибудь, и как вообще эти лица реагируют на «работу», которую проводят наши органы в последнее время, т.е. брали чекистских работников под сомнение как подозрительных. [...]

17. Тов. СЕРБИН. [...] В 1937 году указаниями из области и на месте ШНЕЙДЕРМАНОМ и ДАРАГАНОМ следственные дела на одиночек не принимались, а весь упор был взят на вскрытие организованного контрреволюционного подполья. Это, безусловно, правильно, но беда в том, в связи с тем, что одиночки не принимались, начали искусственно создавать контрреволюционные организации, увязывая по показаниям людей.

Знало ли об этом областное руководство? Безусловно, знало и даже способствовало в создании липовых дел, т.к. сигналы областному управлению были как со стороны оперативных работников, так и со стороны самих же арестованных.

Областное руководство, наоборот, вместо принятия необходимых мер поощряло, а лиц, занимавшихся фальсификацией, даже поощряло

⁵¹ Ідеться про спеціальні відділи кадрових підрозділів заводів, що займалися дотриманням секретності, спецперевіркою працівників, які мали доступ до державної таємниці.

и выдвигало по работе. АРУТЮНОВ, несмотря на то что, как устанавливается, брал липовые показания даже на чекистов, вместо разоблачения продвинулся в аппарат наркомата. То же самое нужно сказать, что ПОНОМАРЕНКО, как один из виновников в создании липовых дел, был представлен к повышению, на которого неоднократно писались аттестации.

ПОНОМАРЕНКО большой подхалим и марафетчик, его восхваляли ШНЕЙДЕРМАН, ДАРАГАН и ХРЕНОВ, считали его незаменимым работником, ставили его в пример, составляли досрочные аттестации и т.д.

АРУТЮНОВ был в сделке с арестованным ШЕЙБЛЕРОМ, от которого брал любые показания. ШЕЙБЛЕР целыми днями сидел в кабинете АРУТЮНОВА, и говорят, что если бы что-либо у АРУТЮНОВА не получалось, то он вызывал ШЕЙБЛЕРА и тот ему давал все⁵².

Зачастую аресты производились без достаточных оснований. Я лично при ШНЕЙДЕРМАНЕ освободил до 15 человек из-под стражи арестованных, на которых не было материалов, чтобы передать суду. Однако ШНЕЙДЕРМАН был этим недоволен и в одно время бросил мне упрек, что, мол, почему именно только я хожу к нему с такими требованиями, т.е. сомневаюсь в некоторых делах и ставлю вопрос об освобождении, а другие, мол, не ходят. Этот упрек был брошен с тем, чтобы я понял, что, независимо от материалов, людей освобождать нельзя.

ШНЕЙДЕРМАН также толкал на проведение очных ставок втемную и даже рассказывал, что это значит и как нужно их проводить. Не знаю, проводил ли кто такие очные ставки, но я их не проводил.

После приезда УСПЕНСКОГО в Днепропетровск ДАРАГАН, прибыв с совещания, созвал таковое в Днепродзержинском горотделе, на котором, отозвавшись с торжеством об УСПЕНСКОМ, заявил, что он перед УСПЕНСКИМ взял обязательство до 1 августа в Днепродзержинске арестовать 1500 человек и эта цифра обязательна.

Но т.к. учетов не было, начали арестовывать поляков по спискам предприятий, уязывая их по показаниям. ДАРАГАНОМ была создана оперативная группа в лице ПОНОМАРЕНКО. По спискам составлялись справки на арест.

ДАРАГАНОМ был введен «институт» старост, которые обрабатывали в камерах арестованных, и лучшие из них поощрялись. Таким образом, арестованные, идя на допрос, уже были сознавшиеся, и, придя в комнату следователя, сразу заявляли, что он участник организации и завербован таким-то. Следователь, не вникая в содержание показаний и правдоподобность их, записывал все то, что говорил арестованный.

Установка ДАРАГАНА и КОРКИНА была, чтобы все лица, прошедшие по показаниям, были арестованы, несмотря на то, что ряд честных людей, как сейчас устанавливается, были оговорены врагами.

Аппарат боялся высказать сомнения в делах, т.к. запугивался КОРКИНЫМ и ДАРАГАНОМ, и в одно время на совещании КОРКИН, а впоследствии и ДАРАГАН, заявляли, что к человеку, неверующему

⁵² Виділений фрагмент окреслений червоним і синім олівцем.

в дела и дающему мало в день протоколов, нужно присмотреться, что он из себя представляет.

ДАРАГАН держал в жутких условиях арестованных, несознававшихся переводил из одной камеры в другую и даже в карцера.

Нужно также сказать, что ЛЕНОВ тоже не отставал от ДАРАГАНА, и сознательно или несознательно, но установки, даваемые ДАРАГАНОМ, проводил, доводя таковые к рядовым работникам.

Большую ответственность за создавшееся положение в Днепро-дзержинском горотделе несет также и ЛЕНОВ, т.к. при нем тоже происходили массовые аресты. Кроме того, под руководством ХРЕНОВА раздавались следователям следственные дела по компактности с целью увязки их по показаниям.

ЛЕНОВ также толкал на преступления в части очных ставок и когда я не провел таковую, то ЛЕНОВ выхватил у меня дело и с угрозой заявил: «Вы, оказывается, человек несерьезный, и поручить Вам что-нибудь серьезное нельзя». После этого я был вызван к ХРЕНОВУ с объяснением. Через некоторое время на одном из собраний ХРЕНОВ бросил мне упрек, что, мол, тогда я не провел очной ставки потому, что мне, мол, это не дошло до сознания.

В одно время зашел к ТЮТЮННИКУ, который сказал, что арестованный, дело которого вел ШИЛОБРИТ, не признает своей подписи. Вместе с ТЮТЮННИКОМ я начал сверять подпись действительную арестованного и подпись, от которой он отказывается, и установили, что данная подпись написана рукой ШИЛОБРИТА, вернее, ШИЛОБРИТ сделал подлог.

В создавшемся положении в Днепродзержинском горотделе виновна также парторганизация, которая допустила ошибку, не вскрыв своевременно вражеской работы КОРКИНА и ДАРАГАНА.

Поэтому мы обязаны эту ошибку исправить, а исправим таковую только напористой честной работой. Нам нужно поскорее разобраться со следственными делами и начать планомерно и серьезно работать с агентурой, т.к. враг, безусловно, свою вражескую работу проводит. Участвовавшие аварии на заводах и электростанциях говорят о том, что на объектах не все благополучно.

Здесь выступал ЛЕНОВ, который обвинял ХРЕНОВА в том, что последний якобы собирает на него агентурные материалы. Я как-то вместе с ХРЕНОВЫМ был на явке, где принималась «ХИТРАЯ». От нее мне нужно было добыть свидетелей на одного из арестованных. На явке мне пришлось быть свидетелем, когда она излагала материалы на ЛЕНОВА. Ее материалам я не верил, но она так их утвердительно излагала, что будто бы на самом деле ЛЕНОВ сожительствова с одной из женщин, заслуживающей нашего внимания. По-моему, ХРЕНОВ обязан был этот материал принять, а потом проверить его правдоподобность.

ЛОГВИНОВ также виновен и пусть не придуривается, так как он был исполнителем переделки украинской организации на «ПОВ».

В свою очередь должен сказать и о себе: никаких подлогов я не делал, о сомнительных делах ставил вопрос перед руководством и добивался

освобождения невинных людей. Что касается показаний, то таковые от арестованных брал, записывал все, что говорил арестованный, не вникая в их содержание и правдоподобность.

18. Тов. АЛФЕРОВ, секретарь горпартком. [...] Отдельные товарищи (СЕРБИН) неправильно выступали, заявляя, что и теперь может начальник собрать на работника компрометирующие материалы.

Наиболее самокритично выступил тов. ЛЕНОВ, он заявил, что он сомневался частично в делах и поэтому старался быть в стороне от работы. Отдельные карьеристы создали себе славу на числе арестованных.

Тов. ХРЕНОВ дал неправильные направления в своем докладе, он начал интриговать работников, что, мол, пусть выступят работники, а я их тогда оглушу. Интонацию в работе ДАРАГАНА перенял ХРЕНОВ и это чувствуется.

Надо составить парторганизации и руководству отдела план ликвидации последствий вредительства, реабилитировать ошибочно посаженных людей, но не выпустить ни одного врага.

Надо быстро и правильно заканчивать дела в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б). Каждому нужно осознать, в чем именно были с его стороны ошибки в ведении следствия, и больше не допускать. Работы в парторганизации не было, и органы НКВД были оторваны от партии и партийной жизни.

Здесь ошибка была также и прокуратуры. Прокурор подписывал постановления на арест, не читая их. Надо все эти факты вредительства вскрыть. Нужно наладить политмассовую работу среди чекистского коллектива. Партийные собрания должны проводиться регулярно. Надо помогать членам партии расти, изучать историю ВКП(б) и повысить свой политический уровень.

К XVIII съезду партии мы должны прийти с большими успехами, нужно поднять работу заводов, нужно взяться за оперативную работу.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВАРИЩА ХРЕНОВА

Я считал, что все расскажут о своей работе и других, и поэтому я говорил, что пусть выскажутся остальные товарищи, которые работали в Днепродзержинске больше, чем я, которые, несомненно, знают больше, чем я. Однако в этом моя ошибка, я не понял, что я руководитель и должен был больше критиковать недостатки в работе.

Было бы неправильно, не по-партийному, если бы я с себя снимал ответственность за искривления, которые имели место в Днепродзержинском горотделе. Я вредительские установки проводил так же, как и все работники районов и отделов.

На мои запросы о неправильности арестов поляков без агентурной разработки мне ДАРАГАН давал установку, что есть директива наркома — побить всех поляков.

Отвечать, если партия этого потребует, я готов, этим я фактически делал вражескую работу.

За все дела в Днепродзержинске я отвечать не могу, я должен отвечать за те дела, которые арестовывались при мне, т.е. я буду нести ответственность за последние 5–6 дней по операции по полякам.

О том, что ДАРАГАН в камерах создал старост-провокаторов, я об этом не знал, считал их, что выбраны самими же арестованными для наведения порядка в камере, теперь только становится ясной провокаторская работа старост.

Из области нажимали, чтобы давали дела, тогда некогда было разбираться и следователи записывали показания, не вникая в суть дела. В результате имеем теперь анекдотические, провокационные протоколы. Там, где были спровоцированы показания, там сейчас мы разбираем и арестованных освобождаем.

(Тов. ХРЕНОВ продемонстрировал ряд сомнительных дел арестованных, которые уже освобождены).

Сейчас с этими делами мы распутываемся. Все мы проводили в жизнь вражеские установки. Я считал, что действительно была установка партии — перебить поляков. Моя ошибка заключается в том, что я вовремя не написал в ЦК лично тов. СТАЛИНУ.

По 4-му отделению люди посажены при ДАРАГАНЕ. Все эти люди готовились на Особое Совещание. Мы готовились к сроку целыми сутками и при этом много допущено ошибок.

Из области мы получили установки — украинцев переделывать на «ПОВ», чтобы их провести на Тройку. 4-е отделение это и сделало.

Такое положение было и по Кривому Рогу и др[угим] районам.

Дело повстанцев Карнауховки я беру под сомнение. Это дело сфабриковано при участии ЛЫГАНА и КРУГЛЯКА.

Дело «Попытка» ШНЕЙДЕРМАНОМ также было создано, по-моему, с натяжкой, т.к. пулемет взят у ОСО⁵³.

При мне было выписано 250 справок на арест поляков, были составлены по справкам спецотделов. Эти справки возвратили на переделку, что спасло РО НКВД от больших искривлений в конце массовки по полякам.

Я на преступления никого не толкал. Проводить очные ставки втемную я установки не давал.

В части «цепочек»: БОЖЕЙ и ПОНОМАРЕНКО на оперсовещании заявили, что ЛЕНОВ неправильно распределил дела, т.е. не по компактным массам на производстве, я дал указания дела раздать, придерживаясь производственных признаков.

Качество следствия было отвратительным потому, что было много арестованных, короткие сроки окончания дел не позволяли оперработникам дать анализ показаниям каждого арестованного. Следователи были поставлены в такие рамки, что не пошли проверять, что говорят арестованные.

В части МОЧУЛЬСКОГО. Он в 1927 году ездил в Польшу, он шпион, но его не размотали. В Польше он завербован капитаном НОВАКОВСКИМ.

⁵³ Ідеться про «ОСОАВІАХІМ» — громадську організацію сприяння Червоній армії та флоту.

МОЧУЛЬСКИЙ имел шпионскую ячейку, несомненно, из-за спешки мы его не доработали до конца.

Я работал в Б[ольшом] Токмаке, оттуда был переброшен в Павлоград. Там я работал 1 месяц оперуполномоченным, а затем нач[альником] РО, откуда я был назначен в помощь ВОЛЬСКОМУ, т.е. пом[ощником] нач[альника] Запорожской оперследгруппы.

Перед приездом УСПЕНСКОГО я написал рапорт майору⁵⁴ о засоренности района и просил, чтобы мне дали помощь. После совещания УСПЕНСКОГО меня вызвали в кабинет, где предложили принять дела Днепродзержинского ГО НКВД, я отказывался, так как на руководящей работе не был. Мне УСПЕНСКИЙ сказал: «Боишься бороться с врагами?». Я боялся, что меня могут посадить, в силу чего согласился ехать в Днепродзержинск начальником. Кроме меня назначали также и других начальниками отделов УНКВД (РАДЬКО, РУДЕНКО и др.), но это не значит, что они ставленники КОРКИНА.

ДАРАГАН хитрый человек. Он в Токмаке все время был в ореоле славы, тогда я с ним работал вместе. В 1935 году он уехал в Никополь, больше я с ним не встречался. Во время работы в Токмаке ДАРАГАН был хорошего обо мне мнения, как о работнике. Я не ставленник ДАРАГАНА.

В части ЛЕНОВА. О нем я был хорошего мнения, но он неправдиво относился к делу, и я к нему поэтому отношусь неприязно. Он много говорит, но ничего не делает, от прямой работы уклоняется, ее сваливает на молодых работников. Я от ЛЕНОВА требовал работы. ЛЕНОВ к приезду КОРКИНА ни единого дела не окончил, ввиду чего КОРКИН его отстранил от должности начальника 3-го отделения.

«ХИТРАЯ» знает всех поляков и знает недостатки отдельных наших работников. Обо всем этом иногда пишет, сигналы от агента мы должны принимать и о сотрудниках. Материалам «ХИТРОЙ» о ЛЕНОВЕ я не верил, но записал ее сводку и послал в область для проверки через особоуполномоченного.

Охаивать руководство все нельзя. Однако областное руководство также выполняло вражеские установки, т.к. ГО, где также извращалось судопроизводство.

Мы получали вражеские установки и их выполняли, считая это нормальным, думая, что делаем великое дело для партии, в результате оказывается — мы слепо выполняли вражеские дела. Областное руководство знало о том, что на местах по справкам спецотделов арестовывали поляков. Прокуратура это также знала и видела, значит, все были хитро опутаны врагами.

ДАРАГАН мне говорил, что есть указания ЦК партии перебить поляков, и я думал, что выполняю волю партии.

В Павлограде на заводе я никого не посадил. Вокруг завода я посадил много попов и белого офицерства, я считаю, что в Павлограде нанес удар правильно по врагам.

⁵⁴ Идетсья про П. А. Коркіна.

О ПОНОМАРЕНКО я был неплохого мнения. Мне ДАРАГАН также говорил, что ПОНОМАРЕНКО хороший работник. Он также, по-видимому, думал, что выполнял волю партии, и поэтому давал нечистые дела.

ПОНОМАРЕНКО, выходит, создал дело РУБИНА, и об этом знает областное руководство. Однако это ПОНОМАРЕНКО отрицает.

У нас сейчас плохая работа с агентурой. Плановых явок нет. Необходимо заниматься агентурой. Мы можем только по-настоящему взяться за агентуру тогда, когда разгрузимся с делами, работа с агентурой, развязка со следственными делами — это наши очередные задачи.

СПРАВКИ

Тов. ЛЕНОВ. 1. Мне говорили, что ДОЦЕНКО и ЗНАЙКО говорили арестованным о том, что арест произвели неправильно. Я вызвал ЗНАЙКО и ДОЦЕНКО и спрашивал их об этом.

2. Я не распускал слух о том, что дела не я вел и поэтому, мол, я не буду отвечать.

3. О «цепочках». БОЖЕЙ и ПОНОМАРЕНКО подняли вопрос о компактности для увязки их. ХРЕНОВ это поддержал и заставил распределить арест по цехам.

Тов. ХОЛОДНЫЙ. Я обвиняю ФРИШМАНА в том, что он вообще лодырь. Он меня обвинял за то, что я ДЕДЕША разложил. Тов. ФРИШМАН преступно относился к просьбе ДЕДЕША о передаче с тем, чтобы у него остался осадок после его освобождения. Тов. ФРИШМАН хуже всех работает и размагничивает оперсостав на собрании, заявляя, что мы не будем выполнять дела в сроки.

Тов. СЕРБИН. Меня тов. АЛФЕРОВ неправильно понял. У нас имелись случаи зажима самокритики. У нас имеется аттестация. Начальник пишет аттестацию на каждого работника и может что угодно написать.

ДАРАГАН заявлял, что у кого мало протоколов, до того [работника] надо присмотреться, ибо у него «что-то есть». С избранием нового парткома партработа была, но недостаточна, и собрания проводились.

Тов. ДОЦЕНКО. Поскольку ЧЕРЕПЕНИН категорически отказывался от того, что он мне говорил о том, что если я буду не выполнять установки, то я лишусь партбилета и буду судим. Я настаиваю на этом и прошу сообщить мое заявление в парторганизацию облуправления. Мне ЛЕНОВ говорил, что ЛОГВИНОВ ему говорил о моем разговоре со ЗНАЙКО.

Тов. ЛОГВИНОВ. Мне сообщил тов. ТЮТЮННИК, что ЗНАЙКО и ДОЦЕНКО говорили в присутствии арестованного о том, что арест производится необоснованно. Я об этом говорил ДОЦЕНКО, сказав ему, что этого делать в присутствии арестованного нельзя. Я об этом доложил ХРЕНОВУ, который заявил, что я об этом знаю.

Тов. ХРЕНОВ. Этого случая я не помню, но знаю, что ДОЦЕНКО вызывался в область, по какому вопросу он вызывался — я не знал. ДОЦЕНКО в суть разговора в области меня не посвятил.

Тов. СОБОЛЕВСКИЙ. В области в комнату КУТОВОГО, когда я, ЛЕНОВ и ПОНОМАРЕНКО писали справки, зашел ДАРАГАН и в разговоре

сказал, что у ДОЦЕНКО есть неверие в работу. Позже сам ДОЦЕНКО рассказал суть разговора его с ДАРАГАНОМ и ЧЕРЕПЕНИНЫМ.

Тов. ТЮТЮННИК. Тов[ариш] ХОЛОДНЫЙ высказал мысль, что ДОЦЕНКО дал сигналы о необоснованных арестах — их члены партии глушили. Я в этом ничего не вижу.

Тов. АЛФЕРОВ. Предложить разобрать этот случай партийному комитету. (Принято.)

Тов. СОБОЛЕВСКИЙ. Метод ведения следствия КРУГЛЯКА следующий. У него был арестованный, который не сознавался. КРУГЛЯК вызвал 5 арестованных, поставил его возле стенки и спросил: «Враги?».— «Да».— «Кто это?».— «Враг».— «Подтверждаете свои показания?».— «Да».

ЛЫГАН также неправильно вел следствие. Надевал очки, кричал: «Уважаете своего следователя?». Это всячески поощрял ДАРАГАН.

Тов. ЛОГВИНОВ. Принял его арестованного НАЙДУ (нач[альник] избир[ательного] участка), которого КРУГЛЯК арестовал. Арестовал он неправильно и я его освободил.

Тов. СЕРБИН. Мне говорил ГОЛЬДГУБЕР, что ДАРАГАН якобы арестовал САВЧУКА для того, чтобы его квартиру отдать своему шоферу.

Тов. ГОЛЬДГУБЕР. О том, что высказывал СЕРБИН, мне высказал СКВИРСКИЙ.

Тов. КУТОВОЙ. Проверяя дела Днепродзержинска, я встретил целый ряд безобразий. Днепродзержинск после 1 мая дал дела по бактериологической диверсии. Людей свели, познакомили и таким образом создали дело (АРУТЮНОВ). ДАРАГАН без разрешения Москвы арестовал членов партии инженеров (ЖЕЛИХОВСКИЙ, САВЧУК и др.).

ДАРАГАН арестованным по «Синтезу» предложил списки «участников» организации.

ПОНОМАРЕНКО диктовал участников контрреволюционной организации ГИМПЕЛЬСОНУ и др.

Арестованный ДЕЙНЕКО сначала в своих показаниях дал 6 участников организации, а в июне месяце ПОНОМАРЕНКО дописал ему 13 человек. По этим показаниям много сделали искусственными врагами.

ПОСТАНОВИЛИ: (Резолюция прилагается)⁵⁵

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРТСОБРАНИЯ
СЕКРЕТАРЬ

[підпис]

СЕРБИН

[підпис]

ДУНАЕНКО

ГДА СБУ, ф. 12, спр. 111, арк. 49–114.

Оригінал. Машинопис.

⁵⁵ Не публікується.

УНКВС ПО ЖИТОМИРСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 11

Із стенограми загальних закритих зборів партійного осередку УДБ УНКВС по Житомирській області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.

16–23 грудня 1938 р.

ПРИСУТСТВОВАЛО: членів партії — 45 чел[овек], кандидатів партії — 13 чел[овек].

ПРЕЗИДИУМ: тт. ПСАРЕВ, ГРЕЧУХА, ПРИВИН, КАЗАНЦЕВ.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Отчет партійного комітета (докладчик — секретар парткома т. ГОЛУБЕВ).

Тов. ГОЛУБЕВ, секретар партійного комітета. Товарищи, у нас на учете 56 человек членов партии, явилось 45, остальные находятся в командировке. Кандидатов партии состоит на учете 20 человек, явилось 13 человек, остальные находятся в командировке.

Кроме того, у нас здесь присутствует 16 товарищей, которые не состоят на партийном учете нашей партийной организации — это работники Особых отделов и 2 товарища, которые находятся в командировке. Товарищи просят разрешить присутствовать на этом партийном собрании.

С места. Разрешено.

Товарищи, у нас закрытое партийное собрание было 17 ноября, затем перенесли на 20 ноября. Затем, после согласованности с обкомом партии, собрание было задержано на несколько дней ввиду того, что некоторые коммунисты разъехались по спецзаданиям, товарищи недавно съехались.

Товарищи, на прошлом партийном собрании был избран президиум. Как мы постановим сейчас, избирать ли новый или оставить старый состав президиума?

С места. Есть предложение избрать новый.

С места. Оставить старый.

Голосованием утверждено избрать новый президиум.

В состав которого большинством голосов прошли: тт. ПСАРЕВ — председатель президиума, т. ГРЕЧУХА — секретарь обкома партии, тт. ПРИВИН, ЛЕСНОВ, КАЗАНЦЕВ. [...]¹

Слово для отчетного доклада предоставляется секретарю партийного комитета т. ГОЛУБЕВУ.

¹ Вилучено співчуття у зв'язку зі смертю льотчика В. Чкалова.

Т. ГОЛУБЕВ. Товарищи, партийный комитет всю свою работу проводил на основе решений XIV съезда ЦК КП(б)У², областной партийной конференции, городской партийной конференции и отчетно-выборного собрания. Само собрание дало большевистскую оценку и практические указания, как должен работать партийный комитет, на основе этого мы проводили свою работу. Решение общего партийного собрания 14.VIII. [1938 г.], партийным комитетом в основном выполнено полностью.

На общем собрании партийный комитет был избран в составе 7 человек: ФЕДОРОВА, КОРОТЧЕНКО, ЛУКЬЯНОВА, КАЗАНЦЕВА, ГОЛУБЕВА, КУЖЕЛЯ и оказавшегося врагом народа ВЯТКИНА. Секретарем партийного комитета был ГОЛУБЕВ. Обязанности первого секретаря исполнял ГОЛУБЕВ, обязанности второго секретаря исполнял т. КОРОТЧЕНКО, и он же был прикрепленным к комсомолу. ФЕДОРОВ — культмассовый сектор, КАЗАНЦЕВ — динамовская работа³.

[...] Взялись на партийный учет принятые товарищи в кандидаты партии, утвержденные обкомом партии, и товарищи, пришедшие работать в Особый Отдел 2530⁴. Исключены из партии 2 члена партии, оказавшиеся врагами народа — ГРИШИН и ВЯТКИН.

Партийным комитетом было создано 6 партийных групп по отделам: во 2 отделе и отделе кадров, 3 отделе, 4 отделе, 6 отделе и секретариате, особый отдел 844⁵ и авиабригады.

Политико-моральное состояние. Я считаю, что этот вопрос необходимо оттенить двумя периодами: первый период до ареста ВЯТКИНА — парторганизация была сплоченная, политико-моральное состояние было здоровое и все внимание было направлено на беспощадную борьбу с врагами народа. Были награждены ряд коммунистов — ЛЕОНОВ, МАНЬКО и др[угие] товарищи.

Приказом по Наркомвнуделу были награждены кандидаты партии и комсомольцы ценными подарками (читает).

Второй период относится к аресту ВЯТКИНА. После ареста ВЯТКИНА в течение двух месяцев в партийной организации получился разброд, приходили на работу шушукались, вместо того чтобы проводить работу. На сегодняшний день нужно констатировать, что в нашей партийной организации существует антипартийная группировка, которая кое-что проделала за это время. О том, что существует антипартийная группа, приведу два факта: 15 декабря 1938 г. группа коммунистов пошла в областной комитет партии и от имени всей парторганизации высказала недоверие бюро обкома и потребовала присутствия на нашем собрании представителя ЦК КП(б)У. 14 декабря 1938 г. был здесь второй секретарь ЦК КП(б)У тов. БУРМИСТЕНКО, который проводил пленум областного комитета партии, на котором был рекомендован и избран первым секретарем обкома партии тов. ГРЕЧУХА.

² XIV з'їзд КП(б)У відбувся 13–18 червня 1938 р. у Києві.

³ Ідеться про роботу відомчої спортивної секції «Динамо».

⁴ Так у тексті. Імовірно, номер військової частини.

⁵ Так у тексті. Імовірно, номер військової частини.

13 декабря по плану партийного комитета было назначено заседание партийного комитета. Основным вопросом стоял вопрос о перестройке партийной учебы, о чем парторг 4 отдела тов. МАЛУКА и вся парторганизация была предупреждена. На этом заседании партийного комитета должны были присутствовать парторги, начальники отделов и пропагандисты. Товарищ МАЛУКА назначил партийное собрание, которое затянул до 2—3 часов ночи. Мы просили прийти на 30—40 минут на заседание комитета, но демонстративно не пришли («это собрание решило»). [...]

Вопросом производственной работы до ноября месяца не занимался партийный комитет, считали, это дело сугубо секретное⁶ и не дело партийного комитета вмешиваться. Также не занимался и областной комитет партии. И вот в результате видим, что в этом деле была крепко приложена вражеская рука. Немало проведено вражеских действий, которые приходится партийной организации разоблачать, искоренять, исправлять отдельные ошибки и т.д. Я, как секретарь партийного комитета, не возглавил этого дела, не настоял на том, чтобы вопросы производства стояли на повестке дня работы партийного комитета.

[...] Необходимо на сегодняшнем собрании развернуть большевистскую критику и самокритику, подметить плохие стороны работы партийного комитета, рассказать, помочь областному комитету партии, руководству, помочь скорее ликвидировать последствия вредительства, проведенные врагом народа в нашем областном управлении.

В дальнейшем необходимо в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» и исторического решения ЦК ВКП(б) приступить к серьезному и глубокому изучению «Краткого курса истории ВКП(б)». Все коммунисты со всей серьезностью, ответственностью должны взяться за овладение Марксизма-Ленинизма, не ослаблять роста, а база у нас имеется, есть коммунисты-комсомольцы, проверенные товарищи, которые оправдывают себя на работе, вот за их счет у нас есть большая база роста.

Тов. ПСАРЕВ. Товарищи, поступило предложение, здесь присутствует т. ФАРБ, он другой партийной организации НКВД. Партийное собрание закрытое, товарищи находят, что кандидат партии не может присутствовать.

С места. Товарищи, давайте решим, у вас здесь в большинстве оперативный состав и вопросы больше касаются оперативного состава, он кандидат партии парторганизации НКВД, с работой УГБ незнаком. Есть предложение не разрешить присутствовать.

Товарищу ФАРБУ общее партийное собрание не разрешает присутствовать.

С места. Какое отношение имеет жена ФРАНЦА, что она присутствует на закрытом партийном собрании? Жена ФРАНЦА — член нашей парторганизации.

Тов. БУГАЕВ. Товарищи, ГОЛУБЕВ в своем докладе затронул ряд серьезных партийных вопросов, так что присутствие члена партии из

⁶ Так у тексті.

другой парторганизации нежелательно потому, что мы будем говорить о серьезных вопросах.

[С места.] Я думаю, что мнение ясно, что по уставу должны быть члены партии и кандидаты партии нашей парторганизации. Товарищ БУГАЕВ прав, что будут затронуты целый ряд вопросов и присутствие членов партии другой парторганизации неудобно.

С места. Было предложение оставить т. НОВОСЕЛЬЦЕВА и других товарищей, если не присутствовать, так никому не присутствовать.

Тов. ПСАРЕВ. Поступило предложение, записка, давайте разрешим остаться этим товарищам или нет.

С места. Разрешить.

[Т. ПСАРЕВ.] Разрешаем, остальным товарищам не будем разрешать.

[...]

Вопрос: 1. Прошу ответить тезисы, отчет утвержден партийным комитетом?

Ответ: Утвержден.

2. Тов. ГОЛУБЕВ в своем докладе остановился и сказал, что разделяет свой доклад на два периода. Первый период — это монолитность, сплоченность, когда орудовал враг народа ВЯТКИН, и второй период — разброд, разрушение монолитности наших рядов после разоблачения врага народа. Пусть т. ГОЛУБЕВ расшифрует, как полагается, и затем пусть объяснит партийному собранию, что это за антипартийная группа, когда члены партии видели безобразия на протяжении долгого времени. Пусть все подтвердит конкретными фактами, объяснит, что это за антипартийная группа, когда члены партии пошли в областной комитет партии просить созыва партийного собрания, просить присутствия представителя ЦК КП(б)У.

3. Пункты, которые поднял тов. ФРАНЦ, должны быть обоснованы конкретными фактами со стороны ГОЛУБЕВА и конкретно пусть ответит, какие лица входили в антипартийную группу.

4. В связи с этим вытекает вопрос, почему членам партии не полагается ходить в обком партии и почему [их] взяли на карандаш?

5. Как партийный комитет реагировал на вражеские проявления ВЯТКИНА и какой политический вывод сделал партийный комитет после ареста врага ВЯТКИНА? Почему секретарь партийного комитета в своем докладе абсолютно ничего не сказал?

6. Пусть тов. ГОЛУБЕВ скажет, сколько было пьянок у ВЯТКИНА, и даст им политическую оценку.

7. Мне неясно, кто-то задал вопрос, кто взял это дело под контроль всех тех, которые ходили в Обком партии?

8. Прошу дать справку относительно согласования собрания, когда ГОЛУБЕВ сказал, что до 8 часов, а если нужно, придут согласуют, и с кем он об этом говорил?

9. Тов. ВОЛЬСКИЙ. На прошлом партийном собрании 17 числа КОРОТЧЕНКО задавали вопросы относительно увольнения евреев из органов НКВД. Тов. КОРОТЧЕНКО объяснил, что есть директива из центра.

Если такой документ имеется, изъят ли этот документ, как фашистский? Пусть ГОЛУБЕВ скажет и пусть предъявит партийному собранию.

10. ГОЛУБЕВ, за какие заслуги перед органами НКВД вас с КОРОТЧЕНКО враг народа ВЯТКИН наградил значком «Почетного чекиста»?

11. Сколько было заслушано самоотчетов членов партии и интересовался ли партийный комитет бытом коммунистов?

12. Как реагировал партийный комитет на те сигналы членов партии, которые подавались в партийный комитет?

13. Тов. БУГАЕВ. Практическая помощь партийного комитета партийным группам?

14. Здесь в своем докладе докладчик сказал, что комсомольская организация вытянула партийную организацию. Как понимать? Мы знаем, что Партия руководит Комсомолом, а не Комсомол вытягивает партию, пусть ответит.

15. Рост парторганизации и из какой базы?

16. Как партийный комитет выдвигал людей, как продвигает по оперативной линии вверх?

17. Члены партийного комитета отчитывались на партийном комитете. Из вашего доклада видно, что отдельные члены партийного комитета ничего не делали?

18. В дополнение к этому вопросу отчитывался ли секретарь парткома на общем собрании парторганизации?

19. Тов. ФРАНЦ. Были ли сигналы в части начальника А[дминистративно]-Х[озяйственного] О[тдела] члена партии РОМАНЧЕНКО о том, что он проходит по показаниям, как враг народа? Об этом знал ГОЛУБЕВ. Как секретарь парторганизации и как особоуполномоченный, что приняли в отношении этого члена партии?

20. Разбиралось дело б[ывшего] оперуполномоченного ФАДЕЕВА, было обнаружено явное преступление. Этот вопрос был связан и по инициативе ВЯТКИНА этим вопросом занялся т. ГОЛУБЕВ?

21. Почему члены партии подавали заявление секретарю партийного комитета о целом ряде безобразий? Вместо того, чтобы поставить этот вопрос на партийном собрании — это заявление очутилось в столе врага народа ВЯТКИНА, а я подавал секретарю парторганизации как коммунист.

22. Прошу ответить, какого таинственного характера и партийного порядка, и секретного порядка вы представляли характеристики и после этого начались вызовы?

23. Деньги выдавались определенным лицам, за что именно, укажите, и кому?

24. Пусть объяснит, как получилось, что машинистка 2 отдела НОВАК — еврейка, комсомолка, не успела вернуться из отпуска, была уволена и на ее место была взята беспартийная. Пусть т. ГОЛУБЕВ скажет, какую он связь имел с этой машинисткой?

⁷ Так у текстi.

25. Известно ли партийному комитету о том, что ВЯТКИН и компания растратили 45 тысяч рублей? И пусть укажет этих липовых членов обкома.

26. Ответьте партийному собранию, как вели себя наши представители на областной партийной конференции вместе с ВЯТКИНЫМ, врагом народа, и вами?

27. Тов. ФЕРЕНС — у меня вопрос к секретарю областного комитета партии — было ли известно обкому партии о тех безобразиях, которые здесь творились, и какие меры принял обком партии?

28. Отдельные работники обкома, которые отстранены от работы, были в крепкой связи с врагом народа ВЯТКИНЫМ и ГОЛУБЕВЫМ, политического вывода обком партии также не сделал. Пусть обком партии ответит.

29. Не скажет ли т. ГРЕЧУХА — в обкоме работал КАЦ, он приводил ряд фактов проявлений антисемитизма, его ВЯТКИН вызывал. Не в курсе ли вы этого дела?

30. Какой вывод сделал т. ГОЛУБЕВ как секретарь и как особоуполномоченный, когда начальник тюрьмы, член партии, сказал в отношении вещей, а вы понимаете, в отношении каких вещей я говорю. *(Все понимают?)*⁸

31. Секретарь партийного комитета с руководством не всегда делился, но все же — пусть скажет ГОЛУБЕВ, с кем он говорил в обкоме партии, когда возникали вопросы в части всяких злоупотреблений непартийного порядка со стороны руководящего состава и в чем выразилась помощь со стороны обкома партии?

32. Вопрос к секретарю обкома партии — с какого времени и знал ли обком партии о том, что в парторганизации УГБ существует антипартийная группировка («какая»)?

33. Тут товарищи говорили относительно быта. Вот интересно было бы знать, кто насколько забрал по столу заказов?

34. Какая помощь была оказана со стороны секретаря партийного комитета и бюро партийного комитета к незаконному увольнению евреев?

35. Как случилось, что членов партии, работников НКВД и УГБ увольняли, а сейчас восстанавливают? КОРОТЧЕНКО — член бюро партийного комитета и начальник кадров и ГОЛУБЕВ как секретарь пусть ответят.

36. Всем известно о том, что со стороны врага народа ВЯТКИНА была такая установка, чтобы члены партии парторганизации УГБ, находясь на городской и областной партийной конференциях, могли выступать только с его санкции. ГОЛУБЕВ знал, и кто выступал, он после вызывал и говорил, что это антипартийно.

37. Тов. РЕВЕКО, как партийный комитет реагировал в отношении того, что враг народа ВЯТКИН, будучи членом партии, не посетил ни одного партийного собрания?

⁸ Імовірно, ідеться про речі розстріляних громадян.

⁹ Так у тексті.

38. Почему партийный комитет, когда руководил ВЯТКИН, был буквально оторван от массы, в то время когда поступали заявления, ГОЛУБЕВ шил антипартийную группировку? Вот мне это непонятно.

39. Нужно дать оценку каждому члену партийного комитета.

40. Оценка партийных групп и практическая помощь партийного комитета партийным группам.

41. Какое отношение имеет к религии семья ГОЛУБЕВА и какое влияние на свою семью в отношении всяких религиозных церемоний оказывал ГОЛУБЕВ?

42. Знал ли партийный комитет об организации «тайного» вечера в день [годовщины] Октябрьской революции?

Тов. ПСАРЕВ. Товарищи, у кого будут вопросы, подавайте в письменной форме и давайте записываться на выступления.

Ответы на вопросы

Тов. ГОЛУБЕВ. Ответ на первый вопрос, утверждались ли тезисы на партийном комитете — утверждались. Все члены партийного комитета присутствовали, все тезисы прорабатывались и утверждались.

Относительно двух периодов, которые я оттенил. До ареста ВЯТКИНА не было никакой шумихи, работали крепко. Как только арестовали — сразу пошли всякие разговоры. Тут остались враги, начали искать врагов, называли всех начальников отделов врагами, фамилии назывались, что остались враги ФЕДОРОВ, МАНЬКО, РОМАНЧЕНКО.

[С места.] Неясно, нужно вещи называть своими именами.

[ГОЛУБЕВ.] Разговаривая с т. ФЕДОРОВЫМ, он заявил: «Ходят такие разговоры, что мы враги». Спрашиваю: «Кто сказал?». Он говорит: «Не знаю».

[С места.] Может быть, ему чувство подсказывает.

[ГОЛУБЕВ.] Это время будущего, подсказывает чувство или нет.

В отношении антипартийной группировки. Может быть, я и неправильно выразился. Вчера начальник облуправления т. ДАРАГАН звонит, что сегодня демонстративно в Обком партии пошла группа товарищей. Я говорю, каждый коммунист может пойти. Дело, говорит, не в этом, пошли от имени всей парторганизации, потребовали немедленного созыва партийного собрания и выразили какое-то недоверие Обкому партии. На пленуме Горкома т. ГРЕЧУХА заявил, что получилось так, что якобы группа людей пришла с настойчивыми требованиями, выразила недоверие Обкому партии, когда приехал 1-го числа БУРМИСТЕНКО и рекомендовал на первого секретаря т. ГРЕЧУХУ. Может, я неправильно выразился, что назвал «антипартийная группа», нужно было сказать «группа лиц, которые чувствуют за собой многое и, может быть, пошли отвести удар».

[С места.] А вы не знаете, кто?

[ГОЛУБЕВ.] Я примерно догадываюсь.

[С места.] Нужно вещи называть своими именами. Обсуждался ли этот вопрос на партийном комитете?

[ГОЛУБЕВ.] Не обсуждался. С отдельными товарищами беседовал, в частности с т. КОРОТЧЕНКО и с т. ГРЕЧУХОЙ, о недисциплинированности.

[С места.] Вы решили, что это антипартийная группа.

[ГОЛУБЕВ.] Здесь присутствует секретарь Обкома партии т. ГРЕЧУХА, выступит и скажет.

[С места.] Вы конкретно ответьте, в чем заключается эта антипартийная группировка?

[ГОЛУБЕВ.] Эти требования от имени партийной организации, недоверие партийному комитету.

[С места.] Обсуждался ли этот вопрос на партийном комитете?

[ГОЛУБЕВ.] Беседовал только с т. КОРОТЧЕНКО. Как партийный комитет реагировал на вражеские действия ВЯТКИНА в части увольнения евреев, в части большого гонения евреев? Мы с т. КОРОТЧЕНКО часто обменивались мнением в отношении ГЕРШЗОНА, в чем дело, почему его увольняют? Говорит, что приказом Наркома, и даже Отдел кадров составлял альбомы на сотрудников, так называемые альбомы по кадровым увольнениям.

Видел ли я документ? Тов. КОРОТЧЕНКО скажет. Он является вторым секретарем партийного комитета, пусть он и ответит, раз он заявил.

В отношении пьянок. Я был только на двух вечеринках.

[С места.] Вы не полностью дали ответ, какой политический вывод сделал партийный комитет после ареста ВЯТКИНА?

[ГОЛУБЕВ.] Сделал — беседовали, говорили, что прохлопали.

[С места.] Вы же замечали, вот, например, случай с т. КУХТО, вопрос, например, с неправильным ведением следствия. У Вас много фактов.

[ГОЛУБЕВ.] Большинство в этом деле замешано. ВЯТКИН привел такой факт: «Вот, говорит, я допрашивал бывшего наркома пищевой промышленности, приехал Николай Иванович¹⁰, он не дает показаний — говорит, сплетни, я думал, что это санкционировано вышестоящими товарищами».

Тов. МАЛУКА договорился, чтобы собрание провести до 8 часов, а вы проводили до 3-х часов ночи.

В отношении представления меня и КОРОТЧЕНКО к награде. Я в течение нескольких месяцев работал по спецзаданиям, в эту бригаду был влит т. ЛУКЬЯНОВ, одно время т. КОРОТЧЕНКО руководил этим делом.

Самоотчетов было 8.

Были ли сигналы, что партийный комитет не реагировал на пьянки живущих в гостинице? Были сигналы, что занимаются пьянками, реагировали, ходили, смотрели по комнатам.

Реагирование на сигналы? Сигналы пошли за последнее время, все сигналы, которые получены после ареста ВЯТКИНА, всем дан ход, по отдельным сообщено в Обком партии и по другим линиям. Все сигналы, которые получены за последнее время, без движения ни одного дня не лежали — сообщалось или в Обком партии, или по нашей линии. Когда

¹⁰ Імовірно, нарком внутрішніх справ СРСР М. І. Єжов.

я приехал из Киева, склонялся крепко т. ФЕДОРОВ, что он приехал из Оренбурга, где работал вместе с УСПЕНСКИМ, затем его УСПЕНСКИЙ взял к себе, после чего был направлен сюда начальником 3 Отдела, что вместе с ВЯТКИНЫМ намечали на зам[естителя] нач[альника] управления. Об этом получались сигналы, об этом известно Обкому и доложено в Киев. Послана официальная докладная записка.

Практическая помощь партийным группам? Плохо и мало помогали (получается большой котел один сигнал). Второй сигнал на т. МАНЬКО такого же порядка, сообщено в Обком партии, что он был одним из первых подхалимов, что он дневал и ночевал у него. Неправильно докладывал вопросы на Тройке. Специально по этому вопросу поставлен вопрос в Обкоме партии.

[С места.] Что вы приняли по этому вопросу как секретарь?

[ГОЛУБЕВ.] Я поговорил с начальником управления, обменялся мнением с членами бюро Обкома, просил этот вопрос разобрать на партийном комитете. Я беседовал с т. ГРЕЧУХОЙ, с т. ДИДЕНКО и т. САЕНКО.

Тов. ГРЕЧУХА. Я прошу сказать число, когда это было?

[ГОЛУБЕВ.] Числа 7–8.

[ГРЕЧУХА.] 10-го — когда получен протокол.

[ГОЛУБЕВ.] 10-го (14-го).

[С места.] Расскажите о деньгах.

[ГОЛУБЕВ.] Материал передан прокуратуре, из Киева специально приехали люди по этому вопросу, сидят и проверяют.

По сигналу т. БРАНДТА, что в одно время в тюрьме, когда арестованных отправляли на этап, брали большие куши ГЛУЗМАН...¹¹ работает особая комиссия.

[С места.] Вопрос: был ли вам известен факт о т. БРАНДТЕ?

[ГОЛУБЕВ.] Я этого не читал заявления.

Что значит — комсомол вытянул партию? Я сказал в отношении стенгазеты, что комсомол больше проявляет инициативы.

В отношении роста? Принято в члены партии — 2, в кандидаты — 17, 4 заявления лежат неразобранных и 5 заявлений лежат в группах.

Как партийный комитет выдвигал людей? Об этом секретаря не спрашивали, а выдвигали сами.

Члены партийного комитета отчитывались? Да, отчитывались, было указано, что т. КОРОТЧЕНКО и ФЕДОРОВ плохо работают.

Сколько было отчетов секретаря на партсобрании? Это первый.

Сигналы относительно РОМАНЧЕНКО. Было дело таким образом. Я приехал в Бердичев по другим делам, мне начальник горотдела т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ заявляет, что арестованный показывает, что РОМАНЧЕНКО — участник контрреволюционной организации, что дает показания о том, что он его завербовал в контрреволюционную вредительскую организацию. Я сказал: «Давай поговорим в его присутствии». Я сказал: «Я специального задания не имел». Мне сказали, что

¹¹ Так у тексті.

имеется протокол у т. ШПИЛЕВОГО. Когда я приехал, я в присутствии т. НОВОСЕЛЬЦЕВА доложил, т. НОВОСЕЛЬЦЕВ выступит и скажет.

[С места.] Когда это было?

[ГОЛУБЕВ.] Это примерно в начале августа м-ца или в конце июля. Я доложил бывшему начальнику управления ВЯТКИНУ. Он говорит: «Может быть, это липа, показания неправильные. РОМАНЧЕНКО — самый честный коммунист» — доподлинные его слова. Товарищу БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ было сказано, чтобы арестованного прислали сюда, а ВЯТКИН сказал: «Раз начал — пусть доводит до конца». На этом дело кончилось. Затем на другой день приезжает и БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, я его спрашиваю — как дело с РОМАНЧЕНКО. Говорит: «Уточнили и все кончилось». Когда арестовали ВЯТКИНА — мною был написан рапорт начальнику управления.

Относительно дела ФАДЕЕВА. ФАДЕЕВ был оперуполномоченным в Бердичевском отделении, ныне арестован, работал в следственной группе. Одно время привозят его и ряд вещей — две пары золотых часов, штук 8 простых или 10, 2 пары новых кожаных ботинок и денег 4 с половиной тысячи.

[С места.] В моем присутствии сдавали.

[ГОЛУБЕВ.] Его взяли в камеру, я допросил, он дал показания, я сказал, что его нужно отдать под суд. ВЯТКИН сказал, что ФАДЕЕВ — хороший работник, его нужно наказать суток на 15 дисциплинарного взыскания. Я был не согласен, я сказал, что его нужно арестовать.

В отношении данных характеристик. Тов. КОРОТЧЕНКО расскажет о служебных характеристиках.

Относительно раздачи денег. Деньги давались и даются сейчас. Это предусмотрено наркоматом союза. Я знаю, что АНДРЕЕВ получал, когда вздумал жениться. Писал рапорт, ему дали 500 или 600 рублей. НЕДБАЙЛО — не знаю сколько — и другие.

В отношении увольнения машинистки. Когда я принял 2-й отдел, т. НОВАК была в отпуске. Пришло распоряжение из Киева — всех машинисток, за исключением 1 и 2 отделов, уволить, за исключением одной или двух. Я т. НОВАК не видел в лицо, договорился о машинистке отдела связи, взаимоотношения с ней чисто официальные.

Относительно растрат РОМАНЧЕНКО — 49 тысяч? Я, товарищи, не знаю. Знаю, что перед праздниками кое-кому, в том числе и мне, привозили подарки, привозили т. ПРИВИНУ и др[угим] товарищам. Жена была дома, спрашивает: «Сколько платить?». — Говорят: «Деньги не надо платить».

Относительно ужина в ресторане на областной партконференции. Было такое дело. Не помню, на первый или на второй день, ВЯТКИН сказал, что думаю поужинать со всеми начальниками райотделений. Это дело было поручено организовать НОВОСЕЛЬЦЕВУ. Была отдельная комната, все начальники были приглашены туда. Я считаю, что т. СЕМЕНОВ лучше расскажет.

Как намечались делегаты на областную партконференцию? Перед голосованием пришли к ВЯТКИНУ, я пришел и КУЖЕЛЬ — кого выдвигать

делегатами на областную партконференцию? Он говорит, нужно подготовиться, чтобы не последними выступать. Он сказал, в числе первых выставляйте ДИДЕНКО и других, таких и таких. От нашей парторганизации — ГОЛУБЕВА, ВЯТКИНА, ЛУКЬЯНОВА, НОВОСЕЛЬЦЕВА. КУЖЕЛЯ, КОРОТЧЕНКО и т.д.

Какие сделаны выводы в отношении вещей [расстрелянных]? Пришел ряд лиц, человек 18. Было проведено расследование, факты подтвердились, полностью [доказано] мародерство.

[С места.] Прошу рассказать, факты упрямая вещь.

[ГОЛУБЕВ.] Мне было приказано доложить Наркому. Проходит два дня, я говорю, дела лежат, нужно принять, чтобы они имели какой-то вид. Вот заявление пишут: такой-то столько-то, такой-то столько-то. Когда арестовали, я пришел, доложил т. ДАРАГАНУ, было дано кому 5 суток ареста, кому — 10, кому выговор. Были товарищи, которые участвовали в конце 1937 года, [когда] комендатурой присваивались вещи. В том числе были коммунисты КОНДРАЦКИЙ, ВИШНЕВСКИЙ, ФЕДОТОВ и др[угие] работники комендатуры. Все это учтено и сейчас заведено следственное дело.

С кем говорили в Обкоме партии? Я говорил с т. ДИДЕНКО, когда сразу уволили 7 человек. Я спросил: «Почему сразу 7 человек?». Мне был дан ответ — это установка ЦК, что я буду делать — мне ответил секретарь Обкома.

В отношении бюро заказов — я списка с собой не взял, завтра могу сказать.

[С места.] Вы взяли первый случай, а вот последнее время что делалось?

[ГОЛУБЕВ.] В последнее время я говорил с т. ГРЕЧУХОЙ.

[С места.] Например?

[ГОЛУБЕВ.] В отношении МАНЬКО и ФЕДОРОВА.

[С места.] Да нет, об увольнении евреев. Значит и о первом не говорил?

[ГОЛУБЕВ.] Может быть, придется показания давать.

В отношении помощи? Некоторые товарищи получали. Тут говорили о ГЕРШЗОНЕ, я говорил с КОРОТЧЕНКО. КОРОТЧЕНКО мне сказал, что его уволил Киев. КОРОТЧЕНКО по этому вопросу скажет.

[С места.] В отношении выступления на конференции, [они] запрещались ВЯТКИНЫМ?

[ГОЛУБЕВ.] На конференциях выступать можно было, но предварительно нужно было поговорить с ним.

[С места.] Значит, так, чтобы никакого провержения¹² не было?

[ГОЛУБЕВ.] Вот, например, т. МАЛУКА. Выступили, дали отвод, а этот человек прошел и был записан в списки для голосования.

Оценка работы членов партийного комитета? Оценку даст собрание. Я могу сказать, что работали плохо.

Оценка работы партийных групп? Ряд парторгов заслушивали на партийном комитете, имеем в виду поставить на собрании. Недавно на собрании заслушивали т. БУГАЕВА, группу парторга Отдела кадров.

¹² Так у тексті.

Отдельные группы работали неплохо, некоторые работали хуже. 3-я группа работает хорошо. Правда, регулярно собраний не проводили.

Тов. ПРИВИН задавал вопрос в отношении религии. Отец перестал креститься в 1917 г., а я вообще не имею [об этом] понятия. Есть старушка, она иногда пускает такие выражения — «прости господи» и т.п.

Верно ли, что вашего ребенка крестили? Крестили в 1932 году. Я был мобилизован в марте м-це на Дальний Восток, жена осталась в положении, она упала, были преждевременные роды. После этого она 3 месяца лежала в больнице и эта бабушка крестила ребенка. Я в то время был членом партии, меня не было 3 месяца.

Об организации вечера? Я имел в виду Октябрьский вечер. Помню, к концу занятия звонит СЕМЕНОВ и говорит, нужно дать срочно двух человек для охраны, что на этом вечере будут члены правительства. После торжественной части будет вечер. Я прихожу в кабинет и спрашиваю: «Вы давали такое распоряжение?». — «Да, я давал. Кто будет — вас меньше всего касается, я начальник управления и я распоряжаюсь сам».

Почему были поставлены койки? Видно, имели в виду, что напьются.

[С места.] Знаете ли вы о содержании работы партийного собрания 4 Отдела, почему вы ничего не сказали?

[ГОЛУБЕВ.] На днях было собрание партийной группы 4 Отдела, на котором разрешался вопрос об антисемитизме т. РЕЗНИЧЕНКО — было вынесено решение.

На основании каких законоположений обеспечены мебелью вы и некоторые другие работники? Может быть, разрешим ответить пом[ощнику] нач[альника] управления?

[С места.] А может быть, вы сами скажете?

[ГОЛУБЕВ.] Когда я занял квартиру ГРИШИНА — остался буфет, 12 стульев.

[С места.] А пианино?

[ГОЛУБЕВ.] Пианино и я сейчас все время говорю, чтобы забрали (это мебель арестованного). Вся мебель состоит на учете начальника АХО, где я и расписался, квартира бывшая ГРИШИНА.

Расскажите относительно бесплатного снабжения топливом? Топливо покупалось за плату. Я не хочу говорить — это ложь. Вот выступит т. ШЕВЧЕНКО, он скажет об обеспечении также «бесплатным топливом».

В отношении принятия мер в отношении АНДРЕЕВА? К нему пока никто никаких мер не принимал.

За что получил значок почетного чекиста БРАНДТ? Он был представлен здесь, он здесь только его получил.

Тов. ФЕДОРОВ на прошлом собрании заявил, что он знал установку ВЯТКИНА. Разбирал ли партийный комитет этот вопрос? Не разбирался. Материал передан на первичную парторганизацию и пока не будет там разобран, разбирать не можем. Чем вызвано? Потому, что проводится соответствующая работа комиссии.

Как велась работа с кандидатами партии и сочувствующими? Раньше велась, за последнее время не созывали.

Мероприятия партийного комитета в части реабилитации т. КУРОВ-СКОГО? По-моему, его реабилитировали.

Относительно факта разгильдяйства и поднятия труддисциплины? Нужно посмотреть список за 13-е число. Некоторые товарищи пришли с опозданием на работу на полтора-два часа.

Объясните, почему оперуполномоченный ИВАНОВ сколько раз получал назначение и ГОЛУБЕВ взял [его] к себе? Сколько раз, не знаю, последнее время [он] во 2 отделе, он знает следствие, мы его решили взять.

Как реагировал т. ГОЛУБЕВ, в целом бюро парткома на мой первый сигнал в отношении неправильного ведения следствия и чем мотивировали исключение из партии? Я сказал, что не по-большевистски поступают, что сразу оружие забрали.

Чем мотивировали исключение из партии и почему ГОЛУБЕВ настаивал на Горкоме в отношении строгого выговора? Первичная парторганизация исключила, собрание восстановило. Партийный комитет настаивал на исключении.

В отношении СЕМЕНОВА — что у них получилось? Они называли друг друга предателями и подхалимами. Я предложил написать заявление в партийный комитет, беседовал с ВЯТКИНЫМ. ВЯТКИН говорил, что я с ними побеседую.

Что вами принято в отношении заявления СЕМЕНОВА? Тов. ЛЮЛЬКОВУ дали выговор, он в своем выступлении скажет. Я пошел к ВЯТКИНУ и сказал, вот т. СЕМЕНОВ подавал заявление, ЛЮЛЬКОВ не член нашей парторганизации, он говорит: «Оставьте заявление». Я заявление оставил.

По отчетному докладу ВЫСКАЗАЛИСЬ следующие товарищи.

Тов. ФРАНЦ. Товарищи, т. ГОЛУБЕВ в своем отчетном докладе о партийной работе за 10 месяцев — примерно с апреля месяца [1938 г.]. Партийный коллектив наш и я лично ожидал немного больше. Это не партийный отчет — это антипартийный отчет. Так я лично квалифицирую. Если товарищ ГОЛУБЕВ в своем докладе заявляет и разделяет свой доклад на два периода, т.е. когда орудовал враг народа — этот махровый фашист ВЯТКИН — была монолитность, сплоченность, а после ареста ВЯТКИНА партийные ряды развинтились, дисциплины нет никакой.

Если у т. ГОЛУБЕВА нет никакой базы под этим фактом говорить и заявлять, что если группа коммунистов решила пойти в Обком партии требовать партийного собрания, так это является — антипартийной, антисоветской группой. А что, вы будете заставлять, чтобы коммунисты не ходили в Обком партии и в ЦК? Пойдем, если нужно. А если товарищ НИКОЛАЕВА единственная член партии, которая разоблачила врагов, которые сидели в руководстве киевской парторганизации, — так ей только спасибо. А если тут товарищ ФРАНЦ, ПРИВИН, СТУКАНОВСКИЙ, ГРИНЕВ, СТРУГАЧЕВ и другие пошли в Обком партии — это есть антипартийная группа? [...]

А у нас что получилось? Полнейший отрыв от партийной массы, полнейший отрыв от беспартийной массы, оббюрократились, члены Парткома не видели низового члена партии. Что у нас орудовало и царствовало

в нашей парторганизации — нам всем известно. Уже установлено фактами, что враг народа ВЯТКИН был прислан сюда не для того, чтобы по-партийному, по-большевистски руководить нашей партийной организацией и вести борьбу с врагами народа. А для того, чтобы проводить вражескую работу, и он проводил на практической работе. Проводил ли он [ее] сам — нет, не проводил. У него были приспешники и есть.

Я буду говорить, что мне известно. Не знаю, почему т. НАЗАРКО на предыдущем партийном собрании не говорил об этом факте. Я считаю, что это очень важный факт и заслуживает исключительного внимания. [...]

Мы знаем, что если этот враг спаивал, а пьянка это вообще метод разложения, метод вербовки. Тов. НАЗАРКО пришел однажды по одному вопросу к этому врагу народа ВЯТКИНУ, у него сидят там тт. ФЕДОРОВ и МАНЬКО. На столе соответствующая обстановка. Заходит т. НАЗАРКО: «Угощайтесь, пожалуйста». Тов. НАЗАРКО выпил, затем враг говорит: «Вы знаете, товарищ НАЗАРКО, что вы проходите по показаниям ЛОГВИНОВА?». НАЗАРКО испугался, чувствует, что на самом деле этого нет. «Да», — говорит. [Вяткин дальше говорит.] «Проходите, ну, не беспокойтесь, ничего, мы вам пока верим, доверяем», и т. МАНЬКО говорит: «Я бы на месте следователя взял бы на вас материал, мне этот факт известен». Такой факт был.

Товарищи, если враг в присутствии ФЕДОРОВА и МАНЬКО пытается вербовать НАЗАРКО, значит, этих людей он не боится, значит, это люди свои. Вот тут присутствует и т. ФЕДОРОВ, и МАНЬКО. Так пусть они в своих выступлениях расскажут об этом. Как только мне стал известен этот факт, я написал заявление т. ХРАПАЧУ, как парторгу, он говорит, что я побеседую с т. ГОЛУБЕВЫМ. ГОЛУБЕВ с т. ХРАПАЧЕМ договорились пока у себя на партийной группе этого факта не разбирать. Мы пока еще подождем, нити еще тянутся, и затем в совокупности разберем этот вопрос. Я считаю, если член партии написал, разбери у себя на партийной группе, а МАНЬКО мог рассказать, как дело было, и вот это дело тянуло до сегодняшнего дня. Почему — для меня неизвестно.

Я хочу напомнить такой факт о т. ФЕДОРОВЕ. Я на предыдущем партийном собрании не был, я был в командировке, это мое счастье — всегда находиться в командировке. Когда выбирали партийный комитет в апреле месяце, те члены партии, которые присутствовали на том партийном собрании, помнят, как враг народа ВЯТКИН выдвигал кандидатуру т. ФЕДОРОВА. Каждый член партии, который выдвигал ту или иную кандидатуру, должен был дать соответствующий отзыв в отношении того, кого выдвигает. Привожу подлинные слова врага народа ВЯТКИНА: «Когда меня Александр Иванович¹³, вот этот командир фашистского отряда, послал этого штурмовика сюда, он сказал: «У тебя работает начальником 3 Отдела хороший коммунист, честный человек, ты сумеешь с ним работать, опора будет крепкая. Я считаю, что слова Наркома авторитетны и можно избирать т. ФЕДОРОВА в состав партийного комитета». Вот подлинные слова врага народа в части т. ФЕДОРОВА.

¹³ Ідеться про наркома внутрішніх справ УРСР О. І. Успенського.

Дальше, возьмите стиль руководства оперативной работой над районами, периферией. Что получилось? Злые охотники, машину, водку и на охоту в пограничную полосу — охранять границы едут. И тут постоянные охотники МАНЬКО, ФЕДОРОВ, ГОЛУБЕВ. Вот бы вы так охраняли — приехали бы в район, взяли бы агентуру, поработали бы, посмотрели бы на их работу, проверили, дали бы практические соответствующие указания. А у вас охота, водка — разве это руководство? И этот махровый враг не ехал с другими охотиться, а всегда имел свой контингент людей, своих определенных лиц. Нужно было бы здесь по-большевистски выступить и рассказать. А что, на самом деле гонение было, например, на меня. Он меня презирал, ненавидел, он евреев вообще ненавидел, и я не знаю, почему я уцелел в Областном аппарате? Что получилось в Областном аппарате? Все [евреи] по приказу были откомандированы. Я остался, и то моя судьба предрешена в Омск. Может, моя фамилия не звучит, как еврейская, больше похожа на французскую.

С места. Далекое что-то.

[Тов. ФРАНЦ.] [...] ¹⁴ Спрашивается, проводил ли враг народа ВЯТКИН сам эту работу по выживанию евреев-чекистов из аппарата? Эта работа направлялась для того, чтобы контрреволюционеров насадить. Спрашивается, Отдел кадров был в стороне? Не был. Тов. КОРОТЧЕНКО, по-моему, должен будет сказать [об этом]. Тут были, по-моему, определенные планы, чтобы выживать чекистов-евреев, а затем украинцев. Как говорили: «Еврей — это палестинец, а украинец — это националист». Тов. КОРОТЧЕНКО должен сказать [об этом], как начальник Отдела кадров. Начальник Бердичевского отдела т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ вызвал меня к себе и хотел забрать, но сказали ему: «Из ФРАНЦА ничего не выйдет, он едет в Омск». Говорит, ничего не выйдет, четыре месяца я начальник отделения, а он говорит, что ничего не выйдет. Я считаю, что Отдел кадров должен был вмешаться, если начальник управления затирает, обязанность партийного комитета разбираться тонко, должен помогать выдвигать кадры. Как Партия ставит вопрос: «Выдвигать по способности, по деловитости». А у нас было развито подхалимство. Партия выдвигает способных, а неспособных нужно учить. Я приведу факт, когда ГОЛУБ был оперуполномоченным 6 Отдела. Ну, к несчастью француз-еврей, значит, не наш человек. Дальше ГЕРШЗОНА выгнали, я ГЕРШЗОНА знаю — рабочий, честный человек. Дальше в Яруне был принят молодой коммунист, растущий парень ВЕШИНЕР на оперработу, он рос на этой работе, показывал работу. Дальше МАРКИТАН вызывает Отдел кадров и предъявляет синий лист. А теперь районный комитет партии оформляет [его] инструктором райпарткома. А в наших органах он не годился, а в партии он может быть, их гонят, а потом опять просят. И это благодаря чему? Благодаря тому, что наша Партия разоблачает этих подлецов-врагов.

Дальше факт, когда враг народа ВЯТКИН — пьяница. 8-го числа я был ответственным дежурным. Приезжает вместе с т. МАНЬКО — этот

¹⁴ Вилучені цитати Й. Сталіна про антисемітизм.

фашист, штурмовик фашистского отряда [ВЯТКИН], с таким форсом спрашивает: «Что, никаких происшествий не было?». — «Ничего нет, майор». — «Печально». Посидели, были ФЕДОРОВ, КОРОТЧЕНКО — уехал. Затем возвращается ВЯТКИН и говорит: «Тов. МАНЬКО, пошлете ко мне ГОЛУБЕВА, пусть приедет на квартиру». Говорит: «Хорошо». МАНЬКО часов в 6–7 пошел, подписал докладную маленькую для Наркома, информационное сообщение. Смотрю, час нет, два нет, праздник — я тоже праздновать хочу, полдесятого — нет. Я думаю: «Что, я хуже их? Я тоже могу праздновать», взял подписался, сдал КЛИМОВУ и ушел. Что получилось? Люди-то пьянствовали, с ним ясно были связаны, а у нас получается, что проглядели и т.п. [...] Что у нас в Областном аппарате было для меня, как для члена партии, было дико? Если кто-либо из членов партии подошел и сказал, что тебя в Областном аппарате не любят потому, что ты еврей. Я не мог поверить этому. В моем большевистском сознании мысль не укладывалась, на 22 году Советской власти ненавидеть евреев — это дико, но это факт. Люди знали и люди молчали.

[...] Возьмите, например, случай с городским театром, когда там присутствовал враг народа, был там ФЕДОРОВ, был СЕМЕНОВ. Когда враг ВЯТКИН подозвал к себе ПИНСКЕРА и говорит: «Зачем ты этих евреев прислал, дай что-нибудь русское» Тов. ФЕДОРОВ присутствовал? Присутствовал. И было подано заявление в нашу партийную группу. Почему не разобрали вопроса? Присутствовал, почему скорее не дали партии разоблачить? А вы, видимо, так думали: «Свои люди, неудобно». Вот это все «неудобно» так и получается.

Теперь хочу рассказать в отношении РОМАНЧЕНКО. Я находился в следственной группе Бердичева на протяжении 4–5 месяцев. Дали одного арестованного СИРОШТАНА — начальника 621 эксплуатационного участка. СИРОШТАН упирался, показаний не давал. Затем дело было передано ШПИЛЕВОМУ, его посадили, он показаний не давал. Мы учинили очную ставку. В это время дело было передано ШПИЛЕВОМУ. СИРОШТАН дает показания и указывает, при какой обстановке был вовлечен в контрреволюционную организацию РОМАНЧЕНКО. РОМАНЧЕНКО работал в одной системе начальником. Мне говорят — ФРАНЦ, РОМАНЧЕНКО проходит по показаниям. Я говорю — он член партии, нужно проверить, пока не пиши показаний, поговорим с этим арестованным. Арестованный повторяет обстоятельно, говорит, как он был вовлечен в состав контрреволюционной организации РОМАНЧЕНКО. Его предупреждают, он опять говорит: «Да, я был вовлечен в контрреволюционную организацию РОМАНЧЕНКО». Я лично доложил т. БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ. Тот говорит: «Давайте вызовем». И [он в] третий раз подтверждает. Товарищ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ пишет ЛУКЬЯНОВУ, тот говорит: «Подождите». Я приехал в Житомир, в товарищеской беседе поговорил с т. СТУКАНОВСКИМ и назвал конкретные факты. Товарищ СТУКАНОВСКИЙ доложил также т. ЛУКЬЯНОВУ. Затем это дело было поручено перепроверить ГОЛУБЕВУ. ГОЛУБЕВ выехал перепроверить, показания подтвердились. Следовательно, что

арестованный правду говорит, когда пять раз беседовали с арестованным, он ни на шаг не отступает, следовательно, человек дает верные показания. Значит, РОМАНЧЕНКО — это сволочь. Приезжает БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ — этот враг ему говорит: «Вы скоро на нас будете давать показания», ему же этот факт был известен. «На РОМАНЧЕНКО взял, осталось на нас взять». Тов. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ сказал: «Если будут честно — будем брать». Я говорю то, что мне известно. Затем этот враг приезжает в Бердичев, проводит оперативное совещание и говорит: «Кто брал показания на РОМАНЧЕНКО». ШПИЛЕВОЙ говорит: «Я». [Вяткин сказал.] «Наплюйте этому арестованному в лицо, он врет, порвите это показание и передопросите его. РОМАНЧЕНКО честный коммунист». «Есть», — что остается делать. Как дальше пошли показания, на кого переключились? Но факт остается фактом. Что нужно было сделать ГОЛУБЕВУ, как особоуполномоченному и секретарю партийного комитета? Он сообщил НОВОСЕЛЬЦЕВУ — нельзя останавливаться, довести до сведения парторганизации, что на РОМАНЧЕНКО имеется материал, вызвать арестованного, сделать очную ставку — и было бы ясно. Причем я должен сказать, что мне не нравится одна вещь, когда он приехал, он [Вяткин] его прямо защищал, как своего человека. Я взял и написал рапорт наркому т. БЕРИЯ и там описал поведение товарища ГОЛУБЕВА, копию отдал т. ДАРАГАНУ, думаю, что т. ДАРАГАН лично займется этим делом. Однако этот рапорт попал к ГОЛУБЕВУ. [...] ¹⁵ Партия осуждает такие методы. Я считаю, что это поведение т. ДАРАГАНА неправильное, какое он соображение имеет — я не знаю, но мое личное мнение таково, что этот рапорт не должен был попасть к т. ГОЛУБЕВУ. Может быть, т. ГОЛУБЕВ собирает материалы на РОМАНЧЕНКО? Я не боюсь, я писал наркому и копию ДАРАГАНУ.

В части т. ФАДЕЕВА. Тов. ГОЛУБЕВ неправильно доложил. Это было в мою бытность в Бердичеве. За ФАДЕЕВЫМ наблюдались кражи, хищения и незаконные действия. Тов. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ попросил меня и оперуполномоченного КАТКОВА, и ЗВЕРЕВА проверить кабинет. Утром после ухода мы проверили. В кабинете ФАДЕЕВА нашли деньги — валюту, больше тысячи совзнаками, 10 часов, заграничной обуви две пары и много разных вещей. Товарищ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ издал приказ, что за последнее время наблюдаются безобразные случаи, предлагая в течение суток все имеющиеся вещи сдать. Он имел полное предупреждение и полную возможность сдать, однако этого не сделал, значит — занимался хищением. После того, когда нашли, послали на квартиру ФАДЕЕВА, и что же оказывается? У него имеется два склада: один дома, другой в кабинете. На квартире также нашли золотые часы дамские и карманные большие часы, кожу и еще ряд других вещей. Перед этим, когда еще были сигналы, доложили ВЯТКИНУ, что имеется оперативный работник, который занимается хищением, безобразие нужно убрать. Он накинулся на БЕЛОЦЕРКОВСКОГО, что вы лучших людей выгоняете, у Вас в аппарате склока. А этого ФАДЕЕВА метили начальником 4

¹⁵ Вилучена цитата із газети.

отдела. ВЯТКИН рекомендацию давал, Отдел кадров говорит: «Не знаю». После, когда установили, т. ЛУКЬЯНОВ распорядился привезти его сюда с барахлом. Взяли все вещи, списали в Финотделе, есть все основания судить, что это сволочь. Что же получается у ГОЛУБЕВА? Что, мол, нехорошо, на него слишком много говорят, не так, как оно было. А сколько обнаружили вещей? Его не сажают, его выпускают, переводят в ОМЗ. Там работал ЧЕРКЕЗ — прокурор. Народ требует отдачи под суд. Когда один родственник арестованного написал жалобу о том, что незаконно арестовали врага РАЙГОРОДЕЦКОГО, когда написал обо всех безобразиях прокурора и когда прокурор взялся за это дело, когда побеседовали с т. МЕДНИКОВЫМ, он рассказал истинную картину. Он говорит: «Какое имел право он это делать?». Прокурор это дело вздыбит, и что же получится? Если честный человек заявляет о безобразиях — пугать его не надо.

Товарищи, я хочу доложить партийному собранию еще такой факт и отношение КОРОТЧЕНКО. В Бердичеве работала машинистка КРАКОВСКАЯ, по национальности еврейка. Работала 10 лет, два брата работают в наших органах. Посадили одного механика пишущих машин, он когда-то рекомендовал ее на работу в органы. Он, как механик, имеющий непосредственное отношение к машинкам, чинил машинки. В порядке этого познакомился. Она хорошо грамотная, хорошо печатает, и вот вам факт: через 10 лет ее работы вспомнили, он дал показания, что она английский шпион. Десять лет тому назад рекомендовал ее на работу, следовательно, тут какая-то связь. Это самое полнейшее безобразие, его допрашивал КОЧКИН — ничего не выходило. Какая тут могла быть связь? Затем приезжает КОРОТЧЕНКО вместе с ВАДИСОМ, взялись за этого арестованного: «Ты такой саякой». Он говорит, что я не вербовал. Он получил там один раз, думает — за что мне получать, я назову. Но предупредил, что никого не вербовал. С ней не посчитались — взяли и посадили. Этот человек был осужден, она просит дать очную ставку: «Пусть он мне на очной ставке скажет». Требуют его в Житомир из Бердичева — решили это дело перевести. Причем он кроме нее назвал и свою жену-артистку, она наш человек. А ему что, он думает, назовет: «Разве мне жаль назвать ее и КРАКОВСКУЮ?». Я вызвал арестованного, поговорил с ним, он говорит: «Я никогда никого не вербовал». Причем мне и ВАДИСУ дал такие показания, что она передавала сведения шпионского порядка. Он понимал события все, он политически грамотный, с высшим образованием, так приноровился к событиям. Рассказывает, что в 1929 г. в период сплошной коллективизации «ваши органы» ясно, что «вели борьбу с кулачеством». В 1934 году после злостного убийства Сергея Мироновича КИРОВА ясно, что Партия ведет наступление в борьбе с троцкистами. С этим делом, ясно, он знаком, и он давал такие показания.

Тут присутствует т. СТРУГАЧЕВ, я прошу, чтобы он подтвердил то, что он мне заявил, будучи в Бердичеве [...]. Мы как-то в разговоре частного порядка говорили. КОРОТЧЕНКО заявил следующее и другим товарищам сказал, что я евреев не люблю. Если это заявление справедливое, если это имело место, ему не место быть в партии. А тут говорят, что того

не знал, другого не знал. Нужно сказать, что враг ВЯТКИН использовал все методы обработки, разложения аппарата, все делал. А вот секретарь партийного комитета — особоуполномоченный ничего не знал, буквально ничего не знал.

Берет НЕДБАЙЛА — молодой, недавно пришедший в органы — [и] АНДРЕЕВА, которые ничего не знали, подхалимничали. Несколько раз на месяц дает [им] по 200–300 рублей. Сам НЕДБАЙЛО говорил. Я думаю и полагаю, что он этим обрабатывал. Почему он получал по 200–300 рублей и не отдавал себе отчета? Берут этих людей и выдвигают. Он [Вяткин] его выдвинул на пом[ощника] нач[альника] Особого отдела корпуса. Такие люди, которые получали по несколько раз деньги, к нему нужно исключительно относиться, критически, даже с недоверием. Вот возьмите т. СЕМЕНОВА. Нужно в порядке критики говорить — подхалим высшего класса. Товарищ КЛИМОВ — начальник ОМЗ — мне рассказал такие вещи, что ему известно о том, что он своей шинелью чистил сапоги ему. Вот т. КЛИМОВ может подтвердить. Кроме того, т. СЕМЕНОВ знает, что я в командировке, жена работает, и он посылает его на квартиру с проверкой. Приходят, меня дома нет, к жене пришла сестра, и вот посылает СЕМЕНОВА проверить: приму я этого человека или нет. Человек знает, что я в командировке и этого делать не нужно было. Правильно — проверить нужно. По партийному СЕМЕНОВ выполнил миссию посланника, его послали — он пошел. Что у нас получается? У нас получается то, что в нашем аппарате отношение к кадрам, к людям было отношение нечуткое, непартийное, людей выдвигали за подхалимство. Товарищ АНФИЛОВ в прошлом году был помощником оперуполномоченного, а в этом году начальник отдела. МАНЬКО то же самое и другие. А как, товарищи, вы тосты [за начальство] поднимали на даче — это тоже на почве подхалимства создавали себе карьеру.

У нас было оперативное совещание, не помню, какого числа. Присутствовал т. ГРЕЧУХА. В порядке самокритики должен сказать, что о некоторых делах знал и Областной комитет партии, и знал т. ГРЕЧУХА. Я не допускаю мысли, чтобы ни ГРЕЧУХА, ни ДИДЕНКО и другие работники Обкома партии буквально ничего не знали, они кое-что знали. Я задал вопрос т. ГРЕЧУХЕ — он мне не ответил. Я надеюсь, что он в своем выступлении скажет в отношении Обкома партии и какие меры принимались в отношении тех безобразий, которые имели место.

[С места.] Конкретно, о чем эти безобразия?

[Тов. ФРАНЦ.] О присвоении денег, о разбазаривании денег Обкома. Вот возьмите этого РОМАНЧЕНКО. Он, помимо того, что начальник АХО, он еще особоуполномоченный Облисполкома. У него есть СОКОЛОВСКИЙ, который имеет легковую машину. Знал об этом Обком партии? Имеем право требовать, вы присутствовали на оперативном совещании, ваше выступление не дало возможности развернуть критику и самокритику по историческому письму ЦК и Совнаркома. Вы сказали, что нам сейчас говорить нечего, говорить сейчас не место и, кроме того,

было 250 человек присутствующих, а выступило только 14–1¹⁶ человек. Когда в центральном аппарате оперативное совещание, говорят, сутки [длилось]. Или желающих не было — были желающие. А вот когда выступает Секретарь Обкома... и на этом закрыли оперативное совещание¹⁷. Вместо того, чтобы развернуть критику и самокритику, поговорить о безобразиях, которые были.

[...] Мне т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ рассказал такой факт, что деньги арестованных и барахло не только раньше присваивались, но и, товарищи, 10 тысяч арестованных [денег] пошли на кутежи, на банкеты. И вот сейчас по распоряжению т. ЛЕСНОВА ведут расследование. Я считаю, что он скажет.

Я считаю, что работники партийного комитета с работой не справились, не оправдали доверия нашего партийного коллектива, оказались неработоспособными, так я считаю, что партийный комитет нужно разогнать. [...]

Разве это не вражеская работа, когда враг ВЯТКИН мобилизовал всех оперработников по подготовке арестованных в ВК? Не помню, какого числа, как это было, взяли арестованных, посадили в комнатах, сутки сидим, оперработник уговаривал его, чтобы он подтвердил свои показания на ВК. Он, мол, за это получит 3–4 года, а этот враг КОРОТЧЕНКО переоделся в форму работника тюрьмы и записывал специальности арестованных и говорил: «Ну, [если] подтвердишь свои показания на ВК, то поедешь в лагерь». Ведь об этом знали и начальники Отделов ФЕДОРОВ, ЛЕСНОВ и др.

МАНЬКО все дела 3 Отдела пропускал через Тройку, он комбинации делал. Я лично видел, когда МАНЬКО в своем кабинете на обвинительном заключении писал «Р»¹⁸. А кто ему право давал резолюцию делать «Р»? По сути, он решал судьбы арестованных.

Тов. ГРИЦЫК мне и т. ПРИВИНУ сказал, что если при печатании протоколов Тройки где-либо была пропущена «Р», то он доложил МАНЬКО: «Как быть с такими арестованными?». Через 4–5 минут МАНЬКО приносит эти материалы с резолюцией «Р». Разве за 5 мин[ут] Тройка может собраться и решение дать по тому или другому арестованному? Члены Тройки также виноваты, что они доверяли МАНЬКО, ВЯТКИНУ и не требовали каждое следственное дело и тщательно его не проверяли. Этим самым они могли бы предотвратить много безобразий. [...]

Тов. ШПИЛЕВОЙ. [...] Давайте, товарищи, посмотрим на самого ГОЛУБЕВА. Что представляет собой ГОЛУБЕВ? Подойти раньше было очень трудно к т. ГОЛУБЕВУ. Он даже не считал нужным поздороваться с товарищами, считал себя «большим начальником» и не считал нужным отвечать на приветствия. К такой же категории относится и т. КОРОТЧЕНКО. И вот только после того, когда арестовали

¹⁶ Так у тексті.

¹⁷ Так у тексті.

¹⁸ Розстріл.

врага народа ВЯТКИНА, КОРОТЧЕНКО и ГОЛУБЕВ изменили тактику, и они начали приветствовать товарищей.

Для меня непонятно выступление на предыдущем партийном собрании КОРОТЧЕНКО, где он говорил, когда был ВЯТКИН, работали неплохо, на работу являлись своевременно. А теперь после ареста паника, шум, опоздания. По-моему, это совершенно неправильное замечание [...].

Я, товарищи, хочу несколько уточнить в отношении показаний СИРОШТАНА. У нас в Бердичеве существовала оперативно-следственная группа. Мне дали арестованного СИРОШТАНА, он являлся начальником 621 эксплуатационного дорожного участка. Первое время этот арестованный не давал показаний. После этого мною была произведена очная ставка с бывшим инженером того же участка АКИНДИНОВЫМ, который уличил СИРОШТАНА в его преступной деятельности и что для этой цели завербован СИРОШТАНОМ. СИРОШТАН признался и дал развернутое показание о вражеской деятельности и назвал, что в состав этой организации был завербован бывшим начальником УШОСОДОРА РОМАНЧЕНКО. Я уже знал о том, что РОМАНЧЕНКО является работником НКВД, т.е. начальником АХО. Я обратился к ФРАНЦУ, пошли с ним проверили, предупредили крепко. Сказали ему, во-первых, он коммунист, во-вторых — работник НКВД. Однако СИРОШТАН сказал, что это точное показание. Мы доложили БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ, правда, это долгая история рассказывать. Вызывали с БЕЛОЦЕРКОВСКИМ один день, второй день — и он все время утверждает свои показания, говорит, что даю искренно, искренно отчитываюсь перед органами НКВД о всей своей вражеской деятельности. После этого я пишу протокол, он подписывает. Начальник Горотдела НКВД т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ о показаниях СИРОШТАНА на РОМАНЧЕНКО доложил в Облуправление НКВД. По каким причинам, для чего выезжал ГОЛУБЕВ — для меня не было тогда ясным. ГОЛУБЕВ в моем присутствии вызвал арестованного СИРОШТАНА, который также заявил ему: «Да, действительно, я завербован РОМАНЧЕНКО». Чем кончилась эта история — для меня неизвестно. После этого вскорости приезжает бывший начальник Облуправления НКВД, ныне разоблаченный враг народа ВЯТКИН к нам в Горотдел. Созывает оперативное совещание и начинает говорить, что вы здесь ничерта не делаете, ругал, кричал на нас, затем говорит: «Кто брал показания на РОМАНЧЕНКО?». Просто приказывает доложить по существу. Я сказал, что я взял. Говорю, что такой-то обвиняемый дал показания, что он получал от РОМАНЧЕНКО вредительские указания. А он говорит: «Что вы занимаетесь склокой, скоро и на меня будете брать показания». Я молчу, он говорил всему совещанию, что это ложь, что РОМАНЧЕНКО честный коммунист. «Вы,— говорит,— не верьте показаниям СИРОШТАНА». Приказал немедленно уничтожить этот протокол: «И начните допрос с таким расчетом, чтобы в показаниях не фигурировал РОМАНЧЕНКО». А я что скажу? Я беру показания, уничтожаю и начинаю снова допрашивать. Когда начал допрашивать СИРОШТАНА, [тот] говорит: «Не буду давать показаний других». И только дал в разрезе своей вражеской деятельности, одновременно

подтверждал связь с начальником УШОСОДОРа НКВД УССР. На этом следственное дело было закончено и обвиняемый СИРОШТАН осужден по 1-й категории.

О ЛЮЛЬКОВЕ. Я сейчас утверждать партийной организации, насколько это верный факт, не буду. Но мне это заявили на этом же оперативном совещании, когда зачитывали письмо ЦК и Совнаркома, оперуполномоченный воинской части РОМАНЧУК сказал, что 5 ноября, когда воинские части готовились к параду, на машине Областного управления НКВД появился комендант ЛЮЛЬКОВ. Вот идет колонна, ЛЮЛЬКОВ за ней. В то время ЛЮЛЬКОВ останавливается и говорит коменданту города, что он работник НКВД, почему не сворачивает колонна? Комендант говорит: «Вы можете проехать другой стороной улицы». После этого ЛЮЛЬКОВ закричал: «Я тебе что такое — пешка?». [Он] забрал и повел его в Горотдел НКВД.

[С места.] А какой шофер был?

[ШПИЛЕВОЙ.] Не знаю. Чем закончена эта история — не знаю.

О ЛЕСНОВЕ. Помните, на партийном собрании выступал работник 4 Отдела НЫРКО и говорил о наличии компрометирующих материалов на ДИДЕНКО? Но мне непонятно: почему т. ЛЕСНОВ накладывает резолюцию на агентурный материал: «Не прорабатывайте ДИДЕНКО». Это один факт. А второй — почему вы, ЛЕСНОВ, на фотокарточке, где были враги ЗРАЖЕВСКИЙ, ПЛЮТА и другие, посредине были их? Об этом донесено начальнику Областного управления НКВД, но какие результаты — неизвестно.

Мне непонятно, на партийном собрании выступал ГОЛУБЕВ и говорил: «Если я подхалим, то АНДРЕЕВ — в два раза больше». ГОЛУБЕВ, зная, что АНДРЕЕВ является подхалимом врага народа ВЯТКИНА, что АНДРЕЕВ от последнего получает вознаграждения — законно или незаконно, однако получает. И после этого ГОЛУБЕВ никаких мер не принимает и вопроса об АНДРЕЕВЕ не поставил на партийно-комсомольской организации. В результате чего АНДРЕЕВ является руководителем комсомольской организации, руководителем комсомольского комитета. Это недопустимо, нужно было, чтобы комсомольская организация занялась этим делом, нужно, чтобы комсомольская организация заставила отчитаться. И вот поныне АНДРЕЕВ остается руководителем комсомольской организации, а руководит он, как требует Партия? Конечно нет.

[...] Спрашивается, как можно так быстро делать комбинации? ИВАНОВ получил несколько раз назначения — из Бердичева в Эмильчино едет. Приезжает сюда, говорит, зайти к ВЯТКИНУ. Отменили. Приезжает через несколько дней, получает назначение в Радомысль, также помощником оперуполномоченным, и третий раз куда — не знаю. Однако через несколько дней ИВАНОВ — оперуполномоченный особоуполномоченного. Подумайте, большой человек. ИВАНОВ не может на район выехать. Непонятно, товарищи, почему так защищали и ГОЛУБЕВ, и КОРОТЧЕНКО ИВАНОВА?

[...] Я присоединяюсь к предложению т. ФРАНЦА о том, что партийный комитет нужно распустить, выразить политическое недоверие,

ГОЛУБЕВА с секретаря партийного комитета снять и одновременно выразить политическое недоверие АНДРЕЕВУ и произвести выборы КСМ комитета. О членах Паркома — поставить вопрос об их партийности. [...]

Тов. БРАНДТ. [...] Я думал, что члены партийного комитета первыми выступят и по-большевистски расскажут о той ответственности, которую они несут, расскажут о тех тягчайших преступлениях, которые они сами совершали как члены партийного комитета. Однако они продолжают молчать. Я хочу привести отдельные факты, которые мне известны. Они хотели взять под свое влияние всех руководящих работников НКВД, некоторых покупали деньгами, пьянками и всякими другими видами. Бесспорно, им этого не удалось. Вот возьмите такой факт, не есть ли это вражеское воспитание, непартийное воспитание членов партии? Если вы помните, когда Лукьянов уезжал, у него на квартире были организованы проводы, там присутствовало человек 50. Как, товарищи, были организованы эти проводы, разве это были партийные проводы? Это был, по сути, товарищеский обед. Я тогда с т. ПРИВИНЫМ делился и говорил, что тут чем-то пахнет нехорошим, однако отдельные члены партии вместо того, чтобы здраво реагировать, выступали на пьянках и восхваляли ВЯТКИНА. Выступал ФЕДОРОВ, РЕЗНИЧЕНКО — это факт («под рюмкой»).

Возьмите другой факт, когда арестовали ГЛУЗМАНА. После того когда ГЛУЗМАН получил незаконно 12 тысяч рублей, он заставлял арестованных расписываться, что они получили деньги, и эти деньги забирал себе. Сказать, кто этими деньгами пользовался, точно не могу. Когда т. МАЛАХОВ вскрыл этот факт и написал ВЯТКИНУ рапорт, ВЯТКИН для того, чтобы отвести глаза МАЛАХОВУ, накладывает резолюцию — организовать комиссию финансовую для того, чтобы проверить. Оказывается, этот рапорт пролежал около 4–5 месяцев, как выяснилось, что он попал к АНФИЛОВУ. Когда РЯБОКОНЬ мне сказал, что материал туго собирать на ГЛУЗМАНА. Узнав об этом от т. МАЛАХОВА, я сейчас же сказал АНФИЛОВУ, свел МАЛАХОВА и АНФИЛОВА. Говорю, вот дело готовое. АНФИЛОВ в присутствии МАЛАХОВА заявляет, что такого факта в деле не фигурирует. Тогда МАЛАХОВ говорит, что я подал рапорт, и рапорт в твоих руках. Сейчас товарищи заявляют, что этот враг ГЛУЗМАН несколько месяцев тому назад заявлял так, что вы меня за контрреволюционную деятельность привлекать не будете, так как в этом я не виноват, и указал на ряд лиц областных работников НКВД, которые были соучастниками тяжелых преступлений. Однажды т. РЯБОКОНЬ говорит, что эти материалы лежали без движения. Вот Вам, товарищи, факт, о котором здесь установлено, что знал и партийный комитет. ГОЛУБЕВ сам читал показания ГЛУЗМАНА.

Третий факт в отношении того, что растранижили обкомовские деньги. Товарищи, какая гнусность этих людей, как они сумели подойти к работникам Обкома и выманить 55 тысяч рублей? Причем уполномоченным назначается РОМАНЧЕНКО. Деньги были отпущены Центральным комитетом на специальные расходы. Какая гнусность людей, которые пробрались в партию, воровали, крали друг у друга деньги,

учредили специального инспектора по снабжению СОКОЛОВСКОГО, который получал 700 рублей зарплаты. Причем, снабжался наравне с секретарями Обкома партии. Причем, наравне с членами Областного комитета партии были включены ГОЛУБЕВ, ФЕДОРОВ, НОВОСЕЛЫЦЕВ, РОМАНЧЕНКО, которые также получали бесплатные пайки. И вот вам пример, по заявлению отдельных товарищей разокрали больше 30 тысяч рублей.

[С места.] 49 [тысяч] точно.

[БРАНДТ.] Еще один факт. Так называемый таинственный вечер, который имел место 11 ноября. Вечер был посвящен празднованию XXI годовщины Великой Октябрьской революции. Вы только возьмите саму постановку этого торжественного собрания, которое тогда состоялось. Все трудящиеся, весь народ празднует этот праздник, подводят итоги великих достижений, которые были достигнуты за 21-ю годовщину, всюду доклады. А что мы имели 11 ноября? У нас была какая-то спешка, куда-то спешили, прочли приказ, получившие значки сказали слово, и некоторые «люди» начали разезжаться. Спрашивают, куда? Говорят — на территорию воинской части, и вот собралась группа людей, человек 30–40, в дом отдыха. Сразу было скучно, на столе соответствующая обстановка. Но нужно сказать, что отдельные товарищи, присутствовавшие на этом вечере, чувствовали себя очень плохо. Я не знаю, что было дальше. Так как мы, во всяком случае, с т. ЛЕСНОВЫМ уехали первые. Говорят, к концу вечера кое-кому было весело. Вот вам стиль организации самого вечера. Разве нельзя было этот вечер организовать вместе с сотрудниками? Зачем ехать в дом отдыха, чего было скрываться?

[С места.] Теперь понятно.

[БРАНДТ.] Сейчас, конечно, ясно. Вот еще один факт с вещами, которые изымали у арестованных. Был случай, арестовали начальника горотдела НКВД МАРТЫНЮКА. У него была прекрасная обстановка в квартире, было приказано, чтобы немедленно эти вещи доставить в Житомир. Начальник Горотдела не послал вещей в Житомир, за ними прислали машины и отвезли на квартиру к т. ФЕДОРОВУ и МАНЬКО. Был арестован СМЕЛЯВСКИЙ, вещи которого были отданы РОМАНЧЕНКО в Горторг, и затем ВЯТКИН заставил забрать обратно и отвезти на квартиру ФЕДОРОВА и МАНЬКО. Ясно, что эти товарищи оказались в руках [подкупавшего их] врага.

Здесь говорили, что РОМАНЧЕНКО проходил как участник контрреволюционной организации. Однако на днях я был свидетелем, когда т. КОРОТЧЕНКО выдвигал перед ДАРАГАНОМ назначить РОМАНЧЕНКО помощником начальника оперативного отдела. СТУКАНОВСКИЙ пусть расскажет, он был при этом.

[СТУКАНОВСКИЙ.] Не знаю. [...]

Тов. СЕМЕНОВ. [...] Я расскажу в отношении двух вечеров. Тут не даст соврать присутствующий т. НОВОСЕЛЫЦЕВ. Когда была Областная партийная конференция, я приехал на конференцию и привез шифровку бывшему начальнику управления. Мне было сказано товарищами, что меня НОВОСЕЛЫЦЕВ разыскивает. Когда я встретился

с НОВОСЕЛЬЦЕВЫМ, он мне сказал, что все делегаты имеют талоны на обед в ресторан, и ВЯТКИН распорядился, чтобы поговорить с директором ресторана и занять отдельную комнату, т.к. будут все начальники РО НКВД, могут иметь место чекистские разговоры. Я отправился и договорился с директором ресторана. Так и было, туда пришли все начальники Райотделов. Здесь некоторые товарищи, которые присутствовали: ГРИНЕВ и др[угие] — они могут подтвердить это обстоятельство.

Теперь в отношении вечера 11 ноября. Меня вызвал ВЯТКИН в кабинет. Я, к сожалению, работал инспектором, поэтому мне ВЯТКИН давал такого рода поручения. «Видите,— говорит,— т. СЕМЕНОВ, на этом вечере будут присутствовать все Секретари Обкома партии, депутаты Верховного Совета и чтобы не было никаких эксцессов, поезжайте вместе с начальником 2 Отдела т. ГОЛУБЕВЫМ и посмотрите местность. И пусть дадут пару милиционеров, чтобы было все в порядке». Когда пришел ГОЛУБЕВ, я вместе с ним поехали и он на территории дома отдыха поставил двух своих человек, чтобы никакой чужой человек не мог попасть на эту территорию. А начальник милиции т. ГОЛТВЯНСКИЙ дал двух милиционеров. Не знаю, почему т. ГОЛУБЕВ в своем выступлении, когда задавали вопросы в отношении этого события, он ничего не сказал. А когда напомнили об этом, он сказал: «Скажу». И по поводу заявления, которое я подавал в парткомитет. Я хочу партийному собранию сказать, что критика и самокритика — это острейшее оружие нашей партии, которое выправляет всякие ошибки того или иного товарища, допустившего в процессе своей работы, однако партийная организация, надеюсь, что это дело выправит. Тут я хочу сказать в отношении коменданта ЛЮЛЬКОВА. Он также ищет рыжего, мне понятно, почему это он так делает. Был однажды такой случай. Не было секретаря УНКВД. Это было около 6 часов вечера. Я находился еще в отделе, ко мне обратился ответственный дежурный, что по телефону звонит т. ЗАХАРЧЕНКО и просит выслать представителя НКВД по весьма важному делу. Тут же присутствовал т. ЛАЗОРКИН, которого я захватил с собой, выехали. Встречаю в условленном месте т. ЗАХАРЧЕНКО, который заявил, что поступил сигнал о том, что один из работников НКВД занимается хищением вещей из Управления НКВД. Это нужно, говорит, проверить, что якобы установлено, что вчера этот работник привез два мешка вещей на квартиру своей тетки, и вот сейчас в квартире у нее находятся спекулянты. Я с ЗАХАРЧЕНКО и ЛАЗОРКИНЫМ пошли на квартиру. На улице ждал второй сотрудник розыска, а в квартире тетки СИНКЕВИЧ сидел 3-й сотрудник розыска. В квартире стояло два мешка с вещами, в комнате находилось несколько мужчин и женщин. Я решил проводить эту операцию таким образом, чтобы не дать понять присутствующим, откуда происходят эти вещи. Я этими людьми не интересовался. СИНКЕВИЧА я на квартире не застал, посмотрели вещи в мешках, кое-какие вещи были постираны, распораны, кожаное пальто и целый ряд других вещей. Выходим мы с уполномоченным розыска, видим, навстречу идет СИНКЕВИЧ, несет бутылку коньяку и закуску. Уполномоченный розыска зашел в комнату, а я в присутствии т. ЛАЗОРКИНА обратился к сотруднику СИНКЕВИЧУ

и говорю: «Что это за вещи?». Он мне вначале говорил, что вещи эти его собственные, а затем признался, что вещи эти им взяты из двух операций. Уполномоченный розыска настаивал на том, чтобы сделать обыск в квартире. А там чужая публика была, я этого делать не велел. Я захожу в комнату, вызываю т. ЗАХАРЧЕНКО, которому заявил, что СИНКЕВИЧ является завскладом нашего Облуправления и взятые им вещи принадлежат нашим сотрудникам. И поскольку СИНКЕВИЧ является сотрудником НКВД, я возьму его с собой в НКВД и мы там сами разберемся. Я считал, что нельзя было иначе поступить. Это было сделано с целью конспирации. Я СИНКЕВИЧА доставил в комендатуру и решил, поскольку это серьезное преступление — этого человека нужно посадить. Я его привел к ответственному дежурному, который СИНКЕВИЧА арестовал до прихода бывшего руководства. Взял оружие и произвел обыск, при обыске у СИНКЕВИЧА обнаружена сберкнижка на 5 тысяч рублей. Я считал, что это очень серьезное дело, я по данному делу написал рапорт. В это время пришел бывший начальник управления враг народа ВЯТКИН. Он сейчас же наложил резолюцию т. НОВОСЕЛЫЦЕВУ — «расследовать». Как это дело расследовалось — доложить не могу. Но получилось так, что через некоторое время СИНКЕВИЧ вышел и начал работать, а ЛЮЛЬКОВУ, якобы, был вынесен выговор. И что получается — в один прекрасный вечер приходит комендант ЛЮЛЬКОВ, который был под мухой. Приходит и начинает в присутствии тт. БРАНДТА, АНТРОПОВА и др[угих] стучать кулаком по столу и кричать: «Ты у меня жить не будешь, я тебя физически уничтожу» и начинает ругаться нецензурными словами. Мне было просто не по себе. Я заявляю здесь со всей ответственностью, как это было. Некоторые товарищи ему говорили, что ты, ЛЮЛЬКОВ, неправ, члены партии слушали и поражаются поведением ЛЮЛЬКОВА. Я попытался сделать т. ЛЮЛЬКОВУ замечание, что ты, мол, комендант и так ругаешься. Он меня также обругал. Я пошел к бывшему начальнику управления и говорю, что я совершенно незаслуженно подвергаюсь оскорблениям со стороны коменданта УНКВД ЛЮЛЬКОВА и считаю, что с делом хищения вещей СИНКЕВИЧЕМ нужно было бы разобраться покрепче, т.к. этот вопрос заслуживает серьезного внимания. ВЯТКИН ответил: «Видите ли, если к этому вопросу подойти принципиально, то нужно будет посадить всю бригаду комендатуры, а этого делать не следует».

Вот с этого момента началось преследование со стороны ЛЮЛЬКОВА. Он проявлял себя в отношении меня, как самый ярый отвратительный антисемит, что бы я ни сказал, он сейчас же приводил самые ярые антисемитские выражения. Отношение его ко мне видели многие члены партии нашей партийной организации. Однако никто не считал своим долгом предупредить ЛЮЛЬКОВА и он считал возможным продолжать надо мной издевательства.

Со стороны ЛЮЛЬКОВА было самое гнусное антисемитское проявление ко мне. Помню, как-то сижу за столом, работаю, слышу телефонный звонок, снимаю трубку, говорит: «Тов. СЕМЕНОВ?» — отвечаю, «Да». — «Поцелуй меня в такое-то место». Через 2 минуты снова звонок: «Тов. СЕМЕНОВ?». — «Да». — «Иди к такой-то матери». Чтобы не было

голословно, я не помню, правда, какая телефонистка дежурила, но я вынужден был снять трубку и попросить телефонистку, что если меня будет вызывать ЛЮЛЬКОВ, чтобы она не звонила ко мне. Я об этом издевательском отношении говорил т. НОВОСЕЛЬЦЕВУ. Тов. НОВОСЕЛЬЦЕВ мне ответил: «Видишь ли, т. СЕМЕНОВ, ЛЮЛЬКОВ сейчас в возбужденном состоянии, он считает себя обиженным, его теперь не следует трогать и он сам успокоится». Члены партии ФЕДОРОВ и МАНЬКО видели, каким издевательствам я подвергался со стороны ЛЮЛЬКОВА, но молчали. В конце концов я вижу, что это издевательство не прекращается, я решил написать в партийный комитет заявление. Но прежде, чем написать, я решил посоветоваться с товарищами, можно ли писать о вещах похищенных? Мне сказали, что ты не указывай подробно, а подробно скажешь на партийном собрании. Я написал это заявление и отнес в партийный комитет к т. ГОЛУБЕВУ. Тов. ГОЛУБЕВ посмотрел и говорит: «Хорошо, разберемся». Разбирали до сих пор.

После ареста ВЯТКИНА мое заявление было обнаружено в столе ВЯТКИНА. Об этом мне рассказал т. ДАРАГАН. Он говорит: «Вы пишете заявление в партийный комитет, а подали его почему-то ВЯТКИНУ». Для того чтобы тут доказать т. ДАРАГАНУ, которому ГОЛУБЕВ подтвердил, что заявление я подал ГОЛУБЕВУ лично и это заявление ГОЛУБЕВ, докладывая врагу народа ВЯТКИНУ, хотел получить якобы в данном вопросе соответствующую установку, и окончилось тем, что ВЯТКИН оставил заявление у себя. ЛЮЛЬКОВ все время продолжал материться и т.д. Я вынужден был зайти к т. ГОЛУБЕВУ и просил секретаря партийного комитета, я говорю, что я член партии этой организации, я умоляю тебя, чтобы ты до разбора этого заявления успокоил ЛЮЛЬКОВА. Пусть в конце концов прекратится это издевательство. ГОЛУБЕВ вызвал его и поговорил. После этого меня ГОЛУБЕВ спрашивает: «Ну как?». Я, говорю, сейчас спокойнее.

В отношении ЛАЗОРКИНА, в отношении того, что я сапоги чистил шинелью. Критика и самокритика — это самое острое оружие нашей партии, она исправляет людей. Я заявляю со всей ответственностью, что такого факта не было, это клевета, это не критика, а самая настоящая клевета. Когда ЛАЗОРКИН оставался и был порученцем начальника управления и когда пришел т. ДАРАГАН, не знаю, как получилось, но ЛАЗОРКИНУ велел убраться в комендатуру. Помню, он подходит ко мне и говорит, что этот случай, о котором я говорил, это он подтверждает, нужно покопаться глубже, там не один СИНКЕВИЧ. Нужно глубже покопаться.

[...] В отношении РОМАНЧЕНКО для меня теперь ясно, что не только один РОМАНЧЕНКО должен будет поплатиться за свои антипартийные дела. Помню, как-то в нашей партгруппе 6 отдела, где парторгом т. КРОТЕНКО, ставился вопрос об антипартийном выступлении на партийном собрании т. ВОЛЬСКОГО. В этот же вечер разбирали заявление, поданное бывшим сотрудником 6 отдела ГОЛУБОМ в отношении т. АНФИЛОВА, о подхалимстве к врагу народа ВЯТКИНУ. На партгруппе бывший сотрудник ГОЛУБ, который присутствовал, говорил о том, что начальник ОПО т. ЛЮБИН бывший петлюровец, брат которого якобы

репрессирован как бывший петлюровец, и, несмотря на наличие целого ряда таких материалов, почему-то этот факт кто-то замазал, не иначе как у ЛЮБИНА в УНКВД имеются друзья.

Я живу с ЛЮБИНЫМ в одной квартире, где жил ЛЕСНОВ. Это буквально издевательское антисемитское отношение. Я жил в коллективных домах не один год, таким издевательствам никогда не подвергался. Был случай, жена топила печь, было холодно, моя жена наносила дров. Жена ЛЮБИНА подходит и говорит, что вы, хотя на меня и обижаешься, но вы делаете все по-жидовски. Как можно жить в одной квартире с такими людьми, слушать такие вещи? Я попытался к ней подойти и говорю: «Гр[ажданка] ЛЮБИНА! Как же это мы живем с вами в одной квартире, ваш муж коммунист, работает так же в одном органе, а вы тут устраиваете такие вещи?». Она сейчас же устроила истерику. Это было сделано для того, чтобы отвести следы того, что она сказала. Она пыталась спровоцировать, что якобы ее обругал. Я сейчас же отправился к ЛЮБИНУ, он в то время был дежурным в пожарном отделе, и поговорил с ним, как с коммунистом. Он говорит, я об этом знаю, она действительно сказала и получит от меня соответствующее наказание. Я, говорит, с ней поговорю. Это слышал мой сын, который мне рассказал. ЛЮБИН мне обещал, что он с женой поговорит и дальше этого больше не будет. Я к чему привел этот случай? Так как на это имеется целый ряд документов.

В отношении театра. Тов. ФЕДОРОВ, как видно, не любит критики. Когда исключали врага народа ВЯТКИНА из партии, ФЕДОРОВ — член партийного комитета — товарищи не дадут соврать, выступил и говорит, что он замечал о том, что ВЯТКИН недолюбливает евреев. Но, однако, об этом никогда никому не говорил и больше этого ничего не сказал. Я напому один интересный случай, и из этого нужно сделать соответствующий вывод потому, что действительно у меня была притуплена классовая бдительность. Случай был в театре. [...] Была еврейская постановка. Я был в театре. Вдруг в ложе появляется ВЯТКИН с женой и ФЕДОРОВ, говорят мне: «Зайдите в качестве переводчика». Но я как переводчик был плохой, все время были иронические насмешки со стороны ФЕДОРОВА и со стороны ВЯТКИНА. Не помню точно, какая шла вещь. И вот вы, ФЕДОРОВ, член партийного комитета, выступая здесь на партийном собрании, заявляете, что ВЯТКИН недолюбливал евреев, и не говорите о том, что был вызван директор городского театра, которому ВЯТКИНЫМ было заявлено: «Зачем так долго держите эту еврейскую труппу?». [...] ВЯТКИН говорил: «Из-за кучки меньшинства остальные должны хлопать ушами, держите эту труппу, почему бы не поставить русскую вещь?».

Проходит месяц или два, сюда приехал начальник штурмового отряда УСПЕНСКИЙ на совещание. Вызвали КЛИМОВА, чтобы привезти ПИНСКЕРА. Пришел ПИНСКЕР и зашел в кабинет к ВЯТКИНУ, там же присутствовал УСПЕНСКИЙ. Спустя полчаса выходит оттуда ПИНСКЕР в хорошем настроении и говорит: «Теперь я очень доволен, теперь я вижу, что я прав». «В чем дело?», — я его спрашиваю. Он говорит: «Ты помнишь этот случай в театре? Я считал, что это или непонимание

национальной политики или другое что-то. Я [...] написал подробное письмо ХРУЩЕВУ, если это бы не помогло, стал бы писать т. СТАЛИНУ. Теперь все понятно. Нарком УСПЕНСКИЙ говорит мне: «Вы знаете, ПИНСКЕР, я ВЯТКИНА знаю как крепкого большевика. Но в данном случае, что он сказал, он был не прав, вы должны вместе работать». Он был воодушевлен личностью Наркома, видимо, заявление было у него. Они друг другу пожали руки, и на этом кончилось. Вот как это дело было затушевано. Зная об этом, ФЕДОРОВ в своем выступлении ничего не сказал. Нужно отдать справедливость т. ФРАНЦУ, его выступление было очень толковым, но я хочу дать справку. Получается, что якобы я пришел специально контролировать т. ФРАНЦА. Дело было вот в чем. Были собраны планы встреч с агентурой по всем оперативным отделам. Эти планы докладывались начальнику управления. Мне было предложено начальником УНКВД пойти к т. ФРАНЦУ на контрольную явку. Я его, к сожалению, не застал дома, он был в командировке. Когда я пришел к нему, я застал в квартире сестру его супруги и еще кого-то. Я зашел в другую комнату. В указанное время пришел человек, ему открыли двери, он пытался уйти, но я попросил его войти в квартиру и принял от него, что нужно было, и он ушел обратно. В отделе о случившемся я доложил бывшему начальнику УНКВД. Вражеская это установка или не вражеская — я в данном случае должен был провести работу. Я пришел к т. ФЕДОРОВУ и объяснил ему, как было, и вручил ему сводку. На следующий день т. ФРАНЦ пришел и как-то в разговоре со мной высказал свое недовольство о его контроле. Я сдал материал т. ФЕДОРОВУ, никаких эксцессов не было. Мне было поручено проверять контрольными явками не только ФРАНЦА, но и целый ряд других товарищей. [...]

[С места.] Расскажите о вашем подхалимстве.

[СЕМЕНОВ.] Я говорю, кто я должен был заметить о всех безобразиях, но я этого, к сожалению, своевременно не заметил

[С места.] Вы расскажите, на какие деньги преподносились пайки.

[СЕМЕНОВ.] Пайков мне никто никаких не давал. Я в своем выступлении подхожу очень самокритично. Я потому здесь и выступаю, чтобы оценить все вещи самокритично, и если я что-нибудь скрою, я буду нести ответственность партийную и, если потребуется, любую ответственность. Если я скажу, что надо мной издевались, то имеются факты. Если ГОЛУБЕВ говорит, что он двух месяцев не мог работать с ВЯТКИНЫМ. Как же так получается, что ВЯТКИН его одновременно выдвинул начальником 2-го Отдела? Когда был БЕРЕЖНОЙ, то была такая установка, что ни одной шифровки, ни одной телеграммы мне БЕРЕЖНОЙ не показывал, и когда я поставил вопрос перед ВЯТКИНЫМ при БЕРЕЖНОМ — как же получается, если мне выражают недоверие, зачем меня держат?

Тов. САЕНКО. По-моему, т. СЕМЕНОВ, вы не понимаете того, что от Вас требуют коммунисты. Вы были близки к ВЯТКИНУ, вы видели его каждый шаг, вы видели, как он вел работу.

[СЕМЕНОВ.] Я бывал на районах с т. ЛУКЪЯНОВЫМ по проверке агентурной работы РО НКВД, я со всей ответственностью заявляю, я говорю обо всем, что мне известно. [...]

Теперь в отношении операций. Где проводил ЛЮЛЬКОВ в новом месте — я там, конечно, никогда не бывал. Но говорили некоторые товарищи, что ежевечерно ВЯТКИН ехал туда с тт. НОВОСЕЛЬЦЕВЫМ, МАНЬКО, КОРОТЧЕНКО, ГОЛУБЕВЫМ и др[угими] и там пили, и пили основательно. Этот факт заслуживает большого внимания. Помню, что в нетрезвом состоянии ВЯТКИН, МАНЬКО, НОВОСЕЛЬЦЕВ, КОРОТЧЕНКО, ГОЛУБЕВ машиной уехали в Новоград-Волинск. Зачем — мне неизвестно. И в этот день ВЯТКИНА до самого вечера не было в отделе.

На охоте с ВЯТКИНЫМ мне никогда не приходилось бывать. Ездили ВЯТКИН, ГОЛУБЕВ, МАНЬКО и постоянно ЛЮЛЬКОВ. Я надеюсь, что товарищи, которые были, они выступят и скажут. Я, будучи инспектором, не сумел заметить вражеских действий ВЯТКИНА, я со всей ответственностью заявляю, а также элементы антисемитизма или всякие проявления антисемитизма для меня теперь ясно, что вражеское дело. Эти проявления имели место.

[*С места.*] Почему вы теперь говорите, а тогда не говорили? Вас спрашивают, вы тогда знали о грязных вражеских действиях ВЯТКИНА, вот, например, о факте в театре? Есть такое предложение, пусть товарищ закончит, дать ему подумать, разговор этот будет не только сегодня, и нам товарищ СЕМЕНОВ завтра расскажет. Я думаю, что вы подготовитесь и завтра выступите и скажете об этих вражеских действиях и в отношении антисемитизма.

[*СЕМЕНОВ.*] ВЯТКИН всегда говорил, что он приехал сюда с УСПЕНСКИМ, что с ними приехал Николай Иванович ЕЖОВ, что они были на приеме в Москве у товарища СТАЛИНА. Этим самым ВЯТКИН создавал о себе мнение положительного человека. Я несколько не хочу себя оправдывать, я был притуплен, нужно быть более бдительным, а не близоруким. Я готов за это нести партийную ответственность.

С места. Товарищи, поскольку стоит вопрос о бывшем начальнике управления, враге народа ВЯТКИНЕ, я считаю, что было бы целесообразным пригласить на это совещание начальников РО НКВД, которые знают целый ряд действий ВЯТКИНА. Я считал бы, чтобы это предложение необходимо было бы осуществить.

С места тов. ЛЕСНОВ. Если вызывать сюда начальников Райотделений, у некоторых товарищей это будет продолжаться трое суток, было бы целесообразнее написать, что у нас проходит собрание и чтобы все известные факты о ВЯТКИНЕ написали, а из близлежащих районов чтобы подъехали.

С места. Я вношу предложение, чтобы вызвать тт. ХИМЕНКО и СИМОНОВА, так как эти товарищи кое-что скажут.

Тов. ГРЕЧУХА. Я считаю, что нельзя поручить всю парторганизацию. Есть люди, которых нужно почистить, и основательно почистить. Парторганизация об этих людях знает достаточно фактов и в силах сама, без ведомственного собрания, разрешить вопрос, кому положить партийный билет и кому должное взыскание наложить. А вот почему те коммунисты, которые кое-что знали и почему-то ничего не говорили, а сейчас говорят, что и то творилось, и то творилось, а до сих пор молчали? Если,

товарищи, по-партийному подойти, я считаю, что кое у кого следует партийный билет забрать немедленно.

Справка такого порядка. Те вопросы, которые относятся к Обкому партии. Тут некоторые товарищи неправильно выражаются, относят все к Обкому партии. Обком партии был здоровый и есть. Были люди и в НКВД, и в аппарате Обкома, которые несли и понесут соответствующее наказание. Но так парторганизацию хаять нельзя, вообще так и об Обкоме партии говорить. Все те моменты, которые сейчас вскрываются, говорят о том, что кое-кто из работников Обкома знали об этом. Я в своем выступлении скажу. Я не убежден в том, знал ли ДИДЕНКО о том, что делалось в НКВД, или не знал. За ДИДЕНКО уже решение ЦК есть. Если еще материалы есть, следует о них сказать.

В отношении т. ГОЛУБЕВА о том, что сигнализировали по части избиения работников НКВД — евреев будто с Обкомом партии, — чтобы больше об этом не говорить. Когда кончилось партийное собрание, я вызвал ГОЛУБЕВА и сказал: «Дайте мне протокол и выступления товарищей на собрании и напишите политинформацию». Я вправе был потребовать, вправе. Собрание было, кажется, 17-го. Исходя из некоторых соображений, мы решили оттянуть его на несколько дней, а затем подоспела работенка и товарищи уже были заняты по районам. ГОЛУБЕВ написал информацию, но сдал ее ровным счетом 10 декабря. Вот все сигналы ГОЛУБЕВА, т.е. примерно в тот день, даже не в тот день, а раньше, когда пришел ГОЛУБЕВ договариваться относительно партийного собрания, мы узнаем, что по ведомственной линии народ занят, и мы сказали, как только народ сойдется, нужно сейчас же созвать партсобрание. Так что я попрошу товарищей, членов партии, кто попытается еще свернуть, кивать на кого-то, я посоветовал бы рассказать конкретно, о ком из работников Обкома идет речь, а партийная организация имеет мужество сказать свое слово. Давайте в порядке критики и самокритики говорить конкретно и о делах и конкретно о людях.

Наши основные задачи заключаются в том, чтобы мы сейчас все то, что знаем, рассказать здесь на собрании. То, что некоторые предлагают вызвать на это собрание кое-каких работников из НКВД для дачи фактов, этого быть не может и не следует делать. Те факты не особенно значительны и они никуда от нас не уйдут. Задача каждого коммуниста — вывернуть наизнанку все основное здесь. Рассказать, как враги народа действовали, чтобы найти основных виновников и чтобы впредь быть более бдительными. Вот, что нужно сейчас для коммунистов, а этими хозяйствами будут заниматься соответствующие органы. А то, что некоторым товарищам так нужно выйти и рассказать парторганизации от начала до конца, как говорят, разложить себя, то, безусловно, нужно выступить по-серьезному и не говорить, что я слышал, а прямо рассказать — да это было, а это было потому-то и потому-то. Я считаю, что парторганизация вполне согласна с тем, чтобы начать работу с 8 часов.

17 декабря 1938 г.

Тов. ВАХРАНЕВ. [...] В 1921 году таких отчетов не делали. Это делает политический отчет секретарь парторганизации? Это не отчет, а издевательство над всей партийной организацией. Это ни больше ни меньше, как крик «держи вора». Почему? Что значит заявление, когда т. ГОЛУБЕВ сказал, что «у нас существует антипартийная группа»? Я думал, что он приведет какое-то серьезное объяснение и партийное собрание увидит, что положение неблагоприятно, что часть коммунистов настроена антипартийно. Я полагал, что приведет серьезные мотивы, и когда задал вопрос т. ГОЛУБЕВУ, он ответил: «Может быть, я неправильно выразился». Это больше, чем неправильно, это больше, чем антипартийно. Коммунисты пошли в Обком партии: «Караул, рятуйте».

Скажите, в каком уставе, постановлении ЦК ВКП(б) сказано, что коммунист не может идти в Обком партии? Я полагаю, что люди, которых ходили в Обком партии, имели к тому все основания.

Нельзя так ставить вопрос. Почему ГОЛУБЕВ это заявление сделал? Это заявление сделано по совершенно определенной причине. Если вчера выступил т. ГОЛУБЕВ и мы слышали на предыдущем собрании выступление т. КОРОТЧЕНКО, то, получается, секретарь партийного комитета и КОРОТЧЕНКО одно и то же сказали. Если рассматривать парторганизацию с точки зрения дисциплины, борьбы с врагами, напористости, то при ВЯТКИНЕ был порядок.

[С места.] Не так.

[ВАХРАНЕВ.] Точно так, он сказал: «До ареста ВЯТКИНА была дисциплина, не стало ВЯТКИНА, пропала парторганизация». Что это за звук, откуда он исходит и какие для этого основания? Основания совершенно определенные: отвести удар, сказать: «Держите вора», а самому остаться в стороне. Так коммунисты не делают. [...] Заявляет с этой трибуны: «Видите, что при враге народа работалось хорошо, и после ареста народ шушукается». А почему они не могут говорить? Почему не могут поговорить, сойдясь 2–3 члена партии, о тех событиях, которые были и которые их не могут не интересовать. Тем более, коммунисты знают эти события и знают причастность к этим событиям определенных лиц, и причем известно, что партийный комитет старается оттянуть собрание. Никто не сказал, что эти разговоры и шушукания коммунистов антипартийны, подпольны — нет. Это факт. Вы это делали, т. ГОЛУБЕВ, для того, чтобы от себя отвести удар, для того, чтобы охаять партийную организацию, тем более парторганизацию УГБ. Я рассматриваю это иначе: антипартийная группировка есть с точки зрения определенной группы членов партии: ГОЛУБЕВ, КОРОТЧЕНКО, ФЕДОРОВ, и им нужно было начинать с этого, только с этого — и тогда бы партийная организация, коммунисты видели, что да, люди делали ошибки, люди признали эти ошибки. Ведь у Вас, товарищи члены Паркома, времени было больше, чем достаточно. Для Вас была трибуна предоставлена, а что мы слышали? «Обстановка такая была». А вот давайте логически рассуждать, для чего члену партии партбилет дан? Для того чтобы приравливаться к этой обстановке? А если бы он, видите ли, не приравливался к этой обстановке, то вопрос стоял бы о его шкуре? [...]

Эти лица — ГОЛУБЕВ, ФЕДОРОВ, МАНЬКО, КОРОТЧЕНКО — бывали на квартире у врага ВЯТКИНА, пьянки были. С каких это пор такие пьянки у руководящих работников? С какой целью секретарь партийного комитета пьянствует — в целях партийности? Нет.

[...] Еще одно замечание. Вчера секретарь Обкома партии неправильно поставил вопрос: не могли данного собрания провести раньше, у Обкома партии не было той информации, которая должна была быть и т.д. А где сказано, чтобы Обком ждал информацию, тем паче в отношении нашей партийной организации, интерес к которой со стороны Обкома должен быть особый. Тем более, что известно, что до сих пор наша партийная организация, наши члены парткома были оторваны и от партийной работы и руководства, бездельничали, холуйствовали. Нужно сейчас Обкому партии, не ссылаясь ни на какие невозможности, сейчас хотя бы заняться нашей организацией персонально. Это нужно сделать чем скорее, тем лучше.

Тов. ГРЕЧУХА. А вот мы вместе с вами и займемся.

[БАХРАНЕВ.] Парторганизация в основном крепкая, здоровая. [...]

Тов. ДАРАГАН. Справка по вопросу заявления, написанного т. ФРАНЦЕМ. Таких рапортов было написано штук 15, когда мне стало известно после 5-дневного пребывания начальником Областного управления. Мне ГОЛУБЕВ изложил все подробно, все материалы не только по этому вопросу, [но] и все материалы, которые были о РОМАНЧЕНКО. Об этих материалах никто не знает, они переданы непосредственно Наркомату. А эти материалы я дал сгруппировать, чтобы он вручил особоуполномоченному. Никакой цели нет абсолютно, и не только т. ГОЛУБЕВ, а все чекисты, все коммунисты начали писать рапорта, часть направлена непосредственному Наркому, а часть дал ГОЛУБЕВУ для вручения особоуполномоченному.

Тов. ПСАРЕВ, заявление т. ДАРАГАНА примите к сведению.

С места. Товарищи, я писал рапорт т. БЕРИЯ, копию т. ДАРАГАНУ, я писал куда следует. Я писал об антипартийных поступках ГОЛУБЕВА, о том, что он, как секретарь парторганизации и как особоуполномоченный, никаких мер не принял. Я писал об этом человеке.

[С места.] А если ему рапорт попал, так он сам пошлет.

[С места.] Я считал, если я писал в отношении ГОЛУБЕВА, так нехорошо, чтобы оно ему попало.

Тов. КОРОТЧЕНКО. [...] Партийный комитет работал сам, работал не так, как партия говорит, работал обособленно, замкнуто, отсюда все грехи.

[С места.] И от массы оторвался.

[КОРОТЧЕНКО.] Отсюда продолжение, что на протяжении 8 месяцев в руководстве сидел враг, махровый враг, который творил свое дело через нас прямо или косвенно, сознательно или несознательно. Об этом покажет партийное собрание, а что на собрании не выясняется, то следствием доведется до конца. Только включением партийности в этот вопрос, только путем проверки каждого коммуниста, каждого члена партийного комитета, не словами, а путем проверки основной работы видно будет, кто

сознательно и кто несознательно проводил эту работу. В целом партийный комитет скатился политически, обанкротился, верил слепо авторитету врага, верил слепо в то, что враги народа ВЯТКИН и УСПЕНСКИЙ всегда заходили с большими словами, что их прислала Москва, что «мы, мол, пуп земли русской». И вот эта вера отдельных членов партийного комитета, [которые] действительно думали, что они преданные люди, а в действительности — враги, сволочи, фашисты. Как получилось, что во всех отраслях нашей работы оперативной, как основной, хозяйственной и в кадровой, всюду и везде полно вредительства, вредительства, граничащего с тяжелыми преступлениями? Делали ли [преступление] члены партийного комитета, делали отдельные члены партии?

[С места.] Как и что конкретно?

[КОРОТЧЕНКО.] Буду говорить конкретно и ясно: казалось бы, после исторического документа, последнего директивного письма ЦК ВКП(б) и Совнаркома союза, лично подписанного т. СТАЛИНЫМ и МОЛОТОВЫМ, которые в последний раз предупреждают о том, что враги напали на нас в органах и сделали ли мы из этого какой-либо соответствующий вывод. Я бы сказал, полностью мы этого вывода не сделали, и вот на сегодняшний день не сделали. Я не сделал, и, насколько я заключаю из выступлений, эти товарищи не сделали. Мы хорошо еще не просмотрели всю свою работу за год, наша работа должна быть вся пересмотрена в новом свете, не во вражеском свете. Пока мы этого не сделали. Просматривая свою работу, нужно просматривать работу и других, а мы этого не сделали. Пусть кто-нибудь из присутствующих товарищей выступит и скажет, что я проверил за год работу, и не нашел вредительство, нет этого, нет. Я лично о себе скажу. Я всех политических ошибок, которые были допущены по кадрам, всех не нашел и не вскрыл. Получалось то, что нас враги гнали в шею, чистить, чистить кадры.

[С места.] Вот расскажите, как вы делали.

[КОРОТЧЕНКО.] Гнали и очищались, приказания выполнял. Раз приказ подписан Наркомом, им дано распоряжение начальнику управления — значит, считал, что это звонкая монета. Моя ошибка — каждое приказание нужно было почитать здраво, рассудительно. Если чувствуешь, что нет никаких шероховатостей, если чувствуешь, что все понятно, — вот к этому не присматривался.

До февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. при старом руководстве говорить о партийной работе не приходилось. Партийная организация была оторвана от основной работы. Можно было заслушать начальника АХО, как снабжает, а как только коснется оперативно-следственного дела, работенки основной — об этом не говори. Вот в наших условиях при вражеском руководстве в Управлении работа шла по старинке. Партийная организация что-нибудь выдвигала, обсуждала какую-нибудь группу вопросов, всюду превалировал административный зажим, запрещения, угрозы, зажим, запугивания, эти факты были. Мы отдельные места видели и хлопали, я хлопал вместе с другими.

О том, что ВЯТКИН ничего общего не имел с партией, — сейчас все ясно. Все помнят его парадные выступления, все эти речи врага.

Это все к чему сводилось? Для того чтобы спутывать, для того чтобы завуалироваться.

[С места.] Он хотя бы на одном партийном собрании был?

[КОРОТЧЕНКО.] Он на собраниях бывал гостем, зайдет — и пошел в Обком партии, в Горпартком. [...]

О кадрах. Товарищи, на глазах у Вас, на глазах особенно моих, в течение 1938 года подавляющее большинство оперативного квалифицированного состава было взято в приказном порядке, были взяты для укрепления Наркомата, особых органов и т.д. Но факт остается фактом, что враги разгромили пограничную область путем изъятия основного квалифицированного состава. От нас взяли 93 человека, при наших, я бы сказал, вредительских, вражески построенных штатах, заниженных. Из числа откомандированных евреев было до 30 человек.

О национальности. Правильно, здесь национальный вопрос перегнут, сейчас со всей ясностью вопросы выпячиваются. Прибыло к нам из НКВД УССР и др[угих] областей больше 100 чел[овек], из них евреев 21 чел[овек]. По преимуществу молодой состав из партийного, комсомольского актива, из состава комсомольских работников, студентов ВУЗов, техникумов и т.д. На месте тоже было принято много людей в аппарат УНКВД и районных отделений примерно больше ста чел[овек] молодого состава.

По вопросу увольнения. Было уволено около 300 чел[овек] по компрометирующим материалам, из них евреев около 85 чел[овек]. Сотрудники УГБ увольнялись исключительно на основании приказов Москвы и частично распоряжением Киева. Имеется часть документов, прошу их просмотреть, остальная часть подшита в делах. Документы наглядно свидетельствуют о каверзных делах [...], откомандировалось много старых чекистов, но мало приехало из квалифицированного состава, оперативного состава, которые бы могли, придя сразу, начать работать. На фоне того, что получается сейчас, явно видно, что нажим был. Надо очищаться, необходимо людей гнать, гнать торговцев, кулаков, всех, у кого родственники есть за границей. Начальник управления говорил — выгоняйте. Ясно, что в этой части был большой перегиб, часть сотрудников была уволена по небольшим компрометирующим данным, дров нарублено порядочно. Все-таки очищались и правильно очистили. Вот, например, в УШОСДОРе и в пожарной охране находится много осужденных, органы НКВД были засорены, и сейчас они не чисты, никто не скажет из работников Отдела кадров, и другие не скажут, что все сейчас в порядке, хотя и чистили. В последнее время я посадил специально на это дело аппарат. Посмотрим, вскроем, несомненно, исправим допущенные ошибки. Многих людей, конечно, уже восстановили, сейчас вызываем людей с мест. Но это уже после факта, это уже после того, как совершена политическая ошибка в деле кадров, когда слепо выполнялись приказы, распоряжения Наркома и руководства управления. Вот тут, товарищи, партийность и потеряна, вот тут и нужно было мужество, а его не хватило. Я ниже коснусь этого момента, как получилось. Киев потребовал

на весь оперсостав справки и после этого Отдел кадров сразу получил распоряжение на увольнение 18 чел[овек].

[С места.] А скажите, откуда Наркомат знал, что в 3 Отделе есть машинистка?

[КОРОТЧЕНКО.] Я говорю, что это вражеская маскировка.

[С места.] Вот когда ты справки писал — выводы какие давал?

[КОРОТЧЕНКО.] Товарищи, ни на одной справке никаких выводов об увольнениях нет, никто не может сказать, завтра можете посмотреть. На работников УГБ сейчас находятся справки у т. ДАРАГАНА, никаких выводов не было, а наоборот. Вот, например, на т. ШЕРСТИНСКОГО компрометирующих материалов нет, там ГЕРШЗОН и другие. Эти справки составлены были в Отделе кадров УНКВД, на оперативный состав — раньше, на неоперативный — позже. В августе месяце ВЯТКИНЫМ было предложено категорически приступить к очистке от всего торгующего элемента, кулачества, и особенно упор брался, у кого есть родственники за границей. В этой части он делал ссылки на указания врага УСПЕНСКОГО. На этой почве был у нас конфликт в августе месяце. ВЯТКИН заявил, что я, мол, выражаю недоверие Вам, я пишу письмо по этому вопросу в Киев КРЕТОВУ.

[С места.] А может быть, он из честного сотрудника еврея [так] делал, что у него родственники есть за границей?

[КОРОТЧЕНКО.] Дописок в справке того, чего нет в личном деле, не было и не могло быть. Наоборот, могло быть, написали много, а с человеком не поговорили, на самом деле было меньше. Вот это есть, но писать отсебятину у нас невозможно, то, что в деле, то и пишем.

Тов. ГРЕЧУХА. А вот он честный, а его семья из помещиков?

[КОРОТЧЕНКО.] На письмо в Киев ответа я не получил. Но через неделю при докладе у врага народа ВЯТКИНА последний мне сказал: «Слушайте, занимайтесь вы делом, я этого требую категорически, и поменьше пишите жалоб». Я считал, что, видимо, письма, которые я писал, стали достоянием ВЯТКИНА.

[С места.] ВЯТКИН почитал в Киеве дела и говорит, что у вас у самого есть хвосты, поэтому вы держите торговцев.

[КОРОТЧЕНКО.] В сентябре месяце с.г. составил справки на сотрудников 2 Отдела. При докладе я напоролся на большую неприятность — 3 человека, 3 сотрудника 2 Отдела, никаких компрометирующих материалов нет, все коммунисты и комсомольцы, вместо подписи его он пишет резолюцию на углу «Уволить». Дальше я вижу, что дело пахнет ладаном, я забираю справки, вижу, что по национальности все евреи. Я говорю, что увольнять нечего, никаких компрометирующих материалов на них нет. ВЯТКИН говорит, что есть основания, вам что, приказ неясен? Я говорю, что приказ ясен, но нет никаких оснований их увольнять. За что последовало знакомое «воспитание» его, я говорю: «Есть, хорошо». Я, правда, поделился по этому вопросу с начальником 2 Отдела ГОЛУБЕВЫМ. Сказал, что такое положение, но я все-таки думаю, что не будем увольнять, пусть Киев санкционирует, послал на санкцию в Киев. Примерно в начале ноября вдруг вспомнил ВЯТКИН — уволены сотрудники 2 Отдела? Я говорю,

нет не уволены. Я говорю, послал в Киев на санкцию, а он говорит: «А я что, неавторитетен для вас?». И дальше сказал, что: «Вы политически безграмотный, вы не понимаете политики партии». В таком озлобленном тоне, и что: «Евреи, будучи троцкистами, сионистами, провели большую подрывную работу, мы агентуру не вербуем из числа евреев, вы держите у себя в аппарате их». Я говорю: «Товарищ майор, разве русских, украинских мало троцкистов?». Он говорит: «Я настаиваю, чтобы эти люди были уволены». Я начинаю доказывать, что это люди не той категории, что это люди — чистые коммунисты и комсомольцы, он говорит: «Вы ручаетесь?». Я говорю, что дело не в ручательстве, подпись моя есть на справке, если я подписал, значит, так выходит. Вслед за этим последовало продолжение исповеди. Говорит, увольняйте и т.д., [если] они не были уволены.

После ареста поступило распоряжение из Киева, что увольнение их не санкционировано Москвой. В этот же период времени, когда с одной стороны нажим, идет дискуссия увольнять или не увольнять, получается распоряжение Киева на увольнение 18 чел[овек] по национальности евреев. Я к альбому — вижу, человек на 5 нет никаких компрометирующих материалов. Я думаю — в чем дело? Нарком прислал такой список, я думаю, что, блин, будет?

[С места.] Видите, как вы понимаете.

[КОРОТЧЕНКО.] Эти 3 человека были уволены. После ареста ВЯТКИНА в тот же день вызвал тов. ДИДЕНКО к себе на квартиру. Был ГОЛУБЕВ, ФЕДОРОВ, и спросил, что было вражеского заметно у ВЯТКИНА? Я сказал, что, кроме непартийного отношения к сотрудникам-евреям, ничего не замечал. Я также особенно ничего не замечал, находились в другом здании. Сам этот факт почему я привожу? В беседе с прокурором у т. ДАРАГАНА он говорил, что разговор ВЯТКИНА насчет сионистов и троцкистов — это серьезное дело. Я по этому вопросу написал ему, будучи в Киеве примерно 3—4 декабря. Этот вопрос меня не оставлял. Я взял копию письма о восстановлении на работе ГЕРШЗОНА, хотел внести ясность. Мне ответили, что нужно просмотреть это на месте и решить вопрос. Я заметил замешательство и дал понять, что делаем по-вредительски, официальной бумаги на восстановление не дали. Только спустя некоторое время поступило письмо, что уволенных по распоряжению Наркомата на месте немедленно пересмотрите, и если никаких нет материалов — немедленно восстанавливайте на работе. То, что в Киеве, а также и на месте увольняли без достаточного материала — это факт. Если, например, в Америку выехал дедушка, дядя или тетя в 1900-х годах, конечно, это не имеет никакого отношения к сотруднику. Да и не только в Америку — и в любую страну, если разбираться по материалам, уволены формально, а по существу это издевательство и увольнялись за дядю, за тетю. Я считаю, что это дело нужно в ближайшие дни ликвидировать.

Как враг вел подготовку кадров? В марте м-це с.г. врагом УСПЕНСКИМ у себя в кабинете в присутствии 150 коммунистов, мобилизованных ЦК КП(б)У, было сказано: «Вы едете на усиление работы в органы НКВД, что нужно почистить таких-сяких евреев» и т.д.

[С места.] ПРИВИН и другие были.

[КОРОТЧЕНКО.] Партком с задачами не справился, это факт. Вот у нас был вопрос на парткоме о «Динамо». У нас «Динамо» не работало, я говорю, что надо записать, что областной совет «Динамо» не работал. Начальник говорит, нельзя, а заместителя нет. Вот какое небольшевистское разрешение, нет принципиальности. Меня также здесь на собрании, как полагается, поругали, как члена партийного комитета, совершенно правильно. На парткоме по докладу РОМАНЧЕНКО поругали, как полагается, за снабжение топливом и за общежитие в колбуде. Последний должен был перейти в ведение АХО и затем на второй день все рухнуло, Облисполком это дело поломал. Нужно сказать, что состав партийного комитета был неработоспособный, враг не работал. ЛУКЬЯНОВ, будучи начальником 4 Отдела, хорошо работал. Как стал заместителем начальника управления — также стал плохо работать. ФЕДОРОВ и КАЗАНЦЕВ плохо работали, и я тоже. КУЖЕЛЬ уехал, ГОЛУБЕВ вертелся, вертелся — и завертелся.

[С места.] Вопрос: зная о том, что РОМАНЧЕНКО по сути дела враг, почему вы его выдвигали на оперативную работу?

[КОРОТЧЕНКО.] О снятии РОМАНЧЕНКО с АХО разговор шел давно. Говорил, где его можно использовать.

[С места.] Расскажите о кутежах, пьянках, сколько раз были на банкетах?

[КОРОТЧЕНКО.] У ВЯТКИНА я был пятого мая, где было 50 чел[овек] на ужине с выпивкой. Вместе с другими (40–50 чел[овек]) выезжал на дачу, в дом отдыха. Второй раз был у ВЯТКИНА на квартире в Октябрьские праздники с ФЕДОРОВЫМ, МАНЬКО и их женами.

[С места.] Всего два раза был?

[КОРОТЧЕНКО.] Всего два раза.

[С места.] А как на охоту ездили?

[КОРОТЧЕНКО.] На охоту ни разу не ездил. Была культурная вылазка летом в лес, тогда было больше 50 человек. Выпивки там не было, кроме пива и сидра. Как расцениваю я это сейчас? Я расцениваю так, выпивал с врагом, должен отвечать, никакой связи политической, организационной не было и никакой привилегией у ВЯТКИНА, КОРОТЧЕНКО не пользовался. Пайками, деньгами, автомашиной я не пользовался, я получал то, что мне положено по штату.

[С места.] А Обкомовский паек получил?

[КОРОТЧЕНКО.] Нет, Обкомовского пайка не получал, мне положена Советской властью зарплата и на питание — и все. Больше ничего не получал. Сейчас, конечно, доказать, верить на слово никому нельзя, потому что на словах можно одно говорить, а дело может расходиться. Но я, товарищи, подтверждаю, что никакой политической, организационной связи у меня с ВЯТКИНЫМ не было. За это я расписываюсь — что не было и нет.

Тут ФРАНЦ говорил, что я как-то сказал СТРУГАЧЕВУ, «что я не люблю евреев». Этого я не говорил, если при этом присутствовал член партии БАРСУКОВ.

[С места.] Или это просто выработалась форма, что я евреев не люблю.

[КОРОТЧЕНКО.] Тов. БАРСУКОВ живой, допросить можно. Нужно логически рассуждать, что значит — не люблю евреев? Можно, конечно, выставить политическое обвинение против каждого гражданина. Ведь это же является политическим обвинением и выставлять нужно обвинение тогда, когда человек действительно заслуживает, я еще раз говорю, что ничего подобного не говорил.

В чем моя вина — мало сопротивлялся, мало проявил большевистской бдительности, слепо также верил авторитету и выходило, что плелся в хвосте и выполнял волю.

[С места.] О живых людях волю врага.

[КОРОТЧЕНКО.] Факт, от этого не уйдешь.

[С места.] Знаете, под разными предложениями, малозначимыми материалами людей не увольняли, т. СТРУГАЧЕВ знал и развалили фельдьегерский отдел полностью.

[КОРОТЧЕНКО.] Увольнение с отдела фельдсвязи проводилось совместно с т. СТРУГАЧЕВЫМ. Взамен уволенных сразу же принимали новых работников. Много уволено было по ходатайству т. СТРУГАЧЕВА. В чем политическая вина? В том, что не написал, конечно, не в Киев. Нужно было писать в Москву. Вот возьмите пример с т. ПИНСКЕРОМ.

Вопрос: Нужно сказать откровенно, какие ВЯТКИН давал прямые установки, чтобы увольнять всех евреев, скажите об этой фашистской установке, как вы помогали увольнять и расскажите о барахольстве?

Ответ: Об установках ВЯТКИНА я рассказал. Барахольством и мародерством не занимался. О ГЛУЗМАНЕ и его грязных делах мне ничего не было известно.

[С места.] Расскажите о КРАКОВСКОЙ, машинистке.

[КОРОТЧЕНКО.] КРАКОВСКАЯ была уволена за связь с английским шпионом. Приехал брат ее с просьбой о восстановлении на работу. Она, говорит, неверно уволена. Я поехал в Бердичев, приехал и вместе с начальником ГО ВАДИСОМ вызываю арестованного. Никаких излишних вопросов не было, кроме основных вопросов, которые он подтвердил.

[С места.] Он отрицал.

[КОРОТЧЕНКО.] ВАДИС живой, он может сказать, отрицал или не отрицал, никаких отрицаний не было, допрашивали его днем в часов 12 или в 2 часа. Сказал, такое дело было, я допросил, привез протокол и сдал. Относительно выступления ШПИЛЕВОГО, относительно бюрократизма. Я ШПИЛЕВОГО, признаться, не знал в лицо, видел его один раз, речь идет о бюрократизме. Лично я бюрократом никогда не был.

[С места.] А некоторых вы уважали и называли «детка», как, например, РЕЗНИЧЕНКО, РОМАНЧЕНКО.

[С места.] Ничего себе, РОМАНЧЕНКО — детка.

[С места.] Это вообще выражение блатное.

[КОРОТЧЕНКО.] Были случаи, я звонил по телефону и телефонистке говорил «детка».

[С места.] Относительно РОМАНЧЕНКО — тут уж «детка» не вмещается.

[КОРОТЧЕНКО.] По деловым вопросам термин «детка» не употреблялся. Тут выступали целый ряд товарищей. Приводили целый ряд обвинений, вскрывали все корни, все недочеты нашей работы, нужно сказать, что работа хромала вся — и хозяйственная, и кадровая, и оперативная, работать было тяжело. Факт вскрылся, когда убивал людей ВЯТКИН без суда и следствия.

[С места.] Была вербовка всех тех, кого надо и кого не надо.

[КОРОТЧЕНКО.] Я считаю, что этот вопрос следствие вскрыет. Я знал свою основную работу, которая была вредительски проведена по линии Отдела кадров.

[С места.] Расскажите конкретно, по каким материалам увольняли?

[КОРОТЧЕНКО.] Люди увольнялись по приказу и распоряжениям. Товарищи, по вопросу выступления на прошлом собрании, я не думал сравнивать, что гладко идет дело.

[С места.] Оно и шло гладко.

[КОРОТЧЕНКО.] Я же не отрицаю и не сопоставляю. Никакого сопоставления я не подчеркиваю. Вот тут т. ВАХРАНЕВ привел пример неудачно.

[С места.] Вот так представлял.

[КОРОТЧЕНКО.] На самом деле, конечно, не так. Об увольнении ЛИХТАРЕВА. ЛИХТАРЕВ был уволен по распоряжению Киева, дело на него в Киеве. Прибыл к нам недавно.

[С места.] Это формальная сторона.

[КОРОТЧЕНКО.] С делом я его не знаком, я лично не помню его дела, я не помню, завтра я дам справку, на память не помню.

О награде. ЛУКЬЯНОВ представлял примерно 30 человек — участников работы по комендатуре, когда замещал ВЯТКИНА.

[С места.] В каком месяце ты был представлен к боевой награде и ГОЛУБЕВ?

[КОРОТЧЕНКО.] Завтра дам ответ. НАРОДИЦКИЙ уволен Киевом, материалов серьезных на него, я считаю, нет, мелочь отдельная. Насколько мне помнится, я дело НАРОДИЦКОГО смотрел, никаких веских аргументов и оснований нет. Сейчас он восстанавливается. При увольнении было такое положение, когда не только евреев, но и других увольняли.

[С места.] Вы не дали ответа на многие вопросы.

[КОРОТЧЕНКО.] Есть еще сотрудники, которые много имеют компрометирующего материала, что видно из справок, находящихся у т. ДАРАГАНА.

[С места.] Расскажите о себе.

[КОРОТЧЕНКО.] Тут говорили относительно братьев жены, у моей жены никаких братьев нет. Был один брат 12 лет, он утонул, имеется одна сестра, живет в Крыму. У отца жены было два брата — монахи, в 1918 г. они были убиты при прохождении Красной армией, это я узнал от жены.

[С места.] Понятно, за что красные убивали.

[КОРОТЧЕНКО.] Жене они будут дяди. Я о них лично понятия не имею.

Вопрос: А кто жена по соцпроисхождению?

[КОРОТЧЕНКО.] Жена дочь зажиточного.

[С места.] Прямо кулака.

[КОРОТЧЕНКО.] Рабочих, наемной силы, отец не имел. Это твердо, было у него не больше 10 га земли в Полтавской области, я говорю то, что я знаю. В Полтавской области я никогда не был, женился в Крыму, она там жила.

[С места.] Вы вчера женились или давно.

[КОРОТЧЕНКО.] Я женат с 1926 г.

[С места.] И до сих пор ни о чем не говорил?

[С места.] При выборах в партийный комитет ничего не говорил.

[С места.] Пусть КОРОТЧЕНКО скажет, почему его отец был под судом и о кулацком происхождении жены вы скрыли?

[КОРОТЧЕНКО.] О судимости отца. В 1935 г. был в Белоруссии кладовщиком, в колхозе была недостача 875 килограмм одной культуры и излишек в 1144 кг другой культуры. Установлена халатность, за что он был осужден на 2 года в июле 1938 года. Я о судимости отца узнал в октябре м-це 1938 г., судили его заочно. Об этом ни от партии, ни от органов НКВД не скрывал. Сам рапортом донес сразу, как получил письмо от брата.

[С места.] Кто из родственников по отцу был у белых?

[КОРОТЧЕНКО.] Никто ни у меня, ни у жены у белых не был. Я сказал обо всем, какие материалы имеются, сказал об этих монахах, это не братья, а дяди.

Теперь по вопросу у т. ДАРАГАНА в отношении установки. Товарищи, была прямая установка — выгонять этих торговцев, иначе говоря, евреев, этим он давал понять: выгоняйте этих торговцев.

[С места.] На партийном языке это значит, выгоняйте этих евреев.

[С места.] Тов. ПСАРЕВ, т. КОРОТЧЕНКО, собрание требует открытого разговора, партийное собрание требует истины.

Вопрос: Там, где говорил враг ВЯТКИН о том, что евреи-троцкисты, сионисты много навредили партии и дополнительные его слова, чтобы агентуры не вербовать.

[С места.] Называйте вещи своими именами.

[КОРОТЧЕНКО.] При каждом докладе всегда говорил: «Когда вы рассчитываетесь с этими торговцами?».

[С места.] Опять торговцами.

[КОРОТЧЕНКО.] В этом понятии ВЯТКИН давал распоряжение увольнять евреев.

[С места.] Как вы реагировали на это, как член партийного комитета и член Пленума Горпартком?

[КОРОТЧЕНКО.] Как я реагировал? Кроме одного письма, которое я написал в ОК НКВД УССР КРЕТОВУ, где я писал в письме, что мне ВЯТКИН выражает недоверие, я подлинно вам рассказал все, как проводилась фашистская теория. Я допустил ошибку, пошел по линии наименьшего сопротивления, выполняя указания ВЯТКИНА, часть людей, на которых материалов было недостаточно, но они увольнялись.

[С места.] А характеристика?

Тов. ГРЕЧУХА. Пусть мы ему не будем устраивать допроса, пусть человек скажет без всяких намеков, захочет, расскажет.

[КОРОТЧЕНКО.] Я говорил все то, что было, а проверка работы покажет, как я работал.

[С места.] Расскажите о характеристиках.

[КОРОТЧЕНКО.] Писались характеристики начальниками отделов. Они имеются в Москве, посмотреть можно, и утверждались начальником управления, бывшим врагом (он переписывал). Был один случай, т. ЛЕСНОВ не даст соврать, когда на ЮДЕЛЕВИЧА были вычеркнуты некоторые слова. На районных работников характеристики посылались согласно материалов, которые были присланы с мест. В этой части дело можно проверить, о партхарактеристиках можно в партийном комитете посмотреть.

Вопрос: Где ваши братья, т. КОРОТЧЕНКО?

Ответ: У меня три брата находятся в армии, один брат в 1937 г. подался в Снегиревку, мне сообщили в 1938 г., что брат отбывает принудительную, имеет 2 или 3 месяца.

Вопрос: Кто взял РОМАНЧЕНКО в управление НКВД?

[КОРОТЧЕНКО.] Конечно, не КОРОТЧЕНКО брали и не КОРОТЧЕНКО рекомендовал. Взял при ликвидации ОШОСДОРа его ВЯТКИН. Я выражал свое мнение НОВОСЕЛЬЦЕВУ в отношении РОМАНЧЕНКО, что это ни рыба ни мясо.

Вопрос: Расскажите относительно перемещения и выдвижения.

[КОРОТЧЕНКО.] ВЯТКИН был начальником, он производил выдвижения и задвижения, я выдвигаю, говорит, и задвигаю, наше дело только фиксировать. Я считаю, кто был в его переплетах, может сказать в отношении выдвижения. В отношении перевода в ОМП ФРАНЦА разговора не было, документами это можно проверить. В конце концов, есть живые люди, есть МАНЬКО, на которого ФРАНЦ ссылается, пусть скажет.

Вопрос: Почему вы проводили вражескую работу вместе с ВЯТКИНЫМ? Вы ее проводили в части кадров и в части ослабления районов. Я приведу факт, в наши органы недавно пришли молодые работники. Вот, например, т. ТЕТЕРЕВ, рабочий, мало оперативно грамотный, послали в большой район в Барановский. Назначают БОЙКО, который также оперативно малограмотный. РЫБКИН сидит в Лугинском районе, это ни рыба ни мясо, и другие. Почему этих людей посылали? Я считаю, что это вражеская работа в части ослабления районов.

[С места.] Пусть скажет, какую установку получал от ВЯТКИНА?

[КОРОТЧЕНКО.] Я сказал, что 93 чел[овека] оперсостава забрали в Киев__¹⁹. Почему выдвигали — потому, что лучших не было. Перед Киевом ставили вопрос о НЕДЛИНСКОМ, НЕПЛЮХИНЕ, ОВЧАРЕНКО и др[угих] — о замене их. Забрали — забрали. Ответ был один — на месте выдвигайте. Ставил я вопрос о более солидных [сотрудниках] — ФЕРЕНСЕ и других, но начальники Отделов не отпускали. Вопрос с кадрами настолько заедал, что действительно [это стало

¹⁹ Так у текстi.

проблемой]. ТЕТЕРЕВА, ФЕДОРОВА тоже недавно забрали, вид внушительный. ВЯТКИН говорит, он больше, чем начальник будет, посылайте, говорит, [ибо] недостаток в кадрах. Помощника оперуполномоченного, члена партии БОЙКО выдвинули. Есть комсомольцы посильнее, но которых не выдвинешь в начальники РО, ибо нужен член партии. Ставили вопрос и перед Обкомом партии, и Горкомом партии, много людей получили, но потребность была большая.

Вопрос: С каким членом [партии] после партийного собрания, где критиковали РОМАНЧЕНКО, вы говорили и затем вы говорили, зачем так разгорается эта критика и самокритика — ответьте на эти вопросы.

[КОРОТЧЕНКО.] По этим вопросам никто ничего не говорил. Я говорил, что критика и самокритика отсутствовала и потому мы оказались в таком большом прорыве. Потому, что нас зажимали, не давали свободно говорить. В защиту РОМАНЧЕНКО я никогда не шел, я с РОМАНЧЕНКО был не в особо хороших отношениях. После партийного комитета начали выражать недовольство на Партком. Как будто подали заявление на АНДРЕЕВА. АНДРЕЕВ мне звонил, что на меня, мол, собирают материалы. Я говорю — никакого материала не собирают. Что касается собрания — на собрании говорили: «Сволочь, осел» и т.д. Я считал, что на собрании неудобно материть «осел, остолоп», нельзя говорить. Я так и сказал, не с целью защиты.

Вопрос: По-честному заявите на партийном собрании, что у вас с ГОЛУБЕВЫМ, были связи на антисоветской почве?

[КОРОТЧЕНКО.] Я за ГОЛУБЕВА не буду расписываться, за себя говорю. Никакой связи антисоветской, контрреволюционной, никакой связи организационной с врагом народа ВЯТКИНЫМ у меня не было.

Вопрос: Расскажите об антисемитизме.

[КОРОТЧЕНКО.] Я говорил, больше ничего не замечал.

Вопрос: Т. КОРОТЧЕНКО, о чем было тайное совещание с 11-го на 12 декабря?

[КОРОТЧЕНКО.] Я был у НОВОСЕЛЬЦЕВА в кабинете, никого больше не было. Ночью на 12/XII был т. РОМАНЧЕНКО на подписи у т. ДАРАГАНА. Я зашел получить деньги с НОВОСЕЛЬЦЕВЫМ и сразу ушли. РОМАНЧЕНКО уехал на машине.

Вопрос: Какие деньги?

[КОРОТЧЕНКО.] Деньги на питание. Сидели мы не больше 10–15 минут, получили деньги и все.

Вопрос: Кто выдвигал РЕЗНИЧЕНКО начальником 4 Отдела?

[КОРОТЧЕНКО.] Я сказал: начальников Отдела, даже начальников Отделений, оперуполномоченных выдвигал начальник управления. Меня не было на этом совещании, которое было в клубе. ВЯТКИН не пустил. В отношении РЕЗНИЧЕНКО — он проектировался на промышленный Отдел, на заместителя начальника 4 Отдела выдвигался МАЛУКА.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, я считаю, что нам нужно будет подготовить комиссию для составления резолюции, человека 3 для того, чтобы не задерживать. Они подготовят, а мы потом обсудим, чтобы резолюция — это

был план ликвидации последствий вредительства и дальнейшей работы. В отношении количества я не предлагаю.

В состав комиссии прошли тт. ФРАНЦ, ПРИВИН, ФИЛОНЕНКО, ВАХРАНЕВ, ТОМИН. Возглавляет т. ВАХРАНЕВ.

Тов. ЛЮЛЬКОВ. Товарищи, мое выступление будет связано с моей оперативной работой, т.е. с той работой, которую я выполнял по спецзаданиям. Я об этом не хотел говорить, но поскольку вчера и сегодня некоторые товарищи этот вопрос огласили, мне остается дать справки и точное разъяснение и разоблачить врага народа ВЯТКИНА. Мне сейчас, как коммунисту, хочется ответить на выступление т. ШПИЛЕВОГО. Это о поездке в Бердичев и партийное собрание тогда определит. Ведь, тов. ШПИЛЕВОЙ, нельзя пользоваться слухами, нужно рассказывать, как было. Я 4-го числа на 5-е число ноября м-ца выполнял последнее спецзадание. Мне было приказано по окончании этой работы доложить, что мною и было сделано. Я доложил, мне приказали подождать, мы ожидаем часа полтора. Приехали к нам гости, о которых я должен сказать, как это было. В 5 ч 30 мин или в 6 ч утра приехали ВЯТКИН, МАНЬКО, НОВОСЕЛЬЦЕВ, КОРОТЧЕНКО, ГОЛУБЕВ. Позавтракали в 7–8 часов утра. Я дал распоряжение, чтобы в 2 часа дня ОСТРОВСКИЙ взял машину, затем заедем за ЗУБОМ и поедем в Бердичев. В каком состоянии я был после накачки? 2 ноября я простоял у ВЯТКИНА 5 часов в кабинете. Я дал слово больше водки не пить, какую бы я работу ни выполнял. В этот день 5-го числа выпил 3–4 рюмочки-стопочки вина. Товарищи, кто эту работу выполняет — тот знает. Вот в каком состоянии я пошел домой и отдыхал до 2-х часов дня. Я, приехавши в Бердичев, доложил т. БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ — начальнику Горотдела НКВД, сказали, что приехали за людьми. Мы с т. ЗУБОМ поехали в тюрьму, закончили свою работу в 6 часов, отобрали людей. Затем я говорю т. ЗУБУ и ОСТРОВСКОМУ: «Поедем в Горотдел, пообедаем и поедем домой». В это время столовая была закрыта, мне т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ по моей просьбе дал вещи, и на своей машине подбросили опять в тюрьму, погрузили людей и поехали (мы полчаса всего ездили). Когда мы ехали, шли колонны, так нас не пропускали, я говорю, я являюсь комендантом Областного управления, везу арестованных, и нас пропустили. Едем, затем идет колонна, останавливаемся, встретили коменданта города. Я говорю, что я еду с арестованными, он дает распоряжение пропустить и говорит: «Передай, чтобы пропустили по правой стороне». Доехали до улицы Шевченко, т. ОСТРОВСКИЙ может подтвердить _____ здесь публика стоит в ожидании и идут колонны²⁰. Только стали поворачивать, кричат «стой». Я говорю, я комендант, еду с арестованными, он кричит «стой». Я сказал, чтобы люди стали возле машины, я говорю повернуть вправо, чтобы мы не врезались в колонну. Я говорю одному: «Вы встаньте здесь», а тут тов. милиционер станет. В это время подходит ко мне адъютант коменданта города, я говорю, чтобы ко мне никто не подходил. Спрашиваю тов. милиционера — где есть телефон? Он

²⁰ Так у тексті.

говорит, здесь рядом в Горторге, через один дом. Я милиционера оставляю, беру трубку и говорю: «Пригласите начальника Особого отдела или БЕЛОЦЕРКОВСКОГО и пусть они позвонят в Горторг». Сам в это время подошел к машине, а потом вернулся, подхожу спрашиваю: «Звонили?». Говорит: «Да». Я рассказал БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ, как это произошло. В это время приходит инспектор милиции и говорит: «Тов. ЛЮЛЬКОВ, не задерживайте машину, езжайте», а я говорю: «Дайте мне ваш документ». Он говорит: «Вы хотите арестовать?». Я говорю: «Нет». Передаю трубку: «Вот, говорите с начальником Горотдела». Затем МАТЫНКОВ, не знаю, что он [ему] говорил: «Вы возьмите у него удостоверение личности и передайте инспектору». Это все было на протяжении полутора-двух часов, арестованных было 18 человек. ЗУБ лежал 5 дней болен. Мы 5-го числа закончили свою работу. Вот такой случай был, я заявляю, как коммунист, и так я написал свое объяснение. Я не знаю, что писал ЗУБ и ОСТРОВСКИЙ. По этому вопросу прокурор армейской группы сказал, за это дело он может получить 5 лет. Что писали ОСТРОВСКИЙ и ЗУБ? Повторяю, я не знаю, я с ними не советовался. Каждый из нас знает устав караульной службы, так я и поступил. Товарищи, БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ есть, его можно спросить, все распоряжения его выполнил. Вот в каком я состоянии был. Закончивши работу, я ВЯТКИНУ не мог прийти доложить спецзадание и НОВОСЕЛЬЦЕВУ доложил, а ВЯТКИНУ уже потом, после, потому что было много народа.

[...] В апреле месяце 1938 г. у нас было несколько дней перерыва. СЕМЕНОВ выпросился у ВЯТКИНА, чтобы он дал разрешение ему присутствовать на этой операции. А какое участие? Т.е. сидеть около стола — и больше работы никакой от него не было. Это может сказать т. ПАНШИН.

[С места.] Вы расскажите по вопросу антисемитизма.

[Тов. ЛЮЛЬКОВ.] Я расскажу об антисемитизме. Я был в хороших взаимоотношениях с СЕМЕНОВЫМ. Ну, пришлось его однажды выгнать, у меня было сомнение в людях, а он толкал меня на преступление. Я его выгнал, об этом говорил и буду говорить. Это может подтвердить вся моя бригада, ЗУБ есть, ПАНШИН и другие. Я поставил вопрос перед врагом народа ВЯТКИНЫМ, но он его накачал и я имел неприятные вещи. После этого конфликта я имел хорошие взаимоотношения. Я помню, что СЕМЕНОВ поздравлял меня с повышением. При начале работы Военного трибунала мне и говорит: «Вы возьмите деньги, обеспечьте шамовкой трибунал». СЕМЕНОВ говорит, чтобы был накрыт стол на 100%. Он побежал в столовую, стол был накрыт на все 100%. Я хочу показать лицо коммуниста, было пиво, конфеты, была закуска. Когда закончился трибунал, остались колбаса, сыр, конфеты. Был МАНЬКО, БРАНДТ и другие, взяли по конфетке и съели. СЕМЕНОВ ушел домой, но он забыл масло и вернулся. ЛАЗОРКИН ему звонит: «Вы забыли масло». Приходит СЕМЕНОВ и смотрит — на столах чисто, и говорит: «Как можно допустить, чтобы все конфеты поели?». Напустился на ЛАЗОРКИНА, я пьяным не был, водки не пил в это время. Он меня вызывает в кабинет, садится в кресло и говорит: «Тов. ЛЮЛЬКОВ, я хочу вас предупредить». Я говорю, что «я

вам не подчиняюсь». Вы, говорит, обругали шофера. Правильно, я просил машину — отправить т. ВЫГОВСКОГО потому, что враг народа все время заставлял стоять вахтеров. В результате т. ВЫГОВСКИЙ чуть не упал. Я просил машину у ответственного дежурного, тот не дал. Я ему сказал, что я тебе не подчиняюсь и не предупреждай. Если я виноват — буду нести наказание. Вот мы на этой почве с ним поспорили, и на этом кончилось.

Я был у себя на работе, часов в 6 вечера звонит СЕМЕНОВ, говорит, что за твоим одним человеком наблюдаются плохие вещи. Я, говорит, хочу проверить. Заканчивает работу, приходит в комендатуру и говорит, что я был на квартире у твоего работника СИНКЕВИЧА. У него на квартире много барахла. И что же оказывается — СИНКЕВИЧ взял порванную кожанку и оскорбил всю бригаду, которая работала честно. А он написал рапорт и указал все то, что было в мешках, все то, что лежало в корзине и чемодане. СИНКЕВИЧ работал с утра до утра, был один человек, а он забрал пальто, шинель. Эта шинель совсем не такая, забрал 4 пары брюк тюремного образца — он до этого был надзирателем, костюм новенький, шинель эту. Он виноват только в одной кожанке, он обвиняет его во всем. Причем здесь вся бригада? Ему говорили, что ничего не трогайте, и враг говорил, чтобы ничего не трогать. Вот за эти вещи получил выговор. Я работал честно и получил выговор, а теперь он обвиняет в части антисемитизма. Я просил СЕМЕНОВА, чтобы он дал свидетелей. Я с еврейми вырос и никто меня никогда не обвинял. Это форменная ложь. Я никогда не занимался, в особенности против СЕМЕНОВА. Пусть он даст людей, которые могут сказать, что я на его плохо называл.

В части того, что я ненавидел и сейчас ненавижу, как подхалима, такой марки, как сказал т. ФРАНЦ, в части чистки сапог своей шинелью. Если он будет отрицать, то ЛАЗОРКИН скажет, что подхалимство — это самое последнее дело. Заходит ВЯТКИН, говорит: «Товарищ майор, ой, запачкали фуражку, сдувает».

Затем говорит, что «у вас, майор, фуражка плохая, я достану новую» — и пошел достал.

[С места.] Брось, неверно, фуражку взял НОВОСЕЛЬЦЕВ.

[ЛЮЛЬКОВ.] В отношении проводов жены ВЯТКИНА. Как СЕМЕНОВ оперировал — это скажет ТОМАШЕВСКИЙ. Она стоит и говорит: «Что вы так торопитесь, подождите, этот чемодан мне совсем не нужен». А он мечется — всегда был подхалимом. Когда, бывало, идет этот пижон, он открывает и закрывает за ним машину, пальцы перебил благодаря этому лакейству. Это все факты подхалимства. А СЕМЕНОВ пытался доказать, что связей не имел, кроме служебных. Вы лучше скажите, сколько выходных дней вы были с женой у ВЯТКИНА на квартире и сколько пили? Вот вы должны об этом сказать. Вот когда я сказал, что СЕМЕНОВ продался ВЯТКИНУ, ровно в 10 часов вечера меня вызывает в кабинет ВЯТКИН и начинает песочить. Я выстоял до 3-х часов ночи. [Вяткин кричал.] «Как вы смели сказать, что СЕМЕНОВ продался ВЯТКИНУ». Я отказывался, я не был пьяный. Я сказал: «Я не хочу быть комендантом». Он сказал: «Пишите рапорт». [Я сказал.] «Если вы доверяете СЕМЕНОВУ,

подхалиму, как можно мне с вами работать?». Я выразился грубо, по всему этому виден был конец. Он говорит: «Вы пророк». И давай меня крыть матом. Затем приходит КОРОТЧЕНКО, я говорю: «Вы освободите меня». После моего ухода [от] ВЯТКИН[А] выпил валерианки. Прихожу домой, вдруг звонит ЛАЗОРКИН, НОВОСЕЛЬЦЕВ и КОРОТЧЕНКО — и давай меня песочить. Я на них не обижаюсь, я говорю честно, откровенно, как было.

Помню, поехал в Киев. Приезжаю из Киева, когда меня посылал ДАРАГАН, встречаю по приезде СЕМЕНОВА, спрашиваю: «Как себя чувствуешь?». А он говорит: «Я знаю, какие вы политические вопросы замазывали». Я считаю, что СЕМЕНОВ здесь нечестно выступил. Все знают, что он был подхалимом, он завербован обстоятельно. Я видел его отношение к ВЯТКИНУ, я не знаю содержания заявления. Если я неправду говорю, как он докладывал ВЯТКИНУ, что я говорил, что он проданся. Я говорил, что ты проданся ВЯТКИНУ. Когда ты будешь выступать, ты объясни, когда он сказал, что я замазывал политические вопросы. Я его приглашал, пойдем к ГОЛУБЕВУ, а он говорит, ты пьяница, и я с тобой разговаривать не буду. Вот я рассказал все то, что было с СЕМЕНОВЫМ.

Вопрос: Говорят, что в Облуправлении был радиоприемник.

[ЛЮЛЬКОВ.] Был такой.

[С места.] Относительно телефонных звонков расскажите.

[ЛЮЛЬКОВ.] Когда посадили СИНКЕВИЧА, звонил два раза. Я хотел поехать к нему на квартиру. Но чтобы я сказал, как говорил здесь СЕМЕНОВ, я это категорически отрицаю, я никаких глупостей не говорил. В части поездок на охоту, я скажу, куда ездили и с кем ездили. Я не помню, в мае или начале июня месяца, БРАНДТ может сказать, первая поездка была в подсобное хозяйство рыбу ловить. В эту поездку я ездил, все были без жен, ВЯТКИН ездил с женой, БРАНДТ, КУЖЕЛЬ, ГОЛУБЕВ, НОВОСЕЛЬЦЕВ, ЛУКЬЯНОВ. Правда, поймали, покушали и поехали домой.

В отношении охоты ездили два раза в Белоковичи: КАЗАНЦЕВ, БРАНДТ, КУЖЕЛЬ, ГОЛУБЕВ. Есть хорошее озеро, поохотились на уток. Из района был ХИМЕНКО и начальник одного Райотдела. Ездили на ночь и утром вернулись домой. Правда, выпивка была. Он [ВЯТКИН] убил 7 штук, я 3 штуки. Затем приехал замнаркома ГРЕЧУХИН. На охоту ездили я, ВЯТКИН, ГОЛУБЕВ в Новоград-Волынский и Эмильчино, разговоров никаких не было. Каждая охота сопровождалась пьянкой. Были в Яруне, ездили на ночь. Были тт. ФЕДОРОВ, ГОЛУБЕВ, РЫБАЛЬЧЕНКО, взяли коменданта, поехали к границе. Были около столбов. На границу ездил ВЯТКИН в Новоград-Волынский, Ярунь и Эмильчино. Вот те места, куда они ездили. Утром ВЯТКИН предложил поехать посмотреть на польский город Корец. Приехали в комендатуру, взял коменданта заставы и поехали, а мы пешком. Ездили в Олевск, ездил ФЕДОРОВ, ИГНАТЕНКО и ВЯТКИН. Были на заставе, начальником погранотряда был ФУНТИКОВ. Я с ГОЛТВЯНСКИМ был, ездили посмотреть, как расположена граница. Вот какие были поездки.

Вопрос: Расскажите конкретно о СЕМЕНОВЕ.

[ЛЮЛЬКОВ.] Я еще раз подтверждаю, подхалимства было много. Об этом члене партии каждый должен сказать, видел каждый и каждый об-суждал, когда я сказал, что он продался ВЯТКИНУ, мне пришлось долго дежурить на ногах, я сказал, что если СЕМЕНОВУ верите, то делайте, что хотите.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, давайте обсудим, на сколько времени мы рассчитываем работать. Так можно работать целый месяц. За это время выступило 7 товарищей, записавшихся 30. Я вношу предложение о том, чтобы установить регламент.

С места. Давайте установим регламент, я вношу предложение товари-щам выступающим дать по 20 минут.

С места. Вношу предложение по 15 минут.

Голосование — большинство за 20 минут.

Тов. ЛЮЛЬКОВ. В части того, что он сказал, что он завербован, подтвер-ждаю следующим фактом. СЕМЕНОВ приехал вместе с ГРИШИНЫМ. Летом был откомандирован в Отдел кадров Украины, затем был оставлен в Житомире ВЯТКИНЫМ.

Тов. МЕДНИКОВ. [...] Тут много говорили в части агентуры потому, что сейчас, согласно постановлению, этот вопрос ставится на принципи-альную высоту. Какая разница между формулярами и агентурным делом? Они не могут себе этого представить. Что это за человек (6 лет работа-ет начальником). Он может и 15 лет сидеть. И другое положение, что со стороны отдельных начальников совершенно отсутствует руководство этим аппаратом. Все прекрасно понимают, что никакой серьезной аген-турной работы в районах не было. Это точно. Я работник Бердичевского Горотдела, я работал по линии 3 Отдела, по линии 4 Отдела не работал. Я не видел ни одного раза т. ФЕДОРОВА, я знаю из своего опыта рабо-ты. Вот, например, по Винницкой области. Там начальники приезжали, смотрели, проводили соответствующие задания, инструктаж. Показут, бывало, как нужно работать, как нужно направить агентуру на выявление врагов. А у нас в районных аппаратах сидят люди, которые не могут рабо-тать. Да плюс к тому такое руководство. Что значит ни разу не приехать в район начальнику Отдела, особенно 3-го Отдела? Скажите, пожалуйста, какая агентурная работа могла быть в районах? Абсолютно никакой, и в этом я усматриваю вредительство. Кадрами совершенно не занимал-ся начальник Отдела кадров, он своих кадров не знает. Вернее, знает, но не занимался, и по линии оперативной не было руководства, чтобы поднять на должную высоту агентурную работу. Безусловно, при враге народа ВЯТКИНЕ мы были в таком положении, когда мы вслепую ра-ботали во многих случаях. Нужно говорить то, что есть. Чем же занима-лись эти люди, начальник Отдела кадров? Вот сейчас здесь, на собрании, жутко слушать, чем занимался начальник Отдела кадров. Он занимался тем, чтобы выживать евреев из аппарата. В конце концов, в числе этих переселенцев и я. Если вы действительно честный член партии, стойкий член партии, если вы желаете честно работать, быть преданным партии, вы, несмотря на то что получаете прямые установки врага и сами знае-те, что это именно вражеские установки, — вы сказали, что «я получал

явную установку, чтобы увольнять евреев» — вы должны были написать в ЦК ВКП(б), в ЦК КП(б)У. Этого не было. Вы говорили о том, что спорили. Нет, вы пьянствовали в квартире. Если вы говорите, что ВЯТКИН говорил, что «я начальник управления, а вы пешка». Как же он приглашал вас на квартиру? Вы же бьете сами себя. Как это получилось, тов. КОРОТЧЕНКО, когда вас избирали в партийный комитет и Горпартком, вы скрыли о том, что ваш отец судился, что жена — дочь кулака, что два родственника расстреляны красными, что брат судился? Что представляет собой начальник Особого отдела, который, по сути, рекомендует и выдвигает?

И тут же хочу перейти к начальнику 3 Отдела. Я не хочу таить, я слышал от многих товарищей, и они должны будут выступить и сказать, что ФЕДОРОВ является лучшим другом УСПЕНСКОГО. Кроме того, ВЯТКИН его рекомендовал членом партийного комитета. Это также рекомендация УСПЕНСКОГО. И дальше что получается? Вместо того, чтобы действительно вот так, как следует, бы взяться, разоблачить, если он честный человек, разоблачить врага, доказать, вывести на чистую [воду]. Вполне понятно, они вместе с ним пьянствовали, плясали и дули в одну дудку. Деятельность ВЯТКИНА — это деятельность КОРОТЧЕНКО. Деятельность ВЯТКИНА — это деятельность ФЕДОРОВА, и, естественно, ему помогал ФЕДОРОВ. Я 10 лет работаю, видел много начальников. Я как-то раз захожу в кабинет ФЕДОРОВА: «Здравствуйте». Сидит и не отвечает. Если бы зашел человек со шпалами, он бы поздоровался. Но потому, что я 8 лет работаю без звания, он меня не замечает и на мое приветствие не отвечает. И тов. КОРОТЧЕНКО в этой же натуре. Когда КОРОТЧЕНКО встречает на улице, он думает, что он меня осчастливил бы, если бы поздоровался.

Такое отношение к людям, к оперативному составу было при враге народа и его приспешниках. Вот я привел конкретные факты деятельности двух Отделов областного аппарата и спрашивается — за что только и ФЕДОРОВ, и МАНЬКО, и ГОЛУБЕВ, и КОРОТЧЕНКО получали деньги? Они без всяких оснований незаконно возили к себе на квартиру мебель, лишний раз ходили в буфет за то, что, по сути дела, проводили вражескую работу. Враг народа ВЯТКИН орудовал, а они вместе с ним проводили эту гнусную работу. Это вполне верно и это руководство доказывает.

Теперь, товарищи, перейду в части ГОЛУБЕВА. Что представляет собой т. ГОЛУБЕВ? Тов. ГОЛУБЕВ, как секретарь партийной организации, должен быть немного искреннее в отдельных вопросах. Он неискренен был по делу ФАДЕЕВА. Конкретно, что представляет собой ФАДЕЕВ? Преступник, липогон, он фабрикацией занимался, он делал такие преступления, что должен был сидеть два года. Жена его — дочь попа и он начали копироваться²¹ при ВЯТКИНЕ и его кампании, они умели из мухи слона сделать. Когда приехал т. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, мы увидели, как он относится ко всему оперативному составу, к каждому

²¹ Так у текстi.

в отдельности подходит правильно. Ценит товарищей, которые больше и меньше понимают, как он относится ко всем одинаково. Мы увидели, что человек понимает, каждый пришел и рассказал, что было известно о преступлениях ФАДЕЕВА. Он собрал все факты, поехал к бывшему начальнику, ныне разоблаченному врагу народа. Рассказал, что он занимался такими преступлениями. Он говорит: «Вы бросьте заниматься такой склокой, у вас склочный коллектив, и он завидует успехам ФАДЕЕВА. Бросьте копать». В то время, когда он собрал документы и факты, и говорит: «Это на разрешение ЛУКЬЯНОВА». ЛУКЬЯНОВ распорядился привести [ФАДЕЕВА] в Житомир. Через некоторое время мы узнаем, что ВЯТКИН освободил из-под стражи этого ФАДЕЕВА и назначает на работу в тюрьму. Житомирское дело вел ГОЛУБЕВ. По линии областной прокуратуры это дело попало прокурору пограничных и внутренних войск. И когда попало к нему — вернули вдруг обратно. Затем приехал ВЯТКИН, ГОЛУБЕВ и, кажется, ФАДЕЕВ. Мы сидели, докладывали дела начальнику Горотдела, и вот как только приехал этот ВЯТКИН, как только он открыл дверь, стал расхаживать взад и вперед по комнате. Набросился на БЕЛОЦЕРКОВСКОГО, говорит: «Что вы думаете, что вы большой начальник?». Затем берет слово ГОЛУБЕВ: «Что вы, товарищи, тут можете оговорить человека». Я попросил слово и рассказал, что он занимался нехорошими вещами. ГОЛУБЕВ вместо того, чтобы вывести все на чистую воду, он говорит: «Отдельные ваши работники также занимались нехорошими вещами, занимались хищением». Я говорю — конкретно говорите. Но во всяком случае он выгораживал явного преступника и сейчас следствием доказано, что он явный преступник. Дело вел ГОЛУБЕВ, все вели [дело], т.к. говорил ВЯТКИН.

В части РОМАНЧЕНКО. РОМАНЧЕНКО проходил по показаниям СИРОШТАНА как вербовщик контрреволюционной повстанческой организации. ВЯТКИН же говорил о РОМАНЧЕНКО, что РОМАНЧЕНКО честный человек. По роду своей службы секретарь партийной организации, он получает зарплату, он обязан служить честно Советской власти. И вот эти коммунисты должны были разобраться по-честному, какие установочки давал ВЯТКИН. Об этом они сейчас никто знать не хочет, но если ты честный коммунист, ты должен доложить. Если видишь, что ничего не выходит, ты должен довести до сведения ЦК КП(б)У, ЦК ВКП(б). А вы это делали, следовательно, видно, что свыклись. Отсюда я делаю заключение, что вы наравне с ВЯТКИНЫМ проводили вражеские преступления.

В отношении РЕЗНИЧЕНКО. Я от т. ПРИВИНА узнал, что РЕЗНИЧЕНКО дает явно неправильную установку молодым чекистам. Мне прямо-таки не верилось, что значит — сидя в органах НКВД — использовать свое служебное положение заместителя начальника Отдела и дает такие установочки, явно антисоветские установочки в части агентурной работы. Об этом говорил тов. НЫРКО: «Вы растолкуйте мне, кого я должен вербовать в осведомление?». РЕЗНИЧЕНКО отвечает, что можно вербовать только украинцев, никак нельзя вербовать в агентуру и осведомление евреев, и начинает приводить случаи из жизни национального

еврейского района — Калининдорфского. Якобы был такой случай, что если еврей узнает о том, что эта работа бесплатная, так он скажет, что я не могу служить, и если узнает, что за эту работу платят, так он скажет, что я вам могу быть полезен, и не только я, а и мой брат может быть полезен. Причем нужно же иметь нахальство рассказывать из жизни национального еврейского района Калининдорфского, когда РЕЗНИЧЕНКО с ним ничего общего не имел. Он не был никаким начальником, он не мог этого говорить, это вымысел. Лучше бы он рассказал о том, как он молодым чекистам, кандидатам партии, хорошим комсомольцам давал такую установку. Разве это не вражеское действие? А если проанализировать такой факт — каким образом РЕЗНИЧЕНКО заделался заместителем начальника и готовился на начальника такого важного Отдела, как 4 Отдел Областного управления НКВД? И если проанализировать, в каких отношениях РЕЗНИЧЕНКО был с врагом народа ВЯТКИНЫМ — тут уже ясным становится и вполне понятным, что представляет из себя РЕЗНИЧЕНКО, и понятной становится его деятельность.

Товарищи, вы помните вот такое наглое измышление? Говорит: «Евреи — это такой народ, что вот, мол, у нас в колхозе евреи не выходили на работу, и вот, говорит, идешь рано утром или поздно вечером, стоит еврей одетый, смотрит в окно. Спрашиваешь: «Почему ты не выходишь на работу?». Он говорит: «Я готов и могу выйти на работу, но вот почему тот — указывая на соседа — не выходит на работу? Я готов, пусть он выйдет, тогда и я выйду». Затем подходишь к другому окну, еврей-колхозник стоит одетый. Спрашиваешь: «Почему ты не выходишь на работу?». Он говорит, что я уже готов и могу выйти на работу, но почему вот тот не выходит? И таким образом всех обошел и никто не выходил на работу». Товарищи, разве это не преподаватель фашистских методов? Скажите, товарищи, что это за методы, что это за работа? Разве это член партии? Да его нельзя так называть, его пребывание в партии совершенно неуместно с теми установками, которые он дает молодежи. По-моему, не место в партии РЕЗНИЧЕНКО.

Я не знаю, каким образом могли отдельные товарищи терпеть и не шли в Областной комитет партии? Разве [это] партийное выступление секретаря партийного комитета ГОЛУБЕВА, что он эту группу товарищей назвал антипартийной группой? Я считаю их поступок совершенно правильным, потому что, имея такие факты, серьезнейшие сигналы, не было же возможности ждать, оттягивать партийное собрание, и якобы Обком не позволял созывать общего партийного закрытого собрания. Что остается пойти и требовать партийного собрания, если партийный комитет НКВД почему-то оттягивает. Тут, по-моему, ничего нет такого, они пошли и правильно требовали партийного собрания. Я считаю, т. ГРЕЧУХА, если товарищи члены партии пошли в Областной комитет и требовали партийного собрания, они честно и правильно поступили.

Я еще хочу вернуться к РЕЗНИЧЕНКО. Один случай, он ничтожный, но он характерный. Вот люди разъехались по районам, каждый понимал и знал, зачем приехал РЕЗНИЧЕНКО в Горотдел, и он никуда не выехал, это точно. Я выехал в 3 часа ночи с начальником в одно село, налетели

на одного человека, которого разыскивали, и после тщательной проверки убедились, что это не тот. Я приехал и рассказал об этом. Когда я приехал в Областное управление, так я услышал о том, что РЕЗНИЧЕНКО рассказывал точь в точь об этом же, что якобы он находился в таком-то селе и сказал, что принимал участие в этом деле. Этого не было вообще, это был вымысел. Это мелочь, но это характеризует человека, чем человек занимается, дешёвеньким бахвальством, авторитет хочет себе создать. И факт, на своей практической работе я лично убедился тоже за совместное пребывание в Москве с ним, что он очень мелко плавает в нашей работе. Он просто занимается таким дешёвым авторитетом, если он честный, если он чего не может сделать, он должен, как член партии, сказать по-честному, и не к лицу члену партии говорить вымыслы. [...]

Тов. МАНЬКО. [...] Да, мы дали возможность проскакивать, дали возможность оговорить честного человека. [...] Я возглавлял немецкое Отделение, у меня 1068 чел[овек] немцев. На одной очной ставке ВЯТКИН говорил: «Не нужно упрощенным методом». Давали показания, брали врагов, об этом никто не скажет, что брали честных людей, брали врага попутно, товарищи ответят. Вот есть записка: «Пусть т. МАНЬКО объяснит — по сколько в день заканчивали, по 12 или по 13?». Здесь есть т. ФИЛОНЕНКО, БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, пусть скажут, этого не было. Три человека давали показания, повторяю, брали людей по показаниям, практиковали такой метод, это тоже вражеский, но был один такой факт. За это могу нести и партийную и уголовную ответственность. Вызвали в комнату 14 чел[овек] арестованных и сознавшегося, всех по одному делу. Это, товарищи, бесспорно вражеское дело, но это был один случай. Был такой факт в польском отделении. Один раз мы пошли дать справку, я докладывал дела. Это считали большим делом на Тройке. Враг вызвал и говорит: «Подготовьте, будете докладывать дела по линии 3 Отдела». По всей области абсолютно я докладывал. Но как проходила работа Тройки? Бесспорно, работа Тройки проходила вредительски. Были факты, я об этом писал, товарищи, сейчас все ясно представляют четкость этого дела, писали подробное объяснение прокурору. Теперь я считаю, что вредительская установка была в работе Тройки. Во-первых, что дела не докладывал докладчик. На одном из заседаний был т. ГРЕЧУХА. Он, по-видимому, в своем выступлении скажет. Я зачитывал обвинительное заключение, докладывал 30 или 40, около одной трети альбома по делам, как полагается. ВЯТКИН говорит: «Не нужно, сами будем читать». Вы знаете, что были альбомы в нескольких экземплярах, раздали членам Тройки, и он, правда, сказал, если будут несогласия, будете говорить, обращаясь к членам Тройки. Если я не ошибусь, то, кажется, со стороны т. ГРЕЧУХИ и прокурора было 5–6 замечаний. Я нашел лист одного дела, где было решение приговора. Правда, нужно сказать, что были факты, когда было заседание без прокурора. Это, кажется, был один факт, когда рассматривали дела Бердичевской оперативной группы, присутствовали ДИДЕНКО и ВЯТКИН. На второй день меня вызывает и говорит: «Несите дела на квартиру прокурора». Я беру дела, везу к прокурору. РАСПУТЬКО говорит: «Сейчас не могу, оставьте дела, вечером посмотрю». Я позвонил,

[спросил], можно оставить дела, говорит, что нет, приедет, посмотрит здесь. Был он, смотрел, было заседание, когда без ДИДЕНКО рассматривали. Но я говорю так, как оно есть. Был прокурор, меня вызываю, я докладываю дела, я беру дела, альбом, обвинительное заключение. Бесспорно, это вражеское дело, ибо нужно было докладывать на каждого человека минут 5, а так за минуту проходило. Я помню, как-то сижу, [ВЯТКИН] спрашивает: «Какие дела остались?». Я говорю, что столько-то. Он говорит: «Занесите мне Бердичевские дела, я посмотрю, а затем согласую с ДИДЕНКО и РАСПУТЬКО». Посмотрел сам около 200 штук справок, а затем на второй день пришли ДИДЕНКО и прокурор, просмотрели. Почему был устранен секретарь Тройки — я не знаю. Но я заявляю со всей ответственностью, я не знаю, помнит ли сейчас т. ЗУБ или нет, но я с ним говорил, что это ненормально, что мы можем наделать дел. Я говорил, что ненормально протоколы оформлялись 3 Отдела. Я, конечно, должен был об этих фактах, о вредительской постановке вопросов ВЯТКИНЫМ в руководстве, как председателем Тройки, сообщить в ЦК ВКП(б). Я этого не сделал, но, знаете, начальник, как же, мол? Вот в этом вина. Вот это, знаете, зачастую, как говорили, подхалимство, оно у меня было. А с другой стороны, говорят, по-партийному смотреть — человек, присланный Николаем Ивановичем ЕЖОВЫМ, был у СТАЛИНА²². Значит, правильно, вот, я дал подробное объяснение по Тройке. [...]

Относительно прогулок. Пригласил начальник управления — я поехал. По-моему, все товарищи помнят, сколько было совещаний, как он хитро завуалировал свои выступления, а по сути творил вражескую деятельность. Он говорил на совещании: «Смотрите, за честного человека вам Советская власть не простит». Говорил и в то же время сам убивал людей. Об этих фактах, я думаю, что подробно будет говорить т. ВОЛЬСКИЙ. Я веду это к тому, что он проводил двурушническую вредительскую деятельность, что на совещаниях давал якобы партийные установки, а в то же время толкал, делал сам и толкал других на преступление.

[С места.] Укажите места.

[МАНЬКО.] В Олевске, Новоград-Волинске, то, что мне известно. За Овруч не знаю, о Житомире товарищи говорили. Повторяться не буду.

Должен еще сказать о своей связи с ВЯТКИНЫМ. Был он у меня на квартире, расскажу, как это было. Живем мы с т. ФЕДОРОВЫМ в одном доме, вышли из управления, стоит машина; или я раньше вышел — не помню. Но факт тот, что ФЕДОРОВ и я его не видели. [ВЯТКИН] спрашивает: «Вы домой?».— «Домой».— «Садитесь, подброшу». Подъехали к квартире, мы встаем. Он говорит: «Ну, посмотрю, как вы живете». Вошли в квартиру: «Как это вы так живете?»— говорит.— «Завтра распоряжусь, чтобы была мебель». Я в эту ночь выехал в Киев с т. ФРАНЦЕМ, он был примерно на квартире в часа 2 ночи.

²² Згідно з наявною інформацією, Г. Вяткін не був на прийомі у Й. Сталіна. Див.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник / Научный редактор А. А. Чернобаев.— М.: Новый хронограф, 2008.— 784 с.

[С места.] После окончания занятий.

[МАНЬКО.] Привезли мне мебель — шкаф, диван, шифоньер, порванное кресло и тумбочки. Для меня теперь, товарищи, ясно, что этот враг, фашист, он, бесспорно, обхаживал. Но говорил ли мне, имел ли я когда-нибудь с ним антисоветскую связь — этого дела не было. Я говорю точно, даю честное партийное слово, что этого, товарищи, не было.

[С места.] Есть записка: «Между кем делили деньги арестованных?».

[МАНЬКО.] Понятия не имею.

[С места.] Почему не говорите о преступных делах?

[МАНЬКО.] Я с сентября месяца заместитель начальника 2 Отдела. Я об этом сказал, что вели следствие нечестно. Ясно, [это] недостаточно четко. Была возможность — арестовывали на основании показаний, но критически относились к этим показаниям. Вот некритически отнеслись к проверке показаний, например, по Бердичеву вырисовываются нехорошие вещи.

[...] *Вопрос:* было ли такое положение, что в докладных записках центру по немецкой линии доклады составлялись фиктивные?

Ответ: Это дело можно проверить, показания абсолютного правдоподобные. Я повторяю, что правильно, что ни одного факта прибавления или уменьшения не было, можно это проверить.

Вопрос: Почему вас враг выдвигал и приближал?

[МАНЬКО.] Я подпишу, что подхалимажа с моей стороны не было и на предыдущем собрании отрицал всякий подхалимаж, кроме деловой связи — ничего не было. Это точно, партийное собрание свидетель, я на предыдущем партийном собрании говорил о ГЕРШЗОНЕ и др[угих] товарищах.

Вопрос: Имел ли место такой факт, что протоколы были неподписаны?

[МАНЬКО.] Положим, не протоколы, а отдельные страницы были неподписаны. Если тов. ДАРАГАН помнит — по этому вопросу и ЗУБ поднял шум, что около 40 протоколов неподписанных, [но это были] не протоколы, а копии — их подписывать не нужно.

Вопрос [КАЗАНЦЕВА]: Каким образом были арестованы два военнослужащих со званиями?

[МАНЬКО.] На вопрос т. КАЗАНЦЕВА, каким образом два военнослужащих со званиями прошли через Тройку, в то время когда это дела ВО?²³ Я дела не докладывал, а [они] давались членам Тройки, и они сами читали эти справки и выносили решения. Завтра я могу дать справку, возможно, были включены в то время в альбомы. Таким образом, просматривая по альбому, попали. По этому вопросу могу сказать вот что — было человека 4. Есть ГРИЦЫК, было проставлено «Р», затем я ходил до ВЯТКИНА, и он своей рукой писал на «трибунал».

Вопрос: Я читал протокол и в протоколах нигде не упомянуто, что они военнослужащие.

[МАНЬКО.] Я завтра только могу доложить.

²³ Слідчі справи на військовослужбовців спрямовувалися на розгляд Військового трибуналу військового округу.

Вопрос: Правильно ли отражалось социальное лицо арестованного по делам?

[МАНЬКО.] На Тройке социальное лицо определяли по делам, дела были разные, с арестованными никто не говорил. Дела присылали для доклада районы.

Относительно социальной группы, я давал установку, чтобы тщательно проверять. У нас были факты, я тут наберусь смелости сказать, что по немцам взяли 90%, точно не скажу количества, но это беглые кулаки, которые осели на сезонных работах и проводили соответствующую работу, и здесь есть следственное отделение. Пусть они скажут, что давалось на бедняка, писали кулак и наоборот.

Вопрос: А скажите, сколько сами [под]писали приговор[ов]?

[МАНЬКО.] Можно проверить, я [под]писал копии.

Вопрос СЕМЕНОВА: Расскажите, 5 мая на вечере ВЯТКИН встал и говорил, что самый лучший работник у меня МАНЬКО и что он его представит к ордену «Красного знамени»?

Вопрос: Чем объяснить, что за несколько дней до ареста ВЯТКИНА вы просиживали целыми днями и ночами у него?

[МАНЬКО.] Такого факта не было. Я находился в Бердичеве с 13-го числа и приехал только 17-го числа²⁴.

Вопрос: Расскажите, как производились аресты немцев по биографическим данным, без всяких оснований?

[МАНЬКО.] Брали первое время по объективным данным тех, которые имели связь с границей и гитлеровскую помощь получали. Взяли руководящих лиц, которые оказались эмиссарами и по польской линии, и по немецкой линии — не было такого факта²⁵.

Вопрос: Был ли факт, когда брали без документов?

[МАНЬКО.] Был.

Вопрос: Как в отношении ДОРНА?

[МАНЬКО.] Арестовали, следствие я не вел, было агентурное дело, это дело было включено, Москва решила это дело. [...]

Вопрос: Тов. МАНЬКО, все ли справки по делам, которые докладывались на Тройке, соответствовали материалам?

Ответ: Я думаю, что т. ФИЛОНЕНКО выступит, был такой разговор, что я дал установку писать неправильно справки. Этого факта не было, потому что у нас после каждой справки это шло на подпись прокурору.

С места. Я знал, что судьба предreshена, что я в Омске.

Вопрос: Был ли случай, когда сам МАНЬКО на обвинительном заключении писал «Р»?

[МАНЬКО.] Это правильно, было дело СТУКАНОВСКОГО, на копии писал, есть обвинительное заключение, по которому можно проверить и завтра можно сказать. [...]

Утро 18.XII.1938 года

²⁴ Г. Вяткін був заарештований 16 листопада 1938 р.

²⁵ Так у тексті.

Тов. ПСАРЕВ. Есть предложение освободить коммунистов от дежурства и заменить комсомольцами.

С места. Можно.

Тов. РЕЗНИЧЕНКО. Прежде чем приступить к оценке работы партийного комитета, хочется остановиться на содержании самого доклада. Это о двух периодах работы партийной организации. Нужно сказать, что сделан антипартийный вывод со стороны секретаря партийного комитета о том, что якобы партийная организация была бдительна, монолитной, было единство до ареста врага ВЯТКИНА, и наоборот получилось после ареста. Нужно сделать другой вывод, что со стороны партийного комитета была зажата партийная критика до ареста ВЯТКИНА и после ареста ВЯТКИНА, наоборот, развернулась настоящая большевистская критика в нашей партийной организации. Т. е. после ареста врага народа ВЯТКИНА положение изменилось в той части, что люди начали выступать и критиковать себя и друг друга. Во-вторых, по части партийной группировки, которая создалась здесь. Здесь ГОЛУБЕВ сделал совершенно неправильный анализ. Ему нужно было сказать, что было явно бюрократическое отношение со стороны партийного комитета и создалось мнение, что партийный комитет нарушает внутривнутрипартийную демократию и собрание было бы создано. Вполне понятно, что со стороны членов партийной организации было возмущение. Я считаю, что это было правильное большевистское возмущение, т. к. товарищи дальше не могли терпеть оттяжки партийного собрания. Тогда, когда был ВЯТКИН, не было возможности вскрыть наболевшие вопросы, и после каждому хотелось высказаться в части непартийного руководства, в части непартийного воспитания. Врага народа поддерживали отдельные члены партийного комитета, поэтому коммунисты правильно требовали с возмущением партийного собрания. Почему секретарь партийного комитета ГОЛУБЕВ сделал такой вывод? Я слышал, что он мало политически развит и его доклад на партийном собрании еще раз доказывает его политическую неграмотность. Однако сейчас очень тяжело сделать вывод, или это было сознательно, т. к. он читал письменные тезисы, утвержденные партийным комитетом, что дает возможность думать, что это было, так сказать, может быть, и не в результате политической неграмотности. Никто из присутствующих не может сказать, что доклад ГОЛУБЕВА политически грамотный, ибо он сверху донизу политически неграмотный.

В каком положении находилась партийная организация при данном составе партийного комитета? Нужно сказать, что отсутствовала всякая партийная критика и самокритика. Откуда это началось? Вы, товарищи, помните партийное собрание, которое проходило во время выборов партийного комитета, тогда отсутствовала всякая критика. Я, должен сказать откровенно, и все те, которые не состояли на партийном учете, мы вынуждены были уйти, потому что было скучно. Некоторые выступали, начинали критиковать, их другие забивали и начинали восхвалять большую проведенную работу здесь. И оттуда пошло.

Избрали партийный комитет. ГОЛУБЕВ, как секретарь партийного комитета, должен был обобщить партийную работу, жить мнением

коммунистов, жизнью партийной организации. [...] Нужно сказать, по существу, партийного комитета не было, ведь направо и налево руководил враг народа ВЯТКИН. Что сказал ВЯТКИН, то и было. Другого решения не могло быть в то время, когда руководил нашим Областным управлением враг народа ВЯТКИН. Это результат притупления большевистской бдительности, в первую очередь со стороны партийного комитета было притупление бдительности и среди партийной организации, т.к. партийная организация снизу не подняла на высокую принципиальность, там, где отчитывался партийный комитет, нужно было решать вопросы принципиально.

Притупление большевистской бдительности было в партийной организации, потому что отдельные коммунисты говорили в кулуарах, но на принципиальную высоту данный вопрос не поднимался, потому что боялись в первую очередь ВЯТКИНА, который под свое влияние забрал.

[С места.] А как ты принципиально поднимал?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я также, как член партии, не поднимал этих вопросов на принципиальную высоту, как и многие коммунисты.

[...] Я лично как новый человек в органах НКВД работаю с апреля месяца, не знал решительно обстановки работы в органах УГБ. Я узнал постановку в гостинице²⁶. В гостинице мне было рассказано, какой стиль, какая практика следственной работы. Попадая в здание НКВД, я должен был сразу переключиться на следственную работу. Я другого ничего не знаю, нигде не учился, я учился такой непартийной, следственной, антипартийной, антисоветской работе, которая существовала у нас.

[С места.] А ты ее проводил.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Совершенно правильно, я, сталкиваясь со следственной работой, вижу одно, другого не вижу. Я понимаю, что такая постановка была всегда, сидят все коммунисты, так, видимо, полагается, и делают.

[С места.] А вы считали правильной или неправильной?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Сейчас, конечно, тяжело сказать партийной организации. Вот сидят товарищи, которые приехали вместе со мной, нас приехало 4 человека. Мы часто говорили между собой, говорили, [что] неправильно, но данный вопрос не ставили. Я учился у МЕДНИКОВА. Как только принял Отделение — СТУКАНОВСКОГО забрали в Коростень, ПРИВИНА [тоже забрали], и я работал один над крупнейшими арестованными, так как нужно было работать по-партийному. Закончил, несу до начальника Отдела ЛЕСНОВА. ЛЕСНОВ посмотрел, говорит: «Что вы написали? Разве так пишутся протоколы? Вы знаете, что он пеовяк²⁷?» Троцкистскую организацию знаю, организацию правых знаю, бундовскую знаю. Говорит [ЛЕСНОВ]: «Вы допрашивайте на пеовяка». Иду и говорю: «Что такое пеовяк?». Я не знал, что такое пеовяк. Он говорит, никогда не был пеовяком. ЛЕСНОВ говорит: «Дать пеовяка», — [я] дал пеовяка. Написал большой протокол. Ах, нет, ВЯТКИН. Приехал из

²⁶ Деякі співробітники держбезпеки через відсутність житла мешкали в готелях.

²⁷ Сленгове слово — член «Польської організації військової».

Москвы, вы, говорит, неправильно составляли протокол. Сам в кабинете изменил протокол. Когда понес обвиняемому, [он] говорит, что это не тот протокол. Но если так нужно — подпишу. Этот протокол пошел в Киев в Правительство, снизу доверху очковтирательство. [...].

[С места.] Докажите, что вы вскрыли.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я считаю, что так делать нельзя. Я готов нести любую партийную ответственность, уголовную ответственность. Меня так выучили, и я так делал, и это было в результате отсутствия настоящей партийной критики. Нужно говорить, товарищи, в этой части откровенно, по-партийному, что была погоня за количеством. Мало и мало, надо больше и больше. Таково настроение было, надо больше вскрыть врагов, надо ликвидировать всех врагов. Это правильно, и в таком стиле понимал каждый, но что в этой погоне было? Был допущен целый ряд больших непартийных антисоветских ошибок. В чем [они] заключаются? Приведу факт. Следствие проводилось непартийно, [...] советское следствие должно быть культурным, поучительным, [показателем] высшей политической культуры. У нас что было? Дать двух — мало, дать третьего — мало, дать четырех — мало, дать пять — мало. И в результате что получалось? Что даже по спискам [на аресты] не находили людей, что даже таких людей не было в районе. [...] Это, товарищи, погоня за количеством.

Еще один факт, который был недели две спустя после моего прихода в органы НКВД. Звонок: «Зайди ко мне». Захожу, сидит ЛУКЬЯНОВ и еще один работник НКВД, сидит арестованный ХАРЧЕНКО: «РЕЗНИЧЕНКО, снимайте [с него] петлицы, отберите оружие». Проходит 5 дней, это товарищи знают, могут подтвердить. ЛЕСНОВ был не то в Киеве, не то не знаю где. Звонит МАЛУКА: «Тебе нужно по приказанию ВЯТКИНА закончить дело». Я говорю, что «я еще ни разу не допрашивал», я говорю, «что этого физически нельзя сделать, я ни одного разу не допрашивал». [Он говорит.] «Так ты распоряжение не хочешь выполнять?». Бежит к ЛУКЬЯНОВУ и говорит, что ваше распоряжение не хочет [Резниченко] выполнять. Вызывает ЛУКЬЯНОВ: «Так что — вы приехали диктовать политику, вы думаете, что вы находитесь в тресте Донбасстроя, вы отказываетесь с арестованным работать? Если не можете, передам дело АНФИЛОВУ. До 9 часов если дело не будет готово, вы пойдете в тюрпод». Я возвращаюсь и заканчиваю дело до 9 часов. Приходит АНФИЛОВ, даю дело и говорю, что это дело по подсудности не пойдет. Действительно, [дело] привезли обратно.

Задерживают 3-х человек, один человек хотел арестовать другого МЕЛЬНИКА. Затем это дело попадает ГРИШУКУ. ГРИШУК говорит, что «я сомневаюсь, что этот человек арестован невинно». Я допрашиваю, он говорит, что он вовлечен в организацию КРУТОЯРСКИМ. Проводится очная ставка. КРУТОЯРСКИЙ заявляет на очной ставке: «Я троцкист, я враг, я никогда не отказывался, но МЕЛЬНИКА в украинскую организацию не мог. Я еврей». Я говорю, по-моему, нужно освободить, он [Гришук] говорит — нет. ЛУКЬЯНОВ говорит: «Его нужно пустить на это дело». Я за этого человека болею, ставлю вопрос раза три об освобождении — никто не хочет слушать. И я его освободил, когда арестовали

ВЯТКИНА. Я пришел и рассказал — почему он сидел и добился освобождения только после ареста ВЯТКИНА.

Третий факт по Потиевке. Четыре человека учителей, [состав] беспартийный, никогда в партии не были. Приходит крупное дело на «организацию правых».

[С места.] Ты, как коммунист, знаешь, где правые и где левые?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Какие правые, если они беспартийные? Ведь правых мы как понимаем? Как товарищ СТАЛИН говорил: «Что такое правые? Которые недооценивают силы рабочего класса». Я лично понимаю, как коммунист, что это крыло борьбы партии. [...] Начинаем разбираться с этим делом. Доходит дело до вербовщика. Он говорит, завербовали в 1926 году. Когда начинаем разыскивать, так оказывается, что этот вербовщик в 1917 году умер. Я прихожу, докладываю начальству, говорю, что нужно освободить. [...] Нужно было ходить 10 раз, пока не освободили.

С места. Расскажите в отношении [правого и левого] крыла.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Разница та, что тот и другой враг.

[С места.] Почему вы ссылаетесь, что была такая установка?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я понимаю, что была неправильная установка, и еще раз подчеркиваю, что я так понимаю. Не помню, Яруньское дело или Городницкое. Там арестовываются 2 человека сионистов, [их] допрашивают. Приходит к нам в Отдел ЛЕСНОВ и говорит: «Большое дело будет, это дело прогремит на всю Украину». Дается на допрос ПРИВИНУ одно, другое — ЮДЕЛЕВИЧУ, они [арестованные] дали показания. ЮДЕЛЕВИЧ приходит и говорит: «Нужно арестовать». Он дает несколько человек, я говорю: «Немного дальше». Был один член партии, говорю: «О члене партии нужно пока обождать». Через 10 дней ко мне приходит ЦИГЕЛЬМАН: «Что делать, допросите вы его». Что получается? Этот член партии был председателем артели не то фотографов, потому, что речь шла о фотографе. Я его допрашиваю, он говорит, он [один из арестованных] просился поступить ко мне в артель. Я его не принял и 2 недели тому назад решением партийной организации заставили принять. Послали его в колхоз, больше я его не видел. Неужели за эти две недели мог меня завербовать? Прошу [его] освободить. И не освободили. Могу привести еще целый ряд фактов, они имеются, эти факты неединичные.

Я лично так понимаю, если даже на 100 человек арестованных 2 человека честных, один человек честный — это тоже есть преступное, непартийное, антипартийное [деяние]. А для того, чтобы оправдать свои слова, прошу проверить работу 4 Отдела. [...]

Был один обвиняемый, в отношении которого вызвали 10 человек свидетелей и все давали положительную характеристику. Приходят к ЛЕСНОВУ, он говорит докладывать ПРИВИНУ. Ему нужно найти показания, тут речь идет о сионисте. Я сейчас не помню окраски, но помню одно. Вызвали свидетелем секретаря первичной парторганизации Житомирской. Он не хотел давать показания. Говорит, мы вас арестуем, допрашивал, угрожал ЛЕСНОВ и он дал показания. И какая парторганизация — точно не помню. Дело, помню, шло об одном меньшевике.

[С места.] Пусть даст справку.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Завтра дам, я за свои слова отвечаю, отвечаю головой, пересмотрите дела в 4 Отделе — и будет вопрос совершенно ясен. Я не говорю о массовом порядке, но единичные случаи найдутся, не один, не два.

[С места.] А у вас, как у замначальника 4 Отдела, голова то есть?

[С места.] Совершенно правильно. [...]

[РЕЗНИЧЕНКО.] За дела в 1 Отделении вчера говорили, я прошу проверить дела 1 Отделения, сопоставить с делами 2 Отделения и сделать вывод. Может быть, придется кое-кому поучиться и другим.

[С места.] Значит, там все благополучно?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я подтверждаю следующий факт, что в 1 Отделении [я] работник новый, у меня освобождено 20 человек. Это один факт. Есть еще прорехи, недостатки. Но если сопоставить с недостатками других Отделений, в частности со 2-м, то разница большая. Некоторые арестованные прошли мои, которых я допрашивал, через Военную коллегия и этот факт подтверждается. За меня следствие никто не вел, я разбирался с каждым человеком в отдельности, и как результат — 20 человек освобождены. Если это не является фактом, если еще недостаточно — то моя вина.

По сути вредительства, которое было у нас в управлении, оно было в результате отсутствия критики, в результате замкнутости, в результате боязни, что не могли ставить вопросов, потому что каждый боялся за себя, а сейчас мне пришивают большое партийное обвинение.

[С места.] Что за терминология — «пришивают»?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Правильно обвиняют, конечно, неправильно. В отношении выражений меня товарищи подправят. Я в органах не работал до апреля месяца, когда я пришел сюда, меня назначили начальником Отделения. Что это значит? Меня не познакомили, как полагается, так, как других, которых утверждали, которые не работают. Я работал начальником Отделения, я работал плохо, правильно, плохо. Но чтобы хуже других — сомневаюсь. Потому, что это дело можно судить по делам. Выдвигают на заместителя начальника, никогда не претендовал и никакого разговора не было. Один раз, помню, вызывает ВЯТКИН в кабинет меня, ФЕРЕНСА, вызвал НАЗАРКО и других. Вначале объявил КЛИМОВУ, НАЗАРКО и мне. Я никакой связи с ВЯТКИНЫМ не имел, в кабинете его никогда не был.

[С места.] Не вылезал.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Вот т. СЕМЕНОВ всегда сидел возле кабинета.

[С места.] Вы помните, когда я приходил докладывать о плохом состоянии [охраны] границы, вы прибыли с делами паршивыми?

[РЕЗНИЧЕНКО.] По делам ходил очень часто, иногда на день 5 и 10 раз. Будет вызывать начальник по 5–10 раз — буду являться. На квартире никогда не был, не пьянствовал, за исключением проводов ЛУКЬЯНОВА, и больше никогда нигде не был. В клубе был на 1 мая, я сидел у дверей, подошел и сел к столу.

[С места.] О тостах расскажите, которые были произнесены на проводах.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Был на проводах у ЛУКЬЯНОВА, выступал, не помню, как я выступил. ФЕДОРОВ выступал и я. О чем я говорил — я могу передать. Когда я был в Киеве и Харькове, как я понимал, что начальник ЧК — это недоступная личность. [...]

[С места.] А тосты лично за ВЯТКИНА произносил?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я никакого тоста не произносил. Я просто являлся соучастником.

[С места.] За здоровье ВЯТКИНА был произнесен тост.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Если товарищи знают лучше, я говорю то, что я знаю.

[С места.] Получается нехорошо, ты говорил, что ты считал своим счастьем быть принятым ВЯТКИНЫМ. Пью за здоровье ВЯТКИНА.

[С места.] У него такая манера, он то говорит одно, то отказывается.

[С места.] Пусть расскажет, когда с делами ездил в Москву, получил 3 тысячи или 5 тысяч рублей? Куда эти деньги ушли и какие расписки были представлены, и пусть расскажет о неправильных установках, о тостах.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я лично, когда был на банкете у ЛУКЬЯНОВА, выступил со стопкой, говорил, говорил речь, в ней окрашивал ВЯТКИНА. Я не знал, что он враг. Это есть результат притупления бдительности и подхалимства, может быть.

[С места.] Правильно.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Пусть будет подхалимство.

[С места.] Ты говорил, что ты возмущался постановкой работы, а здесь восхвалял ВЯТКИНА.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я и другие выступали. Помню, пришел ФЕДОРОВ, ЛУКЬЯНОВ, ЧЕРКЕЗ, АНФИЛОВ целовался с ВЯТКИНЫМ. С ЛУКЬЯНОВЫМ была выпивка и была крупная выпивка.

[С места.] А за чьи деньги?

[РЕЗНИЧЕНКО.] С нас не собирали по рублю с носа, а за деньги Областного управления. Этот вопрос связан с ВЯТКИНЫМ, а сейчас подхожу к вопросу о решении партийной организации.

[С места.] Ответьте в отношении 5 тысяч рублей, когда ездили в Москву.

[РЕЗНИЧЕНКО.] В апреле месяце, когда я приехал в органы, моя семья находилась в Киеве. У меня были расходы, нужно было ходить в столовую, семья жила в Киеве, и я очутился без денег. Я просил ЛУКЬЯНОВА дать аванс. ЛУКЬЯНОВ говорит, что на аванс не имею права. Ни о каких средствах секретных не знал. Приходит ЛУКЬЯНОВ, спрашивает: «Заняли денег?». Я говорю: «Займу». Он говорит: «Возьмите 100 руб[лей] у секретаря Отдела». Я зашел к секретарю Отдела, написал расписку и получил 100 рублей. Не знаю, из каких средств были отпущены деньги. Затем говорят: «За вами числится 100 рублей». Я спрашиваю у ЛУКЬЯНОВА: «Как отдать?». Он говорит: «Не надо». Я говорю ЛЕСНОВУ: «Как эти деньги оформить?». Он сказал, что ЛУКЬЯНОВ разрешил. Если сейчас ЛЕСНОВ отказывается — я не знаю. Было сказано — было сделано.

[С места.] Так вам было предложено внести.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Второй случай. У меня на квартире был поставлен телефон.

[С места.] Вы говорите по заданному вопросу.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я иду в Финотдел говорить относительно телефона. Зашел к ЛЕСНОВУ, он пишет: «Оплатить за телефон из § 9». Это было не оплачено. Этот рапорт с резолюцией лежит в Финотделе. Говорят, нельзя делать, и я этого не делал. Я ездил в Москву, должен был пропускать дела через Особсовещание, и я понятия не имел. ЛЕСНОВ говорил: «Пройдут все». Вызывает в кабинет и говорит: «Езжайте в Москву и добейтесь того, чтобы ни одного дела не привезли обратно, если прокурор отложит обратно — переписывайте». Я беру 2 тысячи рублей, а ВЯТКИН говорит: «Берите еще 2 тысячи рублей, может быть, вам нужно будет, если даже понадобится, с прокурором пойти в кино, театр».

[С места.] Вы вообще говорите «подкупить».

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я этих денег не расходовал, все деньги возвращены обратно и сданы в кассу. Всего истрчено 55 руб[лей] на телеграммы, остальные сданы в кассу.

[С места.] Значит, прокурора не подкупили?

[С места.] Явная контрреволюционная установка.

[РЕЗНИЧЕНКО.] После меня ездил МЕДНИКОВ, также на эти же дела [деньги] получал и на сегодняшний день не отчитался.

[...] Разбирая вопрос партийной критики, настоящей партийной критики, партийная организация вскрыла целый ряд моих недостатков и моих политических ошибок. В чем они заключаются? Главное, основное — антисемитизм. Задавая вопросы, товарищи, которые были на следствии, знают, что агентурой вообще не занимались, ни вербовкой также. Ничего решительно не было, пока были на следствии, и я агентурной работы не знал. Да, еще когда было следствие, ЛЕСНОВ создал группу: ГРИЩУК, НАРЫШКОВ и руководил ЮДЕЛЕВИЧ. Мы распределили заводы, отвечает каждый человек за завод. Теперь понятно, что нельзя было вербовать, нужно было честных стахановцев, больше никого. Вызывали честных, из 20 одного находили, которые не имели связи. Ясно, что накуролесили. Когда закончилось следствие, [...] но агентурной работы не понимаю. Прошу со мной провести инструктаж или лекции. Где нужно, он [ВЯТКИН] говорит, я сам проведу или начальников Отделов попрошу. Продолжая разговор, вытягивает со стола статистику и говорит, что у нас репрессированного элемента по области вот такое-то количество. Из них немцев столько-то, поляков столько-то, троцкистов столько-то, сионистов столько-то, бундовцев столько-то. Вы были начальником Отделения и мало вскрывали и, говорит, исключительно осторожно подходите к вербовке евреев потому, что вы можете завербовать двойника. Для меня это был темный лес.

[С места.] Понятно, [что] был темный лес.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я говорю, в чем я виноват и в чем не виноват.

[С места.] А на что деньги получали?

[С места.] Давай по-партийному, взятками занимался, говори, в этом виноват, в другом виноват.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я еще раз говорю и отвечаю, кого можно вербовать, если собрание найдет нужным, за это дело привлечь к ответственности. Почему НЫРКО не мог спрашивать, кого вербовать? Потому, что я так знал, как и ты. Я передаю слова ВЯТКИНА и о тех цифрах, которые он говорил, и сказал, что при вербовке евреев нужно подходить весьма осторожно, чтобы не завербовать двойника. После этого продолжается разговор, я вспомнил Калининдорфский район, где я работал. Я говорил о положительных чертах [евреев] и об отрицательных. В отрицательных чертах приводил отдельные моменты и привел в окраске нехорошей.

[С места.] Почему?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я приводил в окраске так, как было в действительности.

[С места.] Собрание требует ответить прямо.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я это говорил в окрасках нехороших. Я об этом ничего не думал. Я привел в таких окрасках потому, что какая окраска была и мне приведена.

[С места.] Вы скажите на партийном языке.

[С места.] Я считаю, что время прекратить ему говорить, а факты установит комиссия.

Вопрос: Исключались ли из партии и какие имели партийные выяснения?

Ответ: Я исключался из партии в 1935 году в организации ВУЦИКа, писал заявление на РОГАЧЕВУ, она была членом партийного комитета.

[С места.] Какая была формулировка при исключении?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Была формулировка «взяточничество и подсиживание РОГАЧЕВОЙ».

С места. Правильная.

[РЕЗНИЧЕНКО.] За это я был исключен из партии. Затем РОГАЧЕВА оказалась арестованной. Партийным комитетом решение ВУЦИКа отменено, как неправильное.

[С места.] На партийной группе вы говорили, что исключались за самоснабжение.

Ответ: По-моему, это одно и то же — и взяточничество, и самоснабжение. Самоснабжение — это и есть взяточничество.

[С места.] Вы должны слушать президиум, а вы ведете себя возмущенно.

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я лично так понимал и понимаю до сегодняшнего дня. Я так понимал, что решение первичной парторганизации отменить нельзя. Был у меня выговор за утерю партийного билета, по части исключения говорил ГОЛУБЕВУ, позже ПРИВИНУ в Москве. Но факт остается фактом, что я этого дела не скрывал.

Вопрос: Какой разговор был с ВЯТКИНЫМ в отношении ЛЕСНОВА?

Ответ: Вызывает ВЯТКИН и говорит: «Вы вошли в курс дел Отдела?». Говорю: «Нет». [ВЯТКИН сказал.] «Вам нужно быстрее входить в курс дела, т.к. есть телеграмма в отношении ЛЕСНОВА, ПРИВИНА и других, и вам придется сесть начальником Отдела». В отношении ЛЕСНОВА больше никакого разговора не было, за исключением одного раза. Один

раз спрашивает: «Как работает ЛЕСНОВ?». Говорю: «ЛЕСНОВ грамотно пишет протоколы».

[С места.] Ты его информировал и бывал у него.

[РЕЗНИЧЕНКО.] А он [ВЯТКИН] говорит: «Вот если бы я редактировал протоколы, то были бы те [которые нужно] протоколы».

Вопрос: Какую установку получали от врага в отношении вербовки людей, точно откровенно говорите?

Ответ: Говорил, при вербовке весьма осторожно подходите. При вербовке евреев можете завербовать двойника. Тогда мне было непонятно, а сейчас понятно.

Вопрос: Скажите, кто хотел арестовать шофера и кто посылал за билетами?

Ответ: Я однажды хотел пойти в театр и за билетами никого не посылал, у нас в 4 Отделе есть билет.

Вопрос: Расскажите об антисоветских установках в отношении молодежи.

Ответ: Я объясняю, было совещание не молодежи, а было совещание 1 Отделения по делу агентуры и осведомления. Я поднимал вопрос о расшифровке. Одного осведомителя расшифровали, получилось очень нехорошо. Когда я начал говорить, так сказал, что на улице нельзя здороваться, потому что можно расшифровать. Кроме того, сказал, что вы, НЫРКО, часто звоните на службу и этого сотрудника спрашивают: «Почему вам так часто звонят из НКВД?». Я сказал, что вы можете расшифровать, сказал, что нужно работать с агентурой. Так ставил вопрос, чтобы на улице не подавали виду, чтобы не здороваться.

[С места.] Вы спрашивали о молодежи?

[С места.] А что я могу сделать, когда человек идет на другой стороне и кричит: «Здравствуйте»?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я говорил, что нужно себя вести так, чтобы в Житомире меньше знали. Знаем, что за публика живет в Житомире. Я передаю точно слова, я говорил, что нужно вообще вести себя осторожно. В отношении знакомства говорил, что можно кое с кем связаться и придется отвечать.

[С места.] А в отношении девочек?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Я говорил, нужно быть осторожным [с ним], чтобы не попасться, а потом скажут, что ты гулял с нехорошими девочками.

[С места.] Вы говорили в том смысле, чтобы к врачу не попали?

[РЕЗНИЧЕНКО.] Нет, я в этом смысле не говорил.

Тов. РЯБОКОНЬ. Товарищи, я работаю в Облуправлении НКВД недавно, поэтому мне со многими фактами работы, которую проводил враг народа ВЯТКИН, не приходилось сталкиваться, но и за этот короткий промежуток времени кое-что знаю и об этом хочу рассказать партийному собранию.

[...] Какая это партийно-массовая работа, о которой говорил т. ГОЛУБЕВ? Никакой партийно-массовой работы не было. Коммунисты находились в таком состоянии, когда они не в состоянии были быть в курсе международных и внутренних событий, работая до 6–7 часов утра.

В 12 приходили на работу, по 3, по 4 суток не спали, допрашивая арестованных — не знаешь, какой вопрос поставить человеку. [...]

Я хочу рассказать, как делали, и вы знаете все, какой метод следствия был при враге и как враг относился к евреям. Вы помните, вход в тюрьму прокурорам был запрещен для того, чтобы все это не вскрылось, чтобы не дошло до ЦК ВКП(б) и Правительства. Не хотели, чтобы все это было вскрыто. Прокурор не хотел бороться с врагами, а вот этот враг хотел. Дается установка бывшему начальнику тюрьмы ШЕМПЕРУ, чтобы в тюрьме духа прокурора не было. Приходит прокурор, говорят: «Нельзя». «Да как нельзя, я прокурор, в конце концов». [Сотрудник] сказал, что есть установка от начальника Облуправления НКВД. Когда об этом стало известно врагу народа ВЯТКИНУ, он понимает, что его могут разоблачить. Я не был тогда, мне об этом коммунист сказал. На оперативном совещании ВЯТКИН сказал, что ШЕМПЕР предатель, враг, его нужно изгнать из наших органов, изгнали и посадили. Какое основание было — абсолютно никаких нет оснований. Что можно было сказать в отношении ШЕМПЕРА? Можно было выразить политическое недоверие. Это минимум. У его жены родственники за границей, но материалов о его контрреволюционной деятельности каких бы то ни было нет, нет ни одного показания, абсолютно ничего нет, и человека посадили в тюрьму для того, чтобы скрыть свои гнуснейшие преступления.

Затем еще один интересный человек, ГЛУЗМАН, что он нечестный, что нужно посадить его — я не сомневаюсь. Но посадить по таким статьям, как 54—1, 54—8 и 54—11, неправильно. Никаких оснований к этому нет, абсолютно никаких показаний, ничего. Спрашивается — на каком основании было написано постановление о начатии следствия, избрании меры пресечения, зачем эти статьи были нужны, подписывались эти постановления ЛУКЬЯНОВЫМ, РЕМОВЫМ? Затем вскрывается, что они хотели этими статьями закрыть свои гнуснейшие преступления. Эта ехидная сволочь ГЛУЗМАН с таким оперуполномоченным, [как я], он не хочет говорить, а он хочет говорить с большими людьми, он боится говорить об этих людях, он боится вне судебного разбирательства и т. д. Почему посадили ГЛУЗМАНА? Его нужно было посадить, но нужно было посадить не по этим статьям. По тюрьме ГЛУЗМАН рассказывает такие вещи, когда в тюрьме люди убивались и когда об этом звонили ЛУКЬЯНОВУ, он немедленно приезжал и давал установку, чтобы врач засвидетельствовал справку, что человек умер от разрыва сердца.

[С места.] Убивались или убивали?

[РЯБОКОНЬ.] На это ему ГЛУЗМАН заявлял: «Я говорил с врачом МАРДУШЕНКО и он категорически отказывается. Он говорил, вы меня не толкайте на преступление. Сегодня вы начальник тюрьмы, а завтра не знаю, чем будете. Я больше категорически делать этого не буду». ЛУКЬЯНОВ на это ГЛУЗМАНУ ответил, что «он враг». А когда посадили ГЛУЗМАНА, то ЛУКЬЯНОВ требовал от ГЛУЗМАНА показаний, чтобы ШЕМПЕР и врач МАРДУШЕНКО в организацию вошли. Это не метод Гестапо? Рассказывает ГЛУЗМАН такие вещи, что его вызывают и дают ему тезисы, кто должен быть участником организации, и если непонятно,

так есть в камере арестованный ЛУЧЕЗАРСКИЙ, он все расскажет, какие показания надо давать по всем организациям. Он лично по всем окраскам проходит. Такими способами проводят эту работу. Он расскazuje такие вещи [...] начальник управления делил деньги у себя в кабинете. Составляется ведомость на предмет того, что люди идут в лагеря. На ведомости расписываются, что деньги получили, но чтобы не было сомнения, что деньги могут присваиваться, на руках оставляется квитанция. Сначала выдавали деньги на руки, затем приезжает ГЛУЗМАН, говорит: «Сдали столько-то тысяч».

Был [тогда] начальник управления ЯКУШЕВ.

[С места.] Вы скажите, за что ГЛУЗМАН дал ЯКУШЕВУ 12 тысяч рублей?

[РЯБОКОНЬ.] Я говорю, что это делалось при ЯКУШЕВЕ, но это делалось и при ВЯТКИНЕ, почему я делаю такие выводы, может быть, неправильно, но в собственноручных показаниях, данных ГЛУЗМАНОМ 16 июня, называются лица т. НОВОСЕЛЬЦЕВ, другой начальник какого-то Отдела, бывший начальник Отдела ЛЕБЕДЕВ и другие. Об этом показании знал ВЯТКИН, КОРОТЧЕНКО, ГОЛУБЕВ, потому что они были на партийном собрании, когда исключали ГЛУЗМАНА. [...] ГЛУЗМАН заявлял: «Я подпишу, что я соучастник разбазаривания социалистических денег, для меня эти статьи подходят. Для меня, — говорит, — вполне ясно было, для чего делают из меня шпиона». [...]

Относительно одежды людей, приговоры на которых приводились в исполнение. Она также направлялась в тюрьму за наличный расчет, деньги шли помимо Банка и заносились в кабинет ЯКУШЕВУ. Я узнал об этом недавно, когда ГЛУЗМАН почувствовал обстановку. «Если меня пустят на Тройку, я, — говорит, — должен буду об этом рассказать». Но у меня мнение, зная еще 16 июля об этом безобразии, абсолютно никто этим делом не интересовался. [...] Для меня эти моменты непонятны.

[С места.] Наоборот, по-моему, они всем очень ясны.

[РЯБОКОНЬ.] Да, ясны потому, что люди хотели замести следы своего преступления.

Здесь выступал т. ВАХРАНЕВ, вот, говорит, мелочи, нет мануфактуры и т. д. Это, товарищи, не мелочи. Для того чтобы купить метр мануфактуры, нужны средства. Если живут не по своим средствам, значит, делают какие-то преступления. Если по спецзаказам проходят счета на 500—600 рублей, откуда берут деньги? Это очень интересный вопрос. Через спецторг нужно выявить, сколько расходовали денег. Это поможет разобраться, откуда брались средства для того, чтобы снабжать себя соответствующими удобствами, оборудованием и т. п. [...]

Тов. ФЕДОРОВ. Я хочу сказать по существу доклада т. ГОЛУБЕВА. Тезисы, с которыми он выступал перед партийным собранием, Партийным комитетом не утверждались, и для меня было ново, что он выступил и заявил, что в нашей партийной организации за этот промежуток времени создалась антипартийная группа. [...]

[С места.] Почему же вы сразу не возразили, почему не интересовались, почему справки не дали, когда он сказал, что тезисы утверждены партийным комитетом?

[ФЕДОРОВ.] Здесь выступил кто-то, и я сказал, что тезисы не утверждались, и сказал, что отчет не утверждался.

[...] Я, по крайней мере, не знал об убийствах. Ничего странного нет, по линии 3 Отдела таких случаев не было.

[С места.] Где это сказано? Будьте честным, вы не знали дела о ПОДШЕФСКОМ?

[ФЕДОРОВ.] Не знал, пока не приехал ЗУБ. ВЯТКИН вызвал всех. [...]

[С места.] Я считаю, что надо быть честным коммунистом, вы коммунист, вы и чекист. Для чего в данном случае развозить. Выступая, давайте быть честным, и кое-какая работенка осталась в особом случае не развернута, а то партийная организация будет сидеть и слушать, если человек не хочет сказать искренне, сколько не гоните, все равно вас будут судить, что маскируется враг, если не хочет разоблачиться перед партийной организацией, и то наводящими вопросами заставляем, чтобы он признался.

[ФЕДОРОВ.] Я говорю совершенно искренне перед партийным собранием, что такие случаи я узнал после ареста ВЯТКИНА.

[...] В отношении увольнения евреев — это чувствовалось, что увольнение евреев идет. У меня, товарищи, был один из товарищей НАРОДИЦКИЙ. Я его предполагал выдвинуть начальником Отделения. Затем смотрю — человека уволили. Я спрашиваю КОРОТЧЕНКО, мне КОРОТЧЕНКО на ходу показал такой список — значит, понятно.

[С места.] Вы же начальник Отдела.

[ФЕДОРОВ.] Он мне не показал. Я его спросил — он показал список, кто увольняется. [...]

В отношении меня самого. Я прибыл на Украину из Оренбурга. Некоторые товарищи хотели или, вернее, пытались одно время выставить такое предположение, что я приехал с УСПЕНСКИМ. С УСПЕНСКИМ всего работал в Оренбурге месяцев 7. И то — 4 месяца в районе, куда посланы были многие низовые работники. Тут многие товарищи говорили, что ФЕДОРОВ приятель УСПЕНСКОГО.

[С места.] А в какой должности вы работали?

[ФЕДОРОВ.] Я работал начальником Отделения.

[С места.] И особоуполномоченным.

[ФЕДОРОВ.] В Оренбурге работал начальником Отделения, а затем в оперативно-следственной группе, затем помощник начальника Отдела, пошел не по выдвижению УСПЕНСКОГО, а в связи с тем, что подавал рапорт. Из Оренбурга когда я выезжал, был приказ на 56 человек, и я попал в это число. Я был назначен в Киевское управление начальником Отделения, работал до середины марта. В середине марта меня перевели в Наркомат. Вызвал меня начальник Отдела кадров и предложил: «Хотите работать в Наркомате?». Я говорю: «С удовольствием». Говорит: «Начальником Отделения особоуполномоченного». Я говорю: «Хорошо».

Работал я до апреля месяца. В апреле месяце был вызван не только я к начальнику Отдела кадров КОБЫЗЕВУ, он вызывал меня, ПОПОВА

и вообще приезжих людей из разных городов СССР и давал назначение — одному Полтаву, другому — Днепропетровск, Николаев, мне предложили Житомир. Я говорю: «Далеко?». «Нет, — говорит, — 120 километров». Мне КОБЫЛЕВ предложил выбирать любую должность начальником Отдела 5, 4 и 3 и еще какой-то был Отдел 2 или 6-й. Я сам работник 3 Отдела, работал по польской линии в Оренбурге.

Тов. ПСАРЕВ. Вы более конкретно говорите о вражеских действиях и ваших связях с врагом народа ВЯТКИНЫМ.

[ФЕДОРОВ.] Дело не в этом, нужно рассказать и об этом.

[С места.] Вы рассказываете, как ездили, где были и затушевываете УСПЕНСКОГО и ВЯТКИНА?

[ФЕДОРОВ.] Я видел УСПЕНСКОГО только здесь и на партийном собрании в Киеве, где УСПЕНСКИЙ вел собрание сам. Затем видел здесь, когда УСПЕНСКИЙ приезжал сюда и проводил оперативное совещание. Здесь в управлении видел, а с ним не был, к УСПЕНСКОМУ никогда не ходил.

В отношении связи с ВЯТКИНЫМ — другое дело. У ВЯТКИНА был 4 раза, когда было много людей, я был там и затем, когда рассказывал МАНЬКО, с ним был, с КОРОТЧЕНКО был. Разговоров на антипартийные, антисоветские темы не было.

[С места.] Все-таки что вас сближало с ВЯТКИНЫМ?

[ФЕДОРОВ.] По существу, ничего.

[С места.] Неправда.

[ФЕДОРОВ.] То, что он начальник управления, а я начальник Отдела. Он пригласил меня на 6 или 5 мая. Я пошел, сидел с КАЗАНЦЕВЫМ за столом, и разошлись. Затем был с МАНЬКО. МАНЬКО сказал как-то: «Кушать хочу». ВЯТКИН сказал: «Поедемте ко мне ужинать». Если бы вы меня пригласили, я бы тоже поехал.

[С места.] Скучно очень.

[ФЕДОРОВ.] Он особенно также не угощал. Я не буду рассказывать, но особенно много не было.

Вот случай в отношении НАЗАРКО, будто бы его обрабатывали для вербовки. Случай этот был очень простой. Над НАЗАРКО подшучивали, также и над ЛЕСНОВЫМ, что его [фото]карточка попала к арестованному.

[С места.] Что значит — подшучивать над начальником Отдела, членом партии?

[ФЕДОРОВ.] Как это было? НАЗАРКО говорит так, что ВЯТКИН ему сказал, что на тебя есть показания, а МАНЬКО будто бы сказал, я могу взять показания. Дело было так, МАНЬКО сидел со мной рядом. [...] Но дело не в этом, а дело в том, что сегодня этот факт расценивают, как обработку к вербовке. Я заявляю откровенно, что у меня с ВЯТКИНЫМ никаких антисоветских связей не было, я его вражеских установок не выполнял и никакими материалами вы мне этого не докажете. Что я выполнял? Я, как начальник Отдела, выполнял те установки, которые были вообще по всему управлению.

[С места.] Вражеские.

[ФЕДОРОВ.] У меня не было никогда в Отделе контрреволюционной установки. В отношении ведения следствия — следствие велось как в 3, так и в 4 Отделе. Но нужно сказать, что всюду метод следствия был извращен. Когда я приехал из Оренбургской области, я о таких методах не имел понятия, а здесь, когда еще был в Киевском управлении, так этот метод шел на полный ход. В Наркомате шел на полный ход еще до приезда УСПЕНСКОГО. Я спрашивал, почему так? В Москве говорят, так врага надо бить — установка такая.

Вопрос: Как вы, т. ФЕДОРОВ, и по чьему заданию в 3 Отделе печатались протоколы Тройки, в то время как раньше печатались ___?²⁸

Ответ: Печатались по предписанию, по заданию ВЯТКИНА. Давал задание ЗУБ, печатал ГРИЦЫК и ЗУБ шел и выполнял приговор.

Вопрос: Что вам известно об антисемитизме врага и какая причастность?

Ответ: Тут товарищ СЕМЕНОВ говорил о еврейской постановке. Это хотят квалифицировать как антисемитизм. Я помню, пришел часов в 9 в управление. Встречаю ВЯТКИНА с женой, он говорит: «Пойду посмотрю еврейскую постановку», он никогда не видел. Пришли, был и СЕМЕНОВ, заняли ложу, и вот ВЯТКИН вызывает к себе ПИНСКЕРА, задал вопрос: «Сколько время продлится эта постановка?». Он говорит: «Еще 15 дней». «Почему она уже месяц идет, для чего еще чтобы 15 дней продлевать?».

[С места.] Всего 3 дня, ничего подобного.

Вопрос: За что представлены к значку почетного чекиста и к награде орденом? Тем более в такой ситуации говорить можно все. [...]

[ФЕДОРОВ.] Сейчас мы выступаем с критикой того или иного члена партии. Все можно говорить. Я не знаю. Ни к какому ордену не представлялся, я не знаю, есть документы или нет. Дело было так, объявили, кто награжден и кто представлен, и ВЯТКИН сказал, что и я. Он соврал, что ФЕДОРОВ представлен к ордену, ничего подобного не было. Это просто его болтовня.

В отношении значка, что получил значок? Видите, дела были разные. За какое дело я получил значок — я не могу сказать. За какие именно дела — за троцкистские, шпионские? Я значок получил не сегодня — в июне месяце 1937 года. А мне его через год прислали сюда. Вот и все.

Тов. ФЕРЕНС. [...] Когда я написал [письмо] в «ПРАВДУ», в котором писал обо всех членах Парткома, о вражине ВЯТКИНЕ и ДИДЕНКО, конечно, я не писал о всех тех безобразиях, о которых здесь говорят, ибо я их не знал. Это письмо я дал прочитать т. ПРИВИНУ, на что он мне ответил: «Знаешь, я бы не советовал тебе посылать это письмо, а то попадет оно опять-таки к ВЯТКИНУ и его компании, и ты будешь иметь большую неприятность. На тебя просто могут создать дело». А дело у нас действительно могли создать быстро. В создании дела ВЯТКИНУ мог бы помочь и ДИДЕНКО, так как он был очень близок к ВЯТКИНУ. Я ему не доверял. Я не говорю, что наш Областной партийный комитет в целом находился под влиянием ВЯТКИНА, что наш Обком не годится,

²⁸ Так у тексті.

это неверно. Ибо Областной партийный комитет — это Пленум, который избран Областной партийной конференцией. А отдельные люди из Обкома партии и из городского партийного комитета, в частности бывший 1-й секретарь Обкома и Горкома ДИДЕНКО, не интересовались, чем живет партийная организация НКВД, не руководили ею. Считали, что ГОЛУБЕВ, член бюро, член Пленума Городского партийного комитета — большая шишка, ВЯТКИН — член бюро Обкома — не меньшая шишка. И руководители Обкома и Горкома решили, что эти «крупные лица» могут обеспечить руководство партийной организацией. Могли ли эти люди обеспечить руководство организацией? Мне кажется, что этот вопрос сейчас ясен и руководителям Обкома КП(б)У. [...]

Тов. ГРЕЧУХА. Вы когда писали в газету?

[ФЕРЕНС.] В октябре месяце, послал запрос несколько дней тому назад, почему мне «ПРАВДА» ничего не отвечает, никак не пойму.

Тов. ГРЕЧУХА. А почему т. ПРИВИН говорил, чтобы вы не посылали?

[ФЕРЕНС.] Потому, что группа, возглавляемая вражиной ВЯТКИНЫМ, узнав об этом, могли бы расправиться. Но я все-таки послал. [...]

Я помню, как на одном из банкетов, который состоялся по случаю отъезда т. ЛУКЬЯНОВА, ГОЛУБЕВ, набравшись, как «Мартын мыла», говорил мне и т. ПРИВИНУ, что он (ГОЛУБЕВ) является единственной кандидатурой на секретаря Житомирского Горпарткома. В это время ТАРАНЕНКО был снят с работы. И здесь же сказал: «Но разве майор меня отпустит? Да он никогда меня не отпустит от себя». Конечно, ВЯТКИН не мог его отпустить от себя, ибо ГОЛУБЕВ был для него очень нужным человеком. [...]

И вот после этого донесения агента ГОЛУБЕВА вражине ВЯТКИНУ ВЯТКИН после совещания, которое он проводил с товарищами, получившими для окончания следдела военных, объявляет: «ФЕРЕНС и ПРИВИН, останьтесь». Оставляет нас и начинается лекция, как, мол, так, вы люди, мобилизованные Центральным комитетом партии, и вот высказываете недовольство работой в органах НКВД? Мы сказали, что недовольства работой в органах НКВД мы не высказывали, а о некоторых беспорядках, существующих у нас, как и об отсутствии партийной работы, мы говорили. Тогда он говорит: «Да, хорошо, этот вопрос надо поставить на партийном комитете. Мы протрем ГОЛУБЕВА с песочком. Это мой выдвиженец, но раз он зазнается, так другое дело. Я его породил, я его и убью». Так он заявил.

[...] Было это в период празднования XXI годовщины Октябрьской революции. 8.XI.38 года вечером пришел ко мне т. ГАЛАЕВ. Минут через несколько на машине привозят бутылку коньяку, бутылку вина и разная закусочка. И вот этот РОМАНЧЕНКИН ассистент СОКОЛОВСКИЙ говорит, нужно было 80 человекам развезти, и вот я до праздника не успел, так привез после праздника. На мой вопрос: «Что это за подарок?», он ответил: «Это для работников Обкома и НКВД». Я говорю т. ГАЛАЕВУ, в 1935 году было крепкое решение Совнаркома по части таких подарков,

на которые растранижаются государственные средства²⁹. Я считаю, что это считается нарушением постановления СНК.

Придя 9 ноября на работу, я говорил по этому вопросу с НЫРКО, что для меня непонятно — почему здесь другие порядки? Ведь Совнарком категорически запретил такого рода подарки. На это он мне ответил: «А может быть, здесь есть специальные фонды?».

[С места.] А подарок взял?

[ФЕРЕНС.] Взял, конечно. На другой день я написал т. ЕЖОВУ и просил, чтобы мне ответили по этому вопросу.

[С места.] А подарок, значит, ликвидировал?

[ФЕРЕНС.] Я говорю о факте, который имел место. Мне кажется, это было связано с тем, что мы высказывали недовольство, и поэтому решили для успокоения послать подарочек. [...]

Тов. ПСАРЕВ, председатель собрания. Товарищи, поступило заявление следующего порядка, предлагают пустить картину.

[С места.] Какой кинофильм?

[Тов. ПСАРЕВ.] «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ». Я считаю, товарищи, мы главное внимание должны сосредоточить на собрании. Есть предложение поработать до 10 часов, затем посмотреть картину и после картины опять продолжать работу.

С места. Есть предложение продолжать работу, а потом смотреть картину.

Тов. НАДТОЧЕНКО. [...] Я теперь хочу сказать относительно вечера, который был во время празднования XXI годовщины Октябрьской социалистической революции, был организован вечер-концерт. Масса понимала так, что должен быть доклад. Но получилось так, что наши горе-руководители этого не делали, потому что они спешили на «тайную вечерю». Хотя ГОЛУБЕВ и говорит, что он не знал о том, что где-то собирается «тайная вечеря». А нужно было бы вечер провести совместно, чтобы коллектив был спаянный, чтобы люди чувствовали, что есть партийный комитет. [...] Фактически это был не вечер, это была пьянка, самая настоящая пьянка определенных лиц. Правда, кое-кто попали и те, которые были нежелательны. ГОЛУБЕВ говорит, не знаю, КОРОТЧЕНКО говорит, не знаю, почему доклад не был поставлен? Вот тут ГОЛУБЕВУ задавали вопрос — почему стояли койки. Он ответил: «Для пьяных». Зачем были койки — это вполне понятно. Для того, чтобы напоить некоторых женщин и кое-что с ними сделать. Это гниль самая настоящая, которую нужно выжигать. Это бытовое разложение, которое граничит со всем.

[С места.] А где бытовое разложение, там и политическое разложение.

[НАДТОЧЕНКО.] [...] Возьмите такие вещи, как денщикество. Мы осуждаем это дело, а у нас это дело есть. Ты начальник Отдела, начальник Отделения. Тебе почет и уважение, как к начальнику Отдела, начальнику Отделения. Но я, как подчиненный, должен чувствовать себя

²⁹ Ідеться про постанову РНК СРСР від 26.04.1935 р. № 768 «Про заборону грошових і натуральних видач з боку державних органів і господарських організацій частинам і установам РСЧА і НКВС у порядку шефства».

советским человеком, равноправным гражданином, и не нужно забывать того, что начальником тебя сделала партия, и если нужно, то у тебя отберется то, что тебе дано. Вот, например, у ЛЕСНОВА имеется шофер. Этот шофер систематически ездит на базар покупать курей. Жена ЛЕСНОВА дает деньги шоферу и говорит: «Купите мне 2 курицы, только пожирнее». Привозит он с базара петуха, пожалуйста, получите петуха за 30 рублей, и вот вам счет, заверенный Рынкомом.

[С места.] Явная ложь.

[НАДТОЧЕНКО.] После этого шофера ЛЕСНОВ из Отдела выгнал. [...]

Забота о людях. О сотрудниках должна быть соответствующая забота. А как здесь делалось? Я прихожу к начальнику ТПК ЛЕВИНСОНУ, он мне говорит: «Вы откуда?». Я отвечаю: «Из Особого Отдела». — «А какое вы имеете отношение к ТПК? Уходите, для вас у нас ничего нет». Я говорю ему, что мне нужно детское пальто. После такого ответа ЛЕВИНСОНА я пошел к РОМАНЧЕНКО, который также ничего не сказал. Я тогда решил, пойду к ГОЛУБЕВУ. Меня возмущает то, что люди шьют по 20 пар туфель, а тут детского пальто нельзя достать. Пришел к ГОЛУБЕВУ, рассказал ему. Он взял трубку и говорит РОМАНЧЕНКО: «Нужно что-нибудь придумать». РОМАНЧЕНКО обещал. Я же после этого ходил 4 раза подряд. Так ничего и не вышло. Вот сейчас было бы неплохо посмотреть в стол заказов и узнать: кто сколько сделал? Тогда можно определить, кто жил на свои средства и кто жил на средства государства, как не положено. [...]

Тов. ПРИВИН. [...] Нужно сказать о том, что меня, как члена партии, ориентировали, что я не имею права по какому бы то ни было вопросу обращаться в советские и партийные органы, а должен всегда согласовывать любой вопрос с руководящими работниками НКВД, т.е. разрешать ведомственным порядком.

Я как-то рассказал т. ЛЕСНОВУ о том, что жилуправление собирается забрать мою квартиру в Одессе и выселить оставшуюся в ней жить сестру моей жены. Он мне рекомендовал по этому вопросу не обращаться ни в советские, ни в партийные органы, а исключительно по ведомственной линии. Я хотел писать об этом в прокуратуру или партийные органы. Поскольку ЛЕСНОВ заявил мне, что работники органов НКВД должны обращаться только по ведомственной линии, я написал об этом в Одесское Облуправление НКВД. [...] Нам, молодым работникам НКВД, прививали чувство отчужденности от советских и партийных органов.

Что же говорить о более серьезных вопросах? Отсюда я сделал вывод, что ходить в партийные и советские органы нельзя. А если пойдешь, узнает ВЯТКИН, который крепко выругает, а то и примет серьезные организационные меры по отношению к тебе, за то, что обращался через его голову в советские или партийные органы. [...]

Учитывая созданные в областном управлении условия, ходить в высшие партийные и советские органы было сопряжено с большими опасностями. Не секрет ни для кого, что враг народа ВЯТКИН и его приспешники могли со всей легкостью создать дутое дело и решить судьбу того члена партии, который бы попытался обратиться в высшие партийные

органы по поводу тех безобразий, которые творились в нашем Областном управлении НКВД. Кроме того, надо сказать, что рядовые коммунисты, в частности я, о творящихся безобразиях не знали, а только замечали подхалимство, карьеризм, отсутствие партийно-массовой работы, выдвижение не по способности, а на почве заискивания, подхалимства к ныне разоблаченному врагу ВЯТКИНУ. А некоторые члены партии знали о безобразиях и преступлениях, а почему-то молчали — наша партийная организация притупила свою большевистскую бдительность, не видела, что перед самым носом орудовал ныне разоблаченный враг народа ВЯТКИН. В этом повинны мы все коммунисты, чекисты, работники Областного управления НКВД. [...]

О т. КОРОТЧЕНКО. Вы, т. КОРОТЧЕНКО, на предыдущем партийном собрании обманули коммунистов, вы заявили о том, что располагаете какой-то директивой об увольнении всех евреев и украинцев. Почему же вы этого документа не принесли Президиуму? Вы Президиуму почему-то дали какие-то списки об увольнении машинисток, счетоводов и т. п. лиц. Вы хотите прикрыть свои вражеские дела этими так называемыми документами, которые вы сами в свое время состряпали вместе с врагом народа ВЯТКИНЫМ. Вы хотите этими списками доказать, что инструктором ЗАГСа Любарского района, техническими работниками Секретариата управления, как СТРИШНЕВСКИЙ, и районных отделений занимался непосредственно Наркомат? Это дело исключительно ваших рук и вы сами вместе с врагом народа ВЯТКИНЫМ представляли данные в Наркомат об их увольнении только потому, что они евреи по национальности. В Президиум подали список 23-х сотрудников ОМЗа, представленный в Отдел кадров. Вашей рукой, т. КОРОТЧЕНКО, проставлено «уволить» против единственных трех евреев ГУТМАНА, ЭЙДЕЛЬМАНА и ШТЕРЕМУСА. Об этом говорил т. КУРОВСКИЙ и могут рассказать другие члены партии, работники ОМЗа. Таких случаев имеется десятки в нашем Областном управлении. Вы и на данном партийном собрании обманываете. Вот, например, приведу случай с ГЕРШЗОНОМ. Еще два месяца тому назад, когда выдвигали кандидатуру т. ГЕРШЗОНА во время выборов парторга, вы дали ему отвод, заявляя о том, что ГЕРШЗОН в НКВД работать не будет. А распоряжение об увольнении его из органов получили недавно. Разве этот факт, как и многие другие, не говорит со всей ясностью и определенностью о том, что увольнение из органов НКВД евреев является делом ваших рук и врага народа ВЯТКИНА? [...]

Отношение к новым чекистам, присланным ЦК КП(б)У, было самое отвратительное и нетерпимое. По несколько месяцев мы жили без семей и нам не предоставляли квартир. Для отвода глаз нам всем предлагали одну и ту же квартиру где-то внизу, у самой речки, в то время когда у каждого из нас имеются маленькие дети и поселение в отдаленных районах создало бы исключительные трудности для наших семей. Вот пример с т. ГАЛАЕВЫМ. Он сам рабочий, из рабочих, прислан в органы НКВД ЦК КП(б)У. Когда он приехал со своей семьей, с женой и двумя маленькими детьми и отцом-стариком, имеющим 45-летний рабочий стаж, то ему не предоставляли помещения в гостинице. Когда ГАЛАЕВ обратился

к РОМАНЧЕНКО о предоставлении возможности его семье переночевать в гостинице, то он, как самый заскорузлый чинуша, ответил, что ему нет дела до его семьи. Если бы семья т. ГАЛАЕВА не была принята к себе в квартиру товарищем, то пришлось бы ей остаться на улице.

Ему же, ГАЛАЕВУ, пришлось в единственный выходной день, который он имел в течение всего лета, вместе с женой заняться побелкой предоставленной ему квартиры. Не является ли это издевательским, более того, вражеским отношением к исполнению своих обязанностей со стороны РОМАНЧЕНКО? Обо всем этом знали ГОЛУБЕВ и НОВОСЕЛЬЦЕВ и никаких мер не принимали.

Нужно сказать, что рабочие кабинеты абсолютно не оборудованы. Ни в одном кабинете не найдешь графина с водой и стакана. Многие сотрудники ходят пить воду в те единственные кабинеты, в которых имеются графины. В кабинетах нет вешалок, нет шкафов для хранения документов, рабочих столиков. Приходилось по несколько человек сидеть за одним столом. Арестованные во время допроса сидели за одним рабочим столом со следователем, в то время как десятки тысяч рублей транжжирили и пропивали. Лишь только отдельные кабинеты начальников оборудованы. Начальникам создавали за счет государственных средств уют дома, а оперативному составу не создавали тех минимальных условий, которые необходимы для его производственной работы. Не является ли все это доказательством вражеской работы РОМАНЧЕНКО? [...]

Арестованный ГЛУЗМАН — преступник. Он дал показания о том, что ЯКУШЕВ и другие занимались мародерством и присваивали деньги арестованных. И в этом ГЛУЗМАН, как бывший начальник ОМЗа, принимал активное участие. ГЛУЗМАН, находясь под следствием, надо полагать, боится говорить о преступных делах, связанных с мародерством, за время работы врага ВЯТКИНА. Надо, чтобы ГЛУЗМАНА допросили абсолютно объективно, чтобы выяснить, какую же сумму денег и кто именно присваивал деньги арестованных? О присвоении денег арестованных говорил здесь, на собрании, т. РЯБОКОНЬ, допрашивавший арестованного ГЛУЗМАНА. Его заявление имеет исключительное значение в деле выяснения преступной деятельности врага ВЯТКИНА. [...]

Тов. ЛЕСНОВ. [...] С чего началась вражеская работа врага народа ВЯТКИНА? С того, что он начал сколачивать вокруг себя группу для того, чтобы мог опереться, в эту группу, по мнению моему, вошел ФЕДОРОВ, МАНЬКО, НОВОСЕЛЬЦЕВ, КОРОТЧЕНКО, РОМАНЧЕНКО и ГОЛУБЕВ. Эта группа была тесно связана. Связь началась с разных выпивок и покровительства друг друга, а там, где выпивка, там доходит до тех последствий, от которых сейчас приходится констатировать, которые имели место здесь.

Первое дело вражеской работы — это массовые необоснованные аресты, то, что сказывалось по всей линии работы управления УГБ. Как это было создано? ВЯТКИН организовал оперативно-следственные группы, которым дал полное право [...] брать показания, арестовывать. И в результате получилось, что кто хотел, тот и арестовывал, и кого хотел, того и арестовывал. Я считаю следующую вредительскую работу — это то, что

на протяжении всего времени не разбирались с арестованными. Я говорю, что в большинстве своем сидели враги, если были отдельные случаи неправильных арестов, а мы их могли избегать, но не избегали потому, что была такая система, и наша вина в том, что мы не разбирали. [...]

Мы не можем сказать, что у нас не было вредительской работы в Областном управлении. И вот теперь об этом говорит Центральный комитет партии и мы видели, что на конкретной работе сидел враг УСПЕНСКИЙ и в Наркомате СССР, и это искажалось здесь в еще большей форме. Десятки раз менялись указания, мы могли много врагов, товарищи, осудить, если бы сразу были указания в отношении следствия, а то здесь на месте, на Спецколлегии, на Трибунале, каждый раз меняли и каждый раз давались другие указания. [...]

Мы имели здесь аппарата 15 человек³⁰, в то время когда арестованных имели 800 человек. За 3–4 дня нужно было пропускать дела все на Особсовещание. Это вражеская работа и делалась неспроста, товарищи, что давали такое направление. Чтобы врага посадить, врага оформить — следствие по всем правилам вести не нужно. К этому сводилось, и вполне понятно, когда повезли дела на Особсовещание, считали, что мы везем врага. А раз везем врага — значит, все пройдет, вообще лишь бы [были дела на] врагов, а там все сойдет.

[...] Теперь относительно методов следствия. Конечно, большая вина и моя, и самое основное вражеское действие в этом деле то, что практиковалось. Нам предлагалось применять неправильные методы следствия, и мы это проводили, в том числе и я проводил. Я об этом сейчас скажу. Правда, почему так вышло, что я через пару месяцев уже работаю 13 лет в органах НКВД, почему я, коммунист с 10-летним стажем, до этого комсомолец, принимал участие в неправильном применении методов следствия, почему это так получилось? Как я понимал? Раньше было ликвидировано руководство — БАЛИЦКИЙ, враг, фашист, контрреволюционер. После него посадили врага народа, бывшего Наркома ЛЕПЛЕВСКОГО. Затем приехал УСПЕНСКИЙ, ВЯТКИН. Вместе с ним выехал т. ЕЖОВ. Говорят, вот, ликвидировали руководство, мы посланцы из ЦК. Мы непосредственно отобраны Николаем Ивановичем. УСПЕНСКИЙ — это такой заслуженный человек. Мы работали в центральном аппарате и т. д. Все нам преподносили в таком свете, что раньше сидели враги, не боролись, не вскрывали подполья. ЦК Партии учло и разрешило упрощенный метод. Раньше так преподносилось, верно? Верно. Была создана Тройка. Я лично понимал, я воспринял, что мы прозевали, мы должны громить врага, и нужно как можно больше захватывать врагов и нужно громить, как можно больше. Может быть, мы в данном случае отходим от тех или иных законов УПК и т. д.

Возьмите в гражданский период³¹, когда нужно было, был объявлен красный террор. Посмотришь в Киевской области, в любой другой области, всюду проводятся такие методы. Это основная ошибка, которая име-

³⁰ Імовірно, М. Леснов говорить про штат свого 4 відділу.

³¹ Ідеться про період громадянської війни в радянській Росії.

ла место и в других местах. Потому я легко пошел на эту удочку врагов. Но, товарищи, я хочу сказать, что не совсем уже так слепо я это выполнял. Те товарищи, которые со мной работают, не дадут мне соврать. Я лично предупреждал, была такая установка, если нужно сделать, нужно взять санкцию у ВЯТКИНА. Ходили ко мне, я говорил, идите к ВЯТКИНУ. Это было, но я со своей стороны, наоборот, предупреждал, если мы делали, то делали по отношению явно установленных, бесспорных врагов.

Относительно необоснованных арестов, были и с моей стороны сигналы. [...] Вот, например, на оперативном совещании поднял вопрос относительно неправильных арестов ХАЙТИНА, РАДИОНОВА вместе с АНФИЛОВЫМ. Подняли в отношении ГОРОХОВА, который под видом кулаков посадил бедняков. ВЯТКИН согласился, надо исправить, а практически в жизнь не проводили, а если проводили, то с большими трудностями. Можно проверить, мы освободили людей, но это было сопряжено с большими трудностями.

ВЯТКИН на совещаниях всегда двурушничал, он говорил, что нельзя сажать невинных людей. Какое к вам будет отношение, если вы неправильно будете арестовывать? А практически проводил другую линию.

Вот один пример. Был один арестованный в Городницком районе ФАЙНШТЕЙН. Говорили, что нет материала, нужно освободить. Я, говорит [ВЯТКИН], был в том районе, он был сионист, так что нужно проверить. Но раз говорит начальник — нужно еще раз проверить, — надо проверить. Он таким образом задерживал. Приходилось по несколько раз ходить, и получалась большая задержка. Поэтому я, товарищи, говорю о тех, которых нужно было освобождать, и когда заходили к ВЯТКИНУ, так он говорил, что не лишне еще проверить. Моя вина в том, что я вместе с другими применял неправильные методы следствия, и почему я применял — я объяснял. Хотя, повторяю, что я на совещании указывал, подчеркивал, что нужно разбираться. Если делать такие вещи, так нужно делать только в отношении явных врагов.

[...] Теперь, товарищи, относительно положения вещей. Меня удивляет, почему т. МАНЬКО и ФЕДОРОВ хотят скрасить положение в 3 Отделе, а положение было хуже, чем в 4 Отделе. Они там очень много преступлений сделали. Вот как-то раз заходит и говорит, взяли нашего арестованного в 3 Отдел и неправильно применяли методы следствия. Я об этом говорил и ФЕДОРОВУ, и МАНЬКО, и ВЯТКИНУ, который даже не спрашивал [об этом]. А были случаи, когда были массовые следствия по 15 человек. Тов. ЗУБ говорил, что МАНЬКО отрицает, что докладывалось на Тройке, и протоколы допросов не подписаны обвиняемыми. Я считаю, что в этом вопросе нужно разобраться. Об этом стараются скрыть.

Что представляет из себя ФЕДОРОВ? Мы все помним, что сказал ВЯТКИН, когда проводил его в партийный комитет, что этого человека знает УСПЕНСКИЙ, хороший работник, тебе хорошо с ним будет работать. Выбрали его в партийный комитет и рекомендовали его на начальника 3 Отдела.

Я не знаю, почему ГОЛУБЕВ в своем докладе не указал и не сказал о его работе в Киеве? А он там очень много дел наделал. Ставили вопрос

о том, что нужно исключить из партии. ФЕДОРОВ, по-моему, такой же антисемит, как и ВЯТКИН. Ехал ВЯТКИН вместе с ФЕДОРОВЫМ из детской коммуны и в машине вели такой разговор: «Почему в коммуне все воспитательницы — еврейки? Нужно посмотреть этих воспитательниц и снять с работы». Почему ФЕДОРОВ об этом не говорил и также в части вербовки т. НАЗАРКО? У них были систематические пьянки. Он говорит, что был 4 раза, а там где 4, там могло быть и больше. Я, товарищи, не ошибусь, если скажу, что он был больше. Вот я также начальник Отдела, почему меня ВЯТКИН не приглашал? Значит, какое-то деление было. НАЗАРКО не приглашали, СТУКАНОВСКИЙ — начальник Отдела. А вот у них была своя группа. Факт с НАЗАРКО — это прямой метод вербовки в присутствии МАНЬКО и ФЕДОРОВА. МАНЬКО ска- зал, что я бы на тебя взял показания НАЗАРКО.

[С места.] А тот мог.

[ЛЕСНОВ.] ФЕДОРОВ не здоровался с рядовыми членами пар- тии, он и мимо меня проходил. После ареста начал здороваться. Кроме того, был случай присвоения чужого имущества. Звонит, чтобы вещи МАРТЫНЮКА привезли к нему на квартиру. ФЕДОРОВ посылает свою машину, чтобы эти вещи привезли к нему на квартиру.

[С места ФЕДОРОВ.] У меня нет грузовой машины.

[ЛЕСНОВ.] Тебе услужил РОМАНЧЕНКО. [...]

По поручению т. ДАРАГАНА кое-кого допросил о злоупотреблениях как системе. Был устроен буфет, начали кормить ответственных работ- ников. Я первоначально не знал, что вы получаете какие-то бытовые. Считал, что будут высчитывать, и действительно пару месяцев высчиты- вали. А затем говорят, что на это отпущены средства. Оказывается, что ВЯТКИН из столовой для всей своей семьи получал питание. Как же это дело списать? Тут встают на помощь НОВОСЕЛЬЦЕВ И РОМАНЧЕНКО. Началось с НОВОСЕЛЬЦЕВА — приносит список на оформление. НОВОСЕЛЬЦЕВ говорит: «Перепиши счет. Укажи, что колбасы, сыру и т.д. столько-то». И вообще вас ВЯТКИН заставлял подделывать счета. Вы вызывали завстоловой, может быть, и он жулик, но вы его использо- вали. Я хочу сказать в отношении того, как мы на одном деле проверили. Приходит РОМАНЧЕНКО и говорит: «Вот видите, мы кормили аресто- ванных, кормили машинисток, которые работали в 3 Отделе, все время кормим прокуроров и других, нужно заверить, что это по операции». Я не верю, иду к ВЯТКИНУ, считал, что большевик он. Говорю, что вот та- кое-то положение, он говорит: «[Средства] отпущены по операции». Мы пишем, что мы кормим арестованных, кормили, правда, как следовало, и я заверил. Допустил ошибку, оказывается, эти деньги куда-то шли. Вот сейчас это дело установят, как он меня подвел на этом деле.

В отношении Обкомовского снабжения. Виню ДИДЕНКО, что он до- верил государственные деньги, отпущенные для усиления питания, дове- рил РОМАНЧЕНКО. Верно, была договоренность с ВЯТКИНЫМ, а он

имел должность начальника АХО и уполномоченного Облоргкомитета³², и был специальный снабженец, известный жулик, который получал 700 рублей, легковую машину с шофером. Обслуживал всего 10 человек. Здесь якобы обвели ДИДЕНКО. Они без ДИДЕНКО включили [в список спецобслуживания] ФЕДОРОВА, НОВОСЕЛЬЦЕВА, ГОЛУБЕВА и РОМАНЧЕНКО — сильно ответственных работников. Причем как обслуживали! Нужно было завезти два раз в день, что угодно — все представлялось, вплоть до птичьего молока. Арестовали ВЯТКИНА, а они этой привычки не прекратили. Привозилось очень солидно. Вот, например, последний раз привезли по 3 ящика. Расписок не брали, значит, все делалось на совесть. Он был бесконтрольный, мог возить на базар и в дом. Однажды он говорит: «Вы знаете, я [ДИДЕНКО] уличил РОМАНЧЕНКО в жульничестве. Он за эти деньги купил ВЯТКИНУ ковер, и по сей день деньги не заплатили. Истратили 52 тысячи».

Относительно праздничных подарков. Привозили все начальникам и заместителям начальников, и в том числе завозят 2 пайка двум буфетчицам по указаниям РОМАНЧЕНКО. Это делалось потому, что через этих людей тысяча махинаций проводилась.

В отношении Обкома партии, я считаю, что доля вины ложится на Городской партийный комитет и областной партийный комитет. Почему? Вот по части работы говорят сейчас о неправильных докладах на самой Тройке. А ДИДЕНКО был членом Тройки. Как же так легкомысленно подходили, почему доверяли работникам, не проверяли дела? Почему передоверили это дело ВЯТКИНУ? [...] Почему не подняли вопроса? Я считаю, что правильно тут отдельные товарищи говорят о том, что Областной комитет партии должен был с нашей партийной организацией считаться и интересоваться больше. Ведь органы ЧК — НКВД — это есть боевой кулак партии, и такую партийную организацию нужно держать под контролем. А они целиком передоверили ВЯТКИНУ. Он всегда сам бегал в Областной Парткомитет и в Горпартком. Я считаю, что Областной партийный комитет в соответствующей степени в этом деле виновен и соответствующий урок сделает. Партийную организацию НКВД нужно держать под контролем, помогать в работе.

Я хочу закончить относительно справок. Просто с большой головы на здоровую валят, что сделал из троцкиста пеовяка. Он пеовяк, он дает показания, что он троцкист и что его вербовал БЕГАЙЛО. А у нас БЕГАЙЛО проходит, как пеовяк, и мы начали допрашивать, и было правильно. В отношении корректировки протокола — иначе нельзя было. Эту систему ликвидировал правильно Центральный комитет партии своим постановлением от 17 ноября.

Относительно Яруньского дела, что посадили парторга. [...] Так, 2 сиониста дают показания. Приходят, говорят, что надо арестовать. Я говорю: «Раз такое расхождение, добьемся истины». И в результате допросов и очной ставки дали новые показания. Причем что якобы один оклеветал.

³² Ідеться про обласний організаційний комітет по створенню Житомирської області у вересні 1937 г. У лютому 1938 р. обласне оргбюро очолив М. Діденко.

А ВЯТКИН говорит: «Раз двое показывают — не может быть, что неверно». В отношении парторга есть дело, человека можно спросить. Был арестован троцкист СМОЛЬБУРД, кадровый троцкист, он вел мелкую контрреволюционную троцкистскую агитацию в присутствии одного кандидата партии. Мы вызываем этого кандидата партии, чтобы он рассказал. Он, видно, скрывал от партийной организации, он старался замять. Мы ему говорим: «Ты будь членом партии. Вот такой-то факт имел место, об этом говорили». И он потом подтверждает, что этот троцкист в его присутствии вел разговор об одном коммунисте, мы сообщили в парторганизацию.

[С места.] Нет, кажется.

Относительно Особсовещания, чтобы все дела пропускать. Я сказал, что постараюсь большинство дел врагов пропустить по Особсовещанию, но не честных людей. Была оперследгруппа, в Бердичеве вели следствие до самого последнего. А мы в Москве, проверяя ряд дел, видели, что есть сомнительные люди, мы откладывали.

[...] Относительно шофера, что я за курицей посылал. Никогда таких случаев не было. Что было, товарищи? [...] Я жил далеко, есть шофер, который работает у т. ГОВОРОВА. И вот два раза в неделю жена выходила на базар. Ну, иногда подвозили домой, потому что она была после операции — было кесарево сечение. Я живу далеко, дома ребенок. Я считаю, что это не является преступлением.

С места. Конечно нет.

[ЛЕСНОВ.] Так что на этот счет построить политики невозможно.

Я считаю, какие задачи перед нами стоят: первая и основная задача — это ликвидировать последствия вредительства. Приступили к этому делу? Приступили. Мы сейчас пересматриваем все следственные дела. Стоит вопрос о том, кто невинно сидит сейчас — освободить, кто виновен — нужно оформить [дело]. Сейчас создана следственная группа, [я] объехал кусты, провел специальные совещания, как это дело исправить, и сейчас это дело нужно развернуть. [...]

Вопрос: Известно ли вам о том, что на ваше место намечался КОРОТЧЕНКО?

[ЛЕСНОВ.] Об этом были слухи, о том, что ЛЕСНОВ откомандировывается и КОРОТЧЕНКО должен принимать дела.

Вопрос: В отношении характеристики ЮДЕЛЕВИЧУ и ЦИГЕЛЬМАНУ?

[ЛЕСНОВ.] Они слабо работали, следствие формально проводили, занимались разговорами. ЦИГЕЛЬМАН читал газеты, книги во время рабочего времени.

[С места.] Какие условия создавали, так они и работали?

[ЛЕСНОВ.] Относительно условий. Как я работаю со своим аппаратом — пусть скажет мой аппарат. Я лично считаю, что создаю [подчиненным] условия, я лично подавал рапорт ВЯТКИНУ, поднимал вопрос относительно квартир и т. д.

[С места.] Вот т. ФЕРЕНС приходил в отношении дров, помогли ему.

[ЛЕСНОВ.] Помог, я когда мог — помогал.

Вопрос: Каким образом получили керосин за счет гаража?

[ЛЕСНОВ.] Я обращался к нач[альнику] АХО, когда не было в городе керосину, у меня маленький ребенок, мне разрешили взять керосин за наличный расчет.

Вопрос: Расскажите, как вы давали машину работнице?

[ЛЕСНОВ.] Я такого случая не помню.

Тов. КУХТО. [...] Я интересовался, спрашивал, оказывается, что этот доклад был утвержден еще до ареста ВЯТКИНА. Согласовывался этот доклад с ВЯТКИНЫМ. Здесь только, возможно, добавлено самим ГОЛУБЕВЫМ о том, что раньше было лучше, а теперь хуже. У него еще и сейчас в голове сидит одна мысль, а вдруг он появится на трибуне, этот самый ВЯТКИН. [...] С т. ГОЛУБЕВЫМ мне приходилось несколько раз сталкиваться. Так он часто угрожал: «Гляди, ВЯТКИН определенно посадит. Что сказал майор, то и будет». Я почему это говорю? Потому, что он и на сегодняшний день у ГОЛУБЕВА из мозгов не вылетел.

[...] Вы плевали на партию, что сказал ВЯТКИН, то и делали. ВЯТКИН в разговоре говорил: «Я плевал на Областной комитет партии. Что я захочу, то я и сделаю». Он мне угрожал расстрелом. Вы плевали на партию. Это только могли делать в фашистской Германии. [...]

Вы, товарищи, слышали, как ГОЛУБЕВ говорил, что при ВЯТКИНЕ была дисциплина, а теперь развалилась? Я хочу сказать, что вот такая была дисциплина, это если можно так выразиться, это была самая настоящая полицейская дисциплина.

[С места.] Николая [императора] палача.

[КУХТО.] Если ВЯТКИН созывал совещание, всегда ругался похабными словами. А если что-либо — сейчас же угрожал расстрелом. Он как-то раз проводил совещание с начальниками райотделений и начал грубить: «Что вы понимаете? Вы ничерта не понимаете. Я вас в 24 часа всех посажаю вахтерами». Постоянные его грубые выражения вместо того, чтобы показать пример культурности. Он выражался самыми высокопарными, трехэтажными словами. А некоторые товарищи, как, например, МАНЬКО и другие, при его разговорах растут, прямо-таки растут, восхищаются: «Вот как наш майор дает установку, вот он какой». И если что он слышал нехорошего о майоре — так обязательно доносилось ему. [...]

Тов. НАЗАРКО. [...] Выступал один ГОЛУБЕВ, он выступил, а другие поддакивали. Если член партии выступает не так, то не соглашающиеся бросают реплику, возражают, записывают. А что делают члены Партийного комитета? Они не сказали, что не утверждались эти тезисы, что эти тезисы антипартийные, что выступление ГОЛУБЕВА — это отсебятина.

Тов. ПСАРЕВ. Здесь есть справка, что 30-го числа ставился этот вопрос и утверждение отчетного доклада. Тов. ФЕДОРОВ говорит, что он не знает о том, что тезисы утверждались, а на самом деле присутствовал. Значит, тезисы по сути дела утверждались и т. ФЕДОРОВ утверждал, но он почему-то заявил, что на этом заседании не был.

Продолжение выступления т. НАЗАРКО. Таким образом, из этих документов видно, что так мыслили и члены партийного комитета, что «было два периода, и что в этот первый период, т. е. до ареста ВЯТКИНА, было

все прекрасно, было единство, монолитность, и мы выполняли решения XIV партсъезда». Подчеркиваю, что «выполняли решение XIV съезда партии», а «после ареста у нас разброд, что 13-го числа не все своевременно явились на работу». Большой аргумент приводится, больше ничего нельзя было сказать? [...]

Вражеская оценка — то, что в тот период, когда был ВЯТКИН, все было тихо и прекрасно, а потом стало хуже, безусловно, вражеская оценка. Стало хуже для его приспешников, для тех, у кого получился «разброд». Кроме этого документа — протокол, единомыслие с мнением ГОЛУБЕВА подтверждается тем, что эти члены партийного комитета ничего не говорят, никто не возражал ГОЛУБЕВУ, что «ты врешь, мы не утверждали». Следовательно, утверждали тезисы, а может быть, тот, кто молчал, выжидал, как отнесется партийная организация — испугается она этого выступления ГОЛУБЕВА или нет. Может быть, так, но это также дело не партийное. [...]

Факт моего прихода на квартиру к ВЯТКИНУ. Этот факт осветил не так и ФЕДОРОВ, и МАНЬКО. Мы вели работу по овощам: все время кричали — картошку копайте. Мы каждый день писали спецдонесения по этому поводу. И вот он, уходя часов в 4–5, не так, как вы говорите, в 6, позвонил и говорит, или передал через СЕМЕНОВА, чтобы я позвонил на квартиру, когда будут готовы сведения. Я, значит, звоню, это было приблизительно часов в семь — полвосьмого. Звоню на квартиру. Говорит: «Привезите сведения на квартиру». Беру дежурную машину, еду. Говорят: «Заходите». Я захожу, сидит ФЕДОРОВ и МАНЬКО (*показывает, где кто сидел*). Наливают мне рюмочку: «Вы проголодались, перекусите». Я рюмочку опрокинул, закусочка была неплохая, хорошая.

[*С места.*] У начальника Областного управления плохой не бывает.

[*НАЗАРКО.*] Начинает спрашивать о ходе работы. Я говорю, что такое-то состояние, туго, не выполнено задание. Между ними велся разговор, касалось дело того, что туго кончаем дела, что медленно. Затем ВЯТКИН поворачивается ко мне и говорит: «А вы знаете, что на вас дает показания ЛОГВИНОВ?». Это бывший прокурор Бердичевского района и я работал в Бердичеве. Я смотрю на него, думаю, какое может дать показание ЛОГВИНОВ.

[*С места.*] ЛОГВИНОВ на сегодняшний день не дал никакого показания.

[*НАЗАРКО.*] Я говорю, может быть, он дал показания, что я работал в одном районе, приходил иногда и на квартиру, получал санкцию на арест и один-единственный раз был на квартире у него в домашней обстановке. Это было, когда он один раз пригласил меня с женой на вечеринку по поводу Х-летия их женитьбы. Я рассказываю, что было на этом вечере. Мы закусили, играл патефон, мы немного выпили, подпевали патефону, была моя жена и он с женой, и застоловой.

[*С места.*] ЛОГВИНОВ говорил, что ГРИЦЫК был.

[*НАЗАРКО.*] ГРИЦЫКА тогда не было. ВЯТКИН говорит: «Нет, ЛОГВИНОВ дает показания, что он завербовал вас в организацию».

МАНЬКО подхватил: «Да-да, ЛОГВИНОВ дает показания, что он завербовал тебя в организацию».

Тов. МАНЬКО. Извращаете.

[НАЗАРКО.] ФЕДОРОВ говорит: «Да-да». Ваши слова?

[ФЕДОРОВ.] Ничего подобного.

[НАЗАРКО.] Ваши слова. Я ответил: «Еще не родился тот, кто бы меня завербовал в контрреволюционную организацию». ВЯТКИН говорит: «Нет-нет, мы вам доверяем и мы знаем, что враг может оклеветать честного человека». Речь шла об очной ставке с этим арестованным, которую я требовал. Такой был разговор. Затем ВЯТКИН говорит: «Нет-нет, мы подшутили, ЛОГВИНОВ не сознается о причастности к организации. Он говорит, что был связан с работниками Горотдела, с работниками прокуратуры и другими». МАНЬКО добавил: «Если бы это было раньше, я взял бы на тебя показания».

Тов. МАНЬКО. Не так было.

[НАЗАРКО.] Абсолютно так. После этого разговора ВЯТКИН подписывает сообщение. МАНЬКО хотел вызвать дежурную машину и пошли домой. Вот тот разговор, который был там. Партийная организация сама оценил этот разговор, который был там. Партийная организация сама оценил этот разговор. Что это было — такое или стремление держать на поводку?

Тов. ФРАНЦ. А как ты оценил?

[НАЗАРКО.] Я сам оценил, это был попытка вербовать. И не один ВЯТКИН, а речь шла о «Мы». Это мое предположение, и предположение основательное.

[С места.] Голову в 1938 г. потеряли, что начали вербовать.

[НАЗАРКО.] Как знать. Может быть, ВЯТКИН на это дело пошел? Я об этом поделился с членами партии, не буду называть фамилий — сами товарищи знают. Я со многими делился. Мне было туманно, жутко, все смеются, хохочут — это было вначале. А потом, после ареста ВЯТКИНА, я поделился, не помню — до собрания? Да, кажется, до собрания, когда исключали ВЯТКИНА.

[С места.] После собрания.

[НАЗАРКО.] Значит, после собрания, я делился с рядом членов партии и тут же задумался, как быть с партийным комитетом? Там был член партийного комитета ФЕДОРОВ, но я все-таки думаю — партийный комитет существует. Я в частной беседе говорю т. КОРОТЧЕНКО и ГОЛУБЕВУ, рассказал об этой беседе. Они, правда, ничего особенного не сказали. Спросили: «Ты писал куда?». Я говорю: «Нет, не писал». «Ну, нужно будет сказать на партийном собрании» — так заявили т. КОРОТЧЕНКО и ГОЛУБЕВ. После я зашел к начальнику Облуправления т. ДАРАГАНУ. ФЕДОРОВ очень много, товарищи, не помнит. Вот так он выступил и здесь на партийном собрании, не помнит ФЕДОРОВ такого случая. Когда мы с ним шли по дороге домой, я говорю: «Помните такой случай, помните разговор на квартире ВЯТКИНА?». Он говорит: «Это была просто шутка». Я говорю: «При этом было антипартийное заявление со

стороны МАНЬКО, который заявил: «Если бы это было раньше — я бы взял на тебя показания».

[ФЕДОРОВ.] Такого разговора не было.

[НАЗАРКО.] Подходя к вашей квартире, вы подтвердили мои слова: «Да, со стороны МАНЬКО было антипартийное проявление». «Так на него нужно реагировать», — сказал я и ушел. Такой разговор был, нечего отрицать.

Если взять практическую работу и моменты в отношении ареста по списку и прочие вещи, о которых здесь говорили товарищи, это все дает полную картину того, что здесь орудовал враг народа ВЯТКИН с его припешниками, перечисленными выше.

[С места.] Злыми охотниками и рыболовами. [...]

Тов. КОНДРАЦКИЙ. [...] Многие товарищи говорили о том, чего раньше не говорили. Я, товарищи, хочу рассказать о том, что враги народа закрывали двери в ЦК Партии. Об этом рассказывали коммунисты К[иевского] О[собого] В[оенного] О[круга], об этом там говорили и на партсобрании. Враги не пропускали жалобы и письма, которые были адресованы т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. ВОРОШИЛОВУ и т. ЕЖОВУ — такие письма конфисковывались 2 Отделом НКВД УССР. Были также факты, что даже чекисты приезжали в Киев, хотели зайти в ЦК КП(б)У, где пытались рассказать о безобразиях. Однако первый Отдел НКВД УССР³³ так организовал работу, что работники комендатуры ЦК КП(б)У о таких случаях докладывали начальнику 1 Отдела, который создавал липы и провокацию, что этот сотрудник дебоширил в здании ЦК. Причем с оружием его брали и арестовывали и подтасовывали террористический замысел. Такого чекиста сажали в камеру, по учетам он не числился, а только под № .³⁴ Таких номерных камер у УСПЕНСКОГО была не одна — первая, четвертая, двенадцатая, четырнадцатая и т. д.

В отношении выступления ГОЛУБЕВА. Выступление, как здесь указывали уже не один, совершенно неправильное. Нужно было ГОЛУБЕВУ сказать, что группировка была во время властвования ВЯТКИНА. С одной стороны — «аристократы» и с другой стороны — «нижние чины» — пешки. Одним нужно было все, а другим — ничего.

Вот эти подарки — паек Обкомовский, который получался незаконно РОМАНЧЕНКАМИ и прочими, и другие пайки отдельным людям — создавали только нездоровые настроения среди сотрудников, которые здесь работали. Некоторые жены начальников, хвастаясь, заявляли: «Мне паек привезли богатый», а другие говорили: «А мне хотя бы селедки купить». Вот это, по-моему, группировки того времени: одним — все, а другим — ничего. [...]

Я хотел остановиться в отношении фашистских погромов, которые происходили в наших органах в отношении всех людей и чекистов в отдельности. Вот, например, есть такой работник НКВД УССР т. ШМУЛЕВИЧ, по

³³ Перший відділ НКВС УРСР займався охороною вищого політичного керівництва республіки.

³⁴ Так у тексті.

национальности еврей. Вызывает УСПЕНСКИЙ ШМУЛЕВИЧА и спрашивает: «Ты армянин»? ШМУЛЕВИЧ отвечает: «Нет, еврей». После этого УСПЕНСКИЙ вынимает наган и начал по голове бить ШМУЛЕВИЧА, и снова ему вопросы: «Ты армянин?». Таким образом, избив до полусмерти ШМУЛЕВИЧА, УСПЕНСКИЙ приказал посадить его в номерную камеру двенадцатую или другую. Об этом говорил КАПУСТИН и другие товарищи. После этого УСПЕНСКИЙ приказал дать ШМУЛЕВИЧУ так, чтобы последний дал сионистскую организацию. ШМУЛЕВИЧУ так давали и он, когда теперь был освобожден, выступал на партсобрании КОВО и спрашивал: «За что били?». Такие издевательства были и у нас. То же самое получилось и с НИРЕНШТЕЙНОМ. Ему пришили, что он в 1934 году выступал в защиту правых в Белой Церкви. Я, например, знаю, что НИРЕНШТЕЙН в это время работал в Житомире. Я в Житомир приехал в 1933 году, он еще до меня здесь был. Посадили этого товарища потому, что он еврей и УСПЕНСКИЙ приказал дать ему так, чтобы НИРЕНШТЕЙН дал сионистскую организацию в 500 человек. А он, может быть, вообще и 200 человек евреев не знает. Не успел УСПЕНСКИЙ осуществить это над НИРЕНШТЕЙНОМ. Товарищи не решились избивать его, и он вчера освобожден из-под стражи.

В отношении приезда ВЯТКИНА, все помнят его появление на собрании, как он заявил впервые, что до его приезда в Житомир ничего не было, парторганизации не существовало, все гады, все враги, один он честный. Приехал ВЯТКИН и заявил: «То, что было до него, все не годится, не так, и теперь он сделает так, как нужно». Насколько помню, было одно из совещаний, где присутствовали все работники УНКВД и Райотделов. На этом совещании выступал КРУГЛЯК.

[С места.] Арестован.

[КОНДРАЦКИЙ.] Который обвинял начальника Малинского РО НКВД т. МИХАЙЛЕНКО в том, что он берет под защиту врагов и сомневается в одном показании арестованного, который дал показание, что им перевербовано в контрреволюционную организацию все село. Прав был МИХАЙЛЕНКО, сомневаться в таких показаниях. Разве допустимо, чтобы в 1938 году один какой-то человек перевербовал все село? На совещании выступали многие и МИХАЙЛЕНКО сделали врагом. У нас не хватило партийной смелости. ВЯТКИН приказал МИХАЙЛЕНКО зайти на сцену, и его в присутствии всех обезоружили и посадили в подвал.

В отношении тех методов следствия и вещей, которые применялись к арестованным, были неодинокны. Если я не ошибусь, в УНКВД было случаев [убийств] с десятком, смертельных показаний не получили, и людей не стало, как ЗАГЕР, лекпом пограничник и другие. Об этом нужно говорить. Нужно признаться перед партией, на собрании, что извращения в следственной работе были, и большие. Я помню, когда этот фашист ВЯТКИН с его приездом начал прививать установку: «Что вы даете немецкий и польский шпионаж? Дайте что-нибудь новое. Вот, например, Житомир дал английский шпионаж». По-моему, он хотел, чтобы давали и абиссинский шпионаж, чтобы обманывать партию.

Я хочу сказать в отношении штатных свидетелей, привести случай в отношении Коростышевского района. Этот факт имел место. Там есть один свидетель по фамилии **ФАСТОВСКИЙ**. Он всех знает, даже если и человека вообще в глаза не видел, все равно может дать на него показания о контрреволюционной деятельности.

Я считал бы необходимым, чтобы Областной комитет партии провел бы совещание с представителями сельсоветов о том, чтобы давали справки, как следует. Вот, например, нужна справка на кого-либо о социально-имущественном положении. Спрашивают, кто такую справку просит? Говоришь — НКВД. Раз НКВД, то выдают только отрицательную и пишут, что он 1915 г. рождения, петлюровец, сотник, штурмовик. Такие факты имели место. Какой же он петлюровец, когда он 1915 года рождения?

Тут говорили и о таких фактах, что приезжал **ВЯТКИН** в район, вызывал на допрос свидетеля и убивал. Это не простой свидетель был, это был закордонный источник, якобы инженер.

Я еще хотел рассказать об одном факте. Звонят **ВЯТКИНУ** из района, что приехал третий секретарь Обкома партии или инструктор и нажимает на вывозку овощей, о чем дает установку — вывозить как можно скорей. **ВЯТКИН** отвечает по телефону: «Вывозите примерно свеклу и представителя Обкома не слушайте». Начальник РО НКВД говорит **ВЯТКИНУ**, что представитель Обкома настаивает на своем, о чем имеется решение ЦК Партии. После этого **ВЯТКИН** — пьяный — кричит в трубку: «Арестуйте и немедленно посадите этого представителя Обкома. Если вы это не сделаете, то я его сам посажу». Об этом на днях мне говорил **ГЛАДКЕВИЧ**.

В отношении Отдела кадров, у нас был такой Отдел кадров — **ВЯТКИН**. **КОРОТЧЕНКО** все равно, что Польша на цепи у Германии. Эта аналогия относится к **КОРОТЧЕНКО**. Я хочу говорить о тех товарищах-евреях, которые изгонялись из органов, и хочу рассказать о той замаскированности **КОРОТЧЕНКО**, что он скрыл от партии. Его же избирали в бюро Парткомитета, и об этом он ничего не сказал, а теперь получается, что он сам запачкан по уши, [у него в родне] кулаки, расстрелянные попы, монахи, сестры жены — монашки и т. п. Он это делал для того, чтобы показать, выслужиться, что он борется за чистоту органов НКВД.

[С места.] Альбомы составлял.

КОРОТЧЕНКО. Увольняли тех, кого нужно было уволить.

[**КОНДРАЦКИЙ**.] В отношении **МАХОНИНА**. Он и только того, что парень в доску свой — судился за хулиганство, сидел в тюрьме. И вдруг он начинает производить допросы и ведет следствие. Кто ему разрешил вести следствие? Его знают, как хулигана — он следователь.

В отношении меня. Однажды **КОРОТЧЕНКО** вызвал меня и говорит: «Знаешь, **КОНДРАЦКИЙ**, тебя начальство твое выдвигает. Мы тебя хотим продвинуть. Но за тобой кое-что есть, ты не указал за мать. Напиши рапорт». Я заявил **КОРОТЧЕНКО**: «Возьмите мое личное дело, в отношении матери я указал все». Смотрит в дело: «Да, указал, но все равно напиши, мать — полька». Я написал рапорт. В скором снова вызывает и говорит: «Как вы смотрите на то, чтобы перейти на работу в АХО?».

Я думал, что за те грехи и дела, что по гаражу. Но КОРОТЧЕНКО отвечает: «Нет, у тебя мать — полька». Я говорю, что «все время я в Житомире, есть архивные документы, что мать и отец православные. Тогда увольте совсем из органов». На это КОРОТЧЕНКО ответил: «Поедешь на Север, уже поехало много, и ты там будешь». После этого КОРОТЧЕНКО заявил мне, что на начальника АХО РОМАНЧЕНКО есть кое-какие недовольства. В скором [времени] будешь начальником АХО. Я ему ответил, что меня устраивает только оперативная работа.

После этого 1 декабря вызывает меня снова КОРОТЧЕНКО и говорит: «Есть приказ Наркома о переводе Вас на работу в О[тдел] М[ест] З[аключения]. Ну, не волнуйтесь. Вот стоит машина, я сейчас еду в Киев с ходатайством перевести вас на работу в АХО». Я ему ответил, что «я сам поеду в Киев и добьюсь того, что если за мной ничего нет — я должен работать на оперативной работе». Ездил я в Киев, разыскал документы в архивах и доказал, что мать православная, и меня вернули обратно в Особый Отдел. Это также считаю, что со мной также поступили неверно с инициативы КОРОТЧЕНКО.

В отношении Спецторга. Я не ошибусь, если скажу, что это спекулятивная лавочка. Об этом знает весь Житомир и гарнизон. Разные бабы с корзинами устраивают во дворе НКВД очереди. Тут можно сказать одно, что Спецторгом некоторые фамилии снабжались, остальные сотрудники ничего и нигде не могут взять. Я считаю, что в этом отношении нужно подумать, чтобы сделать так, как в Киеве, чтобы каждый чекист, каждый работник НКВД имел право пойти в эту кооперацию и взять себе метров, примерно, 20 мануфактуры или чего-либо другого, как это делается в НКВД УССР и ОО КОВО.

Я помню, один раз встречаю начальника АХО РОМАНЧЕНКО. «Зайди», — говорит. «Зайду», — думаю, хороший, чуткий парень. Зашел, говорит: «Видишь — много людей, зайди в следующий раз». Зашел, РОМАНЧЕНКО пишет записку ЛЕВИНСОНУ: «Необходимо сделать все возможное». Я с этой запиской к ЛЕВИНСОНУ и думаю, вот, пошью рубашку. Однако ЛЕВИНСОН ответил: «С этим возможным ничего нет возможного» и заявил мне: «Уходите отсюда, вам ничего здесь не положено». А кому же положено?

В отношении празднования XXI годовщины Октябрьской революции. Пришли люди в клуб НКВД, послушали концерт, даже доклада не сделали. Многие возмущались, а начальство в это время тайно собралось и уехало пьянствовать в санаторию на Корбутовку, где также было много безобразий. Здесь говорили, что на этой пьянке были устроены кровати, кровати поставлены были для того, чтобы напоить мужей, а жен их использовать. Это точно. Пусть расскажет т. БРАНДТ, как ГОЛУБЕВ подсел к его жене и говорил ей, что «твой муж старый».

(Смех.)

[КОНДРАЦКИЙ.] Да и соседи говорили, что АНФИЛОВА после возвращения из этой пьянки жена побила, якобы там что-то произошло.

В отношении 55 тысяч [рублей], которые были взяты обманным путем в Обкоме партии и растрачены определенной кучкой людей. Что

получилось после того, когда посадили ВЯТКИНА? Начальник АХО РОМАНЧЕНКО ходил к ДИДЕНКО, которому доложил, что денег нет. Начали прикидывать, выходит, расходовано полсуммы, а остальные где? А половина, как выясняется, что якобы РОМАНЧЕНКО вызвал к себе застоловой и приказал писать ему липовые счета.

В отношении недочетов Особого Отдела, была и тут проведена вражеская линия, потому что Наркомом НКВД УССР сидел враг народа УСПЕНСКИЙ. Он же был и начальником Особого Отдела КОВО, и получались директивы не такие, как нужно, а вражеские. К примеру, был приказ сообщить компрометирующие материалы на военнослужащих, и в скором времени получили шифровки арестовать немедленно таких-то целым списком. Если нужно будет для проверки, то эти шифровки сохранились. Мы не всех сажали по этим шифровкам, раз не было ничего, то и не арестовывали, разбирались.

Как у нас получалось? ВЯТКИН ежедневно вызывал на совещания и спрашивал: «Ну, как, есть раскол?». Отвечают ему: «Нет». То ВЯТКИН приказывал дать арестованному так, чтобы были показания. Мы арестовывали по формулярам и по показаниям. Ясно, что допускали извращения следствия, а сейчас, когда пошла полоса отказов от своих показаний, то тяжело разбираться. Особый Отдел, нужно сказать, также извращал методы следственной работы.

Вопрос: Пусть расскажет о мародерстве своем и других товарищей.

[КОНДРАЦКИЙ.] Если говорить о мародерстве, нужно начать с 1937 г. Ясно, что попасть в бригаду для выполнения специального задания НКВД СССР было большой честью для каждого товарища, который попадал на эту работу. Я попал на эту работу с самого начала, еще при ШАТОВЕ. Первое время месяцев 5 работа шла честно, каждый боялся доторкнуться до этого барахла. После формирования Областного управления НКВД, когда приехал ЯКУШЕВ, этот вопрос разрешился и это было узаконено. Нужно учесть и те моменты, что народ, [расстрельная] бригада работала в грязи, в какой — вы знаете. Выходя оттуда, выбрасывали и свое барахло-одежду. Поскольку она была грязная так, что ясно, почему так получилось. Почти все товарищи из бригады остались без белья, потому что его нужно было выбрасывать. Я считаю, что это нельзя было называть мародерством, поскольку это было узаконено начальством. Причем сами не брали, а нам выдавали. Коммунисты УНКВД все об этом знали, это видели все работники, весь коллектив, ничего в то время плохим не было, наоборот, поощрялось.

Вопрос: Скажите по совести, как было и кто еще в этом повинен?

[КОНДРАЦКИЙ.] Я не знаю, почему КОРОТЧЕНКО об этом не говорил, он также получал. В этом деле повинны ЯКУШЕВ, ЛЕБЕДЕВ, ГРИШИН, ЛЮЛЬКОВ, АНФИЛОВ, СТРУГАЧЕВ (перечисляет по списку человек 40). В этом грязном деле _____ виновен в этом деле и я³⁵.

19 декабря 1938 года

³⁵ Так у текстi.

Тов. НЫРКО. [...] Теперь в отношении некоторых фактов. Тут говорили в отношении КОНДРАЦКОГО, говорили о том, если коммунист хочет пробраться в ЦК КП(б)У, так стоило больших усилий. У меня было такое дело, я пошел в Областной комитет партии в отношении своего открепления. Встречаюсь с врагом народа ВЯТКИНЫМ. Я думаю, хоть бы он меня не заметил. Спрашивает: «Зачем вы идете?». Я говорю, что «есть вопрос, который хочу разрешить». Он говорит, что «я член бюро и могу вам помочь». Я хотел зайти в Обком партии, поделиться мнением с т. ШЕМЧУКОМ и другими товарищами, а тут начинаются допросы. Я говорю, что «я хочу узнать в отношении партийной учебы». А он говорит: «Разве вас не удовлетворяет? Собираем всю молодежь и поговорим». Говорит: «Стоит машина, садитесь, я вас подвезу до управления». Я говорю, что «мне нужно на минуточку зайти». Пошел, думаю, сейчас зайду. Гляжу, стоит, смотрит наверх. Я быстро зашел в комнату зав. особого сектора, чтобы он меня потерял из виду.

Относительно Обкома партии. 17 ноября было большое и крепкое собрание, но из Обкома партии никого не было. Разве не знал ДИДЕНКО? Видимо, боялся прибыть сюда. Факт тот, что 17-го числа из Обкома никого не было, оттягивали партийное собрание, мы разъехались 29-го [ноября]. 30 дней не было собрания. Вся парторганизация говорила, что с целью, чтобы оттянуть, чтобы народ охладел. Факт тот, что Обком партии не поинтересовался протоколом 17-го числа и получил этот протокол очень поздно 10/XII.1938 г. Может быть, кое-кто в Обкоме партии или ДИДЕНКО боялись, чтобы не сказали, что ВЯТКИН был в близких отношениях. Нужно сказать, что т. ДИДЕНКО заявил, что собрание будем проводить тогда, когда ВЯТКИН даст показания. Это неверно, потому что парторганизация могла крепко помочь вскрыть недостатки. [...]

Тов. СТЕПАНЧУК. [...] О практической работе. Какое было руководство с момента прихода? Я пришел впервые работать в органы НКВД. Первый день мне дали прочитать протокол, а на второй день сказали: «Садись и допрашивай людей». Я делал так, как мне подсказывала совесть. Получаю дело, говорят, что это преступник — «пеовяк». Хорошо, допрашиваю. Человек говорит, что он действительно враг, что он занимался контрреволюционной деятельностью, что он возле себя сколачивал актив. Пишешь протокол, сдаешь дело. Через некоторое время возвращают обратно с резолюцией: «Передопросить на украинца». Допрашиваю на украинскую контрреволюционную организацию. Через несколько дней протокол приходит обратно с резолюцией: «Передопросить на фашиста». Приходится допрашивать на участника фашистской организации. Этот человек дает показания, что он фашист. Отправляю протокол, и вдруг опять новое явление — возвращают дело: «Передопросить на РОВСовца». Это дело попадает вновь к товарищу ХРАПАЧУ. Арестованный говорит, что «я дал показания, что я пеовяк, националист, фашист. Но сколько могу давать показаний», — и больше не дал. Резолюция была заместителя начальника отдела т. МАНЬКО.

[С места.] Фамилия арестованного?

[СТЕПАНЧУК.] Не помню.

[С места.] Можно узнать.

[СТЕПАНЧУК.] Как т. ФЕДОРОВ и МАНЬКО ориентировали исправлять ошибки? [...] Вот приносишь дело на арестованного. В деле наше постановление и санкция прокурора, больше ничего нет. Арестованный не дает показаний, отрицает свою контрреволюционную деятельность. Приходишь к т. МАНЬКО, [я] работаю во 2 Отделении, [он] говорит: «Немцы — это фашистские кадры, и ни одного немца освобождать не будем». Я с этими делами назад, обратно начинаю работать, и в результате шел на преступление. Об этом я должен сказать потому, что я коммунист и совершал преступления. Могу по пальцам пересчитать — 2 и[ли больше]. К счастью, эти дела вернули. Это дело может быть исправлено. По ориентировке МАНЬКО выходит, если немец — враг, если поляк — значит, враг. Правильно? По-моему, неправильно.

[...] Было несколько написано рапортов, приходилось ходить к этому врагу [ВЯТКИНУ] — безрезультатно. Товарищ БРАНДТ сказал, что майор сказал, чтобы «вы кашей арестованных кормили, тогда они будут давать показания». Приходилось с человеком очень долго работать, и ничего не получается. Я говорил, или я неправильно работаю, или арестованных нужно проверить, нужно подобрать свидетельские показания. Не выходит с этим делом ничего. Передаю начальнику следственной группы ГАЛАЕВУ, а он отдает для допроса ХРАПАЧУ. Допрашивает он, ничего не получается. Я ложу справку, что такого отрицательного по объективным данным ничего нет, он колхозник, офицером никогда не был. А проходил как РОВСовец. Трудодней у него было 625. ГАЛАЕВ передал для допроса ХАРИТОНОВУ. ХАРИТОНОВ через 2 часа добился показания, ГАЛАЕВ и говорит: «Вы работали и ничего не получается, и у т. ХРАПАЧА не получилось, а у ХАРИТОНОВА получилось». Как получилось, он взял дело руководителя контрреволюционной организации, переписал протокол, поставив фамилию СОРОЧИНСКОГО и этот протокол дал подписать.

[...] Теперь дальше, с этими вещдоками. Поступали арестованные по 3, по 6 тысяч [рублей] вещдоков. Они лежат в столах, в ящиках и не сдавались по принадлежности.

[...] Тов. КАЗАНЦЕВ. [...] Возьмем т. КОНДРАЦКОГО. Есть за ним преступление — наказали. Но не могло быть, что увольнение обошлось без КОРОТЧЕНКО. Сказали, что послужило мотивом к увольнению — мать его, которая до 1904 г., т.е. до женитьбы, была католичка. А потом вдруг стала, мол, православной, выходит, бывшая поляка. Ах так, значит, КОНДРАЦКИЙ — поляк. Надо его уволить немедленно. А кто КОНДРАЦКИЙ? Рабочий из рабочих, как работник хороший. А ты даже и не спросил на него деловой характеристики. Записал уволить, пошел к фашисту ВЯТКИНУ, решили и уволили. Однако т. КОНДРАЦКИЙ восстановлен в УГБ и, я считаю, самый лучший в Особом отделе работник.

[...] Возьмем случай с т. КУРОВСКИМ. Когда поставлен был вопрос об исключении его из партии, выяснилось, что он в самых тяжелых материальных условиях находится. Временами не хватает на пропитание, дети босые не могут в школу пойти из-за этого. Партком помог ему? Нет.

[С места.] Абсолютно ничего.

[КАЗАНЦЕВ.] Но ведь пообещал помочь, но ничего не сделал. А если посмотреть, то еще найдутся такие. Нужно заняться вопросом быта каждого, а отсюда и изучать можно людей.

Возьмем такой факт. В Особом отделении было выписано постановление о продлении срока содержания под стражей двух военнослужащих. Вызываются на допрос — не найдут. Справляемся в 1 Спецотделе — где люди? Оказывается, их судьба решена, а дела у нас не закончены, а о них вопрос решал 3 Отдел УНКВД через Тройку. А ведь это люди военные, имели звание. Сознательно тут сделано, или ошибка? Я считаю, что тот, кто эти дела заканчивал, сознательно протасил, это было легче, нежели представить перед гласным судом.

Следующий факт — исчезает военнослужащий со званием. Воинская часть бьет тревогу: не является на работу. Мне в части говорят, якобы он арестован НКВД, навожу всюду справки, пишу в Киев НКВД УССР, кругом отвечают — такой-то арестованным не значит. Я начинаю подозревать — не липа ли? Быть может, скрылся, а слух распространила жена, что арестован? Через полтора месяца вдруг этот командир является и заявляет, что он сидел в Житомирской тюрьме. Ни разу не допрашивался, арестован был сотрудником НКВД. Я принял меры к выяснению, с трудом установил, что он был арестован 4 Отделом Облуправления по ошибке, как кулак-поляк, однофамилец. [...]

[С места.] Товарищи, очень много товарищей повторяется, я вношу предложение прекратить прения. Или если будут выступать товарищи, так пусть говорят и приводят исключительно новые факты. А то все выступающие повторяются. Идет 4-й день партийное собрание, чувство ответственности у каждого должно быть.

[С места.] Есть предложение дать высказаться 2 товарищам: НОВОСЕЛЬЦЕВУ и АНДРЕЕВУ, и затем перейти к выборам.

[С места.] Есть предложение зачитать фамилии выступивших. (Председатель читает.)

С места. Я считаю, что если только дать высказаться товарищам, будет неверно. Я, например, записался, 3 дня — и никак не могу дожждаться своего выступления. Можно дать высказаться всем, но только с ограничением времени, минут по 10.

Тов. ПСАРЕВ. Есть два предложения. Первое предложение, что прекратить прения и дать двум товарищам, и второе предложение — дать высказаться товарищам по 10 минут.

С места. Я вношу предложение, чтобы товарищей не ограничивать, если они будут приводить новые факты, пусть будет их хотя бы 6—7 человек.

Голосуют. Кто за то, чтобы дать высказаться 2 товарищам? Кто за то, чтобы дать по 10 минут — большинство.

Тов. ВОЛЬСКИЙ. [...] Кроме того, т. ДАРАГАНУ было известно о том, что ФЕДОРОВ еще на партийном собрании 17 ноября говорил о том, что он работал с УСПЕНСКИМ в Оренбурге, работал в Киеве особоуполномоченным в центральном аппарате при УСПЕНСКОМ, а затем был направлен в Житомир начальником 3 Отдела. Казалось бы, зная об этом,

нужно было бы быть действительно бдительным? А что же получается, бдительность на словах, а не на деле. Ведь все директивы, которые поступали из Наркомата по розыску фашиста УСПЕНСКОГО, т. ДАРАГАН направлял т. ФЕДОРОВУ для исполнения. А последний руководил розыском. Разве это по-партийному? Конечно нет. Где же бдительность, я спрашиваю? [...]

Хочу еще остановиться на так называемых награжденных. Тут не только ИГНАТЕНКО, но ТИМОШЕНКО, ЛЮЛЬКОВ, КОНДРАЦКИЙ и другие своим мародерством наживались. Ведь у каждого из них были большие тысячи на сберегательных книжках. Ведь Вы поймите, что какой-нибудь вахтер имел 6–7 тысяч на книжке, а сколько они имели денег? Ведь эти деньги государственные. Об этом мародерстве также подтвердил находившийся под стражей ГЛУЗМАН — бывший начальник тюрьмы — в моем присутствии, когда его допрашивал т. АНФИЛОВ.

Я хочу сказать о своем преступлении. Преступление, безусловно, большое, за которое я, как коммунист, должен ответить. Вот этот махровый фашист ВЯТКИН в моем, ГОСТИНЦЕВА и БЕРЕЖНОГО присутствии угробил человека. Если партийное собрание разрешит, я расскажу подробно.

В марте месяце я был в командировке совместно с ВЯТКИНЫМ и БЕРЕЖНЫМ в Олевском районе. Так ВЯТКИН во время допроса лично сам убил человека. Правда, в этому ему несколько помогли БЕРЕЖНОЙ и ГОСТИНЦЕВ.

В Овруче был второй случай, когда ВЯТКИН убил там человека.

Мне известно 3 факта убийства по Новоград-Волынскому району, в котором принимал участие РЕМОВ, ВЕЛИКИЙ и ТИМОНОВ. Знаю о 2-х фактах в Областном аппарате, когда бывший начальник милиции СКРЫПНИК был убит т. МАЛУКОЙ и, кажется, в этом деле принимал участие ГОЙХМАН. И второго убитого я застал в 47 комнате. И, как выясняется, этот арестованный числится за т. КАМРАЗОМ, ныне работающим в Киеве. Я думаю, что следствие разберется и найдет виновников. [...]

Я хочу рассказать очень характерный случай, когда я был в следственной группе в Новоград-Волынске. Ко мне попал арестованный из банка, фамилии его не помню, член партии, поляк. И когда я разобрался, я сделал вывод, что он попал случайно. После этого РЕМОВ забрал его к себе и вместе с другими его угробил.

О т. РЫБАЛЬЧЕНКО хочу остановиться. Все помнят, как он с этой трибуны выступил, как артист. И вот этот РЫБАЛЬЧЕНКО за несколько дней до ареста ВЯТКИНА избил арестованного до полусмерти. Этот факт обнаружил ярунский прокурор. Он сделал правильные выводы и сообщил об этом куда следует. Что же получается? Это же заявление прокурора направляет в Областное управление для расследования этого факта, а Областное управление направляет это заявление РЫБАЛЬЧЕНКО, чтобы он написал объяснение. Это тоже не по-партийному сделано. [...]

О ВАДИСЕ. Как ВАДИС попал начальником 3 Отдела Каменец-Подольского Облуправления НКВД? Ведь это же рекомендация врага

ВЯТКИНА, который его наградила значком «Почетного чекиста» за его большие дела в Бердичеве. Дело ЛУЧЕЗАРСКОГО и других, которые сейчас отказываются от своих показаний, протокол которого ВЯТКИН редактировал вместе с ВАДИСОМ около 4-х недель. В этом протоколе были прямо выдуманные вещи. Они ему записали, что он неояк, украинский националист, немецкий шпион и т. д. Протокол ЛУЧЕЗАРСКОГО был вначале на 15 листах, а потом сделали на 60 страниц.

Сам ВАДИС мне говорил, когда я был в центральном аппарате, что Нарком о нем самого лучшего мнения и лично УСПЕНСКИЙ его направил начальником 3 Отдела в Каменец-Подольск.

22 ноября с.г. на оперативном совещании я выступил по решению ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 17 ноября по вопросу об извращениях в работе наших органов. Я только хотел коснуться по вопросу о неправильных арестах, как мне не дали договорить. И на следующий день уже стоял вопрос на партийной группе о моем исключении из партии. На чем очень крепко настаивали тт. ГОЛУБЕВ и ДАРАГАН, которые квалифицировали мое выступление, как вражеское.

Был такой факт, когда я работал в следственной группе в Новоград-Волынске и арестованный КАРЕН сознался в том, что он является участником правотроцкистской организации. Враг ВЯТКИН, когда приехал в Новоград-Волынск, я ему доложил дело КАРЕНА. Он меня выругал самой площадной бранью и требовал, чтобы протокол переделать в том направлении, что КАРЕН является руководителем районной комендатуры «ПОВ» по Городницкому району, и возражать ему на это нельзя было. В свое время я писал 2 рапорта врагу УСПЕНСКОМУ (конечно, я тогда не знал, что он враг) об отдельных безобразиях и об издевательствах надо мной. Вот эти рапорта попали потом к ВЯТКИНУ. Как он надо мной издевался за эти рапорта. Я должен признаться, что я счастливый человек, что я не оказался в одной из тех камер, которые существовали в Наркомате Украины, которыми распоряжался лично враг УСПЕНСКИЙ. [...]

Вопрос: Пусть скажет, где девался один арестованный из 3 Отдела.

[ВОЛЬСКИЙ.] Куда девался — не скажу, но был случай, одного инженера сахарного завода допрашивал МАНЬКО, а впоследствии он выбросился в окно.

[С места.] Ты расскажи, где девался арестованный, который набросился на надзирателя.

[ВОЛЬСКИЙ.] Не знаю. Тут т. ЛЮЛЬКОВ спрашивает меня, куда девался инженер сахарного завода арестованный. Я заявляю партийному собранию, что инженер сахарного завода, фамилии его не помню, немец, арестованный т. МАНЬКО. Он его допрашивал и в результате этот инженер выбросился из окна 2 этажа. Тут сидит т. МАНЬКО, он это подтвердит. Теперь вы видите, что заявление т. ЛЮЛЬКОВА ни на чем не обосновано, а у него, видимо, было желание меня оклеветать за то, что я о нем сказал, как о мародере.

Как я относился к арестованным, когда я был вр[еменно] и[сполняющим] д[олжность] нач[альника] 3 Отдела, об этом могут сказать сидящие здесь коммунисты. Ведь был случай, когда т. ГОСТИНЦЕВ, сейчас

работает начальником Райотделения, приходил ко мне, чтобы я дал ему разрешение избивать арестованного, который подозревался в шпионаже. Я же показал т. ГОСТИНЦЕВУ, что в течение часа этот арестованный, правда, я с ним разговаривал на своем родном языке, сознался, что он румынский шпион.

Хочу еще сказать несколько слов о ЯКУШЕВЕ, ГЕРШКОВИЧЕ и ЛЕБЕДЕВЕ. В конце 1937 г. или в начале 1938 г. привели вечером старуху 73 лет КУРИЛО-БРОНШТЕЙН. Причем ей инкриминировали, что она является двоюродной сестрой ТРОЦКОГО, хотя таких материалов не было. Вот эту старуху дважды водили туда, где лежала куча³⁶ (вы сами знаете, о чем я говорю), и требовали, чтобы она дала золото. К ней на обыск ездили все и ЯКУШЕВ, ГЕРШКОВИЧ, ЛЕБЕДЕВ, ГРИШИН, которые там около этого золота, безусловно, нагрелись. Эта старуха была в эту же ночь расстреляна, хотя дело на нее не было оформлено и она не арестовывалась.

Помню хорошо, что арестованный ДОРН и КУРИЛО-БРОНШТЕЙН были арестованы только потому, что кому-то из начальства нужна была их квартира и те ценности, которые находились у них. У них немало добра забрала эта компания — ЯКУШЕВ, ГРИШИН, ГЕРШКОВИЧ, ЛЕБЕДЕВ — и присвоили.

Тов. САЕНКО, я считаю, что о следственных материалах нельзя говорить. То, что факты были, следствие разберет.

[С места.] Я считаю, что на нашем собрании присутствуют два секретаря Обкома партии. Тут указывают на неправильные методы следствия. Обком партии, секретарь Обкома партии доведет до сведения ЦК КП(б)У и Центральный комитет выправит. [...]

Тов. ВАСИЛЬЕВ. [...] Я также допускал ошибки в методах следствия. Я считаю, что об этом известно директивным инстанциям вплоть до ЦК партии, так что в этом отношении я, как коммунист и как чекист, несу долю ответственности.

Были, например, показания на 75 человек одного арестованного. Один обвиняемый дал показания на 75 человек, 60 лиц лично завербовал. Я не знаю, какой был дан ход показаниям, но нужно было перепроверить, т. к. верить сразу таким показаниям — это легкомысленно. После операции в 1 Отделении 3 Отдела осталось 125 арестованных. Это фактически количество немаленькое, но это результат большого отсева. Вы знаете, сколько арестованных прошло, сколько проведено дел по линии 3 Отдела? Так что нет ничего удивительного, если по некоторым делам не оказалось бы достаточно материала для привлечения обвиняемых к ответственности.

ФЕДОРОВ мне перед последней Тройкой говорит: «Все, опять на допрос в тюрьму, может быть, кто-либо из них даст показания». Такой легкомысленный, непартийный подход к разбору виновности арестованных мог повлечь за собой серьезные ошибки. [...]

Тов. МАРКИТАН. [...] Все установки, которые давались со стороны бывшего руководства УНКВД на периферию по борьбе

³⁶ Імовірно, «куча трупів».

с контрреволюционным подпольем, носили какой-то непонятный односторонний характер. Работая в Ярунском погранрайоне с 1936 года, было установлено, что польская разведка брала ставку на антисоветский элемент не только из среды немцев и поляков, но также брала ставку на остатки кулацко-петлюровского подполья, осевшего в погранрайоне. Ведь неслучайно врагами осуществлялась в период ликвидации кулачества такая политика в районе, что, мол, кулака нельзя в погранполосе трогать потому, что этим самым, мол, можно вызвать со стороны крестьян недовольство и волынки, направленные против мероприятий Партии и Советского Правительства. [...]

Как только в конце 1937 года бывший начальник РО НКВД т.АРТЕМЬЕВ выехал на работу в Новоград-Волынский, мне сказали из УНКВД, что временно я остаюсь в районе за него. Специфические условия района, нужно сказать, я знал хорошо, однако в оперработе я еще требовал большой помощи. Этой помощи со стороны УНКВД я не видел, причем на оперативных совещаниях в системе УНКВД я не был.

В начале 1938 года меня как раз и вызвали в УНКВД на оперсовещание. Совещание проводил бывший начальник УНКВД ЯКУШЕВ. Информирова о состоянии района, я в первую очередь хотел доложить ЯКУШЕВУ о наличии кулацко-петлюровских группировок по отдельным колхозам и какую они практическую подрывную работу проводят. Однако ЯКУШЕВ меня, как молодого работника, не выслушал, не дал никаких практических указаний в оперативной работе. За то, что я привез маленький список о наличии немцев и поляков в районе, выругал меня, взял мою работу под сомнение, сказал, что «вышлю комиссию, которая у Вас в районе поляков и немцев найдет больше, а тогда Вас под суд отдам».

Я сразу же хотел сначала попросить разрешения доложить ЯКУШЕВУ, что немцев и поляков в районе осталось мало, и то в большинстве своем старческого возраста потому, что до этого немцев и поляков переслали много на жительство в Казахстан. Как только я так сказал, дальше ЯКУШЕВА перед собой, как коммуниста, я не видел. Я только видел, как чернильницы по столу от ударов меняются местами. После такого совещания с приездом в район, боясь репрессии ЯКУШЕВА, конечно, я не мог заниматься оперативной работой. Я сразу же занялся переучетом немцев и поляков в районе. В последующее время я совсем другое сделал. Скажем, брал из архива резкие компрометирующие материалы на проходящих фигурантов из среды немцев и поляков, что были пересланы в Казахстан, составлял (письмо) легенду, вроде от его родственника. В письме указывал, что в погранполосе все в порядке, можно приезжать обратно. Посылал это письмо в Казахстан, по которому тот или другой фигурант, проходящий по материалам, впоследствии приезжал в погранполосу. Я его арестовывал и так выходил из положения. *(Общий смех.)*

Еще хуже работа была поставлена при руководстве ВЯТКИНА. Оперсостава в районе было всего два и тот один мобилизован с парткомитета. А арестованных было много. Сроки содержания их под стражей

были нарушены, однако состоянием этих дел УНКВД не интересовалось, а только по телефону передавали: «Давай побольше».

В июне месяце 1938 года в районе приехали ВЯТКИН, ДИДЕНКО и БЕРЕЖНОЙ. Этому приезду я был доволен, думал, что ВЯТКИН, как руководитель УНКВД, кое в чем он мне много поможет. Зайдя в Райотделение, он абсолютно не интересовался состоянием оперативной работы. Единственно, что он меня спросил, это то, что сколько было арестовано за все время врагов народа в районе и из них сколько евреев, а также где я рос и почему я такой маленький вырос. При отъезде в Житомир в беседе с ДИДЕНКО он сказал, что сюда, т. е. в район, необходимо прислать более сильного человека. Таким образом, при таком руководстве очень трудно было работать. В результате чего он мне не помог, а просто меня морально убил и опозорил в районе.

[...] Кроме того, тут говорили о задержании РЫБАЛЬЧЕНКОМ человека, что он применял к нему неправильные меры воздействия в процессе выяснения его личности. Я также слыхал, что этот человек немой, говорить не может, шел к сестре своей в гости. РЫБАЛЬЧЕНКО необходимо было позвонить в то село, в котором он проживает, и выяснить, что он из себя представляет. Однако вместо этой проверки, говорят, его так проверили, что он не мог выйти из Райотделения НКВД.

В Ярунском РО НКВД еще в 1937 году был также аналогичный случай, то был арестован действительный враг, который систематически совершал нелегальные ходки в Польшу. И когда его допрашивали, он сделал попытку бежать от следователя. В процессе этой попытки, которую он сделал, вы сами знаете, как к нему поступили, что не нужно делать в дальнейшем в наших органах.

Хочу еще остановиться на вопросе контакта в работе органов НКВД с парторганизациями. Мы должны, как правило, и впредь неразрывно быть связанными в работе с парторганизациями. В процессе разгрома контрреволюционного подполья получалось так, что секретарь РПК, председатель Райисполкома даже дежурили на машинах ночью и оказывали практическую помощь органам НКВД по изъятию контрреволюционного подполья. Однако плохо то, что они не знали, какую же враг проводил подрывную работу в колхозах. В дальнейшем, по-моему, секретарь РПК должен знать об этом с расчетом, что когда мы будем больше контактировать работу с Парткомитетом, то легче нам будет ликвидировать те последствия вредительства, которые оставили нам враги. [...]

20/XII.1938 года

Тов. ПСАРЕВ. Товарищи, поступило заявление, которое необходимо перед началом собрания зачитать. Заявление поступило от т. ГОЛУБЕВА. Тов. ВАХРАНЕВ его нам сейчас зачитет.

[ВАХРАНЕВ.] Товарищи, вчера ко мне после перерыва подошел т. ГОЛУБЕВ и сказал, что он хочет сделать заявление в отношении антипартийной группы. *(Читает заявление.)*

«Председателю комиссии выделенного закрытым партийным собранием парторганизации УГБ НКВД по Житомирской обл[асти] по

составлению резолюции т. ВАХРАНЕВУ. От секретаря Парткомитета УГБ ГОЛУБЕВА С.А.

Объявление по вопросу моего заявления в докладе о существовании антипартийной группировки.

Ночью 15 на 16 декабря 1938 года мне, вр[еменно] и[сполняюще-му] д[олжность] начальника УНКВД, т. ДАРАГАН звонит по телефону и спрашивает, знаю ли я о том, что 15.XII.38 г. группа коммунистов ходила в Обком? Я ответил, что нет, не знаю, и в то же время поинтересовался у него, в чем дело? Он мне на это ответил, [что] 15.XII.38 г. группа коммунистов нашей парторганизации ходила в Обком и требовала созыва немедленного партийного собрания, на котором должен также присутствовать представитель ЦК КП(б)У.

16.XII.38 г. на заседании Пленума Житомирского Горкома КП(б)У секретарь Обкома т. ГРЕЧУХА сделал сообщение о том, что к нему 15.XII.38 г. приходила группа коммунистов из УНКВД с требованием немедленного созыва партийного собрания, на котором должен присутствовать один из секретарей ЦК КП(б)У.

Тов. ГРЕЧУХА это квалифицировал, как: а) антипартийное, наглое требование, политическое недоверие Обкому партии.

После Пленума Горкома партии я, будучи в кабинете у т. ДАРАГАНА, последний сказал: о том, что у нас в УНКВД за последнее время трудовая дисциплина пала, ряд товарищей не работают, а только собираются по коридорам и шушукуются. Как пример, привел проведенную регистрацию 13.XII.38 г., из которой видно, что много товарищей опоздало на работу.

Из приведенного выше, я и выступил на партсобрании с таким заявлением.

20.XII.38 г. С. ГОЛУБЕВ».

С места. В чем выражается антипартийная группа, желательно, чтобы ГОЛУБЕВ сказал.

С места. К данному заявлению есть такого сорта заявление: сегодня утром, когда я шел на работу, ко мне подошел т. ВАСИЛЬЧЕНКО, который сказал, что товарищ ГРЕЧУХА сделал аналогичное заявление на каком-то военном партийном собрании, примерно такое же заявление.

Тов. ВОЛЬСКИЙ. Когда мы были в Обкоме партии, так товарищ ГРЕЧУХА, видимо, был возмущен. Жаль, что нет т. САЕНКО, он был присутствующим. Он подчеркивал, что наше заявление правильное, партийное. Что тут такого антипартийного, если коммунисты пошли в Обком требовать партийного собрания? Мы на протяжении целого месяца с 17-го числа ждали созыва партийного собрания. Мы считали, что на таком ответственном партийном собрании должен быть представитель ЦК КП(б)У. Мы по углам говорили, что тут антипартийного? Вот ГРЕЧУХА, как вы двурушничали на партийном собрании, вы заводили в заблуждение Горпартком, вы двурушник. Это разве партийное дело? В каком решении партийном сказано, что коммунисты не имеют права требовать созыв партийного собрания?

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, по вопросу своей квалификации группы товарищей, которые приходили в Обком партии, я сказал об этом на Пленуме Горпарткома и в свою очередь прошу партийное собрание призвать [выступающего] к порядку. Что это за выступление ВОЛЬСКОГО? Я пока не по уполномочию т. ВОЛЬСКОГО здесь присутствую. Прошу реагировать парторганизацию.

Тов. ПСАРЕВ (председатель собрания). Товарищи, такое мнение, мы заявление зачитали, предполагали, что т. ГРЕЧУХА выступит и скажет.

Сместа. Партийное собрание должно реагировать. Если т. ВОЛЬСКИЙ выступает и обвиняет секретаря Обкома партии в двурушничестве, мы должны реагировать на этот вопрос. Это, товарищи, очень серьезное обвинение, мы должны сейчас же реагировать на это. Обвинять секретаря Областного комитета партии в двурушничестве — нужно или потребовать представителя ЦК КП(б)У и довести до сведения ЦК КП(б)У.

С места. Товарищи, я считаю, что упускать этого вопроса не можем. Поскольку т. ГРЕЧУХА — секретарь Обкома партии, он своим выступлением квалификацию этой группы дал. Мы уже 4 или 5 дней говорим, вся партийная организация делает квалификацию отчета секретаря партийного комитета. Говорит о тех исключительнейших безобразиях, которые имели место в партийном комитете. Секретарь Областного комитета партии по этому вопросу свое мнение не высказал, и если он действительно бы так квалифицировал, что эта партийная группа — антипартийная, то выходит, что мы идем вразрез с ним, у него неправильное политическое мнение и убеждение. Я считаю, что т. ГРЕЧУХА должен будет сказать, как он говорил на Пленуме, и дать свое мнение в отношении этой группы. А так говорить, что тот говорил, другой говорил, я считаю, что т. ГРЕЧУХА скажет свое мнение, как и что говорил.

С места тов. ПРИВИН. Я также в двух словах по этому вопросу, т. к. я один из тех коммунистов, которые ходили в Обком партии по вопросу созыва партийного собрания. Таких, как я, было человек 7 коммунистов. Мы пошли в Областной комитет партии просить, чтобы на нашем партийном собрании присутствовал представитель ЦК КП(б)У. Первое, мы убедились в том, что наш партийный комитет преступно, по-вражески оттягивает созыв партийного собрания. Собрание, на котором нужно вскрыть все безобразия, все преступные дела, которые творились в нашем Областном аппарате. Сказать, что партийный комитет умышленно игнорирует требования коммунистов в отношении созыва этого собрания. Второе — это то, что заявил член партии тов. _____,³⁷ что якобы ДИДЕНКО сказал, что партийное собрание не созывается потому, что ждут показаний врага народа ВЯТКИНА. И как свет прольет ВЯТКИН — в соответствии с этим будет заслушивать и наша партийная организация. Я считал это абсолютно преступным. Наоборот, я считал, что партийная организация должна будет вскрыть все преступные дела ВЯТКИНА и его приспешников, чтобы наш следственный орган помог вскрыть и до конца выкорчевать этого врага. Раз сложилась такая обстановка, а ведь он был

³⁷ Так у текстi.

член бюро Обкома партии, он сумел пролезть в руководство партийного аппарата. Речь идет о члене бюро, и мы требовали представителя ЦК КП(б)У. Ясно, чем скорее, тем лучше вскрыть преступные дела. Я имею в виду, что преступление, вражеские дела проводили не помимо нашего Обкома партии. ДИДЕНКО был членом Тройки, и т. ГРЕЧУХА, кажись, подписывал дела Тройки, значит, и по этому вопросу будем говорить, мы требовали представителя ЦК КП(б)У.

Третье, ...³⁸ на партийной конференции был КОРОТЧЕНКО и ГОЛУБЕВ. Были устроены на глазах Обкома партии пьянки чекистов. Об этих пьянках будем говорить. И отсюда, как вывод, мы требовали представителя ЦК КП(б)У. И последнее то, что Обкомовские деньги транжирились этим РОМАНЧЕНКО. 55 тысяч рублей тоже надо посмотреть. Мы пошли в Областной комитет партии, решили просить, чтобы был представитель ЦК КП(б)У, чтобы был секретарь Обкома партии. Был разговор, что, вы не доверяете? Я говорю, наоборот, это партийный орган, пленум, руководящий партийный орган нашей парторганизации. Но желательно, чтобы был представитель ЦК КП(б)У, чтобы была стенографистка, а затем уже партийная организация решит, правильно или неправильно. Когда мы все обстоятельно изложили в Обкоме партии, нам обещали позвонить из ЦК КП(б)У и дать стенографистку. Стенографистка есть, а представителя нет. И вот моя фамилия почему-то под стеклом. Я не знаю, почему.

Когда я пошел заявить в Обком партии, чтобы было партийное собрание, с тем чтобы не оттягивать партийного собрания и просить представителя. Так вот, меня интересует, и т. ДАРАГАН пусть скажет, почему моя фамилия фигурирует под стеклом?

[С места.] Тут присутствует один член партии не нашей партийной организации, нужно, чтобы партийное собрание ему разрешило присутствовать.

С места. Я приехал сюда работать.

Тов. ПСАРЕВ. Предъявите партийный билет. Товарищ БОГАТЫРЕВ, партийное собрание разрешает присутствовать.

[С места.] С каких пор стал подвергаться вопрос, имеет ли право член партии ходить в Обком партии или в Горком партии?

[С места.] Мы, товарищи, должны не дискуссировать, раз поступило заявление, мы должны были зачитать.

[С места.] Мы не осуждаем.

Тов. ПСАРЕВ. Решили огласить заявление и считали, что по всем этим вопросам в выступлениях будут говорить, а решение, несомненно, мы примем, и т. ГРЕЧУХА по этому вопросу нам ясно сказал.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, прошу партийное собрание реагировать соответствующим образом на выступление ВОЛЬСКОГО. У ВОЛЬСКОГО одно мнение, у собрания, возможно, другое. Воля партийного собрания — потребовать секретаря ЦК КП(б)У и другое. Но, во всяком случае, давайте примем соответствующее решение, как партийная организация отнесется

³⁸ Так у текстi.

к этому. Я в своем выступлении квалифицирую, по-моему, ни у кого из присутствующих нет оснований верить ГОЛУБЕВУ, что ему кто-то на базаре сказал. Кто дал право человеку, который не слышал, в том числе и ПРИВИНУ, говорить и заявлять такие вещи, ни на чем не основанные? [...] Я прошу реагировать. Я также, как член партии, могу ставить вопрос перед ЦК КП(б)У. Мы можем сейчас созвать Областной комитет партии и будем соответствующим образом реагировать на это дело. Я считаю, что партийное собрание в состоянии решить этот вопрос.

С места. Я считаю, будет правильным, чтобы т. ГРЕЧУХА выступил и сказал. Создается такое мнение, раз товарищ ГРЕЧУХА молчит, видимо, другое кроется. Я считаю то, что он думал, он должен изложить, и тогда можно более свободно реагировать. А пока мы не имеем выступления т. ГРЕЧУХИ, мы не имеем возможности правильно судить в отношении правильности выступления ВОЛЬСКОГО и ГОЛУБЕВА.

С места. Насколько я понимаю и думаю, что для каждого члена и кандидата партии, что если присутствует секретарь Обкома партии, все выступающие говорят, если бы было неправильно, так он бы выступил и подправил. Если мы делаем политическую ошибку — он бы нам указал, и мы бы на месте исправили ошибку. А поскольку т. ГРЕЧУХА молчит, нужно сделать вывод, что заявление т. ГОЛУБЕВА в корне неправильное. Ведь, товарищи, мы здесь заседаем четыре дня, все время говорим об отчете секретаря. Если бы было не так — т. ГРЕЧУХА нас бы подправил. Если он не выступает — значит, он согласен. Я говорю, что заявление ГОЛУБЕВА является неправильным и ВОЛЬСКИЙ не прав. Что значит такое выступление? Мы должны по этому поводу принять решение. Товарищ ГРЕЧУХА выступил и сказал. И для нас понятно из короткой информации, что это является вымыслом или ложью.

С места. Товарищи, мы на протяжении четырех дней обсуждаем политический вывод о наличии антипартийной группировки в нашей партийной организации. Мы должны подходить к этому вопросу более серьезно. Если ГОЛУБЕВ говорит о том, что это было санкционировано, значит, мы идем вразрез с Обкомом партии. Товарищ ГРЕЧУХА должен сказать, что если это выступление никем не санкционировано и что т. ГОЛУБЕВ не только неправильный вывод сделал в своем докладе о наличии антипартийной группировки и в отношении Обкома партии. О чем говорит выступление ВОЛЬСКОГО? Чтобы ввести в заблуждение? Я считаю, что мы должны сделать соответствующий вывод в отношении ВОЛЬСКОГО. Раз он говорит — так он должен был привести конкретные факты. А выступил совершенно необоснованно.

Тов. ГОВОРОВ. Я по поводу выступления т. ГРЕЧУХИ на военной организации, о которой сказал т. ВАХРАНЕВ. Зря т. ВАХРАНЕВ у меня не спросил, ни на какой военной партийной организации т. ГРЕЧУХА не выступал, он спутал или ВАСИЛЕНКО. Мне комиссар 120 участка МЕЛАМУД заявил. Причем это было в разговоре и было совершенной новостью, что у нас идет партийное собрание в течение 4 или 5 дней. Он был на Пленуме и т. ГРЕЧУХА на Пленуме сказал, что 4-й день идет партийное собрание, сказал, что был перерыв, ни о какой антипартийной

группе не говорил. Разве секретарь Обкома партии не может сказать о том, что у нас идет отчетное собрание, что вскрыто кубло? Правильно сделал заявление, он об антипартийной группе ничего не говорил.

С места. Мы должны иметь точную картину. Ясно, что т. ГОЛУБЕВ подал это заявление, чтобы сбить с толку партийное собрание. Нам нужно принять соответствующие меры. Этот вопрос нужно разрешить сейчас, а затем продолжать наши прения.

С места. Вы подтверждаете заявление, т. ГОЛУБЕВ, в части того, что на Пленуме не говорилось об антипартийной группе?

[ГОЛУБЕВ.] Я выступлю и скажу свое мнение.

Тов. ГРЕЧУХА. Я считаю, что Пленум Обкома партии и Горком партии, бюро партийного комитета имеет право выносить суждения о той или иной партийной организации.

[С места.] Правильно.

[ГРЕЧУХА.] Считаю, если товарищ выступил и сказал на Пленуме, или на бюро, или на собрании свое мнение — это правильно. И если меня на бюро и на Пленуме не исправили — я буду и на этом партийном собрании говорить и линию Обкома и Горкома партии буду проводить. А в своем выступлении я скажу. А посему прошу призвать к порядку дезорганизаторов партийного собрания и направить мысль партийной организации на выкорчевывание этих негодяев, на немедленное исправление всех ошибок, на немедленное исправление всех недочетов, и не заводить в заблуждение клеветническими заявлениями.

С места. Давайте продолжать прения.

Тов. ГРЕЧУХА. Нет, надо призвать к порядку.

С места. Пусть ВОЛЬСКИЙ скажет, почему он назвал секретаря Обкома партии двурушником?

Тов. ВОЛЬСКИЙ. Из чего я исходил? Товарищ ГРЕЧУХА все время сидит на партийном собрании, слушал отчет секретаря партийного комитета. Как я мыслил за все эти дела, которые творились в партийном комитете? Вся эта гниль, которая вскрыта сейчас, — [за это] Обком партии отвечает? По-моему, да. Об этих 52-х тысячах рублях.

[С места.] Вы расскажите коммунистам конкретно, почему вы назвали двурушником Секретаря.

[ВОЛЬСКИЙ.] Потому, что эти деньги были присланы для Обкома партии. Эти деньги должны были находиться в Обкоме.

[ГРЕЧУХА.] Вы скажите относительно двурушничества.

[ВОЛЬСКИЙ.] Я, товарищ ГРЕЧУХА, Вас не прерывал.

С места. Конкретнее говорите, в чем выражается двурушничество?

Тов. ПСАРЕВ. Общее собрание требует.

[ВОЛЬСКИЙ.] Партийное собрание проходило несколько дней.

[С места.] Вы конкретнее говорите, в чем выражается двурушничество Секретаря Обкома.

Тов. ПСАРЕВ. Общее собрание просит ответить. Вы назвали т. ГРЕЧУХУ двурушником.

[ВОЛЬСКИЙ.] Я исходил из тех фактов, касающихся материалов, что Обком партии должен ответить за все эти дела и в отношении заявления

ГОЛУБЕВА. Я себе представил, что это двурушничество, если неправильно — партийное собрание меня поправит.

Тов. ПСАРЕВ. Вы изложили факты, в чем обвиняете т. ГРЕЧУХУ в двурушничестве?

ВОЛЬСКИЙ. Из этого факта, что эти деньги должны пойти в Обком партии, а этот враг ВЯТКИН приложил свою грязную фашистскую лапу к этим деньгам, за что члены Обкома партии должны ответить, и на основании заявления ГОЛУБЕВА считаю, что оно правильное, потому что т. ГРЕЧУХА ничего не сказал.

Тов. председатель [ПСАРЕВ.] Вы говорите в отношении фактов двурушничества.

[ВОЛЬСКИЙ.] Я говорил, как я себе представлял. Когда прочитал это заявление, товарищ ГРЕЧУХА ничего не сказал.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, я обращаюсь к собранию и прошу ВОЛЬСКОГО за дезорганизацию исключить из партии.

Тов. ЛЕСНОВ. Товарищи, я, конечно, считаю, что выступление ВОЛЬСКОГО неправильное. Одно дело, когда ставили вопрос, что поступило заявление. ГОЛУБЕВ просил дать справку, выступил т. ГРЕЧУХА и никакого не имел основания т. ВОЛЬСКИЙ выступать и называть т. ГРЕЧУХУ двурушником. ВОЛЬСКИЙ должен ответить за свои слова. Он должен выступить ответственно. Те доводы, которые приводил ВОЛЬСКИЙ, не являясь основательными называть т. ГРЕЧУХУ двурушником. Другое дело — критиковать можно и товарища ГРЕЧУХУ, и представителей Обкома партии. Но называть двурушником — нет никаких оснований. Я считаю, что ВОЛЬСКИЙ должен за это дело ответить.

Тов. БУГАЕВ. Если мы помним выступление т. ВОЛЬСКОГО, т. ВОЛЬСКИЙ разоблачал бывшее руководство Парткома. Но если он сегодня выступил с таким заявлением и начал говорить об отдельных членах Парткома и назвал секретаря Обкома партии двурушником, я считаю, что не секретарь Обкома партии двурушник, а ВОЛЬСКИЙ двурушник, это настоящее двурушническое заявление. Он вдруг начинает говорить об одном, давал оценку работе партийного комитета, разоблачал руководство врага народа — и вдруг он начинает отводить удар. Я считаю это настоящим двурушническим заявлением и тут он должен понести партийное наказание. Что значит в такой момент, когда наше партийное собрание направило единственное мнение на разоблачение врагов народа? Мы были такого мнения все. И вдруг выступает, как настоящий двурушник. Нет никаких оснований, чтобы называть секретаря Обкома партии двурушником. Я считаю, что, как дезорганизатора партийного собрания, нужно исключить из партии.

С места. Товарищ ЛЕВАДНЫЙ говорил, что сегодня будет решающий день. Спросили — почему? Он сказал потому, что сегодня лицо т. ГРЕЧУХИ будет на ладони. Я думал, что он имеет какие-то компрометирующие материалы. В конце концов выясняется, что никаких таких материалов нет. Я считаю, что требование секретаря Обкома партии правильное, никто из членов партии не приводил компрометирующих материалов, и мы не имеем никакого права, как секретаря Обкома партии, члена

Пленума ЦК КП(б)У компрометировать. И ВОЛЬСКИЙ заслуживает, как дезорганизатор этого собрания, понести соответствующее ему [наказание].

Тов. КОРОТЧЕНКО. Товарищи, утопающий всегда цепляется за соломинку. Вот, например, я, ГОЛУБЕВ и ВОЛЬСКИЙ — это болтун. Вы помните на нашем оперативном совещании, что заявил ВОЛЬСКИЙ, как он охаял постановление ЦК и Совнаркома, говорящее о том, что органы НКВД провели большую работу. Тов. ВОЛЬСКИЙ выставлял свою линию, во всяком случае, непартийную, свою теорию. Мои соображения о ВОЛЬСКОМ. ВОЛЬСКИЙ — это убийца. Что значит шушукание? Дело не в шушукании. ВОЛЬСКИЙ сегодня сводит с пути работу нашего партийного собрания, которое продолжается несколько дней. Лицо ВОЛЬСКОГО сегодня особенно, как никогда, выпятилось. Что значит недоверие представителю Обкома партии? Он первый Секретарь Обкома партии, он и представитель ЦК КП(б)У. А вот ваше заявление непартийное. Я не буду останавливаться в данный момент в части убийства. Выступление это антипартийное. Наше собрание направило мысль на то, чтобы разбить этот гнойник, и направлять его в другую сторону никому не удастся. Это беспартийное выступление, что говорить о каких-то тысячах рублей. Те лица, которые истратили, они и будут отвечать. Это выступление в высшей степени компрометирующее. Я считаю, что ВОЛЬСКИЙ должен понести наказание, никто ему не дал никаких прав компрометировать партийное руководство. Я считаю, что ВОЛЬСКОМУ, конечно, не место в рядах партии. [...]

Тов. ФЕРЕНС. Товарищи, я так понимаю, что представитель Обкома или вообще вышестоящей партийной организации присутствует на партсобрании для того, чтобы направлять ход партийного собрания. Когда он видит, что партийное собрание неправо, он должен подправить, для того чтобы направить его на правильный путь. Четыре дня идет наше партийное собрание, присутствует секретарь Обкома партии, не поправляет — значит, прения направлены по правильному руслу. Так я понимаю и так, кажется, товарищи понимают. Присутствует секретарь Обкома партии, которого Вы просили позвонить в ЦК — значит, он звонил. И вот тут т. ВОЛЬСКИЙ совершенно необоснованно обвинил его в двурушничестве. Тут видим, выступило 33 человека, все говорили об антипартийной группе, о развале партийной работы. Секретарь Обкома партии, по-видимому, согласен с тем, что говорили выступавшие товарищи. [...] А Вы, т. ВОЛЬСКИЙ, присутствовали и слышали, что 33 человека выступали, и все склоняли фамилию ГОЛУБЕВА. И как можно на основании только того, что он, ГОЛУБЕВ, подал заявление на секретаря Обкома, обвинить секретаря Обкома в двурушничестве? Тов. ВОЛЬСКИЙ, безусловно, за это дело должен понести наказание. Нужно ли т. ВОЛЬСКОГО сейчас исключать из партии? Мне кажется, что это будет поспешным.

[С места.] Правильно.

[ФЕРЕНС.] Мы сейчас обсуждаем вопрос о двурушничестве. Этот вопрос нужно обсудить.

[С места.] Убийца.

[ФЕРЕНС.] Убийца — это второй вопрос, для обсуждения которого нужен конкретный материал. Тов. ВОЛЬСКИЙ, безусловно, заслуживает

наказания. Он допустил грубейшую ошибку. По-моему, партийное собрание должно ему вынести строгий выговор с предупреждением. [...]

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, я почему ставлю так резко вопрос? Этот вопрос возник на партийном собрании. Вот последний товарищ, как он понимает устав партии, как нас партия учит, или его нужно расстрелять, как говорил ВОЛЬСКИЙ, который до собрания подготавливал вокруг себя людей для того, чтобы выступить и опорочить Обком партии.

Тов. председатель. Я предлагаю прения прекратить и приступить к голосованию. У нас есть два предложения, предложение т. ГРЕЧУХИ — за политическое недоверие Обкому партии ВОЛЬСКОГО исключить из партии — и предложение т. ФЕРЕНСА о вынесении строгого выговора с предупреждением.

Тов. ВОЛЬСКИЙ просит слово.

С места. [Председатель]. Постольку, поскольку речь идет о члене партии, и вот т. ЛЮЛЬКОВ знает факты в отношении ВОЛЬСКОГО, я считаю дать возможность т. ЛЮЛЬКОВУ высказаться.

Тов. ЛЮЛЬКОВ. Товарищи, вчера я не слышал выступления т. ВОЛЬСКОГО, но хочу сказать относительно убийства в Олевске. Убили человека, которого ВОЛЬСКИЙ хорошо знает. Вы были втроем, Вы, ВЯТКИН и БЕРЕЖНОЙ. И вы вчера, ВОЛЬСКИЙ, неоткровенно сказали. Вам нужно было об этом здесь сказать. Втроем вы убили, нас с начальником 1-го Отделения т. ЗУБОМ чуть не подставили, чтобы я подписал акт о том, что его расстреляли. Когда я сказал, что этого человека ни в Бердичеве, ни в Житомире не нашел, мне сказали: «Составьте акт, что Вы его расстреляли, а иначе я вас обоих на Тройку пушу». Они были втроем — это необходимо записать, что было сказано «на Тройку пушу». Я вчера задавал два вопроса, хотел, чтобы т. ВОЛЬСКИЙ, как большевик, сказал, как происходили дела, когда он был заместителем начальника 3 Отдела. Мы выполняли специальное задание. Раздается треск в окно: из 39-й комнаты бросился человек. Мы его взяли и отправили в тюрьму. Второй случай, в 1937 году в декабре месяце на надзирателя набросился арестованный, этого арестованного не стало. Товарищ ВОЛЬСКИЙ — это арестованный был 3 Отдела, а ты был заместителем начальника 3 Отдела.

[ВОЛЬСКИЙ.] Ложь, неправильно.

[С места.] Товарищи, мы сейчас обсуждаем вопрос в отношении обвинения руководителя.

[ЛЮЛЬКОВ.] Я работал в 17-й комнате, он, КОСТИНЦЕВ, ИЛЬЧЕНКО работали в 18-й. Товарищ ВОЛЬСКИЙ, расскажите, как был вымуштрован один арестованный: [следователь] один палец покажет — он моргнет, если покажет другой — иначе моргнет.

Тов. ВОЛЬСКИЙ. Товарищи, стоит вопрос о моем исключении. Следствие докажет, где я прав, где не прав. Как получилось, почему я выступил, по партийному я выступил — нет, я убедился, меня дезориентировали самым настоящим образом.

Вопрос [с места]. А то, что было такое заявление?

[ВОЛЬСКИЙ.] Я говорю, как оно есть, о том, что было такое заявление, на Горпарткоме ГОЛУБЕВ сказал, я знал об этом в двух словах, со всей

партийной совестью заявляю. Тут выступал ЛЮЛЬКОВ и говорил относительно убийства. Следствие покажет мою правоту. Я выступил не по-партийному, я вижу, что меня дезориентировали, что ГОЛУБЕВ оказался сволочью, мерзавцем. Он дезориентировал не только меня, но и все партийное собрание. Товарищи, неужели я заслуживаю исключения из партии? За 10 лет пребывания в партии я не имел ни одного взыскания. Неужели я такой враг, что меня следует исключить из партии? Я считаю, что я человек не потерянный, я могу исправить ошибки, я был и буду крепким большевиком. Я ответственно заявляю, когда выяснится один вопрос в отношении убийства мною, я готов отвечать не только партийным билетом, но и головой. [...] Мы встретились с т. ЛЕВАДНЫМ, начали говорить по целому ряду вопросов и говорили о т. ГРЕЧУХЕ. Я заявляю, как было, что имеется заявление на ГРЕЧУХУ, что якобы ГРЕЧУХА кое-какие моменты указал на бюро Горпарткома. Сегодня на нашем собрании разберем, я знал об этом в двух словах, меня форменным образом дезориентировали. Я прошу, чтобы партийное собрание учло, я ничего не думал. Причем т. ГРЕЧУХА ничего не говорил, и у меня сложилось мнение непартийное, неправильное. Этот враг ГОЛУБЕВ меня дезориентировал.

[С места.] Вали на него.

[ВОЛЬСКИЙ.] Я думаю, что партийное собрание учтет, примет во внимание, я сам рабочий, с 1917 года в Красной армии, контужен.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, нам поручено чистить наши партийные ряды от всяких головорезов, которые могли пойти на разгром партийных рядов и секретаря парткома. Посему требую сейчас, независимо от тягчайших преступлений уголовного порядка, я ставлю вопрос по-партийному: за политическое недоверие к Обкому партии исключить из партии, как негодяя.

[С места.] Товарищи, здесь присутствуют товарищи, не состоящие на учете. Я считаю, что они не должны голосовать. Я считаю, что, согласно уставу партии, они присутствуют с совещательным голосом.

Тов. председатель. Товарищи, есть два предложения относительно исключения из партии ВОЛЬСКОГО и относительно вынесения строгого выговора с предупреждением.

Кто за то, чтобы исключить т. ВОЛЬСКОГО из партии, прошу поднять руки. ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕ — 24.

Кто за то, чтобы вынести строгий выговор с предупреждением, прошу поднять руки. За вынесение строгого выговора с предупреждением — 18. Таким образом, т. ВОЛЬСКИЙ из партии исключен. Тов. ВОЛЬСКИЙ должен оставить собрание.

Тов. ГРЕЧУХА. Товарищи, оставшиеся минуты необходимо использовать для политической квалификации, оценки работы партийного комитета, отдельных моментов, которые вновь будут вскрываться, и нужно поговорить о задачах. Я считаю, что мы сегодня закончим собрание. По ходу дела и количеству выступающих я прошу оставшиеся минуты использовать на это.

Держархів Житомирської обл., ф. 559, оп. 1, спр. 1, арк. 1–195.
Копія. Машинопис.

УНКВС по Кам'янець-Подільській області

№ 12

Із протоколу оперативної наради УНКВС по Кам'янець-Подільській області про обговорення постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.

22 листопада 1938 р.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО¹

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т.: ВЛАСОВ (секретарь Обкома КП(б)У), ЕКИМОВ (Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Начальника УНКВД) и весь оперативный состав Отделов УГБ УНКВД и периферийных аппаратов.

1. СЛУШАЛИ: постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) № 114387 от 17 ноября с. г. об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия (ЕКИМОВ).

ВЫСТУПАЛИ:

1. *ЧОБОТОВ (нач[альник] Шепетовского Горотдела НКВД).*

В письме ЦК ВКП(б) и Совнаркома отмечено ряд ошибок и искривлений в работе органов НКВД. Эти ошибки и искривления произошли благодаря оторванности работников УНКВД от партийной организации и благодаря засевающим в наших органах врагам народа (в частности, в Каменец-Подольском УНКВД — ЖАБРЕВА).

Я приехал на работу в Шепетовку в конце операции. В аппарате Шепетовского Горотдела имел место случай, когда после допроса арестованного последний скончался. Зачастую при допросах арестованных применялись методы физического воздействия.

Упрощенное проведение следствия привело некоторых работников НКВД к потере чекистского вкуса в агентурно-оперативной работе. В результате у нас проводилось следствие по делам с низким качеством.

Основным недостатком чекистской работы являлось то, что за время проведения массовых операций была заброшена глубокая агентурная работа и приобретение аг[ентурной] сети.

Промехом в агентурной работе Шепетовского Горотдела являлось еще и то, что аппарат не был гибким, не проводил по делам агентурных комбинаций, не проявлял своей инициативы.

¹ Протокол оперативної наради був надісланий 11 грудня 1938 р. виконуючому обов'язки наркома внутрішніх справ УРСР комдиву В. Осокіну.

На будущее мы — чекисты — в своей работе должны ловить врагов не тогда, когда они уже совершили преступление, а наша основная задача — это не дать возможности врагу это преступление совершить.

Нам нужно добиться такого положения, при котором ловили бы преступников с поличным.

Следователями должны работать советские люди, преданные делу партии и утвержденные Народным Комиссаром.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б)У и Совнаркома, нам нужно немедленно перестроить чекистскую работу и правильно, без искривлений революционной законности, громить врагов.

2. САМОГОРОДСКИЙ (нач[альник] Проскуровского Горотд[ела] НКВД).

Центральный Комитет ВКП(б) и Совнарком абсолютно правильно вынесли свое решение о работе органов НКВД.

Перегибы в чекистской работе произошли вследствие вражеского руководства как в центральном аппарате (УСПЕНСКИЙ, ЯРОЛЯНЦ и др[угие]), так и в Каменец-Подольском УНКВД (ЖАБРЕВ).

Аресты, проводимые без достаточного наличия компрометирующих материалов, не подкрепляли следственные материалы агентурными, и главное — это то, что при арестах у отдельных лиц отсутствовала партийная сознательность.

Я помню случай, во время проведения польской операции бывший начальник УНКВД ЖАБРЕВ требовал представления следственных дел на шпионаж. В то время в горотделе материалов для ареста шпионов не было. В результате под таким нажимом я вынужден был проводить аресты лиц, подозрительных по шпионажу, по недостаточным материалам.

Работая в Шепетовской оперследгруппе, я столкнулся с таким фактом, когда мне пришлось освободить 2-х арестованных, так как в следственных делах были протоколы записаны неквалифицированными работниками милиции и показания арестованных были искажены. Арестованные от таких записей совершенно отказывались. Это говорит о легкомысленном подходе к аресту человека и об отсутствии партийной бдительности.

В наших органах имеются еще и такие работники, которые, наделав ошибки при арестах, не хотят их исправить и все же хотят осудить лиц, подчас невиновных.

Скажу о неправильном руководстве со стороны Областного Управления. Бывший начальник УНКВД ЖАБРЕВ вызвал меня с докладом о состоянии агентурно-оперативной работы Проскуровского Горотдела НКВД. В результате во время доклада он интересовался работой неоперативных подразделений, а не основной работой — работой агентурно-оперативной.

После таких указаний, полученных по моему докладу от ЖАБРЕВА, мне, как чекисту, как члену партии, нужно было сделать соответствующие партийные выводы.

Теперь скажу пару слов о претензиях к аппарату Областного Управления. Аппарат Областного Управления должен организовывать работу периферийных аппаратов и оказывать им практическую помощь в агентурно-оперативной работе.

Такой помощи Областное Управление не оказывало. Работники УНКВД, проезжая через Проскуров, считали необходимым только в Горотделе переночевать и залить машину бензином.

Секретарь Обкома тов. ВЛАСОВ задает вопрос т. САМОГОРОДСКОМУ: А почему Вы никому не говорили о том, что Вам не оказывалось никакой помощи?

[САМОГОРОДСКИЙ.] Правда, это моя ошибка, что я об этом никому не говорил. Наша задача, задача всего чекистского аппарата сейчас, немедленно перестроить агентурно-оперативную работу в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР.

3. ТОРИШНЫЙ (нач[альник] Изяславльского Райотдела НКВД).

[...] Я должен в порядке самокритики на совещании рассказать о том, что я также выполнял вредительские установки бывшего областного руководства ЖАБРЕВА — создавали искусственные дела. Кроме того, на Тройке я докладывал дела, мне их расчленили по одиночкам.

Агентурно-осведомительный аппарат в Изяславльском районе очень слаб, ценной агентуры имеем считанные единицы.

В районе имеется ряд интереснейших агентурных дел в области выявления антисоветских формирований. Агентура в последнее время дает уже материалы, заслуживающие внимания.

Следственных дел имеется очень мало, однако в последнее время мы уже имеем данные, когда нити антисоветской деятельности тянутся в Наркомзем.

Помощи областной аппарат НКВД мне не оказывает — обещает, однако не присылает. Тов. ВАДИС был в Шепетовке и не заехал в Изяславль.

Тов. ГОРЕЦ был по важнейшему вопросу на ст. Изяславль, однако также не счел нужным заехать в райотдел с тем, чтобы дать соответствующие указания в работе.

К нам прислали начальника ОО, который является уроженцем Польши, родственники которого проживают всего лишь в 25-ти километрах от Изяславля. Этот человек не внушает никакого политического доверия, его вызвали в Наркомат НКВД и направили в Херсонскую сельскохозяйственную колонию.

В отношении арестов было ряд недочетов. Мы раньше арестовывали [лиц] с партийными билетами в кармане, а после лишь исключенных из партии. Мне кажется, это неверно, и нужно будет здесь получить разъяснение. [...]

4. МАТУСЕВИЧ (нач[альник] Красиловского Райотделен[ия] НКВД).

[...] Я принял работу Райотделения НКВД разваленной, агентуры нет, уборщица знает агентов.

Неблагополучно проводились аресты. Остались люди, которым нет места в нашей стране, как бандиты и громовщики трудящихся. По Красилону были случаи ареста беременных женщин, при арестах путали — вместо матери арестовывали дочь. [...]

Выступающие областные работники говорили о вражеских директивах и прочих вражеских руководствах.

Выступавший САМОГОРОДСКИЙ был приближен к ЖАБРЕВУ, получил от него денежную помощь. САМОГОРОДСКИЙ говорил много, но не сказал самого главного — о своих связях с ЖАБРЕВЫМ.

5. ПАРФЕНОВ (нач[альник] Отделения 4-го Отдела УГБ НКВД).

[...] У нас существовала практика, что если поляк, то враг, если бывший петлюровец, то враг. Вернее, чистили всех, не разбираясь в его виновности, верили вслепую показаниям врагов, не проверяли детально и глубоко каждое дело.

Наше государство интернациональное, и арестовывать всех поляков — это неверно.

Мы много заканчивали дел без сознания арестованных.

Лично у меня имеется три дела по сионистам, которые, я считаю, необходимо прекратить из-за отсутствия данных об их [онтр]р[еволюцион-ной] деятельности.

Секретарь Обкома т. ВЛАСОВ делает замечание, что если у нас государство интернациональное, то это не значит, что мы не должны арестовывать врагов из разных национальностей.

[ПАРФЕНОВ.] Были случаи, когда мы дела комкали, направляли на Тройку, а потом оказывалось, что обвиняемый уносил [на тот свет] с собой целую вражескую сетку.

Массовой операцией мы вызвали у населения в селах боязнь наших органов.

Реплики. Неправильно, это клевета на народ. Нас боятся враги, а народ нас любит.

[ПАРФЕНОВ.] У нас еще до сих пор существует практика запугивания работников, вместо того, чтобы дать практические указания — вот хотя бы Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] УНКВД т. ЕКИМОВ. [...]

8. ЛОБУСОВ (начальник Дунаевецкого Райотделения НКВД).

В постановлении ЦК ВКП(б) полностью, как в зеркале, отражаются наши недостатки.

Мы вели упрощенные методы следствия. Постановление теперь полностью говорит о недочетах нашей работы.

Я, работая в 6-м Отделе на следствии, в процессе работы встречался с рядом неправильных составлений справок на арест. Так, например, ШАБАКАЕВ, неизвестно по каким данным, написал одному «прапорщик». Были случаи, когда справки на арест писали только потому, что кто-то где-то говорил о Польше.

Я работаю в Дунаевецком районе, как начальник я молодой, а аппарат у меня еще моложе. Печатать материалы приходится самому.

Что мы проделали за это время? Провели вербовки осведомления 44 человека. Правда, упрощали эту работу, не заводили личных дел, а брали на списочный учет, и была директива УНКВД о незаведении дел на осведомление. [...]

Сотрудник РО НКВД СЕРЦОВ начинает осваивать нашу работу, однако в процессе работы допускал ошибки, так, например, пытался

арестовать директора сахарного завода за то, что он не давал бензин для воинских частей.

9. СТАДНИК (Оперуполномоченный ОО УГБ 9 кавалерийской дивизии²).

Органы НКВД нанесли большой удар врагам, но мы могли бы сделать еще больше, если бы у нас была правильно поставлена партийная жизнь.

Почему только теперь мы стали вскрывать вражескую работу бывшего руководства УНКВД?

ЖАБРЕВ давал вражеские установки не допускать к арестованным прокуроров, чем нарушали революционную законность, не исправляли на ходу ошибок.

Враги извратили вопрос о перебросках, на 70–80% сменили работников, что отразилось на агентурной работе и дорого обошлось государству. Не успел работник ознакомиться с районом, войти в курс работы, как его перебрасывали снова. Перебрасывали хороших работников зачастую бесцельно.

Мы политически не растем, не учимся, партийную работу игнорировали, прикрываясь перегруженностью.

Областной аппарат имеет больше опыта борьбы с врагом и он должен передать свой опыт периферии, для этого необходимо найти возможности. Необходимо при УНКВД создать курсы по переподготовке работников. [...]

11. СТЕЦЮК (нач[альник] Смотричского Райотделения НКВД).

В период следственной работы по массовым операциям были серьезные перегибы. Бывший нач[альник] УНКВД ЖАБРЕВ лично мне запретил всякую документацию по следственным делам — требовалось лишь признание обвиняемого.

От агентурной работы мы были отвлечены массовыми операциями.

Враг ЖАБРЕВ своевременно не информировал парторганизации о ходе выполнения хозяйственно-полит[ических] кампаний, говоря: «Мы должны знать в первую очередь, а потом уже парткомы».

Сейчас мы должны заняться налаживанием агентурной работы, дабы вскрыть вражеское подполье.

На парторганизациях мы должны ставить вопросы о недостатках работы товарищей и своевременно информировать Райкомы и увязывать [с ним] свою работу.

12. ЖУРАВЛЕВ (нач[альник] Меджибожского Райотделения НКВД).

Некоторые товарищи, выступавшие здесь на совещании, говорили о враждебной деятельности бывшего начальника Управления НКВД, ныне арестованного, ЖАБРЕВА.

Я считаю необходимым поговорить об оставшихся его корнях.

Я хочу высказать свое мнение о начальнике Проскуровского Горотдела САМОГОРОДСКОМ. Зная его работу, так как мне приходилось работать с ним в одной оперследгруппе, — не нахожу, чем он отличился от других и за что он награжден почетным значком чекиста? Возможно, только

² Сформована в липні 1920 р. З 1921 р. входила до складу 1 корпусу Червоного козацтва (з липня 1938 року — 4 кавалерійський корпус). Місце дислокації — м. Кам'янець-Подільський. З вересня 1938 р. — у складі Вінницької армійської групи.

потому, что выполнял вражеские указания ЖАБРЕВА и был с ним в близких взаимоотношениях.

Также не могу объяснить, чем отличился в работе проведенной операции бывший начальник Городского РО НКВД, ныне пом[ощник] Нач[альника] УНКВД тов. МОРДОВЕЦ. Неужели только потому, что он по своему району изъясл немного больше оружия, чем в других районах? Зато ведь т. МОРДОВЕЦ почти не работал на следствии. Я не могу также объяснить, что послужило и его продвижению по службе.

Заслуживают внимания близкие взаимоотношения т. МОРДОВЦА с ЖАБРЕВЫМ, взаимоотношения т. МОРДОВЦА с ЖАБРЕВЫМ даже подозрительны.

Начальник Волочисского Райотдела НКВД т. ПАТРУШЕВ также ничем не отличился на работе во время операции. Поэтому для меня также непонятно, за что он награжден значком «почетного чекиста»?

Я считаю, что необходимо заинтересоваться, чем вызвано награждение значками «почетного чекиста» т.т. ТОРИШНОГО и МАТРОСОВА?

Меня удивляет, почему товарищи из Проскуровской оперследгруппы не говорят о руководстве бывшего зам[естителя] Нач[альника] УНКВД т. КРУТОВА во время его пребывания в Проскурове на следствии. Тов. КРУТОВ, руководя следствием в Проскурове, требовал от каждого следователя по 8—11 признаний за сутки, не вникая в суть заканчиваемых дел.

Беспрерывное пребывание начальников РО НКВД и их подчиненных на следствии в оперследгруппах, безусловно, прямым образом отражалось на агентурной работе и отрывало их от районов.

Вражеская деятельность ЖАБРЕВА очевидна и в вопросе связи работников НКВД с партийными организациями.

Таким образом, совершенно ясно, почему до сих пор на наших совещаниях, проводившихся в г. Каменец-Подольске, никогда не присутствовал секретарь Обкома партии. И это в наших условиях влекло аппарат органов НКВД на отрыв от партийного руководства.

Снижаемые³ на периферию директивы Облуправления НКВД зачастую восстанавливали ее против руководства УНКВД.

В директивах УНКВД осенью с. г., во время маневров за подписью зам[естителя] нач[альника] УНКВД т. ЛЕОНОВА были сплошные угрозы — за непредставление информации грозило выговором, арестом и судом.

Я считаю, что частые требования информации по телефону являются явным нарушением элементарных правил конспирации в нашей работе.

В руководстве У[правления] Р[абоче]-К[рестьянской] М[илиции] по паспортному режиму есть много неясностей. К тому же меня удивляет, почему до сих пор не выдворяют репрессированных из Меджибожского района.

Кроме этого, директивы УРКМ оперативного характера часто поступают в район позже, чем напоминания по ним.

13. СЕНЮК (нач[альник] Виньковецкого Райотделения НКВД).

[...] Упрощенные методы в следствии дали возможность вражескому руководству, существовавшему в НКВД, арестовывать зачастую невинных

³ Так у тексті. Імовірно, «пускаемые».

людей, ибо материалы, полученные при упрощенном ведении следствия, не проверялись.

Погоня за количеством дел приводила к тому, что брали «головку», а низовка оставалась нетронутой. Я лично работал на следствии в 4-м Отделе УНКВД и бывший начальник ГИНЕСИН категорически предложил мне перестроиться и «форсировать» следствие, дабы дать количество. Я это делал, но за качество таковых не ручаюсь.

Бывший нач[альник] 3-го Отдела ШУХМАН (арестован как враг народа) тоже требовал количество и обязательно сознавшихся обвиняемых. И если оперработник отставал за этими вражескими темпами, его прорабатывали на оперативных совещаниях. Искусственно создавались организации, лишь бы дать «показатели» в работе.

Для полного вскрытия вражеского подполья нам теперь необходимо переключиться на насаждение агентурно-осведомительного аппарата, дабы создать крепость — заграждение против вражеского элемента.

Враг ЖАБРЕВ под видом загруженности в работе давал установку меньше заниматься информацией парткомитетов, не ходить на заседания, а заниматься только своей ведомственной работой. Отрыв наших органов от парторганизации ведет к плохим последствиям.

Аналогичные указания были и во взаимоотношениях наших работников с прокурорами. Были случаи, когда прокуроров не допускали к арестованным и следствие велось без их надзора.

14. ПАТРУШЕВ (нач[альник] Волочисского Райотдела НКВД).

[...] Во время моей работы в Шепетовке дела там вели безобразно плохо. Были случаи, когда с очных ставок забирали арестованных для приведения над ними приговоров. Их уже осудили, а дела не закончены были. Таким образом, не вскрывалось контрреволюционное подполье.

Со стороны 3-го Отдела нет гибкости в части практических указаний по конкретным аг[ентурным] делам.

Состояние агентурной работы плохое. Мы брали людей по спискам, не имели на них материалов, глубоких стариков, которые не могли быть на следствии, иногда они умирали в тюрьме.

В пограничных лобовых районах необходима особая помощь. Нач[альник] погранотряда ЗУБРИЛО нас обвиняет в том, что мы плохо боремся с врагами, у нас недостаточные репрессии. Они настаивают на массовом выселении из погранполосы колхозников, на которых нет достаточно компрометирующих материалов.

О выступлении ЖУРАВЛЕВА. Я ЖАБРЕВА мало знаю, я все время работал на следствии, был на черновой работе. Я с ЖАБРЕВЫМ ничего общего не имел и почему меня наградили, из каких соображений исходили — я не знаю. Особых заслуг у меня не было, были дела по низовке.

В отношении САМОГОРОДСКОГО — он был более приближенным к ЖАБРЕВУ и этот вопрос должна разобрать парторганизация.

В отношении арестов членов партии — нужно здесь руководствоваться, как быть, сперва исключать из партии, а потом арестовывать, или же наоборот.

У нас в районе чрезвычайно засорена парторганизация и борьбу по очистке наших партийных рядов нужно нам продолжать.

15. ВАДИС (нач[альник] 3-го Отдела УГБ УНКВД).

[...] Об особенностях работы в пограничной Каменец-Подольской области — нужно продолжать громить врагов, а надо сказать, что именно в Каменец-Подольской области есть еще много врагов, с которыми нужно вести самую ожесточенную борьбу.

Какие есть недостатки в работе?

Облуправление НКВД недостаточно гибко реагирует на запросы ОО, слишком мало оказалось практической помощи РО и в частности со стороны 3-го Отдела.

Это, правда, объясняется тем, что мне в наследство передано свыше 200 следственных дел. Да, кроме того, к нам каждый день поступают по 2–3 польских и 1–8 румынских перебежчиков, над которыми требуется кропотливая следственная работа для вскрытия шпионов-диверсантов.

Требуется консультация по работе с агентурой, ибо мы в этой части имеем много пробелов. С агентурой чекист работать не привык, а без агентуры чекистский аппарат превращается в обыкновенный советский аппарат, неспособный вскрывать врагов. (Примеры — дело ДЕРАЖНИ, ОРЫНИНА, ПРОСКУРОВА).

[...] Ни один райаппарат не задержал [ни одного] шпиона из Польши.

16. БЕГЛЯКОВ (оперуполномоч[енный] 3 Отдела УГБ УНКВД).

В Каменец-Подольском УНКВД я работаю с марта месяца 1938 года — вначале массовой операции. В этот период не было вскрыто организованное контрреволюционное подполье, аресту подвергались одиночки.

Пройденный чекистский путь нам дает возможность выявить имеющиеся недочеты. Привожу примеры.

По Волковинецкому району мною была вскрыта контрреволюционная организация. Но в то время бывший нач[альник] УНКВД т. ПРИХОДЬКО предложил искать порошок, которым якобы уничтожалось конское поголовье.

Ряд ценных агентурных материалов не разрабатывались.

Недочетами в массовой операции является и то, что были мобилизованы различные работники. Создавались провокационные контрреволюционные организации, неправильно ориентировали следователей в раскрытии линий, арестованных направляли на выдуманные организации.

В практической работе на следствии отмечались неоднократные факты, когда вражеским руководством давались установки на вскрытие центра, бросались в погоню за количеством арестованных, следственные дела не доводили до логического конца и подкрепляли вражескую деятельность практическим вредительством или антисоветской агитацией. Такое положение зачастую приводило к оставлению на свободе врагов.

Аресты производились безосновательно, нарушая существующие законы, нарушались процессуальные нормы и из-под палки получали показания от обвиняемых, вскрывая липовые организации, в то время когда обвиняемые были шпионами или членами каких-либо других контрреволюционных организаций. [...]

17. ШЕВЧЕНКО (нач[альник] Плужанского Райотделения НКВД).

[...] Останавливаюсь на недостатках.

Следственная работа — законченные дела месяцами лежали без движения. После мы получили указание оформлять эти дела на справки, а срок дали два дня, надо было установить шпионаж. Как же мы оформляли эти дела? Добились ли качества? Нет, добивались только бы скорее их спихнуть.

По Плужному был арестован крупный шпион САМОЙЛОВИЧ, дал сетку он 20 человек, а срок окончания этого дела только два дня — таким образом, это дело смазали и не вскрыли всей сетки шпионажа.

Приезжавшие работники из области по операции допускали к нам — низовым работникам — грубость, мат.

В Славуте были вскрыты крупные фашистско-чешские дела. ЖАБРЕВУ не понравилась линия «ПОВ» и здесь в УНКВД переделали линию. Как это так? Раз чехи — значит, чешская шпионская организация? [...]

19. ДЕЙНИЧЕНКО (нач[альник] отделения 4-го Отд[ела] УГБ УНКВД).

Я согласен с замечанием тов. ЕКИМОВА в том, что т. ПАРФЕНОВ в своем выступлении сделал неправильные политические выводы о нашей чекистской работе, всю работу УНКВД брать под сомнение — это неверно.

Наше совещание работает уже продолжительное время, но выступающие товарищи не говорят о том, о чем нужно говорить, выдвигают объективные причины, не говорят о вскрытии вражеской деятельности руководства.

Также выступающие товарищи не говорят о дальнейших конкретных мероприятиях, о перестройке агентурно-оперативной работы в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома.

Наша сейчас задача — это правильно громить врагов через глубокую агентурную работу при полном соблюдении революционной законности.

Работниками Областного Управления не было уделено достаточного внимания разоблачению правотроцкистского подполья. Сейчас нам нужно немедленно приступить к приобретению агентуры для нанесения сокрушительного удара по организованной правотроцкистской контрреволюции.

По разгрому украинской националистической контрреволюции работали тоже плохо.

В наших периферийных аппаратах узким местом в работе является отсутствие квалифицированного агентурного аппарата.

По церковникам и сектантам во время проведения массовой операции был нанесен недостаточный удар.

У нас в периферийных аппаратах имеются и такие работники, которые разогнали старую агентуру (Грицев — ГАВРИЛЮК), а некоторые работники прикрывают свою бездеятельность якобы отсутствием практической помощи со стороны УНКВД.

Начальник Проскуровского Горотдела УНКВД т. САМОГОРОДСКИЙ не информировал отделы УГБ УНКВД о состоянии агентурно-оперативной работы, а по всем делам разговаривал только с ЖАБРЕВЫМ.

Для нас теперь ясно, что у нас было со стороны ЖАБРЕВА вражеское руководство.

Были и случаи подхалимства со стороны отдельных работников (Изяславль — ТОРИШНЫЙ).

Выступавший ранее быв[ший] нач[альник] Плужнянского РО НКВД т. ПАТРУШЕВ не рассказал об отдельных лицах, которые были арестованы неверно и впоследствии осуждались.

Нужно по таким случаям вести расследования и виновных привлекать к ответственности.

Были и такие случаи, когда в Летичевском районе враги оклеветали молодых учителей-комсомольцев, которые были репрессированы.

20. КУРИЛО (нач[альник] Сатановского райотделения НКВД).

Директива Совнаркома и ЦК ВКП(б) дана своевременно, так как во время проведенной операции было допущено много ошибок.

Работая в лобовом пограничном районе, с прибытием в район я встретился с фактом, когда во многих селах вовсе нет агентуры.

Начав знакомиться с агентурой, я столкнулся с фактом, что большая половина ее расшифрована. Агентура расшифрована в результате того, что она находилась на связи с работниками милиции, вплоть до того, что часть находилась на связи даже с рядовыми милиционерами, не считая того, что агентура также находилась на связи у инспектора О[тдела] П[ожарной] О[храны], инструктора О[тдела] А[ктов] Г[ражданского] С[остояния], начальника Б[юро] И[справительных] Р[абот] и т. д.

Естественно, что в результате такой постановки работы с агентурой она и подвергалась расшифровке. [...]

За последнее время нами приобретена новая агентура, сугубо конспирируя ее работу, в результате чего имеются уже кое-какие заслуживающие внимания материалы.

Есть еще причины, послужившие поводом к расшифровке агентуры, а именно: устраивали на работу агентуру открыто, через руководителей хозяйственных предприятий, советских учреждений и т. п. [...]

Плохие результаты по следствию зачастую являются результатом отсутствия агентурной работы. [...]

В процессе работы с арестованными я сталкиваюсь с большим неудобством, так как по истечении трех суток арестованные отправляются в тюрьму. И дальнейшую работу с ними приходится проводить по месту их заключения. Причем на дорогу, будь это в гор. Каменец или Проскуров — приходится тратить целые сутки. [...]

22. МОРДОВЕЦ (помощник Начальника УНКВД).

Постановление Совнаркома в ЦК ВКП(б) целиком и полностью касается нашей области и оттеняет все наши недостатки как в следственной, так и агентурной работе, нашей недисциплинированности и расхлябанности.

Областной аппарат часто не реагировал на требования Райотделов, но и Райотделы зачастую молчат, ничего не пишут и не отвечают отделам Облуправления.

Выступавший т. ЖУРАВЛЕВ заявил, что я, работая в Городокском районе, ничего не сделал. По-моему, тов. ЖУРАВЛЕВ, трудно судить, делал я что или нет. Ибо т. ЖУРАВЛЕВ меня знает последние два месяца,

а я в Городокском районе проработал три года и два месяца. За это время не видал в глаза ЖУРАВЛЕВА, три года работы нельзя охаивать.

Тов. ЕКИМОВ в своем выступлении заявил, что МОРДОВЦА выдвинул ЖАБРЕВ и что, будучи в Городке, я ничего не сделал, на следствии не сидел, оружием втирал очки. Я заявляю честно, что, будучи в Городке, я сделал немало, но много было и недоделок.

Провел переселение польского контрреволюционного националистического элемента, около 1000 хозяйств. Арестовано было более 1000 человек, вскрыт ряд контрреволюционных организаций, подполья всяких мастей.

Сидел я на следствии или нет? Здесь присутствуют товарищи, с которыми я сидел на следствии в Проскуровской тюрьме 6 месяцев безвыездно. После чего я вел следствие на месте — в районе, а впоследствии от следствия был освобожден, так как была ориентировка из Киева, что в Городокском районе запрятано много оружия, и мне, наоборот, прислали в помощь еще из области оперработников.

В отношении оружия — все же по изъятию оружия я поработал немало, и кроме откопанных гранат, что их якобы не признают, райотделением изъято много оружия у населения — это же факт.

Кто меня выдвинул — я не знаю. Знаю одно, что я просил Нач[альника] О[тдела] К[адров] т. ЮФУ, чтобы меня перевели, ибо у меня взрослые дети и их нужно воспитывать. ЮФА сам заявил, что он продвигал меня, а я лично точно не знаю.

Я проработал 9 лет начальником райотдела, а в области работаю всего лишь четвертый месяц и на последней работе всего лишь полтора месяца. Я считаю, что в областном аппарате я имею право работать, как и каждый.

Суммируя мою работу в Городокском Райотделении, я считаю, что почетный значок я получил правильно.

Кроме того, все эти факты можно проверить.

Пару слов о вредительской деятельности врага ЖАБРЕВА. ЖАБРЕВ разгонял аппарат, особенно евреев. Это он все делал под видом очистки аппарата и якобы на основании каких-то директив. Для ясности я хочу привести пример. Не помню какого числа ЖАБРЕВ вернулся из Киева. Прийдя к нему в кабинет, я застал у него т. ЛЕОНОВА. ЖАБРЕВ рассказал, что есть распоряжение Наркомата и ЦК, что из пограничных областных отделов НКВД всех евреев, на которых имеются компрометирующие материалы, переведут в лагеря и уволят, а на кого нет — те поедут работать в тыловые области.

Тут еще враг ЖАБРЕВ берет трубку и вызывает секретаря парткома ЛЕЛОНГА, который вскоре пришел. ЛЕЛОНГУ ЖАБРЕВ то же самое заявил, добавив, что нужно договориться с ЕКИМОВЫМ и провести партийные группы.

После этого, спустя некоторое время, в конце военного учения ЖАБРЕВ, вызвав меня, начал упрекать, что плохо работает фельдсвязь. Предложил мне послать в Проскуров, Старо-Константинов, Миньковцы и Шепетовку — сделать обследование пунктов связи.

Я спросил: «Кого послать?». Тут же секретарь парткома ЛЕЛОНГ предложил работника О[тдела] К[адров] тов. КУЩА. Но ввиду выезда

последнего в Проскуров ЖАБРЕВ продиктовал записку КУЩУ, указав фамилии. Я написал, дал ЛЕЛОНГУ, а тот отправил в Проскуров. Больше я поручений от ЖАБРЕВА не получил.

Это моя вина, что я слепо выполнил вражескую установку ЖАБРЕВА. Не подозревал это я и потому, что ЖАБРЕВ тут же вызвал секретаря парткома, и я думал, что ЛЕЛОНГ поставил в известность полностью партком. Кроме этого, ЛЕЛОНГ на днях приехал из Киева и заявил, что действительно есть директива об увольнении евреев из пограничных областей.

Еще добавил, что в Киеве КРУТОВ заявил, что Нарком указал: «Эта национальность своего государства не имела и может продать любое государство» — добавил, что этому предана гласность и это делается с ведома Москвы.

23. РОГОВЦЕВ (начальник Облмилиции).

Органы НКВД провели большую работу по разгрому врагов и неправильное было выступление т. ПАРФЕНОВА, который огульно охаивал всю работу. [...]

Ошибки были, об этих ошибках и недочетах четко говорит постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), которое является программой нашей дальнейшей работы.

Перед милицией стояла огромная задача по обеспечению паспортного режима в области, а разоблаченные теперь враги, ЖАБРЕВ и ШУХМАН, переключили всех работников милиции на выкачку оружия и другие работы, что не дало возможности милиции справиться с возложенными на нее задачами.

Начальники Райотделений НКВД должны руководить работой милиции, отвечать за нее, а они зачастую используют ее не по назначению. В результате милиция не занималась своей основной работой.

В районах зачастую создавались фиктивные дела, не указывались дети, люди преклонного возраста и т.д. Когда же выдворяемые подавали заявления и их проверяли, то устанавливали совершенно противоположное. Никто из Райотделений НКВД, кроме Славуты, не сигнализировал об этом.

По вопросу детей, выдворяемых из погранполосы, никаких указаний не было. ЖАБРЕВ предложил детей оставлять у родственников, что и делали.

По вопросу вредительства. Перед октябрьскими праздниками перевели весь состав милиции на казарменное положение. Была договоренность, что обслуживать их будет столовая тюрьмы, но потом работников милиции не пустили в столовую, что срывало все мероприятия.

По вопросу увольнений. Как-то я зашел к ЖАБРЕВУ, он оглянулся и, удостоверившись, что в кабинете никого нет, предложил мне с особыми предосторожностями взять в командном⁴ отделе все личные дела сотрудников милиции, выбрать дела на евреев и положить в кассу, обещая приехать ко мне и просмотреть их. Тогда же он предложил мне не принимать на работу в милицию евреев.

⁴ Так у тексті.

По требованию Киева я написал аттестацию на КАНЕВСКОГО — хорошего работника. Но только потому, что он по национальности еврей, ЖАБРЕВ не утвердил аттестации.

Когда после приезда ЖАБРЕВА из Киева я принес ему подписать несколько приказов о назначениях, в том числе и евреев, он напал на меня, почему я не выполняю его приказов и принимаю на работу евреев? Такие же разговоры в отношении евреев были и в присутствии ЛЕОНОВА.

24. *ЛЕЛОНГ (начальник Отдела Кадров УНКВД).*

Я хочу сказать о той вражеской работе, которая имела место в Областном Управлении НКВД и которая в частности проводилась через отдел кадров по заданию врага народа ЖАБРЕВА.

ЖАБРЕВ дал директиву — уволить из наших органов всех евреев. По его директиве были уволены из Облуправления НКВД КОРДИТ и ВАЙНЕР, которые совершенно этого не заслуживали.

Когда т. ЕКИМОВ спросил у ЛЕОНОВА: «Почему уволен КОРДИТ?», то он ответил, что есть какой-то агентурный материал, что его квартиру посещают какие-то подозрительные личности. А что это за материал — никому не известно. ВАЙНЕРА уволили совершенно без всяких оснований только потому, что он по национальности еврей.

Вражеское руководство УНКВД ставило своей задачей перебить наши честные чекистские кадры.

После военных учений мне ЖАБРЕВ говорил о том, что необходимо нанести оперативный удар по торгашеским элементам среди евреев. Под этой маркой готовился удар против сотрудников УНКВД — по национальности евреев.

На одном из совещаний в присутствии ЛЕОНОВА, МОРДОВЦА и меня ЖАБРЕВ заявил: «Имеются указания очистить органы НКВД от торгашеского элемента из евреев». После этого выступления он прямо заявил: «Нужно в ближайший период нашу пограничную область очистить от евреев, об этом нужно знать только в узком кругу лиц. Так как директива Наркома очень секретная, а когда нужно будет — ее объявят». Эта вражеская установка проводилась нами в жизнь.

Из Киева было получено указание за подписью КРУТОВА об откомандировании из области ряда сотрудников — все они по национальности евреи. Аналогичное указание об увольнении евреев было дано и по другим отделам, в частности по фельдсвязи. Так, уволен фельдъегерь ГЕЛЬМАН, на которого не было никаких компрометирующих материалов. Приказ был подписан ЖАБРЕВЫМ с ведома МОРДОВЦА. Уволен и ШЕХМАН без наличия компрометирующих материалов.

Для того чтобы найти хотя бы какие-нибудь формальные причины для увольнения из фельдсвязи евреев, были проведены обследования ряда фельдпунктов. МОРДОВЕЦ дал тогда указания во что бы то ни стало найти компрометирующие материалы на работающих в фельдсвязи евреях или, в крайнем случае, составить акт обследования в мрачных красках.

Я признаю, что проявил близорукость, политическую слепоту, допустил крупнейшую политическую ошибку, выполняя вражеские указания

ЖАБРЕВА, вместо того чтобы сообщить о них членам парткома, Горкому и Обкому. За это я должен понести суровое наказание.

25. ВЛАСОВ (секретарь Обкома КП(б)У).

Товарищи, мы сегодня собрались обсудить Решение Совнаркома и ЦК ВКП(б) о наших недостатках.

ЦК неоднократно выносил свои постановления, где ясно и четко освещал недочеты нашей работы.

Выступающие товарищи говорили о своих недостатках, о национальных попытках, привлекали к ответственности только потому, что он поляк и т. д.

Ваши славные органы под руководством Н. И. ЕЖОВА нанесли сокрушительный удар по осиным гнездам. Мы должны сейчас с еще большей силой принять решительные меры по разгрому врага.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) некоторые могут не усвоить. Подумать, что мы должны слабее бить врага. Нет, нужно понять, что решение СНК и ЦК ВКП(б) обязывает чекистов на еще большую работу по борьбе с врагами.

Я должен остановиться на последствиях вредительства в органах НКВД, что получилось в результате засоренности случайно попавшими вражескими элементами в НКВД.

Я не согласен с выступлением тов. ВАДИСА, который указал, что он не смог сориентироваться и слепо выполнял приказания ЖАБРЕВА. Выступавшие МОРДОВЕЦ и секретарь партийного комитета ЛЕЛОНГ знали о фашистских методах и явно гитлеровских действиях врага ЖАБРЕВА, однако не приняли никаких мер.

Вы знаете, что партия проводила долгие годы свою работу в глубоком подполье в борьбе с капитализмом. Коммунисты-чекисты должны выполнять дело партии, указания т. т. СТАЛИНА и ЕЖОВА, выполнять волю народа.

На протяжении долгого времени работы с врагом ЖАБРЕВЫМ мне приходилось немало сталкиваться и не выполнять его линию в работе, например — выселение из гор. Каменец-Подольска учителей и агрономов.

Мы за очистку нашей области от враждебных элементов, за очистку правильную, а не за очистку фашистскую, которую проводили УСПЕНСКИЙ и ЖАБРЕВ.

Мне также предложил ЖАБРЕВ уволить с работы в Обкоме Партии зав[едующего] особым сектором т. ПЕЙЗНЕРА, но я его не уволил, так как убедился, что материалов для его увольнения нет.

Здесь выступавшим т. т. МОРДОВЦУ и ЛЕЛОНГУ нужно было сказать о вражеской работе ЖАБРЕВА в Обкоме партии (линия ЖАБРЕВА в отношении еврейской национальности).

Мы имели в виду, что в УНКВД имеются члены бюро Обкома и Горкома, члены Обкома и, казалось бы, что такие лица должны были бы сигнализировать о вражеской работе, но они этого не сделали. За эти ошибки партийная организация должна будет виновных крепко ударить.

Один из товарищей неправильно выразился, что чекисты тупеют, я бы сказал, что чекисты растут. За 1937–1938 г. г. основательно разгромили врагов и будут громить их еще больше.

Партия установок об увольнении из органов НКВД лиц еврейской национальности не давала, и секретарь Парткома УНКВД, он же начальник отдела кадров т. ЛЕЛОНГ, об этом скрывать не должен был.

Враги выискивают все методы, чтобы перебить чекистские кадры. Нам нужно очень осторожно подходить к каждому работнику, нужно найти действительных пособников врагов.

Привожу пример. Вот у нас есть начальник Проскуровского Горотдела НКВД т. САМОГОРОДСКИЙ. Работает плохо, но благодаря тому, что враг ЖАБРЕВ хорошо к нему относился, последний от него работу не требовал. Это очень интересный момент, и таких начальников мы держать не будем. Из Вашего выступления, т. САМОГОРОДСКИЙ, видно, что у Вас работа поставлена из рук вон плохо.

В связи с последним решением ЦК и Совнаркома от наркомвнудельцев нужно требовать еще более квалифицированной работы.

Отрыв от партийной организации — конечно, выступающие товарищи правы в том, что партийные организации были оторваны в НКВД. Был случай в Берездове, когда Нач[альник] РО НКВД предлагал секретарю Р[айонного] П[артийного] К[омитет]а проверить какие-то факты и доложить мне.

В Дунаевцах Нач[альник] РО НКВД потребовал у пред[седателя] Р[айонного] И[сполнительного] К[омитет]а выдать бензин, когда тот спросил: «Зачем?», он ответил: «Это не твое дело, если не дашь, арестуем».

КУЗУБОВ требовал в автогараже Облисполкома автомашину. Когда дежурная заявила, что нет зав[едующего] гаража, он приказал немедленно прислать автомашину, в противном случае он ее арестует.

Начальник Черноостровского РО НКВД написал мне записку о том, что секретарь РПК имеет репрессированных родственников. К нему на квартиру заходят исключенные из партии, покупает сахар по себестоимости, требуя его исключения. При проверке ничего подобного не оказалось. Надо прекратить всякое зазнайство и нетактичное поведение.

Товарищи выступали и говорили об извращениях директив партии. Но нас интересует, почему партийный комитет не вел с этим борьбы? Чем же занимался партийный Комитет? Некоторые считали, что ЖАБРЕВ большой авторитет.

Некоторые товарищи высказывают настроения о роспуске партийного комитета. Это неверно, нужно пересмотреть, кто же эти члены парткома, как они были связаны с врагами, и всех выявленных лиц, которые осуществляли линию врага ЖАБРЕВА, были его приближенными и являлись его охвостом, — нужно их из органов освободить.

26. ЕКИМОВ (вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] Каменец-Под[ольского] УНКВД).

После ареста ЖАБРЕВА решением облкомитета КП(б)У мне предложено принять временно руководство УНКВД. Я присутствовал на заседании политбюро ЦК КП(б)У, где основным вопросом стояло обсуждение постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) об извращениях в агентурно-следственной работе наших органов.

На заседании политбюро выяснилось, что бывший Нарком НКВД УСПЕНСКИЙ оказался крупным заговорщиком, который привез на

Украину своих сообщников, ныне арестованных вместе с ним. Наша Советская разведка под руководством тов. ЕЖОВА разгромила очень много вражеских гнезд. Наш коллектив тоже немало провел хороших дел по области, потому что основной коллектив чекистов предан делу партии, делу построения коммунизма.

Органы НКВД пользуются любовью у народа, поэтому выступавший здесь т. ПАРФЕНОВ неправ, говоря, что нас боятся трудящиеся. Тот, кто чувствует за собой грехи — тот боится нашего удара. К нам ежедневно поступают сотни заявлений, трудящиеся помогают нам вскрывать врагов.

Враги вели свою работу среди чекистов с целью разложить и уничтожить костяк в УГБ. Враги агентурную работу поставили на последний план, ибо они знали, что этот аппарат основной в работе НКВД.

Неправильно думать, что все было плохо в следственной работе. Мы с кулаками, единоличниками возиться долго не имели права, а вот с организаторами контрреволюционного подполья мы работали мало, ибо они унесли с собой свои кадры.

Мы игнорировали свидетельские показания. Это было и является большой ошибкой. Если бы мы проверяли среди населения показания арестованных врагов, тогда мы бы не имели неправильно арестованных и осужденных.

К следственным делам подходили не по-партийному, боялись сказать, что тот или иной человек арестован неправильно и его нужно освободить. Такого не было потому, что боялись нажима со стороны руководства. Зачастую дела делались липовые, с целью вскрытия несуществующих линий. Лично мне бывший начальник 4-го отдела ГИНЕСИН предлагал сделать из одного арестованного попа ровсовского руководителя.

У нас сейчас арестован бывший пограничник, который дает [показания на] одного видного чекиста, а ЖАБРЕВ этому делу умышленно не дал разворота и предложил дело вести в другом направлении.

С арестованными работали вообще, а не конкретно, ибо агентурных данных у нас не было, дела подготавливались предварительно плохо.

От нас Партия сейчас требует делать еще больше в несколько раз, но так, чтобы вскрывать действительных врагов и всю их вражескую линию, а для ареста нужно иметь все документы, подтверждающие вражескую деятельность подлежащего аресту.

Мы безобразно нарушили революционную законность, по году не допрашивали арестованных, такие дела есть и у нас в УНКВД.

Как мы оформляли протоколы? Вот тов. ГОРЕЦ сидел месяцев шесть над тремя арестованными и по полтора месяца писал протокол. Писали протокол, носили к нач[альнику] Управления, и его браковали, говорили: «Мягко написано, не годится». СЕМЕНОВА протокол писали полтора месяца.

По правотроцкистскому отделению за 10 месяцев закончили 8 человек — 13 дел. Я говорил об этом ЛЕОНОВУ, что это вражеская деятельность, пособничество врагу — на это внимания не обращалось.

Следователя превращали в писателя, не подходили объективно партийно к оформлению дел, требовали больших протоколов.

В ряде случаев мы все проверяли показания свидетелей, не допрашивали совершенно свидетелей, которых выставял обвиняемый.

Перед нами сейчас поставлена такая задача — все следдела, которые имеются у нас в производстве, профильтровать и не стесняться, кто не виноват — освободить. Это не значит, что можно будет легкомысленно подходить к вопросу освобождения.

В части агентурной работы — у нас существовал такой метод, что не на основании аг[ентурных] данных проводили след[ственные] дела. Во время массовой операции и сейчас никто в аг[ентурные] материалы не заглядывал, а арестовывали по справкам сельсоветов.

Теперь у нас осталось много дел-формуляров, фигурантов коих нужно было бы репрессировать. В отдельных случаях неправильно относили обвиняемых евреев к «ПОВ».

Агентурная работа у нас в загоне. Польша и Румыния к нам засылают много шпионов. Мы же только обороняемся, мы туда разве не можем посылать [агентов], мы не знаем, что там делается. У нас есть много таких фигур, которых можно было бы туда послать, но боятся закордонной работы и не готовили закордонной агентуры.

Об аг[ентурных] делах — заводят дела на основании не агентурных данных, а показаний арестованных, которые уже репрессированы — расстреляны (Прокуров). Это очковитательство, не больше.

Мы должны информировать секретарей парткомов о тех коммунистах, на которых имеются у нас показания, и ставить вопрос о пребывании в партии того или иного члена ВКП(б) лишь тогда, когда мы в этом окончательно уверены, дабы не допустить ошибки.

Насажение агентурно-осведомительного аппарата должно происходить только планоно и знать, кого надо вербовать. Мы потеряли вкус в агентурной работе, а без этого мы не сможем выполнять указания ЦК ВКП(б).

ЖАБРЕВ после возвращения с маневров прямо на совещании нач[альников] отделов заявил, что еврейское население проводило провокационную линию, по существу он — ЖАБРЕВ — ориентировал аппарат на еврейские погромы закрытым видом. Бывший начальник 4-го отдела ЛЕОНОВ это претворял в жизнь, но мы на эту вражескую удочку не шли и арестовывали из евреев только врагов.

О наградах — не согласовывали с парторганизацией. Я приходил к ЛЕОНОВУ и говорил, что неправильно у нас награждают. Я об этом говорил и МОРДОВЦУ — он говорил, что ЖАБРЕВ умеет выращивать людей и их выдвигать.

Выдвижение САМОГОРОДСКОГО. В Вороновцах провалил работу, разложился. В Ляховцах тоже развалил работу, после его выдвинули в Старо-Константинов. В Проскурове тоже ничего не делал. Награду получил неверно, я говорил об этом ЖАБРЕВУ, но он заявил, что «я тебе дам».

МОРДОВЕЦ — результаты разгрома в Городке не его дело. В 1936 году я обследовал их деятельность, у них было много учетов, там изыали 1500 человек — втерли очки с ЖАБРЕВЫМ.

ЛЕЛОНГ, как секретарь парткома, администрировал, пугал ЖАБРЕВЫМ, самолично решал вопрос. Совершенно неслучайно, когда вопрос шел о разгроме евреев — знали только ЖАБРЕВ, ЛЕОНОВ, МОРДОВЕЦ и ЛЕЛОНГ.

ЛЕЛОНГ приехал — немедленно его назначили начальником отделения, а потом сразу Начальником Отдела Кадров. А как он работал? За 6 месяцев не мог закончить два дела. ЛЕЛОНГ нужен был ЖАБРЕВУ для проведения враждебной работы, и он ее проводил.

Из всех получивших награды правильно получил значок только тов. ТОРИШНЫЙ.

ПАТРУШЕВ, УРАЛОВ, МОРДОВЕЦ, САМОГОРОДСКИЙ получили значки неправильно. ЛЕОНОВУ и МОРДОВЦУ необходимо было обо всем сказать, а они этого не сделали.

У нас уволили 8 фельдгегерей-евреев, добирались до милиции, кое-кого перевели за пределы области.

Сейчас мы должны все это исправить через партийную организацию, повышать политуровень и мобилизоваться на работу.

Нужно поднять чекистскую дисциплину, нужно работать так, как должны работать коммунисты.

У нас существует в аппарате еще разгильдяйство и нездоровые настроения (приводит текст содержания письма тов. АВДЕЕВА — Проскуровский горотдел).

С такими настроениями мы с задачами, поставленными партией перед органами НКВД, не справимся.

РЕШЕНИЕ:

1. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) № 114387 от 17 ноября 1938 года — об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия — принять к неуклонному исполнению.

2. Пересмотреть все следственные дела, находящиеся в производстве, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б).

3. Перестроить чекистскую работу, дать упор на полное вскрытие контрреволюционных формирований и приобрести для этой цели ценную агентуру и осведомление.

4. Продолжать активный разгром кулацко-петлюровского элемента, шпионов, диверсантов, засылаемых в ряды НКВД иностранными разведками.

ВРИД НАЧ[АЛЬНИКА] УНКВД
ПО КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ [підпис] ЕКИМОВ

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 205–272.

Оригінал. Машинопис.

**Із протоколу закритих партійних зборів співробітників
УНКВС по Кам'янець-Подільській області про викриття
«фашистської змови» в органах НКВС СРСР**

27 листопада 1938 р.

ПРИСУТСТВУЮТ — членов партии 56 человек, кандидатов КП(б)У — 21 чел[овек].

В состав президиума парт[ийного] собрания большинством голосов избраны: т. т. ВЛАСОВ, ЯКОВЛЕВ, ГРОМОВ, ЕКИМОВ и ЛЕВКИН.

В состав секретариата собрания большинством голосов избраны т. т. ГОРЕЦ, КОРДУС, БЕСПРОЗВАННЫЙ.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О вскрытом фашистском заговоре в органах НКВД и мероприятиях партийной организации по ликвидации последствий вредительства (докладчик тов. ЕКИМОВ).

1. СЛУШАЛИ:

О вскрытом фашистском заговоре в органах НКВД и мероприятиях парторганизации по ликвидации последствий вредительства (т. ЕКИМОВ).

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

Тов. КОРДУС. Я очень жалею, что не имел возможности выступить на оперативном совещании с критикой чекистской работы в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) и [рассказать об] искривлениях в агентурно-оперативной работе.

В Каменец-Подольской области я работаю с самого начала ее организации. В работе УНКВД в бытность начальником ПРИХОДЬКО была неправильная линия в следственной работе: громили одиночек, не вскрывали организованного контрреволюционного подполья.

Затем мы присутствовали в апреле 1938 года на оперативном совещании областных и районных работников УНКВД, где враги народа УСПЕНСКИЙ и ЖАБРЕВ предлагали громить организованное подполье. Они — эти враги народа — нарушали постановление ЦК ВКП(б) и привлекали к следственной работе лиц, не имеющих права работать в УГБ, на следственной работе использовался кто угодно, включая посторонних лиц, и даже скомпрометированные.

В Деражнянском РО НКВД был привлечен бывший чекист, фамилию забыл, уволенный из органов за разложение и преступления.

Признания давались палочным порядком, искали так званые новые линии. Вот в 4-м отделе вскрыли военно-повстанческую организацию. В этом деле много «наколбасили».

Был у нас такой начальник отделения в 4-м отделе — УРАЛОВ, горе-чекист, угодили перед начальством, кстати, он за это получил значок «почетного чекиста». Он из националистов делал правотроцкистов, а когда вскрыли военно-повстанческую организацию, то от тех же арестованных он получил признание в принадлежности к военно-повстанческой организации.

Арестованный по 2-му отделению 4-го отдела ГАЛЬЧИНСКИЙ, признавшись в принадлежности к организации, дал 52-х участников организации. Из этого числа, как теперь вскрывается, он многих оговорил.

Реплика тов. ВЛАСОВА: В общем, писали показания, какие выдумывали арестованные.

Да, мне пришлось вести эсеровское дело по Изяславлю. Дело серьезное. По делу устанавливалась связь эсеров с Киевом. Всего по делу было арестовано 9 человек — оно было хорошо проведено, арестованные сознались, и его от меня не принимали для направления в судебную инстанцию.

Враг ЖАБРЕВ, ГИНЕСИН — быв[ший] нач[альник] 4-го отдела — требовали разворота дела. Такое же положение было по делам вскрытой контрреволюционной националистической организации.

В этом деле в погоне за разворотом достигли, что по показаниям проходят тысячи людей. И такая неправильная вражеская линия привела к тому, что если сейчас проанализировать дело, то не найдешь концов.

В 4-м Отделе был такой оперативный работник ОБОЛЯНСКИЙ — марафетчик. Это работник, к которому применима пословица «услужливый медведь опаснее врага». ОБОЛЯНСКИЙ получал показания от арестованных, в которых списком фиксировались участники организации. Арестованный по делу националистической организации КУЛЬБЕДА показал о 52-х якобы известных ему участниках организации. По делу с. Балино было арестовано 50 человек, из них человек 30 осуждены неправильно.

Бывший нач[альник] 4-го Отдела ГИНЕСИН (теперь работает в Харьковском УНКВД) давал и требовал от оперативных работников, чтобы каждый квалифицированный работник за день оканчивал не менее шести следственных дел. Вы понимаете, как получались показания от арестованных и как оформлялись дела.

Все эти извращения в следственной и оперативной работе получались в результате того, что у нас в парторганизации не было критики и самокритики, что мы все ходили на поводу у врага народа ЖАБРЕВА. На собраниях критиковали только пом[ощников] оперуполномоченных, но не выше по занимаемой должности.

[...] Вот наградили т. ПАТРУШЕВА — быв[шего] начальника Плужнянского Райотделения, ныне работающего в Волочисском РО НКВД. За что, я спрашиваю? За то, что он, ПАТРУШЕВ, при изъятии оружия в Плужнянском районе был инициатором массового искривления революционной законности? ПАТРУШЕВ в селах Плужнянского р-на созывал в сельбуд по 15 колхозников, предлагал им сдать оружие, затем оставлял милиционера и заставлял издеваться над колхозниками. По этому делу был арестован бывший нач[альник] милиции КЛЮС, а главный виновник — ПАТРУШЕВ — не только на свободе, но и награждается.

Я хочу остановиться на ЛЕОНОВЕ — начальнике 4-го Отдела и зам[естителе] Нач[альника] УНКВД. У него вредный фанатизм, во всем и всех он видит врагов.

Я помню дело по обвинению бывшего оперативного работника КАРАБЕЙНИКА. В этом деле ЛЕОНОВ не был объективен. Дело было у 4-х следователей, у т. т. ЕКИМОВА, ПАРФЕНОВА, меня и еще

одного следователя. Хотели доказать измену, но здесь простое барахольство и дискредитация. ЛЕОНОВ добился даже санкции на применение чрезвычайных мер в следствии по делу КАРАБЕЙНИКА.

[...] Неправильно работал Отдел Кадров при ЮФЕ, откомандировывались оперативные работники в лагерь, давались убийственные характеристики на честных людей, а парторганизация об этом не знала.

Тов. БЕСПРОЗВАННЫЙ. Я присутствовал на оперативном совещании, где могло сложиться мнение, что чуть ли не все ответственные работники были в опале у врага народа ЖАБРЕВА. Но в действительности это не так.

Я хочу доложить партийному собранию о методах работы начальника 3-го Отдела т. ВАДИСА. С первых дней своего приезда, буквально на третий день, тов. ВАДИС созвал оперативное совещание, на котором всех коммунистов обозвал врагами народа и пригрозил, что он нас арестует, предаст суду и т. д., абсолютно не зная работников.

Когда перед т. ЛЕЛОНГОМ, присутствующим тогда на оперативном совещании, был поставлен вопрос о необходимости поведения ВАДИСА обсудить на партийном собрании, т. ЛЕЛОНГ ответил, что этого делать не стоит, так как ВАДИС прислан Наркомом УСПЕНСКИМ на укрепление пограничной области и ему надо создавать авторитет. Ни одно оперативное совещание у нас в Отделе под руководством т. ВАДИСА не проходило без ругани, мата и угроз.

Или как оценить такое поведение т. ВАДИСА? Недавно т. ХАЧИНСКИЙ (работник 3-го Отдела) допрашивал одного агента польской разведки — перебежчика. Во время допроса в кабинет к т. ХАЧИНСКОМУ вошел т. ВАДИС, которому т. ХАЧИНСКИЙ доложил, что допрашиваемый им агент польской разведки признался в шпионской деятельности. Однако неправильно называет лицо, его вербовавшее.

Тов. ВАДИС тут же при поль[ском] агенте задает вопрос т. ХАЧИНСКОМУ: «А Вы это проверили?». Тов. ХАЧИНСКОМУ ничего не осталось делать, как заявить, что проверил. После чего т. ВАДИС потребовал дело, просмотрел его и в присутствии шпиона бросил дело на стол и крикнул на тов. ХАЧИНСКОГО: «Что же Вы врете, у Вас же ничего нет», — стукнул дверь и ушел. Этому был свидетель также т. БЕГЛЯКОВ.

Реплика секретаря Обкома т. ВЛАСОВА: При таком изложении вещей ни один агент не будет давать показания.

Правильно. Я хочу остановиться также на таком моменте. Не так давно была получена телеграмма от УСПЕНСКОГО с благодарностью тов. КОВАЛЕНКО, посвященная 20-летию Комсомола. По этому поводу т. ВАДИС собрал оперативное совещание, где наряду с другими моментами остановился на том, что т. ХАЧИНСКИЙ якобы гуляет и плохо работает (кстати, ХАЧИНСКИЙ также числился в черном списке).

Тов. ХАЧИНСКИЙ, признав отдельные недочеты в своей работе, заявил, что его семья находится в районе, трое детей и жена больны, что его самого из гостиницы попросили уйти. И он вынужден шататься по городу, не имея, где отдохнуть, спит на столе в Отделе.

Тов. ВАДИС обрушился на тов. ХАЧИНСКОГО, заявив, что он своим заявлением расхваливает партийную организацию, т.е. портит, мол, праздничное настроение в связи с получением телеграммы УСПЕНСКОГО.

Реплика т. ЕКИМОВА: Расскажи, как тебя ВАДИС посылал за водой.

Да, это интересный факт, который я считал за мелочь и не хотел об этом говорить, но о нем придется рассказать. Недавно я был занят вербовкой одного человека со средним образованием, который мог быть полезен для нашей чекистской работы. Во время моего разговора с этим объектом в комнату вошел тов. ВАДИС, вынимает деньги и обращается ко мне в присутствии вербуемого: «Пойдите в город и принесите мне зельтерской воды». Вы же, товарищи, понимаете, каково мне работать впоследствии с этим человеком, как он может давать данные о наличии организации мне, которого можно посылать за водой. Вообще нужно сказать, что тов. ВАДИС ведет себя, как «унтер ПРИШИБЕЕВ»⁵. Я не помню такого случая, чтобы т. ВАДИС поговорил по-человечески с работником.

[...] Я хочу остановиться еще на одном моменте. Всем известна история с тов. ПЛОСКИНЫМ — его «в работу» взяли по заслугам. Тов. ПЛОСКИН в момент напряженного международного положения⁶, когда мы были переведены на казарменное положение, будучи начальником отделения, потребовал приказ, в котором говорилось бы, что после работы нельзя уходить домой спать. Работал он также с холодком, но я думаю, что все же таки никакого права т. ВАДИС не имел объявить т. ПЛОСКИНА на оперативном совещании врагом народа, и что он, ВАДИС, вместе с ПЛОСКИНЫМ на фронт не пойдет, так как он его предаст.

Тов. КОЛЕСНИКОВ. Мы на партсобрании должны вскрыть вражескую работу, пробравшихся врагов народа в органы НКВД. Я — молодой чекист, но мне эти недостатки также бросались в глаза.

В следствии давались сроки и поштучные задания по окончании следственных дел. Мне тов. ЯКОВЛЕВ и еще двум товарищам дал задание за сутки окончить 59 дел. Мы вынуждали показания от арестованных.

[...] В партийной работе проводилось то, что приказывал враг народа ЖАБРЕВ. Секретарь парткома ЛЕЛОНГ проводил партийные школы только с разрешения врага ЖАБРЕВА. Меня, например, превратили в кандидата партии, так я и фигурировал в стенгазете, за невыполнение поручений по линии «ДИНАМО».

Реплика т. ВЛАСОВА: Они не знали своих членов партии. [...]

Тов. КИПЕРШТЕЙН. Германский фашист ЖАБРЕВ издевался над аппаратом. Как-то он вызвал работника ТПК СИМОНА и за то, что он не хотел выдать без денег сапоги жене ПРИХОДЬКО, обозвал его немецким шпионом.

Вместо основной работы, за которую меня крыли как ЖАБРЕВ, так и ЧЕСТНЕЙШИЙ, направляли меня на обслуживание личных нужд

⁵ Герой одноименного оповідання А. Чехова, відставний унтер-офіцер, одержимий манією «наводити порядок».

⁶ Ідеться про чехословацькі події 1938 р.

квартиры ЖАБРЕВА. За 24 часа мне было предложено обеспечить шторами весь отдел, зная заранее, что я это задание не смогу выполнить. И впоследствии, когда я не выполнил задания, меня вызвал к себе в кабинет КРУТОВ и назвал меня шпионом и снял меня с работы. На мою жалобу, поданную т. ЛЕЛОНГУ, как секретарю парткома, последний мне ответил: «Чего ты беспокоишься, работу ты себе найдешь».

Тов. ЧЕСТНЕЙШИЙ являлся подхалимом ЖАБРЕВА и чуть ли не жил у него на квартире. Также он был подхалимом у бывшего начальника ПРИХОДЬКО, который привез ЧЕСТНЕЙШЕГО из Николаева в Каменец-Подольск. За отказ от обслуживания квартиры ПРИХОДЬКО мне ЧЕСТНЕЙШИЙ пригрозил, что он меня выгонит. [...]

Тов. КЛИМОВСКИЙ. Врагов мы громили правильно, но ЖАБРЕВ и другие на разгром врагов неправильно нас направляли. У нас была камера-ожидалка, являвшаяся местом разложения арестованных. Попадая в эту камеру, арестованные делились между собой и договаривались, как нужно вести себя на следствии и о чем говорить.

У меня был арестованный ЯНСОН, который правдиво сознался. Протокол допроса попал к т. ЛЕОНОВУ. Последний усмотрел, что ЯНСОН — латыш, и протокол не принял, а приказал мне добиться от ЯНСОНА показания о шпионаже в пользу Латвии. ЯНСОН шпионажа в пользу Латвии так и не дал.

Есть такой арестованный ГАЛЬЧИНСКИЙ, который давал показания по всем линиям.

Как громили чекистские кадры и выгоняли из органов евреев? Тов. КОРДИТА выгнали из органов, и никто не знает за что. Он ходил ко всем и спрашивал, почему его уволили? И никто ему ничего не сказал. Тов. ЛЕОНОВ КОРДИТУ прямо сказал: «Мы увольняем честных людей-поляков, а почему ж не можем также выгонять евреев?». Он же, ЛЕОНОВ, неоднократно нажимал на репрессию евреев под видом сионистов.

Тов. ЛЕОНОВ приказывал мне применять репрессии к арестованным, на которых были сомнительные показания об их враждебной деятельности. Так было с бывшим начальником милиции ЯРМОЛЮКОМ. Мы не боролись с такими попытками ЛЕОНОВА и других.

Тов. ЕКИМОВ применял такие же методы в проведении совещания, как и т. ВАДИС, работников огульно называл лодырями и даже врагами. [...]

Тов. КОЛЕСНИЧЕНКО. Я — молодой чекист и хочу остановиться на том, как нас, мобилизованных ЦК ВКП(б), приняли в органах УНКВД.

В Киеве в НКВД СССР мы неделями шатались и ничего не делали. Нарком и ответственные работники с нами не беседовали, в коридоре с нами говорил КРУТОВ, успокаивал, что с нами будет говорить Нарком. Мы сидели в Киеве без денег. Затем нам дали назначение, несмотря на то что ни с кем из нас не беседовали, и не учитывали наших желаний, и не выявляли наших способностей.

В беседе с КРУТОВЫМ я ему сообщил, что имею высшее образование и нецелесообразно меня — инженера-металлурга — посылать в Каменец-Подольскую область. КРУТОВ обещал поговорить с Наркомом,

неразоблаченным врагом народа УСПЕНСКИМ, но из этого дела ничего не вышло.

На второй день приезда я беседовал с ЛЕЛОНГОМ. Я спрашивал у него, будет ли с нами говорить нач[альник] УНКВД? На что ЛЕЛОНГ ответил, что майор поручил ему с нами — новоприбывшими — разговаривать.

Нами — молодыми работниками — старые чекисты не руководят. Со мной т. ВАДИС, перед тем как включить в работу, разговаривал минут 20.

На днях т. ЕКИМОВ назначил меня по переписи населения по линии НКВД, а т. МАНИЛЕВИЧ не спросил у меня, в курсе ли я этой работы. Я с этой работой не справлюсь, так как я не знаю области, а провели по приказу.

Я только вхожу в курс дела, а меня отвлекают от оперативной работы, когда смело можно было на перепись назначить кого-либо из неоперативных работников.

ЛЕЛОНГА я знаю с 1935 года, при мне он работал парторгом доменного цеха Орджоникидзевского завода. После перевыборов он не был избран парторгом заводского парткомитета. После чего его забрали инструктором в завком, где он заведовал культсектором.

Компрометирующих материалов о ЛЕЛОНГЕ я не знаю. Кроме того случая, что о ЛЕЛОНГЕ разбирался вопрос на ЗПК по алиментному делу с его домработницей, которая имела от ЛЕЛОНГА ребенка.

ЛЕЛОНГ работал при секретаре РПК ГРАБОВСКОМ, ныне разоблаченном, как враг народа. ГРАБОВСКИЙ восхвалял ЛЕЛОНГА. Теперь в ЛЕЛОНГЕ произошла перемена, он стал совершенно другим человеком.

Я в Каменец-Подольском болел, по совету ЛЕЛОНГА подал рапорт, который мне возвратили, так как я его подал не через начальника отдела. Тогда ЛЕЛОНГ смеялся надо мной. Когда я задал вопрос ЛЕЛОНГУ, почему он так изменился, он мне ответил, что здесь нужно беспрекословно слушаться, ЖАБРЕВ — видный работник и лучший человек.

Вопрос от т. ЕКИМОВА: Скажите, за что сняли с работы парторга ЛЕЛОНГА на Орджоникидзевском заводе?

Я не знаю, почему ЛЕЛОНГА не избрали парторгом. Я знаю, что в доменном цеху Орджоникидзевского завода ЛЕЛОНГ развалил партийную работу. [...]

Тов. ХАЧИНСКИЙ. Наши органы под руководством партии и при поддержке народа разгромили вражеское подполье. Успехи были бы еще больше, если бы не мешали враги.

В 1937 году в Старо-Ушицком районе арестовали бывшего разведупровца, подозреваемого в шпионаже, ПОПОВИЧА. Я работал с этим арестованным более двух месяцев. Показаний он не дал, но только рассказал, как его обрабатывали для вербовки. Нам не дали как следует провести следствие по делу этого крупнейшего румынского агента, гнались, чтобы поскорее закончить. Только впоследствии мы вскрыли крупнейшую шпионскую сетку.

Скажу, в следствии много было допущено недочетов. Если мы в одних делах перегибали палку, то в отдельных делах — не добирали.

Я — молодой чекист, работаю в органах два года, в партии 12 лет. С переходом в НКВД я думал встретить совершенно другое, чем столкнулся за это время.

Хочу рассказать о работе 3-го Отдела. С приходом на работу мне показали начальника 3-го Отдела т. ВАДИСА, до него был начальник 3-го Отдела ШУХМАН — шумливый человек.

Первое мое впечатление о ВАДИСЕ было, как о спокойном работнике. Я начал присутствовать на оперативных совещаниях. На этих оперативных совещаниях партийного я ничего не видел, кроме махания рук и угроз.

При допросе арестованного ДЕМЧУКА — польского агента — я был скомпрометирован начальником 3-го отдела ВАДИСОМ. Агент мне стал рассказывать явно надуманные показания. Я стал разоблачать этого агента. В это время ко мне в комнату зашел начальник 3-го отдела. Я обрадовался, думаю, вот, поможет в допросе. Я по-чекистски т. ВАДИСУ доводил, что это арестованный ДЕМЧУК — агент польской разведки, хочет нас ввести в заблуждение, что он завербован в Киеве, а не польской разведкой. Тов. ВАДИС спрашивает: «А вы запросили Киев?». Вместо того чтобы меня поддержать, ВАДИС берет дело и прямо при арестованном мне заявил: «Зачем Вы врете? Вы ведь не проверяли». И ушел. После этого, т. е. ухода т. ВАДИСА, арестованный ДЕМЧУК смеялся.

Тов. ВАДИС относился ко мне не по-партийному, он выдумал версию, что я прогульщик и разлагаю аппарат. Я не имел в виду — расхолаживать сотрудников, выступая на совещании при обсуждении телеграммы УСПЕНСКОГО, когда заявил о своем тяжелом семейном положении. В 3-м отделе процветает недовольство плохим отношением т. ВАДИСА.

Тов. *МОРДОВЕЦ*. То обвинение, которое мне предъявляется, — я полностью несу за него ответственность перед партией. Я хочу только, чтобы меня поняли не так, что я выполнял директиву ЖАБРЕВА, как врага народа.

Я хочу внести ясность в своих взаимоотношениях с ЖАБРЕВЫМ. Когда я работал в Городке, ЖАБРЕВ был у меня всего один раз, и то мимоходом. Кто меня выдвигал — я не знаю. Я просил т. ЮФУ перевести меня в район городского типа вследствие семейных обстоятельств.

На Съезд партии меня выдвигал секретарь Обкома т. КОЛЕСНИКОВ, а ЖАБРЕВ до этого со мной не говорил.

Будучи начальником 2-го Отдела, я был вполне удовлетворен. Выдвижение на должность помощника начальника Управления — это меня не удовлетворило. Так как фактически меня сняли с оперативной работы, где я работал хорошо.

Как меня представляли к награде значком «почетного чекиста» — мне неизвестно. Я выполнял беспрекословно распоряжения ЖАБРЕВА, как начальника Управления.

Как была дана установка увольнять из органов НКВД евреев? Меня однажды пригласили в кабинет к ЖАБРЕВУ. Там сидел ЛЕОНОВ. ЖАБРЕВ заявил, что есть установка — директива Наркома об увольнении всех евреев из пограничной области, тех, что имеют компрометирующие материалы. Затем был вызван ЛЕЛОНГ и ЖАБРЕВ повторил свою установку вторично.

С делами фельдъегерей дело было так: ЖАБРЕВ вызвал меня и прочел мне нотацию якобы за то, что в фельдсвязи дела плохие, и предложил мне проверить людей, собрать на них компрометирующие материалы и уволить.

Я вызвал ШОРА и предложил принести мне дела, он принес. И я спросил: «На кого имеются компрометирующие материалы?». ШОР предложил мне список, где были указаны компрометирующие материалы на ряд лиц. Затем были собраны компрометирующие материалы через специально посланных людей в районы. Собранные материалы этими людьми были переданы прямо ЖАБРЕВУ. В результате чего он увольнял сотрудников по своему усмотрению.

Когда увольняли АНГЕЛИЦУ и мне МАНИЛЕВИЧ сказал, что его неправильно уволили, я доложил об этом ЖАБРЕВУ. Тогда он отменил свой приказ. После этого увольняли без меня.

Я составил список сотрудников на квартиры. Первого я записал т. МОНАРХА, но мне ЛЕЛОНГ сказал, что МОНАРХУ не нужно квартиру давать, так как он увольняется. Я все же его оставил в списке, но ЖАБРЕВ его вычеркнул.

Установку ЖАБРЕВА расценивал так: «Как видно, так нужно». Я считал, что откомандирование сотрудников-евреев известно Наркому в Киеве и в Москве.

Однажды мне ЛЕЛОНГ по вопросу увольнения сотрудников-евреев заявил, что евреи своего государства не имеют, поэтому они могут продать любое государство, и, следовательно, их нужно увольнять.

Моя вина в том, что я молчал и не говорил парторганизации об установках ЖАБРЕВА и действиях ЛЕЛОНГА.

Связи с врагами народа по Городку у меня не было, наоборот, я разрабатывал их агентурно, а затем арестовывал.

Тов. ЕКИМОВ говорил, что я ничего не сделал в Городке — это неправильно, я работал по следствию так же, как и другие.

Я готов отвечать перед партией за свои антипартийные поступки, но врагом я никогда не был.

Тов. ГОЛОВАТЕНКО. Я прибыл 2,5 месяца тому назад в УНКВД как новый работник. Несколько раз я пытался попасть к ЖАБРЕВУ, но как ЧЕСТНЕЙШИЙ, так и ЛАПТЕВ меня к нему не допускали. После чего я пошел к т. ЕКИМОВУ, который меня хорошо принял.

Я считаю, что надо для нас, как молодых работников, необходимо будет создать краткосрочные курсы по работе УГБ.

Тов. ЕКИМОВ в своей работе также допускал такое положение, когда иногда нас пугал тем, что мы положим партийные билеты.

ЛЕЛОНГА я знаю по Донбассу, до прихода на работу ГРАБОВСКОГО он был хорошим работником, но после этого ЛЕЛОНГ развалил работу парторганизации.

Вообще, как попал ЛЕЛОНГ на работу в органы НКВД? Во время массовой операции я вместе с ЛЕЛОНГОМ были мобилизованы в Горотдел НКВД на оформление дел. Начальник Горотдела НУТЕЛЬС о ЛЕЛОНГЕ

отзывался очень хорошо, также и другие работники Горотдела. Тогда же ЛЕЛОНГ был мобилизован на работу в органы НКВД.

Мне известно, что ЛЕЛОНГ за развал партийной работы не был избран в заводе парторгом. В допущенных ошибках со стороны ЛЕЛОНГА виноват не только он один, но и вся партийная организация.

В аппарате Наркомата НКВД Украины в отделе кадров работает КРЕТОВ, которого, по-моему, нужно хорошенько проверить, ибо, по-моему, это антисоветский человек. Меня лично КРЕТОВ матом выставлял за двери, не давал возможности говорить перед отправкой меня на работу. Я надеюсь, что при содействии товарищей из меня выйдет неплохой чекист. [...]

Тов. КАЦ. Сегодня по радио передавали митинг советской интеллигенции из г. Москвы по поводу зверских погромов, учиняемых фашистами в Германии над еврейским населением. Выступающие не находили слов, чтобы выразить свое возмущение. А разве мы не видим подобное, что затеяла кучка врагов, пробравшихся в органы НКВД?

Я не нахожу слов, чтобы назвать каким-либо именем, что творилось врагами в органах НКВД. Лица, которые стояли близко к врагам и помогали им в части освобождения органов НКВД от евреев, подлежат суровому наказанию. С этого момента, что они стали осведомлены об этой вражеской работе, они перестали быть коммунистами, хотя и носят до сих пор партийные билеты.

Я хочу остановиться на ЛЕЛОНГЕ, который вместе с другими был влит в наши органы, как мероприятие по укреплению наших органов. ЛЕЛОНГ — один из новоприбывших кадров, занимался краснобайством и революционной фразой, усыплял и убаюкивал. ЛЕЛОНГ не должен был этого делать, он должен был поставить вопрос о фашистах и о разгроме кадров. Партийное собрание вынесет свое решение об этих лицах, которые являлись пособниками фашистов.

Я не понимаю, почему речь идет только о ЛЕЛОНГЕ, ЛЕОНОВЕ и МОРДОВЦЕ? Насколько я знаю, указания об увольнении из органов евреев исходили от Отдела Кадров НКВД УССР.

КРУТОВ на должность зам[естителя] нач[альника] ОК НКВД УССР пришел с небольшой работы. Этот вопрос упирается в КРУТОВА. Товарищи знают об этом и должны по этому вопросу высказаться.

Начальный факт вражеской деятельности ЖАБРЕВА был на совещании вместе с нач[альниками] райотделений НКВД, где враг ЖАБРЕВ заявил, чтобы не допускать райпрокуроров к арестованным, не подготавливать для них постановления с санкциями на арест. Я помню, как ЖАБРЕВ давал указания Нач[альнику] РО НКВД: «Поменьше имейте дело с Райкомами КП(б)У». А потом поправился: «Не информируйте о наших учетах». Вот Вам и отрыв от партии. [...]

Тов. МАНИЛЕВИЧ. [...] Рабская покорность в выполнении любого приказа привела к вражеским действиям, с приходом УСПЕНСКОГО и ЖАБРЕВА на Украину стало ясно, что они начали проводить вражескую работу. Каждый товарищ ожидал выезда или ареста.

Отдел Кадров Киева по целым партиям забирал людей. Черный список был передан т. ЮФЕ ЖАБРЕВЫМ для исполнения, т. е. об

откомандирования в Киев почти всех евреев. Нас учили оценивать людей не по их практической работе, а по дядюшкам и тетушкам.

Реплика т. ВЛАСОВА (секретаря Обкома). Вы неправы, иногда нужно оценивать человека, помимо практической работы, также и по тетушкам и дядюшкам.

[...] После откомандирования т. ЮФЫ на должность начальника Отдела Кадров был назначен т. ЛЕЛОНГ, который держал себя замкнуто, часто ходил к ЖАБРЕВУ, не ставя нас в известность о получаемых им директивах. Отношение к т. ШОРУ со стороны ЛЕЛОНГА было предвзятое.

Мы хотели принять на работу ПОМАШНИКОВА — еврея со средним образованием, на которого отсутствовали компрометирующие материалы. Однако ЛЕЛОНГ на работу его не оформил.

Я имел беседу с т. ИВЧЕНКО и он мне рассказал, что т. ВАДИС, будучи у него в районе, ему сообщил, что он был в хороших взаимоотношениях с ВЯТКИНЫМ, ныне разоблаченным, как враг народа.

В то время, когда у нас не хватает квартир для оперативного состава, МОРДОВЕЦ и ЖАБРЕВ представили квартиру из 3-х комнат парикмахеру. [...]

Тов. ЛЕЛОНГ. О партийной работе. Некоторые товарищи необъективно осветили вопросы партийной работы, умалив ее. Парторбота была, но недостаточная, плохо было с критикой и самокритикой — это основной недочет.

Тов. ВАДИС действительно в первые дни своей работы грубо обращался с сотрудниками. Я говорил по этому вопросу с КРУТОВЫМ и самим ВАДИСОМ. ВАДИС изменил свое поведение, но формально вопрос не обсуждался на партгруппе. [...]

За алименты судился, но был оправдан.

Работая парторгом в цеху Енакиевского завода, я поднял работу цеха. Правда, парторбота была поставлена плохо. Парторганизация не констатировала развала работы, я не был избран парторгом. Но был переброшен на работу в должности инструктора.

О судимости родственников жены я не знал, узнал только теперь, несколько недель тому назад.

О своих ошибках. Я обращаюсь к собранию, чтобы члены партии отнеслись объективно. Я признаю свою вину в пособничестве ЖАБРЕВУ во вражеской работе. Но я не был сознательным врагом, я не знал его вражеской работы, личной связи с ЖАБРЕВЫМ я не имел.

Когда я явился к ЖАБРЕВУ за получением директивы об увольнении евреев из органов НКВД, то там были т. т. МОРДОВЕЦ и ЛЕОНОВ. Мне сказали так, что нужно откомандировать всех евреев, имеющих компрометирующие материалы. И добавил, что неважно, что в этот список попадут и честные люди, ни в чем не запятанные, в том числе пойдут и т. ЮФА — ему создадут хорошие условия на новом месте.

КРУТОВ мне говорил, что это мероприятие санкционировано Москвой и что евреи преимущественно торгашеский элемент: «У них нет своего государства, и они могут продать любое государство врагу».

Вопрос т. ЕКИМОВА к т. ЛЕЛОНГУ: Встречался ли ЛЕЛОНГ с ЖАБРЕВЫМ в Киеве?

С ЖАБРЕВЫМ я встречался в Киеве в гостинице по служебным делам, и так как не было где ночевать, остался в его номере ночевать по его приглашению.

Тов. ЮФА. В марте м-це я был на совещании в Наркомате, где выступали т. т. ХРУЩЕВ и ЕЖОВ⁷. Аппарат [НКВД] на Украине чрезвычайно засорен сощуждым торгашеским элементом.

Тов. ЕЖОВ указывал, что аппарат чекистов не обменивался, не освещался, и ставил вопрос о подготовке новых кадров — эта линия является и сейчас правильной.

Я был послан в Каменец-Подольскую область. Какую я работу проводил? Я установил, что аппарат области был чрезвычайно засорен. Винницкое Облуправление при формировании Каменец-Подольской области передало часть работников с хвостами в нашу область.

Реплика ЕКИМОВА: В Винницкой области арестовали 20 человек, а по нашей области только одного.

При формировании Каменец-Подольской области часть оперативных работников была передана с серьезными компрометирующими материалами. Из Каменец-Подольской области было откомандировано 50 человек, из них 23 — евреев.

О своей работе — ни прямых, ни косвенных указаний о том, что евреи должны уезжать из области, я не получал.

В июне м-це, когда реорганизовывался аппарат 5-го Отдела, все люди были вызваны в Отдел Кадров НКВД УССР и там оставлены. Я поехал в Киев и поставил вопрос перед Отделом Кадров о посылке людей для области.

В отношении т. МИКИТЯНСКОГО мне говорили, что его оставят на работе в центральном аппарате, а потом оказалось, что его откомандировали из Украины. После этого был составлен список на 17 человек.

17 октября был получен второй список на несколько человек. В этом списке была также и т. КИТАЙ, муж которой арестован, и ВАЙНЕР, на которого компрометирующими материалами мы не располагали. Я заявил об этом ЖАБРЕВУ, но все-таки ЖАБРЕВ его уволил.

Когда я приехал в Киев — я спросил КРУТОВА: «Почему меня откомандировывают?». На что он мне конкретного ничего не ответил. Я недоумевал, подаю рапорт Наркому УСПЕНСКОМУ, разоблаченному врагу народа, чтобы он меня принял и со мной поговорил. Но меня так и не приняли. В Отделе Кадров НКВД УССР один из работников САЗОНОВА мне заявила: «Ты ничего не знаешь, всех евреев откомандировывают».

Когда я приехал в Отдел Кадров НКВД УССР, меня спрашивали: «Зачем приехал? Ведь они меня не вызывали». И велели ехать обратно. 2,5 месяца я не работаю, не получаю зарплаты, причем враг ЖАБРЕВ пытался в мое отсутствие выселить семью из квартиры.

Вот т. ЧЕСТНЕЙШИЙ, я хочу его спросить, почему он выгнал из аппарата ПОЛЯК — работницу канцелярии? Она ко мне

⁷ Ідеться про виступ М. Єжова на нараді співробітників НКВС СРСР 17 лютого 1938 р. Див.: Петров Н., Янсен М. «Сталинський питомец» — Николай Ежов. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 320–345.

приходила и жаловалась на Ваши притеснения. Я не имею в виду, что ЧЕСТНЕЙШИЙ проявлял антисемитизм. Сейчас я понимаю, почему СИПЕРШТЕЙН несколько раз приходила жаловаться.

Тов. ЕКИМОВ, реплика: Она должна была быть уволена.

Но это не дает права издеваться над СИПЕРШТЕЙН ЧЕСТНЕЙШЕМУ.

В отношении выдвижения МОРДОВЦА. МОРДОВЕЦ ко мне пришел и просил его перевести в город, так как у него уже взрослые дети. Я этот вопрос поставил перед ЖАБРЕВЫМ, и после отозвания ФЕЛИКСОНА тов. МОРДОВЕЦ был назначен начальником 2-го Отдела. Последнее выдвижение т. МОРДОВЦА на должность пом[ощника] Нач[альника] УНКВД — это дело ЖАБРЕВА.

Тов. ВАДИС. Товарищи правильно говорят о тех, что зарвались, которые пошли по линии вражеских установок, но нужно подходить объективно, по-партийному.

Я полностью признаю свою вину в том, что только переступив порог 3-го Отдела, очень резко выступал огульно против всех сотрудников. Меня завели в заблуждение, рассказали о том, что в 3-м Отделе работал ШУХМАН — враг, и что остались его любимчики и даже проходящие по его показаниям. Я ошибся, но я хотел ликвидировать последствия вредительства. Говоря о всех сотрудниках, я имел в виду тех, о которых мне говорили.

Реплика РАКИЦКОГО: Неправильно, Вы огульно о всех говорили.

Нет, я имел в виду ПЛОСКИНА, который действительно бездействовал, я болел за работу Отдела, поэтому говорил.

Здесь на собрании говорили все те, о которых я иногда отрицательно отзывался, говорил и резко выступал против них, как, например, т. БЕСПРОЗВАННЫЙ, РАКИЦКИЙ, СОРОКИН и другие.

Тов. РАКИЦКИЙ часто запрашивал у меня отпуск в Киев к жене. Мне МОРДОВЕЦ говорил, что РАКИЦКИЙ симулирует болезнь жены, как повод поездки.

Реплика МОРДОВЦА: Я не говорил об этом.

Я работал с ЯКУШЕВЫМ, но был с ним в плохих отношениях. ВЯТКИН часто приезжал в Бердичев, где я работал по служебным делам.

Знак «почетного чекиста» я получил заслуженно. С УСПЕНСКИМ я ничего общего и связей не имел. Я был лишь на двух совещаниях, где присутствовал УСПЕНСКИЙ.

В Каменец-Подольскую область я попал в связи с плохим материальным положением. Я просился из Киева в область. Никакого авторитета у УСПЕНСКОГО я не имел. По натуре я не могу быть связан с врагами, я резко выступал на собраниях.

О черных списках я ничего не знаю. Я составил список на тех, кто плохо работал, для перевода в неоперативные отделы по предложению ЖАБРЕВА.

С ЖАБРЕВЫМ я находился в плохих отношениях. Я резко ставил перед ним вопрос и делал это в присутствии МОРДОВЦА и ЛЕОНОВА. Я ему говорил, чтобы он не слушал наговоры на меня со стороны МОРДОВЦА. Я назвал тогда МОРДОВЦА пьяницей, а ЧЕСТНЕЙШЕГО — подхалимом в присутствии ЖАБРЕВА и всех их.

Я не называл ЖАБРЕВА «отцом родным», но говорил с ним тогда по-рабски и плакал.

Я заявляю, что я честный человек, был таким и честным человеком буду.

Тов. МИХАЙЛОВ. Действительно, у меня во взаимоотношениях с сотрудниками были грубости. Причем нужно сказать, что это явление у нас распространенное.

В том, что ЛЕЙБОВИЧ был откомандирован из Каменец-Подольской области, — в этом не моя вина. Даже после получения приказа об его откомандировании я его в течение нескольких дней не хотел отпускать, несмотря на то что у меня с ним были стычки по работе.

Суть заявления т. ЛЕЙБОВИЧА, поданного им в партком, сводилась к тому, что я отношусь к нему не по-партийному, фактически этого не было.

В отношении т. ГРОМОВА. С ним я действительно не в ладах, поддержки от него, как от парторга, я не имел. Стычки с ГРОМОВЫМ у меня начались с того момента, когда я ему сделал замечание по одному делу, где он написал плохой протокол, и я его забраковал.

Вопрос т. КАЦА МИХАЙЛОВУ: Вы присутствовали на совещании, когда УСПЕНСКИЙ заявил, что нужно будет освободиться от евреев, работающих в органах НКВД?

При этом я не присутствовал.

Я никогда не заявлял, что приехал на Украину наводить порядки. Мне ЛЕЙБОВИЧ рассказал, что его ГРОМОВ спрашивал: «Не откомандировали ли меня из области по вине МИХАЙЛОВА потому, что он еврей?». По-моему, это не по-партийному, так ставить вопрос. Если ГРОМОВ сомневался, он мог об этом поставить вопрос на парткоме.

Тов. ВЛАСОВ (секретарь Обкома). Мы, товарищи, два дня тому назад проводили оперативное совещание, где обсуждали постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), и по этому письму много выступали и давали конкретные предложения, как лучше исправить работу с тем, чтобы результативнее попадать и громить врага.

Всем ясно стало теперь, и оценку товарищи давали довольно отрицательную с точки зрения ведения следствия и агентурно-оперативной работы.

На совещании говорили об отрыве от парторганов, подхалимстве и отдельных ошибках, искривлениях и т. д.

Выступавшие товарищи говорили, что все эти ошибки являются результатом вражеского руководства благодаря отсутствию критики и самокритики в работе партийной организации. А вот глубокого анализа никто не сделал. Ведь у Вас были ряд безобразий, а почему никто не потребовал их устранения?

Выступающие здесь товарищи должны были дать политический анализ. Никто не потребовал от парторганизации постановки доклада об ошибках.

Я удивляюсь фактам, о которых здесь товарищи говорили. Что значит — созвать оперативное совещание, ругать матом и терроризировать

работников? Неужели это правда, как это может быть? Ведь в органы НКВД отбирают лучшие кадры, а здесь такая грубость, некультурность. Нужно создать железную дисциплину, партийно-большевистский порядок.

Все эти случаи подтверждают, что такая безобразнейшая практика исходила от Наркома, от нач[альника] Управления НКВД, начальника Отдела. Что же это за постановка работы? А это вот и есть вражеское руководство.

Прямо нужно сказать, что мы — парторганизация — понесли грубейшую политическую ошибку. Отдельные члены партийного комитета даже знали о списках евреев, подлежащих откомандированию.

Почему неясен вопрос секретарю парткомитета? Ведь он решал вопрос, а если поступать честно, нужно было поставить вопрос перед парторганизацией НКВД.

Почему у ряда товарищей сложилось мнение, что не нужно смотреть на дядюшек и тетюшек — это чепуха. Вот в партии мы иногда выдвигаем коммунистов — мы смотрим не только на него самого, но и на его окружение, так должно было быть и у Вас. НКВД ведь ответственный орган, он решает важнейшие задачи.

Товарищи, бывает, что тетушки и бабушки тесно связаны с работниками и решают вопрос в их воспитании.

Вы не занимались вопросом, почему увольняют евреев. Не может Москва давать такие установки, что евреям не имеют государства. Поэтому им и доверять нельзя — это ведь контрреволюционная фашистская теория. А кто же имел свое государство до 1917 года?

И вот за все это надо ответить, конечно, посмотрев, кто в какой мере виновен. Члены партийного комитета должны прямо заявить, что они понесли важнейшую политическую ошибку. Мы не говорим, что все члены парткомитета, но отдельные его члены знали, что творилось.

В НКВД есть ряд лиц с компрометирующими материалами, и вне зависимости от их национальности нам придется в дальнейшем от них освободиться, строго проверяя каждый факт. Парторганизация примет соответствующие решения и оставит товарищей, проверенных, чистых, способных бороться с врагами. И за это мы будем бороться.

Чекисты оторвались от городских партийных организаций, сами не вели внутреннюю партийную работу, партсобрания не собирали в течение двух месяцев, парторганизация работала чрезвычайно плохо. Отсутствие партийной работы среди чекистов — результат случившихся недостатков, искривлений и запоздания вскрытия врагов.

Среди чекистов создалось предвзятое мнение, что якобы им некогда заниматься партработой в связи с тем, что они очень заняты на оперативной работе. Нужно бороться с такой совершенно неправильной линией.

Наша задача в настоящее время заключается в том, чтобы мобилизовать себя на выполнение решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома о работе органов НКВД и прокуратуры.

Мы должны развернуть критику и самокритику, осудить свое трусливое поведение перед начальством. Критиковать нужно, невзирая на лица, а парторганизация должна создать условия для критики и самокритики.

Надо выкорчевать некультурность из обихода чекистов. Такое явление опошляет органы НКВД и разлагает аппарат чекистов.

Чекисты должны вращаться в городской парторганизации, и парторганизация, безусловно, поможет в оперативной их работе.

Мы должны заняться вопросом окончательной очистки аппарата НКВД от чуждого элемента и случайно попавших в органы НКВД.

ПРЕЗИДИУМ СОБРАНИЯ: ВЛАСОВ

ЯКОВЛЕВ

ГРОМОВ

ЕКИМОВ

ЛЕВКИН⁸

ВЕРНО: [підпис]

ГДА СБУ, Ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 273–337.

Засвідчена копія. Машинопис.

⁸ У резолюції зборів зазначалося: «РЕЗОЛЮЦИЯ. [...] На основании вышеизложенного партийное собрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Заклеймить, как предателя родины, бывшего начальника УНКВД ЖАБРЕВА и, как изменника партии, из рядов партии исключить.

2. Тов. ЛЕЛОНГУ — за выполнение вражеских указаний врага народа ЖАБРЕВА по изгнанию из органов НКВД честных и преданных делу партии коммунистов, за фабрикование подложных дискредитирующих характеристик, за развал партийной работы, за сокрытие от парторганизации вражеской деятельности бывшего начальника УНКВД ЖАБРЕВА — ВЫНЕСТИ СТРОГИЙ ВЫГОВОР С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ, поставив вопрос перед командованием НКВД о снятии его с руководящей работы и посылки на низовую работу. СНЯТЬ ЕГО С РАБОТЫ СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА И ВЫВЕСТИ ИЗ СОСТАВА ТАКОВОГО.

3. Тов. МОРДОВЦУ — за выполнение вражеских установок врага народа ЖАБРЕВА по изгнанию честных коммунистов, особенно евреев, из органов НКВД, за проведение этой вражеской деятельности совместно с секретарем парткома ЛЕЛОНГОМ, за сокрытие от парторганизации получения вражеских директив от врага народа ЖАБРЕВА — ВЫНЕСТИ СТРОГИЙ ВЫГОВОР С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ. Просить Командование НКВД о снятии т. МОРДОВЦА с руководящей работы и посылке его на низовую работу.

4. Тов. МАНИЛЕВИЧА — за несообщение парторганизации об антипартийной деятельности ЛЕЛОНГА — ПРЕДУПРЕДИТЬ.

5. Вопрос о ЛЕОНОВЕ, проводившем по сути вражескую работу по разгрому кадров, составлявшем ложные, дискредитирующие характеристики на членов партии, ничем не опроверженных, за проводимую линию по изгнанию из органов НКВД преданных делу партии коммунистов, особенно еврейской национальности, — разрешить после его возвращения из отпуска.

6. Материал о связи КРУТОВА с ЖАБРЕВЫМ и его антипартийной деятельности по выполнению вражеских установок об изгнании евреев, ничем не опроверженных, из УГБ — направить в парторганизацию НКВД УССР для решения вопроса об его партпринадлежности.

7. В связи с тем что член партии — начальник областной милиции т. РОГОВЦЕВ знал о вражеской деятельности ЖАБРЕВА — об изгнании евреев из органов НКВД — и не информировал об этом парторганизацию, просить обком партии разрешить вопрос об его партийности.

8. Просить обком КП(б)У поставить вопрос перед Командованием НКВД о пересмотре решения в отношении награжденных значком «почетного чекиста» МОРОДОВЦА, САМОГОРОДСКОГО, ПАТРУШЕВА, УРАЛОВА, как о лицах, не заслуживающих получения награды.

9. Просить обком партии провести довыборы в партийный комитет УНКВД.

10. Партийному комитету, а также всем членам и кандидатам партии на основе решения СНК и ЦК ВКП(б) мобилизовать весь оперативный состав на глубокую агентурно-следственную работу, направленную на разгром остатков контрреволюционных кадров и антисоветского подполья.

11. Мобилизовать партийную организацию на быструю ликвидацию последствий вредительства в системе органов НКВД. Развернуть партийно-массовую работу среди коллектива, критику и самокритику, невзирая на лица, подчинив всю эту работу на упорную борьбу с врагами народа, перестроив ее в разрезе решения СНК и ЦК ВКП(б).

12. Партийному комитету улучшить руководство и оказание практической помощи в работе партгрупп, практиковав в дальнейшем заслушивание отчетов партгрупп и коммунистов, возглавляющих руководство в УНКВД, на заседаниях парткома об их оперативной деятельности.

13. Поручить партийному комитету обсудить постановление ЦК ВКП(б) и СНК об агентурно-следственной работе органов НКВД на закрытом комсомольском собрании коллектива УНКВД.

14. На основе постановления ЦК ВКП(б) перестроить партийную учебу, подчинив ее воспитанию партийной массы и вооружению ее учением ленинизма, которое даст возможность распознавать врагов, как бы они ни маскировались».

Див.: ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 330—337.

УНКВС ПО КИЇВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 14

**Із стенограми партійних зборів УДБ УНКВС
по Київській області про обговорення постанови
РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.**

14–16 грудня 1938 р.

ПРИСУТСТВУЄТ: членов партії — 58 чел[овек], канд[идатов] в чл[е-ны] КП(б)У — 8.

Присутствуют члены и кандидаты партии, невзявшие на учет — 17.

ПРЕЗИДИУМ: тов. КАРАФЕЛОВ, тов. КЛЕЙМАН, тов. СИДОРЕНКО (зав[едующий] отд[елом] горкома).

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Доклад секретаря парткома о постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года об арестах, прокурорском надзоре и задачи парторганизации (докладчик т. МЕДВЕДЕВ).

СЛУШАЛИ:

1. Тов. МЕДВЕДЕВ зачитывает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, затем в докладе остановился на фактах, имеющих место в Областном аппарате НКВД, нарушений, требующих реагирования со стороны партийной организации.

Слепое доверие врагу УСПЕНСКОМУ дало возможность ему скрыться. Метод руководства в области заключался в том, чтобы запугать репрессированием, наличием компрометирующих материалов, в оголении аппарата.

На поставленный однажды вопрос т. ДОЛГУШЕВУ о комплектовании штата тов. ДОЛГУШЕВ ответил: «Такой разговор и постановка вопроса есть вражеская».

В наших органах еще остались такие элементы, которых не должно быть в наших органах.

Задача партийной организации — путем критики и самокритики вскрыть глубже недостатки и вражеские элементы работы в целях их выкорчевывания из практики работы органов НКВД.

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

Тов. БЕРМАН. Тов. МЕДВЕДЕВ не заострил достаточного внимания на вскрытии всех вражеских дел в органах НКВД.

Взять бы хотя бы укоренившиеся методы ведения следствия при упрощенном производстве. Взять хотя бы теперешнее молчание тов. ДОЛГУШЕВА. Разве он рассказал о методах работы врага УСПЕНСКОГО?

Мне известно, что в Житомирской и Черниговской областях это вскрыто, а ведь тов. ДОЛГУШЕВ получал установки прямо от УСПЕНСКОГО.

Разве не видали начальники Отделов и руководство Управления вопиющих безобразий с арестами и ведением следствия? Приведу пример: арестован, как посещающий польское консульство, КОРБУТ. КОРБУТ по совету культработника написал заявление на одного антисоветского типа — поляка. И имел в виду подать это заявление в органы НКВД. Но ему в приемной у нас же вместо правильного адреса дали адрес, где помещается польское консульство. КОРБУТ, не зная по неграмотности, пошел по указанному адресу и попал в польское консульство. По выходе из консульства его арестовали с заявлением в руках, не захотев разобраться, порвав заявление, которое было в руках КОРБУТА.

Дело вел КОВАЛЕНКО, который сфабриковал показания шпионского содержания. Дело, конечно, кончилось теперь прекращением, попадись оно на Тройку, его бы осудили по 1-й категории.

Надо указать, что дела, которые велись опергруппой, сплошная фальсификация, это знают все работники Облуправления, знают и начальники, знает парторганизация, но таких дел никто не пытался разбирать и ликвидировать вовремя.

Я хочу указать на проводимую практику т. ДОЛГУШЕВЫМ, в частности запугивания работников НКВД, ругань, аресты по приказу, установки РЕВЫ Отделу Кадров не принимать евреев в органы НКВД. Тов. ДОЛГУШЕВ обращался исключительно грубо с начальниками отделов, а еще хуже с рядовыми работниками. От ДОЛГУШЕВА перенимали начальники Отделов, а отсюда запугивание, отсутствие критики и партийности при проведении дел.

Тов. ВАРАКОВ. [...] Я считаю, что все мы и во многом виноваты, плохо нас контролировали и много хвалили через прессу, виновата в этом и парторганизация.

Разве секрет для кого-либо, что мы сами смеялись над собой. Даже жаргон выработали — вместо «организации» называли «гарнизация» — это только одно говорило, что в следствии есть ненормальности.

Установка УСПЕНСКОГО — дать организации. Через 10 дней она нами ведь всеми осуществлена. Посыпались организации, целые соединения, которых, по сути, не было. Особенно это было по группам Черкаскы, Б[елая] Церковь. Мы этими делами с самого начала начали портить и испортили молодых чекистов.

Почему это так, почему молчали? Этому была причина. Сколько выслали из Украины чекистских кадров? Ведь своих же товарищей по резолюции УСПЕНСКОГО без оснований арестовывали и «мотали». Так писал УСПЕНСКИЙ — «арестовать и размотать». Ну и, боясь, как бы самого не «размотали», недаром ходили и спрашивали: «Ты еще здесь? Тебя не отправили куда-либо?».

Тов. ДОЛГУШЕВ, только ведь недавно работник небольшого масштаба, вырос быстро и начал смотреть сверху на работу и людей, горло жал, не считался, а теперь неприятно, наделали много неприятных делов. [...]

СТЕНОГРАММА

От 14 декабря 1938 года

Председатель тов. КЛЕЙМАН.

Председатель. Будем продолжать нашу работу. На нашем собрании присутствует секретарь Горкома партии тов. СЕРДЮК. Есть предложение избрать тов. СЕРДЮКА в президиум. Кто за это предложение? Кто против? *(Принимается.)*

Слово имеет тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ.

Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ: [...] На последнем заседании парткомитета в порядке подготовки этого партийного собрания тов. МЕДВЕДЕВУ было указано на то, что он должен выступить на партийном собрании и задать на партийном собрании соответствующий тон, который бы мог обеспечить вскрытие до конца тех безобразных вещей, которые творились в нашем областном управлении, и конкретно укажет, что нам необходимо сделать, чтобы эти ошибки исправить.

Можно было бы тов. МЕДВЕДЕВУ лучше не выступать, а просто приступить к выступлениям товарищей. Я считаю, что тов. МЕДВЕДЕВ должен это учесть. Не знаю, чем руководствовался тов. МЕДВЕДЕВ, делая такое выступление, которое по существу дезорганизует нашу парторганизацию, не направляет на правильный путь по исправлению допущенных ошибок. А ошибки у нас были, крупные ошибки.

Я не согласен с тов. ВАРАКОВЫМ, который заявляет, что все мы виноваты, что все мы сели в лужу. То, что все мы виноваты — это правильно. Мы творили вражеское дело, или, вернее говоря, враги нашими руками творили вражеское дело. Мы, коммунисты-чекисты, должны отвечать за то, что мы делаем, но все-таки надо посмотреть поглубже и порыться. А кто же все же больше виноват, а кто же все-таки нами руководил, а чьи же вражеские установки мы выполняли, как допускали до того, что слепо-наслепо, но мы же, товарищи, применяли фашистские методы работы в наших органах? Так неужели уже нет ответственного лица или ответственных лиц, которые понесли бы за это строжайшую ответственность?

Я, например, не допускаю ни в каком случае, чтобы ЦК партии и наше правительство дало бы нам указания на то, чтобы мы применяли физические методы в деле следствия. ЦК таких директив не давал¹, ЦК о тех фашистских методах, которые применялись в наших органах, не знал.

Я могу привести вам один пример. Недавно из тюрьмы на имя тов. ХРУЩЕВА проникло заявление от арестованного БУШЛЕРА из Умани. Это заявление направляется тов. ХРУЩЕВЫМ тов. ДОЛГУШЕВУ с резолюцией: «Немедленно расследовать и доложить мне». Это было 19 ноября. Этот факт, кстати сказать, до сих пор не расследован. Только позавчера, кажется, в Умань выехал работник.

¹ У шифротелеграмі Й. Сталіна секретарям обкомів, крайкомів і керівництву НКВС республік від 10 січня 1939 р. вказувалося, що «фізичний вплив у практиці НКВС допускався із 1937 р. із дозволу ЦК ВКП». Див.: Лубянка. Сталин и НКВД — КГБ — ГУКР «Смерш»: 1939 — март 1946 / сост.: В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. — М.: МФД: Материк, 2006. — С. 14–15.

О чем это говорит, товарищи? В этом заявлении речь идет об издевательствах над арестованным, буквально об инквизиции, которая применялась над этим арестованным. Тов. ХРУЩЕВ не знает о таких методах ведения следствия, и поэтому он предложил — немедленно расследовать и доложить. А разве это единственный случай? Разве для нас это Америка?

Или возьмите другой факт. Один арестованный в Белой Церкви написал жалобу на имя т. ЕЖОВА о том, что по отношению к нему применялись самые зверские методы при допросе. Секретарь т. ЕЖОВА направляет это заявление в областное управление НКВД для расследования и требует сообщить результаты по существу этого заявления. Это заявление попадает к тов. ПАВЛЫЧЕВУ. И тов. ПАВЛЫЧЕВ вместо того, чтобы предложить какие-нибудь мероприятия по существу этого заявления, пишет на своем служебном бланке: «Особоуполномоченному ПОЛИЩУКУ. Расследуйте, каким образом это заявление вышло из тюрьмы».

Он не пишет по существу того, что пишет арестованный. А интересуется, каким образом это заявление вышло из тюрьмы. А мне известно, что в тюрьмах у нас есть специальные ящики с надписями. Арестованный имеет полное право куда угодно писать жалобы о неправильных действиях органов следствия, и никто не имеет права задерживать эти заявления. Они должны направляться по адресу. А резолюция т. ПАВЛЫЧЕВА говорит: «Ты никакой Америки не открыл, а вот для нас Америка — каким образом это письмо вышло из тюрьмы».

Многие товарищи, которые выступали, указывают ряд конкретных фактов искривлений, которые у нас проводились. Я не знаю, есть ли это только искривления или это есть определенная вражеская работа, которая проводилась в наших рядах? [...]

Был у нас такой арестованный — БРЯНЦЕВ, пом[ощник] Нач[альника] городской пожарной команды. Этот БРЯНЦЕВ был арестован в июне месяце. БРЯНЦЕВ на допросе показал, что он является участником шпионской организации, в которую он был завербован в Шостке. И этот же БРЯНЦЕВ говорит в своих показаниях о том, что он является также участником украинской националистической организации, в которую он был завербован КАПУСТИНЫМ — бывшим начальником пожарного отдела нашего областного управления. И как участника этой организации он называет ДОБКО — нач[альника] У[правления] П[ожарной] О[храны].

Получив эти показания, я пошел к товарищу ДОЛГУШЕВУ: «Как быть? Мы получили показания на двух работников, работающих в нашей системе». Тов. ДОЛГУШЕВ предложил проверить — не липа ли это со стороны БРЯНЦЕВА? Правильно, поговорили с БРЯНЦЕВЫМ. БРЯНЦЕВ настаивает на том, что он завербован КАПУСТИНЫМ и что ему известен и ДОБКО, со слов КАПУСТИНА, как участник организации, и на этих показаниях стоит крепко.

В конце концов эти показания были записаны. И поскольку эти показания были подвержены сомнению, БРЯНЦЕВА смертным боем били, чтобы он отказался, а БРЯНЦЕВ говорил: «Убейте, я не откажусь, мои показания правильные».

Когда вопрос стал об аресте, арестовать не дали возможности и заявили, что УСПЕНСКИЙ хорошего мнения о КАПУСТИНЕ, как о работнике, и трогать его не нужно. Тогда для нас заявление УСПЕНСКОГО о том, что нельзя арестовать, было законом.

В результате в августе была составлена повестка дня Тройки, где представлялось дело БРЯНЦЕВА. В повестке было указано о том, что он заарестован КАПУСТИНЫМ и что участником этой организации является ДОБКО. Дело возвратили и заявили, что КАПУСТИНА и ДОБКО изъять из повестки и составить другую повестку. Составили другую повестку, в которой уже отсутствовали эти показания БРЯНЦЕВА, и БРЯНЦЕВА Тройка приговорила по 1-й категории.

Я спрашиваю, если мы не верим показаниям БРЯНЦЕВА — почему мы БРЯНЦЕВА расстреляли? Если мы верим показаниям БРЯНЦЕВА — почему не арестовали КАПУСТИНА? А КАПУСТИН после этой шумихи был отправлен в Ворошиловград на ту же должность, а ДОБКО по каким-то причинам был переведен на должность зам[естителя] Нач[альника] УПВО, и до сих пор эти люди работают.

Вот тут давайте разберемся, что тут есть. Тов. ДОЛГУШЕВ на последнем парткомитете заявил, что он до сих пор не верит показаниям БРЯНЦЕВА, что показания БРЯНЦЕВА — это липа. А я заявляю, что я показаниям БРЯНЦЕВА верю, и в подтверждение того, что он до сих пор не верит показаниям, [заявляю, что его] били смертным боем, чтобы он отказался от показаний, но БРЯНЦЕВ не отказался.

Тов. ДОЛГУШЕВ еще сказал такую вещь, что мы по одному показанию не можем арестовывать. Правильно, но мы арестовывали и без показаний, и даже без ленточки². Мы сажали и по липовым справкам (ХАЛЕМСКОГО и САГАЛОВА). Мы сейчас кричим — УСПЕНСКИЙ накладывал резолюции «арестовать и допросить с пристрастием». Это своего рода трюк со стороны УСПЕНСКОГО. А кто подсовывал УСПЕНСКОМУ эти материалы? Не УСПЕНСКИЙ требовал материалы на САГАЛОВА, на НИРЕНШТЕЙНА, на КОЛБАСЕНКО, на МИХАЙЛОВА. Не УСПЕНСКИЙ требовал, а АКИМОВ составлял справки. А когда стоит вопрос о необходимости освобождения, тут начинают жаться. Ко мне попало дело НИРЕНШТЕЙНА. Я с ним возился месяц и пришел к заключению, что НИРЕНШТЕЙНА надо освободить — нет материалов. Я к СПЕКТОРУ:

— Марк Борисович, надо решить с НИРЕНШТЕЙНОМ, нечего его держать.

— Еще раз попробуйте.

— Три раза пробовал, ничего не получается.

— Пишите справку для Наркома.

Пишу справку. Справка застряла. Затем дело перешло к тов. СТРОИЛОВУ. Он выносит решение об освобождении, а НИРЕНШТЕЙН до сих пор не освобожден. На него до сих пор не собрано никаких материалов,

² Ідеться про паперові закладки (стрічки) із прізвищами людей, які мають бути арештовані.

по которым его можно было бы отдать под суд. И не будет этих материалов, потому что их нет.

Это я говорю о делах, которые имеются на бывших сотрудников.

Как мы допрашивали этих сотрудников при наличии материалов и без наличия материалов? Ведь умертвили же мы одного арестованного из бывших сотрудников, от которого ничего собственно не добились и который ничего не дал. Как следует назвать этот факт?

На парткоме пытались доказать, что, мол, хорошо, у тебя арестованный после побоев не умер, а вот там он отдал богу душу. Тебе подвезло. Как сказать, не знаю, кому подвезло.

Мы все это делали, а вот все-таки нами кто-то руководил. Все-таки кто-то в таком духе нас воспитывал, преподносили нам такого рода методы следствия.

А сейчас мы получили уже после всего дела осужденных, получили дела из Особого Совещания — кучу дел. После этого постановления Центрального Комитета Партии мы-то должны по-людски разобраться, что мы делаем и что мы делали, разобраться с тем, что у нас есть.

Вот ЖУТОВУ я даю 70 дел, 70 человек и говорю — к 1 января закончите эти дела. Это было примерно 5-го числа. Тов. ЖУТОВ — начальник отделения, один в отделении. У него еще есть ФЕЛЬДМАН. Так что же он, за три недели переварит 70 человек и разберется в них?

А потом — почему такой срок? Потому что надо представить в Наркомат сведения, в какие сроки сколько дел мы закончили. Получается, что мы не исправляем ошибки, которые мы допустили, отмеченные Центральным Комитетом, а что мы опять повторяем. И получается опять, что мы не разберемся с теми делами, которые у нас есть, а мы будем опять ломать двоя и, возможно, в обратную сторону.

Вот, возьмите — сейчас у нас больше освобождают, чем мы заканчиваем по подсудности. Тут надо посмотреть...

Председатель. Регламент тов. ЦИРУЛЬНИЦКОГО истек. Кто за то, чтобы продлить на 5 минут? Кто против? — Два.

Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ. [...] Ряду областей возвратили следственные дела, и нам вернули. На наше счастье, как говорит тов. ДОЛГУШЕВ, нам вернули только 550 дел. А вот Днепропетровской области, допустим, возвратили 3–4 тысячи дел. И тов. ДОЛГУШЕВ, улыбаясь, заявляет, что нашей области все-таки подвезло. И это повторил несколько раз.

Я не знаю, кому подвезло, нашей области или, допустим, Днепропетровской, которая получила больше дел. Что нам сейчас придется меньше возиться — это правильно. А кто больше ошибок натворил — мы или Днепропетровск — это другой вопрос. Я считаю, что там, где больше получили дел, там будет меньше ошибок потому, что там будет возможность их исправить. А у нас по большому количеству дел мы не имеем возможности исправлять ошибок потому, что мы на тот свет отправляли людей — тут уж не разберешься. Я думаю, что, может быть, были среди них люди, которых на тот свет не следовало отправлять. [...]

По вопросу о евреях. Я лично подал заявление в парткомитет, что в Облуправлении все время идут разговоры о том, что и в нашей области

были такие установки, какие исходили от УСПЕНСКОГО по поводу разгона и вообще разгрома евреев. На парткомитете это было разобрано елеино. Я знаю, есть ли тут БЕЛЯВЦЕВ и ТКАЧЕНКО?

Голос. Есть.

[Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ.] Я считаю, что эта линия была проведена у нас также неплохо. Опять-таки на последнем комитете на что это было похоже? Разбирают вопрос о подготовке к партийному собранию. Мудрят, как выйти на собрание, как лучше поставить вопрос. Решили заслушать и обсудить решение Центрального Комитета. Посидели, помолчали, меня заставили рассказать, почему я ходил к тов. ОСОКИНУ. А потом, после официального заседания парткомитета, началось неофициальное заседание.

После того как мы вышли в три часа ночи или в половине четвертого, я спрашиваю: «О чем же нам разговаривать на собрании? Нас тогда распропагандировали. Нам ведь рассказывали такие нелепые вещи, вроде того, что только один ТЕХМАН не имеет компрометирующих материалов». А он говорит: «Я не виноват, что мои родители убиты в 1905 году». А так — у того дядя где-то в Америке, у другого брат в Польше, у третьего другой какой-нибудь «насморк». И вообще разговор повелся в такую сторону, что, дескать, у нас, в облуправлении, все спокойно, все благополучно. А вот с евреями — дыма без огня не бывает. К этому свелось все заседание парткомитета и неслучайно, что и ВАРАКОВ, который выступил, и МЕДВЕДЕВ, который сделал доклад, завели такой тон, который не ориентирует и не поднимает парторганизацию на ликвидацию вредительских последствий.

И два слова по поводу отдельных товарищей. Мы сейчас говорим о таких вещах, и нельзя не сказать о людях, которых следует называть «марафетчиками». У нас есть такая категория людей, которая заслуживает только такого названия — марафетчики и вообще нечистоплотные.

Возьмем т. БАБИЧА. У нас его называют Иван БАБИЧ — это же исключительный марафетчик, это вообще нечестный человек, как коммунист, как работник. Он же делает исключительно вредные дела. Он же, а не кто-нибудь другой, создавал эти полки и дивизии. Он же получал показания от множества участников, а сейчас мы этих людей оставляем в стороне.

А кто больше вертится, как юла, вокруг ДОЛГУШЕВА, если не БАБИЧ. А БАБИЧ получил значок «почетного чекиста». Поговорите с каждым товарищем, все возмущены.

РУДЮК получил значок «почетного чекиста». За что? За образцовую постановку партийной работы. А мы же видим, какая образцовая постановка партийной работы в нашей парторганизации.

А тов. АКИМОВ, ты тоже такой, верткий парень, тебе тоже нужно учесть кое-какие слабые стороны. Я говорю об АКИМОВЕ из 2-го Отдела. Такой, с хитрецей парень. Нет того, чтобы прямо по-партийному, честно поставить вопрос. Подхалим. Я считаю, что этими товарищами надо будет все-таки заняться.

Сейчас составили оперативно-следственные группы. Я считаю, что ДОЛГУШЕВЫМ допущена ошибка, что он послал в Умань БАБИЧА, который там работал. Я хотел поехать в Умань только потому, что хотел проверить, как объективно там работал БАБИЧ, хотел посмотреть его дела. А БАБИЧ пусть бы поехал и посмотрел мои дела. Правда, я в Белой Церкви недолго работал. Я считаю, что должен был сесть на чужие дела, а не на свои. Тем более что там было заявление БУШЛЕРА. Я считаю, такое поползновение дать расследовать это БАБИЧУ было неправильным.

Председатель. Слово имеет тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.

Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ. Товарищи, всем нам известен лозунг тов. СТАЛИНА о том, что «кадры решают все». У нас, к сожалению, получается другое, что справки решают все. Это отчасти верно, в нашей системе справки должны решать, но у нас иногда есть справки в кавычках.

Голос. Не кавычки, а смертные приговоры.

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] Как у нас обстоит дело с кадрами и справками? Недавно в отношении одной справки произошел инцидент в Отделе Кадров [НКВД] Украины. Составили справку на одного нашего оперативного работника. Справку составил я, и должен сказать, что справку я составил действительно объективно, правильно, так, как есть.

Пошла эта справка в Отдел Кадров [НКВД] Украины. Вдруг раздается звонок: «Дать разъяснение, почему так составлена справка?». Оказывается, не записали, что от первой жены отца нашего сотрудника два сына в 1905 году уехали в Америку, а наш сотрудник уже от второй жены отца. Первую его жену он совсем не знает и не знает этих сыновей, которые уехали в Америку в 1905 году. Этот наш сотрудник тоже 1905 года рождения. Вот нас с РЕВОЙ вызвали и начали брать в оборот: «Вы липуете, неправильно составляете справки». И мне показывают: «Вот, смотри, вот первый листок дела, он сам пишет, что его два брата уехали в Америку». Я говорю: «Надо разобраться, что это за два брата, насколько они его компрометируют». Он говорит: «Вы пишете вообще все, а выводы будем делать мы». Я говорю: «Извините, я такой же старший инспектор, как и вы». — «Вы не согласны? Дайте Ваши выводы».

Мы же с каждой справкой отправляем дело. Если вам не нравится, возьмите листочек бумаги и пишите по-своему. Если Вы хотите, чтобы мы по вашим рецептам составляли справки — этот номер не пройдет.

Произошел инцидент и дошло до того, что этот сотрудник меня чуть не выгнал из кабинета.

Тов. РЕВА, который подписывал эту справку, вместо того чтобы меня заштитить и доказать ему нелепость его рассуждений, что он намерен угробить оперативного сотрудника, сказал: «Ну ладно, идите в отдел, разберемся».

Я считаю, что это в корне неверная постановка вопроса в деле подхода к нашим сотрудникам.

Или взять другую справку на нашего оперативного сотрудника, не буду здесь называть фамилии.

Голос. А почему нет?

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] Этот товарищ очень ценный работник, пользуется большим авторитетом и в парторганизации и во всем нашем коллективе. Товарищ этот — ценный работник и в оперативном отношении, а справку натягивали до того, что этому товарищу пришили правый оппортунизм. Тов. РЕВА знает, о ком идет речь и не даст мне соврать.

Голос. А чего скрывать безобразия?

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] Нет, я не скрываю, я говорю, какие безобразия.

В свете всех этих событий, происшедших в последнее время, только лишь пару дней назад спохватились и справку переделали.

Голос. Кто составлял эту справку?

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] Отдел Кадров.

Голос. Конкретно какой работник?

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] Эту справку составляли я и ТАЛАЛАЕВСКИЙ.
(Смех.)

Товарищи, не смейтесь. Мы так же составляли справки, как и вы обвинительные заключения. Правильно, объективно, с душой, я составлял справки, и не один раз я спорил из-за справки. Но я могу спорить и остаться при своем мнении потому, что у нас такая тенденция: «Вы пишите так, как вам говорят». Так что, я считаю, что смех тут довольно неуместен.

Теперь хочу сказать, что при распределении кадров иногда бывает некоторое национальное чувство. Через мои руки проходили документы в обком партии на утверждение в связи с анкетированием оперативного состава. Две справки: [на] одного начальника райотделения — еврея и на одного начальника райотделения — украинца. На начальника райотделения еврея, кроме того, что отец его жены в 1930 году арестовывался по подозрению в том, что у него имеется валюта, и через несколько дней был освобожден, ничего нет. Сам этот товарищ — сын извозчика, пролетарий, на хорошем счету, выдвиженец.

В справке на другого товарища, украинца, имеется, что его брат служил у Петлюры, брат жены служил у Петлюры и не один брат, а там получается в общей сложности пять братьев, целая семья. Этот товарищ идет на утверждение, а о другом пишут: «Ходатайства не подтверждаем».

Голос. Назовите фамилии.

[Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ.] ХОДОРКОВСКИЙ и РЯБОЙ. Теперь, когда спохватились, пришлось изменить. Теперь уже ХОДОРКОВСКИЙ стал хорошим, сразу назначается на должность начальника отделения в область. Если сейчас этого товарища вытягивают, то это, конечно, просто для того, чтобы предупредить события, не больше.

Я уже несколько раз говорил о званиях. Это наш наболевший вопрос. Я не буду говорить о себе. Хотя я шесть лет работаю в органах, может быть, я не достоин звания. Я буду говорить о других товарищах, которые работают больше меня на оперативной работе и до сих пор без звания. Почему это так? Теперь для нас ясно. Потому, что дальше центрального аппарата аттестационные листы хода не имели.

У нас теперь изрядное количество сотрудников, не имеющих звания. Наше руководство вместо того, чтобы утешить их, обнадежить, что, вот, мол, мы реагируем, ничего, потерпите — еще этих сотрудников угнетает.

Я приведу такой факт. Правда, мы на армейском положении. У нас дисциплина. Я против этого не спору, но интересно знать — чем руководствовался тов. ДОЛГУШЕВ, когда здесь, на оперативном совещании, дал распоряжение всем не имеющим звания раздать форму, выпороть петлицы брюк. (*Смех.*) Извиняюсь, выпороть канты из брюк и прийти на работу, как совершенно вольные граждане, не имеющие ничего общего с нашими органами.

В результате — сотрудники еще больше остались угнетенными. Надо было посмотреть, как один в таком пиджаке, какой он имеет вид перед обвиняемым. Он же следователь. Этот сотрудник морально угнетен, он несколько лет работает и не имеет звания. Я считаю, что человек не имеет звания, значит, он недостоин работать в органах. Не может быть, чтобы человек работал в органах и не получал звания в то время, как оно ему положено. Если недостоин, увольте его. Зачем его морально угнетать? Вместо того, чтобы его ободрить, что он когда-нибудь получит звание, ему говорят: снимай петлицы, выпарывай канты брюк.

Я считаю, что собрание должно поговорить о таких моментах, которые отрицательно отражались на работе.

Председатель. Слово имеет тов. РОТШТЕЙН.

Тов. РОТШТЕЙН. [...] Ведь это же не секрет, что мы молодых людей, пришедших к нам в органы впервые, не учили работать, оперативному делу, а учили избивать арестованных, требуя признания своей вины. Это была неправильная ориентация.

Ведь это же, как говорится, горькая правда, не скроешь. Сейчас поздно бить себя в грудь и говорить, что мы натворили немало бед благодаря тому, что нами руководили руководители наподобие БАЛИЦКОГО, ЛЕПЛЕВСКОГО, УСПЕНСКОГО, которые давали нам установки контрреволюционного порядка.

Мы добивались от арестованных показаний в большинстве случаев палкой, кулаком и в результате в полусознательном состоянии люди, подчас невинные, давали показания, лежа на полу, подписывали протоколы о своей причастности к контрреволюционной организации.

Я скажу из опыта Харьковского областного управления, где мне пришлось поработать. Мне дали арестованных: ШАПОВАЛОВА и САМОХВАЛОВА — двух студентов. Один — 1909 года рождения, другой — 1908 года рождения. На этих людей была справка: будучи в комсомоле, в 1927 году по одному разу посетили квартиру, в которой собирались комсомольцы и зачитывали какой-то троцкистский документ. Вот вся справка. Людей арестовали. И что вы думаете? Они успели просидеть по году и два месяца до того, как попали ко мне. Молодые люди, сорванные с 5-го курса технологического института, люди, которые могли бы принести пользу нашей Советской стране, которая так нуждается в преданных технических кадрах.

Они год и два месяца просидели в тюрьме по чьей воле? По вражьей воле. И когда я изрядно поработал с ними, но без мордобоя, я убедился, что эти люди не заслуживают того, чтобы быть осужденными.

Я пришел и говорю: «Тов. ЗАМКОВ, эти ребята должны быть освобождены, нет веских данных содержать их под стражей. Они в 1928 году, будучи комсомольцами, один раз посетили квартиру и послушали какой-то троцкистский документ. Это не может служить причиной, чтобы их осудить». В ответ на это «ортодокс» ЗАМКОВ мне ответил: «А ты добейся показаний, ты оппортунист». Я так и уехал в Киев с именем «оппортунист». А эти невинные люди остались сидеть в тюрьме.

Я три раза писал о их освобождении, но СИМХОВИЧ — начальник IV отдела — говорил: «Пойдите к ФЕДОРОВУ». ФЕДОРОВ говорит: «Пойдите к СИМХОВИЧУ». Потом говорит: «Оставьте постановление у меня, вы не так разобрались в этом деле, как это требуется. Мы дадим более молодому работнику, чем вы, и он разберется». В результате, если их не лишили жизни, они, безусловно, выйдут на свободу, потому что правда всегда должна восторжествовать. [...]

Тов. СЕРДЮК, мы все, сидящие здесь, по воле вражеского руководства превращались в какую-то касту. Между работниками ЧК — ГПУ — НКВД и партией была создана врагами китайская стена. Это им было выгодно. И никак эту стену нельзя было пробить. Где, скажите, пожалуйста, видано, чтобы чекист превратился в какой-то манекен? Приказание начальника для него — святое дело. А какое приказание отдавалось — мы не разбирались. Выполняли это часто по-казенному, а не по-партийному. Очень часто это ограничивалось тем, что стал во фронт: «Есть, ваше приказание будет выполнено».

[...] Мы раньше (в особенности) от усталости валились с ног. Мне скажут, возможно, что это неправда? Нет, правда, товарищи. Я лично кончал работу начиная с августа 1937 года по 25 июня 1938 года в 6–7 часов утра. Я не знал отдыха, очень часто без выходных дней. Я не имел времени, чтобы уделить внимание себе, детям своим, которых я должен воспитать в большевистском духе.

Кто, скажите, пожалуйста, создал такой стиль работы, когда чекист, который отдает свою жизнь на пользу нашей стране, нашей партии, не имеет времени отдохнуть? Я считаю, что такие установки работать от зари до зари — это тоже было вредительство. Пошлите любого чекиста на врачебную комиссию, если он не полный инвалид, то полуинвалид, неврастеник, страдающий суставным ревматизмом. У многих товарищей организм основательно подточен. Наши кадры нужно беречь, как и каждого честного гражданина нашей родины.

Кто когда-либо интересовался здоровьем чекиста, чтобы он мог работать, как следует, и выполнять волю партии? Никто. Никого это не интересовало. Бывало, уходишь в 4–5, в полшестого утра. Начальник отдела, который высыпается от часу до четырех в своем кабинете, начинает под утро обходить комнаты работников и дергать двери. Нет работника, дает секретарю приказание записать его для очередного морального внушения, а на завтра вызывает — и ты жизни не рад такому вызову.

Почему это все так делалось? Потому, что мы вышли из поля зрения парторганизации. Потому, что ЦК КП(б)У нами в должной мере не занимался. Потому, что горьком партии к нам относился формально, предоставлял нас самим себе.

Где ваши глаза были? Почему вы не помогли нам разобраться в этой запутанной обстановке? Вы решили, очевидно, что мы сами сможем справиться и выполнить то великое дело, на которое нас ведет наша партия, тов. СТАЛИН. Вы ошибаетесь. При такой обстановке, как было, мы с этой задачей не справились бы. Вот вам результат нашей работы. Мы немало отправили людей на тот свет, которых не нужно было отправлять. Товарищи, об этом многие говорили, и мы, работники Харькова, можем подтвердить, что это именно так. Трудно говорить, что мы — коммунисты — выполняли волю фашистов, волю контрреволюционеров. Позор нам.

[...] Разве мы не знаем ряд вопиющих случаев, когда честных коммунистов, преданных борцов за дело ЛЕНИНА — СТАЛИНА, снимали с оперативной работы потому, что они крепко били врагов и отправляли их на строительные участки. Врагам их работа не пришлась по вкусу.

Таковыми людьми является старший лейтенант госбезопасности тов. ШИРИН, не один год проработавший в органах, и в частности в Харькове, который не одно групповое дело провел по правым троцкистам, который без единого щелчка подводил людей к расстрелу потому, что это были заядлые враги. Он свою работу делал именно так, как нас учит тов. СТАЛИН. Старший лейтенант Госбезопасности тов. ЧАЙКОВСКИЙ, отдавший свою жизнь партии, с 1918 года член партии, с 1920 года — в органах ЧК. Этих двух людей, до конца преданных партии, отправили начальниками строительных участков, удалили от оперативной работы, и на их место поставили преданных людей, но неопытных, не научившихся еще рубить врага с плеча. *(Движение в зале.)*

Я в данном случае применил кавалерийский термин. Таких случаев у нас много, людей снимают, им ничего не говорят.

Вот я с 1927 года в партии, с 1924 года в комсомоле, работал на заводах, на фабриках, сам рабочий, если меня раньше спрашивали: «Тебя, РОТШТЕЙН, с супортно-шлифовального станка перевести на дрыгалку?», я отвечал: «Не хочу». Почему? Потому, что хочу повысить свою квалификацию. [...]

Вот возьму хотя бы пример с себя. Прошу, конечно, не относить за счет того, что у меня накопилась злоба. Назначают меня оперуполномоченным Сталинского Горотделения. Очень хорошо. Тов. ЗЛОТИН не даст соврать, что я не имел карьеристских тенденций. Тов. ЗЛОТИНА назначают в Ленинский райотдел начальником. Я к нему все время приставал: «Забери меня к себе». Как будто бы все было на мази. Вдруг вызывает тов. ДОЛГУШЕВ и в присутствии СПЕКТОРА кое о чем расспросил и сказал: «Вы пойдете в Сталинское райотделение, организуйте его и приступите к работе». Хорошо. Поработал июль-август-сентябрь-октябрь, до 20 ноября. Я не скажу, что у меня в работе не было шероховатостей. Недостатки были. Я в жизни не был на руководящей оперативной работе.

Я об этом честно сказал тов. ДОЛГУШЕВУ, что я не был на самостоятельной работе. Все же тов. ДОЛГУШЕВ сказал: «Идите, работайте». Я пошел — [ведь] назначил старший товарищ.

Представьте себе, вдруг 16-го числа случайно я узнаю от тов. ЦИРУЛЬНИЦКОГО, что меня снимают. 19-го числа приходит новый товарищ: «Сдавай дела, иди в отдел кадров». Я никогда не претендовал на должность начальника райотделения, но за что сняли? Вот это важно знать. Мне сказали, будете работать здесь в большом аппарате.

Я знаю, почему меня сняли. Меня сняли после того, как я был на приеме у УСПЕНСКОГО. Это точно. А Вы, тов. ДОЛГУШЕВ, выполняли его вражеское распоряжение. Так не поступают с коммунистами. [...]

Председатель. Слово имеет тов. КОВТУНЮК.

Тов. КОВТУНЮК. [...] Прежде всего два слова о себе. До 1937 г. я был пом[ощником] оперуполномоченного. В 1938 году меня выдвинули начальником райотделения в Бориспольский район. Через 4 месяца переводят в Киев. Все время, работая в органах ГПУ — НКВД, варился в своем соку в сельских районах: Народичи, Ракитное, Борисполь. Учиться мне не у кого было, работал с начальниками райотделений — беззубыми, которые не учили работать. Часть из них оказывались врагами (КОСЯЧЕНКО). Вот с такими начальниками райотделений приходилось работать. Практику в чекистской работе я набирал только в селе, городской обстановки не знал. На протяжении 9 лет работы в органах НКВД я с городом не сталкивался, за исключением того, что на два месяца поехал в Житомир в командировку, но вскоре заболел и уехал обратно.

С какой обстановкой я здесь в облуправлении столкнулся? Если в Бориспольском районе я мог ликвидировать последствия вредительской работы ЛАПИНА, то здесь я, по сути, стал тупым оружием, как будто бы неспособный работать в органах.

Будучи начальником райотделения, я находился в оперативной группе в Броварах. Ничего не зная, меня по телефону вызвал начальник отдела кадров тов. РЕПА, приказал немедленно сдать дела и приехать в область. Здесь, в Отделе Кадров, мне говорит: «Вы остаетесь здесь работать, идите договариваться в IV Отдел к тов. МЕДВЕДЕВУ». От тов. МЕДВЕДЕВА я получил такую установку: работа в отделении запущена, народ развинченный, [его] нужно взять в руки — и все.

С этой установкой я работаю на протяжении 4-х месяцев. С городом я не знаком, не знаю, как начать практическую агентурную работу в условиях города.

С тов. ДОЛГУШЕВЫМ говорил только пару раз — когда докладывал дела. Мне кажется, что когда приезжает работник, нужно его ввести в курс работы. Начальнику области поговорить с работником, выяснить его способности. К сожалению, со мной этого не было. В результате, по сути, я не знал, что делать, был отдан сам себе.

[...] Я боялся подойти и сказать свое мнение об арестованном, кого считал нужным освободить из-под стражи. Возьмем такой характерный пример, как дело группы контрреволюционеров СУХОДОЛЬСКИХ. Арестована была старуха 60-летнего возраста, ее сын является

сочувствующим КП(б)У — рабочий завода КПВРЗ, зять — член партии и невестка — дочь рабочего. На справке синим карандашом врагом УСПЕНСКИМ была написана резолюция: «ДОЛГУШЕВУ — арестовать». Разве здесь не видна была вражеская рука фашиста УСПЕНСКОГО? Но нужно было иметь только партийное чутье, чтобы разоблачить его вражеские действия. Справка, по которой была арестована эта рабочая семья, поверхностна, ничего конкретно подтверждающего изложенного в справке не было. На этой справке тов. ДОЛГУШЕВ написал: «ЛАПСКЕРУ проверить и выполнить». ЛАПСКЕР наложил резолюцию: «ЗАЛЕССКИЙ — арестовать». ЗАЛЕССКИМ это было выполнено.

Я по этому делу несколько раз посылал оперативных работников по месту прежней работы арестованных. Наконец, сам поехал на завод КПВРЗ, ничего, кроме положительного, не добыл. В конце концов я решил доложить руководству о том, что семья невиновна, ее надо освободить. От тов. МЕДВЕДЕВА я получил установку тщательно проверить и оформить материал к освобождению. Мне только непонятно — почему это дело прячется уже после освобождения СУХОДОЛЬСКИХ из-под стражи, не направляется прокурору?

[...] Хочу еще сказать о себе — как я лично чувствовал себя до сегодняшнего дня и как морально переживал. Я никогда не был подхалимом, делал так, как мне подсказывала моя совесть и партийное чутье. В 1931 году вступил в кандидаты партии. Работал над собой, хотя с партийной средой меньше был связан.

В 1933 году в Народичском районе я вскрыл кулацкую группировку в колхозе, которая ставила своей целью развалить колхоз. Причем нарушил вместе с тем постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 8.V.1933 года. Нарушение это заключалось в том, что когда в районе не было прокурора, я, по распоряжению райуполномоченного, арестовал 9 человек без санкции прокурора.

Дело в течение трех дней было закончено и направлено прокурору. Но вместе с тем было возбуждено уголовное дело против меня, причем сфабриковано. Якобы я избивал арестованных. Расследовал это дело КОСТУЛИН, ныне осужден.

В 1934 году особоуполномоченный РУБИНШТЕЙН, оказавшийся врагом народа, слушал мое дело в судебном разбирательстве. Докладывал это дело ПОЛИЩУК. Характерно, когда РУБИНШТЕЙН прямо поставил вопрос перед докладчиком: «Избивал ли КОВТУНЮК арестованного?», ПОЛИЩУК через определенный промежуток времени ответил: «Да». Хотя знал, что дело было липовое, никакой правдивости в нем не было. В результате судимости по сей день не имею звания. Я не карьерист. Я согласен сегодня возвратиться работать в село, но все же считаю, что это безобразие. Я заходил к тов. РЕВЕ выяснить причины неprisвоения мне звания, но почему-то этот вопрос не разрешен. Раньше в отделе был такой, как АКИМОВ. Это был хитрый человек, никогда с сотрудниками не считался, а подчас и не разговаривал. Был такой случай, когда бывший начальник райотделения КОСЯЧЕНКО (ныне арестован) написал в отдел кадров о том, что я якобы на протяжении года лежу в постели больной,

а в действительности этого не было. Зная об этом, АКИМОВ должным образом не реагировал.

Тов. ПАНЕНКО. Товарищи, я работаю, как и другие, не так давно в органах — всего 8 месяцев. За этот период времени чему я научился? [...] Нужно, товарищи, сказать: правильной чекистской работе, как требует партия, я не научился. Из чего это видно? Это видно из того, что я делал и как я делал. Прежде всего, когда я пришел первый день в органы НКВД, то услышал, что есть такие упрощенские методы следствия, отчего по мне мороз проходил. В последующие дни я привык немножко и начал постепенно втягиваться в эту обстановку, привыкать, перейдя на работу в тюрьму исключительно на следствие, где сам в это дело втянулся.

Я прежде всего думал сам, и товарищи рассказывали, что существует какой-то стиль работы в органах НКВД, работы с агентурой, вскрытия контрреволюции. И нужно этому учиться, и таким образом работать тщательно, быть бдительным в этом отношении, чтобы отличать врага от честного человека и с этими врагами вести борьбу.

Что же получается? Я поработал в органах на протяжении 8-ми месяцев и этой агентурной работы не знал, что она собой представляет. Я работал исключительно в упрощенном следствии. [...] Правильного советского, партийного следствия, как партия говорит, как партия доверяет нам, людям, вести следствие в этом направлении, я не знаю. Работал я помощником начальника Отделения.

После этого тов. ДОЛГУШЕВ назначает меня начальником отделения. Я говорю, что я не способен вести самостоятельную работу потому, что я с агентурой не знаком, что мне нужно крепко учиться, чтобы потом получить этот участок. Может быть, не подлинно так сказал, но сказал, что сейчас не могу работать потому, что мне надо поучиться, чтобы быть полноценным работником. Он говорит: «Мы тебя пошлем в академию». Я говорю: «В академию меня не надо посылать». Он говорит: «У нас нет академии, нет, надо садиться, работать и учиться на работе». Я подумал, что, очевидно, с таким опытом, как и я, сейчас много работников, и нужно садиться на эту работу. Я принял отделение за три дня. В отделении много накопилось всевозможных материалов, дел, которые нужно соответственно оформить и знать, где что лежит, что с этим делать, а я же этого не знаю. Требуют от меня работу по ряду конкретных вопросов, чтобы я написал доклад о состоянии агентурно-осведомительной работы по отделению, отчеты о работе заводов и т. д. Я же этого никогда не делал. Я прошу начальника отдела: «Расскажите мне — как это делать?». Начальник отдела мне рассказал, но надо же показать. А у начальника отдела нет времени, а я сам этого не сделаю.

После этого я увидел, что я являюсь тормозом в работе отделения. Я поставил вопрос перед начальником отдела о том, чтобы меня воз- вратить опять на работу помощника начальника отделения, так как мне нужно еще подучиться с тем, чтобы работа не страдала, чтобы я получал в этом направлении какие-то знания и потом, научившись, имел бы опыт и был полноценным работником. Я говорил об этом с парторгом, что я в отделении, не имея соответствующего опыта, являюсь тормозом. И на

сегодняшний день остаюсь такого мнения о себе, несмотря на то, что меня успокаивают.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Такая постановка вопроса неправильная.

[Тов. ПАНЕНКО.] Я здесь говорю, что, не имея опыта в этой работе, я вынужден, таким образом, поступать, чтобы иметь этот опыт. Мне нужно создать обстановку, чтобы я мог его получить. Работа на упрощенных методах следствия была оторвана от полной чекистской работы.

Кроме того, у меня в отделении есть товарищи — 2 человека, которые работают один — три, другой — четыре месяца. Товарищи, которых нужно учить, а я сам такого опыта не имею.

Я хочу сказать этим, что, находясь на протяжении 8-ми месяцев в органах, я еще не научился правильно работать, правильным методам, формам работы, всем правилам чекистской работы. Для этого я должен находиться возле опытного товарища, чтобы повседневно, сталкиваясь в работе, я видел, как он работает, получал от него постоянную консультацию, ознакомился бы с соответствующими участками работы. И потом, после ознакомления, я не возражаю, если найдут нужным, меня выдвигнуть как полноценного работника, тогда это можно делать.

Я должен заявить, что со дня прихода в органы я видел, что отношение к людям со стороны руководства отвратительное, бездушное. С людьми абсолютно не считались. Начальник отдела, зам[еститель] нач[альника] Областного управления, помощник и начальник областного управления — это такие фигуры, к которым подступить — это целое событие. Говорили уже, и у меня такое впечатление создалось, что если зайти к начальнику области по любому вопросу, то, во-первых, тебе ответит так, что не поймешь, что он ответил, а когда переспросишь, то второй раз не ответит.

У меня однажды был такой случай, когда я пришел к тов. ДОЛГУШЕВУ. Я его спросил о чем-то. Я переспросил — не ответил, и я так ушел. У меня создалось впечатление, что к т. ДОЛГУШЕВУ по вопросам, какие у меня возникают, нечего идти.

Относительно взысканий. Проработав пять месяцев в органах, я получил взыскание — трое суток ареста. Я теперь еще только понимаю, что не я сам потянул себя на это взыскание, а обстановка, условия, в которых я находился. Кроме того, это опять-таки говорит об отношении, которое существовало к людям. Накладывается ведь взыскание на живого человека, на чекиста. Другой работает 10 лет в органах НКВД, третий — 5 лет. Да хотя бы и меньше проработал — накладывается взыскание, но ему начальник областного управления ничего не скажет — наложат взыскание и по отделам разошлют приказ. Человек только потом узнает, что он получил взыскание. Со мной лично так же было. Трое суток ареста — я был ошеломен. Никто меня не спросил: почему у тебя так вышло? [...]

Когда работали до 6–7 часов утра, то в 4 часа утра был такой случай, когда я задремал. Это было в тюрьме. Это о чем говорит? Не о том, что я лег спать, а, очевидно, исключительно устал, и поэтому не мог себя удержать бодрее, чтобы не довести себя до этого случая. Я еще не привык

к такой обстановке, и она на меня так повлияла. Тов. ДОЛГУШЕВ меня ничего об этом не спросил.

Теперь о воспитании молодых кадров, недавно пришедших в органы. Эти люди представляют собой новую силу в органах НКВД. Основным должно быть их воспитание. Людям, недавно пришедшим в органы НКВД, передовикам производства, где они работали, доверяют очень большое дело, но им достаточно внимания не уделяют, чтобы их воспитать действительно так, как требует партия для успешной борьбы с врагами.

Взять хотя бы приказ, который написал тов. ДОЛГУШЕВ об организации занятий, проведении этих занятий раз в пятидневку с товарищами, которые недавно пришли в органы, чтобы дать им соответствующие знания. Если они и проводились, то один раз в три пятидневки, а не в одну. В последнее время уже и раз в три пятидневки не проводятся. Спрашивается, где же работа с людьми, чтобы их научить работать, как следует? [...]

Тов. КАРАФЕЛОВ. [...] Ведь возьмите, товарищи, как мы работали? Допросы, если сейчас это проанализировать, составлялись по определенному сценарию. По определенному вопроснику. Писали не то, что говорил арестованный, а то, что хотелось следователю, очень часто. Я знаю такие факты, что т. ЗАЛЕССКИЙ, т. АНТОШКО в свое время делились со мной по работе, удивлялись, что это за установка зам[естителя] Начальника Области СПЕКТОРА? Приносишь протокол допроса, где даются показания обвиняемым, который говорит, что «меня завербовал такой-то, я проводил такую-то работу». СПЕКТОР говорит: «Пишите, что завербовал не такой-то, а такой-то, что в этом протоколе обязательно должен быть террор, а без этого протокол никуда не годится». Такие установки, товарищи, давались и выполнялись отдельными товарищами.

Как мы подбирали свидетелей по делам? Это же позор. Мы сами себя дискредитировали. Есть сознание арестованного — и никаких документов, никаких свидетельских показаний. И вот начинаются розыски свидетелей. Разъезжаю по городу, по парторганизациям, по производствам, вызывают секретарей парторганизаций, председателей завкомов, начальников спецчастей. Обязательно подбери свидетелей — это враг, по этому делу нужны свидетели.

Почему это делалось? Потому, что арестовывали людей по поверхностным материалам и не могли доводить дела до определенного конца. Поэтому приходилось прибегать к такому методу работы. [...]

Самый метод в Отделе. Если ты поработал ночь и на утро в своем рапорте не указал, что у тебя имеется сознание — ты не работник. Тебя уже прорабатывают на оперативных совещаниях. Ты не смел говорить, что в этом деле не видишь серьезного состава преступления, что нет материала в деле. Нет, это серьезный арестованный. Вы с ним плохо работаете. Надо поработать покрепче, и тогда показания будут. Он вам даст и шпионскую линию и повстанческую — какую хотите.

Я помню, как т. ЗАЛЕССКИЙ на одном из оперативных совещаний заявил, что не верит в дело ЧАПЧАЯ, которое вел КОГАН, впоследствии арестованный, как враг народа. Он заявил: «Я в это дело не верю и это

дело вести не буду. Пусть ведет тот, кто его начал». Выступил КОРКУНОВ и заявил, что это неверие в такое дело, которое уже насчитывает организацию в 500 человек молодежи, что нужно ЛУПЕНКО — партийному организатору — немедленно ставить вопрос о ЗАЛЕССКОМ.

Все, кто присутствовал на этом оперативном собрании, об этом знают. А если присмотреться к КОРКУНОВУ — кто он такой? Это сын крупного кулака, братья которого были у КОЛЧАКА. Такие справки о нем дают, и этот человек почему-то всякими неправдами вырастает в начальника Ворошиловградского Областного Отдела.

Голос. УСПЕНСКИЙ выдвинул.

[Тов. КАРАФЕЛОВ.] По этому вопросу, если не ошибаюсь, тов. ЗАЛЕССКИЙ обращался к тов. ДОЛГУШЕВУ: «По-моему, тут что-то есть, на него имеются такие-то материалы». Он получил ответ: «Откуда вам известно?». — «Я это знаю». — «Ну ладно, можете идти». [...]

Возьмите такую постановку в работе, когда говоришь о партийной объективности и вместе с тем, если думаешь, что человек не виноват, не можешь этот вопрос ставить, потому что тебя сейчас же под сомнение берут, что ты неверно подходишь к делу. [...]

Товарищи помнят одно из оперативных совещаний, где был ГОТКИС. Нам всем известно, что ГОТКИС кое-где неправильно проводил дела.

Голос. Не только кое-где.

[Тов. КАРАФЕЛОВ.] Я с его делами не сталкивался, поэтому здесь с утверждением во всех случаях его следственной деятельности не могу говорить. Но у него все же хватило совести прийти и заявить, что он высказывает сомнение в некоторых делах. Ему тут на совещании было заявлено: «Я ваши дела передал другому следователю, если у него что получится, я вас проработаю на всю Украину». Как же тогда ставить вопрос об освобождении людей, если тебя на всю Украину прорабатывают?

А кому передают дела? Начальнику Смоленского райотделения ЛЫСАКОВУ. Товарищи, это первый липогон. Здесь т. ПАЩЕНКО ничего не сказал об одном случае. Мне он об этом рассказывал. У него в тюрьме был один арестованный, у которого он никак не мог взять показания. К нему прикрепили ЛЫСАКОВА. ЛЫСАКОВ приходит к нему в комнату: «В чем дело? Не дает показания? Сейчас пиши протокол, он подпишет».

Товарищи, это же прямая вражеская работа. И этот ЛЫСАКОВ был в почете. Забирали дела у следователей, передавали ему, мол, он добьется показаний. Как же он добивался, если не зверскими методами работы?

Возьмите другие факты. По оперативно-следственной группе по бывшим сотрудникам. Тов. ВАРАКОВ здесь об этом ничего не сказал.

Тов. ВАРАКОВ. Я говорил на оперативном совещании.

[Тов. КАРАФЕЛОВ.] А сегодня партийное собрание и тут тоже надо об этом сказать. Он пришел и начал доказывать, что в деле КОЛБАСЕНКО он не видит состава преступления, за что можно было бы отдать под суд. За это он был вызван к ДОЛГУШЕВУ и вышел от него, сел у СТРОИЛОВА на диване, и слезы у него потекли из глаз.

Или ФОМИН — Начальник райотделения, который приходил докладывать, что не видит состава преступления. Почему об этом не говорят?

Где же тут партийная объективность к делам? Говорилось только на словах, а на деле этого не было.

Забирают дело у старого работника тов. ВАРАКОВА, который второй десяток лет работает в органах, забирают дело у второго оперативного работника т. ФОМИНА и говорят так: «Если вы не умеете, так у нас есть мировой кольщик», есть такой ГУТГАРТ.

ГУТГАРТ — рабочий парень, недавно пришел в органы, молодой, которому надо учиться. Может быть, он и перспективный товарищ, но его работу нельзя сравнить со старым следственным работником, который знает работу. И вот не верят ВАРАКОВУ, а ГУТГАРТУ — мировой раскольщик, который берет любые показания. Он сам говорил, что у него есть ценного в части раскола, что он словами хорошими берет. Тут, товарищи, был взят упор не на тот метод следствия, который нужно было брать.

Это передача следствия от одного работника к другому, не веря в то, что он это дело доведет до конца, не веря в то, что работник докладывает, вносило много неясностей, и по углам много об этом говорили. [...]

Товарищи, еще один момент, о котором тут не говорили. Не затронул этот вопрос и секретарь парткомитета в своем выступлении. У меня нет оснований лично сегодня обвинять кого-либо в антисемитизме по отношению к себе. Ничего подобного. Я у товарища ДОЛГУШЕВА бывал неоднократно, бывал в Отделе кадров, и никогда я это не чувствовал. Но когда товарищ ПОКОТИЛО после событий с УСПЕНСКИМ, после оперативного совещания заявил: «Товарищ КАРАФЕЛОВ — была такая установка». Тов. БЕЛЯВЦЕВ — начальник Корсунского Отдела НКВД, с которым я работал, рассказывал, что в разговоре с РЕВОЙ он получил установку — в органы НКВД не увлекаться приемом евреев. Так как евреи — это торгаши, это люди, которые имеют родственников за границей. Я говорю, что это фашистская установка, неправильная. И поскольку это дело проходило по другим областям, значит, это линия врага УСПЕНСКОГО проводилась и по Киевской области. И не может быть, чтобы РЕВА из своей головы выдумал. Это исходило или от руководства области, или из Отдела кадров НКВД УССР. [...]

Тов. БЕЛЯК. [...] Я, товарищи, работник в органах НКВД тоже молодой, как некоторые выступали. Мобилизован партией весной, и меня послали на участок работы в Отдел кадров Облуправления. За 7 месяцев моей работы в Отделе кадров я, товарищи, уже работаю с четвертым начальником отдела кадров.

Что, товарищи, мне, как коммунисту, бросается в глаза в Отделе кадров? Мне кажется, что командование Облуправления считает Отдел кадров на самом последнем месте и я это скажу вот почему. Во-первых, это доказывает то, что меняется начальство. Во-вторых, люди меняются очень часто. И третье, если люди выступают сегодня и говорят, что Отделы не укомплектованы кадрами, то Отдел кадров тоже не укомплектован кадрами, и есть люди, которые работают на других работах, а деньги получают за счет работников Отдела Кадров.

Товарищи, нужно сказать, что последняя кандидатура начальника т. РЕВЫ неудачная. Это в разговоре с РЕВОЙ он сам говорил, что пришел работать в Отдел кадров, абсолютно никогда не работал, некомпетентный в этом вопросе. Он абсолютно не знал этой работы.

Тов. ШАМРЫЛО. Особой квалификации не нужно, а нужно только быть коммунистом-большевиком.

[Тов. БЕЛЯК.] В Отделе кадров старых работников с большим стажем было два человека — ТАЛАЛАЕВСКИЙ и КИСИЛЕВСКИЙ. В Отдел кадров новые работники, которые поступают работать инспекторами и вярятся в своем собственном соку. Точной установки по тому или иному вопросу у руководства Отдела кадров не получилось. [...]

И вот, товарищи, те молодые кадры, которые сейчас влились в органы НКВД, а нас — молодых кадров — немало имеется, воспитываются очень плохо. И вот почему. Одно время т. ДОЛГУШЕВ в начале весны говорил, что организуются курсы, где нас будут учить, и целый ряд дельных предложений. Что же в конце концов получается? Что занятия проходили формально, и в конце концов курс, намеченный по приказу, не закончен и сейчас эти занятия не проводятся.

[...] Когда я шел на работу в органы, мне очень много говорили, что здесь такая забота о кадрах, что нигде такой заботы нет. Получилось наоборот, что на заводе, где я работал, лучшая забота.

Первое в отношении бытовых условий. Лично я проживаю очень далеко от областного управления. Подавал заявление по дистанциям, начиная от начальника Административно-хозяйственного отдела. Тот наложил резолюцию. Подавал КОЗЬМИНЫХ — тот наложил резолюцию. В конце концов написал ДОЛГУШЕВУ. Он написал: «В ближайшие дни представить комнату». Эти «ближайшие дни» уже тянутся месяцами. Разве я могу продуктивно работать, если, кончая работу в час или полвторого, должен идти на Лукьяновку, в противоположный конец города? Я считаю, что это не забота о людях.

В нашем Административно-хозяйственном отделе нет нашего партийного контроля. Там распределение идет так: нравится человек — ему дают, не нравится — ему не дают. Мне, например, заявили: когда вы где-то работали, вы квартиры не требовали, а пришли в органы, так вы требуете квартиру. Конечно, это непартийная постановка вопроса.

И последнее, о чем я хотел сказать о нашей работе, — это оторванность нашей чекистской работы от партийно-массовой работы. Об этом мы очень много говорили и раньше. Тем товарищам, которые раньше работали в гражданских условиях, это кажется как-то странно. Я, например, хочу сказать о себе. Когда я пришел в органы, мне было странно, что я не чувствую никакой партийно-массовой работы. Были времена, когда по месяцу не было собрания. Я говорил парторгу т. ТАЛАЛАЕВСКОМУ: «Может быть, у нас вообще не будет собраний?». [...]

Председатель. Слово имеет тов. ЛУПЕНКО.

Тов. ЛУПЕНКО. [...] У нас имеется много случаев, когда мы били не тех, кого нужно, вернее, попадали под удар и невинные люди. Работая

на оперативной работе, мы, естественно, чувствовали, что в ближайшее время должны быть какие-то изменения в работе органов НКВД.

Например, вопросы об арестах. Мы понимаем, что в определенный период времени нужно было нанести решительный удар по вражеским гнездам, выкорчевать эти вражеские гнезда. Но выкорчевать правильно, по-большевистски, быть там, где следует. Был у нас такой зам[еститель] Нач[альника] Отдела КАНЕВСКИЙ, затем начальником 4-го Отдела был СОКОЛОВ. Он часто собирал совещания оперативных работников в части репрессий и ареста.

Например, меня лично вызывали и говорят: «Ты, ЛУПЕНКО, должен предоставить на арест по своему отделению 75 человек». Я говорю: «У меня нет такого учета, и я не могу набрать таких людей». Он говорит: «Вам приказано — должны выполнить». Выходишь и чухаешься. Я, как коммунист и чекист, считал, что такая установка неправильная. Но, с другой стороны, мыслилось себе, может быть, есть такая ориентировка. Нас же не посвящают. Раз вызывает зам[еститель] Начальника Отдела — значит, мы должны выполнять и метаться по шкафам. И делали зачастую грубые ошибки в части репрессий.

О ленточках. Нас предупреждал начальник отдела КОРКУНОВ, МЕДВЕДЕВ, КАНЕВСКИЙ о том, что если мы обнаружим в отделении ленточки, на которых будет резолюция «арестовать», и человек не посажен, мы Вас арестуем. А у нас были ленточки без подтверждения материалов, на которых писали красным или синим карандашом «арестовать». И когда они попадали, думаешь: «Нет материалов. Если арестуешь — будешь отвечать, не исполнишь — тоже будешь отвечать».

В свете решений Совнаркома видно, что эта вражеская работа проводилась с тем, чтобы бить не по тем людям, которые проводили вражескую деятельность.

О порядке ведения самого следствия. С нас требовали, что если протокол арестованного даешь, где указано, что он является участником организации, проводил какую-то контрреволюционную подрывную работу на том или ином участке, и если даешь без диверсии, террора, шпионажа — эти протоколы браковались. Естественно, что в практике своей работы мы знаем, что многие были и участниками организации, и шпионами, и террористами. Но это не значит, что так должно быть всегда. Естественно, что тут зачастую по заказу делалось.

Второе, в части правильного ведения протокола. У нас были специальные писаки протоколов по заказам. СМОЛЬНЫЙ в 4-м отделе — выдающаяся фигура. И говорили, что если он уйдет из 4-го Отдела, то вся работа упадет. Если говорили, что нужно получить какие-то показания, то на утро такие показания были.

О КОГАНЕ. Я рядом с ним работал. Работаем ночью с большим напряжением, до 6 часов утра. Крепко с врагами работаем, когда чувствуешь, что это враг, но не всегда получались сознания, а КОГАН на утро две справки представляет о сознании арестованных.

Как впоследствии выяснилось, что КОГАН зачастую фабриковал сознания арестованных, о чем говорили и на совещании, где КУПЫРИН

говорил, что надо ЛУПЕНКО в этом не верить. Передали мне одного арестованного, следователем которого являлся КОГАН, и напечатанный протокол. КОГАН говорит, этот протокол он подпишет. Я вызвал арестованного, и он говорит, что понятия не имеет о таких показаниях. КОГАН взял у меня протокол, и у него арестованный подписал протокол под сильным нажимом. [...]

Кто помнит узкое совещание, которое проводил СПЕКТОР и приводил примеры, что КОГАН за две недели закончил 120 следственных дел? А меня СПЕКТОР упрекал в том, что свидетели не дают показаний, и несодействии вызову свидетелей для подтверждения антисоветской деятельности одного арестованного. Был арестован сионист, но нельзя было достать свидетельских показаний. Я стал докладывать целый ряд дел СПЕКТОРУ по сионистам. Я особенно хочу заострить внимание на СПЕКТОРЕ. Докладываю, что часть арестованных были сионистами до 1923–1924 гг. Потом декларировал свой отход от сионистского движения и ничем не подтверждает следствие, что он до последнего времени проводил враждебную деятельность. Он говорит: «Я вам приказываю писать, по какой год он был в сионистской организации». Я говорю: «Позвольте, если он в 1923 году был сионистом, а мы знаем, что некоторые сионистские течения были до известного времени легальные, значит, тут надо разграничивать, когда это было». Он говорит: «Пишите, что он участник сионистской организации, не указывая годов». Я заявил, что таких протоколов не могу показать, но такие вражеские установки давались.

Тут затрагивал тов. КАРАФЕЛОВ в части сбора свидетельских показаний. Мы часто неправильно арестовывали и неправильно вели следствие. СПЕКТОР, когда говорил, что помогал вызывать свидетелей, я ему сказал, что вызвал 30 человек, и никто не подтверждал вражеской, антисоветской деятельности отдельных арестованных. Он вызвал ШИКА и дал ему задание вызвать свидетелей — корреспондентов «ИЗВЕСТИЯ» (арестованный работал корреспондентом): «Я сам допрошу». И далее СПЕКТОР приказывал, что нужно вызвать свидетелей, пусть они три дня ходят по коридору — тогда они дадут показания. Я СПЕКТОРУ ответил, что не буду этого делать. Вызвали свидетелей, ходили сутки в коридоре и лишь тогда из-за страха дали показания на арестованных.

Я не буду ручаться, что эти люди знали или не знали о вражеской деятельности. Но я говорю о системе работы, от которой надо отказываться, о которой предупреждает ЦК ВКП(б) и Совнарком своим постановлением.

Я хочу, товарищи, остановиться на кадрах. Я, как коммунист, оперативный работник, говорил об очистке новых кадров, работников НКВД. Чем объяснить, что у нас такое получается со справками на сотрудников? Я говорил об этом т. ДОЛГУШЕВУ на последнем заседании партийного комитета. Если есть материал, который требует тщательной проработки, — другое дело. Но если какой-нибудь компрометирующий материал отдел кадров получил, на основании которого составляет справку зачастую без проверки — дискредитировали чекистов-коммунистов в застенках. Почему не сказать: вот, мол, на тебя, ЛУПЕНКО, есть такие-то

материалы, а он может представить оправдывающие документы. Надо выяснить все это.

Люди работают десятками лет в наших органах, и все эти справки без всяких выяснений. Надо же когда-то это разрядить. Если правильно написано, подтверждается, значит, данный человек не может в наших органах работать. А то справки накаплиются. Работник работает и не знает, что на него имеется. Почему не проработать на партсобрании, на партийной группе, разобраться в этом деле, чтобы была ясность о каждом члене партии? Надо же выяснить. Надо, чтобы человек знал, в чем дело, зачем это копить десятками лет и хранить где-то под замком?

И в части аттестаций. Руководством Отдела дается аттестация на товарища. Ведь мы военнообязанные, военнослужащие. В армии командир объявляет бойцам об аттестации. Если неправильно — обжалуй. Почему у нас это все делается, прячется под замком? Я же работник, коммунист. Если не справляюсь — скажите. Надо говорить: вот такая у тебя отрицательная характеристика или, вот, положительная характеристика. Это же все-таки воодушевляет в работе, а у нас это не делается. [...]

Теперь другой вопрос в части заявлений от арестованных. Я когда-то говорил с тов. ЛОСЕВЫМ. Почему задерживаются заявления арестованных? Они адресуются Наркому ЕЖОВУ, адресуются тов. СТАЛИНУ. Кто имеет право задерживать? Я, как коммунист, себе представляю, что если от кого бы то ни было заявление, оно должно пойти по адресу, а у нас почему-то задерживается.

Теперь о возвращенных делах в связи с решением Центрального Комитета. В решении говорится: одобрить мероприятия наркомата о создании оперативно-следственных частей. Я считаю, что в этой части нам нужно соответственно перестроить работу. Пока при Отделах не будут созданы такие следственные части — мы не вылезем из провала, в котором мы находимся. В отделениях у нас сидит один человек, максимум два. Дел в шкафах полно, и человек теряется, не знает основного, чем нужно заняться. Если мы, как отмечается в решении ЦК и Совнаркома, создадим такие группы, естественно, мы скорее разделаемся с этими делами.

Председатель. Слово имеет тов. ХАИТ.

Тов. ХАИТ. [...] На оперативном совещании, которое проводил т. ДОЛГУШЕВ, выступает ЛИВШИЦ с провокационным выступлением и говорит, что арестовывают рабочих с 10-летним стажем, держат два месяца, и я их освобождаю. Причем говорит, что это ХАИТ делал. Товарищ ДОЛГУШЕВ говорит — посадить ХАИТА. Надо же проверять. Я остался, и жду, пока меня посадят. Товарищ ДОЛГУШЕВ лег спать на диване, а я сижу до 9 часов утра. Потом встал ДОЛГУШЕВ. Я принес материал — какой это человек, что он был избран при Гетмане в государственную думу, антисоветский человек, активный церковный деятель, председатель церковного совета, который дал показания об антисоветской деятельности, но уничтожили эти показания. ДОЛГУШЕВ говорит: «Разберемся». Я говорю: «Товарищ капитан, зачем без основания обвинять людей?». Он говорит: «Бросьте обижаться». Я написал рапорт ДОЛГУШЕВУ, указал

конкретные факты — и до сих пор никаких результатов. Ведь это же прямое запугивание со стороны ДОЛГУШЕВА.

В отношении искривлений я хочу несколько слов сказать. Надо говорить об этих искривлениях, чтобы скорее ликвидировать вражеские дела, которые имели место. У нас было такое дело — вредительская организация в лесной промышленности. Арестовали людей, люди дали показания, что они занимались вредительской деятельностью. Причем обвиняемые конкретно говорят, каким вредительством, на каком участке лесной промышленности они проводили подрывную работу и т. д. Причем вредительская деятельность подтверждена материалами проведенной экспертизы. Дело лежит. Потом поступает распоряжение, чтобы ликвидировать вредительство, изъять вредительство из дела потому, что направлять дело в Областной суд надо. Если 57 ст.³, Облсуду, говорит, невыгодно направлять дело, и дается установка изъять вредительство. Это, товарищи, безобразие, это вражеская установка руководства. Если человек дает показания, что он занимался вредительской деятельностью, значит, надо направлять дело в суд и судить. Причем проводятся экспертизы, вызываются люди из треста, люди сидят по целым месяцам, ищут и находят конкретные факты вредительской деятельности. И вдруг — установка изъять вредительство потому, что нельзя направить в Облсуд. Почему его не может судить Облсуд, если человек занимался вредительством? Это вражеская установка. [...]

Тов. ЗАЛЕССКИЙ. Здесь тов. ВАРАКОВ, выступая, заявил, что, мол, у нас происходили такие ошибки и извращения в работе органов НКВД потому, что Центральный Комитет не контролировал работу органов НКВД.

Товарищи, для каждого из нас понятно, насколько такое заявление неправильно, если не сказать больше — антипартийно. Я не встречал такого сотрудника, который бы не был бы рад, когда узнал о том, что имеется это постановление ЦК ВКП(б). ЦК партии в своем постановлении указал о той большой работе, которую провели органы НКВД в борьбе с врагами. Одновременно с этим постановление указывает на те извращения и ошибки, какие имели место в работе органов НКВД. Эти извращения и ошибки — это темные пятна на фоне успехов, какие органы НКВД имели в борьбе с врагами всех мастей.

³ У ст. 57 КК УРСР ідеться про «масову, при попередній змові, відмову чи ухиляння платити податки або відбувати повинності». Санкція цієї статті обмежувалася 6 місяцями позбавлення волі та конфіскацією майна. Шкідництво відповідно до ст. 54, п. 7 КК УРСР: «За підрив державної промисловості, транспорту, торгівлі, грошового обігу або кредитної системи, а також кооперації, вчинений з контрреволюційною метою через відповідне використання державних установ і підприємств, або через протидіяння їх нормальній діяльності, а також за використання державних установ і підприємств або протидіяння їх діяльності, вчинене в інтересах колишніх власників або заінтересованих капіталістичних організацій» каралося розстрілом. Див.: Реабілітація репресованих: Законодавство та судова практика. / За редакцією В. Маляренка. — К.: Юрінком, 1997. — С. 23–24, 30.

Как это произошло? Об этом прямо говорит постановление ЦК ВКП(б). Враги, пробравшиеся в органы, творили свое грязное, возмутительное дело. Они пробрались в такой аппарат, который является одним из важнейших участков работы. Ведь органам НКВД партия доверила самое ценное, что есть — людей, судьбу людей.

У нас существовал такой порядок, что арестовывали как-нибудь, по каким-нибудь материалам, очень часто явно недостаточным материалам. Но раз арестован — значит, конечно, выхода тебе нет. Раз арестован, то уж об освобождении, извиняюсь, не может быть и речи. Даже тов. МЕДВЕДЕВ в своем докладе бесхребетном, беззубом докладе, докладе не секретаря парткомитета, не начальника одного из оперативных отделов, даже он в своем докладе говорил, что освобождать ни в коем случае нельзя было, говорить об этом нельзя было.

Был такой порядок, что если следователь получил показания от обвиняемого об антисоветской агитации — руководители говорили — это чепуха, тоже мне, следователь. Должны быть участники организации — и никаких. Есть ли материалы, нет их, только должны быть участники. До чего доходило? 1-й спецотдел не регистрировал дела потому, что одиночки не полагаются. Приходит в отделение РОТАЛЬ — требует определять, по каким группам подойдут арестованные. Я говорю: «Ни к каким организациям не могу отнести, пока следствие не окончено».

И так дела не регистрировались потому, что не было номеров для одиночек, такая-то организация, [ей давался] такой номер, такая-то организация — такой номер. То есть тут уже не объективное ведение следствия. Мы же не можем заранее без материала приклеить ярлык участника антисоветской организации, а это требовали.

В проведении следствия отсутствовала какая бы то ни было объективность, тем более объективность, о которой сейчас говорит постановление ЦК ВКП(б). Слова обвиняемого ни в какой расчет не принимали. Если кто-нибудь приходил и говорил: «У меня есть сомнение в части такого-то арестованного», — то он уже становился оппортунистом и либералом — «либеральничаешь с врагами» и т. д.

Тут уже говорили, как я заелся с КОРКУНОВЫМ по делу ЧАПЧАЯ. Дают мне 5 человек. Знаменитый колышек КОГАН уже дает показания на 15 человек. А эти 15 по предположениям дадут также по 15. В общем, КОРКУНОВ заявляет: «Это молодежная организация — 500 человек, не меньше». Я говорю: «Поработаю с арестованными, тогда буду иметь суждение».

Голос. А какого они возраста?

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] От 16-ти до 19-ти лет. Я поработал с одним, другим, третьим — и вижу, что это явная липа. Вижу, что есть группка людей, которая правильно арестована, а остальные — это липа. КОРКУНОВ мне заявляет: «Вы это дело будете кончать и дадите организацию». Я говорю: «Нет, этих людей допрашивал КОГАН».

Голос. Поэтому ты передал в следственную группу?

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] В следственную группу я дело передал, а оно осталось в 4-м отделении и было передано без меня.

Тов. СЕРДЮК. Это неправильно. Вы знали, что КОГАН дает липовые показания, что люди невинные — так пусть он с ними расправляется.

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Тут дело не в расправе. Надо было переписать и я полагал — пусть он липу исправляет. Да ведь КОГАНУ еще длительное время после того доверяли исключительно важных арестованных.

Тов. СЕРДЮК. Вы же знаете, как он мог исправить?

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Возможно, что я был не прав, но характерно, какое было реагирование со стороны КОРКУНОВА: «Какое ты имеешь право ставить вопрос о липогонстве? Мы [сами] поставим на партсобрании». До партсобрания, конечно, не дошло потому, что никто не осмелился бы это поставить на партсобрании.

Тут тов. КОВТУНЮК говорил о деле ВАКУЛЕНКО. Я проводил арест, но у нас существовала обезличка. Причем необязательно было, чтобы производил арест тот, кто будет вести дело.

Тов. ШАМРЫЛО. Это по ГЭМу ВАКУЛЕНКО?

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Да, по ГЭМу. По делу ВАКУЛЕНКО было две справки — одна 2-го Отдела НКВД УССР с резолюцией УСПЕНСКОГО «Арестовать», вторая ДОЛГУШЕВА, кажется, с резолюцией «Проверить и арестовать». В этот период из 2-го отдела шли сотни справок с резолюцией УСПЕНСКОГО «Немедленно арестовать», и т. ДОЛГУШЕВ предупреждал, что будет предпринимать строгие меры, если обнаружит такие справки неисполненными. К тому же в справке было указано, что ВАКУЛЕНКО — бывший белый офицер и он был арестован в общем порядке.

После того как был арестован ВАКУЛЕНКО, дело было передано следователю ВОСКРЕСЕНСКОМУ, так как ВАКУЛЕНКО все отрицал. Я имел отвлеченный разговор с ним, и для меня стало понятно — кто источник материала-справки. Хотя я не знал по данным справки, кто именно дал материал, но для меня стало ясно, кто писал. Явно чувствовалось, что это неправдоподобные сведения.

Я зашел к т. МЕДВЕДЕВУ и говорю: «Из разговоров с ВАКУЛЕНКО получается такая картина, что здесь, возможно, липа со стороны агента. Агент не наш, а 2-го Отдела НКВД УССР. Нам нужно добиться, чтобы с этим агентом поговорить и выяснить действительную картину». Тов. МЕДВЕДЕВ заявил: «Об освобождении говорить нечего, нужно добиться показаний». Теперь понятно, что такая была линия.

К этому времени, в связи с командировкой в Москву на длительное время я передал все дела отделения тов. КОВТУНЮКУ, а следдела принял тов. МЕЕРЗОН, которому я сказал, что справки 2-го Отдела НКВД УССР нужно обязательно проверить по материалам у них же. И я знаю, что МЕЕРЗОН принимал меры в этом отношении.

Тов. ДОЛГУШЕВ говорил: «А почему мне не говорили?». Есть поговорка: «Как аукнется, так и откликнется». Это неслучайно. Я недавно работаю, но мне говорили, что на партийном собрании разбирался вопрос о КОРКУНОВЕ, что это человек грязный. Я ДОЛГУШЕВА знал как товарища, который недавно получил большое назначение и сразу к нему пришел. Я ему говорю: «Тов. ДОЛГУШЕВ, есть заявление в отношении

КОРКУНОВА, что он сын кулака, братья служили у КОЛЧАКА, а он назначается сейчас на должность начальника Ворошиловградского Областного управления НКВД. Я не представляю себе, как этот человек может быть назначен на такую работу». Он спрашивает — откуда это мне известно? Причем тон такой, знаете, неприятный. Я ответил, что это можно легко установить, так как в транспортном отделе здесь, в Киеве, работает КУНДЕЛЬ, который, будучи инспектором отдела кадров, вел дело КОРКУНОВА и знает о материалах. И если на кого эти материалы исчезли, [то их] можно восстановить. ДОЛГУШЕВ холодно сказал: «Ладно, идите». КОРКУНОВ поехал в Ворошиловград.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Все материалы в справке есть у него.

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Тем хуже, [что] УСПЕНСКИЙ назначал этого человека. Но тов. ДОЛГУШЕВ мог довести до сведения Никиты Сергеевича ХРУЩЕВА, что это карьерист, липогон, который готов через миллион трупов пройти, лишь бы добиться карьеры. И я уверен, что КОРКУНОВ не был бы начальником Ворошиловградского облуправления.

Сейчас наиболее рельефно видно, какие безобразия допущены в следственных делах. Я докладывал на Особом совещании. Был три месяца в Москве, и мы видели дела, показания обвиняемых, показания свидетелей, очные ставки. И с чистой душой можно было дела докладывать, так как видна была антисоветская деятельность обвиняемых. Когда же часть дел возвратились из Особого совещания, согласно постановлению — приказу НКВД СССР⁴, то мы видим в них большие безобразия. Тут не только от арестованных, иногда неосознанно, получили показания, несоответствующие действительности, а сознательно проводилась вражеская работа.

СМАХТИН — молодой работник, приезжает в институт повышения квалификации учителей, дискредитирует органы НКВД. Говорит: «Дайте показания на такого-то арестованного из Вашего учреждения». Ему говорят, что «мы не можем, не знаем». Он говорит, что «доказано, что он враг, а вы его прикрываете. Дайте показания». После этого какая слава об органах может пойти в массах, где такие работники были с требованием свидетельских показаний?

КРАКОВСКИЙ дает подписывать показания таким образом, что свидетель не читает [текста протоколов], а теперь они отказываются от своих показаний. Так же и ЛЫСАКОВ работал, пожалуй, похуже.

По-моему, об этих людях нужно говорить сегодня. Да, потому, что сейчас при просмотре кадров нужно обратить внимание не только на компрометирующее прошлое, но и настоящее. Пусть даже прошлое будет чистое — такой человек в органах работать не может.

Тов. СЕРДЮК. Компрометирующее прошлое будет толкать на неправильное выслуживание. Он будет бояться, чтобы его не зацепили, и это будет тянуть.

⁴ Идеться про постанову РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р. і наказ НКВС СРСР від 17 листопада 1938 р. «Про порядок виконання постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 року».

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Возможно, у этих людей, кроме настоящего, есть и прошлое.

Тов. СЕРДЮК. Чистого человека — большевика не собьешь.

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Дело БУЦАНА было направлено на Особое совещание. Прокурор обнаружил, что подпись арестованного вызывает сомнения, и дело вернули в Киев с препроводительной: «Необходимо расследовать подлинность подписи арестованного». 1-й спецотдел вместо того, чтобы такие дела взять на контроль, вернул это дело в общем порядке.

Дело попадает к КЛЕЙМАНУ в оперативную группу, получает дополнительные показания, что он шпион, и его по Тройке расстреливают. Это один из безобразнейших фактов отношения к делам. Абсолютно забывают, что за каждым делом имеется человек.

Председатель. Его нужно было расстрелять.

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] Вы обязаны были выполнить указание прокуратуры СССР. ШАПИРО, который вел это дело, говорит, что показал КЛЕЙМАНУ указания прокурора об этом деле.

Голос. Когда?

[Тов. ЗАЛЕССКИЙ.] ТУРКЕВИЧ заявляет, что такое заявление со стороны ШАПИРО было. Еще возвратили дела на следствие, которые не могли быть доложены на Особое совещание, а здесь, на Тройке, эти дела были заслушаны в том же состоянии, как они прибыли. О чем мне стало известно после возвращения из Москвы.

Председатель. Слово имеет т. МЕЕРЗОН.

Тов. МЕЕРЗОН. [...] Я вчера слушал Никиту Сергеевича. Вы знаете, вчерашнее выступление Никиты Сергеевича это дало для меня хороший урок. Почему у нас так получилось? Неужели такой заядлый фашист — УСПЕНСКИЙ — сам мог перед такой здоровой парторганизацией творить такие чудеса? Не мог. А имел он поддержку и от начальников областных управлений и от начальников отделов.

Тов. ВАРАКОВ, я с тобой не согласен. Я не могу нести равную ответственность. Я Оперуполномоченный, мне даст распоряжение начальник отделения, начальник Отделения получает приказание от начальника отдела, начальник отдела получает от начальника облуправления. Значит, получая указания от начальника Облуправления, он, по-моему, должен больше нести ответственности.

Но почему у нас были такие искривления? У нас же есть крепкие коммунисты, пропагандисты, бывшие партийные работники. Неужели мы ничего не видели? Видели. Я вам приведу сейчас несколько фактов.

Тов. СЕРДЮК. Сколько можно говорить, что в НКВД засели люди, примазавшиеся к нам. Неужели нельзя раз и навсегда от них очиститься? Обязательно надо, вот смотрите, вчера выбирают в Центральном аппарате партийный комитет. Выдвигают кандидатуру начальника тюрьмы НАГОРНОГО и обсуждают. Он рассказал, что он член партии с 1926 года, третье, десятое, взысканий никаких не имел. Поднимается ТВЕРДОХЛЕБЕНКО и говорит: «Нет, что-то есть, что-то нечисто с вещдоками». Я говорю: «Вы ж выступите и скажите, что Вы молчите, мы же

избираем партийный комитет». — «Нет, это ничего, подумаешь — вещдоки». (Смех.)

[Тов. МЕЕРЗОН.] Потом сегодня утром мы взяли его личное дело и посмотрели. Он рассказывает партийному собранию, что он член партии с 1926 года, скрывает от партийного собрания, что он был в партии с 1919 по 1922 год. Почему выбыл — для нас неизвестно. Его включили в список, отпечатали в бюллетенях. После того, как я порылся в деле, я выступил и сказал — нельзя уже только за то, что он не рассказал партийному собранию, что он был в партии 1919, 1920, 1921, 1922 г.г., в период острой борьбы с врагами народа, с троцкистами. Он должен был рассказать. А затем имел и административные взыскания и судимость имел.

Как вчера говорил Никита Сергеевич — хвост у него тяжелый, тянет в прорубь.

Надо очиститься. Никита Сергеевич вчера правильно сказал: «Мы в партийный аппарат, в советский аппарат подбираем людей, проверяем в органах НКВД. Там проверяют, проверяют, и другой раз, черт его знает, проверяет, может быть, тот, которого самого надо проверить. Но мы руководствуемся, если что есть, но на пушечный выстрел другой раз не допустили бы к партийному аппарату того человека, который сидит в органах НКВД и проверяет людей для партийного и Советского аппарата. Очиститься обязательно нужно, и очистимся.

Это вчера сказал Никита Сергеевич на партийном собрании. Нет китайской стены между органами НКВД и партией. Это неправильно. Кто пытается создать эту стену. Никита Сергеевич вчера правильно говорил. Думают, что мы, работники НКВД, представители в партии, а не наоборот, мы коммунисты, представители в органах НКВД. Вот что создает такую видимость. Со всей своей силой тов. ХРУЩЕВ подчеркнул, что везде, где бы ни был, раньше всего ты большевик, а потом все остальное.

И еще насчет Горкома. Это можно признать, но вчера, опять-таки, правильно сказал т. ХРУЩЕВ, что такое Горком. Это выборный партийный орган всей партийной организации города, как и ваш партийный комитет. И как и всякий партийный комитет, он опирается на коммунистов, прислушивается к тому, что есть. И нужно сказать, вот это забвение главного, основного, первенствующего, что я большевик, — привело к тому, что творился ряд безобразий. Коммунист должен был по-партийному, по-большевистски рассматривать каждое явление. И секреты у нас есть и они должны быть обязательно. Это НКВД, и дисциплина должна быть обязательно. А как же иначе? Но партийной дисциплиной, большевизмом должно быть все пронизано. Поэтому нужно очищаться от того, что нам не нужен.

Я опять вспоминаю этот случай. Чуть было НАГОРНОГО не избрали в партийный комитет. Я сказал, что мы не ставим вопрос о его партийности, но в партийный комитет его избирать не следует.

Голоса. Правильно.

Тов. МЕЕРЗОН. Товарищи, почему у нас все это происходило? Это происходило лишь только потому, что у нас не было партийной работы.

Сегодня в «ПРАВДЕ» в передовой написано: «Однако есть и на наших предприятиях люди, не желающие работать по-честному, не думающие об интересах государства, о пользе производства. Работать поменьше, а получать побольше — таково их стремление».

И у нас были такие люди. Я буду называть фамилии. Возьмем 2-й отдел. У нас был фашист КОГАН. Он сейчас арестован, конечно, будет отвечать и должен отвечать за свою вражескую работу в органах.

Сейчас в моем производстве есть несколько следственных дел. Я не буду себя хвалить, что я сильный оперативный работник. Но я себе не мыслю, чтобы один человек — враг — мог состоять в пяти антисоветских формированиях. Если это троцкист, так мы знаем, что троцкист — это шпион. Это арестованный ИЛЬЧЕНКО, бывший секретарь парторганизации Киевского сельхозинститута. По КОГАНУ, это член антисоветской украинской националистической организации (по национальности он еврей). Дальше — участник шпионской организации, участник правотроцкистской диверсионной организации. В общем, все линии у этого человека. И этот фашист — КОГАН — был на лучшем счету в Областном Управлении.

Второй факт. После областной партийной конференции, когда в Обкоме арестовали врага КОСТЕНКО и других, нас каждого прикрепили к арестованным. И вот получается так, что я работаю, все работаем, утром ни у кого нет раскола. У КОГАНА два раскола. НОСКО дает показания и КОСТЕНКО дает показания. Получается, что есть только один КОГАН специалист-следователь. И вот когда уже мы набрались смелости, пришли и по-партийному заявили бывшему начальнику 4-го Отдела т. КОРКУНОВУ, что КОГАН — липогон.

Что сказал нам тогда КОРКУНОВ? Это что за неверие в делах. Поставлю вопрос на парторганизации. Получается, что не партия нами руководила, а НКВД руководила партией, как вчера заявил Никита Сергеевич. Правильно, у нас было такое явление.

Возьмите, сейчас за мной числится ШЕВЧЕНКО, бывший первый секретарь Ленинского райкома партии. За что этот человек был арестован? За то, что враг КОСТЕНКО дал показание на этого человека о том, что он его в марте или апреле 1936 года завербовал в контрреволюционную троцкистскую организацию — и все. Я начал вести дело ШЕВЧЕНКО. В деле есть только очная ставка с КОСТЕНКО. КОСТЕНКО его изобличает, как участника троцкистской террористической организации — и больше ничего. Ведь этот арестованный ШЕВЧЕНКО — бывший партийный работник. Это же не рабочий с завода, не колхозник из колхоза, что можно пойти туда и узнать у рабочих, у колхозников, что им известно о нем. Это же бывший первый секретарь Ленинского райкома партии.

Что я должен был сказать? Я обратился в Обком партии через Особый сектор с просьбой, чтобы мне сказали, как он, как бывший первый секретарь райкома, выполнял директивы партии. Если он плохо выполнял, то отсюда и будем судить, что он действительно участник организации. (Смех.)

Вы не смейтесь. Он был руководящим партийным работником. Меня, как следователя, интересовало, как он выполнял директивы партии. Если

он честно выполнял, значит, был честным секретарем Райкома, но оклеветан врагом КОСТЕНКО. Если неправильно, нечестно выполнял директивы партии, значит, он сволочь.

Тов. СЕРДЮК. Мы же не разбираем сейчас дело ШЕВЧЕНКО. Вчера Никита Сергеевич на собрании нашей парторганизации НКВД УССР предупреждал нас, коммунистов-чекистов, чтобы у нас в связи с возвратом следственных дел не получилось, что, не разбираясь, давай освобождать.

[Тов. МЕЕРЗОН.] Врагов надо бить, что мы, коммунисты-чекисты, конечно, будем делать. Поэтому сейчас при освобождении человека надо тщательно его проверить, чтобы не освободили ни одного врага.

Так почему же получилось, что этот самый КОГАН был на лучшем счету? Потому, что у нас не было партийной работы, не было той здоровой критики и самокритики, которой нас учит партия ЛЕНИНА — СТАЛИНА.

Я недавно был в командировке и там встретился с одним беспартийным сотрудником НКВД УССР, который находится все время на оперативной работе.

Сейчас он, кажется, кандидат партии. Он мне рассказал такие вещи, что я прямо не верил ему, а сейчас я убедился, что это действительно так. Те работники, которые вместе со мной поступили в органы НКВД, уже дошли до начальников Областных Управлений, нач[альников] отделов, отделений, орденосцы, получили значки «Почетного чекиста». Назвал КОРКУНОВА — Начальника областного управления Ворошиловграда, и БОРИСОВА, ныне, кажется, репрессированного, и других. Почему эти люди так скоро стали начальниками? За что они получили ордена? А именно за то, что они врагам БАЛИЦКОМУ и ЛЕПЛЕВСКОМУ давали планчики, так называемые планы по террору. Видите, на что были способны эти «сотрудники», что перед Октябрьскими, майскими торжествами требуется план, что готовится террористический акт над ХРУЩЕВЫМ, над БАЛИЦКИМ, над КАГАНОВИЧЕМ, над ВОРОШИЛОВЫМ. Составляется план и тут уже есть партия арестованных. Они уже дают показания, кто должен был стрелять, как стрелять. Поэтому такие сотрудники могли получить ордена и значки.

Возьмем о последнем, УСПЕНСКОМ. Ведь о той фашизации, которую проводил этот фашист, спокойно нельзя говорить, если бы парторганизация г. Киева, если бы рабочий класс знал то, что он сделал, вы знаете. Мы бы немного краснели, имели бы плохой вид и правильно было бы. [...]

Тов. ТАЛАЛАЕВСКИЙ. [...] Теперь об отношении к людям. У нас есть целый ряд коммунистов, которые идут по линии Обкома на работу в органы. Есть целый ряд бывших работников УГБ, которые освобождены из-под ареста. И вот в последние дни никак нельзя разрешить о них вопрос. Тов. РЕВА идет к тов. ДОЛГУШЕВУ, но вопрос не разрешается. Во всяком случае люди ходят изо дня в день. Люди выпущены только что из тюрьмы, не имеют денег, и вопрос о них нужно разрешить в положительную или отрицательную сторону в части восстановления их на работе. Ясно, что это морально действует на этих товарищей. Я все-таки не верю, чтобы об этих людях нельзя было сейчас же на второй-третий день разрешить вопрос, согласовать с начальником управления.

Теперь в части выращивания молодых кадров. Я считаю, что здесь очень правильно отметили, что у нас процентов на 60, а то и больше вновь принятых товарищей в наши органы по мобилизации партийных организаций. Никаких занятий с ними не проводят. Отдел кадров не интересуется, как эти товарищи растут? А ведь мы стоим перед фактом, что когда нужно выдвинуть на должность начальника районного отделения НКВД, у нас нет людей. И вот когда начальник управления, как говорится, накрутит хвоста,— начинает бегать, совещаться, кого выдвинуть. Когда подходит вопрос к деловой характеристике, мы этого товарища не знаем.

Нам необходимо заняться вопросом изучения, воспитания и обучения людей. Нужно немедленно начать заниматься потому, что товарищи не знают самых элементарных вопросов нашей чекистской работы.

Дальше я хочу остановиться на вопросе выдвижения людей. Я считаю, что нужно выдвигать людей и знать качество их работы. Мы имеем несколько случаев, когда выдвинули людей, и они по своим деловым качествам не могут обеспечить данную работу. В данном случае подходили с точки зрения наличия «хвоста» в справке.

Здесь тов. СЕРДЮК сделал правильное замечание, но я считаю, что надо различить «хвост» от «хвоста».

Я ниже приведу несколько примеров. У нас в областном управлении провели большую работу по очистке аппарата и еще очищать нужно, и очистимся. Но я считаю, что нужно к вопросу очистки аппарата подходить по-партийному. К каждой справке, которая составляется, к каждому решению по каждому вопросу нужно подходить по-партийному. И вся беда заключается в том, что в состоянии справок нет достаточного партийного чутья.

Тов. ШАМРЫЛО дал здесь реплику, что нужно по-партийному подходить к работе и работа будет, это совершенно правильно. Я хочу сказать по материалам спецпроверки на работников УГБ. Материалы спецпроверки до сегодняшнего дня, по-моему, превращены в агентурную разработку. Считаю, что это в корне неправильно. Будучи в центральном аппарате, я поделился с товарищем, который обслуживает Киевскую область. Он сказал, что этими днями он думает поднять вопрос в части того, чтобы не держать в большом секрете материалы спецпроверки перед сотрудником.

Я хочу привести один маленький пример. Дня три тому назад, когда было совещание начальников райотделений, был начальник Мокро-Калигорского райотделения [...]. Я ему прочел справку. Он не согласился с материалами, имеющимися в справке. Он говорит: «Обратитесь туда-то и туда-то, и вам дадут ответ». После проверки его так называемый хвост укоротился примерно на 70%.

Тов. СЕРДЮК. Когда я говорил о компрометирующих материалах, я имел в виду, что это действительно установлено, что этот человек скомпрометирован, а не то, что написано, а потом это сокращается. Мы понимаем материал, от которого нельзя отвертеться, а если налепили, а потом усыхает — тут ничего большевистского нет у того, кто составляет эти справки. Тут надо проверить.

[Тов. ТАЛАЛАЕВСКИЙ.] Дело в том, что я хочу дать справку к этому. Спецпроверка систематически проводится и должна проводиться потому, что сегодня нет, а завтра могут быть компрометирующие материалы. [...]

Следующий момент. Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ остановился на том, что иногда составляют справки по рецептам центрального аппарата. Недавно был освобожден оперативный работник и восстановлен обратно на работу. И вот, центральный аппарат говорит, что мы можем принять справку в том случае, если будет написано, что он исключался из партии с мая по август в связи с арестом. Человек был арестован, освобожден, реабилитирован — и нужно это дело обязательно писать. Это не компрометирует для того, чтобы это указывать в справке.

Я сегодня сверил несколько дел в центральном аппарате. И центральный аппарат не принимает дела потому, что в справке не указано о том, что брат мужа, пятое колесо от колесницы, очень далекий родственник, был судим, кажется, по халатности.

Товарищи, я считаю, что не лишним будет и необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном вопросе, который затронули некоторые товарищи, имеющий место — об антисемитизме. Я лично должен сказать, что, как работник Отдела кадров, я таких установок от начальника отдела кадров области не получал. Это я с полной ответственностью заявляю. Но после того как был разоблачен фашист УСПЕНСКИЙ, я подумал о следующем: мы закончили недавно комплектование школы УГБ. Для Киевской области было 35 человек, которых надо было оформить. Мы оформили 42 человека, из которых 5 человек по национальности евреи. Еще был тогда враг УСПЕНСКИЙ и эти 5 личных дел возвращаются в отдел кадров с надписью. Причем резолюция зам[естителя] нач[альника] отдела кадров КРЕТОВА: «Отказать», «Отсеять», «Не годится» и т. д. Я, когда был в центральном аппарате, обратился к старшему инспектору тов. РЫБИНУ и говорю, что нет оснований к тому, чтобы эти дела вернуть потому, что по всем условиям приема в школу они соответствуют. Поэтому я считаю, что неправильно, и высказался: «Разве только, что они евреи». РЫБИН говорит: «Что ты — такое обвинение».

Через некоторое время выявляется враг УСПЕНСКИЙ и все выплывает на чистую воду. После этого звонит РЫБИН: «Где дела, которые мы отсеяли?» Я как раз был болен и говорю, что они лежат в столе. Эти дела были обратно направлены, и через два дня прибывает санкция на одного из пяти, а остальные направлены в Москву. [...]

Председатель. Товарищи, сейчас два часа. Есть предложение прервать собрание. Выказалось 15 человек, записалось 52 человека. Завтра собрание начинается в 7 часов вечера. **ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПЕРЕРЫВ.**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПАРТСОБРАНИЯ КОУ НКВД

15 декабря 1938 года

Председатель. Товарищи, будем продолжать собрание. Перед началом работы собрания есть два предложения — насчет порядка нашего собрания и насчет регламента. Во-первых, есть предложение, чтобы мы сегодня закончили собрание. Регламент — есть предложение установить 10 минут.

Кроме того, товарищи будут выступать и поставят ряд задач, которые обязуют партийный комитет и всю парторганизацию к дальнейшей работе. Есть предложение выделить комиссию, которая приготвила бы к концу собрания практические предложения на основе всех выступлений, которые были.

В состав комиссии по выработке предложений избраны такие товарищи: ЦИРУЛЬНИЦКИЙ — 49 голосов, ЛОСЕВ — 38 голосов, ЗАЛЕССКИЙ — 35 голосов, ФАЛЬКОВСКИЙ — 44 голоса и РАДОМСКИЙ — 34 голоса. Товарищам нужно будет собраться и по вчерашней стенограмме начать составлять предложения по докладу.

Голос. Есть предложение, чтобы председатель огласил заявления анти-семитские, которые имеются.

Председатель читает заявление ПОКОТИЛО.

Председатель. Вчера перед началом собрания поступило заявление от члена партии парторганизации Особого отдела КОВО КАПУСТИНА такого содержания: «В связи с тем, что в настоящее время вскрывается вражеская тактика...» (*Зачитывает.*)

Есть объяснение БЕЛЯВЦЕВА: «Примерно в ноябре 1938 года по поручению начальника отдела кадров РЕВЫ...». (*Зачитывает.*)

[*Председатель.*] Тов. БЕЛЯВЦЕВ тут, кажется, есть.

Голос. Он вчера был, а сегодня уехал.

[*Председатель.*] Я не знаю, как это получилось. Его специально вызвали на собрание. Тов. МЕДВЕДЕВ, обращался он насчет того, чтобы уехать?

Тов. МЕДВЕДЕВ. Он вчера хотел уехать, но я ему сказал, чтобы он остался.

[*Председатель.*] Будем продолжать прения в порядке записи или послушаем т. ЛОСЕВА, который расследовал?

Голоса. Тов. ЛОСЕВА.

[*Председатель.*] Слово имеет т. ЛОСЕВ.

Тов. ЛОСЕВ. Я прошу партийное собрание вместе с изложением фактов проверки разрешить мне совместить это с моим выступлением. [...]

Я хочу привести два примера аналогичных безобразных явлений в работе IV отдела, ныне 2 отдела. На одном из партийных собраний или совещаний я выступил по одному делу. Товарищи из 2 отдела, очевидно, помнят — это дело БОР-ИЗВЕКОВСКОГО, который был арестован. Был у нас работник ХОМУТОВ. Тов. ХОМУТОВ вел дело группового порядка на 5 человек. При его выдвижении в центральный аппарат дело было передано мне с информацией, что дело производством закончено и должно слушаться завтра. Я принял два дела: одно дело взял ЛУПЕНКО, а одно дело взял себе. Оба дела групповые — одно по анархистам, которое я взял себе, и второе — по меньшевикам, которое я дал ЛУПЕНКО.

В чем дело в этих делах? Я тогда говорил о ХОМУТОВЕ на собрании и в частности заострил внимание о руководстве 4-го отдела. Незаконный⁵ профессор-астроном БОР-ИЗВЕКОВСКИЙ был беспартийный,

⁵ Так у текста.

арестован был на основании неопровержимых материалов. Но к вопросу подошли неправильно и поручили допрос малоквалифицированному человеку, который поставил вопрос перед БОР-ИЗВЕКОВСКИМ — кто его завербовал? Он ответил: «Меня завербовал КАНТ 120 лет тому назад». КАНТ — это ученый-философ. Профессор БОР-ИЗВЕКОВСКИЙ анархист, толстовской ориентации. Я был ориентирован по этому делу и таких вопросов ему не ставил. Предупредил, что о КАНТЕ я спрашивать не буду. А будем говорить о контрреволюционной деятельности. Начали разворачивать дело — и вижу, что, кроме протокола допроса БОР-ИЗВЕКОВСКОГО и частично протокола еще одного арестованного, дело производством не закончено. В деле имелись докладные записки о развороте новой анархистской линии, правда, такой линии мы по области не встретили, с резолюцией УСПЕНСКОГО — «дать центр», «погром», «разгром» и т. д. Когда я приступил к развороту дела, то убедился, что это лицо, которое допрашивало БОР-ИЗВЕКОВСКОГО и которому он заявил, что его завербовал КАНТ, раскололо его в такой степени, что он назвал всех знакомых и учеников, с которыми он 8 лет тому назад встречался. В результате был арестован один член партии, один педагог, один юрист, один вообще дегенерат и еще один человек, не помню, кто. В процессе следствия выяснилось, что ни один из них не виноват, и коммунист, наоборот, является инициатором вскрытия БОР-ИЗВЕКОВСКОГО, однако сам попал под арест. После моего настойчивого требования все эти люди были освобождены.

Аналогичное дело было у ЛУПЕНКО, не знаю, почему он об этом не говорил. Оба дела были в производстве у ХОМУТОВА и оба были представлены как одни из актуальных дел.

Еще было дело РАБИНОВИЧА. Рабочий 6-го кожзавода, малограмотный человек, и было зафиксировано, что РАБИНОВИЧ завербовал в меньшевистскую организацию 2-х инженеров и директора завода. Причем он в столовой 6-го кожзавода собирал деньги в пользу организации.

Голос. 12 рублей.

Была видна липа, и об этой липе я и ЛУПЕНКО говорили на партийном собрании и выдвигали вопрос о ХОМУТОВЕ. Мы выдвигали вопрос неостро, а в порядке ведения следствия. Он у меня наболел, как у следователя, и я требовал вмешательства. Но это было пропущено и он пошел на выдвижение.

Я не знаю заслуг ХОМУТОВА, однако считаю, что, исходя из этих двух дел, можно было рассчитывать, на что способен ХОМУТОВ. Он работает в центральном аппарате и я его недавно пожурил немного. Как-то рассказывал: «Я захожу в ложу, заходит Нарком и спрашивает ХОМУТОВА: «Как дела, кто начальник отдела?». Он говорит: «Я». — «Кто помощник начальника отдела?». Говорит: «Тоже я». Один он замещал несколько должностей. Нарком похлопал его по плечу и говорит: «Молодец, ХОМУТОВ». Когда вскрыли фашистскую деятельность УСПЕНСКОГО, я ХОМУТОВУ сказал: «Расскажи, Степа, как он тебя по плечу хлопал?». Это я сказал, так, между прочим. У нас порой выдвигаются люди неправильно. Вот

с такими показателями т. ХОХЛОВ с сержанта получил лейтенанта и работает начальником отдела центрального аппарата.

Теперь, товарищи, пару слов хочу сказать, как быстро и неохотно воспринимают «липу» и неправильный стиль работы новые работники. 6 ноября я был ответственным дежурным по областному отделу НКВД. Была выделена следственная группа и в этот день были задержаны два голубя — один голубь из Умани и второй наш. Пришел гражданин — заявитель, задержавший голубя, и принес его нам. Я передал его в следственную группу с предложением провести следствие — при каких обстоятельствах был задержан наш голубь. Начальником следственной группы был ГОТКИС. В его распоряжении были ФЕЛЬДМАН и КРАКОВСКИЙ. Эти люди должны были поблагодарить этого человека, который принес государственного голубя, который стоит деньги, и мы должны были узнать только, откуда он вылетел. Эти же люди ставят ему вопрос: «Где Ваши родные?», вместо того чтобы ставить вопрос: «При каких обстоятельствах Вы задержали голубя?». Он отвечает, что тетя и дядя его в Румынии. Парнишка лет 22-х, в Румынии никогда не был, родился в Киеве, а приносят протокол, в котором пишут, что его родные в Румынии. Я говорю: «Что вы делаете?». ФЕЛЬДМАН отвечает: «У него же что-то есть». Я их поругал и заявил ФЕЛЬДМАНУ, что не умеет работать, передайте ГОТКИСУ, чтобы он сам допросил. [...]

Хочу еще сказать, что линия вражеская, линия УСПЕНСКОГО в отношении гонения евреев у нас была. На это у нас факты были. Вот один из таких фактов может подтвердить о том, что линия у нас такая была.

Когда я приехал из Броваров в Киев, я зашел к тов. МЕДВЕДЕВУ и спрашивал: «Почему нет в 1-м отделении начальника? Ведь это одно из серьезнейших отделений». «Начальником Отделения нужно посадить украинца, — подходит МЕДВЕДЕВ, — а сейчас пока начальников отделений нет». Я говорю МЕДВЕДЕВУ: «У нас ведь есть такие люди, которых можно будет посадить. Вот, например, ЗАЛЕССКИЙ и КАМРАЗ. Почему их не посадили? Знаю о том, что КАМРАЗ — парень хороший, мне с ним пришлось работать в Житомирской области».

На это мне тов. МЕДВЕДЕВ ответил, что тов. ДОЛГУШЕВ ставит вопрос, чтобы на 1-м отделении сидел украинец. Мне кажется, что это один из фактов, который наглядно показывает о гонении евреев, а если не гонение, то выживание. Почему тов. МЕДВЕДЕВ на это не обратил внимания? Ведь это одно из ярких явлений.

Теперь, товарищи, вторая часть. Когда мне пришлось говорить с ТКАЧЕНКО в отделе, а ссылка была на ТКАЧЕНКО, он сказал, что ничего не помнит. Я вижу, что он не помнит, и помог ему вспомнить, когда он просил т. ДОЛГУШЕВА в моем присутствии утвердить одного человека на работу. Тов. ДОЛГУШЕВ спрашивает: «Какого работника?». Не помню, на какую работу брал этого товарища ТКАЧЕНКО. Называет фамилию ВАЙМАН. Тов. ДОЛГУШЕВ в виде реплики бросает: «Он, наверное, из Подола, вы лучше украинца подошлите, крепкого рабочего. Того не надо, они все торговцы».

Это, по-моему, второй яркий пример. Вот когда я т. ТКАЧЕНКО напомнил: «А помнишь ты такой случай?», тов. ТКАЧЕНКО со мной согласился: «Якось може не так. Вин, здається, так сказав, да — з Подола». [...]

И вот когда вчера выступал и т. ТАЛАЛАЕВСКИЙ, и т. КИСЕЛЕВСКИЙ, что мне не понравилось. Может быть, я поздно выступаю, правда, я молодой член парткомитета и молодой человек на такой работе. Но вам, как кадровым работникам отдела кадров, я бы не рекомендовал так выступать. Это тоже такие-то слезы, которые никак не прольют света.

Что значит, вы не знаете о практике вражеской работы? Что значит, РЕВА не знал? Если ДОЛГУШЕВ считал возможным при мне, при ТКАЧЕНКО заявить такую вещь, разве ДОЛГУШЕВ не может дать такую установку и РЕВЕ или он побоялся бы?

Ведь установлено точно, что УСПЕНСКИЙ проводил такую линию, значит, проводил ее и ДОЛГУШЕВ. Я не знаю, как он ее проводил, сознательно или другим порядком, но такая линия проводилась. Почему же кадровики говорят, при мне лично этого не было? А между тем, я знаю, что вы живете с РЕВОЙ, как мышь с котом, или наоборот. Вы же буквально игнорируете его, говорите, что он не годится как начальник отдела кадров, что он делает ряд упущений в своей работе. Тут, правда, это очень бледно отражено, но вот т. ТАЛАЛАЕВСКИЙ воспроизводил один момент с 4-мя делами утвержденных работников.

Мы пробовали говорить с КЛЕЙМАНОМ. Говорили с ТАЛАЛАЕВСКИМ. Он мне ответил, что он не помнит. [...]

Товарищи, ведь подбор молодняка нынешним летом был проведен, я бы сказал, просто преступно. Я сейчас вспомнил допрос арестованного АМДУРА — бывшего работника обкома партии, вспоминаю установки КОСТЕНКО и других: дать органам НКВД худших людей.

Вот есть два района, где работают такие люди. Правда, на одного я давал рекомендацию такого порядка, чтобы его уволили. Его уже уволили. Вот сидит у нас один человек в Дымерском районе. Дымерский район по своему объему, по своей засоренности — очень серьезный район. Начальник райотделения болеет на протяжении года. Там сидит убожество, вчерашний парубок — так его можно назвать. Ряд товарищей его знают. Вчера он водил принудитовцев по селам. Это дело легкое. Сегодня он сидит Вр[еменно] и[сполняющим] д[ела] Нач[альника] Райотделения. Мне приходится сталкиваться с его делами. Мне известно, что у него прокурор просит совета. Лучше бы он сам попросил совета у прокуроров, ибо он не знает, как подойти к делу. Я бы его даже не брал в группу, с удовольствием отдал бы за кого-нибудь другого.

Я доложил т. ДОЛГУШЕВУ, что эту фигуру нужно убрать с горизонта. Там прекрасный секретарь парткомитета. Он всецело идет нам навстречу, но наш народ никак не может удержаться, какой-либо трюк выкинет. Там райотделение в буквальном смысле скомпрометировано. Об этом знают все работники области.

Один товарищ, бывший в этом районе, рассказывает, что когда этот начальник заходит в столовую, то выскакивает женщина, которая моет

посуду, кричит: «Митька», — и хватает его за револьвер. (Смех.) Какой тут может быть авторитет и какая может быть работа?

Тов. ШАМРЫЛО. Парень на всю деревню. [...]

Тов. СТРОИЛОВ. [...] Товарищи, я коротенько остановлюсь о делах бывших сотрудников. Если здесь говорили, что были извращения с арестами граждан, то и наши бывшие чекисты некоторые, несомненно, арестовывались невинно. За последнее время имеется ряд освобождений.

Я хочу, товарищи, здесь привести пример, как составлялись справки на арест сотрудников, в частности справки, которые составлялись в отделе кадров. И эти справки, несомненно, боком вылезли для некоторых наших сотрудников. И прав т. ЛОСЕВ, который здесь заявил, что работники кадров больше бы говорили о тех безобразиях, которые они совершали, они о них ничего не сказали.

Этот вопрос выпячиваю потому, что сейчас предстоит чистка аппарата органов НКВД. Отделу кадров надо посерьезнее составлять справки для областного комитета партии и в ЦК партии, а не такие, как, например: вот справка составлена на бывшего начальника райотделения МИХАЙЛОВА отделом кадров КИСЕЛЕВСКИМ. Что в этой справке КИСЕЛЕВСКИЙ указывает? Что МИХАЙЛОВ (*читает справку о МИХАЙЛОВЕ, составленную КИСЕЛЕВСКИМ*). Что еще нужно для этой справки? Ничего. Арестовать человека по этой справке, и в результате МИХАЙЛОВ был арестован.

Впоследствии выяснилось, что МИХАЙЛОВ родился в Одессе, был в армии, работал в Ленинграде, был членом Ленинградского городского совета, и что МИХАЙЛОВ в жизни своей в Польше не был. С 1927 года МИХАЙЛОВ работал в органах НКВД. Товарищи, эти справки составлял КИСЕЛЕВСКИЙ неправильно — фиктивные.

Подрабатывали так материал, чтобы ближе придвинуть далеких родственников, которые находятся за границей. Вместо двоюродных братьев или дяди писали, что родной брат был в Германии, а иногда писали, что он сам был в Германии и т. п.

Голос. Расскажи о МОЖЕЙКО.

[*Тов. СТРОИЛОВ.*] Ну, о МОЖЕЙКО. Он сам сын торговца, жена МОЖЕЙКО тоже дочь крупного торговца. При допросе я его не бил, только сказал: «Признавайся, шпионская морда». Потом подошел к нему, вижу — он умер. А ведь вы все знаете, он был больной туберкулезом. (*Читает справку о МОЖЕЙКО.*)

Теперь о САГАЛОВЕ. (*Читает справку о САГАЛОВЕ.*)

Оказывается, что ШТЕЙНБЕРГ никакого отношения к САГАЛОВУ не имеет, абсолютно никаких родственников не имеет. Совершенно посторонний человек влез к нему в личное дело. Установили, что этот «родственник» является польским агентом и он осужден. Конечно, падает подозрение и на САГАЛОВА.

Голос. Кем подписана эта справка?

[*Тов. СТРОИЛОВ.*] Тов. ТАЛАЛАЕВСКИМ. Такая справка, конечно, пользы не приносит. Мы в этих делах разобрались и этих лиц освободили. Но я хочу еще раз сказать о том, что в отделе кадров сидят коммунисты и составляют такие неверные справки на своих же чекистов.

Тов. ШАМРЫЛО. Освободить это полдела. В решении ЦК и Совнаркома говорится: привлекать к судебной ответственности людей, которые неправильно арестовывали или по чьей вине неправильно арестованы.

Справки составлялись бездушно, не по-партийному, не по-большевистски.

[Председатель.] Здесь поступила записка: «Пусть СТРОИЛОВ расскажет о МОЖЕЙКО».

[Тов. СТРОИЛОВ.] О МОЖЕЙКО идет очень много разговоров. Как обстоит с МОЖЕЙКО. Я хочу охарактеризовать лицо МОЖЕЙКО: «Уроженец Латвии, в царской армии поручик... (зачитывает) царским правительством был награжден дважды орденами. В 1935 году МОЖЕЙКО лишь принял совгражданство. В анкетах и других документах писал по-разному: то он поляк, то белорус, то русский, а оказался латыш. Мать МОЖЕЙКО с 1923 года получила от латышского консула визу на въезд за границу. Брат МОЖЕЙКО — Адольф — с 1937 года арестован, как шпион.

Но, как видно, партийное собрание интересуется не лицо МОЖЕЙКО. Здесь партийное собрание интересуется: при каких обстоятельствах умер МОЖЕЙКО? Для вас всех известно о том, что он был больным человеком — туберкулез горла — и абсолютно не разговаривал. Его дело вел тов. БЕЛОВ. Допрашивал раз пять. Об этом имеются записи и протоколы. Затем было доложено т. ПАВЛЫЧЕВУ о том, что МОЖЕЙКО показаний не дает.

Тов. ПАВЛЫЧЕВ совместно со мной согласовал вопрос с тов. ДОЛГУШЕВЫМ. ДОЛГУШЕВ сказал: «Допросить его покрепче». Но как покрепче — вы знаете, т. е., короче говоря, всыпать. Причем т. ДОЛГУШЕВ предупредил ПАВЛЫЧЕВА: «Вы его особенно крепко не допрашивайте, потому что он задохнется. Он еле-еле говорит».

Тов. ПАВЛЫЧЕВ пришел ко мне в кабинет. Мы взяли МОЖЕЙКО в «комнату смеха», как она называлась. Только туда зашли, и вот — хотите верьте, хотите нет — т. ПАВЛЫЧЕВ ударил его два раза. Потом говорит: «Ну его к черту, он еще сдохнет».

Я тогда взял МОЖЕЙКО к себе на допрос, минут 30 еще допрашивал его. Тов. БЕЛОВ приходил ко мне в кабинет, видел, как я с ним беседовал. МОЖЕЙКО сел в кресло. Я его допрашиваю — он ничего не отвечает. Я думаю: «Ну, просто человек устал или притворяется». Я ему говорю: «Ты не притворяйся, давай показания, шпионская морда».

Он опять молчит. БЕЛОВ сидит как раз у меня на диване. Я подхожу к стулу, говорю: «Ты будешь давать показания?». Он опять головой так. БЕЛОВ подходит к МОЖЕЙКО: «Будешь давать показания?». Потом говорит: «Подозрительно». Ну, посмотрим, он уже готов. Я подробно рассказываю, как это дело обстояло.

Что я сделал? Позвонил тов. ПАВЛЫЧЕВУ на квартиру. Это было приблизительно в 5 или в 6 часов. Говорю о том, что такое-то происшествие. Он сказал: «Вызовите начальника тюрьмы, пусть он его уберет». Его убрали. [...]

Председатель. Слово имеет тов. ПОКОТИЛО.

Тов. ПОКОТИЛО. Я в Областном Управлении работаю с 1937 года. 8 месяцев я был в командировке. О чем в свое время говорил товарищам, что это было вредительство потому, что мне платили командировочные и основную зарплату. И все говорили: «Некомплект, некомплект». Я ставил вопрос: «Сколько же можно быть в командировке?». Я был тогда непосредственно в подчинении СМОЛЬНОГО, как начальника отделения, он говорил, у меня нет штата в отделении, а я числился в командировке. Однажды, войдя в отдел кадров, АКИМОВ говорит КОЗЬМИНУ, что пора ПОКОТИЛО из командировки перевести в штат. Он говорит, чего Вы пугаете человека. Я говорю, разве отдел кадров для того, чтобы пугать людей?

Как меня встретили? Я был направлен к Начальнику IV отдела СОКОЛОВУ. Тов. СОКОЛОВ меня впервые встретил и говорит: «Вот Вам список арестованных». Получив список, инструктаж, я приступил к делу: «Тов. ПОКОТИЛО, Вы сугубо объективно подходите до справы». Я говорю: «Есть, товарищ начальник». До перехода сюда я был на партийной работе и подхожу объективно к делу. Принимаю дело ВАСИЛЬЧЕНКО — член партии с 1923 года, сам рабочий, выучился на рабочей копейке и стал советским специалистом. Его посадили, как участника организации, по показаниям ЛИЖДВОЯ. Написали только фамилию ВАСИЛЬЧЕНКО и что такой-то завербован, подпись и печать ТАЛИСА.

Я поинтересовался перепиской, изъятой у этого человека при аресте, т. е. его докладными записками, которые он писал во все концы Советского Союза, начиная от нашего областного управления, с 1933 года о том, что ЛИЖДВОЙ — вредитель, что он занимается вредительством, о том, что он связан с рядом подозрительных лиц, приведены конкретные факты выживания коммунистов, гонения на коммунистов, на честных людей, честных рабочих. ВАСИЛЬЧЕНКО писал во все концы по несколько раз. Я взял эти материалы, прихожу к СОКОЛОВУ и говорю: «Тов. СОКОЛОВ. Мы при аресте изъяли эти материалы, которые его реабилитируют». Он говорит: «Тов. ПОКОТИЛО, Вы пошли сразу ж на удочку врага, пиддальсь його влиянию⁶». Я говорю: «Товарищ Начальник. Эти документы с 1933 года вплоть до ареста и есть документы с 1937 года». Вин каже: «Вин порушник и не вирте йому». Он написал о ряде коммунистов, ссылаясь на них, что нужно было проверить. Не занялись этим — его изобличили, и он получил по Тройке 10 лет.

Голос. Чем Вы его изобличали?

[Тов. ПОКОТИЛО.] Я должен был изобличать и изобличил его показаниями ЛИЖДВОЯ, что он его завербовал.

Дело ГЕРАСИМЕНКО. Взяли человека на явке, нашего человека взяли с резолюцией: «Должен дать разворот». Товарищи подтвердят, тов. УСТИНОВ разворачивал месяца 4 и я месяцев 3. И ничего не развернули. По его рабочему делу⁷ репрессировано 70 человек. Дошло до того, что этого человека поставили на очную ставку по его собственной разработке. Когда кончился процесс очной ставки, обвиняемый говорит: «Ты же

⁶ Так у тексті. Соколов розмовляв на суржику.

⁷ Ідеться про робочу справу агента, де концентрувалися всі його повідомлення.

участник организации», — и на этого начали разворот. С этим человеком и с рабочим его делом тов. УСТИНОВ, тов. КАРАФЕЛОВ и я ходили к тов. СТРОИЛОВУ. Пришлось брать в дело выписки из постановлений [тройки] и он тоже осужден, по-моему, неправильно.

Забота о людях. Некоторые товарищи уже говорили, я не буду останавливаться на фактах запугивания. Хотя меня лично не пугал никто и я этого не чувствовал. То, что [мы] не имели инициативы, не имели права высказать свое мнение, как следователи — это гнетило⁸ и была тяжелая атмосфера, которая не только убивала инициативу, но даже убивала рост.

Председатель. Есть предложение, чтобы тов. ПОКОТИЛО дал справку в отношении заявления.

[Тов. ПОКОТИЛО.] Я знаю такие случаи, о которых никто не говорил, а в кулуарах говорили об этом. Была такая практика в 1937 году, и в 1938 году это повторилось, что к Октябрьским праздникам отдельным товарищам дали пособие. Я знаю, когда выдается пособие или премия, дается приказ, что товарищ показал себя на работе, и отмечают его. А у нас дали пакет и молчи, даже не говори товарищу. А если не получил — значит, тут что-то есть. Чего скрывать — это же меня не воодушевляет. Раз для меня нет пакета, я думаю, что на меня имеется справка. [...]

Председатель. Слово имеет тов. МАРЧЕНКО, за ним приготовиться АКИМОВУ.

Тов. МАРЧЕНКО. [...] Я хочу остановиться на таком моменте. Об этом, между прочим, говорил тов. ХРУЩЕВ на партсобрании НКВД УССР, что приходится удивляться, когда вот такой мощный, сильный чекистский коллектив Украины проглядел такую крупную акулу — врага УСПЕНСКОГО.

Ведь все-таки здесь на Украине мы, в частности периферийные работники, считали, что здесь в центре сидит весь чекистский цвет. И вот весь этот цвет стал вдруг слепым и не разглядел такого крупного врага, как УСПЕНСКОГО.

Там на собрании назывались фамилии НАЗАРЕНКО, КАЛЮЖНОГО и других, которые были близки к УСПЕНСКОМУ, бывали у него на квартире, кутили, пили вместе. И вот не разглядели такого врага.

Правда, это относится к центральному аппарату, но я считаю необходимым сказать и здесь об этом. Мне рассказывали, что УСПЕНСКИЙ вызывал к себе в кабинет арестованных и в присутствии работников центрального аппарата таким, например, методом допрашивал: «Ерусалимец — жид — давай показания».

Здесь я узнал о таком факте. У меня в 1936 году в Харькове в отделе Оперуполномоченным работал тов. ЯСИНСКИЙ. Я знал, что за ним никаких компрометирующих материалов не было. Я в свое время знакомился с его личным делом. Из Харькова он уехал на выдвижение сюда в Киев помощником начальника отделения. И вот, после бегства врага УСПЕНСКОГО я узнал, что ЯСИНСКИЙ был арестован после того, как

⁸ Так у тексті.

он выступил на одном из партсобраний в центральном аппарате против врага УСПЕНСКОГО. Причем, даже не солидно выступил, а чуть-чуть затронул. Так этот ЯСИНСКИЙ буквально через 2–3 дня был арестован и чуть ли не на первом допросе его убивают насмерть.

Я о ЯСИНСКОМ ничего отрицательного не знал. Я не знаю, занималась ли этим парторганизация НКВД УССР? Но я думаю, что, поскольку я здесь выступаю, выписка будет передана в парторганизацию НКВД УССР. Меня интересуют те работники, которые вели дело ЯСИНСКОГО, которые присутствовали при убийстве ЯСИНСКОГО.

Голос. И участвовали в убийстве.

[Тов. МАРЧЕНКО.] И участвовали в убийстве. Я уже не говорю о таком факте — об этом говорил т. ОСОКИН — он называл цифру 10 человек бывших сотрудников, которых просунули на Тройку и расстреляли. Очевидно, не десять человек, а больше расстреляли ни в чем не виновных людей.

Я здесь работаю тоже недавно — 4 месяца. До этого работал в Шостке Черниговской области. Мне известно, что там творилось. И я хочу об этом сказать, имея в виду, что выписка пойдет в ту партийную организацию. Здесь есть один черниговец БЕРМАН. В Чернигове начальником Облуправления был ЕГОРОВ.

Голос. Он арестован.

[Тов. МАРЧЕНКО.] Я не знаю его судьбу в настоящее время, но должен вам сказать, что с приездом ЕГОРОВА в Черниговскую область там стало жуткое положение. Начался разгром кадров. Десятки людей отправляли на север ни за что, ни про что. Не спрашивали, не вызывали — литер в зубы, и сразу едешь [служить] в какой-то лагерь. Полнейший разгром. Обстановка была самая гнусная. Настроение было жуткое.

Голос. А что вы мне сказали о ЕГОРОВЕ, когда я пришел в Особый отдел?

[Тов. МАРЧЕНКО.] Я скажу, каким авторитетом он пользовался первые дни, когда приехал в Чернигов. Тов. БЕРМАН тоже знает. Он первое время пользовался большим авторитетом. В Особом отделе тоже пользовался большим авторитетом потому, что умел крутить, вертеть. Но этот ЕГОРОВ начал разгонять кадры.

В Черниговской области были довольно приличные чекистские кадры, причем Черниговская область особенно в этих кадрах нуждалась. И вот через месяц-полтора в Чернигове почти ничего не осталось.

Какие там творились дела? Я, между прочим, выступал и говорил об этом в Чернигове на партсобрании, на оперативном совещании. Там давались задания на арест. Здесь, допустим, писались шпаргалки, а там просто делалось — давалось количественное задание. Внезапно ко мне приезжает начальник 4-го отдела ТРУШКИН (он сейчас работает в Николаеве) с заданием: арестовать в течение 48-ми часов 200 человек — контрольная цифра.

Я отказался, заявив, что будем арестовывать только тех, на которых есть проверенные материалы. Он звонит по телефону зам[естителю] Нач[альника] Управления ШИРОКОМУ, что я отказываюсь арестовывать людей. ШИРОКИЙ дает по телефону распоряжение ТРУШКИНУ, чтобы

он сам приступил к аресту. Я не выполнил распоряжения об аресте 200 человек. Арестовал только тех, которых следовало арестовать.

Был второй возмутительный недопустимый случай, когда меня пытались заставить доложить на Тройку 30 человек, из которых некоторые еще не были даже допрошены.

Голос. Авансом.

[*Тов. МАРЧЕНКО.*] Да. Не было свидетельских показаний и мне предложили доложить на тройку. Я отказался, и меня чуть ли не обвинили в уклоне — оппортунист и т. д. У меня это дело забрали и поручили некоему МИХАЙЛОВУ доложить. Докладывали, и, конечно, дело провалилось потому, что там не было даже показаний самих обвиняемых. Пришлось сказать на ухо прокурору, что нет показаний, и отложили.

Я об этом сообщил в парткомитет Черниговского облуправления. Там вызывали, допрашивали. Не знаю, чем кончилось это дело.

Теперь хочу отметить еще такой факт. Наркомат об этом, очевидно, знает. Шостка — это небольшой городок, но очень важный. И вот в этой Шостке сидели самые худшие кадры. А там оборонные заводы, пороховые заводы. Самых худших давали тогда людей, которые не могли работать. В то время, когда все время ставили вопрос об укомплектовании Шостки лучшими кадрами, мой перевод из Шостки я рассматриваю, как вражескую деятельность, потому что я пороховую промышленность хорошо знал и там некому было работать. А меня сняли и поставили совершенно неопытных людей. Я считаю это большим преступлением. Я себя в Киеве тоже неплохо чувствую, но в Шостку направили самые худшие кадры, и надо, чтобы Наркомат об этом знал. Шостка на Украине имеет большое значение. [...]

Тов. АКИМОВ. [...] Я хочу, товарищи, прежде всего коснуться работы Наркомата. Приезд УСПЕНСКОГО был окружен ореолом «лучший из лучших», «крепчайший из крепчайших», такой-то и такой-то. Слова УСПЕНСКОГО, а тем паче резолюции УСПЕНСКОГО не поддали никакому обсуждению. Выполнять директивы руководства мы должны, но, кажется, и в военном уставе сказано, что, получая вражеский приказ, не выполняй, а поставь в известность кого следует. А мы не так поступали.

Голоса. Неправильно.

Председатель. Товарищи, насчет устава давайте не спорить, так как АКИМОВ залез в дебри.

[*Тов. АКИМОВ.*] Я это сказал к тому, что мы здесь все вскрываем вражескую работу и не говорим о тех лицах, которые выполняли и являлись проводниками вражеских указаний и которые видели, что они вражеские, и не посмели [сказать] об этом. На партийном собрании Парткомитета зачитывали письмо, адресованное ЦК партии, что: «Я, [Иван] Иванович ИВАНОВ, выполнял указания УСПЕНСКОГО и писал в ЦК и в Москву липовые доклады». Он писал после того, как УСПЕНСКИЙ сбежал, когда было объявлено о розыске УСПЕНСКОГО. По-партийному он поступил? Нет, не по-партийному.

У нас имеются отдельные товарищи, которые выступают, но о себе полнее не говорят. «Иван Иванович ИВАНОВ делал, Иван Петрович — а он чист, он как будто бы не выполнял тех указаний».

Я хочу остановиться на одном факте. В июне был арестован заместитель Нач[альника] Управления по делам искусств при СНК УССР на основе того, что был какой-то агентурный материал, избличающий его в националистических проявлениях, были и косвенные показания о том, что он является участником контрреволюционной организации «Новой генерации». Этот арестованный не дал показаний. Потом он дал показания о том, что ему было известно, что он участник организации, завербован кем-то, известно ему то-то, проводил то-то. «Нет, нужно еще что-то», — заявил ЯРАЛЯНЦ. Что нужно? Ведь когда ты пишешь показания, нужно записать на основе чего-то, а не посмотреть на потолок, пол и записать.

После этого меня прорабатывали на оперативном совещании, что такой-то протокол не вышел, а он сидит две недели. Спустя пару дней вызывают в Отдел кадров и отправляют.

Голос. Кого?

[Тов. АКИМОВ.] Меня. В чем дело — не знаю. Вызывают в Отдел кадров и говорят: «Немедленно выезжайте в Полтаву — к ВОЛКОВУ». Нет, к ВОЛКОВУ я не хочу ехать. В любую область, в любой район, только не к ВОЛКОВУ. Слава о ВОЛКОВЕ шла на всю Украину.

— Приказ Наркома — выполняйте.

Попытался через секретаря Наркома попасть к Наркому. Секретарь сказал, что позвонит мне. Через 8 часов мне звонят: «Нарком сказал немедленно выехать».

Мой непосредственный начальник ЯРАЛЯНЦ вызывает меня и говорит: «Вам нужно сдать дела». Я заявил, что об откомандировании меня уже поставлен в известность и приказано сегодня же выехать. А для того, чтобы сдать дела, нужно несколько дней. [ЯРАЛЯНЦ:] «Я сейчас поговорю с Наркомом». Звонит он [УСПЕНСКИЙ]: «Неужели, что АКИМОВУ для сдачи дел нужно три дня?». Ответ был получен — немедленно выехать.

Потом он [ЯРАЛЯНЦ] мне заявляет:

- А знаете, почему вы выезжаете?
- Не знаю.
- А Вы плохо работали.
- Чем плохо работал?
- А вот вы мне не сдали протокола ГРИШКО.
- Как не дал? Я Вам докладывал, что добыто следствием.
- Нет. Вы должны дать то, что требуют.
- А если он таких показаний не дает?

Коли дело только в этом, то я с Вами не могу согласиться. Об этом знала партийная организация 4-го отдела, ныне 2-го Отдела. Об этом знал т. ПАВЛЫЧЕВ, т. ГАПОНОВ. Все они заявили: здесь что-то не то.

Приходит к ЯРАЛЯНЦУ партийный организатор и спрашивает:

- Надо ставить вопрос об АКИМОВЕ на партийном собрании?
- Нет, не надо ставить, за ним ничего нет, но он не выполнил моего приказа.

В чем заключалось выполнение приказа — партийному организатору необязательно знать. Приезжаю в Полтаву и в течение 2-х с половиной — 3-х

месяцев сижу без назначения. Звоню ВОЛКОВУ: «Примите». — «Нет, я сейчас занят». Разговор короткий.

Я приехал сюда, чтобы сняться с партучета. Зашел в 4-й отдел. Заходит ЯРАЛЯНЦ: «Вы ко мне можете зайти?». Зашел к нему: «Что у Вас там слышно?». Я рассказал, что приехал сняться с партийного учета, но мне непонятно, почему же до сих пор я назначения не имею. [ЯРАЛЯНЦ:] «Ну, ладно, говорит, я поговорю с ВОЛКОВЫМ».

Я пошел в ЦК сняться с учета. Там не застал товарища. Вечером в 6 часов мне звонят: «Зайдите к ЯРАЛЯНЦУ». В 10 вечера пришел к ЯРАЛЯНЦУ. Он заявляет: «Я говорил с Наркомом. Мы решили Вас оставить здесь». И я был оставлен в Облуправлении НКВД.

И что главное — при мне ЯРАЛЯНЦ снимает трубку. Тов. ДОЛГУШЕВ. — «Нет». Тов. ПАВЛИЧЕВ: «Вы АКимова знаете?». И дает характеристику, такую хорошую характеристику, что я выпучил глаза. В чем дело — непонятно. И вот при мне дает характеристику, что я хороший и т. д.

В чем дело теперь понятно? Ведь я говорю о тех неполадках, которые имеются в Полтавском Областном Управлении.

Председатель. На предисловие ушло 10 минут.

[Тов. АКИМОВ.] Я считал необходимым здесь об этом сказать. Об этом знает парторганизация 4-го Отдела, ныне 2-го Отдела.

Тов. ГОРОХОВСКИЙ. [...] Я в Киевском Облуправлении работаю недавно, всего 6 месяцев, из которых 3 месяца был в командировке. Так что много фактов у меня нет — какие были искривления в части следственной работы. Но кое-какие факты я хочу привести. [...]

В августе, работая здесь, я получил группу следственных дел. Среди них арестованного САТАНОВСКОГО. В первую очередь говоришь по объективным данным, автобиографическим данным, сличая со справкой, по которой он был арестован, и т. д. Из беседы я выяснил, что арестовали не того человека. Нужно было арестовать его брата. Этот человек никогда троцкистом не был, никогда вообще в партии не был, никогда не работал на той работе, которая указана в справке. У него есть брат, который был в партии и исключен за троцкизм, т. е. тот человек, которого нужно было арестовать.

Я пишу рапорт и докладываю т. МЕДВЕДЕВУ. Тов. МЕДВЕДЕВ заявляет: «Напишите справку на арест брата». Я думаю: «Правильно, значит, нужно прежде, чем выпустить его, для того чтобы тот не скрылся, арестовать брата». На следующий день арестовали брата. После того как арестовали брата, я прихожу к тов. МЕДВЕДЕВУ и говорю, что нужно его освободить. Он говорит, вы как-нибудь оформите [дело на] этого человека. Я написал тов. МЕДВЕДЕВУ рапорт, но он от меня его не принял.

В части объективного следствия. Товарищ ДОЛГУШЕВ бросил реплику товарищам: «Почему вы мне не говорили?». У нас в Управлении столько коммунистов и ни один коммунист не оказался достойным звания коммуниста в полном смысле этого слова потому, что ни один коммунист не заявил т. ДОЛГУШЕВУ о нарушениях. А между собой коммунисты говорили и неоднократно говорили.

Я считаю, что каждый коммунист не был до конца партийным и не мог довести дела до конца. Может быть, это была болезнь, но это не отличительная черта коммунистов.

Следующий факт. Есть у меня арестованный ПАШКО, бывший председатель Киевского горсовета. Справки на него нет в деле, а есть только выписка из показаний НОСКО, что тов. НОСКО известно со слов ЯКОВЛЕВА. Но показаниям НОСКО нельзя верить. Никита Сергеевич не поверил показаниям НОСКО. Следовательно КОГАН, который сидит как враг, с ним говорил. Это был не допрос, а дружба с арестованным, и видно было, что КОГАН говорил — НОСКО повторял. Он дал на 70 человек показания, но они не соответствуют действительности. НОСКО не был большим человеком, чтобы он знал о 70 чел[овеках]. НОСКО, бесспорно, враг, которого правильно осудили, но что вражескую работу вели те работники, которые работали с НОСКО, были на поводе у НОСКО — это факт. НОСКО провоцировал следователей.

Арестован ЦАПЕНКО — бывший секретарь партколлегии, член партии с 1917 года. Он арестован по показаниям арестованного НОСКО, и верить им нельзя. Потому, что он показал, что ЦАПЕНКО знал о его троцкистских взглядах, когда он был в партии, и не исключил его из партии. Я говорил с ЦАПЕНКО, и он доказал, что был секретарем партколлегии, когда поступило заявление на НОСКО. Была выделена комиссия под председательством одного внештатного инструктора партколлегии, нынешнего пред[седателя] Облсуда. Комиссия ездила в Харьков, расследовала материал и доложила, что ничего не добыто. Он говорит, комиссия докладывала материалы, а он в Харьков не ездил. Материалы довольно веские, но мы необъективно вели материал, те факты, которые его реабилитировали, мы не принимали во внимание⁹.

Мы ставили вопрос перед ЦАПЕНКО: «Как КУДРЯВЦЕВ его завербовал?». Он говорит, что был с КУДРЯВЦЕВЫМ на ножах. По заданию КУДРЯВЦЕВА было исключено из партии 70 или 80 коммунистов, а на следующий день ЦАПЕНКО выехал с выездной Тройкой и восстановил 50 или 80% коммунистов в партии. Это говорит о том, что следователь не знал, что требовать от ЦАПЕНКО.

Когда я говорил КОГАНУ: «Что мы имеем на ЦАПЕНКО?», он говорит, что «там материал есть, ты только требуй, чтобы он сказал, кто его завербовал». Но материалов до сих пор в деле нет. На ЦАПЕНКО, кроме косвенных показаний, ничего нет. Он коммунист с 1917 года, бывший чекист, рабочий, недавно выдвинут секретарем [комитета] партии и сидит с июня 1938 года. 8 месяцев сидит человек под стражей.

Тов. ДОЛГУШЕВ говорит насчет объективности. Не было этой объективности и нас не учили, чтобы мы были объективными. Когда, бывало, придет следователь и доказывает, что имеются факты, которые оправдывают того или иного обвиняемого, нам заявляли: «Вы требуете, чтобы он сказал, кто его завербовал в организацию. Это основное, чего вы должны добиваться от арестованного».

⁹ Так у тексті.

В части сотрудников. В июле или августе, через короткое время после того, как я приехал, было оперативное совещание, на котором т. ДОЛГУШЕВ выступил и заявил, что «сотрудников допрашивайте с пристрастием», т. е. необъективно. Это дословное выражение.

Значит, нас не учили, чтобы мы объективно работали с арестованными, чтобы мы объективно допрашивали арестованных и говорили, чтобы мы с пристрастием допрашивали и вообще считали, что раз человека арестовали — значит, никаких разговоров не может быть, что он будет на свободе. Не допускали того, что враг может оговорить честных людей.

Дальше, у нас были такие «ударники», конечно, в кавычках, которых возносили, все время говорили о них. Сегодня также нужно о них поговорить и о всех тех фактах, которые сейчас особенно выявляются потому, что эти факты компрометируют органы НКВД.

Вот прибыли даже из Особого совещания. Сейчас приходится передопрашивать всех свидетелей потому, что я с недоверием отношусь к свидетельским показаниям, имеющимся в деле. Ведь показания натягивали. Вызывали, например, БАЕВСКОГО из «Заготзерно». Он давал показания на ЛЕВИНА. Задаю ему вопрос: «Вы подтверждаете свои показания?». — «Нет, не подтверждаю». Начинаю с ним говорить: «Как Вы дали свои показания?». Он говорит, что подписал после 4-го раза вызова в НКВД. Следователь ЛЫСАКОВ заставил его подписать показания. От него, конечно, была отобрана подписка о неразглашении. Во всяком случае, близким друзьям он скажет, как в НКВД допрашивают. Какое он может после этого вынести мнение?

Других свидетелей допрашивал следователь ДОНЩИК. Начинаю говорить со свидетелем. Он заявляет: «ДОНЩИК нам не дал читать протокола. Он нам сам читал». Когда я этому свидетелю зачитал протокол, он заявил: «Нет, он мне этого протокола не читал. Я его подписал, не читая».

На эти факты нужно сегодня обратить исключительное внимание потому, что эти факты компрометировали органы НКВД.

Теперь одну минуту хочу остановиться в отношении себя. Я приехал сюда в июле для работы в Горрайотделении. До этого работал в Харькове. Меня здесь в Управлении оставили на работе. Рапорта, чтобы меня оставили на работе в Облуправлении, я не подавал, ни к кому не обращался, ни к начальнику отдела, ни к начальнику управления. Мне начальник отдела кадров сказал: «Вы будете оперуполномоченным, вас выдвинут».

Об этом мне заявил и тов. МЕДВЕДЕВ. Я попал в 1-е отделение. Все знают, что в первом отделении сидел враг КОГАН. С первого же дня прихода в отделение — об этом знают и МЕЕРЗОН, и ЗАЛЕССКИЙ, и КАМРАЗ — говорили о том, что КОГАН нечестный человек, что его на пушечный выстрел нельзя допускать к органам НКВД. Ведь у него же не арестованный давал показания, а он сам писал протокол. После этого вызывали МУШКИНА и он заставлял подписывать протокол, а арестованный протокола не читал.

Меня КОГАН тоже пытался спровоцировать, чтобы я тоже занимался такими вещами. Конечно, я на такую провокацию не пошел. Я об этом рассказал в первый же день, когда меня заставляли писать протоколы

ЧИКИРИСА. В заявлениях абсолютно ничего не было, но КОГАН сказал: «Ты пиши протокол — террор, вербовка, практическая деятельность, а потом мы его заставим подписать протокол». Конечно, на такой путь я не стал.

Я решил написать начальнику облуправления, что не хочу работать на 4-м отделе. Написал — прошу откомандировать меня в любой район Киевской области, к тому же я районную работу знаю.

Меня вызвал т. ДОЛГУШЕВ. Дословный разговор:

— Ваше поведение мне не нравится. Я о Вас начинаю быть другого мнения. Вы, наверное, хотите поехать в лагеря. Идите.

Вот все. Вот разговор, который у меня был с ДОЛГУШЕВЫМ. Правда, я ему ответил, что если я заслуживаю поехать в лагеря — я поеду. Я не знаю, какая на меня составлялась справка, но нечестной работы ни здесь, ни в Харькове, нигде у меня не было.

Тов. БОЙКО. [...] Разрешите несколько задержать ваше внимание на Полтавской области потому, что я считаю, что то, что здесь сегодня будет записано, будет достоянием Центрального Комитета¹⁰. В Полтаве я больше сталкивался с фактами бахвальства, липогонства, марафета и тиранства со стороны начальника областного управления ВОЛКОВА.

ВОЛКОВ с момента прибытия в Полтавскую область форменным образом терроризировал сотрудников. Первой своей задачей он поставил, конечно, составление справок. Никто не спорит о том, что в наших органах нужно очищаться и очищаться. Но дело в том, что ВОЛКОВ посадил целый ряд невинных работников, которые сидят уже около года, показаний не дают. Конечно, их придется освободить, или они, наверное, уже освобождены.

ВОЛКОВ был самый первый застрельщик липовых протоколов. Он сам по трое суток сидел в кабинете без арестованных и писал протоколы по 60–80 стр[аниц]. *(Смех.)*

Больше того, масса арестованных сидит в Кременчуге, а он пишет протокол в Полтаве и говорит, так учитеесь работать. Нет, говорю, я буду писать так, как арестованный говорит и как мне партийная совесть подсказывает. Ну, говорит, тогда Вы не знаете стили в работе.

Почему я это говорю? Я говорю это потому, что я из практики знаю, серьезного арестованного, который мог бы вскрыть нам вражеское подполье (петлюровское подполье), он направлял по ложному пути.

Я имею, товарищи, арестованного в Кременчуге ШАМРО-ВОВК, махровый петлюровец, близко стоявший к петлюровскому министерству внутренних дел. Он насадил полосу повстанческих организаций в Винницкой области, в Полтавской области, в частности в б[ывшем] Кременчугском округе. Скажите, пожалуйста, хоть десятый процент этого подполья, которое он заложил, было вскрыто? Не было, а люди, которых он даже не знает, проходят у него по показаниям как участники организации.

Этот ШАМРО-ВОВК в свое время в Казатине от благодарных евреев подвел Петлюре белую лошадь. Он начал давать мне

¹⁰ Дійсно, протокол цих зборів був надісланий у ЦК КП(б)У.

показания — действительно о том подполье, которое было заложено, и немедленно он был взят¹¹ у меня потому, что штаб повстанческой дивизии должен быть в Полтаве, а он в Кременчуге. Как так, повстанческий штаб в Кременчуге? Когда насажали людей, ВОЛКОВ решил, что в Полтаве будет дивизия, а Кременчугу дадим два отдельных полка. (Смех.) Для того чтобы дать дивизию и два отдельных полка, нужно хотя бы относительно довести до мирного времени численность этой дивизии. Значит, нужно людей. И брали людей по списку — бедняков, середняков. Был перегиб в этом отношении. Такая безобразная работа имела место в Миргородском кусте, где ВОЛКОВА выбирали в Верховный Совет. Там мне говорили, около 25% середняков и бедняков были взяты. Конечно, это не участники повстанческой операции, а не что иное, как троцкистская линия. Это есть, товарищи, разрыв, это есть нарушение Ленинской установки, Сталинской установки о правильных взаимоотношениях рабочего класса с колхозным крестьянством. Чья это линия? Это линия троцкистов.

Дальше, товарищи, как строилась работа по вскрытию ПОВских организаций? По телефону меня спросили: «Сколько у Вас сидит поляков в Кременчуге?» Я говорю: «Столько-то, причем 45% дали показания, как шпионы». Он говорит: «Ничего подобного. У нас в Полтаве вскрыта команда, а Вы строите боювки». Я говорю: «Они дали показания по шпионажу, и это действительно были шпионы». [В ответ:] «Не знаете стиля работы, вкуса работы не понимаете». Этих боювок я не строил, и они построили сами, считали, что я неспособен на это.

Характерный момент был со вскрытием организации РОВСа. У меня сидел арестованный, прибывший из Франции в 1934 году. Мирно и тихо он дал показания. Он белогвардейский офицер, был в Турции, Алжире. Был в филиале РОВСовской организации в Алжире и дает развернутые показания на Днепропетровскую и Харьковскую области.

ВОЛКОВ как услышал, говорит: «Что там БОЙКО мудрит? У нас сидит командир РОВСовского полка по Кременчугу, там кутеповский полк, а он со своими организациями лезет». Как строились полки? Я не знал, как они строились. В одно время звонок: «Дайте список арестованных офицеров, белогвардейцев и т. п.» Послали список. Потом приезжают на совещание и дают мне читать протокол одного полковника, взятого в Кременчуге, которого взяли для разворота. Ему 78 лет и он дал кутеповский полк, а все арестованные, сидящие в Кременчуге, у него в полку. Вот говорит он на совещании: «БОЙКО сидит, у него полк под носом, а он полез в Алжир, Париж».

Врага мы били крепко и удачно, но под этим крылись явно вражеские дела. В особенности по повстанчеству, например, Миргородский куст много понес ошибок и искривлений. Там были преступления потому, что постреляли бедняков и середняков.

Еще один момент в борьбе с сионизмом. На одном из совещаний ВОЛКОВ задает вопрос: «Сколько взяли сионистов?». Я назвал цифру.

¹¹ У співробітника Кременчуцького райапарату УНКВС по Полтавській області Бойка цю справу забрали.

[ВОЛКОВ:] «Что, дают показания?». [БОЙКО:] «Дают показания — несколько английских шпионов было». «Мало, — говорит, — взяли». Я говорю: «Много убыло в другие города, а те, что состояли на учете и которые по материалам характеризовались как враги, они арестованы и дают показания». Он [ВОЛКОВ] не договорил, но чувствовалось, что «если бы ты был евреем, то ты сионист». [ВОЛКОВ:] «Почему не берете сионистов?». Я говорю: «Нет больше». [ВОЛКОВ:] «Смотрите, товарищи, — говорит на совещании, — я поеду в Кременчуг, на тротуаре возьму 5 евреев, посажу их, и все они будут сионистами». Я подумал, что тут что-то неладное.

Вполне правы товарищи, и оно так и было, что установка врага УСПЕНСКОГО была и проводилась через руководителей наших Областных Управлений. Возьмите в пример Житомир — 45 человек оперативного состава евреев было изгнано. Почему в Каменце по установке ЖАБРЕВА все дела сотрудников-евреев хранились в кассе начальника кадров?

Неспроста товарищи здесь поднимают вопрос об элементах антисемитизма.

Больше того, возьмите ЖАБРЕВА, он заявил на совещании в Шепетовке, что приехал на Украину громить украинских чекистов. И громили. ВОЛКОВ заявил в Полтаве на совещании о том, что «у Вас здесь все сотрудники — еврей-сионисты, и говорят, что Вы, украинцы, только можете галушки кушать, а не бороться с врагами». Зачем оскорблять национальные чувства? Это коммунист, это интернационалист? Нет, товарищи.

Тов. ШАМРЫЛО. По всем данным, он враг.

Тов. КАРАФЕЛОВ. И он сидел немного.

[*Тов. БОЙКО.*] Как ВОЛКОВ принимал тех или иных сотрудников? Не один сотрудник выходил из кабинета со слезами на глазах — может быть, он их лупил? И кажется, что это было.

Перехожу к киевской действительности. В Киевской области я недавно, с августа месяца. Разгром этот прошел, но все-таки, познакомившись с материалами и делами, которые здесь были, я увидел, что они не намного отличаются от дел, которые творились в Полтаве — насчет «липы», насчет марафетов и т. д.

Я хочу обратить внимание тов. ДОЛГУШЕВА на то, что выступавшие товарищи, делавшие замечания в части вашего поведения, конечно, правы. Я на своей шкуре это почувствовал через небольшой промежуток времени. Вопрос был о пропаже приказов, о которых БЕРМАН говорил. Тов. ДОЛГУШЕВ звонит: «Такие-то приказы нашли?». [БОЙКО:] «Я один приказ нашел здесь, № 00485». [ДОЛГУШЕВ:] «А остальные?». [БОЙКО:] «Остальных нет». [ДОЛГУШЕВ:] «Ищите». Весь аппарат поставили на ноги, но приказов не нашли. [ДОЛГУШЕВ:] «Ищите». Ищем второй день. Нет. Наконец звонок: «Это вражеское дело», — и трехэтажный мат. Ну, знаете, мне сразу ВОЛКОВ и почувствовался. Думаю — тот же ВОЛКОВ. (*Смех.*)

В конечном итоге что оказалось? Это не приказы были, а шифротелеграммы, которые находились у секретаря. БОЙКО послан матом и назван врагом — вражеское дело. Аппарат 48 часов был на ногах, искали приказ.

Скажите, пожалуйста, тов. ДОЛГУШЕВ, я член партии с 1919 года, 20 лет в партии, 18 лет в органах ЧК — какое вы имеете право меня ругать, еще меня даже не зная? Что вы думаете, легко переживать?

А разве это идет в пользу для работы? Я двое суток не мог работать. Что же, у меня нет человеческого чутья, шепетильности и т. п.? Это не по-партийному.

[...] Была установка насчет того, чтобы ни одного арестованного не освобождать. С этим я здесь столкнулся в Полтаве. В Кременчуге я освободил 67 бедняков и середняков, взятых по списку. На меня было заведено за это время следственное дело. Наверно, оно сюда придет, но я знаю, что я сделал правильно — освободил честных, ни в чем не повинных колхозников, бедняков, середняков. Никакие они не члены организации, если они такими где-либо и прошли.

Такое положение было и здесь. Посадили — значит, освободить нельзя. Здесь на оперативном совещании приводили пример с арестованным СОЙФЕРТИСОМ. В свое время по ленточке, как говорят, был арестован член партии СОЙФЕРТИС.

Голос. По устному приказанию.

[Тов. БОЙКО.] Ну да, а 2-й отдел ленточку дал. Бились, бились над ним, свидетелей искали — нет. Докладывается дело раз, докладывается два, три раза, десятки раз докладывается. Следовательно или я приходили с мнением освободить. Нет, как так — освободить? Нужно добыть показания во что бы то ни стало. Это было при ПАВЛЫЧЕВЕ. Допрашивали свидетелей, соседей, людей, которые знают его с места рождения, все характеризуют с самой положительной стороны — член партии, активист, сам рабочий. Но как же так освободить, когда мы его арестовали?

Затем я уже настолько надоел ПАВЛЫЧЕВУ, что он заявил: «Ну что ж, посидит еще месяц». Я говорю: «Он же сидит два с половиной месяца». — «Ну что ж, посидит еще месяц». Я говорю: «Так нельзя решать». — «Ну хорошо, оставь мне дело, я посмотрю.» И так смотрел еще месяц. В конечном итоге пришлось освободить.

Второе дело ЗАХАРОВА — работника пожарной команды. Арестован по этой натянутой справке. Ничего, кроме справки, конечно, не было в процессе следствия добыто. Ну, что ж — освободить нельзя. После настойчивого предложения об освобождении тов. ДОЛГУШЕВ сделал распоряжение — передать это дело ЛЫСАКОВУ и он Вам нос утрет.

Голос. ЛЫСАКОВ утрет.

[Тов. БОЙКО.] А теперь освобождают.

Голос. ЛЫСАКОВ по 4 дела в день заканчивал.

[Тов. БОЙКО.] ЛЫСАКОВ, говорят, мастер в этом отношении. Целый ряд подобных фактов, конечно, имели место. Тут была проведена УСПЕНСКИМ определенная линия. Но тут же один УСПЕНСКИЙ этого не делал. Кто-то был пособником. [...]

Тов. АБРАМЗОН. [...] Я приведу целый ряд примеров. Ведь, товарищи, я около 6-ти месяцев работал в следственной группе в Проскурове, которой также руководили зам[еститель] нач[альника] УНКВД по Каменец-Подольской области КРУТОВ — ныне нач[альник] Отдела кадров НКВД УССР, где ставленник УСПЕНСКОГО — ЖАБРЕВ, бывший нач[альник] УНКВД по Каменец-Подольской области заявил на совещании, что наши органы должны избавиться от всех, у кого имеются «хвосты», что личный состав чекистов должен отказаться от всего — забыть семью, личные интересы.

В кабинет начальника следственной группы специально был приглашен техник, который рисовал о количестве выявленных по районам повстанческих отрядов, боювок и команд диаграммы. Каждый день в 8 часов утра были совещания, и каждый следователь должен был принести схему. Хотя я не чертежник, но должен был также давать схему о выявленных мной боювках и командах. Каждое утро диаграмма разбухала.

Наряду с выявлением действительных врагов народа подчас арестовывали невинных, коих осудили по «1-й категории». Там буквально очищали села и каждый ст[арший] следователь должен был обязательно дать за сутки 8–10–12 «расколов». На одной диаграмме не поместилось, и начали вторую диаграмму, и до того запутались, что получилось, что кругом нас повстанцы. (Смех.)

Каждого повстанца допрашивали, причем обязательно должна была быть диверсия, и каждый повстанец дает однообразные показания, что он получил задание взорвать мост такой-то. Каждую ночь получали показания, что 15–20 человек должны взорвать один и тот же мост. Конечно, при таких «упрощенческих» методах допроса враги, пробравшиеся в органы НКВД, проводили вражескую работу нашими же руками. [...]

Я недавно встретился с одним товарищем, которого перебросили из Проскурова в Наркомат на работу, где КРУТОВ у него неоднократно спрашивал, является ли он евреем или украинцем. Надо полагать, что это неслучайно, КРУТОВ, очевидно, получал установку от ЖАБРЕВА, который в УНКВД по Каменец-Подольской области выживал сотрудников-евреев.

Возьмите любого представителя медицины, если он неудачно сделает операцию или забыл шипцы и зашил, то его осудят. А у нас столько жизней ушло на тот свет! Это каждый из нас знает.

Когда я приехал в Киев, я «имел счастье» попасть к КОГАНУ. Был приказ, что тот, кто ведет следствие, должен производить аресты. Я до приказа сам ездил арестовывать и сам вел следствие МЕНДЕЛЕНКО — директора завода. Я захожу к КОГАНУ и спрашиваю: «Что на него есть?». Он говорит: «У нас новые методы. Ты жми, а он должен дать показания, и если они сойдутся с моими, которые у меня есть, значит, он правду говорит». Я жму один день, второй день, третий день — не получается. Я прихожу к КОГАНУ и говорю: «Он не дает показания, может быть, они сходятся с Вашими? (Смех.) Он говорит: «Нет, он троцкист».

Жму еще день, два — и все-таки не получается, а КОГАН мне все отвечает: «Нет, он не должен знать». Я говорю: «Он не должен знать, но я же, как следователь, должен знать». (Смех.)

Когда забрали это дело у меня, КОГАН мне сказал, что через два дня будет раскол. Я не знаю, где этот МЕНДЕЛЕНКО. Очевидно, он уже осужден по 1-й категории.

Голос. Дела прибыли из Особого совещания.

[Тов. АБРАМЗОН.] Теперь, что у нас делается? Далеко за фактами идти не нужно. Только вчера я вызываю свидетеля. Есть свидетельские показания, обвиняемый сознается. Я вызвал [свидетеля] для очной ставки, чтобы подкрепить. Прочитываю его показания и спрашиваю: «Вы дали такие показания?». Он говорит: «Что Вы, что Вы, разве я не понимаю? Я продавец магазина. Приехал следователь и допрашивал меня в магазине. (Смех.) Он мне сказал, что это враг. Раз враг, значит, он должен быть наказан».

И сегодня случай. Вызываем одного члена партии, парторга-женщину. Она тоже говорит: «Нет, я этого не говорила. Вы знаете, в какой обстановке допрашивали? Я же была в тюрьме, видела, как ведут арестованных. Потом что творилось — ужас. Ну, я и подписала, сама не зная, что». Тут, между прочим, обвиняемый сознается, а свидетель не сознается. (Смех.)

Теперь в отношении ЛЫСАКОВА. Когда я был в тюрьме, в оперслед-группе «крепко» одного арестованного я три дня допрашивал. (Смех.) Иногда нажимал. Ничего не дает. Сам он дворник, неграмотный и по материалам слабенько проходил. ЛЫСАКОВ, который в то время работал в следгруппе, попросил у меня пару дел. КЛЕЙМАН говорит: «Дай ему пару дел, но похуже». (Смех.) Я выбрал два дела, конечно, похуже людей, которые не говорят. Потом прихожу на следующий день, эти два уже «готовы» — террорист, шпион, агент иностранной разведки и т. п.

По заданию капитана я недавно поехал в Черкассы в отношении одного арестованного — ШАПИРО. Он у него 25 октября брал показания, но в протоколе допроса один листок оказался неподписанным. В процессе следствия я ему говорю: «Вы забыли подписать один листок». Он говорит: «Это все неверно, я не виноват». Я спрашиваю его: «Чем вы можете показать, что вы невиновны?». Он мне дает очень веские данные о том, что он выступал на партконференции, писал начальнику Подива¹², что батальон не будет боеспособен, высказался против врага ГЕРМОНИУСА и т. д.

Когда я ездил туда, опоздал поезд на ст. Ежова¹³, а там недалеко начальником райотделения ЛЫСАКОВ. Я к нему звоню: «Высылай машину, я к тебе приехал». Зачем мне 7 часов сидеть на станции — я к нему еду. (Смех.)

Приезжаю к нему и спрашиваю: «Скажи мне по-чекистски, по-партийному, виноват ли ШАПИРО или не виноват и как ты его допрашивал?». «Да что ты. Он давал показания, не возражал». Мы на днях освободили, ибо, конечно, ШАПИРО, как я установил, он оклеветан врагами. А он был комиссаром части и просидел 10 месяцев. Когда его освободили, он сказал: «Я буду таким же ленинцем-большевиком, как и был».

Или взять ГОТКИСА. Он же совершал такие дела, которые мне напоминают извращения во время коллективизации в 1929–1930 гг. В селе,

¹² Начальник Подива — начальник політвідділу дивізії.

¹³ Зараз — станція ім. Тараса Шевченка, м. Сміла Черкаської обл.

куда я приехал, секретарь райпарткома пишет справку: «У нас коллективизировано на 112%». (Смех.) Что это за 112%? Оказывается, засчитали колхозников и тех представителей, которые приехали коллективизировать село. (Смех.)

Так и здесь. Он дал установку 2–3 дела и больше кончать в день. Он писал записки свидетелям, чтобы они немедленно являлись в тюрьму на допрос, угрожая последним, брал липовые показания.

Теперь лишь мне стало ясно, почему в июне месяце 1938 года были отозваны в распоряжение отдела кадров НКВД УССР 36 особистов, снятые с армейской работы, среди которых оказались одни евреи. Это уже тогда была видна вражеская фашистская работа УСПЕНСКОГО.

Ведь собрались у нас проводить то, что в Германии ГИТЛЕР делает. Ведь не только наша страна, а весь мир протестует против фашистского режима — издевательств над евреями. А мы, коммунисты-чекисты, которым партия доверила вести активную борьбу с врагами народа, не смогли разглядеть УСПЕНСКОГО. Это же не только у нас было, а, как мы слышим, было и в Житомире, и в Каменец-Подольске, и т. д., и мы не в силах были что-либо сделать. Ни у кого из нас не хватило смелости явиться к тов. ХРУЩЕВУ или в Обком КП(б)У и заявить о творящихся у нас безобразиях. [...]

Тов. КЛЕЙМАН. [...] Я хочу начать в данном случае со стиля руководства облуправления столичной области. [...] Хочу сказать о бывшем начальнике 1-го отдела — черносотенце ДАЛЬСКОМ. И в этом случае считаю возможным предъявить часть обвинения тов. ДОЛГУШЕВУ. Неужели т. ДОЛГУШЕВ, работая около 2-х лет в центральном аппарате — в Особом Отделе не знал ДАЛЬСКОГО? Говорят, что все знали в Особом отделе гораздо раньше о том, что ДАЛЬСКИЙ является сыном активного члена «Союза русского народа». Неужели тов. ДОЛГУШЕВ, как коммунист, как большевик, не мог добиться того, чтобы отвести эту кандидатуру, когда он выдвигался на ответственную должность начальника отдела охраны? Ведь т. ДОЛГУШЕВ сдавал дела ДАЛЬСКОМУ и должен был в этом быть заинтересован. Мне кажется, что, минуя УСПЕНСКОГО, т. ДОЛГУШЕВ имел все возможности поставить в известность Никиту Сергеевича и сообщить, кто такой ДАЛЬСКИЙ. Не напрасно ДАЛЬСКОГО на протяжении ряда лет выгоняли из органов и все время он был сверх штата, а при УСПЕНСКОМ этот проходимец получил солидное звание и был отмечен наградой.

Все это шло под маркой того, что он сидел на деле КОССИОРА, он вел «большие» дела с ХАРИТОНОВСКИМ, которые вдвоем скрывали вражеские формирования. Если вспомните стиль работы ХАРИТОНОВСКОГО, то также ясным становится, почему он был на таком хорошем счету у УСПЕНСКОГО.

ХАРИТОНОВСКИЙ развалил всю особистскую работу по 8-му стрелковому корпусу¹⁴. Работу ХАРИТОНОВСКОГО дважды обследовали по линии 5-го отдела Областного управления, и работа его была видна, как в зеркале. Еще в 1936–1937 гг. существовало мнение о ХАРИТОНОВСКОМ, что

¹⁴ Місце дислокації м. Житомир.

это враг, марафетчик, что он ничего с партией не имеет. Я докладывал свое мнение руководству, об этом знало руководство бывшего Особого Отдела и было такого же мнения о ХАРИТОНОВСКОМ. Однако все эти люди были разоблачены, как враги, а ХАРИТОНОВСКИЙ оказался «героем дня».

Голос. Тов. КЛЕЙМАН, но ему дали неплохую характеристику.

[Тов. КЛЕЙМАН.] И после всего, оказывается, ХАРИТОНОВСКИЙ всплывает на арену.

Голос. *[Тов. УСТИНОВ.]* Тов. КЛЕЙМАН, ты же был членом парткома, а ХАРИТОНОВСКИЙ был начальником отдела.

[Тов. КЛЕЙМАН.] Ты ошибаешься, тов. УСТИНОВ, я не был членом парткома. О ХАРИТОНОВСКОМ я говорил в парткомитете НКВД Украины с тов. РУДЮКОМ, где он и я состояли на учете. Несмотря на это, ХАРИТОНОВСКИЙ, уезжая из Киева, получил блестящую характеристику от начальника управления тов. ДОЛГУШЕВА. Хотя ДОЛГУШЕВ знал, какое мнение существует в коллективе, и не раз характеризовал его на оперативных совещаниях, как нечестного человека. [...]

Несколько минут о работе следственной группы. Это будет и ответом на реплику тов. СТРОИЛОВА сказать о себе. Так, как и все мы, и я имел не меньшее количество ошибок, неумышленных ошибок, но ошибки были и серьезные. Об этих ошибках я неоднократно говорил на оперативных совещаниях. Эти ошибки были продолжением тех нарушений, которые творились здесь, в аппарате. Это, конечно, не уменьшает моей вины, но я хочу сказать об ответственности и партийном подходе товарищей, которые вели дела и передавали в следственную группу.

В отделе следователь ведет дело, ясно видит, что из этого дела ничего не выходит и что человека нужно освободить. И вместо того, чтобы по-партийному разобраться с делом, а под каждым делом — человек, каждый считал своим долгом спихнуть куда-нибудь. Ведь сейчас сконцентрировалась масса дел, из которых до 70% освобождены следственной группой. Для следственной группы отбирали все, что было худшее и запутанное. Существовало такое мнение, что следственная группа все вытянет. То, что были искажения и нарушения в формах ведения следствия, — это факт бесспорный. Эти искажения были в любом отделе, в любом отделении, у любого работника, и нечего тут некоторым товарищам представлять себя в роли «исусов» и говорить — я не бил, имел директивы и т. д.

Все били. Все добивались показаний одинаковыми методами, в большинстве своем извращенными.

Должен заявить, что, работая в 5-м отделе, у меня из 40 проведенных дел на Военную Коллегию был один битый. Получил неплохие показания, и дела, как следует, прошли на суде без отказов. Главное качество следователя — это упорство в работе с арестованными, нажим, но нажим правильный — партийный.

По санкции руководства мы к кое-кому из обвиняемых применяли репрессивные меры, но ряд товарищей злоупотребляли этим, и втихомолку каждый сам применял эти репрессии.

В тюрьме был сосредоточен оперативно-следственный кулак больше, чем в любом отделе, но какой это был оперативно-следственный кулак?

Туда посылали вновь мобилизованных товарищей, товарищей, которые не имели элементарных понятий о нашей чекистской работе, и этих людей приучали к извращенным методам ведения следствия. Этим людям говорили, что есть санкция, и эта санкция применялась. Эту санкцию давал и Наркомат, и руководство области. И не только на Украине, но и в других областях были эти извращения. Однако это не уменьшает нашей ответственности, и то, что зависело от нас, мы должны были своевременно поставить в должные рамки.

В части кадров. Мы покалечили до полтора десятка людей [из числа чекистов], которые прошли у меня на глазах. [...]

В отношении некоторых следователей, мобилизованных из особо-учетников. О ЧИГРИНЕ, который вел ответственные дела на бывших партийных работников. Был арестован БАШЕЛИН — секретарь парт-организации на основании показаний о том, что такой-то должен был подготовить, а четвертое лицо должно было завербовать его в организацию. БАШЕЛИН уже сидит 14 месяцев, и в деле столько наплетено, что трудно понять. Второе дело на бывшего секретаря парткомитета «СТАНКОСТРОЯ». Вел это дело тоже ЧИГРИН. Он находил липовых свидетелей, фальсифицировал свидетельские показания, находил свидетелей, которые подавали заявления о несуществующих вещах, а в итоге этот арестованный был освобожден, так как был оклеветан врагами.

О МУШКИНЕ. Он вызвал одного инженера, который без отрыва от производства закончил институт «на отлично» и был послан на научно-исследовательскую работу. МУШКИН, не разбираясь в материалах дела, на первом допросе, будучи в пьяном виде, избил арестованного.

Ведь с МУШКИНЫМ и ЧИГРИНЫМ рядом работали и другие товарищи. И никто не считал нужным поднять вопрос об этих людях. Эти дела проверялись начальниками отделов, и вместо того чтобы принять решение по делу, находили исход — передать в следственную группу, где, мол, разберутся. Я считаю, что такой подход к делу несерьезный и непартийный. [...]

Тов. МАЛЬЦЕВ. [...] Я начну, товарищи, с того времени, как я приехал в органы НКВД по мобилизации ЦК КП(б)У. И конечно, нужно будет сегодня сказать партийному собранию, что мы, новые работники, то же самое заразились этим делом, не сумели выдержать до конца в чистоте порученное нам дело партией.

Я должен буду сказать, какие причины влияли на это. Я начну со встречи нас — мобилизованных — УСПЕНСКИМ. Нас было 150 человек. УСПЕНСКИЙ встретил нас таким призывом в части евреев. Правда, он обошел очень дипломатически. Мы сидели 150 человек, он вышел и говорит: «Знаете, что в годы гражданской войны люди прятались в органы ЧК, в годы НЭПа люди вышли из ЧК и начали торговать. В годы наступления по всему фронту против капиталистических элементов социалистического сектора люди начали опять хорониться в органах НКВД». Такая была встреча. Притом дальше говорит: «Вы новые люди, вступаете в органы НКВД, и у вас рука не должна дрожать. С врагом нужно говорить так, как нужно говорить. Кое-кто, может, и побоится, а кое-кого

нужно будет на первый случай повести, чтобы он принял «душ». Я пришел в Облуправление и начал работать помощником у ФАЛЬКОВСКОГО. И надо прямо сказать, что все-таки у него есть партийность. Он сразу меня послал к народу и говорит: «Ознакомиться, как люди работают». При этом знакомстве я встретился со всякими видами и всякими формами допросов, но меня он ориентировал на лучшее — умение применять физметоды.

Посмотрев методы следствия, думаешь: «Черт его знает? Очевидно, так нужно, большое засилие врагов». Есть установка руководства. Руководство приходит и показывает пример — как нужно делать. Между прочим, из наших товарищей кое-кто и высказывал свои мнения по этому вопросу, но это встречалось [начальством] не больше, не меньше, как...

Голос. Нежеланием вести борьбу с врагами.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Правильно. Да, притом — новые люди. Вот тут тов. КЛЕЙМАН говорит и обижается: прислали новых людей, они еще не знают наших методов работы. А вот я новый человек, когда я пришел, каким методам должен был учиться и каким методам меня научили работать?

Тов. КЛЕЙМАН. Об этом я и говорил.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Нет, тов. КЛЕЙМАН, ты забрасываешь не новизну. Я так понял — «новые люди, не знают методов, стиля новой работы», и что трудно с ними работать. Не все, конечно, старые работники есть настоящие большевики, и большинство таких. Значит, я говорю, что и моими руками тоже выполнялась воля врагов народа.

Теперь я хочу остановиться на вопросе партийной работы. Я с партийной работой знаком. Смотрю, неправильно, не по-партийному ставят вопросы. У меня это не укладывается в голове. Начал выступать, поправлять парторга ШАРАБУРИНА потому, что он все-таки вел неправильную линию в некоторых вопросах, а также против других. Но что получилось в конечном счете? Меня вызывали в кабинет и пробирали за критику, и вскоре я попал из области на район. Но я считал, что я ехал на район не выполнять чьи-то прихоти, а выполнять порученную мне партией работу, и я в районе оправдал доверие компартии.

Голос. А кто тебя вызывал, скажи?

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] ХАРИТОНОВСКИЙ, бывший начальник 3-го отдела КОУ НКВД, я уже об этом говорил. Я написал два заявления в парткомитет на ШАПИРО — бывшего зам[естителя] нач[альника] КОУ НКВД и на РУДЮКА. Написал заявление на ХАРИТОНОВСКОГО. За что я написал на ШАПИРО и РУДЮКА? За то, что с их стороны был явный зажим критики. Разбирался вопрос на партийном собрании, не помню о ком. Тов. ХОМУТЕЦ, подскажи.

Голос [ХОМУТЕЦ]. О КОВАЛЕНКО.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Нет, об одном сотруднике, которого послали в центральный аппарат, а на него пришла справка, что он был в Белой армии.

Голос. Это ЧЕРЕДНИЧЕНКО.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Тов. ХОМУТЕЦ выступает по этому вопросу — такая справка, что нужно арестовать, а выдвигают в центральный аппарат.

Выступает ШАПИРО и говорит: «Вы ничерта не понимаете, а может быть, это наши соображения».

ХОМУТЦУ осталось только замолчать. Правда, он все-таки не смолчал. После собрания вызывает меня в кабинет секретарь партийного комитета и начинает усыплять: «Знаешь, ты новый чекист, ты новый человек, не понял чекистского языка». Я сидел, сидел, думаю — ну что тут можно настаивать? Ну, ладно, говорю, разрешайте так, как Вы думаете.

Написал на ХАРИТОНОВСКОГО в парткомитет НКВД за то, что он меня за справедливую критику вызвал в кабинет и прорабатывал. Это не подняли на принципиальную партийную высоту. ХАРИТОНОВСКИЙ — нечестный человек, о нем здесь знают.

Хочу еще остановиться на вопросе об оперативной группе по Черкаскам. Поехал я в район, как новый человек, проработал три месяца. В Облуправлении приобрел «опыт» чекистской работы, и меня ставят на чекистскую работу, т. е. авось, может быть, где-нибудь завалишься случайно или неслучайно. Но откомандирование мое получилось на третий день после критики на партсобрании ХАРИТОНОВСКОГО. Ни больше ни меньше, была такая линия.

Я тов. ДОЛГУШЕВУ говорил: «Мне нужно еще под руками поработать, чтобы знать, за что схватиться». [ДОЛГУШЕВ:] «Ничего, там Черкасская оперативная группа поможет». Приехал я туда, произвел арест 16-ти человек. Меня перебросили на следствие других районов, а со своими арестованными ничего не делаю, и арестованные сидят. Люди идут отдыхать, а я в этот перерыв переключаюсь на работу с арестованными, арест которых я произвел.

Я, конечно, тоже, будучи в Черкассах, допустил ошибки. Но из 16-ти человек, которых я допросил, я только к двум применял до некоторой степени извращенные формы допроса. Я проверял арестованных, которые были ранее арестованы, и производил освобождения тех людей, которые, собственно говоря, у меня были под сомнением. Я освободил одного арестованного КИБУ. Он прошел по показаниям одного человека, который показал 35 человек. Во время подбора свидетелей по месту жительства мне заявляют, что большинство населения села были участниками банды, а он с 1919 года пошел в Красную армию и был в ней до 1922 года и с 1924 года до дня ареста был членом сельсовета. А его завербовал кулак. Я решил освободить его. Приезжает тов. ДОЛГУШЕВ. Я докладываю, что освободил такого-то. Он говорит, что надо проверить, чтобы врага не освободить. Проходят по показаниям, показания перекрываются — и надо арестовать. Я, правда, до сих пор его не арестовал.

Дело по Смеле с БРАЖНИКОМ — секретарем парткомитета. Мне было поручено вести следствие. Я вызвал арестованного, побеседовал с ним и выехал на место. Я встретился в первую очередь с партганизацией, которая держит под сомнением арест БРАЖНИКА. Я вызвал секретаря комсомольского комитета, и он прямо заявил: «Как вы хотите, какими материалами вы располагаете, я не знаю, но по тем материалам, которыми я располагаю, его посадили ни за что. Это был самый лучший товарищ в районе, пользовался лучшим авторитетом». Я проверяю.

Спрашиваю рабочих — говорят, лучший товарищ. Спрашиваю колхозников — говорят, лучший товарищ. Но мы свою работу должны строить не только исходя из субъективной колокольной, а надо считаться с настроением масс. Я проверил его лицо и по партийным документам, где записано, что БРАЖНИК выступал о первом секретаре, который осужден, бывшем директоре завода СУЛИМЕ — разоблаченный враг народа, СКВОРЦОВЕ, КАРЧЕВСКОМ — чужие люди, которые сидят в наших органах. Я написал рапорт по этому поводу, а сейчас слышу — КАРЧЕВСКОГО выдвигают в областное управление работать. Я не знаю, где этот рапорт находится. Мне известно, что когда получили мой рапорт, были суждения, что надо проверить. А я заявляю на партийном собрании, что если этих сотрудников привлечь к ответственности, их можно осудить скорее, чем они хотели осудить БРАЖНИКА. Он выступал на всех собраниях остро и клеймил вражеские действия, которые были в Смеле. Он выступал против сотрудников СКВОРЦОВА и КАРЧЕВСКОГО — законно, то, что они занимались самоснабжением, нарушением революционной законности.

Голос. Против самоснабжения и нарушения революционной законности.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Когда БРАЖНИК выступал на партийном собрании против сотрудников НКВД, против их самоснабжения, ему те же сотрудники сфабриковали дело на БРАЖНИКА — «право-опportunистическая практика на деле» — связь с врагом ОСИКОВСКИМ. Какая логика получилась? СКВОРЦОВ после исключения ОСИКОВСКОГО настаивает выдать месячное пособие ОСИКОВСКОМУ, БРАЖНИК отказывает, а он настаивает и объявляет, как член бюро РПКа, БРАЖНИКУ недоверие. БРАЖНИК просидел год и шесть месяцев. Сейчас я слышал, что он освобожден. Но как проходило освобождение? У нас получилось так, что приходишь к начальнику, скажешь свое мнение, а он своего мнения не скажет. А кто скажет свое мнение, а потом его вздернут, а начальник свое мнение не скажет. Я подкрепляю это фактами.

Я вел дело КНЯЖИЩА. Захожу к ТРОИЦКОМУ и говорю, что КНЯЖИЩА отказывается давать показания по сути ему предъявленных обвинений и отказался от тех показаний, которые он дал. ТРОИЦКИЙ заявил, надо показания добыть. ЛЫСАКОВ был нач[альником] оперативной группы и приходит ко мне от имени тов. ДОЛГУШЕВА и говорит, что есть приказ тов. ДОЛГУШЕВА — капитана — рассмотреть этого КНЯЖИЩА. За всякую цену нужно будет сделать его врагом. Я сказал ЛЫСАКОВУ, что этого не буду делать.

Голос. Так и сказал?

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Я все-таки этого не сделал, и последнее время вызвал меня ТРОИЦКИЙ с делом КНЯЖИЩА. ТРОИЦКИЙ побеседовал и дает приказание, чтобы я ехал в Белую Церковь собирать новый материал. Я вызвал КНЯЖИЩА и зашел за распоряжением, тов. капитан [ДОЛГУШЕВ] ходит по кабинету, а ТРОИЦКИЙ говорит: «Уезжайте домой». Значит, думаю, объявлено недоверие, раз не добыл материала.

[...] ЛЫСАКОВ, ХОДОРКОВСКИЙ, которые за 5 дней заканчивали по 50 дел по Черкассам. [...]

Тов. ХОМУТЕЦ. [...] Основное — это партийная работа. Грош цена работе, если не будет партийной работы. Здесь вчера тов. СЕРДЮК говорил, что, мол, стены не было. Это то стены не было, но ее ставили. Парторганизация, если и проводила партийные собрания, то они проходили исключительно формально.

Тов. ШАМРЫЛО. Никита Сергеевич на собрании парторганизации УГБ приводил пример, что коммунисты-чекисты считали, что у них начальник такой, против которого нельзя и рот открыть, а парткомитет — это такая организация, с которой можно не считаться. Аналогичное положение и у Вас.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Так оно и было. Нам, новым работникам, [которых] приводили работать в органы с партийной работы, показалось дико, что начальник в первую очередь, а потом парторганизация. [...]

Если мы, вновь пришедшие, начали выступать на партсобраниях, крыть начальников, то нас на второй день вызывали в кабинет и говорили: «Какое вы имеете право критиковать начальников?». Я говорю: «Позвольте, тов. ХАРИТОНОВСКИЙ. Я взят с партийной работы и беру на себя смелость сказать, что больше вас в ней понимаю. Я Ваш приказ не критиковал, а критиковал Вас как коммуниста, за Ваше непартийное отношение к делу». [...]

У меня был случай, когда я пришел к тов. РУДЮКУ и заявил, что у меня был инцидент с зам[естителем] нач[альника] области тов. ШАПИРО в отношении ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Мне потом сказали: «Как он тебя не арестовал?».

[...] Когда мы интересовались, где мы будем работать, нам просто сказали: «Пока вы подучитесь работать и будете работать по областям, а кое-кто — в центральном аппарате». Я лично ходил в отдел кадров к КРЕТОВУ и говорил, что поступают неправильно. Он сказал, что есть приказ УСПЕНСКОГО. Поэтому вас рассылают.

Второй вопрос. Я хочу остановиться на некоторых «марафетах», так их здесь называют. Работая в следственной группе, я столкнулся с двумя делами женщин, которых называли «польскими перебежчиками» — так написано в ленточке. Одна ЖИТКОВА, другая ФЕДОРЧЕНКО на Дымере. Эти два дела, очевидно, обошли всех следователей потому, что они были у нас месяцев 6.

В деле ЖИТКОВОЙ есть даже наша советская справка о том, что она с 1920 по 1924 год работала в учреждениях, а в справке пишут, что она в 1921 году перешла за границу.

Я внес т. ЛОСЕВУ предложение, что это «липа» и так или иначе нужно будет освободить. Тов. ЛОСЕВ сначала не согласился, но потом говорит: «Да, ее нужно освободить». Приходит ЛОСЕВ и докладывает ПАВЛЫЧЕВУ.

Второй факт. ФЕДОРЧЕНКО — [указано], что она полька, а ее мать и отец — уроженцы Барышевского района, украинцы-бедняки. Но ее отец был солдатом старой царской армии, и во время войны он был в Вильно. КОЧЕЛИСОВ пишет, что она полька, а она украинка, и пишет, что в 1921 году она перешла границу. А фактически она была на учительских

курсах в Полтаве. Я интересовался этим делом. ЛОСЕВ настоял на том, чтобы отдать обратно дело в Дымер потому, что нет ничего. Там собирают по 5 свидетелей, пишут «липу» и отправляют дела на совещание. Очевидно, эти два дела вернулись. Такая работа производилась, и результаты этой работы показывают, что часть людей попадает невинно. Нам внушали, что в первую очередь никакого освобождения не должно быть. Это не чекистский подход, что арестованных людей Вы не должны освобождать.

Тов. ШАМРЫЛО. Если по-чекистски подходить, то освобождения не должно быть. Прежде, чем арестовывать человека, надо подобрать материал, чтобы арестовать.

[Тов. МАЛЬЦЕВ.] Я говорю о людях, которые были арестованы по 500–600 чел[овек], которых арестовывали целыми пачками. Я говорю о той практике, о которой говорится в постановлении ЦК ВКП(б), что это была вражеская практика. [...]

Председатель. Объявляется перерыв на 10 минут.

Тов. КОСТЮЧЕНКО. [...] Я лично молодой работник в органах, работаю по мобилизации ЦК с марта 1938 года. Первые четыре месяца я работал в Облуправлении, а последнее время работаю Нач[альником] Райотделения. Как же я, как молодой работник, идя в район, освоил чекистскую работу? Сказать здесь о том, что я пришел для руководства райотделением подготовленным человеком-чекистом — это было, конечно, слишком скоро. Конечно, я был не подготовленным в достаточной степени, но сейчас с работой освоился. Придя работать в Облуправление, я встретился с таким фактом, что, будучи не в органах НКВД, я, конечно, не предполагал, что можно это делать — это в части применения физических методов воздействия к арестованным. Поскольку я попал в такую обстановку, где все старые чекисты делают это с большим усердием, я думал, что это так и нужно. Я, по совести признаться, очень рад, что первые два месяца попал работать к тов. ЛАВРЕНКО и он меня этому методу не учил. Впоследствии пришлось работать с т. ЛОСЕВЫМ, и он меня также подальше отводил от этого. Но сказать, что я, работая столько времени в органах, не приложил свою руку — было бы неправильно. В общем, товарищи, мы ошибок и извращений наделали очень много и их нужно исправлять самым решительным образом.

Я хочу остановиться на некоторых отрицательных вопросах, которые имели место в системе нашей работы, а именно: работая в оперативной группе в Броварах, я встретился с таким фактом. Арестованный без санкции прокурора не должен сидеть, а мне дают следственное дело, но арест не санкционирован прокурором. Бланки готовые есть, но не подписаны. Правда, мы это дело технически оформляли, но приводя этот факт, видно, что вся наша работа делалась наспех, не так, как полагалось нам делать — бешеными темпами, снимали людей, а соответствующей подготовки не проводили. [...]

Председатель. Товарищи, есть предложение предоставить слово тов. ДОЛГУШЕВУ, поскольку большинство выступавших товарищей в своих выступлениях касались главным образом руководства, что имеет прямое отношение к т. ДОЛГУШЕВУ.

Голоса. Дать слово.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Товарищи, решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза от 17 ноября 1938 года кладет конец всем тем безобразиям, которые были на протяжении ряда лет в работе Наркомвнудела. Последние два года нашей работы извращения в следствии и пренебрежение агентурной работой стали системой. В течение последних двух лет мы совершенно не занимались агентурной работой и в вопросах следствия допустили грубейшие извращения. Массовые аресты и упрощенческая форма следствия, которые были на определенном этапе, враги использовали в своих вражеских целях и избивали честные кадры нашей страны. Факты уже здесь приводились. Это имело место и на Украине, имело место и в Киевской области. Привилась также система, когда раньше сажали, а потом разбирались. Я в Киевской области работаю 6 месяцев, и мы знаем, что в течение этих 6-ти месяцев мы только разбираемся с тем, что насажали в течение марта и апреля месяцев. У нас были единицы арестов, а главным образом мы сидим на тех арестованных, которые нам остались с февраля-марта и апреля по массовым операциям.

Как людей сажали? Здесь особенно бросается в глаза мартовская операция, кажется, по белой контрреволюции. По неправильным шпаргалочкам посадили за одну ночь 500 или 600 человек, на которых не было никаких конкретных данных, изобличающих их в преступлении, и людей брали на раскол. Когда я пришел, большую долю этих людей освободили потому, что люди были ошибочно арестованы. Написано, что он белый офицер, но он и в армии не служил.

Я помню, в июне свыше 2000 человек сидело в тюрьмах Киевской области, которые в течение 3—4 месяцев не были ни одного раза допрошены. И естественно, что весь этот период приходилось разбираться в этой куче арестованных по массовым операциям, которые и на сегодняшний день есть. И естественно, в вопросах следствия весь чекистский аппарат был [ориентирован] не на разворот глубокого следствия, а на расколы. А там, где не удавался раскол, — на документацию свидетельских показаний. Весь аппарат так и работал. Особенно бросался 3-й отдел, где больше всего проводились массовые операции. Взять 1937 год, когда особенно начали входить во вкус извращенного следствия, и 3-й отдел всякие допросы вместо объективного следствия начинал с палки, весь аппарат знал об этом. РАКИТА был в отделении, он начинал допрос с палки, получал показания: один протокол — и следствие закончено. Никакого объективного следствия, и естественно, что кое-кто на этом деле погрел руки и наделал массу ляпсусов и извращений.

О вопросах палки здесь многие товарищи выступали и говорили, что кое-кто бил, применяли физические методы насилия. Все применяли эти методы насилия. Пусть кто-нибудь скажет, когда я пришел в июне, поветрие другое было насчет физических методов воздействия. На каждом оперативном совещании, в разговоре с каждым начальником отдела как ставился вопрос в отношении применения физических методов воздействия? Не трогать, под суд будем отдавать. Если к кому-нибудь нужно применять, то только с санкции Нач[альника] Управления. Даже после

того на второй день на оперативном совещании я заявил, что если нужно к кому-нибудь применять методы физического воздействия, я могу применять или мой заместитель. А что получается сейчас? Получается, что большинство следователей до последних дней конспиративно пользовались этими методами следствия. Когда ШАПИРО был секретарем, когда я пришел в Облуправление и я его каждую ночь гонял по двору, по коридорам, смотрел в окна два-три раза в ночь. Он ходил и смотрел, где следователи стучат арестованного, и ничего мы не находили. Так вошли во вкус извращенного следствия, что начали конспиративно работать. И сажали людей, сидели люди на гауптвахте, и это должно было насторожить людей. Когда я пришел в Облуправление, я резко поставил вопрос. И правильно отмечает решение Центрального Комитета — люди так вошли во вкус извращенного следствия, что некоторые стали это считать прямо-таки системой работы.

Или второй вопрос, который характеризует общее настроение коллектива чекистов. Помню июнь-июль месяцы, когда стоял вопрос о том, чтобы все дела послать на спецколлегию. Естественно, я поставил вопрос: «Мало того, что имеются показания, изобличающие его в том, что он член организации, но для характеристики этого человека, являющегося членом организации, к каждому арестованному нужно 2—3 свидетельских показания, характеризующих его как антисоветского человека, и сделайте ему очную ставку».

Дело прошлое, но народ-то в штыки это принял. Мне следователи очень много говорили, что это ненужное дело. Раз изобличается член организации, зачем нужна эта характеристика, свидетельские протоколы об антисоветской агитации и действиях и очные ставки? А это одна из форм упорядочения следствия. Народ крепко сопротивлялся.

Я говорю, эти факты являются элементом, характеризующим, насколько вы втянулись в извращенные формы следствия.

По вопросам применения физических методов воздействия. Я помню, еще работал в Наркомате, в Особом отделе, начальником отделения. Приезжал тогда из Москвы зам[еститель] Наркома БЕЛЬСКИЙ. Он же всем дал ясную установку на оперативном совещании работников Наркомата — шпик или участник организации — все равно он будет расстрелян. Так, чтобы взять от него — дайте ему в морду. Почему нельзя?

Все с одобрением отнеслись к этому. Помню, как постепенно началось применение физических методов воздействия. Пошло это с Наркомата, а глядя на Наркомат, и области начали применять эти формы следствия. Работники общаются, разговаривают между собой, как [обстоят дела] в той тюрьме, в той области и это стало системой.

Отсюда я делаю вывод, что это не местное явление, а это определенная система в следствии.

Так что здесь в вопросах извращения и тех безобразий, какие мы натворили в вопросах следствия по фактам извращений, которые имеются и в Киевской области, нам ни в какой мере нельзя снимать с себя ответственности. Мы все виноваты в этом, и в первую очередь виноват я, как начальник областного управления, хотя я и принимал ряд мер, но значит, плохо знал.

У нас и сейчас еще нет критического подхода к расследованию дел обвиняемых. Многими годами привилось такое чувство у работников: раз посадили, значит, виноват.

Вот здесь тов. ШАМРЫЛО уже бросил реплику: раз посадили — значит, виноват. Надо садить виновного человека. Но поскольку при массовых операциях много людей сажали при отсутствии каких бы то ни было материалов, это оказалось укоренившейся практикой у наших работников, и она переложилась и на другой период. Раз посадили — обязательно старались достать какие бы то ни было свидетельские показания, чтобы человек был осужден. Считали позором, когда арестован и его освобождают.

Было же такое явление. Культивировали такое настроение. Вот, например, молодой работник НАЗАРЕНКО. Он несколько свидетельских показаний округлил, на одном свидетельском показании сам подделал подпись. Молодой товарищ, взяли на работу в июле-августе, рабочий, член партии. Он говорит, что когда получил справку об аресте, считал, что надо обязательно оправдать эту справку, подтвердить ее, и он всяческими формами и методами ищет свидетельские показания.

Преступление — но человек совершил это преступление лишь потому, что не знал форм и методов следствия. Правда, о нем решался вопрос в более острой форме, но сегодня вопрос решен, и ограничились только 10 сутками ареста.

Мы часто садили людей по одному показанию. Вот получили показания от арестованного. Сколько он ни давал лиц, им завербованных в организацию, или известных организаций — их сажали, арестовывали. К этим показаниям у очень многих товарищей не было критического подхода.

И вот здесь я хотел остановиться на выступлении ЦИРУЛЬНИЦКОГО. Он неправильно ориентирует парторганизацию, когда рассказывает о случае — БРЯНЦЕВ и КАПУСТИН. Он ставит так вопрос: раз есть одно показание — сажай. Что это за БРЯНЦЕВ? Это один из работников пожарной охраны. Как он дал показания, что он шпион, а потом стал давать показания, что он участник Украинской националистической организации и завербован в эту организацию начальником городской пожарной охраны КАПУСТИНЫМ. КАПУСТИН сам русский. Это роли не играет — он тоже мог быть участником украинской организации. Я ставил вопрос: «Верите вы этим показаниям?». Все высказывали неверие этим показаниям. Я сам разговаривал с арестованным, сам усомнился и сейчас не верю этим показаниям о том, что КАПУСТИН является участником националистической организации. Я сам разговаривал с БРЯНЦЕВЫМ. Он держится своих показаний, правда, путанно, но держится своих показаний. Начинаем интересоваться другими данными. До дня своего ареста он был уволен пожарной охраной, и ставил вопрос сам КАПУСТИН. Причем ставился вопрос, что это вредитель и проч[ее]. Все материалы были известны БРЯНЦЕВУ, который работал у него помощником. Я лично, как начальник Управления, если я сомневаюсь в показаниях, то никогда не буду насиловать свою совесть. А у нас очень много было арестованных, и особенно среди бывших сотрудников, которые давали

показания неправильно, и они кого угодно завербуют в организацию. И если бы по одному показанию, а он обосновывает и обстоятельства вербовки, сажать людей, то очень много людей село бы.

Дело ТАУБЕ. Он сознался, что он враг, и очень обстоятельно пишет, что два районных отделения целиком завербовали. Он там и нач[альник] районных отделений, и оперативных уполномоченных завербовал. Посадили одного работника ФЕДОРЕНКО по его показаниям. Сидел ФЕДОРЕНКО и не дает показаний, а тот держится на своих показаниях. Хорошо, что других не посадили. И до тех пор, пока ТАУБЕ не пришел ко мне в кабинет и я с ним крепко поговорил, лишь тогда он сказал, что этих людей оклеветал, а настоящих людей скрыл. Если бы ориентироваться на одно показание, можно было бы много посадить.

Голос. ТАУБЕ на пятый день отказался от своих показаний.

Еще лучше. КОРНИЛИШИН был арестован. Отдел, в котором он был, знает об уйме сотрудников, которых он давал. Если бы был бесчестный следователь, он бы отхватил у него протокол, он бы его подписал — и посадили бы людей неверно.

Или ЯКОВЕНКО — был нач[альником] отделения. Он дал 60 человек, и если бы сажать всех, а он липу дает и на показаниях держится.

Или ТЕЛИШЕВСКИЙ. За один вечер дал 90 человек. Он держится на своих показаниях и настаивает на этих показаниях. И если бы пойти по этой линии, можно было бы дров нарубить. Нельзя ориентировать на арест по одному показанию без критического подхода к ним.

У нас в оперативных целях еще много есть проходящих по одному показанию. И никто никогда, если это не веско, санкцию на арест, особенно в нынешних условиях, не даст.

Мы уже за последнее время имеем неединичные случаи поверхностного, верхоглядского отношения к арестам. В октябре и ноябре во всех оперативных отделах имеются казусы с арестами. Людей необоснованно арестовывают, а когда дают следователю, он через несколько дней должен ставить вопрос об освобождении.

Даже за последние октябрь и ноябрь месяц было много казусов и наберется десяток таких людей, а поэтому неправильно будет ориентировать, что если есть показания — сажай. Не каждому показанию нужно верить. Враг в тюрьме способен на все. Прежде чем арестовать — подумай, а главное — не насилуй свою совесть. Если не веришь в показания — не ставь вопрос об аресте.

Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома внесло ясность во все эти вопросы. Основная болезнь и основная причина, как уже отмечено выше ЦК ВКП(б), в том, что наши работники — наркомвнудельцы, коммунисты ушли от глаза партийной организации, прикрывались специфичностью своей работы, засекречивали формы своей работы, не работали над собой, над повышением своих знаний, а отсюда и натворили безобразия, за которые приходится расплачиваться.

Здесь и на собрании в Наркомате выступили товарищи и говорили о «китайской стене». Нельзя этим прикрываться. Если человек чувствовал безобразия и преступления, то никакой стены у него не было до Горкома

или Обкома партии. Сейчас люди ходят, разговаривают. А почему полгода нельзя было пойти?

Несколько слов о кадрах. Я вспоминаю оперативное совещание, как-то зимой или осенью, когда был здесь тов. ЕЖОВ. Я работал тогда в центральном аппарате. На широком совещании работников Наркомата одним из основных вопросов был вопрос о кадрах. На этом совещании присутствовал Никита Сергеевич. Как ставился вопрос? БАЛИЦКИЙ десятки лет с Украины никого не пускал и на Украину никого не брал. Кадры чекистов на Украине имеют солидную засоренность, а поэтому их надо освежить. Вопрос прямо ставился, что ничего вредного не будет, а партия от этого только выиграет. Если ИВАНОВ, который сидел в Одессе, поедет в Орел, а из Орла СИДОРОВ приедет в Одессу. Свежая обстановка, новые люди — и лучше будет для дела. Такая была установка, и все приняли ее как совершенно правильную. Ну, а теперь мы видим, что это дело иначе представляется. Эти указания в условиях Украины, как видно, были крепко извращены и использованы врагами.

Кадры чистились и будут, конечно, чиститься. Это необходимое условие. И у нас в области есть еще от кого надо избавиться. У нас еще есть и дочки попов, и немалое количество сыновей торговцев. Есть и люди, ближайшие родственники которых расстреляны.

Сейчас, поскольку идет просмотр этих кадров через Обком, эти люди, несомненно, будут освобождаться от работы в органах УГБ. Это, естественно, вызовет уйму различного рода толкований, неправильных толкований, и кое-кто сейчас это дело пытается использовать и предупредить события. Это неправильно.

В отношении антисемитизма. Здесь очень крепко ставится вопрос. Я заявляю, что я ни от кого никогда никаких указаний в части каких-либо антисемитских деяний не получал. Но что же из всей практической деятельности была видна линия. Я могу привести несколько примеров.

Вот здесь уже приводили пример по линии отдела кадров с набором курсантов. Приведу такой пример. Когда представляли к наградам и значкам «Почетного чекиста», ряд лиц не прошли — то ли по наличию компрометирующих материалов, хотя у ряда товарищей незначительные компрометирующие данные были, то ли по другим причинам, но это резко бросается в глаза.

В частности КЛЕЙМАН представлялся к значку и еще ряд товарищей. В чем тут причина — компрометирующие данные помешали или были соображения антисемитского порядка?

Или вот второй вопрос. Из области забрали очень много людей. Особенно во время событий на западе. В одну ночь получили распоряжение отправить 36 человек, и туда попало очень значительное количество евреев. Это товарищи, которых тогда отправляли в Особые органы.

Как у нас проводилась эта линия? Я не анализировал положения до моего прихода сюда. Но с июня месяца, когда я пришел в Областное Управление, у нас не было откомандирования оперативных работников — евреев, а если и было, то 1–2 человека, а главным образом были откомандированы русские, украинцы.

Или второй вопрос. Чем объяснить, что когда я пришел, у нас было очень незначительное количество евреев, а сейчас в аппарате Облуправления почти 50% евреев. Так что тут факты немного противоречат.

Тут из отдела кадров выступал, кажется, ТАЛАЛАЕВСКИЙ или КИСЕЛЕВСКИЙ и приводил факт о ХОДОРКОВСКОМ, что он не представлен на утверждение в Обком на должность начальника райотделения потому, что он еврей.

ХОДОРКОВСКИЙ сам сын торговца, жена — дочь торговца. Конечно, он Обкомом не будет утвержден начальником райотделения. Начальник райотделения — номенклатура ЦК ВКП(б), и мы просто не будем представлять на утверждение Обкома и Обком нам не утвердит. Начальники Райотделений, которые сейчас будут утверждаться, должны быть кристаллически чистыми людьми. Это будет основой всех основ.

У нас большое количество начальников райотделений не будут утверждены по линии Обкома по наличию компрометирующих данных независимо от их национальности.

Есть у нас работник КРАКОВСКИЙ. Жаль, его нет на партсобрании. Мне несколько человек уже говорят, что он свое непродвижение пытается объяснить тем, что он еврей.

С ним не говорили, но, возможно, придется ему прямо сказать. Вот здесь на собрании достаточно охарактеризовали его лицо по следствию, а я могу еще больше сказать. Тов. МЕДВЕДЕВ ко мне дважды приходил с такими агентурными данными в отношении КРАКОВСКОГО, которые, пожалуй, дают основание к тому, чтобы вообще освободиться от него в органах УГБ. А он представляет так, что его не продвигают потому, что он еврей.

Или такой пример — начальник райотделения ГАРЛИЦКИЙ. Внешне парень ничего. Мы выдвинули его с пом[ощника] Уполномоченного начальником райотделения. Он это расценил, что, мол, еврея выжили из Киева, послали на периферию, а ему дали большое выдвижение. Сейчас по наличию компрометирующих данных, которые получены, т. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ и еще ряд товарищей — они знают, он не будет утвержден начальником райотделения. Он теперь тоже может сказать: «Меня не утвердили лишь потому, что я еврей».

Чтобы отдельные товарищи не использовали это положение в своих личных, шкурных интересах, а такая тенденция кое у кого есть, кое-кто рассматривает вопрос, что будет. А пока я предупреждаю события, а это неверно.

Выступал т. ХАИТ. Вчера он отсюда с возмущением рассказал, что 5 лет он работает и не продвигается, а рядом со мной пом[ощник] оперуполномоченного работает, выдвигается. Характеристику дают хорошую, но не продвигают. Тов. ХАИТ, я Вами интересовался, но по наличию компрометирующих данных нельзя Вас продвинуть, а Вы неплохо работаете. Отдел кадров познакомит Вас с компрометирующими данными. Надо проверить. Кадры надо чистить. У нас есть люди, к которым ничего нельзя иметь, но от работы надо освободить. Чем чище будет аппарат, тем

лучше будет для работы. Мы аппарат чистим и будем чистить, невзирая на то, что он русский, украинец и еврей.

Сейчас на собрании вопрос не так остро ставился, он немножко смягчается, а в кулуарах вопрос резче ставится об антисемитизме. Но имеется на этот счет вторая крайность, это недоверие к людям, которые приехали на Украину. У нас имеется ряд товарищей, которые приехали из Воронежа, Самары, Горького. Имеется недоверие к этим людям, а по этому вопросу никто не выступал. Это неверная, непартийная постановка вопроса.

В отношении молодых кадров. Здесь тов. МАЛЫЦЕВ выступал и говорил, что неверно, когда нас взяли в органы, подержали 3–4 месяца и отправили в район. Формально якобы выдвинули, а по существу — избавились. Неправильно. Нач[альник] Райотделения — это большая номенклатурная единица, и нач[альником] райотделения Вас выдвинули, как человека, способного разобраться в обстановке.

И сейчас такое положение. Мы через Обком партии набираем грамотных, политически развитых товарищей, техников, агрономов. И я сейчас заявляю, что они побудут месяц-полтора, и кто из них будет наиболее резко выделяться по своему развитию и партийному подходу, по разрешению вопросов — будем посылать в район нач[альниками] райотделений. С этой целью мы их берем. Так этот вопрос поставлен перед Обкомом партии, и он идет нам навстречу, подбирая наиболее квалифицированные кадры. Иначе мы останемся без нач[альников] райотделений. Так как другой возможности комплектования у нас нет. [...]

Кстати сказать, эти 5 товарищей, которые взяты по мобилизации ЦК и посланы нач[альниками] райотделений, не в упрек многим старым начальникам райотделений, они работают не хуже их. Хотя здесь или скромностью, или причинами нежелания работать в районе, они объясняют это дело иначе. Так что молодых товарищей, которые сейчас приходят в органы, а их много, надо смелее обучать, и обучать непосредственно в отделениях.

Я считаю непартийной постановкой вопроса, когда кое-кто из работников ставит передо мной вопрос — дайте старые кадры, дайте стариков потому, что их не нужно учить. Я считаю это неправильной и непартийной постановкой вопроса. Быстрее выучивайте людей, а премудрость здесь очень небольшая. Для того чтобы правильно, с партийной душой допрашивать человека — на это дело не надо квалифицироваться годами. Надо смелее учить и выдвигать людей.

Поскольку говорили о справках, которые составляются отделом кадров, я хочу пару слов о них сказать. Последнее время я по этим справкам разговаривал с рядом работников. Были такие справки, где было много лишнего. Справки захламлены. Какая тут причина? Отдел кадров, я уже не один раз им говорил, работает старыми методами страховщика и страхует себя. Пишут в справку все материалы, которые имеются в личном деле в процессе проверки. Я уже говорил МАРЧЕНКО, он приезжает в Киевское Облуправление со справкой наличия компрометирующих данных на двух листах. И чего там только не было написано, а в конце пишется — все эти факты не подтвердились. Эта перестраховка в работе

отдела кадров заставляет их «на всякий случай» написать все, что имеется в материалах спецпроверки, а там пусть проверяют. А когда справку получают в Москве или в Отделе кадров Украины на листе или двух о дяде, тете, маме, папе, то человеку ставится перегородка к его продвижению. Поэтому по линии Отдела кадров надо отказаться от такой перестраховочной работы составления справок, и тогда, естественно, справки расчистятся.

Вопрос в отношении моих личных связей с УСПЕНСКИМ. Судя по некоторым выступлениям, можно сделать вывод, что заподозревают мое продвижение и прочее. Как я был выдвинут на эту работу? Когда приезжал сюда тов. ЕЖОВ, был устроен ужин, и на этот ужин пригласили орденосцев. Я был тогда начальником отделения, и из т[ак] н[азываемых] оперов был один и потом, кажется, КОРКУНОВ.

Так вот тогда т. ЕЖОВ сказал: «Надо выдвигать молодые кадры. Вот оперы. И показывает на меня — вы опер. Вот оперы и должны быть заместителями начальников НКВД». И вскоре после этого я был назначен Начальником 1-го отдела. Проработал там месяцев 2 или 2 с половиной и потом был направлен сюда в Киевское Областное Управление.

У меня лично с УСПЕНСКИМ никаких личных связей и взаимоотношений не было, кроме одного: есть, будет исполнено. Все, наверное, уже слышали и знают стиль работы УСПЕНСКОГО: окрик и мат.

В каком почете я лично был у него? Об этом также знают все руководящие работники Наркомата. Каждая встреча в отношении меня была такая: «Вы ничего не делаете. У вас ничего нет. У вас нет агентурных разработок. У вас нет дел по следствию. У вас нет организаций».

У меня единственный ответ всегда был такой: «До меня насажали тысячи, с этими тысячами надо разобраться». Что, естественно, вызвало злону у УСПЕНСКОГО. Это было на глазах у всего руководящего состава Наркомата.

А в последнее время начались разговоры: «Вы не справляетесь со своей работой». Его любимым выражением было: «Партия с вами сделала большой эксперимент».

И в последнее время — не знаю, интересно это для собрания, или нет — перед Октябрьскими праздниками ставился вопрос о снятии меня с работы и переводе на работу в Милицию, как не оправдавшего себя на оперативной работе — не было дел, не было крупных организаций. Со мной по этому вопросу вели разговоры. Я от этого категорически отказался, сказал, что буду разговаривать с Никитой Сергеевичем. После чего он сказал: «Я сам поговорю и потом вам сообщу». Так это и осталось.

Это же не единичный случай, когда на оперативных совещаниях Наркомата, на которые я иногда приглашался по общим вопросам, он начинает: «Вы ничего не делаете. У нас ничего нет. Вы не выполняете моих указаний. Вы претендуете, может быть, на большее — садитесь на мое место». Это же делалось на глазах всего Наркомата, а я все же начальник Областного Управления.

Или в отношении чистки аппарата. Сколько было звонков, причем его звонок всегда сопровождался сначала руганью, а потом разговором.

В отношении чистки кадров, это тоже в присутствии людей было. Поставим вопрос в ЦК, это антипартийный подход, не чистите кадры и прочее.

Естественно, вот это дерганье, критики и окрики сказывались и на моей работе в Областном управлении.

Об отношении к людям. Я все же не согласен, когда говорят: «Не ходили, боялись и прочее». Неверно. Вероятно, этот кабинет никогда в жизни не имел столько посетителей, сколько теперь ходят. Дверь же круглые сутки открывается и закрывается. Все идут — и по личным, и по служебным, и по каким угодно делам. Разве кого-нибудь задерживают? Ну, а насчет боязни, тут кто-то выступал, что даже начальники отделов боятся заходить. Я не знаю, начальники отделов бывают по несколько раз в день. РОТШТЕЙН выступал, что он боится заходить, а он у меня был нередкий посетитель, и мы с ним не так уж редко разговаривали. Не знаю, на основании чего он так заявляет?

А насчет неприветливого взгляда, тут один говорил — я вообще такой человек. Так что это не показатель отношения к людям.

Ну, что касается грубости — элементы, несомненно, были. Но я очень многим говорил, причем слушали это с большой неохотой: «Не смотрите в глаза, что скажет начальник». А некоторые смотрят в глаза, не высказывая своего мнения, ждут, что скажет начальник, то будет сделано. Это большая черта кое-кого из товарищей. И я опять-таки говорю — товарищей, которые чувствуют за собой наличие компрометирующих данных.

Это обстоятельство лишний раз говорит о том, что нам надо чиститься по линии кадров. Меньше будет подхалимов. Меньше будет людей, заглядывающих в глаза начальнику.

Несколько вопросов, на которые я просто хочу ответить. Тут КЛЕЙМАН поставил вопрос о ДАЛЬСКОМ. С ДАЛЬСКИМ я работал в Наркомате самое большое полтора месяца, и то работал не с ним, а совершенно в другом корпусе. ДАЛЬСКИЙ работал на следствии. Причем он не был у нас в парторганизации, а где-то в УШОСДОРе. И эти данные, что якобы его исключили из партии или он анархист, — эти данные стали известны уже теперь. [...]

Я хотел в качестве последней задачи предупредить ряд товарищей — а такие сейчас шарахания уже имеются — при разборе дел после решения ЦК и Совнаркома кое-кто из товарищей бросается в крайности. Надо все дела обвиняемых, которые сейчас имеются, расследовать с партийной душой. Если будет механический подход к освобождению, мы опять станем на путь тех ошибок, которые мы делали до сих пор, и будем освобождать из тюрьмы врагов.

Я думаю, что наш коллектив в основной своей массе здоровый, крепкий коллектив, и те ошибки, те безобразия и вражеская деятельность, которая была проведена в органах, мы в ближайшее время сумеем ликвидировать.

Тов. КУПКО. [...] Еще хочу остановиться на т. ДОЛГУШЕВЕ. Тов. ДОЛГУШЕВУ нужно учесть в отношении грубости. Я был свидетелем того, как т. ДОЛГУШЕВ пробирал т. РЕВУ — Начальник отдела кадров. Если

бы это ко мне относилось, я все-таки рядовой работник, а это начальник отдела кадров — коммунист. Он не выполнил какое-то распоряжение т. ДОЛГУШЕВА. Тов. ДОЛГУШЕВ хотя бы постеснялся меня, все-таки я меньше по чину и прочее. Он его так грубо изругал, что мне было просто стыдно. Там был и т. ЛОСЕВ. Он тоже смотрел вниз. А РЕВА растерялся, трус — бумажки держит, а они у него падают из рук. Я считаю, т. ДОЛГУШЕВ, что Вам, как коммунисту, нужно будет это учесть. Нужно, конечно, и поругать, и подстегнуть. Иначе, если не держать в руках, то все расплывается. Но так «воспитывать» начальника отдела кадров в присутствии меня — это нехорошо с Вашей стороны.

Теперь хочу сказать об арестах, которые производились. Я и сам их производил, и был свидетелем.

Голос. И был диспетчером.

[Тов. КУПКО.] И был диспетчером, и анкеты заполнял, всю черновую работу выполнял вплоть до перевозки в тюрьму.

Бросается в глаза эта знаменитая «мартовская операция». Было так. Вызывает БАБИЧ меня и еще несколько человек, в том числе и РАКИТУ, и передает: «Нарком приказал за сегодня и завтра арестовать 500 белых и украинских офицеров. Нужно вскрыть офицерские организации на Украине, ибо в Москве уже вскрыты, а мы здесь задних пасем». Поэтому Нарком дал задание за день-два арестовать 500 человек. Ну, что же — есть. Пошли к ПЛОСКИНУ, он белыми офицерами заворачивает — давай учет. У него всего было 50 формуляров, а нужно 500. Где же взять? АЛБТЗИЦЕР подсказывает, что в УСО имеются списки 1922—1923 гг. Это списки широкие на типографской бумаге, со всеми данными. На основании этих списков мы составляли списки для Наркома, а Нарком писал: арестовать, арестовать.

И получилось, что неизвестно из каких документов составлены эти списки. Мы арестовывали людей по ошибке. Например, ПЕТРОВ Иван Иванович, а он офицером никогда не был. Или жена полковника, а она от рода батрачка. У нее просто совпали фамилии, имя и отчество с женой какого-то полковника. Эти люди потом сидели по несколько месяцев, передавались от следователя к следователю, своевременно не освобождались.

Это получалось именно в результате боязни. Тов. ДОЛГУШЕВ говорил на оперативных совещаниях о неверии в дела, у кого «хвост», «неверие в дела — будут помнить». Как тут быть? Если придешь и скажешь, то услышишь: «Ты не веришь, а ну-ка, парень, держи «хвост». (Смех.) Я лично так понимал, и не только я, а и другие.

Тов. ДОЛГУШЕВ. А как же освобождали, человек 200 освободили?

[Тов. КУПКО.] Постепенно, а чтобы сразу с большевистской смелостью довести до конца — этого не было. У нас были сотрудники ХАЛЕМСКИЙ и САГАЛОВ. Бывший зам[еститель] Нач[альника] ТРОИЦКИЙ говорил об арестованных: «Нужно их как-то оформить». Оформляли, оформляли — ничего не выходит. Тогда «знаменитый» следователь ГОТКИС пишет обвинительное заключение: «Установлено, что САГАЛОВУ было известно о шпионской деятельности его родственников по жене».

Я говорю ГОТКИСУ: «Зачем же дело САГАЛОВА посылаете на Особое Совещание, когда установлено, что он знал о шпионской деятельности?».

Он отвечает: «Так нужно сделать». Подписывает и дает на утверждение начальнику области или заместителю.

Я считаю это нечестным, непартийным поступком. В деле этого нет, а говорят — нужно так сделать. Я считаю, это в корне неправильно. Так можно сфабриковать липу.

Как получилось в отношении БРЯНЦЕВА. Я писал справку на Тройку. Это было приблизительно в сентябре. Мне БЕРМАН говорит — напиши по этому делу справку. КАПУСТИНА я вообще знал, но не знал, арестован он или нет. Я написал, что его завербовал ТАЛАЩЕНКО, как польский шпион, а потом написал о КАПУСТИНЕ, как участнике украинской националистической организации.

Тут приходит БОЙКО и говорит: «Нельзя это писать». Как нельзя? Пусть даже не арестован, но этот же документ не идет в газету. Я там тогда не понял — почему КАПУСТИНА вычеркнули? Сейчас мне становится яснее.

Забота о людях. Я здесь хочу привести пример. У нас есть т. ФАЛЬКОВСКИЙ. Из разговоров сотрудников и по работе т. ФАЛЬКОВСКИЙ считается на хорошем счету, как работник. И вот получилось, что ФАЛЬКОВСКИЙ заболел. Нужно было вызвать к нему врача, причем хорошего врача. Это стоило больших трудов. ШИК и я звонили в Санотдел, говорили, что это начальник отдела, думая, что, может быть, пошлют хорошего врача. Правда, в конце концов добились, что по настоянию тов. ДОЛГУШЕВА был послан профессор.

Тов. БОЙКО, как нач[альник] отдела, который знает об этом, взял бы и пошел на квартиру. Мы к ФАЛЬКОВСКОМУ пришли, а он говорит, что кроме Вас — шпингалетов — никто не приходит. Раз товарищ хорошо работает, а постиг его несчастный случай, надо к нему пойти. С товарищем БОЙКО ничего не стало бы, если бы он пошел и спросил, в чем он нуждается, может быть, у него даже денег нет.

Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ. Справка. Товарищи, я хочу дать справку по поводу выступления по моему адресу т. СТРОИЛОВА.

Перед этим хочу сказать два слова. Выступавший т. ПОКОТИЛО правдиво заявил, что его заставили доложить на Тройку дело некоего ВАСИЛЬЧЕНКО, который получил 10 лет, в то время когда он, ПОКОТИЛО, был убежден и доказывал, что ВАСИЛЬЧЕНКО невиновен. Тов. ПОКОТИЛО в своем выступлении подчеркнул, что работники не имели своей воли и вынуждены были выполнять вражеские указания вышестоящих начальников.

В таком духе также выступал на собрании тов. МАЛЬЦЕВ. Я тоже в числе многих сотрудников очутился в таком положении.

К примеру — о справке МИХАЙЛОВА, которую я составил. Вот перед нами выписка из справки, которую я составил на МИХАЙЛОВА. Эту выписку мне только что во время перерыва отпечатала на машинке наша машинистка...

Голос. Зачитай.

«Родной дядя МИХАЙЛОВА — МИХАЙЛОВ Филипп — в 1935 году арестовывался за контрреволюционную троцкистскую деятельность, но

был освобожден. В 1936 году был вторично арестован и следдело на него было направлено на Особ[ое] Совещание.

По сообщению Кировского Горотдела НКВД, связь МИХАЙЛОВА с его дядей не установлена. По сообщению Путиловского Горотдела НКВД, МИХАЙЛОВ поддерживал связь с его двоюродным братом БАГНЮКОМ, антисоветски настроенным и арестовывавшимся в 1931 году. По этому поводу МИХАЙЛОВ пояснил, что с двоюродным братом БАГНЮКОМ он виделся в 1933—1934 г. во время отпуска.

И после того как эта справка была представлена в Отдел кадров НКВД УССР, по телефону вызвали в Отдел Кадров б[ывшего] начальника Отдела кадров т. КАРЦЕВА, меня и ТАЛАЛАЕВСКОГО. И там старший инспектор Отдела кадров РИВИН начал нас брать в оборот за составление «липовых» справок и начал с личного дела МИХАЙЛОВА. Смотрите, утверждал РИВИН, в материалах спецпроверки МИХАЙЛОВА есть материалы, явно говорящие о том...

Тов. ТАЛАЛАЕВСКИЙ. Справка УСО.

...что МИХАЙЛОВ — польский перебежчик, служил в польской армии и т. д., а вы этого не указали.

Я начал доказывать РИВИНУ: «Позвольте, ведь это не установлено, это справка УСО. А мы в справках на сотрудников обязаны указывать только то, что уже установлено, мы должны и справки на сотрудников составлять объективно».

РИВИН настоял на своем, дал распоряжение начальнику отдела кадров КАРЦЕВУ пересоставить справку.

У меня с РИВИНЫМ и недавно произошел инцидент, о котором я уже здесь говорил.

Я составил справку на одного из наших оперативных работников, и РИВИН стал требовать от меня включения в справку неуказанных мною «компрометирующих» материалов, которые, на мой взгляд, никакого отношения к этому работнику не имеют.

Голос. Назови фамилию.

Хорошо, я на партийном собрании могу назвать — ШЕЙНКМАН. И вот в споре из-за этой справки я вынужден был выругать РИВИНА, и тот меня начал выгонять из кабинета.

Вот как на нас нажимали. РИВИН явно хотел оклеветать т. ШЕЙНКМАНА. Я был против.

Я, товарищи, по отношению к справке МИХАЙЛОВА признаю свою вину о том, что я тогда не отстоял себя. Я выполнил распоряжение т. РИВИНА и КАРЦЕВА, вставив в справку материалы по указаниям РИВИНА. В этом моя ошибка. Поверьте, товарищи, что я не настолько испорчен, чтоб составлять фиктивные справки на наших сотрудников.

Объявляется перерыв до следующего дня. [...]

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ КОУ НКВД.

16 декабря 1938 г.

Председатель. Есть предложение продолжить собрание. Слово имеет тов. КУПЫРИН.

Тов. КУПЫРИН. [...] Я работаю здесь год. И по приезду этот жулик, я прямо скажу, проходимец ВОЛКОВ — бывший начальник IV Отдела — какую он линию занял? Я виноват, как коммунист, но и виноваты все. Он с первого дня своего приезда начал вызывать следователей с делами — у товарищей было десяток-два дел, а у меня было около 300 дел. Он вызывает меня и говорит: «Почему вы явились без дел?». Я говорю, что у меня 300 дел. Он говорит — принесите десяток. Я пришел, он берет пачку следственных дел, пускает¹⁵ их у себя в кабинете и говорит: «Вон отсюда». Я говорю: «Не пойду, во-первых, нужно дела собрать, а во-вторых, нужно знать — за что гоните». Подробности не буду рассказывать, но из кабинета я не ушел. Приходят т.т. ВИНОКУР, УРАЛОВ, и он их так же принимает. Я схватился за голову и думаю: «Что делать?». ВИНОКУР пытался покончить жизнь самоубийством, но ведь парторганизация знала об этом, однако мер не приняла. ВОЛКОВ липогон. Я знаю, что он работает Начальником Облуправления, но в свете этих событий и такого документа, как постановление ЦК партии, я уверен, что к Волкову примут меры. У ВОЛКОВА была группа подхалимов, как, например, КАНЕВСКИЙ, который вместо руководства открывал двери и смотрел, сидят сотрудники или нет. У меня лично, когда КАНЕВСКИЙ раза два открыл дверь, говорю ему: «Заходите, что Вы смотрите». Вот какое было руководство. У ВОЛКОВА был свой любимец, оказавшийся врагом, — КОГАН. Это всем было известно в то время, но боялись схватить за голову КОГАНА и сказать, что ты враг, а его и ВОЛКОВ и КОРКУНОВ тащили к себе на работу. Когда КОГАНА уволили, КОРКУНОВ брал его к себе, ВОЛКОВ телеграфировал и т. д.

[...] Как настоящее руководство, исправляло ли эти ошибки или углубляло? Я хочу сказать, что исправления ошибок не было. Руководство шло в том же направлении. Эти извращения, по-моему, шли по двум направлениям: в первую очередь в направлении того, что неправильно вражескими методами проходил допрос. И второе, неправильное руководство — контроль в этих делах.

Я хочу остановиться на работе Тройки. Что меня возмущает? Арестованных били — это не новость. Всем было известно, что били все, не бил только тот, кто работал в канцелярии и в буфете, а кто соприкасался с арестованными — все били. Почему у нас, большевиков-коммунистов, в то время не хватило духа поставить этот вопрос? Если бы мы поставили этот вопрос в ЦК, мы бы, конечно, много выиграли и меньше было бы ошибок. Я присутствовал на Военной коллегии, людей приготавливали за минуту, и часто можно ударить арестованного по харе, а в составе Военной коллегии были военные юристы всех рангов. Были и шершавые дела, но на Военную коллегия мы давали заклятых врагов. Некоторые показывали, что зубов не было, но это не смущало прокурора на это неправильное действие. Но все знали, что враг народа УСПЕНСКИЙ задавал тон. Очередность пропущения на Военную коллегия, как готовить арестованных на Военную коллегия, — из этой технической работы

¹⁵ Імовірно, «розкидає».

получилось совершенно другое. Или подготовка на Тройку. Что было на Тройке? Присутствовал секретарь Обкома т. ЧЕРЕПИН. Как проходила работа? Если что-нибудь сомнительное в деле — допросить и через час доставить дело на Тройку. Такой был метод рассмотрения дел. Явно, что тут работа проходила с большими дефектами. Сейчас это для нас стало ясно.

Сейчас приведу такой факт. Допрашивают арестованного. Он дает показания, называет участников организации, в которой он состоял. Но почему-то после его показаний не арестовывают, а арестовывают после того, как Военная коллегия выносит приговор. А потом в две минуты — справки, и через час арестовывают по его показаниям.

Это был неправильный метод работы. ЦК партии правильно говорит. Об этом знали большие люди. Это значит, что мы лишены возможности сделать очную ставку, чтобы объективно подойти к делу.

И так уже вошло в систему. Раз одно колесо зацепило, на путь встало и т. д., так оно и пошло.

О руководстве т. ДОЛГУШЕВА. Он руководил шпаргално, а эта шпаргалка была составлена на мате, на грубости. Правда, в своем выступлении т. ДОЛГУШЕВ сказал о своем взгляде. Ваших взглядов никто не боится, а больше всего боялись мата, руководства, какое Вы осуществляли.

За все время работы на меня никто никогда не кричал потому, что я был дисциплинирован, активен, умею работать. А вот как попал сюда, то тов. ДОЛГУШЕВ ежедневно ругал. Правда, за дело ругал, но больше всего без дела ругал. Я говорю: «За что Вы меня ругаете?», он говорит: «Вы лодырь-симулянт». Я встаю и говорю:

- Тов. ДОЛГУШЕВ, Вы на меня не кричите.
- Я нервный.
- Я тоже нервный.

Я же не лодырь. Он же сам говорил: «Смотрите, т. ЧЕРЕПИН, КУПЫРИН столько ночей не спал». ЧЕРЕПИН еще смеялся: «Если бы он столько работал в другой организации, то ему дали бы десять суток отпуска».

ДОЛГУШЕВ говорил: «Я посылаю тебя поднять работу в Спецотделении». Правильно, но что получилось? Звоню ему, что такие-то неполадки. Он говорит: «Какое мое дело?». Я ему говорю: «Какие у вас кадры — большинство с хвостами, настоящими отшлифованными грязными хвостами». Тов. ДОЛГУШЕВ говорит: «Какое мое дело? Если вы хотите, я их завтра уберу, а с вас работу буду спрашивать». Или говорит: «Вы сами снимите, я не начальник отдела кадров». Ну, вы сами знаете, как можно говорить ДОЛГУШЕВУ. Я считаю, что это неправильное руководство, когда он говорит, «найдите людей». Да, это не мое дело. Если бы хотя бы была возможность искать. Я РЕВЕ говорил тысячу раз. Тов. ДОЛГУШЕВУ [говорил:] «РЕВА не посылает». «А Вы что делаете?» — отвечает мне т. ДОЛГУШЕВ. Я говорю: «То, что полагается в 1-м спецотделе делать».

Тов. ДОЛГУШЕВ признал: «Я, говорит, грубый, но это на взгляд».

Тов. ДОЛГУШЕВ, мы Вашего взгляда не боимся, а Вы были грубым, как человек. Была масса случаев, когда Вы мне грубили и при моих подчиненных и при начальниках отделов.

У нас был ПРОСТОТА. Действительно, простота со всех сторон. ДОЛГУШЕВ его и ругал со всех сторон. Приходит ко мне ПРОСТОТА и говорит: «Голубе, что делать? И ругает, и ругает ни за что ни про что. Я даже не понимаю, за что ругает». Он же ПРОСТОТУ знал.

А то бывает такое: вызовет меня и АЛЬТЦИЦЕРА — указания дает АЛЬТЦИЦЕРУ, а спрашивает с меня. Я уже говорил, раз так, то пусть уж дает указания в моем присутствии.

Все говорили об этом, но по-большевистски вопроса не поставили.

Теперь о вражеской деятельности, которая шла из центра, от врага УСПЕНСКОГО. Я Вам приведу характерный пример по вопросу отчетности. Составляем отчетность, т. ДОЛГУШЕВ смотрит и говорит: «Это липа». Что липа? Не участники организаций. Ну, хорошо, извиняюсь, пойду еще. Копая, копаю, прихожу опять. Опять мало: «Этих надо так, а тех так».

Приезжает БЕРЕЖНОЙ и наступает на т. ДОЛГУШЕВА — тоже мало. У них идет перебранка. ДОЛГУШЕВ сидит и режет сведения, а потом это идет туда — в Украину. Ведь к нам приезжали смотреть, что у нас есть, и все требовали [фабриковать] организации.

Я считаю, что это была вражеская линия. Одно дело, что у нас была масса недочетов в отчетности, а другое дело, когда будем показывать организации, а на самом деле заказывают дела по 54–10 УК.

Последний характерный пример. Направили дело на Военный трибунал, 65 дел. Они там не удались. Большие нефакты, т. ДОЛГУШЕВ ругается: «Вы мне напутали — не идут там дела». Говорю: «Вы же их утверждали, а я их просто отправлял». — «Нет, Вы мне перепутали». [...]

Тов. УСТИМЕНКО. [...] Я хочу остановиться на тех фактах, которые имелись не только в областном аппарате, как отмечено в постановлении, а в частности и на районе.

Сейчас это можно расценивать как недостаточное руководство со стороны Обкома партии парторганизациями. Помню случай, когда по линии областного партийного комитета была спущена телеграмма, директива или указание о том, чтобы партийные работники НКВД не привлекались к партийной работе. Я помню, работал в Дубечанском районе не на оперативной работе и благодаря этому указанию многие коммунисты этим воспользовались, замазывали партработу и начали зазнаваться. Они не сочетали свою работу с партийной работой. И мы имели случай, когда в Дубечанском районе ни один начальник, и ЩЕГЕЛЬСКИЙ и КУДРИК, ни разу не посещали партпросвещение. Мало того, если райпартком старался привлекать к партработе, то они упирались этой телеграммой о том, что якобы наших работников, которые работают в особых условиях, не нужно использовать на партработе. Были случаи, когда инспектора РПК приходят в первичную организацию при Райотделении НКВД, и им говорили, что сегодня должно быть партсобрание. Тут же Нач[альник] Райотделений, и в частности был парторг КАТОЛЬЯНЕЦ, говорит, что собрания не будет, так как сегодня оперативная работа. Так инспектора запутали, что когда парторганизация отчитывалась в Райпарткоме, то инструктор, в частности неопытный в этой работе, докладывал о том,

что я могу сделать, когда там оперативная работа, и поэтому собраний на протяжении такого-то периода не было. [...]

Тов. СИДОРЕНКО. Давно эта телеграмма посылалась.

[Тов. УСТИМЕНКО.] Это было в 1937 году. Она проводилась в жизнь и в 1938 году. Я помню случай, когда мне по линии парткомитета поручили проводить на селе ту или иную работу. Тут же Нач[альник] Райотделения старался, чтобы я только работал по своей непосредственной работе. Я считаю, что это неправильно. Мы, коммунисты, должны сочетать свою работу с партийной работой.

Я приехал сюда как выдвиженец. Работал около 5-ти месяцев на оперативной работе. Я думал, что все же здесь партийная работа должна быть на высоком политическом уровне. Благодаря коммунистам, у которых я учился, благодаря т. КАМРАЗУ я на протяжении этого периода очень много получил в части ведения следствия, но наряду с этим есть большие недочеты. До сего времени я еще не знаю главной работы, как записано в постановлении ЦК — агентурной работы. Достаточно еще не сталкивался с этой работой.

Хочу еще остановиться, как на местах проходило неправильное, упрощенное ведение следствия. В районе был случай, когда была арестована повстанческая группа. Показания были даны частично, а остальные не давали. На районе этих методов не знали, что нет ни одного арестованного, который бы не давал показаний. Вызывают по телефону Начальника Райотделения сюда в группу. Побыл здесь. Приезжает обратно в район — и он уже вполне «воспитан», набил квалификацию и работает уже по этим методам. Тут уже все дали сознания. [...]

Председатель. Слово имеет тов. ДУБЕНКО.

Тов. ДУБЕНКО. [...] Я расскажу, как я поступил в органы НКВД. Меня взяли с должности председателя сельского совета секретарем Райотделения НКВД. Тут присутствует тов. МИШКО, он мне объяснил, что такое органы НКВД, как себя надо держать и т. д. Через пару дней т. МИШКО уехал. Начальником райотделения прибыл тов. МАЧУГОВСКИЙ. Что я должен делать, как секретарь, — я от него ничего не слышал. Он мне никогда не помогал потому, что он сидел в оперативной группе в Умани, заезжал в район на полчаса, несколько слов скажет и уедет. Хочешь у него что-нибудь спросить, а он снова уходит домой. Абсолютно ничего в работе не показывали, и когда приходили запросы, а были серьезные запросы, так мне приходилось самому их выполнять. А как их выполнять — я не знал. Я смотрю на эти запросы, какие были раньше, которые выполнял секретарь или начальник райотделения, а потом сам выполняю. Естественно, я не скажу, что правильно эти запросы исполнялись. Например, запрос о даче санкции из военкомата на одного работника. Начальник райотделения сказал: «Соберите материал, перепроверьте его, соберите справки и т. д., напечатайте и пошлите туда». Я ему сказал, что «нужно дать санкцию». А он говорит: «Пишите справку — и все». Я так и сделал, как сказал начальник. Потом опять пишут в Райотделение: «Дайте санкцию о том, можно ли допустить, или нет». Так этот запрос, наверно, лежит до сих пор.

Когда я приехал сюда, начальник отдела кадров направил меня в 1-й спецотдел, где я работаю на оформлении архива, по картотеке и др. Безусловно, что это меня мало удовлетворяет потому, что я хочу приехать в область учиться. Безусловно, что нужно и там работать, но я думаю, что неплохо было бы, если бы в пятидневку час или два кто-нибудь из работников занимался и по следственной работе с вновь принятыми в органы НКВД потому, что по приказу меня провели пом[ощником] оперуполномоченного, но занятий никаких нет. Я только копался в архиве и больше никакой работы не знаю.

Тов. ЗИЛЬБЕРМАН. [...] О руководстве. Я здесь, в Областном управлении работаю почти 6 месяцев, и мне приходилось бывать на оперативных совещаниях Облуправления, которые проводил т. ДОЛГУШЕВ, три-четыре раза. Стиль руководства и проведение оперативных совещаний. Сидят все, заходит т. ДОЛГУШЕВ, все встают, потом садятся. Тов. ДОЛГУШЕВ говорит: «Я собрал вас на минут 15–20», зачитывает приказ НКВД Союза для Украины и спрашивает: «Товарищи, понятно, вопросов нет?» Отвечают: «Нет». И говорит: «Товарищи, имейте в виду, что кто не будет работать и за кем имеются маленькие хвостики, будем сажать, а за кем имеются большие хвостики, и если работают, будем учитывать». Разве это стиль большевистского руководства? Я помню, в центральном аппарате я был уполномоченным, а Вы, т. ДОЛГУШЕВ, были начальником отделения, и уже сейчас в течение 6 месяцев Вы совершенно изменились. Это же не стиль большевистского руководства — все время запугивать. Тов. ДОЛГУШЕВ и произносил эхо врага народа, предателя УСПЕНСКОГО. Я знаю, тов. ДОЛГУШЕВ был честным коммунистом, был в партийном комитете, всегда докладывал о конфликтных делах, и никто не видел в нем то, что мы замечаем в последнее время здесь. Он совершенно изменился. Я повторяю, что это запугивание, произносимое устами т. ДОЛГУШЕВА, — это эхо предателя УСПЕНСКОГО. Это не метод большевистского руководства. Где это видно, где это сказано, чтобы запугиванием руководить? Я лично, когда выходил с совещания, думал, как же так, разве так можно руководить? А потом думаю, может быть, враги настолько засели в наших органах? Безсомненно, враги были, их арестовали и репрессировали, но не нужно охаивать весь коллектив. Ведь коллектив в целом состоит из 66–70 коммунистов.

Тов. ШАМРЫЛО. И сейчас еще есть.

[Тов. ЗИЛЬБЕРМАН.] Правильно, есть и нужно очищаться от врагов, но не такими методами.

Голос. Скажи, кто есть.

[Тов. ЗИЛЬБЕРМАН.] Ведь недавно у нас из-под носа удрал вредитель УСПЕНСКИЙ, а я не верю, и это не будет неверно, если мы скажем, что он не имел своих соучастников. Вот Вам враги, и этих соучастников нужно подобрать. Не может быть такого положения, чтобы он один в Наркомате Украины был враг и творил все дела. Один он не мог все творить. У него были сообщники. Вот и враги.

Возьмем выступление тов. ДОЛГУШЕВА здесь, с этой трибуны. Это не партийное выступление.

Я не хочу сказать, что тов. ДОЛГУШЕВ получил прямые вражеские указания от предателя УСПЕНСКОГО. Но ведь сейчас же явно налицо, что вы получили такие указания. Почему Вам здесь, сейчас не мобилизовать внимание, что действительно такие вражеские указания были получены Вами и мы их проводили в жизнь?

Когда Вы прибыли сюда в июне месяце, вы получили 2000 арестованных. Видя такую ситуацию — ставили вы вопрос перед ЦК? Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, не ставили. Потому что если бы ставили перед Обкомом или перед ЦК, то Москва об этом знала бы, и можно было бы предупредить бегство УСПЕНСКОГО. Не зря предатель УСПЕНСКИЙ послал бригаду в Москву, чтобы узнать, выезжает ли кто-либо из Москвы. Как только он получил звонок — он моментально снялся.

Выступление тов. ДОЛГУШЕВА получилось в виде справки — ответы на вопросы. [...] Ведь по сути дела т. ДОЛГУШЕВ занял оборонческую линию — я, мол, принял, и все это осталось. Но Вы же были призваны сюда не для того, чтобы продолжать эту линию, а чтобы исправить. Несмотря на то что т. ДОЛГУШЕВ ограничился только справками, все же на два важных вопроса он не ответил — это по заявлению КАПУСТИНА и по выступлению ЛОСЕВА.

Как ни странно, по этим двум вопросам ответа не поступило. Между тем мы т. ДОЛГУШЕВА временем не ограничивали. Если бы тов. ДОЛГУШЕВ еще говорил час, ему бы тов. КЛЕЙМАН в графин не стукнул бы, а наоборот — мы бы время продлили.

Тов. ДОЛГУШЕВ говорит, что якобы ему предатель УСПЕНСКИЙ предлагал пойти в милицию. Если были бы какие-либо натянутые взаимоотношения между ДОЛГУШЕВЫМ и предателем УСПЕНСКИМ, то ведь кто так близок к Никите Сергеевичу, как тов. ДОЛГУШЕВ? Разве тов. ДОЛГУШЕВ не мог прийти к т. ХРУЩЕВУ и сказать: «Тов. ХРУЩЕВ, что делается?».

Однако, судя по вчерашнему выступлению, тов. ДОЛГУШЕВ этого не сделал. Значит, он не осмелился пойти против предателя УСПЕНСКОГО. А известно, что тот, кто становился на пути у УСПЕНСКОГО, был в лучшем случае убран, я имею в виду — отослан, а в худшем случае — посажен.

Кроме того, хочу привести еще один характерный пример в части ведения следствия — дело КЕЛЛЕРА по 3-му отделу. Что получается? КЕЛЛЕР сознался, что он агент, кажется, двух разведок. И дело КЕЛЛЕРА нужно было готовить на Военную коллегия, так как он является инженером. Докладывается т. ДОЛГУШЕВУ. Тов. ДОЛГУШЕВ дает установку: сделать из этого инженера преподавателя и мы его пропустим по Тройке. Значит, надо переделать, понизить в звании, сделать из этого инженера преподавателя. И вот как-то получилось, что т. ДОЛГУШЕВ спрашивает: «А как написано в анкете?». Ему т. БЕРМАН говорит: «В анкете написано «инженер», мы же с вами говорили». Тогда тов. ДОЛГУШЕВ приказал снять с Тройки. И сейчас дело КЕЛЛЕРА еще в производстве.

Интересный момент в отношении кадров в центральном аппарате. Вот недавно вместе со мной ряд товарищей выезжали по розыску предателя УСПЕНСКОГО на территорию Пуше-Водицы. Там я встретился

с одним товарищем из 2-го отдела центрального аппарата. Он был парторгом, где было 70 коммунистов. И вот там мне рассказывает такую историю. При этом присутствовал т. МЕЕРЗОН и из центрального аппарата т. ПРОСКУРЯКОВ. Он рассказывает, что в отделении, где он работает, есть помощник начальника отделения тов. ПОВЕТКИН, член партии, орденоносец. И вот он рассказывает, что этот ПОВЕТКИН получил указание от бывшего начальника 2-го отдела ЯХОНТОВА, возможно, что он враг, т. е. я могу смело сказать — партийное чутье подсказывает, что он враг, предатель. ПОВЕТКИН получил от него такую установку: «Вы знаете, что, т. ПОВЕТКИН, мы здесь в главном аппарате очистились от евреев, а вы по линии своего отделения также очищайтесь. У нас уже много кое-чего сделано, а вы не принимайте евреев, а от тех, которые имеются, очищайтесь».

Об этом он лично рассказал: «Знаешь, товарищ, на тебя уже была справка, чтобы тебя уволить. И вот благодаря тому, что УСПЕНСКИЙ снялся, ты останешься на работе». Я поставил вопрос товарищу: «Ну что, он этим ограничился?». Нет, ПОВЕТКИН говорил парторгу КОЛЕСОВУ...

Голос. Заговорщику КОЛЕСОВУ.

[Тов. ЗИЛЬБЕРМАН.] Он этим ограничился. Член партии т. ПОВЕТКИН получает такую установку от ЯХОНТОВА и только сейчас говорит тому товарищу, который должен был быть снят с работы.

Я тоже пережил это на себе. Работал я у ЯХОНТОВА. Меня вызвал ЯХОНТОВ и говорит: «Вы там не сработались с КОЛЕСОВЫМ, а ведь КОЛЕСОВ приехал сюда с бригадой с УСПЕНСКИМ. Надо кого-нибудь из вас отделить. Конечно, мы вас уберем. Мы вас перебросим в область».

Я еще должен был бы за это сказать спасибо потому, что меня могли заслать туда, где люди не живут. Если бы у меня был какой-нибудь «хвост», возможно, это было бы.

Тов. ШАПИРО. [...] Я, товарищи, находился в следственной группе месяцев шесть. Товарищи говорили, что в следственной группе было больше всего марафетов и липы. Это неправильно. Мы использовали все возможности, которые могли. Раньше всего мы не брезговали агентурой, которую могли использовать. Некоторые следователи считали, что если нет показаний на 20–30 человек, то это дело направили в следгруппу. Несознавших арестованных мы агентурно прорабатывали, и когда с ним начинали работать — мы имели полную ориентировку, как говорить. Были случаи, когда сидишь с арестованным, которого арестовали без материалов, и говоришь ему: «Ты член украинской организации, троцкист». Он приходит в камеру, смеется и заявляет, что «мне следователь морочит голову, я — шпион, а он у меня организации требует».

Голос. Говорить факты об агентуре не следует даже на партийном собрании.

Председатель. В отношении деталей, форм и методов нашей работы было предупреждено в начале собрания, что не нужно подробно рассказывать.

[Тов. ШАПИРО.] Тов. МАРЧЕНКО рассказал о безобразиях в Чернигове. Но какие безобразия он делал — он не сказал. Возьмем октябрьскую операцию. У вас, тов. МАРЧЕНКО, был человек невинный,

у которого был припадок при допросе у Вас. Вы пришли к выводу, что надо его освободить. Зачем же вы направили его в следгруппу и не освободили? Эти факты чрезвычайно ненормальные. Когда тов. КЛЕЙМАН отправлял такие дела в отделы, ему иронически говорили, спасибо — угодил.

В отношении спецпроверки. Дело САДКО находилось в 3-м отделе до 6-ти месяцев. По спецпроверке район прислал два свидетельских показания: одно, что он бывший петлюровец, а второе противоречит первому.

Несмотря на это, бывший пом[ощник] нач[альника] УНКВД КОЗЬМИНЫХ подписал справку на арест. И, несмотря на нашу просьбу объективно допросить свидетелей, Обуховский район этого не сделал. И когда вызвали свидетелей в область, так один из них заявил: «Такие показания я не давал потому, что в течение пяти дней допрашивают и требуют, чтобы я подтвердил, что он петлюровец». Человек просидел по этой причине 8 месяцев. Разве раньше нельзя было разобраться?

Дело с балетками. Парень пошел покупать балетки, его обманули и завели во двор к вице-консулу, после чего он был арестован по подозрению в связях с консулом. И вместо того чтобы сразу разобраться, то только после шестимесячного содержания под стражей дело из отдела направили в следгруппу, где разобрались и освободили. Это только потому, что некоторые не хотели на своем балансе освобожденных. Это ненормальные факты, на которые нужно обратить особое внимание.

Были факты в центральном аппарате, когда один диверсант, который имел задание убить руководителя партии. Он дал показания. А когда в Трибунале его допросили, он заявил, что дал неверные показания. И после тщательной работы с ним он сознался, что в камерах есть договоренность об отказах от показаний.

Тов. ДОЛГУШЕВ должен принять меры, чтобы мы знали, кто является заперщиком в камерах по отказам. Были случаи, когда обвиняемые заявляют, что свидетели-коммунисты дают на них неверные показания. Некоторые верят больше обвиняемым, чем этим свидетелям. Нужно больше верить коммунистам, чем арестованному.

[...] Я работал в Житомирской области 4 года и месяцев шесть при организации области. Там в некотором отношении была проведена просто антипартийная работа, и выдвижение шло по такой отрасли. Есть там АНФИЛОВ и МАНЬКО — известные липогонщики и марафетчики. АНФИЛОВ мог поставить 18 человек в кабинете и всех вместе допрашивать. Начальника 3-го Отдела Житомирского Облуправления НКВД ФЕДОРОВА надо крепко пощупать. Он приехал из Оренбурга — выдвиженец и ставленник УСПЕНСКОГО. Надо прощупать выдвижение АНФИЛОВА и МАНЬКО — первого Нач[альника] 6 отдела и второго зам[естителя] Нач[альника] 3-го отдела. Сегодня в Житомире партсобрание, нужно было бы их поставить в известность, чтобы этих людей прощупать.

Тов. УСТИНОВ. [...] Сейчас я хочу коснуться того, какой робостью, я бы сказал, или тайной какой-то было все окружено после того, как скрылся этот предатель, фашист УСПЕНСКИЙ — в смысле его немедленного розыска.

Вспоминается 17 или 18 ноября, когда тов. ДОЛГУШЕВ вызвал срочно всех начальников Отделов по какому-то вопросу. Собрались, тов. ДОЛГУШЕВ начал говорить в отношении каких-то дел. Но каких дел — трудно было понять, о каком-то таком событии, но о каком — трудно было понять. Кого-то нужно искать, но кого именно — трудно было понять. Как-то нужно куда-то проникать, но куда и как проникать — неизвестно. Так мы на совещании и не узнали, кого искать, как искать, каким образом искать. *(Смех.)*

Ну что это за безобразие? Мы коммунисты-чекисты, работающие на ответственном участке нашей чекистской боевой работы — начальники горотделений, обладающие мощным аппаратом, пронизывающим весь контрреволюционный элемент, и нам не говорят прямо цели, в какую сторону, на кого ориентировать нашу советскую политическую разведку, какого врага нужно найти? Говорили, говорили. Ну, мы поняли уже по аналитическому методу мышления, очевидно, речь идет о каком-то самоубийще-чекисте, нужно разыскать его труп.

И это было 18 ноября, т. е. 4 дня спустя после побега УСПЕНСКОГО.

Я не знаю, кто давал такие установки, или это были плоды измышления тов. ДОЛГУШЕВА...

Тов. ДОЛГУШЕВ. Указания из Наркомата.

[Тов. УСТИНОВ.] Или это были указания из Наркомата. Если это были указания из Наркомата — тоже я считаю их неверными. Мы, начальники горотделений, да и все чекистские работники, получили сигналы от людей с базара о том, что УСПЕНСКОГО нет. Да, что это за безобразие. Почему это надо было скрывать? Почему надо было окружить каким-то сверхъестественным положением побег врага? Ведь было установлено, что сбежал и т. д. Чего же надо было морочить головы нам — боевому аппарату советско-политической разведки?

Только после того, как было проведено собрание коллектива сотрудников Наркомата и облуправления, начали уже прямо говорить, что УСПЕНСКИЙ — враг, сбежал, и что нужно его разыскивать. А ведь мы имели возможность по меньшей мере через двое суток принять меры решительно по всем линиям.

Ведь позор будет нам, чекистам Украины, если мы этого врага не найдем. Но что делать, когда так поздно узнаешь о побеге этого мерзавца, подлого врага, имевшего в своих руках большую возможность, чтобы зашифровать свой побег, чтобы наделать большие дела против партии, против рабочего класса? Что делать, когда наше, с позволения сказать, начальство нас ориентирует так поздно?

И вот, спустя большое количество времени, сумейте разыскать этого умного и хитрого врага. Человек, который занимал столь высокий, к сожалению, пост, как Народного Комиссара Внутренних Дел Украины.

И после того, как было установлено, после того, как начали говорить, что нужно разыскивать, после этого опять-таки дается директива эдакого порядка, что можно давать задание только проверенным лицам, особо проверенным лицам по части его розыска.

Я спрашиваю, чем отличается враг УСПЕНСКИЙ от любого другого врага, которого мы разыскиваем всеми нашими возможностями, всем могучим аппаратом нашей советской разведки? Он в тысячу раз хуже, в тысячу раз опаснее, в тысячу раз больше имел возможности зашифровать свое исчезновение. Поэтому нужно было немедленно применять всю могучую силу нашей советской политической разведки к розыску УСПЕНСКОГО.

Выступление т. ДОЛГУШЕВА лично мне не понравилось. Не понравилось оно потому, что, по-моему, оно было все-таки неоткровенным, все-таки половинчатым, все-таки бесхребетным. [...]

Тов. ДОЛГУШЕВ в своем выступлении говорил, что каждый звонок УСПЕНСКОГО ко мне сопровождался предварительно огромным матом, а после этого он начинал уже какой-либо разговор. А это, несомненно, отразилось и на мне. Как так витиевато сказать? Что значит, отражалось? Что значит, такой комбинацией фразы выражаться? Нужно было сказать: или вы воспринимали стиль вражеского метода в отношении к живым людям, к большевикам-чекистам, или вы просто отсебятину в некоторых местах проявили.

У тов. ДОЛГУШЕВА, несомненно, грубые вывихи в руководстве имели место настолько, что можно считать прямо-таки системой. Возьмите его сугубо резкий напор без разбора на всех насчет того, что «вы не работаете, Вы лодырничаете, Вы — то, Вы се». Соберет совещание начальников городских отделений, и первые слова его — это «Вы лодырничаете, Вы ничего не делаете и т. д.». Стыдно, товарищи, сидеть на совещании и такого начальника слушать. Как это так — я коммунист, чекист, чувствую сам, что все-таки работаю в тех исключительных поганных условиях, которые создал враг УСПЕНСКИЙ и Вы, тов. ДОЛГУШЕВ, для нас. Даже не сумели договориться по правительственной линии, как получить здание для Горотделений. Каждый начальник отделения буквально своим лбом пробивал все пути и закоулки, чтобы найти помещение. Ты — начальник отделения — разбивай лоб или доставай помещение, которое приходилось добиваться с большими трудностями. И если ты недостаточно тактичен в действиях, так окажешься глубоким дураком, и тебя же потом будет ругать ДОЛГУШЕВ. Получалось так, что каждый начальник отделения в конечном счете оказывался в нехорошем положении.

Дело с подысканием помещения для Кировского Райотделения НКВД дошло до того, что обо мне написали во все редакции газет. Там был описан якобы имевший место произвол по отношению к ФИЛИППОВУ. И дошло дело до Горкома и до Обкома партии. Меня вызывает ДОЛГУШЕВ и начинает ругать: «Вас выделили на самостоятельные чекистские аппараты в столице на Украине, и нужно было по-настоящему, по-серьезному подойти к этому делу». Горотделения НКВД занимаюся разведывательной работой, не имея штата, не имея солидной постановки вопроса в Обкоме, чтобы на местах РПК серьезно занялись вопросом подбора кадров для нас. Мы располагаем всеми возможностями для проведения большой работы, мы вскрываем контрреволюцию. Но у нас ни транспорта, ни машинисток нет, и каждый начальник отделения энное

количество материалов на врагов хранит у себя в несгораемом шкафу, тогда как нужно их реализовать путем рассылки в целый ряд органов НКВД и в областные отделы, чтобы везде советская политическая разведка могла бы разоблачить, репрессировать и т. д. Я это расцениваю как вражеское дело — создать такой колоссальный аппарат, как 9 горрайотделений в г. Киеве, возложить большую ответственную задачу и буквально обескровить этот аппарат. В числе 9-ти начотделений есть народ, который может работать, и дайте ему мало-мальскую возможность — такие вещи, как оперативную технику. И мы горы свернем. Старые чекисты, да и всякий человек понимает, что значит техника. Создали большой негласный аппарат, и этим аппаратом надо руководить, иначе палка может оказаться о двух концах.

Хочу сказать в отношении тов. ДОЛГУШЕВА как о руководителе, политическом деятеле, если хотите. Он является депутатом Верховного Совета УССР, является кандидатом в ЦК КП(б)У. Следовательно, тов. ДОЛГУШЕВ является довольно видной фигурой на фоне партийной жизни, на фоне чекистской жизни. Тов. ДОЛГУШЕВ должен был с особой большевистской бдительностью относиться и к себе и к руководству УСПЕНСКОГО. Что должен представлять из себя деятель Ленинско-Сталинского типа? Как тов. СТАЛИН говорил своим избирателям в Москве в Сталинском округе в отношении деятеля, политического лица, облика политического деятеля, что он должен из себя представлять?

Читает из речи т. СТАЛИНА перед своими избирателями в Сталинском округе гор. Москвы 11 декабря 1937 года.

Таким должен быть облик политического деятеля великой Сталинской эпохи. Можно ли применить облик, данный гением человечества, вождем нашей партии тов. СТАЛИНЫМ, по отношению к т. ДОЛГУШЕВУ? Нет. Нельзя применить. Разве тов. ДОЛГУШЕВ не нашел в себе большевистского мужества сказать здесь партсобранию, отчитываться перед ним, пойти на низ и сказать — виноват, крепко виноват? А ведь ходят слухи, что т. ДОЛГУШЕВ и личную связь с УСПЕНСКИМ имел. Я не проверял таких фактов и не берусь отвечать за правдивость их. Но говорили, что 1 мая 1938 года тов. ДОЛГУШЕВ был приглашен на квартиру к УСПЕНСКОМУ в качестве гостя, может быть, наряду с другими работниками. Такие разговоры были. Кто говорил — не помню. Это было на стадионе. Тогда вообще шла речь о том, кого любит УСПЕНСКИЙ и т. д.

Тов. ДОЛГУШЕВ не сумел по-большевистски рассказать, в чем же он, в конце концов, виноват. Ведь он построил такую казенную ведомственную речь, разбирая сугубо оперативные технические вопросы. А вот по сути своего отношения — почему он, близко стоящий к УСПЕНСКОМУ, как начальник Областного Отдела, в отдельных случаях копировал эти вражеские методы руководства. Об этом нужно было сказать. [...]

Теперь в отношении отдельных моментов. Сегодня, обсуждая наши очередные мероприятия по Кировскому району с первым секретарем Кировского райкома партии тов. ЕРЕМЕНКО, я натолкнулся на чрезвычайно интересный момент. Речь шла о заслушивании отчетного доклада парторганизации и вообще о делах в этой парторганизации. Тов.

ЕРЕМЕНКО мне рассказал, что КАЗИН, работая секретарем парт-организации УШОСДОРа НКВД УССР, в свое время был выдвигаем УСПЕНСКИМ на должность начальника отделения. Не помню, какого — в первый или второй спецотдел. Но так как до этого, до его выдвижения, в их парторганизации по прямым указаниям УСПЕНСКОГО увольнялись коммунисты, буквально ничем не скомпрометировавшие себя, выгонялась из аппарата основная масса коммунистов, то КАЗИН решил наведать Наркома и поговорить с ним. Когда он, наконец, добился этого свидания, этой аудиенции, то враг УСПЕНСКИЙ, как только увидел КАЗИНА, спрашивает: «Вы кто такой?». Такой-то. «Марш отсюда», и трехэтажный мат. Выгнал КАЗИНА, не стал его слушать. Но суть не в этом. ЕРЕМЕНКО спрашивает: «А вы, т. КАЗИН, почему вы так поздно об этом говорите?».

Тов. ШАМРЫЛО. Он написал заявление через две недели после этого.
[*Тов. УСТИНОВ.*] Его спрашивают: «Почему Вы раньше об этом не сказали?». Он отвечает: «КАЗИН не такой дурак. КАЗИН и сейчас есть и живет, а если бы КАЗИН тогда сказал, то КАЗИНА в порошок стерли бы».

Посмотрите подлое лицо, мерзостное лицо обывателя-коммуниста, носящего партийный билет в кармане. Смотрите, как он рассуждает с точки зрения своей мещанской заскорузлой шкуры. Ему, КАЗИНУ, дорого своя шкура, а дело партии, дело ЛЕНИНА, дело рабочего класса по разоблачению врагов он ставит на задний план. И этот КАЗИН сейчас, видите ли, написал заявление. Какая храбрость. Какая доблесть. Какая отвага проявлена — спустя три недели написать заявление о том, что казала-мазала, я знала. Видите, какие есть «герои», которые после трех недель таким образом разговаривают.

Понятно, что парторганизации нужно немедленно разобрать вопрос о таком человеке и потребовать ответа за подобную обывательскую, унылую, мещанскую тактику.

В отношении некоторых лиц, о которых никто тут не говорил и о которых правильно вскользь остановился тов. ДОЛГУШЕВ. Это речь идет о знаменитом РАКИТЕ и ХАЗАНЕ. Их помнят старые чекисты. Товарищи, ведь это исключительные нахальные карьеристы, шкурники, которые способны перешагнуть через труп товарища-коммуниста ради своих шкурных целей и интересов. Такого человека, когда ты будешь грудь с грудью драться с врагом, рядом с собой не увидишь. Это шкура. Это карьерист.

РАКИТА буквально бегал за этим врагом РОГОЛЕМ. Ведь это они проводили мартовскую «операцию», когда арестовали 600 человек, порой перепутав фамилию, которых до сих пор Киевские чекисты расхлебывают. Ведь эти же ХАЗАН и РАКИТА бегали среди сотрудников и распределяли ордена.

Тов. ШАМРЫЛО. А где сейчас РАКИТА?

[*Тов. УСТИНОВ.*] Он, кажется, в Оренбурге работает.

Голос. В Томске, а ХАЗАН — в Оренбурге.

[Тов. УСТИНОВ.] Такие, как ХАЗАН и РАКИТА, заслуживают исключительного внимания. РАКИТА настолько сумел подмазаться тогда к самому ШАРОВУ, бывшему начальнику Облуправления (по-моему, он теперь арестован как враг), в такое доверие, что мог с ним разговаривать — с ШАРОВЫМ, к которому боялись подойти на пушечный выстрел. Он по его указаниям выполнял большие дела в смысле руководства аппаратом. [...]

Тов. РАДОМСКИЙ. [...] Я, товарищи, Вам приведу один небольшой факт, говорящий именно об этом. Несколько дней тому назад я по предложению т. ДОЛГУШЕВА поехал в Умань по расследованию одного дела. В чем суть этого дела? Там сидит арестованный БУШЛЕР, который обвиняется в том, что он является участником троцкистско-диверсионной вредительской организации, существовавшей на электростанции. Это обосновано всеми статьями Уголовного Кодекса, имеющими отношение к этому обвинению. Информация тов. ДОЛГУШЕВУ с точки зрения формальной построена довольно серьезно. Но когда вникнуть в это дело, Вы сразу спросите — этот товарищ знает решение ЦК партии или нет? Спрашиваешь его — он говорит, знаю. Вы что-либо думаете, когда в таком направлении решаете это дело? Он говорит, что это контрреволюционная диверсионная вредительская организация. А где есть документы, говорящие об этом? Есть показания обвиняемого. Эти показания являются убедительными для органов суда и следствия или нет? Ни в какой мере не убедительны. Они носят форму искусственности. Во-вторых, никаких доказательств нет. И несмотря на это, все же после постановления, после такого важнейшего исторического постановления, товарищ верит, что вы хотите, только не то, что относится к этому делу и к данному обвиняемому.

Создают крупную организацию, причем имеют в виду, что это является точкой опоры всех событий, происходящих на международной арене и внутри нашей страны — это станция, где вскрыта вредительская диверсионная организация. И пишут: «Когда на Дальнем Востоке на Озере Хасан начались события, в это время потух свет...». (Смех.)

Голос. Кто вел это дело?

[Тов. РАДОМСКИЙ.] САГАЛАЕВ. Я спрашиваю: «Какое непосредственное отношение имеет эта электростанция к событиям у озера Хасан?». Ведь он пишет, что «трудящиеся начали организовывать демонстрацию, в это время потух свет, и это, несомненно, является контрреволюционной деятельностью».

Я спрашиваю: «Где факты, документы?»

— Да, но вы понимаете, что он такой-сякой?

— Но чем можно его изобличить?

— А как иначе можно рассматривать? А если бы сейчас мобилизация — и ночью потух свет?

Я говорю: «В период гражданской войны на протяжении многих лет люди без света мобилизовывались, воевали и прекрасно выполняли задачи партии и правительства, а вы без своей электростанции никак не можете».

Я в этом вопросе хочу сказать о том, что мы зачастую допускаем или в результате нашей слепости, или в результате нашего самодурства такой непродуманный подход к делу.

Голос: А у САГАЛАЕВА нечестность.

[Тов. РАДОМСКИЙ.] Чтобы не задерживать, расскажу очень кратко. САГАЛАЕВ говорит: «Это акт, говорящий о диверсии. Это настоящая диверсия».

Товарищи, всем известно, что Уманская электростанция — старейшая станция, там машины изношены. О ней имеется целый ряд правительственных постановлений.

Голос. Там, очевидно, дизеля стоят лет по 30.

[Тов. РАДОМСКИЙ.] Там машины даже не с 900-х, а с 90-х годов. (Смех.) Совнарком Украины в постановлении от 10 февраля констатирует — какое состояние этой станции.

Голос. Здесь дают справку, что этим дизелям 58 лет.

[Тов. РАДОМСКИЙ.] И вот БУШЛЕРУ квалифицируют, что он участник диверсионной организации, а партийным организатором там был ЗБАРЖЕВСКИЙ, причем в своих показаниях БУШЛЕР говорит: «ЗБАРЖЕВСКИЙ знал меня по троцкистской деятельности с 1927 года. Встретив меня, он сказал — у нас существует диверсионная организация. Поступай сюда продолжать дело, начатое АВРАМЕНКО».

Оказывается, этот ЗБАРЖЕВСКИЙ вообще год живет в Умани. (Смех.) Во-вторых, этот ЗБАРЖЕВСКИЙ поставил вопрос об исключении БУШЛЕРА из партии. БУШЛЕРА правильно исключили из партии. Судить его надо. Это гнуснейший тип, который позорил партию. Но позвольте, здесь документы, говорящие о преступной деятельности БУШЛЕРА и все. Он говорил еще о целом ряде лиц. Я спрашиваю: «Они арестованы?». [САГАЛАЕВ:] «Нет, одно показание только». [РАДОМСКИЙ:] «А вы верите в это показание?». Он сам говорит: «С трудом верится».

Мало того, я кратко останавливаю ваше внимание на выводах, которые делаются САГАЛАЕВЫМ вместе с комиссией. Я зачитаю их Вам: «Выводы. Комиссия, суммируя все вышеизложенные факты...». (Зачитывает.) (Смех.)

Тут и плач и смех, если во все вникнуть.

Дальше. Вы посмотрите аккорд, который подписывает сержант государственной безопасности САГАЛАЕВ: «Все это служило поводом к вызову недовольства со стороны трудящихся существующим Советским строем». (Смех.)

Вы слышите, какая пакость, что трудящиеся Уманского района из-за этой существующей сто лет станции выражают свое недовольство существующим Советским строем?

Это показывает, как мы перестраиваемся, какое воспитание, действительно ли это воспитание имеет характер партийности. Это опошление, самое настоящее опошление достоинства трудящихся Уманского района.

Я говорил тов. САГАЛАЕВУ, что стоит с этим документом зайти в Райком партии или в Райисполком и заявить: «В связи с тем, что у вас остановилась электростанция, трудящиеся выразили недовольство

существованием Советской власти». Вас могут тут же прямо избить и выгнать из района. Это в лучшем случае. А в худшем случае парторганизация может вас крепко судить за такой антипартийный, антисоветский документ, в котором вы отмечаете несуществующий факт. [...]

Председатель. Объявляется перерыв на 10 минут.

[...] *Тов. РЕВА.* Немалую сумму обвинений партийным собранием предъявлено Отделу кадров. В большей степени эти обвинения, надо сказать, правильные. Правильны в той степени, что по вине Отдела кадров, который составлял справки, все-таки работники УГБ были арестованы и сидели значительное количество времени и, наконец, освобождены. И теперь каждый день появляются в Отдел кадров люди за разрешением вопроса. Нужно сказать, товарищи, что отдельные выступления товарищей, например, КИСЕЛЕВСКОГО, пытаются оправдаться тем, что имели установку в Отделе кадров НКВД УССР в части составления справок. Если установка была, тогда, значит не было у этих товарищей партийного подхода, партийной души к составлению справок.

Возьмем, например, справки, которые составлялись в конце августа — начале сентября, где имеют место целый ряд ненормальностей. Справки составлялись все в отдельности, и указаний к каждой справке не было.

Нужно сказать, что чувствовалась страховка или так было заведено — для меня было неясно. И с другой стороны — все-таки имеет большое значение до некоторой степени бездушное отношение к этим справкам.

Тов. ШАМРЫЛО. Вы за справками, подчас совершенно неправильными, не видели людей.

По той же самой формулировке, если выпустить одно слово — это имеет существенное значение для человека.

Недавно был случай. Составляли справку на ЗИЛЬБЕРМАНА и указано, что отец жены занимался торговлей. А в справке написали — отец занимался торговлей. Кажется, как будто бы ничего, а по сути это имеет существенное значение. Пишет, что он происходит из семьи торговца, когда фактически — жена.

С места. Кто же написал?

[*Тов. РЕВА.*] *Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ* составлял справку.

Тов. КИСЕЛЕВСКИЙ. Машинистка пропустила слово. Я подписал, но доверял каждому инспектору. Надо самому составлять справки или проверять весь материал. В части составления справок несерьезное отношение было.

Тов. КЛЕЙМАН. Ко мне в дело попал материал на КЛЕЙМАНА.

[*Тов. РЕВА.*] Когда была спецпроверка КЛЕЙМАНА, получили не имеющее отношение к КЛЕЙМАНУ дело КЛЕЙМАНА, правда, совершенно не компрометирующее.

Голос. К счастью КЛЕЙМАНА.

[*Тов. РЕВА.*] Ведь когда говорилось о другом МИХАЙЛОВЕ, ведь МИХАЙЛОВА арестовали. Это еще не за меня.

Были ли установки? Не знаю, я таких установок не получал. То, что спецпроверка превращалась как будто бы в разработку на сотрудника, — это тоже является ненормальным. Ведь сотрудник, в конце концов,

должен знать — какие на него имеются компрометирующие материалы и опровергаются они или подтверждаются. Кто ни приходил — я никому не отказывал, с каждым проверял.

А вот недавно заинтересовался в центральном аппарате — знакомят ли там сотрудников? Старший инспектор РИВИН заявляет: «Об этом надо будет спросить Начальника Отдела кадров».

Поэтому есть материалы спецпроверки, которые имеют то или другое расхождение, т. е. полученные из райотделений и до конца не проверены. А зачастую Райотделения просто сообщают о таком-то. Возможно, они сообщили об одном человеке, а мы запрашивали совершенно о другом человеке. Правильно, раз имеются компрометирующие материалы, надо с каждым сотрудником выяснить правдоподобность того или другого материала. Раз этого в достаточной мере не было — значит, есть недоработки. Я считаю, что аппарат Отдела кадров должен учесть этот урок, данный нам на этом партийном собрании.

В отношении выступления т. ПЛОХОГО. Он сказал, что я на него кричал и говорил по вопросу о том, что отец его жены был в плену. Он указал в спецанкетах, что его родная тетка после революции выехала в Польшу. Возбуждая ходатайство о назначении его на должность начальника отделения, Отдел кадров НКВД УССР затребовал выяснить, при каких обстоятельствах после революции выехала его тетка в Польшу и имеет ли он с ней какие-либо связи. Второе, он не указал — когда возвратился отец жены из Германии. Надо же говорить о том, что есть характерного, что имеет значение для материалов.

Здесь затронули вопрос в части представления комсомольцев к награде, мол, пусть РЕВА скажет. В связи с годовщиной комсомола было представлено к премированию 11 комсомольцев. Я спрашивал начальников Отделов, кто из людей более подходит, заслуживает премирования? Представили 11 человек.

Голос. А разве Комсомольский комитет не мог дать характеристики на комсомольцев?

[Тов. РЕВА.] Об этом знал член Комитета комсомола тов. КИСЕЛЕВСКИЙ. Вот так получилось. Через несколько часов надо было представить.

Причем я должен сказать, что об этих людях знал и тов. МЕДВЕДЕВ потому, что о кандидатурах говорили в кабинете тов. ДОЛГУШЕВА. Представили кандидатуры и из периферии. Наградили, кажется, трех человек: ЯКИНЦА, СИМОНЕНКО и одного товарища из тюрьмы УГБ.

О предъявленном мне обвинении в части проведения якобы антисемитизма. Я это категорически отрицаю. Если взять в отношении БЕЛЯВЦЕВА. Я БЕЛЯВЦЕВА вообще не знал. Однажды он приезжает и говорит: «Я подобрал людей для работы в аппарат». Назвал мне 4-х человек. Между ними был некто ТУАЛЕВИЧ. Зашел т. ПОКОТИЛО и тоже его рекомендовал как человека вполне надежного. Через некоторое время получаю в порядке спецпроверки из периферии показания, что этот человек является в прошлом участником контрреволюционной националистической организации «ПРОСВИТЫ». Когда в следующий раз приезжал

БЕЛЯВЦЕВ, я ему сказал: «Видишь, как можно ручаться. Нужно покрепче проверять. Теперь заведи формуляр и разрабатывай».

Голос. Как же еврей оказался членом «ПРОСВИТЫ»?

[Тов. РЕВА.] Нет, он не еврей. Я старался выяснить, не поляк ли он. Он украинец.

Нам трудно подбирать кадры. Вот комплектуем школу, оформляем человек полтора. Попадает если не торговец, то кулак или еще что-нибудь, но в части евреев я никогда абсолютно не говорил.

Теперь о том, что я будто тов. ТКАЧЕНКО по этому вопросу давал установку. Такой установки я никому не давал. Я говорил ему, что для того, чтобы быстрее оформить человека, лучше подобрать из местных. Так как у нас есть случаи, когда дела оформляются по 9 месяцев потому, что не получаем ответов по спецпроверке. Нас научил опыт, когда без окончательной проверки приняли БАЗИЛЕВИЧА, а он, оказывается, проходил как шпион.

В части моего отношения к сотрудникам-евреям. Например, мне предъявили на парткомитете такой вопрос: «Почему не утвержден т. РОТШТЕЙН в должности начальника Сталинского райотделения?». В свое время, когда я в сентябре месяце пришел в Отдел кадров, тов. РОТШТЕЙН жаловался, что он временно исполняет должность начальника райотделения, а получает зарплату, как Оперуполномоченный. Я договорился, чтобы его провели приказом, как вр[еменно] и[сполняющего] д[ела] Нач[альника] Райотделения. Одновременно мы перед Наркоматом возбудили ходатайство об утверждении его в должности начальника.

Через некоторое время получаем сообщение — «утверждение не санкционируем». По каким причинам — это для меня не было известно. Я смотрел его справку. Особо компрометирующих материалов там не было. Посмотрел его чекистскую работу.

Голос. А что там есть компрометирующего?

[Тов. РЕВА.] То, что там есть, не могло служить причиной неутверждения. Из прохождения чек[истского] стажа видно, что он на оперативной работе с конца 1937 года — Пом[ощник] Оперуполномоченного 4-го Отдела в Харькове. Поэтому думаю, что как молодой оперативный стаж работы, почему он и не был утвержден.

Я думаю, может быть, на такой серьезный участок, как городское отделение, не утвердили. Через некоторое время, когда стоял вопрос о снятии, тов. ДОЛГУШЕВ говорит: «РОТШТЕЙНА пошлем на Таращу». Потом я узнал, что его жена устроилась прекрасно здесь, и он остался. В части комплектования областного аппарата был разговор, и тов. ДОЛГУШЕВ предлагает РОТШТЕЙНА забрать в УНКВД на должность начальника отделения. Но пока подыскивали на его место кандидатуру, РОТШТЕЙН работал и не знал об этом. ШЕХМАН работал начальником отделения, а получал зарплату как оперуполномоченный. Я живо отозвался на это и провел по приказу его помощником начальника отделения, а сейчас выдвинули на должность начальника отделения. За мое пребывание никто не откомандировывался никуда. Посажены два человека: ЛАНСКЕР

и ШОЙЦ, ГОТКИН, СВирский обращались ко мне, и я посылал их на комиссию.

Вражеского отношения, антисемитского отношения к работникам-евреям у меня не было.

В части работы с молодыми работниками. Несерьезное отношение имеет место в части отношения к вновь принимаемым на работу. Приведу пример. О НОДЕЛЬМАНЕ ШЕХМАН дает убийственную характеристику. Прибыл как раз РОТШТЕЙН — он дает прекрасную характеристику. Сегодня заходит ШЕХМАН и говорит — отдай характеристику. Я дам сейчас прекрасную характеристику.

Тов. ШЕХМАН. Неверно говоришь.

[Тов. РЕВА.] Там сидели люди. Значит, нечестное отношение к воспитанию кадров.

НОДЕЛЬМАН заявляет, что со мной не работали, меня не учили, а только ругают. Значит, в этой части надо как-то более серьезнее относиться к новому набору молодых кадров и их воспитанию на практической оперативной работе.

В отделе кадров работаю четвертый месяц. До этого я не представлял работы кадров совершенно, пришлось с трудом осваивать работу.

Тов. ШЛЕПЧЕНКО. [...] Удар по врагу был нанесен правильно. Но мы допускали подчас неправильные аресты отдельных лиц, а может быть, и групп потому, что нас неправильно направляли. Потому, что мы шли по пути наименьшего сопротивления. Нас захлестывала эта работа, мы гнались не за качеством, а за количеством, подчас упускали главные, очень серьезные объекты, которые, по сути дела, нужно было репрессировать в первую очередь. Я на этих объектах и хочу остановиться. Я, товарищи, здесь работаю 5 месяцев. Когда я пришел работать в область, мне назвали цифру, что арестовали 600 белогвардейцев. Я по своей наивности думаю — значит, почистили Киев. А тов. ДОЛГУШЕВ предлагает пойти на белогвардейское отделение. Я говорю: «Что я там делать буду?». Он говорит: «У нас работы много, у нас только по одному участку тысяча беляков сидит». Когда я окупился в работу, то убедился, что надо было сажать тех, на кого были разработки. Многие же, кого надо было посадить, и поныне ходят на свободе, и не просто белый офицер, а люди, которые имеют крепкую связь контрреволюционного порядка за пределами наших границ. А почему-то брали по ленточкам. А ведь всего взяли до 1000 беляков. Вот как враги, работающие в нашем аппарате, проводили операцию по разгрому контрреволюционного подполья, а вице-губернаторы, генералы, княгини сидят в Киеве. Всякой сволочи еще есть уйма. Нам надо было через них вскрывать контрреволюционное подполье на Украине, а этот контингент лиц остался на свободе.

У нас отдельные товарищи перегибали очень крепко палку не только в смысле того, что совали под ребро, а просто издевались. Мне т. ХАИТ рассказывал два дня тому назад исключительно возмутительный случай. Когда тов. КОЛЧИН, который работает в Особом отделе округа, плевал в рот арестованному.

Это что такое, товарищи? Какая в этом необходимость? Я понимаю, когда шпик, диверсант, террорист, троцкист, который крепко избит, и гад не хочет сознаться — куснул¹⁶ ему пару раз под ребро. Но зачем плевать в рот? (Смех.) Это же издевательство.

Голос. Это просто хулиганство.

[Тов. ШЛЕПЧЕНКО.] Издевательство, хулиганство — это также говорит о бессилии следователя.

Товарищи, я до июня работал в Особом отделе, и там были искривления, но не в такой резкой форме. Мы все-таки стремились избить врага документами, допускали искривления. Но тогда, когда это вызывалось необходимостью. А здесь что я увидел? Первое, с чего начинали, — с палки, т. е. шли по пути наименьшего сопротивления.

Товарищи, я хочу Вам рассказать один конкретный факт — как мы помимо своего желания арестовывали невинных людей. Я работал в Житомире. Вообще-то в 1935 году я уже успел поработать в 3-х областях — в Житомирской, Каменец-Подольской, теперь Киевской.

В Житомире я работал в Особом отделе. Туда пришла телеграмма из Киева за подписью врага народа ЛЕПЛЕВСКОГО: арестовать 40 человек командиров РККА. Смотрим список: та часть людей, на которых мы возбуждали ходатайства, есть крепкие материалы, а часть людей, на которых нет материалов. На некоторых людей совершенно ничего не было — честные командиры-коммунисты. В частности, у нас был один командир в дивизионе связи 2-го конного корпуса УМЗЕР — член партии, батрак, хороший командир, по национальности эстонец.

До получения этой телеграммы, примерно недели за две, у нас затребовали данные для представления Народному Комиссару о национальностях, имевшихся среди командного и рядового состава, и что на них есть. Этот УМЗЕР тоже был включен, как эстонец. Но эстонец наш — из Ленинградской области. Мы написали, что на него нет компрометирующих данных.

Я как раз замещал тогда начальника Особого отдела корпуса. Вызывают меня ночью в 5-й отдел области. Прихожу: «Арестуйте сейчас же УМЗЕРА». «Почему?» «Телеграмма за подписью Наркома». Я говорю: «Это ошибка, не может быть». РЕМОВ, бывший тогда вр[еменно] и[сполняющим] д[олжность] Нач[альника] 5-го Отдела, говорит: «Есть телеграмма за подписью Наркома — арестуйте». Я говорю: «Мне нечего писать в справку, он честный человек. Я его лично знаю 6 лет по Красной армии. Чуть ли не каждый день с ним сталкивался». [РЕМОВ:] «Арестуйте». Я говорю: «Не арестую». [РЕМОВ:] «Как не арестуете, не выполните приказа Наркома?» Я говорю: «Надо обсудить это дело, давайте доложим начальнику управления». На следующий день идем к ГРИШИНУ. РЕМОВ говорит: «ШЛЕПЧЕНКО отказывается арестовывать УМЗЕРА». [ГРИШИН:] «Как так?». [ШЛЕПЧЕНКО:] «Товарищ начальник, на него ничего нет». [ГРИШИН:] «Как, ничего нет? А на основании чего дана телеграмма?». Я говорю: «В свое время мы включили его в список, как эстонца, но на него ничего нет».

¹⁶ Так у тексті.

- [ГРИШИН:] Раз телеграмма есть — арестуйте.
- [ШЛЕПЧЕНКО:] Нельзя зря сажать человека.
- [ГРИШИН:] Я Вам приказываю.

Арестовали. Что ж делать? Допрашиваю его. А знаю его, как человека, нами проверенного. Он говорит, у меня не о чем вам рассказывать.

Запросил Особый отдел округа. Думаем, может быть, у них что-нибудь есть. Пишем: «На основании вашей телеграммы арестован такой-то. Сообщите, какие у вас есть материалы». Пишем второй раз. Молчат. Подержал этого человека, крутили, вертели — ничего не получается.

Поставили вопрос об освобождении. Куда там. ВЯТКИН — этот приятель УСПЕНСКОГО, слушать не хочет: никаких разговоров — вести следствие.

Наконец мы уезжаем к нашему месту дислокации. Забираем его с собой. Сидит человек, а материала никакого нет. Еще раз проверили, еще раз запросили уже о бабушках и о дедушках, и о тетушках, опять о нем. Честный человек, рабочий, батрак, коммунист, служит в Красной армии продолжительное время. Допрашиваем людей. Ничего плохого на него не дают.

Пишу постановление об освобождении. Бойтся начальник особого отделения корпуса БИТНЕВСКИЙ¹⁷ утвердить. Решил, что он напишет: «Согласен», а начальник 5-го Отдела области утвердит — и освободим. Написали в Облуправление, дело послали с препроводительной, что ничего на УМЗЕРА нет. Возвращают обратно: «Нажим [осуществляйте], ведите [дело] на него на эстонский разворот».

Жали, жали, правда, без физических методов воздействия. Видно, что ни за что взяли, видно, что не враг. Пишем, что ничего не добились. Требуют: «Вышлите к нам». А постановление мое лежит в деле.

Посылаем мы его. Держат его месяц и возвращают обратно: «Ведите следствие, у вас не было нажима и т. д., причем освобождать не разрешаем». Запретили нам его освободить.

Голос. В центральном аппарате, если у них ничего не получилось, они сюда присылали дела, а сами не освобождали.

[Тов. ШЛЕПЧЕНКО.] Правильно, мол, на периферии что-нибудь следуют. А мы в свою очередь КЛЕЙМАНУ сваливали такие дела, которые у нас слабо шли. Человек просидел с февраля до ноября, только в ноябре его освободили. Вот такая была практика.

Председатель. Регламент т. ШЛЕПЧЕНКО окончился.

Голос. Пусть скажет об Умани.

Тов. ШЛЕПЧЕНКО. Вы мне разрешите сказать еще несколько слов о ЖАБРЕВЕ и ВЯТКИНЕ.

Голос. Скажите об Умани.

[Тов. ШЛЕПЧЕНКО.] Ну хорошо, я тогда перейду к Умани. Я, МЕЕРЗОН и ПЛОХОЙ были командированы на Октябрьские торжества

¹⁷ Про І. Битневського див.: Вронська Т., Ляковська С. Кар'єра І. Битневського в контексті історії спецслужб радянської України // З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. — № 2. — 2011. — С. 207–235.

в Умань — для обеспечения. Мы там столкнулись с тем, что начальник райотделения САГАЛАЕВ с чекистской точки зрения совершенно не обеспечивал подготовки к Октябрьским торжествам.

Голос. Он вообще [чекистское обслуживание] Умани не обеспечил.

[Тов. ШЛЕПЧЕНКО.] Когда пришли к нему, то он занимался вопросами конструирования президиума, кого надо избрать в президиум — это обязательно его дело. (Смех.)

7-го числа утром обнаруживаются контрреволюционные листовки. У нас, знаете, сейчас это редкое явление. Расклеили похабные украинские националистического порядка листовки. Узнал об этом только полдесятого и сразу же сообщил в областное управление. Отсюда поступает замечание, что поздно сообщили. Правильно, мы должны были и раньше обнаружить листовки. Когда обнаружили, то САГАЛАЕВУ на квартиру отнесли. А он уснул и утром сказал об этом. Я говорю: «Давай намечать мероприятия, искать, кто распространил». Он говорит, что «ты, ШЛЕПЧЕНКО, горячку лепишь. Для Умани это не новость, у нас каждый год бывает. Это исходит из института». Давай намечать конкретные мероприятия, надо вызвать директора, парторга. Ничего не делает. Перед вечером звонит т. ДОЛГУШЕВ: «Тов. ШЛЕПЧЕНКО, нашел?». Я говорю: «САГАЛАЕВ ничего не делает». Тов. ДОЛГУШЕВ взял его по телефону в работу — и правильно. Только на следующий день мы имели возможность приступить к практической чекистской работе, которая могла бы навести на известную нить. Уехали мы 8-го числа, ничего конкретно не нащупав.

Как он работает с агентурой? Приезжаю и спрашиваю: «Тов. САГАЛАЕВ, план встреч есть?». [САГАЛАЕВ:] «Я так знаю, с кем встречаюсь, с кем ШПИЦ встречается». Я говорю: «Составь план, поговорим с народом». Календаря он не составил. 7-го числа я говорю: «Сегодня есть встречи?». Он говорит: «Есть». Но ни с кем встреч не было. 8-го, видя такое положение, я нашел необходимость поговорить с одним человеком в части листовок, на кого мы питали надежды, что он поможет. Ставлю вопрос — найдите этого человека. Он увидел, что я нажимаю, и устраивает свидание на квартире оперативного сотрудника, где и материалы через отверстие в дверь бросаются. Встретился я с человеком и говорю: «Почему вы вчера не пришли?». Он говорит: «Я вчера не должен был быть». Я говорю: «Вы же условились с т. САГАЛАЕВЫМ встретиться». «Нет, — говорит, — я не договаривался». Значит, САГАЛАЕВ меня обманул.

Тов. РАДОМСКИЙ упустил сказать о том, как обстоит дело с изоляцией арестованных. Получается, что не САГАЛАЕВ допрашивает арестованного, а арестованный допрашивает САГАЛАЕВА. Арестованный БУШЛЕР их обманывал и два раза ездил домой с оперативными работниками.

Тов. КАРАФЕЛОВ. С какими работниками?

[Тов. ШЛЕПЧЕНКО.] Пусть РАДОМСКИЙ расскажет.

Тов. ШАМРЫЛО, Секретарь Горкома партии. Товарищи, решение Совнаркома и ЦК ВКП(б) об арестах в прокурорском надзоре и ведении следствия ставит перед чекистами задачу больше и лучше работать по разоблачению контрреволюционных гнезд у нас в Советском Союзе.

Некоторые товарищи здесь немножко иначе поняли, не было прямых выступлений, а отдельные проскальзывания были у товарищей, что есть решение Совнаркома и ЦК — значит, уже не в такой степени мы должны работать, как сейчас. Мы должны изменить методы работы и работать лучше, и работа будет кропотливее, чем до сих пор.

Я хочу, товарищи, вернуться к решению ЦК, хотя вы его знаете, и тов. МЕДВЕДЕВ докладывал, и напомнить отдельные места. Безусловно, решение ЦК и Совнаркома отмечает ту большую работу, которую проделали органы НКВД по борьбе с врагами у нас, в Советском Союзе. Нечего скрывать, большую работу за последние два года проделали органы НКВД. Но, проводив эту большую работу, органы НКВД допустили ряд серьезных ошибок в своей работе, что отмечается постановлением.

Я хочу навести основные недостатки, которые указываются в постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б). *(Читает из постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о допущенных ошибках органами НКВД.)*

Ведь раньше ЦК ВКП(б) и Совнарком предупреждали органы НКВД в постановлении от 1933—1935 годов, от 1937 года и давали категорическое указание о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие. Многие товарищи в то время работали, а те, которые вновь пришли, должны были быть осведомлены о тех решениях партии, которые были в части работы органов НКВД. Оказывается, что до последнего времени, до решения от 17 ноября, эти явления повторялись. Мы не можем сказать, как здесь говорил тов. ДОЛГУШЕВ, что только в марте и апреле были неправильные аресты. А сколько было неправильных арестов после апреля? Были же неправильные аресты. Были они в результате тех недостатков, ошибок, которые отмечены решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Дальше, вторым крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок следствия. *(Зачитывает.)*

Дальше здесь говорится: «Следственные дела оформляются неряшливо...». *(Зачитывает.)*

Это то, о чем здесь товарищи говорили, — о липе, которая была у отдельных следователей.

«Такого рода безответственное отношение к следственному делу...». *(Зачитывает.)*

Товарищи, если мы возьмем здесь у нас в киевских условиях и центральный аппарат и областное управление. Это же верно, партийная работа игнорировалась. Партийный комитет, как сказал в своем выступлении Никита Сергеевич, — это была такая маленькая организация, которая ставилась ниже начальника отделения, не говоря уже о начальнике управления.

Начальник отделения, начальник отдела мог не пустить коммуниста на собрание, мог его забрать с партсобрания, мог не разрешить коммунисту пойти туда, куда вызывает парторганизация. Это же факт.

И вот те коммунисты, которые были оторваны от партийной работы, от партийной жизни, которые не занимались идейно-политическим

ростом, они превратились в деляг, которые ничего не видели дальше своего носа. Они вместо государственных людей на таком ответственном участке работы, куда их поставила партия, стали делягами.

Вот мне рассказывают, что эти люди совершенно не читали газет, совершенно не работали над поднятием своего политического уровня, совершенно не принимали участия в партийной жизни, считали себя какой-то надпартийной организацией. Мол, что ему парторганизация — он работник НКВД. Много есть таких зазнаек.

Все это привело к тому, что не было партийности в работе, отсутствовала большевистская объективность. Если бы это было, то можно было бы раньше вскрыть все эти недостатки.

Вот я побывал эти шесть дней на партийных собраниях. Я многое узнал, о чем до этого даже и не мыслил.

Голос. Надо было раньше знать.

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] А откуда я мог знать? Вы имели возможность пойти в парторганизацию и сказать об этом.

Голос. А городской партийный комитет?

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] Считали, что городской партийный комитет не должен знать, что делается, это секрет для Горкома партии. Так ставился этот вопрос.

Новые товарищи, которые пришли, восприняли эти неправильные методы ведения следствия. Они возмущались между собой, но разве нельзя было прийти, поговорить об этом или поднять вопрос у себя в парткомитете. Вы же этих вопросов ни разу не поднимали. А эти вопросы надо было ставить. Тогда этот сволочь УСПЕНСКИЙ давно был бы уже разоблачен и никуда не удрал бы. Не знали об этом ни ЦК, ни Обком, ни Горком партии, о безобразиях, которые творились в органах НКВД, в работе отдельных работников, в самом руководстве работой НКВД.

Знаете, мы все советские люди, все патриоты нашей родины. С кем вы ни поговорите — никто не представит себе, чтобы сотрудник НКВД, скажем, избивал честного, неправильно арестованного человека. Знаете, если дать в морду, заехать в бок, потом этот невинный человек, который просидел в течение года или больше в результате того, что не могли разобраться, он может не рассказывать об этом. Но он уже думает, что вот такой-то работник со мной поступал так-то. Он уже не видит в нем коммуниста. Он считает уже, что это антипартийный человек, а не коммунист. А эти вражеские методы применялись у вас сплошь и рядом, считали это нормальным явлением.

В решении ЦК ВКП(б) говорится — дела затягиваются. Здесь товарищи рассказывали, что есть арестованные, которые сидят по году, и до сих пор следствие не закончено. Неужели так трудно провести следствие? Что, нужно, скажем, изъездить для этого весь Советский Союз, проверить, скажем, за 30–40 лет, для этого побывать во многих городах? Очевидно, человек максимум в пяти-десяти местах работал, и не за полтора года, а полтора-два месяца можно было полностью закончить следствие и сказать, виноват этот человек или не виноват. Эти дела у нас пролеживают по полтора года.

У меня был недавно один товарищ, его восстановили в партии и реабилитировали. Он обратился ко мне, как к депутату Верховного Совета.

Я смотрел приговор, его осудила Областная коллегия Винницы к расстрелу за вредительство. После приговора он написал заявление Прокурору Союза. Прокурор Союза опротестовал это и передал дело на рассмотрение. Все дело велось к тому, чтобы дело закрыть, так как вредительство, в котором его обвиняли, оценивается в 847 рублей. Это не вредительство, а халатность. Нужно было его просто поругать, чтобы не допускал таких дел, а человека осудили к расстрелу, исключили из партии, арестовали жену, детей отдали в детский дом. Спрашивается, что нужно сделать сволочам, которые вели это дело? Если коммунист — нужно его выгнать из партии и судить. Иначе нельзя поступать с такими людьми. Очевидно, это из категории липогонов, которым только центры и группы нужны, а чтобы по существу, по-партийному объективно разобраться в каждом деле. Для этого же партия призвала коммунистов и беспартийных большевиков работать в органах НКВД, а этим делом не занимались. Здесь товарищи говорили о тех «липогонах», которые хвастали и вели разговоры о наградах, которые им предстоят. А надо было осудить эти антипартийные дела на партийных собраниях. Я думаю, что парторганизация в состоянии была справиться с этим и разоблачить этих людей. Но этим делом не занимались, считали даже для своей парторганизации секретом, что нельзя поднимать этот вопрос на партийном собрании.

В части применения физических методов. Товарищ один выступал и говорит, что было подано заявление Никите Сергеевичу от одного арестованного об издевательствах по отношению к нему. И это заявление пролежало три недели в областном управлении. Это было в середине ноября, и только через три недели — позавчера — послали человека для проверки. Мне кажется, когда поступает такой сигнал, когда ЦК партии требует проверить и разобраться, нужно с большим уважением относиться к руководящим партийным органам. Нужно послать проверить и, если неправильно, виновников наказать.

Второй факт наводили, когда арестованный подал заявление тов. ЕЖОВУ об издевательствах над ним. Это заявление направили в Наркомат — разобраться. А тут разбираются, на каком основании Вы выпустили заявление. Разбирают, не почему над человеком издеваются, а на каком основании выпустили заявление? А почему не мог послать? Он может послать заявление, он может пожаловаться прокурору. Он имеет полное право. Есть законы существующие, которые разрешают это для того, чтобы не было никаких извращений на местах. А тут вместо того, чтобы быстро разобраться и предотвратить, начали разбираться с другой стороны. Это говорит о том, что и руководство, и начальники отделов, и т. ДОЛГУШЕВ — как начальник областного управления — не боролся с этими безобразиями. Тов. ДОЛГУШЕВ говорит, что он на всех оперативных совещаниях этот вопрос заострял, предупреждал, что этого нельзя допустить, но не проверял, как оно делается в действительности. А раз не проверяли и не наказывались люди, которые извращали, значит, оно вошло в систему.

Я считаю, что нужно будет с этими безобразиями сейчас же парторганизации и областному управлению покончить. Надо раз и навсегда

покончить. Нужно будет правильно, как отмечено в решении ЦК ВКП(б), организовать следственную работу так, чтобы мы не напрасно брали людей, а брали тех, кого уже не надо выпускать. А это возможно только тогда, когда у нас будет хорошо организована агентурно-осведомительная работа. Ведь по шпаргалке брали людей. Если получили сигнал, может быть, я не разбираюсь, так как не работал в ЧК — НКВД, но, по-моему, надо организовать наблюдение — проверять, а потом взять человека, и его уже не нужно будет выпускать. Если будет материал и проверка, тогда освобождать не придется и правильной будет установка, что не нужно освобождать.

Голос. Правильно.

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] Если производили массовые операции, то были случаи, когда даже фамилии перепутывали. В период массовой операции взяли одного инженера на заводе. Я думал, хороший парень, а как маскировался. Я как раз поехал на завод, и мне говорят, знаешь, у нас забрали такого-то. Глазам не верится. Я его знаю, работал с ним, три года учился в рабфаке, пять лет в институте учился и, думаю, какой я слепец был, не видел его вражеской работы. Оказывается, говорят, что мы все перепутали, что он не тот, кого мы думали. Нельзя же путать, ведь он гражданин Советского Союза. Сталинская конституция подняла трудящегося. Какое же вы имеете право благодаря легкомысленному, поверхностному подходу дискредитировать этого человека?

С места. Товарищ ШАМРЫЛО, вам не пришлось писать объяснение в парторганизацию?

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] Его на третий день выпустили, так как не сошлось имя и отчество, только фамилия сходится.

Вот я знаю еще случай у меня был. Утром, часов в 11, прибегает один секретарь парткома и спрашивает: «Что делать? Такой-то сотрудник железнодорожного отделения позвонил — немедленно такого-то исключите из партии». (*Смех.*) Он член партии с 1918 года, хорошо работает, привлекался в период февраль-март-апрель месяцы к работе, как чекист запаса.

Этот секретарь парткома перепугался, говорит, очевидно, будут арестовывать.

Я говорю: «Пусть дадут материал, который есть. Тогда будем разбирать по существу». Этот товарищ мне опять звонит. Тогда я обратился к начальнику транспортного управления, не помню, кто был тогда, спрашиваю: «Что там за сволочь есть такая — звонит и требует исключения из партии?».

Оказывается, это провокатор, который через несколько дней был арестован. Эта сволочь, провокатор, сидел в органах НКВД. По его настоянию на КПВРЗ двоих коммунистов исключили из партии.

Голос. А сколько есть решений парткомов исключить, как врага народа, арестованного органами НКВД?

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] Ваши ошибки начинают повторяться и дальше. Скажем — арестовали. Наши партийные, советские организации и все трудящиеся высоко ценят наши органы НКВД. И это правильно потому, что органы НКВД провели большую работу.

Вот, скажем, арестовали человека, предположим, по ложным материалам. Сейчас же парторганизация исключает его из партии, как врага народа.

Голос. А материалов не знают.

[*Тов. ШАМРЫЛО.*] Совершенно не знают. Жену за потерю партийной бдительности исключают из партии. Там ее снимают с работы. Детишек подчас выгоняют из школы. Выселяют из квартиры, если она жила в ведомственном доме. А КОЛЕСОВ занимался в этом отношении палачеством — так это можно назвать. Сейчас же печатал квартиру — и выкидывайся.

И вот этот невинный человек, скажем, через некоторое время, когда разберется дело, возвращается. У него вся семья разогнана. Он взрослый человек, но он приходит и просто плачет за ту обиду, которую ему нанесли.

Днями был у меня один товарищ, которого недавно освободили. Он просидел 9 месяцев. Он плакал, как малый ребенок, а он уже человек пожилой, лет 45. Ему нанесли большую обиду, квартиру забрали, имущество все конфисковали, жену — она была учительницей — выгнали из школы. Это же люди, это наша интеллигенция, о которой партия так высоко поставила вопрос.

Так что всякая наша ошибка — это не то, что ошибка или какой-либо брак в производстве деталей. Это не то, что забраковали деталь, которая стоит 3–5 рублей. Здесь ошибка, брак в работе подчас стоит человеческой жизни.

Сейчас, как никогда, наша парторганизация должна по-большевистски подойти и исправить свои ошибки. Если мы правильно организуем нашу работу, мы тогда сможем разобраться, где враг и где не враг.

Скоро будет год, как было историческое решение январского пленума ЦК ВКП(б) о тех извращениях и ошибках, которые были в парторганизациях при исключении из партии. Центральный комитет поставил вопрос, что эти ошибки были допущены потому, что парторганизации не имели индивидуального подхода при разборе дел, подходили огульно, не разбирались.

В результате этого не могли различить врагов от друзей, невинных людей исключили из партии, а враги продолжали свою вражескую работу.

Тут можно привести полную аналогию. Если мы без разбора, по неправильно составленной шпаргалке будем арестовывать людей, то мы этим самым можем отвлечь внимание от врагов, которых нужно арестовывать.

Здесь говорили о массовых арестах, говорили о том, что их проводили без всяких оснований. Также в решении ЦК ВКП(б) и Совнаркома говорится, что проводились массовые аресты без всяких оснований. Всегда при таких массовых операциях можно наделать много ошибок, и эти ошибки делали.

Сейчас нужно эти ошибки исправлять. Тут есть опасение, что можно шарахнуться в обратную сторону и освободить врагов. Надо разобраться в каждом деле, разобраться так, чтобы действительно освободить, реабилитировать людей, неправильно, ошибочно арестованных, но чтобы под этой рубрикой не пролез враг.

Дальше, что нужно делать в исправлении ошибок. Нужно развернуть осведомительно-агентурную работу. Но тут тоже мне вчера говорили в перерыве, и я считаю, что это тоже будет ошибкой — отдельные начальники отделов дают контрольную цифру: «Вот за такое-то время у тебя должно быть столько-то». Это неправильно. Агентурно-осведомительная работа — это повседневная работа каждого чекиста. И если вы здесь будете устанавливать контрольные цифры на такой-то срок, вы можете взять себе таких [негласных] помощников, которые будут запутывать и мешать, а не помогать в работе.

Голос. Правильно.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Как бы из-за торопливости мы здесь не впали в ошибку. Тогда это будет не исправление, а продолжение и усугубление ошибок, которые были до сих пор.

Голос. Чтобы не получились только цифры.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Дальше я хочу остановиться еще на одном недостатке. Говорят: какая яблоня, такое и яблочко. По выступлениям, которые [были] на собрании в центральном аппарате по адресу Отдела кадров, видно, что такое же аналогичное состояние работы Отдела кадров и в Областном аппарате.

Отдела кадров у Вас нет. Как вы меня ни убеждайте, я скажу, что ни в центральном аппарате, ни в областном аппарате Отдела кадров нет. Есть люди, которые не занимаются тем, чем надо. Подчас составляет неправильные сведения об отдельных товарищах, и отдел кадров не занимается очисткой людей, не проверяет так, как нужно по-партийному проверять людей.

Из выступления работников отдела кадров, взять хотя бы тов. КИСЕЛЕВСКОГО. Он всякую липу напишет и говорит, что ошибка. Тут неправильно мы подходим к людям. Работниками НКВД мы должны заниматься. Мы, органы НКВД, должны свято хранить и держать на высоте их положения. От всех негодных людей мы должны очиститься, мы должны пополнять органы НКВД лучшими людьми, кристаллически чистыми, проверенными на практической работе. Это наша задача, мы это должны делать, но получается, что подчас такая неправильная, непартийная работа нашего Отдела кадров приводит к тому, что охаивают, клеветают на честных людей. Эти справки или заявления, которые поступали, держатся в строжайшем секрете — даже от секретаря парторганизации. Подчас секретарь парторганизации не знает, за что тот или другой товарищ освобождается, и он даже не хочет интересоваться. Такая уже система работы была привита.

[...] Мне кажется, что если какой-либо компрометирующий материал поступил на того или другого товарища — будь добр, проверь это, уточни и скажи этому товарищу, чтобы он сказал, так это или нет. Зачем навязывать, цеплять совершенно ненужное? Это будет непартийным делом, если мы будем охаивать всех людей.

Неправильная была практика в части передвижения отдельных товарищей. Перемещают по работе, значит, парторганизация должна дать характеристику, а у Вас этого не делали. То, что напишет зав[едующий]

отделом, — это все. Но он же коммунист, и парторганизация должна дать характеристику о нем. Мне кажется, что практика работы гражданских парторганизаций, армейских и чекистских одна и та же. Коммунисту должна давать характеристику парторганизация, на партийном собрании партгруппы, на парткомитете обсудить, что ты — ИВАНОВ — такой-то, что у тебя есть такие-то положительные и такие-то отрицательные моменты.

С места. Тогда и парторганизация будет авторитетна.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Никогда сам Отдел кадров без парторганизации ничего не сделает. Так же, как начальник областного управления, какой бы он ни был опытный чекист, какой бы он ни был крепкий товарищ, а если он оторвался от парторганизации, не идет вместе с парторганизацией, не имеет поддержку от парторганизации, он работы не сможет поднять. Сила большевистской партии, как говорил тов. СТАЛИН, что за нами идут массы патриотов нашей Социалистической родины. Наша большевистская партия опирается на 170-миллионный трудовой народ, что она прислушивается к голосу масс и выполняет волю этого народа. Вот в чем сила нашей партии. А у нас в парторганизации не считались с мнениями рядовых коммунистов, никто не слушал мнения рядовых коммунистов, не работали совершенно с людьми и забота о людях была на последнем плане. Закончим немного с делами, а тогда уж поговорим и об этом. Люди много работают. У вас много замечательных людей есть, которые честно работают — отдаются работе, и надо же позаботиться об этих людях, надо же поинтересоваться, как они работают и чем им надо помочь. Может быть, требуется создать лучшие условия для работы. Ведь тов. СТАЛИН интересуется жизнью каждого в отдельности летчика, интересуется, как организована жизнь товарища.

С места. И не только летчиков, а всех.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Принимая стахановцев Донбасса, он интересуется, как они живут, что им надо, чем надо помочь, как лучше организовать их работу? Каждый руководитель — и партийный, и хозяйственный — должен заботиться о каждом человеке — и большом, и маленьком. Ведь если кадры, здесь сидящие, и беспартийные товарищи, которые отсутствуют, если они будут видеть за собой эту заботу, они с удесyтеренной энергией будут работать.

Голос. Правильно.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Этой заботы у вас не было. Молодым товарищам, которые недавно присланы ЦК партии на работу в органы НКВД, вы не помогали, их не учили правильно работать, их отдавали самим себе, и, безусловно, что они повторяли те же ошибки, которые были.

В части, товарищи, руководства Областным управлением. Я хочу немножко остановиться в части методов руководства со стороны тов. ДОЛГУШЕВА. Этот метод грубости, матерщины, который был в центральном аппарате, передавался и на все управления Украины.

С места. По прямому проводу.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Мы — коммунисты, руководители — должны быть требовательными к каждому подчиненному за тот участок, который был

поручен, но мы со своими подчиненными должны быть вежливы, должны деликатно обходиться с этими людьми, не обижать людей. Чутко подходить к людям. Мат — это пережитки некультуры капиталистического строя царской России. Даже вне работы в обиходе его у нас не должно быть. Мне кажется, что тов. ДОЛГУШЕВУ нужно будет это крепко учесть. Привычка иногда бывает у людей, но если вызываешь человека и кроешь его вовсю матами — это на работника влияет. Он хорошо работает, отдается всей работе, но, предположим, чего-то не доделал. Здесь обязанность руководителя — подсказать и помочь.

Этот неправильный метод руководства исходил от наркомата, в частности от врага УСПЕНСКОГО. Я беседовал с одним работником Особого отдела ШМУЛЕВИЧЕМ. Как поступила эта сволочь УСПЕНСКИЙ с этим коммунистом? Только фашисты могут так поступать со своими подчиненными. Человек ни в чем не виновен. Он выполнил то распоряжение, которое ему дал его непосредственный начальник. И этот непартийный человек, его начальник — очевидно, парторганизация в этом разберется — тут же в присутствии и не говорит, что он дал это распоряжение. УСПЕНСКИЙ варварски избивает ШМУЛЕВИЧА и тут же поручает МАЙСКОМУ арестовать его. Его эта сволочь тут же арестовывает, и хотят из ШМУЛЕВИЧА сделать шпиона: «Пиши развернутое показание, что ты шпион, участник контрреволюционной организации, сионист и проч.».

Очевидно, парторганизация поможет изучить нутро этого МАЙСКОГО, этого «коммуниста».

Голос. Он враг.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Нельзя сказать, что он коммунист, он поступил подлее подлого в отношении члена партии ШМУЛЕВИЧА.

Голос. Он за это получил значок [почетного] чекиста.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Я считаю, что ДОЛГУШЕВ, имея такие неправильные методы руководства, неправильные указания и распоряжения со стороны бывшего Наркома, мог, как никто другой, своевременно поставить вопрос в ЦК партии. Он, как кандидат в члены ЦК КП(б), мог в любое время приехать к Никите Сергеевичу и рассказать о фашистских методах работы УСПЕНСКОГО.

Здесь в своем выступлении он говорил, что я, мол, к нему относился, как к Наркому: «Есть», «Слушаю».

Это неправильно. В уставе Красной армии есть пункт, что если, например, начальник дает подчиненному распоряжение и ты видишь, что это распоряжение враждебное, — не выполняй, а сейчас же немедленно доложи.

А вот здесь эти неправильные враждебные установки принимались и выполнялись.

Голос. Правильно.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Мне кажется, что тут ДОЛГУШЕВ виноват. Он должен будет раскритиковать свои ошибки перед парторганизацией.

Здесь некоторые товарищи в выступлениях все же пробалтываются, говорят и то, о чем не нужно было бы говорить. Вы знаете, что подчас

о некоторых деталях работы органов НКВД говорить не следует. Надо говорить о принципиальных вопросах работы. А то здесь один выступающий товарищ даже назвал фамилию негласного работника. Какой же он негласный работник, когда он уже стал гласным? (Смех.) Я — не работник НКВД, но мне кажется, что этого говорить нельзя.

Голос. Правильно.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Хочу остановиться еще на секретаре парткома тов. МЕДВЕДЕВЕ. Я, правда, не слышал доклада, был как раз на комсомольском активе, но здесь товарищи о докладе говорили.

Какой бы следовало сделать доклад секретарю парткома по решению Совнаркома и ЦК ВКП(б)? Мне кажется, что, делая этот доклад, нужно было зачитать решение Совнаркома и ЦК ВКП(б), подробно остановиться на тех извращениях, которые здесь были, о людях, которые допускали эти извращения, о роли парторганизации и парткомитета и роли секретаря, как руководителя парторганизации, в борьбе с этими извращениями.

Голос. Правильно.

[Тов. ШАМРЫЛО.] Мне кажется, правильно отмечали здесь, что у тов. МЕДВЕДЕВА нет большевистской остроты, и, по-моему, при тех задачах, которые сейчас поставлены перед органами НКВД в части исправления ошибок и дальнейшей борьбы — бесплодной борьбы по разгрому всех контрреволюционных элементов — он не сможет обеспечить руководства парторганизацией. И правильно здесь многие товарищи выступали и говорили, что, очевидно, придется его освободить от работы секретаря парторганизации.

Какие задачи стоят перед нами? По-моему, первая, основная задача, которая должна стоять перед парторганизацией областного управления, — это поднятие партийно-политической работы, поднятие авторитета, который подорван, чтобы работали парторги, работал секретарь парткомитета, работал парткомитет, работали лучше партийные собрания, чтобы партийная работа была такой, какой она должна быть в наших условиях. Ведь партия руководит всеми отраслями народного хозяйства? А почему органы НКВД находятся вне влияния партии? Этого не может быть, не должно быть и не будет. Парторганизация должна руководить, должна вовлечь всех коммунистов в работу, невзирая на то, большой это или маленький начальник. От партийного собрания, от партийной работы никто не должен освободиться. Все должны какую-нибудь партийную работу выполнять. Каждый чекист-коммунист должен поставить перед собой задачу так, как ставит каждый коммунист, что я прежде всего член партии. Если каждый чекист-коммунист поймет, что партия — прежде всего, что он, как член партии, прежде всего, а потом всякая остальная работа, тогда он ко всякой работе, на какую бы его ни послали, будет подходить партийно, и ко всякой работе будет подходить, как государственный деятель, а не как делег.

Это основная задача — поднятие партийной работы в нашей парторганизации, поднятие роли руководящих парторганизаций здесь, у нас, на месте.

Вторая задача, которую должна поставить перед собой парторганизация, — это овладеть самым надежным, самым острым, испытанным оружием в борьбе с врагами народа — учением МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА. Это поднятие идейно-политического уровня каждого коммуниста, каждого комсомольца, каждого беспартийного качественного работника, работающего в органах НКВД. Если каждый чекист — оперативный работник — следователь — будет иметь такую политическую подготовку, которая не позволит делать грубых ошибок, он будет к каждому делу подходить не как деляга, а как политический деятель, тогда не будет этих ошибок, тогда не будет таких явлений, что арестованного придется выпускать.

Арестованного не придется выпускать потому, что тогда арестовывать будут всю сволочь, которую нужно арестовать, а честных людей не будут арестовывать. Это будет тогда, когда каждый чекист будет подходить к своей работе объективно. Прежде чем арестовать человека, надо подготовить, проверить материал, чтобы видно было, за что его арестовывают. Когда есть материал, быстрее и следствие идет, а это и будет связано с тем, о чем я говорил, я еще остановлюсь ниже.

В части агентурно-осведомительной работы. Многие товарищи обижаются, и правильно, что они с девяти утра подчас до утра работают. Надо изменить работу. Это не помогает в работе. Мне вчера рассказывал один товарищ: «Сижу и допрашиваю. А я две ночи не спал, проспал немножко, и вижу одни и те же показания у трех человек. Ему говорили одно, а он дремал и писал совершенно другое. И у трех человек, которых он допрашивал в эту ночь, получились одинаковые показания.

Нужно заботиться о людях, нужно наряду с идейно-политической вооруженностью работников не опешлять и другой части. Это то, о чем говорил тов. СТАЛИН, — о кадрах, овладевших техникой. Вам тоже нужно овладеть своим делом.

Надо изучать следственную работу, и только тот, который хорошо знает следственную работу, хорошо и правильно проводит следствие, он не напишет в протоколе, что арестованного завербовал КАНТ. Он скажет, что «чепуху ты говоришь». Здесь товарищи высказывали, что просто казусы подчас были. Вчера говорили, что следователь разбирал дело ТОКАРЯ, который вагонные оси гнет на токарном станке. Вагонные оси на токарном станке не согнешь. Надо взять под хороший молот, чтобы согнуть. Он говорит, что «я бандажи точил, а не оси». Бывают анекдотические казусы. Это говорит о том, что человека взяли неправильно и малоопытный следователь не в состоянии разобраться. Каждый оперативный работник должен изучать свое дело. Даже в уставе партии записано, что каждый должен повышать свою деловую квалификацию и здесь, на этом участке, каждый должен учиться. Работающий в области промышленности должен заниматься, чтобы ему очки не вставляли, чтобы он мог разобрать то или другое дело. В каком бы отделе он ни работал, но свое дело должен изучить. И тогда вы правильно сумеете дать заключение, тогда никто вас не подведет, и не будет тех ошибок, которые были.

Я думаю, что нам нужно будет провести большую работу, пересмотреть весь состав, как кого разоблачить и вышибить, кто не занимался разоблачением врагов, а запутали только работу. Нам нужно будет почиститься, проверять людей, но не подходить так — взяли и наломали дров. Каждого в отдельности человека надо просмотреть, все его деловые и политические качества, и сказать, что он стоит. Стоит ли этого человека оставлять в органах НКВД, или надо освободиться от него.

Если мы так персонально подойдем, хорошенько проверим каждого человека, мы действительно сумеем освободиться от ненужных людей. Если же мы так рубанем, как было по центральному аппарату, когда за одну ночь 300 человек уволили, нарубаем дров, то враги останутся, а тех, кого не нужно освобождать, мы можем освободить. Так что тут нужно будет отделу кадров, начальнику управления, парторганизации подойти персонально к каждому человеку, разобраться в каждом человеке — в его политических качествах, в деловых качествах, в практической работе на протяжении всего времени, которое он работает здесь в органах НКВД. Тогда мы не сделаем ошибки.

Надо будет нам хорошенько очиститься, профильтровать свои ряды, взять здоровое большевистское пополнение. Тогда мы сможем справиться с задачей окончательного разгрома тех вражеских гнезд, которые у нас еще есть.

Я считаю, что необходимо (правда, я знаю, что начальник управления имеет очень много работы, но, может быть, через заместителя, через начальников отделов) оказать помощь молодым, неопытным следователям, посидеть, посмотреть, как он ведет следствие, подправить его, подсказать — и на его же ошибках учить его. Чтобы не было так, как вызовут на оперативное совещание, поговорят, покричат — и идите, работайте. Нужно повседневно заботиться и учить людей.

Здесь хорошие товарищи, если мы их научим, дадим правильное направление на работу, они будут прекрасными следователями. Может быть, нужно организовать какой-то вид учебы по повышению деловой квалификации. Это будет предотвращать ошибки, возможные в следственной работе, а всякая такая ошибка подчас стоит очень дорого. Ведь это не деталь какая-нибудь, а живой человек. Надо правильно разбираться. Ведь мы же знаем, как и в центральном аппарате разбирали своих же работников — Оперуполномоченных или следователей. Невинных же людей арестовывали, не предъявляли никаких обвинений и, очевидно, постреляли потому, что кой-кого из них нет. Ведь это же выполняли вражескую волю. Это все было в результате того, что основное самое острое, самое дальнобойное оружие — большевизм, как говорил Никита Сергеевич на городском активе, — мы его мало применяли. Вот сейчас нужно будет нашему партийному коллективу, нашей комсомольской организации, беспартийным товарищам, работающим в органах, овладеть этим острейшим оружием — большевизмом. [...]

Здесь правильно отдельные товарищи говорили относительно Горкома партии. Я целиком и полностью принимаю то обвинение, которое здесь предъявляют Горкому партии. Мы не заглядывали сюда, не ставили

вопросов. Правда, это были секреты для нас — так считали. Пару раз со мной говорил тов. МЕДВЕДЕВ о штатном пропагандисте. Наш недостаток, что еще до сих пор его не дали.

Нужно будет сейчас партийное просвещение и всю партийную работу поднять на должную высоту. Мы теперь, очевидно, будем сюда заглядывать чаще, чем в какую бы то ни было другую организацию, интересоваться работой и центрального аппарата, и Особого отдела, и нашего Областного Управления. Но мне кажется, что тут надо еще вот что потребовать от всех коммунистов. Видишь, что-то делается неправильно, — приди в свой парткомитет. Свой парткомитет не реагирует, приди в Горком партии. В любое время можешь прийти и рассказать, чтобы своевременно предотвратить искривление. [...]

Председатель. Сейчас 20 минут первого. Выступило 42 человека. В большинстве своем товарищи рассказывали о тех болезненных явлениях, которые у нас были. Есть предложение на этом прекратить прения.

Принимается. Объявляется 10-минутный перерыв.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА.

Председатель. С прениями мы закончили. Есть заявление тов. ШЕЙНКМАНА, что у него есть несколько очень важных фактов, о которых он хочет доложить собранию, но он не был записан.

Голоса. Дать слово.

[Председатель.] Слово имеет тов. ШЕЙНКМАН.

Тов. ШЕЙНКМАН. Товарищи, я ваше внимание задерживать долго не буду, я не хочу повторяться по вопросу о своевременном решении нашей партии и правительства по отношению той работы, которую возложила на нас партия.

Я хочу сказать, как нечутко, как бессовестно, по-вражески относятся к людям. Я расскажу историю о себе. Я работаю в органах с 14-летнего возраста. В 1920 году вступил в Киевскую Губернскую Чрезвычайную комиссию и непрерывно нахожусь в органах НКВД. Работал в Киеве, был в центральной школе, потом был направлен в Донбасс. Там я проработал 5 лет. Вдруг сижу, работаю, допрашиваю человека. Последнее время я работал помощником начальника отделения в 4-м отделе. Звонит инспектор отдела кадров: «Зайдите, получите путевку, сдайте дела и завтра выезжайте в Киев в распоряжение Отдела кадров». Я говорю: «Что за поспешность, я же с человеком работаю?». «Никаких разговоров, вот бумажка — и завтра в распоряжение Отдела кадров». Я сдал следственные дела, выехал. В Отдел кадров НКВД УССР я явился к МИЛАЕВУ. В Киеве меня знают неплохо, я на глазах Киевской организации рос, был организатором комсомольской организации при Киевской ГПУ. Меня знают много старых комсомольцев: ЛОСЕВ, МЕЕРСОН и другие старые работники. Я за собой ничего не чувствую, всегда был за генеральную линию партии, боролся с врагами. В Отделе кадров говорят: «Приходите вечером». Затем говорят: «Приходите завтра». Сел я у МИЛАЕВА, вижу, лежит моя справка, и синим карандашом написано «арестовать». Я спокоен, так как

не чувствую за собой ничего. МИЛАЕВ говорит: «Придешь завтра утром». Пришел к знакомым, где остановился, и говорю: «Если я завтра не приду — позвонить жене, что я арестован». Придя на завтра к МИЛАЕВУ, он послал меня к ХРОМОМУ. Пришел к ХРОМОМУ. Он говорит: «Вы арестованы».

Просидел я 15 суток. Спрашиваю у следователя: «За что меня посадили, в чем дело, какая вина?». Он говорит: «Троцкист». Сейчас я встречаю ТАРАСОВСКОГО, и он говорит, что когда прочел справку, что на тебя написал Отдел кадров, я поставил вопрос, что «ни за что человека посадили». Продержали 15-ть суток и освободили. Я седым не был, а сейчас поседел. Освободили. Получаю документы и иду в распоряжение Отдела кадров. Тянули это дело. Предлагают пойти начальником районного отделения. Я считал, что не справлюсь с этой работой. Это может подтвердить МИЛАЕВ. Направили меня во 2-й Отдел Наркомата. В 4 часа вызывает меня ЯХОНТОВ и говорит: «Вы идете на выдвижение в Область». Я пришел в Область. Тов. ДОЛГУШЕВ знает меня не один день, и с августа тянется история со мной. Приказом меня не проводят. Числюсь в Наркомате, а работаю здесь. Работаю я честно и неплохо. Сейчас у меня начальник СТРОИЛОВ, пусть скажет, как я работаю, по-моему, честно и добросовестно.

Прихожу в Наркомат в Отдел кадров и спрашиваю: «Почему вы тянете пять месяцев? Хватит, я уже и так пережил. Скажите, в чем дело, что на меня есть?». Не говорят. Прихожу в Область к РЕВЕ один раз, второй, третий — я ему надоел. В конце концов капитан говорит, что «я вас провел приказом начальником отделения». Прихожу в Наркомат — опять ничего. Аттестат не дают и не рассчитывают. Прихожу к РЕВЕ, он говорит, что ДОЛГУШЕВ подписал ходатайство о твоём переводе, и послали его. Прихожу в Наркомат и говорю: «Чего вы тянете?». Мне говорят: «Уточните это у РЕВЫ». РЕВА говорит, что уже послано в Наркомат. Прихожу к РИВИНУ, он говорит: «Нет дела». Я спрашиваю у РЕВЫ: «За каким номером отправили?». Он говорит: «Отнес ВОЛОШИН». Спрашиваю у ВОЛОШИНА, он говорит, что «понятия не имею». Прихожу к РЕВЕ и говорю: «Сколько можно надо мной издеваться, разве я этого заслужил?». В конце концов узнаю, что на меня написали одну справку, потом злополучный РИВИН нашел на меня компрометирующий материал — брат моей жены кончил институт, был послан инженером в Донбасс, работал на заводе. Этому заводу нужно было получить импортное оборудование в Германии. Как способный инженер, он был командирован в Германию, принял это оборудование, возвратился из Германии, и как хорошего инженера, я лично так понимаю, его оставили в Москве старшим инженером по приемке импортного оборудования. Сейчас он сочувствующий. Вчера мне прислал письмо — его приняли в кандидаты партии. Записали в справку как компрометирующий материал, что брат был в Германии. (Смех.)

У тестя моего сестра или двоюродная сестра живет в Америке. Это тоже есть в моей справке.

Когда я, наконец, настоял в Отделе кадров, сказал: «Товариш ГРИГОРОВ, положите со мной конец, зачитайте, что на меня есть компрометирующего». Он мне дал справку: «Вот, что на вас есть, скажите, что правда, что неправда?». Неужели этого раньше нельзя было сделать?

Дальше компрометирующий материал — что шурин моей жены исключен из партии. Откуда это взято — я не знаю. Он член партии с 1919 года, работает в гор. Москве на заводе им. СТАЛИНА. Это не за горами. Можно проверить.

Дальше, жена у меня — член партии, член комсомола с 1925 года. Братья ее — члены партии. Сестры — комсомолки, работают в Москве на оборонных заводах. Там же хорошенько проверили перед тем, как допустить на оборонный завод.

Голос. Лучше, чем у нас в отделе кадров?

[Тов. ШЕЙНКМАН.] Я в этом глубоко убежден, и честнее, чем в отделе кадров.

Дальше приписывают, что мой отец подрядчик. Первую справку присылают, что мой отец был клерикалом. Я даже приходил к секретарю парторганизации. Это было в Донбассе, спрашиваю: «Что такое клерикал?». Он говорит — это высшее духовенство. Я говорю: «В жизни не было, чтобы мой отец занимался духовенством. (Смех.) Мне было 7 лет, когда он умер. Он в 1910 году уехал в Америку и в 1912 году умер там. Он никогда не был подрядчиком».

Еще характерный момент. У моего отца от первой жены есть два сына и дочь, которые уехали в Америку в 1905 году. Я от второй жены. Я рождения 1905 года, я их не знаю и они меня не знают потому, что, когда я родился, они уже были в Америке. (Смех.) Это тоже есть в справке как компрометирующий материал.

Разве можно так относиться к живому человеку? Неужели не могли меня вызвать, как это сделали на днях, дать прочитать справку и спросить: «Скажите, что правда и что неправда?».

Дальше, мне сейчас заявляют, что РИВИН прислал сюда указания: «Почему не внесли в справку о братьях, о жене, о сестре и о свате?». РЕВА за подписью своей и тов. ДОЛГУШЕВА написал бумажку, что мы, мол, «ШЕЙНКМАНА в Киевскую область не принимаем». Тов. ДОЛГУШЕВ, неужели вы не могли меня вызвать или неужели нельзя было вызвать к тов. РЕВЕ и все уточнить?

Разве можно так издеваться над человеком? Вот уже пять месяцев я бегая в Наркомат получать зарплату. Это отражается и на материальном положении. Например, я, работая в Наркомате, выписал себе дрова. Сейчас говорят: «Ты в области, на тебе обратно деньги, а дров тебе нет». Прихожу в спецторг. Там говорят: «Уже давно все дрова развезены. Все сотрудники получили по 75 рублей на подшивку обмундирования». Я их не получил. Здесь не могу получить потому, что не принес аттестата, а в Наркомате говорят: «Вы у нас не числитесь, получайте в области».

Я это привожу как пример того, как у нас бездушно относятся к людям, как у нас по этим шпаргалкам, по написанному в этой справке ни за что садили людей. Я в своей жизни никогда не забуду этих 15-ти суток.

Я работаю с 14-ти лет в органах, не имею ни одного административного взыскания, ни выговора, ни даже на вид.

Председатель. Слово просит тов. ДОЛГУШЕВ.

Голоса. Дать.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Товарищи, из хода всех выступлений — и я делил кое с кем из товарищей — все хотят получить резкий и положительный ответ: знал ли я о вражеской деятельности УСПЕНСКОГО и проводил ли я сознательно вражескую деятельность в Киевском областном управлении?

Я уже говорил и повторяю еще раз — ни одного сознательного факта той вражеской деятельности, которая проводилась в органах НКВД, в частности в Киевской области, я лично не знаю.

Но вместе с тем сейчас, анализируя факты и явления, которые имели место в органах НКВД, приходишь к такому выводу, что подчас многих из нас использовали вслепую.

Вот конкретно по вопросу о кадрах. Я уже говорил, что на широком оперативном совещании в Наркомате, когда стоял вопрос о переливании кадров из Украины, по сути дела массовой переброске кадров, весь оперативный состав в то время расценивал это совершенно иначе. Все принимали за чистую монету, как за необходимое директивное указание. Основные массы так понимали, что так и нужно. А когда приложили контрреволюционную руку к этому мероприятию, получилось совершенно другое. Все ходили и говорили, что кто больше пяти лет проработал на Украине, — готовьтесь выезжать в Москву.

В части проявления антисемитизма. Я заявляю, что у нас в Киевском областном управлении, сколько месяцев я работаю, нельзя [привести] на конкретных фактах ни одного примера или затирания, или выживания, или других каких-либо подходящих под рубрику антисемитизма [явлений]. А если это имело место где-либо, ни в коем случае мне, как руководителю областного управления, приписать нельзя.

Тов. ШЕЙНКМАН выступал. Как это расценивать — другое дело. Но если бы он знал, сколько он мне стоил нервов его назначение. Мы провели приказом — Украина не утверждает. Сколько на него справок требовали откуда угодно. Посылаем справку в Наркомат, вызываю начальника Отдела кадров Украины, говорю, что «это издевательство». Можно его спросить. Я с ним не один раз говорил, что это издевательство над человеком, когда в течение пяти месяцев вы не можете зачислить его в штат. Или заберите его, или утверждайте приказом. Такой разговор был даже в присутствии нашего начальника Отдела кадров.

В вопросе кадров была система бездушного отношения к людям, и особенно эти справки. На справки смотрели, как на бумагу, и этими справками работники Отдела кадров страховали себя. В справках они помечали все, что было в спецпроверке, а там пусть разбираются.

Все материалы по линии Наркомата — главным образом шли директивы, указания, приказы и оперативные совещания — и в этом свете много фактов можно вспомнить.

Взять сегодняшнее выступление КУПРИНА. Кто мог на оперативном совещании в Наркомате с этими сведениями о групповых делах и не групповых делах ставить вопрос? На совещаниях резко ставился вопрос, что Областные Управления принимают достоинство¹⁸ всей работы, что у них идут главным образом одиночки, нет организаций, и Киевское Областное Управление в этом отношении рекорд взяло. Человек 40 было арестовано — и все одиночки. Ведь меня проработали на всю Украину по этим одиночкам. Специально обследовали, работали люди с 1-го Спецотдела. Правда, из 40 одиночек примерно 20 человек подходили к групповым делам.

В то время рассматривали это дело как совершенно правильное мероприятие, когда нам говорили, что вы бьете не в ту цель, вы не вскрываете организации, а берете антисоветских одиночек. Все считали на оперативном совещании, что правильно, а сейчас дело немного иначе рисуется. Одиночек подводили под групповые дела, чтобы показать, как на Украине борются с врагом. В то время принимали эти указания как чистую монету.

После того как был получен приказ, где меня проработали, я предложил на оперативном совещании проработать этот приказ. Правда, ТРОИЦКИЙ был арестован, и не проработали. Я собрал начальников отделов и сказал, что нас кроют за то-то, и все согласились, что правильно.

Насчет цифр я даже сказал тогда КУПЫРИНУ — составляйте сведения, чтобы по каждому отделу начальник отдела проверял свои сведения, и тогда только они могут от вас уйти. Это мероприятие сейчас рассматривают иначе. Сейчас становится ясным, что это было не только очковтирательство, а по сути дела антисоветский путь, направляющий на ложную борьбу с врагами. А также официальные указания были даны всем областным управлениям на оперативном совещании в Наркомате.

В отношении того, что способствовало этому, — я уже говорил. Мы несем ответственность, а в первую очередь несу ответственность я, независимо от того, когда я пришел. Эти все альбомные операции, массовые операции, упрощенные формы следствия разложили нас на чекистской работе, и мы все сознательно или несознательно делали это. Только этим можно объяснить.

Постановление ЦК ясно говорит, что мы вошли во вкус. Только этим объясняется то, что ни городской комитет партии, ни Областной комитет партии, ни ЦК о всех этих фактах не знали.

Я не могу сказать, что мы жулики. Среди нас огромное большинство честных людей. Однако никто не сказал, что мы разложились на упрощенном следствии, и мы считали это методом своей работы. Ответственны все мы за это и я в первую очередь.

Если сейчас проанализировать все эти приказы по массовым операциям: кого мы арестовывали? Хотя бы взять приказ № [00]485¹⁹. Там

¹⁸ Так у тексті.

¹⁹ Ідеться про наказ НКВС СРСР № 00485 від 11 серпня 1937 р. про початок «польської операції».

целый перечень лиц, которых надо арестовать, перебежчики, имеющие родственников, [в Польше] военнопленные.

Для меня одно непонятно в выступлении т. ШЛЕПЧЕНКО. Была операция по «белым». Посадили человек 500 или 600 в одну ночь. Но никто из работников отделения не выступал — как получилось, что формулярики остались, а по шпаргалкам посадили? Для меня это непонятно. Это было не при мне, но для меня это просто непонятно. Вот ФАЛЬКОВСКИЙ, наверно, даст справочку по этому вопросу.

Голос. Я думаю, что справку даст тов. ПЛОСКИН.

[Тов. ДОЛГУШЕВ.] В отношении кадров и антисемитизма. Я уже говорил и еще говорю, что нельзя привести ни одного факта, а если бы это дело проводить, то в условиях Киевской области за эти 6 месяцев можно было бы иметь очень много откомандирований.

Голос. А вот факты, которые приводил ЛОСЕВ.

[Тов. ДОЛГУШЕВ.] Я дальше скажу об этом. Что по кадрам плохо, здесь моя солидная вина. Правда, это зависело не целиком от меня, потому что эти вопросы надо было ставить выше. Но в отношении чистки аппарата мы за это время почти ничего не сделали. К этому вопросу подошли делячески: нужны люди и нужно работать.

Теперь в отношении того, что говорил ЛОСЕВ. Я не знаю такого факта. Тут я, кстати, отвечу на вопрос, который имеется у МЕДВЕДЕВА. Всем начальникам отделов я не один раз говорил, и начальники отделов должны это подтвердить: «Сюда в Областное управление берите главным образом некиевский народ». Почти всем начальникам отделов говорил — меньше киевского народа в Киевское областное управление. Но ставить вопрос «не берите евреев на работу в Киевское областное управление» — никогда таких разговоров у меня не было. Я говорю, если бы эта линия проводилась, я бы мог во всю ширь ее развернуть в условиях Киевской области.

Тов. КЛЕЙМАН. Но установлено, что такая линия проводилась УСПЕНСКИМ.

[Тов. ДОЛГУШЕВ.] Линия проводилась. Я сам вчера об этом говорил. Я же говорил о курсантах. Правда, я о них не знал. Узнал здесь, на собрании, о тех пяти курсантах, о которых говорил ТАЛАЛАЕВСКИЙ, а линия заметна была. Взять хотя бы, [как] особый отдел фильтровали. Правда, люди приходили и говорили — на того справка, на того справка. Или, например, взять такой факт, когда от нас из Киевского областного управления во время событий был набор — пополнение для особых органов. Взяли же у нас главным образом русских, украинцев. Это же бросалось в глаза.

Голос. Один еврей только попал.

[Тов. ДОЛГУШЕВ.] Нет, там больше попало. Но во всяком случае незначительное количество. Конечно, это бросалось в глаза, народ уже начал поговаривать об этом.

Теперь в отношении грубости. Я честно заявляю, что до собрания я не думал и не предполагал, что этот вопрос стоит так остро. Этому, конечно, есть свое объяснение. Это признаки того, что далеко был. Но здесь я для

себя соответствующий вывод сделал. Правда, нужно сказать, что все же кое-кто рассказывал много неправдоподобных вещей в части грубости. Мне, пожалуй, нет никакой целесообразности апеллировать здесь к собранию. Но кое-кто все же, как говорят, с пристрастием выступал. Кое к кому я был предрасположен, а все же они высказывались, что их ругали, их обижали.

Голос. Назовите кто.

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Вот РОТШТЕЙН. С РОТШТЕЙНОМ я как с ребенком обращался, а он говорит, что я к нему грубо относился. И взять БОЙКО, никак не могу вспомнить, чтобы я его матом послал, чтобы я его обругал. Я же могу взять на себя, что я вас матом обругал, но я говорю, что никогда этого случая не было.

Голос [*АБРАМЗОН*]. А помните, как вы меня ругали? (*Смех.*)

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Но все же, товарищ АБРАМЗОН, за дело. Когда вы пришли ко мне с делом невинного человека и суете подписать обвинительное заключение, я вас выругал в прошлый раз на оперативном совещании и сейчас подтверждаю, что я вас выругал правильно. Не подсовывайте обвинительное заключение на невинного человека на Особое совещание. Когда вы мне принесли подписать, смотрю, есть ряд сомнительных моментов. Спрашиваю: «А дело-то чистое или нет, виноват он или нет?». А вы мне что ответили? «Нет, не виновен». Что я вам мог сказать, если не выругать. Я считаю, что в этом отношении АБРАМЗОН неправ.

Тов. АБРАМЗОН. Его еще не освободили.

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Плохо, что вы его до сих пор держите. После того, что вы получили, надо было на второй день освободить.

Теперь для меня ясно, что в вопросах отношения к людям кое-где перегнули палку и кое-кто на это болезненно реагирует. Я сказал, результатом чего это является. С одной стороны, тем, что мы лихорадочно жили и работали это лето и переключались то на спецколлекцию, то на суд, и это лихорадило нас и лихорадило аппарат.

По вопросу о КАПУСТИНЕ. По существу заявления КАПУСТИНА. С КАПУСТИНЫМ я был в очень неплохих отношениях, когда работали вместе в центральном аппарате. Когда я был уже в области, в одном из разговоров (или он ко мне пришел, или по дороге домой) мы разговорились о работе в областном управлении. [...] Он интересовался работой, потом зашел разговор в отношении людей. Я перед этим был, кажется, в Чигирине, и разговор шел не вообще о кадрах, а, кажется, о Чигиринском районном отделении, и сказал: «Бери грузовик и вывози всех». Почему я сказал? Начальника райотделения сняли — разложившийся человек был.

Голос. ШАРОВ?

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Я не помню фамилии. Когда я приехал в Чигирин, кроме пьяных, в аппарате там никого не было. В заявлении это иначе рисуется. Я заявляю, что разговор был такой с КАПУСТИНЫМ, но не в той форме, как преподносит КАПУСТИН. Разговор был по вопросу

Чигиринского райотделения. Впоследствии мы большинство людей откомандировали, а ШАРОВА чуть ли не арестовали.

Голос. Значит, никаких ссылок на УСПЕНСКОГО в этом разговоре не было?

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Об УСПЕНСКОМ вообще разговора не было.

Товарищ УСТИНОВ, в отношении штата вы этот вопрос иначе представили. О том, что это серьезный участок работы — это для всех известно, но надо исходить из реальных возможностей. Не можем мы оголить областное управление, здесь и так мало народа, и пополнять городские районные отделения, и не можем мы дать то, что по штату не положено. Откуда взять машину для городского райотделения, откуда взять машинистку, если она штатом не предусмотрена? Когда были все начальники городских отделений на совещании, которое проводил УСПЕНСКИЙ, он вам разрешил за счет должности секпома и помуполномоченного нанять машинисток. Я сказал: «Нанимайте, а сейчас разрешать будем, насколько это будет законно». Тогда был приказ, а сейчас разрешите усомниться. Откуда можно дать машинистку и машину с шофером, если по штату не положено. Надо реальные вещи ставить. Это серьезный участок работы, и этого никто не отрицает. У нас много серьезных участков работы, и каждый начальник отделения говорит, что у меня польское, немецкое, оборонное, сельскохозяйственное отделение — и все важные. Нельзя же только со своей колокольни на вещи смотреть. У нас 2-й отдел, там есть троцкистское отделение и по меньшевикам. Все серьезные отделения, но нельзя одно отделение укомплектовать за счет другого. Здесь надо исходить из возможностей.

Мы сейчас составляем проект штатов. Мы разбирали организационную структуру построения нашего аппарата и применительно к этому начали перестраивать аппарат.

До сих пор мы пользовались штатами 1935–1936 гг. Если взять, например, 3-й Отдел, там есть 46 штатных человек, а там есть ЭКО, который претендует на 60 человек, и 3-й отдел претендует на 30 человек. Нет штатных единиц, а из кармана своего я платить не могу. За счет 11-го отдела живет 3-й отдел, 4-й отдел и ЭКО. Так что тут надо исходить из реальных возможностей.

В отношении извращений. Конечно, сколько [бы] по этому вопросу ни говорили, но нужно прямо сказать, что со стороны работников извращения были в допросах. Не было сигналов, а начальники отделов и я, как руководитель управления, в глубину этого вопроса не контролировали. Интересовались — все ли у вас в порядке, не трогают ли арестованных? Нет, не трогают? А вопрос до глубины не проконтролировали, а сейчас выясняется, что до последних дней эти извращения имели место.

Это лишний раз говорит о том, что мы, развратившись на примитивных методах следствия, сами закрывали завесу на все безобразия, и я говорю, должны нести ответственность все мы, и в первую очередь я.

Тут же говорили о задачах нашей работы. Нужно сейчас крепко организоваться, чтобы исправлять то, что мы наделали, и в первую очередь разобратся с живыми людьми, которые у нас сейчас сидят арестованными,

и попутно с этим начинать в соответствии с постановлением Центрального комитета настраивать глубокую серьезную агентурную работу.

Не потеряем партийного лица — мы быстро исправим те ошибки, которые имели место в нашей работе.

Голос. Имело место то, что вам УСПЕНСКИЙ поручил просматривать справки по транспортному отделу в то время, как транспортный отдел административно никак не подчиняется начальнику областного управления.

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Имеется приказ и неоднократное подтверждение на оперативных совещаниях, что дорожно-транспортные отделы в оперативном отношении подчиняются начальникам областных управлений. Другое дело, что мы ими не руководим, но во всяком случае, если начальник УНКВД во всех оперативных вопросах дает указание, — он должен выполнять.

Голос. Тов. ДОЛГУШЕВ сказал, что мат как будто — это приемлемая штука. Значит, можно и дальше продолжать?

[*Тов. ДОЛГУШЕВ.*] Нет, я говорю, что делаю из этого выводы.

Тов. МЕДВЕДЕВ. Товарищи. Свое выступление, которое я делал три дня тому назад, я, конечно, не считаю докладом, а только информацией. Я, конечно, признаю, что она была сделана неудачно. Я не охватил всех вопросов, которые я, как секретарь, безусловно, должен был осветить перед таким серьезным, важным партийным собранием. [...]

В результате происходивших прений на партийном собрании вскрыты очень серьезные безобразия в агентурно-следственной работе. Выступившие в прениях товарищи по-большевистски остро вскрывали безобразия, вскрывали недочеты, последствия вредительской деятельности разоблаченных врагов народа в аппарате НКВД Украины.

Правильно критиковали руководство Областного Управления и парткомитет. Я не буду, товарищи, повторять целый ряд фактов, о которых здесь очень подробно выступавшие говорили. Но я скажу несколько новых фактов, о которых выступавшие товарищи не говорили.

Я, по сравнению со многими работниками, молодой работник вообще на Украине и в областном аппарате работаю всего с июня месяца. Что я за это время видел в практике работы Областного Управления? Имеют место необоснованные аресты абсолютно невинных людей, как это после выяснилось. И уже после допущенных ошибок, когда было арестовано в две ночи 600 человек, тогда меня не было, эти ошибки, это вредительство повторялось.

Я сейчас точно не назову, примерно в конце июня или в июле мне тов. ДОЛГУШЕВЫМ было дано распоряжение провести аресты антисоветского и контрреволюционного элемента по тому учету, который имеется в оперативных отделах управления. Тогда был еще СПЕКТОР. И в то время, когда у меня аппарат работал над расхлебыванием, грубо выражаясь, в следствии этих тысячи людей арестованных по этим ленточкам, мы в это время по беспечности областного руководства добавили не одну сотню людей. Вот мне, например, как начальнику 4-го отдела, была дана цифра — 37 человек в сутки. И другим начальникам отделов были даны

такие же цифры. Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ, наверно, помнит — вам тоже была дана цифра 30 с чем-то.

Голос. Твердое задание.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Да. Причем это строжайше контролировалось. У тов. СПЕКТОРА была раскладка по всем оперативным отделам. Если только ты не оформил арестов по этой контрольной цифре, конечно, была масса неприятностей.

Как оформлялись документы на арестованных? Я в 3-м отделе работал один месяц. Мы приехали в отдел в один день с ХАРИТОНОВСКИМ. ХАРИТОНОВСКИЙ — это был исключительный липач. С первого дня моего прихода в 3-й отдел я часто делился с тов. ЦИРУЛЬНИЦКИМ в отношении ХАРИТОНОВСКОГО. У него были протоколы и докладные записки, из которых было видно, буквально организация за организацией. Нужно сказать, что ХАРИТОНОВСКИЙ в результате такой ложной «оперативной» информации был в фаворе у ДОЛГУШЕВА и СПЕКТОРА.

Правда, нужно оговориться. Иногда СПЕКТОР, видя слишком наглую липу, говорил: «Я здесь не верю, сомневаюсь». Помню, это была какая-то организация по лесу и тов. СПЕКТОР крепко взял под сомнение докладную записку ХАРИТОНОВСКОГО.

Был еще такой факт. Это было уже после того, как я ушел оттуда. Мне рассказывал тов. КОЛЧИН. Из центрального аппарата пришло распоряжение написать докладную записку по партизанской операции. Там было арестовано 12 человек. Часть была принята из 4-го отдела, часть была потом арестована.

ХАРИТОНОВСКИЙ составляет докладную записку по партизанской операции и у него получают целые повстанческие отряды из антисоветской части партизан. Как составляли? Звонят в район: «Сколько вы арестовали партизан?». [Отвечают:] «Трех человек». В другой район — 5 человек. Всех сложили, и получилось 132 человека. (Смех.) Вот такая отчетность.

Голос. А командиром этого отряда назначается парализованный человек.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Действительно, «назначили» ЛЕВИНА. Странно, что коммунисты 3-го Отдела, видя такое лицо ХАРИТОНОВСКОГО, не поставили своевременно о нем вопрос. Дали возможность приема его в партию, и он чистеньким ускользнул из Областного управления.

Голос. Он вражескую работу проводил.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Я вообще не люблю выступать, когда не имею точных данных, но есть такие сведения, что тов. ДОЛГУШЕВ дал ему весьма хвалебную характеристику.

Второй архилипач — это КОГАН. (Смех.) С его липой я познакомился, еще будучи в 3-м отделе. По-моему, в разговоре с КАРАФЕЛОВЫМ я спросил: «Что это за липач у вас есть — КОГАН?».

Вот есть заявление ЛЕВИНА. Там есть такие фамилии, которых, может быть, в жизни не было. Ведь КОГАН называл ЛЕВИНУ фамилии.

Перейдя в 4-й отдел, я сейчас же поставил вопрос об удалении его из отдела. Одновременно я предупредил КОГАНА — прекратите

заниматься липой. Если будет обнаружена липа — вы будете нести строжайшую ответственность.

Несмотря на это, все же удаление КОГАНА из отдела почему-то руководством тормозилось. И после этого неоднократно здесь, на оперативных совещаниях, КОГАН ставился в пример. И видимо, после того как ДОЛГУШЕВ получил сигнал из Наркомата, он меня спросил, как работает КОГАН. Я сказал, что это липач, надо его немедленно выгнать.

Тут опять случилось несчастье — выбросился из окна арестованный. Из-за этого удаление КОГАНА задержалось, было опасение, что он закончит самоубийством и т. д.

Вообще-то можно привести много фактов безобразных явлений, но я не хочу затягивать собрание. Здесь в прениях уже достаточно были вскрыты безобразные преступные приемы в нашей работе.

Вот этими безобразными методами работы мы — старые чекисты, если так можно нас назвать, — несомненно, испортили и ту молодежь, которая пришла в наши органы.

Я помню, как ХАРИТОНОВСКИЙ смеялся над одним товарищем, который, только придя в наши органы, был просто поражен и испугался такой обстановки.

Несмотря, что таких товарищей был не один, поскольку к нам пришли новые люди — коммунисты по мобилизации ЦК КП(б)У, его как будто бы уволили.

Голос. Да, за то, что он испугался, его уволили.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] И это так смаковалось ХАРИТОНОВСКИМ. Многие товарищи пришли с партийной работы. Честные товарищи — они попали в такую обстановку и заразились этими безобразиями и также их проводили в жизнь. Ведь вот сейчас выступает тов. АКИМОВ и говорит о СТУПАЧЕНКО. Не СТУПАЧЕНКО виноват, а виноват тот, с кем работал СТУПАЧЕНКО. СТУПАЧЕНКО без пяти минут оперативный работник, он работник ЗАГСа и недавно взят на оперативную работу. Таких, как СТУПАЧЕНКО, у нас, наверно, найдется несколько десятков, которых мы испортили этими извращенными методами работы.

Сейчас это наглядно вскрывается, когда вплотную подошли к проверке следственных дел и проведению следствия в соответствии со статьями уголовно-процессуального кодекса.

Конечно, в результате такой работы мы все наделали много серьезных ошибок. Не исключена возможность, что известная часть осуждена, возможно, и невинных людей в результате таких приемов работы.

Этим, конечно, пользовались вражеские элементы, которые пробрались в органы — типа УСПЕНСКОГО — и их сообщники ВОЛКОВ и КОРКУНОВ. Я не знаю, арестованы эти люди или нет, так как я их не застал. Но считаю их сообщниками. Проверяя документы оперативной отчетности, которая выходила из 4-го отдела при КОРКУНОВЕ, из этой отчетности видно было, что там была липа. Был арестован один сионист 70 лет. Пишется докладная записка: «Вскрыта сионистская организация на Уманщине, охватившая такие-то районы с центром в Киеве». Разворачиваем следствие — и это следствие развернули только с 70-летним

сионистом, а докладная записка пошла Наркому. Таких записок, которые остались от КОРКУНОВА, очень много.

Если говорить об агентурной работе, то агентурная работа в 4-м отделе в бытность КОРКУНОВА, мне кажется, почти не велась потому, что обнаружена исключительная запущенность не только в работе с агентурой, но и в самом хранении дел агентурно-осведомительного порядка, и запущенность всего оперативного учета, который является основным в нашей работе.

Сейчас, товарищи, я перехожу к вопросу об антисемитизме. Я здесь должен заявить, как сказал т. ЛОСЕВ, что я лично, как, вероятно, многие товарищи и все мы, до последнего времени никаких сигналов не имели по этому поводу. Для меня этот вопрос настолько новый и выплыл он только тогда, когда я получил два заявления от тов. ЦИРУЛЬНИЦКОГО и тов. ПОКОТИЛО. Этот вопрос настолько дикий, что даже стыдно говорить об этом на партийном собрании. Но из выступлений видно, что такая контрреволюционная линия была здесь, на Украине, в аппарате НКВД. Так получается сейчас, судя по выступлениям на партийном собрании НКВД УССР, и здесь, видимо, такая линия была.

Какими я располагал фактами? Два заявления и я разговаривал с БЕЛЯВЦЕВЫМ. И в присутствии т. ПОКОТИЛО говорил с БЕЛЯВЦЕВЫМ. Он мог сказать только то, что записано в объяснении. Неправильное было заявление тов. ПОКОТИЛО о том, что он, может быть, написал объяснение потому, что ходил по коридору целый день, ожидая приема, как у СПЕКТРА журналисты. Сразу, как он вошел, мы начали разговаривать по этому вопросу.

Разговаривая с БЕЛЯВЦЕВЫМ, у меня сложилось мнение, что он что-то крутит, так же, как и РЕВА, чего-то недоговаривает. Я не допускаю того, чтобы товарищи выдумали из своей головы и написали, что РЕВА говорил, а он не говорил. Есть пословица, что «дыма без огня не бывает».

Теперь я скажу, что я сам ощущаю. Я не предполагал, что может быть какая-то линия антисемитского порядка. Я очень настойчиво требовал пополнения отдела людьми, поскольку я пришел в отдел, и народ стал уходить, и в конце концов я чуть ли не один остался. Особенно настойчиво я требовал укомплектовать 1-е, 3-е и 4-е отделения. Поскольку тов. ЛОСЕВ, который сидел на 4-м отделении, числился, а работал в оперативно-следственной группе, и, как мне стало известно, работать у нас он бы все равно не стал. Обращаясь к тов. ДОЛГУШЕВУ по вопросам пополнения кадров, я некоторых товарищей выдвигал, что я считал бы возможность взять такого-то, такого-то. Он мне сказал несколько раз, что надо на 3-е отделение подобрать украинцев, а на 1-е отделение или русского, или украинца.

С места. А на немецкое отделение — немца, а на польское — поляков?

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Я не хочу сказать, что ДОЛГУШЕВ прямо сказал, что евреев не брать. Такого заявления со стороны ДОЛГУШЕВА я не слышал, потому что если бы слышал такое заявление, я бы сейчас же сказал.

Я был свидетелем такого разговора, не помню с кем, тов. ДОЛГУШЕВА с КОЗЬМИНЫХ или с ЕМЕЛЬЯНОВЫМ. Речь шла о работниках финотдела. КОЗЬМИНЫХ хотел уходить, он говорит: «Уберите в финотделе всех торговцев. Их надо выгнать». Но не назвал фамилий, к кому это относится. Вот факты, которыми я располагаю.

В отношении заявления тов. ЗАЛЕССКОГО. Я не знаю — кто меня может обвинить в антисемитизме. Никогда в моей жизни этого не было. У меня есть товарищи по прежней работе — евреи, большие друзья, с которыми я и сейчас переписываюсь. И здесь, по-моему, ни один товарищ в отделе не скажет, что я с каким-либо предубеждением относился к евреям. И к евреям, и к украинцам, и к русским — ко всем я отношусь одинаково. Если он хорошо работает — хорошо отношусь, плохо работает — поправляю.

Вот с тов. МЕЕРЗОНОМ. Я с ним очень серьезно говорил, и он меня понял. Он мне сказал: «Даю слово, что я исправлюсь». Он сейчас исправляется. Тов. МЕЕРЗОН стал неузнаваемым в работе.

Относительно СПИНОЗЫ. Как было дело со СПИНОЗОЙ. СПИНОЗА все время хочет уйти из 4-го отделения в 3-е, а я не хочу его отпускать из 4-го отделения потому, что там нет людей. А СПИНОЗА — опытный работник в работе с агентурой, но он не хочет работать с молодежью. У него есть агентура из 3-го отделения. Сейчас, правда, у него всю агентуру 3-го отделения полностью должны забрать в 5-е отделение.

Голос. У него и сейчас есть.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Но я сказал, чтобы забрать потому, что в 3-м отделении агентуры мало, а в 4-м отделении много. Таких заявлений, какие здесь приводил ЗАЛЕССКИЙ, у меня не было. Это неверно.

Голос. Я передал то, что мне сказал СПИНОЗА.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Здесь есть КАМРАЗ, МЕЕРЗОН, ЗАЛЕССКИЙ, пусть скажут — замечали они в моей работе какую-нибудь линию, похожую на антисемитизм.

Тов. АКИМОВ. Сегодня со мной говорил СПИНОЗА. Он сказал, что в свое время он говорил МЕЕРЗОНУ, а потом сказал ЗАЛЕССКОМУ, что он зашел к тебе в июне или в июле по вопросу своей работы и сказал, что он хочет работать в 3-м отделении. Ты, как говорит СПИНОЗА, заявил ему, что в 3-м отделении должен работать украинец. Он тебе заявил, что в 4-м отделении работать не может и будет вынужден уйти. Ты сказал: «Можете уйти».

Мне СПИНОЗА говорил несколько часов тому назад. Я его спрашиваю, или он [лишился] твердой памяти и ума, якобы ты ему еще сказал, что ДОЛГУШЕВ не согласится, чтобы он работал в 3-м отделении.

В то же время мне СПИНОЗА заявил, что с ним говорил ДОЛГУШЕВ и принял его довольно хорошо, расспрашивал по этому вопросу.

Тов. ЗАЛЕССКИЙ. Я не знаю, почему МЕДВЕДЕВ пытается отрицать. Здесь вы сказали, что разговор такого порядка у вас был и что со стороны ДОЛГУШЕВА были указания на 1-е и 3-е отделения посадить украинцев. Ведь СПИНОЗА говорил, что МЕДВЕДЕВ сказал, что капитан [ДОЛГУШЕВ] не согласится, т. е. по существу то же самое, что говорили ЛОСЕВУ.

Тов. МЕДВЕДЕВ. Я же не могу наговаривать. Возможно, что такой разговор был — не хочешь, пожалуйста, не работай. СПИНОЗА предъявлял массу претензий. Потом СПИНОЗА вообще болезненный человек. Его не сегодня-завтра придется освободить. Он часто болеет. Если мы подберем подходящего человека, СПИНОЗУ мы, конечно, освободим, тем более, что он неоднократно ставил передо мной вопрос, чтобы его освободили, так как он больной и что он устарел на работе.

Такие разговоры у нас с ним были, а не переводил я его из 4-го отделения исключительно потому, что не было людей. Там один МЕЕРЗОН сидел, а потом пришел КОВТУНЮК. Если бы там было достаточно людей, а в 3-м отделении меньше, я бы его туда перебросил. Поскольку СПИНОЗА не является гласным работником, я мог не спрашивать ДОЛГУШЕВА — переводить или не переводить.

Сейчас перехожу к состоянию работы нашей парторганизации.

Здесь очень много критиковали работу парткомитета, и правильно критиковали. Критиковать нужно. Хорошая критика помогает в работе. Но нужно вам сказать, и вы знаете, что парткомитет вы избрали ровно два с половиной месяца тому назад. Я должен сказать, что лично мое мнение, что парткомитет избран неудачно. Почему? ДОЛГУШЕВ все время занят, то в ЦК, то в Обкоме. Так что он не может уделить достаточного времени работе парткомитета. ЛОСЕВ — в Броварах, КЛЕЙМАН — в тюрьме, ПАВЛЫЧЕВ выбыл. Остаюсь я, БЕЛОВ и ЛУПЕНКО.

Конечно, такая разбросанность членов парткома не могла быть стимулом к налаживанию партийной работы.

Тут нужно или как-то этих товарищей собрать, или взять просто из рядовых товарищей, которые все время здесь находятся в Облуправлении. Причем нужно сказать, что парткомитет серьезно занялся выправлением недочетов в партийной работе примерно месяц. А до этого все был организационный период.

Что мы получили от парткома НКВД УССР, когда оформились в самостоятельную организацию? Абсолютно ничего. Ни копейки денег, ни зав[едующего] парткабинетом. Только библиотеку свалили. На этом закончилось разделение имущества. Тогда как парткомитет НКВД УССР имел 2-х зав[едующих] парткабинетом, освобожденного секретаря парткома и другой технический аппарат парткома.

Предпринимал ли парткомитет меры к тому, чтобы заполучить в свое время зав[едующего] парткабинетом, а потом инструктора-консультанта, поскольку зав[едующий] парткабинетом был упразднен? Мы несколько раз — и я лично, и тов. КЛЕЙМАН с тов. ЛОСЕВЫМ — обратились к тов. ШАМРЫЛО, к тов. ЧЕРЕПИНУ, к тов. СЕРДЮКУ, к зав[едующему] отделом агитации и пропаганды, там записывали на календаре. Но так как календарь перевортывается, по этому перевортывали число и опять забывали. А когда встречаешься, снова обещают.

Возьмите, товарищи, помощь городского партийного комитета. Мы в план работы парткомитета включили на декабрь 3 лекции. И уже третий раз лекция не может состояться. Все время лектор занят. Обещают, приходит день — лектора нет. Второй раз лектору звоним, говорит, что

я ничего не знаю. ДЕМЧЕНКО уверила нас, что на 13.XII.[1938 г.] с лектором есть договоренность и он будет. Договорились на сегодня. Утром лектор звонит, что не будет, так как занят. Вот отношение городского комитета партии. Не говоря уже о том, что на горкоме никто у нас в парт-организации никогда не был, никто не поинтересовался, как работает партийная организация Областного Управления. Тем более что она только что организовалась, и нужна была помощь на первых порах в налаживании партийной работы. Это неверно, тов. ШАМРЫЛО, что вы говорите, что ваши работники стеснялись ходить в нашу парторганизацию. Если бы Вы пришли, вам бы не запретили участвовать на собраниях, вы же секретарь горкома партии, или если бы пришел инструктор Горкома партии, его бы тоже никто не выгнал.

Тов. ШАМРЫЛО. Даже если бы запретили — я бы присутствовал. Предположим, было бы собрание полтора месяца тому назад — вы бы говорили об этих вещах? Никто бы не пискнул об этом. То, что мы плохо руководили, мы на себя принимаем. Но на себя не примем, что вся беда в том, что Горком не руководил. Никита Сергеевич на собрании парт-организации УГБ говорил, что мы виноваты, что плохо руководили, но кивать только на Горком, Обком и ЦК нельзя. Вы же парторганизация. Горком опирается на низовые парторганизации — на коммунистов.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] Если вы в Горкоме останетесь один, вы ничего не сделаете, пусть будет даже тысяча коммунистов.

Тов. ШАМРЫЛО. Если будет Горком, но не будет коммунистов, Горком ничего не сделает со своим аппаратом. Мы привлекаем сотни коммунистов помимо аппарата, мы опираемся на низовые организации, на всю массу коммунистов.

[Тов. МЕДВЕДЕВ.] На оперативном совещании, когда присутствовал тов. ЧЕРЕПИН, я поднимал вопрос, чтобы был освобожденный секретарь парткомитета в нашей парторганизации. И сейчас я выдвигаю этот вопрос. У нас коллектив коммунистов высокоразвитых, товарищи политически развиты, культурно тоже высокоразвитые люди, во всяком случае, у нас такой коллектив, которым нужно повседневно руководить и нужно руководство не между прочим, а руководство постоянное серьезное. У нас сейчас, если учесть товарищей, которые не взяли на учет, есть 90 коммунистов.

Товарищи, с той работой, которая возложена в наших условиях на секретаря парткомитета, честно заявляю, я не справляюсь. Тем более что на моих руках очень солидный отдел, где я также должен вести работу таким образом, чтобы не страдало дело. Если я буду вести работу так, что она придет в упадок, — это будет непартийное дело.

Здесь некоторые товарищи пытались ставить вопрос таким образом, что надо распустить парткомитет, что надо снять секретаря. Это легко сделать. Но прежде чем снимать, надо помочь, а уж потом, уж если не выходит дело, если товарищ не хочет работать, тогда его снимают. Этому учит партия, этому учит тов. СТАЛИН, надо отстающим помогать. Я себя не отношу к тем, которые не хотят работать. Я хочу работать, но

физически я не могу охватить всю работу в силу обстоятельств, которые я изложил.

Заканчивая свое выступление, я считаю, что перед нашим партийным коллективом чекистов стоят такие задачи: во-первых, в соответствии с постановлением ЦК и Совнаркома по-большевистски, по-партийному выправить все недочеты, имеющие место в нашей чекистской работе. Вместе с тем необходимо нам поднять партийную работу на должную высоту, приблизить парторганизацию вплотную к нашей основной работе. Чтобы не было такого положения, как было до сегодняшнего партийного собрания, чтобы парторганизация лезла буквально везде, чтобы парторганизация знала, что делается в Областном управлении, и чтобы парторганизация могла своевременно реагировать на те или иные извращения или недочеты в нашей работе.

Мы, товарищи, серьезно должны поставить вопрос об организации партийной учебы в соответствии с решением ЦК партии о пропаганде. Здесь вся парторганизация должна мобилизоваться на изучение истории партии, на овладение учения МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА.

Не менее важный вопрос — это воспитание молодых кадров, которые пришли и приходят в наши органы. Несмотря на то что по этому поводу мы много говорили, конкретно очень мало делается. Отдел кадров выпустил этот участок работы из своих рук, а парторганизация также отошла в сторону от этого дела. Отдел кадров очень хорошо составил в свое время план лекций для молодых товарищей по чекистской работе, но этот план не выполняется, и парторганизация, парткомитет должны будут в первую очередь этим вопросом заняться. Парткомитету нужно будет учебу, воспитание наших молодых товарищей взять в свои руки.

На основе широкого развертывания большевистской критики и самокритики, невзирая на лица, мы будем, несомненно, вскрывать все недочеты, все извращения, и под руководством партии, под руководством тов. СТАЛИНА чекисты были и будут бить врага так, как учит нас партия и тов. СТАЛИН.

Сейчас, товарищи, разрешите ответить на пару выступлений некоторых товарищей. Во-первых, неправильно выступил тов. ЗИЛЬБЕРМАН, сказав о том, что парткомитет ставит непартийные вопросы на партийных собраниях. Это неверно. На собрании присутствуют коммунисты и знают, если бы ставили непартийные вопросы, то, вероятно, товарищи это сразу почувствовали бы и указали парткомитету.

Дальше, тов. КУПКО назвал меня подхалимом. Когда называют подхалимом, нужно иметь факты. К кому я подхалим — к КУПКО что ли? (Смех.) Я не знаю таких фактов, и никто таких фактов привести не может. Никогда в жизни я подхалимом не был и не буду. Это не соответствует и моему складу характера.

Теперь насчет аттестации ФРИДМАНА и МЕЕРЗОНА. Аттестации я дал такие, какие нужно дать. Аттестация — это не вечное дело. Сегодня товарищ плохо работает, а завтра начинает исправляться. Будет хорошо работать и получит аттестацию.

Я считаю, что ФРИДМАН должен был быть переведен в Оперуполномоченные. Человек 5 лет работает в органах, и все время Пом[ощником] Оперуполномоченного. Во всяком случае, его нельзя сравнить с некоторыми товарищами, которые недавно пришли в наши органы. ФРИДМАН может и следствие вести, может и с агентурой работать, может составить оперативный документ.

Я считаю, что я подошел правильно, но Отдел кадров подошел неправильно. Аттестацию я дал в сентябре, и только после моей настойчивой постановки вопроса перед тов. ДОЛГУШЕВЫМ не только о ФРИДМАНЕ, но еще и о других товарищах этот вопрос в ноябре продвинули. Он стал оперуполномоченным. Два месяца это дело тянули.

Относительно тов. МЕЕРЗОНА. Когда я писал ему аттестацию — он еще не был секретарем комсомольского комитета. С тов. МЕЕРЗОНОМ я говорил очень серьезно. Он здесь может рассказать, какие претензии я к нему имел. Он признал, что действительно у него был холодок в работе и что он постарается это дело исправить.

Тов. ПЛОСКИН. Справка. Тут уже рассказывали и частью я знаю со слов других товарищей. Был вызван кто-то из руководства центрального аппарата, и УСПЕНСКИЙ дал задание в течение трех ночей арестовать 3000 человек. Я в то время был начальником «белого» отделения. По «украинскому» отделению был ПРЖБЫТКО. Я сдал формуляры. Это не удовлетворило. Тогда РАКИТА взял списки у АЛЫТЗИЦЕРА. Насколько я помню, это были оперодовские ленточки. Когда вводилась паспортная система, то Оперод что-то проверял.

Тов. ШЛЕПЧЕНКО, по-моему, неответственно заявил, что у него большой учет. Там остался старческий состав — вице-губернатор или генерал, а ему 80–85 лет. Только название большое, что генерал. Этих не брали.

Затем не брали, если родственники белые за границей. Единственное, что за ними есть, — это то, что они являются родственниками бежавших белых. Затем осталось несколько человек профессорского состава и крупных инженеров. За ними есть, что они принадлежали к офицерству, и больше ничего. Больше ничего не было.

Тов. КАРАФЕЛОВ. А вчера т. КУПКО говорил, что какие-то материалы использовались.

[Тов. ПЛОСКИН.] Он же разъяснил, что это было взято у АЛЫТЗИЦЕРА.

Голос. У меня есть по этому вопросу справка.

Председатель. Требуется ли еще справка по этому вопросу?

Голоса. Нет.

Тов. ЛОСЕВ. По выступлению тов. ДОЛГУШЕВА получается, что то, что я говорил, абсолютно не было. Я прошу дать справку т. МЕДВЕДЕВУ и вторую справку т. ТКАЧЕНКО, с которым говорил т. ДОЛГУШЕВ. Тогда не будет голосовно.

Тов. ТКАЧЕНКО. Справка. 22-го ноября на оперативном совещании в клубе в разговорах о делах, проводимых УСПЕНСКИМ, был такой разговор, что в одной из областей была дана установка — выживать евреев из аппарата. Говоря по этому вопросу с тов. ФАЛЬКОВСКИМ, я думал, что

коль скоро была такая линия, очевидно, она проводилась и у нас. Из чего я исходил, когда сделал такое заявление тов. ФАЛЬКОВСКОМУ?

Во-первых, в свое время здесь был КОРКУНОВ, и второй помощник его, такой рябой, здоровый...

Голос. КОЗАЧЕНКО.

[Тов. ТКАЧЕНКО.] Да. На одном из оперативных совещаний ЯМПОЛЬСКИЙ, товарищи помнят, наверно, выступил против неправильного руководства со стороны КОРКУНОВА и КОЗАЧЕНКО. На завтра этого ЯМПОЛЬСКОГО убрали, кажется, в Омск.

Второй факт, который вызвал у меня подозрение. Раз я зашел к тов. ДОЛГУШЕВУ и начал делиться, что Отдел кадров не утверждает мне кандидатуру на работника ВАЙНМАНА. Тов. ДОЛГУШЕВ заявил: «Откуда он — из Подола? Не берите. Все они торговцы». Так примерно было сказано.

Исходя из этого, у меня зародилось подозрение, что, очевидно, эта линия проводилась у нас. И когда тов. ЛОСЕВ позвал меня к себе, просил подтвердить разговор с тов. ФАЛЬКОВСКИМ, я ему так дословно рассказал. Причем я упомянул: в заявлении, которое мне показал тов. ЛОСЕВ, было написано, что якобы было сказано, что вражеская работа проводилась РЕВОЙ. Я абсолютно никаких фамилий лиц не называл, а эти два факта вызвали подозрение, и я сказал, что, очевидно, эта линия у нас проводилась.

Тов. ЗАЛЕССКИЙ. К тому факту, о котором говорили ЛОСЕВ и ТКАЧЕНКО, я хочу добавить, что получается линия отсебятины или у МЕДВЕДЕВА, или и МЕДВЕДЕВ и ДОЛГУШЕВ знали об этом. СПИНОЗА заявляет, что он обратился к МЕДВЕДЕВУ с просьбой работать с агентурой. По 3-му отделению он десятки лет работает с агентурой, и МЕДВЕДЕВ заявил, что этого сделать нельзя потому, что капитан не согласится, так как с агентурой должен работать по национальности или русский, или украинец. Получается какая-то линия.

Тов. ШЕХМАН. Я зашел к тов. РЕВЕ и сказал, что НОДЕЛЬМАН исправился и надо изменить характеристику. Никаких положительных характеристик я не давал.

С места. Это хорошая характеристика.

Тов. ВАРАКОВ. Тов. ДОЛГУШЕВ в своем выступлении поставил вопрос, что дело КОРНИЛИШИНА он привел как доказательство того, что боролись с тем, чтобы не сажать лишних людей. И говорит, что если бы был нечестный следователь, так отхватил бы протокол от КОРНИЛИШИНА. В то же время выходит, что честный следователь не записал контрреволюционных показаний КОРНИЛИШИНА, а когда через несколько дней я пришел на доклад с делом КОЛБАСЕНКО, то меня смешали с грязью вдвоем с ПАВЛЫЧЕВЫМ потому, что я поставил вопрос об его освобождении. Я и сейчас говорю, что КОЛБАСЕНКО зря сидит. КОЛБАСЕНКО — член партии с 1918 года, сын рабочего, сам рабочий, работал в органах ЧК — ГПУ — НКВД с 1919 года. Он не карьерист потому, что сидел столько времени в органах и находился на низовой работе. Он грамотный человек. У него имеется письмо от 1935 года,

в котором он пишет, что ЛЮБЧЕНКО, ХВИЛЯ, ЯНОВСКИЙ, директор Киевской оперы, проводят определенную националистическую работу. В деле имеется заявление КОЛБАСЕНКО, что СЕВЕРИН, бывший начальник отдела кадров,— троцкист. К этому заявлению приложено две копии протоколов за 1926 и 1927 годы из Тираспольской организации. Он пишет заявление в 1936 году или в начале 1937 года, что КАРЛСОН, оказавшийся врагом народа, является, по сути говоря, самозванцем, что он не является членом партии с 1905 года. То же разоблачающее заявление. КОЛБАСЕНКО в 1936 году пишет на бывшего начальника секретно-политического отдела [нерозбірливо], что он является дезертиром Красной армии. Он пишет о ГРИГОРЬЕВЕ. Он, будучи арестован, на очной ставке рассказывает о вражеской работе КОЗЬМИНА — б[ывшего] начальника Отдела кадров. В деле КОЛБАСЕНКО имеются показания бывшего члена подпольной социал-демократической партии за 1917—1918 гг. на ст. Иннокентьевской. Есть заявление МИХНО, в котором МИХНО подтверждает, что КОЛБАСЕНКО был в подпольной организации. В деле КОЛБАСЕНКО имеется справка руководителя партийного отряда в Сибири о том, что он сын рабочего, участник задержания КОЛЧАКА, участник ареста французского генерала, сопровождал эшелон с золотом. В деле имеется, что КОЛБАСЕНКО, у которого семья голодала, не прилип к золоту, когда сопровождал целый эшелон. Что у КОЛБАСЕНКО компрометирующего? Имеется справка из Одессы о том, что в милиции имеется материал о том, что тесть КОЛБАСЕНКО подозревался в краже белья. Я навожу справку, и оказывается, что тесть КОЛБАСЕНКО — преподаватель биологии и имеет, кажется, звание профессора. Разве он крал белье? В деле КОЛБАСЕНКО имеется сводка неизвестно из какого источника о том, что жена КОЛБАСЕНКО имела связь с ИГНАТОВЫМ и КНЯГНИЦКИМ, а какая связь — неизвестно. Тов. ДОЛГУШЕВ сказал: «Что, вы не знаете, что его жена страдала слабостью?». «Так,— я говорю,— что за это не садят». (Смех.) Жена КОЛБАСЕНКО в 1937 году умерла. ИГНАТОВ и КНЯГНИЦКИЙ расстреляны. Где же материалы о связях? Я по-партийному подошел к КОЛБАСЕНКО, так как он коммунист, и я должен был раскопать объективно и ту и другую сторону. Я когда пошел искать личное дело в Отделе кадров, на основе чего писалась справка, то ничего не нашел. Нет протокола ТУКАЯ, двоюродного брата, на основании которого написана справка о том, что он арестован как шпион. Когда я пришел в Отдел кадров Украины, нашел справку за подписью УСПЕНСКОГО «Откомандировать», и дело ушло в Москву. А вторая справка за подписью ДОЛГУШЕВА, составленная, кажется, ТАЛАЛАЕВСКИМ, с резолюцией УСПЕНСКОГО «Арестовать». То отослать, то арестовать. И арестовали человека, и я не могу найти протокола. В справке написано, что он не отрицает, что двоюродный брат был у него в 1927 году и в 1935 году проездом. В показаниях ТУКАЯ нет, чтобы он имел вражескую связь с КОЛБАСЕНКО. Так разве следовало меня так разносить, как вы меня, ДОЛГУШЕВ, разнесли?

Ребята же помнят — я недавно работаю в органах. Я задрожал, слезы полились, а теперь вы этим фактом оправдываетесь, приводите в вашу положительную сторону. Этого следователя вы также смешали с грязью.

Затем вы повторили, что по маловажному проступку. Семья у меня живет в 10-метровой комнатке. Я нахожусь в таких условиях, что даже не высыпаюсь дома. Мне нужно было пошить пальто, и я в пять часов отлучился. Из-за того что я не подчинился АКИМОВУ, меня вызвал ДОЛГУШЕВ и поставил так вопрос: «ВАРАКОВ, с тобой я уже говорю вторично — первый раз о КОЛБАСЕНКО, второй раз — по этому случаю.

Голос. Это уже выступление.

[*Тов. ВАРАКОВ.*] Я даю справку потому, что он выступает неискренно, криводушно, непартийно. Он член Верховного Совета. Мат из его уст не должен срываться. Вы представьте себе — от члена правительства, кандидата в члены ЦК КП(б)У, члена Бюро Обкома — грубый мат. Разве это шутки?

Он говорит: «Я вас предупреждаю, ВАРАКОВ, говорю с вами второй раз. Я вам не угрожаю, но я вам учиню неприятность, такую же, как КАНЦЛЕРУ».

Какую он учинил неприятность КАНЦЛЕРУ — я не знал, но когда навел справку, оказывается, КАНЦЛЕР был арестован. Вот вам неприятность. (*Смех.*) Значит, готовься и ты садиться.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Вы говорите, а не знаете, что ко мне два раза в день приходят с жалобой на вас.

[*Тов. ВАРАКОВ.*] Кто приходит?

Тов. ДОЛГУШЕВ. И МАРЧЕНКО и АКИМОВ.

[*Тов. ВАРАКОВ.*] Почему вы МАРЧЕНКО верите? Это неприлизанный барчук. МАРЧЕНКО — крайне неискренний человек.

Председатель. Партийное собрание сейчас вряд ли разберет это дело. Есть предложение поручить этот вопрос разработать парткому и доложить партсобранию.

Голос. Вы скажите, что Вы вносите такое предложение, а не партийное собрание.

Тов. ШАМРЫЛО. Мы уже три вечера по 8 часов сидим здесь на партсобрании, обсуждаем решение Совнаркома и ЦК. Я думаю, что мы сегодня должны закончить. Мы уже подошли к концу, и надо принять серьезное политическое решение, а не смазывать этого вопроса. Парткомитету придется разобрать ряд вопросов.

Тов. МАРЧЕНКО. Я прошу заявление тов. ВАРАКОВА разобрать на парткомитете.

Тов. ПОКОТИЛО. Я хочу сказать по своему заявлению. Получилось впечатление, что я получил сигнал об антисемитской, фашистской деятельности, я не пошел в кулуары. Это же не так — я подал заявление в парткомитет. Других случаев до подачи заявления я не знал. Получилось, что все это опровергают. Я не хотел в этом обвинить РЕВУ. Лицо, которое было непосредственным источником, БЕЛЯВЦЕВ, от которого я получил этот сигнал, на собрании отсутствует. Я заявляю это, как коммунист, что ни единого слова я в своем заявлении не прибавил.

Прошу собрание реагировать на члена партии БЕЛЯВЦЕВА, который поступил неправильно. [...]

Тов. ХОМУТЕЦ. Я говорил, что новых работников отправляли на район, но некоторые поняли, что я обиделся. Наоборот, я считал это большим повышением. Но дело не в этом, я хотел сказать, что нас послали на район, а агентурной работе не научили.

Тов. МАРЧЕНКО. Я прошу немедленно разобрать вопрос в отношении тов. ВАРАКОВА. Он ведет линию на освобождение всех арестованных. За месяц он не окончил ни одного дела. Тов. ВАРАКОВ разваливает работу 2-го отделения. Прошу проверить этот факт.

Тов. ТАЛАЛАЕВСКИЙ. У партийного собрания сложилось мнение, что все справки, составленные Отделом кадров, являются фабрикацией тов. КИСЕЛЕВСКОГО, и в результате этого людей сажали. Справки в Отделе кадров составлялись инспекторами. Составлял отдел кадров, и если не была включена мелочь, как говорил т. ШЕЙНКМАН, справки возвращались, и человек не санкционировался [к увольнению].

Тов. ЛОСЕВ. Есть предложение вопрос МАРЧЕНКО и ВАРАКОВА передать на рассмотрение партийной группы. *(Предложение принимается.)*

Председатель. Слово для зачитания резолюции имеет тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ.

Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ. До зачитания резолюции прошу дать полминуты для одной существенной справочки.

В день приезда ХАРИТОНОВСКОГО в 3-й отдел ко мне обратился секретарь 3-го отдела т. СВИРСКИЙ с таким заявлением: «У меня имеется протокол допроса одного арестованного шпика. В 1925 году он отправлялся закордон и привозил оттуда контрабандные товары. И эти контрабандные товары распределялись между РАТЫНСКИМ, РОГОЛЕМ и ХАРИТОНОВСКИМ».

Поскольку прибыл ХАРИТОНОВСКИЙ, мне ФРИДМАН передал этот протокол, чтобы он не попал к ХАРИТОНОВСКОМУ. Я пришел к СПЕКТОРУ и передал ему. Он спрятал к себе в кассы. Когда СПЕКТОР уехал и прибыл ПАВЛЫЧЕВ, я спросил ПАВЛЫЧЕВА, передал ли ему СПЕКТОР протокол и знает ли об этом протоколе ДОЛГУШЕВ? ПАВЛЫЧЕВ сказал, что он этот протокол получил, тов. ДОЛГУШЕВ в курсе дела. Таким образом, я к тов. ДОЛГУШЕВУ не пошел.

Тов. ДОЛГУШЕВ дал ХАРИТОНОВСКОМУ очень положительную характеристику, когда он ехал переводиться в действительные члены партии в Житомир. ХАРИТОНОВСКИЙ характеризовался как хороший, выдержанный работник. Эту характеристику мне показывал ХАРИТОНОВСКИЙ перед своим выездом на Дальний Восток. Вот вся справка.

Комиссия предлагает следующий проект резолюции. *(Зачитывает.)*

Председатель. Есть предложение принять резолюцию за основу. *(Принимается за основу.)*

Тов. ВАРАКОВ. В отношении поощрений лиц, которые извращали ведение следствия, надо добавить, что лиц, которые старались добросовестно вести следствие, тов. ДОЛГУШЕВ зажимал и угрожал арестом.

Тов. КАРАФЕЛОВ. Там, где записано в отношении дальнобойного оружия, которым должны руководствоваться по повышению своего идейно-политического уровня, вместо «изучать ЛЕНИНА — СТАЛИНА» добавить «МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА».

Второе, там, где идет вопрос об антисемитизме, — не ссылаться только на ЛОСЕВА, а перечислить остальных товарищей, которые по этому вопросу выступали.

Третье, по вопросу молодых кадров — нужно конкретно указать об организации учебы.

Четвертое, в отношении ГОТКИСА, его надо включить, поскольку о нем говорили немало.

Тов. КЛЕЙМАН. Справка по поводу добавления ВАРАКОВА. Тов. ДОЛГУШЕВ не мне лично говорил, что отправит в лагерь, но в присутствии тов. ВАРАКОВА, ПАВЛЫЧЕВ получил директиву поехать и предупредить меня, что если быстро не закончу дела, я поеду в лагерь. Факт такой имел место. Об этом факте я этими днями узнал от товарищей.

Тов. ХАИТ. Упоминали фамилию ЛИФШИЦА о том, что он может отменить партийное собрание.

Тов. КУПРИН. Вместо «неправильных арестов» написать «необоснованных арестов».

Тов. КЛЕЙМАН. Поручить парткомитету выяснить причины отъезда и по чьим указаниям уехал БЕЛЯЕВЦЕВ. Персонально о РЕВЕ вопрос перенести для решения на первичной организации партийной группы и парткомитета.

Тов. ШАМРЫЛО. Там есть пункт, в котором говорится «поставить вопрос перед вышестоящими организациями о снятии с работы тов. ДОЛГУШЕВА». Тут надо не так подходить. Кто читал, а очевидно, все читали решение партии и выступление тов. СТАЛИНА на февральско-мартовском пленуме, [1937 г.] где говорится, что прежде, чем решать вопрос о человеке, надо всесторонне проверить.

Я думаю, что нужно отмеченные ошибки оставить и написать: «Поручить парткомитету разобраться», а уже потом сказать, может тов. ДОЛГУШЕВ или не может оставаться в руководстве в дальнейшем. Мне кажется, что будет неправильно, если мы, не разобравшись, будем принимать решение на партийном собрании.

Председатель. Какие замечания есть по предложению тов. ШАМРЫЛО?

С места. Раз ставится вопрос о занимаемой должности, так надо поставить вопрос, как о члене парткома.

Тов. ПАЩЕНКО. В связи с тем, что было два предложения в отношении тов. ДОЛГУШЕВА, первое — предложение комиссии и второе — предложение тов. ШАМРЫЛО, нужно будет проголосовать с тем, чтобы принять одно из этих предложений.

С места. Тов. ШАМРЫЛО неправильно ставит вопрос. Вся парторганизация находится на собрании, каждый член партии выступал и приводил факты. Мне кажется, что выделять комиссии для проверки фактов не следует. Надо или вообще снять вопрос, или принять так, как ставит комиссия.

Тов. ШАМРЫЛО. Видите, товарищи, вопрос стал так: снимать или не снимать. Партийное собрание не будет снимать и не будет назначать. Начальника Областного Управления НКВД утверждает ЦК.

Я лично могу привести факты ошибок, которые допускались. Были случаи, когда, скажем, в той или другой организации вскрывается ряд безобразий. В разгаре застенной критики парторганизация выносит решение — парткомитет распустить, того-то освободить, того-то исключить из партии. Наломают дров, а потом приходится поправлять.

Я считаю, что надо еще подробно побеседовать с товарищами. Может быть, надо ДОЛГУШЕВА исключить из партии, но надо разобраться. У нас есть парткомитет. Почему мы не можем поручить парткомитету разобраться с тем, чтобы решить вопрос на следующем партсобрании? А так мы можем впасть в ошибку, неправильно подойти к решению вопроса.

Я считаю, что будет правильно, если мы поручим парткомитету, учтя выступления, какие здесь были, ошибки, которые имел ДОЛГУШЕВ, разобраться в этом вопросе. Тогда партсобрание сможет обсуждать этот вопрос.

Тов. ЦИРУЛЬНИЦКИЙ. Партийное собрание сейчас таким образом вопрос не ставит. Партийное собрание выносит свое мнение, и я считаю, что партсобрание после 3-дневного тщательного разбора может иметь свое мнение, а как будет решаться вопрос — будет видно.

Из выступления ряда товарищей видно, что обвинение, выставленное против тов. ДОЛГУШЕВА, все-таки подтверждается. Если мы перенесем на парткомитет, парткомитет опять будет говорить по этим вопросам, потом партсобрание тоже опять будет говорить.

Я считаю, что мы можем сейчас решать вопрос. Если мы выносим предложение, что тов. ДОЛГУШЕВ не может обеспечить руководства Областным Управлением, это не значит, что ДОЛГУШЕВ снимается, но наше мнение должно быть.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Тут есть целый ряд таких фактов, которые ни при каких обстоятельствах не могут подтвердиться: то, что прикрывал липогинов и т. д. Или насчет КЛЕЙМАНА. Я впервые слышу такую постановку вопроса. Никто мне никогда не сможет доказать.

Председатель. Есть предложение голосовать. Первое предложение комиссии. Второе предложение: «Учитывая ряд серьезных моментов, выдвинутых против тов. ДОЛГУШЕВА, партсобрание считает необходимым этот вопрос дорасследовать».

Вот примерно текст второго предложения. Кто за первое предложение, зачитанное тов. ЦИРУЛЬНИЦКИМ? Кто за второе предложение?

Результаты голосования — 16 за предложение комиссии и 42 за предложение тов. ШАМРЫЛО.

Таким образом, вопрос о тов. ДОЛГУШЕВЕ передается на проверку и расследование парткомитету, и результаты должны быть доложены очередному партсобранию.

Какие еще имеются изменения и дополнения?

Тов. МЕДВЕДЕВ. С момента избрания парткомитета области арестов не было. Это относится к парткомитету НКВД УССР.

Тов. ШАМРЫЛО. Если этого не было, не надо записывать

С места. Часть работы парткомитета относится главным образом к объединенному парткомитету УГБ Украины и области. Так что надо добавить там, где говорится, что были сигналы о зажиме самокритики, а парткомитет не расследовал, надо отметить, что парткомитет УГБ Украины и Области [этого не делали].

Тов. ШАМРЫЛО. И на Украине было насчет зажима самокритики, так что надо будет указать.

Тов. КАРАФЕЛОВ. В резолюции мы перечисляем ряд лиц, которые проводили вражескую работу. Там нужно указать, что материал в отношении этих лиц передать в соответствующие парторганизации — для разбора этих материалов. А в отношении товарищей, которые работают в Областном управлении НКВД, поручить парткомитету разобраться с этими материалами.

Тов. ВАРАКОВ. На собрании выступал ряд товарищей, которые говорили в отношении положения сотрудников, что мы работали круглые сутки, без выходных дней. Я считаю, что нужно будет записать в смысле бытовых условий работников, чтобы правовая сторона была сохранена, а то захотел начальник областного управления — и отменяет на 4 месяца выходные дни, и народ работает круглые сутки.

Председатель. Есть предложение записать о заботе о людях, о культурных и бытовых условиях сотрудников.

Тов. МЕДВЕДЕВ. Я возражаю против формулировки «был на поводу у ДОЛГУШЕВА». Он тоже член парткомитета и я не мог быть у него на поводу.

Тов. КЛЕЙМАН. То, что МЕДВЕДЕВ не остро ставил вопросы, это бесспорно, но то, что тов. МЕДВЕДЕВ по ряду вопросов спорил с тов. ДОЛГУШЕВЫМ, в частности по вопросу о кадрах, это не смягчает вины МЕДВЕДЕВА. Насчет «был на поводу» — это не отображает действительного положения.

[Председатель.] Есть предложение «на поводу у ДОЛГУШЕВА» изъять из резолюции.

Тов. ЗАЛЕССКИЙ. Тов. МЕДВЕДЕВ выступил с заявлением, что он обращался к тов. ДОЛГУШЕВУ по вопросу о кадрах и получил установку, что на 1-е и 2-е отделение надо посадить или русского, или украинца. Он, как секретарь парткомитета, чувствовал, что это неправильно, но не поднимал этот вопрос.

Тов. УСТИНОВ. Товарищи, я считаю, что будет неправильно, если мы начнем все увязывать. Что значит «был на поводу»? Во-первых, мы не установили в отношении ДОЛГУШЕВА, что он является таким человеком, что быть на поводу у него является безобразным явлением. Сотрудники — члены партии говорят, что между ДОЛГУШЕВЫМ и МЕДВЕДЕВЫМ не было дружественных отношений. Я предлагаю это слово «на поводу» исключить. У МЕДВЕДЕВА есть собственные ошибки, и надо записать то, что есть.

С места. Товарищ МЕДВЕДЕВ говорил о том, что на такое-то отделение нужно поставить украинца. На предыдущем собрании тов.

МЕДВЕДЕВ сказал, что ПРОСТОТА лодырь. Говоря с ПРОСТОТОЙ, он мне заявил, что между тов. ДОЛГУШЕВЫМ и тов. МЕДВЕДЕВЫМ крепкий контакт существует, и жмут на меня. Я получил путевку и, наверно, в область не вернусь потому, что загрызут меня.

Тов. ШАМРЫЛО. Я думаю, что этот пункт нужно будет таким образом записать: «Секретарь парторганизации тов. МЕДВЕДЕВ не вел достаточной борьбы со всеми извращениями, которые были, неостро ставил вопрос перед начальником управления». Мы говорим — шел на поводу у врага. На поводу у кого? У ДОЛГУШЕВА? Тов. ДОЛГУШЕВ — начальник управления, член партийного комитета, а мы в предыдущем пункте договорились поручить парткомитету расследовать эти вопросы и вынести на обсуждение очередного партсоборания. Я считаю, что этот вопрос нужно так сформулировать, что «тов. МЕДВЕДЕВ не вел борьбы, неостро ставил вопросы в части [пресечения] безобразий».

Тов. МЕДВЕДЕВ. Я считаю несерьезным заявление тов. ПЛОХОГО. С тов. ПРОСТОТОЙ у нас очень хорошие взаимоотношения. С ДОЛГУШЕВЫМ у меня никаких крепких, как называет тов. ПЛОХОЙ, отношений не было. С ДОЛГУШЕВЫМ я никогда не выпивал.

Но что получается? Выходит, что я не могу к нему зайти потому, что если немного дольше задержался, значит, что-то делал.

Теперь по заявлению ЗАЛЕССКОГО. Я человек на Украине новый, и для меня это дело непонятно. Причем это относится к тому времени, когда я не был секретарем парткомитета. По этому поводу я говорил с ЛАПСКЕРОМ. Тов. ДОЛГУШЕВ мне сказал спокойно: «Подберите на это отделение украинца».

Голос. Я за свое выступление в отношении ПРОСТОТЫ отвечаю.

Председатель. Кто за формулировку, предложенную комиссией?

Кто за предложение, внесенное тов. ШАМРЫЛО, выбросить слова «на поводу у ДОЛГУШЕВА», а поставить о недостатках работы тов. МЕДВЕДЕВА, что он не исправился и т. д. (*Абсолютное большинство.*) Еще есть какие замечания?

Тов. КРЕЩАНОВСКИЙ. По вопросу об Иване БАБИЧЕ, присвоении БАБИЧЕМ вещдока и т. д. Этот вопрос в свое время был смазан парткомитетом НКВД УССР. Очевидно, потому, что часть людей освобождаем, а вещдоков нет.

Тов. КАРАФЕЛОВ. Товарищи, я помню, в 1937 году БАБИЧА исключили из партии за то, что он подменил ценное ружье стоимостью в 2000 рублей на шомполку²⁰. Причем хотел подвести другого товарища — следователя: подложил ему другое ружье в чехол. Но тот «смыкнутил» и потребовал: «Открой чехол». Выявил, что подложено другое ружье.

Было заявлено ПОКОТИЛО по случаю самоубийства КУЛЯКИНА — начальника Переяславского райотделения, в чем в значительной части был повинен БАБИЧ. Причем каким образом был восстановлен БАБИЧ? Он сам хвалился, что его вскоре вызвал к себе ЛЕПЛЕВСКИЙ, поговорил с ним и дал приказание — восстановить в партию. Парткомитет

²⁰ Шомполка — рушница, що заряджається з дула за допомогою шомпола.

с мнением ЛЕПЛЕВСКОГО посчитался, и этот вопрос смазали. Я считаю, что сейчас нужно будет парткомитету этот вопрос расследовать.

Тов. КЛЕЙМАН. Не так давно разбиралось дело БАБИЧА в Горкоме партии. Он был вначале исключен первичной организацией, а потом это решение было подтверждено парткомитетом. Члены парткомитета, которые вносили предложение об исключении БАБИЧА из партии — СОКОЛОВ и КОЗЬМИН — на втором заседании парткомитета опять подняли этот вопрос. И вопрос был пересмотрен. БАБИЧУ был вынесен строгий выговор. Этот строгий выговор был утвержден собранием и Горкомом.

Первичная парторганизация в состоянии дополнительно рассмотреть вопрос о БАБИЧЕ.

Голоса. Правильно.

Голос. Я присутствовал на Горкоме, когда разбирался вопрос в части ружья. Сейчас БАБИЧ в порядке апелляции обжаловал и из Горкома в парторганизацию поступило отношение с заявлением БАБИЧА о том, чтобы парторганизация дала ему характеристику на предмет снятия с него выговора. Здесь, безусловно, проявляет активность Горком партии.

Тов. ТАЛИС. Он оружие заменил, просто сделал...

Голос. Подлог.

[Тов. ТАЛИС.] Да, подлог, причем сам БАБИЧ сказал, что он сделал подлог. Здесь говорили, что он признал свою ошибку. В Горком партии он представил справку, что якобы ему было разрешено обменять ружье. На основании этого Горком исключил пункт относительно оружия. Я считаю, справка из Комендатуры была выдана неправильно. Этот вопрос надо будет разобрать. Он эту справку подсунул на бюро горкома.

Тов. МЕДВЕДЕВ. Строгий выговор утвержден БАБИЧУ Обкомом. Из Обкома прислали его заявление, где он просит снять с него взыскание.

Председатель. Есть предложение передать этот вопрос в первичную парторганизацию с тем, чтобы разобрать его от начала до конца. *(Принимается.)*

Председатель. Какие есть еще предложения?

Тов. ПАЩЕНКО. Товарищи выступали о том, что надо поставить вопрос перед Горкомом партии о том, чтобы у нас был освобожденный секретарь парткомитета. С первой частью предложения я согласен, а во второй части, где говорится о снятии тов. МЕДВЕДЕВА, — заменить постановкой вопроса перед Горкомом партии об освобожденном секретаре парткомитета.

Тов. СИДОРЕНКО. Есть устав, где предусмотрено, при каком количестве членов партии можно иметь освобожденного секретаря. У Вас количество коммунистов приближается к этому, и специального решения незачем выносить. Мы сами решим это.

Тов. ШАМРЫЛО. Решение первичной организации в данном случае не нужно. У нас есть парторганизации, которые имеют меньшее количество коммунистов, но коллектив рабочих до 3-х тысяч человек, и мы ставим в отдельных случаях вопрос перед ЦК, чтобы разрешили это дело.

Мы советовались с тов. СИДОРЕНКО и на ближайшем Бюро обсудим этот вопрос.

Тов. КАРАФЕЛОВ. Я думаю, что не помешает, если партийное собрание запишет — просить Горком партии дать освобожденного секретаря.

И второе. Товарищи выступали и говорили о том, что у нас нет штатного пропагандиста, мы несколько раз ставили вопрос перед Горкомом партии об этом. По-моему, сегодня надо записать в резолюции, чтобы Горком партии это дело ускорил и дал нам штатного пропагандиста.

Тов. КЛЕЙМАН. Есть предложение написать: «Просить Горком партии о выделении кандидатуры на платного пропагандиста и поднять вопрос перед ЦК КП(б)У о выделении освобожденного секретаря».

Тов. ШАМРЫЛО. Для вашей организации ЦК не утвердит двух платных работников, а потом вы скажете, что записали, а Горком не выполнил. У вас 90 коммунистов. А если бы даже было 120–130 человек, все равно ЦК не утвердит. Если у вас есть ставка, мы пришлем человека на пропагандиста, но секретарей мы берем на партийный бюджет. Мы можем поставить вопрос перед ЦК о секретаре, но когда мы поставим вопрос о двух освобожденных работниках — ЦК не утвердит.

Тов. КЛЕЙМАН. Речь идет только об одном освобожденном секретаре, а для штатного пропагандиста уже ставка утверждена ЦК ВКП(б). Поэтому речь может идти только о человеке, а не о ставке.

Тов. ШАМРЫЛО. Мы поставили вопрос перед ЦК КП(б)У об освобожденном секретаре парторганизации Дарницкого мясокомбината, где имеется коллектив в 2700 человек, но там 70 коммунистов, и нам этого не разрешили.

С места. Товарищ ШАМРЫЛО неправ. Это будет зависеть от того, как Горком и Обком партии поставят вопрос перед ЦК. Исключение всегда допускается, и средства найдутся. Если учесть особенности работы нашего коллектива и постановление ЦК ВКП(б), говорящее о недостатках в наших органах, то, безусловно, работника утвердят, но надо, чтобы тов. ШАМРЫЛО, как секретарь горкома, покрепче поставил этот вопрос.

Тов. СИДОРЕНКО. Мне кажется, что товарищи принципиально неправильно ставят вопрос. У нас получается, что партийную работу могут проводить только освобожденные работники. Это неправильно. У вас получается так, что раз не было освобожденного секретаря, значит, и работы не было. У вас крепкий высококачественный коллектив, и мы вправе требовать, чтобы мы помогали парткомитету. Ставить вопрос, что это зависит от того, с душой или без души будет поставлен вопрос, — это несерьезно.

Тов. КЛЕЙМАН. Есть предложение голосовать о том, чтобы горком дал нам человека на платную ставку, которая утверждена ЦК партии, и поставил бы вопрос в отношении определения нам единицы освобожденного секретаря. *(Принимается.)*

Тов. МАКЛЮЧЕНКО. Говорили о том, что у нас много новых работников и парткомитет не занимался бытовыми условиями. Парткомитет не знает, какое возмущение имеется, в частности, у новых работников. Работник здесь работает, вещи — на станции, а семья — в другом районе.

Это серьезный вопрос и отражается на работе. И горкому и парткомитету нужно заняться этим вопросом потому, что для нас это жизненный вопрос.

Председатель. Нужно только обязать парткомитет побыстрее продвигнуть этот вопрос. Какие еще есть дополнения и изменения? Кто за то, чтобы резолюцию с внесенными дополнениями принять в целом? Кто против? Кто воздержался? *(Нет.)*

Тов. ПАЩЕНКО. У меня есть справочка, относящаяся к партсобранию, которое было перед этим.

На прошлом партсобрании при обсуждении решения ЦК ВКП(б) о задачах пропагандистской работы в связи с выходом Краткого курса истории ВКП(б) я выступил и говорил о тех ошибках, которые были в этом допущены, когда Ленинизм отдельно отрывался от Марксизма, изучали в учебных заведениях, кружках и т. д. Потом я сказал, что Ленинизм — это есть Марксизм, что Марксизм делается основой Ленинизма, что Ленинизм — это есть продолжение Марксизма.

После моего выступления выступил тов. ДОЛГУШЕВ и сказал, что такое определение Ленинизма, что Ленинизм есть продолжение Марксизма, является троцкистской формулировкой.

Я тогда не выступил потому, что не имел под руками точного определения Ленинизма, решил проверить по «Вопросу Ленинизма», как там формулируется этот вопрос. Товарищ СТАЛИН в первой теме «Вопросов Ленинизма» говорит: «И так Ленинизм есть дальнейшее продолжение и развитие Марксизма».

С этим определением Ленинизма у меня получается маленькая неточность, т. е. два слова я не договорил, но формулировка, которую я высказал, никак не является троцкистской формулировкой. Товарищи тогда поддержали ДОЛГУШЕВА. Я говорю, что тов. ДОЛГУШЕВ неправ, не в качестве обвинения, а в качестве справки. Я хочу сказать, что прежде чем обвинить человека в троцкизме, нужно самому знать Ленинизм.

Тов. СИДОРЕНКО. Вы несколько не так передали цитату тов. СТАЛИНА. У СТАЛИНА сказано немного иначе.

Тов. ДОЛГУШЕВ. Когда выступал ПАЩЕНКО, в его выступлении был виден разрыв между Марксизмом и Ленинизмом. Я его поправил и еще повторил, как в «Вопросах Ленинизма» определяется Ленинизм, что это Марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Это и точнее, и проще, и понятнее.

Председатель. На этом объявляю партсобрание закрытым.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ
ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА**

**ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 95, арк. 1–405.
Незавірена копія. Машинопис.**

НКВС УРСР

№ 15

Із стенограми виступів членів партійного комітету НКВС УРСР про діяльність наркома внутрішніх справ УРСР О. Успенського

10 грудня 1938 р.

Тов. ДМИТРИЕВ. Начну с того, немного издалека. Я не хочу сказать, что наши оперативные удары не достигли своей цели, учитывая вражеское руководство.

Я считаю, что много сволочей мы уничтожаем и здесь держим еще в своих руках, но теперь выясняется, что кое-кто был арестован по воле УСПЕНСКОГО и его соратников. К этому приложил и свою руку НАЗАРЕНКО.

На днях я интересовался списком арестованных бывших сотрудников. Зная то, что выяснилось, что УСПЕНСКИЙ был прежде всего антисемитом и сознательно проводил эту свою линию, я, разглядывая этот список, действительно убедился, что пестрят фамилии евреев, и считаю, что это неслучайно. Я убежден, и это видно из всей практики вражеской [работы] УСПЕНСКОГО, что аресты бывших сотрудников и их массовое увольнение проводилось по заранее продуманному плану. К аресту подходили с точки зрения национальной принадлежности подлежащего аресту. Видно, что намечались определенные люди, которых нужно было во что бы то ни стало уволить, посадить, уничтожить. [...] Я знаю, что и [среди] тех украинцев и русских людей, которые у нас в аппарате, можно было найти аналогичный материал. Можно было тоже уволить, репрессировать, но почему-то это в таком массовом масштабе не проводилось.

Арестовывали только таких, о которых уже кричали, которые сами просились в подвалы. Ведь какие материалы пестрили в справках на арест? Я сам принимал участие в составлении этих справок. Что же там было в этих справках? Справки строились на основании автобиографических данных, касающихся главным образом родственников дальних, близких, намеченных к аресту.

Я писал достаточное количество этих справок. Мне совершенно очевидно, как это делалось. Приведу, к примеру, справку на ГОРИНА — работника ЗАПОРОЖЬЯ. УСПЕНСКИЙ ездил в Запорожье и посадил там ряд работников. Когда НАЗАРЕНКО пришел и сказал, что нужно составить справку на ГОРИНА, я просмотрел личное дело и на него ничего не нашел. Обратился к НАЗАРЕНКО и спросил, что же мне писать? Пиши, говорит, что присваивал, брал взятки. Ну, что же, человек арестован, мне говорят написать справку — я пишу. А НАЗАРЕНКО носил к сволочи УСПЕНСКОМУ, который накладывал свою кровавую руку.

Сейчас еще в аппарате Особоуполномоченного лежат экспонаты вражеской деятельности, справки на МОЛДАВСКУЮ-ВОЛЬСОН. ПРИМАК-МОЛДАВСКАЯ была уже арестована, но одновременно был отдан [приказ] написать справку на ее сестру. Что же было в справке? Там было написано, что МОЛДАВСКАЯ знала, что ее сестра когда-то исключалась из партии. Это был криминал для ареста.

Нужно сказать, что каждая справка по своему содержанию пустая, не избобличающая человека, обычно подписывалась, и говорилось, что он является членом контрреволюционной, сионистской или троцкистской организации. В зависимости от того, если бабушка была сионисткой, значит, и он является сионистом.

[Председательствующий.] Товарищи, время истекло. Дадим ли еще докладчику несколько минут?

Голоса. Нужно дать еще.

Председательствующий. Голосую. Кто за то, чтобы дать 5 минут? Кто за то, чтобы дать? (10 — большинство.)

Продолжает. [Тов. ДМИТРИЕВ.] Я работал в аппарате Особоуполномоченного. Сначала с МАЛЫШЕВЫМ, о котором нужно сказать, что он абсолютно не интересовался работой сотрудников и чем они занимаются. Он даже не знал, в какой комнате я нахожусь, никогда не заходил к нам. Затем я стал работать с НАЗАРЕНКО.

Ну, что и говорить, руководство Особоуполномоченного было в исключительно хаотическом состоянии. Там ведь сидел враг РУБИНШТЕЙН, да и вообще там были враги из года в год.

НАЗАРЕНКО всю работу перепоручил мне и еще одному человеку, не считая девочки, которая у нас сидела. НАЗАРЕНКО занимался разматыванием арестованных. Я знаю, что его руководство сводилось к дерганию следователя, к запугиванию и нажиму.

Я помню такой случай с тов. ДЕГТЯРЕВЫМ, который был перепуган НАЗАРЕНКО. ДЕГТЯРЕВ мне говорил: «Скажи НАЗАРЕНКО, что меня нет. Потому что я забыл предъявить 200-ю статью арестованному и не могу идти к нему».

Замечалось такое отношение к следователю ОДИНОКОВУ, который сейчас уехал.

Вопрос. НАЗАРЕНКО составлял справки неверные, а Вы почему не сообщили об этом в ЦК КП(б)У, ЦК ВКП(б) и друг[ие] организации?

Ответ. Я писал справки на основании тех материалов, которые извлекал из дела. Я же ведь уже сказал о том, что я писал. Это все бралось из личного дела. Единственный случай был со справкой ГОРИНА.

Вопрос. На основе чего писалась справка на арест ПРИМАКА?

Ответ. На основе указаний НАЗАРЕНКО и тех материалов, которые я извлекал из личного дела.

Скажу, как НАЗАРЕНКО действовал по отношению к работникам и, в частности, ко мне. Он бил на то, чтобы деморализовать свой аппарат, затуманить головы, вызвать их возмущение руководством, а потом их арестовать. Вот факт с КАНТОРОВИЧЕМ, который отказался идти на работу, на которую его направлял УСПЕНСКИЙ. Потом он был арестован.

Как относился НАЗАРЕНКО ко мне и другим товарищам? Его стиль работы и обращение с нами — это прежде всего угрозы написанием справки на арест, где он говорил: «Видите — у меня сидят РОЗОВСКИЙ, ФАЙШТЕЙН. Вы знаете, я могу и на Вас написать справку». Как раз в это время присутствовал наш парторг, который, кстати сказать, оказался на поводу у НАЗАРЕНКО.

Я уже не говорю о личных оскорблениях, которые наносились НАЗАРЕНКО мне и другим.

Я у него был «князем», «умником», а другие были «холуями». Стучал кулаком по столу, матерщинился. В какой-нибудь бумаге НАЗАРЕНКО, находя искажение или пропущенную букву, бросал бумагу на пол, кричал и говорил: «Что Вы мне приносите?».

Арестовывался целый ряд сотрудников, причем нужно сказать, что в этих арестах полная инициатива была именно в руках НАЗАРЕНКО. Ему была предоставлена полная инициатива увольнять и арестовывать кого ему было угодно. Помню, когда НАЗАРЕНКО говорил: «Наконец я очистил свой аппарат и теперь можно будет работать».

Любопытно было бы проследить, сколько было уволено и арестовано из I Спецотдела. Я знаю, что в этом отделе очень жидко. *(Время истекло.)*

Тов. ЛИТКОВСКИЙ. Я, товарищи, являюсь новым пополнением в органах. Придя в органы, меня направили в I Спецотдел. Немного ознакомившись с работой, я обратил внимание на партийную жизнь отдела. Мне странно стало — закрытая партийная жизнь. Бывало, партийное собрание, присутствующее руководство подгоняет выступающих людей, бранится. На сегодняшний день этот вопрос уже ясен и открыт. При таком вражеском руководстве, при подлеце УСПЕНСКОМ, конечно, другого ожидать нельзя было. Отчасти вина лежит на партийном комитете, он был мало боеспособен. Когда я пришел, начальником Спецотдела был НАЗАРЕНКО. Всегда на совещаниях он пугал, кричал и больше ничего. Я бы сказал, что говорить при нем просто боялись. Об этом может сказать сам парторг Спецотдела. Они считали, что, являясь руководителями Спецотдела, они были главарями всего. Я должен сказать, что на сегодняшний день работа в отделе поставлена ненормально. В отделе 85% нового пополнения. Люди пришли новые и нам абсолютно не помогают. Чему учит нас Вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] Нач[альника] отдела тов. БЕРЕЖНОЙ. Он законспирирован в кабинете, у нас не бывает. Тов. БЕРЕЖНОЙ — кандидат партии, но что он делает в партийной жизни? До сих пор тов. БЕРЕЖНОЙ не шел нога в ногу с парторгом. Я бы сказал, что на нем сказывались остатки вражеского руководства, которое делало так, что производственная работа была всем, а партийная — ничем. И я должен сказать, что партийная жизнь в отделе замерла. Тов. БЕРЕЖНОМУ нужно понимать, что партия является руководителем страны и он не должен забывать о том, что молодежи нужно повседневно помогать, вообще болеть за массы, прислушиваться к их сигналам. А у нас на сегодняшний день этого нет.

Нужно, товарищи, присмотреться и прочистить I Спецотдел, поставить туда крепкого руководителя и до последнего выкорчевать вражеские элементы в органах НКВД и вообще Советского Союза.

Тов. КРЕМЕНЧУГСКИЙ. Товарищи, отчет и вся деятельность партийного комитета говорят за то, что партийный комитет и его секретарь РУДЮК допустили целый ряд грубейших политических ошибок. Не проводили большевистской борьбы за сочетание оперативно-чекистской работы с партийной работой. Этим объясняются все недостатки и провалы в работе нашей партийной организации.

Товарищи, я, как и другие товарищи, пришел в органы недавно, по партийной мобилизации. Как встретили нас, мобилизованных, какие были созданы условия для того, чтобы товарищи освоились с работой, чтобы могли беспощадно бороться с врагами? Ничего не было сделано. Для нас сейчас это понятно, почему не давали людям разобраться в существующей обстановке и принимались все меры для того, чтобы заглушить критику и самокритику, заглушить какие бы то ни было критические замечания, применяя меры вплоть до ареста коммунистов, осмелившихся критиковать недостатки и виновников этих недостатков.

Я работал на практической работе немного. Сейчас, месяца три с половиной, работаю секретарем комсомольского комитета. Во всей работе чувствуется, что партийная и комсомольская организации оттирались бывшим вражеским руководством от вопросов оперативно-чекистской работы. Об этом говорят факты, относящиеся к концу сентября с.г., когда вся страна была мобилизована в связи с международными событиями, а у нас вся оперативно-чекистская работа проводилась под сугубым секретом от партийной и комсомольской организаций. Партийный комитет не пресек этой вражеской тактики, в этом грубейшая его политическая ошибка.

А именно в это время враги, стоявшие у руководства, стремились особенно навредить. Под всякими предлогами из аппарата Наркомата выставляются работники только потому, что они евреи. Расправляются с теми, кто вел честно и принципиально, по-большевистски, порученную работу.

Тов. РУДЮК недостаточно осветил в своем отчете работу комсомольской организации Наркомата. Мы стремились увязывать работу по политическому воспитанию комсомольцев с их основной оперативно-чекистской работой, но вести ее организованно нам не удавалось. И сейчас только видно — почему это дело нам не удавалось.

[...] Так получалось, что некоторые работники, боясь репрессий, боясь, что их могут заставить делать под угрозой ареста, выполняли вражеские распоряжения. Сейчас есть факты, когда комсомольцы знали об отдельных фактах явно вражеской работы, но молчали об этом и считали, что так требуется для пользы дела.

[...] Последнее время мне стал известен ряд фактов гонения на комсомольцев со стороны руководства отдельных отделов. Нач[альник] Речного отдела тов. ХОЛИН обращался к комсorghу отдела тов. ФОРМАНЧУКУ: «Эй ты, марфушка». В I Спецотделе бывш[ий] Нач[альник] отдела

НАЗАРЕНКО в буквальном смысле слова преследовал и издевался над комсомольцем т. СМОЛКИНЫМ. В 4-м Отделе был такой комсомолец, член партии, бывш[ий] секретарь КСМ комитета тов. КРАВЕЦ, которого враг народа ЯРАЛЯНЦ при попустительстве со стороны парткомитета и тов. РУДЮКА буквально третировал и добился перевода его на работу в г. Одессу и снятия с работы секретаря КСМ комитета. Об этом многие знали и молчали. [...]

Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ. [...] Товарищи, хочется остановиться на той системе партийной работы, которая у нас проводилась. Все Вы знаете, как у нас проводились партсобрания. Партсобрание всего коллектива не проводилось по 2–3 месяца только потому, что так хотели «его величество УСПЕНСКИЙ», а РУДЮК...

С мест. Правильно.

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] ...не нажимал на это дело. Нас зажимали, мы не могли попасть вовремя в ЦК партии. А если отдельные рядовые члены партии писали в Москву, то опять таки эти документы попадали к УСПЕНСКОМУ. А тов. РУДЮК, зная такое положение с партийной и производственной работой, имел все возможности попасть к тт. ХРУЩЕВУ и БУРМИСТЕНКО, так как он встречался с ними на активе и т. д.

С мест. Можно и помимо этого было попасть.

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] Дело довели до того, что партийные собрания по отделам проводились в 4–6 часов утра, после того как все коммунисты из оперативного состава были уставшие и часто на собраниях засыпали. Какие можно было решать в такой обстановке серьезные вопросы?

Вопросы, выносящиеся на партсобрания, не подготавливались. Ведь тов. БУРМИСТЕНКО, если человек придет с производства на наши собрания и послушает, как они проходят, то удивится и не поверит, что это собрание чекистов. «Штатные» докладчики ДОЛГУШЕВ и другие] докладывали материалы расследований очень плохо и иногда оперировали непроверенными фактами. Решения выносились подчас безобразно. Тов. РУДЮК говорил, что мы еще не разобрали дело КЛЕЙМАН.

Я не знаю, товарищ БУРМИСТЕНКО, знаете ли Вы об этом? Была КЛЕЙМАН зав[едующей] парткабинетом. Я думаю, что товарищи выступят и скажут об этом. Так вот ее обвиняют в том, что она где-то что-то разболтала, ведется расследование по партлинии. Это дело ставится на рассмотрение парткомитета. Парткомитет, рассмотрев этот вопрос, выносит постановление «исключить КЛЕЙМАН из партии» и выносит это дело на партсобрание.

РУДЮК этого не рассказал, а надо сказать. На собрании после минутной пустой информации о КЛЕЙМАН тов. РУДЮК сообщает решение парткомитета «исключить КЛЕЙМАН из партии» и сразу же приступает к голосованию. Все были удивлены. А коммунисты задают вопросы и спрашивают: «За что же ее исключать?». РУДЮК отвечает: «Это секретное дело». Тогда коммунисты спрашивают: «От кого секрет-то? Ведь мы решаем вопрос об исключении. Пусть он будет враг или нет, но пока она коммунист». РУДЮК отвечает: «Да, знаете, этот вопрос с руководством не согласован». И только вмешательство членов партии прекратило этот

небывалый случай в истории Коммунистической партии. Я не знаю подобного случая и думаю, что мы такие случаи вряд ли услышим, а т. РУДЮК тят-ляп — и в сторонку.

Нечестно, тов. РУДЮК, не выйти и не рассказать об этом. Я уверен, что все коммунисты думали, что ЦК партии знает об этом.

Вопрос с места. Что, исключили ее?

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] Нет, не исключили. Тов. РУДЮК говорит, что дело еще не расследовано.

О приеме и переводе в партию: это дело обстоит у нас плохо. Партсобраний не бывает месяцами, а потом мы сидим ночами и принимаем пачками. В результате нет серьезного подхода к этому вопросу. Вот ШИЛЬКРОТ 7.XII.[1938 г.] на партсобрании принимали в кандидаты. Я думаю, что если бы его вопрос по приему в кандидаты партии поставили последним, он был бы сегодня в партии.

[...] Я хочу сказать несколько слов о так называемых «почетных» членах партии. У нас вошло в систему, что Начальников отделений и их помощников, Наркома и Зам[естителя] Наркома никогда на собрании нет. Они считают, что партсобрание не для них. Мало того, что они сами не посещают партсобрание и школу. Так они еще во время собраний и занятий школ вызывают то одного, то другого коммуниста. В результате на школе остается несколько человек. Мы должны сегодня по этому вопросу сказать свое слово.

Вот тут говорили насчет КРАВЦА. По-моему, ЦК тоже не знает об этом. Был у нас в 4-м отделе хороший парень, комсомолец, член партии, из молодого пополнения пришел, начал входить в курс работы, работа пошла неплохо.

Проходит некоторое время, комсомольская организация Наркомата избирает его секретарем КСМ организации и впоследствии парторганизация избирает членом парткома. И тут пошло: начальство начинает жать, начались разговоры, что в оперативной работе КРАВЕЦ никчемный, результатов в работе нет, где-то ходит и т. д. А это все потому, что он стал заниматься КСМ работой.

С мест. А кто его травил?

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] У нас был зам[еститель] Наркома ЯРАЛЯНЦ и зам[еститель] Начотдела КАЛЮЖНЫЙ. Они его отчитывали. (В зале смех.)

Вот смешно, товарищи, а ведь человека тогда довели до такого состояния, что он ходил — вот-вот пулю пустит себе в лоб, и ему не помогали. А когда КРАВЕЦ поставил вопрос на партсобрании отдела о том, что его задержали и т. д., то тов. КАЛЮЖНЫЙ опять выступает и отчитывает его, а тов. РУДЮК тут же присутствовал и ничего не сказал. А когда КРАВЕЦ немного неправильно выразился...

С мест. Нет, правильно.

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] ...то т. РУДЮК сейчас же сказал: «Вот мы тебе запишем».

Нельзя обойти на таком собрании молчанием об этом коммунисте, пользуясь присутствием секретаря ЦК. У нас безобразно обстоит дело с мобилизованными товарищами по решениям ЦК КП(б)У.

С мест. Правильно.

[Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ.] Партия дает нам десятки, сотни проверенных хороших рабочих коммунистов. Люди пришли к нам, разбили их по отделам и отделениям и забыли о них, руководство ими не интересуется, партийная организация тоже. Если правильно говорить, тов. РУДЮК, Вы могли, работая, один создать из новопришедших хороший актив? Могли. Среди них есть бывшие секретари парткомов и т. д. Разве они не могли бы оказать Вам помощь? Могли. А в результате что получается? Они пришли, дали им пачку дел — и о них забыли, руководство не спрашивает у них, что Вы делаете, парторганизация тоже, совещаний не проводят с ними. Да и они, попав к нам в аппарат, увидя такую обстановку, пока сами помалкивают. Я считаю, что ЦК партии должен заинтересоваться этим вопросом.

Я не согласен с заявлением тов. РУДЮКА, что партком сигнализировал, разбирая ряд поданных заявлений. Ничего подобного, товарищ РУДЮК, коммунисты, члены партии немало подавали заявлений. Взять КРЕТОВА, о нем говорили не раз, подавали заявления в парткомитет. Разбирались эти вопросы? Нет. О МАЙСКОМ. Что только не рассказывают о МАЙСКОМ. Ведь он тоже присутствовал, когда ШМУЛЕВИЧА избивали в кабинете врага УСПЕНСКОГО. О ГРАБАРЕ и др[угих] разбирали? Не разбирали.

Решение ЦК партии и СНК Союза совершенно правильно отметило о тех искривлениях и перегибах в нашей работе. Надо сказать правду, что рубили, и рубили крепко, наряду с нанесением удара по врагу били свои кадры и честных людей. Нужно сказать, что у нас была создана такая обстановка работы, что если Вы не хотите делать, так Вас заставят, а если не делаете, посадят.

Тов. БУРМИСТЕНКО. Я с этим не согласен, если враги заставляли делать и Вы чувствовали, что это неправильно, надо было немедленно сигнализировать, надо было написать в ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У.

Вот есть одно заявление товарища. После того, когда УСПЕНСКИЙ сбежал, он пишет, и правильно делает, что пишет, он писал и сигнализировал: «По роду своей работы...». (Читает.) В этой справке товарищ пишет, что он сам принимал активное участие в составлении фиктивных справок. Он говорит, что его заставляли.

ВЕРЕТЕННИКОВ продолжает.

У нас было такое положение, когда аппарат заставляли делать такие вещи. Я думаю, что товарищи здесь выступят и скажут, как у нас проходила работа.

Однажды после того, как УСПЕНСКИЙ узнал, что пахнет чем-то нехорошим, он приказал передать от Особ[о]Уполномоченного большое количество дел и арестованных в 4 отдел, установив жуткие сроки. Неначатые дела должны были заканчиваться буквально в несколько часов. Что это невозможно — все видели. Но когда говорили об этом,

начальство отвечало: «Вы не умеете работать, Вы плохой работник, к Вам надо присмотреться» и т. д.

А вот возьмем такой случай: был у нас пом[ощник] Нач[альника] отдела ЮФА. Как-то, докладывая ему одно дело, я говорю, что «я не вижу по справке, за что судить человека, что судить его нельзя и его нужно освободить». Он говорит: «Почему нельзя? Надо судить, и Вы не тяните этого дела. Что Вы с ним путаетесь? Вот когда работал в Тирасполе — мы таких дел по 100 в день оканчивали и пропускали на тройку».

Наша партийная организация, партийный комитет и руководство знали все, что ЮФА — это «пешка». Он ничего не делал, дело доходило до того, что он только спал в кабинете. Были случаи, когда работники открывают дверь его кабинета, а он спит. Его даже запирали неоднократно в кабинете. Отдел Кадров на это не обращал внимания.

Дальше. Вот примерно дали мне одно дело на бывшего сотрудника, арестованного, по-видимому, как еврея. Этот работник был болен, его откомандировали в Москву, где ему предлагали выехать в ряд областей. Он отказался. Просил его уволить из органов по болезни. Ему предложили подать рапорт об увольнении и дали согласие на увольнение. Одновременно ОК НКВД СССР информирует парткомитет об этом и просит разобраться вопрос по партлинии. А вместо этого УСПЕНСКИЙ наложил резолюцию «Арестовать и размотать». Арестовали, дело передали следователю РУЖЕНЦОВУ, который вместо того, чтобы разобраться в этом вопросе по существу, по-партийному, предъявляет арестованному обвинения по 54-1, 54-11, 54-14. Я спрашиваю: «За что?». [...]

Товарищи из 3 отдела выступят и скажут подробно, как у них происходили дела в отделе, в частности должны рассказать о деле ЯСИНСКОГО и ДЕМИДЕНКО.

Мне хочется, товарищи, сказать о тех коммунистах, которые при ведении дел относились к таким вопросам наплевательски. У нас даже практиковали и заставляли сотрудников писать показания. В частности, ЮФА говорил некоторым работникам, что на отдельных арестованных «материал слабый — пиши показания». Но это у него не выходило. А вот по 3 отделу есть ряд коммунистов, которые при даче свидетельских показаний по делу ЯСИНСКОГО подошли не по-партийному — как-то ГРОМОВЕНКО — Начальник 3-го отдела, ГРИГОРЬЕВ, ПОМАЗОВ и др[угие].

Товарищи, разве дело ЯСИНСКОГО в 3-м отделе для нас не показательное? Разве оно не было сигналом о вражеском руководстве в Наркомате? А когда представитель парткома тов. ШАРФМАН на партсобрании говорит, что партком разберется в вопросе ЯСИНСКОГО и т. д., то его тоже обвиняют в соучастии с ЯСИНСКИМ и ДЕМИДЕНКО. А дальше получается то, что ДЕМИДЕНКО и ЯСИНСКИЙ были арестованы. Отдельные же коммунисты вроде ГРОМОВЕНКО, ПОМАЗОВА и др[угих], вместо того чтобы разобраться в этом деле, дают свидетельские показания,

и снова обвиняют ЯСИНСКОГО и ДЕМИДЕНКО. Разрешите, товарищи, зачитать отдельные показания ГРОМОВСКОГО¹. (*Читаем.*)

Нельзя также обойти молчанием известного бандита, фашиста КОЛЕСОВА, который работал во 2-м отделе. Коммунисты 2 отдела должны здесь выступить, ведь то, что творилось с выселением семей арестованных и конфискацией их имущества, — так просто тут волосы дыбом становятся. Там на складах гибнет на сотни тысяч рублей отобранного имущества. Без всякого учета имущество разбазаривалось, отдельные арестованные, которые выпускаются, не могут найти своих вещей, и т. д. Нужно сейчас же заняться этим делом.

Тов. ВЕРЕТЕННИКОВ. Еще один вопрос. Это последнее решение ЦК партии и Совнаркома. Оно дает точную и ясную установку нашей дальнейшей чекистской работе, как мы должны работать в дальнейшем, а также разобраться в существующем у нас хаосе. Я думаю, что мы снова можем наделать ряд грубейших ошибок, если неправильно подойдем к разрешению этих вопросов. Вот, например, у нас в 4 отделе выделили следственную группу из 17 человек, в число которых вошло 7–8 молодых работников, еще не работавших на следствии самостоятельно, и дали 250–300 дел «на откуп». Спрашивается — как же их реализовать? Вот я дал постановление на подпись 23.XI.[19]38 г. об освобождении ФАКТОРОВИЧА, а ФАКТОРОВИЧ до сих пор сидит.

Если у руководства есть какие-либо соображения на сей счет — так ведь можно же об этом предупредить следователя. [...]

Тов. ТАТАРОВ. Товарищи, я тоже из числа мобилизованных ЦК нашей партии, в порядке укрепления. [...] Вот жалко, что нет здесь людей из Особого Отдела. Я хочу сказать, что из отдела я ушел, скрепя сердце, т. е. вынужденно. И вот обидно, товарищи, везде справлялся, а тут не справился. Спрашивается — в чем же я не справился? Я могу сказать, что справился то я справился, но я не был угоден.

С чем мне пришлось столкнуться по приходу на работу? Дали мне дело одного врага — амбарного вредителя, как я его назвал, — из прод[овольственного] отдела Штаба КОВО. Вижу, что сволочь. Я допросил и написал протокол. В нем отразил все как есть. Прихожу к КРАШЕННИКОВУ — он этот протокол перечеркнул и пишет: «Запирался». Я ему говорю, что «он не запирался». Он мне в ответ: «Видишь ли...» и т. д. Я подумал, может быть, он у него и запирался? Но знаю, что его до меня никто не допрашивал. В общем, написано было правильно, но КРАШЕННИКОВ начал натаскивать.

Уже будучи переведенным в 3-й Отдел, дали мне кончить дело одного махрового японского и польского шпиона. По материалам (протоколу), он также связан с контрреволюционным украинским националистическим центром, вплоть до КОССИОРА.

Спрашиваю его, кого он знает из членов центра этой контрреволюционной организации. И оказывается, что он только шпион, но с этим центром связи не имел. Правда, одного из членов контрреволюционного

¹ Так у текстi. Імовірно, «Громовенка».

украинского националистического центра, названного мной, он раньше не знал. Но признал, что познакомился с ним уже в тюрьме, сидя в одной с ним камере. Он шпион и враг, но зачем понадобилось его привязать к этому центру, когда этого нет? Я докладываю Начальнику Отделения и тот соглашается, что это «липа».

Я этот разговор веду к тому, что некоторые товарищи в погоне за чинами или еще чем-то занимались не тем, чем надо, очевидно, хотели приобретать себе известность подчас на «липе».

И второй пример. Дали мне дело [бывшего] сотрудника НКВД УПЕНИКА, что он шпион и участник контрреволюционной латвийской организации. Я день тружусь, другой, третий — и убеждаюсь, что абсолютная чушь, что в Литве он никогда не был, братья все ассимилированы, женаты на украинках, а он родился, как незаконнорожденный в Донбассе.

Справка на арест подписывалась ТРОИЦКИМ. Я еще не знал, что ТРОИЦКИЙ арестован, и выразил искреннее желание, что я бы с удовольствием допросил этого Нач[альника] Отдела ТРОИЦКОГО.

Я хотел сказать, что не была достаточно развернута партийная работа, чтобы можно было с кем-нибудь поделиться. Я считаю, что ЦК, нас пославший, и его отдел руководящих парторганов должен был хотя бы раз с нами поговорить.

Из Президиума. Это правильно, принимаю — правильно.

[Тов. ТАТАРОВ.] С приходом на работу в Особой Отдел, спустя месяц, на первом партийном собрании выступил, чтобы помогли нам, молодежи, не в смысле возраста, а в смысле молодых работников. И что вы думаете? Три раза пришлось выступать в защиту своего предложения.

Из Президиума. Какого предложения?

[Тов. ТАТАРОВ.] О том, что нам не помогают в работе, и только на третий раз прошло мое предложение.

Теперь, товарищи, в части критики и самокритики. Работая в Особом Отделе, я видел, было очень много страховщиков и людей, которые боялись за свою шкуру. Дали мне махрового петлюровца, которого до меня допрашивали 8 месяцев. Я над ним поработал 18–20 дней, вижу — гад. Нужно разработать хорошо. И что же? Работал, и результаты были — он дал показания и указал 13 человек, но и эту мою работу попытались охаить.

Я думаю, товарищи, что к делу нужно по-партийному относиться. Тоже, вот, на партийном собрании в Особом Отделе КОВО по партийным вопросам работы я выступаю. КУВЕНЕВ оголтело кричит: «Замолчать». И тут же начал меня охаивать, унижать. Но все, видя этот наглый зажим, никто не поддержал. Возьмите, например, также ПЕНКИНА из мобилизованных ЦК, которого всячески третировали. Здесь присутствует СЕМЕНОВ.

Манкировать же в работе никто из нас, мобилизованных ЦК, даже и понятия не имели. Спали по три-четыре часа в сутки, но работали. В пределах того, что мы могли работать, работали, но КУВЕНЕВ всячески нас охаивал.

Немаловажен и такой факт. В последнюю минуту, когда мы должны были быть готовы выступить в связи с событиями в Чехословакии, враг УСПЕНСКИЙ в этот ответственный момент дезорганизовал Особый Отдел, и мы 7–8 дней таскали столы с этажа на этаж. Мы не знали, где кто находится, в общем, полная дезорганизация в работе.

Товарищи, в заключение скажу, что всех мобилизованных ЦК нас было 4 чел[овека] в отделе. В конце концов все мы были откомандированы с высокой руки врага УСПЕНСКОГО.

Мне предложили в Проскуров, в общем, хотели просто откомандировать.

Из Президиума. За что хотели откомандировать?

[Тов. ТАТАРОВ.] Не знаю, был приказ откомандировать в Отдел Кадров, который мне предлагал ехать в Проскуров.

Из Президиума. Кем вас назначили?

[Тов. ТАТАРОВ.] Не знаю, не то начальником, не то пом[ощником] начальника. В общем, в Райотделение, хотя я и привык к работе на периферии. [...]

Тов. СЛАВИН. В 1937 году я приехал на Украину. В 1937 году, после того, как я пришел к ЛЕПЛЕВСКОМУ и сказал ему относительно того, что ГЕРЗОН непартийный человек, о том, что я не имею материала и БОРИСОВУ не доверяю, меня, как нервного и беспокойного человека, перевели на работу в Полтаву.

А потом я увидел у ПЕРЕСА² и ПИСАРЕВА непартийную работу, шумиху, не выдержал и написал письмо в адрес тов. ЕЖОВА и ЛЕПЛЕВСКОГО, бывшего тогда Наркомом.

В результате этого ПЕТЕРС, приехавший из Киева от ЛЕПЛЕВСКОГО, уговаривал меня в течение полутора часов, как нервного и больного, лечь в больницу. Кстати, я должен оговориться, что человек я немного сумасшедший и груб бывал с некоторыми сотрудниками. И это есть.

Когда приехал УСПЕНСКИЙ, я думал, что новое начальство может помочь. А когда он приехал, то в два счета откомандировал меня из Полтавы и выдвинул с оперативной работы на должность помощника начальника УСО. Когда я начал поднимать после утверждения положения о судеустройстве вопрос в разговоре с некоторыми начальниками отделов относительно того, что надо коренным образом изменить следствие, то через некоторое время УСПЕНСКИЙ заявил, что тем людям, которые говорят о новых методах следствия, надо ноги переломать. И в результате я был выдвинут на несуществующую должность Начальника 3 отдела ЭКУ. Еще дальше взять самые больные вопросы. Были на Украине уроки дел БАЛИЦКОГО, уроки дел ЛЕПЛЕВСКОГО, уроки других дел. Все-таки, несмотря на это, мы врага УСПЕНСКОГО не разглядели. Ведь все видели ругань УСПЕНСКОГО, его грубое отношение к сотрудникам, когда начальники отделов вылетали бомбой. Он говорил, что я вас не только заставлю работать, но и в лагерь пошлю. Но в чем суть? Создавалось положение, что начальники отделов воспринимали эту ругань, как заслуженное, и думали, что раз ругает, значит, есть за что.

² Так у текстi. Iмовiрно, йдеться про А. Петерса-Здебського.

Он терроризировал сотрудников, запирал жалобщиков, запирал одного жалобщика в Полтаве. Он зажимал людей, люди молча уезжали.

В чем дело, разве люди нездоровые, разве коллектив нездоровый? Нет, коллектив здоровый, и люди здоровые, готовые пожертвовать жизнью за партию, за тов. СТАЛИНА.

А в чем же суть? А в том, что партийную работу оторвали от производства, зажимали критику и самокритику сверху донизу. И вот этот зажим способствовал целому ряду моментов. Чекистов вражески воспитывали. [...]

Непартийное, некритическое отношение к показаниям. Отсюда и получалось так, что получали липу. И липа была в достаточном количестве. Было, когда люди получали показания на 70 человек, из [них] 30 оговоренных. Из некоторых вырабатывался человек типа «чего изволите?» вроде ГРАБАРЯ, готового выполнить любое указание.

Второе — это отрыв от партийной учебы, мотивировали загрузкой, на самом деле могли учиться. Со стороны начальства отношение к партучебе нельзя иначе характеризовать, как зазнайство.

И в результате вырабатывались из работников «профессора» раскола, которые считали, что НКВД — государство в государстве, забывали, что партия руководит, и забывали роль партии в борьбе с врагами. Этому помогло то, что вражеское руководство воспитывало пренебрежительное отношение к другим органам, кроме НКВД. [...]

Было дело ЛЕПЛЕВСКОГО, было дело БАЛИЦКОГО. Что мы сделали по разоблачению этих людей? А также после их разоблачения, какой мы извлекли урок? Ничего не сделали и никакого урока мы не извлекли. Много других врагов было разоблачено, но мы ничего не знали, мы не были поставлены в известность. В результате целый ряд уроков прошел бесследно.

УСПЕНСКИЙ сбежал 14-го [ноября], коллектив включился по розыску 25-го, т. е. спустя 11 дней. Если бы раньше включился коллектив в розыск, последний был бы гораздо успешнее.

Ведь все знают об этом деле, а также о делах, которые творятся в Москве, из десятых уст. И вот весь коллектив начинает разговаривать. Получаются догадки, а определенного ничего нет.

Вот вопрос о товарище ЕЖОВЕ. Мы получили приказ № [00]762 за подписью тов. БЕРИИ, но это получилось на несколько дней раньше опубликования в «Правде».

Теперь скажу о замалчивании ошибок. Я считаю, что постановление ЦК ВКП(б) об ошибках и извращениях нами не полностью выполняется. Все внимание сосредоточено на второй половине вопроса, именно на окончании следственных дел.

А какие ошибки, что за ошибки — даже боялись называть. А этого замалчивать нельзя. [...]

Скажу о другом. Вот, о положении в аппарате. Приходит ко мне тов. ГИЛИС и говорит: «Можно отлучиться в 4 часа, чтобы поехать в санчасть лечиться?». Я говорю «Надо, не только можно». А к чему приучили

нас? Говорили, лечиться не надо. Т.е. человек сидит, а в санчасть пойти стыдится, а потом лежит по месяцам больной.

Товарищи. В армии яснее построение партийной работы. Там имеется институт комиссаров и др[угое]. У нас гражданское построение партработы с военной формой построения аппарата.

Вот сейчас, может быть, надо поставить вопрос, как структурно перестроить нашу партийную работу в органах НКВД. [...]

Тов. ГИЛИС. Товарищи, я считаю, что допускается большая ошибка в том, что такой коллектив, как наша организация, недостаточно информируется и несвоевременно мобилизуется на ликвидацию вредительства. Вот хотя бы о бегстве УСПЕНСКОГО нам стало известно много позже, чем это следовало бы. Если бы я его встретил спустя несколько дней после его бегства, я бы взял еще под козырек и был бы удовлетворен тем, что поздоровался с Наркомом. [...]

Когда разоблачен был БАЛИЦКИЙ — мы не были в полной мере информированы о проведенном им вредительстве. Лично я тогда говорил, что нас поставили лицом к стенке и сказали — ищите врага. Когда приехал на Украину ЛЕПЛЕВСКИЙ, нам казалось, что он начал по-настоящему разгром контрреволюции. После разоблачения ЛЕПЛЕВСКОГО нам также не разъяснили его вражескую деятельность.

Теперь, после бегства врага УСПЕНСКОГО, наш коллектив, по-моему, недостаточно, несвоевременно информирован и не мобилизован на ликвидацию последствий вредительства.

Здесь выступал тов. ДМИТРИЕВ. Я его слушал с чувством брезгливости потому, что он сам делал эти подлые дела своими руками. Однако я голосовал за продолжение ему регламента потому, что я, как и многие из нас, еще много не знают по сей день, что происходит, и каждый слушал сообщаемые ДМИТРИЕВЫМ факты.

Враги, которые пытались изнутри, маскируясь очень искусно, нанести удар партии, просчитались, они упустили одно, что существует великий СТАЛИН и Сталинский Центральный Комитет. И при таких условиях никому не удастся это сделать. Они просчитались, ибо они обречены на неудачи. [...]

В отделе Кадров нет внимания к людям, нет заботы о них. Забота о выращивании кадров заменяется совсем другим, бездушным отношением к людям. У нас в Наркомате получается так, что многие товарищи буквально находятся в воздухе. Вот уже свыше 4-х месяцев работаю в ЭКУ. Личное дело мое находится в Москве. Когда меня взяли в Наркомат, я считал, что получил выдвижение, оказывается, это была просто перестановка перед откомандированием.

Теперь, после выборов нового парторга ЭКУ, он обнаружил кучу характеристик за подписью парторга и Нач[альника] отдела. Характеристики эти, кем бы они ни писались, раз там подписан парторг, само собой будет считаться, что это мнение парторганизации. В действительности эти характеристики были составлены бывшим парторгом МЕЛЬНИКОВЫМ и Нач[альником] Отдела КАЛГАНОВЫМ втайне от парторганизации. Характеристика начинается с того, что не посещали парт-прос. И далее

изложено так, что по этой характеристике следует ставить вопрос об аресте, а не об откомандировании.

Характерно, когда я узнал, что на меня тоже есть такая характеристика и мне новый парторг сказал, что вопрос о МЕЛЬНИКОВЕ и КАЛГАНОВЕ будет обсуждаться на партсобрании, я зашел в Отдел Кадров справиться: «Есть ли в деле характеристика из Коростеня и как же такие две противоречивые характеристики могут лежать в деле?». Мне инспектор Отдела Кадров сказал, что «вообще дело уже в Москве, но я полагаю, что Коростенскую характеристику ликвидировали, а оставили в деле другую характеристику». Я спрашиваю инспектора: «Вам, членам партии, бросалась в глаза эта практика?». Он говорит: «Я сам был кандидатом на откомандирование».

У нас, например, на собрании ЭКУ было много разговоров о начальнике КАЛГАНОВЕ. Я считаю, что назначение этого человека в Наркомат начальником отдела есть уже факт вредительства, не касаясь честности этого человека. Это такой человек по своим личным качествам, который не способен мобилизовать людей на работу, который портит дело. Это человек, который во время доклада ему может заснуть, а потом, проснувшись, скажет: «Вы только шапку в этой записке не делайте». Он может кричать: «Вы не можете работать. Вы ведь работник наркомата, вы должны поднимать вопросы украинского значения!» А какой вопрос, о чем — непонятно. Вот этот человек писал характеристики товарищам явно предательские.

Вот недавно приехал из Тулы товарищ, откомандированный по такой характеристике. И рассказывает, что ему там намекнули, что наша партийная организация якобы сообщила о нем что-то неблагоприятное. А ведь парторганизация о нем ничего не сообщала, а сообщал КАЛГАНОВ и МЕЛЬНИКОВ.

О НАЗАРЕНКО. Я его знаю с момента работы в Киеве в Наркомате — как начальника 7-го отдела. Этот НАЗАРЕНКО вообще на человека прежде не смотрел. Он мог пройти мимо и никогда не поздороваться. После побега УСПЕНСКОГО он резко переменился, и получается грубая маскировка. Он готов подхалимничать к самому рядовому работнику. Больше того, он начал пользоваться общим буфетом, куда никогда не ходил. Он может остановить любого рядового товарища, побеседовать, хоть нет к тому никакого повода.

А вот характерно, что на партсобрании ЭКУ, на котором крепко выступали о ряде товарищей, о НАЗАРЕНКО никто не выступил. Мне товарищ ХАЙТИН сказал: «Ты знаешь, на какой маневр пошел НАЗАРЕНКО? Несколько человек, которые должны были выступить против него, он пустил в отпуск, чтоб их не было на собрании». Но к моменту собрания некоторые уже вернулись, однако тоже не выступали. Я считаю, это не смелость, что не выступали. Это свидетельствует о том, что на сегодняшний день не переломилось сознание людей, необходимость в скрытии всех безобразий.

Тов. БУРМИСТЕНКО, Вы правильно ставили вопрос здесь выступающим товарищам — почему они не ставили смело вопрос в соответствующих организациях?

У нас на совещании очень удачно выступил один товарищ, забыл его фамилию, который сказал, что у многих отсутствовали прямота и смелость. Умереть в застенках УСПЕНСКОГО — это не менее почетно, чем умереть у озера Хасан, зная, что ты умираешь за правду. А этой прямоты и готовности умереть за правду у многих товарищей не было.

Тов. ЗАДЬЯКОВ. [...] В общем, когда я поступал сюда, я думал, что аппарат [НКВД СССР] работает четко, а оказалось совсем обратное. Нас, молодых, мобилизованных ЦК КП(б)У, встретили матом и запугиванием, арестом и т. п. Но не только нас пугали, а пугали и старых работников, хотя я и не делю состав на новых и старых, но тут нужно сказать для ясности.

Товарищ БУРМИСТЕНКО. Правильно будет так, если сказать, что прижимали и старых и новых работников?

Тов. ЗАДЬЯКОВ. Правильно, совершенно правильно. Да и притом я не привык, товарищи, выступать при такой аудитории, и получается неважно.

Товарищ БУРМИСТЕНКО. Нет, ничего, получается довольно хорошо.

Тов. ЗАДЬЯКОВ. В отношении самой работы РАТЫНСКИЙ запугивал, собирал целую партийную организацию и тут же говорил: «Разгоню».

Председатель собрания. Регламент, установленный собранием, истек.

Тов. ЗАДЬЯКОВ. Мне необходимо еще минут 20, так как я только начал подходить к отдельным вопиющим фактам, имевшим место со стороны ряда лиц и вообще в нашей работе. Хотя я голосовал за регламент, но этого времени далеко недостаточно. Что же, тогда на этом прерву свое выступление.

Тов. СЛЕПЦОВ. [...] Я хотел остановиться, товарищи, что эта негодная практика в работе отражалась на низовые партийные организации наших отделов.

Я присутствовал в 1-м Отделе на КСМ собрании, где выяснилось, что ряд сотрудников в 1-м отделе живут в жутких условиях: один живет на леднике, другой — совсем без общежития, третьего выгнали из общежития и он болтается, ходит где-нибудь. А потом этих товарищей посылают на пост, они засыпают. После этого этих людей избивают, а начальник Политотдела КУДИНОВ не прислушивается, не помогает, а приказывает, чтобы немедленно о них «обсудить», «сделать выводы», «сломать ребра», «открутить голову».

Присутствующие на КСМ собрании видят все, что происходит, резко критикуют политотделения. Когда товарищи убедительно выступают и говорят, что понимают, что сделано преступление, уснув на посту, и заявляют, что хотят работать, но условия поневоле толкают на преступления, а в политотделении не выслушали, не помогли [...].

Услышав подобные сигналы, я подумал, что, неужели у нас нельзя достать приличного общежития, нельзя достать простынь? Ребята рассказывают, что живут в жуткой грязи. Я тогда подумал, не умышленно ли

это все делают, чтобы ребята засыпали на посту и прохлапывали нужное дело? И я поставил об этом вопрос. Вместо того, чтобы меня выслушать, является такой «помпадур» Нач[альник] Политотдела и говорит: «Кто здесь такой-то, представитель из КС организации?». Я тогда подумал: «Что значит «какой-то»?». И решил, что [это] непартийное поведение. Он тут же выступает и говорит, что неправильно такое поведение, предст[авителю] комитета надо прислушаться, «кто это дает сигналы», берет их под сомнение и опять повторяет, что «этим людям надо голову сломать, ребра поломать».

Вместо того, чтобы сделал этот нач[альник] политотд[ела] выводы и помог ребятам в их бытовых вопросах, он доложил ХОМУТОВУ, что какой-то был из КСМ Комитета [и] смазал вопрос. ХОМУТОВ докладывает тов. ОСОКИНУ, что Комитет не ведет борьбы за производственную дисциплину.

Я думаю, правильно ли наказывать молодых ребят после того, как их вынудили на преступления? И пришел к выводу, что их наказывать нельзя. Надо создать человеческие условия с тем, чтобы люди не спали на посту.

А что делают люди, которые специально призваны обслуживать и воспитывать молодежь? [Они] занимаются угрозами, забывая о том, что они призваны воспитывать.

Я считаю, что товарищи комсомольцы, присутствующие на собрании 1-го Отдела, говорят, что этот нач[альник] отделения не выходил из кабинета ДАЛЬСКОГО, что он подхалимничал ДАЛЬСКОМУ, что подлизывается и вместе с парторгом приходят под мухой. Фамилия парторга КЛИППА.

Я считаю, что надо сейчас проверить, кому в 1-м Отделе доверена политическая работа. Кому мог доверить УСПЕНСКИЙ и ДАЛЬСКИЙ политическое воспитание? Ряд фактов говорят о том, что из бездушного отношения к людям толкают их на преступления.

Товарищи, сейчас, после того как аппарат НКВД очищают от бандитской «артели УСПЕНСКОГО»...

С мест. Банды.

[Тов. СЛЕПЦОВ.] ...совершенно правильно на товарищей — честных коммунистов, комсомольцев снова и снова возлагается большая ответственность.

Я хочу обратить внимание на товарищей, вновь мобилизованных. Я никогда не мыслил, что мне, молодому парню, в 22 года доверят такой участок, как оперуполномоченный Наркомата. А подобных мне имеется много. Но мы пришли в тот период, когда в практике НКВД был разгар упрощенческой работы, о чем отмечено в постановлении ЦК и СНК СССР, что столкнулись с такой практикой, где мы учились быть «колольщиками». Столкнувшись с этой работой, когда партия и правительство поставили вопрос о переключении на исключительно важную работу, т. е. на следственную, агентурную, которую мы недостаточно себе представляем и понимаем это дело. Поэтому сейчас новому руководству Наркомата и партийной организации нужно заставить отдел кадров и начальников

отделов, чтобы они помогали нам в освоении новых, правильных методов чекистской работы, передавали свой опыт чекистской работы, чтобы мы могли освоить серьезно и по-деловому следственную работу и развертывали такую агентурную работу, какую требуют от нас ЦК нашей партии и Совет Народных Комиссаров. [...]

Товарищ ВОЛОШИН. [...] Об общественных организациях 2-го отдела: у нас работа была поставлена плохо, существовал зажим критики. Парторгом был КОЛЕСОВ — враг.

У нас большой зажим самокритики. Если враг народа собирает совещание и говорит: «Ну, довольно, курорт кончился, пора взяться за работу». Спрашивается, какой же это курорт, если все знают, что мы работаем днем и ночью.

На совещаниях, проводимых врагами народа, люди боялись высказываться, задавать вопросы. Как-то ОРЛОВ задал вопрос об отпуске, ему пообещали, а на завтра был издан приказ об откомандировании его в Харьков, а потом его уволили. После этого случая никто никаких вопросов не задавал.

О посещении партсобраний. Я работаю с апреля м-ца во 2 отделе. В течение 5—6-ти месяцев ни один начальник не появлялся на партсобраниях. А ведь на партсобраниях решаются наши все большие вопросы. На партсобраниях, как уже здесь говорили, КОЛЕСОВ создавал такую обстановку, что люди боялись высказаться, и получалась такая картина, что начальник отдела сказал слово — и это был закон. Ребята все новые, критики нет, понятно, что КОЛЕСОВ поэтому был выдвинут.

Теперь о самом КОЛЕСОВЕ. Он никому не доверял. Меня он посылал на обыски и аресты, а на сложных операциях присутствовал сам, вместе с ЛАТКОВЫМ.

Вы, конечно, понимаете, с каким расчетом производились эти обыски. Важные документы были изъяты при обысках с тем, чтобы это не было в ущерб ему самому.

В отношении квартир. Как КОЛЕСОВ поступал с квартирами? Арестовывают человека сегодня, через два дня дает КОЛЕСОВ приказание поехать на квартиру, описать вещи и сдать на склад. Во время переселения он говорил, что есть решение ЦК, что нужно найти обязательно достаточно квартир. Выделяют на это дело ВОЛОШИНА, ВЛАЗКО.

Сказано, что нужно было 40 квартир, а может быть, и меньше, этого никто не знал, куда он девал ордера. Мы видим факты, забирали комнаты, и некуда было деваться. Теперь в отношении конфискации имущества: звонят — освобожден, просит возвратить имущество. Хорошо, возвратим. И что же оказывается? Это имущество поставили на склад АХУ, обстановку развезли по квартирам, учета не было. Ну а возвращать нечего. На складе имущества нет. Это надо проверить.

Из президиума. Вы в каком отделе работаете?

[*Тов. ВОЛОШИН.*] В 4-м. Этим нужно АХУ заняться потому, что если проверить имущество, там много по квартирам, ибо его трудно найти.

[...] *Тов. ЗОТОВ.* Я хочу обратить внимание на саму структуру в нашей партийной организации. Я когда еще впервые приехал в 1-й Отдел в Киев,

то говорил на партсобрании о том, чтобы наш первый отдел выделили в самостоятельную организацию, так как громоздкость большого коллектива не обеспечила руководство.

Тов. БУРМИСТЕНКО. Сколько в 1-м отделе коммунистов?

Тов. ЗОТОВ. 180 человек, 200 комсомольцев, всего 400 человек.

Нужно, чтобы парткомитет не выбирали на 2–3 отдела одного парторга, может быть, нужно сделать парторганизацию из 20–30 человек, а может быть, в отделе сделать несколько первичных парторганизаций. А у нас есть отделы 1000 человек. Значит, 1000 человек наша парторганизация. Это неправильно. Это дает возможность зажимать самокритику.

В отношении возмутительного положения: в нашей партгруппе сидит 20 человек членов партии, 60 человек всего в 1-й группе. Вот в этой группе не ведется протокол. Это недопустимо, этого нельзя делать. А вот РУДЮК говорит: «Не пишите протокол». А отсюда могут быть и последствия, что люди размазывают контрреволюционные теории, и о них никто не знает.

Как-то на одном из собраний был доклад по вопросу II съезда партии³. Делал доклад тов. ДЕНИСОВ. Тогда СКАЗОЧКИН говорит: «Вы неправильно говорите. Надо приводить цитаты, как следует. Троцкий тогда был за диктатуру пролетариата». Я говорю: «Неверно». Он говорит: «Не кричите на меня». А я говорю: «Неправильно, Троцкий никогда не был за диктатуру пролетариата». СКАЗОЧКИН начинает находить другой метод и говорит: «Троцкий не был большевиком, но был коммунистом». Я этот вопрос поставил перед Политотделом КУДИНОВЫМ и КЛИППОЙ, парторгом: «Почему СКАЗОЧКИН так говорит, сознательно это или незнательно?».

КЛИППА и КУДИНОВ сказали, что довели до сведения Наркома и ДАЛЬСКОГО, якобы Нарком УСПЕНСКИЙ сказал, что СКАЗОЧКИН «свой парень».

[...] ДАЛЬСКИЙ проводит СКАЗОЧКИНА неофициально начальником 2 отделения. Это значит обезглавить отделение, чтобы там не работали и тут ничего не делалось.

Грубости СКАЗОЧКИНА к сотрудникам — на требования сотрудников в обеспечении квартирами. На партсобрании заявил: «Товарищи привыкли бомбить рапортами, надо меньше бомбить». Вместо того, чтобы поставить вопрос о бытовых условиях сотрудников вплоть до Н.С. ХРУЩЕВА, ни ДАЛЬСКИЙ, ни УСПЕНСКИЙ не интересовались этим вопросом.

[...] О ДАЛЬСКОМ. Были в командировке в Москве. Проводят с нами совещание, на совещании мной был приведен пример о вражеской деятельности в МК и Моссовете. Я говорю ДАЛЬСКОМУ о бюрократизме и о том, что он сам застрельщик бюрократизма. В ЦК можно пройти по

³ Другий з'їзд РСДРП відбувся 17 (30) липня — 10 (23) серпня 1903 р. До 24 липня (6 серпня) працював у Брюсселі, але бельгійська поліція змусила делегатів покинути країну. З'їзд продовжив роботу в Лондоні.

партбилетам, а в Наркомат никак не пройдешь. На это он мне ответил, что вина лежит на его секретаре БАБИЕ. [...]

[...] *Тов. СЕМЕНОВ.* [...] Нам бросилось в глаза то, что создавались липовые дела. Например, дело в Особом Отделе. Это дело поступило ко мне. Вел его ГРАБАРЬ. Это дело комбрига КОЛЕСНИЧЕНКО.

На допросе, когда я поставил ему вопрос: «Подтверждаете ли Вы заявление, которое написали на имя УСПЕНСКОГО?», он заявил, что никогда никакого заявления не писал. Но в заявлении было написано, что ему известно чрезвычайно широкое антисоветское подполье на Украине, известно большое количество складов оружия, где насчитываются 96 пулеметов, десятки тысяч винтовок, миллион патронов, сотни ящиков гранат и т. д.

Когда подошли вплотную к этому делу, то оказалось, что это заявление было сфабриковано ГРАБАРЕМ. Этот комбриг, безусловно, враг. Он не отрицал, что он участник антисоветской организации. На что так называемые «дельцы»-карьеристы попытались раздуть это дело, включить людей, которых арестованный не называл, даже не зная их.

Прямым врагам и их пособникам, подхалимам и карьеристам нужно создание липовых дел, [они] пытались перебить наши большевистские кадры.

О липачестве ГРАБАРЯ я доложил бывш[ему] Начальнику Особого Отдела ГРЕЧУХИНУ, который порекомендовал передать [информацию] тов. ЛЮТОМУ для доклада УСПЕНСКОМУ.

Когда я спросил, как реагирует на это УСПЕНСКИЙ, ЛЮТЫЙ говорит: «УСПЕНСКИЙ недоволен».

Председательствующий. Товарищи, регламент СЕМЕНОВА закончился, продлим ему время или нет? Кто за то, чтобы дать тов. СЕМЕНОВУ еще две минуты? Прошу опустить руки. Продолжайте, тов. СЕМЕНОВ.

(Продолжает.)

[*Тов. СЕМЕНОВ.*] Я не знаю, почему здесь у меня спрашивают, что я считал УСПЕНСКОГО большевиком. Я считал его потому, что он являлся членом партии и Политбюро ЦК КП(б)У. В двух своих докладах о ведущей роли коммуниста я говорил о нем, как о большевике, считаю, что здесь ничего особенного нет. Если бы я знал, что УСПЕНСКИЙ — враг, и говорил о нем, как о большевике, тогда я совершил бы партийное преступление. [...]

Тов. КРУТОВ. Товарищи, я хочу говорить исключительно о состоянии работы Отдела Кадров. В каком состоянии находилась и находится работа Отдела Кадров?

Я прибыл в Отдел Кадров в сентябре с. г. Что я застал там? Хотя по кадрам работник молодой, но все равно я знал, что должны существовать какие-то штаты, нормы и прочее. Когда я коснулся этого вопроса, то узнал, что ничего этого в Отделе Кадров нет.

Существует аппарат областей и Наркомата на всяких выдуманных проектах, ничего там конкретного нет, а люди работают, переходят с одного места на другое, не проводятся приказами, числятся на одной должности, работают по другой должности, получают по третьей.

Отдел Кадров никакой инициативы в работе не имел. УСПЕНСКИЙ прямо заявлял: «Отдел Кадров — это я, я разрешаю все вопросы сам персонально». Так и получалось, что Отдел Кадров считался на бумаге, а на деле только выполнял распоряжения УСПЕНСКОГО.

В чем заключалась работа Отдела Кадров? Если взять конец сентября с. г. и октябрь, так нужно сказать, что в Отделе Кадров была исключительная гонка и движение людей. Правда, здесь некоторую роль сыграли в обстановке международные события, которые сложились в конце сентября с. г. Но, независимо от этого, людей безобразно перегоняли с одного места на другое. Я вначале предполагал, что, очевидно, это делается с целью освежения аппарата, его укрепления.

Сейчас все это в Отделе Кадров, правда, с трудом, но исправляется. Вот взять вопрос откомандирования работников. Что получалось? С Отделом Кадров никто не советовался, никто не согласовывал вопроса об откомандировании того или иного работника. Кому как хотелось, так и делали. И до сих пор у некоторых руководителей отделов и периферии существует такая же тенденция. Получалась большая путаница.

Дальше. Мало того, что все это приводило к большой путанице со штатами. В последнее время существовал аппарат несуществующего ЭКУ, созданный лично УСПЕНСКИМ. Сейчас это положение исправляется.

Вопрос в отношении антисемитизма. Тов. РУДЮКУ нужно было взглянуть глубже на это явление.

Мне недавно товарищи говорили, что в марте месяце УСПЕНСКИЙ собрал партийный актив, мобилизованный ЦК в органы НКВД. Присутствовало свыше 100 человек. Там он ставил вопрос в такой плоскости, что нужно очищать аппарат органов НКВД от евреев, что нужно аппарат украинизировать. Он говорил, что у нас много торговцев, сионистов и проч[их]. Почему никто тогда не обратил на это никакого внимания? Почему партийная организация не реагировала на тот факт, когда за одну ночь было уволено 270 человек? Такое массовое увольнение должно было вызвать известное внимание, но ни один человек абсолютно не обратил на это внимания.

Я лично должен сказать прямо и прямо сознать свою вину, что я политически совершил грубейшую ошибку, слепо выполняя распоряжения врага УСПЕНСКОГО по откомандированию и увольнению некоторой части кадров, которая этого не заслуживала. Это касается и кадров из евреев. Я просто не проанализировал по-большевистски цели и причины разгона кадров. Мне в голову не приходила даже мысль, что вся его работа по кадрам носит враждебный характер.

Если бы я хоть на минуту заподозрил что-нибудь неладное в этом, было бы другое дело.

Такие факты были, о которых я говорил выше, и нужно было на них обратить серьезное внимание. Я не буду хвастаться, что я хотел идти в ЦК и говорить об этом. Я просто не осознал сути этого дела. Вот в чем моя вина и грубейшая политическая ошибка, за которую я готов отвечать перед партией.

Некоторые товарищи знают, как ко мне относился УСПЕНСКИЙ. У меня была мысль пойти в ЦК и говорить только по этому вопросу. Но я должен сознаться в том, что не пошел потому, что боялся. Знал, что там тоже сидят работники НКВД и скажут, что я был. И если УСПЕНСКИЙ узнает — то меня совсем не будет в органах. Я об этом заявляю прямо.

В отношении дальнейших задач...

Вопрос. Вы расскажите о Каменце, о ЖАБРЕВЕ.

[*Тов. КРУТОВ.*] Во время моего пребывания на работе, когда работал и ЖАБРЕВ, вопрос о евреях не стоял.

Теперь в отношении наших задач по линии Отдела Кадров. Прежде всего, нам нужно по-большевистски ликвидировать последствия вражеской работы. И я должен сказать, что я лично и весь аппарат Отдела Кадров идет именно по этой линии.

Теперь в отношении обращения с товарищами в Отделе Кадров. Я знаю, что есть товарищи, недовольные приемом в Отделе. Имеется такой недостаток в Отделе и об этом я говорю совершенно прямо. Об этом я говорил и в Отделе, и на собрании партийной группы. На этот недостаток я указывал тов. КРЕТОВУ.

По линии некоторых инспекторов наблюдалось чиновничество, и с этим мы будем бороться. Я лично стою за то, чтобы по-настоящему решать все вопросы, задаваемые товарищами.

Об увольняемых. Я могу сказать, что мы сейчас пересматриваем дела всех уволенных и кого следует восстанавливаем. Конечно, в этом отношении нужен единоличный подход.

Тов. СОРОКОВОЙ. [...] Тов. РУДЮК говорил, что выбыло из партийной организации 267 человек и принято 438 человек. Эти две цифры говорят о том, что как обстояло дело с кадрами, в частности с их перемещением.

Товарищи, ведь это чепуха. Получалось так, что это было не передвижение кадров, а расставление врагами своих людей.

В отношении национального состава я не знаю. Передвижением кадров всецело занимался АКАТОВ, он беспартийный, младший лейтенант. [...]

Тов. СКИТЕВ. [...] Работая инженером на производстве, на Харьковском заводе им. Ленина, откуда меня взяли в Наркомат работать, я считал для себя это большой честью, что непосредственно заслужил доверие в лице партийной организации, которая меня рекомендовала на работу. Придя сюда и находясь сейчас в таких жутких условиях, когда нет квартиры, живу на две семьи, не хватает от получки до получки, в таких условиях невольно делаешь выводы — не за наказание ли послали сюда.

Получается, что, работая начальником цеха, мне было лучше. Мне здесь говорят, что это последствия врага УСПЕНСКОГО. Но что же делали сидящие вокруг УСПЕНСКОГО, как сидящие здесь начальники?

С мест. Правильно.

[*Тов. СКИТЕВ.*] Как стоит вопрос с теми, кто знал и скрывал явных врагов? Да ведь в условиях собрания на заводе распотрошили бы до косточек подсобников врагов. Здесь сидят члены партии, которые сталкивались и в повседневной работе с УСПЕНСКИМ и молчат.

С мест. Делали его дела.

[Тов. СКИТЕВ.] Я понимаю, но как не сумею изучить врага. Много источников для сигнализации было и есть. Но как делали дела? Вновь избранному комитету надо обратить на это внимание, надо проверить все кадры НКВД УССР. [...]

Тов. РУДОЙ. [...] Враг народа УСПЕНСКИЙ за короткий период времени своего пребывания на Украине провел колоссальную вражескую работу. Но Успенский сам бы не смог провести такую работу, ему нужна была для этого опора, и у него такая опора была, он ее нашел.

Я должен указать на некоторых из этой опоры — это КРЕТОВ, НАЗАРЕНКО и ПАВЛОВ из Отдела Кадров.

Мы знаем, что вопросы кадров — это серьезнейшие вопросы, сугубо партийные. Для того чтобы решать вопрос кадров, необходимо быть смелым, идейно чистым, закаленным большевиком. Мы знаем, кто руководит кадрами нашей партии. Лично тов. СТАЛИН занимается вопросами кадров. А кто у нас стоял у руководства Отдела Кадров? КРЕТОВ. Он проводил по указке УСПЕНСКОГО большую подрывную работу. Я думаю, что тов. КРЕТОВ в курсе всех дел, которые проводились на Украине УСПЕНСКИМ, и партийная организация должна потребовать, чтобы он нам все выложил, как есть.

Возьмите хотя бы вопрос мобилизации ЦК КП(б)У нового отряда коммунистов на чекистскую работу. КРЕТОВ при решении этого вопроса проводил антисемитскую политику УСПЕНСКОГО.

ЦК партии для работы в чекистском аппарате бросил в числе лучших сынов нашей партии до 30–40% коммунистов-евреев. Ясно, что КРЕТОВ, как прямой исполнитель злой воли УСПЕНСКОГО, ни одного еврея из среды мобилизованных не принял. Тов. ЛЕСНОС знает, что из Харькова приехали два человека, но в органы они не были допущены. [...]

Вчера и сегодня говорили о тов. НАЗАРЕНКО. Я продолжу трилогию о нем. Как раз я считаю, что НАЗАРЕНКО является одним из приближенных к махровому врагу УСПЕНСКОМУ. В прошлом году он приехал из Днепропетровска к нам на работу и был начальником Оборонного отделения. Работал он неплохо. С приездом УСПЕНСКОГО он выехал в Москву для доклада следственных дел по 3 отделу на Военной Коллегии и пробыл там три месяца. После выполнения этого задания возвращается в Киев. В тот же вечер был принят УСПЕНСКИМ и тогда же последним назначается Начальником 8-го отдела (УСО). На этом я с ним по работе расстался. Однако последующие его дела, его работа в аппарате Особополномоченного, его работа в 1 спецотделе является явно вражеской.

Теперь возьмите вопрос продвижения по службе НАЗАРЕНКО. За последние 5–6 месяцев его головокружительный рост — повышение в должности, в звании, награждение значком «почетного чекиста», частые поездки в Москву, поездки по Украине для выполнения специальных заданий УСПЕНСКОГО — все это говорит за то, что НАЗАРЕНКО был одним из первых приспешников УСПЕНСКОГО. В разговорах с НАЗАРЕНКО он

мне часто хвалился, что он является любимцем УСПЕНСКОГО, что ему днем и ночью доступен вход к нему в кабинет.

В сентябре этого года по неведомым причинам НАЗАРЕНКО назначается начальником 7-го отдела УГБ НКВД УССР. Остановлюсь на его работе в 7-м отделе. В первый же день он составил список работников отдела. Этот список составлялся таким образом: фамилия, имя, отчество, национальность, член партии и должность. Фамилии работников-евреев были в списки выставлены первыми и подчеркнуты красным карандашом. Вечером с этим списком он побежал к УСПЕНСКОМУ. Началась его «творческая» работа в 7-м отделе. Каждый день и ежечасно наблюдались издевательства над работниками отдела, не говоря уже об издевательствах над работниками-евреями.

Взять хотя бы издевательства над т.т. ХАЙТИНЫМ и НОВАКОМ. Никто другой, как т.т. НОВАК, ХАЙТИН, РОЕВ, ФРЕЙ и я, почему-то не подлежали откомандированию в Москву. Когда стал вопрос об откомандировании, Отдел Кадров потребовал деловые и политические характеристики. Нам эти характеристики не были даны НАЗАРЕНКО. Я спрашивал у НАЗАРЕНКО, на основании чего нам не дают характеристик. Он мне ответил: «Я человек новый и всех вас недостаточно хорошо знаю».

Вопрос с мест. Почему ты молчал об этом на партийном собрании ЭКУ?

[Тов. РУДОЙ]. В ЭКУ было назначено партийное собрание. Вопрос стоял о развороте партийно-массовой работы, говорили же о сугубо партийных делах. В присутствии комсомольцев и беспартийных машинисток, деловодов и др[угих] я говорить тогда не хотел. А материалы о НАЗАРЕНКО, об его отношениях к сотрудникам я подал командованию.

Еще хочу сказать об одном случае, который произошел в Николаеве, где НАЗАРЕНКО был в командировке. Правда, его нужно проверить. Знаю об этом случае я со слов тов. ГОРЛОВА. К НАЗАРЕНКО обратился один товарищ с просьбой посоветовать ему по одному вопросу и спросил, можно ли жаловаться на неправильное отношение к нему со стороны Нач[альника] УНКВД КАРАМЫШЕВА. НАЗАРЕНКО ответил, что жаловаться нельзя и не нужно. После разговора с НАЗАРЕНКО этот товарищ спрашивает со слезами на глазах у т. ГОРЛОВА: хорошо ли он сделал, что сказал об этом НАЗАРЕНКО, и что он боится, что НАЗАРЕНКО расскажет об этих разговорах КАРАМЫШЕВУ. Так оно и было. НАЗАРЕНКО о всех разговорах с этим товарищем доложил КАРАМЫШЕВУ, и этот же товарищ в тот вечер был репрессирован. [...]

Тов. БОРОВКОВ. [...] Тов. РУДЮК говорит, что сигналов не было. Были сигналы, и очень серьезные сигналы. И мимо этих сигналов прошел Парткомитет.

Первый сигнал — разве в третьем отделе партийная организация не дала сигнал по делу ареста ЯСИНСКОГО и других? Разве там не присутствовал член партийного комитета?

С мест. Протокол послали в Парткомитет.

[Тов. БОРОВКОВ.] Почему он не реагировал по этому вопросу? [...] Разве это не сигнал? Какую еще нужно иметь бдительность, чтобы не

обратить на это внимание? Людей не стало. А потом — что получилось? Весь аппарат 3-го Отдела был разогнан. Разве это не было сигналом? Разве одним приказом накануне Первого Мая весь аппарат 3-го Отдела не был разогнан? [...] Людей арестовали, а свидетелей убрали. [...]

Ведь в тот же самый решающий момент, когда люди на озере ХАСАН⁴ с большим энтузиазмом отвоевывали границы. А мы, начиная впитывать эту напряженную обстановку, а аппарат был не мобилизован, а демобилизован. Кто остался из Особого Отдела? Нужно было приглашать коммунистов особого Отдела на это собрание, это было упущено, ведь они недавно отошли в отдельную организацию, а о старом они знают. Это был метод вражеской работы. Я приведу пример на себе. Я до Украины, работая 8 лет, имел четыре передвижения, а за 8 месяцев здесь я тоже имею 4 передвижения. О чем это говорит? Что работник, коммунист не может освоить тот участок, за который он отвечает.

Разве не был достаточен сигнал, когда сам партийный комитет разогнали? Получается, что только РУДЮКА оставили для проведения отчетного собрания. Нужно прямо сказать — это урок нашей партийной организации, урок серьезный и глубокий.

Возьмите 3 отдел. Характерно, всех разогнали, а таких, как ГОРОДИНСКИЙ, который приживается ко всякой обстановке, всегда остается, он же сам и говорит, что составлял липовые сводки. Надо сказать, как так получилось, что вы разводили магию липогонства, направленную на разгром.

[...] В Особом отделе партийная организация совершенно правильно подняла вопрос и исключила из партии крупнейшего липогона ГРАБАРЯ. А между прочим, партийный комитет нечутко подошел к вопросам, о которых сигнализировали еще задолго до исключения ГРАБАРЯ. Все-таки после этих сигналов ГРАБАРЬ был выдвинут на другую работу в 6-м отделе. Вопрос о ГРАБАРЕ ставился.

Парторг ГОЛОВАНЧЕНКО, несмотря на то, что нужно было записать ГРАБАРЮ, об этом и товарищи говорили, не записал, а сказал, что «по-товарищески обошлось».

Вот есть коммунист ВАЙСБАРГ, который говорил, что ГРАБАРЬ липун и т. д. Он прямо об этом говорил. И это было два месяца тому назад. Так этому вопросу не придали значения. ГРАБАРЯ нужно было разоблачить раньше, он бы меньше навредил. [...]

Председательствующий. Товарищи, объявляется 15-минутный перерыв.

Тов. ЖЕЛАЙ. [...] Необходимо сказать, что мы очень мало предъявляем требований вышестоящим партийным органам. Ведь были сигналы о плохой работе нашей парторганизации. Где был Обком партии, что делал ЦК КП(б)У? Наша организация была отдана на откуп.

Товарищ СТАЛИН, Центральный Комитет ВКП(б) учат не только считаться с информацией и сведениями больших начальников. Мало того, что УСПЕНСКИЙ был член Политбюро ЦК. ЦК партии должно

⁴ Ідеться про бої в липні — серпні 1938 р. між армією Японії і РСЧА. Формальною причиною стали претензії Японії на територію біля озера Хасан і річки Туманна.

вникать в нашу работу, должен был серьезно и ежедневно заниматься всеми вопросами нашей парторганизации. [...]

В ряде случаев рядовые члены партии, активисты, парторги и т.д. были свидетелями ряда антипартийных вещей, но они молчали. Взять Отдел Кадров. Я как-то дежурил и часов в шесть, проходя возле комнат ОК, вижу — везде светло. Я зашел в один из кабинетов — люди сидят и спят.

Назавтра я беседовал по этому вопросу с некоторыми товарищами, которые мне рассказали, что УСПЕНСКИЙ поехал в ЦК, а КРУТОВ приказал всем сидеть и ждать его приезда — быть может, будет работа. Это неправильная постановка дела. Кроме того, отдельные товарищи говорили, что КРУТОВ прямо терроризировал работников ОК. Я говорил об этом с парторгом тов. ЛЕОНОВЫМ, и он оказался политически беззубым.

[...]. Товарищи, вот последний случай. Сбежал преступник — предатель УСПЕНСКИЙ. Как мы организовали поиски этого мерзавца? 15 числа [ноября] я получаю распоряжение установить морги. Затем производится в ряде мест целая серия обысков. Но кого ищем — не знаю, какого-то террориста. И только 17-го ночью мне сказали о том, что такой-то и такой-то исчез.

Товарищи, у меня нет никаких оснований высказывать в отношении кого-нибудь какие-либо сомнения в части розыска. Но хочу сказать: ведь в корне неверно, что эти розыски по нашему отделу возглавляли разоблаченные впоследствии враги — КОЛЕСОВ и ЛАТКОВ — сподвижники УСПЕНСКОГО. [...]

Тов. ЖУРАВЛЕВА. [...] Когда наша партийная группа избрала меня парторгом, мы составили план работы, в который внесли целый ряд производственных вопросов. На одном из партийных собраний мы заслушали НАЗАРЕНКО о том, как коммунисты борются за ликвидацию последствий вредительства. Протокол, который я принесла в партийный комитет, МАЛЫШЕВУ и РУДЮКУ он не понравился, особенно пункт о вражеской работе в 1 Спецотделе и о том, что мы просили Отдел Кадров связаться с Горпарткомом и КСМ комитетом, чтобы нам дали в 1-й Спецотдел коммунистов и комсомольцев. Этот протокол был отменен, а парторги, присутствовавшие на заседании партийного комитета, ничего не сказали. Почему отменили этот протокол? Сказали прямо — нач[альников] отделов [парторги] не имеют права слушать и контролировать их работу. Почему в течение двух лет ведется практика, при которой парторг не должен знать о том, что делает начальник отдела, что делается в другом отделении?

Я хочу воспользоваться присутствием товарищей из ЦК партии, пусть они скажут, какие формы работы должны быть в органах НКВД, чтобы в результате всего парторг не оказывался лодырем? Мне вот, напр[имер], нач[альник] отдела, кандидат партии т. БЕРЕЖНОЙ заявил, что работу парторги должны проводить или ночью, или во время обеденного перерыва, или в выходные дни. Что парторгу необязательно ходить на заседания парткомитета. Отсюда вывод, что парторг не имеет права ставить

производственные вопросы, и ему нельзя знать, что делается в другом отделении. А как же в таком случае работать? В результате в 1-м Спецотделе получают такие факты, о которых уже говорил РУДЮК.

Я считаю, что в группе 1-го Спецотдела было немало вредителей и подхалимов. Почему так получалось? Получилось это просто. Когда пришел НАЗАРЕНКО, первые его шаги были прекрасны, он советовался со мной. Потом, в один прекрасный день, я поставила перед ним вопрос о КАНИНЕ.

КАНИН трижды находил квартиру, КОЛЕСОВ трижды ее отнимал. КАНИН нашел в четвертый раз и эту квартиру у него отобрали для шофера. НАЗАРЕНКО вечером, разговаривая со мной о сотрудниках, между прочим сказал, что вот, дескать, один человек в 3-м отделе, причем не назвал его фамилии, начал говорить о начальстве, и из-за этого были уволены 15 человек.

19 июня меня выдвигают начальником отделения. Причем я не знаю, почему, за что? Со мной об этом не разговаривали. [...] Я приступаю к работе начальника отделения только в октябре. Я несколько раз приходила к НАЗАРЕНКО и ставила перед ним вопрос: «Когда же я приступлю к непосредственной работе?». Мне заявляют, что «сможете тогда уйти с оперкартотеки, когда подберем работника». Потом начинаются командировки. Я отсутствовала два месяца. Приезжаю. Зам[еститель] парторга КОРЖАКОВ и целый ряд коммунистов рассказывают о расправе с коммунистами СЛАВИНА, НАЗАРЕНКО, и завершает все это БЕРЕЖНОЙ.

НАЗАРЕНКО дошел до того, что сказал КОРЧАКОВУ, что мой прежний секретарь, хотя он и враг народа, а работал лучше тебя. По-партийному ли поступил НАЗАРЕНКО? Нет. Почему не поставить вопрос перед Отделом Кадров, что он с работой не справляется? Как поступил тов. КОРЧАКОВ, являясь одновременно Зам[естителем] парторга? Не сделал для себя никакого вывода, поступил, как оппортунист. Молчал, ничего не говорил, и только 10.XII.[19]38 г. подал т. РУДЮКУ заявление.

Дальше, СЛАВИН. Он говорил вчера, что он грубый. Но, по-моему, дело не в грубости, а дело в том, что попы сидели сверху, а попенята, как СЛАВИН, сидели внизу. [...] Когда коммунисты стали мне рассказывать о непартийном поведении и нетоварищеском отношении с коммунистами, я прихожу к СЛАВИНУ и говорю, что коммунисты и комсомольцы возмущаются его поведением, пишут в парторганизацию рапорт. СЛАВИН заявил: «Попробуйте только написать рапорт, посмотрите, что вам будет от Наркома».

[...] Прибыли материалы на СЛАВИНА. А где эти материалы? Материалы пропали. Почему, я спрашиваю? СЛАВИН, вот, говорил, что он отказался от отца. Было заявление, в котором говорилось, что СЛАВИН сам киевлянин, батько его носил рясю до 1928 г. На чистке партии в Горьком СЛАВИН заявил, что он связь с отцом не имеет. А по сути это не так. Отец СЛАВИНА живет в Киеве, у него бывает и систематически поддерживает с ним связь.

Дальше. Приезжаю я из командировки. УСПЕНСКОМУ требуется регистратор. СЛАВИН, не спрашивая согласия работника тов.

ЭЛЬЯШЕВИЧ, одного из старейших работников, откомандировывает ее в Секретариат с понижением зарплаты.

Приезжаю после командировки в конце сентября. СЛАВИН становится начальником, сам дает характеристики на работников. Что получается: МИРЕР не может работать в 1-м Спецотделе, так как он симулирует, у него язва желудка. А СЛАВИН не симулирует своим психозом?

В результате МИРЕРА, КАНИНА переводят в УШОСДОР, а меня увольняют совсем из органов. [...]

После СЛАВИНА БЕРЕЖНОЙ становится начальником отдела, хотя приказом до сих пор числится Нач[альником] 1 отделения. Что из себя представляет БЕРЕЖНОЙ? Будучи на работе в Особом Отделе в Днепропетровске, с работой не справился. В Житомире работу в 1 спецотделении провалил. Работой 1 спецотдела не руководит, не умеет, политически неграмотен. Партийную работу игнорирует, несмотря на то что сам является кандидатом партии, и ему нужно было прислушиваться и более принимать участие в партийной работе.

БЕРЕЖНОЙ, хочет или не хочет, честно или не честно, но он выполнял волю УСПЕНСКОГО и расправлялся с работниками. В Житомире БЕРЕЖНОЙ был тесно связан с врагами народа ГРИШИНЫМ и ВЯТКИНЫМ, был у него оперативным секретарем и объезжал с ним всю погранполосу.

Надо обратить внимание на парткомитет Житомирского УНКВД, т. к. мы сделали запрос, передали секретарем парткомитета ГОЛУБЕВЫМ, и он его не передал. [...]

Тов. ПРОСКУРЯКОВ. [...] Прав тов. ОСОКИН, который говорил, что многие знали, понимали, а многие чувствовали вражескую деятельность УСПЕНСКОГО. Почему, спрашивается, коммунисты, комсомольцы, беспартийные, старые, новые работники замалчивали это, не сигнализировали об этих фактах? А они имели особую ценность. Таким образом, помогли бы нам своевременно вскрыть, поймать и арестовать врага УСПЕНСКОГО.

Отсюда ответ какой мы должны дать тов. БУРМИСТЕНКО и ЦК? Почему мы испугались говорить, почему мы боялись? Ведь мы выполняли серьезнейшие операции.

Сейчас товарищи все дают ответ: сказал — сидел бы, сказал — был бы убит. Это ответ неправильный, пострадали бы один, два, три, пять, на шестом споткнулись бы, и правда дошла бы до ЦК. Почему мы не проникли в ЦК? А ведь это под боком. Почему мы, старые работники, имеющие опыт, боялись БАЛИЦКОГО, ЛЕПЛЕВСКОГО и десятков мелких врагов, работали под их руководством, тоже не разоблачали их, не дошло это до ЦК ВКП(б)У и ЦК ВКП(б)?

У нас было много фактов, мы понимали, мы чувствовали, а что сделали и пытались ли реагировать, чтобы что-нибудь сделать по ликвидации проводимой вражеской линии УСПЕНСКОГО?

Вот, хочу начать с себя. Я работаю 16 лет на Украине, и все 16 лет — в центральном аппарате. Сначала осведомителем, [дорос] до начальника отделения, работал в школе. Были враги БАЛИЦКИЙ, ЛЕПЛЕВСКИЙ,

КОЗЕЛЬСКИЙ, я должен был извлечь опыт из всего этого и распознать врагов. Но, товарищи, оказывается, трудно было распознать линию УСПЕНСКОГО вовремя. Опыт матерых врагов прикрывал наш опыт, отсутствовало партийное чутье, недостаточная политическая грамотность у многих товарищей. Как был представлен УСПЕНСКИЙ нам? Какова была его линия?

УСПЕНСКИЙ был нам представлен ЕЖОВЫМ как проверенный большевик, проверенный ЦК партии чекист, проверенный на работе в Новосибирске, Оренбурге.

Что еще нужно? Товарищ ЕЖОВ рекомендовал УСПЕНСКОГО, а ведь он имел опыт и знал матерых врагов, а поэтому не нужно было ему так рекомендовать УСПЕНСКОГО, нужно было присмотреться к нему, как он будет работать и вести себя. УСПЕНСКОМУ был создан ореол, так же, как и БАЛИЦКОМУ и ЛЕПЛЕВСКОМУ. Это мешало говорить правду.

Я — оперуполномоченный, кандидат партии или член партии, а УСПЕНСКИЙ — член Политбюро, депутат Верховного Совета. Да еще приехал с такой рекомендацией, говорил с ЕЖОВЫМ, был у товарища СТАЛИНА. Все это давало повод к тому, что можно было верить УСПЕНСКОМУ.

Как УСПЕНСКИЙ выступал у нас, когда приехал? УСПЕНСКИЙ говорил, надо закончить разгром кадров БАЛИЦКОГО, так как они засорены, надо присмотреться к кадрам ЛЕПЛЕВСКОГО, к орденоносцам ЛЕПЛЕВСКОГО. Просмотреть, кто и за что получил ордена.

Казалось бы, что установка правильная. И действительно, были примеры получения орденов ни за что. Так, к примеру, КОРКУНОВ, он сам удивился, когда узнал о том, что награжден.

Дальше начались аресты. Из арестованных мы сами многих подозревали. Казалось бы, что УСПЕНСКИЙ правильно поступает. Потом начались аресты людей, которых мы знали как будто с хорошей стороны. Так был арестован МИЦЕЛЬМАХЕР. О нем я говорил с ХАТЕНЕВЕРОМ. В конечном итоге оказалось, что МИЦЕЛЬМАХЕР завербован врагом народа — начальником отдела.

Вообще говорить о делах было очень трудно, так как вокруг были нечистоплотные люди.

Вот дело СЕРЕБРЯНОГО. По указанию ЗИМЕНКО он был арестован. СЕРЕБРЯНЫЙ — инвалид, без одного глаза, никогда не имел партийных взысканий...

Я еще раз повторяю, что по конкретным делам было очень тяжело говорить и спорить, т. к. вокруг были нечистоплотные люди.

Какова была линия УСПЕНСКОГО дальше? Я считаю, что разгул его действий начался в мае месяце. Я лично немного понимал его некоторые неправильные действия. Так, не проходили наши телеграммы, не проходили телеграммы ХАТЕНЕВЕРА. С другой стороны, удивлял и возмущал крик УСПЕНСКОГО о том, что «вы украинские марафетчики, и я из вас выбью дух БАЛИЦКОГО».

По вопросу следствия. Нельзя было говорить о конкретных делах. Из обихода исчезли слова «оговор». Существовал разгул в репрессиях.

Здесь товарищи говорили о том, что нельзя и трудно было выступать по ряду вопросов. Вот был случай, когда враг хотел без показаний составить протокол. Были случаи ареста людей без санкции прокурора. Так были арестованы **БЕРМАН, КРИГЕЛЬ**.

Что же мне лично мешало пойти в ЦК? В прошлом году мне **ЛЕПЛЕВСКИЙ** сказал: «Если вы не согласны с существующим положением, пишите в ЦК **СТАЛИНУ**». Но меня удерживало от этого шага то, что меня не поддерживали члены партии.

[...] Когда была демонстрация, нам пришлось руководить оперативными группами. Я сообщал правдивые факты. Через некоторое время я пошел и узнал, что их нет, этих фактов. Когда я стал добиваться и возмущаться, то мне сказали: «Мы вами займемся, вы озлоблены».

Вот, товарищи, это и сдерживало многих работников. У нас есть много работников, которые о правде не имеют представления. Есть много новых, так сказать, молодых работников, которые не могли еще охватить всего этого. В основном же большинство боялось говорить правду. Я считаю, что так и должно быть, мы должны научиться говорить правду потому, что мы не гарантированы, что у нас не будет четвертого руководства. Были, например, факты, когда знал весь коллектив, но молчал.

Вот, например, переезд в новое здание — разве это не вредительство, товарищи? Каждый друг друга спрашивал, почему это — были расположены в достаточно хорошем помещении, а теперь вот, после переезда в новое здание, в первом отделе, например, были обморочные состояния. За это в других бы учреждениях кое-кого посадили бы. Теперь получилось так, что нам, большинству работников, не имевших ряд лет отдыха, прибавилась еще одна нагрузка — это четыре горы в день.

Из зала. Правильно, сняли автобусы.

[*Тов. ПРОСКУРЯКОВ.*] Последнее. Я считаю, что каждый должен говорить о себе, что он сделал объективного, выполняя указания **УСПЕНСКОГО**? Пусть товарищи, которые руководили и участвовали, расскажут о методе работы, которая проводилась.

Возьмем теперь бытовую линию. Товарищи, разве на протяжении последнего года эта линия не ухудшилась? Например, вопрос квартирный. Когда я спросил о квартире, я получил ответ: «Вы старый работник, проживете и так, мы дадим новым работникам». А новым работникам, наоборот, давался такой ответ: «Вы недавно приехали, подождите».

Такое безобразное отношение было и в других вопросах. Например, с талонами. То вам дадут талон на брюки, то на туфли. А сколько и как — никто не контролировал.

Товарищи, когда мы перестроимся, научимся говорить правду, усилим партийно-массовую работу, то мы не допустим, чтобы в наших рядах и во главе нас стал четвертый враг.

Тов. СОВА. [...] В момент побега врага народа, который дискредитировал еще больше наши органы в лице трудящихся, мне дали установку разыскать какую-то женщину, установить морги по Киеву. Но кого искать, где искать — не сказали. Но каждый чекист имеет свою смекалку. Я узнал, что были вызваны из областей начальники областных управлений — это

КОБЫЗЕВ, ВОЛКОВ, ЖАБРЕВ, к которым в вольской форме⁵ приходил УСПЕНСКИЙ. Я сам УСПЕНСКОГО не знал, но в тот период времени, т. е. 14–15 [ноября], можно было с этими людьми поймать врага. Ведь КОБЫЗЕВ, ВОЛКОВ, ЖАБРЕВ были вместе с ним, они звонили ему 13 [ноября], 14 [ноября] по телефону. Ведь 12 [ноября] у нас был праздник, а 13-го сговаривались — это же факт. Но те враги, которые руководили этой оперативной работой, они были заинтересованы, чтобы скрыть следы. Я только подслушал через двери, что речь идет об УСПЕНСКОМ. Я подслушал в том смысле «подойдите к квартире УСПЕНСКОГО». Дальше, что я наблюдал, 16–17 [ноября] примерно в те дни, что враг из 2 отдела ЛАТКОВ чувствовал свой конец. Я поставил вопрос перед ним: «Скажите, о ком речь идет?». [ЛАТКОВ:] «Нужно найти убитого человека, искать документы», — говорил он. [СОВА:] «А кого?».

18.XI с. г. я зашел в гостиницу «Континенталь» и увидел ЛАТКОВА вместе с ГРОМОВЕНКО. Я после ареста ЛАТКОВА делился с товарищами, и они говорили, что ГРОМОВЕНКО являлся близким другом ЛАТКОВА. Он и на те двери ходил, что УСПЕНСКИЙ и его приятели, другим не разрешалось. Если бы это было в гражданской организации — там бы не так подходили к этому вопросу. Там сразу бы поставили вопрос и потребовали бы дать ответ партийной организации. [...]

Тов. МАЙСКИЙ. Я прежде всего хочу рассказать общему партийному собранию о том, как я был свидетелем избиения тов. ШМУЛЕВИЧА врагом УСПЕНСКИМ.

Обстоятельства этого издевательства над чекистом, членом партии тов. ШМУЛЕВИЧЕМ, явились такие. По его же заданию, этого врага УСПЕНСКОГО, которое я получил и тов. ШМУЛЕВИЧ от ныне арестованного ГРАБАРЯ, в период осложнений находиться все время в штабе КОВО и информировать руководство Особого отдела о всех оргмероприятиях, проводимых по линии штаба КОВО, я с т. ШМУЛЕВИЧЕМ находились несколько дней там, и все то, что в штабе являлось новостью, директивами по военной линии мы передавали руководству ОО, которое сейчас оказалось репрессированным.

Когда вопрос стал уже более известен о том, что действия эти являются незаконными, ГРАБАРЬ и ЕГОРОВ смотивировали, сослались на то, что документы, которые получались из штаба КОВО, исходили по распоряжению МАЙСКОГО.

Я был немедленно вызван врагом УСПЕНСКИМ. Первое обращение ко мне в присутствии ЕГОРОВА и ДЬЯКОНОВА было такое: «На каком основании вы изымали документы, снимали документы?». Я ответил, что сегодня был в штабе ЕГОРОВ и ГРАБАРЬ, предложили представить ШМУЛЕВИЧУ какой-то документ. УСПЕНСКИЙ набросился на меня с руганью, угрозой отдачи под суд, расстрелом и т. д. После этого он предложил немедленно через ГРАБАРЯ вызвать тов. ШМУЛЕВИЧА. Опять я и тов. ШМУЛЕВИЧ очутились в его кабинете. В присутствии ЕГОРОВА и ДЬЯКОНОВА после некоторых расспросов тов. ШМУЛЕВИЧА: «Кто

⁵ Так у тексті. Імовірно, «польський».

вы такой, сколько вы работаете в органах, где работали до сих пор?» и т.д., когда ШМУЛЕВИЧ, рассказав кратко о себе, сказал, что он на Кавказе обслуживал консульство, после этого враг УСПЕНСКИЙ набросился на него, обезоружил его и стал избивать. Это говорит, что враг УСПЕНСКИЙ зверски расправлялся с кадрами, применял фашистские методы.

Я должен сказать, что вместе с т. ШМУЛЕВИЧЕМ я работал. По личному делу т. ШМУЛЕВИЧА никаких компрометирующих данных не было. Для меня было совершенно непонятно такое отношение к т. ШМУЛЕВИЧУ и заключение его в тюрьму. Моя вина в том, что я не проявил, так, как и другие товарищи, принципиальности большевистской и не поставил в известность ЦК партии. В этом моя колоссальная вина, я ее никогда не отрицал и не буду отрицать. Это так и есть.

Товарищи, я хочу несколько пояснить следующее обстоятельство. Когда вопрос этот разбирался на партсобрании Особого Отдела, я также не скрывал ничего абсолютно по этому вопросу, рассказал об этом. Но ряд товарищей по отношению ко мне подошли неправильно. В частности, я хочу сказать о том поведении, которое проявил один из членов парткомитета Особого Отдела БЛУДЕНКО. Все знают, что он кулак, и за то, что я на одном из партсобраний на выступление БЛУДЕНКО, а оно носило кулацкий характер, выступил, он мне об этом напомнил, что МАЙСКИЙ сказал.

Из зала. Неверно.

[МАЙСКИЙ.] Я выступил и сказал, что это выступление кулацкое. Товарищи об этом знают все.

Из зала. А кто такой МАЙСКИЙ? Ты сам посадил ШМУЛЕВИЧА в камеру. Не надо прятаться за спину БЛУДЕНКО.

[МАЙСКИЙ.] Его посадил ГРАБАРЬ.

Из зала. Ты знал, что он посажен под номером 12.

[МАЙСКИЙ.] Я знал настолько, сколько другие. Это может сказать КАЛЮЖНЫЙ. ЕГОРОВ писал отношение. Почему я не сообщил? Я об этом сказал, я сам находился в таком состоянии.

Из зала. Нет!

[МАЙСКИЙ.] Я еще приведу такой факт. Работая уже в 6-м Отделе, когда явно было известно, что ряд арестованных арестованы неверно, я занес дело РАКИТЫ. ГРОМОВЕНКО присутствовал при этом, когда УСПЕНСКИЙ распушивал меня в то время, когда на этого человека никаких материалов не было. Лишь только теперь этот человек освобожден. [...]

Тов. СЕРДЮК. Я думаю, что мое мнение поддержат товарищи, неправильно вы говорите, что в ЦК нельзя добиться. Мы знаем сотни, тысячи случаев, когда попадают люди в ЦК КП(б)У, в ЦК ВКП(б). В ЦК есть честные люди в аппарате, поэтому, если бы вы хотели, как большевик, помочь партии, вы имели все возможности. Поэтому парторганизация от вас и требует.

Тов. МАЙСКИЙ продолжает. Я виновным себя считаю в деле ареста тов. ШМУЛЕВИЧА. Я совершил большое преступление, что не поставил

в известность ЦК нашей партии. Я понимаю, что значит арестовать честного, ни в чем не повинного товарища.

Вопрос. Скажите о вашем дергании работника и о вашем зверском отношении с БЕЛЯЕВЫМ и другими. Почему вы ЛОКОШЕНКО сказали подать рапорт, чтобы он ушел с работы?

Тов. МАЙСКИЙ. Когда я пришел на работу, я даже не знал, куда меня пошлют. Мне сказали, что я невоенный человек и пойду на гражданскую работу. Когда я прибыл в отдел, там было всего три человека сотрудников.

ГРАБАРЬ в сентябре откомандировал 9 человек, в октябре ушли в Особый Отдел 3 человека. На следствие ушли тоже три, осталось три человека. В отделе остались БЕЛЯЕВ, БУХ, ШАПОТЬКО. Вот с этими кадрами при наличии 60 арестованных, которые сидят по полгода, я приступил к работе.

Сейчас же я поставил в известность руководство, написал рапорт, что искривления такие-то, арестованных столько-то, следствие велось так-то. У меня и сейчас есть эта записка, но на нее никто не реагировал. Вообще не считали отдел за отдел, а МАЙСКОГО за начальника отдела. Я даже был проведен по приказу спустя полтора месяца.

Я, как член партии, в ряде вопросов, которые всплыли на партсобрании, полностью отвечаю. Я не собираюсь отрицать все факты, которые имели место. Но я прошу учесть, что я во всем этом признаю себя виновным. Все эти явления я не проводил с целью вражеской деятельности. У меня нет к этому никаких оснований.

Я эти вопросы не ставил принципиально по-большевистски, я был слеп. Я это не отрицаю. За это я должен понести соответствующее партийное взыскание, какое найдет нужным партийное собрание. Считаю, что по моему делу, в котором я повинен, будет соответствующая комиссия, которая проверит все факты, доложит, и тогда будет вынесено соответствующее решение. [...]

Тов. КАЛЮЖНЫЙ. [...] Я сюда переведен недавно, в июле м-це с. г. Но насколько мне известно (со слов товарищей), здесь началось с того, что на собрании говорили о том, что УСПЕНСКИЙ приехал спасать Украину. Говорили также, что Центральный Комитет партии одобрил деятельность и работу НКВД на Украине. А на XIV съезде КП(б)У, на котором я был делегатом от Одесской организации, там прямо говорилось, что разгром врагов на Украине начался по существу с приездом УСПЕНСКОГО. Такое положение в известной мере усыпляло бдительность партийной организации.

С ним очень считались. А о силе его влияния я убедился лично на себе. Дело в том, что перед тем, как меня перевели в Киев, стоял вопрос о переходе на партийную работу. Меня избирали в Обком партии, согласовали с Центральным Комитетом партии. Тов. ТЕЛЕШЕВ сообщил мне, что на это есть согласие т.т. ХРУЩЕВА и БУРМИСТЕНКО. И несмотря на это, я был назначен Зам[естителем] Нач[альника] 4 отдела. Я понял, что все же посчитались с УСПЕНСКИМ, несмотря на то, что мнение в ЦК было совсем обратное.

Тормозом в деле разоблачения врага УСПЕНСКОГО служило, товарищи, еще и то, что основной руководящий состав НКВД Украины находился на временном положении: почти ни один начальник отдела не утвержден приказом НКВД. Такое же положение существовало и с многими другими работниками Наркомата. Теперь приходится лишь догадываться, что УСПЕНСКИЙ рассуждал, очевидно, так: люди временные, в любое время их можно отправить, ну а значит, нет свидетелей его вражеской деятельности, и на этом дело окончится.

Я думаю, товарищи, было бы вредным сейчас охаивать всю работу НКВД на Украине, потому что большая часть чекистов, весь чекистский состав в целом вел активную борьбу против врагов на Украине и под руководством партии добился значительных успехов.

Постановление ЦК и СНК Союза указало нам пути исправления недостатков и допущенных извращений. Постановление нужно осмыслить и четко его выполнять.

Несколько слов об обстановке, которая существует сейчас в Наркомате. Вот, например, наблюдается нехорошее отношение между товарищами, замечается какая-то подозрительность и враждебность. И это особенно резко выражается по отношению к Начальникам отделов, получается так, что некоторые товарищи перестали здороваться даже.

Из зала. Вы же сами не здоровались.

[*Тов. КАЛЮЖНЫЙ.*] Товарищи меня знают, никогда этого не было. Я считаю, что эту обстановку нужно оздоровить, и как можно быстрее.

Еще один вопрос — это насчет старых и новых работников. Тут правильно сделал замечание тов. БУРМИСТЕНКО о том, что нам не следует проводить грани между старыми и новыми работниками. Задачи у нас одни, работаем для одного дела, и коллектив должен быть единым. Новым работникам надо лишь оказать максимальную помощь в деле их чекистского воспитания. В нашей партгруппе ЭКУ это дело мы уже начали осуществлять. [...]

Тов. РИВИН. Товарищи, я хотел здесь рассказать в отношении той вражеской работы, которая проводилась в последнее время в Отделе Кадров. В частности, в отношении т.т. КРЕТОВА и ПАВЛОВА.

Когда укомплектовывалась в октябре-ноябре школа УГБ, то КРЕТОВ лично сам решал вопрос о посылке личных дел на санкцию в Москву. Со стороны последнего был проявлен антисемитизм. КРЕТОВЫМ не было направлено в Москву ни одно личное дело на евреев, несмотря на то, что они были грамотны и не имели никаких компрометирующих материалов. Они лично были отсеяны КРЕТОВЫМ под видом малограмотных.

Лишь в отсутствие КРЕТОВА через тов. КРУТОВА направлено было 3 человека еврейской национальности, не имеющих никаких компрометирующих материалов. В результате такого укомплектования школы УГБ на 287 чел[овек] было пропущено всего три человека еврейской национальности.

И здесь особенно характерно отметить, что несмотря на то, что было пропущено все три еврея, которые были ОК НКВД СССР утверждены и мы получили на это санкцию из Москвы, то здесь в ОК какая-то подлая

рука, уже после бегства УСПЕНСКОГО, 17.XI с.г. этих трех человек — т.т. ВОЛКА, АВСЕЕВА и СИЛИНА — не вставляла в список на направление в школу. В то время как были направлены 17.XI с.г. в области списки на всех кандидатов, за исключением их.

Товарищи, кто дал право не внести их в список? Кто дал право уже после бегства врага УСПЕНСКОГО продолжать проводить его вражескую политику? Я считаю, что нужно привлечь к строгой партийной ответственности этих людей. [...]

КРЕТОВ был посланец УСПЕНСКОГО. Конкретно, была послана бригада в Днепропетровскую область. От УСПЕНСКОГО поехал КРЕТОВ с особым поручением. Он ехал исключительно с заданием по кадрам. И характерно, что после возвращения КРЕТОВА 10 ноября у меня, как обслуживавшего Днепропетровскую и Киевскую обл[асти], АКАТОВ, который сидел на центральном аппарате, потребовал справки на всех работников УГБ по этим областям для просмотра КРЕТОВЫМ.

При даче всех справок я отобрал отдельно справки на лиц, которые имели компрометирующие материалы, независимо от национальностей, и дал их АКАТОВУ. 13–14.XI я, случайно подходя к столу АКАТОВА, заметил 2 папки со справками. Смотрю и обомлел, когда увидел, что там были исключительно справки на евреев, и даже были справки на евреев, которые совершенно не имеют никаких компрометирующих материалов. Эти справки АКАТОВ оставил у себя, а справки с компрометирующими материалами, только других национальностей, АКАТОВ возвратил мне.

Это говорит, что КРЕТОВ по заданию УСПЕНСКОГО готовил разгром по Днепропетровской и по Киевской областям. Аналогичное дело подготавливалось и по Николаевской области.

Товарищи, только лишь благодаря тому, что враг УСПЕНСКИЙ удрал, предотвращен разгром. Я делаю отсюда вывод, что КРЕТОВ являлся доверенным лицом УСПЕНСКОГО, несмотря на выговор, записанный ему этим врагом.

В отношении выдвижения такое же было отношение КРЕТОВА. Им лично был из приказа вычеркнут БЕРМАН, не имеющий никаких компрометирующих материалов. На вопрос КРЕТОВУ: «Почему он вычеркнут?», он ответил: «Так надо». [...]

Дальше в отношении комплектования начальников Райотделений. Характерно было при укомплектовании — утверждали некоторых Начальников райотделения Днепропетровской обл[асти] с компрометирующими материалами. Например, РЕДЬКО — начальник Криворожского ГО НКВД, у которого дядя — германский шпион, сознался в 1938 г., с которым РЕДЬКО иногда встречался; МАКАРОВ — муж сестры — участник кулацкого восстания, а отчим жены — б[ывший] активный участник кулацкого восстания; БОГОМОЛОВ — отец его торговал с 1910 по 1917 г.; НИКОЛАЕВ — отец до революции арендовал паровую мельницу и имел 1 рабочего, брат исключен из ВКП(б) и др.

В то время как начальников райотделений КИВЕНКО и ЯКУБОВА, не имеющих никаких компрометирующих материалов, только потому,

что они евреи, решили снять с должностей нач[альников] райотделений и уволить.

В результате такой вражеской политики не осталось ни одного начальника райотделения, по национальности еврея. Сейчас это дело поломали. Нужны только честные и ничем не скомпрометированные партийцы-чекисты независимо от национальности. [...]

Тов. КРЕТОВ. Мне очень много предъявлено обвинений. Одни обвинения предъявляют сейчас, в ходе работы партсобрания. Одни из них предъявили на оперативном совещании работников УГБ НКВД, и одни из них предъявляют в отделах, то ли в разговоре, то ли некоторые товарищи приходят и спрашивают, так это или нет.

А именно: что я — сын помещика или сам помещик, имел 125 десятин земли и т.д.; что отец состоял членом ВКП(б) и исключен из партии, а отсюда я чуждый человек и при рекомендации некоторых людей пролез в органы НКВД; что я близкий человек Наркомлесу УШКАЛОВУ; что я якобы сыграл соответствующую роль перед УСПЕНСКИМ для его выдвижения или, наоборот, он для меня сыграл соответствующую роль для выдвижения меня в органы НКВД. И предъявляют, что я прямой пособник УСПЕНСКОГО.

Возглас из зала. Правильно.

[Тов. КРЕТОВ.] Обвинения мне тяжелые предъявляют. Я бы хотел прямо сказать, не кривя душой, о тех ошибках, которые я имел.

1. Действительно ли я являюсь помещиком или вообще имел отец мой землю, или даже имели какое-нибудь отношение к земле. Тот, кто знает Донбасс, тот знает, что там нет такого массива, который исчислялся бы в 45 десятин леса.

Я и мой отец никогда никакой земли не имели и ни на какой земле не работали до революции и после революции, мы не выезжали из Дружковки. Отец в 1936 году умер. Отец мой ни в какой партии не состоял, не был и членом коммунистической партии, был беспартийный, отсюда и не был исключен из партии.

УШКАЛОВА я никогда не видел в глаза, не знаю, что он представляет собой. Не знаю, что он является уроженцем Дружковки, и не оказывал никакой помощи в работе.

И последнее, что я был пособником УСПЕНСКОГО. Видите ли, товарищи, если представить в свете тех ошибок, которые имел Отдел Кадров, и в тех сгущенных красках представить КРЕТОВА, то действительно можно делать выводы, что КРЕТОВ был его пособником.

Я попал в органы по мобилизации ЦК. До этого я никого не знал в органах, за исключением тех начальников райотделений, с которыми приходилось сталкиваться, и меня очевидно никто не знал. Теперь я уже встречаю товарищей из Дружковки.

Возглас из зала. Скажите об антисемитизме своем.

Тов. КРЕТОВ. Все расскажу.

Правильно ли предъявил мне обвинение, что КРЕТОВ является пособником УСПЕНСКОГО в смысле извращения национальной политики в органах. КРЕТОВ не проявлял ни сознательно, ни бессознательно

в смысле арестов евреев в органах. Таких фактов нет, и никто не скажет, что это проявил КРЕТОВ, как КРЕТОВ. Я не знаю, почему именно КРУТОВ не сказал, как это делается.

Возглас из зала. Ведь КРУТОВ новый человек.

[*Тов. КРЕТОВ.*] Некоторые товарищи говорят, что КРЕТОВ привезен УСПЕНСКИМ. Я приехал вместе с 150 человеками, которые были вызваны ЦК.

Начальники УНКВД передают группу справок, идут к докладу к УСПЕНСКОМУ, получают соответствующую резолюцию, и эти справки с готовыми резолюциями Секретариата посылались в ОК и увольнялись.

ЯРАЛЯНЦ, как заместитель Наркома, я хотя и не считал его заместителем, присылает ЮФУ и сам звонит: «Тов. КРЕТОВ, по распоряжению УСПЕНСКОГО дайте мне все справки на работников 4 Отдела». Все инспектора получают задание подобрать, отнести ему эти справки. Одно время я сам понес. Я не всех людей знал, так как я на УГБ не сидел. Сидел на УГБ МИЛАЕВ. Я сидел на спецпроверке. Мое дело выписывать родственников. Он берет эту справку, идет к Наркому, тоже получает резолюцию, чтобы опять брали на приказ.

Здесь задаются вопросы, почему я не спрашивал, как быть в этом отношении. Я ведь новый работник, не умел даже правильно понимать отдельных названий органов НКВД. И если я и обращался по нескольким вопросам, мне УСПЕНСКИЙ говорил: «Где вы находитесь? Это вам не на партийной работе. Вам все кажется просто. Я написал резолюцию по Каменец-Подольской области — и все». [...]

Я думал, неужели такова задача каждого члена партии? А ведь люди, которые были у него, знают его, что у него нет ни логики, ни размышления. У него просто потерять голову. Это я сам испытал, когда приходишь, отвечаешь: «Есть, Народный Комиссар», «Понятно, товарищ Народный Комиссар». Поворачиваешься и уходишь, как солдафон. Я конкретно буду говорить обо всем.

Вопрос. Расскажите, как справки на арест писались.

[*Тов. КРЕТОВ.*] Я говорю не потому, что я буду отбояриваться и отбрыкиваться, я свои ошибки признаю и за них отвечаю.

Никогда никаких справок на арест я не писал. Даже справку на какого-нибудь работника также не писал. Все справки писались инспекторами на каждого работника.

Справки каждый инспектор, обслуживающий подавал мне с компрометирующими материалами. Я их докладывал Наркому — как быть с таким-то и таким-то товарищем, несмотря на то, что имеет он звание или нет. Он утверждал, что такого-то арестовать, на такого-то отменить.

Поэтому я лично ни одной справки не писал и липовой справки мной никогда не было написано. Большое количество справок мне давали инспектора с компрометирующими материалами. Был тогда КОБЫЗЕВ и другие, а теперь вина падает только на КРЕТОВА.

В зале появляется Секретарь Центрального Комитета КП(б)У тов. ХРУЩЕВ. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.

Продолжает КРЕТОВ. Я приведу еще такой случай, когда арестовали ГОНЧАРОВА. Я пошел распутывать это дело. Я в армии не служил и не знаю взаимоотношения частей, мне они непонятны. Я получаю от комбрига тов. ДЬЯКОНОВА штаты на период военной обстановки. Было там написано или 59 мех[анизированная] или авиабригада. Мне АКАТОВ говорит: «Почему на одну часть составлено два штата?». Я говорю: «Тебе более известно, ведь ты в армии служил».

Думали мы с ним, крутили, ничего не получилось. Я спрашиваю у ДЬЯКОНОВА, разворачивать эту часть или нет, нужно ли ее укреплять на период военного времени или нет. Так ни до чего не договорились.

В Особом Отделе [в] два-три раза были укомплектованы люди больше, чем нужно. Ходили они без дела потому, что не знали, чем им заняться.

Как-то мне КАЛЮЖНЫЙ сказал, что меня требует Нарком Я зашел к УСПЕНСКОМУ. Он говорит: «На каком основании вы предаете родину?».

Я говорю: «Мне непонятно, в чем дело». Тогда он мне отвечает, что «эти штаты не должен никто смотреть, почему я ЛЮТОМУ показал?». Я отвечаю: «Дал ГРАБАРЮ — он ничего не знает, и поэтому я дал ЛЮТОМУ». И говорит: «Когда вы перестанете болтаться здесь? Я с вами покончу».

Приходит ЛЮТЫЙ в отдел, и видно, что он хочет поделиться, что-то сказать и пойти в ЦК. Но, вздохнув тяжело, ничего не сказав, ушел.

Об антисемитизме. Я никогда и ни к одному товарищу в аппарате этого не проявлял. Никогда я не проявлял ненависти к евреям.

Возгласы из зала. Неправильно.

[Тов. КРЕТОВ.] Мне было очень трудно говорить с товарищами, которые были уволены «в порядке очищения аппарата».

Вопрос из зала. Расскажи насчет решения ЦК партии об увольнении евреев.

Ответ КРЕТОВА. Товарищи, об этом я услышал только здесь на собрании. Я даже не понимаю, почему ВЕПРИНСКИЙ не спросил меня, как члена партии, есть ли такое решение ЦК.

Вопрос из зала. Кем был составлен список евреев в Москву?

[Тов. КРЕТОВ.] Товарищи, здесь есть тов. ДОРФМАН, который знает, что когда мы ехали в Москву, мы только опирались на наш номер. Этот список был составлен и послан КОБЫЗЕВЫМ вместе с УСПЕНСКИМ.

Когда я узнал, что КРУТОВ получил установку о неприеме евреев, я донес сейчас же тов. КОБУЛОВУ. Все откомандированные и списки имеются, и их проверят.

Вопрос из зала. Скажите, чем объяснить, что в школу УГБ при просмотре списков не были допущены евреи? Причем была наложена резолюция «малограмотный», а люди были со средним образованием.

Ответ КРЕТОВА. Списки составлялись по областям инспекторами ОК, и поэтому мог кое-кто быть не вызван.

Вопрос. Вы ехали специально по заданию УСПЕНСКОГО, по кадрам. Почему списки на евреев составлялись отдельно?

Ответ [Тов. КРЕТОВ.]. Я, товарищи, никогда не собирал справок отдельно на евреев. Я ехал в командировку в Днепропетровск по

ознакомлению кадров и проверить работу Отдела Кадров в вопросе подготовки кадров, присланных к нам на работу ЦК КП(б)У.

Обвинения, предъявленные мне в отношении антисемитизма, — это вылазка и месть всех тех, кто имеет за собой грязный хвост, цель которых застраховать себя. Мы очищались и будем очищаться от всех чуждых людей нашей партии, пролезших случайно в наши органы. Поэтому к этим выступлениям нужно присмотреться и проверить их правильность.

[...] *Тов. НАЗАРЕНКО.* [...] Товарищи, в части отрыва партийной работы от производства, в этом в первую очередь виноват парткомитет и т. РУДЮК. Тов. ЖУРАВЛЕВА в своем выступлении говорила, что был поставлен мой отчет на партсобрании о производственной работе, с ней договорились об этом. Когда этот вопрос был поставлен и члены партии критиковали недостатки работы, то тов. РУДЮК сделал выговор, замечание, что неправильно поставили этот вопрос, что не должны были ставить его. Я не знаю, почему. Или он по этому вопросу договаривался с УСПЕНСКИМ, или лично так решил. Потом этот вопрос обсуждали на парткомитете и осудили.

Я хочу одновременно коснуться и работы 1-го Спецотдела потому, что некоторые товарищи не знают. Я всего в Наркомате работаю один год, и за этот год, как шахматная фигура, был поставлен на четыре работы.

Вот, товарищи, о тех цифрах, о работе, о которых здесь говорил т. ОСОКИН. Когда я шел на работу в I Спецотдел, я не хотел идти туда работать, но мне сказали, что надо работать.

Все статотчеты нашему отделу надо было только сводить на основании присылаемых из областей и посылать в Москву.

Из зала. А какие Вы давали директивы, скажите?

[*Тов. НАЗАРЕНКО.*] Я скажу. Так вот. Потребовался отчет за два года. УСПЕНСКИЙ сказал, что договорился с Наркоматом Союза и что этот отчет должен пойти за его подписью. Когда свели данные, присланные областями, я их понес ему. За это я крепко «получил», что я запутываю дело. Он оставил у себя отчет. Сам лично звонил нач[альникам] управлений, чтобы пересмотрели материалы и пересоставили отчет.

Из зала. А как Вы СЛАВИНУ звонили: «Почему у Вас рабочих много?».

[*Тов. НАЗАРЕНКО.*] Есть приказ НКВД Союза, в котором указывается, как составлять отчетность, где указано, что к тому времени, пока работник до ареста где работал, при наличии компрометирующих материалов о социально-политическом прошлом он должен быть отнесен в соответствующую графу. И только оставлять чистых колхозников, рабочих и т. д. На этот приказ я ссылался, и согласно этого приказа я и составлял отчет. Надо этот вопрос расследовать. Докладную записку к этой отчетности было поручено составить ЯРАЛЯНЦУ. УСПЕНСКИЙ поручил ЯРАЛЯНЦУ составить записку.

Вопрос тов. ОСОКИНА. А почему Вы в 3,5 раза уменьшили количество арестованных сотрудников?

[*Тов. НАЗАРЕНКО.*] После этого отчета меня из 1-го Спецотдела изъяли, и я был послан в 7-й отдел. Чем это было вызвано, я не знаю. Может быть, здесь товарищи подтвердят. Когда я был назначен

Особоуполномоченным, мне передали из отделов много арестованных. Был составлен список, куда какие дела направить: на Особое совещание, Военный трибунал или Военную Коллегию. После этого меня крепко «разделали». Вызвал меня УСПЕНСКИЙ, сказал, что я «не умею вести следствие». И меня освободили от обязанностей Особоуполномоченного. Арестованных забрали в 3 отдел.

Ежедневно поступали справки с резолюцией УСПЕНСКОГО «арестовать и размотать». Но я эти справки не составлял, они составлялись Отделом Кадров.

УСПЕНСКИЙ ездил на периферию, что он там делал — нам неизвестно. Как-то вызывает меня ГРЕЧУХИН, предлагает дать телеграмму в Запорожье, арестовать таких-то. Я не знал, что это за люди, какие на них материалы. Надо было оформить [справки на арест] с прокурором, я прихожу к ГРЕЧУХИНУ и спрашиваю: «Как же оформить?». Он мне говорит, что «эти люди барахолили, присваивали и т. д. Вот это и материалы для составления справки, а подробности запросите почтой».

Я еще хотел на некоторые извращения фактов выступавшими товарищами дать ответ.

Тов. ТВЕРДОХЛЕБЕНКО. [...] Я хочу сказать о партийной работе. Первое — это о том, что как будто бы не было сигналов со стороны членов партии секретарю партийного комитета о том, что неверно арестовываются сотрудники. Об этом сигналы были.

Когда арестовали ГОНЧАРОВА, я РУДЮКУ говорил. Правда, я вообще работаю в органах мало — всего с апреля месяца. Следует ли вообще за это арестовывать или, может быть, только уволить его из органов? Я говорил: «Ты пошел бы к Наркому и сказал бы». Он отвечает: «Ну, что ж, арестовали — значит, арестовали».

Теперь здесь есть на собрании тов. ЗОРИН — он был арестован в Сочи. Когда я принимал дела от НАЗАРЕНКО, я спросил: «Сколько арестованных за аппаратом Особоуполномоченного?». Он мне назвал ЗОРИНА, ДАНИЛЕВСКОГО и еще человека четыре.

Когда ЗОРИНА доставили из Сочи, я посмотрел справку и убедился, что в ней ничего нет. Я пошел к УСПЕНСКОМУ и говорю, что так и так: «Я не знаю, как быть с этим». Он говорит: «Вы должны добиться, что он участник сионистской организации». После этого, конечно, раз так было сказано, значит, можно допрашивать как угодно. Но, правда, к ЗОРИНУ ничего не было применено. Следствие велось как полагается.

Были еще факты, когда я докладывал УСПЕНСКОМУ дела на арестованных сотрудников, на которых также мало было материалов, а он требовал, чтобы давали материалы, что арестованный является шпионом, сионистом и т. д.

Теперь в отношении последнего. После того как я принял дела Отдела, там есть альбомы. Их есть три тома, в них примерно человек пятьсот, где написано «арестовать», «уволить», «отослать ОК НКВД СССР».

Проходит некоторый промежуток времени, вызывает УСПЕНСКИЙ и говорит: «Там есть альбомы. Как выполняются мои резолюции?». Я проверил примерно человек 350, половина из них арестована, половина

уже отослана, человек 80, которые подлежат еще аресту. Я посмотрел по всем материалам, арестовывать не за что. Я начал проверять, может быть, по показаниям каких-либо проходят? Проверил — по показаниям не проходят. Запросил у Отдела Кадров личные дела. Кроме тех материалов, которые там имеются, ничего нет, а арестовывать их не за что.

Через несколько дней до побега УСПЕНСКИЙ опять спросил, что сделано по его резолюциям. Я понимаю, что УСПЕНСКОМУ ничего не сказать нельзя, я говорю, кое-что сделано, по совести сказать, взят мной был только один человек из тех альбомов, на которого был кое-какой материал.

[Он приказал] Сейчас же арестовать все 80 человек. Я его приказа не выполнил. Он меня снова вызывает и говорит, что в ближайшее время все резолюции, которые мною написаны в альбом, должны быть выполнены. Но я все же не выполнил.

В отношении Начальников Отделов. Я вообще с УСПЕНСКИМ стал-кивался всего два месяца. Первое, что меня удивило, — это первое совещание, на котором я увидел, что если речь УСПЕНСКОГО идет о Начальнике отдела, то этот Начальник становится руки по швам. УСПЕНСКИЙ его кроет матом, сравнивает этого человека с идиотом, а этот человек только и отвечает: «Есть, тов. Нарком». Потом сам УСПЕНСКИЙ смеется и говорит: «Садись, болван».

Тов. ХРУЩЕВ. И Начальники терпели эти выражения? Ни в одной ячейке ни один коммунист не потерпел бы такого глумления, только у Вас.

[Тов. ТВЕРДОХЛЕБЕНКО.] Кроме этого, я понимаю, раз Нарком — значит, я должен посмотреть, кто вращается вокруг Наркома. Собрал я компрометирующий материал на ЗАХАРОВА. Я докладываю справку на ЗАХАРОВА УСПЕНСКОМУ, хотя знал, что после этого мне остался один путь — в подвал. УСПЕНСКИЙ вызывает РУДЮКА и говорит: «На тебе материал и справку на ЗАХАРОВА и проверь». Мне же он говорит: «Копию этой справки ты немедленно должен уничтожить. В противном случае я тебя посажу и т. д.». Я, конечно, пошел и, зная, что это пахнет плохим, взял эту справку и спрятал.

Тов. РУДЮК материалы и подлинник продержал полторы недели, а когда УСПЕНСКИЙ сбежал, он приходит ко мне и говорит: «На тебе этот материал и справку и проверяй сам». Я материалы и справку отправил в Москву.

Дальше, в отношении ШМУЛЕВИЧА. Как и где был арестован ШМУЛЕВИЧ и где он содержался — вряд ли кто знает. 10 числа ко мне звонит НАГОРНЫЙ и говорит: «Поскольку ты занимаешься кадрами аппарата, ты возьми его к себе». Я спросил: «Есть ли санкция прокурора?». НАГОРНЫЙ ответил: «Нет». Я ему отвечаю, что «люди без санкции прокурора сидеть не должны». А ШМУЛЕВИЧ именно сидел без санкции прокурора.

Я доложил об этом УСПЕНСКОМУ. Он мне говорит: «Ты в это дело не вмешивайся, и это не твое дело». Тогда я звоню ГРАБАРЮ и говорю: «Ты оформлял дело ШМУЛЕВИЧА? Так как он сидит без санкции

прокурора?». ГРАБАРЬ мне отвечает, что «об этом знает Нарком и ты возьми его себе». Я ему снова отвечаю, что «без материалов я его не возьму».

На второй день во время доклада УСПЕНСКОМУ он мне сказал: «Забери ШМУЛЕВИЧА, он сволочь, и ты должен добиться того, что он шпион», не помню — турецкий или какой-то другой. Я вижу, что никаких материалов на ШМУЛЕВИЧА нет, и тогда звоню ГРАБАРЮ и говорю, что Нарком приказал оставить ШМУЛЕВИЧА у тебя. *(В зале смех.)* Так ШМУЛЕВИЧ и остался за Особым Отделом.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ОТЧЕТНОМУ ДОКЛАДУ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА НКВД УССР

Заслушав и обсудив отчет Секретаря Парткомитета тов. РУДЮКА, общее закрытое партийное собрание НКВД УССР признает работу партийного комитета за отчетный период неудовлетворительной.

Партийный комитет не сумел обеспечить в парторганизации разворота критики и самокритики и реализации решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) о повышении партийной бдительности.

В результате отсутствия критики и самокритики в парторганизации и притуплении партийной бдительности со стороны партийного комитета и ряда других коммунистов в НКВД УССР продолжительное время орудовала группа врагов во главе с УСПЕНСКИМ, проводившая безнаказанно свою вражескую работу.

Партийный комитет в целом и секретарь П[арт]К[омитета] тов. РУДЮК не сумели по-большевистски организовать коммунистов на борьбу против деятельности УСПЕНСКОГО, оказавшись политически слепыми, неспособными разобраться в его вражеской деятельности. Партийный Комитет врагами был разогнан.

Горком Партии за отчетный период не заслушал отчета Партийного Комитета о работе и не оказал практической помощи в правильной постановке и организации внутрипартийной работы в коллективе.

Партийный Комитет недостаточно занимался ростом парторганизации.

Общее закрытое партсобрание предлагает новоизбранному партийному комитету:

1. Перестроить работу партийного просвещения на основе решения ЦК ВКП(б), обеспечив глубокое изучение коммунистами истории партии, произведений Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина, повышая идейно-политический уровень коммунистов.

2. Практиковать систематическое обсуждение на партийных собраниях производственных вопросов, пронизав всю оперативно-чекистскую работу партийностью, как этого требует решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 17.XI.[19]38 г.

3. Решительно бороться за укрепление партийной и трудовой дисциплины, обеспечив скорейшую ликвидацию последствий вредительства в оперативной работе и устранении недочетов в партийно-политической работе.

4. Общее закрытое партийное собрание требует от Партийного комитета поставить вопрос перед руководством Наркомата об обеспечении условий для быстрого овладения оперативно-чекистской работой пришедшим товарищам в органы НКВД.

5. Для лучшей постановки внутрипартийной работы просить Горком КП(б)У в ближайшее время пересмотреть структуру нашей партийной организации.

6. Решительно улучшить руководство КСМ организации НКВД УССР, в первую очередь, обеспечив практическую помощь КСМ Комитету в перестройке политической учебы на основе решений ЦК ВКП(б) о постановке пропагандистской работы в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

7. Улучшить работу по вовлечению лучших комсомольцев в ряды партии, не задерживая рассмотрение поступивших заявлений по приему в партию.

8. Партийному Комитету и парторгам систематически заниматься вопросами быта работников Наркомата, обеспечивая лучшее культурно-бытовое их обслуживание.

9. Партийному Комитету обсудить конкретные мероприятия по улучшению физкультурно-оборонной работы и работы общественных организаций, в частности работы женсовета.

10. Парткомитету поставить вопрос перед руководством о том, чтобы переброска парткадров согласовывалась с Партийным Комитетом.

11. Общее закрытое партийное собрание предлагает Партийному Комитету разработать и доложить на очередном собрании о коммунистах, которым предъявлены обвинения на партсобрании.

12. Партийное собрание призывает коммунистов сделать для себя урок из допущенных ошибок парторганизацией с тем, чтобы путем всемерного развития критики и самокритики и повышения большевистской бдительности в НКВД УССР до конца изгнать из наших рядов всех пролезших обманым путем в партию и органы НКВД.

ЦДАГО України, ф. 312, оп. 1а, спр. 82, арк. 1–240.

Копія. Машинопис.

НКВС Молдавської АРСР

№ 16

**Із протоколу наради оперативних співробітників НКВС
Молдавської АРСР і його районних відділень щодо
постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.
23 листопада 1938 р.**

ПРИСУТСТВОВАЛИ: секретарь Молдавского обкома КП(б)У, депутат Верховного Совета СССР т. БОРИСОВ; председатель Верховного Совета МАССР, депутат Верховного Совета СССР т. КОНСТАНТИНОВ; секретарь Молдавского обкома КП(б)У, депутат Верховного Совета СССР т. ЗЕЛЕНЧУК; ВР[еменно] И[сполняющий] Д[олжность] наркома внутренних дел МАССР, начальник 25 погранотряда, депутат Верховного Совета СССР т. СТРОКАЧ; начальник 3-го отдела УГБ НКВД МАССР т. ТОМИН и оперативные работники органов НКВД в составе 80 человек, согласно прилагаемого списка¹.

СЕКРЕТАРИАТ СОВЕЩАНИЯ: т.т. КОНДРАТЬЕВ, РОЗЕНФЕЛЬД и ДУХВИНСКИЙ.

Тов. БОРИСОВ. Товарищи, сегодня мы собрались для того, чтобы проработать постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об агентурно-следственной работе органов НКВД с тем, чтобы их обсудить применительно к тому, какие ненормальности были допущены чекистским коллективом Молдавского Наркомата. В порядке ведения совещания я предлагаю зачитать постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Тов. ТОМИН зачитывает постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

ВЫСТУПАЛИ:

Тов. ТЕСЛЕНКО — начальник Каменского РО НКВД. В Каменском районе, как и в других районах, до некоторой степени наломали дров. Это было результатом того, что в период проведенной нами работы по выявлению врагов народа существовала практика так называемых лимитов², выполнение которых требовало составления списков, и затем по этим спискам проводили массовые аресты.

Безусловно, что в большинстве своем контингент арестованных был чуждый нам, но среди него были и люди совершенно неподработанные нами ни агентурным, ни следственным путем.

¹ Список не публікується.

² Ліміти не передбачали складання списку арештованих. Арешту підлягали встановлені в результаті агентурно-оперативної роботи або в процесі слідства «вороги народу».

Теперь мы с этим разбираемся, но так или иначе допущенные нами ненормальности говорят о наших грубых нарушениях, которые мы допустили в погоне за выполнением лимитов.

Сейчас сталкиваешься с тем, что часть дел, имеющих у меня, требуют соблюдения формальностей, как, например, справки, акты и проч[ее]. Это, по сути, те дела, обвиняемые по которым не заслуживали наших репрессий. Но благодаря тому, что люди, которые вели эти дела, боялись высказать такое мнение, спихивали эти дела, люди продолжали оставаться под арестом, а теперь многих придется освободить.

Вредительское руководство нами плюс боязнь, несерьезный и непартийный подход к делу привели к тому, что мы одновременно с репрессиями враждебных нам элементов допустили в отдельных случаях и репрессии незаслуженных и невинных людей.

Говоря об этом, хочется сказать и о прокурорском надзоре по делам УГБ. Прокуроры, как в районах, так и в области, штамповали постановления и ставили свои печати, не знакомясь с делами. И наоборот, когда по милицеским делам со всей ясностью доказана виновность [уголовников], прокуроры тормозили работу милиции.

Здесь же мне хочется сказать и о самой личности прокурора. Прокурору Каменского района партийная организация дала отрицательную характеристику. Однако это ничуть не помешало тому, чтобы его утвердил Молдавский Обком и ЦК КП(б)У. Решение ЦК ВКП(б) и СНК требует улучшения работы наших органов, но вопрос с кадрами у нас поставлен не весьма хорошо, и особенно по милиции. В этом нам должна помочь партийная организация, которая, кстати сказать, не всегда дает нам крепких и устойчивых людей. Партийная организация в районе дает кадры кооперации и другим организациям, но только не в милицию. Считаю это положение ненормальным и надеюсь, что в будущем областной партийный комитет заинтересуется кадрами наших органов.

Агентурной работой мы похвалиться не можем, ибо последний год этим совершенно не занимались ни Каменка, ни другие райотделения. К тому же мы нуждаемся в конкретной помощи со стороны Наркомата.

Тов. ЧУМАК — начальник Кодымского РО НКВД. В процессе проведенных нами операций мы превратили в постоянных свидетелей почти всю имеющуюся на связи агентуру, оперировали показаниями этих свидетелей перед обвиняемыми, вследствие чего она оказалась расшифрованной.

Осужденные пишут из лагерей своим семьям, ссылаясь на свидетелей, по материалам которых они репрессированы. Часть имеющейся агентуры и осведомления не внушает нашего доверия, а некоторая часть нами также репрессирована, как участники тех или иных контрреволюционных формирований.

Необходимо наладить работу с агентурой, осведомлением. И одновременно отсечь всю расшифрованную и не внушающую доверия.

Как ненормальность в нашей работе мы имели не только то, что в отдельных случаях допустили репрессии к незаслуженным лицам. Но даже и такие моменты, когда забывали находящегося под стражей арестованного лишь потому, что дела попадали в архив вместе с другими архивными документами.

О прокурорском надзоре. Имеются случаи, когда прокурор Кодымского района (он раньше работал в Рыбнице) посещает в камере арестованных и после этого рассказывает о своем свидании их женам.

О том, как мы вскрывали контрреволюцию и кого мы сажали, можно говорить много. И в данном случае я хочу привести лишь один пример, когда бывший Оперуполномоченный 4-го Отделения СТЕПАНОВ в прошлом году арестовал в с. Сербы 60 человек. Впоследствии все эти 60 человек были освобождены. Безусловно, что такой необоснованный арест, причем массовый арест, дискредитирует наши органы в лице населения.

Тов. АНДРИАНОВ — начальник Дубоссарского РО НКВД. В Дубоссарском районе имеется большой прорыв в чекистской работе. Тем более тогда, как я на протяжении 4-х месяцев работал совершенно один и с начала своей работы не имел агентуры. Мне приходилось заново подготавливать агентуру и работать с ней.

Казалось бы, что Наркомату об этом было известно и он должен был помочь как кадрами, так и практическими указаниями. Однако вместо этого и меня отозвали из района на работу в Наркомат. В течение последних пяти дней ко мне приезжало из области 4–5 человек. Но ни один из них не дал никаких практических указаний по работе, не помог мне, и я бы сказал, что порою даже мешали мне в работе. Бывает и так, когда работник, приезжающий в район из Наркомата, не считает своим долгом поделиться со мной о работе в моем же районе. У меня был несколько раз и тов. ТОМИН, но он также никакой помощи мне не оказал.

Мне кажется, что со стороны отдельных работников Наркомата имеется какое-то недоверие к начальнику райотделения. Мне хочется подкрепить это тем, что в свое время я по линии 3-го Отдела вел следствие, по которому проходило 80 человек, но у меня это дело отобрали, и я не знаю, почему.

Тов. ТОМИН проявляет грубость к отдельным работникам вместо практической помощи. Почему же мы не информируем областной комитет партии, хотя бы в лице т. БОРИСОВА, о наших ненормальностях и нездоровых настроениях внутри коллектива?

В чекистском коллективе вместо здоровой партийной критики и самокритики существовал зажим в полном смысле этого слова, и говорить что-либо по адресу отдельных работников было совершенно невозможно.

Тов. ОВЧИННИКОВ — начальник Балтского РО НКВД. У нас в Наркомате был знаменитый ЗИНЬКО, по телефонным распоряжениям которого сажали людей по всем районам. Разве это было в порядке требований УПК или решений нашей партии?

По следственной работе бывший Нарком ЛЮТЫЙ требовал от следователя пересыпать несознавшихся показаниями сознавшихся, и даже одновременно допрос нескольких арестованных по разным делам. И таким образом обвиняемый, открывая двери к следователю или обращаясь к другому арестованному, кричал: «Я — участник организации, говори ты тоже».

Критиковать подобных вещей мы не могли, ибо за это можно было поплатиться своим положением. К примеру, надо сказать, что бывший Оперуполномоченный ЛЫСЕНКО уволен из органов УГБ, переведен

на другую работу за критику и разоблачение провокаторских действий в следствии бывшего работника СТЕПАНОВА.

СТЕПАНОВ был известен как липогон и мошенник, но не лучше его был и начальник 4-го Отделения ЮФА. Это жулик в полном смысле слова. Имел так называемые крупные, большие дела. За эти дела прошлое командование возносило его как одного из лучших работников и перевело на работу в центральный аппарат.

ЮФА был не только не чекист, но и не коммунист вообще. Он, будучи Начальником Балтского Райотделения, допустил ряд искривлений в работе. Да плюс к тому был известен как барахольщик, который кругом в кредит набрался, вплоть до одеколона из аптекарских магазинов. И если бы ЮФА был в Балте, а не в центральных аппаратах, его давно исключили бы из партии и выгнали из органов как совершенно чуждого, но его спасло то, что он был подхалимом и ставленником врагов.

Немного хочется сказать и о кадрах. Не секрет, что Балта в прошлом была засорена всякими бандами и другими чуждыми нам элементами, но работников даже и по штатному количеству не дают. Более того, уволили и секретаря Райотдела ПОЛЯКОВА без наличия каких бы то ни было компрометирующих материалов, который рожден в той же Балте, все его родные там же, ряд родственников на ответственной работе, коммунисты.

Тов. КУРИЛОВ — временно] и[сполняющий] д[олжность] начальника Рыбницкого РО НКВД. Вражеское руководство в нашем Наркомате и подхалимаж, имевший место со стороны отдельных работников, отразились на итоге всей нашей работы и опорочили честных работников-чекистов.

Руководили нами так, чтобы мы в своей практической работе исходили не из партийной совести, а выполняли любое дело под страхом быть покаранным. Я помню, как на одном из совещаний партторгов хотел по-критиковать и работу партийных организаций, так мне за эту критику крепко досталось.

Как мы вели следствие? Если обвиняемый сознался в каких-либо антисоветских проявлениях или халатности по службе, так ему говорят, что это не все, что ты должен сознаться в шпионаже. Даже если он и сознается в шпионаже, так от него правдой и неправдой требуют показаний о том, что он участник [антисоветской] организации и проч[ее].

Практиковали то, что следователь не должен знать компрометирующие материалы обвиняемого и не оперировать ими перед арестованными. Теперь мне ясно, что на некоторых людей не было совершенно никаких данных, заключающих преступную деятельность. И над таким арестованным просиживаешь бывало по несколько дней. Другой же следователь мог получить показания от аналогичного арестованного в течение короткого времени.

Несомненно, что такие показания не соответствовали действительности, но повторяю, что отдельные наши работники раздували их, много корректировали и делали дела.

Для того чтобы делать большие дела, переформулировывали показания арестованных. И вместо того чтобы привлечь обвиняемого к ответственности за действительно совершенные им преступления, умоляли

арестованного, чтобы он дал показания о широких размерах к[онтр]-р[еволюционной] деятельности. К примеру: МАЛЫЦЕВ однажды делает очную ставку и говорит арестованному: «Говори и об этом. Ведь ты все равно сознался и тебе легче не будет».

Также несерьезно мы работали и с агентурой. Тот же МАЛЫЦЕВ принимал агентуру в сельсовете, в машине и т.д. Этим самым расшифровывал ее. Он не имел возможности вести воспитательную работу с ней и давать правильные указания.

В свое время бывший зам[еститель] Наркома МАЛЫШЕВ произвел обследование работы Рыбницкого РО НКВД. Но в процессе обследования и сам ничего не сделал и никаких практических указаний и помощи не дал.

Работа с агентурой требует коренного перелома, и для работы с ней нужны люди, а я один выполняю обязанности и Начальника Райотделения, и помощника оперуполномоченного, у которого имеется 21 следственное дело.

Тов. ТОМИН мало прислушивается к работникам, конкретно не помогает, а я на совещании неоднократно говорил об этом.

Тов. ВЕЛИКАНОВ — начальник Котовского РО НКВД. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК полностью отражает наше прошлое и будущее. И вот сейчас, когда вспоминаешь прошлое, так на выступления т. ТЕСЛЕНКО хочется сказать, что в период массовых арестов в Каменском районе я сам был там начальником Райотделения. И если сказать о том, что основная масса репрессированных была, безусловно, враждебной нам, то сами аресты проводились с нарушением всех норм УПК.

Аресты по Каменскому району были проведены по спискам, и я никогда не забуду, как уже в феврале этого года получил приказание бывшего Наркома ЛЮТОГО об аресте 250 человек в 48-часовой срок.

Разве можно говорить о том, что эти люди были подработаны агентурным и следственным путем? Безусловно, что нет, ибо это и было лимитом.

Из 250 человек я арестовал 140 человек и вот теперь хочу сказать, как мы вели следствие по делам этих арестованных. Всех арестованных я направил в Балту, где они просидели полтора-два месяца, затем из Балты их конвоировали в Тирасполь, где они просидели два месяца, и их вновь отправили в Балту. На протяжении всего этого времени никто с ними не работал, и лишь после нескольких месяцев меня стали бичевать за то, что много моих арестованных не оформлены и дела на них не закончены. Причем это тогда, когда люди числились не за Каменским Райотделом, а за Молдавским Наркоматом, который преподнес мне лимиты.

Лимиты были введены не только на арест, но и на суточное оформление следственных дел. Перед следователем была поставлена задача обязательного оформления 5 или 7-ми дел в сутки. Ну и вполне понятно, что такая постановка работы создавала липогонство, и таким был следователь СУХОДОЛЬСКИЙ.

Не лучше его были и начальники Балтской следственной группы КИРЮШИН и МАГЛЕВАННЫЙ, которые представляли каждого арестованного большим врагом, создавали натянутые наносные дела и с этими товарищами носились, как с большими чекистами.

Агентурная работа была поставлена скверно, или, вернее говоря, ею совершенно не занимались, целиком переключились на следствие. И то, что проводилось с агентурой, также не обеспечивало стоящих перед нами задач.

Дальнейшая агентурная работа требует хорошей организации и делового подхода к разрешению того или иного вопроса, связанного с правильным и умелым разоблачением врага.

Мы в прошлом были зажаты, критично говорить о другом не могли, ибо в противном случае тебя превращали ни во что и совершенно стирали [в порошок].

Деловое руководство со стороны Наркомата отсутствовало, и особенно в последнее время. Я всего лишь один раз беседовал по работе с тов. МЯГКОВЫМ, и он мне, как начальник отделения, никаких практических указаний не дал. Причем из разговоров с МЯГКОВЫМ чувствовалась его ориентация на [агентурную] разработку руководящих работников района. Это значит, на разработку руководителей партийных и советских организаций. Считаю это в корне неверным.

[...] Тов. ЗАЙЦЕВ — начальник Ананьевского РО НКВД. [...] Условий для работы с агентурой нет. Я в районе один, и кажется, что должен принимать участие в партийной и советской жизни района. Но вражеское командование окрикивало тем, что, мол, начальник Райотделения только ходит на заседания РК КП(б)У и на партийные собрания. Таким образом, под всяким нажимом нас отрывали от партийной жизни и сами не давали работать.

Все это было на руку врагам, все это было вопреки партийных решений. Такими руководителями были ШИРОКИЙ, ЛЮТЫЙ и МАЛЫШЕВ. [...]

По выступлениям ВЕЛИКАНОВА, МЯГКОВ, безусловно, неправ в том, что он в своих указаниях сориентировал на разработку, мол, руководства р-на. Мне кажется, что это отрывка прошлого и совершенно непартийная.

Тов. СТРОКАЧ — *вр[еменно] и[сполняющий] должность наркома внутренних дел МАССР, начальник 25 М[олдавского] П[ограничного] О[тряда]*. [...] 19 и 20 ноября под руководством т. ХРУЩЕВА было проведено совещание в ЦК КП(б)У, которое вскрыло недочеты в работе наших органов, и их трудно даже представить себе на этом совещании.

Основное — это следственная и агентурная работа. Агентурная работа у нас заброшена совершенно. И лишь последний месяц мы начали заниматься ею и имеем неплохие результаты. В частности, у тов. МЯГКОВА заведено ряд новых агентурных дел.

Следствие проводилось шаблонно, обвиняемых не били фактами и свидетельскими показаниями. Благодаря тому, что в руководство НКВД Украины залезли враги народа, наша работа была направлена так, чтобы основные вражеские линии оставить на свободе, и в конечном счете удар был направлен не по правильному пути.

У нас есть такие арестованные, которые сидят по пять месяцев, и их дела не имеют ни одного протокола допроса. К тому же и сами протоколы ведутся формально, наспех.

Большим недочетом в жизни и работе чекистского коллектива было то, что партийная работа совершенно отсутствовала. И это видно из

выступлений начальников РО. Вопросом партийного просвещения совершенно не занимались, и не было партийного отношения как к партийной, так и к чекистской работе.

Работники не читали газет. И все это тогда, когда партийная работа должна быть выше всякой ведомственной работы. Отсутствовали критика и самокритика, боялись критиковать начальство.

На совещании, проведенном в ЦК КП(б)У, тов. ХРУЩЕВ резко поставил вопрос о том, чтобы в ближайшее время перейти на новые методы работы. Тов. ХРУЩЕВ предупредил, что постановление ЦК ВКП(б) и СНК нельзя понимать за документ, ослабляющий работу наших органов, а наоборот, усилить борьбу с врагом и не забывать о капиталистическом окружении. Тов. ХРУЩЕВ также обратил внимание на постановку на принципиальную высоту партийной работы внутри нашего коллектива.

Все дела, направленные нами на Особое совещание, будут нам возвращены для доследования и переоформления. Здесь мы встретимся с такими моментами, когда нам трудно будет доказать преступную деятельность того или иного арестованного нами лица. И также можем столкнуться с отдельными арестованными, которых придется освобождать из-под стражи.

Все эти дела потребуют от нас исключительно осторожного подхода к разрешению того или иного вопроса и особенной серьезности по делам военнослужащих.

Я считаю, что дальнейшие выступления товарищей надо построить так, чтобы вскрыть недочеты, указанные в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК, и выступать самокритично и критично, невзирая на лица, с тем чтобы вскрыть все наши недочеты, наметить конкретные мероприятия для перестройки агентурно-следственной работы в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

[...] Тов. МЯГКОВ — начальник 4-го Отделения УГБ НКВД МАССР. Я работаю на Молдавии три месяца и руковожу Отделением два месяца. С приездом сюда мне передали от ЮФЫ 248 следственных дел. По всем этим делам бывший Нарком ШИРОКИЙ говорил мне, что они исключительно верные дела и заслуживают нашего внимания. Однако я должен сказать, что эта ориентировка далеко не соответствовала действительности, и я сижу, выправляю прошлые грехи. Но в моем отделении работают исключительно комсомольцы со стажем чекистской работы, не превышающим 6 месяцев.

У меня есть пом[ощник] оперуполномоченного комсомолец ЧИЧИ-КАЛО, работник молодой и много сделал ляпсусов в своей работе. Он мне говорил, что 60% арестованных, бывших у него на допросе, сознались в совершенных ими преступлениях, и что он ежедневно заканчивает 7 следственных дел.

Я заинтересовался тем, как же такой молодой работник и совершенно неопытный может получить показания и оформить такое большое количество следственных дел в сутки, какова квалификация этих дел? Что же вы думаете об этих делах? Арестованный не сознается — так ему дают троцкизм. Не помогает это — так есть шпионаж, затем повстанчество и проч[ее]. В результате получается какой-то протокол, из которого не найдешь ни сознания [в преступлении], ни отрицания.

Арестованные смеются над нашими отдельными работниками. Мы кричим ему, давай показания, что ты участник организации, не имея никаких материалов, обвиняющих в том или ином преступлении. Вот такова характеристика этих дел, и надо сказать, что часть из них — прямо липа.

Приведу, к примеру, такое дело, по которому проходит два человека. Это мальчики — наборщики типографии, которые в своей работе допустили ошибку. Оказывается, что они жили вместе в общежитии, и поэтому их превратили в целую контрреволюционную организацию.

Кто же эти мальчики? Отец одного из них — коммунист, брат — летчик, люди, социально близкие нам. Но мы их арестовали необоснованно, сами выписали справку на арест, дали прокурору на санкцию, он подтвердил — и вот вам дело.

Как же смотрело начальство на следователя, когда он докладывал об отсутствии каких-либо компрометирующих материалов на того или иного арестованного? Тогда могли сказать, что ты сам враг, а отсюда и последствия.

На Молдавии большую антисоветскую работу проводили и проводят старообрядцы, монархисты, но по этому контрреволюционному подполью удар нанесен недостаточный.

У нас в Верховном суде работает бывший агент сыскного полицейского отдела и судебный пристав. Казалось бы, что раньше нужно было посадить таких людей.

Начальники райотделений стараются сбросить с себя ответственность за следственные дела по их районам и дела следствием до конца не доводят.

Агентурную работу мы забросили совершенно и даже забыли, как нужно работать с агентурой. Мы сидели в [следственном] аппарате и в этом целиком виноваты.

Мало того, что мы не работали с агентурой, к тому же мы репрессировали ее. Причем на некоторых из них также не имели ничего компрометирующего. К примеру, арестовали ценного агента по сионистам. Он, будучи на допросе у меня, заявляет, что он сидит лишь за то, что для нас же вращался среди сионистов, вскрывал их антисоветскую деятельность и информировал нас о них. И действительно, этот агент дал по сионистам мировые дела. Этот случай не единственный.

Из 248 дел, принятых мною, пришлось прекратить 48 дел и обвиняемых из-под стражи освободить.

По 4-му Отделению был нанесен удар в основном по эсерам, сионистам и троцкистам, но почти не нанесен удар по церковному подполью.

По-моему, тов. ВЕЛИКАНОВ неправ в своих выступлениях, ибо я по работе 4-го отделения указаний районам не давал, но надо взяться крепко за работу и вскрывать действительных врагов.

У нас ценная старая агентура, но с ней надо восстановить связь. И особенно надо учесть Григориопольскому району, что у них много сионистов.

Тов. ФЕДОРОВ — начальник Отделения УГБ НКВД МАССР. Под руководством партии чекистский аппарат Молдавии провел большую работу по разгрому врагов, и этого никто от нас отнять не может. Однако

попутно с этим мы допустили ряд искривлений, тем более на протяжении двух месяцев вражеской работы и руководства ШИРОКОГО.

От следователей и следственных групп в целом спрашивали только то, кто больше разоблачил врагов и больше получил показаний. Командование, в частности бывший Нарком ШИРОКИЙ, не интересовалось материалами следствия.

Киевская бригада вскрыла много беспорядков, она указала нам на недочеты в оформлении протоколов, на что в нашем аппарате не обращалось никакого внимания.

Аппарат Молдавии был отдан сам себе, в результате чего отдельными работниками и допускалось липогонство в следственной работе. Ведь СУХОДОЛЬСКИЙ писал протокол, не видя арестованного.

В районах очень много недочетов. Но такой Нарком, как ШИРОКИЙ, кроме угроз по адресу работников, ничего не делал, районы посещал мало. Моему участку ШИРОКИЙ совершенно не помогал, и таким же был его заместитель МАЛЫШЕВ. Следственные дела задерживались на протяжении двух и больше месяцев, и часть из них находилась в ящиках стола ШИРОКОГО.

Агентурная работа у нас была в загоне, мы ею не занимались и молодые кадры агентурной работе не обучали. Тов. ТОМИН недостаточно уделяет внимания молодым кадрам, а их нужно учить вплоть до правильного составления протокола.

Партийная работа на низком уровне, она среди нашего коллектива оторвана от чекистской работы, и наоборот.

Мы несколько раз слышим и обсуждаем о ЮФЕ, однако он продолжает работать в наших органах, к тому же в центральном аппарате Украины, как выдвигенец.

Тов. КАЛУГИН — оперуполномоченный 3-го Отдела УГБ НКВД. Я работаю здесь 4 месяца в отделении т. МАЛЫЦЕВА и первое время совершенно не имел определенного места работы и не в состоянии был заниматься каким-либо делом. Мне хочется привести, к примеру, один из фактов нашей прошлой следственной практики.

У меня находится следственное дело, которое в прошлом вел СУХОДОЛЬСКИЙ. Сейчас из допроса арестованного я установил, что СУХОДОЛЬСКИЙ преподнес арестованному готовые протоколы и заставил последнего расписаться, причем эти случаи неединичны.

Впоследствии этот арестованный от своих показаний отказался, никаких материалов, изобличающих его в контрреволюционной деятельности, я не имею. Однако, несмотря на это, я уже теперь получил установку закончить дело, добившись показаний.

Во многих следственных делах, которые приходится сейчас вести мне, не видно содержания компрометирующих материалов, на основании которых обвиняемый арестован и привлекается к уголовной ответственности.

Поэтому даже и тогда, когда стоит вопрос о прекращении дела и освобождении из-под стражи арестованного, я опасаясь это осуществить, ибо не знаю, на основании чего он арестован и где находятся материалы о нем.

После этого совещания мы должны сделать коренной перелом в нашей работе, полностью выполнить указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР об усилении агентурной работы и ведении квалифицированного следствия.

Тов. ТОМИН — начальник 3-го Отдела УГБ НКВД МАССР. [...] Если бы у нас была критика на политической высоте, мы бы предупредили себя и партию о том, что у нас неблагополучно.

Я в свое время говорил КИРЮШИНУ, секретарю парткомитета, о ШИРОКОМ как о самодуре. Но он меня отговорил тем, что сейчас много арестованных, много следственных дел и *[ситуация]* не позволяет ставить о нем вопрос³. Я лично во многих случаях шел против руководства ШИРОКОГО и отдельные распоряжения, в частности об аресте 600 человек, я не выполнил. ШИРОКИЙ обещал лишить меня партбилета и проч[ее и] проч[ее].

С арестами и следствием было то, что районы, проводя аресты, сами следствием не занимались, а валили [арестованных] в Наркомат, причем не оформляя даже арестантских документов.

Казалось бы, что районы могли и должны были заниматься агентурной работой, но не было и этого. У районов сложилось мнение, что все должен делать Наркомат.

О следствии. Враг, будучи приперт к стене фактами его к[онтр]р[еволюционной] деятельности, называл нам как участников к[онтр]р[еволюционной] организации и честных, преданных нам людей. Но мы, следователи, радовались таким показаниям и, не проверяя людей, сажали их.

Сегодня на совещании я не ожидал таких выступлений, а полагал, что к нам, как к работникам Наркомата, предъявят требования практического порядка.

ЗАЙЦЕВ выступил здесь с заявлением о том, что его бичевали за участие в заседаниях и пленумах парторганизации, но ничего не сказал о том, что же он сделал по агентурным делам, и вообще об агентурной работе. ТЕСЛЕНКО выступил с обидой на то, что ему мало помогают.

Мы помогаем всем, но в первую очередь прорывным районам, как Рыбница и другие. Из этого мы исходили, и я считаю, что в данном случае мы были правы.

Решение ЦК ВКП(б) и СНК обязывает нас усилить борьбу с врагами. И мы усилим, мы будем сажать, и крепко сажать, но не в массовом порядке, а в результате тщательной агентурно-следственной работы.

Все наши учеты должны быть проверены и мы сейчас выпишем всех, проходящих по показаниям, с тем чтобы людей преданных, оговоренных врагами, с учета снять, а заслуживающих нашего внимания продолжать крепко разрабатывать.

Тов. ШАДРИН — пом[ощник] нач[альника] 4-го отделения УГБ НКВД МАССР. Решение ЦК ВКП(б) и СНК правильно отмечает ошибки, допущенные нами в работе. Выступающие товарищи уже говорили о том, что ШИРОКИЙ принуждал брать от арестованных показания не те, которые он давал о своей практической к[онтр]р[еволюционной] деятельности.

³ Виділений фрагмент — рукопис.

Мне лично приходилось сталкиваться с ШИРОКИМ во время работы по делам эсеров. Мне ШИРОКИЙ не давал жить за то, что я не имею «центра».

Вполне понятно, что от таких указаний и требований ШИРОКОГО как Наркома отдельные работники натягивали дела, которые сейчас приходится исправлять.

Агентурной работой мы не занимались, агентуру растеряли и пока что к делу приобретения новой агентуры не приступили.

Мы не поднимаем старые учеты, а между тем среди них есть интересные лица. И поэтому в Рыбницком районе у нас остались люди на свободе из среды тех, которые заслуживали наших репрессий.

По селу Плоское у нас засели церковники, но мы в этом селе направляли неправильный удар в следственной работе, и поэтому церковное подполье не вскрыли.

Если бы мы в марте месяце провели операцию по селу Плоское правильно, мы бы, безусловно, нанесли решающий и исключительно правильный удар по к[онтр]р[еволюционному] церковному элементу.

Райотделениям нужно поднять старые учеты, целеустремленно надо подобрать людей для вербовки по объектам и продолжать вскрывать оставшееся к[онтр]р[еволюционное] подполье.

Тов. РЕДЬКИН — помощник оперуполномоченного XI отделения УГБ НКВД. Я молодой работник, прибывший в органы НКВД по мобилизации комсомола. И должен Вам сказать, что начальник отделения т. МЯГКОВ мне указаний в работе не давал и вообще не учил.

Я на арестованного влияю морально и он дает показания, но это не всегда бывает успешно. МЯГКОВ говорит, что арестованного нужно брать горлом, и тогда он даст показания. Но когда мне дали одного из участников повстанческой молодежи, то показаний он не дал, а материалы, изобличающие его в к[онтр]р[еволюционной] деятельности, были недостаточны. МЯГКОВ приказал мне добиться на него показаний у других арестованных о том, что он троцкист, тогда как на самом деле он им не был.

Вместо того, чтобы практически помочь и научить молодого чекиста, как работать с арестованным, ко мне в комнату однажды зашел МЯГКОВ вместе с МАЛЫШЕВЫМ и начали крыть матом.

Тов. БИРЮКОВ — оперуполномоченный 4-го Отделения УГБ НКВД МАССР. [...] При Наркомате создано бюро жалоб, которое в большинстве своем посещают жены репрессированных. Но никто из начальствующего состава никаких инструктивных указаний в работе дежурного по бюро не дает. Поэтому ни один из молодых работников не в состоянии дать должного ответа жалобщику, не в состоянии сделать анализ того или иного заявления, порою ценного для нашей работы. Работу бюро жалоб надо улучшить.

Тов. РЖАВСКИЙ — начальник Отделения 3-го Отдела УГБ НКВД. Я работаю на Молдавии пять месяцев и до приезда сюда таких беспорядков нигде не видел. Я здесь столкнулся с такими фактами, когда один следователь работал одновременно с 3–5 арестованными.

Был здесь такой следователь, ПРИЦКЕР, которого командование вознесило как больших дел мастера. Я пробовал было критически относиться к отдельным показаниям, видя явную липу в них, но меня чуть ли не обвинили в оппортунизме.

Не разбирались в том, нужно ли было арестовать того или иного человека, а с кондачка «давай» [арестовывай], раз есть на него показания.

Не документировали вредительской деятельности даже по самым простым моментам, когда это не требовало никакого труда. Были и такие моменты, когда наши следователи ограничивались тем, что обвиняемый сознался в даче «шпионских сведений» о колхозе заведующему РайЗО и проч[ее]. Ведь это ж чушь.

Тут говорили о ЮФЕ, и выступления о нем, безусловно, заслуживают внимания. Ибо даже сам факт его работы с агентурой говорит за себя. Да и как же может быть иначе, если агента принимала в квартире ЮФЫ его домработница.

Здесь начальники райотделений говорили о МЯГКОВЕ, о том, что он ориентировал их на разработку руководителей районов. Верно ли это? Безусловно, что такая ориентация со стороны начальника отделения неправильна.

Критика была совершенно зажата, и не только ШИРОКИЙ и МАЛЫШЕВ, но и РИВЛИН давал прямую установку парткомитету отбирать партбилеты у тех, кто будет говорить о недостатках в нашей работе.

Тов. ЧЕРНЕЦКИЙ — оперсекретарь НКВД МАССР. Мы имеем много случаев, когда неправильно классифицировали и формулировали обвинения. Иногда квалифицировали обвинение по ст. 54—11⁴. Но эта статья не имеет никакой силы без другой статьи, коей может быть предусмотрена его преступная деятельность.

В одном и том же деле встречались разные статьи обвинения, т. е. в постановлении о начатии следствия одна статья, обвиняемому предъявляется обвинение по другой статье, в обвинительном заключении — третья статья и т. п. Нигде нет оговорки в деле, почему изменена статья обвинения, в соответствии с требованиями УПК. В делах, которые прислали с Особого совещания, мы столкнемся с такими моментами.

Об агентуре. В предпраздничные и праздничные дни были установлены учащенные встречи с агентурой. И надо прямо сказать, что оперативные работники, принимая материалы от того или иного агента, не вносили никаких комментариев, не давали конкретных указаний агенту, и такие материалы были бесценны⁵.

Тов. СКОРОПАДСКИЙ — *вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] начальника Слободзейского РО.* [...] Я помню, когда на одном из совещаний ШИРОКИЙ спрашивал: «Хватит ли 100 человек?». Мы эту цифру по нашему району приняли, подбирали людей для ареста без достаточных компрометирующих материалов. Был случай, когда МАЛЫШЕВ давал

⁴ У статті 54 пункту 11 Кримінального кодексу УРСР ішлося про «участь у контрреволюційній організації».

⁵ Так у тесті. За змістом, ідеться про непотрібність таких агентурних матеріалів.

указания арестовать того или иного человека только потому, что он имеет родственников за границей и может быть содержателем явочной квартиры.

Мне известен и такой случай, когда следователь **ФОКИН** принуждал арестованного давать показания на людей об участии последних в организации, в то время когда эти люди ни в чем скомпрометированы не были. [...]

Не могу не сказать об условиях работы в Слободзейском районе. Я абсолютно не имею средств передвижения ни по УГБ, ни по милиции. В каждом отдельном случае я вынужден обращаться в ту или иную организацию за лошадью, за бричкой, за машиной для выезда в село. И если бы потребовалось выехать на демаркацию в случае прорыва, я, безусловно, сидел бы на месте. Считаю такое положение в дальнейшем ненормальным.

Тов. МАГЛЕВАННЫЙ — начальник отделения УГБ НКВД МАССР. [...] Что получилось у нас? Областной комитет партии не контролировал НКВД. Даже не принимал и не утверждал товарищей, выдвигаемых на работу в аппарат УГБ. Это делалось исключительно по линии отдела кадров НКВД УССР. Такая практика привела к тому, что парторганизация не могла контролировать работу, и на руководящую работу в НКВД МАССР ставились враги народа.

Еще хуже положение с тем, что засевшие в НКВД Молдавии враги народа под видом выполнения оперативных заданий срывали партийную работу, запрещали проводить партийные собрания. И вообще вся парторганизация была подмята «Наркомом», приказами о необходимости выполнения оперативных задач.

Надо сказать, что партком УГБ и я, как заместитель секретаря, оказались не на высоте своего положения, когда мы не вели борьбы с такой вредительской практикой «Наркомов», оказавшихся врагами народа.

Проводя большую работу по очистке Молдавии от шпионских, петлюровских, повстанческих элементов, нашим аппаратом были допущены искривления, перегибы, которым во многом способствовал упрощенческий способ ведения следствия.

Мне кажется, что наиболее мы наломали дров после того, как во второй операции начали арестовывать по показаниям осужденных. Эти показания при упрощенном ведении следствия не проверялись, и ясно, что по этим показаниям были арестованы и невинные люди.

Товарищи, я также хочу остановиться на таком положении, когда наш аппарат (следователи) физически изматывался. А по-моему, это была вражеская установка. В порядке приказа товарищи работали круглые сутки с перерывом на 3–4 часа, по месяцам не выходили из учреждения, спали эти 3–4 часа не раздеваясь на диванах. И всем Вам известен «лозунг» — «всем принести в отдел подушки». Разве мог в таком состоянии следователь детально разобраться в деле? Ясно, что нет.

Для характеристики этого положения я приведу один факт. Один из наших следователей выбился из сил до того, что при допросе заснул, и заснул так, что арестованный через окно ушел домой, вымылся, позавтракал, возвратился к дежурному и заявил: «Я явился из дому, посадите меня в камеру, и спасибо следователю, что он спит, а я успел привести себя в порядок». Это, товарищи, не анекдот, а факт.

Как был расценен тогда этот факт? Что, мол, этот следователь не хочет бороться с врагами, при допросах спит и т. д. Но улучшить обстановку для следователей никто и не думал.

[...] *Тов. ОРДЕН — пом[ощник] оперуполномоченного Котовского РО НКВД.* Я работал в Котовске с начальником отдела БАНИНЫМ. Здесь говорили о таких начальниках, как о ЗИНЬКО, но БАНИН ему тоже не уступал. Я припоминаю такое распоряжение, когда по телефону он мне заявил: «Ты ж подготовь на завтра человек 5». Вполне понятно, как можно было готовить и каких людей сажать.

Припоминаю и такое положение, когда, возвратившись из отпуска, я увидел в райотделе большое количество арестованных, которые были размещены по всем камерам и коридорам. Я удивился такому количеству арестованных и спросил БАНИНА: «Что за народ?». БАНИН мне ответил: «Выполняем лимиты области». В делах никаких материалов не было и вот Вам система работы.

В процессе следствия мы прибегали к штатным свидетелям. И эти свидетели были настолько приличные, что при появлении в селе кого-либо из работников УГБ или милиции эти «свидетели» сами приходили в сельсовет и давали показания на всех без исключения арестованных, фамилии которых называл работник УГБ или милиции.

То же самое было и в Наркомате. Меня привлекали к следствию, давали следственное дело, в котором, кроме постановлений, никаких материалов не было, и начальники давали распоряжение: «Коли». Вот такова наша работа.

Тов. БОРИСОВ — секретарь Молдавского обкома КП(б)У, депутат Верховного Совета СССР. Решение ЦК ВКП(б) и СНК исключительно правильно и своевременно. После всех выступлений нам отчетливо представляется, куда бы мы пошли, если бы и дальше шли по этому вражескому пути.

Достижения, которые имеют органы, велики, их отнять нельзя. И они в решении отражены. Большое количество людей, репрессированных органами НКВД, были, безусловно, махровыми врагами. И что бы они делали на случай войны?

Работу проделали большую и нельзя выражать недоверие всему аппарату органов НКВД. Дело в том, что в руководстве были враги, которые проводили вражескую работу. И дело в том, что чекисты под руководством этих врагов оторвались от партийной организации.

Необходимо приблизить органы НКВД к партийным организациям и своевременно сигнализировать о неполадках, могущих быть в партийном коллективе органов НКВД.

Товарищи, разве это нормалью, когда партийные организации НКВД по 5–6 месяцев не брались на учет? Эти люди, согласно устава, должны быть исключены из партии, но мы на это не пошли и впредь такого положения не допустим. Никто из работников НКВД никогда не заходил в Обком партии, и теперь люди говорят, что была такая атмосфера. Какая бы она ни была — это не оправдывает существовавшего положения, и в этой части я с себя вины также не снимаю.

Работа следственная исключительно сложная. Следователь должен быть грамотным, и особенно в политическом отношении. Тот не следователь, который не в состоянии отличить кулака-эксплуататора от середняка, подвергавшегося репрессии в административном порядке за невыполнение долгов перед государством.

ЦК ВКП(б) правильно решил вопрос о том, чтобы создать следственные группы из числа наиболее грамотных и проверенных товарищей.

Мы должны организовать учебу молодых работников, научить их правильно повести дело.

Неправильно была поставлена работа, когда не давали возможности отдохнуть работнику. Это не в пользу дела, нужно ввести определенное время, когда человек мог бы отдохнуть и работать над собой. Нужно участвовать в общественной жизни, нужно бывать на слете стахановцев и ударников. Видеть не только лодырей, но и жизнь честных трудящихся. Нужно уметь определить сиониста, сектанта, кулака. Для этого каждый чекист должен быть человеком политически грамотным и полноценным.

У нас же вместо всего этого была поставлена работа так, что не было ни политшколы, ни учебы по специально чекистской работе. Молодых работников не учили, поэтому у некоторых из них нездоровые настроения. Это все результат того, что с ними не хотели работать для того, чтобы этим самым сохранить монополию чекистских знаний.

Старые чекисты были оторваны от молодых. Впредь нужно работать так, чтобы чекисты-коммунисты бывали на общих собраниях колхозников, прислушивались к голосу масс и сами чувствовали ответственность за то, что происходит в районе.

Немалую роль в партийной жизни играет информация партийного комитета. Мы тоже должны принять меры к устранению существовавших в этом деле недочетов путем массово-разъяснительной работы.

Нужно исключительно быстро перестроиться, овладеть большевизмом и ни в коем случае не допустить того, чтобы шарахнуться в другую сторону.

Сейчас, согласно постановления ЦК ВКП(б) и СНК, назначения и увольнения в органах УГБ должны производиться с разрешения партийных органов. Наркомы, заместители Наркомов, начальники отделов и начальники райотделений будут назначаться постановлением ЦК ВКП(б)⁶.

Нужно, чтобы дисциплина в органах не пошатнулась, несмотря на то что здесь свободно критиковали начальников.

⁶ Політбюро ЦК ВКП(б) 20 вересня 1938 р. ухвалило постанову «Про затвердження відповідальних працівників». Див.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. Сост. О. В. Хлевнюк и др. — М., 1995. — С. 42–44. 14 листопада 1938 р. була ухвалена директива ЦК ВКП(б) для республіканських, обласних і міських партійних комітетів «Про облік та перевірку у партійних органах відповідальних співробітників НКВС СРСР. Див.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. — М.: МФД, 2004. — С. 604–606.

Борьба с врагами не закончена и международная обстановка диктует нам это. Для того чтобы враг не застал нас врасплох, мы должны перестроить свою работу и направить ее по правильному пути.

Борьба с врагом требует улучшения агентурной работы наших органов, и все это вместе взятое обеспечит выполнение решения ЦК ВКП(б) и СНК.

СЕКРЕТАРИАТ [підпис] КОНДРАТЬЕВ
 [підпис] ДУХВИНСКИЙ
 [підпис] РОЗЕНФЕЛЬД

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 57, арк. 404–430.
Оригінал. Машинопис.

№ 17

**Из протоколу партійних зборів співробітників УДБ НКВС
Молдавської АРСР про виконання постанови РНК СРСР
та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.**

15 листопада 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛО — 18 человек.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года (докладчик — нарком внутренних дел Молдавской АССР тов. ТРУБНИКОВ).

СЛУШАЛИ:

Тов. ТРУБНИКОВ указал, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.XI.1938 года всецело было направлено на исправление грубых недостатков в работе органов НКВД. Коллектив НКВД Молдавской АССР это постановление понял правильно и всецело претворил его в жизнь в повседневной своей работе.

Немало пришлось поработать партийной организации, чтобы искоренить те старые методы работы, которые применялись до решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17.XI.1938 года.

Мы имеем целый ряд положительных результатов в работе: правильность оформления следственных дел; систематическая информация; налаживание партийной работы, которая была оторвана от основной производственной работы, и ряд других показателей.

Мы имеем ряд товарищей, которые неплохо организуют работу своего производства, умеют воспитывать молодые кадры работать с агентурой, воспитывать ее, и в результате имеют хорошие показатели в работе — т.т. КИРЮШИН, КОРОТНЯН, ЧУМАК.

Вместе с тем, мы имеем и недостатки, которые и до сегодняшнего дня отражаются на нашей работе. Отдельные товарищи несвоевременно посылают информации, невовремя реагируют на те проявления, которые имеются на местах, — т.т. КУРИЛОВ, ТЕСЛЕНКО.

В основном партийная организация решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) выполнила.

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

Тов. РЖАВСКИЙ. Я буду кратко говорить о решении СНК СССР и ЦК ВКП(б). Тов. ТРУБНИКОВ правильно указал, что у нас есть большие недостатки в агентурной работе, наши чекисты недостаточно проникнуты этим решением, нам нужно крепко работать с агентурой, направляя ее на вскрытие врагов.

Я приведу пример. В Дубоссарском РО НКВД и в ряде других агентура принимается в любом месте, но не на консквартирах. Государственные отпускаемые специальные средства на конскквартиры не выполнены.

Правильно сказано в решении СНК СССР и ЦК ВКП(б) по вопросу агентуры. Многие чекисты потеряли вкус к агентурной работе, не любят ее, не болеют за нее.

Взять, к примеру, то же Дубоссарское РО или Тираспольское. Там агентура почти вся расшифрована. Это явилось результатом того нерадивого отношения к агентурной работе, которое еще имеет место среди чекистов.

В Дубоссарах, не говоря уже об отсутствии календаря встреч, я встретился с таким фактом, когда в силу отсутствия конспиративной квартиры мне пришлось вместе с начальником райотделения идти на квартиру к агенту. Тов. БЕРНАЦКИЙ вместо того, чтобы принять максимум мер к недопущению расшифровки агента, во всем своем величии, по форме и [при] знаках различия собрался идти на встречу.

Я категорически запротестовал вплоть до срыва встречи, и лишь [тогда] тов. БЕРНАЦКИЙ переоделся в штатский костюм. Не сделай этой элементарной вещи, мы, безусловно, расшифровали бы ценного агента.

Вызвав однажды ряд лиц в сельсовет для допроса в качестве свидетелей, я был поражен заявлением работников сельсовета о том, что мне нужны очевидно не эти люди, так как приезжавшие ранее сотрудники всегда вызывали совершенно других лиц, и здесь же назвали мне фамилии наших осведомителей.

В тех же Дубоссарах только по линии 3-го отдела имеется в производстве 24 аг[ентурные] разработки, большинство которых совершенно не разрабатывается. Среди этих разработок есть ненужные дела, от которых мы неоднократно предлагали освободиться. Однако это до сих пор не сделано.

Мы неоднократно говорили о максимальном использовании наших архивов, где имеется много очень ценного материала, но он нами не поднят и не разработан.

У ряда товарищей сложилось неправильное понимание о работе по польской линии в связи с разгромом польского государства⁷. Некоторые

⁷ Ідеться про знищення Німеччиною та СРСР польської державності у вересні 1939 р.

думают, что на этом вся работа должна быть прекращена. Вскрытые крупнейшие дела в Западной Украине, а также те агентурные данные, которыми располагаем мы, свидетельствуют об исключительной активности польских националистов, которые в борьбе против Советского Союза всемерно стремятся использовать не только польская буржуазия, но и такие страны, как Англия и Франция. Из этого нужно сделать соответствующие выводы.

Работа с молодыми кадрами. Я хочу подметить, что этот набор молодой, энергичный, который вполне может проводить в жизнь решения партии и правительства. В отделении мы их прикрепили к более квалифицированным товарищам, возле которых они воспитываются.

Нужно учесть, что не надо так поступать, как это отмечено в Дубоссарском районе, когда начальник райотделения поручил вновь прибывшему товарищу шкаф⁸, и тот должен сам ориентироваться, что ему делать.

По вопросу соблюдения конспирации мы не выполнили полностью решения СНК СССР и ЦК ВКП(б). Нужно отсеять и прекратить связь со всей расшифрованной агентурой, и в особенности с дезинформаторами. С действующей агентурой необходимо работать исключительно конспиративно, не допуская случаев приема агентуры в райотделениях.

Тов. ПЕЧЕНЬИЙ. Тов. РЖАВСКИЙ указал на то, что мы целиком не выполнили решения СНК СССР и ЦК ВКП(б). К этому хочу добавить, что тов. ТРУБНИКОВ в своем докладе остановился и выпятил [факты] об отставании в работе Экономотделения.

Задача Экономотделения нам всем ясна и, в особенности на данном этапе, сводится к тому, чтобы мы оказали партии и правительству помощь в успешном выполнении 3-го пятилетнего плана.

По этому вопросу ответственность и серьезность поставленных перед нами задач мы должны учесть и полностью оправдать оказанное нам доверие, а этим самым мы придем к полному выполнению решений СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Как всем известно, экономотделение организовано в 1939 году, т. е. после решения, но следует обратить внимание на то, что этому отделению уделяется недостаточно внимания как с самого начала организации, так и до настоящего времени.

Как факты, следует привести: при передаче отделений со стороны командования не было точной установки. А поэтому получилось, что материалы переданные поверхностные и зачастую не представляющие никакой ценности. Такое же положение и с передачей агентурного аппарата, где можно отметить много случаев, когда агентура, по признакам принадлежащая ЭКО, оставлена на связи и в других отделениях.

Такой же подход был применен и в отношении гласного оперативного состава. С самого начала организации ЭКО из утвержденных штатов в отделении работало не более 60%, и кроме того, из этого количества 20–30% отрывалось для работы в других отделениях. Тем более, что в другие

⁸ Імовірно, йдеться про слідчі справи, що зберігалися у шафі.

отделения откомандировывались более квалифицированные работники. В настоящий момент отделение укомплектовано на 60% в большей мере за счет молодых кадров, пришедших в наши органы.

Наша задача в деле выполнения решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) — поддерживать тесную связь с партийными органами, т.е. систематически информировать их о состоянии нашего народного хозяйства для того, чтобы быстро изживать имеющиеся недостатки. Кроме того, мы обязаны перед партийной организацией очистить более уязвимые объекты от социально чуждых элементов, которые являются основным злом в тормозе успешного выполнения государственных планов.

Исходя из этого, следует отметить, что мы до сегодняшнего дня партийный комитет информировали недостаточно. Так же, как недостаточно нас информируют начальники Райотделений по ходу хозяйственно-политических кампаний.

Тов. ПОДЧАК. В основном мы справились с поставленными задачами, однако не совсем. На сегодня мы не можем похвалиться тем, что мы уже поставили на должную высоту агентурную работу. С агентурой мы работаем недостаточно. Назначаем встречи с агентурой в очень позднее время. Это не дает нам возможности достаточно поговорить с агентом, взять от него все, что он может дать.

Агентуру есть случаи, что и сейчас принимают в аппарате. Идя на встречи с агентурой, не переодеваются в штатскую одежду, что может повлечь к расшифровке. Приведу такой случай. Будучи в Григориопольском районе на празднествах и выезжая в село, оперативный работник райотделения т. ДЕМИДОВ, несмотря на то, что начальник РО НКВД т. КУРИЛОВ дает указания, как нужно принимать агентуру, хотел ехать в село для встречи с агентурой в их квартирах в форме. Я категорически ему предложил снять форму и одеть штатское. Лишь после этого он переоделся.

Я считаю, что мы мягкотело относимся к агентуре, дезинформирующей нас, двойникам-предателям, не отдаем ее под суд, а ограничиваемся разговорами с ней и прекращением связи.

Хочу остановиться на помощи райотделениям НКВД. Помощь райотделениям мы оказывали, но мне кажется, что недостаточно, и, по моему мнению, она оказывалась неправильно. Взять, например, такие РО, как Котовское, Черное и др., где продолжительное время работает по одному человеку. Этим РО помощь не оказывалась, а помогали тем РО, где имеются полные штаты.

Я хочу остановиться еще на архивах. Тут говорил т. РЖАВСКИЙ уже об этом, и раньше мы говорили. Однако архивы не разработаны до сих пор, а нужно сказать, что в архивах находим интересных лиц.

Нужно обратить внимание на 1-е Спецотделение, в котором нет полного учета, нельзя получить справку о том или другом лице, необходимо привести в надлежащий порядок архивы этого отделения.

Тов. МАГЛЕВАННЫЙ. Решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) призывает наши органы прекратить вредную и преступную практику работы, имевшую место ранее, мы должны отметить, что если мы исправили ошибки

в отношении арестов и очистили свои ряды от пробравшихся враждебных лиц, то другую половину указаний СНК и ЦК о перестройке работы на новых принципах мы еще не выполнили.

Если взять основной участок нашей работы — агентурную работу, то здесь мы имеем ряд существенных недочетов. И основным из них является отсутствие ценной агентуры, способной вскрывать глубокое контрреволюционное подполье.

Ведь неслучайно за последний отрезок времени мы ни одной агентурной разработки не реализовали следственным путем. Это не сделано потому, что они агентурно недоработаны, а недоработка является результатом отсутствия квалифицированной агентуры.

В данное время следствие наше занято, с одной стороны, пересмотром старых дел, а с другой — работает над перебежчиками, задерживаемыми погранотрядами, и румагентами, лично являющимися к нам в Наркомат. Ведь мы не имеем случая задержания румагента на явке, хотя и усиленно разрабатываем его долгое время. Опять-таки это результат отсутствия квалифицированной и преданной агентуры.

Нужно отметить, что наше следствие в ряде случаев далеко не отвечает предъявляемым ему требованиям. По этому вопросу можно привести ряд примеров, особенно из практики Райотделений. В частности в Слободзейском районе был задержан человек, которому после заключения его под стражу предъявлялось обвинение в дезертирстве из РККА. В то время как за это преступление он был уже осужден, а выяснением причин его появления без документов в погранполосе не занялись. В то время, когда это обстоятельство дает основание полагать, что его намерения — бежать за кордон.

Успех работы зависит от уровня подготовки товарищей. В этом направлении по линии командования на основании указания УНКВД Союза созданы кружки чекподготовки, которые, безусловно, сыграют свою положительную роль в деле повышения знаний оперативного состава. Нужно только, чтобы отдел кадров создал необходимые условия для проведения этих занятий.

И хочу подтвердить необходимость смелее и решительнее втягивать молодые кадры в чекистскую работу. Тов. КОРОТНЯН в наших органах недавно, однако в результате систематически оказываемого ему внимания он имеет довольно солидные показания в работе.

Тов. ЦЫГАНКОВ. [...] Я работаю секретарем по кадрам и мне приходится сталкиваться с очень печальными фактами, беседуя с рядом работников органов НКВД, когда отдельные товарищи очень слабо разбираются в политических вопросах.

При старом руководстве в результате низкого политического уровня честные люди слепо выполняли приказания своего начальника и приложили свою руку к работе, проводимой врагами.

Еще и до настоящего времени некоторые работники недостаточно уделяют внимания вопросу марксо-ленинской учебы. Некоторые начальники и работники РО НКВД по районам на лекции не ходят.

Останавливаясь на вопросах партрabоты, указал, что с партпоручениями среди работников НКВД плохо, многие коммунисты не имеют партпоручений. Мы райпарткомы информировали о том, чтобы они не перегружали работников НКВД.

На бюро Обкома разбирали дело в отношении Котовского ДТО, где вы-
явилось, что они проводят работу по-старому — избивают арестованных. Партрabота не велась, был зажим критики. За это работники Котовского ДТО понесли соответствующее наказание. ЯКУШЕВ исключен из партии и удален из органов. Это решение бюро Обкома разослало всем первичным организациям, где оно будет разбираться на собраниях. [...]

Тов. САМАРКИН. С момента выхода решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) прошло немало времени, успели многое сделать. В этом решении указано, что органы НКВД были оторваны от партии и у нас особенно аппарат НКВД был засорен.

Партийная работа в Наркомате была в загоне. Если мы посмотрим на тех людей, от которых мы очистились, которые мешали в работе, то увидим, что и до последнего времени они честно не осознали своих ошибок.

В части информации останавливались т.т. ТРУБНИКОВ и ЦЫГАНКОВ. На это нужно обратить внимание и изжить этот пробел. Например, т. ПОГОДИН написал ответ, который не соответствовал действительности. Такой же факт был и с Чернянским райотделением, а по Балте, конечно, т. ОВЧИННИКОВ в этом не виноват, написана справка на райпрокурора, которая также не соответствует действительности. Нужно смотреть не на бумагу, а на живого человека.

Видите, есть такие дела, по которым люди осуждены к В[ысшей] М[ере] Н[аказания]. А когда проверяешь сейчас — так люди попали напрасно. Как указано в решении СНК СССР и ЦК ВКП(б), за арест отвечает как тот, кто арестовывает, так и тот, кто дает санкцию.

В отношении агентуры нужно также принять жесткие меры и очистить сеть от дезинформаторов. Мы уже в отношении агентуры кое-что сделали, но недостаточно.

Ведь ставка врагов была такова, что давали они больше честных людей, а своих, врагов, нам не выдавали. [...]

Мнение наркома УССР о нашем коллективе неплохое, но нам нужно взяться еще лучше, так как у нас есть еще много врагов.

Тов. ГУРЕЕВ. [...] *Тов. МАГЛЕВАННЫЙ* указал, что основной функцией следчасти является реализация следственным путем агентурных разработок оперативных отделений, однако это далеко от действительно-
го положения вещей.

Весь вопрос упирается в наличие квалифицированной и преданной нам агентуры, чем мы в данное время не можем похвастаться. Давно осужденные и, я бы сказал, преступные методы встреч с агентурой, имеющие до сих пор место в практике нашей работы, приводят только к ее расшифровке. А затем и дезинформации нас этой частью агентуры. Так как, будучи расшифрованной, она теряет свои возможности и в целях мнимого выполнения наших заданий становится на путь предательской дезинформации. Примером этого может служить агент Дубоссарского

Райотделения «ТЕМНЫЙ», который, потеряв в силу расшифровки свои возможности, строит свои донесения на основе подслушивания разговоров под окном, что вряд ли соответствует действительности.

В ряде районов до сих пор продолжают связываться с агентурой путем вызова их в сельсовет «в числе других». Эти вызовы, продолжающиеся в течение 3–5 и более лет, приводят к тому, что работники сельсовета лучше знают агентурно-осведомительную сеть по селу, нежели оперативный состав, руководящий ею.

Мы до сих пор не выполнили указания партии и правительства об очистке агентурно-осведомительной сети от лиц расшифрованных, двойников и дезинформаторов. Проводить эту работу мы должны параллельно с приобретением новой квалифицированной агентуры, способной вскрывать глубокое контрреволюционное подполье.

Говоря о работе с молодыми кадрами, следует отметить, что состав подобран неплохо. Это энергичные люди, живо интересующиеся всеми вопросами чекистской работы, и их смелее нужно к ней привлекать. Работающий у меня т. БАРКАРЬ почти всегда присутствует со мной на приеме агентуры, видит и плохую и хорошую [работу], принимает уже сам доклады и дает задания. После всего мы производим с ним тщательный разбор проведенной работы и исправляем допущенные ошибки.

[...] *Тов. ИВАНОВ.* Основное направление работы Рыбницкого райотделения в соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) — это очистка от всех врагов.

Произведена большая реорганизация в учете. Как недостаток, необходимо отметить вопрос с техническим оформлением всех дел, что в связи с отсутствием работников отнимает много времени. В райотделении имеется большое количество материала, и он не оформлен.

О постановке партийной работы, как останавливались т.т. ЦЫГАНКОВ и ТРУБНИКОВ, я могу сказать, что вы сами нас этому учите. Ни вы, ни т. ТРУБНИКОВ, ни САМАРКИН ни разу меня не спросили, будучи в райотделении, о том, как я над собой работаю. Это создает уклон в одну сторону и отрывает от партийно-массовой работы.

В отношении информации и связи с райпарткомом. Я заявляю, что т. ПОЛЯНСКИЙ мне бросает реплики: «Что ты меня своей информацией забрасываешь?».

Я недоволен работой Рыбницкой прокуратуры не потому, что я с ним в плохих отношениях. Райпрокурор оторван от всех событий. У нас было серьезное положение с противопожарными мероприятиями, и когда я заявил прокурору, он отнесся индифферентно. Прокурор имеет данные, я ему пишу письменно, что в артели явно игнорируют устав сельхозартели, а он мер не принимает.

Здесь говорят о недочетах в агентурной работе. У меня есть такой агент, которого я не вызываю, но как только базар, он придет в райотделение. Я прошу Наркома отпустить средства на оборудование консквартыры.

В Райотделении я посадил специального человека на ЭКО и он по этой линии работает.

Я прошу Следственную часть ориентировать нас по делам. Были случаи, когда румыны нашим работникам стараются подстроить разные пакости. В село Журы я самого САФАТИНОВА не посылаю, так как там половина населения румагенты.

Тов. ТЕСЛЕНКО. [...] Я хочу пару претензий предъявить прокуратуре. Судила выездная сессия, и на суде свидетели не смогли доказать — подтвердить свои показания, и суд вынес решение посадить свидетелей. Это, по-моему, неверно, так как не все свидетели говорили неправду. Тут, по-моему, виновен и следователь. Население таким решением суда возмущено, так как обвиняемый из чуждой нам среды. Прокурор заявил, что свидетелей можно освободить, но надо вести следствие. Значит, не надо было их и сажать.

Второй вопрос — это в отношении паспортного режима. Здесь нет увязки в работе между прокуратурой и милицией. Одному приехавшему с высылки с соответствующим пропуском после окончания срока пропуска милицией было предложено выехать. Он обжаловал в прокуратуру. Начальник милиции получил от прокурора МАССР указания, что действия райпрокурора правильны и им следует подчиняться. Я считаю, что в прокуратуре есть тенденции против органов НКВД.

По вопросу учетов. В то время была установка, что на всех лиц, прошедших по показаниям, заводить дела-формуляры. Это неверно, часть их нужно после проверки уничтожить.

Хочу сказать о молодых работниках. Конечно, им нужно создать условия. Однако оперативные работники, приезжающие из Наркомата, не интересуются бытом и условиями работы районных работников. С квартирами у нас тяжелое положение, этот вопрос нужно разрешить через партийные органы.

Начальников райотделений на учебу не посылают, а разговоров по этому вопросу [много]. Я прямо в ЦК заявил, что через пару лет мне могут заявить, что ты никуда не годишься, так как не занимался. Я лично в Райотделении занимаюсь с молодыми товарищами.

Поддерживая мнение т. ИВАНОВА в вопросе ориентировки по делам, хочу привести пример. В Каменском РО НКВД в прошлом году были задержаны два перебежчика, а я до сего времени незнаком с их показаниями и не ориентирован о замыслах врага.

Тов. РИСОВ. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) на сегодняшний день не выполнено. Это относится не только к НКВД, но и к прокуратуре. Мы имеем большие достижения, но одновременно мы также имеем злокачественные события в ведении следствия.

Когда-то в основу доказательств ложили «царицу» сознания и сейчас от этой «царицы» не отказываемся, но [только] когда она подтверждается рядом показаний.

В одном деле, сданном в прокуратуру, обвинительное заключение было подписано тобою, т. ТРУБНИКОВ. Из твоего доклада я почувствовал ответственность, которую ты несешь за документы, утвержденные тобой. Зачастую мы формально относимся к статьям кодекса.

Думает ли когда-либо следователь, получая справку от сельсовета? Нет. Мы стоим перед фактом сейчас, что дела штамповались не только в НКВД, но и в прокуратуре. И сейчас мы посылаем ответы на запросы ЦК через прокуратуру СССР, что человек расстрелян неосновательно. Это, конечно, сугубо секретно и с целью реабилитации родственников.

Вот уж последние два дела прошли в Верховном суде прекрасно, чувствуется глубокая следственная и агентурная работа.

Сроки следствия мы не выполняем. Мое предложение к вам, т. ТРУБНИКОВ, усилить требования к своим работникам, чтобы мы не краснели.

По паспортному режиму мы много напутали с арестами. По этому вопросу нужно изучить инструкцию всем вместе, чтобы было единое мнение.

По Каменскому району заявляю, что в прокуратуре неблагополучно. [...]

Тов. ШУХАТ. Нарком и секретарь партийной организации своевременно поставили вопрос о созыве совещания по вопросу выполнения решения СНК СССР и ЦК ВКП(б). Решение это вынесено правильно, и оно в первую очередь направлено против врагов.

Неслучайно постановлено созвать партийно-оперативное совещание. Тов. ДЗЕРЖИНСКИЙ говорил, что если наши органы ЧК оторвутся от партийных масс, они погибнут.

Также, не шутя, поставлен вопрос о марксистско-ленинском воспитании, ибо хорошо подготовленный товарищ будет верно разоблачать врага.

Неслучайно также поставлен вопрос в отношении выделения следственной части. Если прокуратура будет проводить контроль по делам в следственной части, он будет идти дальше и явится контролем и в суде.

Очистка аппарата от ТОМИНЫХ и МЯГКОВЫХ оздоровила коллектив, сколотила его.

Касаясь вопроса об агентурной работе, хочу указать, что приобретение агентуры не может идти самотеком. Нужно приобретать ценных агентов и выгонять всех липогинов, руководить агентурой, ибо часто может быть, что агент руководит работником. Я так понимаю, я должен руководить агентом, подбирать агента и воспитывать его.

ЭКО в свое время сыграло большую роль, и сейчас, как говорит т. ПЕЧЕННЫЙ, ЭКО должно помочь выполнить 3-й пятилетний план.

Большое внимание надо обратить 1-му спецотделению на расчистку и упорядочение учета. [...]

Тов. ОВЧИННИКОВ. Я слушал выступления, особенно работников наркомата. И делаю вывод, что они несамокритичны.

Я хочу остановиться на том, что Балтское райотделение недооценивают, не укомплектован штат райотделения, а я сам при всем своем желании охватить всю работу не могу.

Со стороны ЭКО также недооценивается Балтский район, в котором сконцентрированы промышленные производства. По подсчетам с т. ПЕЧЕННЫМ мы должны создать сеть не меньше чем в 30 человек и передать ее резидентам, отчего упадет качество этой сети.

У меня большое желание и тяга к агентурной работе, а я много времени трачу на административную работу. Вот были т.т. ЧЕРНЕЦКИЙ,

ПЕЧЕНЫЙ и др[угие], все ахают и охают, что нужно помочь, и сейчас я не знаю, мы правомочны разрешить вопрос со штатами? Если сделать обследования райотделений, то можно будет иметь вывод, что ОВЧИННИКОВ — бездельник. [...]

У меня информация за последнее время налажена, но заявляю, если заняться вопросом информации, будет страдать агентурная работа. Я проездил по агентурной разработке целое лето, а приехав — не знал, за что взяться.

[...] *Тов. ЛОЩИЛОВ.* Отмеченная годовщина решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) является для нас большой школой. Это решение вывело нас на правильный путь и с каждым днем поднимает авторитет наших органов НКВД.

Нами проделана огромная работа на всех участках, но недостатки, безусловно, имеются и по вопросу учета, и по вопросу с агентурой. Если посмотреть по моему отделению, то я с удовлетворением вижу большие перспективы, и это воодушевляет меня.

На прошлой работе я научился, мне пришлось разобраться со всеми старыми делами.

Я считаю большим недостатком отсутствие должного руководства районами, но начальники райотделений не уделяют достаточного внимания работе по моему отделению.

Со штатами у меня плохо. Я на протяжении почти всего времени работаю один.

Сейчас необходимо со всей серьезностью взяться за учебу, и здесь не может быть никаких причин, мешающих учебе. Много проделано в политико-воспитательной работе, партийная организация должна и будет требовать повышения политического уровня.

Необходимо завести правильный учет, что даст верное направление в работе.

Если не будешь политически грамотен, не сможешь работать с агентурой и правильно ориентироваться.

Тов. ЛАВРЕНКО. Со времени выхода в свет решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) я сам лично сделал вывод для себя и перестроился. Я за это время заимел консквартиру, агентуру и резидентов. Но я замечаю за собой ненормальное явление — это распыленность. Когда получаешь пять директив из Наркомата, а в аппарате я один, то и сам не знаешь, что делать. Так как они все требуют срочного выполнения.

Конкретной помощи мы не имеем, а если и была, то рывками. Тов. СКОРОПАДСКИЙ и ИВАНОВ, нужно отдать справедливость, мне немного помогли.

Вы, тов. ТРУБНИКОВ, приезжали ко мне, но не дали мне указаний по агентурному делу «ОСКОЛКИ», а только сделали замечания.

Необходимо принять соответствующие меры к тому, чтобы Одесское Облуправление не задерживало нам ответов на наши запросы.

ЦК призывает и указывает, что без политической подготовки работать невозможно.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВАРИЩА ТРУБНИКОВА.

Нужно отметить, что совещание прошло активно, на высоком уровне критики и самокритики. Но кое-кто из товарищей, как т. ГОРБУНОВ, КУРИЛОВ, не выступали, побоялись рассказать совещанию о своих недостатках в работе, а у вас их есть много.

Надо сказать, что в наших условиях можно было бы иметь лучшие успехи в работе. Но мы их не имеем потому, что отдельные товарищи, как ТЕСЛЕНКО, КУРИЛОВ, не по-большевистски относятся к выполнению своих обязанностей.

По части затронутых вопросов. Товарищу ТЕСЛЕНКО мы помогли потому, что у него работа поставлена плохо и мы вынуждены были помочь в налаживании работы как т. ТЕСЛЕНКО, так и КУРИЛОВУ.

В отношении архива — отвечаю, что мы должны поднимать и старый архив — как дела, так и агентуру. По 1-му Спецотделению учет запущен, но это не по вине т. РОНИСА, а по вине всех нас, поскольку мы этим вопросом не занимались.

Тов. ИВАНОВ указывал, что командование не занимается бытом работников РО. Это правильно. Мы, когда приезжаем, то интересуемся только оперативной работой, а в отношении быта, учебы работников не спрашиваем. Это является большим недостатком в нашей работе, на что нужно обратить внимание.

В части партийной работы нужно сказать, что если в Наркомате дело состоит неплохо, то в РО НКВД на это нужно обратить особое внимание.

В части неправильного распределения кадров. Тов. ОВЧИННИКОВ правильно подчеркнул, что отдельные райотделения, как Балта, Котовск, обижены штатами кадров, что отражается и на работе. Но тут мы сами виноваты, комплектование штатами этих райотделений на следующий год нужно обязательно добавить людей.

Я надеюсь, что наше совещание послужит нам уроком, как нужно будет в дальнейшем перестроить свою работу, чтобы полностью выполнить решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

ПАРТИЙНОЕ СОВЕЩАНИЕ ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ НКВД МОЛДАВСКОЙ АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Заслушав доклад Наркома Внутренних дел Молдавской АССР тов. ТРУБНИКОВА о выполнении решения Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, партийное совещание оперативных работников считает, что Наркомат Внутренних Дел Молдавии добился значительных успехов в деле перестройки своей работы в соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Этому способствовало значительное оживление партработы как в Наркомате, так и на местах, улучшение партийно-массовой работы среди всех работников НКВД, а также оказанная конкретная помощь со стороны ЦК ВКП(б) введением освобожденного партработника, разворот критики и самокритики в партийной и чекистской работе, приход новых

кадров, а также очистка от вражеского и негодного элемента, пробравшегося на работу в НКВД Молдавии (ТОМИН, МЯГКОВ, КИРЮШИН и другие).

Проведенная работа способствовала ликвидации имевшегося отрыва органов НКВД Молдавии от парторганизации. Совещание отмечает улучшение практической помощи, практического руководства и контроля со стороны Молдавского обкома, горкома и райкомов КП(б)У Молдавии.

Все это значительно улучшило всю оперативно-чекистскую работу НКВД Молдавской АССР.

Агентурный аппарат всего Наркомата в целом значительно вырос как в качественном, так и в количественном отношении. У подавляющего большинства оперативных работников прививается вкус к квалифицированной агентурной работе, а вся система агентурно-оперативной работы приняла более глубокий и квалифицированный характер (создание конспиративных квартир, целеустремленность вербовок и проч[ее]).

В результате улучшения агентурно-оперативной работы Наркоматом Молдавии за последнее время проведено ряд серьезных агентурных и следственных дел республиканского значения (дело еговистов, дело немецкой к[онтр]р[еволюции] и др[угие]).

Проведена значительная работа по очистке агентурного аппарата от дезинформаторов, двурушников и балласта, чем этот аппарат сделали более здоровым и боеспособным.

Также проведена немалая работа по упорядочению оперативного учета, который после этого стал более действенным для руководства в работе и по разработке антисоветских кадров.

В части ликвидации упрощенного ведения следствия и коренного улучшения следственной работы НКВД Молдавии проведена значительная работа по реабилитации незаконно и безосновательно арестованных граждан в период массовых операций с одновременным разоблачением настоящих врагов нашей родины.

С улучшением работы Наркомата в ведении следствия и более тщательного расследования этих дел увеличился процент разоблачения агентуры иностранных разведок и их подрывной деятельности, особенно по линии румынского шпионажа, в частности следствием также вскрыта линия немецкого шпионажа, идущая через Румынию.

Наряду с этим как в агентурно-оперативной, так и в следственной работе мы имеем значительные недостатки и упущения.

1. В Наркомате и райотделениях еще недостаточно приобретена и воспитана квалифицированная агентура, способная внедриться в глубокое антисоветское подполье для вскрытия и разоблачения их вражеской работы. В результате чего еще отсутствуют агентурные дела, разработанные до их оперативной ликвидации.

2. До сих пор в отдельных районных аппаратах НКВД и в центре агентура частично продолжает приниматься в помещениях райотделений, на квартирах оперативных работников, что несовместимо с соблюдением чекистской конспирации и расширярует наши методы работы.

3. В ряде мест агентурный аппарат не очищен полностью от дезинформаторов, двурушников и балласта. А в отдельных случаях частая передача на связь от одного работника к другому агентуру расшифровывает, портит ее, и агентура теряет свою ценность.

4. Также имеет место проведение новых вербовок агентуры без достаточной целеустремленности. В результате чего этими вербовками мы не достигаем основной цели внедрения ее в антисоветское подполье.

5. Часто оперативные работники не готовятся к предстоящей встрече с секретным сотрудником, не составляют плана встречи с агентом, и таким образом слабо занимаются воспитанием агентурного аппарата.

6. В ведении следствия имели место отдельные нарушения норм УПК, когда обвинение предъявлялось с нарушением сроков, протоколы не фиксируются при каждом вызове арестованного на допрос.

7. Имеется большая задержка в проведении дополнительного следствия и пересмотра решения бывших Троек НКВД по поданным заявлениям осужденных, что ни в коем случае не допустимо. Следствие и пересмотр дела должны оканчиваться не позже трехнедельного срока.

8. Отделения Наркомата еще недостаточно четко осуществляют помощь руководства и контроль над работой районных отделений НКВД, в частности не всегда своевременно РО НКВД ориентируются в материалах, добытых следствием.

9. Несмотря на наличие достаточных указаний со стороны ЦК Партии о поднятии на должный уровень марксо-ленинской учебы, таковая находится еще в недостаточно удовлетворительном состоянии, в силу чего некоторые оперативные работники не обладают необходимым знанием Марксизма-Ленинизма.

10. Также недостаточно организована чекистская учеба, особенно вновь прибывших кадров в органы НКВД. Отделение кадров, которое должно организовать и контролировать эту учебу, недостаточно занимается этим делом. Также отделение кадров недостаточно перестроило свою работу в деле подбора и комплектования новых кадров органов НКВД.

11. До сего времени информация партийных органов как со стороны райотделений, так и Наркомата не поставлена на должную высоту и не отвечает задачам, поставленным в решении СНК СССР и ЦК ВКП(б) перед органами Наркомвнудела.

Партийное совещание оперативных работников НКВД Молдавской АССР считает, что отмеченные недостатки в нашей работе должны быть устранены дружной работой всего коллектива коммунистов, работающих в органах НКВД, добиваясь полного выполнения решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

Секретарь бюро парторганизации
УГБ НКВД МАССР

[підпис] [САМАРКИН]

Нарком внутренних дел МАССР

старший лейтенант ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

[підпис] [ТРУБНИКОВ]

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, спр. 25, арк. 135–153. Оригінал. Машинопис.

УНКВС по Одеській області

№ 18

**Із протоколу оперативної наради співробітників
УДБ УНКВС по Одеській області, особливого відділу
Одеської армійської групи¹, ОДТВ ГУДБ НКВС СРСР про
постанову РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.
23 листопада 1938 р.**

ПРИСУТСТВОВАЛИ: секретари обкома КП(б)У т.т. ТЕЛЕШЕВ и КОЛЫБАНОВ, областной прокурор т. КРЮКОВ, начальников рай-отделений НКВД — 38 чел[овек], сотрудников оперативных отделов УНКВД — 213 чел[овек].

СЛУШАЛИ: секретаря Одесского обкома КП(б)У тов. ТЕЛЕШЕВА, который зачитал постановление от 17 ноября 1938 года Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия.

ВЫСТУПИЛИ:

Тов. ГАПОНОВ — вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] нач[альника] УНКВД. Постановление Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета нашей партии для нас, коммунистов, работающих в органах государственной безопасности, в органах Советской разведки, является большим историческим документом, который должен лечь в основу нашей дальнейшей работы.

Постановление отмечает большую работу, которую органы НКВД провели по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок. Успокоенности после этого у нас не должно быть. Мы должны и впредь выкорчевывать вражеские гнезда, но уже при иных методах нашей работы — путем перестройки агентурной работы, которую в период массовой операции мы в большей своей части забросили и встречались беспланово и нерегулярно.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР совершенно правильно отмечает, что работники НКВД забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем

¹ Після створення 26 липня 1938 р. Київського особливого військового округу на його території почали формуватися армійські групи як прообрази майбутніх армій. Одеська армійська група формувалася на базі управління 6-го стрілецького корпусу (м. Одеса). До її складу входили військові підрозділи, дислоковані на території Одеської, Миколаївської областей та Молдавської АРСР. У вересні 1939 р. Одеська армійська група перетворена на 13-ту армію.

практики массовых арестов, не уделяя при этом должного внимания полноте следствия и документации.

В большей своей части работники НКВД потеряли вкус к агентурной работе и различным агентурным комбинациям.

В практике нашей работы имело место искривление революционной законности, аресты в отдельных случаях проводились по голым фактам — одному показанию, без агентурной проработки. И органы прокуратуры давали санкцию на арест, не проверяя имеющиеся материалы.

В подавляющем большинстве арестованные сидели и сидят в тюрьме по несколько месяцев, постановления о продлении срока ведения следствия не выносились. А если и выносились, то никто не контролировал, и в первую очередь отсутствовал надзор со стороны прокуратуры. У нас в практике работы еще не было такого случая, чтобы произвели арест по постановлению суда, как это предусматривает ст. 127 Сталинской конституции.

Нарушения в следственной работе явились и потому, что мы забыли о постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1935 года о порядке производства арестов. Прокуратура также нарушила это постановление.

Товарищи! Я хочу поделиться об известных мне фактах, когда следствия по многим делам производилось поверхностно, без глубокой проработки и целеустремленности, в результате чего не достигалась основная цель — вскрытие организованного контрреволюционного подполья.

Одним из недостатков является то, что ведение следствия поручалось малоквалифицированным работникам, а зачастую и лицам, которые совершенно не знакомы со следственной работой. Причем контроль и руководство над этими работниками начальниками отделов и начальниками районных отделений не осуществляется. В результате дела выходили из производства с большими недочетами, зачастую содержали в себе явно антисоветские выражения, клеветнические цитаты по адресу руководителей нашей партии и правительства, зафиксированные самими следователями.

Со стороны отдельных работников имели место незаконные аресты без предварительной проверки наличия материалов, которые, по сути, служили основанием к изоляции человека. Так, например, в Доманевском Райотделении НКВД б[ывшим] нач[альником] РО т. МИНАЕВЫМ без всяких оснований и без санкции УНКВД были арестованы ВИНИКОВСКИЙ и др[угие] якобы за дискредитацию выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета УССР. Арестованные содержались под стражей 3 месяца, а затем при просмотре установлено, что основным обвинением являлось то, что ВИНИКОВСКИЙ и др[угие] в разговорах с некоторыми лицами высказывались, что кандидат в депутаты тов. СЛИПЧЕНКО избираться не будет потому, что ее ввели в состав окружной избирательной комиссии. Естественно, что член окружной комиссии, согласно Конституции, в депутаты избираться не может. Что в этом преступного?

Узнав об этом факте, арестованных пришлось немедленно освободить. В Березовском райотделении НКВД по следственному делу № 26208 были

арестованы БРИГАДИР и ДУДНИК, которые обвинялись как участники эсеровской организации.

Следствие по этому делу было проведено поверхностно и безграмотно. Начальник РО т. БОРИСОВ, допрашивая свидетеля ШУЛЯКА, задал ему вопрос: «Что Вам известно об антисоветской деятельности обвиняемого?». И зафиксировал такой ответ: «ДУДНИК под разными предложениями собирал членов организации, где давал разные политические эсеровского характера установки, но в чем конкретно выражались эти установки, я не знаю». И далее: «Эсеровская организация через ДУДНИКА скупала рогатый скот и каким-то образом отправляла в Архангельск и за границу». Этим же товарищем, ведущим следствие, зафиксированы дословные клеветнические выражения по адресу вождей трудящегося человечества т.т. ЛЕНИНА и СТАЛИНА.

В Ширьевском райотделении НКВД следственное дело № 66946 по обвинению ДОССА Ивана Ивановича проведено небрежно, с грубейшим нарушением процессуальных норм. Обвиняемый арестован 18.IV с.г., а обвинение предъявлено 2.VI.1938 г. Обвиняемому ДОССУ предъявлено обвинение по ст. 54–7. В то же самое время ни один свидетель и сам обвиняемый не допрошены о проводимой им вредительской деятельности, не приложен также к следствию акт экспертизы.

Протоколы допроса свидетелей самими свидетелями не подписаны. Сам обвиняемый совершенно не допрошен по показаниям свидетелей, изобличающих его в антисоветской агитации. В протоколе допущены и зафиксированы антисоветские выражения и клеветнические цитаты.

В Беляевском райотделении НКВД по следственному делу № 52320 по обв[инению] АВДЕЕВА Павла Францевича в протоколе допросов в вопросе следователя записано дословное контрреволюционно-фашистское сопоставление национал-социализма с социализмом. В таком же духе составлен другой протокол, где дословная антисоветская троцкистско-бухаринская агитация записана только в вопросах следователя.

Этим же районом по следственному делу № 2531 по обв[инению] ТКАЧЕНКО Сергея Поликарповича в проведении антисоветской агитации следствие было проведено небрежно, с нарушением приказа НКВД СССР.

Несмотря на то, что антисоветская агитация, проводимая ТКАЧЕНКО, не подтвердилась, все же райотделение вместо уточнения фактов проводимой антисоветской деятельности ограничилось поверхностным допросом свидетелей и направило дело по подсудности. Так, например, свидетель СТЕПАНЮК об антисоветской деятельности ТКАЧЕНКО показал: «Фактов контрреволюционных его выступлений не знаю, но по поведению можно заключить, что ТКАЧЕНКО действительно против Советской власти». Аналогичные показания были получены и от остальных свидетелей.

Грушковское райотделение НКВД по следственному делу № 52766 по обвинению МАЦИЕВСКОГО и др[угих], допросив свидетеля БОГУСЛАВСКОГО, вместо его подписи на протоколе поставило штамп из набранных букв — его фамилию. Причем на протоколе совершенно нет оговорки, почему допущено такое нарушение. Допрос производил

нач[альник] РО т. ЯИЦКИЙ, который в этом же протоколе пишет, что свидетель имеет среднее образование.

В Яновском райотделении НКВД по следственному делу № 66588 по обвинению ДИБРОВА-ЛИТВИНА Ивана Николаевича допущены грубейшие нарушения процессуальных норм. Постановление об избрании меры пресечения, вынесенное прокурором, датировано значительно позже произведенного ареста. Фактом небрежного и поверхностного проведения следствия служит то, что ДИБРОВ-ЛИТВИН находился в эмиграции во Франции, служил в белой армии, поддерживалась связь со своим родственником, эмигрировавшим во Францию, где тот проживает до настоящего времени. И по этим вопросам арестованный ни разу не был допрошен, а все следствие было сведено к установлению фактов, проводил ли он антисоветскую агитацию.

Аналогичные факты имеют место и в ряде других районных отделений НКВД.

В М[ало-]Висковском райотделении НКВД б[ывший] нач[альник] РО ГРЕЧУХИН [был] арестован. Незаконно был арестован выдвиженец, молодой инженер КОЛЕСНИЧЕНКО, который находился под стражей с апреля по сентябрь 1938 года. КОЛЕСНИЧЕНКО мной был освобожден немедленно, как только мне стало известно об этом факте.

Этим же ГРЕЧУХИНЫМ были незаконно арестованы 10 человек колхозников, которым было предъявлено обвинение как участникам контрреволюционной организации. В процессе следствия это не подтвердилось. Указанные колхозники также освобождены.

В Олышанском райотделении НКВД б[ывшим] нач[альником] РО т. ЯСТРЕБОВЫМ были арестованы колхозники ЕРЕЛЕВСКИЙ и МАРАЩУК без всяких на то оснований. Причем МАРАЩУКУ 68 лет, к тому же он разбит параличом.

В Добровеличковском райотделении НКВД б[ывшим] нач[альником] РО т. МЯГКОВЫМ и нынешним начальником РО т. ДОРОШКИНЫМ без всякого основания, лишь только по подозрению, были арестованы колхозники КОНОНЕНКО, СУТУЛА и др[угие], которые после просмотра дела нами были освобождены, как незаконно содержавшиеся под стражей.

Не менее характерным фактом безответственного отношения к ведению следствия является то, что отдельные следователи вместо проверки действительной причастности лиц, скомпрометированных показаниями обвиняемых, потворствуют их провокационным вымыслам и заносят в протокол фамилии лиц, не имеющих ничего общего с обвиняемым. В результате при передопросах эти обвиняемые отказываются от показаний и категорически отрицают свою связь и даже знакомство с теми лицами, которых они оговаривают.

Пом[ощник] Оперуполномоченного тов. САВИН после просмотра одного следственного дела вынес заключение о направлении его по подсудности. Вместе с тем, при возникновении вопроса о составлении списка лиц, проходящих по делу, скомпрометированных показаниями обвиняемого, сделал такое заявление, что обвиняемый указанных лиц в протоколе

допроса не знает и что эти лица занесены в протокол самим следователем. А вместе с тем, не расследовав этот безобразный факт, оставляет показания в деле неисправленными и дело направляет в суд².

Какие задачи сейчас перед нами? По-моему, они четко изложены в постановлении, которое нам тут зачитал секретарь обкома партии тов. ТЕЛЕШЕВ. Руководствуясь данным постановлением, мы должны немедленно перестроить и наладить агентурную работу, очиститься от бесперспективной агентуры и осведомления, в то же время заняться новыми целеустремленными вербовками.

Необходимо немедленно пересмотреть все следственные дела и если выяснится, что то или иное лицо оговорено и незаконно арестовано, — нужно немедленно освобождать. Но в этом деле нужно подходить сугубо осторожно. Врагов освобождать не будем, а оговоренных и незаконно арестованных — освободим. В этом деле должна помочь и прокуратура. По всем делам продлить сроки следствия и содержания под стражей арестованных.

Товарищи! Мы должны понять, что за малейшее нарушение в дальнейшем советских законов и директив партии и правительства каждый работник, невзирая на лица, будет привлечен к строжайшей ответственности. Об этом ясно сказано в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Сейчас мы должны приложить максимум усилий для ликвидации всех отмеченных выше недочетов. Для этого мы должны проявить исключительную гибкость, чекистскую изобретательность, тщательно продумывая агентурно-оперативные комбинации. Вот те основные элементы, которые требуются от коммунистов-чекистов в агентурно-следственной работе.

Я считаю, что мы задачи, которые перед нами ставит партия и правительство, выполним по-партийному, по-большевистски, и все недостатки, отмеченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР в нашей работе, устраним при надлежащем напряжении наших сил и сознании своего долга и ответственности перед партией.

Тов. ЛУКЬЯНОВ — начальник Особого отдела армейской группы. Постановление ВКП(б) и Совнаркома совершенно правильно отмечает те ошибки и извращения, которые допустили работники Управления Государственной Безопасности. [...] Мы не всегда подходили критически к показаниям врагов и не тщательно проверяли, правду они говорят об участниках контрреволюционных организаций или, может быть, оговаривают честных советских людей.

Сейчас мы должны тщательно проверить имеющиеся в производстве следственные дела. Я уверен, что в Особом отделе есть в числе арестованных оговоренные. Уже сейчас несколько таких дел обнаружено. Нужно не врагов освободить и извиниться перед ними, восстанавливать их

² Наприкінці листопада 1938 р. на оперативній нараді співробітників 2-го відділу УДБ УНКВД по Одеській області з опрацювання наказів НКВС СРСР № 00701 і № 00762 співробітник відділу Буркін зауважив: «Характерно відзначити ту обставину, що арешти в основному проводилися тоді, коли були дані ліміти на трійку. Виходило, що якби не було трійки, то і заарештовувати нікого. Цим зовсім ігнорувалися судові інстанції». Див.: ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 171.

в гражданских правах, возвратить им квартиры и прочее, чего они были лишены. Наряду с этим мы должны поднять бдительность до такой степени, чтобы ни одного врага не освободить.

Совершенно правильно дана оценка состояния агентурной работы. Аппарат УГБ, в том числе Особого отдела, с агентурой работает плохо. Вернее сказать, и самой-то агентуры не имеет. В нескольких войсковых частях совершенно не было осведомителей среди красноармейского состава, а также совершенно недостаточно было осведомления среди комполитсостава. Агентуры почти нет. Мы начали уже перестраиваться на агентурную работу, но перестраиваемся недопустимо медленно. [...]

Тов. РЫБАКОВ — начальник 3 отдела УНКВД. [...] Мы слышали из этого документа, что органы НКВД провели большую работу по очистке от вражеских элементов нашей родины, выкорчевав в основном троцкистско-бухаринскую агентуру буржуазных разведок. Но, товарищи, борьба с контрреволюцией еще далеко не закончена. Речь идет о том, чтобы эта работа приняла более надежные, более совершенные формы, с тем, чтобы мы имели возможность еще лучше и еще крепче выкорчевывать осиные гнезда врагов народа, как это требует наша партия, наш Сталин и весь советский народ.

Перехожу к конкретным фактам дефектов, имевших место в работе. Начну со следствия: массовый характер нарушения сроков следствия. Арестованные сидели по 10–15 и больше месяцев. Почему это получалось? У многих товарищей было потеряно чувство ответственности, за бумажкой не видели живого человека. Большая вина в этих нарушениях прокуратуры, которая устранилась от контроля. Есть отдельные факты, когда прокуратура прямо помогала искривлять революционную законность.

Я хочу остановиться на некоторых уродливых фактах искривления революционной законности и прямой безответственности наших товарищей. А ведь они с партийными билетами. Это дела ДАНИЛЮКА — Голованевского райотделения НКВД, который имел два ордена. И несмотря на это, за маловажные хозяйственные преступления прокурор его арестовал, а потом передал райотделению НКВД т. БЕРЕЗИНСКОМУ, который по данному делу на протяжении 9 месяцев ничего не делал. После проверки фактов ДАНИЛЮК был освобожден.

Дело ЯНОВСКОГО по Карл-Либкнехтскому Райотделению НКВД. Дело КОЖУХАРЯ по Беляевскому району.

Были факты безответственного подхода к арестам. Так было по делу «П[ольской] О[рганизации] В[ойсковой]», большой процент русских (дела РЫМАРЕВОЙ и ПРОФИМОВА). Особенно отличился ЦАД — там даже китайцы стали бы неоваяками. По делам белогвардейской операции арестовывались 80-летние слепые старики, калеки.

Наконец, хочу указать на самое страшное. Это липовые дела и справки: Фрунзенский район — по румынам и Троицкий район — дело БУРЯКА. Таких дел было много, и самое главное то, что вели их коммунисты-чекисты, потерявшие чувство ответственности.

Хочу также сказать о некоторых дефектах в следственной работе. Это спаренные допросы, помощники следователей, вредящие следствию. Не

каждый допрос оформлялся протоколом, а если протоколы и писались, то неконкретно.

Различные оговорки и исправления не оговаривались, сплошь да рядом следователь не подписывал протокол, ряд документов и вещественных доказательств не приобщался к делам. Как, например, Голованевское райотделение НКВД — присвоение охотничьего ружья.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК сказано, что мы потеряли вкус к агентурной работе. Это целиком относится к нам — чекистам Одесского областного аппарата и районных отделений НКВД. Что у нас получается с агентурой? В подавляющем большинстве районы с агентурой не работают совершенно. Правда, есть районы, как, например, Карл-Либкнехтский, Спартакровский и Мостовский, которые дали положительные результаты. [...]

Тов. КАРУЦКИЙ — начальник XI отдела УНКВД. [...] Практика показала, что в разгаре массовой следственной работы предали забвению агентурную работу, что надо отнести к беспечности и безответственности ряда работников. Даже при массовых операциях этого нельзя было допустить. С этим вопросом я целиком столкнулся, когда в апреле месяце приехал в Одессу, и мне стоило много трудов и усилий убедить ряд работников в совершенной недопустимости продолжать установившуюся практику нарушения даже основных элементарных процессуальных норм.

Как правило, арестованные сидели сверх установленного законом срока, а ходатайства о продлении сроков следствия и содержания арестованных под стражей не возбуждались. Обвинения вовремя, как это установлено было ЦИК, никогда не предъявлялись. И этот следственный акт приурочивался к моменту окончания следствия. Я уже не говорю о целой серии других нарушений процессуальных норм, когда арестованные месяцами не допрашивались, следствие не доводилось до логического конца и дела в таком виде направлялись в соответствующие судебные инстанции, в результате чего бесконечно возвращались на доследование.

Таких явлений было очень много и преодолеть их очень трудно было, ибо они у отдельных работников выполнялись месяцами. Вот такое то положение и порождало так называемые, мягко выражаясь, ошибки.

Самое главное это то, что имели место случаи, и не единичные, когда люди представлялись без достаточно проверенных материалов, содержались, таким образом, по существу незаконно под арестом, и даже когда являлась необходимость совершенно очевидная в освобождении таких арестованных из-под стражи, то решение это оформлялось крайне медленно. А в ряде случаев приходилось ломать сопротивление, которое встречалось на этом пути.

Приведу хотя бы такой факт. Когда арестованного ГЛЕБОВА-ДУБРОВИНА, в прошлом члена ВКП(б) с 1903 года, решили освободить, то освобожден он был только спустя больше месяца после принятого решения. Дело кончал тов. ШАРФМАН.

Другой пример — дело бывшего офицера царской армии ГОРИЧЕВА. Это — дряхлый старик, давший о себе ложные, ни в коей мере не соответствующие действительности показания, которым, несмотря на всю

нелепость, поверили. И в таком виде послали для внесудебного разбирательства, ничем даже не подкрепив дело. Когда я столкнулся с этим делом, я немедленно освободил его, ибо он сидел явно незаконно.

Таким образом, в процессе правильного рассмотрения, и в особенности когда нужно было решать вопрос об освобождении арестованных, появлялась совершенно недопустимая медлительность и нерешительность одного человека. Например, грузчика арестовали только за то, что считали польскоподданным, а он никогда им не был. И вот для того, чтобы освободить его, пришлось буквально кое-кого уговаривать.

Аналогичных в той или иной мере фактов можно было бы привести очень много. Но вряд ли в этом особая нужда, тем более что выступившие здесь товарищи уже достаточно говорили об этом.

Я хочу обратить внимание на имевшие место факты грубого очковтирательства в следственной работе и считаю, что с этим не вели в достаточной степени борьбы. Вообще нужно сказать, что если и было в какой-то хотя бы исключительной мере реагирование по линии административной на факты нарушения революционной законности со стороны тех или иных коммунистов и вопросы эти прорабатывались на оперативных совещаниях, то по линии партийной никакого реагирования не было. Ведь в нашей парторганизации ни разу не обсуждался вопрос о нарушении революционной законности коммунистов, и те или иные поступки коммунистов в этой области оставались безнаказанными.

При надлежащей постановке следственной работы она требует большого искусства, объективного подхода к делам, здравого и сознательного рассмотрения этих дел. А ведь мы вели следствие кустарно. Много ли у нас более или менее квалифицированных следователей? Буквально единицы.

И неслучайно потому в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР говорится об основном подходе к вопросу о следователях в органах НКВД и о том, что такие должны оформляться приказами НКВД СССР. [...]

Тов. БЕРЕЗИНСКИЙ — начальник РО НКВД Голованевского района. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР для нас, коммунистов-чекистов, имеет чрезвычайно большое историческое значение. В период проведения массовых операций были ошибки — не подходили критически к показаниям врагов, которые, ничего не теряя, оговаривали честных советских людей. Достаточно было одного факта — показание одного лица, что такой-то является членом контрреволюционной организации — данное лицо без соответствующей проверки арестовывается. Такие извращения и искривления имели место как в Одесском областном управлении НКВД, так и в районных отделениях НКВД. Получилось это потому, что прокуратура самоустранилась от наблюдения за органами НКВД, слепо давала санкции на арест, не проверяя представляемые на арест материалы.

Теперь хочу, товарищи, сказать о себе. Тут выступал тов. РЫБАКОВ и говорил, что в Голованевском райотделении НКВД было присвоено охотничье ружье. Это неправда. Я категорически отрицаю присвоение ружья. Все, изъятые у арестованных, надлежащим образом оформлялось и после осуждения сдавалось по принадлежности.

По делу ДАНИЛЮКА я действительно виноват. На протяжении 9 месяцев я действительно по данному делу никакого следствия не вел. Объясняя это тем, что забыл о нем. ДАНИЛЮК действительно был арестован райпрокурором и потом, после предварительного следствия, дело было передано в райотделение. Передано оно было по той причине, что ДАНИЛЮК в прошлом — петлюровец. Прав тов. РЫБАКОВ, что было проявление слепоты и не было учтено, что ДАНИЛЮК дважды орденоносец. [...]

Тов. КИРЕЕВ — начальник ОДТО ГУГБ по Одесской ж[елезной] д[ороге]. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) не сигнализирует о недостатках, а прямо вскрывает эти недостатки в нашей работе и требует решительного и быстрого устранения всех имевших место в нашей работе недостатков и извращений. Немало фактов недостатков имело место и в работе ДТО ГУГБ. В частности по Знаменке, где нашим отделением произведены массовые аресты путевых рабочих. Сейчас этим вопросом мы занимаемся и устанавливаем правильность действий начальника ОДТО ГУГБ.

Нужно сказать о Транспортной прокуратуре, которая, по моему мнению, в ряде случаев страхует себя. Дела, требующие прекращения, не прекращает, возвращает для доследования. В результате чего по ряду дел происходит излишняя и ненужная пересылка дел от нас в прокуратуру и из прокуратуры обратно к нам.

Тов. ИВАНОВ — начальник райотделения НКВД Беляевского района. [...] В период массовых операций аресты сплошь и рядом проводились не на основании агентурных материалов и разработок, а на основании одного-двух показаний. Но это не значит, что мы неправильно арестовывали. Брали мы по району врагов, но вот в процессе самого-то следствия проводили поверхностно, не добиваясь от арестованного врага проведения конкретной вражеской деятельности. Этим давали возможность врагу скрывать от нас других участников контрреволюционных формирований.

В процессе массовых операций мы упускали основное — качество следствия. И прокуратура нам в этом деле не помогала, а, наоборот, способствовала. В подтверждение этого я хочу отметить районного прокурора Беляевского района. Фамилию сейчас вспомнить не могу, так как он уже сейчас прокурором не работает. Этот прокурор мог безоговорочно дать санкцию на арест любого человека и в любом количестве. Он мне даже говорил: «Если Вам нужно полсела арестовать, то дам санкцию». И больше того, чтобы я не надоедал ему, предлагал мне взять у него печать прокуратуры и ставить самому санкции на постановлениях, когда мне это понадобится. Я, конечно, этого не сделал, но из высказанного мною видно, какой это был прокурор. [...]

Тов. КРЮКОВ — областной прокурор. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года, с содержанием которого ознакомил нас секретарь обкома КП(б)У тов. ТЕЛЕШЕВ, говорит о том, что органы НКВД нанесли значительный удар по контрреволюционному элементу как в городе, так и на селе.

Но наряду с этим, постановление отмечает ряд существенных недочетов в следственной работе, которые сводятся к тому, что имели место грубые нарушения процессуальных норм УПК, как правило, постановления о продлении срока следствия и содержания под стражей не выносились. А если и выносились, то никто это не контролировал. И в первую очередь вина в этом работников прокуратуры, которые устранились от надзора и контроля за органами следствия. Это положение мы сейчас должны выправить, устранив все имевшие место недочеты в следственной работе.

Мы, работники прокуратуры, должны и будем помогать органам НКВД по выкорчевыванию вражеских гнезд. Однако будем требовать от работников НКВД соблюдения процессуальных норм, предусмотренных ЦИК, и на каждый следующий случай нарушения будем реагировать, так как в постановлении ясно сказано об ответственности как работников прокуратуры, так и работников НКВД.

Тов. ДЕЙНЕГА — начальник А[ндреево-]Ивановского районного отделения НКВД. Работа в ряде районных отделений НКВД поставлена еще очень слабо. Это объясняется тем, что в районных отделениях не налажены учеты антисоветских элементов. Это приводит иногда к тому, что аресты производятся не совсем обдуманно и недостаточно подготовляются.

Иногда аресты антисоветского элемента являлись не результатом глубокой разработки их агентурным путем, а [шли] компанейскими [методами], и это приводило к тому, что репрессировались второстепенные враги, а организованные вражеские группы хорошо конспирировались и оставались нетронутыми.

Основным недостатком в работе ряда районных отделений, в том числе и Андре-Ивановского³, где я работаю, является слабая агентурная работа. Имеющаяся агентурно-осведомительная сеть недостаточна по количеству и плохая по качеству. Плохое качество агентурной сети объясняется недостаточной работой с ней работников НКВД, отсутствием воспитания ее квалификации со стороны Областного управления НКВД.

Областное управление НКВД должно помочь районным работникам в организации и правильной постановке агентурной работы и помочь восстановить и создать учеты контрреволюционного элемента. Хорошо налаженный учет при работоспособной агентуре и осведомлении даст возможность улучшить работу и устранить все те недостатки, которые имели место.

Товарищи КЛЕЦМАН — начальник отделения 3-го отдела УНКВД, ГРОМОВ-ЮНИН — начальник Раздельнянского Райотделения НКВД, ФОМИН — начальник Зельцкого Райотделения НКВД и другие в своих выступлениях сказали, что постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР совершенно правильно вскрыло имевшие место в органах НКВД недостатки, и главным образом в агентурной работе. И задача, стоящая теперь перед органами, заключается в том, чтобы в ближайшее время в своей практической работе устранить эти недостатки.

³ Так у текстi.

В заключение выступил секретарь обкома КП(б)У тов. ТЕЛЕШЕВ, который подчеркнул, что органы НКВД по разгрому шпионов, диверсантов и контрреволюционных формирований провели большую работу, о чем говорится в постановлении, но, наряду с этим, постановление отмечает и допущенные ошибки и извращения.

Работникам НКВД необходимо в своей практической работе за короткое время устранить все имевшие место недочеты как в следственной, так и агентурной работе, руководствуясь в этом постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года⁴.

Верно: [підпис]

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 78–109.
Засвідчена копія. Машинопис.

⁴ 17 грудня 1938 р. було проведено партійні збори співробітників УГБ УНКВД по Одеській обл. На них був виключений з партії начальник відділу кадрів УНКВС Дубров за виконання «ворожих вказівок Успенського про звільнення євреїв з органів НКВС». Див.: ГДА СБУ, ф. 16, оп. 31, спр. 94, арк. 130–168.

УНКВС ПО ПОЛТАВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

№ 19

Із протоколу закритих партійних зборів УДБ УНКВС по
Полтавській області про викривлення
в агентурно-оперативній роботі

2–6 січня 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛО: члени ВКП(б) — 36, кандидатів ВКП(б) — 11, секретарь обкома КП(б)У тов. МАРКОВ, секретарь горкома КП(б)У тов. ГОРЛЕНКО.

ПРЕЗИДИУМ: т.т. МАРКОВ, МОЛЬ, МАШОШИН.

ПОВЕСТКА ДНЯ

СЛУШАЛИ: об искривлениях в практической работе Полтавского облуправления НКВД, грубом нарушении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года, о фальсификации следственных протоколов и спецсообщений в вышестоящие органы со стороны руководства УНКВД, о решении парткома от 18.XII.1938 г.¹ — и задачах в дальнейшей работе коллектива УНКВД. (*Докладывает тов. МАШОШИН.*)

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

КИРИЛЕНКО. Установку о неприеме евреев получил в августе-сентябре, но не придавал значения. Когда стал БЕЛОКОНЬ докладывать дело ЛЕВИНА, то тот сказал, что есть указание ограничить прием евреев, как пораженных сионизмом и троцкизмом². БЕЛОКОНЬ предупредил, чтобы об этой установке не провел³ обком.

Кандидатура СЕНДЕРОВА откидывалась, как еврея. Повезено дело в Киев было как исключение, но там не утверждено. Антисоветский характер установки я понял только после предупреждения БЕЛОКОНЯ о сокрытии ее от обкома.

Из боязни мести со стороны ВОЛКОВА я об установке этой никому не говорил.

В облуправлении имелась практика, что на сигналы населения и трудящихся не реагировать. Например, имеется заявление на нач[альника] Зиньковского РО НКВД КУЦЕНКО, который допускал незаконные методы допроса (избиения), [которые] проводились, по показаниям обвиняемых, многие не имеющие причастности к антисоветской деятельности⁴.

¹ Не віднайдено.

² Так у тексті.

³ Так у тексті. Імовірно, «не дізнався».

⁴ Так у тексті.

На это заявление в Киев дан ответ, что факты не подтвердились, а КУЦЕНКО вместо наказания ВОЛКОВЫМ представлен к значку «Почетного чекиста».

Было заявление, что в Лубенском РО НКВД происходит избивание арестованных. Был послан тов. ТИТОВ для расследования, но ВОЛКОВ дал ему указание разыскать виновника заявления, а потом по подозрению [в этом] был арестован ГАВРЕГО.

Вследствие этого я и боялся. Со стороны ВОЛКОВА замечались шовинистические проявления — «полтавские галушники»⁵, БЕЛОКОНЬ тоже говорил: «Евреев ВОЛКОВ не любит».

Об установке не принимать евреев я поговорил с ВОРОНОЙ, ВОРОНА — с ЗЕЛЕМ, а тот — с ЧЕРНЯВСКИМ. ЧЕРНЯВСКИЙ же подал рапорт тому же ВОЛКОВУ. Началось не расследование, а допрос. Причем ВОЛКОВ начал мне угрожать: «Посмотрим». Начал приводить фамилии евреев, работающих в УНКВД. Между тем существовала практика отказа евреям в приеме на работу без предварительной проверки, как ГЕРЦЕНШТЕЙН, о котором БЕЛОКОНЬ спросил: «Еврей — не надо». Так точно не утверждают КРАПИВСКОГО, ЗАСЛАВСКОГО потому, что они евреи.

БЕЛОКОНЬ такую установку давал: «Я утверждаю». Я был в командировке в Киеве 10 августа, возвратясь назад, я рассказывал БЕЛОКОНЮ о том, кого куда назначили из старых работников-чекистов. БЕЛОКОНЬ сказал: «Это ненадолго, все старые работники — сволочи. Все они будут арестованы». И я знаю, что многие старые работники, как КАЛЮГА, ежедневно ожидали ареста.

БЕЛОКОНЬ установку не принимать евреев давал и КАЛЮГЕ. Эта установка имеется и в Харькове. КУЛЕШОВ рассказал, что УСПЕНСКИЙ еще в марте на совещании в Киеве работников отделов кадров⁶ давал антисемитскую установку, и БЕЛОКОНЬ на этом совещании также присутствовал.

Парткому я не доверял, боялся, что меня сделают склочником, как это было уже в Харькове. И на заседании Парткомитета я сначала боялся говорить, пока ГОРЛЕНКО и ПЛАТОНОВ не дали правильного направления ходу заседания Парткомитета.

МАШОШИН об извращениях знал, но его прибрали к рукам. Два выговора по административной линии, по линии партийной, попытка ВОЛКОВА и ПОЛЯКОВА записать выговор за несозыв партсобраний.

По Кременчугу КОСТЬ вел расследование, но выводы записал так, как хотело начальство.

О побоях в УНКВД тоже есть, что говорить, это имелось в УНКВД. Говорят, что ЗАЙЦЕВ отбил печенки бывшему начальнику тюрьмы ЛЫСЕНКО. ТИМЧЕНКО хочет скрыться за широкую спину ВОЛКОВА, но он творил большие безобразия. Был арестован зав[едующий] уч[етной]

⁵ «Полтавские галушки» — у цьому випадку сленг з нятяком на непрофесійну діяльність місцевих співробітників. Галушки — традиційна українська національна їжа з різних видів тіста, яке варять у підсоленому окропі.

⁶ Матеріали наради не віднайдені.

частью тюрьмы ЧЕКАЕВ и был освобожден. ТИМЧЕНКО узнал об этом и жалел: «Если бы мне дали, он бы дал показания». ТИМЧЕНКО говорит, что нет материалов на ЛЕРМАНА, но все же он не освобождает его. Говорят, что ЛЕРМАНА били, пока не загноилось тело.

Был арестован БАЗАНОВ — начальник Чернобаевской милиции, через 10 месяцев освобожден по невинности.

В УНКВД существует практика пропускать [сотрудников] по показаниям [арестованных], но я и об этом боялся заявить в Обком, так как ВОЛКОВ в Обкоме пользовался большим авторитетом.

Арестованный бывший начальник Семеновского РО НКВД ГРОЗНЫЙ «пропущен» по показаниям ФЕДОРЧЕНКО, хотя они один другого не знали. Также получены показания ХЕЙФЕЦА на БОГРОВА.

Не понравился ВОЛКОВУ КУРАЧЕК, стали собирать материалы от арестованных на КУРАЧЕКА потому, что ВОЛКОВ сказал: «Как мне хочется этого посадить». ВОЛКОВ хотел посадить АНДРЕЕВА, ХОБОТА и ГАЛУНА.

Вот БОГАТЬКО говорит: «Сидит какой-то работник, материалов на него нет, так хоть высылку на него надо состряпать».

Идут разговоры, что так называемое партизанское дело тоже «состряпано».

Так готовились и обвиняемые на рассмотрение Военной Коллегии. Созвали весь районный аппарат, держали целые сутки и запугивали, а если отказывались, то снова запугивали, пока обвиняемый не запишет заявление о своей виновности.

Я знал, что установка БЕЛОКОНЯ является антисоветской, но боялся раскрытия. Это не по-партийному, я это сознаю, я боялся, и прошу учесть ту обстановку, которая существовала в УНКВД.

Выговор я считаю тяжелым для себя наказанием и прошу партийное собрание это взыскание мне смягчить.

ВОРОНА. Об установке не принимать евреев и не продвигать их по службе впервые я узнал примерно 2—3 месяца тому назад от КИРИЛЕНКО. Но о том, что это нужно скрывать от обкома КП(б)У, он мне не говорил. Он говорил только, что эта установка исходит из Киева и от БЕЛОКОНЯ. Шла речь о том, что еврейская национальность поражена якобы контрабандистами, троцкистами, сионистами, что и являлось мотивом для антисоветской практики в отношении евреев.

Мы говорили о зажиме руководства. Об этом зажиме я говорил часто с ЗЕЛЕМ, говорили о вражеской работе ВОЛКОВА и не знали, как разоблачить его. Думали писать в НКВД СССР или ЦК ВКП(б) — не решились, а поднимать этот вопрос здесь было бесполезно и рискованно. Обстановка заставляла нас молчать.

О разговоре с КИРИЛЕНКО я поделился с ЗЕЛЕМ, он просто не поверил. А затем ЗЕЛЬ сказал об этом ЧЕРНЯВСКОМУ. ЧЕРНЯВСКИЙ неверно поступил, заявив об этом администрации, а не партийному комитету. Когда дошло до ВОЛКОВА, начался форменный допрос у него.

Позиция МАШОШИНА тоже нехорошая, он действовал под влиянием ВОЛКОВА, если раньше его третировали, то последнее время ему, наоборот, создают условия.

ВОЛКОВ на партийном комитете голосовал против исключения БЕЛОКОНЯ — это характерно. Незадолго до этого он дал ему исключительно хорошую служебную характеристику.

Процесс в Молдавии относится и к нам⁷. В Полтаве система пропусков через показания процветала. Вот примеры: дело бывшего сотрудника МАКАРЕНКО. Не знаю сути полностью, но оно сфабриковано, его сделали террористом, что не отвечает действительности. Дело БОГРОВА — ему дали очную ставку с ХЕЙФЕЦОМ, они друг друга не видели никогда. По показаниям ХЕЙФЕЦА и ЗАГОРУЛЬКО пропускали всех, кого хотели.

Фабриковали дела на ГАЛУНА, АНДРЕЕВА и КУРАЧЕКА, с тем чтобы арестовать их.

Избиения — это система в работе. Члены партийного комитета, конечно, знали это.

Я поднимал вопрос о КЛОЧКО и ЛЕРМАНЕ на партийном комитете, КИРИЛЕНКО говорил о Зиньковском районе, но сигналы эти заглушили.

Дело РУВИНШТЕЙНА. Его вел ФИШМАН, террористический акт над Героем Советского Союза тов. ФЕДОРОВЫМ — это вымысел. Дело это здесь, его можно пересмотреть.

Для работы над бывшими сотрудниками была выделена специальная группа, куда ВОЛКОВЫМ направлены физкультурники⁸ — МИРОНЕНКО и СИРЕНКО.

О сигналах — из Лубен. Какой-то сотрудник написал письмо тов. ХРУЩЕВУ о вражеских методах в следствии. Вместо расследования по существу ТИТОВУ поручили выявить автора. Заподозрили ГАВРЕГО и арестовали. Обвиняют его в клевете, когда он писал правду.

О КУЦЕНКО в Зинькове — он вскрыл четыре повстанческих полка. Этот человек просил ВОЛКОВА «оформить» пятый полк. Организация там, конечно, существовала, но КУЦЕНКО увлекся.

ВОЛКОВ вел линию на аресты сотрудников, даже Киев удерживал его, не дав санкции на арест АНДРЕЕВА, ГАЛУНА.

В Кременчуге арестован был какой-то капитан судна. Он был осужден на 10 лет, а потом выяснилось, что он даже не допрошен и в деле нет никаких материалов, об этом знает КОСТЬ.

По Лубнам были и еще сигналы, по Зинькову тоже, но их глушили. ВОЛКОВУ ЗЕЛЬ докладывал, что показания ЛЕКАРЕВА малоправдоподобные, но ВОЛКОВ остался этим заявлением недоволен.

На протоколах были поддельные подписи, ПОЛЯКОВУ докладывали об этом, и ничего не предпринято.

Характерно дело ПУХАЛЬСКОГО в Семеновке. Там свидетелей работники ВИСЛОУХ и ГРОЗНЫЙ запугивали тем, что «если не дашь показания, то тебе тоже будет», и получили вымышленные показания. ПУХАЛЬСКИЙ осужден по первой категории. Когда КОСТЬ после

⁷ 30 грудня 1938 р. — 1 січня 1939 р. республіканські газети друкували короткі інформації про судовий процес над співробітниками НКВС МАРСР.

⁸ Випускники факультетів фізичного виховання педагогічних інститутів, які були мобілізовані на службу в органи НКВС.

расследования этого дела сказал, что показания подтвердились, и просил наложить взыскание на ВИСЛОУХА, то ВОЛКОВ заявил: «Что же вы берете под защиту врагов?».

Бывший комдив 75 ТИЩЕНКО использован по всем линиям. По его показаниям пропустили директора одного завода в Золотоноше, члена партии с 1919 года, видного партизана и других. Пусть расскажет БЕРЕСТНЕВ, как подписывал ТИЩЕНКО протокол, не читая его.

Совещание в обкоме неверно провели. Волков скрыл бегство УСПЕНСКОГО. Это неспроста, он боялся своего разоблачения и не принимал 2–3 недели никаких мер к розыску.

ВОЛКОВ, проводя совещание в Лубнах, давал установку «перебить демченковские кадры»⁹.

Дело СЕНЮКА — сомнительное дело. Показания у него взяли большие. Взяты такие показания не только у него.

ЧЕРНЯВСКИЙ. 28 ноября пришел ко мне ЗЕЛЬ и сообщил, что хочет поделиться со мной по важному вопросу. Рассказал мне то, что изложил в заявлении партийному комитету. Я спросил, почему он не подает заявление сам, он заявил, что не может. Я решил поговорить с КИРИЛЕНКО, спросил его: «Был ли такой разговор?». КИРИЛЕНКО сказал, что «был», но что он об этом боится говорить. Я сказал, что напишу заявление в партийный комитет, и он мне ответил согласием.

Я написал. Пошел к МАШОШИНУ, его не застал, пошел к ПОЛЯКОВУ, как к члену горкома партии. Он мне сказал, что нужно написать и рапорт ВОЛКОВУ. Я пошел снова к МАШОШИНУ. В это время меня вызвал ВОЛКОВ и спросил: «В чем дело?». Я рассказал, и ВОЛКОВ заявил, что созовет нас всех. В этот вечер он меня вызывал по этому вопросу несколько раз. Каждый раз я был у него в присутствии других работников. Весь разговор склонялся к тому, почему ЗЕЛЬ обратился именно ко мне. Я понял это так: почему еврей обратился к еврею.

С заявлением к ВОЛКОВУ не ходил и рапорта ему не подавал, не знаю — откуда это взяли.

Написанное заявление я подал МАШОШИНУ.

МАШОШИН дает справку — получено заявление, а не рапорт. Но ВОЛКОВ заявил, что ЧЕРНЯВСКИЙ якобы обещал написать рапорт.

Все, что допущено, — это вражеское, этого нельзя отрицать, искажения были, протоколы писались не дословно. ВОРОНА говорил, и правильно, что когда дело направлено по подсудности, арестованного нельзя трогать, а мы говорили с ними и подрабатывали их до самого суда. Были незаконные аресты, но арестовывали преимущественно по прошлому.

Построение организации было неправильное — по линиям, троцкисты могли друг друга не знать, а шли в одном деле.

Допускалась обработка свидетелей, показания их тоже писали неверно, недословно, я на это обратил внимание работников: ТИМЧЕНКО, САВЧЕНКО, САВЕЛЬЕВА и других. Но делалось ли это все украдкой.

⁹ Йдеться про колишнього першого секретаря Харківського обкому КП(б)У М. Демченка, який був арештований у липні 1937 р.

Вот сотрудник был МИРОНЕНКО, он горячий, я ему сделал замечание, он заявил: «Нас инструктировал ВОЛКОВ». Я понял, что мое мнение неавторитетно. Таких сотрудников ВОЛКОВ поощрял, у него МИРОНЕНКО — «это орел».

Как писались протоколы? Установка была такая — если плохой протокол дословный, то выбрасывался. Я был в кабинете ВОЛКОВА. В это время он говорил с Киевом и заявил: «Протокол будет готов через 3–4 дня». Значит, Киев тоже знал. Установка — от арестованного нужно брать все. Вот протокол ПОНОМАРЕНКО переписывался четыре раза и каждый раз ВОЛКОВУ не нравился, каждый раз скандал. Арестованные внизу, а сверху пишется протокол.

Об организациях — сперва правильно было, связан — значит, организация. Однажды вызывает ВОЛКОВ к себе, у него был и ПЛАТОНОВ. Только я вошел: «Фокусник, чего вы запутываете дела? Раз троцкисты, националисты, всех объедините в одно дело», — дал распоряжение ВОЛКОВ. И если я так не сделаю, то буду вредителем. А сейчас не можем эти дела распутать.

Мне недавно сообщил работник 5-го отдела АНДРЕЕВ, сидящий сейчас в Онуфриевке¹⁰, что свидетели там допрашивались безобразно, а иногда и совсем не допрашивались. Брались объективные данные агента и писались липовые протоколы. Я об этом доложил ПОЛЯКОВУ. Шесть дней тому назад было совещание у ВОЛКОВА. Когда сказали ему об этом, то, обращаясь к ПОЛЯКОВУ, он заявил: «Вы страховщик». Знали об этом все, в том числе и я знал. Раньше этого не делали.

Почему же молчали? Я ответственности с себя не снимаю, но как было дело? Начальники отделов никакого лица у ВОЛКОВА не имели, об этом мы между собой говорили. Работник был в черном теле, ехать и говорить никуда нельзя было.

Когда ВОЛКОВУ заявляли по тому или иному вопросу, что этого делать нельзя, в его глазах такой работник становился вредителем. Вот был такой случай: нужно было арестовать САМОЙЛОВА, составленные справки задержались. Вызывает меня ВОЛКОВ и говорит: «Не случайно ли это делается?». Как-то перед праздниками арестовали за месяц 9 человек. Снова: «Мало, значит, умышленно».

ВОЛКОВ не признавал, что нет материалов. Дела велись поверхностно. Давались планы — за три дня дать 20 дел на Военную Коллегию.

В кабинете у себя ВОЛКОВ держал по три часа, стоишь, а он «долбаёт»¹¹. Жаловались на него и начальники отделений ФЕДОРОВ, ОРЛОВ. Но это все меня не оправдывает, надо было знать, что есть обком, ЦК партии.

Перегибы были, но нельзя говорить, что все вражеское подполье было вскрыто и врагу нанесен ощутительный удар. Были действительные дела, они перекрывались данными других органов НКВД в различных концах СССР, антисоветская деятельность врагов подкреплялась и извне. Есть невинные, и мы должны их немедленно освободить. Но делать вывод, что все [арестованные] честные — это неверно.

¹⁰ Сленгова назва в'язниці.

¹¹ О. Волков кричав на підлеглих, нецензурно лаявся.

Каково положение? Настроение в аппарате неважное. Вот приходят к МИРОШНИЧЕНКО и спрашивают: «У тебя есть молодежная организация?»¹² — значит, имей в виду молдавский процесс, или — «доберутся и до нас». Мы сами должны сейчас на собрании добратся. Это нездоровые настроения.

ЦК и Совнарком обязывают нас покончить со старыми делами и взяться за настоящую агентурную работу¹³. Эти дела нас здорово тянут, надо их распутать по-большевистски, самим, надо нашей парторганизации мобилизоваться на это дело.

Справка о ЛАЗУРЕНКО — допрашивал его я. Однажды он сам заявил: «О себе я рассказал все. Но знаю грешки за некоторыми сотрудниками». И он написал заявление, которое я доложил ВОЛКОВУ. Но показаний об этом я не писал. Заявление было передано ЦИРЛИНУ, как начальнику отдела кадров, так что говорить о «липе» от ЛАЗУРЕНКО неверно. В заявлении ЛАЗУРЕНКО говорил не об участии в организации кого-либо из сотрудников, а об отношении отдельных сотрудников к работе.

БЕЛОКОНЬ. На работу в органы я пришел в апреле 1938 года по решению ЦК¹⁴. До этого я работал на производстве, где моя работа подвергалась частой критике через производственные совещания.

Придя в органы, меня удивила та замкнутость, служебная дисциплина, которая существовала и была выше всего. Все, что делалось в ОК¹⁵, было достоянием начальника управления и работников ОК. Партийный комитет не знал, что делается в отделе кадров, и о наличии компрометирующих материалов на работников.

Пример с БРЮХОВЕЦКИМ. Его выдвинули в партком, и только потому, что на собрании был и[сполняющий] д[олжность] нач[альника] ОК ЦИРЛИН, заявил о наличии материалов, и его кандидатура была отведена.

В сентябре месяце я был в ОК в Киеве. Я заходил во 2-е отделение говорить о КРАПИВСКОМ, ГРЕБЕНЮКЕ и ПОБЕДЕ. Я зашел к ПАВЛОВУ, который мне сказал, что ГРЕБЕНЮК и ПОБЕДА проведены приказом, а о КРАПИВСКОМ материалы проверяются — о службе брата в торгпредстве. В коридоре ПАВЛОВ мне сказал: «Поменьше выдвигайте евреев на руководящую работу». Я ему на это ничего не сказал.

Когда я приехал в Полтаву, я в процессе доклада сказал ВОЛКОВУ о сказанном мне ПАВЛОВЫМ, на что, точно не помню, ВОЛКОВ ответил, что «это ерунда и не может быть» [...]¹⁶.

Я оказался политическим слепцом и не дал ход разоблачению той вражеской установки, которую я получил от ПАВЛОВА. Будучи в Киеве, я зашел к парторгу ЛЕОНОВУ и рассказал ему об установке ПАВЛОВА. В кабинете у КРУТОВА ПАВЛОВ отказался от этого.

¹² Мається на увазі міфічна контрреволюційна організація «Молода генерація», вигадана керівництвом НКВС УРСР у травні 1938 р.

¹³ Див.: Постанова СНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р.

¹⁴ У квітні 1938 р. ЦК КП(б)У неодноразово ухвалював постанови щодо мобілізації в органи НКВС УРСР.

¹⁵ У даному випадку — відділ кадрів.

¹⁶ Пропущено частину тексту щодо ставлення О. Волкова до Білоконя.

О СЕНДЕРОВЕ. Дело СЕНДЕРОВА после УСПЕНСКОГО послали в Москву. СЕНДЕРОВ был рекомендован Обкомом, мы провели спецпроверку, и я вторично докладывал Обкому.

В отношении установки ПАВЛОВА я никому не говорил, так же и КИРИЛЕНКО.

Я тогда на парткоме просил создать комиссию, у т. КОЗЛОВСКОГО можно проверить списки рекомендованных и кто принят. Это не сделали.

О ФИШМАНЕ. В органы ОО был откомандирован ФИШМАН. Будучи в Киеве, я увидел ФИШМАНА, который просил направить его назад в Полтаву. Потом мне сказали, что он увольняется по компрометирующим материалам в то время, как на него нет ничего. МЕЛЬНИКОВ мне сказал, что он уволен потому, что он ФИШМАН.

О КАНЕВСКОМ. При докладе УСПЕНСКИЙ распорядился откомандировать, о КРОБАНЕ — уволить.

ПЕВЗNER работал в фельдсвязи. Первую справку ВОЛКОВ не подписал на инспектора, а вторую справку подписал.

О старых чекистах я никогда не говорил, что их арестуют.

ВОЛКОВ вызвал меня и сказал, чтобы я принес дела, кому мы отказали в приеме и кого приняли евреев¹⁷. Кроме этого он спросил, какую установку я получил, я ответил, что другой установки, кроме той, о которой я сказал при докладе о КРАПИВСКОМ, [нет].

ПЛАТОНОВ. Неверно, что вопрос разбирается в отсутствие ВОЛКОВА. На Северном Кавказе о нем говорят, что это — непризнанный Наполеон.

В Полтавское УНКВД я приехал 8.III.1938 года, а за мной — КАГАНОВИЧ, ЧЕРНЯВСКИЙ, так что не знали о происходящих арестах сотрудников, а старые сотрудники горотдела дрожали, ожидая ареста.

Для нас — новых сотрудников — так называемые литературные протоколы являлись не новостью, они по сути являются антисоветской работой. Так было, например, с протоколом ГАПА, участника антисоветского подполья, штабс-капитана, с которым (протоколом), возились 10 дней, а Волков требовал «литературного» протокола.

На основе этих «литературных» протоколов арестовывали, создавали «партизанское» подполье, среди которых не исключена возможность ареста и невинных людей¹⁸.

ВОЛКОВ приезжал из Киева и давал установку, при этом заявил, что в Киеве вскрыта антисоветская организация «Молодая Генерация». Нужно и у нас вскрыть эту организацию.

ВОЛКОВ сам писал «руководящие протоколы», посылал их в Киев. Но и там они не нравились, их переделывали заново и посылали в Политбюро ЦК ВКП(б).

¹⁷ Так у тексті.

¹⁸ На початку червня 1938 р. О. Успенський на нараді начальників обласних УНКВС заявив, що в республіці викривається «антирадянська партизанська організація», до якої входили колишні командири червоних партизанських загонів. О. Волков, повернувшись із наради, розповів підлеглим, що вони мають «викрити» на Полтавщині «Священний союз партизанів».

Старые сотрудники тряслись в ожидании ареста, так как ВОЛКОВ их проводил по показаниям, как КУРАЧЕКА, о чем я узнал в Кременчуге. АНДРЕЕВА, на которого «взяли» показания у белогвардейского офицера ЗДЫХОВСКОГО, а потом получили показания от 13 ноября у того же ЗДЫХОВСКОГО на МАКАРЕНКО. Писал этот протокол ФЕДОРОВ. Этот протокол ложный и пусть ФЕДОРОВ расскажет, как он писал протокол. ЗДЫХОВСКИЙ и МАКАРЕНКО друг друга не знали.

Почему постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года не дошло до сознания многих работников и не вскрыло сразу всех безобразий? Потому, что обком КП(б)У проверял сотрудников УГБ в присутствии ВОЛКОВА, касался только о дальних родственниках, но не спросил о работе Отдела. Так было со мной. Меня спросили в обкоме при ВОЛКОВЕ о дяде, который был около года городовым. А сам он рабочий, но не спросили о работе и выполнении постановлений ЦК ВКП(б).

Работники ходили жаловаться и в обком, и в наркомат. Но нигде не могли дойти со своими заявлениями. Я лично писал о безобразиях в ЦК через нач[альника] УНКВД по Воронежской области.

Обком сам не смотрел наши дела. Секретарь обкома тов. МАРКОВ был на заседаниях Особой Тройки, тоже видел «марафеты», видел их и облпрокурор ФЕДОРОВ, но считали эти явления в порядке вещей¹⁹.

По 3-му Отделу избитых напрасно арестованных имеется человек 10, а в остальном избивали настоящих врагов. «Марафетных» протоколов я не писал и приказания ВОЛКОВА о «марафетах» не выполнял.

Не нужно винить тов. ТИМЧЕНКО или другого рядового работника, их заставляли это делать, и заставлял это делать ВОЛКОВ.

Особенно били сотрудников. ЛЕРМАНА, ЛЫСЕНКО били по приказу ВОЛКОВА. В Кременчуге заявили, что избивать приказал УСПЕНСКИЙ, когда приезжал туда.

В отношении «обнаруженных» снарядов и гранат, найденных ассенизаторами. Воентехник составил акт, а потом «привязали» эти снаряды бывшему офицеру ОСТРОШАПСКОМУ, на которого уже были какие-то показания, и его арестовали. Аналогичное [было] и в Карловском районе, когда выкопали оставшиеся еще от гражданской войны снаряды, хотели их тоже куда-то «приткнуть».

Вообще с оружием антисоветских организаций происходило так, что обвиняемые показывали о каких-то складах, закопанных где-то, часто за пределами области, как это было по показаниям ЗИТТО.

Я считаю, что в основном чекистский коллектив здоровый, провели огромную работу по борьбе с врагами. И если в отдельных случаях были искривления, то их доводил [сотрудников] до этого своим террором ВОЛКОВ, который и является антипартийным человеком, который и не может быть в партии и не может руководить УНКВД.

¹⁹ На початку роботи Трійки співробітник НКВС зачитував довідки зі слідчої справи, що роздавалася членам Трійки, але через кілька засідань В. Марков та О. Федоров почали читати самі, залишаючи помітки. Марков неодноразово пропонував Волкову: «Потрібно ще один якийсь протокольник покласти у справу, підкинути». Зазвичай він виступав за розстріл невинно засуджених людей.

По вопросу решения партийного комитета о БЕЛОКОНЕ. Я считаю, что он честно на партийном собрании признает свою вину. Однако он продолжает двурушничать, и поэтому подлежит исключению из рядов ВКП(б).

КАГАНОВИЧ. Считаю, что в основу прений должны быть положены постановление ЦК и СНК от 17 ноября, постановление ЦК, СНК и ВЦСПС о дисциплине и дело бывших сотрудников Молдавского УНКВД.

Вскрыть надо критикой и обязательной самокритикой все последствия искривлений и враждебной деятельности. Есть панические настроения. «Доберутся и до нас», — говорит БЕЛЕНЕЦ. Бояться нечего, надо вскрывать и исправлять.

О фашистской практике — изгнание евреев из органов НКВД. Дал первый сигнал КИРИЧЕНКО, он поделился с ВОРОНОЙ и ЗЕЛЕМ, пока не дошло до ЧЕРНЯВСКОГО. БЕЛОКОНЬ говорит, что, получив такую установку, он никому о ней не говорил. Откуда же это известно КИРИЛЕНКО? А ведь это было и на практике. БЕЛОКОНЬ о роли ВОЛКОВА и на партийном комитете и сейчас говорит нечетко. ВОЛКОВ сначала помнил, а теперь вообще не помнит о разговоре с БЕЛОКОНОМ. ВОЛКОВ знал эту установку, видимо, и не только от БЕЛОКОНЯ. И если бы был большевиком, УСПЕНСКИЙ был бы разоблачен раньше.

Били — это была система, и я считал, что это узаконенное дело. Это было в Москве, в Киеве, я очень боялся, что этими методами следствия испортится молодняк. Предупреждал, что это мера временная, особенно увлекалась молодежь. Вот МИРОНЕНКО, он даже со сна избил сотрудника, посчитав его шпионом. Как правило, арестованные стояли часами.

Когда приехал я и ПЛАТОНОВ, нам сказали, что люди большие сидят и должны быть протоколы с размахом. У меня не получалось, и я не знал, что ВОЛКОВ хочет, а за это ругали меня. Корректировка сверху доходила до того, что протокол нельзя было узнать. В протокол записывались все события, например, дело по транспорту. Я говорил с ПЛАТОНОВЫМ, заявляя, что мне непонятен стиль ВОЛКОВА. Он ответил: «У него стиль и революционная фантазия», а по существу — это антисоветская деятельность.

Когда делаешь не так, как хочет ВОЛКОВ, оспариваешь, ВОЛКОВ всегда говорит: «Мне теперь ясно, это все с целью, умысленно». Все эти установки исходили от ВОЛКОВА со ссылкой на УСПЕНСКОГО, Политбюро. Замечание сделать — это нет хуже, всегда ответ получаешь: «Это что — специально у вас так получается?».

На последнем совещании с целью ускорения окончания следственных дел я высказался за создание следственных групп. ПЛАТОНОВ меня подержал, ВОЛКОВ сказал: «Этого не нужно». А на следующий день был получен об этом приказ НКВД УССР — и уже нужно, создали.

Был случай скопления арестованных, привезенных на Тройку, это могло повлечь большие неприятности. Когда ПОЛЯКОВ хотел изменить положение, ВОЛКОВ приказал выполнять его распоряжения, а потом сам изменил.

Когда на Тройку готовили дела, 3-й отдел два месяца, кроме этого, ничего не делал. Для избличения шпионов брали показания у других арестованных, хотя и не всегда доказательные. А настоящие дела, но только с самосознанием, с Тройки снимались²⁰.

По Кременчугской группе предоставили дела настоящих врагов на Тройку, ВОЛКОВ вернул их со словами: «Бросьте их КАГАНОВИЧУ». И на меня набросился, заявив: «Последний раз вас предупреждаю». А на следующий день часть этих дел уже оказались годными.

Все мы допускали искривления, нужно об этом не скрываясь говорить, разбираться в этом, чтобы исправить это дело.

Когда вскрылось дело БЕЛОКОНЯ, то КИРИЛЕНКО не верил и я не верил, что партийный комитет поднимет его на высоту. Я написал зам[естителю] наркома. Видно было, что ВОЛКОВ оттягивает разбор этого дела — то БЕЛОКОНЯ в командировку, то КИРИЛЕНКО.

Вот сейчас рассматриваем дела и сроки окончания неверные, липовые и другие трудности. Сегодня я предложил ЧЕРНЯВСКОМУ и МАШОШИНУ пойти в обком партии, там мы говорили по всем этим вопросам искривлений.

Вызов ПЛАТОНОВА в обком на утверждение и разговоры о работе с ним неверны. Так не говорят с членом партии, руководящим работником.

Дело розыска УСПЕНСКОГО было затянуто, ничего не предпринималось и держалось в секрете. В этом виновен ВОЛКОВ.

О деле по партизанам. По этому делу был настоящий террор. «В Одессе есть, в Днепропетровске есть, а у нас нет», — говорил ВОЛКОВ. Начиналось соревнование, и наряду с врагами попадали и невинные.

Фактов много, смело вскрывать их нужно, разбираться в них и по-большевистски разобраться. Нужно сказать, что ВОЛКОВ и тут пытался установить % освобождаемости, но нужно избегать и перегибов, не освобождать всех подряд. [...]

МИЛЬШТЕЙН. У меня по Полтаве мало фактов искривлений в агентурно-оперативной работе. Есть факты незаконных арестов, например, врача МАКСИМОВА, который просидел с марта 1938 г. и, наконец, был освобожден только 4 ноября. Причем рапорт об освобождении пролежал у ВОЛКОВА три недели. МАКСИМОВА можно было освободить раньше, так как имелись особые приметы, по которым он должен был немедленно быть освобожден. Тоже с РЫБЧИНСКИМ, арестованным в марте 1938 года за вредительскую деятельность и как подозреваемый немец. Сейчас он освобожден, как непричастный к антисоветской организации. Между тем, это ценный изобретатель в сельском хозяйстве. Справка на освобождение дана была ВОЛКОВУ 30 октября, а освободили его только 15 декабря. Из выступлений товарищей за вчерашний день мне известно, что такие факты неодинокі.

Подобный характер носит дело КЛОЧКО — бывш[его] начальника Золотоношского райотделения НКВД, на которого в течение одиннадцати месяцев не было добыто никаких материалов. А он еще не освобожден.

²⁰ Так у тексті.

Бывший начальник тюрьмы УГБ ЛЫСЕНКО освобожден под подписку. Я считаю, что если человек невиновен, то его надо немедленно освободить, а привлекать того, кто производил арест.

Такое же дело ЛЕРМАНА, на которого тоже нет никаких данных о его вражеской деятельности, но его держат в тюрьме до сих пор. Когда ВОРОНА заговорил о ЛЕРМАНЕ на заседании партийного комитета, то ВОЛКОВ предупредил, что не следует парторганизации вмешиваться в оперативные дела и больше этот вопрос не поднимался.

Мы до сих пор не уяснили себе постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 17 ноября и не принялись за его выполнение.

О других искривлениях. В Наркомате с приходом ЛЕПЛЕВСКОГО начались избиения арестованных, а с приходом УСПЕНСКОГО избиения усилились, причем приезжие оперативные работники из Наркомата СССР также били арестованных. Особенно жестоко в Наркомате в Киеве били бывших сотрудников, убивали насмерть.

О контрреволюционной деятельности УСПЕНСКОГО на Украине особенно в Киеве. УСПЕНСКОМУ создали громадный авторитет, а он, прикрываясь этим, развернулся во всю в своей антисоветской деятельности. Одним из моментов вражеской деятельности УСПЕНСКОГО является извращение национальной политики, антисемитизм процветал. В этом ему помогал его ближайший друг КОБЫЗЕВ — бывш[ий] нач[альник] ОК НКВД УССР, ныне нач[альник] Харьковского УНКВД, который был с УСПЕНСКИМ в самых близких отношениях.

УСПЕНСКИЙ имел в ЦК КП(б)У своих людей. Эти люди передавали УСПЕНСКОМУ письма, адресованные тов. ХРУЩЕВУ, а тех, кто писал, арестовывали.

Был в Особом отделе ШМУЛЕВИЧ, которого УСПЕНСКИЙ посадил, обвиняя его в том, что он является армянином. ШМУЛЕВИЧ сидел не под фамилией, а под номером. То же ожидало других или уже и постигло, кто посмел жаловаться на УСПЕНСКОГО.

В ЦК КП(б)У УСПЕНСКИЙ посадил своего человека, ОЛЕЙНИКА, не знаю, где он.

Реплика МАРКОВА. Уже разоблачен и посажен.

[МИЛЬШТЕЙН.] Подобная обстановка царил и в Полтаве, где ВОЛКОВ, не имея авторитета, брал жестокостью, и его все боялись.

В отношении БЕЛОКОНЯ, мое мнение, его нужно исключить из партии, так как он и сейчас неоткровенен. В отношении ВОЛКОВА — его за антисоветскую деятельность нужно из партии исключить и с должности начальника УНКВД снять.

ПОЛЯКОВ. Говоря о решении партийного комитета об антисоветской, антисемитской практике, имевшей место в отделе кадров, мы должны сказать, что БЕЛОКОНЬ выводов для себя не сделал ни на парткоме, ни на собрании.

На партийном комитете было установлено, что он эту контрреволюционную установку принял и проводил в жизнь. БЕЛОКОНЬ говорил о еврейях, принятых на работу в УНКВД, но как мы видим, все они приняты

не в УГБ, а те, что рекомендовались в УГБ, — отклонялись. БЕЛОКОНЬ в этом виноват, и отрицать ему нечего.

КОБЫЗЕВ, будучи начальником ОК НКВД УССР и сейчас в Харькове, сам подбирал людей в Особые отделы и ни одного еврея не принял, а теперь он от этого отрешивается.

Решение о БЕЛОКОНЕ совершенно правильно, но затянуто по времени. Виноваты в этом члены парткома и ВОЛКОВ. ВОЛКОВ тянул неизвестно почему, но на собрании он должен будет сказать об этом. Все, о чем мы говорили сейчас, могло быть открыто раньше на три недели. Правильное решение партийного комитета и в отношении остальных — КИРИЛЕНКО, ВОРОНЫ.

Реплика. Расскажите об антисемитской установке, данной вами СЫПКО.

[ПОЛЯКОВ.] Насчет установки СЫПКО я помню такой случай. Я решил не допустить одного еврея на секретную работу в Горсовет до проверки. При повторном докладе о нем я санкции на допуск не дал. По одному этому факту можете судить. Но посмотрите на всю мою практику. Сознаю, что я сделал большую политическую ошибку.

Некоторые товарищи подвергали сомнению мою работу, проделанную УНКВД. Это неверно, у вас есть извращения, перекручивания, необоснованные аресты и т. д. Но ставить под сомнение всю работу по разгрому врага — это неверно. ВОРОНА сомневается в деле СЕНЮКА — это воротила, враг заклятый, и в этом не может быть сомнения.

О незаконных методах допроса — били как угодно, сколько угодно. Об этом уже говорили. Над арестованными издевались, были длительные допросы, стоянки, «сидения» и прочее. Какие участники аппарата УНКВД были этим наиболее поражены — это опергруппа по делам бывших сотрудников и 4-й отдел, в меньшей мере в других отделах. Установки эти исходили из Киева. Кто здесь разрешал — виновато руководство — ВОЛКОВ и я. Кто больше — будет судить собрание.

Начальники отделов в Киев ВОЛКОВЫМ не пускались, причина неизвестна. [...]

О следственных делах районов. Когда их смотришь — они как будто хороши с формальной стороны. А по существу — это неправильно, у нас могут быть большие неожиданности по делам этой категории. Больше всего извращений было в Кременчуге (БОРИН). В результате таких преступных действий, искривлений, гонки — временный эффект, а теперь отказы обвиняемых от своих показаний.

Были случаи, когда свидетели на допросе (Кременчуг, Онуфриевка, да и в Полтаве) подписывали сами не знали что. А иногда и не допрашивались вовсе, а протоколы допросов в их делах имеются. Было и так, что очные ставки делали, а обвиняемый не виделся со свидетелем.

Все это факт, но надо иметь в виду и обратную сторону — тюрьма оказывает огромное отрицательное влияние на арестованных. Там ходят разные слухи о ЕЖОВЕ и других: «Мол, теперь не бьют» и т. п. Враги настоящие используют это и провоцируют следствие — отказываются от показаний. Все это нужно иметь в виду. Это огромная работа.

О «литературных протоколах». Я писать их не могу и не писал их ни в Полтаве, ни в других местах. Каждый начальник УНКВД хотел, чтобы его протоколы читались в Москве. Погоня за этим и привела к таким явлениям и красивостям, как «вскрытие склада [взрывчатки]» у ВОЛКОВА.

Подобные методы «ведения» следствия покалечили наших молодых работников и в этом виноват ВОЛКОВ. Составляется канва, протокол пишется в кабинете по несколько дней, а потом подписывается всеми мерами. А теперь этим молодым работникам приходится туго, вести следствие по-настоящему они не умеют. На «этих протоколах» проводилось воспитание молодежи. «Протоколы» эти читались ВОЛКОВЫМ на совещаниях начальникам отделов и отделений. Раз хорошо написал ВОЛКОВ, то и остальные должны составлять такие протоколы, но не у всех это удавалось. Лучше удавались они ТИТОВУ. Все эти извращения привели к запущенности в следственных делах, в частности у ЧЕРНЯВСКОГО в отделе.

Какая была в этом вопросе практика? На бюро Обкома выявляется подходящая колоритная фигура, и к вечеру это лицо арестовывается. Эта практика вредная²¹.

Насчет организованной контрреволюции. Враг УСПЕНСКИЙ установку эту давал, а в результате сшивали, расшивали следственные дела, и много бесполезного времени ушло на это. Теперь опять нужно расширять, так как обвиняемые в контрреволюционной деятельности организационно не связаны.

Факты обмана партии:

1. Искazили социальное лицо в отчетах за 2 Тройки. Из Киева сказали «служащих много», БЕЛЕНЕЦ показал меньше служащих. Отчеты вернул УСПЕНСКИЙ — для отражения в отчетах хорошего лица [социального] арестованных — выгодного для него.

2. О следственных делах. Начальники отделов приняли установленные сроки безропотно. ВОЛКОВ утвердил нереальный план окончания 2000 следственных дел за два месяца. Я говорил о формировании следственно-оперативных групп. ВОЛКОВ не принял, тянул этот вопрос до тех пор, пока не получил указания зам[естителя] Наркома УССР. Потеряли 20 дней. В результате создалось такое положение с окончанием следдел, что мы декабрьский план сорвали — вместо 1431 дела передали в суды 84 и освободили 59 человек. На январь месяц осталось 1930 арестованных.

Таким образом, мы еще по существу не начали выполнять решение ЦК ВКП(б) и указания НКВД СССР о следственных делах и об остатках следственно арестованных.

О делах «битых» установки ВОЛКОВ не дал, как их оформлять.

Прокуратура про все наши безобразия знала и молчала. Есть опасения, что если прокуратура будет только контролировать, мы не вылезем. Надо, чтобы обком сказал свое слово в этом вопросе.

²¹ Секретар обкому В. Марков в Золотоніському районі заявив, що секретар райкому КП(б)У Старниченко — ворог народу. Обком партії виключив того з партії. У Лубенському районі Марков стверджував, що всі районні працівники — вороги. О. Волков негайно заарештував секретаря Лубенського райкому партії.

О ВОЛКОВЕ и себе. ВОЛКОВ груб, самомнителен и не терпит никаких возражений. Мнение, оперативную мысль сотрудника душил. Его только боялись. В работе он исходил из того, [что] «где-то есть такая-то линия в Наркомате, должна быть такая же линия и у нас в Полтаве». Вот теперь и распутываем. Оба мы виноваты в том, что некритически принимали установки врага УСПЕНСКОГО.

ВОЛКОВ популяризировал УСПЕНСКОГО (случай на П[олит]Бюро в части личной похвалы товарища СТАЛИНА работы украинских органов НКВД). «Сталин дал хорошую оценку», — говорил ВОЛКОВ. Поэтому УСПЕНСКОМУ верили.

У ВОЛКОВА я был больше порученцем, чем заместителем ВОЛКОВА. О его ошибках я пришел к выводу порядочное время тому назад. Я видел, что вводится неправильная, несознательная дисциплина и подчинение.

Я виноват в том, что не сигнализировал партии обо всем мне известном. Я как-то в последнее время записку писал докладную, отчет за десять дней, в которой указал об [этом] и проч[ем]. ВОЛКОВ эту записку не одобрил. 31 декабря в очередной записке, которую я ВОЛКОВУ уже не показывал, я написал т.т. БЕРИЯ и КОБУЛОВУ об истинном положении вещей.

Паники не должно быть в наших рядах. Партия знает, как исправить ошибки, исправит их и поможет нам в работе.

ГОРЛЕНКО. Органами НКВД в 1937–1938 гг. под руководством Коммунистической партии проведена большая работа по разгрому контрреволюционных гнезд. Наряду с этим, врагами, пробравшимися в органы НКВД, была проведена вражеская работа в органах. Элементы вражеской, антисоветской деятельности имели место в Молдавском НКВД, центральном аппарате НКВД Украины, и, как это видно, элементы этой вражеской работы были проведены и в Полтавском Областном Управлении.

Однако, каковы бы ни были недостатки, все же Ваш коллектив провел большую работу по разгрому врагов. И неверно, когда отдельные товарищи берут под сомнение всю работу, проведенную Облуправлением. Это чувствовалось в выступлении КИРИЛЕНКО, ВОРОНЫ и ПЛАТОНОВА.

Отдельные товарищи допустили ошибки и искривления в работе. Я хотел бы, чтобы выступающие товарищи говорили о конкретных фактах и людях. Неправ МИЛЬШТЕЙН, когда он заявил, что все мы знали об искривлениях, что виноваты все и что поэтому взыскание с КИРИЛЕНКО нужно снять. Мы должны подойти к каждому в отдельности и установить степень его виновности.

О БЕЛОКОНЕ. БЕЛОКОНЬ пытается смягчить свою вину, заявляя, что он имел установку только не выдвигать на руководящую работу лиц еврейской национальности, но не ограничивать прием их в органы НКВД. Разницы здесь никакой нет — это прямая контрреволюционная установка. [...]

Когда МАШОШИН мне сообщил о поданном ЧЕРНЯВСКИМ заявлении, я дал указание немедленно разобрать это заявление на заседании партийного комитета. Однако этот вопрос затянулся с разбором. После заседания партийного комитета ВОЛКОВ отправляет БЕЛОКОНЯ

в командировку в Киев. После приезда БЕЛОКОНЯ отправляет КИРИЛЕНКО в командировку. Наконец, мы согласовали провести собрание 16.XII.[19]38 г. Когда же я позвонил товарищу ВОЛКОВУ, то он мне заявил, что собрание провести нельзя будет, так как на 16.XII вызваны в обком нач[альники] райотделений, где должен быть БЕЛОКОНЬ и МАШОШИН. Все это делалось ВОЛКОВЫМ с тем, чтобы оттянуть разбор этого вопроса для того, чтобы острота упала.

О т.т. КИРИЛЕНКО и ВОРОНЕ. Я должен откровенно сказать, что больше, чем сделали они в части разоблачения искривлений, никто не сделал. Хотя с большим опозданием, но все же они сообщили об этом горкому и обкому партии. Это является смягчающим обстоятельством их вины.

Несомненно, больше них знали т.т. ЧЕРНЯВСКИЙ, ТИТОВ, ПЛАТОНОВ и МАШОШИН, которые молчали, и о них следует поговорить.

Я согласен с тем, что обстановка в Управлении была тяжелая. Но все же, если бы товарищи своевременно рассказали бы то, что говорят сейчас, то врагу УСПЕНСКОМУ не удалось бы удрать.

Какова роль в этом ВОЛКОВА и в чем его вина? Все выявленные искривления в следственной работе проводились с ведома ВОЛКОВА. Избиения арестованных проводились с санкции ВОЛКОВА, и неужели ВОЛКОВ не знал, что массовые избиения недопустимы? Это второе его преступление.

Третий момент — это его отношение к аппарату. Я понимаю, что дисциплина должна быть. Но разве дисциплина строится палочная, окриками, угрозами и т.д.? Кроме этого, причем тут «полтавские галушки»? Ведь это прямой шовинизм. Все это шло не в вашу пользу, тов. ВОЛКОВ, и поэтому Вас, как руководителя, не уважали, а боялись.

Нужно прямо сказать, что ВОЛКОВ страдает явным очковитерством и подхалимством. Это подтверждается историей со снарядом, фальсификацией протоколов, что характеризует Вас, тов. ВОЛКОВ, как непартийного работника.

Однако, товарищи, этим я не хочу сказать, что всю работу т. ВОЛКОВА нужно взять под сомнение.

О МОСКОВЕ ВОЛКОВ своевременно не сообщил в горком и обком об имеющихся материалах, и по телефону мне т. ВОЛКОВ сказал, что все это сходит на нет. Причем когда тов. ВОЛКОВ представил все материалы, он мне сказал: «Надо сделать так, чтобы это при разборе исходило не от органов НКВД». Очевидно, здесь было желание укрыть МОСКОВА.

О тов. ПОЛЯКОВЕ. Тов. ПОЛЯКОВУ придется второй раз выступить и ясно сказать, почему он допустил такие политические ошибки в своей работе. [...]

МОЛЬ. Я прекрасно понимаю важную роль органов НКВД, и т. ГОРЛЕНКО правильно указал, что они проделали большую работу по разгрому антисоветского подполья.

Но я хочу остановиться на вскрытии недочетов и извращений, с тем чтобы их обсудить и чтобы могли их исправить.

Мое убеждение таково, что ВОЛКОВ знал об антисоветской антисемитской установке, проводимой врагом народа УСПЕНСКИМ. Еще при приеме меня в органы НКВД в марте 1938 года нас, мобилизованных в органы, собрал у себя в кабинете УСПЕНСКИЙ и начал, наряду с другими, говорить, что органы НКВД имеют в своих рядах много евреев, которые заражены троцкизмом и сионизмом. С ним тогда был и КОБЫЗЕВ, хотя несколько раз оговаривался, что он не антисемит.

Если это УСПЕНСКИЙ нам, молодым работникам, говорил, то говорил и ВОЛКОВУ. ВОЛКОВ ссылается на забывчивость, что он не помнит, говорил ли ему БЕЛОКОНЬ об антисемитской установке. Это неправда, он всегда все помнит до малейших мелочей.

Был в августе 1938 года случай, что сотрудник 4-го Отдела НКВД УССР ЛЕНСКИЙ (еврей) критиковал протокол, написанный БЕЛОКОНОМ. Когда я доложил об этом ВОЛКОВУ, то он в отношении ЛЕНСКОГО сказал: «Ну, этого сиониста скоро уберут».

Знал ли партийный комитет обо всех искривлениях, допускаемых в следствии? Знали это все: ВОЛКОВ, ПОЛЯКОВ, МАШОШИН, ТИТОВ, я, но это было системой, которая казалась мне установленной [свыше].

Почему молчали члены партийного комитета, да и прочие члены партии? Я отвечаю: боялись, чтобы не быть не только арестованными, но и убитыми, о чем говорят факты, имевшиеся в Киеве.

В первые же дни моего приезда в Полтаву ВОЛКОВ мне заявил: «У нас патроны сейчас в большом расходе». Затем ВОЛКОВ сказал мне: «Работайте и бойтесь, чтобы у Вас в этом месте (показал на лоб) не было дырки». Я понял это, как прямую угрозу.

Существовало битье арестованных. Причем я очень мало бил, но я чувствовал себя неловко, что мало бью, так как была такая установка.

Теперь о лицах. Вот ФЕДОРОВ — нач[альник] отделения. Он большой «марафетчик», он может написать любой протокол. Был случай, что у него по показаниям ПОНОМАРЕНКО прошли многие из областных работников, в том числе и МАРКОВ и другие, кроме ГОРЛЕНКО.

Были случаи, что ФЕДОРОВ после оперативных совещаний у нач[альника] отдела созывал свои оперативные совещания. Когда я возражал, то ФЕДОРОВ говорил, что я разлагаю работников отделения. Вероятно, поэтому я был дипломатически переведен из первого отделения в третье. [...]

О грубости ВОЛКОВА. Когда был создан штаб по заготовке овощей и я работал в штабе вместе с ОРЛОВЫМ, то ВОЛКОВ мне угрожал: «У Вас методы работы ЗАДОЯ». Т. е. напомнил о том, что ЗАДОЯ арестован, и мне угрожает это.

Но вот такие работники, как ЮШКАНЦЕВ, КУЦЕНКО, мировые «шпионы», — получили по воле ВОЛКОВА «значки почетного чекиста», потому что могли писать такие же «липовые» протоколы. [...]

ЗЕЛЬ. Выступление ГОРЛЕНКО о том, что УНКВД нанесено большой удар по врагу, верно. Но нужно говорить о вражеской работе у нас. ВОЛКОВ по установке УСПЕНСКОГО проводил вражескую работу. С первых дней он зажал аппарат и все знал через своих ставленников. Среди сотрудников нигде таких фактов не было, как у нас.

Случай с ГАВРЕГО. Из Лубен было послано письмо в ЦК об извращениях в следственной работе. В письме просили заявление ВОЛКОВУ не посылать. Оно у ХРУЩЕВА не было, и УСПЕНСКИЙ переслал ВОЛКОВУ. Заподозрили ГАВРЕГУ, он грязный, но арестовывается только после заявления и становится участником организации.

КУЦЕНКО вел грязную работу, он честных коммунистов превращал в врагов, и ему место в тюрьме.

По анонимкам не проверяли фактов, а искали авторов.

О сигналах в отношении вражеской деятельности ВОЛКОВА думали с ВОРОНОЙ и КИРИЛЕНКО, но говорить было нельзя.

Когда УСПЕНСКОГО разоблачили, сразу решили идти, и пошли в Горком и заявили. ВОЛКОВ всех оперработников врагами называл. На совещаниях говорил оскорбительно по адресу сотрудников.

Аресты сотрудников незаконные. Некоторые из них «делались» членами организации (КЛОЧКО, КАМЕНЕЦКИЙ, МАКАРЕНКО, БРАЙЛОВСКИЙ). А теперь, когда туго с показаниями, давайте акты о вредительстве этих сотрудников — распорядился ВОЛКОВ.

Был такой МАРЧЕНКО (бывший) нач[альник] спецотдела связи, разоблачивший СВИДЕРСКОГО при ВЕПРИНСКОМ). НЕРОВНЫЙ установил его невиновность и написал рапорт об освобождении, но ПОЛЯКОВ заявил: «Ничего, пройдет».

Фабрикация очных ставок — БОГРОВ — ХЕЙФЕЦ, они друг друга не знают. Это сам ЧЕРНЯВСКИЙ говорил.

Арестованный КАМЕНЕЦКИЙ был до того избит, что чуть с ума не сошел. ГРЕБЕНЮК знает это.

Для избежания выделены были «боксеры» из молодых [сотрудников] в опергруппе АЛЕКСЕЕВА. ВОЛКОВ их инструктировал об избежании, и после таких допросов получались показания.

Все руководящие протоколы писались ВОЛКОВЫМ из головы. Например, дело «Священный союз партизан». О вскрытии новых линий давал установку ВОЛКОВ. По делу «партизан» фигуранты брались по списку подлежащих пропуску по протоколам. ВОЛКОВ в списке отмечал птичками (ПИЛИПЕЦ, ДРОБОТ, КАЛАШНИК из Золотоноши). Эти лица прошли по протоколу ТИЩЕНКО. Протокол писал ВОЛКОВ, я его носил к БЕРЕСТНЕВУ, и ТИЩЕНКО подписал при мне не читая, так как не видел без очков.

О Золотоноше и вербовках ЕРМАКОВА (бывший военком). И я и КАНЕВСКИЙ сомневались в правдивости показаний, но освободить их не решались. Для разрешения этого вопроса дело в таком виде, как оно было, я привез в Полтаву и вызвал недовольство мной со стороны руководства.

ВОЛКОВ давал линии и по ним велись дела.

ВОЛКОВ был очень недоволен КУРАЧЕКОМ и ЧЕРНЯВСКИЙ на одном из оперативных совещаний компрометирует КУРАЧЕКА. Вскоре КУРАЧЕК прошел по показаниям ЛАЗУРЕНКО, как участник организации. Так прошел и АНДРЕЕВ. ЗАГОРУЛЬКО не шел на очные ставки, так его обработали через ЛАЗУРЕНКО.

ВОЛКОВ зажимал комсомол. Был такой случай — проходило юбилейное собрание, оно затянулось. Когда я читал уже резолюцию, зовет меня ВОЛКОВ к себе и берет в «шторы»: «Собрание затягиваете». Я говорил МАШОШИНУ и КИРИЛЕНКО об этом, но ничего не делалось.

Мне известно, что ВОЛКОВ сидел под стражей. Проходил по семи показаниям и это скрывал от партии. Об этом мне говорил работник центрального аппарата ТАНЕЛЬЗОН, когда он был в Полтаве. ЧЕРНЯВСКИЙ об этом тоже знал и никому не говорил.

В Гребенке я говорил с начальником райотделения ВОРОНОЙ, который мне заявил: «ВОЛКОВ дал установку перебить все демченковские кадры». [...]

У ПОЛЯКОВА репрессированы родственники жены. ПОЛЯКОВ написал об этом рапорт, а УСПЕНСКИЙ на этом рапорте пишет: «В личные дела ПОЛЯКОВА не вмешиваюсь».

ПОЛЯКОВ получил письмо от жены, оно пошло прямо в Отдел Кадров, от парторганизации это скрывали.

ЧЕРНЯВСКИЙ — ставленник ВОЛКОВА. ВОЛКОВ перетащил его из Днепропетровска. Во время банкета у ВОЛКОВА, куда были приглашены «значкисты», ЧЕРНЯВСКИЙ пил тост за ВОЛКОВА, а ВОЛКОВ за ЧЕРНЯВСКОГО.

Об антисемитизме БЕЛОКОНЯ. В ноябре ВОРОНА спрашивает меня: «Может ли быть такая установка?». Я сказал, что «это чепуха». И когда разоблачили УСПЕНСКОГО, то от КИРИЛЕНКО я узнал, что установка такая действительно есть, что исходит она из Киева, причем БЕЛОКОНЬ предупреждал якобы, о чем он говорил и КИРИЛЕНКО, чтобы обком не знал об этом.

Тогда шла речь и о том, что постепенно пересажат всех старых работников и что МИЛЬШТЕЙН не выдвинут на начальника отдела, как еврей. [...]

На совещании в обкоме ВОЛКОВ скрыл, что УСПЕНСКИЙ — враг, и сохранил себя этим от разоблачения.

Меня, ВОРОНУ и КИРИЛЕНКО расценивали как группировку. Об этом говорил БЕРЕСТНЕВ. Да и МАШОШИН недавно встретил меня ожидающим ВОРОНУ, спросил: «Что, дружка поджидаешь?».

ТПО у нас — это «барахолка», снабжается определенный круг работников. [...]

После решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома ВОЛКОВ продолжает обманывать Партию по срокам по следственным делам.

ВОЛКОВ недавно рассказывал о том, как он подработал председателя Полтавского Облсуда и Облпрокурора, рассказав им и о том, как посадили таких, как он, в Днепропетровске. [...]

ОНИЩЕНКО. Я выдвигенец, работал фельдъегерем, а с марта 1938 года — инспектором отдела связи. И только 27 июля или июня, точно не помню, был переведен на оперативную работу и направлен на практику в группу КУРАЧЕКА.

Первые дни моей работы никак не были сомнительны, а уже когда начал я писать под диктовку тов. КУРАЧЕКА протокол обвиняемому

САЕНКО — бывш[ему] командиру партизанского отряда, который только сидел и слушал, протокол был написан на 50, кажется, листах, — тут уже начал сомневаться. Но в то же время подумал, а может быть, следователь уже все это взвесил? Но во всяком случае допросы не так я себе представлял и судить этого я не мог, так как все это для меня новым было в аппарате. Через две недели забирают меня в 5-й отдел. Познакомившись со мной, БЕРЕСТНЕВ дал мне дело арестованного КУЗНЕЦОВА — бывшего нач[альника] моб[илизационной] части Полтавского райвоенкомата для ознакомления. В тот же вечер привозят на допрос. БЕРЕСТНЕВ предупреждает: «Учтите же — это крепкий шпион, который требует крепкой работы».

Простоял 10 дней, не рассказывает ничего. Вызывает БЕРЕСТНЕВ меня и говорит: «Плохо работаете, так он у нас никогда не признается».

Я все это взвесил, какие могут быть последствия. Начал присматриваться к следователям другим и увидел, [что] методом допросов были: стойка на ногах непрерывно дни и ночи, заниматься всякими видами физкультуры и избивание. И только тогда понемногу начал и я применять это. Применяли эти методы допросов, я видел, ЗЕЛЬ, ТОМИН, ПОЛЯКОВ, БЕРЕСТНЕВ. [Они] ничего не говорили, а заходя в комнату, только меня спрашивали: «Не рассказывает — расскажет». А когда я несколько раз ударил арестованного, то БЕРЕСТНЕВ мне сказал, что «бить нужно осторожно». В каком смысле — я не понял. Но догадывался — чтобы не было видно никаких знаков. И только ШЕВЦОВ мне сказал, что бить нельзя. После чего я не тронул пальцем ни одного арестованного и не применял никаких методов допроса, хотя и меня упрекали в том (ПОЛЯКОВ — бывший нач[альник] VI отдела). И мне больше не давали арестованных, как следователю, который не умеет быстро «колоть» арестованных.

Протоколов я никаких не писал до октября и использовался для технической работы в Отделе.

О методах допросов и составления протоколов знала вся партийная организация, все сотрудники, и это все поощрялось сверху донизу.

Как же допрашивали свидетелей? Я, как исполнитель одного группового дела по Зиньковскому району, при передопросе свидетелей убедился, что допросы производились путем подписания чистого листа бумаги, а содержание протокола писалось, как это требовалось для дела (КУЦЕНКО). Я был очевидцем, как было направлено дело из Кременчуга для освобождения арестованного за неимением доказательств, а из этого дела сделали так, что обвиняемый пошел, кажется, по первой категории.

В части арестов. Аресты производились просто. Так, например, ВЛАСОВ, бывший сотрудник фельдсвязи, — за анекдоты. Справка была выписана на увольнение, а ВОЛКОВ написал «арестовать». ЧЕКАЕВ — бывший сотрудник секретной части распред[елителя] тюрьмы, написал одному бывшему заключенному, отбывшему наказание, справку, где находится его воинский билет, — и все. Других материалов не было. И ряд других: БАЗАНОВ, РОМОДАН. За то, что эти дела не были направлены по подсудности, бывш[ий] Нач[альник] IV отдела БЛАНК получил выговор

с отстранением от занимаемой должности. Все дела были переданы другому начальнику отдела, ХОХЛОВУ, и арестованные были освобождены.

В разговоре с ЮШКАНЦЕВЫМ он мне сообщил, что по Градижскому району он дал 65 шпионов. Мне кажется, так как я вошел теперь немного в курс дела, это были сплошные липовые шпионы. Может быть, кто из них и заслуживал наказания, но не как шпион.

Считаю, что я и весь молодняк, пришедший в органы УГБ, такими методами допросов и протоколов испорчены, и нужно уделить особое внимание нам в дальнейшей работе. [...]

КАЛЮГА. Хочу сказать несколько слов о себе и отделе кадров УНКВД, где я работаю.

В январе 1938 года в связи с компрометирующим меня заявлением, до сих пор не разобранным, я был из Гельмязовского района²² переведен в отдел кадров на должность врид. старшего инспектора и до сих пор являюсь вридом.

Несмотря на мои требования, ни ЦИРЛИН до марта 1938 года, ни БЕЛОКОНЬ до июня 1938 года никаких мер не приняли. В июне выслан был некомпетентный человек ПОБЕРЕЖНЫЙ, который сделал поверхностное обследование в районе. Но этим материалам до ноября 1938 года никакого хода не давалось.

Наконец, материал был поставлен на заседание партийного комитета. Партийный комитет усомнился в достоверности представленных отделом кадров материалов, настолько они были явно ложными, и поручил проверку МОЛЮ. [Было] установлено, что это ложь. Тем не менее я почти год не имею определенного объекта работы в отделе кадров, а являюсь случайным порученцем.

Видя постановку дела в отделе кадров, невероятнейший зажим сотрудников в УНКВД, я ежеминутно ожидал ареста. Почему это было? Из всех выступлений вчера и сегодня видно, какой зажим создал ВОЛКОВ в аппарате. На словах он был за генеральную линию партии, а на деле не было большего врага критики и самокритики.

Однажды МИЛЬШТЕЙН на партийном собрании выступил по какому-то поводу против ВОЛКОВА, а на второй день поступило в ОК требование произвести проверку МИЛЬШТЕЙНА. Я считаю, что это было в связи с выступлением МИЛЬШТЕЙНА. [...]

О выступлении ЧЕРНЯВСКОГО. Он выступил неискренне. ЧЕРНЯВСКИЙ заявил, что он знал об искривлениях, но боялся ВОЛКОВА. Ничего подобного. Он был правой рукой ВОЛКОВА и принимал участие в фальсификации протоколов. ЧЕРНЯВСКИЙ на вечеринке у ВОЛКОВА поднимал тост: «Под большевистским руководством Александра Александровича...». А тут говорит, что боялся. Это двурушничество. И ВОЛКОВ восхвалял ЧЕРНЯВСКОГО, об этом знают МАШОШИН, ПОЛЯКОВ, которые были на вечеринке.

ЧЕРНЯВСКИЙ говорит, что делал МИРОНЕНКО замечания за избиения. А делал ли он замечание ФИШМАНУ за то, что тот бил

²² Нині Канівський район Черкаської області.

арестованных в половые органы, или за то, что кто-то заставлял «ползть на стенку арестованных»? Поэтому говорить, что антисоветскую деятельность проводил один ВОЛКОВ — неверно.

Антисемитскую политику проводил не один ВОЛКОВ, но и ПОЛЯКОВ и БЕЛОКОНЬ, о чем свидетельствуют случаи с ГЕРГЕЛЬ и ГИНЗБУРГ.

Мне рассказывал КАНЕВСКИЙ при СОРОКОТЯГЕ, что ПОЛЯКОВ вызвал его из Золотоноши к себе и давал директиву арестовать 300 человек. Это было в июле 1938 года, арестовали 70 человек без материалов, а теперь доказать виновность не могут. [...]

КОСТЬ. Органы НКВД и в частности работники Полтавского Областного Управления провели большую работу по разгрому врагов в Полтавской области — этот факт неопровержим.

Наряду с разгромом врагов, мы имели целый ряд искривлений и нарушений революционной законности и Сталинской Конституции.

Пример. Возьмем Лубны и посмотрим — какое количество шпионов было взято с Лубен. А если присмотреться, то там будет совсем иная картина. Взять хотя бы дело БРЕНЕРА, о котором велось расследование и материалы направлены в НКВД УССР. Обвиняемые категорически отрицали свою шпионскую деятельность и говорили, что показания они давали исключительно под физическим давлением, чем руководил ТИТОВ. Вербовка производилась в камере.

[...] Эти же факты в Полтаве подтвердил нач[альник] отделения ХВО БОЛЬШУНОВ в кабинете БОГАТЬКО, заявив: «У Вас есть большой липогонщик, который сидит на втором этаже». И на мой вопрос, о ком он говорит, ответил: «О ТИТОВЕ». И что по этому вопросу будет разбираться дело на партийной организации ХВО.

В Областном Управлении были сигналы о неправильных методах ведения следствия. Возьмем Семеновку — было точно доказано, что там вынуждали свидетелей давать ложные показания. Однако когда я вынес заключение о наложении взыскания на работника ВИСЛОУХА, предложив уволить его из органов и арестовать на 15 суток, то мне ВОЛКОВ при докладе сказал, что я иду на защиту врагов и должен это учесть. Это был намек на то, что я верю арестованным и что мне наступят на хвост.

Были сигналы и по Зинькову. Об этих безобразиях сигнализировал ЗЕЛЬ, я и др[угие]. Но вместо того чтобы исправить эти вражеские действия, КУЦЕНКО выдвинули начальником группы. Этот КУЦЕНКО, как выяснилось, пропустил по показаниям 52 человека, что явно говорит о вражеской работе. Неужели из них никого не было честных большевиков, коммунистов? Об этом ЗЕЛЬ при мне докладывал ПОЛЯКОВУ, но тот сказал: «Доложите ВОЛКОВУ». И все.

Возьмем Кременчуг — дело ГУДИМА. Ведь было видно без расследования, что ГУДИМА был убит при допросе. И мною было доложено, что убили его БОЙКО и БАШТОВЕНКО. Об этом доказано было материалами, но дело так оттягивали, пока БОЙКО не уехал. По Кременчугу были и другие дела — арестовали, судили (через альбом), но допрашивать не допрашивали. Такой факт был и дело изъято, когда капитана

Кременчугского порта осудили на 10 лет, а он не был допрошен. Об этом было известно ВОЛКОВУ и ПОЛЯКОВУ.

О МОСКОВЕ. Приблизительно в середине ноября ВОЛКОВ вызывает и спрашивает меня: «Есть ли материалы на МОСКОВА?». Я ему сказал, что есть, и отдал их. ВОЛКОВ на меня набросился — почему я ему не сообщил о них. Я ему ответил, что «материалы были у Вас раньше, и Вы их знаете, да кроме того Вы же в Днепропетровске работали с МОСКОВЫМ. А эти материалы пришли из Днепропетровска, там же был и допрос арестованных». ВОЛКОВ ответил, что «тогда показаний не было, но их раньше можно было взять». ВОЛКОВ мне угрожал тем, что уже договорился с секретарями обкома САФРОНОВЫМ и МАРКОВЫМ записать мне за это²³. Когда я спросил: «За что?», сказал, что я расследование не производил, а только технически выполнял, никуда не выезжая. ВОЛКОВ предложил мне писать объяснение. [...]

Нужно поставить вопрос партийности ВОЛКОВА, ему не место в партии.

БОГАТЬКО. В своем выступлении тов. ГОРЛЕНКО указал, что у некоторых выступающих проскальзывает сомнение в правильности проведенной работы. Я считаю, что таких сомнений у нас нет, так как мы боролись с врагом. Впечатление такое создалось вследствие того, что говорилось исключительно об отрицательных сторонах работы и искривлениях.

Об отрицательных сторонах буду говорить и я. Виновны в искривлениях многие. Виноват и я, причем эти искривления появились прежде появления УСПЕНСКОГО на Украине.

Буду говорить о себе. Следственной работой я начал заниматься в полном объеме в Кременчуге, куда прибыл в июле 1937 года, т. е. к началу массовой операции. Руководил Кременчугским Горотделом известный всем БОРИН. В конце июля 1937 года я поставил перед БОРИНЫМ вопрос о предоставлении мне квартиры. На это БОРИН ответил, что разговоры о квартире сейчас вредны, отвлекают от классовой борьбы. Я ответил, что не ему вести разговоры о классовой борьбе, так как именно БОРИН вначале операции скрылся на полтора месяца на курорт. С этих пор БОРИН начал меня зажимать.

Через некоторое время меня в Харьков вызвал Нач[альник особого отдела] ХВО ПИСАРЕВ и пообещал «научить меня добывать показания». И показали, как «обучали» ХВАЛЬКО (нач[альника] политотдела). Это меня толкнуло на применение физических методов насилия.

Возвратившись в Кременчуг, я принялся работать по «новой системе». Когда мне попался один венгр — старый член партии, то я никак не мог убедиться в его виновности. Тем более, что кто-то из работников Горотдела предупредил, что этот венгр выступал против БОРИНА на партсобрании. Поэтому я и не нажимал на венгра. Узнав об этом, БОРИН вызвал меня к себе и в присутствии секретаря парткома НОСКОВА предупредил, что я не борюсь с врагом и могу потерять партбилет.

²³ Идеться про партійне покарання — наприклад, «записати догану».

БОРИН нагрузил меня также выполнением приговоров осужденных по Тройке. Однажды в гараж, где приводились в исполнение приговоры, явился Нач[альник] ОК УНКВД НОВОСАД, которого я выгнал, чтобы он не мешал. С этих пор гонения со стороны БОРИНА возросли.

Затем меня БОРИН откомандировал на Д[альний] Восток для сопровождения [воинской] части, а по возвращении оказалось, что мои обязанности выполняет другой — ГРАВЕЛЬ. Еще недели через две меня перевели на должность пом[ощника] Нач[альника] ОО 25²⁴.

Когда я получил показания от ВИЛЬЧИНСКОГО всего на девяти листах, то бывш[ий] Нач[альник] ОО 25 выгнал меня с этим протоколом.

Второй мой подследственный — БАЗАН, армянин — на 15-й день следствия заявил, что согласен подписать любые протоколы. Но я не захотел писать такие показания. В связи с этим, КУЛИКОВСКИЙ мне заявил, что в этом проявляются мои «старые грехи», т. е. нежелание бороться с врагом, и что я не буду работать в должности пом[ощника] Нач[альника] ОО 25. Это и есть причины, заставившие меня беспрекословно выполнять приказания начальства.

Я как-то на одном оперативном совещании выступил с заявлением о том, что арестовываются люди с небольшими компрометирующими данными, а с большими компрометирующими данными санкция не дается. За это ВОЛКОВ меня назвал чуть ли не троцкистом. Был случай, что ВОЛКОВ выгнал меня с доклада на Тройке. У меня без моего ведома забрали сотрудника СУПРУНОВА, а когда я пробовал протестовать, то ВОЛКОВ послал меня в...²⁵.

Нынешний застой в делах объясняется тем, что многим врагам писали протоколы с частью «липы», что дает возможность многим врагам, как ТРУБНИКОВУ, отрицать все без исключения показания. Тогда как ТРУБНИКОВ, несомненно, участник военно-фашистского заговора. То же по следам ДИТКОВСКОГО и ДИТКОВСКОЙ, ДЕРЕЗНЯК и ВЕРДЖИЦКИЙ, СЕРОКВАСОВСКОГО, КЛЕТНОГО, ЯСЕНКО, потому что следствие по делам чрезвычайно запутанно. Тоже по делу ОХРОМОВИЧА, ВОЙНА-ДАНЧИШИНА: по последнему протоколу я не могу найти даже, кто писал протокол, в котором невозможно разобратся. Я его допрашивал и бил в Кременчуге, он дал показания, но теперь ото всех показаний отказывается²⁶.

Так называемые альбомные дела стряпались на скорую руку, вследствие этого сейчас трудно разобратся в них.

²⁴ Ідеться про особливий відділ 25-ї стрілецької дивізії.

²⁵ Так у тексті.

²⁶ Ідеться про «викриття» обласного «центру правотроцькістського підпілля». До його складу нібито входили секретар обкому партії Удовиченко, колишній голова облвиконкому Жученко, колишній завідувач відділу обкому партії Харченко, колишній командир 25-ї стрілецької дивізії К. Трубников. «Центр» взаємодіяв зі шпигунами «воєнно-фашистської змови» у Червоній армії та українськими націоналістами. Арештували понад 120 партійних та господарських керівників, майже стільки ж командирів та політпрацівників.

В отношении практики «проводить по показаниям». Я сам был проведен по показаниям ГОЛОСНОГО, бывш[его] Кременчугского коменданта, как «барахольщик», за то, что я получил от ГОЛОСНОГО валенки для командировки на Дальний Восток.

Эта практика приводила к тому, что многих оперработников враги, посаженные в тюрьму, ожидают к себе, как мне об этом заявил арестованный АМЧЕСЛАВСКИЙ, осужденный по Военной Коллегии.

Мне говорили, что ТОМИНА должны были «провести по показаниям» по указаниям сверху.

БЕЛОКОНЮ нечего пытаться скрыться за ВОЛКОВА, так как он сам неискренен.

СТАРЧЕНКО. Мы не проводили в жизнь решения ЦК и СНК СССР. Это нас и привело к таким последствиям.

С начала организации Областного отдела начали бить арестованных, и били крепко настоящих врагов, которые называли чекистов фашистами, а потом уже били всех арестованных.

Как проводился арест: собирали по телефону справки все — и я, ЩЕРБИНКИН, ЛЕРМАН и др[угие] — и на основании этих справок арестовали.

С приездом ВОЛКОВА начали арестовывать сотрудников. И один раз на меня тоже напоролся ГАЛУН и я уже боялся, чтобы и меня, как старого чекиста, не посадили.

В настоящее время нам надо подходить с тем, чтобы действительно разоблачить настоящих врагов, несмотря на их отказы.

О враге УСПЕНСКОМ. Меня удивляет, почему ВОЛКОВ не сказал до совещания в обкоме о бегстве УСПЕНСКОГО? Я считаю, что сделал он это умышленно. О ТОМИНЕ ВОЛКОВ заявил, что он не пользуется политическим доверием, а по-моему, нужно посмотреть, кто не пользуется политическим доверием — ТОМИН или ВОЛКОВ.

О КИРИЛЕНКО. Он боялся раньше говорить о той контрреволюционной установке, которую он получил от БЕЛОКОНЯ. И если бы сказал при УСПЕНСКОМ, то его давно бы не было и уже забыли, в какой альбом он вошел.

Решение партийного комитета правильное в отношении вынесенных взысканий БЕЛОКОНЮ, КИРИЛЕНКО и ВОРОНЕ.

ТОЛМАЧЕВ. Основной удар правильный. Но чекисты, в особенности руководство, оторвалось от партии и не считалось с ее решениями. ГАВРЕГО прямо сказал: «Нам не нужны партработники, а кадры, которые могут бороться с врагами».

Будучи в Ново-Санжарах, однажды мне позвонили [и приказали] арестовать 25 человек и доставить в область, что я и сделал. Впоследствии оказалось, что их неправильно арестовали и я их освободил. Это относится уже за счет руководства ВОЛКОВА.

ЛЕВЕНЕЦ вел вражескую работу. Он прямо мне заявил, что «если будете ходить в Райпартком, завтра будете у ВОЛКОВА».

Когда я приехал в область, я, как слабый работник, не мог вести хорошее следствие и писать большие протоколы. Тогда ВЕЛИКИЙ меня учил

и вечером показал, как допрашивать, и начал бить при этом. **ВЕЛИКИЙ** сказал: «Я имею указание от **ВОЛКОВА** иметь к утру показания».

Вот сейчас мы с **ШЕВЦОВЫМ** имеем 18 арестованных, все битые, отказываются от своих показаний, а указаний нам никаких нет. И мы не знаем, что делать.

БЕРЕСТНЕВ. Оценку работе уже делали. Я буду говорить об искривлениях и о себе, многие о себе говорят мало.

Были искривления — избиения были, фабрикация была, и частично я об этом знал. Это исходило от **ВОЛКОВА** — это установки Киева: создаст схему, напишет руководящий протокол, и начинается разворот дела, отсюда и искривления. Об этом все знали.

Указаний о нанесении удара правильного именно по врагу не было, бей врага (идет речь не о физическом избиении).

Такого зверя, как **ВОЛКОВ**, я впервые встречаю. Попробуй ему кто-либо возразить.

В чем я виноват? Я, как большевик, не сигнализировал об этом, не хватило мужества. Дело **ЛОБКОВСКОГО** — написал протокол, попадает **ВОЛКОВУ** — где вербовки, связи? Протокол **ТИЩЕНКО** написан артистически **ВОЛКОВЫМ**. Протокол **ТИЩЕНКО** подписал. **ВОЛКОВ** говорит: «Знает враг свой протокол».

Я справки не писал, аресты производились по старым справкам. Я знаю, что все враги, кто был посажен по этим справкам.

Были заведены таблички о результатах работы с арестованными, и если нет сознавшихся, то следует резолюция на табличке: «Когда же кончится это безобразие?».

Дело **КЛОЧКО** было у меня, что ничего нет, кроме того, что был в плену у немцев. Дело перешло в оперативную группу. Его нужно было выпустить тогда же. Такое же положение по двум делам милицейским.

С молодыми кадрами я не работал, бить я запрещал, но стоять стояли.

Выступление **ЗЕЛЯ** удивляет, он же был нач[альником] оперативной группы и в 3 дня по 70 дел заканчивал, а не говорит, как же это происходило. Это нужно посмотреть. [...]

САВЕЛЬЕВ. ЦК ВКП(б) помог вскрыть нам эту вражескую работу. Таких чудовищных дел я не видел, как в органах НКВД. Все это потому, что парторгата была в руках **ВОЛКОВА**. **КИРИЛЕНКО** не так виноват, мы все виноваты.

Дела были проведены в цель. Я кончил два дела (я самый молодой), из них один честный, другой — враг. И я убеждаюсь, что не все здесь вражеские дела.

Следователь **ТИМЕНКО**. Протоколы его сплошная липа, учил его **КАРАСЕВ**.

Вся молодежь — чекисты — испорчена, их нужно вернуть из особых органов.

ВОЛКОВ говорил мне, у нас комсомольцы, пришедшие раньше Вас, «орлы». «Орлы» — это **ФИШМАН**, **МИРОНЕНКО**, **НЕРОВНЫЙ**,

молодежь, покалеченная ВОЛКОВЫМ. Нужно посмотреть на всех «значкистов»²⁷. [...]

ВИХРОВ. Нам известен гнилой букет, который сейчас разоблачен, но он разоблачен не весь.

Я стал седым из-за того, что сам 6 месяцев сидел в тюрьме и несколько дней в доме умалишенных, куда меня упрятали враги.

Несмотря на ухищрения врагов МАЗО, ВОЛОДАРСКОГО, советский суд меня оправдал.

Я наблюдал нравы тюрьмы, в особенности Лубенской. Вот сидит между нами ТИТОВ, организатор избиений, убийств в Лубенской тюрьме. ТИТОВ, которого метят вместо ПЛАТОНОВА начальником 3-го отдела. Его нужно проверить.

Нужно проверить также ФЕДОРОВА, которого называют «марафетчиком». Нужно узнать, откуда и почему он в мирное время получил высшее образование. Я — батрак и не мог в мирное время получить образование. [...]

Нужно проверить также наш Спецторг, который превратился в какую-то «барахолку» под руководством БЕРЕСТНЕВА.

ТИТОВ. В Лубнах я работал в 1937 году до июня-июля, потом меня перевели в Харьков в ХВО. В ноябре возвратился в Лубны, где работал с 2 человеками. РЫБНИКОВ, который дал военно-фашистскую организацию, и... давшего 8 шпионов²⁸.

Фактов, о которых говорит здесь ВИХРОВ, о том, что арестованные выбрасывались из окон или в тюрьме умирали, при мне не было.

Я крепко боролся с врагами. Признаюсь, что я допускал искривления, избиения, но я вскрывал врагов. Вот дело САЕНКО, петлюровского комиссара, крупный шпион, по делу которого вскрыто человек 16 шпионов, арестовывались шпионы.

Заявление ВИХРОВА — это клевета. Есть люди, которые хотят свою бездеятельность представить, как заслугу.

Искривления были. Бить не били, но стоянки были. Мы работали с белогвардейцами, вскрыли настоящую организацию «РОВС», если кого и били, то не сильно²⁹.

Были и ошибки: по показаниям кулака БАБОШКИНА были арестованы бедняки, но после проверки они были освобождены. Был ошибочно арестован ОРЛОВ, но после выяснения был освобожден.

Насчет фальсификации протоколов. Такой протокол был написан ДОБРЯНСКОМУ — он сознался. Фальсифицировал этот протокол

²⁷ Ідеться про нагороджених знаком «Почесний чекіст».

²⁸ Так у тексті.

²⁹ Після орієнтування НКВС УРСР у травні 1938 р. про те, що у всіх областях України за завданням «РОЗВС» діє білогвардійське офіцерське підпілля, О. Волков на допиті генерал-майора Добрянського, колишнього голови військово-округового суду в Варшаві, а потім при штабі Врангеля, застосував тортури. Вибив зізнання, начальник УНКВС передав сфабриковані протоколи своїм заступникам й почав вимагати повного розкриття «білогвардійського підпілля». За цією справою арештували 500 осіб.

ВОЛКОВ. Напрасно ПОЛЯКОВ упрекает меня в фальсификации протоколов — я этого не делал. В моих протоколах преувеличений нет. Например, протокол КОЗЛОВА целиком правдивый, он пытался оговорить бывш[его] Начальника Хорольского РО НКВД МИРОШНИЧЕНКО. Но я выяснил этот момент, доложил ПЛАТОНОВУ и в протокол не поместил, убедившись, что оно ложно.

Я считаю правильным написать хороший протокол, соответствующий действительности. Никому ничего из обвиняемых лишнего я не приписал.

Все «липогонство» идет из IV отдела. Оттуда пришла и партизанская линия и «Молодая Генерация». Арестовали бывшего секретаря Лубенского РК ЛКСМУ ВОЛОЩЕНКО. А через два дня по телефону запрашивают сведения о компрометирующих данных на комсомольцев. А потом этих комсомольцев арестовали. Это похоже на «Молдавское дело». Тоже по партизанской линии, которая ВОЛКОВЫМ взята от арестованных IV отдела. III же отдел арестовал всего 15 партизан.

IV отдел ВОЛКОВЫМ всегда выставлялся в пример III отделу.

Нужно присмотреться к делам ФЕДОРОВА. Вот, например, дело ГАВРЕГО. Поступила анонимка о безобразиях в Лубенском РО НКВД, заподозрили ГАВРЕГО, и его посадили. Потом оказалось, что КОЛОТИЛО дал показания на ГАВРЕГО. Может быть, и так, но я в этом сомневаюсь.

Нужно присмотреться к делам бывш[ей] Полтавской опергруппы, которой руководил тов. ЗЕЛЬ. Как получилось, что в 2–3 дня арестовывалось по телефону по 100 человек. В 2 дня следствие заканчивалось, и дела докладывались на Тройку по 70 человек за 20 минут.

Касались моей работы в Харькове. В Харькове я работал неплохо, раскрыл дело НЕКРУТЕНКО в Осоавиахиме, вскрыл [хищение] полмиллиона патронов. [...]

БЕЛЕНЕЦ. Решение партийного комитета об антисоветской практике в отделе кадров, проводимой БЕЛОКОНОМ, правильное. Все это доказано, и исклечение БЕЛОКОНЯ из партии собрание подтвердит. Знал ли ВОЛКОВ? Я считаю, что да. ВОЛКОВ об антисоветской установке знал, и, по-моему, не только от БЕЛОКОНЯ, а имел их от УСПЕНСКОГО.

Арестованные были при ПЕТЕРСЕ и ВОЛКОВЕ. При ПЕТЕРСЕ были больше одиночки и немного групп. С приездом ВОЛКОВА начали формироваться полки и т. д. Как это делалось? ВОЛКОВ нарисовал схему, наметил линии, и потом пошли полки, батальоны и т. д. Однако под сомнение всю работу, проведенную по разгрому врагов, брать нельзя. [...]

Была практика у нас не освобождать. И если следователь видел, что нужно освободить, он боялся этот вопрос поднимать. Ибо скажут, что он плохой следователь. Отдельные работники освободили часть, за это т. ВОЛКОВ крепко поругал их, и после этого до решения ЦК и СНК СССР освобождений не было.

I Спецотдел — было запутанно и отчеты составляли по данным Отделов. ПИСАРЕВ и ПЕТЕРС с вредительской целью путали и не обращали внимания на I Спецотдел. Кроме этого, бывш[ий] нач[альник] I Спецотдела ТОМИН болел и не работал.

Кажется, в июле месяце была получена директива — составить отчет за время работы Наркомом тов. ЕЖОВА. Материалы брали из карточек,

другими данными ВОЛКОВ запретил пользоваться. Составили отчет, получилось жуткое дело и по соцпрослойке, окраске и т.д. ВОЛКОВ заставил переделать, и когда я сделал по данным Тройки и Военной Коллегии, положение стало лучше в части соцпрослойки, так как в карточках не было указано, что они бывшие петлюровцы. Но все же служащих было 90–80 ч[еловек].

Этот отчет Наркомат Украины возвратил потому, что много служащих и колхозников. ВОЛКОВ вызвал меня, выругал и сказал изменить. Я просто взял, исправил цифру, уменьшил количество служащих и колхозников, после чего отчет был принят Наркоматом УССР.

На сегодняшний день осталось неприведенными приговоров на 85 человек по Тройкам от 29.X и 1.XI.1938 г. Протоколы мы выпускали на третий день, но в связи с праздниками протоколы 13 ноября были закончены и ВОЛКОВ все время не подписывал их, поэтому [приговоры] и не приведены в исполнение. [...]

О фальсификации протоколов со стороны ФЕДОРОВА и ТИТОВА можно подтвердить тем, что ВОЛКОВ им очень доверял, и все так называемые руководящие протоколы допросов обвиняемых писались ВОЛКОВЫМ совместно с ними. [...]

МОКЛЯК. Я приехал из Чернигова в мае месяце. Там меня учили правильно бороться с действительными врагами. В Полтаве я попал в отделение ТИТОВА. Мне дали несколько дел-одиночек. Нечего греха таить, были они по соцпроисхождению из рабочих и крестьян-бедняков. Правда, фамилии их я сейчас не помню. Я пришел к БЕЛЕНЦУ регистрировать дела. БЕЛЕНЕЦ мне сказал: «Что же Вы пишете «бедняк»? Это не пройдет», т. е. толкал на то, чтобы не показывать правильное социальное лицо арестованного. Вообще БЕЛЕНЕЦ не хотел регистрировать одиночек, а только группы, и я вынужден был искать, куда его приткнуть, но они остались все-таки одиночки.

Была фальсификация протоколов, и отсюда неправильные аресты и сильное избивание. В Чернигове ЛЕПЛЕВСКИЙ, ныне враг народа, дал установку бить сознавшегося и несознавшегося, а отсюда и пошло избивание. Правда, не во всех областях это в одинаковой мере применяли, в Полтаве избивание применялось в очень больших размерах. [...]

У нас есть перегиб в отношении агентуры. Всю хорошую агентуру пересадили, а она же нам разрабатывала врагов, и враги, безусловно, ее называли, а мы ее сажали. Это неверное действие.

Мне бросилась в глаза неправильность наших действий — это по партизанам. ВОЛКОВ приехал из Киева и объявил, что начнем операцию по партизанам. Партизан начали устанавливать и сажали по спискам с компрометирующими материалами, и тут есть много искривлений. Основное зло в отношении незаконных врагов некоторых партизан (МАКУХА).

Когда я приехал, ТИТОВ мне показал протоколы, и там были целые полки, и я ТИТОВУ сказал, что таких протоколов я не видел — масса людей проходит.[...]

ТОМИН. Наши органы провели большую работу по разгрому врагов. За извращения мы должны отвечать, каждый в той степени, в какой

виноват. Я приехал в Полтаву в октябре 1937 года. До этого работал в Харькове, там били. Причем в IV Отделе меньше, чем в III и V. Били с санкции зам[естителя] нач[альника] IV отдела ФЕДОРОВА и нач[альника] V отдела ПИСАРЕВА.

Приехал я в Полтаву начальником отделения по украинским националистическим формированиям. Били арестованных, особенно с приездом ПИСАРЕВА, требовавшего «побольше шуму».

Затем я перешел в I Отделение и часто замещал начальника отдела. Тогда арестовывались действительно враги. С приездом ПИСАРЕВА пошла тяга к художественным протоколам. [...]

Весной из Киева предложили составить список руководящего состава районов с компрометирующими материалами, независимо от характера их. Куда пошел этот список — я не знаю. Но когда я приехал из отпуска, многие из помещенных в эти списки, даже с пустяковыми данными, оказались участниками организации. Я сомневаюсь в правдивости этих данных и думаю, что это просто нужно было кому-то. [...]

Я был в составе прошлого парткома, мы бездействовали, нас распустили и выразили политическое недоверие, и с июля месяца вопрос обо мне не разбирают, а партпоручения, несмотря на требования, мне дали только в ноябре. [...]

МИКУЛИН. Обстановка была исключительно напряженная в наших органах, что до некоторой степени смягчает вину тов. тов. ЗЕЛЯ, КИРИЛЕНКО и ВОРОНЫ. Однако с партийного комитета нельзя снять вину. Партийный комитет знал, и отдельные члены партийного комитета сами творили.

Тов. МАШОШИН выступил неправильно. Он знал обо всем, и сам он принимал участие в избиениях, что видно из выступлений.

Тов. МАШОШИН был под влиянием ВОЛКОВА и не поднял этот вопрос, начал зазнаваться и с вновь прибывающими коммунистами не занимался. И даже заявил, что не пойдет к ним. [...]

Партийный комитет надо переизбрать, т. к. в состав партийного комитета входят ТИТОВ, ПОЛЯКОВ, ВОЛКОВ и МАШОШИН, о которых на собрании многие говорили о том, что они знали и допускали искривления и не сигнализировали об этом.

ФЕДОРОВ. По тем обвинениям, которые мне здесь неожиданно предъявлены, я должен дать объяснения. Тут на меня клеветают.

МОЛЬ говорит о пропуске всех руководителей области в показаниях ПОНОМАРЕНКО. Ничего подобного не было. Когда прошел какой-то слух, что ТОПЧИЙ арестован в Киеве, то приходит ЧЕРНЯВСКИЙ от ВОЛКОВА с директивой собрать компрометирующие данные о ТОПЧИЕ³⁰. Подняли ХАРЧЕНКО, он крутит и ничего не дает. ЧЕРНЯВСКИЙ говорит: «Пусть пишет что-нибудь». ХАРЧЕНКО пишет заявление о том, что ТОПЧИЙ — участник организации и окружил себя своими людьми, указывая тов. МАРКОВА и других. В это время ВОЛКОВ потребовал немед-

³⁰ К. Топчий — перший секретар організаційного бюро КП(б)У по Полтавській області з жовтня 1937 р. по 1 червня 1938 р.

ленно дать, что написал ХАРЧЕНКО. Я дал заявление ЧЕРНЯВСКОМУ, сказав: «Смотрите, что этот провокатор пишет». Он говорит: «Несите быстро ВОЛКОВУ». ВОЛКОВ спрашивает: «ЧЕРНЯВСКОМУ показывали?». Когда я сказал, что ЧЕРНЯВСКИЙ послал к нему, он начал кричать: «Ага, перестраховщики». У него это заявление сохранилось.

Протоколы художественно оформлялись ВОЛКОВЫМ, который перерабатывал протоколы по-своему. Фальсификацию я допустил в отношении ГАВРЕГО по приказу ВОЛКОВА, переданному через ТИТОВА.

В каком виде мы приходили от ВОЛКОВА? Легко сейчас говорить, но когда он ежедневно угрожал заключением в подвал. [...]

С ОТЧЕНАШОМ я работал 48 часов, не выходя. Он действительный враг. Написал протокол, ВОЛКОВ посмотрел и говорит: «Что же Вы пособничаєте врагу?». А тут как раз сажают сотрудников. Каждый раз ВОЛКОВ говорил мне: «Умышленно делаете». Недаром арестованные ждали ФЕДОРОВА в камере³¹.

МАКАРЕНКО мне заявил, что на меня и МИРОШНИЧЕНКО собирают показания. Я написал рапорт ЧЕРНЯВСКОМУ, а куда он делся, не знаю.

КУРАЧЕК приходил от ВОЛКОВА сумасшедшим и теперь оказывается проведенный по показаниям.

БЕЛЕНЕЦ плакал от ВОЛКОВА, а теперь об этом никто ничего не говорит.

Корректировал ВОЛКОВ все основные протоколы. Меня терроризирует. Работаем плохо, искривления допущены под угрозой револьвера. И все же мы боролись с врагом.

Это разговоры, что МИРОНЕНКО комсомолец и невиновен, надо материалы посмотреть.

Я тоже был. Мне говорят, что я марафетчик мировой. Где же факты?

Дела КЛОЧКО, МАКАРЕНКО, БАГРОВА — липовые дела, говорит БОГАТЬКО, а сам он нам спихнул жуткие дела и на требование освободить арестованных ответа не давал.

Это может не вина Обкома, но ни МАРКОВ, ни САФРОНОВ не интересовались нами и тем, как мы работаем.

МИРОШНИЧЕНКО. Хочу остановиться на следделах, находящихся в производстве 2-го отделения IV Отдела.

³¹ У березні 1938 р. О. Волкова та інших начальників обласних УНКВС на нараді в Києві О. Успенський ознайомив зі схемою націоналістичного підпілля в Україні. Повернувшись до Полтави, Волков отримав орієнтування НКВС УРСР, в якому йшлося про викриття в Києві так званого всеукраїнського антирадянського націоналістичного центру, філіали якого нібито існують у всіх областях України. Волков негайно створив 5 міжрайонних чекістських оперативних груп, завданням яких стало здійснення масових арештів «націоналістів». Серед них був колишній діяч Директорії Д. Отченаш. Волков наказав начальнику Миргородської опергрупи В. Федорову доставити Отченаша до Полтави. Конфлікт Волкова та Федорова навколо протоколу допиту Отченаша див.: Васильєв В. Механізми «великого терору»: місцевий зріз (діяльність обласних УНКВС УРСР у лютому—листопаді 1938 р.) // 3 архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. — 2007. — № 1(28). — С. 147—148.

В производстве отделения имеется дело так называемое «Молодая генерация», которое было создано по указаниям ВОЛКОВА после приезда его из Киева.

К ВОЛКОВУ были вызваны ФЕДОРОВ и ФИШМАН. Получили установку, и ФИШМАН потрудился над созданием дела. У меня есть сомнение в том, что организация не так выглядит, как она есть. По-моему, там имеется много одиночек, 90% которых с компрометирующими материалами в прошлом. В этом деле нужно разобраться.

В отделении имеются дела, объединенные [в организации] по указаниям тов. ЧЕРНЯВСКОГО, с которыми теперь не распутаться.

Имеется дело ШКУРКО, который пытался стреляться, оставил записку о зажиме со стороны инспектора при начальнике УНКВД тов. ЗЕЛЯ. ЧЕРНЯВСКИМ по указанию ВОЛКОВА прицеплен ему КОВАЛЕВСКИЙ и НЕЙМС. По его делу допрошен ХАРЧЕНКО и проведена очная ставка. Хотя он его и уличил в принадлежности к правотроцкистской организации, но к показаниям ХАРЧЕНКО нужно относиться критически.

БЛАНК. Нужно коснуться КУЛИКОВСКОГО. Я убедился, что это был первоклассный липогон. Дело ЦУРЕНКО — это большая сволочь, но метод его допросов вызывает возмущение. У КУЛИКОВСКОГО был свой штат, которые занимались сильным избиением и другими искривлениями — это ПОЛЯКОВ, ОХРИМЕНКО и МАШОШИН.

Очень много фальсификации по протоколам обвиняемых КАСЬКО, МУРАВИНА, ПАНОВА, и я сейчас не могу в этих делах найти конца.

Били крепко. Вот дело ЯСЕНКО, на котором я сгорел. Так имел много неприятностей от БЕРЕСТНЕВА, а КУЛИКОВСКИЙ прямо меня предупредил, что «будут неприятности, если у Вас не будет сознания». И после того, как ему дали, т. е. избили, он [ЯСЕНКО] подписал протокол, что он является членом контрреволюционной организации.

Я вначале не верил о том, что у нас проводится антисемитизм. Сейчас для меня этот вопрос ясен, и лично меня изъяли из Особого Отдела, как еврея.

Решение партийного комитета о БЕЛОКОНЕ правильное, а о ПОЛЯКОВЕ здесь нам нужно крепко поговорить.

ТИМЧЕНКО. На работу по бывшим сотрудникам УГБ и РКМ я был назначен в августе 1938 г. Никаких установок я не получал, за исключением того, что мне было приказано заканчивать дела.

Ко времени моего прихода многие бывшие сотрудники были уже избиты, и здорово. Били сотрудников и при мне, в частности ГРОЗНОГО, ЩЕРБИНУ, ПРОГЛЯДОВА, это оба враги, били по приказанию ВОЛКОВА. [...]

ОРЛОВ. Существовала практика каждый день давать справки о количестве сознавшихся. В особенности когда требовалось быстро давать дела, т. е. заканчивать. Мне ЧЕРНЯВСКИЙ сделал замечание о том, что у меня плохо сознаются арестованные, и привел в пример ФИШМАНА, у которого арестованные быстро сознаются, но я сомневаюсь в его методах допроса. [...]

В части освобождения арестованных. Каждый боялся освобождать, чтобы это не было показано по Спецотделению. Например, я свидетель, как ЧЕРНЯВСКИЙ и ПЛАТОНОВ спорили, кому взять дело, по которому арестованный подлежит освобождению. Каждый не хотел взять освобождение на себя. [...]

НЕСТЕРЕНКО. Искривления ведения следствия были не менее и на периферии, в частности я могу сказать о Лубнах, где я работал.

До формирования этих крупных повстанческих рот и батальонов аресты производились правильно, арестовывали кулаков, быв[ших] офицеров белой и др[угих] армий, ярых троцкистов и другой антисоветский элемент. Их антисоветская деятельность доказывалась свидетельскими показаниями. Ни один случайный человек тогда попасть не мог.

Когда начали вскрывать повстанческие формирования, тогда некоторая часть людей могла попасть [из] социально близкой нам прослойки и безвинно.

Это получилось потому, что из области были прямые указания—представить к такому-то числу на рассмотрение Тройки 75–100 человек, и это требовало точного выполнения.

Такое лимитирование и гонка, безусловно, привели к неправильному ведению следствия, показания арестованных не перепроверялись и, как результат, некоторые лица арестовывались [из] социально близкой нам прослойки. Нельзя заявить уверенно, что они являлись действительными участниками националистической повстанческой организации. [...]

Об аресте быв[шего] Нач[альника] ОО 75³² ГАВРЕГО. ГАВРЕГО арестован ВОЛКОВЫМ ни больше, ни меньше, как за то, что писал тов. тов. СТАЛИНУ и ЕЖОВУ об искривлениях в органах НКВД, в частности по Лубнам.

Еще до ареста мне и тов. НОВИЧЕНКО заявил, что ему тов. МАС-ТИЦКИЙ сказал, что он подвесил 2-х членов партии. ГАВРЕГО на это якобы ответил тов. МАСТИЦКОМУ, что «смотри, если ты будешь так подвешивать, то я напишу тов. СТАЛИНУ». Помню, Областное Управление НКВД требовало объяснения от тов. МАСТИЦКОГО о незаконном аресте 2-х членов партии.

Не помню времени, с областного управления НКВД в Лубны приехал тов. ТИТОВ с расследованием по поданной анонимке об искривлениях в Лубенском РО (побои арестованных, о неправильных арестах), в частности говорилось и о тов. МАСТИЦКОМ.

Расследование велось, основной упор был взят на выявление автора. Тогда же ГАВРЕГО был откомандирован в Киев. По возвращении из Киева в тот же день я с ним встретился, он мне показал назначение его для работы в ОМЗ и между прочим заявил, что он, будучи у УСПЕНСКОГО, рассказал об извращениях в Лубенском РО, а также в целом и области. УСПЕНСКИЙ якобы об этом записал себе на календаре и тогда же мне сказал, предупреждая никому не говорить, что он несколько [дней] тому

³² Ідеться про начальника особливого відділу 75-ї стрілецької дивізії З. Гаврего.

назад подробно об извращениях написал тов. СТАЛИНУ и ЕЖОВУ. Эти письма переслал через фельдсвязь в гор. Пирятине.

В тот же день, со слов сотрудников НКВД, якобы ГАВРЕГО встретился в РПК с тов. ВОЛКОВЫМ и показал назначение его на работу. Тов. ВОЛКОВ якобы был возмущен. Вечером тов. ВОЛКОВ уехал в Полтаву. ГАВРЕГО того же вечера пытался выезжать, и через несколько часов позвонил тов. ВОЛКОВ в Лубны, где находился тов. ТИТОВ, и предложил арестовать автора анонимного письма, что было понятно, что это ГАВРЕГО. Так был арестован ГАВРЕГО.

КЛЯНДИН. Уже говорили о достижениях органов НКВД и постановлении ЦК ВКП(б) об извращениях. По существу это извращение карательной политики. Эти извращения — результат упрощенчества в судебных действиях. Грешили все, в том числе и я.

Дело САЕНКО — он прохвост, проходимец. При проведении очной ставки между САЕНКО и ТЕРТИЧНЫМ оба сопротивлялись, но законно провели. Затем очные ставки с ДОБРОХОТОМ и КРИНИЦКИМ — оба мне обещали дать показания на очных ставках при условии, что САЕНКО их не увидит. Я на это пошел под нажимом ТИТОВА, и получилась неприятность на суде.

Впоследствии очные ставки эти были узаконены, ко всему этому привела спешность.

Я не бил арестованных. В том отделении, что я работал, в этом необходимости не было, помогали соседи.

СВИРИДОВ. Хочу остановиться на трех моментах, характеризующих отрицательно руководство УНКВД.

При докладах на Тройке ВОЛКОВ давал прямые установки не приезжать с делами, в которых отсутствует вербовка. На оперативных совещаниях ВОЛКОВ давал установки — дел одиночек не должно быть, по его выходило искусственно создавать организации.

ВОЛКОВ рассылал так называемые «основные протоколы», требовал неуклонного следования им, независимо от показаний арестованных на местах.

Контрольные цифры на арест, погоня за количеством дел привела к тому, что по некоторым районам враги оставались unrepressed, как в Онуфриевском районе или в Миргородском районе, где КЛЯНДИН бездельничал или, вернее, не реагировал на серьезнейшие факты. Например, кулак швыряет камнем в парторга и заявляет: «Я ненавижу коммунистов». КЛЯНДИН на это не реагирует.

ВАХНИН. Враг УСПЕНСКИЙ провел большую вражескую деятельность на Украине. ВОЛКОВ получил от него установки и здесь проводил.

По Полтавской области во время набора в школу ГУГБ НКВД СССР было принято всего 10 евреев, а после роспуска они остались в резерве. [...]

По указанию ВОЛКОВА бывший особоуполномоченный тов. КОСТЬ проверял поданные УНКВД заявления на КУЦЕНКО и ЮШКАНЦЕВА, которые извращали советские законы. И КОСТЬ вынес постановление о привлечении к ответственности ЮШКАНЦЕВА и КУЦЕНКО, а ВОЛКОВ это замазал и представил их к награде значкистов.

ВОЛКОВ на протяжении своей работы обманывал партию по отчетности в Киев. Я сам работал при бывшем 8-м Отделе, и делали отчетности, в которых указывали [арестованных] по всем категориям. А ВОЛКОВ это переделывал и там, где было служащих 500, он поставил 178 чел[овек]. И не только эти данные, а он все отчетности переделывал, смазывал социальное лицо арестованных. [...]

ФИШМАН. Я оправдываться не буду. Имели место искривления, и в частности мной допущенные. Я недавно в органы НКВД пришел, ПЕТЕРС дал мне установку: «С ними, с врагами, не нянчиться». Опыт брал у ДВОРЯДКИНА.

ТОМИН нечестно говорит, он приказал мне: «Вот вам ФЕДОРЧЕНКО, пусть приседает до тех пор, пока не будет давать показания». Вот такую учебу я получил.

Насчет фиктивных протоколов, все мои протоколы корректировались от ФЕДОРОВА до ВОЛКОВА исключительно. [...]

Аресты производились так: вызывает ВОЛКОВ: 1-е отделение, читает протокол обвиняемого ЕМЕЛЬЯНОВА, из которого ВОЛКОВ зачитывает, кого арестовать, с расчетом, что прокурор ФЕДОРОВ все утвердит.

Хорошее отношение ВОЛКОВА ко мне — это обман. ВОЛКОВ вызывает всех молодых. Насчет присвоения звания, все получили, кроме меня — еврея. Я говорил с ВОЛКОВЫМ, он обещал, но до сих пор я не получил.

ЧЕРНЯВСКИЙ знает о подготовке увольнения меня из органов. [...]

КУНИЧ. Я работаю с начала организации Полтавской области и знаю практику работы. Извращения нужно разделить на две части.

До приезда ВОЛКОВА оформляли дела исключительно как одиночек, скрывали таким путем действительные организации, а после приезда ВОЛКОВА стали создавать искусственно организации.

У меня был случай, что я под руководством ТИТОВА допросил арестованного, который показал, что он участник правотроцкистской организации, а ТИТОВ приказал переделать как на участника другой организации.

Был такой арестованный сотрудник психлечебницы, который на допросе заявил, что он не офицер, но ТИТОВ заставил его дать показания, что он офицер, как он этого добился — я не знаю.

Когда же я и ЩЕРБИНКИН освободили одного арестованного офицера, то ТИТОВ меня упрекал, упрекал меня и ВОЛКОВ, что у меня нет таких дел.

С цифрами арестованных мы все время под руководством ВОЛКОВА обманывали партию. И это будет до тех пор, когда Управлением не будет руководить честный большевик.

ЩЕРБИНКИН. Вернусь все же к старому, что делалось в Наркомате и что было у нас.

Враг УСПЕНСКИЙ поставил задачу перебить кадры старых работников. Я работал в опергруппе в Киеве. УСПЕНСКИЙ сам держал нас в руках. И если действительный враг захочет, то мог при УСПЕНСКОМ протащить по показаниям всех, кого хотел.

Пример с ПИСАРЕВЫМ. Он сознался во всем и, кроме этого, дал показания на 40 участников организации сотрудников НКВД,

а затем отказался от них только благодаря добросовестному отношению следователя.

Я проживал в гостинице с тов. тов. ДОНДЫШЕМ и ВАЙСБАНДОМ. Как-то в разговорах ДОНДЫШ заявил в шутку: «Что-то до евреев добираются». И действительно, когда я приходил в отдел кадров, то приходилось наблюдать, что больший процент сотрудников по национальности евреев отправляли с Украины на Север. [...]

В последнее время мы так опустили руки, что у нас нет арестов. Разве контрреволюция бездействует? Нет. Факт по делу УПЕНИКА — участник «П[ольской] О[рганизации] В[ойсковой]», его мать прятала у себя всякую сволочь. УПЕНИК дает показания на нее, я написал справку на ее арест, и до сих пор ее не дают арестовывать.

Я тоже допускал искривления, как и все. Но там, где я сомневался в виновности арестованного, я не применял репрессий. В деле освобождения нет решительности, ПЛАТОНОВ боится идти к ВОЛКОВУ по вопросам освобождения.

ПОЛЯКОВ (вторично). В прошлом своем выступлении я заявил, что виноват в большой мере в преступных извращениях. Фальсифицированных протоколов у меня не было и я их не писал

Контрольные цифры дел, подлежащих рассмотрению на Тройке, я давал. В Полтаве арестованных я бил один раз.

Я не являюсь антисемитом. Вопрос, поставленный мне по этому делу во время моего выступления, меня окончательно сшиб. В деле недопуска без всяких оснований одного еврея к спецработе — я виноват. Признаю, что это антисемитский поступок, это антисемитская практика. За эту политическую ошибку я готов нести ответственность. Антисемитских установок я ни от кого не получал.

В части арестованных родственников жены. Мне в сентябре 1938 года ВОЛКОВ сказал, что арестованы два родственника жены. Я у жены проверил, оказалось, что два дальних родственника действительно арестованы. Я ВОЛКОВУ это сказал — решили сообщить в наркомат, обкому и секретарю парткома МАШОШИНУ, что и было сделано ВОЛКОВЫМ. Позднее я подал заявление и своему парткому.

Таким образом, получилось, что некоторый период времени всей организации об этом известно не было. Я виноват в том, что разрешил этот вопрос по-семейному, а не по-партийному. Недавно я узнал, что один родственник жены из-под стражи освобожден [...]

ЧЕРНЯВСКИЙ (вторично). Я говорил в своем первом выступлении, что искривления были, и за эти искривления, которые были в IV Отделе, должен понести ответственность. Но преувеличивать нельзя.

Были незаконные аресты, фальсификация протоколов, но это исходило от ВОЛКОВА, который дал распоряжение и мне и работникам без его корректировки не ложить в дела протоколы.

Я боялся ВОЛКОВА. Имел ли я основание его бояться? Начальники отделов вообще лица не имели, тем более я. Я работал в Днепропетровске. 2.III.1938 года меня вызвал начальник управления и предложил мне выехать в Полтаву. В Полтаву я не хотел ехать потому, что я работал

в Днепропетровске в IV Отделе, где начальником отдела работал ВОЛКОВ, где на партсобраниях я говорил о грубостях ВОЛКОВА.

Я не хотел ехать в Полтаву и подал рапорт через КРИВЦА в Москву о моем отказе. В Киеве мне ГРИГОРЬЕВ прямо сказал: «Если Вы не поедете в Полтаву, Вы сядете». О том, что я не хотел ехать в Полтаву, я делился с сотрудниками отдела кадров НКВД УССР РИВЛИНЫМ. Я вынужден был поехать, иначе посадили бы.

Как только я приехал в Полтаву, ВОЛКОВ при первой встрече сказал мне, что, мол, у меня две фамилии и придется одну зачеркнуть. Это было сказано так, что я, мол, подозрительный человек.

Организации строились неправильно и так писались протоколы. ВОЛКОВ вызвал меня и ПЛАТОНОВА искать людей по партизанам и от арестованных МАЧИНСКОГО и ФЕДОРЧУКА узнать разложившихся партизан. Список их взял ТИТОВ, и протоколы писались наверху.

Освободить человека считалось позором. Так ориентировал ВОЛКОВ весь аппарат, и потому не освобождали.

О ТОПЧИЕ. Мне звонил из Киева КАЛЮЖНЫЙ, чтобы взять под наблюдение ТОПЧИЯ. Когда я доложил ВОЛКОВУ, он мне сказал: «Надо спросить ХАРЧЕНКО о ТОПЧИЕ». Об этом я сказал начальнику отделения ФЕДОРОВУ, и он получил заявление от ХАРЧЕНКО о ТОПЧИЕ и о его плохой работе в Обкоме. [...]

Об арестах — ВОЛКОВ вызвал и потребовал дать людей, проходящих по показаниям, и лично намечал аресты людей.

ВОЛКОВ. Должен заявить, что в достаточной степени к выступлению я не готов, так как первый день собрания я не был. Кроме этого, не мог привести все факты в порядок, чтобы дать объяснение.

Я буду признавать те ошибки, которые мне предъявлены. Но вследствие необъективного подхода и недобросовестного объяснения фактов выступавшими я не могу полностью ответить.

Я признаю практику, что мы не придерживались дословной записи показаний. Признаю, что били арестованных с моей санкции, несу за это ответственность по области и району.

Признаю вину за факты по снарядам в уборной, но прошу учесть, что уборная помещалась во дворе [дома бывшего] офицера. Признаю грубость и нетактичность в отношении сотрудников. Признаю вину за несвоевременное освобождение.

Но я отвергаю и протестую, когда под сурдинку пытаются опорочить всю работу НКВД и мои личные ошибки пытаются охарактеризовать, как враждебную деятельность.

Когда каждый факт пытаются свалить на меня, как факт с МОСКОВЫМ, якобы попытка скрыть бегство УСПЕНСКОГО, якобы антисемитскую установку, когда пытаются недобросовестно подбирать факты против меня. Пытаются обвинить в том, что я привозил и проводил вражеские установки УСПЕНСКОГО.

Тов. ГОРЛЕНКО в первой части выступления пытался дать объективную оценку работе УНКВД, сказал, что работа по разгрому вражд[ебного] подполья проведена большая. Но он пользуется разными

предположениями и даже своими придумываниями, чтобы поставить работу УНКВД под сомнение.

Правотроцкистская, партизанская, белогвардейская организация поставлена под сомнение, а линия «Мол[одой] генерации» поставлена под большое сомнение.

Решение СНК и ЦК требует исправления ошибок и извращений, которых с приходом УСПЕНСКОГО стало больше. Но надо добратся до ясности, что дало возможность УСПЕНСКОМУ так действовать. УСПЕНСКОМУ создали авторитет, ему дали огромные полномочия — арестовывать любого человека, в т. ч. и сотрудников УГБ.

Работникам УГБ вкладывалось в сознание, что УСПЕНСКИЙ действует с санкции Москвы, партийное руководство поставило дело с УСПЕНСКИМ так. Я написал о некоторых фактах в ЦК ВКП(б). Поэтому директивы НКВД УССР принимались как непреложные.

Об оценке поездки УСПЕНСКОГО в ЦК ВКП(б) нам сообщили в ЦК КП(б)У, а уже потом на оперативном совещании. Я это принял за правду и так передал чекистам области, а теперь меня обвиняют в дезориентации.

На заседании в ЦК КП(б)У мы получили установку сообщить о бегстве УСПЕНСКОГО только 1-му секр[етарю] обкома — САФРОНОВУ, а тов. САФРОНОВ сказал МАРКОВУ. САФРОНОВ через несколько дней разрешил сообщить начальникам отделов, а потом аппарату. Я считаю, что [это] ошибочно, и нам задерживали возможность начать розыски.

О факте моего ареста. Я не пытался скрывать от парторганизации. Меня обвиняют в этом для того, чтобы больше обвинять. Арест ведь от парторганизации скрыть нельзя. Я об этом не говорил, но не думал скрывать это, так как считаю бессмысленным.

Как я был арестован — знает ЧЕРНЯВСКИЙ. Но он пытается изобразить, что он был со мной в натянутых отношениях, хотя это совсем не так.

Когда меня арестовали, Днепропетровск шел полным ходом по разгрому антисов[етского] подполья. Меня посадили враги, но разоблачили их я. После реабилитации я в Киеве наткнулся на материалы известного троцкиста КАГАНА Давида, в которых оказалось, что он проводит активную подпольную работу после бегства из ссылки. Это был лидер киевск[их] троцкистов. КАГАН бежал из ссылки, а враг БАЛИЦКИЙ разрешил ему проживать на свободе³³.

В материалах КАГАНА было видно, что в НКВД УССР существует троцк[истский] кружок, где участвовал брат КАГАНА.

Меня обвиняют в задерживании материалов о Москве, но именно я их раскопал, и немедленно после того, как раскопал...

МАРКОВ бросает реплику. Вы знали месяцев 7 назад.

³³ О. Волков був арештований 26 червня 1937 р. Невдовзі був звільнений згідно з особистою вказівкою заступника наркома НКВС СРСР М. Фріновського (наказ НКВС СРСР № 1572 від 2 вересня 1937 р.).

[ВОЛКОВ.] Нет, я сообщил их обкому немедленно, как только материалы я раскопал.

Меня обвиняют в том, что я через БЕЛОКОНЯ получил антисемитскую установку и якобы скрыл ее. Наоборот, я ухватился за расследование этого явления. Заявляю, что я такой установки от БЕЛОКОНЯ не получал, указания неизвестного мне ПАВЛОВА для меня не закон.

Сколько бы меня ни обвиняли в антисоветской практике — ничего подобного нет. К еврею ЧЕРНЯВСКОМУ я питал самые дружеские чувства, хотя ему теперь неловко в этом признаваться. Обсуждение этого вопроса я не задерживал.

Меня обвиняют в зажиме парторганизации, выразившемся в случае с МИЛЬШТЕЙНОМ и якобы в отмене партсобраний в предоктябрьские дни. Это неправильно. Собрание было перенесено решением собравшихся коммунистов. [...]

Об извращении и недостатках в нашей работе. Об избиении всем известно, что били везде, в том числе и в Полтаве. Либералами и пособниками врагов называли тех, кто не бил. Некоторых били с моей санкции, но я не давал безобразничать. Я угрожал преданием суду за нанесение побоев. Посылал проверять и проверял сам. Давал распоряжение побить того или иного арестованного.

Фальсификация показаний. Я руководствовался здесь тем, чтобы пресечь попытку врага сгладить острые углы. Я и допрашивал основных арестованных, и не один раз. Напрасно говорят о том, что не допрашивал. После допроса составлялся протокол. Я допускал отступление тем, что не фиксировались предыдущие (отрицательные) показания. Я писал протоколы, определяющие линию, т.е. основные. Если они фальсифицированы, то всю работу УНКВД нужно поставить под сомнение.

Я, исправляя протоколы, по которым не допрашивал арестованных, когда там попадались политически неправильные протоколы, писались неграмотно или сотрудник попадал под влияние арестованного.

Я требовал выявить у арестованных всех участников организации и следить, чтобы не был замаран невиновный человек. Я требовал, чтобы арестованный доказательно излагал свои данные об известных участниках. Поэтому сейчас необходимо тщательно переправлять все показания арестованных, чтобы ни один враг не ускользнул. Таким образом, протоколов я не фальсифицировал, а писал их не дословно с показаний арестованных.

Об арестах сотрудников. КЛОЧКО, ЛЕРМАН, БРАЙЛОВСКИЙ арестованы по личному приказанию ЕЖОВА, который по областям послал нас для выполнения этого задания. По этим делам мы сильно затянули следствие. Арестованных забрали в Киев, а месяца через 3 возвратили их избитыми чрезвычайно, а ТАРУЦА в Киеве и вовсе убили.

Вот все, что я организовал для своего выступления, больше я разобратся пока не смог. Прошу предоставить мне возможность ответить на остальные факты и моменты потом.

Принимается предложение тов. МАШОШИНА об избрании комиссии для составления проекта резолюции. Избраны т.т. ПЛАТОНОВ, МОЛЬ, МИРОШНИЧЕНКО, МИЛЬШТЕЙН, СВИРИДОВ.

ВОПРОСЫ, ЗАДАНИЕ тов. ВОЛКОВУ.

Вопрос тов. МОЛЬ. На каком основании получили значки «Почетного чекиста» КУЦЕНКО и ЮШКАНЦЕВ?

Ответ. Я считаю, что ЮШКАНЦЕВ и КУЦЕНКО получили значки правильно.

Вопрос тов. МАРКОВА. О причинах невыполнения приговоров по последним заседаниям Тройки.

Ответ. Приговора не приведены в исполнение по причинам не дачи разрешения, неопределенное положение с приведением приговоров. Я считаю, что таким врагам, как СОШИНСКИЙ и суд вынесет высшую меру наказания.

Вопрос тов. ГОРЛЕНКО. Почему не использован фонд пособий?

Ответ. Никому обращавшемуся за пособием, отказа не было.

Вопрос тов. КРАПИВСКОГО. На «банкете» у себя какую директиву Вы давали тов. ПОБЕДЕ в отношении евреев?

Ответ. Я об этом ничего не знаю.

Вопрос т...³⁴ Вы ничего не сказали в отношении попытки к аресту АНДРЕЕВА.

Ответ. Я делал представление о предании суду АНДРЕЕВА за служебные преступления.

Вопрос тов. ЗЕЛЯ. Соответствует ли в действительности протокол ТИШЕНКО по партиз[анской] линии? Как дело обстоит с актом на БРАЙЛОВСКОГО?

Ответ. Показания соответствуют истине. Акт я поручал составлять на БРАЙЛОВСКОГО. Если бы актом вред[ительская] деятельность подтвердилась, значит он по этому и обвинялся бы.

Вопрос тов. ЗЕЛЯ. По чьему заданию пропущен по показаниям МИТЮРИН?

Вопрос тов. ТОМИНА. А Кисель?

Ответ. Пропускать МИТЮРИНА по показаниям я не давал. КИСЕЛЬ намечался к аресту за а[н]ти/с[оветскую] деятельность.

Вопрос тов. КРАПИВСКОГО. За что уволен член партии шофер ЦИБАЛОВСКИЙ?

Ответ. ЦИБАЛОВСКИЙ разбил автомашину и за это уволен.

Вопрос тов. НЕСТЕРЕНКО. Требовали ли у Киева дополнительные лимиты?

Ответ. После окончания Тройкой использование [выделенных] лимитов мы требовали дополнительно.

Вопрос тов. НЕСТЕРЕНКО. По Лубнам привлекался ли [кто-либо] за вину или за анонимку?

³⁴ Так у текстi.

Ответ. Я посылал для расследования и фактов, указанных в анонимке, и для возможного выявления автора с целью выяснить, откуда он знал о фактах, которые указывал в анонимке.

БЕЛОКОНЬ. Я вряд ли смогу так говорить изворотливо как ВОЛКОВ. Имевшийся у меня разговор с ПАВЛОВЫМ я повторяю, что передал ВОЛКОВУ.

ВОЛКОВ был в хороших отношениях с КОБЫЗЕВЫМ и вечно с ним говорил по ВЧ. А кто такой КОБЫЗЕВ? Бывш[ий] начальник отдела кадров НКВД Украины, работал с УСПЕНСКИМ и проводил его контрреволюционную политику. И ВОЛКОВ [это] знал.

О ФИШМАНЕ было распоряжение отдела кадров НКВД УССР — уволить по болезни.

БЕРКОВИЧА я направил в IV-й отдел на оперативную работу, а ЧЕРНЯВСКИЙ сам назначил его секретарем.

С банкета, которой был у ВОЛКОВА, я ушел рано, причем, все-таки тост ЧЕРНЯВСКИЙ подымал.

О полученных значках, сомнений не может быть. Причем об оперативных показателях я не знал и никто не давал их мне. Характерно, что КУЦЕНКО сам на себя написал о показателях своей работы. ЮШКАНЦЕВ — это бездарный человек, но на него положительную характеристику написал БОРИН.

В марте месяце 1938 года был составлен список на сотрудников, имевших компрометирующие материалы, после чего составили справки на увольнение и т.д.

ВОЛКОВ заставил БЕЛЕНЦА написать справку о том, что АНДРЕЕВ якобы вредил и проводил вражескую работу с целью его ареста.

ГАЛУН был отстранен от работы, а потом ВОЛКОВУ вздумалось его арестовать и он написал справку. Однако НКВД Украины не дало санкции на арест ГАЛУНА и АНДРЕЕВА.

В отношении ПЛАТОНОВА. ВОЛКОВ начал ругать меня, почему я не доложил ему материалы о нем? Несмотря на то, что ВОЛКОВ знал о них и тут же заявил мне, что ТИТОВ будет начальником 3-го отдела.

О МАШОШИНЕ. После исключения меня из партии на партийном комитете, МАШОШИН подошел ко мне и сказал: «Ну как ты себя чувствуешь?». Это было сказано с таким бахвальством, что я считаю неправильным.

Об искривлениях. КУЦЕНКО действительно просил разрешить ему сформировать 5-й полк³⁵, но ВОЛКОВ не разрешил.

Мною совершен большой политический проступок, я совершил большое преступление. Я из рабочих и прошу не исключать меня из партии и дать мне возможность исправить свои ошибки.

Вопрос тов. МАШОШИНА. Давали ли Вы контрреволюционную установку КИРИЛЕНКО?

Ответ. Никаких установок КИРИЛЕНКО я не давал.

³⁵ Мається на увазі вигадати «полк українських націоналістів».

Вопрос тов. МАШОШИНА к тов. КИРИЛЕНКО. Скажите, давал ли Вам БЕЛОКОНЬ контрреволюционные установки?

Ответ. Я подтверждаю, что БЕЛОКОНЬ по приезду из Киева дал мне установки — ограничить прием евреев в органы НКВД.

МАРКОВ. Мы работаем четвертый день. Вскрыты и показаны существенные искривления, вражеские методы, незаконные аресты.

Я хочу отвести заявление ВОЛКОВА о предвзятости представителей обкома и горкома в разрешении его вопроса, как необоснованные. Мы разбираемся сейчас для того, чтобы оценить работу, исправить вопиющие безобразия, имевшие место, но в крайности впадать нельзя.

Работа оценена ЦК ВКП(б), работа проведена огромная по очистке Союза от вражеских элементов. *Читает Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября в части оценки работы органов НКВД и задач стоящих перед ними.*

Крайности в этом вопросе вредны, нам нужно твердо оценить положение и немедленно добиться исправления допущенных искривлений вражеских действий.

Я тоже принимал участие в разгроме врагов в Гельмяземе³⁶, частично в Лубнах, работал в Тройке. В Тройке я был новичком, неосведомленным, кроме приказа о правах, существа работы не знал и, возможно, [сейчас] я смотрел бы немного иначе.

Большое количество дел заслушивалось и возможны ошибки. ВОЛКОВ предъявлял требования на Тройке к отдельным товарищам в грубой форме. Я принимал это за чистую монету, считая замечания правильными. Работник должен знать дело, которое он докладывает.

ВОЛКОВ груб, безусловно, и на Тройке часто нахмутив брови, спрашивал докладчика: «Что это с умыслом?».

Через Тройки лица прошли все, по существу, все мерзавцы. Возможно, в отношении одиночек и были подтасовки. Мы смотрели и на социальное лицо подсудимого, и это учитывали. Тут жалеют некоторые [осужденных] — это неверно.

Работа Тройки была форсирована под предлогом «звонки с Киева в 6-ть дней закончить». А по приказу оказывается 2 м-ца полагалось на эту работу. Дела все же готовились не совсем качественно и много шло на исследование. Спешка приводила к снижению качества, представлялись дела с малозначимыми преступлениями на Тройку. А проверка их показала, что вели их ныне репрессированные — ЛАЗУРЕНКО, НАЗАРОВ. В этих делах плохое качество следствия, умышленное дело.

Нужны ли были факты искривления, незаконные методы следствия (без учета в таких же явлениях в Москве и Киеве)? Мне кажется, что если бы лучше работали, меньше было бы искривлений. Многие это делали, сохраняя свою собственную шкуру, допускали искривления, тогда, когда это не требовалось, опасаясь отзыва о себе как о либерале.

³⁶ Гельмязів — нині село в Золотоніському районі Черкаської області.

Незаконные методы следствия привились и нанесли ущерб морально-му авторитету органов. Что значит представить эти кандидатуры теперь на гласный суд?

Здесь говорили о подставных свидетелях. Это провокационные методы и партия требует резкого исправления этих вражеских методов, сыгравших на руку врагам, пробравшимся в органы НКВД. Это мы видели из процесса Полтавского НКВД и методы эти имели место в некоторой мере в практике Полтавского Управления.

Как понимать практику фальсификации протоколов? Из выступлений видно, что лицо арестованных, по которым писались такие протоколы — вражество³⁷. Но это делалось для авторитета своего, желание прогromеть, прославиться на весь СССР.

В свете Постановления ЦК здесь имеются элементы преступления. Таких обвиняемых осудили бы и без этих художественных протоколов, важно было установить преступление и можно было без художества.

Насчет линий «молодая генерация», партизан с их священным союзом — объяснение ВОЛКОВА не удовлетворительное. И ЧУМАК, и ВОЛОЩЕНКО — преступники. Но натягивать новые линии по установкам Киева не нужно было, это прямая фальсификация.

Линия партизан — тут объяснение ВОЛКОВА может и заслуживает внимания. Тут другие люди и я сейчас не могу твердо сказать, но мне кажется и здесь литературная обработка не нужна была. Это тоже элементы фальсификации.

Возьмите факт со складом оружия. Верно, что этот комендант — враг. Но зачем ему подвешивать склад открытый ассенизатором, и нечего здесь было липовать для своего прославления³⁸.

Я констатирую, что в практике работы ВОЛКОВА были в наличии элементы желания прославиться. Враги вскрыты и им не нужно было того художества, которое писалось в их протоколах.

Факты, что пропускали по показаниям, были. ВОЛКОВ мало об этих фактах информировал секретарей обкома. Это требует расследования. ВОЛКОВ говорит о провоцировании — это чепуха.

ФЕДОРОВ рассказывал о факте с ХАРЧЕНКО. Это подхалимство ФЕДОРОВА, а потом ВОЛКОВ этот же факт начинает рассматривать как перестраховку. ЧЕРНЯВСКИЙ говорит о ХАРЧЕНКО, а ВОЛКОВ о ПОНОМАРЕНКО. Концы не сходятся и надо полагать, что было и то, и другое. Это факт протаскивание с явно недоказательными фактами были. Речь идет не о том, кого протаскивали, МАРКОВА, МАРТЫНЕНКО или кого другого. Дело в существе, в практике.

ТИМЧЕНКО говорил, что через ЗАГОРУЛЬКО пропускались уже арестованные сотрудники — это порочное дело.

Дело КЛОЧКО — возмутительное дело. В этой практике, в первую очередь, повинен ЧЕРНЯВСКИЙ и ФЕДОРОВ. Этим материалам ходу не дали потому, что знают цену их. Но придет новый сотрудник и тот

³⁷ Так в тексті.

³⁸ Так в тексті.

в случае требования с чистой совестью даст справку о том, что такой-то проходит по показаниям такого то. Возможен здесь и умысел.

Вопрос организации расстановки кадров. Говорили о значкистах, в частности о КУЦЕНКО и ЮШКАНЦЕВА. Как раз эти кандидатуры пользовались особым уважением у ВОЛКОВА. Ведь КУЦЕНКО должен был быть произведен [в подозреваемые] как липогон, а он выпущен из области. Кто помешал ВОЛКОВУ привлечь его к ответственности?

Тов. СТАЛИН говорил, что безнаказанность, потворство в таких случаях, приводит к тому, что человек не исправляется, а наоборот преступные действия его усугубляются. Такое же положение и с ЮШКАНЦЕВЫМ. Тут уже говорили о нем.

Возьмите случай — выведен из строя человек. Установлены конкретные виновники — БОЙКО и БАШТОВЕНКО. Почему же они не понесли наказание за жизнь человека? А наоборот, БОЙКО врагом народа УСПЕНСКИМ выдвинут по должности. Дело это у тов. ХРУЩЕВА, но здесь знали и видимо поощряли. ВОЛКОВ имел возможность поставить этот вопрос принципиально перед ЦК партии.

О деспотизме ВОЛКОВА. Начальник управления должен быть начальником и всем понравиться он не мог, приказание должны выполняться. Тов. ХРУЩЕВ говорил, что у некоторых товарищей была служебная дисциплина выше партийной и что это не верно. А здесь именно так и было.

Приводили грубости, они были, нужно было покритиковать вовремя, но этой критики не было, партийная организация не имела политического лица. Нужно было всемерно изживать эти факты, бороться с ними, но одновременно поднимать на высоту воинскую дисциплину.

Говорят, ВОЛКОВ не терпел возражений и сейчас за это хотят все на него взвалить. Это, может быть, и было, но взваливать вину только на ВОЛКОВА нельзя. Кому-кому, а ПОЛЯКОВУ и ЧЕРНЯВСКОМУ жаловаться на это нельзя, это лицемерие. Я знаю, правда, грубости ВОЛКОВА на Тройке по отношению к КАГАНОВИЧУ, были элементы грубости и к ПЛАТОНОВУ. Но были и случаи правильных требований. И тут прикидываться бедными нехорошо. Я еще раз подчеркиваю, что элементы распушенности были.

Вопрос о существовании объяснения БЕЛОКОНЯ. На собрании этот вопрос достаточно выяснен и получил оценку. Факт, что антисоветская практика была, БЕЛОКОНЬ повинен в этом, но не только он. Повинен и ПОЛЯКОВ, который установку такую не от кого не принимал, как он говорит, а в жизнь ее проводил.

ВОЛКОВ объективно ничего не сказал. Прием и увольнение без ВОЛКОВА не проводились и установлено, что прием присланных на работу горкомом партии проводился по национальному признаку.

Что значит заявление ВОЛКОВА, что часть сообщения БЕЛОКОНЯ он помнит, а вторую часть, об антисемитской установке, не помнит. Это ложь.

О КИРИЛЕНКО. Он, безусловно, виновен, но виновен в том, что поздно поднял эти вопросы, опасения его реальные, но он эти вопросы мог поднять вне аппарата.

Виноват в этом и ВОРОНА, но я должен сказать, что такого партийного взыскания они не заслуживают, это не мера воспитания в данном случае.

О преступном руководстве отдельных товарищей. Мне кажется, что все выявленные здесь факты нужно сформулировать для резолюции с указанием конкретных виновников и просить вышестоящие органы, немедленно все это дело довести до конца.

Несколько слов по отдельным моментам, о которых здесь говорили. О статистике. БЕЛЕНЕЦ не так говорил, нас интересует существо, а объяснение БЕЛЕНЦА очень интересное. Сведения не удовлетворяют Киев и, пожалуйста, Вам другие, удовлетворяющие Вас. Это прямой обман. ВОЛКОВ имел возможность к этому делу подойти по-партийному, он видел, что здесь явная фальсификация.

То, что ВОЛКОВ говорил в обкоме об УСПЕНСКОМ — я это подтверждаю. Но ВОЛКОВ говорит, что он от САФРОНОВА получил указания сообщить ответственным работникам об УСПЕНСКОМ — ПОЛЯКОВУ, БЕРЕСТНЕВУ, МОСКОВУ и начальникам отделов только через несколько дней. Что было на политбюро — я не знаю. Но ВОЛКОВ в свое время мало нас информировал о делах и мне кажется, что сообщить об УСПЕНСКОМ своим подчиненным он мог и без санкции САФРОНОВА.

Я должен сообщить о таком факте, который мне известен от САФРОНОВА. Одно время были получены нами указания от тов. ХРУЩЕВА проверить данные об арестованном ЖИВКОВЕ. Об этом ЖИВКОВЕ давали исключительно положительные отзывы руководители мирового коммунистического движения — ДМИТРОВ³⁹ и КОЛАРОВ. САФРОНОВ поручил это сделать ВОЛКОВУ, ВОЛКОВ сообщил, что ЖИВКОВ материалами следствия изобличается как участник антисоветской организации и предается суду.

Спустя некоторое время САФРОНОВ сообщил, что ему ВОЛКОВ заявил, что ЖИВКОВ оговорен и освобожден. ВОЛКОВ здесь говорит, что это не так. Я хочу показать, насколько не принципиально рассматривались такие вопросы. Возможно, что здесь только страх и роковая случайность сохранили жизнь ЖИВКОВУ.

Насчет работы по организации и распутыванию этих дел. В этой работе нужно быть принципиальным большевиком. Нужно хорошо разобратся кто враг, а кто по ошибке привлечен. Но нужны ускоренные темпы. Распутывать нужно без страховки и без паники.

Партия требует большевистского отношения к этому делу. Доказательно провести дела. Сейчас паника, арестованные отказываются. При доказательности, качестве следствия, это не умоляет ценности дела.

На счет сроков следствия — здесь законные требования, нужно кончать дела. Играть с жизнью людей не следует. Нужно у себя навести порядок, который от нас требует партия.

О незаконных действиях в будущем не может быть и речи, они будут пресекаться со всей решительностью.

³⁹ Так у текстi. Ймовiрно йдеться про генерального секретаря ІККІ Г. Дiмiтрова.

Больше внимания уделить агентуре и работе с ней. Качество агентурной работы должно быть. Позорное дело — диверсионный акт на Глобинском элеваторе и в других местах области говорят о том, что враг не уничтожен и продолжает активно действовать.

Партия и правительство призывает нас к борьбе с врагом и на этом деле нужно кипеть каждому большевику, каждому работнику.

Меньше паники, кто виновен, тот понесет кару. Но, ни в какой степени это не должно остановить работу. Борьба должна быть усилена и к этому я Вас призываю.

МАШОШИН. Тов. **МАРКОВ** полностью анализировал состояние работы и тех извращений, которые имели место.

Но мы должны посмотреть, откуда внесена линия извращения. Эти извращения явились результатом отсутствия критики и самокритики, не восприятием парторганизацией решений январско-февральского пленума ЦК ВКП(б)⁴⁰. Если бы мы своевременно подняли вопрос критики и самокритики на принципиальную высоту, мы избежали бы тех извращений, какие имели место в практике нашей работы. Именно этого и нет. А это произошло вследствие отрыва аппарата УГБ НКВД от партии, а с другой стороны [было] недостаточное внимание обкома к работе НКВД. Так[ая] же [ситуация] органах прокуратуры.

Получилось, что старые оперработники были втянуты в практику извращений и их не спрашивали, а только производили «накачку», а в результате безкритичное отношение к тому, что и как делается.

Теперь о молодых кадрах. Они вышли именно в разгар извращения и приняли их как должное, потеряли политическое чутье, увлеклись служебной дисциплиной и забыли о партийной дисциплине.

Напрасно **ВОЛКОВ** обижается, что только его одного сделали виновником всего положения. Не только он, но и **ПОЛЯКОВА** зацепили и крепко. Получается, что **ПОЛЯКОВ** на словах ратует против антисемитизма, а на практике проводит антисемитизм. Не нужно забывать, что это член парткома.

Некоторые товарищи не умеют еще воспринимать критику и правильно относиться к самокритике. Так было, например, с **ЗЕЛЕМ**, который когда **ВОЛКОВ** стал расследовать вопрос об антисемитской установке, то **ЗЕЛЬ** чуть ни отказался от того, что он еврей и хотел отказаться от рекомендации **ЧЕРНЯВСКОГО** на заявление о приеме в партию.

Правильно тов. **МАРКОВ** говорит, что это собрание является огромной школой в направлении дальнейшей работы.

После собрания мы должны налечь на распутывание и окончание дел, не вдаваясь в панику, и подойти к делам исключительно по партийному.

⁴⁰ XIII пленум ЦК ВКП(б) (11, 14, 18, 20 січня 1938 р.). XIV пленум ЦК ВКП(б) (17 лютого 1938 р.). Пленум ЦК ВКП(б) в січні 1938 р. ухвалив постанову «Про помилки парторганізацій при виключенні комуністів з партії, про формально-бюрократичне ставлення до апеляцій виключених з ВКП(б) та про заходи щодо усунення цих недоліків».

Тов. ВОРОНА дает справку. **МАСТИЦКИЙ**, возвратившись из Обкома говорил, что его «щупали» в Обкоме по вопросу избития арестованных, но он говорит: «Я не чужак и ничего не сказал».

ВОЛКОВ недавно на совещании начальников отделов дал установку бить отдельных арестованных, чтобы влить, мол, новую струю, ссылаясь на то, что в Киеве в НКВД УССР это практикуется.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ УГБ УНКВД ПО ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ.

от 2—6 января 1939 года

Заслушав доклад секретаря партийного комитета тов. **МАШОШИНА** об искривлениях в практической следственной работе и проведении контрреволюционной практики в части приема и продвижения по службе в УНКВД лиц еврейской национальности, закрытое партийное собрание считает, что отмеченные постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17-го ноября 1938 года факты об искривлениях в работе органов НКВД целиком и полностью относятся и к Полтавскому областному управлению НКВД.

Наряду с проведенной огромной работой по разгрому классового врага — троцкистского подполья, националистов и других участников антисоветских партий, шпионов, диверсантов иностранных разведок, в практической работе в УНКВД были допущены грубые искривления, выразившиеся в том:

1. При проведении массовых операций допускались в ряде случаев незаконные и необоснованные аресты, как по областному аппарату, так и в районах.

2. При ведении следствия применялись, во многих случаях, незаконные действия — избития, длительные, непрерывные допросы арестованных — по несколько суток.

3. В ряде случаев лично тов. **ВОЛКОВЫМ**, как начальником УНКВД и по его прямому указанию, некоторыми работниками в отсутствие арестованных составлялись фальсифицированные протоколы, так называемые «руководящие протоколы» по вскрываемым антисоветским линиям:

а) в протокол допроса обвиняемого **ОСТРОШАПСКОГО** следователем **ДОНЦОВЫМ** по распоряжению **ВОЛКОВА** были вписаны случайно обнаруженные в уборной снаряды и другие взрывчатые вещества, хранящиеся там несколько лет, якобы спрятанные им для контрреволюционных целей. Об этом случае лично **ВОЛКОВЫМ** было составлено очковитательское донесение в Наркомат НКВД УССР о якобы следствием обнаруженном складе взрывчатых веществ, принадлежащих **ОСТРОШАПСКОМУ**;

б) в протоколе допроса обвиняемого **ДОБРЯНСКОГО** лично **ВОЛКОВЫМ** и следователем **ТИТОВЫМ** записаны некоторые факты, не соответствующие действительности. Как, например, о совершении **ДОБРЯНСКИМ** диверсии в Симферополе, в результате чего произошел крупный пожар; связь по антисоветской деятельности с кадровыми

эсерами НАТАНЗОНОМ и ДОМОГАТСКИМ, которых ДОБРЯНСКИЙ не знал;

в) обвиняемый ТИЩЕНКО ВОЛКОВЫМ допрошен по трем антисоветским направлениям в зависимости от ориентировки из НКВД УССР — как участник военно-фашистского заговора, участник антисоветской националистической организации, участник антисоветской организации из бывш[их] партизан и связи его с организацией «ПОВ», что не соответствует действительности. Так как он являлся только участником военно-фашистского заговора, будучи командиром дивизии;

г) по возвращению тов. ВОЛКОВА из оперативного совещания, происходившего в НКВД УССР в июне месяце, им было сообщено на оперативном совещании УНКВД, что на Украине вскрывается крупная молодежная контрреволюционная организация, под названием «Молодая Генерация». И было дано прямое указание — найти эту молодежную организацию и на территории Полтавской области. «Найдена» эта организация была путем подбора фигур из числа арестованных троцкистов. Основной фигурой был подобран ЧУМАК, протокол допроса ЧУМАКА составлялся лично ВОЛКОВЫМ и следователем ФИШМАНОМ. В протокол допроса ЧУМАКА, ВОЛОЩЕНКО, ЛЕБЕДЯ были записаны лица из числа молодежи с некоторыми компрометирующими материалами, как участники организации, что не соответствует действительности (по Кременчугу — ДЕСЯТНИКОВА и ЛИТВИНЕНКО; по Лубнам — КУРИЛКО, КУЗЬМЕНКО, ПРИХОДЬКО);

д) также в июне месяце ВОЛКОВЫМ дана установка о вскрытии новой линии — антисоветско-партизанского подполья. Для этой цели лично ВОЛКОВЫМ было составлено несколько так называемых «руководящих протоколов» — протокол допроса обвиняемого МАЧИНСКОГО — в прошлом эсер, боротьбист; ФЕДОРЧЕНКО — в прошлом эсер, а позднее троцкист, ТИЩЕНКО — бывший офицер, из кулаков и др. В протоколы допросов этих обвиняемых, включались некоторые лица как участники организации, которых обвиняемые не знали. Например, в протокол допроса ТИЩЕНКО записаны МАКУХА, ЗУБЕНКО и др.

4. Незаконные аресты также проводились и среди сотрудников НКВД:

а) бывш[ий] сотрудник НКВД ГАВРЕГО, писавший заявление об искривлениях в работе НКВД на имя тов. СТАЛИНА и бывш[его] Наркома т. ЕЖОВА, был арестован без наличия достаточных компрометирующих материалов. Впоследствии был пропущен по показаниям арестованного КОЛОТИЛОВА как участник правотроцкистской организации;

б) бывш[ий] сотрудник НКВД ЛЫСЕНКО был арестован лишь потому, что его брат эмигрировал в Польшу, с которым он имел связь лет 5 назад, о чем он не скрывал в своей автобиографии. ЛЫСЕНКО из-под стражи освобожден;

в) бывш[ий] сотрудник НКВД КЛОЧКО арестован по непроверенным материалам о том, что он якобы служил у МАХНО и был пропущен по показаниям ЮРЧЕНКО как участник правотроцкистской организации. КЛОЧКО находился под отражай 11 месяцев, сейчас освобожден за отсутствием каких бы то ни было материалов;

г) бывш[ий] сотрудник НКВД БОГРОВ арестован без наличия достаточных компрометирующих материалов и был пропущен по показаниям ХЕЙФЕЦА, которого он не знал.

д) бывш[ий] сотрудник НКВД ЛЕРМАН арестован был лишь потому, что родственники его жены в прошлом занимались контрабандой.

5. На оперативных совещаниях ВОЛКОВЫМ, как начальником УНКВД, прямо давались указания писать в протоколах обвиняемых не только то, что он показывал, но и то, что он думает.

6. Бывшим начальником райотделения НКВД КУЦЕНКО были пропущены по показаниям арестованных до 50 человек членов КП(б)У, в том числе 3 состава районного руководства.

7. Считать установленным, что в УНКВД с ведома ВОЛКОВА, как начальника управления, и тов. БЕЛОКОНЯ, как начальника отдела кадров, проводилась контрреволюционная практика в части приема и продвижения по службе в УНКВД лиц еврейской национальности. Вместе с этим, со стороны ВОЛКОВА имелись случаи проявления шовинизма, называя сотрудников «полтавскими галушниками», «хохлами».

8. Также считать установленным, что со стороны тов. ПОЛЯКОВА, как зам[естителя] нач[альника] УНКВД, проводилась контрреволюционная практика, в части допуска к секретной работе в сов[етские] учреждения лиц еврейской национальности. Так, например, без наличия каких-либо компрометирующих материалов не была допущена к секретной работе в Горсовет ЛАНГМАН, а вместе с этим санкционировал допуск к секретной работе кулака САХНО.

9. В своей практической работе ВОЛКОВ, как начальник УНКВД, проявлял исключительную грубость и хамское отношение к оперативному составу, проявлял угрозы арестами, а тов. МОЛЬ лично заявил: «Работайте и бойтесь, чтобы не было у Вас дырочки в головке». В результате чего, среди сотрудников была создана боязнь говорить о тех или иных недочетах в работе УНКВД.

10. Безосновательно по распоряжению ВОЛКОВА, как нач[альника] УНКВД, задерживались арестованные, подлежащие освобождению из-под стражи за отсутствием состава преступления (РЫБЧИНСКИЙ, ЛЫСЕНКО, КЛОЧКО, МАКСИМОВ, КУВИТОВИЧ, жены репрессированных и др.)

11. Несмотря на то, что об искривлениях в работе УНКВД было известно партийному комитету, своевременных мер предотвращения этого не было принято.

Исходя из вышеизложенного закрытое партийное собрание —
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Член ВКП(б) ВОЛКОВ Александр Александрович за:

а) проведение на практике антисоветской работы в части приема и продвижения по службе в УНКВД лиц еврейской национальности;

б) проявление шовинизма;

в) проведения и дачи прямых указаний работникам УНКВД по фальсификации протоколов допроса обвиняемых;

г) незаконный арест отдельных сотрудников НКВД, в том числе и сигнализирующих об искривлениях в работе НКВД;

д) очковитательство при составлении отчетов и спецсообщений о работе УНКВД;

е) грубое отношение к сотрудникам УНКВД

партийное собрание считает невозможным дальнейшее пребывание в рядах партии и на руководящей работе в УНКВД. А поэтому просить обком КП(б)У расследовать изложенные факты искривлений в работе УНКВД и решить вопрос о партийности ВОЛКОВА.

2. Член ВКП(б) ПОЛЯКОВ Семен Илларионович — за двурушническое поведение и неискренность на заседаниях партийного комитета от 18.XII. [19]38 г. и на партийном собрании от 2.I. [19]39 г. при обсуждении вопроса об искривлениях в работе УНКВД; как уличенного на этом же партсобрании в прямом проведении антисоветской установки, как зам[естителя] нач[альника] УНКВД, в части приема лиц еврейской национальности в органы НКВД, выразившееся в отказе дачи санкции на допуск к секретной работе в Горсовет ЛАНГМАН (еврейка), без наличия каких-либо компрометирующих материалов с требованием подобрать на эту работу лиц украинской национальности, дачу санкции на допуск к секретной работе кулаку САХНО; непринятие мер предотвращения искривлений в следственной работе — партийное собрание считает невозможным дальнейшее пребывание в рядах партии и на руководящей работе в УНКВД. Просить обком КП(б)У решить вопрос о его партийности.

3. Член ВКП(б) БЕЛОКОНЬ Александр Трофимович — как принявший антисоветскую установку в НКВД УССР в части ограничения приема и продвижения по службе в УНКВД лиц еврейской национальности и проведение ее в жизнь в практической работе отдела кадров УНКВД по Полтавской области, заслуживает исключения из рядов ВКП(б). Но учитывая, что БЕЛОКОНЬ доложил об этой установке нач[альнику] УНКВД ВОЛКОВУ, не реагировавшему на это, что БЕЛОКОНЬ понял свою вину и осудил свой поступок, что БЕЛОКОНЬ сам из рабочих и является молодым работником в органах НКВД — вынести строгий выговор с предупреждением и с занесением в личное дело.

Просить обком КП(б)У освободить т. БЕЛОКОНЯ от работы в качестве нач[альника] отдела кадров и перевести на низовую оперативную работу.

4. Кандидат в члены ВКП(б) тов. КИРИЛЕНКО Максим Максимович — за несвоевременное сообщение о проводившейся антисоветской практике в отделе кадров заслуживает строгого партийного взыскания. Но учитывая, что первый сигнал исходит от тов. КИРИЛЕНКО, ограничиться указанием на недопустимость такого отношения к аналогичным проявлениям, как не соответствующего званию члена ВКП(б).

5. Указать кандидату в члены ВКП(б) тов. ВОРОНЕ Федору Степановичу на несвоевременное сообщение об антисоветской практике в отделе кадров.

6. В отношении выявленных фактов искривлений в работе УНКВД и членов ВКП(б) ЧЕРНЯВСКОГО, ТИТОВА, ФЕДОРОВА — просить вышестоящие партийные органы проверить путем расследования.

7. В бытность нач[альником] Кременчугского горотдела НКВД БОРИНА, его заместителя БОЙКО и нач[альника] В[елико]-Крынковского райотделения НКВД БАШТОВЕНКО, допустивших грубое искривление в методах следственной работы, в результате чего был случай убийства арестованного (ГУДИМА) — просить обком КП(б)У привлечь БАШТОВЕНКО к ответственности.

В отношении преступной работы БОРИНА и БОЙКО сообщить парторганизациям по месту работы для принятия соответствующих мер.

8. Просить обком КП(б)У расследовать и привлечь к партийной ответственности начальника Лубенского райотделения НКВД МАСТИЦКОГО и бывшего начальника Градижского райотделения НКВД ЮШКАНЦЕВА за допущение ими грубых искривлений и незаконных методов следствия.

9. Поручить партийному комитету сообщить через вышестоящие парторганы [о] нач[альнике] УНКВД по Харьковской области КОБЫЗЕВЕ и нач[альнике] отделения отдела кадров НКВД УССР ПАВЛОВЕ — знавших о проводившейся антисоветской работе в части ограничения приема в органы НКВД лиц еврейской национальности.

10. В отношении бывш[его] начальника Зиньковского райотделения НКВД КУЦЕНКО, пропустившего по показаниям арестованных до 50 чел. коммунистов, в том числе три состава районного руководства, просить вышестоящие парторганы расследовать и привлечь к ответственности.

11. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года о допущенных искривлениях в практической следственной работе в органах НКВД, членами и кандидатами ВКП(б) недостаточно усвоено. В результате чего наблюдается растерянность и нерешительность в части исправления допущенных искривлений.

В ближайшие дни провести специальное оперативное совещание, на котором еще раз обсудить постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17-го ноября 1938 года, заострив внимание каждого коммуниста-чекиста на быстрейшее исправление допущенных искривлений в нашей работе, поднятие на принципиальную высоту большевистской бдительности, партийной и трудовой дисциплины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА СОБРАНИЯ МАШОШИН
СЕКРЕТАРЬ МОЛЬ

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 32, спр.61, арк. 2–93.
Копія. Машинопис.

УНКВС по Харківській області

№ 20

**Супровідний лист начальника УНКВС
по Харківській області Г. Кобизєва заступнику наркома
внутрішніх справ УРСР А. Кобулову
про протоколи оперативних нарад
відділів УДБ обласного УНКВС**

9 січня 1939 р.

В соответствии с Вашим указанием направляю при этом протокол оперативного совещания сотрудников УГБ УНКВД по вопросу обсуждения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и порядке следствия». Настоящее постановление и приказ Наркома Внутренних Дел СССР № 00762 обсуждались также на лично проведенных мною оперативных совещаниях по оперативным отделам в отдельности, однако протоколов совещаний по отделам не велось.

Одновременно направляю на Ваше рассмотрение протоколы оперативных совещаний по отделам, посвященных обсуждению приказов Наркома Внутренних Дел СССР тов. БЕРИЯ за № 00827 «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций», [№] 00831 «О незаконных методах следствия в УНКВД по Калининской области» и циркуляра № 233 «О порядке представления дел на рассмотрение Особого Совещания».

ПРИЛОЖЕНИЕ: 7 протоколов¹.

**НАЧАЛЬНИК УНКВД ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

[підпис] (КОБЫЗЕВ)

**ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 340, арк. 1.
Оригінал. Машинопис.**

¹ Не публікуються протоколи інших відділів через однотипність викладених проблем.

**Протокол оперативної наради співробітників 8-го відділу
УДБ УНКВС по Харківській області про проведення
агентурної роботи і «порушення соціалістичної
законності» під час проведення масових операцій
1 січня 1939 р.**

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. КУНАРИНСКИЙ, БАША, ГИЛЬШТЕЙН, ЛИХОЛАТНИКОВ, БРУСИЛОВСКИЙ, ТКАЧЕНКО, ИВАНОВ, СКРИПНИК, ГАВРИЛОВ, ФРОЛОВ, БОРОДИН, БЕЗУГЛЫЙ, КУЗЬМИН, ШИШ и МУРЗИН.

Председатель — КУДРИНСКИЙ, секретарь — СКРИПНИК.

СЛУШАЛИ: 1. Зачитывался циркуляр Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР и 1-го Специального отдела НКВД СССР за 1938-й год².

2. Приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР за 1938 год за № 00827 [от] 27 декабря 1938 года «Об отсева агентуры и осведомителей из числа ответственных работников»³.

МЕРОПРИЯТИЯ: оперативному составу 8-го Отдела пересмотреть все личные и рабочие дела секретно-осведомительной сети для исключения из сети лиц секретных работников в соответствии с приказом НКВД СССР за № 00827. Такие дела доложить на[чальнику] 8-го отдела 7 января.

СЛУШАЛИ: зачитывается приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР за 1938 год за № 00831, касающийся искривлений в Калининском УНКВД.

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

Тов. ГИЛЬШТЕЙН. Я считаю, что положение в Калинин не является исключением для Харькова и всецело относится к нам. Так как в нашей работе были допущены ряд серьезных ошибок, о которых недавно указывалось постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в ноябре месяце 1938 г.

Хочу привести ряд фактов, подтверждающих вышесказанное. Отделение легкой промышленности, в котором я сейчас работаю, получало задания от ныне арестованного врага народа ПЕРЦОВА развернуть массовые операции

² Імовірно, йдеться про циркуляр № 233 від 26 грудня 1938 р. начальника секретаріату Особливої наради при наркомі внутрішніх справ СРСР М. Петрова і начальника 1-го спецвідділу НКВС СРСР Г. Петрова начальникам НКВС союзних та автономних республік, УНКВС країв і областей, особливих відділів ГУДБ НКВС, військових округів і флоту, ДТВ НКВС «Про порядок подання справ на розгляд Особливої наради». Див.: ГДА СБУ, ф. 9, спр. 672, арк. 184–184 зв. Опуб.: Великий терор в Україні. Куркульська операція 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнг. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. — С. 482–484.

³ Наказ НКВС СРСР № 00827 від 27 грудня 1938 р. був затверджений Політбюро ЦК ВКП(б) 26 грудня 1938 р. Див.: Лубянка: Органи ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. Справочник. Под. ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. — М.: МФД, 2003. — С. 600–601.

для изъятия в системе Облпромсовета и Облкопинсоюза существующих там якобы вражеских контрреволюционных формирований. В результате чего на основании только лишь одной агентурной сводки за подписью бывш[его] начальника 2-го отдела врага народа ЧЕРНОВА, которая была необоснованной, отделение, в котором раньше работали АРЕФЬЕВ, КЕЙС, арестовало по указанию нач[альника] III Отдела тов. БАРБАРОВА и наложенной на этой агентурной сводке резолюции бывш[его] зам[естителя] нач[альника] УНКВД врага народа ПЕРЦОВА «арестовать ряд лиц», на которых не было на это достаточных материалов, и впоследствии таковых пришлось освобождать из-под стражи (ГАЛЬПЕРИН, КОРОБКОВ и др[угие]).

На совещаниях, которые созывались ПЕРЦОВЫМ, последним давались задания и доводились планы до двора, сколько необходимо арестовать людей за такую-то декаду, и по количеству арестов, произведенных отделениями, определялось качество работы оперативного работника. Против этой вражеской установки никто из нас, и я в том числе, не восстал, и выполняли такие указания.

В это время я работал маленький отрезок времени в оперативной технике III Отдела, и эти факты мне лично хорошо известны.

К арестам людей подходили не по-партийному. Однако, товарищи, все мы знаем, что работа органов НКВД была проделана большая, о чем указывалось в решении Центрального Комитета партии и СНК СССР о нанесении удара по контрреволюционным гнездам и формированиям, вскрытию фашистско-националистических гнезд. А наша задача в связи с последним приказом Наркома Внутренних Дел СССР тов. БЕРИЯ «Об искривлениях линии партии некоторыми работниками Калининского Областного Управления НКВД» заставляет нас об отрицательных и порочащих моментах в нашей работе сегодня сказать.

В отношении следствия некоторыми нашими работниками я могу сказать, что СЕРЕДА и КРЮКОВ, работавшие в особой группе УНКВД по Харьковской области, занимались вымогательством от арестованных неправильных показаний на ряд работников, работающих в вашем чекистском коллективе, что они якобы сионисты и т.д. Эти факты антипартийных методов работы сейчас расследуются партийным комитетом УГБ, виновные должны будут понести партийную и служебную кару, так как подобные факты порочат чекистов.

Несколько месяцев тому назад из Особого отдела УНКВД по Харьковской области были переведены в другие отделы все работавшие там евреи, как-то: ФАЙНБЕРГ, ЩЕГЛОВ, ЛИВШИЦ, ЧАЙКОВСКИЙ и др[угие]. Установлено, что это была вражеская установка УСПЕНСКОГО, однако такие указания в данном случае были выполнены в Харькове, что должно стать предметом специального суждения в партийной организации УНКВД по Харьковской области.

Тов. ЛИХОЛАТНИКОВ. В соответствии с приказом Народного Комиссара Внутренних Дел я хочу сказать о старых делах, которые лежат с 1936–1937 г., присланные для доследования. Необходимо их закончить в самый ближайший срок.

Показания, которые были взяты у некоторых обвиняемых раньше путем нажима, сейчас обвиняемыми опровергаются, поэтому нужно проявлять партийный подход к допросу арестованных.

В отношении следствия можно сказать, что в декабре мы с поставленной задачей не справились. Это объясняется тем, что следственная группа работала плохо. На следственной группе БАША не дает определенного направления для окончания дела, и некоторые работники обращаются к тов. БАШЕ, а ответа не получают, который бы дал ясность по делу. Этим самым окончание дела затягивается. Надо, чтобы январь месяц явился решающим и показательным в отношении окончания след[ствен-ных] дел, а это зависит многое от руководителя следственной группы.

Тов. ТКАЧЕНКО. Аналогичные искривления в соответствии с приказом были в нашем аппарате по заданию ФАЙНБЕРГА, не хватало по аресту одного партизана. Он дал задание подобрать, кто попался под руку. Попался ШИРЕНКО с недостаточными компрометирующими материалами — он был арестован. Был такой случай при массовом аресте — вызывает меня ПЕРЦОВ, спрашивая: «Сколько даст на арест по ХТЗ?». Я посмотрел по материалам — ответил: «5 человек». Он дал задание 10 человек.

В соответствии с приказом [НКВД СССР] № 00831 необходимо пересмотреть все следственные дела и дать указания для окончания следствия.

Тов. БРУСИЛОВСКИЙ. Нужно признать, что многие арестованные долгое время сидят, они этим испортились. Нам не нужно шарашаться из стороны в сторону, нужно к делам подходить по-партийному и принимать соответствующие меры. Несомненно, в следственной группе есть холодок, который необходимо изжить.

Тов. БЕЗУГЛЫЙ. Будучи у нач[альника] УНКВД тов. КОБЫЗЕВА, он нас инструктировал, как нужно вести следствие. Капитан [Кобызев] приводел ряд примеров, какая работа ведется в тюрьме и что нужно не страховаться. Нужно к след[ственным] делам подходить по-партийному.

Тов. ГАВРИЛОВ. По приходу в органы НКВД я увидел, что следствие грубо нарушалось. Арестованных поголовно били. Та же картина наблюдалась в отделении тов. БАШИ, где следователи также избивали арестованных. БАША также бил арестованных и молодые чекисты, пришедшие в органы, учились такому неправильному методу ведения следствия.

Слабо идет следработа потому, что мы не получали конкретных указаний, и работники ходят из угла в угол, не знают, что делать.

Много было таких случаев, что нач[альник] следственной группы очень поздно приходит на работу. Некому заказать пропуск. Мне приходилось просить других нач[альников] отд[елов]: ГЕРУСА, МАСЛОВА и друг[их], чтобы заказать пропуск.

Тов. ФРОЛОВ. Руководство следственной группы слабое. Я приходил к т. БАШЕ несколько раз, однако помощи мало получил, и в результате такой работы и помощи я закончил только одно дело. При допросе БАША не помогает следователям в следственной работе.

Тов. БАША. В следственной работе необходимо каждому оперативному работнику проявлять инициативу, иметь свое мнение и делать

по-большевистски четкие выводы. Однако подчас следователи не имеют о следственном деле своего твердого мнения.

ЛИХОЛАТНИКОВ говорит, что якобы не может самостоятельно вести следствие и ему нужна моя помощь. ЛИХОЛАТНИКОВ — старый чекист, и должен еще других учить работе.

В следственной работе у нас холодок. Следователи являются на работу с опозданием, в 11 — пол 12-го утра. Некоторые уходят раньше времени и вечером приходят поздно.

В отношении ведения следствия все помнят, что был приказ о строжайшем запрещении рукоприкладства.

Глупо говорить, чтобы я, давая строжайшее запрещение бить арестованных, в то же время сам бил бы. Наоборот, с этим явлением велась борьба, но были нарушители — это видно по сигналам.

В отношении выступления тов. ГИЛЬШТЕЙНА о том, что имели место случаи антисемитизма в других отделах. Это является уголовным преступлением, и нужно расследовать такие факты. С моей стороны в следствии, как руководителя следственной группы, были оплошности. Хотя следователям и давал письменные указания, все же дела пропускались с недоделками, дефектами. Но нужно здесь сказать, что тов. КУДРИНСКИЙ — начальник отдела — должен больше помогать в следствии. Необходимо напрячь все усилия, тщательной энергичной работой быстрее закончить следствие по делам. Декабрь месяц показал, что мы мало закончили следственных дел. Работники недостаточно уделяли энергии следственной работе. Работники должны просмотреть, где находятся вещдоки по делам, и навести в них порядок, чтобы не повторилось случаев, как это было с пропажей облигаций.

Во время массовых операций руководители отделов доводили задания каждому работнику — сколько нужно арестовать, в определенное время это были искривления.

Начальник 3-го отдела БАРБАРОВ на оперсовещаниях давал каждому работнику задание на определенное количество арестов без учета, есть ли материалы. И оперработники выполняли это, что являлось искривлением.

Январь месяц должен являться решающим месяцем в окончании следственных дел по нашему отделу. Каждый следователь должен просмотреть дела, возможно, нужно кое-кого освободить. Следователь должен иметь полную ясность каждого дела и не медлить с решением вопроса о перспективе следствия. Если нужно освободить — арестованный не изобличен, — не задерживать дело.

Тов. КУДРИНСКИЙ. Как видно из дел, мы допустили очень много ошибок. И поэтому каждый из нас несет в той или иной мере ответственность. Каждый следователь к делу должен подходить по-партийному, а мы все вопросы не рассматривали по-партийному и иногда слепо выполняли задания. Это привело нас к ошибкам.

Все ошибки мы должны выправлять на ходу и вскрывать их. Со стороны некоторых товарищей чувствуется нервозность при ведении следствия, когда имеются отказы.

Опыт показал, что теперь отказываются от показаний не только отдельные арестованные, но и отъявленные враги (ЛИСИН). Поэтому нам

шараться не надо, а с большевистской настойчивостью и партийным чутьем разрешать все вопросы следствия.

Следственная группа работает слабо, по-прежнему чувствуется хлячок и нарушение трудовой дисциплины. Особенно это отмечается за т. т. ИВАНОВЫМ, БОРОДИНЫМ и ФРОЛОВЫМ. Последние 2 товарища за месяц провели только по одному следделу. Лучше работают по следствию т. т. БРУСИЛОВСКИЙ и СКРИПНИК. Тов. БАША слабо поворачивается и мало дает практических указаний следователям.

Агентурная работа у нас страдает.

МЕРОПРИЯТИЯ:

1. Усилить работу следствия путем уплотнения рабочего дня, составляя заранее план работы по делам.

2. В ходе следствия выявлять допущенные ранее ошибки и немедленно ликвидировать их.

3. Январь сделать переломным в области количественного и качественного окончания следствия с тем, чтобы в феврале мы могли помочь по следствию III отделу.

4. Возложить агентурную работу на тов. ТКАЧЕНКО — по 1-му отделению, на ГАВРИЛОВА — по 2-му отделению, которые ее осуществляют при непосредственном руководстве начальника отдела.

5. Подтянуть трудовую дисциплину в соответствии с постановлением ЦК и СНК СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

НАЧ[АЛЬНИК] 8-го отдела УГБ УНКВД КУДРИНСКИЙ

СЕКРЕТАРЬ

ПОМ[ОЩНИК] ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СКРИПНИК

ВЕРНО: [підпис]

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 340, арк. 2–10.

Засвідчена копія. Машинопис.

№ 21

**Протокол оперативної наради співробітників 3-го відділу
УДБ УНКВС по Харківській області**

про «порушення соціалістичної законності»

під час проведення масових операцій

2 січня 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т. т. БАРБАРОВ, ПОГРЕБНОЙ, КУЗНЕЦОВ, ШНАЙДЕР, ВАЙСБАНД, РАЛКО, ПОГРЕБНЯК, ГРАЧЕВ, ВОРОНИН, ВИШНЕВСКИЙ, ИВАХНЕНКО, ФАЙНБЕРГ, ВАСИН, МИХИЛЕВИЧ, ОГУРЦОВ, АЗАРЕНКО, ЯНКО, ДОЛЖИКОВ, ПОРФИРЬЕВ,

МАЙОРОВ, ДОБРОВОЛЬСКИЙ, САДОВОЙ, КАСЬЯНОВ, БРЮХАНЬ, ШКАТУЛА и САМОФАЛОВ.

СЛУШАЛИ: обсуждение приказа Наркома Внутренних Дел УССР от 28 декабря 1938 года за № 00831 «О нарушении революционной законности в Управлении НКВД по Калининской области» и заметки в газете «Советская Украина» от 30 декабря 1938 года «О судебном разбирательстве по делу группы работников Молдавского УНКВД».

Тов. ФАЙНБЕРГ. По отдельным следственным делам у нас та же картина, что была выявлена в Калининской области. Так, например, в производстве у меня имеется дело ЕНИКЕЕВА, который в свое время сознался в проведении им антисоветской агитации, что как будто подтверждалось имевшимися в деле двумя свидетельскими показаниями. Теперь же ЕНИКЕЕВ заявляет, что показания свои он дал в результате соответствующей обработки его в камере, что во время очной ставки с одним из свидетелей протокол ни ему, ни свидетелю не зачитывался. Оба свидетеля по делу также отрицают свои прежние показания, утверждая, что протоколы им не зачитывались. И что в них записано не то, что они говорили. Дело это велось КАРШЕНБАУМОМ.

Имеется у меня также дело группы ассирийцев по обвинению их в принадлежности к антисоветской организации. С этим делом следовало бы серьезно разобраться, так как оно внушает сомнения. Главный обвиняемый по делу, САРКИСОВ, хотя и подтверждает свои прежние показания, но во время допроса не мог указать, ни при каких обстоятельствах был завербован в организацию, каким порядком был связан с лицом, которому передавал шпионские материалы, и прочее. Остальные обвиняемые по делу вовсе от показаний отказываются. По утверждению того же САРКИСОВА, ему не давалось очной ставки с ОСИПОВЫМ, а лишь дали на подпись готовый протокол. Дело это вели ранее т.т. БАША и ПАВЛЮК.

Тов. ВАЙСБАНД. Имеется у меня следственное дело по обвинению ОСТРОВЕЦКОГО, которое велось ранее тов. САМОЙЛОВЫМ. При вызове мною одного из свидетелей по делу некоего РЕЗНИКА, члена партии, зам[естителя] пред[седателя] правления облпотребсоюза. Последний заявил, что он никогда не давал на следствии показания об антисоветской агитации ОСТРОВЕЦКОГО, а при предъявлении мною подписанного им протокола РЕЗНИК стал утверждать, что записанные в протоколе его показания не соответствуют тому, что он в действительности говорил.

Среди переданных мне следственных дел имеется также дело ЦИММЕРМАНА, который в свое время дал показания, что прибыл якобы из Германии и за время нахождения его в СССР проводил на шахтах Донбасса большую диверсионную деятельность. Дело вел тов. ДОНДЫШ.

При передопросе ЦИММЕРМАНА последний заявил, что он вовсе не немец, а по национальности украинец. ЦИММЕРМАН утверждает, что никогда не жил в Германии и является уроженцем Украины, что настоящая его фамилия ПАШКОВСКИЙ. И заявил, что все его прежние показания вымышленные от начала до конца. Следует отметить,

что ЦИММЕРМАН по наружности на немца не похож. Запросили мы Житомирское облуправление НКВД, но оттуда сообщили, что ПАШКОВСКИХ в том селе, которое было указано обвиняемым, никогда не было. С этим делом необходимо разобраться.

Тов. САМОФАЛОВ. Показания свидетеля РЕЗНИКА по делу ОСТРОВЕЦКОГО были мною записаны верно и я утверждаю, что РЕЗНИК сейчас лжет.

Имеющиеся у меня дела на группу греков по обвинению их в принадлежности к антисоветской организации ничем не подкреплены. Есть ряд таких дел, по которым уже сейчас следовало бы прийти к определенному решению и, возможно, некоторых из них освободить, как содержащихся под стражей без достаточных оснований.

Тов. КАСЬЯНОВ. Считаю неправильным, что при распределении следственных дел на каждом деле были наспех написаны сроки окончания этих дел. Жизнь показала, что сроки эти нереальны. Во многих делах отсутствуют подкрепляющие данные. По ряду дел есть косвенные показания о принадлежности того или иного обвиняемого к контрреволюционной организации.

Имеется у меня дело некоего ГУДГАЛО, рабочий, бывш[ий] член ВЛКСМ с 1922 года, бывш[ий] член партии с 1925 года, много лет работал на заводе ХЭТЗ, который сознался, что был завербован в контрреволюционную латышскую организацию. Теперь от этих показаний отказывается и заявляет, что он по национальности вовсе не латыш, а литовец. И свою принадлежность к контрреволюционной организации категорически отрицает. Дело это велось тов. СОВОЙ, который, по заявлению арестованного, применял по отношению к нему недопустимые методы допроса.

Дело по обвинению ИН-ЦЕ (следователи т. т. МАЛЬЦЕВ и АЛЕКСАНДРОВ) — признался ранее в принадлежности к контрреволюционной организации и в шпионской деятельности. Теперь утверждает, что показания эти были даны им под влиянием соответствующей обработки в камере и что они не соответствуют действительности. ИН-ЦЕ в своих показаниях дал явно вымышленные вербовки.

Дело ЧАН-ФУ-ФУ. Дал показания о принадлежности к контрреволюционной организации, которые подкреплены косвенными показаниями двух лиц, с которыми ЧАН-ФУ-ФУ не знаком.

Во всех этих делах нужно крепко разобраться и в ближайшее время иметь по ним определенные суждения.

Желательно, чтобы начальник отдела и начальник следственной группы в порядке практической помощи хотя бы по часу в день допрашивали бы арестованных совместно с теми или иными следователями.

Тов. ОГУРЦОВ. Имеется у меня следственное дело по обвинению БАНДЮКОВОЙ, которая, на мой взгляд, содержится под стражей без достаточных оснований. Так как в материалах следствия имеются лишь данные о проявлении ею недовольства по вопросу снабжения.

Дело по обвинению САЛО. Дал показания о причастности к контрреволюционной националистической организации, а в настоящее время

утверждает, что все это было им вымыслено под нажимом следователя и под влиянием соответствующей обработки в камере.

Тов. ШКАТУЛА. Среди переданных мне следственных дел имеются дела на БАХОЛДИНА, ИЩЕНКО и КОРОБКО, которые были арестованы исключительно на основании тех данных, что они во время империалистической войны находились в германском плену. Двое из них — ИЩЕНКО и КОРОБКО — дали показания о своей якобы шпионской деятельности. Но произведенным мною расследованием установлено, что показания эти были ими явно вымыслены. Все трое — социально близкие нам люди, бывшие члены партии, характеризуются допрошенными мною почти 20 свидетелями с положительной стороны.

Мною около месяца тому назад был написан рапорт и постановление об освобождении этих арестованных, но их до сих пор не освободили, а возвращают мне дела и дают указания о их доработке.

Арестованный БАХОЛДИН заявил мне о том, что допрашивавший его ранее следователь 4-го отдела тов. КРИЦ применял по отношению к нему незаконные издевательские методы допроса.

Тов. ВИШНЕВСКИЙ. Богодуховское райотделение прислало к нам дело на ВАСИЛЕНКО. В деле имеются материалы о том, что ВАСИЛЕНКО — бывший крупный кулак — раскулачен и проводил якобы антисоветскую агитацию, что подкреплено несколькими свидетельскими показаниями односельчан ВАСИЛЕНКО. Когда я стал допрашивать ВАСИЛЕНКО, то он заявил, что с 1903 года не занимается сельским хозяйством и никогда не раскулачивался. Так как в деле имелась справка сельсовета о том, что ВАСИЛЕНКО — бывший крупный кулак, раскулаченный, то мы вновь запросили по этому вопросу Богодуховское райотделение НКВД, которое в декабре месяце прислало нам справку того же сельсовета о том, что ВАСИЛЕНКО никогда не занимался сельским хозяйством и не раскулачивался.

Есть у меня следственное дело по обвинению бывш[его] сотрудника ОМЗа РУТМАНА, в отношении которого в деле нет никаких оснований для дальнейшего содержания его под стражей. РУТМАН на одном из последних допросов заявил мне, что зафиксированные в протоколах его допросов показания о связях с врагами народа были вымыслены следователем тов. СОВОЙ, который вел его дело, и что он подписал эти протоколы под влиянием применявшихся к нему незаконных методов допроса. Странным является то обстоятельство, что из дела исчезли справки, реабилитирующие РУТМАНА и характеризующие его с положительной стороны.

Тов. ПОРФИРЬЕВ. Извращения и нарушения революционной законности были и у нас, но о них почему-то не говорят. В Ахтырском райотделении НКВД, где я работал в следгруппе во время операции, имели место факты, когда фабриковались протоколы вымышленных свидетельских показаний.

Есть у меня дело по обвинению ДЕРЯГИ, которое внушает большое сомнение в смысле правдивости его показаний.

Желательно, чтобы в порядке практической помощи в допросах арестованных участвовали начальник отдела и нач[альник] следственной группы.

Тов. МАСЛОВ. И у нас в Управлении имели место факты ареста людей без достаточных оснований. Так, например, были арестованы отец и сын БАЖО — по национальности французы. Арест их был произведен на основании непроверенного заявления одного гражданина, который даже предварительно не был вызван для опроса. Данные эти оказались безосновательными. Сын БАЖО был недавно из-под стражи освобожден, а отец его до сего времени без всяких оснований продолжает содержаться под стражей.

Арестована была некая КОРЕНБЛИТ, прибывшая легальным путем из-за кордона в СССР, которую без всяких оснований обвиняли в шпионаже. КОРЕНБЛИТ до сих пор содержится под стражей.

Во время операции по харбинцам был арестован некий ЕВТУШЕНКО. В процессе следствия было установлено, что когда он был на КВЖД, ему было 16 лет. Мать ЕВТУШЕНКО после его отъезда из КВЖД была арестована японскими властями и замучена в тюрьме, о чем имелось официальное уведомление советского консульства. Несмотря на это, Особая Тройка осудила ЕВТУШЕНКО к вольной высылке за пределы Украины. В настоящее время дело возвращено на исследование, но вопрос до сих пор не разрешен. А между тем, ЕВТУШЕНКО не возвращают его документы и он не может устроиться на работу.

Был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации бывш[ий] нач[альник] финотдела УНКВД КОРШУНОВ. В процессе следствия была установлена полная его невиновность и непричастность к контрреволюционной организации. А между тем Особая Тройка осудила его на 5 лет вольной высылки за пределы Украины. Дело его в настоящее время в таком же положении, как и дело ЕВТУШЕНКО.

Считаю необходимым обратить внимание на отношение к следственным делам со стороны военного прокурора П[ограничной] О[храны] и войск НКВД тов. ПАЛКИНА, который, занимая позицию перестраховщика, знакомится со следственными делами, высказывает мнение о необходимости их прекращения, но не дает об этом письменного заключения. Такие факты имели место с делами на бывш[их] сотрудников НКВД, находящихся в производстве у тов. ВИШНЕВСКОГО, а также в отношении следела на бывш[его] сотрудника УНКВД ОЛЕВИЧА, находящегося у меня.

Тов. ШНАЙДЕР. Считаю необходимым обратить внимание на имеющееся у нас групповое дело по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации АЛЬБОЩΙΑ, СОКОЛОВА, ПАВЛЕНКО и других. Все они — колхозные активисты, ничего в прошлом не имеют. Хотя все они и дали показания о принадлежности к контрреволюционной организации, но все же это дело, на мой взгляд, вызывает большое сомнение. И я полагаю, что здесь, возможно, имел место оговор со стороны польагента ЭТКАЛО.

Имеется у нас дело по обвинению КРАУЗЕ, которая при передопросе заявила, что имеющиеся в протоколе записи вымышленны, не соответствуют тому, что она показывала, и утверждает, что предъявленная ей ее личная подпись явно подделана и является фиктивной. Судя по имеющимся в деле материалам, основания для содержания КРАУЗЕ под стражей не имеется. Дело это в свое время вел тов. ДОНДЫШ.

По следделу МОЕРМАНА, мне кажется, что он оговорен БЕНЬЯМИН.

Тов. МИХИЛЕВИЧ. Среди переданных мне следственных дел имеется одно, которое является характерным примером того, как возникло дело и посажен человек по материалам явно клеветнического характера. Это дело на бывшего корреспондента «Союзфото» САПОЖНИКОВА.

В сентябре 1937 года в Управление НКВД поступило заявление некоей КИСЛОВОЙ, в котором последняя сообщала, что САПОЖНИКОВ якобы имел систематическую связь с иностранными фотокорреспондентами и что он якобы производил фотоснимки очередей в магазинах, группы беспризорных на улице и прочее.

Без всякой проверки САПОЖНИКОВ на основании этого заявления был арестован. Но и тогда, когда САПОЖНИКОВ уже был под стражей, следователи т. т. МИТАСОВ, БИТЮКОВ и СИДОРЕНКО, на мой взгляд, по-партийному не разобрались в деле. А разобраться с этим делом легко можно было в самом начале.

Теперь же, спустя 15 месяцев, выявляется, что заявительница КИСЛОВА — она же основная свидетельница по делу, была заинтересована в получении жилплощади, занимавшейся САПОЖНИКОВЫМ, и, по всем данным, оклеветала с этой целью САПОЖНИКОВА, сообщив в органы НКВД явно вымышленные ею сведения.

Десять месяцев спустя после первого допроса КИСЛОВОЙ она была вновь допрошена, и на этот раз дала следователю т. СИДОРЕНКО дополнительные показания о проводившейся САПОЖНИКОВЫМ якобы систематической антисоветской агитации, о которой ранее КИСЛОВА не говорила ни при допросах, ни в своем заявлении.

Вызванная мною свидетельница КИСЛОВА вносит теперь в свои первичные показания ряд корректив, которые, по сути, сводят на нет ряд сообщавшихся ею сведений о САПОЖНИКОВЕ. Что же касается данных ею показаний о проведении САПОЖНИКОВЫМ антисоветской агитации — она теперь заявляет, что якобы таких показаний она вовсе не давала и что в протоколе записано не то, что она говорила. Свидетельница КИСЛОВА заявила также, что когда последний раз она была вызвана тов. СИДОРЕНКО, он в беседе с ней мотивировал необходимость дополнительного ее допроса тем, что «Москва из-за отдельных неудачных редакций в протоколе ее допроса не принимает в таком виде дело».

Заявление КИСЛОВОЙ в отношении тов. СИДОРЕНКО следует тщательно расследовать, так как не исключена возможность, что КИСЛОВА оговаривает т. СИДОРЕНКО так же, как она оговорила САПОЖНИКОВА.

Во всяком случае, САПОЖНИКОВА после некоторой дополнительной проверки следует из-под стражи освободить.

Считаю, что необходимость в самом тщательном разборе имеющихся у нас следственных дел не должна, однако, приводить к шараханью из одной крайности в другую в том смысле, что мы должны весьма критически относиться к заявлениям, которые делают нам при передопросах арестованные.

У меня, например, имеется дело по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации инженера «Трубостали» ЛАПИНА. Мы не делали еще в отношении ЛАПИНА никаких определенных выводов, но и у меня, и у других сотрудников, знакомых с этим делом, создавалось впечатление, что ЛАПИН как будто оговорен. Теперь же выясняется, что этот самый ЛАПИН, находясь в тюрьме, передавал одному из активных участников этой контрреволюционной организации ШПЕЛЬТИ (осужден) о том, что он не сознался и «решил лучше умереть, но ни в чем не признаться». Таким образом, получается, что так называемая интуиция нас обманула и что перед нами — явный враг.

Тов. ПОГРЕБНОЙ. Ошибки в проведении следствия и извращения, имевшие место у нас в Управлении НКВД, — результат того, что все мы не по-партийному и некритически относились к незаконным распоряжениям и указаниям бывш[его] вражеского руководства УНКВД и слепо их выполняли.

Я припоминаю один факт, имевший место вскоре после начала операции. Бывший в то время начальник 3-го отдела ФИШЕР, проводя оперативное совещание, заострял перед сотрудниками вопрос о необходимости применения таких методов допроса, которые мы сейчас расцениваем как явно незаконные. И заявлял, что эти методы являются «острым оружием в деле борьбы с врагами, которое дала в наши руки партия». Тогда же ФИШЕР предложил присутствующим поднять руки тем, кто не может пользоваться этим «острым оружием».

В результате таких «установок» ряд сотрудников, как, например, СКРАЛЕВЕЦКИЙ, СОВА и другие, применяли указанные методы допроса в массовом порядке, без всякого разбора.

Характерный факт имел место в июне 1938 года, когда ныне разоблаченный враг народа ПЕРЦОВ вызвал тов. БАРБАРОВА и предложил ему арестовать 250 человек поляков. Так как тов. БАРБАРОВ заявил ему, что больше 60—80 человек по имеющимся материалам арестовать нельзя, то ПЕРЦОВЫМ был вызван непосредственно вр[еменной] нач[альник] отделения тов. ТЕСЛЕНКО, которому он лично предложил арестовать не менее 250 человек. Распоряжение это, хотя и не было выполнено, но оно характерно для тех явно незаконных установок, которые тогда давали бывшим руководством УНКВД.

Согласен с выступлением тов. КАСЬЯНОВА, указывавшего на нереальные сроки, установленные для окончания следствия по ряду дел. Но сроки эти устанавливались сугубо ориентировочно, и мы их теперь корректируем.

Здесь выступал тов. ШКАТУЛА, который говорил о задержке с прекращением 3-х следственных дел. Однако тов. ШКАТУЛА почему-то не сказал здесь, на совещании, о том, что показания ИЩЕНКО и КОРОБКО

о их якобы шпионской деятельности были записаны им лично, что когда он докладывал в свое время эти дела, то он сам говорил, что показания эти натянуты.

Говоря о фальсификации следственной работы, нельзя не указать на имевший место случай с тов. ЛАЩЕНКО, который произвел подчистку и исправление в протоколе допроса обвиняемого, за что понес соответствующее наказание.

Уже после решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР не выправляются все ошибки в следственной работе, имевшие место у нас в управлении НКВД. В свете этого считаю необходимым обратить внимание на отношение к следственным делам прокурора тов. ПАЛКИНА, который, занимаясь самостраховкой, просматривает следственные дела и не дает по ним заключения. Так, например, тов. ПАЛКИН на протяжении трех дней читал дела бывш[их] сотрудников УНКВД БАБУШКИНА, БОНО-КОНСТАНТИНЕРА, ПЕТРОВА, РУТМАНА и высказал тогда же свое мнение о необходимости освобождения трех последних. Но письменного заключения не дал, а заявил, что должен еще посоветоваться с руководством УНКВД. Никаких указаний от прокуратуры по этим делам так и не поступило. А спустя 2 недели тов. ПАЛКИН звонит по телефону и спрашивает, освободили ли этих людей из-под стражи.

По делу БОНО-КОНСТАНТИНЕРА уже давно был написан рапорт и постановление о его освобождении. Но без серьезных оснований оно до сих пор не утверждено начальником Управления, которому дело докладывалось дней десять тому назад.

Считаю необходимым обратить особое внимание на деятельность существовавшей у нас в свое время так называемой особой следственной группы по делам бывш[их] сотрудников УНКВД, которая возглавлялась т. т. КРЮКОВЫМ Иваном и СЕРЕДОЙ.

Арестовано было до 15 человек бывш[их] сотрудников УНКВД. Основания арестов мне неизвестны, но, по-видимому, не по всем делам были достаточные основания. Примером чему может служить освобождение из-под стражи и прекращение дел в отношении т. т. АВДЕЕВА и ДЕМЧЕНКО.

Бывш[ий] зам[еститель] нач[альника] УНКВД ПЕРЦОВ — разоблаченный враг народа — постоянно хвалил тов. СЕРЕДУ, утверждая, что он имеет значительные успехи в своей «работе». Между тем я считаю, что в работе этой следственной группы было явно неблагополучно и в ней ПЕРЦОВ руками СЕРЕДЫ и КРЮКОВА осуществлял свою вражескую работу.

Я лично занимался впоследствии делом БАБУШКИНА, которое ранее велось этой группой, и обнаружил в нем большие безобразия. От БАБУШКИНА были приняты показания, в которых он без всяких оснований целым списком называл ряд оперативных сотрудников УНКВД, указывая на них, как на участников антисоветской организации. Так, например, голословно был назван как участник организации бывш[ий] сотрудник 3-го отдела тов. БУРКСЕР, на которого даже была выписана

справка на арест. В ряде протоколов допроса БАБУШКИНА явные, резко бросающиеся в глаза противоречия.

Аналогичное, по-видимому, положение и с делом САНДЛЕРА, который, как мы знаем, голословно указал, а в протоколе записали, как на участника антисоветской организации тов. ЛИФШИЦА, который сейчас полностью реабилитирован.

В производстве этой же группы имелось дело по обвинению ПОЛИЩУКА. Вместо того, чтобы уметь воспользоваться имевшимися в деле материалами и уличить его во вражеской деятельности, ПОЛИЩУКУ дали возможность благодаря непартийному подходу к делу дать «липовые» показания и скрыть действительных врагов.

О явном неблагополучии, имевшем место в деятельности этой следственной группы, говорят у нас в аппарате повсюду. Но вопрос этот до сих пор не поставлен там, где это надо, на должную принципиальную высоту.

Я считаю, что работа этой группы должна стать предметом рассмотрения руководства и нашей парторганизации.

Тов. БАРБАРОВ. Прошло пару месяцев после решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Время достаточное для того, чтобы сделать соответствующие выводы, проанализировать имеющиеся следственные дела и исправить все сделанные ошибки. Между тем, у нас не только не исправлены все ошибки, но и продолжают иметь место нарушения революционной законности.

В прошлом у нас в аппарате, невзирая на несомненные успехи, имели также место и извращения, аналогичные тем, которые были в Калининской области. В массовом порядке у нас применялись незаконные методы допроса арестованных. Некоторые следователи применяли уродливые, буквально антисоветские формы допроса арестованных.

Отсутствовало критическое отношение к показаниям арестованных. Брали от арестованных все, что они в своих показаниях давали, без всякого разбора.

Факты, о которых идет речь в приказе НКВД СССР, имели место и у нас, однако ошибки до сих пор исправляются довольно вяло.

Меня удивляет, почему тов. РАЛКО не говорил здесь, на совещании, о деле ОСТРОВИТИНОВА. Дело это явно не внушает доверия, и в нем был обнаружен подлог. Рапорта об этом деле тов. РАЛКО мне не подал до сих пор.

С делом ПАВЛЕНКО, АЛЬБОЩИЯ и других надо разобраться в самом ближайшем времени.

Имеется у нас следственное дело на группу бывших партизан по обвинению в принадлежности к антисоветской организации. Мы пришли к заключению, что лица, проходящие по этому делу, оговорены, и докладывали его начальнику УНКВД на предмет освобождения арестованных. Начальником УНКВД были даны указания о некоторой доработке этого дела. Однако дело это, находящееся у тов. ПОРФИРЬЕВА, почему-то не двигается с места.

Незаконные аресты имели место и у нас, причем в довольно больших масштабах. Для примера приведу дело СКОРОБОГАТЬКО. Это старый телеграфист, почти всю свою жизнь прослужил на телеграфе, а арестован был на основании почти анекдотических данных о его личном якобы знакомстве с Николаем II и о том, что он был в прошлом камер-юнкером. Несуразность этих данных выявилась при первом же допросе.

В свое время по настоянию бывш[его] начальника отделения 3-го отдела АЙЗЕНБЕРГА, несмотря на мои возражения, была арестована совершенно безосновательно артистка СУКОВСКАЯ, которая продолжает находиться под стражей до сего времени.

Случаи фальсификации протоколов имелись, и ни один факт при его обнаружении не должен остаться нерасследованным и безнаказанным. Работники, выявляющие такие факты в процессе своей работы, должны немедленно подавать об этом рапорта.

Были извращения в работе и с осведомлением среди заключенных. Зачастую эти осведомители проводили в камерах явно провокационную работу.

Некоторые товарищи проявляют робость в деле постановки вопроса об освобождении арестованных, в отношении которых установлена полная их невиновность. Но в то же время не следует бросаться в крайности и ставить вопрос об освобождении того или иного человека по одной лишь интуиции. По каждому отдельному делу нужно иметь убедительные доказательства того, что тот или иной подсудимый невиновен, и лишь после этого нами такие дела будут прекращаться.

До сих пор мы имеем такое положение, когда следователи не ознакомились с достаточной тщательностью со всеми имеющимися у них делами. Все дела в ближайшие два-три дня должны быть всеми следователями пересмотрены и самым тщательным образом изучены.

С выступлением тов. ПОГРЕБНОГО в отношении так называемой особой группы я вполне согласен. О неблагополучии в этой группе были сигналы, поступали заявления, которые передавались руководству. Но никаких мер в этом направлении до сих пор как будто не предпринято.

Тов. ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нас упрекают в том, что мы проявляем робость в представлении дел незаконно арестованных для их освобождения и не настаиваем, как сказал т. БАРБАРОВ, чтобы их освобождали.

Как же не робеть, когда уже после решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР мы получаем упрек, что наше отделение много освобождает? Не говоря о конкретных примерах, в то время когда все освобождаемые нашим отделением не служили у белых и никаких компрометирующих материалов на них нет.

Второй пример. Сам тов. БАРБАРОВ говорил в своем выступлении о том, что им докладывалось тов. КОБЫЗЕВУ на предмет освобождения следственное дело на группу бывш[их] партизан. О том, что проходящие по этому делу лица оговорены, утверждает и следователь тов. ПОРФИРЬЕВ. Почему же тов. КОБЫЗЕВ предложил еще работать с ними и восстанавливать их? Я расцениваю это не как помощь в реализации решений партии, а как неправильную ориентировку оперативного состава.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. БАРБАРОВА.

По всем затронутым в выступлениях фактам и конкретным следственным делам необходимо в самые ближайшие дни произвести соответствующее расследование, внести в эти дела окончательную ясность и прийти к определенному решению.

По делу ЕНИКЕЕВА — тов. ФАЙНБЕРГУ тщательно допросить арестованного и свидетелей и представить рапорт о результатах расследования.

По делу группы ассирийцев — тов. ФАЙНБЕРГУ ускорить следствие по делу, расследовать факт с очной ставкой между САРКИСОВЫМ и ОСИПОВЫМ. Через 5 дней доложить результаты работы с арестованными.

По делу ДЕРЯГИ — тов. ФАЙНБЕРГУ в трехдневный срок собрать характеризующие материалы и решить вопрос о подследственном.

По делу ОСТРОВЕЦКОГО — тов. ПОГРЕБНОМУ в двухдневный срок произвести расследование.

По делу ЦИММЕРМАНА — тов. ВАЙСБАНДУ немедленно запросить соответствующие органы НКВД по месту прежней работы обвиняемого.

По делу МАРТЕЛЯ — тов. ВАЙСБАНДУ завтра же выехать в район и добыть характеризующие материалы на месте. Одновременно продолжать работу с арестованными.

По группе греческих националистов тов. ПОГРЕБНОМУ ознакомить с состоянием дел и дать указания о дальнейшем следствии.

По делу ГУДГАЛО — тов. КАСЬЯНОВУ собрать характеризующие сведения по месту работы обвиняемого.

По делу ИН-ЦЕ — завтра же дать обвиняемого на допрос к начальнику Отдела.

Дело ЧАН-ФУ-ФУ — доложить начальнику отдела.

По делу САЛО — тов. КУЗНЕЦОВУ произвести расследование по заведению арестованного.

По делу БАХОЛДИНА — тов. ШКАТУЛЕ доложить о выполнении ранее данных ему указаний и представить рапорт по поводу заявления арестованного о его бывшем следователе — для доклада начальнику Управления НКВД.

По делам ИЩЕНКО и КОРОБКО — передать начальнику отдела для доклада начальнику УНКВД.

По делу ВАСИЛЕНКО — тов. ВИШНЕВСКОМУ представить рапорт об извращениях, допущенных в деле со стороны Богодуховского РО НКВД.

Дело РУТМАНА — доложить начальнику отдела.

О фальсификации протоколов при допросах свидетелей в Ахтырском райотделении НКВД тов. ПОРФИРЬЕВУ представить рапорт с изложением конкретных фактов.

По делу БАЖО — доложить начальнику отдела результаты медосвидетельствования.

По делу КОРШУНОВА — просить начальника УНКВД дать указания по представленному заключению.

По делам ОЛЕВИЧА и ПЕТРОВА — передать начальнику отдела для доклада начальнику УНКВД.

По делу КОРЕНБЛИТ — тов. МАСЛОВУ представить рапорт на освобождение.

По делу СУКОВСКОЙ — тов. МАСЛОВУ в трехдневный срок закончить следствие.

По делу ЗАГЕЛЯ — закончить следствие в трехдневный срок.

По делу ПАВЛЕНКО, АЛЬБОШИЯ и других — следователю З.И.[1939 г.] выехать в район и собрать характеризующие материалы на лиц, проходящих по этому делу.

По делу КРАУЗЕ — тов. ШНАЙДЕРУ выяснить состояние расследования по этому вопросу у Особоуполномоченного.

По делу МОЕРМАНА — тов. ШНАЙДЕРУ тщательно допросить арестованную БЕНЬЯМИН об антисоветской деятельности МОЕРМАНА.

По делу ЕВТУШЕНКО — тов. МАСЛОВУ в двухдневный срок вынести заключение о пересмотре дела.

О группе арестованных, осужденных Особой Тройкой к высылке за пределы Украины, тов. КУЗНЕЦОВУ в трехдневный срок представить заключения о пересмотре дел.

Об извращениях в допросах арестованных и свидетелей со стороны бывш[его] работника 3-го Отдела тов. СИДОРЕНКО — т. т. ШНАЙДЕРУ и МИХИЛЕВИЧУ представить рапорта по этому вопросу.

По делу ОСТРОВИТИНОВА — тов. РАЛКО З.И.[1939 г.] доложить дело начальнику отдела для окончательного решения вопроса.

По делу КОЛУПАЕВА — тов. МИХИЛЕВИЧУ в двухдневный срок закончить следствие.

По делу САПОЖНИКОВА — тов. МИХИЛЕВИЧУ в трехдневный срок закончить следствие.

По делу БОНО-КОНСТАНТИНЕРА — вторично доложить дело начальнику УНКВД.

Необходимо поставить вопрос перед начальником Управления НКВД о воздействии на Прокуратуру П[ограничной] О[храны] и Войск НКВД, Военную прокуратуру ХВО с целью обязать их давать письменные заключения по просматриваемым им делам.

По делу группы бывших партизан — тов. ПОРФИРЬЕВУ передать это дело начальнику отдела для совместного доклада начальнику Управления НКВД на предмет окончательного решения вопроса об их освобождении.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Настоящий протокол совещания довести до сведения начальника управления НКВД.

2. Указания начальника отдела принять к исполнению и руководству.

СЛУШАЛИ: приказ НКВД СССР от 27 декабря 1938 года за № 00827 — о запрещении вербовок некоторых категорий ответственных работников.

ПОСТАНОВИЛИ: приказ принять к руководству и неуклонному исполнению.

Всему оперативному составу в однодневный срок просмотреть под этим углом зрения личные дела агенты и владельцы конспиративных квартир, сообщив о результатах Начальнику Отдела.

Тов. КУЗНЕЦОВУ проследить за осуществлением настоящего приказа.

СЛУШАЛИ: ориентировка НКВД УССР о незаконных арестах лиц из числа агентурно-осведомительного аппарата, приведших в некоторых местах к потере ценной агенты.

ПОСТАНОВИЛИ: предложить всем следователям в свете этой ориентировки тщательно пересмотреть следственные дела на бывш[их] секретных сотрудников и свои соображения в отношении каждого в отдельности доложить Начальнику Отдела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СЕКРЕТАРЬ

[підпис]
[підпис]

БАРБАРОВ
МИХИЛЕВИЧ

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 340, арк. 11–42.
Оригінал. Машинопис.

№ 22

Протокол оперативної наради 4-го відділу УДБ УНКВС по Харківській області про зміни в агентурно-оперативній роботі.

2 січня 1939 р.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: ГЛОЗМАН, ДУХОВНЫЙ, ВЕЛИКИН, СЕРГЕЕВ, ПОГУЛЯЕВ, МИШНЕВ, ДУБОВОЙ, КРИЦ, ДЕЙНЕГА, СПИВАК, ПАК, МИЩЕНКО, МИКОТКИН, СТОЙЧАНОВ, СТЕГНИЙ, ОЗЕРНЫЙ, БЕЛЕВЦЕВ, НЕЧАЕВА, МЕЙЕР, ЛЕТНЕВ, ХОРОШУН, КРИВОШЕЕВ, МОЗГОВОЙ.

На повестке дня: проработка приказов НКВД СССР № [00]827, 233 и [00]831.

Тов. ГИНЕСИН зачитывает приказ № [00]827 о запрещении вербовки агенты среди ответственных руководящих работников партийных, советских, профессиональных и общественных организаций.

ПОСТАНОВИЛИ:

2.1. Составить по отделениям списки имеющейся агенты из числа руководящих работников, представив их сегодня же начальнику отдела.

Приказ № 233 — о направлении следственных дел по подсудности по окончании следствия в порядке оформления указанных дел по окончании следствия.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять к руководству приведенные в приказе указания по оформлению следдел.

Приказ № [00]831 о незаконных методах следствия в УНКВД по Калининской области.

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

СТОЙЧАНОВ. В нашем производстве сейчас имеются дела чуть ли не аналогичные фактам, приведенным в приказе № [00]831, т. е. дела, по которым люди арестовывались без достаточных оснований, а иногда и из каких-то низменных побуждений. Таково, например, дело КРУПНИКОВА, арестованного 3-м отделом.

Ряд дел, по которым арестованы люди неизвестно за что; показаний на них нет; виновность ничем не подтверждается (дело ДРАБКИНА). Арестованные в ряде случаев называют вымышленные фамилии, дают якобы своих соучастников, впоследствии оказывающихся несуществующими. Не исключена, конечно, возможность, что враги будут стараться запутать следствие путем отказов, различных провокационных приемов и т. п., поэтому нужна большая осторожность и осмотрительность.

Нужно разобраться также с делом ПАРИЦКОГО, по которому арестованы люди в секретном порядке, без санкции прокурора.

БЕЛЕВЦЕВ. К числу дел, в которых выявляется провокация, нужно отнести дело НАЗАРОВА, арестованного 3-м отделом, обвинявшегося в шпионаже. При передопросе НАЗАРОВ заявил, что оговорил ряд людей, никакого отношения к делу не имеющих. Эти люди уже арестованы. В дальнейшем НАЗАРОВ отказался и от показаний, касающихся его виновности.

Нужно разрешить вопрос также о делах, в которых нет санкции прокурора на арест.

ОЗЕРНЫЙ. Часть дел, которые я получил, возвращены с Тройки. В некоторых делах фигурируют выдуманные, несуществующие лица; все дело основано на признании обвиняемого, свидетельскими показаниями ничего нельзя подтвердить.

Таковы дела БЕЗГИНА, БУРЧАНСКОГО, в которых хотя и есть показания свидетелей, но они говорят не об участии обвиняемых в контрреволюционной организации, а в спекуляции.

У меня есть такие два дела из Красноградского райотделения НКВД, которые тянутся с 1937 г., возвращены Спецколлегией облсуда, и с тех пор никто эти дела не брал и по ним ничего не делалось.

ГЛОЗМАН. Нам нужно сейчас говорить о делах, на которые указывается в приказе о провокации, об искусственно созданных делах. С этой точки зрения необходимо пересмотреть дело молодежного центра, в котором возможны элементы провокации и оговора.

Нужно присмотреться к делу НАЗАРОВА и всем делам сомнительным, т. е. тем, по которым арестованы люди на основании одного показания. Нужно честно подойти к делам и оклеветанных людей освободить.

ПОГУЛЯЕВ. Много затруднения по делам дашнаков. Здесь особенно трудно установить истину — все они отказываются от показаний, ссылаются на малограмотность, незнание русского языка и т. д.

МИКОТКИН. Часть дел, находящихся у меня, как говорится, сфабрикованы. Обвиняемых по этим делам допрашивало несколько следователей,

протоколами допросов не оформляли или оформляли так, что теперь обвиняемые их не признают.

В частности, по делу ГУРЬБЫ имеет место подлог. В дело вклеен был тов. ЛИПКО протокол дополнительно, и на этом протоколе имеется подпись обв[иняемого] ГУРЬБЫ, от которой он отказывается, заявляя, что таких показаний не давал и протокола этого не подписывал. Дело ГУРЬБЫ после этого у меня было взято тов. ЛИПКО, который хотел якобы закончить дело сам. Протокол, от которого ГУРЬБА отказался, ЛИПКО из дела изъяс.

Есть также и другие дела, по которым материалы сфабрикованы искусственно следователями. Например, шести человек по Змиевскому району, дело ЛИМАРЕНКО, сфабрикованное КРИЦОМ. ЛИМАРЕНКО заявляет, что он не такие давал показания, как сформулировано у КРИЦА. Необходимо проверить все материалы по этим делам.

ВЕЛИКИН. Мы убедились на практике, что арестованные нас провоцировали. По делам сионистов, арестованных 3-м и 4-м отделами, мы столкнулись с фактами, что когда дела уже заканчивались и мы начали проверять действительность материалов на всех обвиняемых, то все сидящие в общих камерах сговорились и отказываются от показаний.

Должен сказать, что были случаи «натягивания» дел, в частности у меня и СТОЙЧАНОВА по делу БАЙРАХТАРОВА о его участии в антисоветской повстанческой организации и других участников таковой. Я и СТОЙЧАНОВ заставили его дать показания. Он заявил, что его вербовал ГАРКОВЕНКО, а теперь отказывается от своих показаний. Тем не менее, необходимо следователям не вдаваться в крайности в вопросах проверки дел и не очутиться на поводу у обвиняемых.

ДЕЙНЕГА. Видимо, у нас также имели место случаи безобразного ведения следствия, как, например, по делу правотроцкистской молодежи, которое заканчивает тов. СПИВАК.

Таковы также дела ГЕНКЕ, который арестован без всяких материалов, дело БУРЦЕВА, в котором нет совершенно материалов, подтверждающих его контрреволюционную деятельность.

СПИВАК. По делу молодежи наличие организации подтверждено следствием. Были оговоренные по этому деду, часть мы уже освободили. Есть еще несознавшиеся. Необходимо, конечно, перепроверить показания свидетелей.

НЕЧАЕВА. При проверке ряда дел я убедилась, что со стороны обвиняемых часты случаи оговора и провокационных обвинений следствия.

КРИЦ. Нельзя впадать в панику по поводу отказа обвиняемых, так можно допустить перегиб в другую сторону.

У меня имеется только одно дело по обвинению ЛЫСЕНКО, в виновности которого я сомневаюсь. Там допущен ряд несоответствий и фиксирований показаний.

СЕРГЕЕВ. Над делами, вызывающими сомнение, необходимо хорошо поработать. Таковы дела БЕЗГИНА, ПАРИЦКОГО. ПАРИЦКОГО я несколько раз передопрашивал и он подтвердил свои показания. Наиболее сомнительным является дело МАКАРЕНКО, который арестован на

основании дела-формуляра. В материалах д[ела]-ф[ормуляра], кроме того, что он якобы был 20 лет тому назад 3,5 месяца в эсеровской организации, больше ничего нет.

ГИНЕСИН. Приказ № [00]831 имеет в виду необходимость борьбы с провокацией и дутыми, искусственно созданными делами.

При этом нужно помнить, что дела розданы работникам не для контроля над ранее ведшими следствие сотрудниками, а для внимательного разбора и окончания следствия. При ведении следствия нужна максимальная четкость, нужно серьезно разобраться во всех материалах дела, поставить себе твердое мнение по данному делу.

Не следует разбрасываться, переходя без системы от дела к делу.

Арестованных нужно вызывать по согласованию с начальниками отделений. К каждому делу нужно подходить индивидуально, передопросить обязательно не только обвиняемого, но и всех свидетелей.

Следователя не должны смущать факты отказа обвиняемых от своих показаний, в таких случаях необходимо принять меры к тщательной проверке всех имеющихся в деле материалов и получению новых улик.

Составив себе определенное мнение по делу и о действительности обвинительных материалов, следователь обязан доложить это мнение нач[альнику] след[ственной] группы или нач[альнику] отдела.

Все работники должны помнить, что если в результате отсутствия внимания в разборе дел или допущения новых ошибок будут отданы под суд невинные люди,— то следователи будут за это отвечать сами.

НАЧАЛЬНИК 4-ГО ОТДЕЛА УГБ УНКВД

СТ[АРШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ

ГОСУДАРСТВ[ЕННОЙ] БЕЗОПАСНОСТИ [підпис]

СЕКРЕТАРЬ

ГИНЕСИН

БОЙКО

ГДА СБУ, ф. 16, оп. 1, спр. 340, арк. 43–50.

Оригінал. Машинопис.

Іменний та біографічний покажчик

Абрамзон Исаак Григорьевич (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	419, 420, 479
Абрамович Антон Павлович (рос.) (1908–?) — до 07.04.1937 — оперуповноваж. УНКВС по Донецькій обл. Із 07.04.1937 — нач. Ольгінського РВ, у 1938 — нач. Боково-Антрацитівського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	75
Авдеев (рос.) — у 1938 — оперуповноваж. Проскурівського МВ, нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	351
Авдеев Иван Павлович (рос.) (1896–?) — до 02.08.1938 — нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Арештований 05.1938. Справа припинена, звільнений. Наказ про звільнення з органів НКВС був скасований 08.06.1939.	645
Авдеев Павло Францович (рос.)	573
Авсеев (рос.)	534
Азаренко (рос.)	638
Айзенберг Рафаил Наумович (рос.) (1904–?) — з 01.04.1937 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Арештований 29.05.1938. Справа припинена, звільнений 11.01.1940.	647
Акатов Андрей Лаврентьевич (рос.) (?–?) — на 22.03.1936 — співробітник НКВС МАРСР. У 1938 — співробітник апарату НКВС УРСР. До 25.05.1939 — ст. інспектор відд. трудових колоній НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС.	521, 534, 537
Акимов-Эгидес Мирон Маркович (рос.) (1903–1941) — до 29.06.1938 — пом. нач. відд-я 4 відд. НКВС УРСР. Відраджений 29.06.1938 до УНКВС по Полтавській обл. Із 1938 — співробітник 4 відд. УНКВС по Київській обл. Загинув на фронті.	372, 374, 381–382, 407–408, 410–412, 483, 485, 492
Акиндинов Георгий (Юрий) Вячеславович (рос.) (1905–?) — інженер дорожньо-експлуатаційної дільниці № 651. Арештований 07.04.1938. Постановою ОН при НКВС СРСР від 02.09.1940 засуджений до 3 років ВТТ. Реабілітований у 1989.	250
Александров (рос.)	136, 139–140
Александров (Албул) Александр Петрович (рос.) (1900–?) — у 1938–1939 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	640
Алферов (рос.) — секретар Дніпродзержинського міськкому КП(б) У.	203, 225, 228–229
Альбоций (рос.)	642, 646, 649
Альтцигер Соломон Абрамович (рос.) (1896–?) — з 16.01.1937 — нач. 8-го відд., з 08.1938 — нач. 1-го спецвідд. УНКВС по Київській обл.	438, 443, 489
Амдур (рос.) — співробітник Київського обкому КП(б)У.	404

Амчеславский Анатолий Абрамович (рос.) (1900–1938) – військовий комісар військового складу. Арештований 15.03.1938. Засуджений 16.10.1938. Розстріляний 16.10.1938. Реабілітований у 1957.	606
Ангелиц (рос.)	359
Андреев (рос.)	239, 241, 248, 251, 252, 272, 319, 584, 585, 587, 590, 599, 621, 622
Андреев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	239, 241, 248, 251–252, 272, 319, 584–585, 587, 590, 599, 621–622
Андреев Константин Николаевич (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — нач. Старо-Костянтинівського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	239, 241, 248, 251–252, 272, 319, 584–585, 587, 590, 599, 621–622
Андрианов (рос.) — у 1938 — нач. Дубоссарського РВ НКВС МАРСР.	545
Андрієнко (рос.)	209
Антонюк (рос.)	186
Антошко Ефим Иванович (рос.) (1900–1942) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл. До 03.02.1943 — заст. нач. ОВ НКВС 373-ї стрілецької дивізії КалФ. Зник безвісти на фронті.	384
Антропов (рос.) — в 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	255
Анфілов Евгений Гаврилович (Петрович) (рос.) (1910–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 13.09.1939 — нач. 2-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 14.08.1939. Засуджений 01.02.1940 ВТ КОВО до 7 років ВТТ. У 08.1942 відряджений на фронт.	248, 252, 256, 287, 290, 305, 315–316, 320, 448
Аренков (рос.) — співробітник фінвідділу УНКВС по Дніпропетровській обл.	152
Арефьев Николай Павлович (рос.) (?–?) — з 01.05.1938 — нач. 8-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	635
Артечук Александр Арсентьевич (рос.) (1900–?) — у 1938 — нач. Могилів-Подільського МВ УНКВС по Вінницькій обл. Під час війни в ОВ–ВКР «СМЕРШ».	20
Артемов Григорий Дмитриевич (рос.) (1906–1944) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. До 25.07.1939 — нач. Новоград-Волинського МВ УНКВС по Житомирській обл. Засуджений 22.08.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 3 років ВТТ умовно. На 1944 — нач. ВКР «СМЕРШ» 61-ї гв. танкової бригади 10-го танкового корпусу 1-го Українського фронту. Загинув.	323

Арутюнов Михаил Артемович (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 20.10.1939 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР.	209, 213–216, 223, 229
Афанасьев (рос.) (?–?) — з 1938 — нач. відд-я 9-го відд. УГБ УНКВС по Ворошиловградській обл.	82–83, 95, 109, 112
Бабаньков (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	216
Бабич (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	96, 374–375, 438, 497–498
Бабич Исая Яковлевич (рос.) (1902–1948) — з 22.07.1935 — нач. СПВ УНКВС по Київській обл. Із 08.08.1937 — заст. нач. УНКВС по Одеській обл. Із 22.10.1937 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Із 28.03.1938 — нач. 2-го відд. 2-го Управ. НКВС УРСР.	96, 374–375, 438, 497–498
Бабошкин (рос.)	608
Бабушкин Зиновий Владимирович (рос.) (1907–?) — з 01.12.1935 — оперуповноваж. СПВ УНКВС по Харківській обл. Арештований 28.02.1938. Справа припинена УНКВС по Харківській обл. у 09.1939.	645–646
Баевский (рос.)	414
Бажо (рос.)	642, 648
Базан (рос.)	605
Базанов (рос.)	584, 601
Базилевич (рос.)	457
Базылюк (рос.) — нач. відд-я відд. боротьби з розкраданням соціалістичної власності УРСМ УНКВС по Вінницькій обл.	28
Байдацкий (рос.)	21
Байрахтаров (рос.)	652
Балецкий (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	134
Балычев Алексей Дмитриевич (рос.) (1900–?) — до 25.06.1938 — нач. УНКВС по Ворошиловградській обл., до 20.10.1940 — нач. УПО НКВС УРСР. Звільнений з НКВС УРСР 10.1940. Арештований 13.02.1941. Засуджений ВТ військ НКВС КОВО 15.08.1941 до 10 років ВТТ. Постановою ПВР СРСР від 31.01.1942 був звільнений від покарання, судимість знята.	71, 97
Бандюкова (рос.)	640
Банин (рос.)	556
Баранов (рос.) — нач. Сергівського МВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	71–74, 76, 87–89, 97–98
Барбаров Петр Иосифович (рос.) (1905–?) — з 01.04.1937 — нач. 2-го відд-я 3-го відд., з 08.03.1938 по 19.04.1939 — нач. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Звільнений з органів НКВС 05.06.1939.	635, 637–638, 644, 646–648, 650

Бардадым Иван Павлович (рос.) (1907–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	38, 47
Баркарь (рос.)	564
Барсуков (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	267–268
Батищев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УРКМ УНКВС по Ворошиловградській обл.	87
Баховський (рос.) — міліціонер Брацлавського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	37, 38
Бахолдин (рос.)	641, 648
Баша Владимир Евменович (рос.) (1908–?) — на 22.03.1936 — співробітник УНКВС по Одеській обл. Із 1937 — оперуповноваж. 3-го відд., з 16.03.1938 — нач. відд-я 3-го відд., 1938 — нач. відд-я 8-го відд., з 1939 — нач. відд. ЕКУ УНКВС по Харківській обл.	634, 636, 638–639
Башелин	423
Баштовенко Павел Федотович (рос.) (?–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. До 14.05.1939 — нач. Верхньо-Кринківського РВ УНКВС по Полтавській обл. Звільнений з органів НКВС.	603, 625, 632
Бегайло Роман Александрович (рос.) (1895–1938) — 10.1932–1936 — секретар Вінницького обкому КП(б)У. Арештований у 1937. Розстріляний.	307
Бегляков Николай Тарасович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл. 03.1938–20.09.1939 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений з органів НКВС.	341, 354
Бежко (рос.)	216
Безверхий (рос.) — нач. Бершадського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	21
Безгин (рос.)	651–652
Безуглый (рос.)	634, 636
Беккер (рос.)	217–218
Белевцев (рос.)	650–651
Беленец Дмитрий Афанасьевич (рос.) (1898–?) — з 02.1936 — нач. Кегичівського РВ УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1937 — пом. нач. 2-го відд-я 4-го відд., з 16.06.1938 — нач. 8-го відд., з 1939 — нач. відд-я 2-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Звільнений з органів НКВС 21.01.1940. На 03.04.1943 — нач. ОВ НКВС 220-ї авіадивізії.	591, 595, 609–610, 612, 626
Белкин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	136
Белов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	199, 406, 486

Белоконь Александр Трофимович (рос.) (?–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. ВК УНКВС по Полтавській обл.	582–585, 591–594, 596–597, 600, 606, 609, 613, 620, 625, 630–631
Белоцерковский Иван Митрофанович (рос.) (1907–1941) — з 02.09.1937 — пом. нач. 10-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 20.04.1938 — нач. Бердичівського МВ, з 16.09.1939 — заст. нач. УНКВС по Житомирській обл. На 28.07.1941 — нач. ОВ НКВС 5-ї армії Півд.-Зах. фронту. Загинув на фронті.	238–239, 244–246, 249–250, 273–274, 278–279, 281
Белявцев Андрей Ефимович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — нач. Корсунського РВ, Березанського РВ УНКВС по Київській обл.	374, 386, 401, 456–457, 484, 492–493
Беляев (рос.) — у 1938 — співробітник ВК НКВС УРСР.	151, 532
Беляк (рос.) — у 1938 — співробітник ВК УНКВС по Київській обл.	386–387
Бельский Лев Николаевич (Левин Абрам Михайлович) (1889–1941) — у 03.11.1936–08.04.1938 — заст. наркома внутрішніх справ СРСР; 08.04.1938–01.04.1939–1-й заст. наркома шляхів сполучення СРСР; до 30.06.1939 — нач. будівництва залізниці Картали — Акмолінськ. Арештований 30.06.1939. Засуджений ВКВС СРСР 05.07.1941 до розстрілу.	85, 93, 96, 102, 430
Беньямин (рос.)	643, 649
Берегулько (рос.) — заст. прокурора Ворошиловградської обл.	80, 91, 93, 97
Бережной (рос.) — у 1938 — виконувач обов'язків нач. 1-го спецвідд. НКВС УРСР.	258, 320, 324, 332, 443, 503, 525–527
Бережной Михаил Тимофеевич (рос.) (1906–?) — на 09.1938 — нач. відд-я, нач. секретаріату УНКВС по Житомирській обл., 09.1938–06.1939 — нач. відд-я, в. о. нач. відд. УНКВС по Київській обл. У 06.1939–04.1941 — заст. нач. слідчої частини, нач. слідчої частини УНКВС по Одеській обл. Засуджений 27.04.1941 ВТ військ НКВС КОВО до 4 років ВТТ. Пленумом ВС СРСР від 05.06.1941 виправданій. У 11.1941–03.1944 — нач. відд-я слідчої частини УКР «СМЕРШ» наркомату ВМФ СРСР.	258, 320, 324, 332, 443, 503, 525–527
Березинский Алексей Николаевич (рос.) (1905–?) — у 1938 — нач. Голованівського РВ УНКВС по Одеській обл.	576, 578
Березовский (рос.) — у 1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл.	164, 572
Берестнев Алексей Алексеевич (рос.) (1892–?) — до 22.03.1938 — пом. нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 22.03.1938 — нач. ОВ НКВС 25-ї стрілецької дивізії. Із 08.07.1938 — пом. нач. УНКВС по Полтавській обл. Звільнений з органів НКВС 03.12.1939.	586, 599–601, 607–608, 613, 626
Берестовский Константин Иванович (рос.) (?–?) — на 28.08.1939 — нач. Павлоградського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС.	166–167

Берия Лаврентий Павлович (рос.) (1899–1953) — у 1939 — комісар держбезпеки І-го рангу. У 1938–1945 — нарком внутрішніх справ СРСР, з 1941 г. — заст. голови РНК (Ради Міністрів СРСР). У 06.1953 арештований. Розстріляний 23.12.1953.	16, 60, 188, 246, 262, 596, 633, 635
Беркович (рос.) — у 1938 — співробітник 4-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	114, 622
Беркович (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	114, 622
Беркут Артем Павлович (рос.) (1909–?) — із 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. У 1942 зник безвісти на Закавказькому фронті.	50, 58–59, 63, 65–66
Берман (рос.)	368, 409, 417, 439, 446, 529, 534
Бернацкий (рос.) — співробітник Дубоссарського РВ НКВС МАРСР.	559
Беспрозванный (рос.)	352, 354, 363
Бессонов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	91
Бирюков (рос.) — у 1938 — оперуповноваж. 4-го відд-я НКВС МАРСР.	553
Битневский Исаидор Михайлович (рос.) (1899–1965) — до 19.10.1938 — нач. ОВ НКВС 2-го кавкорпусу. Із 13.10.1938 — нач. 1-го відд-я ОВ НКВС Проскурівської армійської групи.	460
Битюков (рос.)	643
Бланк (рос.) — нач. 4 відд. УНКВС по Полтавській обл.	371, 428, 601, 613
Блинкин (рос.) — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	45, 47
Блуденко (рос.)	531
Бобров (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	84, 86–88
Бовкун (рос.)	110
Богатырев (рос.)	327
Богатько Георгий Степанович (рос.) (1903–1941) — у 1937–1938 — співробітник Кременчуцького МВ НКВС, пом. нач. ОВ 25-ї стрілецької дивізії. Під час війни — нач. ОВ НКВС 191-ї стрілецької дивізії Волхівського фронту. Зник безвісти.	584, 603–604, 612
Богомоллов Алексей Иванович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл., до 03.09.1939 — нач. Гуляй-Польського РВ УНКВС по Запорізькій обл.	119, 534
Богров (рос.)	584–585, 599, 630
Богуславский (рос.)	573

Божей (Божий) Леонид Васильевич (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	226, 228
Бойко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	17, 159–162, 168, 179, 202, 271–272, 415–418, 439, 479, 603, 625, 632, 653
Бойко Никита Иванович (рос.) (?–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	17, 159–162, 168, 179, 202, 271–272, 415–418, 439, 479, 603, 625, 632, 653
Болдин Борис Павлович (рос.) (1906–1942) — до 09.05.1939 — нач. Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 09.03.1939. Під час слідства захворів. Помер у психіатричній лікарні.	148–149, 151, 158, 163, 168, 179, 185, 187–188, 197, 201, 221–222
Большаков (рос.)	173
Большунов Петр Александрович (рос.) (1907–?) — з 1935 — оперуповноваж. ОВ УНКВС по Харківській обл. Із 1938 — нач. ОВ НКВС 43-ї авіабригади. Із 09.07.1938 — нач. відд-я ОВ НКВС Харківського ВО.	603
Бонде (рос.)	123
Боно-Константи́нер (рос.)	645, 649
Бор-Извековский (рос.)	401
Борисенко Павел Никитич (рос.) (1901–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 18.02.1943 — нач. 6-го відд-я ОВ НКВС 18-ї армії Чорноморської групи військ Закавказького фронту.	213
Борисов (рос.) — нач. Березівського РВ УНКВС по Одеській обл.	556, 573
Борисов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	121
Борисов Владимир Николаевич (рос.) (1901–?) — у 05.1938–08.1940 — 1-й секретар Молдавського обкому КП(б)У.	543, 545, 556
Борисов-Вильнер Борис Соломонович (рос.) (1898–1938) — до 08.05.1938 — нач. ВК УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 08.05.1938 — пом. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Відкликаний 23.07.1938 до НКВС УРСР. Розстріляний.	118, 149, 165, 398, 511
Боровков (рос.)	523
Бородин (рос.)	634, 638
Ботем (рос.) — співробітник 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл.	47
Ботнарев (рос.) — нач. відд-я УНКВС по Ворошиловградській обл.	71, 73
Боярский (рос.)	125

Бражник (рос.)	425–426
Браиловский И. М. (рос.) (?–?) — до 12.10.1937 — пом. інспектора 8-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1937 — пом. інспектора 8-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Арештований.	599, 620–621
Брандт (рос.)	238, 241, 252–253, 255, 274, 276, 315, 318
Братишко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	191
Бренер Шмуйл Исаакович (рос.) (1910–?) — до 03.11.1937 — співробітник Коростенського МВ УНКВС по Житомирській обл. Із 03.11.1937 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. 02.06.1938 звільнений у запас.	603
Бригадир (рос.)	573
Бронштейн-Курило Рахиль Хаимовна (Мария Марковна) (рос.) (1870–1937) — стоматолог. Арештована 12.11.1937. За постановою ОН при НКВС СРСР від 27.11. 1937 розстріляна 06.12.1937. Реабілітована у 1956.	322
Брук Леонид Борисович (рос.) (?–?) — з 1938 — секретар УНКВС по Ворошиловградській обл.	80, 104, 114
Брусиловский Иосиф Киселевич (рос.) (1905–?) — у 1938 — оперуповноваж. 4-го, 8-го відд., з 1939 — пом. нач. слідчої частини УНКВС по Харківській обл.	634, 636, 638
Брюхань (рос.)	639
Брюховецкий (Дудниченко-Брюховецкий) Вениамин Всеволодович (рос.) (1905–?) — з 26.07.1937 — нач. Лубенського РВ УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1937 — інспектор при нач. УНКВС по Полтавській обл. Із 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Полтавській обл. У 1939 — нач. Кременчуцького МВ УНКВС по Полтавській обл.	588
Бряндинский Александр Матвеевич (рос.) (1904–1938) — льотчик-випробувач НДІ ВПС. Загинув в авіаційній катастрофі.	91
Брянцев (рос.)	371–372, 431, 439
Бугаев (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	232–234, 240, 330
Бураченко (рос.) — нач. Теплицького РВ УНКВС по Вінницькій обл.	27
Бурксер Анатолий Наумович (рос.) (?–?) — у 1938 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	645
Бурмистенко Михаил Алексеевич (рос.) (1902–1941) — у 1936–1938 — в апараті ЦК ВКП(б). Із 1938 — 2-й секретар ЦК КП(б)У, член Політбюро ЦК КП(б)У. У 1941 — член військової ради Півд.-Захід. фронту. Загинув під час виходу з оточення у 09.1941.	113, 231, 236, 505, 507, 515, 518, 527, 532–533
Бурцев (рос.)	652

Бурчанский (рос.)	651
Бурченко Дмитрий Тимофеевич (рос.) (1904–1983) — у 1938–1945 — секретар Вінницького обкому КП(б)У.	30, 53–54, 56, 62
Буряк (рос.)	576
Бутенко Николай Степанович (рос.) (1899–?) — з 1933 — нач. Теплицького РВ, з 28.05.1938 — пом. нач. УНКВС по Вінницькій обл. 05.10.1939 — звільнений у запас.	18
Бух (рос.)	532
Бучан (рос.)	395
Бушлер (рос.)	370, 375, 453–454, 461
Вадис Александр Анатольевич (рос.) (1906–1968) — з 01.1937 — нач. 3-го відд-я Житомирського окрввідділу НКВС. Із 12.09.1937 — нач. 2-го відд-я 3-го відд. УНКВС Житомирській обл. Із 20.04.1938 — нач. 4-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 15.08.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 06.11.1939 — нач. УНКВС по Тарнопольській обл.	247, 268, 320–321, 336, 341, 347, 354–358, 361, 363
Вайнер (рос.)	346, 362
Вайнер Зиновий Арнольдович (рос.) (1902–1937) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., на 22.10.1937 — нач. оперпункту ст. Шепетівка 6-го відд. УДБ НКВС УРСР. Арештований 21.09.1937, засуджений «трійкою». Розстріляний 04.11.1937.	346, 362
Вайнман (рос.)	490
Вайсбанд Давид Евсеевич (рос.) (1905–1943) — з 1937 — оперуповноваж. УНКВС по Харківській обл. Із 10.07.1938 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Загинув на фронті.	617, 638–639, 648
Вайсбарг Давид Исаакович (рос.) (1905–?) — співробітник 3 відд. НКВС УРСР. Із 08.1938 — нач. 1 відд-я 6 відд. 1 Управ. НКВС УРСР. Із 11.1938 — нач. відд-я 3 відд. НКВС УРСР.	524
Вакуленко (рос.)	393
Вараков Василий Иванович (рос.) (1900–1943) — у 1937–1938 — нач. Обухівського, Переяславського РВ УНКВС по Київській обл. Із 11.09.1938 — нач. відд-я 11-го відд. УНКВС по Київській обл.	369–370, 374, 385–386, 391, 395, 490, 492–494, 496
Варейкис Иосиф Михайлович (рос.) (1894–1938) — у 1935–1936 — 1-й секретар Сталінградського, у 1937 — 1-й секретар Далекосхідного крайкомів ВКП(б). Арештований 10.10.1937. Розстріляний. Реабілітований у 1956.	136
Василевский Лев Антонович (рос.) (?–?) — у 1935–1938 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	46
Василенко (рос.)	328, 641, 648
Васильев (рос.)	49, 190, 322
Васильев (рос.) — прокурор	49, 190, 322

Васильченко (рос.)	325, 407, 439
Васин Григорий Андреевич (рос.) (1900–?) — до 08.07.1938 — оперуповноваж. 11-го відд., 3-го відд., з 08.07.1932 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Відраджений 02.08.1938 до НКВС УРСР.	638
Вахнин (рос.)	615
Вахранев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	261–262, 269, 273, 295, 324–325, 328
Вейс Иван Григорьевич (рос.) (1896–1982) — з 1934 — нач. Горлівського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 05.1937 — нач. Черкаського РВ УНКВС по Київській обл. Арештований 15.02.1938. Засуджений 13.04.1939 до 5 років ВТТ. Вирок скасований.	115
Великанов Николай Михайлович (рос.) (?–?) — на 22.03.1936 — співробітник УНКВС по Західносибірському краю. До 15.05.1939 — нач. Котовського РВ НКВС МАРСР. Звільнений з органів НКВС.	547–548, 550
Великий Михаил Николаевич (рос.) (1903–?) — до 22.04.1938 — нач. ОВ НКВС 45 стрілецької дивізії. Із 22.04.1938 — нач. ОВ НКВС 16-ї авіабригади. Із 21.11.1942 — нач. ОВ НКВС 1-го зміш. авіакорпусу.	1–3, 5–7, 9–13, 17, 31, 253, 320, 451, 513, 556, 606–607, 612, 634
Великин Наум Иосифович (рос.) (1897–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 02.09.1937 — пом. нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 28.04.1938 по 1939 — нач. 2-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	650, 652
Вепринский Иосиф Абрамович (рос.) (1896–1941) — на 22.03.1936 — співробітник НКВС МАРСР. У 1937 — нач. Полтавського МВ УНКВС по Харківській обл. 06.11.1937 відряджений у розпорядження ВК НКВС СРСР. До 11.01.1938 — нач. 3-го відд. «Дальтабу» НКВС СРСР. Арештований 13.03.1938. Але 09.1938 справа була припинена. Працював нач. оперчастини управ. Північно-Уральського ВТТ.	537, 599
Вергелес (рос.)	21
Верджицкий (рос.)	605
Верёвка Никанор Иванович (рос.) (1898–1958) — з 1935 — нач. УРСМ УНКВС по Донецькій обл. Із 28.08.1937 — капітан міліції, нач. УРСМ УНКВС по Вінницькій обл. Із 12.1939 — нач. УРСМ УНКВС по Львівській обл.	18, 24–27
Веретенников (рос.)	505–507, 509
Верещак (рос.)	160
Верзаков Александр Иванович (рос.) (1897–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 04.09.1941 — нач. ОВ НКВС 55-го стрілецького корпусу. На 05.1945 — нач. Кременчуцького МВ НКДБ УРСР.	183

Вешинер (рос.)— у 1938 — співробітник Ярунського РВ УНКВС по Житомирській обл.	244
Вильчинский (рос.)	605
Виниковский (рос.)	572
Винников Василий Калинович (рос.) (?–?) — до 28.04.1938 — оперуповноваж. 3-го відд-я Боково-Антрацитівського РВ НКВС. Із 28.04.1938 — в. о. нач. 3-го відд-я Краснолуцького МВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	110, 112, 114–115
Винокур Абрам Соломонович (рос.) (1901–?) — до 26.03.1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 26.03.1938 — пом. нач. 1-го відд-я 11-го відд. УНКВС по Куйбишевській обл. Арештований 22.08.1939. Засуджений до 7 років ВТТ.	441
Винокуров Абрам Рудольфович (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 22.11.1939 — нач. відд-я 3-го відд. Вяземського ВТТ НКВС СРСР. 22.11.1939 — звільнений з органів НКВС. Наказ про звільнення був скасований 14.01.1940.	188
Вислоух (рос.)	585–586, 603
Вихирев Иван Васильевич (рос.) (1899–?) — із 1937 — особливу-повноваж. УНКВС по Донецькій обл. Із 01.09.1937 — нач. 11 відд. УГБ УНКВС по Донецькій обл. Із 03.06.1938 — заст. нач. УНКВС по Одеській обл. Із 09.09.1938 — нач. ОВ НКВС Вінницької армійської групи. Звільнений із НКВС 27.02.1939.	48
Вихров Федор Сильверстович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 16.05.1937 — пом. оперуповноваж. оперпункту ст. Гребінка 6-го відд. НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС у 05.1937, був арештований. Звільнений у 1938, потім знову співробітник УНКВС по Полтавській обл.	608
Вишневский Василий Михайлович (рос.) (1904–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. Потім призначений оперуповноваж. ОВ НКВС в/ч 4342. Покараний адміністративним арештом 09.1938 на 5 діб за привласнення речей розстріляних громадян. На 26.09.1944 — нач. ВКР «СМЕРШ» 313-ї стрілецької дивізії.	240, 638, 641–642, 648
Вишневский Матвей Борисович (рос.) (1903–?) — з 1934 — пом. оперуповноваж. Кобеляцького РВ, з 25.09.1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 05.1939 — нач. Ленінського РВ м. Харкова.	240, 638, 641–642, 648
Влазко (рос.)	517
Власов (рос.) — співробітник відд. фельдзв'язку УНКВС по Полтавській обл.	601
Власов Александр Иосифович (рос.) (1902–1942) — з 05.1938 — 1-й секретар Кам'янець-Подільської обл. Із 06.1941 — член військової ради 6-ї армії. Загинув під Харковом.	334, 336–337, 347, 352–355, 361, 364, 366
Вовк (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	207, 415

Воин-Данчишин (рос.)	605
Волк (рос.)	534
Волков Александр Александрович (рос.) (1898–1941) — з 11.1936 — нач. СПВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 26.06.1937. Звільнений 09.1937 згідно з особистим розпорядженням М. Фріновського. Із 26.11.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 26.03.1938 по 14.01.1939 — нач. УНКВС по Полтавській обл. Арештований 08.03.1939. Засуджений 20.07.1941 ВКВС СРСР. Розстріляний 16.10.1941. У реабілітації відмовлено у 1999.	411–412, 415–417, 441, 483, 530, 582–631
Волков Иван Григорьевич (рос.) (1905–?) — до 07.04.1937 — оперуповноваж. Постишівського РВ, з 07.04.1937 — нач. Мостовського РВ УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. Свердловського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	92
Володарский (рос.)	608
Волошин Владимир Васильевич (рос.) (1905–?) — з 1937 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 1938 — оперуповноваж. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. НКВС УРСР.	474, 517
Волощенко (рос.) — секретар Лубенського райкому ЛКСМУ.	609, 624, 629
Вольский (Кицис) Владимир Яковлевич (рос.) (1899–1944) — до 12.10.1937 — нач. Олевського РВ, з 12.10.1937 — нач. 1-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 1938 — особливоуповноваж., з 1939 — нач. 2-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 25.02.1939. Засуджений 22.07.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 8 років ВТТ. ВКВС СРСР 29.10.1939 строк покарання знижений до 5 років. Згідно з постановою ПВР СРСР від 24.12.1942 відряджений на фронт. Зник безвісти.	233, 256, 282, 319, 321, 325–333
Вольский (Гитлер) Лев Григорьевич (рос.) (1899–?) — з 29.05.1937 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 22.04.1938 — нач. Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 17.07.1938 — нач. 3-го відд. Східного залізничного ВТТ.	172–173, 175, 183, 213, 221, 227
Ворона Федор Степанович (рос.) (?–?) — до 12.10.1937 — пом. оперуповноваж. Опішнянського РВ, з 12.10.1937 — пом. оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	583–584, 586, 591, 593–594, 597, 599–600, 606, 626, 628, 631
Воронин	638
Воронов Иван Тихонович (рос.) (?–?) — у 1937 — нач. 4-го відд-я Костянтинівського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. відд-я, заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. До 22.06.1939 — нач. 3-го спецвідд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Звільнений з органів НКВС.	92, 107, 112–114, 116–117
Ворошилов Климент Ефремович (рос.) (1881–1969) — у 1926–1960 — член Політбюро (Президії) ЦК КПРС. У 1925–1940 — нарком у військових і морських справах (нарком оборони) СРСР. У 1953–1960 — голова Президії Верховної Ради СРСР.	85, 103, 130, 312, 398

Воскобойников Лев Рувимович (рос.) (1910–1942) — з 1937 — пом. оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 02.07.1938 — нач. 3-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 1939 — пом. нач. слідчої частини УНКВС по Ворошиловградській обл. Звільнений з НКВС 22.10.1940. Арештований 13.02.1941. Засуджений 15.08.1941 до 8 років ВТТ. Восени 1942 спрямований до німецького тилу. Загинув у Києві.	80, 82, 94, 103–104, 112–115
Воскресенский (рос.)	393
Врублевский Владимир Анатольевич (рос.) (?–?) — до 28.04.1938 — нач. 4-го відд-я Краснолуцького РВ, з 28.04.1938 — нач. Рубжанського РВ УНКВС по Донецькій обл. Із 15.10.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	72, 94–95
Вульф Вениамин Григорьевич (рос.) (?–?) — до 26.03.1938 — нач. відд-я Могилів-Подільського МВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 26.03.1938 — співробітник Уссольського ВТТ НКВС (Свердловська обл.).	54
Выговский — (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	275
Вяткин Григорий Матвеевич (рос.) (1900–1938) — з 07.1937 — нач. 6-го відд-я 6-го відд. НКВС СРСР. Із 26.02.1938 — нач. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 16.11.1938. Засуджений ВКВС СРСР 22.02.1939. Розстріляний 23.02.1939. У реабілітації відмовлено у 1999.	231, 233–259, 261–263, 265–299, 301–314, 316–318, 320–321, 323–324, 326, 330, 332, 361, 363, 460, 527
Вяткин Фока Кириллович (рос.) (?–?) — у 1935–1939 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	55, 62
Гаврега (Гаврего) Зиновий Митрофанович (рос.) (1896–1942) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. Із 15.08.1938 — в.о. нач. відд. місць ув'язнень УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований у 1938. Але у 1939 сліство припинене, звільнений. Із 15.08.1942 — нач. ОВ НКВС 16-ї зап. стрілецької бригади. Загинув на фронті.	583, 585, 599, 606, 609, 612, 614–615, 629
Гаврилов Николай Семенович (рос.) (?–?) — у 1938 закінчив школу ГУДБ НКВС СРСР. Із 08.1938 — пом. оперуповноваж. 8-го відд. УНКВС по Харківській обл.	634, 636, 638
Гаврилюк (рос.)	342
Галаев (рос.) — на 11.1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	299, 302–303, 318
Галун (рос.)	584–585, 606, 622
Гальперин (рос.)	635
Гальчинский (рос.)	353, 356
Ганулин (рос.)	222
Гапа (рос.)	589

Гапонов Сергей Иванович (рос.) (1908–?) — до 01.10.1937 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 01.10.1937 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. До 19.07.1938 — нач. відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 19.07.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 15.11.1938 по 15.01.1939 — нач. УНКВС по Одеській обл. Арештований 16.01.1941. Засуджений 14.03.1942, справа припинена, звільнений 18.02.1943. Повторно засуджений 26.04.1943 ВТ військ НКВС Західносибірської обл. до 10 років ВТТ.	411, 571
Гарковенко (рос.)	652
Гарлицкий Лев Абрамович (рос.) (1906–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 04.11.1943 — комендант ВКР «СМЕРШ» 16-ї повітряної армії.	434
Геллер (рос.) — у 1938 — нач. відд-я УНКВС по Ворошиловградській обл.	73–74, 77, 83, 90, 96, 110, 113–116
Гельман (рос.) — 1938 — фельд'єгер.	346
Гендерман (рос.) — у 1938 — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	220
Генин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	128, 134
Генке (рос.)	652
Герасименко (рос.)	407
Гергель Анатолий Александрович (рос.) (?–?) — до 1938 — співробітник НКВС Башкирської АРСР. Із 1938 — співробітник УНКВС по Полтавській обл.	603
Герзон Матвей Михайлович (рос.) (1906–1938) — з 28.02.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 20.07.1937 — нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 27.10.1937 — нач. 5-го відд-я 4-го відд. НКВС СРСР. Арештований 18.04.1938. Засуджений 23.09.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 23.09.1938. Реабілітований у 1993.	511
Гермониус Вадим Эдуардович (рос.) (1890–1937) — у 1936 — командир і військом 17-го стрілецького корпусу. Арештований за обвинуваченням у «троцькістській змові» 07.06.1937. Засуджений 08.09.1937 ВКВС СРСР. Розстріляний 09.09.1937. Реабілітований у 1956.	420
Герус Филипп Давидович (рос.) (?–?) — до 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 1938 — оперуповноваж. 6-го відд-я 3-го відд., з 1938 — нач. відд-я 8-го відд. УНКВС по Харківській обл. До 23.04.1954 — в. о. нач. Півден.-Кузбаського ВТТ. На 1958 — заст. нач. Вятського ВТТ.	216, 636
Герценштейн (рос.)	583
Гершгорин Георгий Иосифович (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. У 01.06–17.07.1939 — оперуповноваж. ЕКВ УНКВС по Запорізькій обл. Звільнений з органів НКВС 17.07.1939.	194

Гершзон (рос.)	237, 240, 244, 265–266, 283, 302
Гершович (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	123
Гетман Александр Григорьевич (рос.) (1907–?) — до 28.04.1938 — нач. Велико-Янісольського РВ УНКВС по Донецькій обл. Із 28.04.1938 — нач. Старобільського окрвдділу НКВС УРСР. Із 1938 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	34, 82–83, 88, 97, 104, 112, 390
Гилис Моисей Ирмович (рос.) (1909–?) — до 12.10.1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 12.10.1937 — нач. Коростенського МВ УНКВС по Київській обл. Із 05.08.1938 — співробітник 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. На 26.09.1944 — заст. нач. 2-го відд. УКР «СМЕРШ» 2-го Українського фронту.	512–513
Гильштейн Пейся Абрамович (рос.) (?–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	634, 637
Гимпельсон (рос.)	170
Гинесин Самуил Абрамович (рос.) (1904–?) — з 1934 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Донецькій обл. Із 04.08.1934 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 01.10.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 25.05.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Звільнений з органів НКВС 05.06.1939.	340, 349, 353, 650, 653
Гинзбург (рос.) — у 1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	75, 83, 110, 114, 603
Гинзбург (рос.) — співробітник УНКВС по Полтавській обл.	75, 83, 110, 114, 603
Гладкевич (рос.)	314
Гладков (рос.)	166
Глебов-Дубровин (рос.)	578
Глозман Давид Айзикович (рос.) (1908–?) — до 1938 — 2-й секретар Білоцерківського райкому ЛКСМУ. Із 01.04.1938 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 1939 — заст. нач., з 07.1939 — нач. ЕКВ УНКВС по Сумській обл.	650–651
Глузман Михаил Захарович (рос.) (1904–?) — з 10.1937 — нач. відд. місць ув'язнень, нач. тюрми УНКВС по Житомирській обл. Арештований 16.07.1938, засуджений до 3 років ВТТ умовно.	238, 252, 268, 294–295, 303, 320
Глусский Самуил Аронович (рос.) (1913–1945) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл. На 02.07.1944 — нач. ВКР «СМЕРШ» 152-ї танкової бригади 1-го Українського фронту. Загинув.	49
Глушенко (рос.) — оперуповноваж. Краснодонського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	75
Гниденко (рос.) — у 1937–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	172

Гнутов Николай Георгиевич (рос.) (?–1939) — с 1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 15.10.1938 — заст. нач. 3 -го відд., з 1939 — нач. 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	85, 91, 95
Говоров (рос.)	308, 328
Гойхман (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	320
Голованченко (рос.)	524
Головатенко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	359
Голосной (рос.) — комендант Кременчуцького МВ УНКВС по Полтавській обл. Арештований у 1938.	606
Голофаев (рос.)	109
Голтвянский (рос.) — співробітник УРСМ УНКВС по Житомирській обл.	254
Голубев Сергей Алексеевич (рос.) (1908–?) — до 1938 — співробітник УНКВС по Іванівській обл. У 1938–1939 працював в УНКВС по Житомирській обл. (особливоуповноваж., нач. 2-го відд., до 13.06.1939 — в.о нач. 3-го спецвідд.), секретар партійного комітету. Звільнений у 1939.	230–247, 249–254, 256, 258–262, 265–267, 269, 272–273, 276, 278–280, 285, 292–293, 295, 299–301, 303, 305, 307, 309–312, 315, 321, 324–325, 327–333, 527
Голубинец Людмила Станиславовна (рос.) (1902–?) — бухгалтер. Арештована 11.07.1938. Постановою УНКВС по Вінницькій обл. від 22.07.1938 справа припинена, звільнена.	35
Гольбрайхт (Гольдбрайхт) Иосиф Елизарович (рос.) (1904–1944) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. Під час війни — ст. оперуповноваж. ВКР «СМЕРШ» 31-ї гв. стрілецької дивізії 10-ї армії Брянського фронту. Загинув.	193
Гольдман (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	103, 106
Гольштейн (рос.) — уповноваж. УНКВС по Вінницькій обл.	21
Гомберг (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	133, 154, 158
Гончаров (рос.)	537, 539
Горбачев Григорий Савич (рос.) (?–1938) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 09.05.1938 — пом. оперуповноваж. Широківського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Засуджений ВТ прикордонних і внутрішніх військ Харківського ВО 19.10.1938. до розстрілу.	134, 142
Горбунов (рос.)	568

Горец Алексей Николаевич (рос.) (1897–?) — до 08.08.1937 — пом. нач. відд-я 4-го відд., з 08.08.1937 — нач. відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 21.03.1938 — заст. нач. 4-го відд., з 15.09.1938 — нач. 4-го відд., потім нач. 9-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений 24.09.1938.	336, 349, 352
Горин (Гальперин) Александр (Абрам) Евгеньевич (рос.) (1903–?) — з 05.12.1936 — нач. СПВ Ворошиловградського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 20.04.1938 — нач. Старобільського окрвідділу НКВС. Із 07.1938 — нач. відд-я 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Арештований 15.07.1938. Звільнений у 1940. На 10.12.1941 — заст. нач. ОВ НКВС 6-го кав. корпусу.	501–502
Горичев (рос.)	577
Горленко (рос.) — секретар Полтавського міськкому КП(б)У.	582–583, 596–598, 604, 618, 621
Горлинский Николай Дмитриевич (рос.) (1907–1965) — у 01.11–07.12.1938 — оперуповноваж. 2-го відд. ГУДБ НКВС СРСР. 07.12.1938–22.08.1940 — заст. наркома внутр. справ УРСР. 22.08.1940–26.02.1941 — заст. нач. 3-го відд. ГУДБ НКВС СРСР.	97, 140
Горлов (рос.) — співробітник УНКВС по Миколаївській обл.	523
Городний Андрей Гаврилович (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	61
Горохов Иван Григорьевич (рос.) (1897–?) — нач. Коростенського РВ УНКВС по Житомирській обл. Арештований 23.07.1938. Засуджений 29.04.1939, але справа була припинена, звільнений.	305
Гороховский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	412
Гостинцев Антон Андреевич (рос.) (1906–?) — з 12.10.1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл. До 20.06.1938 — нач. Олевського РВ, з 20.06.1938 — нач. Попільнянського РВ, з 1938 — нач. Чуднівського РВ УНКВС по Житомирській обл. Арештований 02.11.1938. Засуджений 22.08.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 10 років ВТТ.	320–322
Готкин (рос.)	458
Готкис (рос.)	385, 403, 420, 438, 494
Гохлернер (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	132, 153
Грабарь Василий Романович (рос.) (1908–1940) — з 08.1936 — полковий оперуповноваж. ОВ НКВС кавполку, Вінницька обл. Із 11.1937 — нач. 11-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 20.12.1937 — нач. 7-го відд-я 5-го відд. НКВС УРСР. Із 06.1938 — нач. 6-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Із 20.09.1938 — заст. нач. ОВ НКВС КОВО. Арештований 04.12.1938. Засуджений 11.10.1940 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу.	507, 512, 519, 524, 530, 537, 540–541
Грабовский (рос.)	126, 357, 359

Гравель Александр Иосифович (рос.) (1902–?) — співробітник Кременчуцького МВ УНКВС по Полтавській обл. Арештований у 1938. Звільнений.	605
Грачев (рос.)	638
Гребенец (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	217
Гречанник Григорий Семенович (рос.) (?–?) — у 1938 — нач. Білокураїнського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	71, 77
Гречуха Михаил Сергеевич (рос.) (1902–1976) — у 1938–1939 — 1-й секретар Житомирського обкому й горкому КП(б)У. У 1939–1954 — голова Президії Верховної Ради УРСР, у 1954–1959 — 1-й заст., у 1959–1961 — заст. голови Ради Міністрів УРСР.	230–231, 235–238, 240, 248, 259, 262, 265, 271–272, 277, 280–281, 299, 325–330, 332–333
Гречухин (рос.)— нач. Мало-Висківського РВ УНКВС по Одеській обл.	276, 519, 539, 574
Гречухин Дмитрий Дмитриевич (рос.) (1903–1939) — з 13.09.1937 — нач. УНКВС по Красноярському краю. Із 26.02.1938 — нач. УНКВС по Одеській обл. Із 28.05.1938 — нач. ОВ НКВС КОВО, заст. наркома НКВС УРСР. Із 15.09.1938 — нач. УНКВС по Ростовській обл. Арештований 05 (за іншими даними 03) 12.1938. Засуджений 22.02.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 23.02.1939. У реабілітації відмовлено у 2013.	276, 519, 539, 574
Григоров Родион Андреевич (рос.) (1903–1974) — з 01.1936 — нач. відд-я ВК НКВС УРСР. Із 23.10.1937 — нач. ВК УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. 5-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Сталінській обл. Із 11.1938 — пом. нач. ВК НКВС УРСР.	475
Григорьев-Фельдман Григорий Самуилович (рос.) (1898–1938) — із 05.07.1935 — нач. ВК УНКВС по Київській обл. Із 06.1937 — заст. нач. ВК НКВС УРСР. Арештований 10.03.1938. Засуджений 23.09.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 23.09.1938. Реабілітований 25.09.1958.	46, 491, 508, 618
Гринев Андрей Филимонович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 16.11.1939 — в. о. заст. нач. ЕКВ УНКВС по Житомирській обл. Звільнений з органів НКВС.	242, 254
Грицай (рос.)— у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	119, 124
Грицев (рос.)	342
Грицык (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	249, 283, 298, 310
Грицюк (рос.) — міліціонер Копайгородського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	37

Гришин (Шенкман) Григорий Иосифович (рос.) (1903–?) — з 03.01.1937 — заст. нач. 3-го відд., з 08.08.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 22.10.1938 — заст. нач. УНКВС по Житомирській обл. Із 10.04.1938 — заст. нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Арештований 30.05.1938. Засуджений 19.11.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 10 років ВТТ.	231, 241, 277, 316, 322, 459–460, 527
Гришук (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	287
Грозный (Резанович) Терентий Федорович (рос.) (1891–?) — з 16.10.1936 — нач. Семенівського РВ УНКВС по Харківській обл. Арештований у 1938.	584–585
Громов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	191, 352, 364, 366, 580
Громошенко Евгений Федорович (рос.) (1910–?) — з 05.01.1937 — пом. нач. 3-го відд-я Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 01.09.1937 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 20.04.1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Чернігівській обл. Із 09.1938 — нач. 5-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Із 31.12.1938 — нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Звільнений у 1940.	508–509, 530–531
Громов-Юнин (рос.) — нач. Роздільнянського РВ УНКВС по Одеській обл.	580
Грушевой (рос.)	179
Гудало (рос.)	640, 648
Гудим (рос.)	603, 632
Гудков (рос.) — секретар партійного комітету УНКВС по Ворошиловградській обл.	90, 96, 103, 106, 113, 117
Гузенко Михаил Михайлович (рос.) (?–?) — у 1937–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	142, 184, 199, 218
Гуревич Борис Аронович (рос.) (1908–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл., до 09.05.1939 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Запорізькій обл. Засуджений ВТ військ НКВС Дніпропетровської обл. 20.11.1939 до 3 років ВТТ.	125, 134, 182
Гурев Виталий Федосьевич (Феодосьевич) (рос.) (1910–?) — 1936–1939 — співробітник НКВС МАРСР. Звільнений з органів НКВС 07.04.1938. Звільнення скасоване 08.06.1939. Із 21.11.1942 — нач. ОВ НКВС 225-ї стрілецької дивізії.	563
Гуренко Филипп Иванович (рос.) (1904–?) — до 20.04.1938 — пом. оперуповноваж. Білокуракінського РВ, з 20.04.1938 — нач. Білолуцького РВ УНКВС по Донецькій обл.	71, 77
Гурьба (рос.)	652
Гусятинский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	133, 182, 194
Гутгарт (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	386
Гутман (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	302

Гушин (рос.) — оперуповноваж. Боково-Антрацитівського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	75
Дальский-Белоус Николай Петрович (рос.) (1903–1939) — із 01.12.1935 — нач. мобілізаційного відд. УШОСДОР НКВС УРСР. Із 26.01.1938 — нач. відд-я 5 відд. НКВС УРСР. Із 05.05.1938 — заст. нач. 2 відд. НКВС УРСР. Із 31.05.1938 — нач. 1 відд. НКВС УРСР. Арештований у 11.1938. Засуджений 21.02.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 21.02.1939.	421, 437, 516, 518
Данилевский (рос.)	539
Данилейко Георгий Петрович (рос.) (1901–?) — з 08.08.1935 — оперуповноваж. СПВ, з 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений у запас 08.09.1939.	30, 42, 48, 60, 66
Данилецкий (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	134
Данилюк (рос.)	576, 579
Дараган Иван Андреевич (рос.) (1901–?) — у 1938 — нач. Дніпродзержинського МВ УНКВС по Дніпропетровській обл., заст. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл., з 12.1938 — в.о. нач. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 12.1938. Засуджений ВТ військ НКВС КОВО 27.05.1941 до 10 років ВТТ.	121, 123, 129, 158, 162, 168, 170, 172–173, 176, 179, 181, 186–187, 190–192, 194, 198, 201, 204–219, 221–229, 236, 240, 246, 253, 256, 262, 265–266, 269–270, 272, 276, 283, 306, 311, 319–321, 325, 327
Дворецкий (рос.)	209
Дворядкин (рос.)	616
Дегтярев (рос.)	502
Дегтяренко (рос.)	92
Дедеш (рос.)	228
Дейнега (рос.) — нач. Андріїво-Іванівського РВ УНКВС УНКВС по Одеській обл.	580
Дейнега Иван Степанович (рос.) (1903–1943) — з 03.1938 — нач. 6-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Загинув на фронті.	650, 652
Дейнеко (рос.)	229
Дейниченко Василий Гаврилович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	342

Демиденко Василий Яковлевич (рос.) (1896–1938) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., з 01.1937 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Арештований 22.04.1938. Засуджений 02.10.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 02.10.1938. Реабілітований у 1957.	508–509
Демидов (рос.) — оперуповноваж. Григоріопольського РВ НКВС МАРСР.	561
Демченко (рос.)	487
Демченко Иван Иванович (рос.) (1901–1941) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. До 25.05.1939 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Арештований 12.05.1938. Справа припинена, звільнений 10.12.1938. Під час війни — заст. нач. ОВ НКВС 5-ї армії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	645
Демченко Николай Нестерович (рос.) (1896–1937) — 05.06.1934–21.09.1936 — 1-й секретар Харківського обкому КП(б)У, 09.1936–11.4.1937 — 1-й заст. наркома землеробства СРСР, 11.4–22.7.1937 — нарком зернових і тваринницьких радгоспів СРСР. Арештований 22.07.1937. Розстріляний 30.10.1937.	586
Демчук (рос.)	358
Денисов (рос.)	518
Дерезняк (рос.)	605
Деряга (рос.)	641, 648
Десятников (рос.)	629
Дзержинский Феликс Эдмундович (рос.) (1877–1926) — з 12.1917 — голова ВНК — ДПУ — ОДПУ СРСР. Один з організаторів державного терору радянської доби.	208, 566
Дибров-Литвин Иван Николаевич (рос.)	574
Диденко Максим Авксентьевич (1904-?) — у 1938 секретар Житомирського обкому КП(б)У.	238, 240, 248, 251, 260, 266, 281–282, 298–299, 306–307, 316–317, 324, 326–327
Дмитриев Георгий Николаевич (рос.) (1904–1942) — до 1938 — співробітник УНКВС по Кіровській обл. У 1938 — співробітник апарату особливоуповноваж. НКВС УРСР. Під час війни оперуповноваж. ОВ НКВС 45 стрілецької дивізії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	626
Дитковская (рос.)	605
Дитковский (рос.)	605
Дмитриев Георгий Николаевич (рос.) (1904–1942) — до 1938 — співробітник УНКВС по Кіровській обл. У 1938 — співробітник апарату особливоуповноваж. НКВС УРСР. Під час війни оперуповноваж. ОВ НКВС 45-ї стрілецької дивізії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	501–502, 513

Дмитриевский (рос.) — нач. відд. кримінального розшуку УРСМ НКВС по Вінницькій обл.	26
Дмитров (рос.)	626
Добко (рос.)	371–372
Добровольский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	166
Добровольский Леонид Григорьевич (рос.) (1907–?) — з 01.1937 — оперуповноваж., з 08.07.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	639, 647
Доброход (рос.)	615
Доброшинский Михаил Иванович (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	215
Добрянский (рос.)	608, 628–629
Довгаль (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	216
Долгушев Алексей Романович (рос.) (1902–1973) — з 26.10.1936 — пом. нач. відд-я ОБ НКВС УРСР. Із 23.10.1937 — нач. 5-го відд-я 5-го відд. НКВС УРСР. Із 24.02.1938 — нач. 1-го відд. НКВС УРСР. Із 28.05.1938 — нач. УНКВС по Київській обл. Арештований 18.01.1939. Засуджений 13.08.1940 ВТ військ НКВС КОВО до 7 років ВТТ. Справа спрямована на дослідження. ВТ військ НКВС КОВО 27.02.1941 засуджений до 10 років ВТТ. Справа спрямована на дослідження. ВТ військ НКВС Уральського округу 21.05.1942 засуджений до розстрілу. ВКВС замінила розстріл 10 роками ВТТ.	6, 8–9, 368–375, 377, 379–387, 389–391, 393–394, 398, 403–404, 406, 412–415, 417–418, 421–422, 425–426, 428–429, 437–439, 442–443, 445–446, 448–453, 456–458, 461–462, 464, 468–469, 474–476, 478–486, 489–497, 500, 505
Должиков Павел Дмитриевич (рос.) (?–?) — у 1938 закінчив школу ГУДБ НКВС СРСР. Із 08.1938 — пом. оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	638
Домогатский (рос.)	629
Дондыш Михаил Борисович (рос.) (1903–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. До 03.08.1940 — нач. 1-го відд-я 2-го відд. УНКВС по Харківській обл. Звільнений з органів НКВС.	617, 639, 643
Донцов (рос.)	628
Донщик Петр Гаврилович (рос.) (1906–1942) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., потім заст. нач. Уманського МРВ УНКДБ по Київській обл. Зник безвісти на фронті.	414

Дорн Юлиан Карлович (рос.) (1872–1937) — стоматолог. Арештований 26.07. 1937. Згідно з постановою «двійки» від 27.11.1937 розстріляний 04.12.1937. Реабілітований у 1956.	284, 322
Доров Григорий Яковлевич (рос.) (1898–?) — у 1937–1938 — комендант Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований у 1939. Засуджений.	179
Дорошкин (рос.) — нач. Добровеличківського РВ УНКВС по Одеській обл.	574
Дорфман Акива Вольфович (рос.) (1907–?) — на 09.01.1936 — в апараті НКВС УРСР. До 16.07.1938 — оперуповноваж. ОВ НКВС 45-го мехкорпусу. Із 16.07.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 27.12.1938 — нач. відд-я 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. На 04.11.1942 — нач. ОВ НКВС 16-го танкового корпусу.	537
Досс Иван Иванович (рос.)	573
Доценко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	190–191, 198, 204–205, 217, 228–229
Драбкин (рос.)	651
Дрибинский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	97
Дробот (рос.)	599
Другобицкий (рос.) — у 1937–1938 — заст. прокурора Вінницької обл. у спецсправах. На 1940 — заст. прокурора УРСР у спецсправах.	36
Дубенко — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	444
Дубовой П.С. (рос.) (?–?) — у 1938 — оперуповноваж. 3-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	650
Дубровский (рос.)	186
Дудник (рос.)	573
Дунаєнко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	180, 203, 214, 229
Духвинский (рос.)	543, 558
Духовный (рос.)	650
Евгеньев (рос.)	185
Евтушенко (рос.)	642, 649
Егоров Андрей Иванович (рос.) (1904–1941) — з 11.04.1937 — заст. нач. відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 26.02.1938 по 02.12.1938 — нач. УНКВС по Чернігівській обл. Із 09.1938 по 02.12.1938 — в.о. нач. ОВ НКВС КОВО. Арештований 02.12.1938. Засуджений 07.1941 ВКВС СРСР. Розстріляний 27.07.1941. У реабілітації відмовлено у 1999.	409, 530–531

Екимов Александр Екимович (рос.) (?–?) — до 12.10.1937 — оперуповноваж. 4 відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 12.10.1937 — нач. відд-я 4-го відд., з 15.09.1938 — заст. нач. 4-го відд., з 11.1938 по 01.1939 — нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	334, 337, 342, 344, 346, 348, 351–353, 355–357, 359, 361–363, 366
Емельянов (рос.)	485, 616
Еникеев (рос.)	639, 648
Ерелевский (рос.)	574
Ермаков (рос.)	599
Ерохин Александр Андреевич (рос.) (1903–?) — нач. групи техвідділу Луганського з-ду ім. Жовтневої революції. Арештований 19.10.1937. Справа припинена 13.08.1939, звільнений. Реабілітований у 1994.	92
Жабров Иван Андреевич (рос.) (1898–1939) — у 22.11.1937 — заст. наркома внутрішніх справ Білоруської РСР. Із 26.02.1938 — нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Арештований 15.11.1938 (за іншими даними 17.11.1938). Засуджений 22.02.1939 ВКВС СРСР, розстріляний 23.02.1939. У реабілітації відмовлено у 1999.	334–340, 342, 344–364, 366–367, 417, 419, 460, 521, 530
Жданов Андрей Александрович (рос.) (1896–1948) — у 1934–1948 — секретар ЦК ВКП(б), одночасно у 1934–1944 — 1-й секретар Ленінградського обкому і міськкому ВКП(б).	110
Жежерун Фёдор Данилович (рос.) (?–?) — у 1938 — нач. Чечельницького РВ, до 08.06.1940 — ст. оперуповноваж. Тульчинського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений у запас.	24
Желай Василий Ефимович (рос.) (?–?) — у 1938–1939 — співробітник НКВС УРСР.	524
Живков (рос.)	626
Житкова (рос.)	427
Журабович Юрий Яковлевич (рос.) (1899–?) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл., на 19.12.1942 — оперуповноваж. ВК ОБ НКВС Північної групи військ Закавказького фронту.	127, 146–147, 153–154, 164, 168–169, 189, 197, 200
Журавлев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	178, 338, 340, 343–344, 525, 538
Журавлёв Феодосий Иванович (рос.) (1904–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — нач. Меджибізького РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. На 29.01.1943 — заст. нач. ОБ НКВС 30 кав. дивізії.	338, 340, 343–343
Журавлева (рос.)	178, 338, 340, 343–344, 525, 538
Жутов Иван Николаевич (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 12.1938. — нач. відд-я УНКВС по Київській обл.	373

Жученко (рос.)	605
Забора (рос.)	172, 204, 211, 214
Загель (рос.)	649
Загер (рос.)	313
Загорулько (рос.)	585, 599, 624
Задюченко Семен Борисович (Зайончик Шимон Борухович) (рос.) (1898–1972) — у 1937–1938 — заст. голови РНК РРФСР, у 1938–1941 — 1-й секретар Дніпропетровського обкому КП(б)У, у 1942–1946 — 1-й секретар Башкирського, Кемеровського обкомів ВКП(б).	118, 137, 141, 145, 155–156, 163–166, 169, 174–175, 183, 190, 202, 207
Задоя Александр Федорович (рос.) (1906–?) — у 1937–1938 — оперуповноваж. ДТВ НКВС Півден.-Західної залізниці.	598
Задьяков (рос.)	515
Зайцев (рос.)	583
Зайцев (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	125–128, 130, 141, 147, 153–154, 157–158, 164, 168, 171, 181, 187–189, 191, 195, 202
Зайцев (рос.) — у 1938 — нач. Ананьївського РВ НКВС МАРСР.	548, 552
Закревский Дмитрий Владимирович (рос.) (1902–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 02.04.1945 — заст. нач. опервідділу НКДБ Молдавської РСР.	161
Залесский Борис Маркович (рос.) (1908–?) — на 09.01.1936 — в апараті НКВС УРСР. На 14.11.1942 — нач. відд-я ОВ НКВС Калінінського фронту.	381, 384–385, 391–395, 401, 403, 414, 485, 490, 496–497
Замков (Заманский) Абрам Ильич (рос.) (1898–?) — до 01.09.1937 — пом. нач. 3-го відд-я, з 01.09.1937 — нач. 3-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Відраджений до НКВС СРСР 19.07.1938.	378
Запутряев Александр Михайлович (рос.) (1903–?) — до 14.03.1937 — заст. нач. 14-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Ленінградській обл. Із 19.04.1938 — нач. Жмеринської міжрайонної слідчої групи. Із 05.1938 — заст. нач. з 03.07.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 22.10.1938 — заст. нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Звільнений з НКВС 29.06.1939. Арештований 02.02.1940. Засуджений 27.06.1941 до 10 років ВТТ. Восени 1942 відраджений на фронт.	49–50, 66
Заславский (рос.)	583
Засов Александр Сергеевич (рос.) (1903–1943) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. Під час війни — нач. ОВ НКВС 3-ї лижної бригади Північ.-Західного фронту. Загинув на фронті.	207

Затонский Владимир Петрович (рос.) (1888–1938) — у 1925–1937 — член Політбюро ЦК КП(б)У. У 1919, 1922–1923, з 1933 — нарком освіти УРСР. У 1925–1927 — секретар ЦК КП(б)У, 1927–1933 — голова ЦКК КП(б)У, нарком РСІ УРСР. Із 1929 — академік АН УРСР. Арештований 03.11.1937. Розстріляний 29.07.1938. Реабілітований у 1956.	172
Захаров (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	112, 418, 540
Захаров Николай Фёдорович (рос.) (1903–?) — з 01.04.1938 — референт, з 07.06.1938 — пом. нач., з 23.07.1938 — нач. секретаріату НКВС УРСР. Арештований 11.1938. Засуджений 04.05.1939 до 15 років ВТТ.	112, 418, 540
Захарченко (рос.)	254–255
Зачепа Иван Иванович (рос.) (1900–1976) — з 22.05.1937 по 08.1939 — нач. Ворошиловського (нині м. Алчевськ) МВ УНКВС по Ворошиловградській обл., 08.1939–10.1939 — заст. нач. УНКВС по Ворошиловградській обл., 10.1939–12.1939 — співробітник УНКВС по Луцькій (Волинській) обл., 12.1939–28.03.1941 — нач. УНКВС по Дрогобицькій обл.	84–86, 97–98
Збаржевский (рос.)	454
Зварковский Александр Николаевич (рос.) (1901–?) — з 1936 — нач. обліково-реєстраційного відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 20.06.1938 — інспектор при нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 1939 — нач. секретаріату УНКВС по Дніпропетровській обл.	118, 144–145, 155, 186, 202
Зверев (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	246
Здыховский (рос.)	590
Зеленчук Степан Спиридонович (рос.) (1904–1978) — у 1937–06.1939 — 3-й секретар Молдавського обкому КП(б)У.	543
Зеликман (рос.) — у 1938 — співробітник санчастини УНКВС по Дніпропетровській обл.	166, 218–219
Зель Михаил Ильич (1911–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. На 05.08.1942 — заст. нач. ОВ НКВС 111-ї танкової бригади.	607, 611, 613, 621
Зильберман (рос.)	445, 447, 455, 488
Зименко (рос.)	528
Зиненко (рос.)	212
Зинько (рос.)	545, 556
Зитта (Зитто) Владимир Иосипович (рос.) (1892–1938) — робітник цукрозаводу. Арештований 28.01.1938. Засуджений «трійкою» при УНКВС по Полтавській обл. від 21–23.03.1938. Розстріляний 28.05.1938. Реабілітований ВТ КВО 15.08.1958.	590

Злобин Геннадий Николаевич (рос.) (?–?) — у 1937–1939 — нач. Липовецького, Ситковецького РВ УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений через хворобу.	19, 21, 36, 67
Злотин Владимир Наумович (рос.) (1905–1942) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. У 1938 — нач. відд-я УНКВС по Київській обл. Зник безвісти на фронті.	379
Знайко (рос.) — у 1938 — співробітник особливої інспекції УРСМ УНКВС по Дніпропетровській обл.	191, 206, 228
Золотухин (рос.)	42
Зорин (Вусикер) Владимир Аркадьевич (рос.) (1903–?) — у 1937–1938 — нач. клубу НКВС УРСР. Арештований 01.08.1938. Звільнений 25.11.1938.	539
Зотов (рос.) — у 1938 — нач. відд-я 1-го спецвідд. НКВС УРСР.	517–518
Зражевский (рос.)	251
Зуб Николай Андреевич (рос.) (1902–?) — до 12.10.1937 — старший інспектор 8-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 12.10.1937 — старший інспектор 8-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 07.1938 — нач. 1-го спецвідд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 08.01.1939. Засуджений 23.04.1940 ВТ військ НКВС КОВО до 5 років ВТТ. На 05.01.1944 — діловод 4-го відд-я штабу 350-ї стрілецької дивізії. На 05.08.1944 — командир взводу 50 мм мінометів 1180 стрілецького полку.	273–274, 282–283, 296, 298, 305, 332
Зубатов (рос.)	215
Зубатый (рос.)	211
Зубенко (рос.)	629
Зубрило (рос.) — у 1938 — нач. Волочиського прикордонного загону.	340
Иванов (рос.)	193, 410, 433, 468, 564–565, 567–568, 634, 638
Иванов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	102
Иванов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	251
Иванов (рос.) — нач. Беляєвського РВ УНКВС по Одеській обл.	579
Иванов (рос.) — пом. оперуповноваж. Жмеринського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	35
Ивахненко (рос.)	638
Ивченко (рос.)	361

Игнатенко Феликс Гаврилович (рос.) (1906–?) — до 10.1937 — вахтер 8-го відд-я Житомирського окрвідділу НКВС. Із 10.1937 — пом. інспектора 8-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 1938 — нач. внутрішньої тюрми УНКВС по Житомирській області. У 08.1938 покараний адміністративним арештом на 3 доби за привласнення речей розстріляних громадян. Арештований 17.12.1938. Засуджений 04.07.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 10 років ВТТ.	276, 320
Израилевский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	191
Ильченко (рос.)	332, 397
Ингберман (рос.)	170
Ин-Це (рос.)	640, 648
Иоффе Абрам Михайлович (рос.) (1906–1941) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. У 1941 — заст. нач. 2-го відд. УНКВС по Чернігівській обл. Загинув поблизу м. Чернігова.	128, 137, 142, 150, 193, 197, 213
Ищенко (рос.)	641, 644, 648
Кабак Моисей Аронович (рос.) (1901–?) — заст. головного металурга Луганського з-ду № 60. Луганським обласним судом 10.05.1939 засуджений до 15 років ВТТ. ВС УРСР 25.09.1939 вирок скасував, справа спрямована на дослідження. Справа припинена 13.04.1940, звільнений.	92
Каган (рос.)	619
Каганович Арон Григорьевич (рос.) (1908–?) — з 02.09.1937 — пом. нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 26.02.1938 до 1939 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	589, 591–592, 625
Каганович Лазарь Моисеевич (рос.) (1893–1991) — у 1930–1957 — член Політбюро (Президії) ЦК ВКП(б) — КПРС. У 1937–1939 — нарком важкої промисловості СРСР. У 06.1957 за приналежність до «антипартійної групи» знятий із посад.	98, 100
Кагдин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	136
Казанцев Владимир Иванович (рос.) (1900–1979) — у 10.1934–11.1939 — оперуповноваж. ОВ НКВС 44-ї стрілецької дивізії, м. Житомир; 11.1939–10.1940 — нач. ОВ НКВС 36-го стрілецького корпусу КОВО. У 10.1940–06.1941 — нач. ОВ НКВС 23-го стрілецького корпусу Закавказького ВО, 06.1946–08.1947 — заст. нач. УКР МДБ Білоруського ВО. Звільнений з органів МДБ.	230–231, 267, 276, 283, 297, 318–319
Казимирский-Наумов Наум Наумович (рос.) (1902–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений у запас із органів НКВС 26.07.1940. На 03.1946 — нач. Асіновського відд. табірному пункту відділу виправно-трудових колоній УНКВС по Томській обл.	161
Казин Николай Алексеевич (рос.) (1910–1991) — з 01.08.1937 — оперуповноваж., до 10.07.1938 — пом. нач. відд-я, з 10.07.1938 — нач. 3-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР.	452

Кайзер Анатолій Филиппович (рос.) (1907–?) — з 15.09.1936 — нач. Могилів-Подільського окрвдділу НКВС. Із 1937 — нач. Могилів-Подільського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 1938 — нач. навчальної частини 2-ї Харківської школи НКВС. Арештований у 1938.	54
Калашник (рос.)	599
Калганов Василій Васильєвич (рос.) (?–?) — з 1937 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 20.04.1938 — нач. 10-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 04.06.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 07.09.1939 — заст. нач. 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Із 1939 — заст. нач. ЕКВ НКВС УРСР.	77, 93, 513–514
Калина Георгій Платонович (рос.) (1902–?) — викладач Вінницького медінституту. Арештований 06.08.1938. За вироком 437 ВТ КОВО від 06.06.1939 засуджений до розстрілу. За ухвалою ВС СРСР від 23.08.1939 р. вирок відмінено, справа направлена на додаткове розслідування. За постановою УНКВС по Вінницькій обл. від 22.12.1939 р. справа припинена.	66
Калугин (рос.) — у 1938 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС МАРСР.	551
Калюга (рос.)	583, 602
Калюжный Владимир Филиппович (рос.) (1905–?) — з 13.11.1936 — нач. відд-я, з 08.08.1937 — заст. нач. 4-го відд., з 28.04.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 10.07.1938 — заст. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 14.08.1938 — нач. 9-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Арештований 19.04.1939. Засуджений 26.12.1940 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу. Постановою ВКВС від 14.02.1941 вирок замінений на 10 років у ВТТ.	506, 531–533, 537, 618
Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (рос.) (1883–1936) — у 1929–1932 — голова Головного концесійного комітету. 1932–1933 — у засланні у Мінусінську. У 1933–1934 — директор видавництва «Академія», у 1934 — директор Інституту світової літератури ім. О. Горького. Арештований 12.1934, 16.01.1935 засуджений до 5 років ув'язнення. ВКВС СРСР 27.07.1935 засуджений до 10 років тюремного ув'язнення з погашенням 5-річного строку минулого вироку. ВКВС СРСР 24.08.1936 засуджений до розстрілу. Реабілітований 13.06.1988.	136
Каменский (рос.) — інструктор Дніпропетровського міськкому КП(б)У.	207, 543–544, 547, 565–566
Каминский	26, 213
Каминский (рос.) — нач. Шпиківського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	26, 213
Камраз Владимир Михайлович (рос.) (1904–1941) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл. Під час війни нач. відд-я ОВ НКВС 37-ї армії Півден.-Західного фронту. Загинув.	320, 403, 414, 444, 485
Каневский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	346

Каневський Володимир Ізраїлевич (рос.) (1905–?) — до 08.08.1937 — нач. відд-я 4-го відд., з 08.08.1937 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Відкликаний 31.05.1938 до НКВС СРСР.	388, 441
Каневський Іона Іосифович (рос.) (1904–?) — з 07.1934 — нач. Глобинського РВ, з 04.1938 по 1941 — нач. Золотоніського РВ УНКВС по Київській обл.	589, 599, 603
Канин (рос.)	526–527
Кант Іммануїл (рос.) (1724–1804) — німецький філософ.	402, 471
Канторович (рос.)	502
Канцлер-Волгин Михайл Савич (рос.) (1905–?) — у 1937 — нач. Васильківського РВ УНКВС по Київській обл. Арештований.	492
Капустин (рос.) — нач. відд. пожежної охорони УНКВС по Київській обл.	371–372, 431, 439
Капустин Матвей Григорьевич (рос.) (1899–?) — з 1935 — оперуповноваж., з 1938 — нач. відд-я 5-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — нач. ОВ НКВС 81-ї авіабригади.	313, 401, 446, 479
Карабейник (рос.) — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	353–354
Караганов Александр Евгеньевич (рос.) (1902–1940) — з 01.1937 по 07.1937 — нач. 6-го відд. УНКВС по Чернігівській обл. У 1938 — нач. 4-го відд-я 1-го відд. 3-го Управ. НКВС СРСР.	185
Карасев (рос.)	607
Карафелов Семен Борисович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., до 29.05.1940 — заст. нач. ЕКВ УНКВС по Київській обл. Звільнений з органів НКВС.	368, 384–386, 389, 408, 417, 461, 482, 489, 494, 496–497, 499
Карен Авксентий Степанович (рос.) (1903–?) — колишній секретар Городницького райкому КП(б)У, на момент арешту — рахівник колгоспу с. Журавка Чернігівської обл. Арештований 08.04.1938. Постановою ОН при НКВС СРСР від 17.04.1940 висланий до Красноярського краю на 5 років. Реабілітований у 1958.	321
Каруцький Семен Абрамович (рос.) (1904–?) — з 26.05.1937 — пом. нач. 5-го відд. НКВС Узбецької РСР. Із 21.04.1938 — нач. 11-го відд. УНКВС по Одеській обл. Звільнений з органів НКВС 07.05.1939.	577
Карцев (рос.) — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	71, 440
Карцев Іван Григорьевич (рос.) (1900–?) — з 20.10.1936 — нач. Сватівського РВ НКВС. Із 28.11.1937 — нач. 9-го відд. НКВС УРСР. Із 28.04.1938 — нач. ВК УНКВС по Київській обл. Із 17.07.1938 — нач. адмінвідд. Управ. місць ув'язнень НКВС УРСР. У 07.10.1938 — нач. адмін.-господар. відд. УНКВС по Хабаровському краю.	71, 440
Карчевський Сергій Николаевич (рос.) (?–?) — до 29.04.1939 — нач. Ржищівського РВ УНКВС по Київській обл.	426
Каршенбаум (рос.)	639

Касько (рос.)	613
Касьянов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Харківській обл.	639–640, 644, 648
Катков (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	246
Катольянец (рос.)	443
Катренко Владимир Степанович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 31.07.1940 — особливоуповноваж. УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС.	181, 187
Кац (рос.)	235, 360, 364
Качаловский Филипп Михайлович (рос.) (1907–1941) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл., у 1941 — співробітник ОВ НКВС 37-ї армії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	194
Квасов Михаил Егорович (рос.) (?–?) — у 1937–1938 — 1-й секретар Старобільського окружного КП(б)У, з 1938 — зав. відд. керівних партійних органів ЦК КП(б)У, у 11.1938–12.1940 — 1-й секретар Ворошиловградського обкому КП(б)У.	70, 78–82, 85–86, 92, 94, 97, 99, 102, 108, 110–111, 113, 115–117
Кейс Иван Александрович (рос.) (1907–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 12-го відд., до 02.08.1938 — пом. нач. 8-го відд-я 3-го відд., з 02.08.1938 — нач. ВК УНКВС по Харківській обл.	635
Келлер (рос.)	446
Кивенко (рос.)	534
Киперштейн (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	355
Киреев Тихон Андреевич (рос.) (1903–1967) — із 05.09.1937–26.08.1938 — нач. 1 відд-я ДТВ НКВС Одеської залізниці, у 26.08.1938–16.03.1940 — заст. нач. ДТВ НКВС Одеської залізниці. Звільнений із посади заст. нач. 6 Управ. МВС СРСР 22.12.1953 «за фактами дискредитації».	579
Кириленко Максим Максимович (рос.) (?–?) — співробітник ВК УНКВС по Полтавській обл.	582, 584–586, 589, 591–592, 594, 596–597, 599–600, 606–607, 611, 622–623, 625, 631
Кирилюк Александр Исаакович (рос.) (1911–?) — з 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Арештований у 1939, звільнений. У 1942 зник безвісти на фронті.	87, 89–90, 93, 96
Кириченко (рос.)	21, 591
Кирюхин Иван Иосифович (рос.) (1896–?) — приймальник відд. технічн. контролю Луганського з-ду ім. Жовтневої революції. Арештований 16.08.1938. Справа припинена 22.12.1939, звільнений. Реабілітований у 1994.	103

Кирюшин Василий Иванович (рос.) (?–?) — до 05.06.1939 — заст. нач. 3-го відд. НКВС МАРСР.	547, 552, 558, 569
Киселевский (рос.)	375–376, 400, 404–405, 434, 439, 455–456, 467, 493
Кисель (рос.)	621
Кислова (рос.)	643
Китай (рос.)	362
Китченко Петр Гаврилович (рос.) (1907–?) — до 28.04.1938 — нач. 4-го відд-я Горлівського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 28.04.1938 — нач. 4-го відд-я Ворошиловградського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 14.06.1938 — нач. відд-я 4-го відд., з 1939 — нач. відд-я 9-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	72, 91, 93, 97, 107, 114, 116
Клебанов Давид Яковлевич (рос.) (1906–1942) — з 1937 — нач. 4-го відд-я Запорізького МВ, з 26.09.1938 — пом. нач. 4-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 1938 — нач. 9-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 18.03.1939. Засуджений 20.04.1940 до 7 років ВТТ. Загинув на фронті.	119, 125, 127, 129, 131, 135, 141, 144–146, 155, 167, 189, 200–202
Клейман (рос.) — у 1938 — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	220
Клейман Илья Наумович (рос.) (1907–1941) — до 19.06.1938 — нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 19.06.1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Загинув на фронті.	368, 370, 395, 404, 420–422, 424, 433, 437, 446, 448, 455, 460, 478, 486, 494–496, 498–499
Клеман Ефим Иосифович (рос.) (?–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	163, 167, 189, 197–199
Клетный (рос.)	605
Клецман Николай Ефимович (рос.) (1901–?) — у 1937–1939 — оперуповноваж., пом. нач. відд-я, нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Одеській обл.	580
Клименко Константин Никифорович (рос.) (1905–?) — до 1938 — нач. 4-го відд-я Старобільського окрвідділу НКВС УРСР. Із 1938 — нач. відд-я 9-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 1939 — особливоуповноваж. УНКВС по Ворошиловградській обл.	74
Климов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	245, 248, 257, 289
Климов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	74

Климов Григорий Иванович (рос.) (1902–?) — із 1937 — нач. 1-го відд-я 5-го відд., з 1937 — нач. 9-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 10.07.1938 — нач. ОВ НКВС 7-го стрілецького корпусу. Із 23.07.1938 — пом. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 12.1940 — пом. нач. УНКВС по Рівненській обл.	132, 144, 152–153, 164, 167, 169, 171, 176, 180–181, 185, 187, 192, 199, 202
Климовский Борис Емельянович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. На 25.11.1941 — нач. 2-го відд-я ОВ НКВС 38-ї армії.	356
Клипп Максим Георгиевич (рос.) (?–?) — у 1938 — нач. відд-я 1-го спецвідд. НКВС УРСР.	516, 518
Клочко Евгений Юрьевич (рос.) (1898–?) — у 1937–1938 — нач. Золотоніського РВ УНКВС по Полтавській обл. Арештований у 1938. Звільнений у 1939. Звільнений з органів НКВС 08.05.1939. До 31.07.1940 — нач. Золотоніського РВ УНКВС по Полтавській обл.	121, 585, 592, 599, 607, 612, 620, 624, 629–630
Клубок (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	86
Кляндин Михаил Степанович (рос.) (?–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. На 1938 — співробітник УНКВС по Полтавській обл.	615
Княгницкий (рос.)	491
Княжищ (рос.)	426
Кобзина Вера Сидоровна (рос.) (1921–?) — на час арешту без певних занять, проживала у м. Вінниці. Арештована 21.07.1938. За постановою Вінницької облпрокуратури від 08.01.1939 справа припинена, звільнена.	21
Кобулов Амаяк Захарович (рос.) (1906–1955) — з 25.08.1938 — нач. Гагринського МВ НКВС Грузинської РСР. Із 07.12.1938 по 02.09.1939 — 1-й заст., в. о. наркома НКВС УРСР. Із 09.1940 — радник повпредства СРСР у Німеччині. Арештований 27.06.1953. Засуджений ВКВС СРСР 01.10.1954. Розстріляний 26.02.1955.	4, 19, 106, 537, 596, 633
Кобызов Григорий Михайлович (рос.) (1902–1941) — 17.02.1938–20.05.1938 — нач. ВК НКВС УРСР, 20.05.1938–15.01.1939 — нач. УНКВС по Харківській обл. Арештований 01.1939. Засуджений ВКВС СРСР до 15 років ВТТ. Помер в ув'язненні в Північно-Східному таборі. У реабілітації відмовлено у 1999.	296, 530, 536–537, 593–594, 598, 622, 632–633, 636, 647
Ковалевский (рос.)	613
Коваленко (рос.) — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	354, 369, 424
Коваленко Василий Кузьмич (рос.) (1906–?) — з 12.1936 — нач. Ротмістровського РВ НКВС. Із 01.1938 — нач. Чорнобильського РВ, з 07.1938 — нач. Білоцерківського РВ УНКВС по Київській обл. Із 09.1939 — нач. Кременецького РВ УНКВС по Тарнопольській обл.	354, 369, 424

Ковальчук Павел Михайлович (рос.) (1898–?) — учитель. Арештований 26.04.1937. Постановою УНКВС по Вінницькій обл. від 17.09.1938 справа припинена, звільнений.	19, 35, 47–48
Ковтунюк Иван Федорович (рос.) (1903–?) — у 1933–1938 — оперуповноваж. РВ УНКВС по Київській обл. У 1934 засуджений на 3 роки умовно. Із 1938 — нач. Бориспільського РВ УНКВС по Київській обл. Із 29.08.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 09.05.1939 — нач. Звенигородського РВ УНКВС по Київській обл.	380–381, 393, 486
Коган Виктор Аркадьевич (рос.) (1899–?) — з 01.12.1934 — оперуповноваж. СПВ УНКВС по Київській обл. Із 01.06.1938 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Арештований 01.09.1938, засуджений до 7 років ВТТ.	384, 388–389, 392–393, 397–398, 413–415, 419–420, 441, 482–483
Коган Моисей Леонидович (рос.) (?–?) — у 1937–1939 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований у 1939. Засуджений 14.11.1940 до 5 років ВТТ.	123, 163, 171, 174, 191, 196, 198, 200, 207
Кожухарь	35, 576
Козаченко Василий Корнеевич (рос.) (1905–?) — з 15.09.1935 — оперуповноваж. СПВ УНКВС по Одеській обл. Із 31.08.1937 — пом. нач. 3-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 23.04.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 07.1938 — нач. РВ НКВС у м. Києві. Із 01.09.1938 відряджений до НКВС СРСР.	490
Козельский Борис Владимирович (Голованевский Бернард Вольфович) (рос.) (1902–1936) — у 1934–1936 — нач. СПВ НКВС УРСР. Застрелився.	528
Козицын (рос.) — нач. Калинівського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	27
Козлов (рос.)	609
Козловский (рос.)	589
Козьминых Кузьма Иосифович (рос.) (1898–1939) — з 16.11.1937 — пом. нач. УНКВС по Оренбурзькій обл. Із 08.05.1938 — пом. нач. УНКВС по Київській обл. Із 29.09.1938 — комендант НКВС УРСР та ОВ НКВС КОВО. Із 22.10.1938 — пом. нач. УНКВС по Київській обл. Арештований у 11.1938. Засуджений ВКВС СРСР 14.04.1939 до розстрілу.	387, 448, 485
Коккинаки Владимир Константинович (рос.) (1904–1985) — генерал-майор авіації, льотчик-випробувач.	91
Коларов Васил Петров (рос.) (1877–1950) — у 1928–1929 — очолював Балканський секретаріат Комінтерну. У 1930–1939 — директор Міжнародного аграрного інституту, у 1934–1935 — головний редактор журналу «Аграрные проблемы». У 1928–1939 — голова виконкому Селянського інтернаціоналу. Із 1949 — голова Ради Міністрів Народної Республіки Болгарії.	626
Колбасенко (рос.)	372, 385, 490–492
Колесник (рос.)	37, 74

Колесник (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	37, 74
Колесников (рос.) — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	355, 358
Колесников (рос.) — у 1938 — співробітник Криворізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	86, 133, 194
Колесниченко (рос.)	85, 356, 519, 574
Колесов Степан Григорьевич (рос.) (1905–1939) — з 01.08.1937 — нач. 6-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Оренбурзькій обл. Із 1938 — нач. 3-го відд-я 2-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — нач. відд-я 3-го спецвідд. НКВС УРСР. Арештований 23.11.1938. Засуджений 07.03.1939 ВКВС СРСР до розстрілу.	447, 466, 509, 517, 525–526
Колобов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	87, 89, 94
Колода (рос.)	211
Колотило (рос.)	609
Колупаев (рос.)	649
Колыбанов Анатолий Георгиевич (рос.) (1904–1978) — у 1937–1938–1-й секретар Бериславського райкому КП(б)У Одеської обл., у 1938–26.01.1939 — 2-й секретар Одеського обкому КП(б)У.	571
Комаров Виталий Михайлович (рос.) (?–?) — у 1938 — заст. нач. УРСМ УНКВС по Вінницькій обл.	18, 24, 28
Комашко Аркадий Васильевич (рос.) (1892–?) — проживав у с. Нова Астрахань Кремінського р-ну Луганської обл., головний лікар райлікарні. Арештований 29.07.1938. Виправданий 04.03.1940 Луганським облсудом.	95
Кондратец Иван Кондратьевич (рос.) (?–?) — у 1938 мобілізований до органів НКВС. Із 01.04.1938 — нач. відд-я 4 відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	74
Кондратюк (рос.) — у 1938 — співробітник апарату НКВС УРСР.	152
Кондратьев (рос.)	543, 558
Кондрацкий Леонид Иустинovich (рос.) (1909–?) — оперуповноваж. ОВ НКВС в/ч № 4817 (Житомирська обл.). У 08.1938 покараний адміністративним арештом на 15 діб за привласнення речей розстріляних. Засуджений 04.07.1939 ВТ військ НКВС КОВО до 2,5 років ВТТ.	240, 312–318, 320
Кононенко (рос.)	574
Константинов Тихон Антонович (рос.) (1898–1957) — з 07.1938 по 07.06.1940 — голова Президії Верховної Ради МАРСР.	344, 350, 543
Копытько (рос.)	218
Копьев (рос.) — інженер.	170

Кораблєв Іван Михайлович (рос.) (1899–?) — з 1937 — пом. нач. 3-го відд. УНКВС по Ленінградській обл. Із 03.03.1938 по 14.01.1939 — нач. УНКВС по Вінницькій обл. 30.01.1939 здійснив спробу самогубства. Із 25.05.1939 — заст. нач. Архангельського ВТТ. Арештований 18.05.1940. Засуджений 24.06.1941 до 10 років ВТТ. У 08.1942 відряджений з табору на фронт. 22.02.1943 потрапив у полон. Звільнений з табору 05.05.1945. У 1945–1954 працював у пересилочному відд. Куйбишевського облвиконкому.	18–19, 23–25, 28–30, 41–43, 45, 47, 49, 53, 56–57, 59–61, 63, 65–66
Корбут (рос.)	369
Кордит (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	346, 356
Кордус Іван Павлович (рос.) (1906–?) — до 10.1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 17.10.1937 — нач. відд-я 4-го відд., з 20.06.1938 — пом. нач. 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	352
Коренблит Рива Самойловна (Самуиловна) (рос.) (1911–?) — лаборантка інституту ім. Мечнікова. Арештована 19.04.1937. Справа припинена постановою УНКВС по Харківській обл. Звільнена 15.01.1939.	642, 649
Коржаков (рос.)	526
Коркин Петро Андреевич (рос.) (1900–1940) — з 14.12.1936 — нач. СПВ УНКВС по Ленінградській обл. Із 20.07.1937 — нач. УНКВС по Воронізькій обл. Із 26.02.1938 — нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 21.02.1939. Розстріляний 29.01.1940.	118, 122, 124–133, 137–139, 141, 145–158, 162–168, 170–171, 173–176, 178–188, 190–192, 194–201, 203–204, 207, 209–212, 214–215, 219–220, 222–224, 227
Коркунов Григорій Іванович (рос.) (1904–1940) — з 1936 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Київській обл. Із 08.08.1937 — нач. 6-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 04.03.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 25.06.1938 — нач. УНКВС по Ворошиловградській обл. Відкликаний до НКВС СРСР 14.01.1939. Арештований 05.06.1939. Розстріляний 05.09.1940.	3, 14, 70–71, 75–77, 79–80, 82, 89–90, 95, 97, 101–104, 106, 108–117, 385, 388, 392–394, 397–398, 436, 441, 483–484, 490, 528
Корнилишин (рос.)	432, 490
Коробко (рос.)	641, 644, 648
Коробков (рос.)	635
Коробчанський Григорій Александрович (рос.) (1905–?) — з 1937 — нач. 3-го відд-я Краматорського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. Сергівського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 1938 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Із 11.1939 — нач. 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	81, 112

Коротнян (рос.)	558, 562
Коротченко (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	178, 231, 233–235, 237–240, 244–245, 247, 249–251, 253, 259, 261–273, 276, 278, 295–297, 300, 302–303, 308, 311, 314–316, 318, 327, 331
Корчаков (рос.)	526
Коршунов (рос.)	135, 642, 648
Косаревич (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	216
Косиор Станислав Викентьевич (рос.) (1889–1939) — у 1925–1928 — секретар ЦК ВКП(б), у 1928–1938 — 1-й секретар ЦК КП(б)У. Із 1938 г. — заст. голови РНК СРСР, голова Комісії радянського контролю. У 1919–1920, 1928–1938 — член Політбюро ЦК КП(б)У.	509
Костенко (рос.)	102, 397–398, 404
Костенко (рос.) — секретар Ворошиловградського міськкому КП(б)У	102, 397–398, 404
Костинцев (рос.)	332
Костулин Василій Іосифович (рос.) (1903–?) — до 09.08.1938 — співробітник апарату НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС.	381
Костюченко Іван Акимович (рос.) (?–?) — з 03.1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	428
Кость Константин Пименович (рос.) (1903–?) — до 12.10.1938 — інспектор ВК УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1938 — інспектор 8 відд. УНКВС по Полтавській обл. До 10.07.1938 — оперуповноваж. апарату особлиууповноваж. УНКВС по Полтавській обл. Із 0.07.1938 — пом. нач. ОВ НКВС 25 стрілецької дивізії.	583, 585, 603, 615
Косяченко Лев Карпович (рос.) (1890–?) — з 02.05.1936 — нач. Рокитнянського РВ УНКВС по Київській обл. Арештований 02.06.1938. Звільнений у 1939.	380–381
Кочелисов (рос.)	427
Кочкин (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	247
Кравец (рос.) — у 1938 — співробітник 4-го відд. НКВС УРСР.	505–506
Кракович Григорій Моисеевич (рос.) (?–?) — з 1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	114
Краковская (рос.) — у 1937–1938 — друкарка Бердичівського МВ УНКВС по Житомирській обл.	247, 268

Краковский Ефим Моисеевич (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	268, 394, 403, 434
Крапивский (рос.)	583, 588–589, 621
Красносельский (рос.)	19, 36
Краузе (рос.)	643, 649
Крашеников Михаил Васильевич (рос.) (1904–1963) — до 1938 — оперуповноваж. 5 відд. НКВС УРСР. Із 30.09.1938 — нач. 4 відд-я ОВ НКВС КОВО. У 12.1939 — 19.12.1940 — нач. 2 відд., 12.1940–01.1942 — заст. нач. УНКВС по Сталінській обл. У 27.03.1954–12.05.1955 — нач. УКДБ по Рязанській обл.	509
Кременчугский Михаил Емельянович (рос.) (?–1941) — на 1938 — співробітник апарату НКВС УРСР. Під час війни заст. нач. ОВ НКВС 3-ї дивізії ПВО Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	415, 504, 592, 604, 606, 632
Кретов Георгий Матвеевич (рос.) (?–?) — у 1938 мобілізований до органів НКВС. Із 01.04.1938 — пом. нач. ВК НКВС УРСР. До 03.12.1939 — заст. нач. ЕКВ УНКВС по Київській обл. Звільнений з органів НКВС.	127, 158, 197, 201, 265, 270, 360, 400, 427, 507, 521–522, 533–537
Крещановский Николай Александрович (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	497
Кривец Ефим Фомич (рос.) (1897–1940) — з 16.12.1936 — нач. УНКВС по Чернігівській обл. Із 23.01.1937 до 26.02.1938 — нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 17.03.1938 — нач. УНКВС по Орджонікідзевському краю. Арештований 24.01.1939. Розстріляний.	165
Кривко (рос.)	37
Кривошеев (рос.)	650
Кригель (рос.)	529
Криницкий (рос.)	615
Криц Шмуль Срулевич (рос.) (1919–?) — у 1938 — пом. оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	641, 650, 652
Кришталь (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	119
Кробан (рос.)	589
Кротковский (рос.)	67
Кругляк Борис Юльевич (рос.) (1905–?) — з 01.1937 — оперуповноваж. 3-го відд., з 02.09.1937 — нач. 10-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 21.03.1937 — заст. нач. 3-го відд., до 09.08.1938 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 14.05.1938. Засуджений ОН при НКВС СРСР до 5 років ВТТ.	172–173, 191, 204–205, 211–212, 215–216, 226, 229, 313
Крупников (рос.)	651

Крутов Роман Васильевич (рос.) (1903–1987) — 15.01–04.03.1938 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР, 04.03–29.08.1938 — заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл., 29.08.1938–11.03.1939 — в. о. нач. відд. кадрів НКВС УРСР, 11.03–06.09.1939 — заст. нач. УНКВС по Миколаївській обл.; 06.09–01.12.1939 — нач. УНКВС по Луцькій (Волинській) обл., 01.12.1939–01.03.1941 — нач. УНКВС по Рівненській обл., 01.03–08.1941 — нач. 2-го Управ. НКДБ УРСР.	150, 158, 188, 201, 339, 345–346, 356, 360–362, 367, 419, 519, 521, 525, 533, 536–537, 588
Крутойрський Леонид Яковлевич (рос.) (1899–?) — заст. голови Житомирської міськради. Арештований 25.12.1937. Справа припинена 30.05.1939.	287
Крушельницький Федор Іванович (рос.) (1892–?) — колгоспник. Арештований 12.03.1938. Постановою Могилів-Подільської райпрокуратури від 03.07.1939 справа припинена, звільнений.	34–35
Крюков Іван Іванович (рос.) (1903–?) — з 06.1937 — нач. Хоперського РВ УНКВС по Сталінградській обл. Із 14.12.1937 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 02.1938 — співробітник слідчої групи у справах арештованих співробітників НКВС УРСР. Із 03.1938 — нач. слідчої групи у справах арештованих співробітників УНКВС по Харківській обл. Із 28.05.1938 — заст. нач. 3-го відд., з 08.1938 — нач. 8-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 11.1938 — облпрокурор Одеської обл. Арештований 17.11.1939. Засуджений 30.09.1940 до 10 років ВТТ.	571, 579, 635, 645
Крючко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	209
Кувенев (рос.)	510
Кувитович (рос.)	630
Кудинов (рос.)	515, 518
Кудрик Яков Ефимович (рос.) (?–?) — у 1938 співробітник УНКВС по Київській обл.	443
Кудринський Алексей Іванович (рос.) (1900–1986) — з 25.01.1936 — нач. Сумського МВ УНКВС по Харківській обл. Із 05.10.1938 — нач. 8-го відд., з 1939 — нач. 1-го відд-я ЕКВ УНКВС по Харківській обл. Арештований 16.06.1939. Справа припинена через діагноз «шизофренія», звільнений 11.07.1940.	634, 637–638
Кудрявцев (рос.)	413
Кужель (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	231, 240
Кузнец (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	139
Кузнецов (рос.) — нач. мобілізаційної частини Полтавського райвійськкомату.	601
Кузнецов Михайл Ульянович (рос.) (1899–?) — у 1937–1939 — оперуповноваж., нач. відд-я 3-го відд., з 1939 — заст. нач. слідчої частини УНКВС по Харківській обл.	638, 648–650
Кузубов (рос.)	348
Кузьменко (рос.)	90, 629

Кузьмин (рос.)	634
Кузьмичев Федор Борисович (рос.) (?-?) — у 1935–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	134, 142, 184
Куклин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	146, 153, 188, 193
Кулешов Иван Николаевич (рос.) (1897–?) — з 1934 — нач. Волчанського РВ, з 15.02.1938 — нач. тюрми УНКВС по Харківській обл.	583
Куликовский (Куликовичер) Абрам Яковлевич (рос.) (1903–?) — з 1934 — заст. нач. Полтавського МВ УНКВС по Харківській обл. Із 10.1937 — пом. нач. 5-го відд., з 26.02.1938 — нач. 5-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 20.06.1938 — нач. відд. кримінального розшуку УРСМ НКВС УРСР. 15.09.1938 спрямований до НКВС СРСР. До 15.07.1940 — нач. 3-го відд. «Ягринлага» ГУТАБ НКВС СРСР. Звільнений з органів НКВС. На 1945 — заст. нач. опервідд. «Унжлага».	605, 613
Кулякин (рос.)	497
Кульбеда (рос.)	353
Кундель Борис Харитонович (рос.) (?-?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	394
Куница (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	91, 111–112
Кунич Прохор Степанович (рос.) (1901–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. У 1938 — співробітник УНКВС по Полтавській обл.	616
Купко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	437–438, 488–489
Куприй (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	119
Куприн (рос.)	477, 494
Купырин Константин Дмитриевич (рос.) (1906–?) — з 07.1938 по 12.1939 — нач. 1-го спецвідд. УНКВС по Київській обл.	388, 440–442, 477
Курас (рос.) — співробітник Калинівського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	37
Курачек Дмитрий Тимофеевич (рос.) (1901–?) — до 12.10.1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1937 — нач. 4-го відд.-я 4-го відд., з 16.06.1938 — нач. Новосанжарського РВ УНКВС по Полтавській обл.	584–585, 590, 599–600, 612
Курилко (рос.)	629
Курило Василий Федорович (рос.) (1903–?) — з 15.09.1938 — нач. Сатанівського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	322, 343
Курилов Владимир Петрович (рос.) (?-?) — у 1938 — в. о. нач. Рибницького РВ НКВС МАРСР.	546, 559, 561, 568

Куровский Александр Феликционович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936–1938 — співробітник УНКВС по Київській і Житомирській обл.	242, 302
Курос (рос.) — співробітник Калинівського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	57, 67
Кутовой Григорий Ефимович (рос.) (1905–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. У 1941 зник безвісти на фронті.	118, 141, 170, 228–229
Кухаренко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	52
Кухто (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	237, 309
Куценко Николай Трифонович (рос.) (1902–?) — з 1937 — нач. Зінківського РВ УНКВС по Полтавській обл. Із 01.10.1938 — нач. Ярмолинецького РВ НКВС. Засуджений 03.03.1941 ВТ військ НКВС Харківської обл. до розстрілу.	582–583, 585, 598–599, 601, 603, 615, 621–622, 625, 630, 632
Кучерявый (рос.) — нач. Жмеринського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	26
Кушнир (рос.)	35
Куш (рос.)	344–345
Лавренко Владимир Павлович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	428, 567
Лавренко Иван Семенович (рос.) (1905–1942) — у 1936–1939 — у НКВС МАРСР. Потім нач. Орджонікідзевського РВ УНКВС по Харківській обл. Загинув на фронті.	428, 567
Лазоркин (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	254, 256, 274–276
Лазуренко Ананий (Алексей) Игнатьевич (рос.) (1897–1938) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. До 22.03.1938 — в. о. заст. нач. УНКВС по Полтавській обл. Арештований 22.02.1938. Засуджений 17.10.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 17.10.1938. Реабілітований у 1961.	588, 599, 623
Лангман (рос.)	630–631
Ланскер (рос.)	457
Лapidус (рос.)	146, 151, 153–154
Лапин (рос.) — інженер заводу «Трубосталь».	380, 644
Лапин Антон Антонович (рос.) (1892–1938) — з 12.1936 — нач. Бориспільського РВ УНКВС по Київській обл. Арештований у 1938. Розстріляний.	380, 644
Лапскер Леонид Давидович (рос.) (1901–?) — до 10.07.1938 — нач. відд-я 4-го відд., з 10.07.1938 — заст. нач. 4-го відд., з 07.09.1938 — співробітник резерву УНКВС по Київській обл.	381, 497

Лаптев (рос.) — у 1938— співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	359
Латков Николай Алексеевич (рос.) (1907—?) — з 01.12.1935 — оперуповноваж. СПВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 14.03.1938 — оперуповноваж., з 20.04.1938 — заст. нач. відд-я, з 10.07.1938 — нач. 7-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Восени 1938 — нач. 2-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Засуджений 31.08.1939. Але справа припинена, звільнений. До 22.09.1939 — нач. 3-го спецвідд. НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС.	517, 525, 530
Латышев (рос.)	93—94
Лашенко Яков Кириллович (рос.) (?—?) — з 08.1938 — пом. оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	645
Лебедев (рос.) — у 1938—1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	86, 295, 316, 322
Лебединский (рос.)	211
Лебедь (рос.)	629
Левадный (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	330
Левенец Кирилл Григорьевич (рос.) (1899—?) — у 02.1938 — нач. Шепетівського МВ, до 20.06.1938 — співробітник резерву УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 20.06.1938 — нач. Городоцького РВ, з 28.07.1938 — інспектор при нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 29.11.1938 — нач. РВ УНКВС по Київській обл. Із 03.12.1939 звільнений з органів НКВС.	606
Левин (рос.)	414, 482, 582
Левинсон (рос.) — нач. ТПК УНКВС по Житомирській обл.	301, 315
Левитан (рос.)	110, 145, 166, 168, 199—200, 202
Левкин (рос.)	352, 366
Лейбович (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	364
Лейбович (рос.) — у 1938—1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	127, 130, 145—147, 151, 154, 163, 168, 200
Лекарев (рос.)	585
Лелонг Владимир Евгеньевич (рос.) (1903—?) — 03—07.1938 — пом. нач. відд-я, 07—09.1938 — нач. відд-я, 09—11.1938 — нач. ВК, до 25.03.1939 — оперуповноваж. 6-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений з органів НКВС.	344—348, 351, 354—361, 366
Ленецкий (рос.) — у 1938 — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	220—222

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (рос.) (1870–1924) — з 7.11.1917 — голова РНК Рад. Росії, одночасно з 1918 — голова Ради робітничої і селянської оборони. Один з лідерів РСДРП(б).	52, 138, 195, 379, 398, 452, 471, 488, 494, 521, 541, 573
Ленов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	172–174, 190, 198, 204–208, 212, 224–228
Ленский Петр Кириллович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. До 07.04.1938 — співробітник 4-го відд. НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС у 1938.	598
Леонов (рос.) — у 1938 — нач. адмін.-господарського відд. УНКВС по Дніпропетровській обл.	139, 190
Леонов (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	231
Леонов Валентин Иванович (рос.) (1905–1942) — з 23.02.1935 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Харківській обл. Із 15.05.1937 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 24.02.1938 — пом. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 14.03.1938 — пом. нач. 1-го відд. НКВС УРСР. Із 25.05.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 07.09.1938 по 17.08.1939 — заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. У 08.11.1941–15.03.1942 — нач. 1-го Управ. НКВС УРСР. Загинув під час бомбардування.	339, 344, 346, 349–351, 353–354, 356, 358, 360–361, 363, 367, 525, 588
Леошов (рос.)	185
Леплевский Израиль Моисеевич (рос.) (1894–1938) — з 26.11.1936 — нач. ОВ НКВС СРСР. Із 14.06.1938 — нарком НКВС УРСР. Із 25.01.1938 — нач. 6-го відд. НКВС СРСР. Арештований 26.04.1938. Засуджений 28.07.1938 ВКВС СРСР до розстрілу. У реабілітації відмовлено у 1999.	48, 61, 304, 377, 398, 459, 497–498, 511–513, 527–529, 593, 610
Лерман Марк Львович (рос.) (1904–?) — з 08.1936 — нач. Балаклійського РВ УНКВС по Харківській обл. Із 12.1937 — нач. 2-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Арештований 23.02.1938. Звільнений у 1939.	584–585, 590, 593, 606, 620, 630
Лесничевский (рос.) — прокурор Шаргородського району Вінницької обл.	21
Леснов-Израилев Матвей Эммануилович (рос.) (1896–1940) — із 01.04.1936 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Київській обл. Із 12.10.1937 — заст. нач. 4 відд., із 05.05.1938 — нач. 4 відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 08.01.1939. Засуджений 29.09.1940 ВТ військ НКВС УРСР. Розстріляний 04.11.1940.	230, 249, 251, 253, 257, 259, 271, 286, 288, 290–293, 297, 301, 303, 306, 308–309
Леснос (рос.)	522
Летнёв-Шатуновский Виктор Абрамович (рос.) (1897–?) — із 01.04.1936 — оперуповноваж. апарату особливоуповноваж. УНКВС по Харківській обл. Із 1938 — оперуповноваж. 4 відд., із 1939 — нач. відд-я 2 відд. УНКВС по Харківській обл.	650
Лехтер (рос.) — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	60–61, 66
Лещенко	20, 23

Лившиц Михаил Бенционович (рос.) (1912–?) — з 01.08.1936 — полковий оперуповноваж. ОВ УНКВС по Харківській обл. Із 1938 — оперуповноваж. 6-го відд., з 10.04.1939 — оперуповноваж. 2-го відд. УНКВС по Харківській обл.	390, 635
Лившиц Семен Николаевич (рос.) (1910–?) — з 01.1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 28.04.1938 по 08.1940 — нач. Черкаського РВ УНКВС по Київській обл.	390, 635
Лиждвой (рос.)	407
Лимаренко Яков Демидович (рос.) (1907–?) — арештований 17.08.1936. Харківським облсудом 01.11.1936 засуджений до 3 років ВТТ. Постановою Верховного суду УРСР від 29.11. 1936 справа спрямована на дослідження, звільнений на підписку про невиїзд. Харківським облсудом 10.04.1939 виправданий.	652
Лин (рос.) — співробітник ВК УНКВС по Вінницькій обл.	36–37, 105, 134, 149, 156, 168, 203, 316, 341–342, 347, 349, 352–353, 362, 374, 386, 393, 403–404, 416, 418, 425, 433, 443, 478, 484, 490, 528–529, 569, 596, 599, 609, 619, 624, 627
Линецкий Борис Львович (рос.) (1906–1940) — з 1937 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 28.05.1938 — нач. 3-го відд-я Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений 09.05.1939 з органів НКВС. Арештований 03.1939, засуджений 20.04.1940 ВТ військ НКВС Харківського ВО. Розстріляний.	179
Липко Виктор Романович (рос.) (1903–1943) — з 1935 — нач. Оринінського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 01.05.1937 — оперуповноваж. 4-го відд., з 01.04.1938 — нач. 3 відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Звільнений з органів НКВС 02.04.1939. Арештований 20.09.1939. Засуджений 16.06.1940 ВТ військ НКВС Харківського ВО до 10 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР 12.09.1942 відряджений на фронт. Загинув 24.02.1943.	652
Лисин (рос.)	637
Литвиненко (рос.)	144, 191, 629
Литвиненко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	144, 191, 629
Литковский (рос.) — у 1938 — співробітник 1-го спецвідд. НКВС УРСР.	503
Лифшиц (рос.)	494, 646
Лихолатников Иосиф Абрамович (рос.) (?–?) — з 1938 — співробітник 8-го відд. УНКВС по Харківській обл.	634–635, 637

Лихтарев (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	269
Лобковский (рос.)	607
Лобусов Иван Владимирович (рос.) (?–?) — до 1938 — полковий оперуповноваж. ОВ НКВС 23-ї кав. дивізії. Із 05.05.1938 — нач. Дунаєвського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений 29.04.1939.	337
Логвинов (рос.) — у 1938 — прокурор Бердичівського району.	310–311
Логвинов Петр Дмитриевич (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 10.04.1945 — майор ДБ.	206–207, 211–212, 218, 224, 228–229, 243
Логинова (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	126, 136
Лоза (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	160–162, 181
Локотков (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	111–114
Локошенко (рос.)	532
Лопанцев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	158, 175
Лопатко Петр Иосифович (рос.) (1905–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 01.10.1941 — слідчий ОВ НКВС 6-ї армії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	134, 188
Лосев Евгений Дмитриевич (рос.) (1904–1942?) — 25.05.1935–07.1937 — нач. Радомишльського РВ, 07.1937–16.06.1938 — в. о. нач. 4-го відд-я 4-го відд., 16.06.1938–01.05.1939 — нач. відд-я 4-го відд., 01.05.1939–01.1940 — заст. нач. 2-го відд. УНКВС по Київській обл., 06.1940–28.02.1941 — нач. слідчої частини УНКВС по Рівненській обл. 28.04–07.1941 — в. о. нач. УНКДБ по Рівненській обл. Зник безвісти на фронті.	390, 401, 405, 427–428, 438, 446, 473, 478, 484–486, 489–490, 493–494
Лотовиков (рос.)	217
Лошилов (рос.)	567
Лукашкин Михаил Петрович (рос.) (1900–1941) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 07.1941 — заст. нач. ОВ НКВС 151-ї стрілецької дивізії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	181
Лукьянов Андрей Андреевич (рос.) (1904–?) — з 10.12.1934 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Харківській обл. Із 01.10.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 05.05.1938 — заст. нач. УНКВС по Житомирській обл. Із 09.09.1938 — нач. ОВ НКВС Одеської армійської групи. Арештований 02.06.1939. Засуджений 01.02.1940 ВТ військ НКВС КОВО до 10 років ВТТ. Амністований, призваний до РСЧА 31.03.1943. Зник безвісти у 07.1944.	231, 237, 240, 245, 247, 252, 258, 267, 269, 276, 279, 287, 289–290, 294, 299, 575

Лупенко Кузьма Григорьевич (рос.) (1906–?) — з 1937 — пом. нач. відд-я 4-го відд., з 19.06.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл.	385, 387–389, 401–402, 486
Лучезарский (рос.)	295, 321
Лыган Константин Сергеевич (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 16.10.1939 — нач. відд-я Криворізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС.	135, 172, 179, 190–191, 204–205, 211–213, 215–217, 226, 229
Лысаков Иван Алексеевич (рос.) (?–?) — з 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	385, 394, 414, 418, 420, 426
Лысенко (рос.)	545, 583, 590, 593, 629–630, 652
Лысенко Тимофей Иванович (рос.) (1900–?) — з 25.05.1935 — нач. Ровеньківського РВ УНКВС по Донецькій обл. Із 17.03.1937 — нач. тюрми УНКВС по Полтавській обл. Арештований у 1938. Звільнений.	545, 583, 590, 593, 629–630, 652
Лысов Николай Николаевич (рос.) (1909–?) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 17.06.1942 — заст. нач. 6-го відд-я ОВ НКВС 1-ї ударної армії.	194
Любин (рос.) — нач. відділу пожежної УНКВС по Житомирській обл.	256–257
Любченко Афанасий Петрович (рос.) (1897–1937) — у 1927–1934 — секретар ЦК КП(б)У. У 1934–1937 — голова РНК УРСР, член Політбюро ЦК КП(б)У.	48, 172, 204, 211, 214, 491
Людвик (рос.)	39, 67
Люськов Митрофан Семенович (рос.) (1905–?) — з 04.12.1936 — оперуповноваж. транспортного відд. УНКВС по Київській обл. на ст. Черкаси. Із 03.11.1937 — оперуповноваж. 11-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Із 05.03.1938–07.02.1939 — комендант УНКВС по Житомирській обл. Арештований 20.01.1939. Засуджений 23.04.1940 ВТ військ НКВС КОВО до 3 років ВТТ. Звільнений 20.01.1942. Згідно з постановою ПВС СРСР від 25.11.1942 судимість знята. На 10.02.1945 — старшина інженерно-мінної роти 21-ї гв. мех. бригади.	242, 251, 254–256, 259, 273–277, 316, 320–321, 332–333
Лютый-Шестаковский Николай Васильевич (рос.) (1899–?) — із 11.1935 — нач. Краснолуцького МВ, із 27.09.1937 — нач. Криворізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 29.12.1937 — нарком НКВС МАРСР. Із 20.06.1938 — заст. нач. ОВО НКВС КОВО. Із 17.11.1938 — нач. 3 відд. Карагандинського ВТТ.	519, 537, 545, 548
Лялин (рос.) — оперуповноваж. Краснодонського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	76
Ляшко (рос.)	39

Маглеваний Иван Лукьянович (рос.) (1908–1984) — 03.1935–05.1937 — оперуповноваж. 2-го відд. УНКВС по Вінницькій обл., 05.1937–03.1938 — оперуповноваж., заст. нач. відд-я 3-го відд. НКВС МАРСР, 03.1938–05.1939 — нач. відд-я 3-го відд., нач. 4-го відд. НКВС МАРСР, 05.1939–05.1940 — нач. слідчої частини НКВС МАРСР. У 05.1940–03.1941 — нач. 2-го відд. УНКВС по Миколаївській обл.	547, 555, 561, 563
Маджара (рос.) — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	170, 183, 195
Мазо Соломон Самуїлович (рос.) (1900–1937) — з 17.10.1936 — нач. УНКВС по Харківській обл. Застрелився 04.07.1937.	379, 608
Майоров (рос.)	639
Майский (Зиновьев) Александр Игнатович (рос.) (1903–?) — з 1937 — нач. 3-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 20.04.1938 — нач. 14-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 20.06.1938 — нач. 1-го відд-я 5-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — заст. нач. ОВ НКВС Харківського ВО. Із 25.10.1938 — нач. 6-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Звільнений у 1939. Арештований 21.02.1941. Засуджений 31.03.1942 ОН при НКВС СРСР до 10 років ВТТ.	90, 469, 507, 530–532
Майструк Владимир Федорович (рос.) (1903–1976) — з 1935 — пом. оперуповноваж. Томашпольського РВ, з 1937 — нач. відд-я 4-го відд., з 26.09.1938 — заст. нач. відд., з 05.1939 по 11.1940 — нач. 2-го відд. УНКВС по Вінницькій обл.	18, 51, 59
Макаренко (рос.) — нач. Ситковецького РВ УНКВС по Вінницькій обл.	28
Макаренко Анатолий Афиногенович (рос.) (1903–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. До 09.08.1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Звільнений у запас 29.04.1939.	585, 599, 612, 652
Макаренко Климентий Николаевич (рос.) (1886–1938) — у 1903–1906 — член партії соціалістів-революціонерів. Начальник контори ст. Харків-товарна Півден. залізниці. У 1922 арештований органами ДПУ як колишній есер, рішення у справі відсутнє. Арештований 29.07.1937 як колишній есер. Лінійним судом Півден. залізниці 16.10.1937 засуджений на 8 років ВТТ. Помер 05.10.1938 в ув'язненні у Магаданській обл. Реабілітований 23.03.1962.	590
Макаров (рос.)	12, 534
Маключенко (рос.)	499
Максименко Владимир Никитович (рос.) (1887–?) — нач. коне-управ. Луганського облземуправління. Арештований 11.07.1938. Справа припинена 25.09.1938 через смерть підслідного. Реабілітований у 1958.	103, 106, 113
Максимов (рос.)	592, 630
Макуха (рос.)	610, 629
Малахов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	252

Малука Даниил Иосифович (рос.) (1903–1940) — з 1937 — нач. 4-го відд-я Коростенського окрвідділу НКВС. Із 12.10.1937 — нач. 3-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 17.12.1938. Засуджений 23.04.1940 ВТ військ НКВС КОВО. Розстріляний 28.09.1940.	232, 237, 240, 272, 287, 320
Малый (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	61, 166, 466
Малышев Михаил Павлович (рос.) (1907–1939) — до 31.08.1937 — заст. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Горьковській обл. Із 09.1937 — співробітник УНКВС по Одеській обл. До 15.03.1938 — заст. нач. відд-я 4 відд. НКВС УРСР. Із 15.03.1938 — заст. нач. ВК НКВС УРСР. Із 02.08.1938 — заст. наркома НКВС МАРСР. Арештований 15.11.1938. Розстріляний.	502, 525, 547–548, 551, 553–554
Мальцев (рос.)	547, 640
Мальцев Иосиф Иванович (рос.) (1903–?) — з 01.1937 — оперуповноваж. 1-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — пом. нач. 1-го відд-я 2-го відд. НКВС УРСР. Із 16.06.1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Одеській обл. На 12.1945 — нач. відд. НКДБ УРСР.	423–424, 426–428, 435, 439, 551
Мамяс Эммануил Дмитриевич (рос.) (?–?) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	125, 162, 182
Манаенко (рос.)	211
Манилевич (рос.)	357, 359–360, 366
Манько Даниил Иванович (рос.) (1909–1940) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд-я Житомирського окрвідділу НКВС. Із 1937 — нач. відд-я, з 19.07.1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 08.01.1939. Засуджений 23.04.1940 ВТ військ НКВС КОВО. Розстріляний 28.09.1940.	231, 236, 238, 240, 243–245, 248–249, 253, 256, 259, 262, 267, 271, 273–274, 278, 281–284, 297, 303, 305–306, 309–312, 317–318, 321, 448
Маньковский (рос.)	219
Маращук (рос.)	574
Мардушенко (рос.)	294
Маркин (рос.) — у 1938 — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	220
Маркитан Александр Семенович (рос.) (1905–?) — на 09.02.1936 — нач. Яруньського РВ, з 20.06.1936 — оперуповноваж. Новоград-Волинського РВ УНКВС по Київській, потім Житомирській обл.	244, 322
Марков (рос.)	220–221

Марков Василий Сергеевич (рос.) (1905–1978) — у 1939–1951 — 1-й секретар Полтавського обкому КП(б)У, у 1951–1953 — 1-й секретар Одеського обкому КПУ.	582, 590, 593, 595, 598, 604, 611–612, 619, 621, 623–624, 627
Мартель (рос.)	648
Мартынюк Владимир Парфеньевич (рос.) (?–?) — у 1938 — нач. Калинівського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	43, 64
Мартынюк Всеволод Саввович (рос.) (1900–1938) — з 03.01.1937 — заст. нач. ОВ НКВС 3-ї кав. дивізії. Із 08.08.1937 — нач. Бердичівського МВ УНКВС по Житомирській обл. Арештований 16.02.1938. Засуджений ВКВС СРСР 30.09.1938. Розстріляний 30.09.1938.	253, 306
Марченко (Марченко-Макаров) Сергей Павлович (рос.) (1898–?) — з 1937 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 31.08.1937 — нач. Шосткінського РВ УНКВС по Чернігівській обл. Із 28.08.1938 — заст. нач. 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 1939 — нач. ЕКВ УНКВС по Київській обл.	408–410, 435, 447, 492–493
Марченко Харитон Алексеевич (рос.) (?–?) — у 1938 мобілізований до органів НКВС. Із 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. Верхньо-Теплянського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	74–75
Маслов Евгений Степанович (рос.) (1908–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд., з 01.05.1938 — нач. 3-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 09.1939 — нач. відд-я ОВ НКВС Харківського ВО.	636, 642, 649
Мастицкий Василий Фёдорович (рос.) (1902–1954) — у 1937 — відряджений до 4-го відд. НКВС УРСР. 11.1937–29.05.1940 — заст. нач., нач. Лубенського РВ УНКВС по Полтавській обл. 29.05.1940–28.03.1941 — заст. нач. УНКВС по Рівненській обл.	614, 628, 632
Матвеев (рос.) — у 1938 — нач. адмін.-господарського відд. УНКВС по Дніпропетровській обл.	152
Матросов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	339
Матусевич Сергей Петрович (рос.) (1902–1976) — з 1937 — нач. Велико-Багачанського РВ НКВС. Із 28.07.1938 — нач. Михалпольського РВ, потім нач. Красилівського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	336
Матынков (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	274
Махно Нестор Иванович (рос.) (1889–1934) — анархіст. У 04.1918 створив анархістський загін, став до боротьби з австро-німецькими окупаційними й гетьманськими військами. Воював проти військ генерала А. Денікіна. У 03.1919 його загін увійшов до складу Червоної армії і був переформований у 3-тю бригаду Задніпровської дивізії. У 05.1919 полишив фронт і вийшов зі складу Червоної армії. У 08.1921 втік до Румунії, у 1922 переїхав до Польщі. Із 1923 — у Парижі.	629
Махонин (рос.)	314

Мациевский (рос.)	573
Мачинский (рос.)	618, 629
Мачуговский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	444
Машошин (рос.)	582–584, 586, 592, 596–598, 600, 602, 611, 613, 617, 621–623, 627–628, 632
Медведев (рос.)	148, 151, 168
Медведев Павел Николаевич (рос.) (1905–1998) — з 03.1936 — пом. нач. Дзержинського МВ УНКВС по Горьковському краю. Із 25.05.1938 — заст. нач. 3-го відд., 10.07.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 02.1939 — нач. відд-я НКВС УРСР.	368, 370, 374, 380–381, 388, 392–393, 401, 403, 412, 414, 434, 456, 462, 470, 473, 478, 481–487, 489–490, 495–498
Медников (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	247, 277, 286, 291
Меерзон Моисей Григорьевич (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	393, 395–398, 414, 447, 460, 485–486, 488–489
Меерсон (рос.)	473
Мейер Владимир Петрович (рос.) (?–?) — у 1939 — співробітник УНКВС по Харківській обл.	650
Меламуд (рос.)	328
Мельник (рос.)	287
Мельник Дмитрий Владимирович (Васильевич) (рос.) (?–?) — у НКВС із 1938. Із 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	287
Мельников (рос.) — у 1938 — співробітник апарату НКВС УРСР.	513–514, 589
Мельничук (рос.) — нач. політвідділу УРСМ УНКВС по Вінницькій обл.	24, 28
Менделенко (рос.)	419–420
Метелев (рос.)	39, 67
Микитянський (Мекитянський) Владимир Давыдович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	362
Микоткин (рос.)	650–651
Микулин (рос.)	611

Милаев Иван Алексеевич (рос.) (1903–?) — з 02.09.1937 — нач. 1-го відд-я ВК НКВС УРСР. Із 02.06.1938 — нач. адмін.-господарського управ. НКВС УРСР. Із 26.07.1938 у розпорядженні НКВС УРСР.	473–474, 536
Мильштейн Михаил Эммануилович (рос.) (1904–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 01.07.1937–26.06.1938 — нач. 3-го відд-я 2-го відд. НКВС УРСР. Із 31.07.1938 — нач. відд-я 3-го відд., з 02.1939 — нач. ЕКВ УНКВС по Полтавській обл.	592–593, 596, 600, 602, 620–621
Минаев-Балицкий Иван Михайлович (рос.) (1906–?) — із 1937 — пом. оперуповноваж. 3 відд. УНКВС по Одеській обл. У 1938 — нач. Доманівського РВ УНКВС по Миколаївській обл., у 1938 — 1939 — нач. Спартаківського РВ УНКВС по Одеській обл.	572
Мирер Павел Ильич (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник НКВС УРСР.	527
Мироненко Федор Климентьевич (рос.) (1915–?) — у НКВС із 03.1938, працював у 4-му відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 28.09.1938 — оперуповноваж. ОВ НКВС 26-ї танкової бригади. Арештований 15.11.1938. Засуджений до 10 років ВТТ.	585, 587, 591, 602, 607, 612
Мирошніченко (рос.) — нач. Хорольського РВ УНКВС по Полтавській обл.	588, 609, 612, 621
Митасов (рос.)	643
Митрохин (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	220–221
Митюрин (рос.)	621
Михайленко Аркадий Каленкович (рос.) (1902–1992) — у 1937 — нач. Малинського РВ УНКВС по Житомирській обл. Арештований 07.05.1938. Звільнений у 01.1939.	313
Михайлов (рос.)	83, 364, 372, 405, 410, 439–440, 455
Михайлов Филипп (рос.)	83, 364, 372, 405, 410, 439–440, 455
Михилевич Даниил Осипович (рос.) (?–?) — у 1938 — оперуповноваж. 8-го відд-я 5-го відд. УНКВС по Харківській обл.	638, 643, 649–650
Михно (рос.)	491
Мицель Мотя Шлемович (рос.) (1892–?) — зав. нафтовим складом. Арештований 09.09.1937. Постановою Вінницької облпрокуратури від 04.01.1939 справа припинена, звільнений.	21
Мицельмахер Абрам Лазаревич (рос.) (1895–1938) — співробітник 8-го відд. НКВС УРСР. Арештований 10.04.1938. Засуджений ВКВС СРСР 25.09.1938. Розстріляний 25.09.1938.	528
Мишко Иван Андреевич (рос.) (1904–1941) — до 22.04.1938 — нач. Ладизинського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 22.04.1938 — нач. Богуславського РВ, з 19.09.1938 — нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Київській обл.	444
Мишнев (рос.)	650

Мищенко (рос.)	650
Мищенко Гавриил Корнеевич (рос.) (1904–?) — у 1938–07.1945 — 1-й секретар Вінницького обкому КП(б)У.	18, 22, 24, 28–30
Моерман (рос.)	643, 649
Можейко Казимир Казимирович (рос.) (1894–1938) — старший інспектор ВК УНКВС по Київській обл. Арештований 05.06.1938. Убитий під час допиту.	405–406
Мозговой (рос.)	309, 650
Мокляк (рос.)	610
Мокроус (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	161
Моль Сафрон Остапович (рос.) (1912–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 1938 — особливоуповноваж. УНКВС по Полтавській обл. На 12.10.1944 — особливоуповноваж. УКР «СМЕРШ» 3-го Прибалтійського фронту.	136, 147–148, 157, 170, 173, 178, 188–189, 192, 196, 198, 211, 216, 223–225, 228, 247, 249, 255, 263, 265, 272, 280, 282, 299, 318, 323, 355, 373, 377, 385, 389, 391, 423, 427, 434, 446, 456, 460, 463, 469, 475, 548, 556, 594, 602, 618–619, 628
Монарх Израиль Бунимович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 25.02.1946 — нач. Томського ВТТ.	359
Мордовец Іосиф Лаврентьевич (рос.) (1899–1976) — з 07.1935 — нач. Городоцького РВ УНКВС по Вінницькій обл., з 05.05.1938 — нач. Ізяславського РВ, з 20.06.1938 — нач. 2-го відд., з 07.09.1938 — пом. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 12.1939 — заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	339, 343, 346–347, 350–351, 358, 361, 363
Морозов (рос.) — співробітник Калинівського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	55
Морозов Игнатий Дмитриевич (рос.) (1898–1940) — з 08.1935 — пом. нач. УНКВС по Вінницькій обл. Із 29.05.1937 — нач. 2-го відд. НКВС УРСР. Із 16.08.1937 по 03.03.1938 — заст. нач. УНКВС по Вінницькій обл. Із 21.08.1937 по 03.03.1938 — в. о. нач. УНКВС по Вінницькій обл. Із 28.03.1938 — нач. 6-го відд. 1-го Управ. НКВС СРСР. Із 29.09.1938 — нач. 6-го відд. ГУДБ НКВС СРСР. Із 01.01.1939 — пом. нач. слідчої частини НКВС СРСР. Арештований 04.04.1939. Розстріляний.	42, 90
Морозюк (рос.)	37

Москов Николай Андрианович (рос.) (1897–1979) — нач. УРСМ УНКВС по Полтавській обл.	597, 604, 618, 626
Мочарний Павел Иванович (рос.) (1884–?) — колгоспник. Арештований 24.09.1938. Постановою Вінницької облпрокуратури від 20.04.1939 справа припинена, звільнений.	37
Мочульский (рос.)	226–227
Муравина (рос.)	613
Мураховский (рос.)	21
Мурзин (рос.)	634
Мушкин Иосиф Григорьевич (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., до 26.12.1937 — пом. оперуповноваж. НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС.	414, 423
Мягков Иван Федорович (рос.) (1900–?) — до 1938 — нач. Добровеличківського РВ УНКВС по Одеській обл. Із 09.08.1938 — нач. 4-го відд-я НКВС МАРСР. Звільнений з НКВС 07.08.1939.	548–549, 553–554, 569, 574
Нагорный Иван Григорьевич (рос.) (1902–1941) — з 1934 — пом. коменданта НКВС УРСР. Із 01.04.1937 — нач. внутрішньої тюрми НКВС УРСР.	540
Надточенко Яков Васильевич (рос.) (?–?) — на 13.05.1937 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — в УНКВС по Житомирській обл.	300–301
Назаренко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	408, 431
Назаренко Александр Петрович (рос.) (1899–?) — з 1936 — нач. Ярмолинецького РВ, з 1937 — нач. Жмеринського РВ, з 22.04.1938 — нач. Гайсинського РВ, з 1938 — в. о. нач. 6-го відд., 1939–1940 — заст. нач. 2-го відд. УНКВС по Вінницькій обл.	18, 34, 39, 47, 52, 62
Назаренко Андрей Григорьевич (рос.) (1903–?) — з 01.04.1937 — пом. нач. 7-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 11.09.1937 — нач. 8-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 04.04.1938 по 14.08.1938 — нач. 8-го відд. НКВС УРСР. Із 04.06.1938 по 29.08.1938 — особливоуповноваж. НКВС УРСР. Із 14.08.1938 по 15.09.1938 — нач. 1-го спецвідд. НКВС УРСР. Із 15.09.1938 — нач. 7-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Арештований 26.02.1939. Засуджений 23.05.1941 до 10 років ВТТ. На 19.05.1945 — стрілець 2-го батальону 227-го гв. стрілецького полку.	501–503, 505, 514, 522–523, 525–526, 538–539
Назарко Алексей Ильич (рос.) (1909–?) — до 12.10.1937 — оперуповноваж. 4-го відд-я Бердичівського МВ, з 12.10.1937 — пом. нач. відд-я 4-го відд., з 22.04.1938 — нач. відд-я 4-го відд., з 08.1939 — нач. 9-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	243, 289, 297, 306, 309–312
Назаров (рос.)	623, 651
Найда (рос.)	212, 229
Народицкий (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	269, 296
Нарышков (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	291

Насонов Павел Иванович (рос.) (1907–?) — до 08.04.1938 — пом. оперуповноваж. Молочанського РВ, з 08.04.1938 — нач. Люксембурзького РВ, з 15.08.1938 — пом. нач. Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	179
Наталин-Шварцман Натан Исерович (рос.) (1897–1939) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 03.1938 — в.о. нач. Молочанського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 25.03.1938. Засуджений ВТ прикордонних і внутрішніх військ Харківського ВО 21.03.1939 до розстрілу.	134, 136, 142
Натанзон Арон Маркович (рос.) (1869–1938) — пенсіонер. Арештований 17.02.1938. Засуджений 23.03.1938 «трійкою» при УНКВС по Полтавській обл. Розстріляний 28.05.1938. Реабілітований ВТ КВО у 1958.	629
Недбайло Василий Владимирович (рос.) (1911–?) — на 21.02.1938 — у Київській міжкрайовій школі НКВС СРСР, у 04.1938 — пом. оперуповноваж. 5-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	239, 248
Недлинский Харитон Макарович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 30.12.1940 — нач. Дзержинського РВ УНКВС по Житомирській обл. Звільнений з органів НКВС.	271
Неймс (рос.)	613
Некрутенко (рос.)	609
Неплюхин Андрей Иванович (рос.) (1902–1942) — на 09.02.1936 співробітник УНКВС по Київській обл. У 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл. Під час війни — заст. нач. ОВ НКВС 242-ї стрілецької дивізії Півден.-Західного фронту. Загинув.	271
Непомнящий (рос.) — у 1938 — співробітник Дніпродзержинського МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	190
Неровный Николай Давыдович (рос.) (?–?) — на 1938 — співробітник УНКВС по Полтавській обл.	599, 607
Нерозин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	108–110, 112, 114, 117
Нестеренко (рос.)	614, 621
Нечаева Евгения Степановна (рос.) (?–?) — з 01.05.1938 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	650, 652
Николаев (рос.)	242, 297, 356, 409, 523, 534
Ниренштейн Анатолий Исаакович (рос.) (1902–?) — з 1937 — нач. 3-го відд.-я 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Арештований 11.04.1938. Звільнений 17.12.1938.	313, 372
Новак (рос.) — друкарка 2-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	220, 234, 239, 523

Новак Зиновий Абрамович (рос.) (1908–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд-я Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 20.04.1938 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — співробітник ОВ НКВС КОВО.	220, 234, 239, 523
Новаковский (рос.)	226
Новиченко (рос.)	614
Новосад Николай Адамович (рос.) (1899–?) — до 15.10.1937 — нач. 2-го відд-я ВК НКВС УРСР. Із 15.02.1937 — нач. ВК УНКВС по Полтавській обл. Арештований 22.02.1938. Засуджений 29.10.1939 ОН при НКВС СРСР до 5 років ВТТ. Реабілітований у 1955.	605
Новосельцев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	233, 239–240, 246, 253–256, 259, 271–276, 295, 303, 306–307, 319
Новохатько (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	194
Нодельман (рос.)	458, 490
Носенко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	200
Носко (рос.)	397, 413
Носовский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	109
Нощенко Пётр Фомич (рос.) (1907–1967) — у 1937–1938 — заст. прокурора Донецької обл., у 1938–12.1940 — прокурор Ворошиловградської обл.	80, 83, 85, 87, 90, 95–96
Нусимович Генрих Ушеревич (рос.) (?–?) — до 23.08.1939 — в. о. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС у 08.1939.	118, 120, 129–130, 133, 142, 154, 157
Нырко (рос.) — у 1938 — співробітник 4-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	251, 279, 292–293, 300, 317
Оболянский Иван Митрофанович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., у 1938 — співробітник 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. До 16.11.1939 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Звільнений з органів НКВС.	353
Обыденно (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	95
Овчаренко Петр Ефимович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл. До 15.01.1940 — нач. Барішівського РВ УНКВС по Житомирській обл. Звільнений з органів НКВС.	271
Овчинников (рос.) — у 1938 — нач. Балтського РВ НКВС МАРСР.	545, 563, 566–568
Огурцов Василий Яковлевич (рос.) (1909–?) — з 1938 — пом. оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	638, 640

Озернов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	137, 156, 166, 178
Озерный	218, 650–651
Олевич-Олиевич Ефим Викторович (рос.) (1903–?) — із 01.1937 — нач. відд-я 3 відд. УНКВС по Харківській обл. Засуджений 08.1932 ВС УРСР до 3 років ВТТ. Судимість знята 05.11.1933. Повторно арештований 04.11.1937. Справа припинена 12.01.1939. Звільнений.	642, 649
Олейник (рос.)	593
Олейниченко (рос.)	37
Омельченко (рос.)	136
Онищенко (рос.) — фельд'єгер, з 03.1938 — інспектор відд. фельд-зв'язку УНКВС по Полтавській обл.	600
Орден (рос.) — у 1938 — пом. оперуповноваж. Котовського РВ НКВС МАРСР.	157, 168, 284, 298, 398, 452, 528, 556, 576
Орлов (рос.)	110, 190, 218, 517, 587, 598, 608, 613
Орловский (рос.)	110
Осиковский (рос.)	426
Осипов (рос.)	639, 648
Осокин (рос.) — співробітник УНКВС по Київській обл.	374, 409, 516, 527, 538
Осокин Василий Васильевич (рос.) (1894–1960) — з 09.1937 — нач. УПВО УНКВС по Іркутській обл. Із 28.03.1938 по 1939 — нач. УПВО НКВС УРСР. Із 15.11.1938 по 07.12.1938 — в. о. наркома НКВС УРСР.	374, 409, 516, 527, 538
Островерхов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	87
Островецкий (рос.)	639–640, 648
Островитинов (рос.)	646, 649
Островский (рос.) — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	273–274
Островский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	129–130, 132–133, 135, 140, 145, 154, 191, 195, 197, 199, 202
Острошапский (рос.)	590, 628
Отченаш (рос.)	612
Охрименко (рос.)	613
Охромович (рос.)	605
Павленко (рос.)	642, 646, 649

Павлищев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	213
Павлов (рос.) — співробітник ВК НКВС УРСР.	522, 533, 588–589, 620, 622, 632
Павлычев Леонид Михайлович (рос.) (1908–1942) — з 28.12.1936 — пом. нач. СПВ УНКВС по Горьковському краю. Із 20.01.1938 — нач. відд-я 4-го відд., з 31.05.1938 — заст. нач. 4-го відд НКВС УРСР. Із 28.07.1938 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Із 31.10.1938 — нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 1940 — нач. мобілізаційного відд. УШОСДОР НКВС УРСР. Арештований 02.1941. Засуджений 15.08.1941 ВТ військ НКВС КОВО до 10 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР від 12.01.1942 відряджений на фронт. Загинув.	371, 406, 411, 418, 427, 486, 490, 493–494
Павлюк (рос.) — нач. паспортного столу Копайгородського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	37, 639
Павлюк Петр Трофимович (рос.) (1902–1938) — з 1937 — оперуповноваж., з 16.03.1938 — нач. відд-я, з 26.05.1938 — пом. нач. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 28.09.1938 — нач. 7-го відд-я ОВ НКВС КОВО. Помер.	37, 639
Пак Г. И. (рос.) (?–?) — у 1938 — оперуповноваж. 6-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	650
Палкин (рос.) — у 1938–1939 — військовий прокурор прикордонної охорони і військ НКВС.	642, 645
Паненко (рос.) — у 1938 — нач. відд-я УНКВС по Київській обл.	382–383
Панов (рос.)	2, 613
Паншин (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	274
Паньков Александр Афанасьевич (рос.) (1909–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 18.09.1943 — заст. нач. 5-го відд-я 1-го відд. ГУКР «СМЕРШ».	156, 159–161, 199
Парицкий Зиновий Исаевич (рос.) (1899–?) — директор тресту будматеріалів у м. Харкові. Арештований 27.12.1936. ВКВС СРСР 01.04.1937 засуджений на 10 років ВТТ. Строк покарання відбував у «Норильтабі». Після звільнення з-під варті у 1949–1950 працював на Норільському гірничометалургійному комбінаті. Ухвалою ОН при МДБ СРСР від 02.12.1951 висланий на поселення до Красноярського краю. На 1955 проживав у м. Норильськ. Реабілітований 07.05.1955.	651–652
Парфенов Николай Иванович (рос.) (?–?) — з 04.04.1938 — пом. нач. 3-го відд., з 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	337, 342, 345, 349, 353
Патратьев (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	108–109
Патрушев Николай Яковлевич (рос.) (?–?) — з 01.05.1937 — нач. Плужнянського РВ, з 25.03.1938 — нач. Волочиського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Арештований у 1939.	339–340, 343, 351, 353

Пашко Николай Александрович (рос.) (1908–?) — у 1937–1938 — голова Київської міськради. Арештований 06.1938 як «учасник антирадянської троцькістської організації». У 03.1939 був звільнений через відсутність доказів.	413
Пашковский (рос.)	639
Пашенко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	118, 134, 145, 159, 168, 180–181, 183, 189, 199
Пашенко Петр Дмитриевич (рос.) (1909–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл.	385, 494, 498, 500
Певзнер Арон Менделевич (рос.) (1905–?) — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС 08.05.1938. Засуджений до 8 років ВТТ.	170, 589
Певзнер — співробітник відд-я фельдзв'язку УНКВС по Полтавській обл.	170, 589
Пейзнер — у 1938 — зав. особливим сектором Кам'янець-Подільського обкому КП(б)У.	347
Пекарев Марк Александрович (рос.) (1906–?) — з 1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	83, 86, 90–94
Пенкин	153, 510
Перепеляк Михаил Иванович (рос.) (1907–?) — з 1937 — нач. 8-го відд., у 1938–1941 — нач. 1-го спецвідд-я УНКВС по Вінницькій обл.	18
Перцов Давид Аронович (рос.) (1909–1948) — з 01.1937 — пом. нач. 4-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 08.08.1937 — пом. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — заст. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 05.04.1938 — заст. нач. УНКВС по Харківській обл. Із 07.1938 — нач. Чорноморського морського відділу, Одеса. Арештований 16.11.1938. Засуджений 15.09.1939 ВКВС СРСР до 4 років ВТТ. Але ВКВС СРСР 12.12.1940 вирок скасований, справа спрямована на дослідження. ВТ військ НКВС КОВО 05.06.1941 засуджений до 15 років ВТТ.	217–218, 634–636, 644–645
Петерс-Здебский Андриан Александрович (рос.) (1899–?) — 11.04.1936–31.07.1937 — нач. УРСМ УНКВС по Чернігівській обл., 01.10.1937–27.02.1938 — нач. УНКВС по Полтавській обл. Арештований 27.02.1938. Засуджений ВТ військ НКВС Харківського ВО 26.11.1939 до 2,5 років ув'язнення умовно. Згідно касаційної скарги до ВКВС СРСР 25.01.1940 вирок скасований, справа припинена. На 02.1963 — заст. директора Ін-та зоології АН УРСР по адмін.-господарській частини.	511, 609, 616
Петренко Николай Алексеевич (рос.) (?–?) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	90
Петров (рос.)	194, 362, 438, 634, 645, 649
Петров (рос.) — у 1938 — нач. 1-го спецвідд. НКВС СРСР	194, 362, 438, 634, 645, 649

Петров Иван Иванович (рос.)	194, 362, 438, 634, 645, 649
Петров Михаил Алексеевич (рос.) (1905–?) — у 27.10.1938–07.12.1938 — нач. секретаріату НКВС СРСР, у 07.12.1938–28.01.1939 — нач. секретаріату ОН при НКВС СРСР, у 01.02.1939–31.05.1939 — заст. наркома внутрішніх справ Кримської АРСР.	194, 362, 438, 634, 645, 649
Петров Петр Васильевич (рос.) (1896–?) — пом. нач. від. місць ув'язнень УНКВС по Харківській обл. Засуджений.	194, 362, 438, 634, 645, 649
Петровский (рос.)	186
Петрс (рос.)	206
Печенный (Печеный) Василий Иванович (рос.) (1900–1943) — на 22.03.1936 — співробітник НКВС МАРСР. Під час війни — нач. ОВ НКВС 14 артилерійської дивізії. Зник безвісти на фронті.	560, 566–567
Печенов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	145, 152, 155, 165–166, 169, 171, 188, 196
Пивак Дмитрий Павлович (рос.) (1903–?) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	157
Пилипенко Степан Тимофеевич (рос.) (1913–1941) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 07.1941 — оперуповноваж. ОВ НКВС 363-ї окремої стрілецької бригади 5-ї армії Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	167
Пилипец (рос.)	599
Пинскер (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	245, 257–258, 268, 298
Писарев-Фукс Григорий Львович (рос.) (1900–1938) — із 25.02.1937 — нач. 3 відд. УНКВС по Одеській обл. Із 08.08.1937 — нач. 5 відд. УНКВС по Харківській обл. Із 22.10.1937 — заст. нач. УНКВС по Полтавській обл. Із 29.03.1938 — нач. 3 відд. НКВС УРСР. Із 04.1938 — нач. 5 відд. НКВС УРСР. Арештований 22.04.1938. Засуджений 22.09.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 22.09.1938.	511, 604, 609, 611, 616
Писаренко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	109, 112–113
Пискунов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	113, 117
Письменный (рос.)	21
Платонов Владимир Михайлович (рос.) (1906–?) — з 13.12.1937 — нач. відд.-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 26.02.1938 — нач. 3-го відд., з 1939 — нач. слідчої частини УНКВС по Полтавській обл.	583, 587, 589, 591–592, 596– 597, 608–609, 614, 617–618, 621–622, 625
Плоскин Анатолий Иосифович (рос.) (1902–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. На 21.05.1942 — нач. ОВ НКВС військ НКВС охорони тилу Північно-Західного фронту.	355, 363, 438, 478, 489
Плохой (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	456, 460, 497

Плышевский (рос.)	193
Плюта (рос.)	251
Победа (рос.)	588, 621
Побережный (рос.)	602
Поветкин (рос.) — у 1938 співробітник УНКВС по Київській обл.	447
Погодин Михаил Владимирович (рос.) (?–?) — 1936–1939 — співробітник НКВС МАРСР.	563
Погребной (рос.)	638, 644, 647–648
Погребняк (рос.)	638
Погуляев (рос.)	650–651
Подчак (рос.)	561
Позняков Пётр Андреевич (рос.) (?–?) — до 22.04.1938 — нач. Тростянецького РВ, з 22.04.1938 — нач. Мурованокуриловецького РВ, з 08.05.1938 — нач. ВК УНКВС по Вінницькій обл.	65
Покотило Семён Акимович (рос.) (1905–?) — у 1935–1939 співробітник УНКВС по Київській обл.	386, 401, 407–408, 439, 456, 484, 492, 497
Полищук (рос.)	35–36, 371, 381, 646
Полищук Андрей Филиппович (рос.) (?–?) — у 1938 — особлиовоуповноваж. УНКВС по Київській обл., до 28.09.1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 28.09.1938 — заст. нач. 1-го відд-я ОВ НКВС КОВО.	35–36, 371, 381, 646
Полищук Борис Александрович (1899–?) — з 01.1937 — нач. відд-я, з 01.05.1937 — пом. нач. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 01.06.1937 — співробітник слідчої групи при 5-му відд. НКВС СРСР. Із 04.1938 — нач. 1-го відд-я 6-го відд. 2-го Управ. НКВС СРСР. Арештований 07.05.1938. Звільнений 23.09.1939.	35–36, 371, 381, 646
Полонецкий (рос.) — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	76, 110
Полонов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	129, 133, 167
Поляк (рос.)	76, 91, 172, 206–207, 213, 318–320, 337, 347, 362, 369, 406, 457
Поляков (рос.) — секретар Балтського РВ НКВС МАРСР.	546

Поляков Семён Илларионович (рос.) (1900–?) — до 15.10.1937 — нач. 5-го відд. УНКВС по Сталінградському краю. Із 22.11.1937 — нач. 5-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 26.02.1938 — у розпорядженні НКВС УРСР. Із 22.04.1938 по 25.07.1939 — заст. нач. УНКВС по Полтавській обл. Засуджений у 1939 до 10 років ВТТ.	583, 585–587, 591, 593–594, 597–604, 609, 611, 613, 617, 625–627, 630–631
Полянский (рос.)	564
Помазов (рос.)	508
Помашников (рос.)	361
Пономаренко (рос.)	587, 598, 611, 624
Пономаренко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	205–206, 210, 212, 215, 223, 226, 228–229
Понякин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	158
Попов (рос.) — у 1938 — співробітник НКВС УРСР.	296
Попов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	89, 94
Попович (рос.)	357
Портной Наум Григорьевич (рос.) (1903–?) — до 22.04.1938 — нач. 3-го відд-я Могилів-Подільського РВ, з 22.04.1938 — нач. Тульчинського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	54, 64
Порфирьев (рос.)	638, 641, 646–649
Поташников (рос.)	222
Поцелуйко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	192
Привин (рос.) — у 1938 співробітник УНКВС по Житомирській обл.	230, 239, 241–242, 249, 252, 266, 273, 279, 286, 288, 292, 298–299, 301, 326, 328
Примаке-Молдавская (рос.)	502
Приходько (рос.)	629
Приходько Николай Трофимович (рос.) (1896–1953) — з 28.02.1937 — нач. Миколаївського МВ УНКВС по Одеській обл. Із 09.1937 — нарком НКВС МАРСР. Із 01.10.1937 по 26.02.1938 — нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 28.03.1938 — нач. 4-го відд. 3-го Управ. НКВС СРСР. Із 21.04.1938 — нач. пароплавання «Рейдтанкер», Астрахань.	341, 352, 355–356
Прицкер Соломон Шулимович (рос.) (1904–?) — у 1937–1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — пом. нач. 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Звільнений із НКВС 26.03.1939.	103, 106, 110, 554

Пришивцын Антон Яковлевич (рос.) (1905–?) — з 1937 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 05.06.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 07.09.1938 — заст. нач. УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений у запас 09.07.1939. У 1941 перебував під слідством. Виправданий.	18, 24, 42, 52, 64–66
Проглядов Костянтин Гаврилович (рос.) (1898–?) — з 15.12.1935 — нач. Чутівського РВ УНКВС по Харківській обл. Арештований 13.05.1938. Звільнений у 1939, справа припинена.	613
Проскураков (рос.)	447, 527, 529
Простота Матвей Андреевич (рос.) (1905–?) — до 22.04.1938 — нач. Бобровицького РВ, з 22.04.1938 — нач. Ніжинського РВ УНКВС по Чернігівській обл. Із 28.08.1938 — пом. нач. 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 1939 — нач. Канівського РВ УНКВС по Київській обл.	443, 497
Профимов (рос.)	576
Проценко (рос.)	19, 34
Псарев Александр Иванович (рос.) (1903–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл. На 23.02.1942 — особливоуповноваж. ОВ НКВС Південного фронту.	230, 232–233, 236, 262, 270, 285, 297, 300, 309, 319, 324, 326–327, 329–330
Пулкін Семён Михайлович (рос.) (?–?) — у 1938–1939 — член парткому УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з посади нач. Криворізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. 29.01.1940.	118, 121, 125, 129, 133, 135–136, 141–142, 145–146, 151–152, 154, 163, 176, 183, 192, 199–200, 202
Пухальский (рос.)	585
Пята (рос.)	182, 183
Рабинович (рос.) — робітник шкіряного заводу м. Києва.	402
Радионов (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	305
Радомский (рос.)	401, 453–454, 461
Радько (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	227
Райгородецкий (рос.)	247
Ракита Григорий Лазаревич (рос.) (1906–?) — з 1937 — нач. 1-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 21.03.1938 — нач. 2-го відд-я 3-го відд., з 05.1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Омській обл. Звільнений 09.11.1939.	429, 438, 452–453, 489
Ракицкий Владимир Фёдорович (рос.) (1905–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений 16.03.1939.	363

Ралко (рос.)	638, 646, 649
Распутько (рос.)	281–282
Рассий Степан Игнатьевич (рос.) (?–?) — у 1938 — секретар УНКВС по Вінницькій обл.	24, 46
Ратынский-Футер Аркадий Маркович (рос.) (1902–1939) — із 22.11.1934 — нач. ОВ УНКВС по Одеській обл. Із 28.01.1937 — нач. 3 відд-я, пом. нач. 5 відд. НКВС СРСР. Із 22.04.1937 — заст. нач. 5 відд. НКВС УРСР. Із 20.05.1938 — нач. 3 відд. НКВС УРСР. Арештований 23.07.1938. Засуджений 04.03.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 04.03.1939. Реабілітований у 1993.	493, 515
Рауде (рос.) — оперуповноваж. Серговського МВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	76
Рева Григорий Семенович (рос.) (1901–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 07.06.1938 — оперуповноваж. РВ НКВС м. Києва. Із 1938 — нач. ВК УНКВС по Київській обл.	375–376, 381, 386–387, 398, 404, 437–438, 442, 455–458, 474–475, 484, 490, 492, 494
Ревеко Дмитрий Артемьевич (рос.) (1905–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — в УНКВС по Житомирській обл.	235
Редер Анатолий Владимирович (рос.) (?–1939) — до 28.07.1938 — оперуповноваж. 4-го відд., з 28.07.1938 — нач. відд-я 4-го відд., потім нач. 9-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Арештований. Повісився у тюрмі м. Києва.	18, 61
Редькин — у 1938 — пом. оперуповноваж. 11-го відд-я НКВС МАРСР.	553
Редько Владимир Федорович (рос.) (?–?) — до 15.08.1938 — нач. Апостоловського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 15.08.1938 — нач. Криворізького РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС 03.12.1939.	135, 163, 173, 194–195, 197, 534
Резник	639–640
Резников Михаил Эммануилович (рос.) (1905–?) — до 27.09.1937 — нач. Молочанського РВ, з 27.09.1937 — нач. 11-го відд., 20.06.1938 — нач. Криворізького МВ, у 1939 — нач. 7-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС 20.05.1940.	118–120, 122, 124, 127–128, 130–131, 134, 136–137, 140–142, 144–147, 154–155, 157, 162–163, 166–167, 181–184, 189–190, 194, 200–202, 211, 213
Резниченко Василий Харитонович (рос.) (1905–?) — на 25.07.1939 — заст. нач. 2-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Засуджений 01.02.1940 ВТ НКВС КОВО до 5 років ВТТ.	241, 252, 268, 272, 279–281, 285–293

Ремов-Поберезкин Наум Анатольевич (рос.) (1902–1939) — до 17.05.1937 — нач. відд-я 3 відд. УНКВС по Харківській обл. До 28.11.1937 — пом. нач. 5 відд. УНКВС по Київській обл. Із 28.11.1937 — пом. нач. 5 відд., із 07.03.1938 — нач. 5 відд., із 07.1938 — нач. 6 відд. УНКВС по Житомирській обл. Відкликаний у розпорядження НКВС СРСР 15.08.1938. Арештований 16.01.1939. Засуджений 22.08.1939 ВТ військ НКВС КОВО. Розстріляний 29.11.1939.	294, 320, 459
Репей (рос.)— секретар Станіславчицького РВ УНКВС по Вінницькій обл.	36, 63–64
Репинский Анисим Николаевич (рос.) (?–?) — до 19.06.1938 — нач. Широківського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 19.06.1938 — нач. Генічеського РВ УНКВС по Одеській обл.	120, 155, 190
Решетило (Решетиллов) Федор Иванович (рос.) (?–?) — співробітник УНКВС по Вінницькій обл. На 1957 — нач. Савранського РВ УМВС по Одеській обл.	44
Ржавский (рос.) — у 1938 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС МАРСР.	553, 559–561
Ривин (рос.) — у 1938 — співробітник ВК НКВС УРСР.	150, 440, 456, 474–475, 533
Рисов (рос.)	565
Рогачева (рос.)	292
Роговцев (рос.) — нач. УРСМ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	345, 367
Роголь Марк Павлович (рос.) (1905–1941) — із 23.01.1937 — заст. наркома НКВС МАРСР. Із 08.08.1937 — нач. 3 відд. УНКВС по Київській обл. Арештований 05.04.1938. Засуджений 29.10.1939 до 5 років вислання. Знаходився на лікуванні у психіатричній лікарні ім. Павлова у м. Києві. Розстріляний нацистами. Реабілітований у 1956.	452, 493
Роев (рос.)	523
Розенфельд (рос.)	543, 558
Розовский Яков Зиновьевич (рос.) (1902–?) — інспектор 8-го відд. НКВС УРСР. Арештований 11.04.1938. Звільнений 05.03.1939.	503
Романенко (рос.)	137, 195
Романенко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	137, 195
Романченко (рос.) — нач. адмін.-господарського відд. УНКВС по Житомирській обл.	234, 236, 238–239, 245–246, 248, 250, 252–253, 256, 262, 267–268, 271–272, 279, 301, 303, 306–307, 315–316, 327
Ромодан (рос.)	601

Росинский (рос.)	93
Роталь (рос.)	392
Ротштейн Яков Ефимович (рос.) (1905–1941) — з 08.1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 07.06.1938 — оперуповноваж. Сталінського РВ НКВС м. Києва. Із 09.12.1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Київській обл.	377, 379, 437, 457–458, 479
Рубин (рос.)	171, 228
Рубинштейн Наум Львович (рос.) (1897–1937) — з 28.05.1933 по 21.05.1937 — особливоуповноваж. ДПУ — НКВС УРСР. Арештований 15.06.1937. Засуджений 07.09.1937 в особливому порядку. Розстріляний.	381, 502
Рувинштейн (рос.)	585
Руденко Матвей Леонтьевич (рос.) (1902–?) — з 1937 — оперуповноваж. Запорізького МВ, з 07.1938 — нач. Нікопольського МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 08.1939 — нач. Меджибізького РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	163, 173, 227
Рудой (рос.)	522–523
Рудюк Иван Леонтьевич (рос.) (1905–?) — у 1937–1938 — пом. нач. відд-я, нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 28.08.1938 — пом. нач. ВК НКВС УРСР. Із 1938 — нач. 9-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл. У 1938 — секретар парткому НКВС УРСР.	374, 422, 424, 427, 504–507, 518, 520–521, 523–526, 538–541
Руженцов Константин Николаевич (рос.) (1907–?) — до 20.04.1938 — оперуповноваж. 5-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 20.04.1938 — оперуповноваж. 1-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 16.05.1939 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР.	508
Рутман Вениамин Иосифович (рос.) (1900–?) — до 1937 — співробітник УНКВС по Харківській обл. Арештований у 1937.	641, 645, 648
Рыбаков Иосиф Ефимович (рос.) (1905–?) — з 1937 — нач. 1-го відд-я 3-го відд., з 29.06.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Одеській обл. Арештований 19.04.1939. Засуджений 10.04.1941 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу. Комісією Політбюро ЦК ВКП(б) у судових справах вирок був замінений на 10 років ув'язнення у ВТТ, згодом був відряджений на фронт. На 30.03.1943 — співробітник ОВ НКВС Північнокавказького фронту.	576, 578–579
Рыбальченко Иван Тимофеевич (Трофимович) (рос.) (1901–?) — до 20.06.1938 — нач. Чуднівського РВ, 20.06.1938 — нач. Ярунського РВ УНКВС по Житомирській обл. Арештований 12.08.1938. Засуджений 23.11.1939 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу.	276, 320, 324
Рыбин (рос.) — у 1938 — співробітник ВК апарату НКВС УРСР.	400
Рыкин (рос.) — співробітник Лугинського РВ УНКВС по Житомирській обл.	271
Рыбников (рос.)	608
Рыбчинский (рос.)	630

Рыженко (рос.) — у 1938 — співробітник Криворізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	194
Рымарева (рос.)	576
Рыскін (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	146, 153
Рябой Іван Денисович (рос.) (1907–?) — до 1938 — нач. Кагановицького РВ, з 1938 — нач. Чорнобильського РВ УНКВС по Київській обл. Звільнений з органів НКВС у 1939.	376, 490
Рябоконт (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	252, 293–295, 303
Сабаль (рос.)	39
Савельєв (рос.)	586, 607
Савин (рос.)	574
Савченко (рос.)	586
Савчук (рос.)	229
Сагалаєв (Саголаєв) Георгій Пименович (рос.) (1900–?) — у 1938 — нач. Великополовецького РВ, з 29.07.1938 — нач. Уманського РВ УНКВС по Київській обл. Звільнений з органів НКВС 20.10.1939.	453–454, 461
Сагалов Іуда Ісаакович (рос.) (1902–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., на 22.02.1938 — оперуповноваж. ОВО НКВС 5-ї кав. дивізії КВО, на 19.06.1939 — у Середньоазіатському ВО. На 20.02.1944 — заст. нач. ВКР «СМЕРШ» 5-ї гв. танкової армії.	372, 405, 438
Садко (рос.)	448
Садовой (рос.)	639
Саєнко	166, 601, 608, 615
Саєнко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	238, 258, 322, 325
Сазонова (рос.) — у 1938 — співробітник ВК НКВС УРСР.	362
Сало (рос.)	640, 648
Самаркін (рос.)	563–564, 570
Самогородський Борис Михайлович (рос.) (1906–?) — до 19.07.1938 — нач. Старокостянтинівського РВ, з 19.07.1938 — нач. Проскурівського МВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. На 22.02.1942 — нач. 4-го відд-я ОВ НКВС 37-ї армії.	335–338, 340, 342, 348, 350–351, 367
Самойлов (рос.)	587, 639
Самойлович (рос.)	342
Самофалов (рос.)	639–640
Самохвалов (рос.)	377
Самутін (рос.)	19, 35, 47

Сандлер Борис Эльевич (рос.) (1906–?) — з 1937 — оперуповноваж. 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Арештований 11.04.1938. Засуджений 08.02.1940 ВТ військ НКВС Харківської обл. до 2,5 років ВТТ.	646
Сапожников (рос.)	643, 649
Сапожников Яков Самойлович (рос.) (1907–?) — з 01.1937 — нач. відд-я 3-го відд., з 09.03.1938 — нач. 5-го відд., з 20.06.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 01.05.1939 — нач. 3-го відд. УНКВС по Одеській обл.	118–123, 125–135, 141–142, 145–146, 148, 152–154, 156–158, 162–164, 166–169, 171, 175–176, 181–184, 186, 189–192, 195, 199–202, 211, 220
Саркісов (рос.)	639, 648
Сатановский (рос.)	343, 412
Сафатинов (рос.)	565
Сафронов (рос.)	604, 612, 619, 626
Сахно (рос.)	630–631
Свиридов (рос.)	615, 621
Свирский (рос.)	458, 493
Сгибнев (рос.)	133, 162, 182
Северин Михаил Северинович (Боровик Мойша Шлёмович) (рос.) (1895–1938) — з 1937 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 16.06.1937 — нач. ВК НКВС УРСР. Арештований 15.02.1938. Засуджений 22.09.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 22.09.1938. Реабілітований у 1959.	491
Седых (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	110
Семенов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	239, 241–242, 245, 248, 253–256, 258–259, 274–277, 284, 289, 298, 310
Семенов Георгий Петрович (рос.) (1902–?) — з 1937 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Омській обл. Із 1938 — нач. відд-я ОВ НКВС КОВО. Із 21.10.1938 — пом. нач. 6-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Звільнений у 1939.	510, 519
Сендеров (рос.)	582, 589
Сенюк (рос.)	339, 586, 594
Сенюк (рос.) — у 1938 — нач. Вінковецького РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	339, 586, 594

Сербин (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	203–205, 215, 222, 225, 228–229
Сергеев (рос.)	650, 652
Сергеев (рос.) — нач. паспортно-реєстраційного відд. УРСМ УНКВС по Вінницькій обл.	27
Сердюк Зиновий Тимофеевич (рос.) (1903–1982) — у 1938–1954 — член ЦК КП(б)У. У 1939–1941, 1943–1947 — 2-й секретар, у 1947–1949 — 1-й секретар Київського обкому КП(б)У. У 1941–1943 — член військової ради 5-ї, 21-ї, 64-ї, 7-ї гв. армій. У 1949–1952 — секретар ЦК КП(б)У.	370, 378, 393, 395, 398–399, 427, 486, 531
Серебряный (рос.)	528
Середа Яков Петрович (рос.) (1903–?) — з 04.1933 — нач. Миропільського РВ ДПУ УСРР. Із 07.1937 — відряджений до УНКВС по Харківській обл. Із 22.04.1938 — нач. відд-я, з 13.07.1938 — пом. нач. 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 03.09.1938 — нач. 1-го відд-я ОВО НКВС Харківського ВО. Арештований 22.03.1939. Засуджений до 10 років ВТТ.	5, 9, 14–15, 612, 635, 645
Сероквасовский (рос.)	605
Серцов (рос.) — у 1938 — співробітник Дунаєвського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	337
Сидельковская (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	145, 169, 202
Сидоренко (рос.)	643, 649
Сидоренко (рос.) — зав. відд. Київського міськкому КП(б)У.	368, 444, 498–500
Сидорко (рос.) — співробітник ВК УНКВС по Вінницькій обл.	55
Сидоров (рос.)	124, 433
Сикорский (рос.) — співробітник Козятинського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	35
Силин (рос.)	534
Симон (рос.)	355
Симоненко (рос.)	456
Симхович Абрам Михайлович (рос.) (1902–1940) — з 27.08.1934 — нач. СПВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 15.08.1937 по 20.04.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 28.05.1938 — нач. 3-го відд. ГУТАБ НКВС СРСР. Арештований 06.03.1939. Засуджений 26.02.1940 ВКВС СРСР. Розстріляний 27.02.1940.	378
Синкевич (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	217
Синкевич (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	254–256, 275–276
Синяков (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	154–155, 166, 199

Сиперштейн (рос.)	363
Сиренко Сергей Денисович (рос.) (?–?) — до 29.09.1938 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 29.09.1938 — оперуповноваж. ОВ НКВС 24-ї танкової бригади.	585
Сироштан Павел Родионович (рос.) (1897–1938) — нач. 621-ї шляхоексплуатаційної ділянки. Арештований 07.05.1938. За постановою «трійки» при УНКВС по Житомирській обл. від 07.10.1938 розстріляний 10.10.1938. Реабілітований у 1957.	245, 250–251, 279
Сказочкин (рос.)	518
Сквирский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	229
Сквирский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	98, 112, 114
Скворцов Михаил Сергеевич (1896–?) — з 26.10.1936 — нач. Смілянського РВ, з 01.01.1938 — нач. Білоцерківського РВ УНКВС по Київській обл. Із 17.04.1938 по 26.09.1940 — нач. відд. трудових колоній НКВС УРСР.	426
Скитев (рос.)	521–522
Скоробогатько (рос.) — телеграфіст.	647
Скоропадский (рос.) — у 1938 — в. о. нач. Слободзейського РВ НКВС МАРСР.	554
Скороход Анисим Иосифович (рос.) (1904–?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд., з 20.06.1938 — нач. Бершадського РВ, з 26.09.1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Вінницькій обл.	40
Скравецкий Вульф Ноевич (рос.) (1899–?) — у 1937–1938 — позаштатний співробітник 3 відд. УНКВС по Харківській обл.	644
Скрипник Иван Арсеньевич (рос.) (?–?) — у 1938 закінчив Київську школу ГУДБ НКВС. Із 08.1938 — пом. оперуповноваж. 8-го відд. УНКВС по Харківській обл.	634, 638
Скрыпник Василий Мефодьевич (рос.) (1898–1938) — нач. Коростенського міськвідділу міліції. Арештований 27.04.1938. Помер 29.04.1938. Реабілітований у 1960.	320
Славин Андрей Дмитриевич (рос.) (1904–?) — до 01.05.1937 — інспектор УНКВС по Кіровському краю. Із 25.05.1937 — нач. 9-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 01.10.1937 по 26.02.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 27.03.1938 — пом. нач. 8-го відд. НКВС УРСР. Із 14.08.1938 — заст. нач., з 15.09.1938 — в. о. нач. 1-го спецвідд. НКВС УРСР. Звільнений 20.02.1939. Засуджений до 10 років ВТТ.	511, 526–527, 538
Слатюк (рос.)	36
Слепцов (рос.) — у 1938 — оперуповноваж. апарату НКВС УРСР.	515–516
Слипченко (рос.)	572
Смахтин Иван Андреевич (рос.) (?–?) — на 23.08.1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	394
Смелявский (рос.)	253

Смолкин (рос.) — у 1938 — співробітник І-го спецвідд. НКВС УРСР.	505
Смольбурд Исаак Беркович (рос.) (1896—?) — чоботар артілі. Арештований 22.04. 1938. За постановою ОН при НКВС СРСР від 29.10.1939 висланий до Казахстану на 5 років. Реабілітований у 1989.	308
Смольный Леонид Евсеевич (рос.) (?—?) — до 1938 — співробітник 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Звільнений з посади пом. нач. 4-го відд. НКВС Таджицької РСР 07.02.1939	388
Соболевский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	190, 204, 206, 209, 212, 228—229
Сова М. А. (рос.) (?—?) — у 1938 — оперуповноваж. 3-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	334, 529—530, 630, 640—641, 644
Сойфертис (рос.)	418
Сокирко Сергей Григорьевич (рос.) (?—?) — з 1937 — нач. відд-я 3-го відд., з 27.09.1937 — нач. ІІ-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 20.09.1938 — нач. відд. боротьби з розкраданням соціалістичної власності УРСМ НКВС УРСР.	63
Соколов (рос.)	135, 642
Соколов (рос.) — у 1938—1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	97, 103—104, 106, 108—110, 112—113, 115—116
Соколовский (рос.)	248, 253, 299
Соколов-Шейнис Исаак Иосифович (рос.) (1900—?) — із 1936 — нач. відд-я СПВ НКВС УРСР. Із 08.08.1937 — нач. 4 відд. УНКВС по Київській обл. Із 01.11.1937 — заст. нач. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 23.04.1938 — пом. наркома НКВС Білоруської РСР. Звільнений 22.01.1939.	388, 407, 498
Сорокин (рос.)	363
Сорокин (рос.) — у 1938—1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	159—161, 166
Сороковой (рос.)	521
Сорокотяг Андрей Данилович (рос.) (1895—?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., потім співробітник УНКВС по Полтавській обл. На 1945 — нач. Опошнянського РО УНКГБ по Полтавській обл.	603
Сорочинский (рос.)	318
Сошинский (рос.)	621

Спектор Марк Борисович (рос.) (1903–1985) — з 1935 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 08.05.1937 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 08.08.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 22.10.1937 — заст. нач. УНКВС по Одеській обл. Із 04.1938 — нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 26.05.1938 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Із 07.1938 — нач. 6-го відд. 2-го Управ. НКВС СРСР.	372, 379, 384, 389, 481–482, 484, 493
Спивак Самуїл Михайлович (рос.) (1904–?) — з 1934 — оперуповноваж., з 1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл.	650, 652
Спиноза (рос.)	485–486, 490
Стадник — у 1938 — оперуповноваж. ОВ НКВС 9-ї кав. дивізії.	338
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (рос.) (1879–1953) — з 1922 — генеральний секретар ЦК ВКП(б), член Політбюро (Президії) ЦК ВКП(б) — КПРС у 10.1917, з 1919 по 03.1953. Із 05.1941 по 03.1953 — голова РНК (Ради Міністрів) СРСР.	5, 20, 49, 57, 61, 68, 78–79, 83–84, 93, 104, 106, 110, 116, 138, 169, 174, 176, 226, 258–259, 263, 282, 288, 312, 347, 370, 375, 379, 390, 398, 451, 468, 471, 475, 487–488, 494, 500, 512–513, 522, 524, 528–529, 541, 557, 573, 576, 596, 614–615, 625, 629
Старков (рос.) — нач. Старобільського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	81–84, 86, 88, 90, 92, 95, 100
Старченко (рос.)	606
Стегний (рос.)	650
Степанов (рос.)	545–546
Степануха Прокофій Петрович (рос.) (1907–?) — у 1938 мобілізований до НКВС. Із 01.04.1938 — пом. нач. ВК УНКВС по Вінницькій обл.	30, 41, 47, 59, 61–62, 69
Степанчук (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	317–318
Степанюк (рос.)	573
Стеценко Степан Емельянович (рос.) (1903–?) — секретар парткому Луганського з-ду ім. Жовтневої революції. Арештований 01.06.1938 за звинуваченням у «керівництві правотроцькістською змовою». Справу припинено за відсутністю складу злочину 18.03.1940, звільнений.	93
Стецюк Климентій Іванович (рос.) (?–?) — у 1938–1939 — нач. Смотрицького РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Звільнений з органів НКВС 29.04.1939.	338

Стойчанов Иван Гаврилович (рос.) (?-?) — до 28.04.1938 — нач. Білопільського РВ, з 22.04.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Звільнений 05.10.1939.	650–652
Страхов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	118, 145, 183
Стрельцов (Гальперин) Семен Ильич (рос.) (?-?) — у 1938 — в. о. пом. нач. 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. ВТ військ НКВС Дніпропетровської обл. засуджений 28.02.1941 до 5 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР амністований, судимість знята 09.12.1941. Служив у 1-му мотострілецькому полку окремої бригади спеціального призначення військ НКВС.	121, 129–130, 132, 142, 145–146, 154, 184, 199–200, 219
Стрельцов Николай (рос.)	77
Стремовский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	103, 106
Стриженченко (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	218
Строилов Владимир Никитович (рос.) (1901–?) — до 1938 — нач. відд-я УНКВС по Куйбишевській обл. Із 15.06.1938 — нач. відд-я 3-го відд., з 03.1939 — нач. 3-го спецвідд. УНКВС по Київській обл.	372, 385, 405–406, 408, 422, 439, 474
Строкач Тимофей Амвросиевич (рос.) (1903–1963) — з 06.1936 — нач. відд-я штабу 24-го Могилів-Подільського прикордонного загону. Із 01.1938 — нач. 162-го полку НКВС, Ворошиловград. Із 05.1938 — нач. штабу 24-го Могилів-Подільського прикордонного загону. Із 07.1938 по 07.1940 — нач. 25-го Тираспільського прикордонного загону, у 11–12.1938 — в. о. наркома НКВС МАРСР.	543, 548
Стругачев (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	242, 247, 267–268, 316
Студзинский (рос.)	209
Стукановский Анатолий Павлович (рос.) (1903–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. До 22.06.1939 — в. о. нач. 3-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	242, 245, 253, 284, 286, 306
Ступаченко (рос.)	483
Суд Ефим Матвеевич (рос.) (1910–?) — з 1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл. Звільнений з органів НКВС 25.03.1939.	90, 93, 98, 101, 102, 104–106, 108–117
Суковская (рос.)	647
Сутула (рос.)	574
Сухина (рос.)	182
Суховеренко (рос.)	39
Суходольские (рос.)	380, 381
Суходольский Евгений Михайлович (рос.) (?-?) — на 13.05.1937 — співробітник НКВС МАРСР, на 25.04.1939 — співробітник ОВ НКВС Харківського ВО.	547, 551

Сыпко (рос.)	594
Сыромятников Дмитрий Иванович (Игнатьевич) (рос.) — до 20.04.1938 — пом. оперуповноваж. Нижньо-Дуванського РВ, з 20.04.1938 — нач. Ново-Псковського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	77
Таксар Иосиф Ильич (рос.) (1905—?) — з 1937 — нач. 3-го відд-я Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Відраджений 31.05.1938 до НКВС Удмуртської АРСР. До 11.01.1939 — в. о. нач. 1-го відд-я 3-го відд. ГУДБ НКВС СРСР. Звільнений з органів НКВС.	220
Талалаевский Иосиф Абрамович (рос.) (?—?) — у 1938 закінчив Ташкентську школу ГУДБ НКВС СРСР. Співробітник НКВС УРСР.	376, 387, 398, 400, 404, 434, 440, 478, 493
Талис Матвей Яковлевич (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл.	407, 498
Тамаров (рос.)	161
Танельзон (рос.)	600
Тараненко (рос.) — секретар Житомирського міськкому КП(б)У.	299
Тарасовский Лев Аронович (рос.) (1906—?) — до 31.08.1937 — оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 31.08.1937 — оперуповноваж. 4-го відд., з 10.07.1938 — пом. нач. 8-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Арештований 17.02.1941. Засуджений 15.08.1941 ОН при НКВС СРСР до 8 років ВТТ.	474
Тарнакин Григорий Михайлович (рос.) (?—?) — з 1938 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	74
Тарнопольский Иван Антонович (рос.) (1887—1938) — стрілочник залізниці. Арештований 17.12.1937. За рішенням «двійки» від 16.01.1938 розстріляний 16.02.1938. Реабілітований 15.01.1990.	37
Таруц Иван Герасимович (рос.) (1898—1938) — з 20.04.1933 по 22.02.1938 — нач. Лохвицького РВ УНКВС по Полтавській обл. Арештований 22.02.1938. Помер під час слідства. Реабілітований у 1958.	620
Татаров (рос.)	509—511
Татарчук Александр Афанасьевич (рос.) (1908—?) — з 1937 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 22.04.1938 — нач. Липовецького РВ УНКВС по Вінницькій обл. Арештований у 1939. Справа припинена.	35, 46
Таубе (рос.)	432
Ташков (рос.) — у 1938—1939 — нач. Кагановицького РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	88
Твердохлебенко Алексей Михайлович (рос.) (1905—?) — з 07.1938 — нач. відд-я 8-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Із 29.08.1938 по 1939 — особливоуповноваж. НКВС УРСР.	396, 539—540

Телешев Григорий Галактионович (рос.) (1902–1978) — з 01.10.1937 — нач. УНКВС по Тамбовській обл. Із 03.03.1938 — нач. УНКВС по Харківській обл. Із 04.05.1938 — 1-й секретар Одеського обкому і міськкому КП(б)У. Із 02.1939 — на господарській роботі.	532, 571, 575, 579, 581
Телишевский Лев Давидович (рос.) (1904–1938) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл. До 07.04.1938 — нач. відд-я 5-го відд. НКВС УРСР. Арештований 15.02.1938. Засуджений 22.09.1938 ВКВС СРСР до розстрілу.	432
Тендерук (рос.) — міліціонер Копайгородського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	37
Терехов Тихон Иванович (рос.) (1897–?) — 1-й секретар Луганського міськкому КП(б)У. ВТ Харківського ВО 07.04.1939 засуджений до розстрілу. ВКВС СРСР 14.08.1939 справу спрямувала на дослідкування. Справа припинена 02.02.1940, звільнений.	103
Терещенко Василий Платонович (рос.)	21
Тернівський Яков Иванович (рос.) (1882–1972) — у 1937–1938 — прокурор Вінницької обл.	18, 20, 24, 27, 36
Тертичний (рос.)	615
Тесленко Михаил Иванович (рос.) (1906–?) — з 1937 — пом. оперуповноваж. 3-го відд., з 21.03.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. На 15.05.1943 — нач. ВКР «СМЕРШ» 3-го гв. танкового корпусу.	644
Тесленко Николай Петрович (рос.) (1902–?) — на 1936 — у НКВС МАРСР, на 1938 — нач. Кам'янського РВ НКВС МАРСР, на 30.09.1945 — заст. нач. ВКР «СМЕРШ» 1-ї Червонопрапорної армії.	543, 547, 552, 559, 565, 568
Тетерев (рос.) — співробітник Баранівського РВ УНКВС по Житомирській обл.	271–272
Техман (рос.)	374
Тимонов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	320
Тимофеев Петр Петрович (рос.) (1899–1958) — з 29.08.1934 — нач. Старокопанинського РВ, з 1937 — пом. нач. 5-го відд., з 22.04.1938 — нач. Могилів-Подільського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Із 21.10.1938 — нач. 3-го відд. Управ. ВТТ НКВС УРСР. У 1939–1940 — заст. нач. 3-го відд. НКВС УРСР.	35
Тимошенко Григорий Антонович (рос.) (1905–?) — у 1934–1938 — комендант Житомирського окрвідділу — УНКВС по Житомирській обл. Із 19.07.1938 — співробітник 1-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. У 08.1938 — покараний адміністративним арештом на 10 діб за привласнення речей розстріляних. Арештований 08.02.1939. Засуджений 04.07.1939 до 8 років ВТТ.	320
Тимченко Иван Михайлович (рос.) (1907–?) — з 1934 — нач. Опішнянського РВ НКВС. Із 16.06.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 01.1939 — нач. 2-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	583–584, 586, 590, 613, 624

Титов Иван Никандрович (Никанорович) (рос.) (1903–?) — до 10.1937 — співробітник УНКВС по Харківській обл. Із 1938 — нач. 3-го відд-я 3-го відд., з 1939 — заст. нач. слідчої частини УНКВС по Полтавській обл. Арештований 15.10.1939. Але 15.02.1940 справа була припинена. Повторно арештований 08.10.1940. На засіданні ВТ військ НКВС Харківського ВО 06.04.1941 справу спрямовано на дослідження. ВТ військ НКВС КОВО 14.05.1941 засуджений до 6 років ВТТ.	583, 585, 595, 597–598, 603, 608, 610–612, 614–616, 618, 622, 628, 632
Тищенко Зиновий Павлович (рос.) (1890–1941) — комбриг, командир 75-ї стрілецької дивізії. Арештований 19.02.1938. Засуджений 20.08.1939 до 15 років ВТТ. Реабілітований 08.02.1956.	586, 599, 607, 621, 629
Ткач (рос.)	206
Ткаченко (рос.) — у 1939 — співробітник УНКВС по Харківській обл.	634, 636, 638
Ткаченко Сергей Поликарпович (рос.)	573
Ткаченко Мартын Алексеевич (рос.) (?–?) — до 1938 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 1938 — нач. Жовтневого РВ НКВС м. Києва.	374, 403–404, 457, 489–490
Толмачев (рос.)	109, 112, 606
Толчинский Герман Борисович (рос.) (1895–?) — з 03.01.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Чернігівській обл. Із 08.08.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Відраджений 07.04.1938 до НКВС СРСР. Із 20.05.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Іркутській обл. Звільнений у запас 07.03.1938.	55
Томин (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	273
Томин Александр Сократович (рос.) (1901–?) — з 1935 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Київській обл. Із 25.08.1938 — нач. 3-го відд. НКВС МАРСР. Арештований 03.09.1938. Засуджений 06.02.1941 ВТ військ НКВС КОВО до 6 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР від 13.08.1942 відраджений на фронт. На 15.03.1944 — заст. нач. відд. УКР «СМЕРШ» Білоруського фронту.	543, 545, 547, 551–552, 569
Томин Хаскель Львович (рос.) (1902–?) — з 02.1935 — оперуповноваж. СПВ УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1938 — нач. відд-я 4-го відд., з 16.06.1938 — нач. 11-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	601, 606, 609–610, 616, 621
Топчий Константин Тимофеевич (рос.) (1900–1951) — 09.1937–01.06.1938 — секретар оргбіро ЦК КП(б)У по Полтавській обл. У 05.1938–05.1945 — голова Верховного Суду УРСР.	611, 618
Торишний Кирилл Давыдович (рос.) (1906–?) — до 20.06.1938 — нач. Вінковецького РВ, з 20.06.1938 — нач. Ізяславського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	339
Тороп (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	216

Троицкий Александр Нирович (рос.) (1898–1939) — з 01.10.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Иркутській обл. Відраджений 16.05.1938 до НКВС УРСР. Із 22.06.1938 — заст. нач., з 23.07.1938 — нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 10.1938 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Арештований 15.11.1938. Засуджений 07.03.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 07.03.1939.	426, 438, 477, 510, 576
Трубников Владимир Матвеевич (рос.) (1907–1979) — з 01.1937 — оперуповноваж. 3-го відд-я Маріупольського МВ, з 04.05.1938 — нач. Сніжнянського РВ УНКВС по Донецькій обл. Із 27.11.1938 — нач. Рибницького РВ, з 17.07.1939 — заст. наркома, 03.09.1939–07.08.1940 — нарком внутрішніх справ МАРСР НКВС.	558–560, 563–568, 570, 605
Труфанов (рос.)	218
Трушкин Яков Лукьянович (рос.) (1900–?) — з 04.1935 — нач. 1-го відд. СПВ УНКВС по Чернігівській обл. Із 28.05.1938 — нач. 4-го відд. УНКВС по Миколаївській обл. Арештований 03.08.1939. Засуджений до розстрілу.	409
Туалевич (рос.)	456
Тульнов (рос.) — секретар Ворошиловградського міськкому КП(б) У.	102, 104, 110, 112–113
Тульянов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	160, 199
Туркевич (рос.)	395
Турьянский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	152
Тутер (рос.)	188
Тютюнник Иосиф Фомич (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	217, 224, 228–229
Уваров Василий Сергеевич (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	194–195
Удовенко Павел Сидорович (рос.) (?–1974) — до 20.04.1938 — оперуповноваж. 4 відд-я УГБ Костянтинівського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 20.04.1938 — нач. Білокуракінського РВ УНКВС по Донецькій обл., потім нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Ворошиловградській обл.	76–77, 83, 92–94, 103, 115
Уласевич (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	145, 202
Уманский Яков Владимирович (рос.) (1902–?) — до 10.10.1940 — нач. 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 10.1940. Засуджений ВТ військ НКВС КОВО 27.05.1941 до 10 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР від 02.10.1942 достроково звільнений, судимість була знята.	118–122, 132–134, 136, 141, 144–146, 154–155, 167, 171–173, 181, 189, 193, 200–203, 209, 219–220, 454
Умзер (рос.)	459–460
Упеник (рос.)	510, 617

Уралов (Штибельман) Илья Ильич (рос.) (1902–?) — з 1937 — нач. 4-го відд-я Проскурівського окрвдділу НКВС. Із 12.10.1937 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 1938 — нач. Шепетівського МВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Чернігівській обл.	351–352, 367, 441
Успенский Александр Иванович (рос.) (1902–1940) — комісар держбезпеки 3-го рангу. У 1938 г. — нарком внутрішніх справ УРСР. Інценував загинув у листопаді 1938, втік із Києва. Арештований у 04.1939 у м. Міассі Челябінської обл. У 01.1940 за вироком ВКВС СРСР розстріляний.	33, 45, 48–49, 55, 61, 64, 98, 101–104, 106, 107, 110–116, 118, 120, 121, 123–125, 127–131, 134, 135, 139, 146–148, 153–154, 157, 165, 172–175, 182–185, 187–189, 196, 197, 203–205, 207, 208, 210, 216, 219, 221, 223, 227, 238, 257–259, 263, 265, 266, 278, 296–298, 304, 305, 312–313, 316, 319–321, 335, 347, 348, 352, 354, 355, 357, 358, 360, 362–364, 368, 369, 372, 374, 377, 380, 381, 385, 386, 393–395, 398, 400, 402–404, 408–411, 417–419, 421, 423, 427, 436, 441, 443, 445–452, 460, 463, 469, 476, 478, 480, 481, 483, 489, 491, 501–503, 505, 507, 508, 511–516, 518–541, 583, 586, 589–593, 595–600, 604, 606, 609, 614, 616, 618, 619, 622, 625, 626, 635
Устименко (рос.)	443–444
Устинов Василий Петрович (рос.) (?–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл.	407–408, 422, 448–449, 452–453, 480, 496
Ушкалов (рос.)	535
Фадеев Александр Константинович (рос.) (1906–?) — до 11.09.1938 — оперуповноваж. Бердичівської тюрми. Арештований 30.09.1938. Засуджений до ув'язнення у ВТТ.	234, 239, 246, 278–279
Файнберг Израиль Абрамович (рос.) (1905–?) — до 10.07.1938 — пом. нач. відд-я ОВ Харківського ВО. У 10.07.1938–08.05.1939 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	635–636, 638–639, 648
Файнштейн (рос.)	305
Файнштейн (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	136, 185–186, 195
Факторович Григорий Иосифович (рос.) (1903–?) — на 09.01.1936 в апараті НКВС УРСР. До 03.08.1938 — оперуповноваж. 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Арештований 15.07.1938. Засуджений 13.12.1938, проте справа припинена. Звільнений у запас 28.04.1939.	509

Фальковский Вениамин Давидович (рос.) (?–?) — з 19.06.1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл.	401, 424, 439, 478, 490
Фамилиант Михаил Абрамович (рос.) (1895–1938) — з 1935 — нач. ОВ НКВС 30-ї стрілецької дивізії. Арештований 16.06.1938. Засуджений ВКВС СРСР 02.10.1938 до розстрілу. Реабілітований 18.03.1965.	180
Фарб (рос.)	232
Фастовский (рос.)	314
Федоренко (рос.)	91, 432
Федоров (рос.)	585, 587, 590, 598, 608–613, 616, 618, 624, 632
Федоров Михаил Ермолаевич (рос.) (1900–1940) — до 21.08.1937 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Оренбурзькій обл. Із 22.11.1938 — нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 05.02.1938 — нач. відд-я апарату особливоуповноваж. НКВС УРСР. Із 14.03.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл. Арештований 08.01.1939. Засуджений 29.09.1940 ВТ військ НКВС УРСР. Розстріляний 04.11.1940.	231, 236, 238, 240–241, 243–245, 249, 252–253, 256– 258, 261–262, 266–267, 272, 276–278, 282, 290, 295–298, 303, 305–307, 309–312, 318–320, 322, 378, 448
Федоров Александр Дементьевич (рос.) (1903–1975) — з 1937 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 25.05.1938 — нач. 3-го відд. НКВС МАРСР.	550
Фёдоров Яков Фёдорович (рос.) (1903–1942) — із 1935 — нач. Ободівського РВ, із 22.04.1938 — нач. Немирівського РВ, із 1938 — нач. ІІ відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 1939 — нач. 3 відд. УНКВС по Вінницькій обл. У 1942 зник безвісти на фронті.	18
Федоров-Берков Федор Самуилович (рос.) (1900–?) — із 04.1937 — заст. нач. 4 відд. УНКВС по Одеській обл. Із 12.08.1937 — заст. нач. 4 відд. УНКВС по Харківській обл. Із 06.04.1938 в НКВС УРСР. Із 02.06.1938 — пом. нач. 3 відд. НКВС УРСР. Відряджений 28.07.1938 до НКВС СРСР. Із 1938 — інспектор ГУТАБ НКВС СРСР. Арештований 17.06.1939. Засуджений ВКВС СРСР до 10 років ВТТ.	378
Федорченко (рос.)	427, 584, 616, 629
Федорчук (рос.)	618
Федотов (рос.)— у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	240
Феликсон-Рабинович Феликс Самуилович (рос.) (1904–1938) — із 21.11.1934 — нач. оперативного відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 30.12.1937 — нач. 2 відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Арештований 22.07.1938. Засуджений 02.10.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний.	363

Фельдман (рос.)	373, 403
Ференс Александр Антонович (рос.) (1910–?) — на 25.07.1939 — особливоуповноваж. УНКВС по Житомирській обл. Звільнений з органів НКВС.	235, 271, 289, 298–300, 308, 331–332
Филоненко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	273, 281, 284
Филонец Иван Акимович (рос.) (?–?) — до 08.05.1939 — в. о. нач. 5-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений з НКВС.	40
Филонц (рос.) — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	62
Фишер Иосиф Борисович (рос.) (1898–?) — з 03.01.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл. Із 04.08.1937 — нач. 3-го відд., з 01.10.1937 по 03.03.1938 — нач. УНКВС по Миколаївській обл. У 1938–1939 — у ГУТАБ НКВС СРСР. Звільнений з органів НКВС у 1939.	644
Фишман (рос.)	585, 589, 602, 607, 613, 616, 622, 629
Флейшман (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	159, 180
Флейшман Яков Ефимович (рос.) (1898–1938) — з 03.01.1938 — нач. 5-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Арештований 03.1938. Засуджений ВКВС СРСР 01.10.1938. Розстріляний.	159, 180
Фомин (рос.) — нач. Зельцького РВ УНКВС по Одеській обл.	580
Фомин Ефим Иванович (рос.) (?–?) — на 1938 — нач. РВ УНКВС по Київській обл.	385–386
Формачук (рос.) — у 1938 — співробітник Дніпровського річкового відд. НКВС УРСР, комсорг відд.	504
Франц Исаак Наумович (рос.) (1903–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — оперуповноваж. 3-го відд. УНКВС по Житомирській обл.	232–234, 242, 244–245, 248, 250–251, 258, 267, 271, 273, 275, 311, 560
Фрей Борис Константинович (рос.) (1902–1955) — до 20.04.1938 — нач. 2-го відд.-я 4-го відд., з 20.04.1938 — заст. нач. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 1938 — співробітник 7-го відд. 1-го Управ. НКВС УРСР. Із 1938 — нач. відд. пожежної охорони УНКВС по Харківській обл. Арештований 17.06.1939. Засуджений 03.04.1940 ВТ військ НКВС Харківського ВО до 6 років ВТТ.	523
Фридман Самуил Исаакович (рос.) (?–?) — 09.08.1938 звільнений з посади нач. ВК УНКВС по Вінницькій обл.	55, 488–489, 493

Фришко Сергей Александрович (рос.) (1908–?) — 03.1935–09.1937 — уповноваж. Запорізького МВ, у 09.1937–05.1938 — уповноваж. Павлоградського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл., у 05–09.1938 — нач. Василівського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл., у 09.1938–03.1939 — нач. Городоцького РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл., у 09.1939–05.1941 — нач. 3-го відд. УНКВС по Вінницькій обл., у 11.06–21.12.1953 — нач. УМВС по Кіровоградській обл., у 21.12.1953–09.1955 — пом. ст. радника МВС–КДБ з економічних і транспортних органів при УДБ Угорщини. Із 09.1955 — у резерві УКДБ по Хмельницькій обл.	169
Фришман Леонид Шаевич (рос.) (?–?) — у 1936–1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. До 15.01.1940 — нач. Синельниківського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС.	174, 205, 219, 228
Фролков Алексей Андреевич (рос.) (?–?) — у 1938–08.01.1939 — 2-й секретар Дніпропетровського міськкому КП(б)У.	181
Фролов Семён Георгиевич (рос.) (1893–?) — з 1936 — пом. нач. відд-я ОВ НКВС Харківського ВО. Із 10.07.1938 по 31.08.1939 — нач. відд-я ОВ НКВС Харківського ВО. На 11.1945 — нач. секретаріату УКР «СМЕРШ» Північнокавказького ВО.	634, 636, 638
Фрум (рос.)	167, 213
Фунтиков (рос.) — нач. Олевського прикордонного загону.	276
Фурер Вениамин Яковлевич (рос.) (1904–1936) — з 1935 — зав. культурно-пропагандистським відд. Московського міськкому ВКП(б). Застрелився.	115
Хазан (Хазанов) Самуил Абрамович, он же Хазан (Хазанов) Самуил Аронович (рос.) (1909–1941) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. Під час війни оперуповноваж. ОВ НКВС 13-ї зенітної бригади Півден.-Західного фронту. Загинув.	452–453
Хайт (Хайт) Ефим Израилевич (рос.) (1909–?) — із 1935 — пом. оперуповноваж. Черкаського РВ УНКВС по Київській обл. Звільнений із органів НКВС 05.05.1939.	390, 434, 4548, 494
Хайтин (рос.)	305, 514, 523
Халемский (рос.)	372, 438
Ханис (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	218–219
Харитонов (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	318
Харитоновский Борис Абрамович (рос.) (1894–?) — до 20.04.1938 — нач. ОВ НКВС 8-го стрілецького корпусу. Із 20.04.1938 — нач. 2-го-го відд-я 3 відд. НКВС УРСР. Із 26.05.1938 — нач. 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 27.07.1938 — заст. нач. УШОСДОР НКВС УРСР. Із 1938 — у ГУТАБ НКВС СРСР.	421–422, 424–425, 427, 482–483, 493
Харченко (рос.)	287, 605, 611–613, 618, 624

Хатенев Арон Меерович (рос.) (1905–1940) — з 03.1937 — нач. відд-я 4-го відд. НКВС СРСР. Із 20.08.1937 — пом. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 10.10.1937 — нач. відд-я 4-го відд. НКВС СРСР. Із 07.12.1937 — нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 1938 — нач. 4-го відд., заст. наркома НКВС УРСР. Із 05.1938 — пом. нач. УНКВС по Ленінградській обл. Арештований 17.11.1938. Засуджений 20.05.1940 ВКВС СРСР. Розстріляний 22.06.1940. У реабілітації відмовлено.	528
Хачинский (рос.) — співробітник 3-го відд. УНКВС по Кам'янць-Подільській обл	354–355, 357
Хвалько (рос.)	604
Хвиля (Олинтер) Андрей Ананьевич (рос.) (1898–1938) — 28.02.1933–1936 — 1-й заст. наркома освіти УРСР, 1936–8.1937 — нач. Управ. у справах мистецтв при РНК УРСР. Арештований 13.08.1937. Розстріляний 08.02.1938.	211, 491
Хейфейц Аркадий Моисеевич (рос.) (1898–1938) — заст. директора Полтавського м'ясокомбінату. Арештований 23.05.1938. Засуджений ВКВС СРСР 16.10.1938. Розстріляний 16.10.1938. Реабілітований 24.07.1991.	585, 599
Хейфец (рос.)	584–585, 599
Хименко (рос.) — у 1937–1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	259, 276
Хинцинский (рос.)	207
Хобот (рос.)	584
Ходорковский Семён Аронович (рос.) (1905–?) — з 01.12.1935 — пом. оперуповноваж. Білоцерківського РВ, з 10.05.1938 по 13.11.1939 — нач. РВ району ім. Петровського УНКВС по Київській обл.	376, 426, 434
Холин Константин Фёдорович (рос.) (1898–?) — з 05.01.1937 — нач. Сергівського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 1938 — в. о. нач. Дніпровського річкового відд. НКВС УРСР. Звільнений з НКВС 29.12.1938.	89, 504
Хомутец Илья Наумович (рос.) (?–?) — з 01.04.1938 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл.	424, 427, 493
Хомутов Степан Васильевич (рос.) (1905–?) — з 1934 — уповноваж. Ленінського РВ УНКВС по Київській обл. Із 08.05.1938 по 1939 — нач. 3-го відд-я 1-го відд. НКВС УРСР.	401–403, 516
Хорошилов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	88, 101, 108–110, 113, 115
Хорошун Александр Алексеевич (рос.) (1913–2007) — з 1938 — пом. оперуповноваж. УНКВС по Харківській обл.	650
Хохлов (рос.) — нач. відд. УНКВС по Полтавській обл.	403, 602
Хохлов Александр Алексеевич (рос.) (1905–?) — у 1937 — курсант центральної школи ГУДБ НКВС СРСР. Із 23.10.1937 — оперуповноваж. 5-го відд. НКВС УРСР.	403, 602

Храпач (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	243, 317–318
Хренов Василий Георгиевич (рос.) (1904–?) — у 1938 — нач. Дніпродзержинського МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	126, 172, 174, 178, 190, 197–198, 203–204, 206–212, 220, 223–226, 228
Хрушев Никита Сергеевич (рос.) (1894–1971) — у 06.1938–03.1947, 12.1947–12.1949 — 1-й секретар ЦК КП(б)У, одночасно у 1944–1947 — голова РНК (Ради Міністрів) УРСР. У 09.1953–10.1964 — 1-й секретар ЦК КПРС, з 1958 по 10.1964 — голова Ради Міністрів СРСР. У 10.1964 був знятий з усіх посад і відправлений на пенсію.	19, 113, 138–139, 154–155, 177–178, 196, 258, 362, 370–371, 394, 396, 398, 408, 421, 446, 505, 518, 532, 536, 540, 548–549, 585, 593, 599, 625–626
Цапенко (рос.)	413
Цибаловский (рос.)	621
Цигельман Моисей Давидович (рос.) (1905–1942) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл., у 1938 — в УНКВС по Житомирській обл. Під час війни — заст. нач. ОВ НКВС в/ч № 3077 Півден.-Західного фронту. Зник безвісти.	288, 308
Циммерман (рос.)	639–640, 648
Цирлин Давид Евсеевич (рос.) (?–?) — до 22.04.1938 — старший інспектор ВК УНКВС по Полтавській обл. Із 22.04.1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Полтавській обл. Із 28.08.1938 — нач. відділу місць ув'язнення УНКВС по Дніпропетровській обл.	588, 602
Цирульницький Михаил Михайлович (рос.) (1904–?) — до 31.05.1937 — нач. Братського РВ НКВС. Із 31.05.1937 — пом. нач. 3-го відд-я 4-го відд., з 27.09.1937 — нач. 1-го відд-я 4-го відд. УНКВС по Одеській обл. Із 1938 — секретар УНКВС по Київській обл. Із 20.04.1938 — пом. нач. 3-го відд., з 1939 — заст. нач. ЕКВ УНКВС по Київській обл.	370, 373–374, 380, 401, 431, 434, 482, 484, 493, 495
Цуренко (рос.)	613
Цурилин Израиль Соломонович (рос.) (?–?) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	161
Цыганков (рос.)	562–564
Чайковский (Рахватор) Исаак Маркович (рос.) (1895–?) — до 07.1937 — нач. відд-я 5-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 07.07.1937 — нач. 3-го відд-я 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 31.07.1938 — у розпорядженні НКВС УРСР. У 1938–1939 — нач. ВК ГУТАБ НКВС СРСР.	379, 635
Чалков Михаил Александрович (рос.) (?–?) — до 22.04.1938 — нач. Могилів-Подільського РВ, з 22.04.1938 — нач. Жмеринського РВ УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений 08.04.1940 з посади нач. ВТТ УНКВС по Вінницькій обл.	19, 55

Чан-Фу-Фу (рос.)	640, 648
Чапчай (рос.)	384, 392
Чекаев (рос.) — зав. обліковою частиною тюрми УНКВС по Полтавській обл.	584, 601
Череватенко Михаил Иванович (рос.) (1903–?) — у 05.1935–09.1937 — зав. культ.-проп. відд. Великопетиського райкому КП(б)У, у 09.1937–10.1938 — 3-й, 2-й секретар Великопетиського райкому КП(б)У, з 10.1938 — співробітник Миколаївського обкому КП(б)У. У 08.01.1939–28.03.1941 — нач. УНКВС по Ворошиловградській обл. Зник безвісти на фронті.	108, 111, 117
Чередниченко Феофан Иосифович (рос.) (1896–?) — на 08.01.1936 — в апараті НКВС УРСР. До 28.02.1939 — пом. нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Звільнений з органів НКВС 08.01.1940. На 02.1947 — нач. відд-я відд. боротьби з бандитизмом УМВС по Львівській обл.	424, 427
Черепенин (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	118, 125, 128, 130, 136, 140, 145–148, 151–154, 157–158, 164, 167–169, 171, 178–179, 181, 187–189, 196, 199–201, 203, 206, 228–229
Черкез (рос.)	247, 290
Чернецкий Борис Николаевич (рос.) (1906–1979) — 06.1938–01.1940 — нач. секретаріату, нач. 2-го відд-я НКВС МАРСР, 01–08.1940 — заст. наркома внутрішніх справ МАРСР.	554, 566
Чернов Леонтий Анисимович (рос.) (1897–1938) — на 08.01.1936 — співробітник апарату НКВС УРСР. У 1938 — нач. 2-го відд. УНКВС по Харківській обл. Арештований 31.07.1938. Засуджений 02.10.1938 ВКВС СРСР. Розстріляний 02.10.1938.	340, 635
Черноусов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	104, 111, 117
Чернявский-Ольшанецкий Иосиф Ионович (рос.) (1896–?) — до 22.10.1937 — пом. нач. відд-я, із 22.10.1937 — нач. відд-я 4 відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 26.02.1938 — заст. нач. 4 відд., із 04.1938 — нач. 4 відд. УНКВС по Полтавській обл.	583–584, 586, 589, 591–592, 595–597, 599–600, 602, 611–614, 617, 620, 624–625, 627
Честнейший Степан Владимирович (рос.) (1908–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	355–356, 359, 362–363
Чигрин (рос.)	423

Чистов Павел Васильевич (рос.) (1905–?) — у 1938–1939 — нач. УНКВС по Донецькій (Сталінській) обл. У 1939–1940 — заст. нач., нач. Управ. будівництва Куйбишевського гідровузла, одночасно нач. Самарського ВТТ. У 1940–1941 — нач. Управ. Витегорського ВТТ. У 1941 — нач. головного управ. оборонних робіт НКВС СРСР, нач. Півден.-Західного управ. будівництва оборонних споруд. Із 09.1941 — у німецькому полоні. У 1945–1946 — у Подольському перевірочно-фільтраційному таборі НКВС. Арештований 21.09.1946. Засуджений ОН 27.03.1947 до 15 років ВТТ. Звільнений 05.11.1955 достроково з табору в Магадані.	96, 106–107
Чихачев (рос.) — керуючий трестом «Первомайськвугілля» у Ворошиловградській обл.	88
Чичикало Павел Григорьевич (Герасимович) (рос.) (1918–1939) — в органах НКВС із 1938. Працював пом. оперуповноваж. 4-го відд. УНКВС по Чернігівській обл., пом. оперуповноваж. 4-го відд. НКВС МАРСР. Арештований 03.12.1938. Засуджений 31.12.1938 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу.	549
Чоботов Александр Андреевич (рос.) (1901–1974) — з 1933 — нач. Борознянського РВ, з 03.1938 — нач. Прилуцького РВ НКВС. Із 28.07.1938 — нач. Шепетівського МВ, з 1939 — нач. 2-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	334
Чулков Тихон Андреевич (рос.) (?–?) — до 10.05.1940 — заст. нач. слідчої частини УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС.	118, 144–145, 191, 195, 202
Чумак (рос.)	544, 558, 624, 629
Чумак (рос.) — у 1938 — нач. Кодимського РВ НКВС МАРСР.	544, 558, 624, 629
Шабакбаев Махмут Юсупович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., на 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 09.05.1940 — заст. нач. ОВ НКВС 5-ї армії КОВО.	337
Шадрин (рос.) — у 1938 — пом. нач. 4-го відд.-я НКВС МАРСР.	552
Шакалов Афанасий Васильевич (рос.) (?–?) — у 1938 — нач. Козятинського РВ. Із 22.09.1939 звільнений з посади нач. Літинського РВ УНКВС по Вінницькій обл.	55
Шаламов Иван Николаевич (рос.) (?–?) — у 1938 мобілізований до НКВС. Із 01.04.1938 — пом. нач. відд.-я 4-го відд. УНКВС по Вінницькій обл.	52
Шамро-Вовк Владимир Степанович (рос.) (1887–1938) — викладач медшколи. Арештований 28.12.1937. Засуджений 11.04.1938 «трійкою» при УНКВС по Полтавській обл. Розстріляний 30.05.1938. Реабілітований 15.11.1957.	415

Шамрыло Тимофей Власович (рос.) (1905–1941) — у 1936–1937 — інженер Дарницького автобронетанкового ремонтного заводу м. Києва, у 1937–1938 гг. — 2-й секретар Дарницького райкому КП(б) У м. Києва, у 1939 г. — 2-й секретар Київського міськкому КП(б) У. Загинув під час війни.	387, 393, 399, 405–406, 417, 427–428, 431, 445, 452, 455, 461, 463, 465–470, 486–487, 492, 494–499
Шапиро (рос.)	395, 420, 424–425, 427, 430, 447
Шапиро Ісаак Ананьевич (рос.) (1898–?) — з 12.1936 — нач. Ворошиловградського МВ УНКВС по Донецькій обл. Із 23.12.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 07.03.1938 — пом. нач. 3-го відд. НКВС УРСР. Із 27.03.1937 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Із 20.05.1938 — заст. наркома внутрішніх справ УРСР. Із 01.1939 — на господарській роботі.	395, 420, 424–425, 427, 430, 447
Шаповалов (рос.)	377
Шапотько (рос.)	532
Шарабурин Іван Андреевич (рос.) (1901–?) — до 10.05.1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Київській обл. Із 10.05.1938 — нач. політвідділу УРСМ НКВС УРСР. Із 04.08.1938 — нач. УРСМ НКВС УРСР.	424
Шарапов (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	161
Шаров (Шавер) Николай Давыдович (рос.) (1897–1939) — 31.03.1935–10.01.1938 — нач. УНКВС по Київській обл., 10.01.1938–27.09.1938 — нач. УНКВС по Сталінградській обл. Арештований 27.09.1938. Засуджений 22.02.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 23.02.1939. У реабілітації відмовлено у 1999.	453, 479–480
Шаров Григорий Артемьевич (рос.) (1907–?) — до 15.08.1938 — нач. Чигиринського РВ УНКВС по Київській обл. Відраджений до НКВС СРСР.	453, 479–480
Шарфман Александр Яковлевич (рос.) (1906–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. У 1938 — співробітник апарату НКВС УРСР. На 22.06.1943 — заст. нач. ОКР «СМЕРШ» 22-ї армії.	508, 577
Шатов (Лифшен) Ефим Самойлович (рос.) (1892–?) — з 05.1935 — нач. Житомирського окрвідділу НКВС. Із 01.10.1937 — пом. нач. УНКВС по Чернігівській обл. Із 05.02.1938 — нач. Красноярского ВТТ. Арештований 21.04.1940, засуджений до розстрілу. Але вирок був замінений на ув'язнення у ВТТ. Повторно арештований 31.03.1950. Засуджений 30.09.1950 табірним судом Річкового табору МВС до 10 років ВТТ.	316
Шевцов (рос.)	601, 607
Шевченко (рос.) — 1-й секретар Ленінського райкому КП(б)У м. Києва.	397–398
Шевченко (рос.) — у 1938 — нач. Плужанського РВ УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	342

Шевченко (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	241
Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) — український поет, художник, етнограф.	273, 420
Шейман Йосиф Григорьевич (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	158, 191
Шейнкман Вениамин Львович (рос.) (1905–?) — до 1938 — співробітник УНКВС по Донецькій обл. Арештований у 1938. Звільнений. Із 08.1938 — пом. нач. відд-я 4-го відд. УНКВС по Київській обл.	440, 473, 475–476, 493
Шемпер (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл. Арештований.	294
Шемчук (рос.)	317
Шерстинский (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	265
Шехман (Шехтман) Рафаил Пинхович (рос.) (1904–?) — 09.01.1936 — в апараті НКВС УРСР, на 1938 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 28.01.1943 — нач. ОВ НКВС 35-ї дивізії конвойних військ НКВС.	346, 457–458, 490
Шигорин Андрей Семенович (рос.) (?–?) — у 1938 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл.	51
Шик (рос.)	389, 439
Шилобрит Павло Дмитриевич (рос.) (1904–?) — до 10.07.1938 — оперуповноваж. Дніпродзержинського МВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 10.07.1938 — полк. оперуповноваж. ОВ НКВС 7-го стрілецького корпусу.	205, 218, 224
Шилькрот (рос.)	506
Ширенко (рос.)	636
Широкий (Майский) Иван Тарасович (рос.) (1903–1938) — з 05.01.1937 — нач. 5-го відд., з 05.03.1938 — заст. нач. УНКВС по Чернігівській обл. Із 20.05.1938 — нарком НКВС МАРСР. Арештований 27.09.1938. Закінчив життя самогубством у тюрмі.	11, 90, 143, 169, 409, 433, 476, 488, 548–549, 551–554
Шиш (рос.)	634
Шкатула Юрий Петрович (рос.) (1914–?) — у 1938 — пом. оперуповноваж. 1-го відд-я 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	639, 641, 644, 648
Шкурко Леонид Яковлевич (рос.) (1903–?) — на 23.02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл. До 09.08.1938 — нач. Диканьського РВ УНКВС по Полтавській обл. Арештований 1938. Намагався закінчити життя самогубством 25.04.1938 пострілом у голову.	613
Шлепченко Георгий Семенович (рос.) (1898–?) — на 09.02.1936 — співробітник УНКВС по Київській обл. На 06.1946 — заст. нач. УЛВП № 414, м. Київ.	458–461, 478, 489

Шмулевич (рос.) — у 1938 — співробітник НКВС УРСР.	312–313, 469, 507, 530–531, 540–541, 593
Шнайдер Абрам Йосифович (рос.) (1899–1942) — з 20.06.1936 — нач. відд-я СПВ УНКВС по Дніпропетровській обл. Із 14.03.1938 — нач. 8-го відд-я 4-го відд. НКВС УРСР. Із 08.07.1938 — нач. 1-го відд-я, з 01.05.1939 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Харківській обл.	638, 642, 649
Шнейдерман (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	172, 214–217, 222–223, 226
Шойхет Леонид Ефимович (рос.) (1907–?) — до 08.04.1938 — пом. оперуповноваж. Генічеського РВ, з 08.04.1938 — нач. Золотопольського РВ УНКВС по Дніпропетровській обл. На 30.07.1945 — нач. ОКР «СМЕРШ» 25-ї гв. танкової бригади.	193, 197
Шойц (рос.)	458
Шор (рос.)	359, 361
Шпельти (рос.)	644
Шпилевой Яков Иванович (рос.) (1913–?) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Житомирській обл. На 19.12.1941 — командир партизанського загону ОВ НКВС Західного фронту.	239, 245–246, 249, 251, 268, 273
Шпиц Исаак Аронович (рос.) (?–?) — до 1938 — оперуповноваж. Уманського РВ УНКВС по Київській обл. Із 03.1938 — оперуповноваж. 4-го відд. НКВС МАРСР. Арештований 07.12.1938. Розстріляний.	461
Штейман (рос.) — у 1938 нач. відд. УНКВС по Дніпропетровській обл.	189, 203
Штейнберг (рос.)	405
Штеремус (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	302
Шубин Михаил Семёнович (рос.) (?–?) — з 1938 — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	83
Шуляк (рос.)	573
Шульц Гуго Иоганнович (рос.) — у 1938 — співробітник Запорізького МВ УНКВС по Дніпропетровській обл.	220
Шумков Сергей Алексеевич (рос.) (?–?) — до 28.04.1938 — нач. відд-я 3-го відд., з 28.04.1938 — пом. нач. 3-го відд., з 20.06.1938 — заст. нач. 3-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. 1938–01.07.1939 — в. о. нач. 8-го відд. УНКВС по Дніпропетровській обл. Звільнений з органів НКВС 01.07.1939.	125, 133, 158, 182–183, 190, 192, 194–196
Шухат (рос.)	566
Шухман Григорий Абрамович (рос.) (1905–?) — з 01.1937 — нач. 3-го відд. НКВС МАРСР. Із 01.10.1937 — нач. 3-го відд. УНКВС по Кам'янець-Подільській обл. Із 27.07.1938 — нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Арештований у 1938, але був звільнений.	340, 345, 358, 363

Щегельский Владимир Иванович (рос.) (?–?) — у 1938 нач. Узинського РВ УНКВС по Київській обл. Звільнений 05.11.1938.	443
Щеглов (рос.)	635
Щербаков Александр Павлович (рос.) (1904–1943) — у 1936–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл. На 30.01.1943 — оперуповноваж. ОВ НКВС 38-ї мотострілецької бригади.	161
Щербина (рос.)	613
Щербинкин Иван Ефимович (рос.) (1900–?) — до 12.10.1937 — оперуповноваж. 5-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 12.10.1937 — оперуповноваж. 5-го відд., до 31.07.1938 — оперуповноваж. 3-го відд., з 31.07.1938 — нач. відд-я 3-го відд. УНКВС по Полтавській обл.	606, 616
Эйдельман (рос.) — на 1938 — співробітник УНКВС по Житомирській обл.	302
Эльяшевич (рос.)	527
Эпштейн Иосиф Адольфович (1893–?) — зав. Луганським міським фінансовим відділом. Арештований 01.07.1938. Справа припинена 23.08.1938 через смерть підслідного. Реабілітований у 1995.	103, 106
Этало (рос.)	642
Юделевич (рос.)	271, 288, 291, 308
Юрков (рос.) — у 1938 — нач. 4-го відд-я Старобільського РВ УНКВС по Ворошиловградській обл.	81–84
Юровский (рос.) — у 1938–1939 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	180
Юрченко (рос.)	629
Юфа Григорий Наумович (рос.) (1909–?) — на 09.01.1936 в апараті НКВС УРСР. Із 1937 — нач. 4-го відд. НКВС МАРСР. До 13.03.1939 — в. о. пом. нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Засуджений 31.12.1938 ВТ військ НКВС КОВО до розстрілу.	508, 536, 546, 551, 554
Юфа Илья Пинхусович (рос.) (?–?) — до 04.03.1938 — нач. навчальної групи Київської міжкрайової школи НКВС. Із 04.03.1938 — нач. ВК УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	344, 354, 358, 360–362
Юшканцев Яков Григорьевич (рос.) (1902–?) — з 1937 — нач. Градизького РВ, з 31.12.1938 — нач. Миргородського РВ УНКВС по Полтавській обл.	598, 602, 615, 621–622, 625, 632
Якинц (рос.)	456
Яковенко Владимир Михайлович (рос.) (1899–1938) — з 1934 — пом. нач. 4-го відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Арештований у 1938. Розстріляний.	432
Яковлев (рос.) — у 1938 — співробітник УНКВС по Кам'янець-Подільській обл.	16, 352, 355, 366, 413, 557, 634
Якубов Александр Авраамович (рос.) (?–?) — на 23.03.1936 — співробітник УНКВС по Дніпропетровській обл.	534

Якушев Лаврентий Трофимович (рос.) (1903–1986) — з 01.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Харківській обл. Із 16.08.1937 — заст. нач. УНКВС по Київській обл. Із 01.10.1937 — нач. УНКВС по Житомирській обл. Із 26.02.1938 — у НКВС СРСР. Із 03.05.1938 — заст. наркома, з 04.08.1938 — нарком НКВС Кримської АРСР. Арештований 18.12.1938. Засуджений 20.06.1939 ВКВС СРСР до 20 років ВТТ. Згідно з постановою ПВС СРСР від 09.10.1941 достроково звільнений, судимість знята (за вироком від 20.06.1939 не реабілітований). У 10.1941–06.1942 — на спец. підготовці у мото-стрілецькій бригаді НКВС, займався підготовкою розвідувально-диверсійних груп.	295, 303, 316, 322–323, 363
Якушев Леонид Петрович (рос.) (?–?) — з 16.08.1936 — нач. оперпункту ТВ УНКВС по Одеській обл. на ст. Херсон. Із 05.09.1937 — нач. відд-я ДТВ НКВС ст. Котовськ.	563
Ямпольский (рос.)	490
Янко (рос.)	638
Янкович Семен Александрович (рос.) (1903–1938) — у 03.1936 — співробітник УНКВС по Вінницькій обл., до 09.08.1938 — заст. нач. УНКВС по Дніпропетровській обл. Згідно з постановою ВКВС СРСР від 02.10.1938 засуджений до розстрілу.	118, 121, 131, 134
Яновский (рос.)	491, 574, 576
Янсон (рос.)	356
Яраланц Александр Александрович (рос.) (1903–1939) — з 17.08.1937 — нач. 4-го відд. УНКВС по Саратовській обл. Із 20.05.1938 — нач. 4-го відд. НКВС УРСР. Із 09.1938 — заст. наркома внутрішніх справ УРСР. Арештований 15.11.1938. Засуджений 22.02.1939 ВКВС СРСР. Розстріляний 23.02.1939.	411–412, 505–506, 536, 538
Ярмолюк (рос.)	356
Ярошевич (рос.) — співробітник УНКВС по Ворошиловградській обл.	71
Ясенко (рос.)	605, 613
Ясинский Александр Климентьевич (рос.) (1902–1938) — на 02.1936 — співробітник УНКВС по Харківській обл., у 1937–1938 — оперуповноваж., пом. нач. відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Арештований 03.05.1938. Помер під час слідства.	408–409, 508–509, 523
Ястребов Василий Михайлович (рос.) (1903–?) — до 1938 — нач. Ольянського РВ УНКВС по Одеській обл.	574
Яхонтов-Томицкий Михаил Дмитриевич (рос.) (1895–1939) — із 1937 — заст. нач. відд-я 4 відд. НКВС СРСР. Із 07.01.1937 — заст. нач. 4 відд. НКВС УРСР. Із 27.01.1938 — особливоуповноваж., нач. секретаріату НКВС УРСР. Із 24.02.1938 — нач. 2 відд. НКВС УРСР. Із 09.1938 — в.о. заст. наркома внутрішніх справ УРСР. Відраджений 01.11.1938 до НКВС СРСР. Засуджений 23.02.1939 ВКВС СРСР до розстрілу. У реабілітації відмовлено у 2013.	447, 474

Яцунский Василий Георгиевич (рос.) (?-?) — з 1937 — оперуповно-
важ. 3-го відд. УНКВС по Донецькій обл. Із 02.09.1937 — опе- 42, 43, 60–62,
руповноваж. 3-го відд. НКВС УРСР. До 20.04.1938 — пом. нач. 64
відд-я 3-го відд. НКВС УРСР. Із 20.04.1938 — нач. відд-я 3-го відд.
УНКВС по Вінницькій обл. Звільнений з НКВС 25.06.1939.

При підготовці біографічних довідок були використані матеріали В. Золотарьова, а також інформація з таких книг:

В. Золотарьов. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди і долі. 1919–1941. — Харків: Фоліо, 2003;

В. Золотарев, В. Степкин. ЧК–ГПУ в Донбассе: люди и документы. 1919–1941. Донецк: Апекс, 2010;

Н. Петров, К. Скоркин. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. Москва: Звенья, 1999;

Н. Петров. Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. Справочник. Москва: Общество «Мемориал», Звенья, 2010;

Интернет-ресурс <http://nkvd.memo.ru/>

Збірник документів у трьох томах

Автори-укладачі:

Валерій Васильєв,

Лінн Віола,

Роман Подкур

Відлуння Великого терору.

Том перший

**Партійні збори та оперативні наради
співробітників управлінь НКВС УРСР
(листопад 1938 — листопад 1939 рр.)**

Редакційна колегія:

Володимир Бірчак, Геннадій Боряк, Валерій Васильєв, Лінн Віола,
Ольга Довбня, Вадим Золотарьов, Ігор Кашу, Сергій Кокін, Марія Панова,
Роман Подкур, Джеффрі Россман, Андрій Савін, Олексій Тепляков,
Марк Юнге

Автори-укладачі:

Валерій Васильєв, Лінн Віола, Роман Подкур

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ТОРОНТСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ГАЛУЗЕВИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ СЛУЖБИ БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ

ВИДАВЕЦЬ ЗАХАРЕНКО В. О.

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК № 2290 від 14 вересня 2005 року
Тел.: (067) 720-18-23. E-mail: panteon@i.ua

Здано до набору 01.03.2017. Підписано до друку 30.10.2017.
Формат 60х84¹/₁₆. Гарнітура «Таймс». Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 35,96. Наклад 500 прим. Зам. № 011017.

Віддруковано у друкарні СПД-ФО Захаренко В.О.

Для обкладинки автори використали фотографії, датовані 1938–1939 рр. Керівники КП(б)У: перший секретар ЦК КП(б)У, член політбюро ЦК ВКП(б) М. Хрущов; другий секретар ЦК КП(б)У, член політбюро ЦК КП(б) М. Бурмистенко, а також керівники РНК УРСР, Верховної Ради УРСР: Д. Коротченко — у 1937 р. секретар Дніпропетровського обкому КП(б)У, з березня 1938 р. голова РНК УРСР, член політбюро ЦК КП(б)У; Л. Корнієць — з липня 1938 р. голова Президії Верховної Ради УРСР, з липня 1939 р. — голова РНК УРСР, член політбюро ЦК КП(б)У перебувають серед співробітників НКВС (наприклад, наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова, з 1940 р. — члена політбюро ЦК КП(б)У, співробітників обласних УНКВС), представників військового командування (таких як командувач Київським особливим військовим округом, командарм 1-го рангу С. Тимошенко), робітників і селян. Формально це демонструвало не лише «відновлення» контролю партійно-радянських органів над НКВС, а й єдність усіх соціальних груп радянського суспільства. Керманичі УРСР брали участь у партійних зборах і оперативних нарадах НКВС УРСР, їх обласних управлінь, через наркома внутрішніх справ УРСР І. Серова координували боротьбу з фактами «порушень соціалістичної законності». С. Тимошенко також був повністю поінформований про судові процеси, оскільки військовий трибунал КОВО був одним із судових органів, де судили чекістів — «порушників соціалістичної законності».

ISBN 978-966-2258-11-0

9 789662 258110